Башни Полуночи

Роберт Джордан
Брендон Сандерсон

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вскоре даже в стеддинге стало очевидно, что Узор рассыпается. Небо потемнело. На внешней границе стеддинга стали появляться наши мертвые предки, заглядывавшие внутрь. Но что было еще тревожнее, деревья стали болеть и никакой песней уже не удавалось их вылечить.

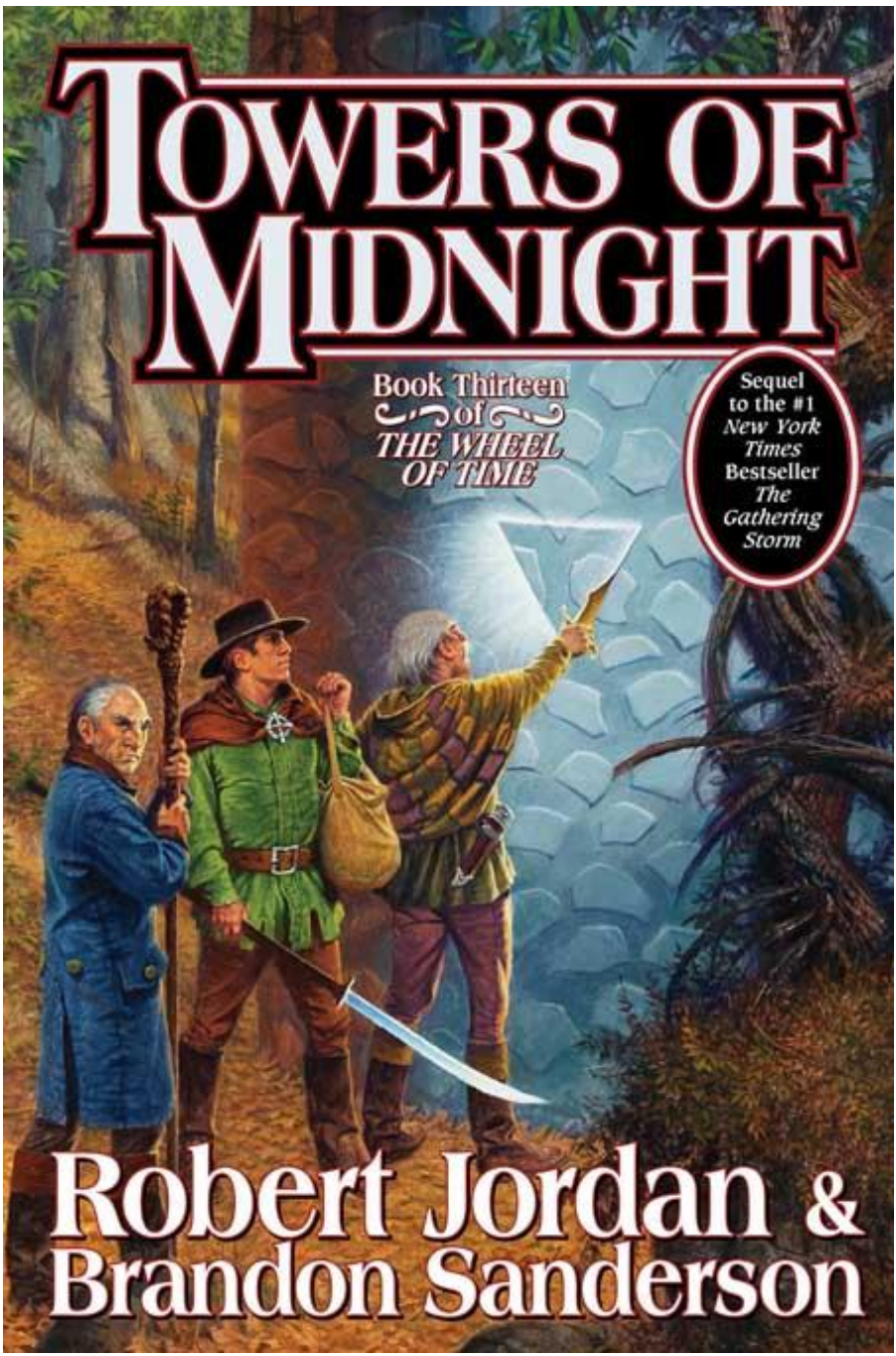
В это время печали я пришел на Великий Пень. Поначалу меня не приняли, но моя мать, Коврил, потребовала дать мне шанс. Мне не известно, что именно изменило ее отношение, поскольку именно она была самой решительной из моих оппонентов. Руки мои дрожали. Я был самым последним оратором, а большинство уже приняло решение открыть Книгу Перехода. Обо мне они подумали в последнюю очередь.

Я твердо знал, если я не найду нужные слова, люди останутся с Тенью один на один. В этот момент все мое волнение исчезло. Я почувствовал спокойствие и невозмутимую целеустремленность. Я открыл рот и начал говорить.

– из книги «Возрожденный Дракон», автор Лойал сын Арента, сына Халана из стеддинга Шангтай.

- Башни Полуночи
- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20

- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Эпилог



Посвящается Джейсону Денселу, Мелиссе Крейб, Бобу Клатцу,

Дженнифер Льянг, Линде Тадлери, Мэтту Хатчу, Лей Батлер, Майку Макерту и всем тем читателям, кто с течением лет сделал «Колесо Времени» частью своей жизни и тем самым сделал жизни других людей лучше.

Пролог

Под привычный ритм копыт Мандарба по неровной земле Лан Мандрагоран ехал навстречу своей смерти. От сухого воздуха першило в горле, а земля была испещрена проступавшими снизу белыми кристаллами соли. Дальше к северу виднелись красноватые скалы, покрытые болезненного вида пятнами. Отметины Запустения, ползучие тёмные лишайники.

Он продолжал ехать на восток вдоль Запустения. Это все еще была Салдэйя, где его жена оставила его, с натяжкой выполнив свое обещание переправить его в Порубежье. Эта дорога… Она тянулась целую вечность. Двадцать лет назад он свернул с нее, согласившись последовать за Морейн, но всегда знал, что вернется. Иначе не имело смысла носить имя предков, меч у бедра и *хадори* на голове.

Это каменистая часть северной Салдэйи была известна как Низина Проска. Ехать по ней было тоскливо. Тут не росло ни травинки. С севера дул ветер, принося с собой мерзкую вонь, словно от глубокой набитой трупами жаркой трясины. Тёмное штормовое небо нависало над головой.

«Эта женщина», – снова думал Лан, качая головой. Как быстро Найнив научилась говорить – и думать – как Айз Седай. Ехать навстречу собственной смерти не было больно, но то, что Найнив боялась за него… это причиняло боль. И очень сильную.

Много дней подряд он не встречал других людей. К югу отсюда у салдэйцев были укрепления, но местность была изрезана ломаными ущельями, и троллокам было трудно ее штурмовать, поэтому они предпочитали атаковать возле Марадона.

Впрочем, это не было поводом для того, чтобы расслабляться. Никогда не следует расслабляться так близко от Запустения. Он заметил холм; хорошее место для наблюдательного поста. Надо следить, не будет ли на нем признаков движения. Он объехал небольшую ложбину на случай, если в ней ждет засада. Из предосторожности он не опускал руку со своего лука. Еще немного к востоку – и он оставит Салдэйю и попадет в Кандор с его хорошими дорогами. А затем… По склону соседнего холма покатились камешки.

Не снижая внимания, Лан достал стрелу из колчана, прикрепленного к седлу Мандарба. Откуда донёсся звук? *«Справа»*, – решил он. С юга. Из-за того холма кто-то приближался.

Лан не стал придерживать Мандарба. Если ритм стука копыт

изменится, то предупредит поджидающих. Он бесшумно поднял лук, ощущая, что внутри перчаток из оленьей кожи вспотели руки. Он наложил стрелу на тетиву и плавно потянул оперение к щеке, вдыхая его запах. Гусиные перья и смола.

Из-за холма на юге появилась фигура. Человек застыл на месте, а старая вьючная лошадь со спутанной гривой, шедшая рядом с ним, продолжила идти вперед. Она остановилась, только когда натянулась веревка на ее шее.

На мужчине была шнурованная песочного цвета рубашка и пыльные штаны. На поясе у него висел меч, а плечи были мускулистыми и могучими, но он не выглядел угрожающе. На самом деле, он казался слегка знакомым.

– Лорд Мандрагоран! – воскликнул мужчина, бросаясь вперед, и потянув за собой свою лошадь. – Наконец-то я нашел вас. Я предполагал, что вы поедете по Кремерской дороге!

Лан опустил лук и остановил Мандарба.

– Я тебя знаю?

– Я привез припасы, милорд! – у мужчины были черные волосы и загорелая кожа. Наверняка коренной Порубежник. Он продолжал приближаться, нетерпеливо дергая нагруженную лошадь за веревку рукой, пальцы на которой были толщиной с сосиску. – Я подумал, что у вас недостаточно еды. И еще захватил палатки – четыре штуки, на всякий случай – и воду. А еще фураж для лошадей. И…

– Ты *кто*? – рявкнул Лан. – И откуда ты знаешь, кто я такой?

Мужчина резко вытянулся по струнке.

– Я Булен, милорд. Из Кандора.

Из Кандора… Лан припомнил долговязого зеленого мальчишку-посыльного. С удивлением, он увидел сходство.

– *Булен*? Это было двадцать лет назад, парень!

– Я знаю, Лорд Мандрагоран. Но, когда по дворцу распространилось известие, что Золотой Журавль поднят, я знал, что должен делать. Я хорошо умею владеть мечом, милорд. Я пришел, чтобы ехать с вами и…

– Так известие о моем путешествии дошло до *Айздайшара*?

– Да. Из–за эл'Найнив, видите ли, милорд, она пришла к нам. Она рассказала нам о том, что вы сделали. Остальные тоже собираются, но я отправился первым. Я знал, что вам понадобятся припасы.

«Чтоб этой женщине сгореть», – подумал Лан. И она заставила его *поклясться*, что он примет тех, кто захочет ехать с ним! Ладно, если она может вертеть правдой, то и он тоже может. Лан сказал, что примет любого, кто захочет *ехать* с ним. А этот человек не едет верхом. Значит, Лан может ему отказать.

Крохотная разница, но двадцать лет бок о бок с Айз Седай научили его следить за словами.

– Возвращайся в Айздайшар, – сказал Лан. – Скажи им, что моя жена ошиблась, и я не поднимал Золотого Журавля.

– Но…

– Я не нуждаюсь в тебе, сынок. Проваливай. – Лан ударил пятками Мандарба, и тот пошёл шагом, минуя стоящего на дороге. Пару мгновений Лан думал, что его приказ будет выполнен, хотя уклонение от собственной клятвы терзало совесть.

– Мой отец был малкири, – сказал Булен вслед.

Лан продолжал ехать.

– Он умер, когда мне было пять, – выкрикнул Булен. – Он женился на кандорке. Их обоих убили бандиты. Я почти их не помню. Разве что как отец говорил мне: когда-нибудь мы будем сражаться за Золотого Журавля. Вот все, что у меня осталось от него.

Мандарб шел вперед, но Лан не смог удержаться и оглянулся. В руке Булен держал тонкую кожаную повязку, *хадори*, которую носили на голове малкири, поклявшиеся биться с Тенью.

– Я бы носил *хадори* моего отца, – громче крикнул Булен. – Но у меня нет никого, чтобы спросить, могу ли я. Это ведь традиция, верно? Кто-то должен дать мне право его надеть. Что ж, я буду биться с Тенью до конца моих дней, – он поглядел на хадори, потом поднял взгляд и прокричал. – Я буду сражаться с тьмой, ал'Лан Мандрагоран! Неужели ты мне скажешь нет, не могу?

– Ступай к Возрожденному Дракону, – крикнул ему Лан. – Или в армию своей королевы. Любой примет тебя.

– А как же вы? Вы проедете всю дорогу до Семи Башен без припасов?

– Я их добуду.

– Извините меня, милорд, но вы видели, что сейчас творится в округе? Запустение пробирается все дальше и дальше на юг. Ничего не растёт даже на ранее плодородных землях. Дичь встречается редко.

Лан заколебался. Он натянул повод, сдерживая Мандарба.

– Тогда, много лет тому назад, – выкрикнул Булен, подходя ближе, а его вьючная лошадь плелась позади, – я едва понимал, кто вы такой, хотя я знаю, что вы потеряли кого-то близкого. Долгие годы я проклинал себя за то, что не служил вам лучше. Я поклялся, что однажды буду стоять рядом с вами, – он подошёл к Лану. – У меня нет отца, поэтому я прошу вас. Могу ли я носить хадори и биться рядом с вами, ал'Лан Мандрагоран? Мой король?

Лан медленно выдохнул, успокаивая свои чувства. *«Ну,*

Найнив, в следующий раз, когда я только увижу тебя…» Но он больше её не увидит. Он постарался не задерживаться на этом.

Он *действительно дал* клятву. Айз Седай жонглируют своими обещаниями, но разве это дает ему такое же право? Нет. Мужчина – это его честь. Он не может отвергнуть Булена.

– Мы поедем скрытно, – сказал Лан. – Мы *не* поднимаем Золотого Журавля. Ты никому не рассказываешь, кто я такой.

– Да, милорд, – ответил Булен.

– Тогда носи это *хадори* с честью, – сказал Лан. – Слишком мало осталось тех, кто придерживается старых обычаев. И да, ты можешь ко мне присоединиться.

Лан послал Мандарба вперёд, Булен пошел следом пешком. И где прежде был один, стало двое.

* * *

Перрин с силой опустил молот на раскалённый докрасна кусок железа. В воздух взлетели искры, похожие на светящихся мошек. На лице выступили капельки пота.

У некоторых звон металла о металл вызывал раздражение. Но только не у Перрина. Его этот звук успокаивал. Он поднял молот и обрушил его на брусок железа.

Искры. Летящие частички света, что отскакивали от его кожаного жилета и фартука. С каждым ударом стены комнаты из добротного кожелиста *расплывались* в такт биению металла о металл. Перрин спал, но это не был волчий сон. Он знал это, но не знал, *откуда* ему это известно.

За окнами было темно; единственным источником света был сияющий тёмно-алым горн по правую руку от Перрина. Два бруска железа разогревались на углях, ожидая своей очереди на ковку. Перрин снова ударил молотом.

Здесь был покой. Здесь был *дом*.

Он делал что-то важное. Что-то очень важное. Часть чего-то большого. Первым шагом к созданию чего-либо было узнать, из чего оно состоит. Мастер Лухан научил Перрина этому в первый же день работы в кузнице. Нельзя сделать лопату, не поняв, как черенок крепится к лезвию. Нельзя сделать дверную петлю, не зная, как две её половинки двигаются на штыре. Даже гвоздь невозможно сделать, не зная, из чего он состоит: шляпка, стержень, остриё.

«Узнай составные части, Перрин.»

В углу комнаты разлегся волк. Крупный и седой, с шерстью цвета светло-серой речной гальки, весь покрытый шрамами – следами жизни, проведенной в битвах и охоте. Волк наблюдал за

Перрином, положив морду на лапы. В этом не было ничего необычного. *Конечно же* в углу был волк. Почему бы ему там не быть? Это был Прыгун.

Перрин работал, наслаждаясь глубоким, обжигающим жаром кузнечного горна, ощущением струящегося по предплечьям пота, запахом дыма. Он придавал форму куску железа, по удару на каждое второе биение сердца. Металл не остывал, напротив, оставался раскаленным докрасна и пластичным.

«Что я делаю?» Перрин поднял клещами кусок сияющего железа, вокруг которого дрожало марево.

«Бум, бум, бум, – пришло от Прыгуна послание из образов и звуков. – *Будто щенок, гоняющийся за бабочками».*

Прыгун не видел смысла в том, чтобы придавать металлу форму, и считал это людское занятие забавным. Для волка вещи были тем, чем они являлись. Зачем прилагать столько стараний для того, чтобы превратить нечто во что-то иное?

Перрин отложил кусок железа в сторону. Оно немедленно остыло, сперва побледнев до жёлтого, затем до оранжевого, алого и, наконец, до тускло-черного. Бесформенный комок размером примерно с два кулака – вот и всё, что у Перрина получилось. Мастеру Лухану было бы стыдно за такую некачественную работу. Перрину как можно скорее нужно было понять, что же он делает, пока его учитель не вернулся.

Нет. Неправильно. Сон содрогнулся, и стены стали полупрозрачными.

«Я не подмастерье. – Перрин прикоснулся рукой в толстой перчатке к голове. – *Я больше не в Двуречье. Я теперь мужчина, женатый мужчина»*.

Перехватив клещами кусок еще необработанного железа, Перрин пихнул его на наковальню, и тот ожил, сияя от жара. *«Всё по-прежнему неправильно*. – Перрин изо всех сил ударил молотом по наковальне. – *Всё должно было исправиться! Но нет. Почему-то стало даже хуже»*.

Он продолжил бить молотом. Шепотки, что люди в лагере распускали о нем, приводили его в ярость. Перрин был болен, и Берелейн просто ухаживала за ним. И ничего больше. Но слухи продолжили расползаться.

Раз за разом он обрушивал молот на наковальню. Разлетавшихся, будто брызги воды, искр было слишком много для одного бруска железа. Последний, завершающий удар – и Перрин отдышался.

Кусок железа ни капли не изменился. Перрин зарычал и схватил клещи, отбрасывая бесформенный комок прочь и подхватывая новый брусок с углей. Ему *нужно* закончить эту

деталь. Это очень важно. Вот только что именно он делает?

Он начал ковать. *«Мне нужно проводить больше времени с Фэйли, разобраться в происходящем, избавиться от неловкости между нами»*. Но у него совершенно нет времени! Все эти окружавшие его ослеплённые Светом идиоты не могли сами о себе позаботиться. Раньше в Двуречье никому не был нужен лорд.

Поработав некоторое время, Перрин поднял второй кусок железа. Тот остыл, превратившись в бесформенную сплющенную штуковину длиной с его предплечье. Еще одна испорченная деталь. Он отложил её в сторону.

«Если ты несчастен, – пришло послание от Прыгуна, – *забирай свою самку и уходи. Если ты не желаешь возглавить стаю, возьмется другой»*. Волчьи послания приходили как образы – бег по широкому полю, стебли касаются морды. Чистое небо, свежий ветерок, волнение и жажда приключений. Запахи недавнего дождя, диких пастбищ.

Перрин потянулся клещами к последнему бруску железа на углях. Тот светился неярким опасным желтым светом.

– Я не могу уйти, – он протянул слиток железа волку. – Это значило бы уступить волку в себе. Это значило бы потерять самого себя. Я так не поступлю.

Он держал между собой и волком едва не плавящийся кусок стали, а Прыгун рассматривал его, и желтые искорки света отражались в волчьих глазах. Этот сон был таким странным. Раньше обычные сны Перрина и волчий сон существовали по отдельности. Что же означает это смешение?

Перрину было страшно. Он пришёл к шаткому перемирию с волком внутри себя. Еще больше сближаться с волками было опасно, но это не помешало ему обратиться к ним за помощью в поисках Фэйли. Ради Фэйли – всё что угодно. Сделав так, Перрин едва не сошёл с ума и даже пытался убить Прыгуна.

Перрин далеко не так хорошо владел собой, как ему казалось. Волк внутри него всё еще мог одержать верх.

Прыгун зевнул, свесив язык. От него сладко пахло весельем.

– Это не смешно, – Перрин отложил в сторону последний брусок железа, так и не принявшись за него. Тот остыл, приняв форму тонкого прямоугольника, чем-то похожего на заготовку для дверной петли.

«Проблемы – это не весело, Юный Бык, – согласился Прыгун. – *Но ты перелезаешь туда-сюда через одну и ту же стену. Пойдём побегаем»*.

Волки жили настоящим; хотя они помнили прошедшее и, казалось, имели какое-то странное представление о будущем, их не заботило ни то, ни другое. В отличие от людей. Волки вольно

бегали наперегонки с ветрами. Стать одним из них означало бы забыть о боли, печали и разочаровании. Стать свободным…

Такая свобода стоила бы Перину слишком многого. Он потерял бы Фэйли и самого *себя*. Он не хотел становиться волком. Он хотел остаться человеком.

– Есть ли какой-то способ обратить вспять произошедшее со мной?

«Обратить вспять?» – Прыгун вскинул голову. Волки никогда не поворачивали назад.

– Могу ли я… – Перрин постарался объяснить. – Могу ли я убежать так далеко, что волки не смогут меня услышать?

Прыгун, казалось, смутился. Нет. «Смутился» не отражало тех болезненных ноток, что приходили от Прыгуна. Небытие, запах гниющего мяса, воющие от муки волки. Быть отрезанным от мира волков – Прыгун не мог принять такого.

Разум Перрина затуманился. Почему он перестал ковать? Ему нужно закончить дело. Мастер Лухан будет разочарован! Те комки железа были ужасны. Надо бы их спрятать. Сделать что-то еще, показать, что он на что-то способен. Он *может* ковать. Правда ведь?

Позади него раздалось шипение. Перрин оглянулся и с удивлением заметил, что один из бочонков для охлаждения, стоявший рядом с горном, кипит. *«Ну да*, – подумал он. – *Первые куски, которые я закончил. Я бросил их туда»*.

Внезапно забеспокоившись, Перрин схватил клещи и опустил их в бурлящую воду; его лицо окутал пар. Он нашел что-то на дне и выудил это клещами. Это был кусок раскалённого добела металла.

Свечение померкло. Кусочек оказался небольшой фигуркой из стали, в форме высокого худого мужчины с мечом за спиной. Каждая линия фигурки была тщательно проработана – складки рубашки, кожаные ремешки на эфесе крохотного меча. Но лицо было искажено, рот перекошен в безмолвном крике.

«Айрам, – подумал Перрин. – *Его звали Айрам»*.

Он не мог показать *это* мастеру Лухану! Зачем он сделал такую вещь?

Рот фигурки раскрылся еще шире – она беззвучно кричала. Перрин вскрикнул, выронив ее из хватки клещей и отскочив назад. Фигурка упала на деревянный пол и разлетелась на кусочки.

«Почему ты так много думаешь о нем? – Прыгун зевнул широко, по-волчьи, скрутив язык трубочкой. – *Это обычная вещь – когда юный щенок бросает вызов вожаку стаи. Он был безрассуден, и ты победил его»*.

– Нет, – прошептал Перрин. – Для людей это необычно. Особенно среди друзей.

Стена кузницы внезапно растаяла, превратившись в дым. Это показалось ему совершенно естественным. Снаружи Перрин увидел широкую улицу, залитую дневным светом. Городские лавки торговцев с выбитыми окнами.

– Малден, – сказал Перрин.

Его полупрозрачная, туманная копия стояла снаружи. На ней не было куртки; на обнажённых руках бугрились мускулы. Он коротко подстригал бородку и от этого казался старше, значительнее. Неужели Перрин и вправду выглядел так внушительно? Коренастый человек-крепость с золотыми глазами, которые, казалось, светились, с сияющим топором-полумесяцем в руке размером с человеческую голову.

Что-то с этим топором было не так. Перрин вышел из кузницы, проходя через смутный призрак самого себя. Оказавшись на месте фигуры, он стал ею и ощутил в руке тяжесть топора, а рабочая одежда сменилась на боевое облачение.

Он бросился бегом. Да, это и *вправду* Малден. По улицам сновали айильцы. Он пережил эту битву, хотя сейчас он был куда спокойнее. Тогда он потерялся среди острых ощущений битвы и поисков Фэйли. Он остановился посреди улицы.

– Всё не так. Я принес в Малден молот. Топор я выбросил.

«Рог или копыто, Юный Бык, какая разница, с помощью чего ты охотишься?» – Прыгун сидел рядом с ним на залитой солнцем улице.

– Разница есть. Это важно для меня.

«Но ты ведь используешь их одинаково».

Из-за угла появилась пара Шайдо. Они смотрели на что-то слева, чего Перрин увидеть не мог. Он кинулся в атаку.

Он разрубил челюсть одного, затем вонзил шип топора в грудь другого. Это была жестокая, ужасная схватка, и все трое в конце концов очутились на земле. Понадобилось несколько раз вонзить шип во второго Шайдо, чтобы убить его.

Перрин поднялся на ноги. Он помнил, как убил этих двух айильцев, хотя он и сделал это молотом и ножом. Он не жалел об их смерти. Порой мужчине нужно сражаться, и все тут. Смерть ужасна, но это не отменяет того, что она необходима. По правде говоря, в этой стычке с Айил он чувствовал себя просто великолепно. Как охотящийся волк.

Когда Перрин сражался, он приближался к тому, чтобы стать кем-то еще. А это было опасно.

Он обвиняюще взглянул на Прыгуна, который улегся на углу улицы:

– Почему ты заставляешь меня видеть этот сон?

«Заставляю тебя? – переспросил Прыгун. – *Это не мой сон, Юный Бык. Разве ты видишь мои челюсти на твоей шее, силой принуждающие тебя думать об этом?»*

С топора текла кровь. Перрин знал, что будет дальше. Он обернулся. Сзади на него шел Айрам, и глаза его полыхали убийством. Половина лица бывшего Лудильщика была покрыта кровью; та капала с подбородка, пятная его плащ в красную полоску.

Айрам взмахнул мечом, целясь Перрину в шею. Сталь просвистела в воздухе. Перрин отступил назад. Он отказывался драться с парнем снова.

Призрачная версия Перрина внезапно отделилась, оставив настоящего Перрина в одеждах кузнеца. Призрак обменялся ударами с Айрамом.

Пророк объяснил мне… Ты действительно Отродье Тени. Я должен спасти от тебя леди Фэйли.

Внезапно призрачный Перрин обратился в волка. Он прыгнул – его мех был почти столь же темным, как у Темного Брата – и вырвал Айраму горло.

– Нет, все было не так!

«Это сон», – послал ему Прыгун.

– Но я не убивал его! – запротестовал Перрин. – Какой-то айилец пустил в него стрелу, прежде чем…

Прежде чем Айрам убил бы Перрина.

«Рог, копыто или зуб, – послал Прыгун, развернувшись и посеменив к одному из зданий. Его стена исчезла, и внутри открылась кузница мастера Лухана. – *Какая разница? Мертвые мертвы. Двуногие не приходят сюда, обычно нет, я не знаю, куда они уходят после того как умерли»*.

Перрин посмотрел вниз, на тело Айрама.

– Я должен был отобрать у него этот нелепый меч в то же мгновение, как он взял его. Я должен был отослать его назад к семье.

«Разве щенок не достоин клыков? – спросил Прыгун в неподдельном замешательстве. – *Зачем ты хочешь их вырвать?»*

– Таковы пути людей, – ответил Перрин.

«Пути двуногих, пути людей. Для тебя речь только и идет, что о путях людей. А как с путями волков?»

– Я не волк.

Прыгун вошел в кузницу, и Перрин неохотно последовал за ним. Бочонок все еще бурлил. Стена вернулась на место, и Перрин вновь оказался в кожаном жилете и фартуке и с клещами в руках.

Он подошел к бочонку и вытащил еще одну фигурку. Эта изображала Тода ал'Каара. Пока она остывала, Перрин увидел, что её лицо не было искажено, как у Айрама, но нижняя часть фигурки оказалась не сформирована, оставшись частью заготовки. Когда Перрин поставил фигурку на пол, она продолжала светиться слабым красноватым светом. Он сунул клещи обратно в воду и вытянул фигурку Джори Конгара, а после нее – Ази ал'Тона.

Раз за разом Перрин подходил к бурлящему бочонку, вытаскивая фигурки одну за другой. Как обычно бывает во снах, чтобы их вытащить, понадобилось одно мгновение, которое показалось часами. Когда он закончил, на полу лицом к нему стояли сотни фигурок. Наблюдая. Каждая из них светилась изнутри крошечным огнем, будто ожидая прикосновения кузнечного молота.

Но такие фигурки не выковывают – их отливают.

– Что это значит? – Перрин присел на табурет.

«Что значит? – Прыгун открыл рот и засмеялся по-волчьи. – *Это значит, что на полу много маленьких людей, которых нельзя съесть. Твоё племя слишком любит камни и то, что у них внутри»*.

Казалось, фигурки обвиняют его. Вокруг них лежали осколки Айрама. Ему показалось, что эти кусочки увеличиваются. Разбитые руки пришли в движение и заскребли по полу. Все осколки стали маленькими руками; они ползли к Перрину, тянулись к нему.

Перрин судорожно вдохнул, вскочив на ноги. В отдалении он услышал смех – тот звучал все ближе, и строение затряслось. Прыгун рванулся с места и врезался в него. И тут…

Вздрогнув, Перрин проснулся. Он лежал в своей палатке, в поле, где они уже несколько дней стояли лагерем. Неделю назад они наткнулись на пузырь зла, из-за которого из-под земли по всему лагерю полезли ярко-красные маслянистые змеи. Несколько сотен человек заболели от укусов; Исцеление Айз Седай помогло сохранить большинству из них жизнь, но не смогло до конца вернуть им здоровье.

Фэйли мирно спала рядом. Снаружи кто-то из его людей ударил по столбу, отмечая время. Три удара. До зари еще далеко.

Сердце Перрина гулко стучало, и он положил руку на свою непокрытую грудь. Он почти был готов к тому, что из-под разложенной на земле постели вот-вот выползет орда крохотных металлических рук.

В конце концов, он заставил глаза закрыться и попытался расслабиться. На этот раз он спал без сновидений.

* * *

Грендаль потягивала искрившееся вино из оплетенного серебряной паутиной бокала. Внутри его хрустальных стенок в кольцевой орнамент были заключены капли крови. Крохотные, навечно замерзшие ярко-красные пузырьки.

– Нам бы следовало *действовать*, – произнесла Аран'гар, которая полулежала на кушетке и хищным взглядом следила за проходившим мимо одним из питомцев Грендаль. – Не понимаю, как ты выносишь быть настолько вдали от важных событий! Словно какой-нибудь ученый, спрятавшийся в пыльном углу!

Грендаль выгнула бровь. Ученый? В пыльном *углу*? Да, по сравнению с некоторыми дворцами, которые она повидала в прошлой Эпохе, Курган Нэтрина был скромным, но его трудно было назвать лачугой. Обстановка была превосходной, стены украшены арками изощрённой резьбы, сделанной по массивной, темной древесине твердых пород, а мраморный пол сверкал вставками перламутра и золота.

Аран'гар всего лишь пыталась ее спровоцировать. Грендаль выкинула раздражение из головы. В камине тлел огонь, но парные двери, выводившие на укрепленную галерею на уровне четвертого этажа, были открыты, и через них задувал свежий ветер с гор. Она редко оставляла окно или дверь наружу открытыми, но сегодня ей нравился контраст: с одной стороны тепло, с другой – прохладный бриз.

Жизнь – в *ощущениях*. Прикосновения к коже – одновременно страстные и ледяные. Какие угодно, только не привычные, обыденные или безразличные.

– Ты меня слушаешь? – спросила Аран'гар.

– Я всегда слушаю, – ответила Грендаль, отставляя кубок и присаживаясь на свою кушетку. Она была в облегающем золотистом платье, прозрачном, но застёгнутом на пуговицы до самой шеи. До чего изумительна доманийская мода: она в совершенстве подходит для того, чтобы сразу и открывать, и дразнить.

– Меня *бесит* быть в такой дали от всего, – продолжила Аран'гар. – Эта Эпоха восхитительна. Примитивные люди могут быть так интересны. – Роскошная, чувственная женщина с кожей цвета слоновой кости выгнула спину, вытягивая руки по направлению к стене. – Мы пропускаем всё самое интересное.

– На забаву лучше смотреть с некоторого расстояния, – ответила Грендаль. – Я считала, что ты это поняла.

Аран'гар промолчала. Великий Повелитель не был доволен тем, что она утратила контроль над Эгвейн ал'Вир.

– Что ж, – произнесла Аран'гар, поднимаясь. – Раз ты такого

мнения, я поищу сама, чем бы развлечься вечерком.

Ее тон был прохладным. Похоже, их союз становится хрупким. Значит, пришло время его укрепить. Грендаль открылась и приняла господство Великого Повелителя, чувствуя пробирающий до костей экстаз его мощи, его страсти, самой его *сути*. Она пьянила сильнее Единой Силы!

Этот неистовый поток огня грозил переполнить и поглотить её, но, несмотря на то, что её переполняла Истинная Сила, Грендаль могла направить лишь тонкую струйку. Это был дар Моридина. Нет – Великого Повелителя. Лучше не начинать олицетворять в уме одного с другим. Сейчас Моридин был Ни'блисом – пока, только и всего.

Грендаль сплела ленточку Воздуха. Работа с Истинной Силой была похожа, но не идентична работе с Единой Силой. Плетение Истинной Силы часто срабатывало немного не так или давало непредвиденный побочный эффект. Существовали также плетения, которые можно было создать только с помощью Истинной Силы.

Сущность Великого Повелителя насильно подчиняла Узор, растягивала его и оставляла на нем шрамы. Даже то, чему Создатель предназначил быть вечным, могло быть расплетено, если использовать силу Темного. Этим была обусловлена вечная истина, настолько близкая к высшим материям, насколько Грендаль готова была принять. Всё, что Создатель мог сотворить, Тёмный мог уничтожить.

Грендаль протянула змеящуюся ленту Воздуха через комнату к Аран'гар. Избранная как раз вышла на балкон – Грендаль запрещала создавать переходные врата внутри, чтобы не повредить убранство или кого-нибудь из ее любимцев. Грендаль подняла ленту Воздуха к щеке Аран'гар и нежно ее погладила.

Аран'гар застыла. Охваченная подозрением, она обернулась, и понадобилось лишь мгновение, чтобы ее глаза расширились. Она не почувствовала мурашек на руках, которые означали бы, что Грендаль направляет. Истинная Сила не давала о себе какой-либо подсказки – ни мужчина, ни женщина не почувствуют плетений, если им не дарована привилегия ее направлять.

– Что? – воскликнула женщина. – Как? Моридин ведь…

– Ни'блис, – произнесла Грендаль. – Да. Но когда-то милость Великого Повелителя в этом вопросе не ограничивалась одним Ни'блисом. – Она продолжала поглаживать щеку Аран'гар, и та залилась румянцем.

Как и остальные Избранные, Аран'гар страстно желала Истинной Силы – опасной, сладостной, соблазнительной – одновременно боясь её. Когда Грендаль убрала поток Воздуха,

Аран'гар вернулась на кушетку, после чего отправила одного из питомцев Грендаль за своей ручной Айз Седай. Щеки Аран'гар все еще пылали от желания; судя по всему, Делана ей понадобилась, чтобы отвлечься. Похоже, Аран'гар забавляло заставлять пресмыкаться перед собой невзрачную Айз Седай.

Делана появилась почти сразу. Она всегда находилась где-то поблизости. Женщина из Шайнара была дородной с полными руками и ногами и выгоревшими волосами. Уголки губ Грендаль опустились: какое несимпатичное существо. В отличие от самой Аран'гар – из той вышла бы великолепная игрушка. Может, когда-нибудь у Грендаль появится шанс это осуществить.

Прямо на кушетке Аран'гар и Делана принялись обмениваться ласками. Аран'гар была ненасытной. Грендаль часто использовала это обстоятельство – как только что, соблазняя Истинной Силой. Грендаль и сама, конечно же, любила удовольствия, но она удостоверилась, чтобы все считали, будто она потворствует своим желаниям куда больше, чем это было на самом деле. Если ты знаешь, чего от тебя ожидают, то эти ожидания можно использовать. Это...

Грендаль застыла. В ушах раздался сигнал тревоги – звук волн, разбивающихся одна о другую. Аран'гар продолжала предаваться наслаждению: она ничего не слышала. Это было очень специфическое плетение, расположенное там, где слуги могли его случайно задеть и тем самым предупредить её.

Грендаль поднялась на ноги, вальяжно обходя комнату и не проявляя никакой спешки. В дверях она направила нескольких питомцев помочь отвлечь Аран'гар. Прежде чем втягивать её, лучше самой разобраться, в чем дело.

Грендаль прошла по коридору, увешанному золотыми люстрами и украшенному зеркалами. Она уже наполовину спустилась по лестнице, когда навстречу ей взбежал Гаруманд, капитан дворцовой стражи. Он был салдэйцем и дальним родственником Королевы. На его сухощавом, привлекательном лице красовались густые усы. Само собой, Принуждение сделало его верность абсолютной.

– Великая Госпожа, – сказал он, тяжело дыша. – Мы схватили человека, который подбирался ко дворцу. Мои люди узнали его – это мелкий лорд из Бандар Эбана, член дома Рамшалан.

Грендаль нахмурилась, затем знаком приказала Гаруманду следовать за ней и направилась к одному из покоев для аудиенций – небольшой комнате без окон, отделанной в темно-красных тонах. Она сплела стража от подслушивания и отправила Гаруманда привести незваного гостя.

Вскоре он вернулся со стражниками и доманийцем, одетым в

ярко-зеленые и ярко-синие цвета. На его щеке красовалась мушка в форме колокольчика. В его аккуратную бородку были вплетены крохотные колокольчики, которые позвякивали, когда стражники толкали его вперед. Он встряхнул руками, с неприязнью глядя на солдат, и поправил оборчатую рубашку.

– Надо полагать, меня доставили к...

Он умолк, ухнув, словно подавившись, когда Грендаль обмотала его потоками Воздуха и вторглась в его сознание. Он заговорил, заикаясь, и его взгляд расфокусировался.

– Мое имя Пикор Рамшалан, – произнес он безжизненным голосом. – Меня прислал Дракон Возрождённый в поисках союза с проживающим в этой крепости семейством торговцев. Поскольку я сообразительнее и умнее ал'Тора, я ему нужен, чтобы заключать для него союзы. Особенно он боится жителей этого дворца, что я нахожу смешным, поскольку он находится на отшибе и незначителен.

Очевидно, что Дракон Возрождённый – слабак. Думаю, если приобрету его доверие, то меня выберут следующим королем Арад Домана. Я хочу, чтобы вы заключили союз со мной, а не с ним, и обещаю вам свою протекцию, как только стану королем. Я...

Грендаль взмахнула рукой, и он умолк на полуслове. Дрожа, она скрестила руки на груди, чувствуя, как по коже побежали мурашки.

Возрождённый Дракон ее нашел.

Он прислал этого человека, чтобы отвлечь её внимание.

Он считает, что может ею манипулировать.

Она тотчас же сплела переходные врата в одно из своих самых надежных убежищ. Повеяло холодным воздухом. В той местности сейчас было утро, а не ранний вечер. Лучше перестраховаться. Сбежать. И всё же...

Она медлила. *Он должен познать муки... он должен почувствовать, что такое отчаяние, и должен испытать боль. Обеспечь ему это. Ты будешь вознаграждена.*

Аран'гар сбежала со своего поста среди Айз Седай, попавшись по-глупому – позволив почувствовать, как она направляет *саидин*. И всё ещё была наказана за этот провал. Если, упустив шанс обмануть ал'Тора, Грендаль сбежит сейчас, накажут ли её так же сурово?

– В чём дело? – за дверью послышался голос Аран'гар. – Пропустите меня, идиоты. Грендаль, что ты делаешь?

Грендаль тихонько зашипела, закрыла врата и взяла себя в руки. Кивком она позволила впустить Аран'гар в комнату. Гибкая женщина вошла в дверь, оценивающе оглядев Рамшалана. Не

следовало Грендаль посылать к ней питомцев – судя по всему, это вызвало подозрения.

– Ал'Тор меня нашел, – коротко пояснила Грендаль. – Он отправил вот этого, чтобы заключить со мной «союз», но не открыл ему, кто я. Похоже, ал'Тор хочет заставить меня поверить, что этот человек наткнулся на меня случайно.

Аран'гар поджала губы.

– Значит, ты сбежишь? Снова скроешься от самого интересного?

– И это я слышу от тебя?

– Меня окружали враги. Бегство было единственным выходом, – казалось, женщина повторяет заученную речь.

Подобные слова были подначкой. Аран'гар послужит *ей*. Возможно...

– Эта твоя Айз Седай знает Принуждение?

Аран'гар пожала плечами.

– Её этому учили. Её навыки удовлетворительны.

– Давай её сюда.

Аран'гар подняла бровь, но почтительно кивнула, отправившись исполнять поручение сама – вероятно, чтобы выиграть время на раздумья. Грендаль отправила слугу за одной из птичьих клеток. Голубя доставили прежде, чем вернулась Аран'гар, и Грендаль, вновь ощутив трепет, аккуратно направила Истинную Силу и сплела сложное плетение Духа. Помнит ли она ещё, как это делается? Это было так давно.

Она наложила плетение на разум голубки. Ее зрение будто *разделилось* пополам. Теперь перед собой она видела два изображения – мир, который она видела сама, и приглушённый образ того, что видела птица. Сосредоточившись, можно было переключать внимание то на одно, то на другое.

Это вызывало головную боль. Восприятие птицы совершенно не походило на человеческое. В поле зрения попадало гораздо больше, а цвета были настолько яркими, что почти ослепляли, но изображение было расплывчатым, и ей было трудно определять расстояние.

Она оттеснила птичий взгляд вглубь сознания. Голубка неприметна, но использовать её труднее, чем воронов или крыс – излюбленных шпионов Тёмного. На них плетение срабатывало лучше, чем на других животных. Впрочем, прежде чем Темный узнает, что увидели шпионившие для него вредители, они должны доложить. Почему дело обстоит именно так, она точно не знала – запутанные свойства особых плетений Истинной Силы для неё были малопонятны. По крайней мере, меньше, чем для Агинора.

Аран’гар вернулась со своей Айз Седай, которая в последнее время выглядела всё более и более робкой. Она присела в низком реверансе перед Грендаль и осталась в покорной позе. Грендаль осторожно сняла свое Принуждение с Рамшалана, оставив его в оцепенении, не понимающим, что с ним происходит.

– Что вы хотите, чтобы я сделала, Великая? – спросила Делана, бросив взгляд на Аран’гар и вновь переводя его на Грендаль.

– Принуждение, – ответила Грендаль. – Самое сложное и искусное, на какое ты способна.

– Что вы хотите, чтобы оно делало, Великая Госпожа?

– Ему надо позволить вести себя, как обычно, – сказала Грендаль. – Но убрать все воспоминания о случившемся. Замени их на воспоминания о том, как он беседовал с семейством торговцев и добился с ними союза. Добавь еще несколько каких-нибудь ограничений – какие только придут тебе в голову.

Делана нахмурилась, но она уже научилась не задавать вопросов Избранным. Грендаль скрестила руки на груди и, постукивая пальцем, следила за работой Айз Седай. Она нервничала всё сильнее. Ал’Тор узнал, где она находится. Нападёт ли он? Нет, он не причиняет вреда женщинам. Эта самая слабость очень важна. Она означает, что у неё есть время на ответ. Разве не так?

Как ему удалось проследить её до дворца? Она создала идеальное убежище. Единственные приближённые, которых она выпускала из поля зрения, были под настолько глубоким Принуждением, что, сняв его, убьёшь их носителя. Возможно ли, что Айз Седай, которую он держал при себе – эта Найнив, женщина с даром Исцеления – смогла разобраться в плетениях Грендаль и их распутать?

Ей нужно выиграть время и выяснить, что известно ал’Тору. Если Найнив ал’Мира умеет, читать Принуждение, то это опасно. Грендаль нужно оставить ложный след, задержать его – поэтому она и потребовала от Деланы, чтобы та создала сильное Принуждение со столь странными условиями.

Причинить ему боль. Грендаль может это устроить.

– Теперь ты, – обратилась она к Аран’гар, когда Делана закончила. – Что-нибудь позапутаннее. Я хочу, чтобы ал’Тор и его Айз Седай нашли у него в сознании прикосновение мужчины. – Это еще больше собьет их с толку.

Аран’гар пожала плечами, но сделала, как её попросили, наложив плотное и запутанное Принуждение на разум несчастного Рамшалана. Он был довольно-таки миловиден. Неужели ал’Тор предполагал, что она захочет сделать его одной

из своих игрушек? Неужели он достаточно вспомнил из жизни Льюса Тэрина, чтобы знать о ней подобные факты? Доклады о его воспоминаниях из прошлой жизни противоречили друг другу, но, похоже, он вспоминал всё больше и больше. Это беспокоило её. Льюс Тэрин, возможно, смог бы выследить ее в этом дворце. Но она не ожидала, что ал'Тору удастся то же самое.

Аран'гар закончила.

– А сейчас, – скомандовала Грендаль, отпуская плетения Воздуха и обращаясь к Рамшалану, – вернись и доложи Дракону Возрожденному о том, что ты преуспел.

Рамшалан моргнул и затряс головой.

– Я... Да, миледи. Да, я думаю, связи, которые мы сегодня установили, будут крайне выгодны для нас обоих. – Он улыбнулся. Дурак слабоумный. – Быть может, нам стоило бы пообедать и выпить за наш успех, леди Базен? Добираться до вас было так утомительно, и я...

– Отправляйся, – холодно сказала Грендаль.

– Прекрасно. Когда я стану королём, вы будете вознаграждены!

Стражники вывели его, и он принялся насвистывать с самодовольным видом. Грендаль села и закрыла глаза; несколько солдат, бесшумно ступая по толстому ковру, приблизились, встав на ее охрану.

Она переключилась на зрение голубки, привыкая к необычным ощущениям. По ее приказу слуга поднял птицу и поднес ее к окну, расположенному во внешнем коридоре. Птичка вспорхнула на подоконник. Грендаль мягко подтолкнула ее разум, отправляя в полет. Опыта, чтобы перехватить управление полностью, ей не хватало. Летать гораздо труднее, чем кажется.

Голубка выпорхнула из окна. Солнце опускалось за горы, обводя их яростным оранжево-красным контуром, а озеро внизу стало глубокого сине-черного оттенка. Вид был захватывающим, но, когда голубка взмыла в небо и уселась на одну из башен, Грендаль стало подташнивать.

В конце концов из ворот внизу вышел Рамшалан. Грендаль мысленно подтолкнула голубку, и та сорвалась с башни и нырнула к земле. От этого выворачивающего желудок спуска Грендаль скрипнула зубами, а каменные украшения дворца перед её взглядом слились воедино. Голубка выровнялась и полетела за Рамшаланом. Похоже, он что-то бурчал себе под нос, но через непривычные слуховые отверстия голубки она могла разобрать только простейшие звуки.

Какое-то время она следовала за ним через темнеющий лес. Сова здесь подошла бы лучше, но у неё не было ни одной про

запас. Она выругала себя за это. Голубка перелетала с ветки на ветку. Земля в лесу представляла собой мешанину подлеска и осыпавшихся сосновых игл. Это показалось ей определенно неприятным.

Впереди был свет. Слабый, но глаза голубки легко различали свет и тень, движение и неподвижность. Она подтолкнула птицу разведать, оставив Рамшалана позади.

Свет лился из переходных врат посреди поляны, растекаясь тёплым сиянием. Перед ними стояли люди, и одним из них был ал'Тор.

Грендаль охватил приступ паники. Он *был* здесь. Он смотрел вниз через гребень горы, смотрел на нее. Тьма внутри! Перед этим она не была уверена, пришёл ли ал'Тор сюда лично, или Рамшалан должен пройти через переходные врата для доклада. Какую игру он затевает? Грендаль посадила голубку на ветку. Рядом Аран'гар недовольным тоном спрашивала, что она видит. Она заметила голубку и, конечно же, поняла, что затеяла Грендаль.

Она сосредоточилась сильнее. Дракон Возрожденный, человек, который когда-то был Льюсом Тэрином Теламоном. Он *знал*, где она находится. Когда-то он ненавидел её всем сердцем. Что именно он вспомнил? Вспомнил ли он совершенное ею убийство Янет?

Ручные айильцы ал'Тора подвели к нему Рамшалана, и Найнив изучила его. Да, эта Найнив, похоже, могла разбирать Принуждение. Во всяком случае, ей было известно, что искать. Придется ей умереть – раз ал'Тор полагается на нее, значит, её смерть причинит ему боль. А после неё придет очередь темноволосой любовницы ал'Тора.

Грендаль подтолкнула голубку на ветку пониже. Что ал'Тор будет делать? Инстинкты Грендаль подсказывали, что он не станет действовать, пока не поймет её план. Сейчас он вел себя так же, как и в её Эпоху, – любил планировать, тратить время на подготовку итогового крещендо атаки.

Она нахмурилась. Что он сказал? Она напряглась, пытаясь разобрать звуки. Будь прокляты уши птицы – голоса звучали, словно хриплое карканье. *Калландор*? Почему он говорит про *Калландор*? И про сундук...

Что-то вспыхнуло в его руке. Ключ доступа. Грендаль судорожно вздохнула. Он принес с собой *это*? Эта штука почти так же ужасна, как погибельный огонь.

Внезапно она поняла. Её обыграли.

Похолодев от ужаса, она выпустила голубку и резко раскрыла глаза. Она по-прежнему сидела в маленькой комнатке без окон, а

Аран’гар, скрестив руки на груди, прислонилась к стене у входа.

Ал’Тор прислал Рамшалана, *ожидая*, что его схватят и наложат на него Принуждение. Единственная цель появления Рамшалана – подтвердить, что Грендаль находится в крепости.

«Свет! Как же он поумнел!»

Она отпустила Истинную Силу и обняла менее чудесный *саидар*. Быстро! Она была настолько выбита из колеи, что чуть было не упустила Источник. Она вся взмокла от пота.

Бежать. Надо бежать.

Она открыла новые переходные врата. Аран’гар повернулась, смотря через стены в сторону ал’Тора.

– Столько мощи! Что он делает?

Аран’гар. Они с Деланой сплели Принуждение.

Ал’Тор должен считать Грендаль погибшей. Если он уничтожит дворец, а Принуждение останется, то он поймет, что промахнулся и Грендаль жива.

Она сформировала два щита и обрушила их – один на Аран’гар, второй на Делану. Женщины судорожно вдохнули. Грендаль затянула плетения и связала обеих Воздухом.

– Грендаль? – воскликнула Аран’гар перепуганным голосом. – Что ты…

Оно приближалось. Грендаль прыгнула к вратам, нырнула сквозь них, упала и порвала платье о ветку дерева. Позади вспыхнул ослепительный свет. Сделав усилие, она отпустила врата и поймала мимолетный образ пораженной ужасом Аран’гар, прежде чем все позади не поглотила прекрасная, чистая белизна.

Переходные врата исчезли, и Грендаль осталась во тьме.

Она лежала, почти ослепленная этим сиянием, и сердце её колотилось со страшной скоростью. Она создала самые быстрые врата, какие только возможно, и они вели на совсем небольшое расстояние. Она лежала в грязных кустах на горной гряде за дворцом.

Тут же её захлестнула волна *неправильности* – искажение воздуха, когда рвался сам Узор. Это называлось «погибельный вопль» – миг, когда само мироздание рыдало от боли.

Дрожа всем телом, она тяжело дышала. Но она должна была увидеть. Она должна была знать. Она поднялась на ноги – левая лодыжка оказалась вывихнута. Прихрамывая, Грендаль добралась до опушки и посмотрела вниз.

Курган Нэтрина – весь дворец целиком – исчез. Был выжжен из Узора. Она не могла различить ал’Тора на дальнем гребне горы, но она знала, что он там.

– Ты, – прорычала она. – Ты стал *гораздо* опаснее, чем я предполагала.

Сотни прекрасных мужчин и женщин, лучшая ее коллекция, пропала. Ее цитадель, десятки предметов Силы, её сильнейший союзник среди Избранных. Всё исчезло. Это была катастрофа.

«Нет, – подумала она. – *Я до сих пор жива».* Она опередила его, пусть даже на пару мгновений. Теперь он считает, что её нет в живых.

Внезапно она очутилась в наибольшей безопасности с тех пор, как выбралась из Узилища Темного. Не считая, конечно, того, что она только что оказалась причиной гибели одной из Избранных. Великий Повелитель не будет доволен.

Хромая, она устремилась прочь от гребня горы, уже обдумывая следующий ход. Его придется проработать очень, очень тщательно.**Различия**

Лорд Капитан-Командор Детей Света Галад Дамодред с чавкающим звуком выдернул ногу в сапоге из доходившей до щиколоток грязи.

В душном воздухе жужжали мошки-кусименя. Пока он выбирался по тропинке на сухое место, ведя в поводу свою лошадь, вонь от застоявшейся воды и грязи при каждом вдохе угрожала встать поперек горла. Следом тащилась длинная, по четверо в ряд, извивающаяся колонна грязных, потных и уставших, как и он сам, людей.

Они оказались в болотистой местности на границе между Гэалданом и Алтарой, где дуб и коричное дерево сменились лавром и паучьим кипарисом. Их оголенные корни торчали, словно скрюченные пальцы. Несмотря на тень и низкие облака, зловонный воздух был горячим и плотным. Это было все равно, что дышать прокисшим супом. Галад едва не сварился в кольчуге и нагруднике, а его островерхий шлем был приторочен к седлу. Кожа чесалась от въевшейся грязи и едкого пота.

Несмотря на неприглядность, это была лучшая дорога из всех. Асунаве ни за что не догадаться. Тыльной стороной ладони Галад вытер лоб и во имя тех, кто последовал за ним, постарался идти с гордо поднятой головой. Семь тысяч Детей Света выбрали его сторону, а не службу шончанским захватчикам.

С ветвей свисал грязно-зеленый мох, словно лоскуты сгнившей плоти с трупа. Тут и там болезненную серость и зелень оживляла яркая россыпь крохотных розовых и фиолетовых цветочков, жавшихся к бьющим ключам, словно кто-то разбрызгал по земле краску – настолько подобный контраст был неожиданным.

Странно было в этом месте обнаружить подобную красоту. Может ли он и в собственном положении найти Свет? К несчастью, это может быть не так-то просто.

Он потянул Стойкого вперед. Из-за спины доносились разговоры встревоженных людей, прерываемые случайными проклятиями. Это вонючее место с тучей жалящего гнуса было испытанием даже для лучших из лучших. Последователи Галада были обеспокоены тем, во что превращался весь мир. В нечто, где небо всегда затянуто темными тучами, где хорошие люди умирают от странных искажений Узора и где Валда, прежний Лорд Капитан-Командор, оказался убийцей и насильником.

Галад покачал головой. Грядет Последняя Битва.

Звяканье кольчуги предупредило о том, что кто-то вышел из строя. Галад оглянулся через плечо и увидел подошедшего Дэйна Борнхальда. Тот отдал честь и остановился рядом.

– Дамодред, – тихо обратился он под хлюпанье их сапог в трясине. – Не лучше ли повернуть назад?

– Путь назад ведет только в прошлое, – ответил Галад, всматриваясь вперед. – Я много думал об этом, Чадо Борнхальд. Это небо, опустошенная земля, ходящие мертвецы… Поздно искать союзников и сражаться с Шончан. Нам нужно спешить на Последнюю Битву.

– Но здесь кругом одно болото, – возразил Борнхальд, глядя, как мимо сквозь камыши проскользила крупная змея. – А судя по нашим картам, оно давно должно было закончиться.

– Тогда мы точно где-то неподалеку от его края.

– Возможно, – согласился Дэйн. Струйка пота стекла по его лбу на худую щеку, заставив её дернуться. К счастью, у него пару дней назад закончилось бренди. – Если только карта не врёт.

Галад не ответил. В последние время даже когда-то точные карты стали бесполезны. Широкое поле могло стать непроходимыми холмами, деревни исчезали с лица земли, плодородные поля внезапно зарастали сорняками и мхом. Болото и вправду могло разрастись.

– Люди изнурены, – продолжал Борнхальд. – Ты знаешь, они отличные парни, но даже они начинают возмущаться, – он поморщился, словно в ожидании выговора от Галада.

Возможно, раньше Галад так бы и поступил. Чада должны с честью нести свою службу, несмотря на все трудности. Однако воспоминания об уроках, которые ему преподала Моргейз – уроках, которых он в юности не понял – не оставляли его. Подавай пример. Требуй от людей быть стойкими, но сперва покажи как.

Галад кивнул. Они почти выбрались на сухое место.

– Собери людей. Я буду говорить с передними рядами. Пусть мои слова запишут и передадут остальным.

Борнхальд выглядел сбитым с толку, но исполнил приказ.

Галад отошел в сторону и взобрался на небольшой холм. Положив руку на рукоять меча, он дождался, пока разбитые по отделениям люди соберутся вокруг. Уставшие люди в вымазанных в грязи сапогах встали кто как, размахивая руками – убивая мошек-кусименя или почесывая за воротниками.

– Мы – Дети Света, – объявил Галад, когда они собрались. – Для человечества настали самые темные дни. Когда исчезает надежда, когда вокруг царит смерть. Но именно в самую темную ночь ярче всего пылает свет. Ярким днем свет маяка едва заметен, но когда всё меркнет, он служит для всех путеводным знаком!

– *Мы* и есть этот маяк. Эта трясина – испытание, но мы – Дети Света, и любое испытание нас только закаляет. Нас преследуют те, кто должен нас любить, и все иные пути ведут к гибели. Поэтому мы пойдем вперед. Во имя тех, кого должны защитить, во имя Последней Битвы, во имя Света!

– В чём наша победа над этим болотом? Из *гордости* я отказываюсь чувствовать его укусы. Из гордости от того, что живу в эти дни, из гордости от грядущего. Все наши предки из этой Эпохи ждали, когда настанет этот день, когда человечество будет испытано на прочность. Пусть другие оплакивают свою участь. Пусть другие стенают и плачут. Это не наш путь, потому что мы встретим грядущее испытание с высоко поднятой головой. И пусть оно *докажет*, что мы сильны!

Речь получилось недлинной; ему не хотелось задерживаться в этом болоте. И все же она сделала своё дело. Спины солдат распрямились, и он увидел, как люди согласно кивают. Выбранные из их числа писцы записали слова и направились зачитать их тем, кто не мог услышать.

Когда отряд двинулся дальше, шаг бойцов больше не был сбивчивым, а осанка – сгорбленной. Галад остался стоять на холме на виду у проходящих рядов, принимая редкие рапорты.

Когда прошли все семь тысяч, Галад заметил небольшую группу, собравшуюся у подножия. Среди них оказался худой, узколицый Джарет Байар. Его запавшие глаза сияли от энтузиазма.

– Чадо Байар, – сказал Галад, спускаясь вниз.

– Отличная речь, милорд Капитан-Командор, – пылко воскликнул Байар. – Последняя Битва. Да, пришло время двигаться вперед.

– Это наше бремя, – произнес Галад, – и наш долг.

– Мы отправимся на север, – сказал Байар. – К нам придут люди, и нас станет больше. Великая армия Детей Света, десятки тысяч. *Сотни* тысяч. Мы заполоним собой земли. Может, у нас даже хватит людей, чтобы свергнуть Белую Башню вместе с

ведьмами, вместо того, чтобы вступать с ними в союз.

Галад покачал головой в ответ:

– Нам нужны Айз Седай, Чадо Байар. У Тени будут свои Повелители Ужаса, Мурддраалы. И *Отрекшиеся*.

– Да, думаю, это верно, – с неохотой согласился Байар. Он и прежде воспринял эту идею с неохотой, но всё-таки согласился.

– Наш путь будет труден, Чадо Байар, но Дети Света поведут людей на Последнюю Битву.

Злодеяния Валды бросали тень на весь орден. Более того, Галад всё более уверялся в том, что Асунава сыграл не последнюю роль в дурном обращении с его мачехой и в ее смерти. А это значило, что и сам Великий Инквизитор оказался порочен.

В жизни важнее всего поступать правильно. Это стоит любых жертв. В этот момент правильным было отступить. Справиться с Асунавой Галаду было не по силам. За спиной Великого Инквизитора стояли Шончан. Кроме того, Последняя Битва была куда важнее.

Галад быстро прошел по жиже к авангарду Детей Света. Отряд двигался налегке лишь с несколькими вьючными лошадьми, и люди шли в доспехах – их кони были нагружены фуражом и провизией.

В первой шеренге Галад обнаружил Трома, который беседовал с группой бойцов, одетых не в белые табарды и шлемы, а в кожаные куртки и бурые плащи. Это были их разведчики. Тром кивнул ему в знак уважения. Лорд Капитан был одним из самых доверенных лиц Галада.

– Лорд Капитан-Командор, разведчики докладывают, что впереди есть небольшие трудности, – доложил Тром.

– Какого рода трудности?

– Думаю, вам лучше взглянуть лично, сэр, – ответил Чадо Барлетт, возглавлявший разведку.

Галад кивнул, чтобы тот показывал дорогу. Впереди заболоченный лес начал редеть. Хвала Свету, неужели они наконец-то выбрались на волю?

Но нет. Подоспевший Галад увидел вторую группу разведчиков, которые наблюдали за мертвым лесом. Позади на большинстве деревьев были листья, пусть и болезненного вида. Тот лес, что поджидал впереди, был голым и посеревшим, словно деревья сгорели. Повсюду рос какой-то болезненно-белый лишайник или мох. Стволы деревьев казались иссушенными.

Весь лес впереди залила широкая, но мелкая река с медленным течением. Она затопила корни большей части деревьев. Поваленные стволы высовывали из темно-бурой жижи ветки, словно тянущиеся к небу руки.

– Там трупы, милорд Капитан-Командор, – сообщил, указывая на реку, один из разведчиков. – Плывут по течению. Похоже на следы дальней битвы.

– На карте эта река отмечена? – спросил Галад.

Друг за другом все разведчики покачали головой.

Галад стиснул зубы.

– Мы можем перейти её вброд?

– Она мелкая, милорд Капитан-Командор, – ответил Чадо Барлетт, – но нужно будет проверять, нет ли скрытых омутов.

Галад дотянулся до соседнего дерева и с громким сухим треском отломал от него длинную ветку.

– Я пойду первым. Пусть люди снимут доспехи и плащи.

Приказ был передан по рядам. Галад снял доспехи и завернул их в плащ, потом привязал получившийся узел на спину. Он постарался как можно выше закатать штаны, спустился по пологому берегу и вошел в мутную воду. Ледяная ключевая вода заставила его напрячься. Сапоги зачерпнули воды и на несколько дюймов увязли в песчаном дне, вызвав мутные водовороты. За спиной с громким всплеском в воду зашел Стойкий.

Идти было нетрудно – вода едва доходила до колен. Щупая дно палкой, он старался найти путь получше. Эти голые, гибнущие деревья действовали на нервы. Не похоже, чтобы они гнили, а теперь, вблизи, он мог различить среди лишайника, покрывавшего их ветви и стволы, пепельно-серый пух.

За спиной с громкими всплесками входило в реку все больше и больше Детей. Рядом по реке, стукаясь о камни, проплывали округлые силуэты. Некоторые были трупами людей, но большая часть была крупнее. *«Это мулы*, – понял он, присмотревшись к морде одного из них. – *Десятки туш»*.

Судя вздутию, они были мертвы уже давно.

Скорее всего, на какую-то расположенную вверх по течению деревню был совершен налет ради провизии. Это были уже не первые попадавшиеся им на пути мертвецы.

Он добрался до противоположного берега и выбрался на сушу. Опустив штанины и надев доспехи и плащ, он почувствовал, как ноет плечо от заработанных от Валды ударов. Бедро тоже болело.

Он повернулся и пошёл вдоль звериной тропы на север, возглавив остальных переправившихся. Ему хотелось сесть верхом на Стойкого, но он не посмел. Несмотря на то, что они выбрались на берег, земля была влажной, неровной и испещрённой скрытыми ямами. Поездка верхом могла легко стоить Стойкому сломанной ноги, а ему самому пробитой головы.

Так что им с его товарищами оставалось только идти пешком

в окружении посеревших деревьев, изнывая от нестерпимой жары. Он соскучился по доброй ванне.

Со временем с ним поравнялся Тром.

– Все переправились успешно, – он взглянул на небо. – Чтоб этим облакам сгореть. Никак не пойму, который час.

– Четыре пополудни, – ответил Галад.

– Ты уверен?

– Да.

– Разве мы не собирались остановиться в полдень, чтобы обсудить наши дальнейшие действия?

Совещание было запланировано сразу после того, как они выберутся из болота.

– Сейчас выбор у нас невелик, – ответил Галад. – Я поведу людей на север, в Андор.

– Детей там не особо… привечали.

– Мне принадлежит часть земель в провинции на северо-западе. Меня оттуда не прогонят, кто бы сейчас ни сидел на троне.

Ниспошли Свет, чтобы на Львином Троне была Илэйн. Ниспошли Свет, чтобы она избежала сетей Айз Седай, хотя он страшился худшего. Есть многие, кто мог использовать её как пешку, и не в последних рядах был ал'Тор. Она была упрямой, поэтому ею было легко манипулировать.

– Нам понадобятся припасы, – заметил Тром. – Фураж тяжело достать. Все больше деревень по пути оказываются брошенными.

Галад кивнул. Резонное замечание.

– Но план хороший, – продолжил Тром и понизил голос. – Должен сказать, Дамодред, я боялся, что ты откажешься от руководства.

– Я не мог. Бросить Детей в такой момент, убив их предводителя, было бы неправильно.

Тром улыбнулся.

– Для тебя все очевидно, не так ли?

– Это должно быть очевидно всем, – Галаду *пришлось* занять предложенный пост. Выбора у него не было. – Грядет Последняя Битва, и Дети Света пойдут в бой. Мы *будем* сражаться, даже если придется вступить в союз с самим Возрождённым Драконом.

Некоторое время назад Галад не был уверен насчет ал'Тора. Безусловно, Дракону Возрождённому придется сражаться в Последней Битве. Но был ли ал'Тор этим человеком, или он был лишь марионеткой Белой Башни, а вовсе не истинным Возрождённым Драконом? Небо стало слишком тёмным, а земля действительно умирала. Ал'Тор *должен* быть Возрождённым Драконом, но это не значило, что он не марионетка Айз Седай.

Вскоре они вышли из рощи сухих серых деревьев и добрались до более нормальных. На них все равно были пожухлые листья и чересчур много омертвелых ветвей, но это было лучше пуха.

Спустя примерно час Галад заметил вернувшегося Чадо Барлетта. Разведчик был худым, со шрамом на щеке. Галад поднял руку в приветствии:

– Ну, что скажешь?

Барлетт отдал честь, прижав руку к груди.

– Болото заканчивается, и через милю лес редеет, милорд Капитан-Командор. Поле за лесом открытое и пустое. Путь на север чист.

«Благодарение Свету!» – подумал Галад. Он кивнул Барлетту, и тот поспешил обратно через лес.

Галад оглянулся на колонну солдат. Они были перемазаны, взмылены и устали, но внушали почтение своим видом – доспехи в порядке, лица решительны. Они последовали с ним в это проклятое болото. Они были отличными ребятами.

– Передайте весть другим Лордам-Капитанам, Тром, – приказал Галад. – Пусть они расскажут своим легионам. Через час мы все выберемся отсюда.

Старший товарищ улыбнулся, чувствуя не меньшее, чем Галад, облегчение. Сжав зубы и превозмогая боль в ноге, Галад пошел дальше. Рана была хорошо перебинтована, так что опасность ухудшения была невелика. Болело сильно, но с болью можно жить.

Они наконец-то выбрались из этой лужи! Следующий маршрут нужно будет выбирать тщательнее, чтобы держаться подальше от любых городов, крупных трактов и поместий влиятельных лордов. Он вновь припомнил карты, которые вызубрил ещё в девять лет.

Он был поглощен этим, когда желтый навес листвы над головой стал редеть, и между веток полился свет скрытого за облаками солнца. Вскоре он заметил поджидавшего на краю леса Барлетта. Лес кончился внезапно, почти так же точно, как линия, проведенная на карте.

Галад вздохнул с облегчением, радуясь мысли, что скоро вновь окажется в открытом поле. Он вышел из-под деревьев. И только тогда справа на холме стала появляться огромная армия.

Под лязг доспехов и ржание лошадей на вершине холма выстроились тысячи солдат. Некоторые были Детьми Света в кольчугах с нагрудниками и начищенных до блеска островерхих шлемах. Сияли незапятнанные табарды и плащи, на груди каждого сверкал знак солнечной вспышки. Вздымались в небо ряды копий. Но большинство солдат были пешими и в простых

кожаных доспехах вместо белых одежд Детей Света. Вероятно, это были предоставленные Шончан амадицийцы. Многие были вооружены луками.

Галад отшатнулся, схватившись за меч. Но он уже понял, что попал в ловушку. Немалое число Детей носили униформу, украшенную знаком Вопрошающих – посохом Десницы Света. По сравнению с простыми Детьми Света, которые были пламенем, призванным выжигать зло, Вопрошающие были бушующим костром.

Галад сделал быстрые подсчеты. От трёх до четырёх тысяч Детей и еще от шести до восьми тысяч пехотинцев, из которых почти половина вооружена луками. Итого, десять тысяч свежих солдат. Его сердце замерло.

Тром, Борнхальд и Байар выскочили из леса следом во главе группы Детей. Тром тихо выругался.

– Значит, – Галад обернулся к разведчику Барлетту, – ты предатель?

– Нет, это ты предатель, Чадо Дамодред, – не моргнув глазом, ответил разведчик.

– Да, – согласился Галад, – думаю, можно считать и так.

Весь этот путь по болотам был предложен его разведчиками. Теперь Галаду стало ясно: это была просто такая тактика, чтобы их задержать, пока их обойдет Асунава. Кроме того, после такого марша его люди вымотались, а войска Асунавы были отдохнувшими и в полной боеготовности.

Скрипнул меч в ножнах.

Галад, не оборачиваясь, вскинул руку.

– Мир, Чадо Байар.

Именно Байар был бы тем, кто схватился бы за оружие – скорее всего, чтобы зарубить Барлетта.

Возможно, что-то еще можно спасти. Галад немедленно принял решение.

– Чадо Байар и Чадо Борнхальд, останьтесь со мной. Тром, ты с остальными Лордами-Капитанами выводи людей строиться в поле.

Большая группа людей из первых шеренг войска Асунавы поскакала вниз по склону холма. Большинство из них было отмечено посохом Вопрошающих. Они могли бы захлопнуть ловушку и быстро покончить с Галадом. Вместо этого они направились на переговоры. Хороший знак.

Превозмогая боль в раненной ноге, Галад сел в седло. Байар с Борнхальдом тоже сели на лошадей и последовали за ним на поле. Из-за плотного ковра пожелтевшей травы стук лошадиных копыт звучал приглушенно. Среди выехавших им навстречу

оказался Асунава собственной персоной. У него были густые седые брови, и он был настолько худым, что казался больше похожим на куклу из палочек, на которые была натянута ткань для имитации кожи.

Асунава не улыбался. Он редко когда улыбался.

Галад пришпорил лошадь и выехал навстречу Верховному Инквизитору. Асунаву окружало несколько телохранителей из числа Вопрошающих, но его также сопровождали пять Лордов-Капитанов. За свою короткую службу у Детей Света Галад с каждым из них познакомился лично: либо встречался с ними, либо служил под их началом.

Асунава наклонился вперед, прищурив запавшие глаза:

– Твои мятежники строятся. Передай им отставить это дело, или мои лучники начнут стрелять.

– Ты же не будешь пренебрегать кодексом ведения боя? – уточнил Галад. – Прикажешь стрелять в людей, пока они готовятся к бою? Где твоя честь?

– Приспешники Тени не заслуживают чести, – рявкнул Асунава. – И не заслуживают никакой жалости.

– Значит, ты обвиняешь нас, что мы Приспешники Тени? – спросил Галад, слегка повернув лошадь. – Все семь тысяч? Обвиняешь всех тех, кто служил под командованием Валды? Тех, кто служил вместе с твоими собственными людьми, вместе ел, был знаком и дрался бок о бок? И, наконец, тех, за кем ты присматривал лично всего два месяца назад?

Асунава запнулся. Назвать семь тысяч Детей Света Приспешниками было бы глупостью, поскольку это означало бы, что к Тени переметнулись двое из трех оставшихся в живых Детей.

– Нет, – ответил Асунава. – Возможно, они просто… запутались. Даже хорошие люди могут забрести на тёмную тропу, если их лидеры Приспешники Тени.

– Я не Приспешник, – ответил Галад, глядя Асунаве прямо в глаза.

– Отдайся в мои руки для допроса и подтверди это.

– Лорд Капитан-Командор не подчиняется никому, – ответил Галад. – Во имя Света, я приказываю *тебе* отступиться.

Асунава рассмеялся.

– Чадо, мы приставили нож к твоему горлу! У *тебя* есть шанс сдаться!

– Голевер, – обратился Галад к Лорду Капитану слева от Асунавы. Голевер был долговязым бородатым мужчиной, жестким до пределов, но он был честным, – Скажи мне, разве Чада Света сдаются?

В ответ Голевер покачал головой:

– Никогда. Свет помогает нам побеждать.

– А если нам противостоят превосходящие силы? – продолжил Галад.

– Мы продолжаем сражаться.

– А если мы устали и изранены?

– Нас защитит Свет, – ответил Голевер. – А если настало время умереть, да будет так. Мы заберем столько врагов, сколько сможем.

Галад вернулся к Асунаве.

– Как видишь, я загнан в угол. Сражаться означает позволить тебе назвать нас Приспешниками Тьмы, а сдаться – нарушить присягу. Во имя моей чести Лорда Капитана-Командора я не могу принять ни того, ни другого.

Асунава помрачнел.

– Ты *не* Лорд Капитан-Командор. Он погиб.

– От моей руки, – ответил Галад, вытаскивая оружие так, чтобы на свету сверкнули цапли. – Поэтому я взял его меч. Или ты отрицаешь, что лично наблюдал наш честный бой с Валдой, как то предписано законом?

– Может, законом и предписано, – сказал Асунава. – Но я бы не назвал бой честным. Тебя поддерживали силы Тени. Я видел, что ты стоишь в темноте, несмотря на дневной свет, и Коготь Дракона начертан на твоем челе. У Валды не было шансов.

– Харнеш, – сказал Галад, обернувшись к Капитану справа от Асунавы. Тот был невысоким, лысым и одноухим. Ухо он потерял в бою с Принявшими Дракона. – Скажи, разве Тень сильнее Света?

– Конечно же нет, – ответил тот, сплюнув в сторону.

– Будь правда на стороне Лорда Капитан-Командора, разве он проиграл бы мне поединок в Свете? И будь я Приспешником Тени, разве я смог бы одолеть самого Лорда Капитан-Командора?

Харнеш не ответил, но Галад чуть ли не видел мысли в его голове. Порой Тень проявляет свою силу, но Свет всегда разоблачает и поражает тьму. Лорд Капитан-Командор мог пасть от руки Приспешника Тени – любой мог пасть – но на дуэли перед лицом других Детей Света? На дуэли чести в Свете?

– Иногда Тень бывает сильной и изворотливой, – вмешался Асунава до того, как Галад успел задать следующий вопрос. – И порой хорошие люди умирают.

– Вы все знаете, что сделал Валда, – ответил Галад. – Моя мать мертва. Разве есть хоть один довод против моего права вызвать его на бой?

– У тебя нет никаких прав, проклятый Приспешник Тени! И я прекращаю переговоры с тобой, убийца.

Асунава взмахнул рукой, и несколько Вопрошающих выхватили мечи. Спутники Галада немедленно сделали то же самое. За спиной он слышал, как уставшие войска поспешно занимают позиции.

– Что же станется с нами, Асунава, если Дети Света будут сражаться друг с другом? – тихо спросил Галад. – Я не сдамся и не стану нападать, но мы могли бы объединиться. И не как враги, а как братья, какое-то время жившие врозь.

– Я не братаюсь с Приспешниками Тени, – ответил Асунава, хотя было видно, что он колеблется. Он смотрел на солдат Галада. Асунава выиграет бой, но если бойцы Галада не отступят, то это будет победа, купленная большой кровью. Обе стороны понесут огромные потери.

– Я отдамся в твои руки, но на определенных условиях, – сказал Галад.

– Нет! – выкрикнул из-за спины Борнхальд, но Галад поднял руку, заставив его замолчать.

– На каких еще условиях? – спросил Асунава.

– Ты поклянешься перед Светом и Лордами Капитанами, что пришли с тобой, что вы не причините вреда, не станете допрашивать или как-либо иначе притеснять тех, кто следовал за мной. Они всего лишь делали то, что считали правильным.

Глаза Асунавы превратились в щелки, а губы вытянулись в нитку.

– Включая моих товарищей, находящихся здесь, – продолжил Галад, кивнув на Байара и Борнхальда. – Всех моих людей, Асунава. Ни один из них *не должен* подвергнуться допросу.

– Ты не смеешь препятствовать долгу Десницы Света! Твое условие развяжет им руки для помыслов о Тени!

– Разве, Асунава, мы идем в Свете только из страха перед допросом? – задал вопрос Галад. – Разве Дети Света не храбры и честны?

Асунава промолчал. Галад закрыл глаза, чувствуя всю тяжесть руководства. Каждая секунда задержки усиливает позицию его людей на этих переговорах. Он открыл глаза.

– Грядет Последняя Битва, Асунава. У нас нет времени на дрязги. Возрождённый Дракон ходит по земле.

– Ересь! – воскликнул Асунава.

– Да, – согласился Галад. – Но в то же время это правда.

Асунава скрипнул зубами, но было видно, что он размышляет над предложением.

– Галад, – тихо сказал Борнхальд. – Не делай этого. Мы можем сражаться. Свет защитит нас!

– Если мы будем сражаться, по нашей вине погибнут хорошие

люди, Чадо Борнхальд, – ответил Галад, не оборачиваясь. – Каждый удар наших мечей будет на пользу Тёмному. Дети Света – единственная истинная опора, которая осталась у этого мира. Мы нужны. Если для объединения требуется моя жизнь, да будет так. И я верю, что на моем месте ты поступил бы так же.

Он взглянул в глаза Асунаве.

– Взять его, – выпалил Асунава с досадой. – И передайте легионам отступить. Скажите, что я забираю самозваного Лорда Капитан-Командора на допрос, чтобы определить масштаб его преступлений, – он помедлил. – Да, и ещё скажите, что те, кто за ним следовал, не будут ни наказаны, ни допрошены. – Асунава развернул лошадь и ускакал.

Галад перевернул свой меч и передал его Борнхальду.

– Возвращайся к нашим товарищам и расскажи о том, что здесь произошло. Удержи их от боя и попыток меня освободить. Это приказ.

Борнхальд встретился с ним взглядом и медленно взял меч. Наконец, он отдал честь Галаду.

– Да, милорд Капитан-Командор.

Едва они развернулись, чтобы ехать обратно, как грубые руки схватили Галада и вытащили из седла Стойкого. От удара о землю у него вырвался хрип, когда грудь пронзила острая боль от раненого плеча. Он попытался подняться на ноги, но несколько Вопрошающих спешились и вновь сбили его на землю.

Один прижал его к земле, поставив ногу ему на спину, и Галад услышал скрежет металла вынимаемого из ножен кинжала. Они срезали с него доспехи и одежду.

– Ты не будешь носить униформу Чада Света, Приспешник Тени, – произнес один из Вопрошающих ему на ухо.

– Я не Приспешник Тени, – возразил прижатый лицом к траве и земле Галад. – Я никогда не произнесу подобную ложь. Я иду в Свете.

В ответ он заработал пинок в бок, потом ещё и ещё. Охая, он свернулся калачиком. Но удары продолжали сыпаться один за другим.

Наконец его поглотил мрак.

* * *

Тот, кто некогда был Паданом Фейном, спускался по склону холма. Бурьян рос рваными лоскутами, словно щетина на подбородке нищего.

Небо было чёрным. Штормовым. Ему это нравилось, пусть он и ненавидел того, кто был этому причиной.

Ненависть. Она была доказательством того, что он ещё живет,

единственная сохранившаяся в нем эмоция. Единственная из возможных.

Всепоглощающая. Возбуждающая. Прекрасная. Согревающая. Неистовая. Ненависть. Чудесно. Это была его собственная буря, дающая ему силы, путеводную цель. Ал'Тор умрет. От его руки. И, возможно, после этого – Темный. Как чудесно…

Тот, кто некогда был Паданом Фейном, прикоснулся к своему красивому кинжалу, ощутив изгибы узоров изящной золотой проволоки, обвивающей рукоять, которую венчал крупный рубин. Он нёс обнаженное оружие в правой руке, просунув клинок между большим и указательным пальцами. Те были порезаны больше дюжины раз.

С кончика кинжала на траву капала кровь. Темно-красные пятна радовали глаз. Красное внизу, чёрное вверху. Идеально. Может, это его ненависть вызвала эту бурю? Должно быть так. Да.

Капли крови отмечали его путь все дальше на север, в Запустение, падая возле пятен тьмы, появившейся на мертвых листьях и стеблях.

Он был безумен. Это хорошо. Когда впускаешь безумие внутрь себя – принимаешь его и упиваешься им, словно солнечным светом, водой или воздухом – оно становится лишь частью тебя. Словно рука или глаз. Ты можешь видеть безумием. Ты можешь держать вещи безумием. Это чудесно. Это дарует свободу.

Наконец-то он был свободен.

Тот, кто некогда был Мордетом, достиг подножья холма, ни разу не оглянувшись на большую багряную массу, оставленную на его вершине. Убивать червей по всем правилам было довольно грязным занятием, но есть вещи, которые нужно делать правильно. Таков порядок вещей.

За ним, поднимаясь с земли, начал стелиться туман. Был ли этот туман его безумием, или то была его ненависть? Он был таким знакомым. Туман обвивался вокруг его лодыжек и лизал ему пятки.

Что-то мельком выглянуло из-за соседнего холма, осмотрелось и нырнуло обратно. Черви умирали шумно. Они *всё* делали шумно. Стая червей могла уничтожить целый легион. Услышав их, нужно бежать в противоположную сторону – и побыстрее. Но, с другой стороны, было бы полезно отправить разведчиков попробовать определить направление движения стаи, чтобы, продолжив путь, снова не столкнуться с ней где-нибудь еще.

Поэтому тот, кто когда-то был Паданом Фейном, не удивился, увидев, обойдя холм, группу взволнованных троллоков и

возглавлявшего их Мурддраала.

Он улыбнулся. *«Мои друзья»*. Давно не виделись.

Их звериным мозгам потребовалось мгновение, чтобы прийти к очевидному, но ошибочному выводу: если по округе слоняется человек, то червей *не может* быть рядом. Они бы почуяли его кровь и явились за ним. Троллокам черви предпочитали людей. Это было логично. Тот, кто некогда был Мордетом, пробовал на вкус и тех, и других, и ничего не мог сказать в пользу троллоков.

Разношёрстная группа троллоков – перья, клювы, когти, зубы, бивни – рванула вперед. Тот, кто когда-то был Фейном стоял неподвижно, туман лизал его босые ноги. Как чудесно! Мурддраал, державшийся в тылу группы, колебался, устремив на него свой безглазый взор. Возможно, он что-то почувствовал. Что-то здесь было очень, очень неправильно. И вместе с тем, конечно, правильно. Одно без другого не возможно. Бессмысленно.

Тот, кто некогда был Мордетом, – скоро ему понадобиться новое имя – широко улыбнулся.

Мурддраал бросился бежать прочь.

Туман ударил.

Стремительно двигаясь, он накатил на троллоков будто щупальца левиафана, обитавшего в Океане Арит. Лоскуты тумана устремились вперед, пронзая грудные клетки троллоков. Один длинный канатовидный отросток хлестнул над их головами, затем расплывчатым пятном рванул вперед и схватил Исчезающего за шею.

Троллоки падали, пронзительно крича и корчась в судорогах. С них клочьями спадала шерсть, а кожа начала *закипать*, порождая волдыри и пузыри. Когда они лопались, на коже Отродий Тени оставались кратероподобные отметины, словно пузырьки на поверхности слишком быстро охлажденного металла.

Тот, кто некогда был Паданом Фейном, наслаждаясь пиршеством, в восторге открыл рот и, вскинув лицо, устремил взгляд закрытых глаз к бурным черным небесам. Когда все закончилось, он вздохнул, сжав кинжал и разрезав собственную плоть.

Красное внизу, чёрное вверху. Красное и чёрное, красное и чёрное, так много красного и чёрного. Как чудесно.

Он продолжил свой путь через Запустение.

За его спиной на ноги поднимались искажённые троллоки и начинали, пошатываясь, двигаться. Они истекали слюной, взгляд их глаз стал тупым и бессмысленным, но по его желанию они будут действовать с бешеной кровожадностью, превосходящей ту, что ощущали при жизни.

Мурддраала он бросил. Вопреки сказкам тот уже не воскреснет. Таким как он, его теперешнее прикосновение несло мгновенную гибель. А жаль. У него сохранилось несколько гвоздей, которым, в противном случае, он нашёл бы отличное применение.

Быть может, нужно раздобыть какие-нибудь перчатки. Но в таком случае он не сможет резать свою руку. Вот проблема.

Но не важно. Вперед. Пришло время убить ал'Тора.

Его печалило, что охота подходит к концу. Но в ней больше не было смысла. Какая же это охота, если знаешь *точно*, где будет жертва. Ты просто идешь ей навстречу.

Словно со старым приятелем или с любимым другом, которому ты собираешься выбить глаз, выпустить кишки и сожрать все горстями, запивая его кровью. Именно так должно обращаться с друзьями.

Это честь.

* * *

Маленарин Рэй просматривал отчёты о снабжении. Треклятый ставень на окне позади его стола снова с громким стуком распахнулся, пуская внутрь влажный жар Запустенья. Даже прослужив десять лет командиром Башни Хит, он так и не привык к жаре в горах – сырой, удушливой, наполняющей воздух запахом гниения.

Свистящий ветер продолжал греметь деревянным ставнем. Маленарин встал и закрыл створку, а, чтобы она больше не открывалась, обмотал ручку куском бечёвки.

Вернувшись за стол, Маленарин принялся изучать список солдат, прибывших с пополнением. Рядом с каждым именем были указаны их дополнительные навыки – солдатам здесь приходилось занимать по две и более должности. Умение перевязывать раны. Хороший бегун для доставки посланий. Острое зрение для стрельбы из лука. Способность придавать привычному вареву новый вкус. Последним Маленарин всегда уделял особое внимание. Любой повар, способный заставить солдат с охотой поедать свою порцию стряпни, был на вес золота.

Маленарин отложил список в сторону, придавив его служившим для этой цели налитым свинцом троллочьим рогом. Следующим в стопке оказалось письмо от человека по имени Баррига, купца, собиравшегося прибыть в башню со своим караваном поторговать. Маленарин улыбнулся; он был в первую очередь солдатом, но он также носил на груди три серебряных цепи, отмечавших его как магистра торговли. И, хотя большую

часть припасов его башня получала напрямую от Королевы, ни одному кандорскому командиру не было отказано в возможности поторговать с купцами.

Если ему повезёт, он напоит этого иноземного торговца прямо за столом переговоров. Многие купцы поплатились годом военной службы за нарушение условий сделки с Маленарином. Год муштры в королевских войсках часто шёл пухлым иностранным купцам на пользу.

Маленарин поместил письмо под троллочий рог. Последний листок в стопке заставил его помедлить. Это было напоминание от управляющего. Приближался день четырнадцатых именин его старшего сына, Кимлина. Как будто он мог об этом забыть! Напоминание было излишним.

Маленарин улыбнулся, придавив записку троллочьим рогом на случай, если ставень вновь распахнётся. Троллока, носившего этот рог, он убил сам. Затем он подошёл к стоящему у стены потрепанному дубовому сундуку и открыл крышку. Среди прочего имущества внутри лежал обёрнутый тканью меч в ухоженных, но выцветших от времени коричневых ножнах, хорошо смазанных маслом. Меч его отца.

Через три дня он вручит его Кимлину. В Порубежье мальчик становится мужчиной в свои четырнадцатые именины – в день, когда он получает свой первый меч и начинает сам отвечать за себя. Кимлин старательно обучался воинским приемам под началом самых строгих инструкторов, каких Маленарин только мог найти. Скоро его сын станет мужчиной. Как же быстро летит время.

С гордостью вздохнув, Маленарин закрыл сундук, поднялся и вышел из кабинета, исполнять свои повседневные обязанности. Башня вмещала двести пятьдесят солдат и была мощным оборонительным укреплением для надзора за Запустением.

Исполнять долг значит обретать честь, так же как нести бремя означает становиться сильнее. Наблюдать за Запустением было его долгом и его силой, а теперь, когда на севере собиралась странная буря, а Королева и большая часть кандорской армии отправилась искать Возрождённого Дракона, это было особенно важно. Маленарин закрыл дверь своего кабинета и задвинул потайной засов, блокировавший её изнутри. В коридоре было несколько таких дверей, и враг, штурмующий башню, не знал, которая из них ведёт к лестнице наверх. Таким образом, небольшой кабинет оказывался частью обороны башни.

Маленарин направился к лестнице. С первого уровня нельзя было попасть на эти верхние – нижние сорок футов башни были ловушкой. Враг, ворвавшийся на первый уровень и прошедший

три этажа казарм, обнаруживал, что на четвёртый этаж пути нет. Единственным способом попасть туда был узкий сбрасываемый пандус с наружной стороны башни, соединявший второй и четвёртый уровни. Взбирающийся по нему противник был полностью открыт для стрел сверху. А когда часть врагов прорывалась, кандорцы обрушивали пандус, разделяя силы противника и обрекая отрезанных на смерть, пока остальные силы ищут путь наверх внутри башни.

Маленарин поднимался быстрым шагом. Периодические бойницы по бокам ступенек позволяли лучникам обстреливать захватчиков, поднимавшихся по нижним лестничным пролетам. Преодолев полпути, он услышал шаги кого–то, спешащего навстречу. В следующую секунду из-за поворота показался Джарген, сержант дозора. Как и многие кандорцы, он носил раздвоенную бороду; его чёрные волосы были тронуты сединой.

Джарген вступил в Дозор Запустения на следующий же день после своих четырнадцатых именин. Рукав его коричневой формы был обвязан шнуром в районе плеча; каждый узел на нём означал убитого им троллока. Узлов было уже почти полсотни.

Джарген отдал честь, прижав руку к груди, затем опустил ладонь на рукоятку меча в знак уважения к своему командиру. Во многих странах это было бы оскорблением, ведь южане были такими капризными и вспыльчивыми. Неужели они не понимали, что, касаясь меча в присутствии командира, они оказывали ему честь, считая его достойным противником?

– Милорд, – хрипло сказал Джарген, – сигнал с Башни Рена.

– Что? – переспросил Маленарин. Теперь они вдвоём спешно поднимались наверх.

– Сомнений нет, сэр, – ответил Джарген. – Сам его видел, своими глазами. Всего лишь одна вспышка, но она точно была.

– Поправку присылали?

– Сейчас уже могли и прислать. Я сразу побежал за вами.

Если бы было что-то ещё, Джарген уже бы сказал, поэтому Маленарин не стал понапрасну сотрясать воздух и выспрашивать дальше. Вскоре они уже были на вершине башни, где размещалось огромное устройство, состоящее из зеркал и ламп. С помощью этого прибора с башни можно было посылать сообщения на запад и на восток, где по границе Запустения тянулись другие башни, а также на юг вдоль линии башен, ведущей к Айздайшарскому дворцу в Чачине.

Его башню окружало бескрайнее холмистое плато кандорского нагорья. Часть южных холмов до сих пор окаймлял легкий утренний туман. Там, на юге, земля, не затронутая неестественной жарой, скоро покроется зеленью, и кандорские

пастухи поведут своих овец пастись на горных пастбищах.

К северу лежало Запустение. Маленарин как-то читал о временах, когда его едва можно было разглядеть с этой башни. Теперь же оно подходило почти к самому её основанию. Башня Рена находилась к северо-западу. Её командир – Лорд Ниах из Дома Окатомо – был дальним родственником и хорошим другом Маленарина. Он не стал бы посылать сигнал без причины, а в случае ошибки отправил бы отмену.

– Другие сигналы были? – спросил Маленарин.

Дежурные солдаты покачали головами. Джарген начал постукивать ногой, а Маленарин сложил руки на груди в ожидании поправки.

Молчание. Башня Рена стояла внутри Запустения, так как находилась севернее Башни Хит. Но обычно это не вызывало неприятностей. Даже самые грозные твари Запустения знали, что кандорские башни лучше не трогать.

Поправок не приходило. Ни единого мерцания.

– Отправьте на Рену сообщение, – сказал Маленарин. – Спросите, была ли эта вспышка случайной. Затем запросите Башню Фармэй, не заметили ли они чего-нибудь необычного.

Джарген отправил людей выполнять приказ, но при этом бросил на Маленарина хмурый взгляд, будто бы спрашивая: «Ты думаешь, я этого ещё не сделал?»

Это означало, что сообщения уже были отосланы, но ответ так и не пришёл. К свисту ветра на крыше добавился скрежет стали зеркальных приборов, с помощью которых солдаты отсылали очередную серию вспышек. Ветер был влажным. И очень горячим. Маленарин поднял взгляд к небу – туда, где клубилась и бушевала всё та же чёрная буря. Казалось, она притихла.

Это его сильно обеспокоило.

– Отправьте сообщение в другую сторону, – сказал он, – на тыловые башни. Передайте им то, что мы видели. Предупредите, чтобы были готовы к неприятностям.

Солдаты приступили к работе.

– Сержант, – продолжил Маленарин, – кто следующий гонец по списку?

Гарнизон башни включал небольшую группу юношей, отличных наездников. Если командиру нужно было обойтись без зеркал, он мог послать этих легких ребят на быстрых скакунах. Зеркала были быстрее, но свет мог заметить враг. Кроме того, если бы линия башен была нарушена или прибор бы вышел из строя, то понадобился бы другой способ передать весть в столицу.

– Следующий… – ответил Джарген, сверяясь со списком, прикреплённым к внутренней стороне двери на крышу, – это

Кимлин, милорд.

Кимлин. Его Кимлин.

Маленарин посмотрел на северо-запад, на безмолвную башню, пославшую тот зловещий сигнал.

– Сообщите мне, если будет хотя бы намёк на ответ от других башен, – обратился Маленарин к солдатам. – Джарген, за мной.

Вдвоём они поспешили вниз по ступенькам.

– Нужно послать гонца на юг, – сказал Маленарин, затем остановился. – Нет. Нет, нужно послать несколько гонцов. Двоих. На случай, если башни падут. – Он вновь двинулся вперёд.

Спустившись по лестнице, они вошли в кабинет Маленарина. Там он схватил своё лучшее перо с полки на стене. Этот треклятый ставень снова раскачивался и стучал на ветру. Зашелестев бумагой, он вытащил чистый лист.

«Рена и Фармэй не отвечают на вспышки. Возможно, захвачены или в трудном положении. Будьте бдительны. Хит выстоит».

Маленарин свернул листок и передал его Джаргену. Тот взял его твёрдой рукой, прочитал, затем пробормотал:

– Значит, две копии?

– Три, – ответил Маленарин. – Собери лучников и отправь их на крышу. Скажи им, что опасность может прийти сверху.

Если он не просто шарахался от теней – если башни по обе стороны от Хит так быстро пали – с башнями к югу могло произойти то же самое. И если бы нападение организовывал он, то он сделал бы всё возможное, чтобы сначала незаметно прокрасться и захватить одну из южных башен. Это был лучший способ добиться того, чтобы ни одно сообщение не достигло столицы.

Джарген отдал честь, приложив кулак к груди, и удалился. Сообщение будет отослано немедленно: трижды понесется вскачь на лошадях и один раз – с помощью света. Маленарин позволил себе ощутить небольшое облегчение, ведь его сын был одним из тех, кто отправлялся в безопасное место. В этом не было никакого позора; послания нужно было доставить, а Кимлин был следующим по списку.

Маленарин выглянул из окна. Оно смотрело на север, в Запустение. Так было в кабинете каждого командира. За окном кипела буря. Казалось, что серебристые облака порой принимали правильную геометрическую форму. Маленарин внимательно выслушивал проезжавших мимо торговцев. Наступали беспокойные времена. Королева не ушла бы на юг в поисках Лжедракона, каким бы ловким и влиятельным он ни был. Она верила.

Пришло время Тармон Гай'дон. Когда Маленарин вглядывался в эту бурю, ему казалось, что он видит конец самого времени. Конец, который был вовсе не так уж далёк. Тьма сгущалась. И на земле под ней, к северу, тоже становилось темно.

И эта тьма приближалась.

Маленарин выскочил из комнаты и помчался вверх по ступеням на крышу, где среди перемещавших зеркала людей бушевал ветер.

– Сообщение на юг уже отправили? – спросил он.

– Да, сэр, – ответил лейтенант Ландалин. Его вызвали, чтобы он принял командование на крыше башни. – Ответа пока нет.

Взглянув вниз, Маленарин различил трёх всадников, удалявшихся от башни на полном скаку. Гонцы отбыли. Они остановятся в Барклане, если на него еще не напали. Оттуда местный капитан, на всякий случай, отправит их дальше на юг. А если Барклан не выстоял, парни сами поскачут дальше, если будет нужно – до самой столицы.

Маленарин вновь повернулся к буре. Эта приближающаяся тьма выводила его из себя. Она наступала.

– Поднять щиты на стены, – приказал он Ландалину. – Вскрыть запоры хранилищ и освободить подвалы. Пусть заряжающие соберут все стрелы и организуют пункты пополнения для лучников. Расставить стрелков у всех узких мест, бойниц и окон. Поставить котлы на огонь, назначить людей для сброса внешних пандусов. Приготовиться к осаде.

Солдаты поспешили выполнять приказы, выкрикиваемые Ландалином. Маленарин услышал шорох сапог позади себя и оглянулся. Джарген вернулся?

Нет. Это был юноша почти четырнадцати лет, ещё слишком молодой для бороды, с взъерошенными тёмными волосами. Пот градом катился по его лицу, видимо, после подъёма на седьмой уровень башни бегом.

Кимлин. Маленарин почувствовал укол страха, тут же сменившийся злостью.

– Солдат! Тебе было приказано доставить послание!

Кимлин закусил губу.

– Видите ли, сэр, – заговорил он, – Тиан, четвёртый после меня в списке, легче меня на пять, а может, даже на десять фунтов. Это большая разница, сэр. Он скачет намного быстрее, а я подумал, что послание очень важное. Поэтому я попросил отправить его вместо меня.

Маленарин нахмурился. Мимо них проносились солдаты, сбегая вниз по лестнице или собираясь с луками по краям башни. Снаружи завывал ветер, послышались тихие – но настойчивые –

звуки грома.

Кимлин встретил его взгляд.

– Мать Тиана, Леди Ябет, потеряла в Запустении четырёх сыновей, – сказал он так тихо, что только Маленарин мог его услышать. – Кроме Тиана у неё никого больше не осталось. Если кому-то и должен был выпасть шанс выбраться отсюда, сэр, то я решил, что это должен быть он.

Маленарин смотрел сыну в глаза. Мальчик понимал, что их ждало. Помоги ему Свет, он понимал. И послал другого вместо себя.

– Кралле! – рявкнул Маленарин, взглянув на одного из проходивших мимо солдат.

– Да, милорд Командор?

– Спустись в мой кабинет, – сказал он. – В моём дубовом сундуке лежит меч. Принеси его.

Солдат отдал честь и отправился исполнять приказ.

– Отец? – заговорил Кимлин. – Мои именины только через три дня.

Маленарин ждал, заложив руки за спину. Сейчас его самой главной задачей было находиться на своем посту, на виду у солдат и вселять в них уверенность. Кралле вернулся с мечом, на поношенных ножнах которого был изображён горящий дуб. Знак Дома Рэй.

– Отец… – повторил Кимлин. – Я…

– Это оружие вручается мальчику, когда он становится мужчиной, – перебил его Маленарин. – Кажется, с этим мы запоздали, сынок. Передо мной уже стоит мужчина.

Он держал меч в вытянутой правой руке. Солдаты на крыше повернулись в его сторону: стрелки с луками наготове; люди, работавшие с зеркалами; дозорные на дежурстве. Все они были Порубежниками, и все они получили мечи на свои четырнадцатые именины. У каждого из них когда-то перехватывало дыхание от этого замечательного ощущения достигнутого совершеннолетия. Такое происходило с каждым из них, но это не умаляло значения сегодняшнего события.

Кимлин опустился на одно колено.

– Зачем ты обнажаешь меч? – громко спросил Маленарин, чтобы каждый человек на крыше башни его слышал.

– Для защиты моих чести, семьи или родины, – ответил Кимлин.

– До каких пор ты сражаешься?

– Пока мой последний вздох не сольётся с северным ветром.

– Когда ты оставишь дозор?

– Никогда, – прошептал Кимлин.

– Громче!

– *Никогда!*

– Как только этот меч будет обнажён, ты станешь воином, и он всегда будет рядом с тобой, готовый сражаться с Тенью. Готов ли ты обнажить этот клинок и присоединиться к нам мужчиной?

Кимлин поднял взгляд, затем крепко обхватил рукоять меча и вытащил его из ножен.

– Поднимайся мужем, сын мой! – объявил Маленарин.

Кимлин встал, высоко подняв меч, блестящий клинок которого отражал рассеянный солнечный свет. С крыши башни послышались одобрительные возгласы.

В такой момент не было ничего постыдного в слезах. Маленарин сморгнул их, затем встал на колено и застегнул портупею на поясе Кимлина. Люди продолжали радостно кричать, и он знал, что это не только из-за его сына. Они кричали, бросая вызов Тени. На мгновение их голоса заглушили гром.

Маленарин поднялся и положил руку на плечо сына, пока тот убирал меч обратно в ножны. Вместе они повернулись навстречу приближающейся Тени.

– Там! – крикнул один лучников, указывая вверх. – Что-то в облаках!

– Драгкар! – закричал другой.

Неестественные облака теперь были ближе, и отбрасываемая ими тень не могла больше скрывать накатывающуюся орду троллоков внизу. Что-то появилось в небе, и дюжина лучников пустили стрелы. Тварь завопила и упала вниз, неуклюже хлопая тёмными крыльями.

Джарген протолкался к Маленарину.

– Милорд, – заговорил он, бросив взгляд на Кимлина, – мальчик должен быть внизу.

– Он больше не мальчик, – с гордостью ответил Маленарин. – Он мужчина. Докладывай.

– Всё готово. – Джарген выглянул за стену, невозмутимо разглядывая приближавшихся троллоков, словно осматривал лошадей на конюшне. – Это дерево им так просто не срубить.

Маленарин кивнул. Плечо Кимлина было напряжено. Море троллоков, казалось, не имело конца. Против такого сильного врага башня в конце концов падёт. Троллоки будут атаковать без конца, волна за волной.

Но каждый человек на крыше этой башни знал свой долг. Они будут убивать Отродий Тени так долго, как смогут, в надежде выиграть время для гонцов.

Маленарин был Порубежником, как и его отец, как и его сын рядом с ним. Они знали свою задачу. Держаться, пока их не

сменят.

Вот и всё.

Глава 1

Первым делом яблоки

Вращается Колесо Времени, Эпохи приходят и уходят, оставляя воспоминания, которые становятся легендой. Легенды стираются, превращаясь в мифы, и даже миф оказывается давно забыт, когда Эпоха, его породившая, приходит вновь. В одну Эпоху, которую некоторые называют Третьей, Эпоху, которая еще придёт, Эпоху, давно минувшую, над туманными пиками Имфарала поднялся ветер. Ветер не был началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Но некое начало было положено.

Свежий и легкий, ветер протанцевал среди горных лугов с молодой травой, схваченной морозцем. Мороз сохранился и с рассветом, который скрывали вездесущие облака, словно посмертная маска висевшие в вышине. Тучи не рассеивались уже много недель, что было заметно по блёклой, пожелтевшей траве.

Направившись на юг, ветер всколыхнул утренний туман и обдал волной холода небольшое стадо *тормов*. Животные разлеглись на плоском, испещрённом лишайником гранитном выступе, напрасно ожидая возможности погреться в лучах утреннего солнца, которое так и не покажется. Ветер пролетел над выступом, устремившись вниз по склону, заросшему всклокоченными деревьями *мура* с лохматой корой, похожей на сученые веревки, и зелеными пучками толстых игольчатых листьев на макушках.

У основания предгорий ветер свернул на восток и промчался над открытым пространством, расчищенным солдатскими топорами от деревьев и кустарника. Простреливающаяся просека окружала тринадцать высоких башен, высеченных целиком из черного мрамора. Каменные блоки нарочно оставили грубо обтесанными, чтобы придать им ощущение первозданной, несформировавшейся мощи. Эти башни были предназначены для войны. По традиции они пустовали. Долго ли еще это продлится? Долго ли на охваченном хаосом континенте будут помнить о самой этой традиции? Время покажет.

Ветер продолжил свой путь на восток и скоро уже играл с мачтами полусгоревших кораблей в доках Такисрома. Далее в Сонном Заливе ветер пролетел мимо нападавших – чудовищно огромных кораблей с кроваво-красными парусами. Выполнив свою мрачную работу, они направлялись на юг.

Ветер снова вернулся на сушу, пролетев мимо дымящихся городков и деревень, равнин, покрытых выстроившимися войсками, и доков, набитых военными кораблями. Под мрачным небом хозяина доков, над умирающей травой взметались дым и боевые кличи, реяли знамёна.

Люди уже не шептали, что близится конец времён. Они об этом вопили. Равнины Покоя полыхают огнем, Башня Воронов, как и было предсказано, разрушена, а в Шондаре открыто правит убийца. Настало время поднять свой меч и выбрать, на чьей ты стороне, а затем, чтобы придать умирающей земле окончательный цвет, пролить кровь.

Ветер, завывая, устремился сквозь знаменитые Изумрудные Скалы на восток и направился за океан. Оставшийся позади континент Шончан, казалось, дымился весь целиком.

Много часов ветер дул, образуя то, что в другую Эпоху назовут пассатами, петляя между барашками волн и тёмными, таинственными валами. Наконец ветер достиг другого континента, который притих, словно затаивший дыхание человек в ожидании удара топора палача.

К тому времени, когда ветер достиг громадной горы с изломанной верхушкой, которая была известна как Драконова Гора, он растерял большую часть своей силы. Он облетел вокруг основания горы, затем промчался сквозь огромный яблоневый сад, залитый дневным светом. Некогда зелёные листья уже пожелтели.

Ветер пролетел мимо низкой деревянной изгороди, связанной бурым льняным шпагатом. Рядом с нею стояли двое: юноша и угрюмый пожилой мужчина. Старший из них был одет в поношенные коричневые брюки и свободную белую рубаху с деревянными пуговицами. Его лицо было таким морщинистым, что напоминало кору дерева.

Алмен Бант не слишком разбирался в садах. О да, у него на ферме в Андоре росло несколько деревьев. Да у кого их не было? Деревце или парочка, чтобы заполнить фруктами место на обеденном столе? В день, когда они поженились с Адринн, он даже посадил пару ореховых деревьев. После её смерти так хорошо было любоваться ими, сидя у окна.

Ухаживать же за целым фруктовым садом было совершенно другим делом. Здесь росло около трёхсот деревьев. Этот сад принадлежал его сестре; он гостил у неё, а его сыновья присматривали за его фермой неподалеку от Кариброда.

В кармане рубашки у Алмена лежало письмо от сыновей – полное отчаяния, с просьбой о помощи, но он не мог поехать к ним. Он был нужен здесь. К тому же сейчас ему было лучше

держаться подальше от Андора. Он был сторонником Королевы. Ещё совсем недавно быть сторонником Королевы грозило проблемами не меньшими, чем иметь на пастбище слишком много коров.

– Что нам делать, Алмен? – спросил Адим. – Эти деревья… Такого же *не должно* было случиться.

Тринадцатилетнему парнишке в наследство от отца достались золотистые волосы.

Алмен потер подбородок, обнаружив пропущенный при бритье пучок волосков. Подошел Хан, старший брат Адима. Весной в подарок к приезду дяди парень вырезал для Алмена деревянный протез зубов. Замечательные штуковины, связанные между собой проволокой, с промежутками для немногих сохранившихся зубов. Но если жевать слишком сильно, то и они выйдут из строя.

Деревья стояли ровными рядами через идеально равные промежутки. Грэгер – зять Алмена – всегда был педантичным. Но он умер, и именно поэтому Алмен приехал. Вдаль на многие спаны тянулись аккуратные ряды бережно подрезаемых, удобряемых и поливаемых деревьев.

И за одну ночь каждое из них сбросило свои плоды. Крошечные яблочки, едва-едва выросшие размером с большой палец мужчины. Тысячи яблок. Увяли за ночь и опали. Весь урожай погиб.

– Не знаю, что сказать, ребята, – наконец признался Алмен.

– Ты – и не можешь найти слов? – переспросил Хан. У брата Адима были более тёмные, в мать, волосы. Для своих пятнадцати лет парнишка был высоким. – Дядюшка, у тебя всегда слов было не меньше, чем у полночи хлеставшего бренди менестреля!

Хану нравилось быть защитой и опорой для своего брата теперь, когда он стал главой семьи. Но иногда неплохо поволноваться.

И Алмен как раз был обеспокоен. *Очень* обеспокоен.

– У нас зерна едва хватит на неделю, – тихо сказал Адим. – И то, что у нас есть, мы получили в счёт будущего урожая. Больше никто нам ничего не даст. Ни у кого ничего *не осталось*.

Этот фруктовый сад был одним из крупнейших поставщиков в округе. В разные периоды времени в нём подрабатывало до половины жителей деревни. Они зависели от сада. Они *нуждались* в нем. Когда так много еды портилось, когда все запасы были израсходованы в течение этой неестественной зимы…

А потом случилось то происшествие, когда погиб Грэгер. Мужчина просто исчез, завернув за угол дома в Нежином Мосту.

Когда люди отправились на его поиски, они обнаружили лишь искривлённое дерево без листьев с серо-белым стволом, от которого пахло серой.

Той ночью на нескольких дверях появился Клык Дракона. Люди становились всё более и более дерганными. Когда-то Алмен назвал бы их дураками, боящихся любой тени и видящих проклятых троллоков под каждым булыжником.

Теперь же… что ж, теперь он не был так уверен. Он посмотрел на восток, в сторону Тар Валона. Не могут ли ведьмы быть виновны в потерянном урожае? Ему совершенно не нравилось близкое соседство с их логовом, но Элизе была нужна помощь.

То дерево срубили и сожгли. Но на площади до сих пор пахло серой.

– Дядюшка? – голос Хана прозвучал нервно. – Что… что нам делать?

– Я…

А что ещё им было *делать*?

– Чтоб мне сгореть, но нам всем нужно ехать в Кэймлин. Уверен, новая Королева уже навела порядок. Мы могли бы решить мой вопрос по закону. Разве слыхано, чтобы за поддержку Королевы за голову человека назначали награду?

Он понял, что заговаривается. Мальчики не сводили с него глаз.

– Нет, – продолжил Алмен. – Чтоб мне сгореть, ребята, но это неправильно. Мы не можем уехать. Нам нужно продолжать работать. Когда двадцать лет назад я потерял целое поле проса из-за поздних заморозков, ситуация была ничуть не лучше этой. Переживем и её – это точно, как сам Свет.

Деревья сами по себе выглядели неплохо. Ни следа вредителей, листья слегка пожухли, но всё еще свежие. Конечно, деревья зацвели весной позже обычного, и яблоки росли медленней. Но они росли.

– Хан, – неожиданно для себя сказал Алмен. – Ты знаешь, что топор твоего отца зазубрился? Почему бы тебе его не наточить? Адим, позови-ка Усо и Мура с телегами. Мы переберем падалицу. Посмотрим, вдруг там есть не слишком гнилые. Возможно, их съедят свиньи.

По крайней мере, у них осталось ещё две свиньи. Правда, этой весной не было поросят.

Юноши медлили.

– Поспешите-ка, – сказал Алмен. – Нам не повезло, но это не причина, чтобы лентяйничать.

Парни послушно умчались. От праздности родятся праздные

мысли. Работа не даст им задуматься о том, что ждет впереди.

Но ему от этого было не легче. Он опёрся о забор, чувствуя под руками шероховатую поверхность неошкуренных досок. Ветер снова трепал полы его рубахи; Адринн всегда заставляла его заправлять рубашку, но теперь её больше не было, а ему… что ж, ему никогда это не нравилось.

Тем не менее он заправился.

Запах, висевший в воздухе, был каким-то неправильным. Затхлым, как в городе. Над сморщенными комочками, которые когда-то были яблоками, уже начали виться мухи.

Алмен прожил долгую жизнь. Он никогда не считал прожитые года, Адринн всегда делала это за него. Это было не важно. Он знал, что пожил немало, вот и всё.

На своем веку он видел нашествия насекомых, видел, как посевы гибнут от наводнений, от засухи или из-за халатности. Но за все эти годы он никогда не видел ничего подобного. В этом было нечто зловещее. Деревня и так уже голодала. Они не обсуждали это, особенно при детях и молодежи. Взрослые потихоньку отдавали всё, что у них было, детям и кормящим женщинам. Но у коров пропадало молоко, припасы портились, посевы гибли.

В письме, лежащем в кармане, говорилось, что на его собственную ферму напали проходившие мимо наёмники. Они никому не причинили вреда, но забрали всё до крошки. Его сыновья выживали лишь благодаря тому, что выкапывали и варили недозревшую картошку. Они обнаружили, что девятнадцать картофелин из двадцати сгнили ещё в земле и, несмотря на зеленую ботву, необъяснимым образом оказались червивыми.

Десятки деревень в округе испытывали те же трудности. Ни у кого не было еды. Даже в Тар Валоне возникли проблемы с продовольствием для жителей.

Уставившись на аккуратные, безукоризненные ряды бесполезных яблонь, Алмен ощутил сокрушительную тяжесть. Тяжесть от попытки сохранить уверенность. Тяжесть наблюдения за тем, как всё, над чем трудилась его сестра, портится и гниёт. Эти яблоки… предполагалось, что они спасут деревню и его сыновей.

В животе забурчало. В последнее время такое случалось частенько.

«Вот и всё, так? – *подумал он, опустив взгляд на ненормально жёлтую траву под ногами.* – Вот бой и закончился».

Алмен тяжело ссутулился, ощущая бремя на своих плечах. Он подумал об Адринн. Было время, когда он был весел и болтлив.

Теперь же он чувствовал себя изношенным словно колышек, который шкурили, шкурили и шкурили, пока от него не осталась только лучина. Возможно пришло время уходить.

Он почувствовал что-то на шее. Тепло.

Помедлив, он поднял усталый взгляд к небу. Его лицо омыл солнечный свет. У Алмена отвалилась челюсть: слишком долго он не видел ясного солнечного света. Он был такой ласковый, словно тепло печи, в которой Адринн выпекала из опары краюхи плотного хлеба. Свет струился сквозь широкий разрыв в облаках.

Алмен выпрямился, прикрыв глаза рукой. Глубоко вдохнул и почувствовал… аромат цветущих яблонь? Он резко обернулся.

Яблони расцвели.

Это было совершенно невероятно. Он протер глаза, но видение не развеялось. Яблони цвели, все до одной. Белые цветы распускались, пробиваясь меж листьев. В воздухе зажужжали и улетели прочь унесённые ветерком мухи. Тёмные комки яблок на земле *расплавились*, словно воск на огне. В считанные секунды от них ничего не осталось, даже сока. Земля вобрала их в себя.

Что происходит? Яблони не цветут дважды. Неужели он сходит с ума?

На дорожке, идущей мимо сада, послышались тихие шаги. Алмен повернулся и увидел высокого молодого человека, спускавшегося с холмов. У него были темно-рыжие волосы и одежда, больше походившая на лохмотья: коричневый плащ с широкими рукавами и простая белая льняная рубашка под ним. Штаны выглядели более приличными – черные вышитые золотом по отворотам.

– Эй, незнакомец, – сказал Алмен, подняв руку, не зная, что еще можно сказать: он даже не был уверен, не померещилось ли ему то, что он видел. – Ты… Ты не заблудился в холмах?

Мужчина остановился, резко обернувшись. Он выглядел так, будто не ожидал увидеть здесь людей. Вздрогнув, Алмен понял, что левая рука парня оканчивалась культей.

Незнакомец огляделся, затем глубоко вдохнул.

– Нет. Я не блуждаю. Наконец-то. Кажется, давно я не видел лежащий передо мной путь так ясно.

Алмен почесал щеку. Чтоб ему сгореть, там оказался еще один клочок волос, который он пропустил при бритье. Его руки теперь так тряслись, что он мог с тем же успехом вообще не бриться.

– Значит, нет? Сынок, эта дорога ведет только к склонам Драконовой Горы. Если ты надеялся поймать какую-нибудь дичь, то в этих местах извели всё подчистую. Там нет ничего стоящего.

– Я бы так не сказал, – сказал незнакомец, бросив взгляд

через плечо. – Вокруг всегда найдется что-то стоящее, если хорошенько присмотреться. Но нельзя заниматься созерцанием слишком долго. Познавать, но не быть поглощенным знанием – так достигается равновесие.

Алмен сложил руки на груди. Слова этого парня… казалось, они с ним говорят каждый о своем. Возможно, у парня не всё в порядке с головой. Хотя было что-то в этом человеке. В том, как он стоял, в том, какая спокойная сила была в его взгляде. Алмену захотелось выпрямиться и отряхнуть свою рубашку, чтобы выглядеть поприличней.

– Я тебя знаю? – спросил Алмен. Было что-то знакомое в этом молодом человеке.

– Да, – ответил парень и кивком головы указал на сад. – Созови своих людей, и соберите яблоки. В скором времени они понадобятся.

– Яблоки? – переспросил Алмен, оборачиваясь. – Но…

Он замер. Деревья ломились от только что созревших красных яблок. Цветы, которые он видел чуть раньше, опали и покрыли землю белым, словно снег, ковром.

Эти яблоки, казалось, сияли. На каждом дереве их были не десятки, а сотни. Больше, чем должно было вырасти на дереве, и каждое – совершенно спелое.

– Я *и впрямь* схожу с ума, – произнес Алмен, поворачиваясь к парню.

– Это не ты сошел с ума, друг, – сказал незнакомец. – А весь мир. Быстрее собирай урожай. Мое присутствие, полагаю, на какое-то время его задержит, и всё, что вы соберете сейчас, будет спасено от его прикосновения.

Этот голос... Эти глаза, словно вырезанные из серых драгоценных камней и вставленные в глазницы.

– Я *действительно* знаю тебя, – сказал Алмен, вспомнив странную парочку юношей, которых он подобрал на свою повозку несколько лет назад. – Свет! Ведь ты же он, так? Тот, о ком все говорят?

Парень обернулся на Алмена. Встретившись взглядом с этими глазами, Алмен ощутил странный покой.

– Похоже на то, – сказал мужчина. – Люди часто говорят обо мне.

Он улыбнулся, затем развернулся и продолжил свой путь по тропинке.

– Подожди, – сказал Алмен, протянув руку к мужчине, который мог быть только Драконом Возрожденным. – Куда ты идешь?

Мужчина слегка поморщился, оборачивась.

– Собираюсь покончить с тем, что я откладывал прежде. Сомневаюсь, что ей понравится то, что я ей скажу.

Алмен опустил руку, наблюдая, как странник зашагал вдоль забора по тропинке между садами, деревья в которых сгибались под тяжестью кроваво-красных яблок. Алмену показалось – на мгновение – что он сумел заметить нечто вокруг этого человека. Около него в воздухе дрожало и изгибалось сияние.

Алмен проследил, пока тот не скрылся из вида, затем бросился к дому Элизы. Застарелая боль в бедре пропала, и он чувствовал себя так, будто мог пробежать дюжину лиг. На полпути к дому он встретил Адима и двоих рабочих, направлявшихся к саду. Они озабоченно уставились на него, когда он резко остановился.

Потеряв дар речи, Алмен повернулся и ткнул пальцем в сторону сада. Яблоки, словно веснушки, красными пятнами сверкали посреди зеленой листвы.

– Что это? – спросил Усо, потирая свое длинное лицо. Мур покосился на сад и бегом припустил к нему.

– Собери всех, – сказал Алмен, переводя дух. – Всех, из нашей деревни и из соседних деревень, останавливай прохожих на Шиманской дороге. Всех. Веди их сюда собирать.

– Собирать что? – хмуро переспросил Адим.

– Яблоки, – ответил Алмен. – Что еще, проклятье, растет на яблонях? Слушай, нам нужно собрать все яблоки до конца дня. Слышишь меня? Беги! Передай остальным! У нас всё-таки есть урожай!

Конечно же. они побежали посмотреть. Трудно было винить их за это. Алмен продолжил свой путь и в тот же момент впервые заметил, что трава вокруг него выглядит зеленее и свежее.

Он посмотрел на восток. Алмен чувствовал, как что-то тянет его изнутри. Что-то мягко тащило его в том направлении, куда ушел странник.

«Нет, первым делом – яблоки», *– подумал он. А уж потом… что ж, потом видно будет.*

Глава 2

Проблемы лидерства

В вышине пророкотал гром, тихий и зловещий, словно далёкое звериное рычание. Перрин поднял взгляд к небу. Несколько дней назад распространяющаяся всё дальше пелена туч стала чёрной, потемнев будто в предвестии ужасной бури, но дождь лишь несколько раз покапал.

Воздух потряс очередной раскат грома. Молний не было. Перрин похлопал Трудягу по шее. От коня пахло испугом, беспокойством и потом. И не только от коня. Этот запах висел над огромной колонной солдат и беженцев, шедших по раскисшей земле. Это людское столпотворение создавало свой собственный гром из топота шагов, стука копыт, скрипа колёс фургонов, голосов мужчин и женщин.

Они почти добрались до Джеханнахского тракта. Изначально Перрин планировал пересечь его и продолжить путь на север, в Андор, но он потерял уйму времени из-за поразившей лагерь болезни – оба Аша'мана едва не умерли. А затем эта густая грязь ещё сильнее замедлила их продвижение. В общем, прошло уже больше месяца с того момента, как они покинули Малден, но продвинулись они лишь на расстояние, которое Перрин изначально рассчитывал преодолеть за неделю.

Засунув руку в карман куртки, Перрин нащупал небольшую игрушку–головоломку. Они подобрали её в Малдене, и он привык вертеть её в руках. И до сих пор не смог понять, как её разобрать. Эта головоломка оказалась самой сложной из всех, что он только видел.

Не было ни следа мастера Гилла или других людей, которых Перрин отправил вперёд с припасами. Грейди несколько раз открывал небольшие переходные врата, чтобы отправить разведчиков найти пропавших, но все они возвращались с пустыми руками. Перрин начинал беспокоиться за пропавших.

– Милорд? – обратился к нему мужчина, стоявший рядом с лошадью. Туорн был долговязым парнем с курчавыми рыжими волосами и бородой, перевязанной кожаными шнурками. В поясной петле он носил боевой топор – зловещую штуковину с шипом на обухе.

– Мы сможем заплатить лишь немного, – сказал Перрин. – У твоих людей ведь нет лошадей?

– Нет, милорд, – ответил Туорн, бросив взгляд на своих

товарищей. – У Джарра была. Мы съели её пару недель назад. – От Туорна пахло немытым телом и грязью, но помимо этих запахов ещё и странной чёрствостью. Неужели у этого парня омертвели все чувства? – Если не возражаете, милорд, то с оплатой можно подождать. Если у вас есть еда, этого пока будет достаточно.

«Мне надо бы отказать им, – подумал Перрин. – *У нас и так уже слишком много голодных ртов».* Свет, ему уже следовало *избавляться* от лишних людей, но эти парни выглядели умелыми в обращении с оружием, и если он даст им от ворот поворот, то они, несомненно, примутся грабить.

– Отправляйтесь в конец обоза, – сказал Перрин. – Разыщите человека по имени Тэм ал'Тор – крепкого мужчину, одетого, как фермер. Любой укажет вам, где он. Скажите ему, что поговорили с Перрином, и я сказал нанять вас за еду.

Грязные спутники Туорна расслабились, а от самого их долговязого главаря, как ни странно, пахло благодарностью. Благодарностью! Наёмники, возможно даже разбойники, были благодарны за то, что их наняли всего лишь за еду. Вот до чего докатился мир.

– Скажите, милорд, – обратился к нему Туорн, когда его отряд направился вдоль колонны беженцев, – у вас и вправду есть еда?

– Да, – ответил Перрин. – Я же сказал.

– И она не портится, если её оставить на ночь без присмотра?

– Конечно же нет, – строго сказал Перрин, – если хранить её правильно.

В имевшемся у них зерне, наверное, были долгоносики, но оно было вполне съедобно. Этот парень, кажется, посчитал это таким же невероятным, как если бы Перрин заявил, что его фургоны скоро отрастят крылья и улетят за горы.

– Иди-ка теперь, – сказал Перрин, – и обязательно передай своим людям, что у нас в лагере строгая дисциплина. Никаких драк, никакого воровства. Если я почую, что вы создаёте проблемы, вас за уши выбросят из нашего обоза.

– Да, милорд, – сказал Туорн и поспешил присоединиться к своим спутникам. От него пахло искренностью. Тэм не обрадуется очередной кучке наёмников, требующей постоянного присмотра, но Шайдо до сих пор находились где-то поблизости. Большая часть из них, кажется, повернула на восток, но войско Перрина двигалось так медленно, что Айил могли передумать и вернуться.

Он послал Трудягу вперёд, сопровождаемый по бокам парой двуреченцев. Теперь, когда Айрам погиб, двуреченцы, к сожалению, посчитали своим долгом предоставить Перрину

телохранителей. Сегодня источником раздражения были Вил ал'Син и Рид Солен. Перрин попытался как-то повозмущаться по этому поводу, но двуреченцы настояли на своём, а у него были и другие причины для беспокойства, поважнее. И не последними в этом списке были его странные сны, преследовавшие его видения о работе в кузнице и неспособности создать хоть что-нибудь стоящее.

«Выбрось их из головы, – сказал он себе, проезжая вдоль длинной колонны людей в сопровождении ал'Сина и Солена. – *У тебя и наяву кошмаров предостаточно. Сперва с ними разберись».*

Вокруг него раскинулся открытый луг, но трава на нём пожелтела, и Перрин с досадой отметил несколько больших полос увядших и гниющих полевых цветов. Из-за весенних дождей земля в большинстве мест вроде этого превратилась в грязевые ловушки. Передвигаться с таким большим числом беженцев выходило медленно, даже если не считать пузырь зла и эту грязь. Всё занимало намного больше времени, чем он рассчитывал, даже уход из Малдена.

Проходящее войско поднимало брызги грязи. У большинства беженцев ею были вымазаны и штаны, и рубахи, а в воздухе висел её липкий запах. Перрин приблизился к передним рядам колонны, проезжая мимо высоко поднявших копья всадников в алых нагрудниках и похожих на горшки шлемах. Крылатая Гвардия Майена. Впереди них ехал лорд Галленне, его шлем с алым плюмажем был приторочен у седла. Он держался настолько торжественно, что можно было подумать, будто он выступает на параде, но его единственный глаз смотрел остро и внимательно наблюдал за окрестностями. Хороший солдат. В войске было немало хороших солдат, хотя временами не дать им вцепиться друг другу в глотки было не легче, чем согнуть подкову.

– Лорд Перрин! – воскликнул чей-то голос. Это Арганда, Первый Капитан Гэалдана, на высоком чалом мерине протолкался сквозь ряды майенцев. Его отряды широкой колонной ехали рядом с майенцами. С момента возвращения Аллиандре Арганда упорно настаивал на равноправии. Он жаловался, что Крылатая Гвардия чаще едет впереди. Чтобы избежать дальнейших споров, Перрин приказал их отрядам ехать бок о бок.

– Это была *ещё одна* кучка наемников? – требовательно спросил Арганда, осаживая своего коня рядом с Перрином.

– Небольшой отряд, – ответил Перрин. – Возможно, когда-то они были охраной какого-нибудь местного лорда.

– Дезертиры, – Арганда сплюнул в сторону. – Вам следовало послать за мной. Моя королева пожелала бы их вздёрнуть! Не забывайте, что сейчас мы на землях Гэалдана.

– Ваша королева – мой вассал, – сказал Перрин, добравшись до головы колонны. – Мы никого не вздёргиваем, пока у нас нет доказательств их вины. Когда все в целости и сохранности вернутся по домам, можете начинать разбираться с наёмниками и посмотрите, сможете ли вы кого-то в чём-то уличить. Но до тех пор все они просто голодные люди, которым нужно к кому-то прибиться.

Арганда источал запах недовольства. После успешной атаки на Малден Перрин получил несколько недель доброжелательного отношения Галленне и гэалданского капитана, но в этой бесконечной грязи под бурлящими грозовыми тучами над головой старые склоки вылезали наружу.

– Не беспокойтесь, – сказал Перрин. – Я распорядился, чтобы за новоприбывшими присмотрели.

Он также отдал приказ наблюдать за беженцами. Некоторые из них были так покорны, что без приказа сами и нужду бы не справили. Другие продолжали оглядываться по сторонам, будто ожидая, что вот-вот из-за дальней дубовой рощи или амбровых деревьев выскочат Шайдо. Люди, от которых так пахло ужасом, могли стать проблемой. Да и разные группировки в лагере *уже* ходили так, будто продираются через заросли чесоточной травки.

– Можете послать кого-то поговорить с новоприбывшими, Арганда, – сказал Перрин. – *Только* поговорить. Выясните, откуда они, узнайте, вправду ли они служили какому-то лорду, посмотрите, смогут ли они добавить что-то в наши карты.

У них не было ни единой подробной карты этих мест, и пришлось просить гэалданцев, включая Арганду, нарисовать хоть что-то по памяти.

Арганда уехал прочь, и Перрин подъехал к передней части колонны. В том, чтобы быть главным, были и приятные моменты; здесь запахи немытых тел и едкой грязи чувствовались не так сильно. Впереди наконец показался тракт – будто длинная полоска кожи, врезанная в горное плато и уходящая на северо-запад.

Некоторое время Перрин ехал погружённый в собственные мысли. Наконец они добрались до дороги. Распутица на дороге была не так ужасна, как в поле – впрочем, если эта дорога похожа на те, по которым Перрину уже доводилось ездить, то тут наверняка есть размытые и топкие участки.

Едва выехав на дорогу, он заметил приближающегося Гаула. Айилец был отправлен вперёд на разведку, и, как только конь ступил на дорогу, Перрин заметил, что позади Гаула кто-то едет на лошади. Это оказался Феннел, один из коновалов, которого Перрин отправил вместе с мастером Гиллом и остальными.

Увидев его, Перрин почувствовал облегчение, сменившееся беспокойством. Где же остальные?

– Лорд Перрин! – воскликнул мужчина, подъезжая ближе. Гаул отошёл в сторону. От широкоплечего Феннела с топором дровосека, притороченным за спиной, пахло облегчением. – Хвала Свету! Я уж думал, что вы никогда сюда не доберётесь. Ваш человек говорит, что у вас вышло освободить их?

– Да, Феннел, – нахмурившись, ответил Перрин. – Где остальные?

– Они двинулись дальше, милорд, – сказал Феннел, кланяясь прямо из седла. – Я вызвался остаться позади и подождать, пока вы нагоните нас. Понимаете ли, нам нужно кое-что объяснить.

– Объяснить?

– Все остальные повернули на Лугард, – пояснил Феннел. – По дороге.

– Что? – недовольно переспросил Перрин. – Я приказал им двигаться на север.

– Милорд, – смутился Феннел, – нам повстречались путники, пришедшие оттуда. Говорят, что из-за грязи дороги на север стали практически непроходимы для фургонов и повозок. Мастер Гилл решил, что лучшим способом исполнить ваш приказ будет направиться в Кэймлин через Лугард. Прошу прощения, милорд. Вот потому-то одному из нас пришлось остаться позади.

Свет. Неудивительно, что разведчики не обнаружили Гилла и остальных. Они ушли не в том направлении. Что ж, после того, как он сам неделями тащился по непролазной грязи, иногда останавливаясь и пережидая грозу, Перрин не мог винить их за то, что они сделали выбор в пользу хорошей дороги. Но это не отменяло его недовольства.

– Насколько мы отстали? – спросил Перрин.

– Я здесь уже пять дней, милорд.

Значит, Гилл и его спутники тоже двигались медленно. Хоть что-то хорошее, в конце концов.

– Иди возьми себе поесть, Феннел, – сказал Перрин. – И спасибо тебе, что остался ждать здесь, чтобы дать нам знать о произошедшем, в одиночку и так долго. Это было смело.

– Кто-то должен был сделать это, милорд, – он помедлил. – Многие боялись, что вы не… хм, что всё пошло не так, милорд. Видите ли, мы думали, что вы будете двигаться быстрее нас, ведь у нас были все эти телеги, но, как я теперь погляжу, вы решили взять с собой весь город.

К сожалению, это было недалеко от истины. Взмахом руки он отослал Феннела.

– Я обнаружил его у дороги в часе пути отсюда, – тихо

сообщил Гаул. – За холмом, который отлично подойдёт для лагеря. Много воды и оттуда хороший обзор.

Перрин кивнул. Ему придётся решить, что делать: ждать, пока Грейди и Неалд смогут создать большие переходные врата, чтобы отправиться вслед за мастером Гиллом и его людьми пешком, или послать большую часть людей на север и только небольшой отряд – в сторону Лугарда. Что бы он ни решил, лучше встать лагерем на денёк и обдумать всё как следует.

– Если можешь, передай остальным следующее, – обратился к Гаулу Перрин. – Мы идём по дороге к тому месту, что ты нашёл, там и обсудим, что делать дальше. И попроси нескольких Дев, чтобы они пробежались по дороге в другом направлении. Надо убедиться, что на нас никто внезапно не нападёт, подойдя с той стороны.

Гаул кивнул и отправился передать новости. Перрин остался верхом на Трудяге и погрузился в раздумья. Он едва не решился тут же послать Арганду и Аллиандре на север, в сторону Джеханнаха, но Девы обнаружили несколько разведчиков Шайдо, следивших за его армией. Очевидно, целью этой слежки было убедиться, что Перрин не представляет угрозу для Шайдо, но эта новость встревожила его. Сейчас опасные времена. Лучше пока держать Аллиандре и её людей поближе к себе для её и своей собственной безопасности – по крайней мере, до тех пор, пока Грейди и Неалд не придут в норму. От укусов змей, появившихся из пузыря зла, больше других пострадали оба Аша'мана и Масури, которая оказалась единственной укушенной Айз Седай. Впрочем, Грейди с каждым днём всё больше приходил в себя. Скоро он сможет открыть достаточно большие переходные врата, чтобы переправить через них армию. Тогда Перрин сможет отправить Аллиандре и двуреченцев по домам, а сам Переместится к Ранду будто бы мириться – большинство до сих пор считали, что они с Рандом повздорили – и тогда уж наконец-то отделается от Берелейн и её Крылатой Гвардии. Всё сможет вернуться на свои места.

Ниспошли Свет, чтобы всё получилось.

Он помотал головой, чтобы развеять водоворот цветных пятен и видений, что появлялись перед глазами каждый раз, как он думал о Ранде.

Неподалёку на дорогу выходили Берелейн и её люди . Судя по выражениям лиц, они были рады снова почувствовать под ногами твёрдую, не расползающуюся землю. На красивой темноволосой женщине было элегантное зелёное платье и пояс из огневиков, а вырез был до неловкости низким. Он стал доверять ей в отсутствие Фэйли, когда она перестала обходиться с ним, как

с призовым вепрем, которого нужно выследить и освежевать.

Теперь Фэйли вернулась, и, как оказалось, перемирие с Берелейн закончилось. Как обычно, рядом с ней ехала Анноура, хотя женщина больше не болтала с Берелейн, как прежде. Перрин так и не узнал, зачем Айз Седай встречалась с Пророком – возможно, что никогда и не узнает, учитывая случившееся с Масимой. В дне пути от Малдена разведчики Перрина наткнулись на тела застреленных из лука людей. Все они были ограблены – с них сняли обувь, пояса и всё ценное. Хотя вороны уже выклевали им глаза, запах Масимы Перрин почувствовал даже сквозь вонь разложения.

Пророк был мёртв, убит разбойниками. Что ж, возможно, это – подходящий для него конец, но Перрин всё равно чувствовал, что провалил задание. Ранд просил привести Масиму к нему. Перед глазами снова закружился цветной водоворот.

В любом случае, *настало* время Перрину возвращаться к Ранду. Цветные пятна снова завертелись, показав Ранда, стоящего перед обгоревшим фасадом какого-то здания, уставившись на запад. Перрин заставил видение исчезнуть.

Он исполнил свой долг, присмотрел за Пророком, обеспечил лояльность Аллиандре. Но всё равно Перрин чувствовал, что что-то не так. Он дотронулся до головоломки кузнеца, лежащей в кармане. *Чтобы понять что-то, нужно узнать, из чего оно состоит...*

Он услышал стук копыт лошади по мягкой земле и почувствовал запах Фэйли задолго до того, как она подъехала к нему. – Итак, Гилл повернул на Лугард? – спросила она, остановившись подле него.

Он кивнул.

– Возможно, мудрый ход. Вероятно, нам следует последовать за ним. Те люди, что присоединились к нам – очередные наёмники?

– Да.

– За последние несколько недель к нам присоединилось около пяти тысяч человек, – задумчиво промолвила она. – А может и больше. Странно, в такой-то глухомани.

Она была прекрасна: волосы цвета воронова крыла, волевые черты лица – типичный салдэйский нос и раскосые глаза. На ней было тёмно-бордовое платье для верховой езды. Перрин любил Фэйли всей душой и благодарил Свет за то, что сумел её вернуть. Почему же теперь, находясь рядом с ней, он чувствовал себя так неловко?

– Ты чем-то обеспокоен, муж мой, – заметила она. Она понимала его так хорошо, словно могла читать запахи. Всё-таки

это какая-то особая способность всех женщин. Берелейн тоже так умела.

– Мы собрали слишком много людей, – проворчал он. – Мне стоит начать прогонять их.

– Подозреваю, они всё равно найдут способ вернуться обратно.

– С чего бы это? Я мог бы оставить указания на этот счет.

– Ты не можешь приказывать самому Узору, муж мой, – она оглянулась на колонну людей, выходивших на дорогу.

– Что… – он осёкся, поняв, что она имела в виду. – Ты думаешь, это всё из-за меня? Из-за того, что я *та'верен*?

– С каждой остановкой в пути к тебе присоединяется всё больше последователей, – сказала Фэйли. – Несмотря на потери в сражении с Айил, мы вышли из Малдена с большей армией, чем имели. Не кажется ли тебе странным, что так много бывших *гай'шайн* тренируются обращаться с оружием под руководством Тэма?

– Они столько вытерпели, – ответил Перрин. – И не хотят, чтобы такое повторилось.

– И поэтому бондари учатся владеть мечом, – заметила Фэйли, – и проявляют настоящий талант. Каменщики, которые и не подумывали прежде о том, чтобы дать сдачи Шайдо, теперь тренируются сражаться посохом. Наёмники и солдаты валят к нам толпами.

– Это совпадение.

– Совпадение? – его слова, кажется, позабавили её. – При том, что во главе армии стоит *та'верен*?

Она была права, и он умолк. От неё пахло удовлетворением от выигранного спора. Он не думал об этом, как о споре, но по её мнению это было именно так. Ещё чего доброго могла разозлиться на то, что он и голоса не повысил.

– Через несколько дней всё это кончится, Фэйли, – сказал он. – Как только мы снова сможем открыть переходные врата, я отошлю всех этих людей по домам. Я не набираю армию. Я просто помогаю беженцам добраться до дома.

Вот уж чего ему не хватало, так это ещё больше людей, называющих его «милордом», расшаркивающихся и кланяющихся.

– Посмотрим, – ответила она.

– Фэйли, – он вздохнул и понизил голос. – Люди должны видеть вещи такими, какие они есть на самом деле. Какой смысл назвать пряжку дверной петлёй или гвоздь – подковой? Я же говорил тебе, из меня вышел плохой вождь. И я доказал это.

– Я так не думаю.

Он сжал в кармане головоломку. Они спорили об этом всю

дорогу от Малдена, но она *отказывалась* внимать голосу разума.

– Когда ты пропала, Фэйли, в лагере воцарилась неразбериха! Я уже рассказывал тебе, как Арганда и Девы едва не поубивали друг друга. И ещё Айрам – Масима запудрил ему мозги прямо у меня под носом. Айз Седай вели непонятную мне игру. И двуреченцы... Ты же видишь, им стыдно смотреть на меня.

В запахе Фэйли появились нотки гнева, когда он сказал это, и девушка резко обернулась в сторону Берелейн.

– Это не её вина, – сказал Перрин. – Будь я в состоянии здраво мыслить, я бы пресёк все эти слухи на корню. Но я не сделал этого. Вот и приходится спать в той кровати, что сам себе сделал. Свет! Каков же должен быть человек, если даже его собственные соседи о нём плохо думают? Я не лорд, Фэйли, вот и всё. Я вполне доказал это.

– Странно, – молвила она. – Но я беседовала с остальными, и они рассказывают совсем иную историю. Они сказали, что ты обуздал Арганду и пресёк все стычки в лагере. Затем этот союз с Шончан. Чем больше я узнаю об этом, тем больше поражаюсь. При всей неопределённости ситуации ты действовал решительно. Ты заставил всех действовать единодушно и совершил невозможное, отбив Малден. *Это* деяния истинного лидера.

– Фэйли… – повторил он, сдерживая готовое вырваться рычание. Почему она не слушает его? Пока она была в плену, ему всё было по барабану, кроме её освобождения. *Абсолютно всё.* Ему было всё равно, кто нуждался в его помощи и какие приказы он отдал. Да хоть начнись сам Тармон Гай'дон, он бы не обратил внимания и продолжил поиски.

Теперь он понял, насколько опасными были его действия. Проблема была в том, что он всё равно поступил бы так же. Он не пожалел о содеянном ни на миг. Лидер не должен быть таким.

В первую очередь ему не следовало позволять им поднимать знамя с головой волка. Теперь, когда он выполнил свою задачу, и Фэйли вернулась, настало время отбросить все эти глупости. Перрин был кузнецом. Неважно, что за одежды на него нацепила Фэйли, и какие титулы на него навесили люди. Из струга не сделать подковы, просто раскрасив его или назвав его по-другому.

Он повернул в сторону, где, возглавляя колонну, ехал Джори Конгар. Этот треклятый алый флаг с головой волка гордо развевался на шесте длиннее кавалерийского копья. Перрин открыл было рот, чтобы прикрикнуть на двуреченца, чтобы тот спустил флаг, но внезапно Фэйли перебила его.

– Да, в самом деле, – задумчиво молвила она. – Я раздумывала над этим последние несколько недель, и, каким бы

странным это ни казалось, я считаю, что моё пленение могло быть именно тем, в чём мы нуждались. Мы оба.

Что? Перрин повернулся к ней, чувствуя исходящий от неё запах задумчивости. Она и впрямь *верила* в то, что говорила.

– Теперь, – сказала Фэйли, – нам нужно поговорить о…

– Разведчики возвращаются, – сказал он, возможно, более резко, чем намеревался. – Впереди айильцы.

Фэйли взглянула в ту сторону, куда он указывал, но, конечно же, она пока не могла ничего разглядеть. Однако она знала о его зрении. Одна из немногих, кто знал.

Сигнал прозвучал, как только остальные заметили приближающиеся по дороге три фигуры в *кадин'сор*. Девы, которых Перрин отправил на разведку. Две поспешили к Хранительницам Мудрости, а одна подбежала к Перрину.

– Там у дороги кое-что есть, Перрин Айбара, – сообщила женщина. Она пахла настороженно. Опасный знак. – Кое-что, что ты захочешь увидеть.

* * *

Галада разбудил звук шелеста полога шатра. Тут же его отбитый бок обожгла вспышка боли. Она отозвалась тупой болью в плече, левой руке и бедре – в ранах, полученных от Валды. Но всё это почти затмила сильная пульсирующая головная боль.

Он застонал и перекатился на спину. Вокруг было темно, в небе светились крохотные огоньки. Может, звёзды? Слишком долго всё было затянуто пеленой облаков.

Но нет. Что-то с ними было не так. В голове пульсировала боль, и пришлось несколько раз моргнуть, чтобы прогнать слёзы из уголков глаз. Эти звёзды казались слишком тусклыми, слишком далёкими. И не складывались ни в одно из знакомых созвездий. Куда это мог увезти его Асунава, что тут даже звёзды другие?

Немного собравшись с мыслями, он принялся осматриваться. Вокруг него был массивный спальный шатёр, специально сделанный так, чтобы даже днём внутри было темно. Огоньки наверху вовсе не были звёздами, это дневной свет пробивался через редкие крохотные дырочки в износившейся ткани шатра.

Галад по-прежнему был обнажён, и, осторожно ощупав лицо пальцами, он определил, что оно покрыто запёкшейся коркой крови. По всей видимости, она натекла из длинной раны на лбу. Если её не промыть в ближайшее время, она, скорей всего, воспалится. Лёжа на спине, он старался делать осторожные вдохи и выдохи. Если он делал слишком глубокий вдох, бок тут же принимался нестерпимо болеть.

Галад вовсе не боялся ни боли, ни смерти. Он сделал выбор,

и тот был правильным. К сожалению, Галад вынужден был сохранить Вопрошающим власть, тех контролировали Шончан. Однако другого выхода не было. После того, как он попал в руки Асунаве.

Галад нисколько не злился на предавших его разведчиков. Вопрошающие обладали реальной властью среди Детей, и их лживые проповеди, без сомнения, были очень убедительны. А вот на кого он действительно был зол, так это на Асунаву, который взял истину и измарал её. Мир полон подобными ему людьми, но Дети должны быть *другими*.

Скоро за ним явятся Вопрошающие и с помощью своих крючьев и ножей покажут ему истинную цену спасения его сторонников. Принимая решение, он знал о ней. По-своему Галад победил, потому что наиболее верно воспользовался ситуацией.

Чтобы сделать следующий шаг к победе, нужно придерживаться на допросах истины и до последнего вздоха отрицать, что он Приспешник Тёмного. Это будет непросто, но это будет правильно.

Усилием воли он заставил себя сесть, борясь с ожидаемым приступом дурноты и слабости. Он осмотрелся получше. Его ноги были скованы цепью, прикреплённой к штырю, который был глубоко вбит в землю прямо сквозь нижний край холстины шатра.

На всякий случай он попробовал его вытащить. Он тянул так сильно, что мышцы отказались слушаться, и едва не потерял сознание. Когда Галад пришёл в себя, то переполз к боковине шатра. Длины цепи хватало, чтобы добраться до выхода. Он потянул за одну из матерчатых лент, которую использовали, чтобы закреплять полог наверху, и, поплевав на неё, методично оттёр с её помощью грязь и кровь с лица.

Умывание давало ему цель, заставляло двигаться и помогало забыть о боли. Он тщательно соскрёб засохшую кровь со щеки и носа. Это оказалось непросто; во рту пересохло. Чтобы добыть слюну, пришлось прикусить язык. Ленты были из более мягкого материала, а не холщовыми. От них пахло пылью.

Он выбрал кусок почище, плюнул на него и втер слюну в материю. Рана на голове, грязь на лице – всё это отметки победы Вопрошающих. Но он не оставит от них ни следа. Он направится на пытки с чистым лицом.

Снаружи были слышны выкрики. Люди готовились снять лагерь. Может, допрос отложат? Хотя вряд ли. На сборы всё равно уйдет несколько часов.

Продолжив оттирать грязь, Галад полностью испачкал обе завязки. Он использовал это занятие, словно некий ритуал – ритмичные движения позволяли сконцентрироваться и

помедитировать. Головная боль исчезла совсем, а ушибы значили всё меньше.

Он не сбежит. Даже если представится такая возможность, побег отменит их с Асунавой сделку. Но он *встретит* врагов с чувством собственного достоинства.

Едва закончив с умыванием, он услышал голоса у шатра. За ним явились. Он тихо отполз обратно к вбитому в землю штырю. Глубоко вздохнув, несмотря на боль, он перевернулся на колени. Затем, ухватившись левой рукой за верх железного штыря, он потянулся и поднялся на ноги.

Галад покачнулся, но сумел устоять и выпрямиться. Теперь боль потеряла значение. Бывало, он чувствовал укусы насекомых, доставлявшие больше неприятностей. Юноша встал в боевую стойку, держа руки прямо перед собой и скрестив запястья. Открыл глаза, выпрямил спину и уставился на вход в шатёр. Не униформа, плащ или герб и не оружие делают мужчину мужчиной, а то, как он держится.

Полог шатра зашуршал и открылся. Свет, ворвавшийся снаружи, оказался слишком ярким для глаз Галада, но он не моргнул. Даже не поморщился.

На фоне хмурого неба промелькнули какие-то силуэты. Подсвеченные сзади люди опешили. Он мог бы даже сказать, что они удивились, обнаружив его стоящим на ногах.

– Свет! – воскликнул один из вошедших. – Дамодред, как это ты сумел подняться? – Голос неожиданно показался знакомым.

– Тром? – хриплым голосом уточнил Галад.

В шатёр набились люди. Глаза Галада немного привыкли к свету, и он разглядел среди них коренастого Трома рядом с Борнхальдом и Байаром. Тром возился с ключами.

– Стой, – произнёс Галад, – я отдал вам троим приказ. Борнхальд, на твоём плаще кровь! Я же приказал вам *не пытаться* меня освободить.

– Твои люди выполнили твой приказ, Дамодред, – раздался новый голос. Галад увидел, что в шатёр вошли ещё трое: высокий и бородатый Лорд Бераб Голевер; лорд Алабар Харнеш – на его лысой, скрытой в тени голове не хватало одного уха; лорд Брандел Вордариан, блондин богатырского сложения, соотечественник Галада из Андора. Все трое были Лордами-Капитанами, которые оставались с Асунавой.

– Что происходит? – спросил их Галад.

Харнеш открыл мешок и вывалил из него что-то круглое под ноги Галаду. Это была голова.

Голова Асунавы.

Все трое вынули мечи из ножен и опустились перед Галадом

на колени. Тром в это время отпёр кандалы на ногах Галада.

– Понятно, – произнёс Галад. – Значит, вы обратили ваше оружие против своих товарищей.

– А что ещё, по-твоему, нам оставалось делать? – спросил Брандел, не вставая и подняв взгляд на Галада.

Галад в ответ покачал головой:

– Не знаю. Может, вы и правы. Мне не следует осуждать ваш выбор. Я допускаю, что он был единственно возможным. Но что заставило вас изменить решение?

– За последние полгода мы потеряли двух Лордов Капитан-Командоров, – хрипло произнёс Харнеш. – Цитадель Света стала игрушкой для Шончан. Весь мир обратился в хаос.

– К тому же, – вступил Голевер, – Асунава заставил нас выступить и обнажить оружие против наших же братьев – Чад Света. Это было неправильно, Дамодред. Мы все видели, что ты сделал, и видели, как *ты* не допустил кровопролития между нами. Осознав это и услышав, что Верховный Инквизитор обвинил человека, всем известного своим благородством, в Приспешничестве… Как мы могли поступить иначе и не восстать против него?

Галад кивнул.

– Значит, вы признаёте меня своим Лордом Капитан-Командором?

Все трое кивнули.

– Все Лорды Капитаны встали на твою сторону, – сказал Голевер. – Нам пришлось убить треть обладателей знаков красного посоха Десницы Света. Кто-то пытался сбежать, кто-то присоединился к нам. Амадицийцы не стали вмешиваться, и многие из них заявили, что предпочтут остаться с нами, чем возвращаться к Шончан. Остальные амадицийцы – и Вопрошающие, пытавшиеся сбежать – сейчас содержатся под стражей.

– Отпустите желающих на все четыре стороны, – сказал Галад. – Пусть возвращаются к своим семьям или хозяевам. К тому времени, когда они доберутся до Шончан, мы будем вне их досягаемости.

Те кивнули в ответ.

– Я принимаю вашу присягу, – сказал Галад. – Соберите остальных капитанов, и пусть мне принесут отчёты о наличии фуража. Снимайте лагерь. Мы идём в Андор.

Никто не спросил, не нужно ли ему отдохнуть, хотя Тром выглядел встревоженным. Галад надел принесённую одним из Чад белую рубаху и сел в поспешно доставленное кресло. Другой солдат, Чадо Кандияр, разбиравшийся в ранах, пришёл его

осмотреть.

Галад вовсе не чувствовал в себе ни сил, ни мудрости, чтобы взвалить на себя предложенный ему пост, но Чада Света сделали свой выбор.

Храни их за это Свет.

Глава 3

Гнев Амерлин

Эгвейн плыла в темноте. Бесформенная, бестелесная. В окружающей бесконечности простирались мысли, грёзы, страхи, надежды, фантазии всего мира.

Это место находилось между снами и реальностью. Тьму пронзали тысячи и тысячи различных огоньков, горевших ярче и казавшихся чётче, чем звёзды на небосклоне. Это были сны, и она могла заглянуть в них, однако не стала этого делать. Те из них, которые она желала увидеть, были защищены, а большинство других были ей незнакомы.

Был один сон, в который она страстно желала проникнуть, но сдерживалась. Хотя её чувства к Гавину были по-прежнему сильны, с недавних пор Эгвейн не могла определить, как она к нему относится. Блуждание по его снам тут ничем не помогло бы.

Она обернулась, осматриваясь в пространстве. С недавних пор Эгвейн являлась сюда, чтобы, плавая в темноте, собраться с мыслями. Все эти сны – всех людей из её мира и его отражений – напоминали ей, за что она боролась. Она не должна забывать о том, что за стенами Белой Башни существует целый мир. И целью Айз Седай было служение этому миру.

Время шло, Эгвейн плыла, купаясь в свете сновидений. Наконец, она заставила себя переместиться и отыскала знакомый ей сон, хотя и не была уверена, как это получалось. Огонёк сновидения летел прямо на неё, постепенно заполняя собой всё поле зрения.

Надавив своей волей на сон, она мысленно направила внутрь него послание: *«Найнив. Пришло время перестать меня сторониться. У нас полно дел. И ещё у меня есть для тебя новости. Встретимся через одну ночь в Зале Совета Башни. Если ты не явишься, я буду вынуждена принять меры. Твоё легкомыслие представляет опасность для всех нас».*

Казалось, сон задрожал, и Эгвейн отпрянула как раз в тот миг, когда он исчез. С Илэйн она уже переговорила. Эти двое совсем отбились от рук. Им было необходимо по-настоящему вручить шаль и связать их клятвами.

Кроме того, Эгвейн нужна была информация от Найнив. Она надеялась, что угроза вместе с обещанием новостей подействует. И эти новости были *действительно* важными. Белая Башня, наконец, едина, Престол Амерлин в надёжных руках, а Элайда

захвачена Шончан.

Вокруг Эгвейн мерцали крохотные огоньки снов. Она подумывала, не связаться ли с Хранительницами Мудрости, однако отказалась от этой идеи. Как же ей их использовать? В первую очередь нужно удержать их от мысли, что их «используют». Она ещё не решила до конца, что с ними делать.

Эгвейн позволила себе вернуться в собственное тело, чтобы уделить остаток ночи собственным снам. Здесь она не могла удержать свои мысли и перестать думать о Гавине, да и не хотела. Она вошла в свой сон – и попала в объятия мужчины. Они стояли в небольшой комнате с каменными стенами, похожей на её кабинет в Башне, однако украшенной наподобие общего зала в отцовской гостинице. Гавин был облачён в традиционные для Двуречья добротные шерстяные одежды и без привычного меча. Простая жизнь… Это не для неё, хотя мечтать не запрещается.

Всё затряслось. Комната, состоящая из прошлого и настоящего, казалось, рушится, превращаясь в воронку кружащегося дыма. Эгвейн отступила на шаг, задыхаясь и видя, как Гавин рассыпается, словно созданный из песка. Всё вокруг неё превратилось в пыль, и вдали под смоляным небом вырастали тринадцать чёрных башен.

Одна пала, за ней другая обрушилась на землю. Но пока одни рассыпались, оставшиеся становились всё выше и выше. Земля содрогнулась, и ещё несколько башен рухнули. Одна из них содрогнулась и раскололась, обрушившись почти до основания – но затем восстала вновь и вознеслась выше всех остальных.

Когда землетрясение стихло, осталось шесть возвышающихся над ней башен. Эгвейн упала на ставшую мягкой землю, покрытую ковром из сухих листьев. Видение изменилось. Она смотрела вниз, на гнездо. В нём выводок орлиных птенцов взывал к небу, к своей матери. Один из орлят *развернул скрученное в кольца тело*, и это оказался вовсе не орлёнок, а змея. Она начала по очереди нападать на птенцов, проглатывая их целиком. Орлята же продолжали глядеть в небо, словно принимая пожиравшую их змею за своего собрата.

Видение снова изменилось. Перед её взором предстала огромная сфера из тончайшего хрусталя. Она находилась на вершине тёмного холма, искрясь под светом освещавших её двадцати трёх огромных звезд. Сферу покрывали трещины, и только стягивавшие её верёвки не давали сфере развалиться.

Эгвейн заметила Ранда, поднимающегося по склону холма с топором в руках. Добравшись до вершины, он вскинул топор, а затем начал по одной разрубать стягивающие сферу верёвки. Как только последняя из них лопнула, сфера начала распадаться,

прекрасный шар просто разваливался на части. Ранд покачал головой.

Эгвейн ахнула и села, проснувшись. Она была в своих покоях в Белой Башне. Спальня была почти пуста – она приказала убрать все вещи Элайды, но не успела снова полностью обставить комнату. У неё были только умывальник, плетёный коричневый коврик и кровать со столбиками и балдахином. Ставни были закрыты, и сквозь щели заглядывало утреннее солнце.

Она сделала глубокий вдох и выдох. Крайне редко у неё бывали столь тревожные видения.

Пытаясь успокоиться, Эгвейн потянулась к краю кровати и достала книжечку в кожаном переплёте, которую всегда держала под рукой, чтобы записывать свои сны. Из трёх видений наиболее понятным было второе. Она *почувствовала*, о чём оно было, подсознательно, как ей это иногда удавалось, уловив его смысл. Змея олицетворяла одну из Отрёкшихся, скрывающуюся в Белой Башне под личиной Айз Седай. Эгвейн подозревала, что смысл был в этом. Верин в это верила.

Месана оставалась в Белой Башне. Но как ей удавалось выдавать себя за Айз Седай? Каждая сестра повторно принесла Клятвы. По-видимому, Месана смогла каким-то образом обмануть Клятвенный Жезл. Подробно записывая свои видения, девушка задумалась о вырастающих вдали, грозящих уничтожить её башнях, и частично поняла значение этого сна.

Если Эгвейн не сможет отыскать Месану и остановить её, случится что-то ужасное. Вплоть до падения Белой Башни или даже победы Тёмного. Сны не были Предсказаниями – они показывали не то, что произойдёт *наверняка*, а то, что *может* случиться.

«Свет, – подумала она, закончив записи. – *Как будто и без того проблем не хватает».*

Эгвейн поднялась, собираясь позвать служанок, однако ей помешал стук в дверь. Удивившись, она в одной ночной сорочке прошла по толстому ковру и приоткрыла дверь, за которой обнаружила стоящую в коридоре Сильвиану. Волосы одетой в красное плотно сбитой, угловатой женщины были уложены в привычный пучок. Её плечи покрывал алый палантин Хранительницы.

– Мать, – произнесла Сильвиана напряжённым голосом, – прошу прощения, что разбудила вас.

– Я не спала, – сказала Эгвейн. – Что такое? Что стряслось?

– Он *здесь*, Мать. В Башне.

– Кто?

– Возрождённый Дракон. Он просит у вас аудиенции.

* * *

– Ох… будто уху сварили из одних рыбьих голов, – пробормотала Суан, идя по коридорам Белой Башни. – Как же он смог незамеченным пройти через весь город?

Верховный Капитан Чубейн поморщился.

«Так ему и надо», – подумала Суан. Черноволосый мужчина был облачён в форму гвардейца Башни. Белый табард, надетый поверх кольчуги, украшало пламя Тар Валона. Он шёл, положив руку на меч. Поговаривали, что теперь, когда Брин оказался в Тар Валоне, его могут сместить с должности Верховного Капитана. Однако Эгвейн прислушалась к совету Суан и не стала отправлять Чубейна в отставку. Брин не желал быть Верховным Капитаном, а Амерлин для Последней Битвы он нужен как боевой генерал.

Брин отсутствовал – он находился со своими людьми: разместить и найти провизию для пятидесятитысячного войска казалось практически невозможным. Она уже послала Брину весточку и чувствовала, что он приближается. Угрюмый чурбан, но Суан сейчас нуждалась в его поддержке. Возрождённый Дракон? *Прямо* в Тар Валоне?

– Не удивительно, что он прошёл так далеко, Суан, – произнесла Саэрин. Они со смуглой Коричневой были вместе, когда наткнулись на пробегавшего мимо побледневшего капитана. На висках Саэрин белела седина, что указывало на то, что Айз Седай уже немолода, а на щеке женщины был шрам, происхождение которого Суан никак не могла у неё выпытать.

– В город ежедневно прибывают сотни беженцев, – продолжала Саэрин, – и каждого, кто хотя бы частично годен к войне, посылают для вербовки в Гвардию Башни. Неудивительно, что никто не остановил ал'Тора.

Чубейн кивнул.

– Он явился к Закатным Вратам ещё до того, как кто-то смог его расспросить. А затем… ну… затем он просто заявил, что он – Возрождённый Дракон и желает видеть Амерлин. Не выкрикнул или что-то в этом роде, а спокойно, словно весенний дождь, представился.

В коридорах Башни было не протолкнуться. Однако большинство женщин не представляли, чем себя занять, и метались туда-сюда, словно рыба в сети.

«Прекратите», – подумала Суан. – *Он явился в средоточие нашего могущества. И именно он пойман в сеть».*

– Как считаешь, что за игру он затеял? – спросила Саэрин.

– Чтоб мне сгореть, не имею понятия, – отозвалась Суан. – Сейчас он уже должен был полностью обезуметь. Возможно, он напуган и пришёл сдаваться.

– Сомневаюсь.

– Я тоже, – неохотно призналась Суан. За прошедшие несколько дней она с удивлением обнаружила, что Саэрин ей *нравится*. Когда Суан была Амерлин, у неё не было времени на дружеские отношения. Гораздо важнее было сталкивать интересы Айя между собой. Она считала Саэрин упрямой и нарушающей планы. Теперь, когда они не бодались головами так часто, Суан находила эти её черты притягательными.

– Возможно, он узнал, что Элайда пропала, – сказала Суан, – и решил, что с давней подругой на Престоле Амерлин он будет здесь в безопасности.

– Это не вяжется с тем, что я читала про мальчика, – ответила Саэрин. – Вспомни его недоверчивость и непредсказуемость, вкупе с жёстким характером и твёрдым намерением держаться подальше от Айз Седай.

О том же самом была наслышана и Суан, хотя с тех пор, как она видела мальчика, минуло два года. К тому же в их последнюю встречу она была Амерлин, а он – простым пастухом. С тех пор большую часть информации о нём она получала с помощью глаз-и-ушей Голубой Айя. Требовалась большая сноровка, чтобы отделять вымысел от правды, но большинство мнений агентов о Ранде сходилось в одном. Импульсивный, подозрительный, высокомерный. *«Испепели Свет Элайду!* – подумала Суан. – *Если бы не она, он бы давно благополучно был под опекой Айз Седай»*.

Направляясь в сторону Зала Совета Башни, они спустились на три пролёта спиралевидного пандуса и вошли в очередной коридор Башни с белыми стенами. Если Амерлин собирается принять Возрождённого Дракона, то это случится именно в Зале. Миновав два извилистых поворота, пройдя мимо зеркальных светильников и величественных гобеленов, они оказались в последнем из коридоров и застыли.

Плитки пола были тут цвета крови. Это было неправильно. Они должны были быть белыми и жёлтыми. А эти блестели, словно влажные.

Чубейн напряженно вдохнул, его рука сжала рукоять меча. Саэрин вскинула бровь. Суан хотелось было бежать вперёд, однако место, которого коснулся Тёмный, могло быть очень опасным. Она могла бы начать тонуть прямо в плитках пола, а то и гобелены могли наброситься на неё.

Обе Айз Седай развернулись и направились другим путём. Чубейн на мгновение задержался, а затем поспешил за ними. На его лице легко читалось напряжение. Сперва Шончан напали на Башню, теперь явился Возрождённый Дракон – и всё во время его дежурства.

По пути им встретились и другие сёстры, следовавшие в том же направлении. Большинство из них надело шали. Можно было предположить, что причиной тому были сегодняшние новости, однако правда заключалась в том, что многие из них всё ещё с недоверием относились к другим Айя. Вот ещё одна причина проклинать Элайду. Эгвейн упорно старалась вновь сплотить Башню, однако невозможно было за месяц починить все порванные за прошедшие годы сети.

Наконец они добрались до Зала Совета. В широком коридоре снаружи толпились сёстры, разбившиеся по своим Айя. Чубейн поспешил побеседовать с гвардейцами, стоявшими у входа, а Саэрин степенно, как подобает, прошла в Зал, чтобы подождать вместе с остальными Восседающими. Суан с остальными осталась стоять снаружи.

Многое изменилось. Эгвейн назначила новую Хранительницу вместо Шириам. Выбрав Сильвиану, она поступила очень мудро. Женщина была известна своим хладнокровием – для Красной Айя – и это назначение могло помочь сплотить воедино две половины расколотой Башни. Однако до этого в душе Суан теплилась надежда, что Эгвейн выберет её. Сейчас Эгвейн была очень занята – и становилась всё более самостоятельной – так что всё меньше и меньше нуждалась в наставлениях Суан.

С одной стороны, это было хорошо. С другой – приводило в ярость.

Такие знакомые коридоры, аромат недавно вымытого камня, эхо шагов… В последний раз она была здесь, когда возглавляла Башню. Но она больше не во главе.

У неё не было намерения что-либо предпринимать, дабы вновь возвыситься. Приближалась Последняя Битва, и она не желала тратить время на свары вновь вернувшейся в Башню Голубой Айя. Она хотела продолжить то, что начала много лет назад вместе с Морейн. Сопровождать Возрождённого Дракона на Последнюю Битву.

Сквозь Узы она почувствовала появление Брина раньше, чем тот заговорил.

– Вот это озабоченное лицо, – произнёс он, подойдя сзади. Его голос перекрыл звуки множества приглушённых разговоров в коридоре.

Суан обернулась к нему. Он был величественен и удивительно спокоен, особенно для человека, испытавшего предательство со стороны Моргейз Траканд, затем втянутого в интриги Айз Седай, потом проинформированного, что ему предстоит возглавить своих солдат в авангарде Последней Битвы. Но в этом был весь Брин. Абсолютно невозмутимый. Он развеял

её волнения одним своим появлением.

– Ты пришёл быстрее, чем я предполагала, – сообщила она. – И у меня *не* «озабоченное лицо», Гарет Брин. Я – Айз Седай. Моя суть сама по себе предполагает контроль над собой и окружающими.

– Да, – сказал он. – Тем не менее, чем больше времени я провожу среди Айз Седай, тем больше в этом сомневаюсь. Держат ли они свои эмоции под контролем? Или же их чувства просто остаются неизменными? Если кто-то *постоянно* чем-то озабочен, он всегда будет выглядеть одинаково.

Она одарила его пристальным взглядом:

– Глупый мужчина.

Он улыбнулся, развернулся и оглядел коридор, полный Айз Седай и Стражей.

– Когда твой посланец нашёл меня, я уже возвращался в Башню с докладом. Спасибо.

– Всегда пожалуйста, – съязвила она.

– Они нервничают, – произнес Брин. – Не думаю, что мне когда-либо доводилось видеть Айз Седай в таком состоянии.

– Разве нас можно за это осудить? – огрызнулась она.

Он взглянул на неё и положил руку на плечо Суан. Его крепкие, жесткие пальцы легонько коснулись её шеи.

– Что стряслось?

Она сделала глубокий вдох, покосившись в сторону. Наконец-то появилась Эгвейн. Она направлялась в Зал, беседуя с Сильвианой. Как обычно позади неё, словно тень, следовал мрачный Гавин Траканд. Непризнанный Эгвейн, не связанный Узами Стража, однако и не изгнанный из Башни. После воссоединения он проводил все ночи, охраняя покои Эгвейн, несмотря на то, что это приводило её в ярость.

По мере приближения Эгвейн сёстры начали расступаться, давая ей пройти. Одни неохотно, другие с почтением. Она поставила Башню на колени, действуя изнутри, подвергаясь ежедневным побоям, опоенная настоем корня вилочника так, что едва могла зажечь свечу с помощью Силы. Такая юная. Но что для Айз Седай значил возраст?

– Я всегда считала, что на её месте буду я, – тихонько сказала Суан, так, чтобы слышал один Брин. – Что я приму его и буду направлять. Именно я должна была быть на её месте.

Пальцы Брина сжались.

– Суан, я…

– О, избавь меня от этого, – проворчала Суан, глядя на него. – Я ни о чём не жалею.

Он нахмурился.

– Всё к лучшему, – произнесла Суан, хотя всё её нутро скрутило от этого признания. – Даже *хорошо*, что Элайда меня низложила, несмотря на всю проявленную ею тиранию и глупость, потому что именно это привело нас к Эгвейн. Она справится лучше меня. Тяжело это признавать, но, будучи успешной Амерлин, добиться *подобного* я бы не сумела. Вести за собой одним лишь присутствием без помощи силы, объединять, а не разделять… Поэтому я *рада*, что его встречает именно Эгвейн.

Брин улыбнулся и нежно сжал её плечо.

– Ну что ещё? – спросила она.

– Я горжусь тобой.

Она закатила глаза.

– Пф. В последнее время я просто купаюсь в твоей сентиментальности.

– Тебе не скрыть от меня своё великодушие, Суан Санчей. Я вижу твоё сердце.

– Не *паясничай*.

– Отнюдь. Ты привела нас сюда, Суан. Как бы ни возвысилась девочка, именно *ты* высекла для неё ступени наверх.

– Да, а затем вручила зубило Элайде.

Суан взглянула на стоявшую в дверях Зала Совета Эгвейн. Юная Амерлин оглядела собравшихся снаружи женщин и приветственно кивнула Суан. Возможно, даже с небольшой долей уважения.

– Она – именно та, в ком мы сейчас нуждаемся, – сказал Брин, – однако ты – та, кто был нужен в то время. Ты поступила правильно, Суан. Это известно ей, а так же всей Башне.

Услышать подобное было очень приятно.

– Хорошо. Ты видел его, когда шёл?

– Да, – ответил Брин. – Он внизу под надзором как минимум сотни Стражей и двадцати шести сестёр – два полных круга. Он ограждён, вне всяких сомнений. Тем не менее, все двадцать шесть женщин на грани паники. Никто не смеет прикоснуться к нему или связать его.

– Это не имеет значения, пока он ограждён. Он кажется напуганным? Высокомерным? Рассерженным?

– Ничего подобного.

– Что ж… тогда *какой* он на вид?

– Честно, Суан? Он похож на Айз Седай.

Суан с клацаньем стиснула зубы. Он снова над ней насмехается? Нет, генерал выглядел серьёзным. Тогда что он имел в виду?

Эгвейн проследовала в Зал. Затем оттуда поспешно выскочила одетая в белое послушница в сопровождении двух

солдат Чубейна. Эгвейн послала за Драконом. Рука Брина по-прежнему лежала на плече Суан. Сам он стоял чуть позади. Суан заставила себя успокоиться.

Наконец, она заметила движение в дальнем конце коридора. Сестёр вокруг неё начало охватывать сияние – они обнимали Источник. Суан не поддалась общей панике.

Вскоре процессия приблизилась. Высокую фигуру в поношенном коричневом плаще окружали ряды Стражей, за ними следовали двадцать шесть Айз Седай. Она различила шедшее изнутри свечение вокруг фигуры. Суан обладала Даром видеть *та'веренов*, а ал'Тор был сильнейшим среди когда-либо живших.

Она заставила себя проигнорировать ореол, разглядывая самого ал'Тора. Оказалось, что мальчик превратился в мужчину. Юношеская мягкость ушла, сменившись резкими чертами. В его движениях не было неуклюжести, столь часто наблюдающейся у юношей высокого роста. Вместо этого он научился по-мужски использовать свой высокий рост. Его походка стала величавой. Будучи Амерлин, Суан приходилось встречаться с Лжедраконами. Странно, насколько этот мужчина походил на них. Это было…

Она замерла, встретившись с ним взглядом. В нём было нечто, не поддающееся объяснению: как будто бремя прожитых лет. Словно этот человек смотрел на мир сквозь отсвет тысячи жизней, соединённых в одну. Его лицо *действительно* напоминало Айз Седай. По крайней мере, этими лишёнными возраста глазами.

Возрождённый Дракон поднял правую руку – его левая рука была заложена за спину – и остановил процессию.

– Если позволите, – обратился он к Стражам, направившись сквозь их ряды.

Потрясённые Стражи позволили ему пройти. Тихий голос Дракона заставил их расступиться. Они должны быть бдительнее. Ал'Тор приблизился к Суан, и она заставила себя собраться. Он был безоружен и ограждён, он не мог навредить ей. Тем не менее, Брин встал рядом с ней и потянулся к своему мечу.

– Спокойно, Гарет Брин. – произнёс ал'Тор. – Я не причиню ей вреда. Полагаю, ты позволил ей связать себя Узами? Забавно. Илэйн было бы интересно об этом узнать. А ты, Суан Санчей... ты изменилась со времени нашей последней встречи.

– Все мы меняемся, пока вращается Колесо.

– Типичный ответ Айз Седай, – улыбнулся ал'Тор. Расслабленной, мягкой улыбкой. Это удивило её. – Интересно, привыкну ли я когда-нибудь к ним. Однажды ты получила стрелу, предназначенную мне. Я поблагодарил тебя за это?

– Насколько помню, я сделала это не специально, – сухо

отозвалась она.

– В любом случае, прими мою благодарность, – он повернулся к дверям в Зал Совета. – Какова она в роли Амерлин?

«Почему он спрашивает меня?» Он не мог знать о близких взаимоотношениях между Суан и Эгвейн.

– Удивительная, – произнесла Суан. – Одна из величайших среди всех, что были у нас, притом что занимает Престол недавно.

Он снова улыбнулся.

– Меньшего я и не ожидал. Странно, но я чувствую, что вновь встретиться с ней будет болезненно, несмотря на то, что это единственная моя рана, которая прочно и окончательно зажила. Но я всё ещё помню ту боль.

Свет, этот мужчина опроверг все её ожидания! Белая Башня была тем местом, в котором любой способный направлять мужчина должен был потерять присутствие духа. Даже Возрождённый Дракон. Но он не выглядел сколько-нибудь взволнованным.

Она открыла было рот, но тут же закрыла, поскольку сквозь плотную толпу протиснулась одна из Айз Седай. Тиана?

Женщина что-то достала из рукава и протянула ал'Тору. Небольшое письмо, скреплённой красной восковой печатью.

– Это вам, – произнесла она. Ее голос был напряжён, пальцы дрожали, однако дрожь была едва заметна. Но Суан научилась выявлять признаки эмоций Айз Седай.

Ал'Тор вскинул бровь, затем протянул руку и взял письмо.

– Что это?

– Я обещала его передать, – сказала Тиана. – Я хотела было отказаться, но никогда бы не подумала, что вы явитесь в… Я имела в виду…

Она осеклась и умолкла. Затем проскользнула обратно в толпу.

Не читая, ал'Тор спрятал послание в карман.

– Постарайся успокоить Эгвейн, когда я сделаю то, что должен, – сказал он Суан.

Затем он глубоко вздохнул и шагнул вперёд, игнорируя охрану, к дверям в Зал Совета. Стражи робко поспешили следом, не смея его остановить.

* * *

Когда Ранд без сопровождения вошёл в Зал, по коже рук Эгвейн пробежали мурашки. Оставшиеся снаружи Айз Седай столпились в дверях, пытаясь не таращиться во все глаза. Сильвиана взглянула на Эгвейн. Должна ли эта встреча быть Запечатана Пламенем для всех, кроме Совета?

«Нет, – подумала Эгвейн. – *Им необходимо видеть, что я ему противостою. Свет, но я не чувствую, что к этому готова».*

Но тут уж ничего не поделаешь. Она собралась, повторяя слова, которые всё утро вертелись в её голове. Это был не Ранд ал'Тор, друг детства, человек, за которого она собиралась выйти замуж. К Ранду ал'Тору она могла бы проявить снисходительность, однако в данной ситуации это могло привести к концу света.

Нет. Этот человек был Возрождённым Драконом. Самый опасный мужчина из когда-либо живших на земле. Высокий, гораздо более уверенный в себе, чем ей помнилось. В простой одежде.

Он прошёл прямо в центр Зала; Стражи, сопровождавшие его, остались снаружи. Он остановился в центре изображённого на полу Пламени, окружённый сидевшими на своих местах Восседающими.

– Эгвейн, – произнёс Ранд, его голос эхом отразился от стен залы. Он кивнул ей, словно в знак уважения. – Вижу, ты добилась своего. Палантин Амерлин тебе к лицу.

В свете того, что ей не так давно приходилось о нём слышать, его спокойствие было для неё неожиданным. Возможно, это было обречённостью решившего сдаться преступника.

Неужели она так о нём и думает? Как о преступнике? Он совершал поступки, без сомнения, кажущиеся преступными: он разрушал, он завоевывал. Последний раз она была рядом с ним, когда они путешествовали по Айильской Пустыне. В то время в нём появилась некая твёрдость, и она по-прежнему видела в нём эту черту. Однако теперь появилось что-то ещё. Нечто большее.

– Что с тобой произошло? – спросила она, подавшись вперёд с Престола Амерлин.

– Я был сломан, – произнёс Ранд, держа руки за спиной. – А затем, что поразительно, был выкован заново. Мне кажется, он почти заполучил меня, Эгвейн. Именно Кадсуане открыла мне глаза на то, что это нужно исправить, хотя у неё это вышло случайно. Тем не менее, полагаю, мне следует пересмотреть своё решение об её изгнании.

Он говорил иначе. Была в его словах некая церемонность, которой она не знала прежде в Ранде. У другого человека она бы предположила хорошее образование и просвещённость. Но у Ранда не было ни того, ни другого. Неужели его наставники столь быстро добились успеха?

– Для чего ты явился к Престолу Амерлин? – спросила она. – Желаешь ли ты просить о чём-либо или явился, чтобы предать себя в руки Белой Башни?

Он изучал её, по-прежнему держа руки за спиной. За его спиной одна за другой в Зал тихо вошли тринадцать Айз Седай. Их окружало сияние *саидар* – они удерживали его щит.

Казалось, Ранда это нисколько не волновало. Он изучал помещение, разглядывал Восседающих. Его взгляд задержался на скамье Красных. Два места там пустовали. Певара и Джавиндра всё ещё не вернулись со своей тайной миссии. Лишь Барасин, недавно избранная вместо Духары, была на месте. К её чести она спокойно встретила взгляд Ранда.

– Прежде я ненавидел тебя, – сказал Ранд, вновь повернувшись к Эгвейн. – В последние месяцы меня переполняло много чувств. Кажется, с того самого момента, как Морейн явилась в Двуречье, я старался избегать сетей Айз Седай. И всё же, я позволил опутать себя другим, невидимым сетям, но более опасным.

– Мне пришло в голову, что я перестарался. Меня волновало, что, послушайся я тебя, ты попыталась бы управлять мной. Мной двигало не стремление к независимости, а страх стать бесполезным. Я боялся, что всё, что я сделаю, будет совершено тобой, а не мной, – он помедлил. – Я хотел найти кучу спин, на которые я мог бы удобно взвалить вину за свои преступления.

Эгвейн нахмурилась. Возрождённый Дракон явился в Башню, чтобы поупражняться в пустой философии? Может, он *уже* безумен?

– Ранд, – сказала Эгвейн, стараясь смягчить тон, – я собираюсь попросить кое-кого из сестёр побеседовать с тобой, чтобы решить, всё ли с тобой… в порядке. Пожалуйста, постарайся понять.

Как только они узнают побольше о его состоянии, они смогут решить, что с ним делать. Возрождённому Дракону была необходима свобода, чтобы поступать так, как гласили Пророчества. Однако можно ли позволить ему разгуливать просто так сейчас, когда он в их руках?

Ранд улыбнулся.

– О, *я понимаю*, Эгвейн. И, к сожалению, вынужден тебе отказать. Слишком много дел требуют моего участия. По моей вине голодают люди, другие живут в постоянном страхе перед тем, что я совершил. Один хороший друг скачет навстречу смерти совсем без поддержки. И так осталось слишком мало времени исполнить всё, что я должен.

– Ранд, – произнесла Эгвейн, – мы должны быть уверены.

Он кивнул, будто понимая.

– Это – часть, о которой я сожалею. Я не хотел являться в средоточие твоей власти, которую тебе так ловко удалось

приобрести, и отказываться выполнять твои требования. Но ничего не поделаешь. Ты должна знать мои планы, чтобы суметь подготовиться.

– В прошлый раз, когда я попытался запечатать Отверстие, я вынужден был делать это без помощи женщин. Это – одна из причин неудачи, хотя, возможно, отказав мне в поддержке, они проявили мудрость. Что ж, вина обоюдная, но второй раз я не намерен совершить ту же ошибку. Я считаю, что *саидин* и *саидар* должны быть использованы вместе. Пока у меня нет ответов.

Изучая его, Эгвейн подалась вперёд. В его взгляде не было безумия. Она знала эти глаза. Она знала Ранда.

«Свет, – *подумала она.* – Я ошибалась. Я *не должна* воспринимать его только как Возрождённого Дракона. Я здесь не просто так. Он здесь не просто так. Для меня он должен оставаться Рандом. Потому что Ранду можно доверять, в то время как Возрождённого Дракона следует опасаться».

– Который из них ты? – неосознанно прошептала она.

Он услышал.

– Оба, Эгвейн. Я помню Льюса Тэрина. Я вижу всю его жизнь, каждый безысходный момент. Я вижу это, словно сон, но ясный сон. Мой собственный сон. Это часть меня.

Это были слова сумасшедшего, однако они звучали спокойно. Она смотрела на него и вспоминала того юношу, которым он некогда был. Серьёзный парень. Не мрачный, как Перрин, не буйный, как Мэт. Надёжный, честный. Человек, которому можно доверить всё.

Даже судьбу мира.

– Через месяц, – произнёс Ранд, – я собираюсь отправиться к Шайол Гул и сломать последние печати на Узилище Тёмного. Мне потребуется твоя помощь.

Сломать печати? Она видела подобное в своём сне, Ранд, разрубающий веревки, стянувшие хрустальную сферу.

– Ранд, не надо, – произнесла она.

– Мне понадобитесь вы. Все вы, – продолжил он. – Надеюсь, во имя Света, что на сей раз, вы меня поддержите. Я хочу, чтобы мы встретились за день до того, как я направлюсь к Шайол Гул. И тогда… Что ж, тогда мы обсудим мои условия.

– Твои условия? – переспросила Эгвейн.

– Увидишь, – сказал он, развернувшись, словно собираясь уходить.

– Ранд ал'Тор! – воскликнула она, поднимаясь. – *Не смей* поворачиваться спиной к Престолу Амерлин!

Он замер, затем повернулся к ней лицом.

– Ты не можешь просто сломать печати, – сказала Эгвейн. –

Этим ты рискуешь освободить Тёмного.

– Это риск, на который мы обязаны пойти. Убрать обломки. Отверстие должно быть полностью открыто, прежде чем его можно будет снова запечатать.

– Мы должны это обсудить, – произнесла она. – Всё спланировать.

– Вот почему я пришёл к тебе. Чтобы позволить тебе планировать.

Он выглядел так, словно забавлялся. Свет! Разозлившись, она уселась обратно. Он был так же упёрт и своеволен, как и его отец.

– Нам нужно поговорить, Ранд. Не только об этом, ещё и о многом другом. И не последнее в этом списке – сёстры, которых связали Узами твои люди.

– Мы поговорим об этом, когда вновь встретимся.

Нахмурившись, она посмотрела на него.

– И вот мы пришли к этому, – произнёс Ранд. Он поклонился ей. Слегка, лишь чуть склонив голову.

– Эгвейн ал'Вир, Блюстительница Печатей, Пламя Тар Валона, дозволяете ли вы мне вас покинуть?

Он попросил об этом столь вежливо, что Эгвейн не могла решить, дразнит он её или нет. Она встретилась с ним взглядом. «*Не заставляй меня делать то, о чём я буду сожалеть»,* – казалось, говорили его глаза.

Неужели она смогла бы его удержать? После того, как сама сказала Элайде о том, что он должен быть свободен?

– Я не позволю тебе сломать печати, – сказала она. – Это безумие.

– Тогда мы встретимся в месте, известном как Поле Меррилора, расположенном неподалёку к северу отсюда. Перед тем, как я отправлюсь к Шайол Гул, мы побеседуем. А сейчас, хотя я не хочу пренебрегать твоими требованиями, Эгвейн, но я *должен* идти.

Ни один из них не отводил взгляд. Остальные присутствовавшие, казалось, и вовсе не дышали. В Зале было так тихо, что Эгвейн слышала, как под ветром поскрипывает свинцовый оклад круглого окна.

– Замечательно, – сказала Эгвейн. – Но это не конец, Ранд.

– Конца не существует, Эгвейн, – ответил он, затем кивнул ей и развернулся, направившись к выходу из Зала. Свет! У него отсутствовала кисть левой руки! Как это произошло?

Пропуская его, сёстры и Стражи неохотно расступались. Эгвейн поднесла руку к голове, чувствуя лёгкое головокружение.

– Свет! – воскликнула Сильвиана. – Как вы сумели думать во время *этого*, Мать?

– Что?

Эгвейн оглядела Зал. Многие из Восседающих обмякли на своих местах.

– Что-то схватило моё сердце, – сказала Барасин, поднимая руку к груди, – и крепко сжало. Я не посмела заговорить.

– Я пыталась *говорить, – отозвалась Юкири. – Но мои губы отказывались шевелиться.*

– Та'верен*, – произнесла Саэрин. – Однако эффект был настолько силён, словно… Мне показалось, это* сломает *меня изнутри.*

– Как вам удалось противиться этому, Мать? – спросила Сильвиана.

Эгвейн нахмурилась. Она ничего подобного не почувствовала. Возможно, это оттого, что она воспринимала его как Ранда.

– Нам необходимо обсудить его слова. Совет Башни продолжит свою работу через час.

И уж *эта* беседа будет Запечатана Пламенем для всех, кроме Совета.

– И отправьте кого-то убедиться, что он действительно уходит.

– Гарет Брин уже занимается этим, – донеёся голос Чубейна из-за дверей.

Восседающие потрясённо поднялись на ноги. Сильвиана наклонилась к Эгвейн:

– Вы правы, Мать. Ему нельзя позволить сломать печати. Но что нам делать? Если вы не плените его…

– Сомневаюсь, что мы смогли бы удержать его, – сказала Эгвейн. – В нём есть нечто особенное. Я… я чувствовала, что он смог бы пробить щит без особых усилий.

– Тогда как? Как нам остановить его?

– Нам необходимы союзники, – произнесла Эгвейн. Она глубоко вздохнула. – Его могут убедить люди, которым он доверяет.

Либо его можно заставить передумать, если ему будет противостоять достаточно большая группа людей, объединившихся, чтобы остановить его. Теперь разговор с Илэйн и Найнив стал *жизненно* важным.

Глава 4

Узор стонет

– Что это? – спросил Перрин, пытаясь не обращать внимания на резкий запах гниющего мяса. Он не видел ни одного трупа, но его нос говорил ему, что земля должна быть просто усеяна ими.

Перрин стоял с передовым отрядом на обочине Джеханнахского тракта и смотрел на север, на холмистую равнину с редкими деревьями. Трава, как и в других местах, была бурой и пожелтевшей, но чем дальше от дороги, тем темнее она становилась, будто поражённая какой-то болезнью.

– Мне уже приходилось видеть подобное прежде, – промолвила Сеонид. Миниатюрная светлокожая Айз Седай склонилась у края дороги, вертя в руках листик какого-то небольшого растения. На женщине было зелёное шерстяное платье, элегантное, но без вышивки. Единственным украшением Айз Седай было кольцо Великого Змея.

В небе тихо пророкотал гром. За спиной Сеонид с невозмутимыми лицами, сложив руки на груди, стояли шесть Хранительниц Мудрости. Перрин и не думал просить Хранительниц Мудрости или их двух их учениц – Айз Седай подождать. Возможно, ему повезло, что они позволили *ему* сопровождать *их*.

– Да, – сказала Неварин. Звякнув браслетами, она опустилась на колени и взяла из рук Сеонид лист. – Ещё девочкой я однажды побывала в Запустении. Мой отец считал, что мне будет полезно его увидеть. И это похоже на увиденное там.

Перрин побывал в Запустении лишь раз, но эти тёмные пятна и вправду выглядели характерно для тех мест. К подножию одного из растущих в отдалении деревьев слетела красная сойка и принялась ковыряться в ветках и листьях, но не нашла ничего интересного и упорхнула прочь.

Беспокоило то, что здесь растения выглядели лучше, чем встреченные ими ранее. Хоть и покрытые пятнами, они были живые и даже цветущие.

«Свет, – *подумал Перрин, взяв у Неварин протянутый листик. От того пахло гнилью.* – Что же это за мир такой, где Запустение представляется *хорошей* альтернативой?»

– Мори обошла по кругу весь участок, – сообщила Неварин, кивнув в сторону стоящей неподалёку Девы. – Ближе к центру он темнеет. Она не смогла разглядеть, что там.

Перрин направил Трудягу прочь с дороги. Фэйли последовала за ним. От неё совершенно не пахло страхом, несмотря на то, что охранявшие Перрина двуреченцы помедлили.

– Лорд Перрин? – позвал его Вил.

– Скорее всего, это не опасно, – сказал Перрин. – Животные по-прежнему пересекают этот клочок земли.

Запустение было страшно тем, что его населяло. И если живущие там чудовища каким-то образом пробрались на юг, Перрину следовало это узнать. Айил без промедления последовали за ним. И, раз Фэйли присоединилась к нему, то и Берелейн тоже пришлось это сделать. Анноура и Галенне ехали за ней по пятам. Хвала Свету, Аллиандре согласилась в отсутствие Перрина остаться и присмотреть за лагерем и беженцами.

Лошади и так уже были напуганы, да и вид окрестностей не способствовал их спокойствию. Чтобы приглушить вонь гниения и смерти, Перрину пришлось дышать через рот. Земля здесь тоже была влажной, и лошади ступали очень осторожно, поэтому путь занял немало времени. Хоть бы облака разошлись, чтобы солнце могло немного подсушить почву. Большая часть луга была покрыта травой, клевером и невысокими сорняками. Чем дальше, тем становилось больше тёмных пятен. Уже через несколько минут пути растения вокруг были скорее бурыми, чем зелёными или жёлтыми.

В конце концов они выехали к небольшой впадине, находившейся меж трёх холмов. Перрин резко осадил Трудягу, остальные сопровождающие собрались вокруг. Перед ними оказалась необычная деревня. Она состояла из лачуг, построенных из странного дерева, похожего на огромный тростник, а кровлей служили огромные листья шириной в две ладони.

Здесь не было ни единого растения, лишь песчаная почва. Перрин соскользнул с седла и наклонился, чтобы потрогать её, растерев песок между пальцами. Он взглянул на остальных. От них пахло замешательством.

Перрин осторожно повёл Трудягу к центру деревни. Запустение расходилось именно из этой точки, но саму деревню оно не затронуло. Девы во главе с Сулин подняли вуали и разбежались в разные стороны. Обмениваясь друг с другом энергичными жестами, они быстро проверили лачуги, затем вернулись.

– Никого? – спросила Фэйли.

– Никого, – откликнулась Сулин, настороженно опуская вуаль. – Это место заброшено.

– Кто бы стал строить такую деревню в Гэалдане? – спросил

Перрин.

– Её построили не здесь, – ответила Масури.

Перрин повернулся к стройной Айз Седай.

– Эта деревня не из этих мест, – продолжила Масури. – Дерево, из которого построены дома, не похоже ни на что из виденного мной.

– Узор стонет, – тихо заметила Берелейн. – Мёртвые ходят среди живых. Странные смерти. В городах пропадают целые комнаты и портится еда.

Перрин поскрёб подбородок, припомнив тот день, когда его собственный топор попытался его убить. Если целые деревни исчезают и появляются в других местах, если Запустение лезет изо всех щелей рвущегося Узора… Свет! Насколько же всё действительно плохо?

– Сожгите деревню, – сказал он, разворачиваясь. – Воспользуйтесь Единой Силой. Уничтожьте как можно больше испорченной травы. Возможно, нам удастся приостановить распространение этой заразы. Армия встанет лагерем в часе пути отсюда и, если потребуется больше времени, останется там и завтра.

На этот раз ни Хранительницы Мудрости, ни Айз Седай даже не фыркнули в знак недовольства прямым приказом.

* * *

«Давай поохотимся, брат».

Перрин обнаружил, что находится в волчьем сне. Он смутно помнил, что в ожидании отчета от тех, кому было поручено разобраться с той странной деревней, клевал носом при свете гаснущей лампы, одинокий огонёк которой дрожал на самом кончике фитиля. Он читал найденный Гаулом среди захваченных в Малдене вещей томик «Путешествий Джейина Далекоходившего».

Теперь Перрин лежал на спине посреди огромного поля с высокой, по пояс, травой. Он смотрел в небо, колыхающаяся от ветра трава щекотала его щёки и руки. Там, в вышине, назревала та же буря, что и в мире яви. Здесь она была даже более жестокой.

Всматриваясь в неё сквозь обрамление бурых и зелёных стеблей травы и дикого проса, Перрин практически *ощущал*, как приближается, словно сползает с неба буря, чтобы проглотить его.

«Юный Бык! Давай! Пойдем охотиться!»

Это был зов волчицы. Перрин инстинктивно знал, что её называли Танцующая В Дубах из-за того, что ещё щенком она скакала меж молодых деревьев. В волчьем сне были и другие.

Шептунья. Утренняя заря. Искристый. Свободный От Оков. Добрая дюжина звала его идти с ними, некоторые из них были просто спящими волками, другие – *духами* умерших.

Их зов был смесью запахов, образов и звуков. Запах несущегося вскачь самца оленя, оставляющего следы копыт на весенней земле. Шорох опавших листьев под лапами бегущих волков. Победные рыки, возбуждение несущейся вместе стаи.

Эти призывы разбудили некие жившие глубоко внутри него чувства – того волка, которого он пытался запереть в себе. Но волка не удержать взаперти надолго. Он либо сбежит, либо умрёт, не выдержав заточения. Перрину страстно хотелось вскочить на ноги и послать радостное согласие, отдавшись чувству стаи. Он был Юным Быком, и ему здесь были рады.

– Нет! – воскликнул Перрин, садясь и хватаясь за голову. – Я *не хочу* потерять себя.

Справа от него в траве сидел Прыгун. Крупный серый волк не мигая наблюдал за Перрином, в его золотистых глазах отражались вспышки молний в небе. Трава доходила Прыгуну до шеи.

Перрин опустил руку. Воздух был *густым*, влажным и пах дождём. Кроме этих запахов и аромата иссушенного поля, Перрин чувствовал запах Прыгуна – от волка пахло терпением.

«Тебя зовут, Юный Бык», – *пришло от Прыгуна.*

– Я не могу охотиться с вами, – объяснил Перрин. – Мы уже говорили об этом, Прыгун. Я теряю себя. Когда я принимаю бой, я впадаю в бешенство. Как волк.

«Как волк? – *послал Перрину Прыгун.* – Но ты и есть волк, Юный Бык. И человек. Пойдём поохотимся».

– Я же *говорил*, что не могу! Я не позволю этому меня поглотить.

Он вспомнил о молодом парне с золотыми глазами, запертом в клетке и утратившим всё человеческое, что в нём было. Его звали Ноам – Перрин видел его в деревне под названием Джарра.

«Свет, – *подумал Перрин.* – Это же неподалёку отсюда». *По крайней мере, неподалёку от того места, где в реальном мире дремало его тело. Джарра находилась в Гэалдане. Какое странное совпадение.*

«Рядом с та'вереном совпадений не бывает».

Он нахмурился, поднимаясь на ноги и оглядываясь вокруг. В тот раз Морейн сказала Перрину, что в Ноаме не осталось ничего человеческого. Вот что ждёт волчьего брата, если позволить внутреннему волку полностью себя поглотить.

– Я должен или научиться это контролировать, или изгнать из себя волка, – сказал Перрин. – Времени на компромисс не

осталось, Прыгун.

От Прыгуна пахло досадой. Ему не нравилось то, что он называл человеческим стремлением контролировать вещи.

«Пойдём, – *отозвался Прыгун из травы, вставая.* –Охотиться».

– *Я…*

«Пойдём учиться, – *раздражённо послал Прыгун.* – Последняя Охота близко».

Послание Прыгуна содержало образ волчонка, убивающего впервые в жизни. Это – и обычно не свойственное волкам беспокойство о будущем.

Последняя Охота несла с собой перемены.

Перрин медлил. В прошлый раз Перрин высмеял возможность того, что Прыгун будет обучать его управлению волчьим сном. Бросать вызов авторитету старшего было совершенно неуместно для молодого волка, но всё же таков был его ответ. Прыгун пришёл его учить, но делать он будет это на волчий манер.

– Прости, – сказал Перрин. – Я поохочусь с тобой, но я не должен потерять себя.

«То, о чём ты беспокоишься, – *недовольно послал ему Прыгун.* – Как ты можешь думать такими образами из ничего?» *Ответ волка сопровождался образами пустоты – чистое небо, пустое логово, бесплодное поле.*

«Ты Юный Бык. Ты всегда будешь Юным Быком. Как ты можешь потерять Юного Быка? Посмотри вниз, и ты увидишь его лапы. Кусай, и его зубы будут убивать. Этого нельзя утратить».

– Таковы дела людей.

«Снова и снова всё те же пустые слова», – *пришёл ответ Прыгуна.*

Перрин глубоко вздохнул, втянув и выдохнув сырой воздух.

– Хорошо, – сказал он, ощущая тяжесть появившихся в руках молота и ножа. – Идём.

«Будешь ловить добычу своими копытами»? – *Это был образ быка, не обращающего внимания на свои рога и пытающегося запрыгнуть на спину оленя и втоптать его в землю.*

– Ты прав, – Перрин внезапно обнаружил, что держит в руках добротный двуреченский лук. В стрельбе он был не так хорош, как Джондин Барран или Ранд, но кое-что умел.

Прыгун послал образ быка, плюющего в оленя. Перрин зарычал, отвечая образом когтей, что выстреливают из лап волка и поражают оленя на расстоянии, но это, казалось, только ещё больше развеселило Прыгуна. Несмотря на своё раздражение, Перрину пришлось признать, что этот образ вышел довольно нелепым.

Волк поделился этим образом с остальными, и те ответили

весёлым воем, хотя большинство из них отдали своё предпочтение образу быка, прыгающего на олене. Перрин снова зарычал, бросаясь вслед за Прыгуном к дальней роще, где ждали остальные волки.

Чем дальше он бежал, тем гуще, казалось, становилась трава. Она замедляла его передвижение, будто спутанный подлесок. Прыгун скоро обогнал его.

«Беги, Юный Бык!»

«Я пытаюсь», – *мысленно ответил Перрин.*

«Не так, как раньше!»

Перрин продолжил продираться сквозь траву. Это странное место, этот прекрасный мир, где бегали волки, мог быть пьянящим. И опасным. Прыгун не раз об этом предупреждал Перрина.

«Оставь опасности на завтра. Выброс их из головы», – *пришло послание от удалявшегося Прыгуна.* – «Беспокойство – это для двуногих».

«Я не могу выбросить из головы свои проблемы!» – *ответил Перрин.*

«Однако ты часто так поступаешь», – *послал ему Прыгун.*

Это походило на правду – возможно, даже больше, чем думал волк. Перрин ворвался на поляну и резко остановился. Здесь прямо на земле лежали три куска металла, которые он выковал в недавнем сне. Большой комок размером с два кулака, сплющенный жезл и тонкий прямоугольник. Последний слабо сиял жёлто-красным светом, обуглив вокруг себя траву.

Куски железа тут же исчезли, хотя от раскалённого прямоугольника остался выжженный след. Перрин оторвал взгляд от травы, пытаясь разглядеть волков. Впереди, в небе прямо над деревьями открылась огромная чёрная дыра. Он не мог прикинуть расстояние до неё, но она, казалось, перекрывала собой всё, что мог видеть Перрин, и в то же время была далеко.

Там стоял Мэт. Он сражался с самим собой, с дюжиной разных противников, имевших его лицо и одетых в разные красивые одежды. Мэт крутил своё копьё, не замечая спрятавшуюся в тенях фигуру с окровавленным ножом, которая подкрадывалась к нему со спины.

– Мэт! – закричал Перрин, хоть и знал, что это бессмысленно. То, что он видел, было чем-то вроде сна или видения о будущем. Давненько он не видел такого. Он было уже решил, что видения больше не придут.

Перрин отвернулся, и в небе разверзлась ещё одна чёрная дыра. Он вдруг увидел стадо овец, бегущее к лесу. За ними гнались волки, а в лесу, никем незамеченное, поджидало ужасное

чудовище. Он тоже был там, в этом видении, он это почувствовал. Но за кем он гнался и почему? С теми волками что-то было не так.

Третья чёрная дыра сбоку. Фэйли, Грейди, Илайас, Гаул – все они шли к пропасти, а за ними следовали тысячи других.

Видение исчезло. Внезапно в воздухе пронёсся Прыгун, который приземлился рядом с Перрином и проехал лапами по траве, чтобы остановиться. Волк бы не заметил тех чёрных дыр – они никогда не представали его взору. Вместо этого он с презрением изучил опаленный участок травы и послал ему образ – всклокоченного Перрина, с мутным взглядом, отросшей бородой и волосами и в потрёпанной одежде. Перрин вспомнил то время: первые дни после пленения Фэйли.

Неужели он и впрямь выглядел так ужасно? Свет, он был похож на оборванца. Почти как нищий. Или… как Ноам.

– Хватит меня путать! – воскликнул Перрин. – Я стал таким тогда, потому что всецело отдался поискам Фэйли, а не потому что сблизился с волками!

«Щенки-новички всегда винят во всём старших стаи». – *Прыгун снова скачками помчался сквозь траву.*

О чём это он? Запахи и образы совершенно сбили с толку. Зарычав, Перрин рванулся вперёд, оставив позади поляну, и выбежал на луг. И снова высокие стебли мешали ему двигаться. Это было похоже на борьбу с течением.

Прыгун снова вырвался вперёд.

– Чтоб тебе сгореть, подожди меня! – закричал Перрин.

«Если ждать – потеряем добычу. Беги, Юный Бык!»

Перрин стиснул зубы. На таком расстоянии Прыгун казался точкой почти у самых деревьев. Перрин хотел поразмышлять о своих видениях, но на это не было времени. Он знал, что если потеряет Прыгуна из виду, то этой ночью больше его не увидит. *«Ладно»,* – смиренно подумал он.

Земля вокруг него дрогнула, заросли травы в мгновение ока пронеслись мимо. Будто Перрин за один шаг преодолел расстояние в сотню. Он шагнул снова, бросившись вперёд, оставляя позади размытый след.

Трава расступилась. Ветер с приятным завыванием бил в лицо. Тот, дремлющий внутри него первобытный волк, начал пробуждаться. Перрин добрался до леса и замедлился. Теперь каждый шаг переносил его всего на десять футов. Остальные волки были здесь, они собрались и радостно побежали рядом.

«Две ноги, Юный Бык?» – *поинтересовалась Танцующая В Дубах, молодая самка с такой светлой шкурой, что та казалась почти белой и с чёрной полоской на правом боку.*

Он не ответил, но позволил себе бежать с ними сквозь чащу. Показавшаяся поначалу небольшой роща, оказалась огромным лесом. Перрин бежал почти не чувствуя под ногами земли мимо зарослей папоротника, мимо стволов деревьев.

Вот *так и надо бежать по-настоящему. Мощно. Активно. Он перепрыгивал через упавшие деревья, подбрасывая себя вверх так высоко, что касался волосами нижних ветвей деревьев, и мягко приземлялся. Это был его лес. Лес принадлежал ему, и Перрин понимал это.*

Все его тревоги начали улетучиваться. Он позволил себе принять вещи такими, какие они есть, а не такими, какими, по его опасениям, они могли стать. Эти волки были его братьями и сёстрами. В реальном мире бегущие волки были воплощением баланса и контроля. Здесь же – где все законы природы подчинялись их воле – они были чем-то большим. Волки скакали в стороны и прыгали по деревьям; ничто не удерживало их на земле. Некоторые и впрямь забирались на ветки, перелетая с сука на сук.

Будоражащее ощущение. Чувствовал ли он когда-нибудь себя таким же живым? Настолько единым с этим миром, но в то же время его повелителем? Грубоватые, но величественные кожелисты росли вперемешку с тисами, изредка перемежаясь цветущими пряными деревьями. Пробегая мимо одного из них, Перрин подбросил себя в воздух, и вызванный его движением порыв сорвал с ветвей ураган алых цветков. Они взвились вокруг него в расплывчатом водовороте, затянутые потоками воздуха, убаюкивая Перрина своим сладким ароматом.

Волки принялись выть. Для обычного человека один вой был неотличим от другого. Для Перрина же каждый вой был особенным. Сейчас волки выли от удовольствия, в знак начала охоты.

«Стоп. Это же то, чего я боялся! Я не могу позволить себе попасть в эту ловушку. Я человек, а не волк».

Однако в тот же миг он почуял запах оленя. Могучее животное, достойное стать добычей. Он пробежал здесь совсем недавно.

Перрин попытался сдержаться, но предвкушение охоты оказалось слишком сильным. Он рванул по звериной тропе вслед за запахом. Все волки, и Прыгун в том числе, не стали его обгонять. Они бежали вместе с ним, и их запахи выражали радость того, что они уступили ему право вести стаю.

Он был предвестником, смыслом, остриём атаки. За его спиной ревела охота. Как будто он возглавлял разрушительную океанскую волну. Но он же её и сдерживал.

«Я не вправе вынуждать их бежать медленно из-за меня», – *подумал Перрин.*

И опустился на четвереньки, его лук оказался выброшен и забыт, его руки и ноги превратились в лапы. Стая позади него вновь завыла, теперь уже торжествующе, в честь этого момента. Теперь Юный Бык присоединился к ним по-настоящему.

Впереди показался олень. Юный Бык заметил его сквозь деревья – белоснежный самец с рогами по меньшей мере в двадцать шесть отростков и уже сменивший свою зимнюю шерсть. Олень был огромным, больше лошади. Он повернулся, глядя прямо на стаю. Встретился взглядом с Перрином, и тот почуял его тревогу. Затем, мощно оттолкнувшись задними ногами, напрягая все мышцы на боках, олень прыгнул с тропы прочь.

Юный Бык взвыл, взяв след, и бросился в погоню за добычей сквозь подлесок. Огромный белый олень мчался скачками, каждый его прыжок покрывал расстояние в двадцать шагов. Он ни разу не задел ветку и не споткнулся, несмотря на ненадёжный лесной покров из скользкого мха.

Юный Бык следовал за добычей след в след, соразмеряя каждый шаг, ставя лапы точно туда, куда мгновения назад ударили копыта оленя. Он слышал тяжёлое дыхание оленя, видел выступивший на его боках пот, чувствовал запах его страха.

Но нет. Юному Быку *не пристало* одерживать жалкую победу, загоняя добычу до смерти. Он порвёт горло и испробует крови, бьющей в полную силу от здорового сердца. Он одолеет свою добычу, пока та сильна.

Он начал чередовать свои прыжки, перестав следовать точно по следу оленя. Ему нужно быть впереди, а не бежать следом! Запах оленя стал тревожнее. Это заставило Юного Быка поднажать. Олень стрелой метнулся вправо, и Юный Бык прыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами от ствола дерева справа и бросая себя в сторону, чтобы изменить направление движения. Этот поворот выгадал ему мгновение.

Вскоре он уже мчался на расстоянии одного вдоха от оленя, с каждым прыжком не дотягиваясь всего пары дюймов до копыт добычи. Он взвыл, и его братья и сёстры за спиной откликнулись. Они все были этой охотой. Единым целым.

Но вёл их Юный Бык.

Когда олень вновь вильнул, его вой перешёл в победное рычание. Вот он, шанс! Юный Бык перепрыгнул через поваленное дерево и впился зубами в шею оленя. Он почувствовал пот, шерсть, тёплую кровь, сочащуюся там, где его клыки разорвали шкуру. Его вес опрокинул добычу на землю. Они покатились, но Юный Бык не ослаблял хватку, прижимая оленя к земле. Шкура

оленя окрасилась кровью.

Волки победно взвыли, и Юный Бык на мгновение отпустил горло добычи, намереваясь перекусить горло оленя спереди и убить. Все остальное потеряло для него значение. Лес пропал. Вой стих. Осталось только убийство. Сладкое убийство.

Вдруг на него что-то обрушилось, отбросив в кусты. Оскалившись, Юный Бык, ошеломлённо тряхнул головой. Его остановил другой волк. Прыгун! Но почему?

Олень прыжком взвился на ноги и снова ускакал в лес. Юный Бык взвыл от ярости и гнева, приготовившись броситься следом. И снова прыжок Прыгуна сбил Юного Быка.

«Если он умрёт здесь, то умрёт последней смертью, – *пришло послание от Прыгуна.* – Эта охота окончена, Юный Бык. Поохотимся в другой раз».

Юный Бык едва не набросился на Прыгуна. Но нет. Он уже однажды пытался это сделать, и это было ошибкой. Он же не волк. Он…

Перрин лежал на земле, тяжело дыша и ощущая во рту привкус чужой крови, его лицо было мокрым от пота. Он поднялся на колени, затем сел, задыхаясь и трепеща от этой прекрасной, *пугающей* охоты.

Остальные волки тоже сели, молча. Прыгун лёг рядом с Перрином, положив свою седую голову на старые лапы.

– Вот то, чего я боюсь, – наконец произнёс Перрин.

«Нет, ты не боишься этого», – *пришёл ответ от Прыгуна.*

– Ты говоришь мне, что я чувствую?

«От тебя не пахнет страхом», – *послал в ответ Прыгун.*

Перрин откинулся на спину, сминая прутики и листья под собой, и уставился на ветви над головой. Его сердце учащённо билось от погони. – Ну, я беспокоюсь об этом.

«Беспокойство и страх – разные вещи, – *пришло от Прыгуна.* – Почему ты говоришь одно, а чувствуешь другое? Беспокоишься, беспокоишься, беспокоишься – только это ты и делаешь».

– Нет. Ещё я убиваю. Если ты будешь учить меня управлять волчьим сном, это будет происходить так же, как сегодня?

«Да».

Перрин посмотрел в сторону. Оленья кровь пролилась на сухой ствол поваленного дерева, впитавшись и оставив на древесине тёмное пятно. Такой способ обучения подтолкнет его на самую грань превращения в волка.

Но он слишком долго избегал этой проблемы, занимаясь ковкой подков в кузнице и оставляя самые сложные и требующие особого внимания детали нетронутыми. Он полагался на силу дарованного ему обоняния, обращался к волкам, когда нуждался

в них, но всё остальное время пренебрегал ими.

Нельзя создать вещь, пока не узнаешь, из чего она состоит. Он не сможет узнать, как справиться с волком внутри себя или отвергнуть его, пока не познает волчий сон.

– Отлично, – сказал Перрин. – Пусть так и будет.

* * *

Верхом на Стойком Галад рысью объезжал лагерь. По обеим сторонам от него Чада ставили палатки и рыли ямы для костров – лагерь готовился к ночёвке. Его соратники каждый день шли маршем почти до самой темноты и снова поднимались с рассветом. Чем быстрее они доберутся до Андора, тем лучше.

Наконец проклятые Светом болота остались позади. Теперь они шли по полям. Возможно, было бы быстрее срезать путь восточнее и пойти по одному из больших трактов строго на север, но это точно было бы опаснее. Лучше держаться подальше от маневрирующих армий Возрождённого Дракона и Шончан. Может, путь Детей и озарён Светом, но в его лучах уже погиб не один доблестный воин. Если нет опасности для жизни, то нет и храбрости, однако Галад предпочитал греться в лучах Света, продолжая дышать.

Сегодня они встали лагерем неподалёку от Джеханнахского тракта и следующим утром собирались его пересечь, чтобы продолжить марш на север. Галад выслал патрули присматривать за дорогой. Ему хотелось точно знать, каков характер движения на тракте, а также он остро нуждался в припасах.

Не задерживаясь и пренебрегая болью от многочисленных ран, Галад объезжал лагерь в сопровождении небольшого числа адъютантов. Лагерь был опрятным и организованным. Палатки были сгруппированы по легионам и поставлены концентрическими кругами, без прямых проходов. Так было задумано, чтобы запутать и задержать атакующих.

Ближе к центру лагеря было оставлено свободное пространство. Тут обычно ставили свои шатры Вопрошающие. Он приказал распределить их по двое на каждый отряд. Если не держать Вопрошающих отдельно от остальных Детей, то, возможно, они почувствуют своё единство с другими Чадами. Про себя он отметил, что нужно продумать новый порядок устройства лагеря, исключающий эту дыру по центру.

Галад с товарищами ехал через лагерь. Он делал это специально, чтобы быть у всех на виду, и, видя его, солдаты отдавали честь. В голове крепко засели слова Гарета Брина: «По большей части, главная функция генерала – вовсе не принимать решения, а напоминать своим подчинённым, что *есть* кому принимать решения».

– Милорд Капитан-Командор, – обратился к нему один из сопровождающих, Брандел Вордариан. Он был старше всех Лордов-Капитанов, находящихся в подчинении у Галада. – Я прошу вас пересмотреть своё решение об отправке этого послания.

Вордариан ехал рядом с Галадом. С другого бока находился Тром. Лорды-Капитаны Голевер и Харнеш двигались чуть позади в пределах слышимости, а следовавший за ними Борнхальд сегодня выполнял обязанности телохранителя Галада.

– Письмо должно быть отправлено, – ответил Галад.

– Мне кажется, это безрассудно, милорд Капитан-Командор, – настаивал Вордариан. Чисто выбритый андорец с золотистыми волосами, украшенными сединой, обладал необычно квадратной фигурой. Галад был немного знаком с родом Вордарианов – мелкими дворянами, вхожими в окружение его матери.

Только глупец не прислушивается к советам старшего и более мудрого человека. И только глупец следует всем советам подряд.

– Возможно, это и безрассудно, – ответил Галад. – Но так будет правильно. – Письмо было адресовано оставшимся под шончанским контролем Вопрошающим и Детям Света. Там остались те, кто не пришёл с Асунавой. В своём письме Галад объяснял произошедшее и приказывал как можно скорее предстать перед ним. Вряд ли кто-то из них появится, но они имеют право узнать о случившемся.

Лорд Вордариан вздохнул и уступил своё место рядом с Галадом Харнешу. Лысый мужчина рассеянно поскрёб шрам, оставшийся на месте левого уха:

– Хватит об этом письме, Вордариан. Своей настойчивостью ты испытываешь моё терпение. – На взгляд Галада, терпение мурандийца подвергалось испытанию по множеству поводов.

– Полагаю, у тебя есть другая тема для обсуждения? – Галад кивнул двум чадам, которые отдали ему честь, прервав рубку дров.

– Вы сказали Чадам Борнхальду, Байару и другим, что планируете вступить в союз с тарвалонскими ведьмами!

Галад кивнул:

– Я понимаю, что подобное заявление может обеспокоить, но, если ты его хорошенько обдумаешь, то увидишь, что это единственное верное решение.

– Но ведьмы – зло!

– Возможно, – ответил Галад. Когда-то он отверг бы подобное утверждение. Но, прислушиваясь к другим Чадам и размышляя над тем, что в Тар Валоне сделали с его сестрой, он решил, что слишком мягко относился к Айз Седай. – Однако, Лорд Харнеш,

если они зло, то незначительное по сравнению с Тёмным. Грядёт Последняя Битва. Не станешь же ты это отрицать?

Харнеш с остальными взглянули на небо, которое уже много недель не покидали тоскливые облака. Вчера ещё один солдат свалился от странной болезни – во время кашля у него изо рта полезли жуки. Запасы еды уменьшались, по мере того, как всё больше её портилось.

– Нет. Не стану, – пробормотал Харнеш.

– Тогда тебе нужно радоваться, – продолжил Галад, – поскольку путь ясен. Мы *должны* сражаться в Последней Битве. Наш пример служения должен показать путь к Свету многим, кто нас отвергал. Но даже в противном случае мы всё равно будем сражаться, поскольку это наш долг. Этого ты тоже не будешь отрицать, Лорд-Капитан?

– И вновь, нет. Однако ведьмы, милорд Капитан-Командор?

Галад покачал головой.

– Не вижу, как нам без них обойтись. Нам нужны союзники. Оглянись, Лорд Харнеш. Сколько у нас людей? Даже учитывая последних присоединившихся к нам рекрутов, у нас наберётся не больше двадцати тысяч солдат. Наша крепость пала. У нас нет ни резервов, ни союзников, и крупные государства не скажут о нас доброго слова. Нет, не стоит этого отрицать! Ты же знаешь, что это правда.

Галад обвёл взглядом своих спутников, и каждый из них кивнул в ответ.

– Во всём виноваты Вопрошающие, – пробормотал Харнеш.

– Частично это их вина, – согласился Галад. – Но дела обстоят так ещё и потому, что те, кто творят зло, с отвращением и негодованием смотрят на тех, кто стоит за правое дело.

Остальные кивнули.

– Нам нужно действовать осторожно, – продолжил Галад. – В прошлом смелость и, возможно, излишнее рвение Детей Света отвращали тех, кто должен был быть нашим союзником. Моя мать говорила, что дипломатическая победа не в том, чтобы каждый получил то, что желает. Это только заставит каждую из сторон считать, что им удалось переиграть мою мать, что повлечет за собой ещё более непомерные требования. Суть не в том, чтобы угодить каждому, а в том, чтобы убедить каждую сторону, что она получила лучшее из возможного. Они должны быть вполне удовлетворены, чтобы выполнить ваши пожелания, и одновременно достаточно расстроены осознанием того, что вы их превзошли.

– И какое это имеет отношение к нам? – спросил из-за спины Голевер. – Мы не служим ни королям, ни королевам.

– Да, – ответил Галад, – и именно это пугает всех монархов. Я вырос при андорском дворе. И мне известно, как моя мать относилась к Детям Света. После каждого случая общения с ними она либо оставалась недовольной, либо решала категорично отказать. Мы не можем допустить ни то, ни другое отношение к себе! Монархи этих земель должны нас *уважать*, а не ненавидеть.

– Приспешники Тёмного, – проворчал Харнеш.

– Моя мать не была Приспешницей Тёмного, – тихо возразил Галад.

Харнеш покраснел.

– Кроме неё, конечно.

– Ты рассуждаешь, словно Вопрошающий, – сказал Галад. – Подозреваешь в каждом, кто нам возражает, Приспешника Тёмного. Многие из них *находятся* под влиянием Тени, но сомневаюсь, что сознательно. Именно здесь кроется ошибка Десницы Света. Вопрошающие часто сами не могут различить закоренелых Приспешников Тёмного, тех, кто оказался под их влиянием, и тех, кто просто не согласен с Детьми Света.

– И что нам делать? – спросил Вордариан. – Будем кланяться каждому чиху монархов?

– Пока мне самому не ясно, что делать, – признался Галад. – Но я об этом подумаю. И я найду верный выход. Мы не можем быть комнатными собачонками королей и королев. Но подумайте, чего мы могли бы достичь в пределах границ государства, если бы нам не приходилось привлекать целый легион для устрашения его правителя.

Остальные задумчиво кивнули на это замечание.

– Милорд Капитан-Командор! – раздался чей-то голос.

Галад повернулся к Байару, который рысил на белом жеребце позади. Конь прежде принадлежал Асунаве. Сам Галад отказался взять его, предпочитая привычного гнедого. Галад вынудил всех остановиться, дождавшись приближения Байара в белоснежном табарде. Парень не был самым приятным человеком в лагере, но доказал свою преданность.

Однако Байару *не полагалось* находиться в лагере.

– Я приказал тебе следить за Джеханнахским трактом, чадо Байар, – твёрдым тоном обратился к нему Галад. – И до завершения твоей смены осталось ещё добрых четыре часа.

Байар вытянулся и отдал честь:

– Милорд Капитан-Командор, мы захватили на тракте подозрительную группу путешественников. Что прикажете нам с ними делать?

– Вы их *захватили*? – спросил Галад. – Я отправил вас просто следить за дорогой, а не брать пленных.

– Милорд Капитан-Командор, – ответил Байар. – Как же мы узнаем, кто едет мимо, если не поговорим с ними? Вы требуете от нас, чтобы мы высматривали Приспешников Тени.

Галад вздохнул.

– Я требовал от вас, чтобы вы следили за перемещением войск или за купцами, с которыми мы могли бы поторговать, чадо Байар.

– Но у этих Приспешников Темного есть припасы, – сказал Байар. – И, я полагаю, они могут быть купцами.

Галад ещё раз вздохнул. Никто не может отрицать верности Байара – тот сопровождал Галада, когда он решил встретиться с Валдой, что могло означать конец карьеры. Но всё же он был *слишком* рьяным.

Худой офицер выглядел встревоженным. Что ж, распоряжения Галада были не вполне чёткими. На будущее нужно будет это учесть, особенно в случае Байара.

– Успокойся, – произнес Галад. – Ты не совершил никакого проступка, Чадо Байар. Сколько именно пленных?

– Несколько десятков, милорд Капитан-Командор, – Байар вздохнул с облегчением. – Едемте.

Он развернул коня, указывая путь. От походных костров уже потянуло дымом, воздух наполнился запахом горящих дров. Проезжая мимо солдат, Галад слышал обрывки разговоров. Как Шончан поступят с теми Детьми Света, что остались у них? На самом ли деле тот, кто захватил Иллиан и Тир, является Возрождённым Драконом, или он один из Лжедраконов? Галад услышал и разговоры про гигантский камень, который прилетел с неба и ударился оземь далеко на севере Андора, разрушив целый город и оставив после себя кратер.

Такие разговоры между мужчинами выдавали их тревогу. Им следовало бы уяснить, что подобные волнения не приносят пользы. Никто не знает, какой Узор плетёт Колесо.

Пленники Байара оказались группой людей с удивительно большим числом тяжелогружёных деревянных подвод – с сотню, а может быть и больше. Люди сбились в кучу вокруг своих телег, враждебно глядя в сторону Детей. Быстро оглядевшись, Галад нахмурился.

– Да здесь целый караван, – тихо произнёс Борнхальд рядом. – Торговцы?

– Нет, – так же тихо ответил Галад. – Это специальные повозки для дальних странствий. Видишь деревянные гвозди по бортам, чтобы телеги можно было разбирать на части? Мешки с овсом для лошадей. А там, в повозке, что справа, сзади лежат завёрнутые в холстину кузнечные инструменты. Видишь

выглядывающие молотки?

– О, Свет! – прошептал Борнхальд. Он тоже понял. Это были маркитанты армии огромного размера. Но где же солдаты?

– Будьте готовы их разделить, – спешиваясь, сказал Галад Борнхальду. Он двинулся к головной подводе. Её возница – человек крупного сложения с багровым лицом – безуспешно пытался прикрыть остатками волос растущую лысину. В руках он нервно мял коричневую фетровую шляпу; за пояс добротной куртки была заткнута пара перчаток. Галад не заметил у него никакого оружия.

Рядом с телегой стояли двое заметно моложе. Один был крепким, мускулистым, похожим на бойца – но не на солдата. От него можно было ожидать неприятностей. Рядом, вцепившись в его руку и закусив нижнюю губу, стояла хорошенькая женщина.

Увидев Галада, мужчина в повозке вздрогнул. *«Ага,* – подумал Галад, – *значит, он достаточно сведущ, чтобы узнать пасынка Моргейз».*

– Итак, странники, – осторожно начал Галад. – Вы сказали моим людям, что вы купцы?

– Да, добрый господин, – ответил возница.

– Мне мало что известно об этой части страны. А вам?

– Не особенно, сэр, – ответил возница, скрутив шляпу в руках. – На самом деле, мы сами далеко от дома. Меня зовут Базел Гилл, я родом из Кэймлина. Я ездил на юг в надежде на хорошую сделку с купцом из Эбу Дар. Но из-за этих шончанских захватчиков торговля оказалась невозможна.

Кажется, он сильно нервничал. Но по крайней мере не врал, откуда он родом.

– А как имя этого купца? – спросил Галад.

– Э... Фалин Деборша, милорд, – ответил Гилл. – Вы бывали в Эбу Дар?

– Приходилось, – спокойно ответил Галад. – А у вас целый караван – и интересный набор товаров.

– Мы слышали, что здесь, на юге, собираются армии, милорд. Я скупил много припасов у расформированного отряда наёмников, и думал, что смогу продать их здесь. Может, вашей армии тоже требуются инструменты для лагеря? У нас есть шатры, передвижные кузницы – всё, что нужно солдатам.

«Умно», – *подумал Галад. Возможно, он и купился бы на эту ложь, если бы у «купца» не было с собой слишком много поваров, прачек и кузнецов... и очень мало охраны для столь ценного груза.*

– Ясно, – сказал Галад. – Что ж, так уж вышло, что мне *действительно* нужны припасы. Но, в основном, провизия.

– Соболезную, милорд, – сказал мужчина. – Но мы не можем

поделиться нашей провизией. Всё остальное я готов продать, но её я пообещал посланцу от кого-то из Лугарда.

– Я заплачу больше.

– Я дал слово, добрый господин, – ответил мужчина. – И не могу его нарушить, невзирая на предложенную цену.

– Ясно, – Галад махнул рукой Борнхальду. Солдат отдал команду, и вперёд выдвинулись, обнажив оружие, Дети Света в белых табардах.

– Что… что вы делаете? – спросил Гилл.

– Разделяю ваших людей, – ответил Галад. – Мы побеседуем с каждым по отдельности, и посмотрим, совпадают ли ваши истории. Я боюсь, вы были… не слишком откровенны с нами. В конце концов, *мне* вы кажетесь маркитантами крупной армии. В случае, если я окажусь прав, я очень хотел бы знать, чья это армия, не говоря уже о том, где она находится.

Едва солдаты Галада начали умело разделять пленников, на лбу Гилла выступила испарина. Галад некоторое время наблюдал за мужчиной. Внезапно к нему бегом присоединились Борнхальд с Байаром, державшие руки на мечах.

– Милорд Капитан-Командор, – поспешно обратился Борнхальд.

Галад отвернулся от Гилла.

– Да?

– Похоже, у нас складывается интересная ситуация, – сказал Борнхальд. Его лицо раскраснелось от гнева. Байар, стоявший рядом с ним с выпученными глазами, был просто в ярости. – Некоторые пленные заговорили. Всё так, как вы и опасались. Неподалёку находится крупная армия. Они сражались с айильцами – те парни в белой одежде на самом деле айильцы.

– И?

Байар плюнул в сторону.

– Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Перрин Златоокий?

– Нет. А должен был?

– Да, – ответил Борнхальд. – Он убил моего отца.

Глава 5

Послания

Гавин торопливо шёл по коридорам Белой Башни, громко стуча каблуками по тёмно-синему ковру, лежавшему на полу из красных и белых плиток. Свет отражался от зеркальных напольных светильников, выстроившихся, словно часовые, вдоль всего пути.

Рядом с Гавином двигался Слит. Несмотря на яркий свет ламп, лицо Слита казалось наполовину скрытым тенью. Возможно, это из-за двухдневной щетины, что было странно для Стража, или же из-за длинных волос – чистых, но давно не стриженных. Или, может, дело было в его грубоватом лице. Своими резкими чертами, раздвоенным подбородком, крючковатым, когда-то сломанным носом и выдающимися скулами оно напоминало незаконченный рисунок.

В плавных, как и у любого Стража, движениях Слита чувствовалось больше первобытного начала, чем у многих других. Скорее не охотник, пробирающийся через лес, а безмолвный, нападающий из тени хищник, которого жертва не заметит, пока не сверкнут зубы.

Они добрались до пересечения коридоров, обнаружив охраняющих один из них гвардейцев Чубейна. На вооруженных мечами солдатах были белые табарды, украшенные Пламенем Тар Валона. Один из гвардейцев поднял руку, преграждая им путь.

– У меня есть разрешение войти, – сказал Гавин.– Амерлин…

– Сёстры ещё не закончили, – враждебно ответил гвардеец.

Гавин скрипнул зубами, но иного выхода не было. Им со Слитом пришлось отступить и ждать, пока наконец-то из охраняемой комнаты не вышли три выглядевших встревоженными Айз Седай. Они ушли в сопровождении пары солдат, несущих что-то, завёрнутое в белую ткань! Тело.

Наконец гвардейцы неохотно расступились, дав Гавину со Слитом возможность пройти. Те поспешили дальше по коридору и вошли в маленькую читальню. Гавин помедлил у двери и, обернувшись, мельком оглядел коридор. Он заметил нескольких Принятых, украдкой выглядывающих из-за угла и перешёптывающихся.

Убита уже четвёртая сестра. Эгвейн была по уши в заботах, пытаясь не допустить новой вспышки подозрительности между Айя. Она предостерегла всех сестёр быть настороже и

посоветовала не ходить поодиночке. Чёрная Айя хорошо знала Белую Башню, её члены жили здесь годами. Используя переходные врата, они могли незаметно проникать в коридоры и совершать убийства.

По крайней мере, таково было официальное объяснение смертей. Гавин же не был в этом так уверен. Он устремился в комнату, Слит за ним.

Чубейн собственной персоной уже находился здесь. Статный мужчина скользнул по Гавину взглядом, уголки его губ поползли вниз.

– Лорд Траканд.

– Капитан, – ответил Гавин, осматривая квадратную комнату примерно три шага в поперечнике с единственным письменным столом, стоящим у дальней стены, и незажжённой жаровней. В углу горел бронзовый напольный светильник, а круглый ковёр покрывал почти весь пол. Под столом ковёр был запятнан тёмной жидкостью.

– Вы и правда считаете, что сможете найти что-нибудь, чего не заметили сёстры, Траканд? – спросил Чубейн, скрестив руки на груди.

– Я ищу кое-что иное, – сказал Гавин, проходя вперёд. Он встал на колени, чтобы осмотреть ковёр.

Чубейн фыркнул и вышел в коридор. Гвардейцы Башни будут охранять это место, пока не придут слуги, чтобы прибраться. У Гавина было несколько минут.

Слит шагнул к одному из гвардейцев, как раз стоящему внутри дверного проёма. К нему они были настроены не столь враждебно, как к Гавину, который до сих пор так и не понял причину.

– Она была одна? – спросил Слит гвардейца своим скрипучим голосом.

– Да, – ответил тот, качая головой. – Не стоило пренебрегать советом Амерлин.

– Кто жертва?

– Катери Нэпвю из Белой Айя. Носила шаль двадцать лет.

Гавин хмыкнул, продолжая ползать по полу и осматривая ковёр. Четыре сестры из разных Айя. Две поддерживали Эгвейн, одна – Элайду, и одна сохраняла нейтралитет и вернулась совсем недавно. Все убиты на разных этажах Башни в разное время суток.

Несомненно, это *выглядело* как происки Чёрной Айя. Они выбирали не конкретные мишени, а просто удобные. Но он чувствовал, что здесь что-то не так. Почему бы не Переместиться в комнаты сестёр ночью и не убить их во сне? Почему никто не почувствовал, что на месте преступления направляли?

Слит внимательно осмотрел дверь и замок. Когда Эгвейн сказала Гавину, что тот может, если пожелает, осмотреть места преступлений, то он попросил разрешения взять с собой Слита. Когда Гавину прежде случалось пересекаться со Стражем, тот проявлял себя не только дотошным, но и неболтливым.

Гавин продолжил поиски. Эгвейн из-за чего-то нервничала, он был в этом уверен. Она что-то недоговаривала об этих убийствах. Он не нашёл на разрезов на ковре, ни царапин на плитках пола или предметах обстановки тесной комнаты.

Эгвейн утверждала, что убийцы проникали внутрь с помощью переходных врат, но он не нашёл этому подтверждения. Да, он ещё многого не знал о вратах, и, по-видимому, их могли делать висящими над землёй так, что они ничего не разрежут. Но Чёрной Айя какое до этого дело? Более того, эта комнатушка была совсем крошечной, ему казалось, что попасть сюда, не оставив никаких следов, было бы очень сложно.

– Гавин, подойди-ка сюда, – сказал Слит. Он всё ещё стоял на коленях у дверного проема.

Гавин присоединился к нему. Слит пару раз щёлкнул язычком замка.

– Дверь могла быть взломана, – тихо сказал он. – Видишь, царапина на язычке? Замок такого типа можно взломать, если всунуть внутрь тонкую отмычку, отжать ею язычок, а затем надавить на ручку. Это можно сделать очень тихо.

– Зачем бы Чёрным Айя понадобилось взламывать дверь? – спросил Гавин.

– Возможно, они Переместились в коридор, затем шли по нему, пока не увидели свет из-под двери, – ответил Слит.

– Тогда почему бы не открыть врата по другую сторону двери?

– Женщина внутри могла бы насторожиться, почувствуй она, что кто-то направляет, – заметил Слит.

– Это верно, – сказал Гавин. Он посмотрел в сторону кровавого пятна. Стол был поставлен так, что сидящий за ним оказывался спиной к двери. От такого расположения Гавин почувствовал зуд между лопаток. Кто же так ставит стол? Айз Седай, считающая, что она в полной безопасности, и не желающая отвлекаться на внешние раздражители. Иногда казалось, что у Айз Седай, при всём их хитроумии, было на удивление слабо развито чувство самосохранения.

А может они просто не умели думать как солдаты. Это за них делали Стражи.

– У неё был Страж?

– Нет, – ответил Слит. – Я встречался с ней раньше. У неё не

было Стража, – он помедлил. – Ни у кого из убитых сестёр не было Стражей.

Гавин приподнял бровь.

– В этом есть смысл, – сказал Слит. – Кто бы ни стоял за этими убийствами, он не хотел встревожить Стражей.

– Но зачем убивать ножом? – спросил Гавин. Все четверо были убиты подобным образом. – Чёрные Айя не обязаны подчиняться Трём Клятвам. Они могли использовать Силу. Куда прямолинейнее и намного проще.

– Но тогда был бы риск насторожить жертву или окружающих, – заметил Слит.

Ещё одно верное замечание. И всё же с этими убийствами что-то не сходилось.

А может он просто притягивает за уши то, чего нет, изо всех сил стараясь найти хоть какой-нибудь *повод помочь. Подсознательно он надеялся, что если сумеет оказаться полезным Эгвейн в этом деле, то, может быть, она смягчится и простит его за своё спасение из Башни во время нападения Шончан.*

Минутой позже вошёл Чубейн.

– Я надеюсь, что Вашей Светлости хватило времени, – чопорно сказал он. – Пришли слуги, чтобы убраться.

«Несносный человек! – *подумал Гавин.* – Неужели обязательно относиться ко мне так презрительно? Я должен…»

Нет. Гавин взял себя в руки. Когда-то это давалось намного легче.

Почему Чубейн столь *враждебно к нему настроен? Гавин обнаружил, что размышляет о том, как бы с подобным человеком смогла найти общий язык его мать. Юноша не часто думал о ней, потому что это напоминало об ал'Торе.* Этому *убийце позволили покинуть саму Белую Башню! Он был у Эгвейн в руках, и она его отпустила.*

Конечно, ал'Тор был Возрождённым Драконом. Но в глубине души Гавин хотел встретиться с ним с мечом в руке и вонзить в него сталь, Возрождённый он там Дракон или нет.

«Ал'Тор разорвёт тебя на части Единой Силой, Гавин Траканд, – сказал он себе. – *Не будь дурнем».* В любом случае, его ненависть к ал'Тору не угасла.

Подошёл один из гвардейцев Чубейна, что-то говоря и показывая на дверь. Чубейн выглядел раздражённым оттого, что они не обнаружили взломанный замок. Гвардия Башни не занималась охраной правопорядка и поиском преступников – сёстрам это не требовалось, поскольку они сами более эффективно проводили подобные расследования. Но Гавин не сомневался, что Чубейн страстно желает лично положить конец

этим убийствам. Защита Башни и её обитателей была частью его обязанностей.

Значит, они с Гавином тут с одной целью. Но Чубейн вёл себя так, словно между ними было личное состязание. *«Однако во время раскола Башни он проиграл Брину,* – подумал Гавин. – *И, насколько Чубейну известно, я один из любимчиков Брина».*

Гавин не был Стражем, но, тем не менее, он был другом Амерлин. Он обедал с Брином. В каком свете всё это видит Чубейн, особенно теперь, когда Гавин получил право расследовать убийства?

«Свет! – *подумал Гавин, когда Чубейн бросил на него враждебный взгляд.* – Он думает, что я пытаюсь занять его место. Он думает, что я хочу быть Верховным Капитаном Гвардии Башни!»

Сама подобная идея была смехотворной. Гавин мог быть Первым Принцем Меча – *должен* был быть Первым Принцем Меча – командующим армиями Андора и защитником королевы. Он был сыном Моргейз Траканд, одной из самых влиятельных и могущественных правительниц в истории Андора. Гавин никоим образом не желал должности этого человека.

Для Чубейна же всё это выглядело иначе. Опозоренный вследствие разгромного нападения Шончан, он, должно быть, чувствовал, что его положение под угрозой.

– Капитан, – сказал Гавин, – могу я поговорить с вами наедине?

Чубейн подозрительно посмотрел на Гавина, затем кивнул в сторону коридора. Они вышли вдвоём. Снаружи ждали взволнованные слуги, готовые отчистить кровь.

Чубейн скрестил руки на груди и пристально посмотрел на Гавина.

– Чего же вы от меня хотите, милорд?

Он часто делал особый акцент на титуле. «Успокойся», – *подумал Гавин. Ему до сих пор было стыдно за то, как он силой проложил себе путь в лагерь Брина. Он был выше этого. Жизнь с Отроками, то, как он пережил смятение, а затем позор произошедшего во время Раскола Башни, изменили его. Он не мог продолжать этот путь.*

– Капитан, – сказал Гавин, – я вам признателен за то, что вы позволили мне осмотреть комнату.

– *У меня не было особого выбора.*

– Я понимаю. Но, тем не менее, примите мою благодарность. Для меня важно, чтобы Амерлин оценила мою помощь. Если я найду что-то, пропущенное сёстрами, это может многое значить для меня.

– Да, – сказал Чубейн, прищурив глаза. – Полагаю, что так.

– Может быть, она наконец-то сделает меня своим Стражем.

Чубейн моргнул.

– Своим… Стражем?

– Да. Когда-то почти не было сомнений, что она свяжет меня узами, но теперь… ну, если я смогу помочь вам с этим расследованием, быть может, это остудит её гнев, – он поднял руку и сжал плечо Чубейна. – Я запомню вашу помощь. Вы зовёте меня лордом, но мой титул сейчас почти ничего для меня не значит. Всё, чего я хочу – быть Стражем Эгвейн, защищать её.

Чубейн наморщил лоб, затем кивнул и, кажется, расслабился.

– Я слышал ваш разговор. Вы ищете следы Врат. Почему?

– Я не думаю, что это дело рук Чёрной Айя, – ответил Гавин. – По-моему, это может быть Серый Человек или какой-нибудь другой убийца. Возможно, Приспешник Тьмы среди прислуги? Я хочу сказать – посмотрите, как убиты эти женщины. Ножом.

Чубейн кивнул.

– Также были следы борьбы. Это упоминали занимающиеся расследованием сёстры. Книги, упавшие со стола. Они считали, что это сделала бьющаяся в предсмертных судорогах жертва.

– Любопытно, – сказал Гавин. – На месте Чёрной сестры я бы воспользовался Единой Силой, несмотря на то, что её могли почувствовать другие. В Башне всё время направляют. Это не вызвало бы подозрений. Я бы обездвижил свою жертву плетениями, убил её с помощью Силы, а затем сбежал, пока никто ничего не заподозрил. Никакой борьбы.

– Возможно, – произнес Чубейн. – Но Амерлин, кажется, уверена в том, что это работа Чёрных сестер.

– Я поговорю с ней и выясню почему, – сказал Гавин. – А пока, быть может, вам стоит намекнуть тем, кто проводит расследование, что было бы мудро допросить прислугу? Приведя эти доводы?

– Да… думаю, я могу это сделать, – мужчина кивнул; казалось, он расслабился.

Они посторонились, и Чубейн дал слугам знак войти и заняться уборкой. Из комнаты с задумчивым видом вышел Слит. Он показал что-то, зажатое между пальцами.

– Чёрный шёлк, – сказал он. – Нельзя понять, оставил ли это нападавший.

Чубейн взял волокна ткани.

– Странно.

– Маловероятно, чтобы Чёрная сестра выдала себя, надев чёрное, – сказал Гавин. – Однако убийце попроще тёмные цвета могли понадобиться, чтобы стать незаметным.

Чубейн завернул волокна в платок и положил в карман.

– Я передам это Сине Седай.

Он выглядел впечатлённым.

Гавин кивнул Слиту, и они вдвоём ушли.

– Белая Башня сейчас бурлит от возвращающихся сестёр и новых Стражей, – тихо произнес Слит. – Каким образом этот некто, как бы скрытен он ни был, передвигается по верхним этажам в чёрном, не привлекая внимания?

– Считается, что Серые Люди способны оставаться незамеченными, – сказал Гавин. – Я думаю, это ещё одно доказательство. Я имею в виду, странно, что никто на самом деле не *видел* этих Чёрных сестёр. Мы делаем много допущений.

Слит кивнул, пристально разглядывая троицу послушниц, собравшихся поглазеть на гвардейцев. Они заметили, что Слит на них смотрит и, что-то прощебетав друг дружке, умчались прочь.

– Эгвейн знает больше, чем рассказывает, – произнёс Гавин. – Я поговорю с ней.

– При условии, что она тебя примет, – заметил Слит.

Гавин раздраженно фыркнул. Они спустились по нескольким переходам на этаж, где находился кабинет Амерлин. Слит остался с ним – его Айз Седай, Зелёная по имени Хаттори, редко давала ему поручения. А ещё она положила глаз на Гавина и по-прежнему хотела, чтобы он стал её Стражем. Эгвейн так выводила его из себя, что Гавин подумывал, не позволить ли Хаттори связать себя Узами.

Нет. Совсем нет. Он любил Эгвейн, хоть она и расстраивала его. Было непросто прийти к решению оставить ради неё Андор, не говоря уже об Отроках. Но она всё ещё отказывалась связать его Узами.

Он добрался до её кабинета и подошел к Сильвиане. Хранительница сидела за своим столом в приёмной перед кабинетом Эгвейн. Своё рабочее место женщина поддерживала в образцовом порядке. Она пристально посмотрела на Гавина. За маской Айз Седай невозможно было понять, что кроется в её взгляде. Он подозревал, что не нравится ей.

– Амерлин работает над важным письмом, – сообщила Сильвиана. – Ты можешь подождать.

Гавин открыл рот.

– Она просила, чтобы её не беспокоили, – сказала Сильвиана, возвращаясь к чтению своего документа. – Ты можешь подождать.

Гавин вздохнул, но кивнул. Слит поймал его взгляд и показал жестом, что уходит. Почему он вообще взялся его провожать? Странный он. Гавин помахал ему рукой на прощание, и Слит выскользнул в коридор.

Помещение приёмной было роскошным, с тёмно-красным ковром и деревянными панелями на каменных стенах. По опыту он знал, что ни один из стульев не отличался удобством, но зато было одно-единственное окно. Гавин подошёл к нему подышать воздухом и, положив руку на подоконник, выглянул на территорию Белой Башни. На такой высоте воздух казался более свежим и бодрящим.

Внизу виднелись новые тренировочные площадки Стражей. На месте старых Элайда начала строительство своего дворца. Никто не мог точно сказать, как поступит Эгвейн с этим сооружением.

Тренировочные площадки были забиты людьми: бегунами, кулачными бойцами, фехтовальщиками. Многие из хлынувших в город беженцев, солдат и наёмников считали, что из них выйдут Стражи. Эгвейн открыла площадки для всех желающих тренироваться и показать себя, поскольку собиралась приложить все усилия, чтобы за следующие несколько недель возвысить до принятия шали как можно больше готовых к этому женщин.

Гавин провёл несколько дней за тренировками, но призраки убитых им людей казались там более реальными. Площадки были частью его прежней жизни ещё до того, как всё пошло наперекосяк. Другие Отроки легко – и с радостью – вернулись к прежней жизни. Джисао, Раджар, Даррент и большинство остальных его офицеров уже стали Стражами. Вскоре от их отряда ничего не останется. Кроме самого Гавина.

Щёлкнула внутренняя дверь, затем послышались стихающие голоса. Обернувшись, Гавин обнаружил Эгвейн, одетую в зелёное и жёлтое, которая направлялась переговорить с Сильвианой. Хранительница бросила на него взгляд, и ему показалось, что она чуть заметно хмурится.

Эгвейн увидела его. Она сохранила безмятежное лицо Айз Седай – в этом она навострилась очень быстро – и он обнаружил, что чувствует неловкость.

– Этим утром произошло ещё одно убийство, – тихо сказал он, подходя к ней.

– Строго говоря, – сказала Эгвейн, – прошлой ночью.

– Мне нужно с тобой поговорить, – выпалил Гавин.

Эгвейн переглянулась с Сильвианой.

– Хорошо, – ответила Эгвейн, плавной походкой направившись обратно в свой кабинет.

Гавин последовал за ней, не оглядываясь на Хранительницу. Кабинет Амерлин был одним из самых великолепных залов Башни. Стены были обшиты полосатыми панелями светлого дерева, украшенными причудливой, изумительно детальной

резьбой. Камин был мраморным, а пол выложен ромбовидными плитами, вырезанными из тёмно-красного камня. На большом украшенном резьбой столе Эгвейн стояли две лампы. Они были выполнены в форме женщин, поднявших вверх руки, между ладонями каждой горел огонь.

Книги на книжных полках одной из стен были расставлены, казалось, по цвету и размеру, а не по тематике. Это была декорация – их принесли, чтобы украсить кабинет Амерлин, пока Эгвейн не соберёт собственную библиотеку.

– *Что же такое важное, по-твоему, нужно обсудить? – спросила Эгвейн, садясь за стол.*

– Убийства, – ответил Гавин.

– Что насчёт них?

Гавин захлопнул дверь.

– Чтоб я сгорел, Эгвейн. Обязательно каждый раз, как мы разговариваем, вести себя со мной, как Амерлин? Могу я видеть *Эгвейн* хотя бы иногда?

– Я веду себя, как Амерлин, – ответила Эгвейн, – потому что ты отказываешься её признавать. Как только ты признаешь, что я – Амерлин, возможно, мы сможем двигаться дальше.

– Свет! Ты даже говорить научилась, как одна из них.

– Это потому что я и *есть* одна из них, – сказала она. – Твои слова тебя выдают. Амерлин не могут служить те, кто отказывается признать её власть.

– Я признаю, – сказал Гавин. – Я *действительно* признаю тебя, Эгвейн. Но разве не важнее иметь рядом кого-то, кто знает тебя саму, а не твой титул?

– Если они понимают, что временами от них требуется повиновение, – её лицо смягчилось. – Ты ещё не готов, Гавин. Мне жаль.

Он сжал челюсти. *«Не горячись»,* – сказал он себе.

– Хорошо. Тогда об убийствах. Мы поняли, что ни у одной из убитых женщин не было Стражей.

– Да, мне докладывали об этом, – сказала Эгвейн.

– Неважно, – сказал он, – это навело меня на более важную тему. У нас недостаточно Стражей.

Эгвейн нахмурилась.

– Мы готовимся к Последней Битве, Эгвейн, – продолжил Гавин. – И, тем не менее, у многих сестёр нет Стражей. У *многих* сестёр. У некоторых когда-то был, но после его смерти они не взяли нового. Другие вообще не хотят иметь Стража. Не думаю, что ты можешь это позволить.

– Чего же ты хочешь от меня? – спросила она, скрестив руки. – *Приказать* им взять Стражей?

– *Да.*

Она засмеялась.

– Гавин, у Амерлин нет такой власти.

– Тогда убеди Совет сделать это.

– Ты не понимаешь, о чём говоришь. Выбор Стража – это сугубо индивидуальное и глубоко личное решение. Ни одну женщину нельзя принуждать к этому.

– Верно, – сказал Гавин, отказываясь поддаваться, – но выбор идти на войну – также «сугубо индивидуальный» и «глубоко личный», и, тем не менее, в неё втянуты люди по всему миру. Иногда выживание важнее чувств.

Стражи оберегают жизни сестёр, а каждая Айз Седай скоро будет крайне важна. Будут легионы и легионы троллоков. Каждая сестра на поле боя будет полезнее сотни солдат, и каждая сестра, занимающаяся Исцелением, спасёт десятки жизней. Айз Седай – это ценность, принадлежащая всему человечеству. Ты не можешь *позволить себе допустить, чтобы они разгуливали без защиты.*

Эгвейн отпрянула – возможно, из-за страстности его слов. Затем, неожиданно, она кивнула.

– Возможно, в твоих словах… есть смысл, Гавин.

– *Поставь этот вопрос перед Советом, – сказал Гавин. – Эгвейн, сестра,* не связанная *узами со Стражем, по сути своей ведёт себя эгоистично. Узы позволяют мужчине сражаться лучше, а нам понадобится каждое преимущество, какое мы сможем найти. К тому же, это поможет предотвратить убийства.*

– Я посмотрю, что можно сделать, – сказала Эгвейн.

– *Не могла бы ты позволить мне посмотреть доклады сестёр? – спросил Гавин. – Те, что об убийствах, я имею в виду.*

– Гавин, – сказала она, – я позволила тебе участвовать в расследовании, потому что посчитала, что будет полезно, если кто-то бросит на него свежий взгляд. Прочтёшь их доклады, и под их влиянием ты просто придёшь к тем же выводам, что и они.

– По крайней мере, ответь, – проговорил он. – Обсуждался ли вопрос о том, что это может не быть делом рук Чёрной Айя? Что убийца может быть Серым Человеком или Приспешником Тьмы?

– Нет, не обсуждался, – сказала Эгвейн, – потому что мы *знаем*, что наш убийца – не они.

– Но этой ночью дверь была взломана. И женщин убивали ножом, а не Единой Силой. Нет никаких следов переходных врат или…

– Убийца имеет доступ к Единой Силе, – тщательно подбирая слова, сказала Эгвейн. – И, возможно, он не пользуется вратами.

Гавин прищурился. Ответ прозвучал так, словно женщина тщательно подбирала слова, обходя клятву не лгать.

– У тебя есть тайны, – сказал он. – И не только от меня. От всей Башни.

– Иногда тайны нужны, Гавин.

– Ты не можешь доверить их мне? – он помедлил. – Я беспокоюсь, что убийца придёт за тобой, Эгвейн. У тебя нет Стража.

– Несомненно, в конце концов, она *придёт* за мной, – Эгвейн поигрывала чем-то, лежащим на столе, похожим на потёртый кожаный ремень, что используют для наказания преступников. Странно.

«Она?»

– Эгвейн, пожалуйста, – сказал он. – Что происходит?

Она внимательно посмотрела на него, потом вздохнула.

– Хорошо. Я рассказала это женщинам, проводящим расследование. Возможно, я должна сказать и тебе. Одна из Отрёкшихся в Белой Башне.

Он опустил руку на меч.

– Что? Где?! Ты её пленила?

– Нет, – сказала Эгвейн. – Она – убийца.

– Ты уверена в этом?

– Я уверена, что Месана здесь. У меня был сон, что это правда. Она прячется среди нас. Учтём четыре убитых Айз Седай. Это она, Гавин. Это единственный логичный вывод.

Гавин прикусил чесавшийся от вопросов язык. Он очень мало знал о Сновидении, но знал, что у неё есть этот Талант. Говорили, что он похож на Предсказание.

– Я не открыла этого всей Башне, – продолжила Эгвейн. – Меня беспокоит, что, если станет известно, что одна из живущих здесь сестёр – скрывающаяся под чужой личиной Отрёкшаяся, это снова вызовет раскол, как во времена Элайды. Мы все будем относиться друг к другу с недоверием.

Сейчас они думают – это Чёрные сёстры, Перемещаясь, совершают убийства, что и так плохо, но, по крайней мере, из-за этого они не косятся друг на друга с недоверием. И, возможно, Месана решит, что я о ней не знаю. Ну вот, это и есть тот секрет, который ты просил открыть. Мы охотимся не за Чёрной сестрой, а за Отрёкшейся.

От одной этой мысли становилось страшно – но не больше, чем при мысли о Драконе, разгуливающем по свету. Свет, Отрёкшаяся в Башне казалась правдоподобнее того, что Эгвейн – Престол Амерлин!

– Мы с этим разберёмся, – сказал он куда увереннее, чем чувствовал на самом деле.

– Сёстры изучают прошлое всех в Башне, – сказала Эгвейн. –

А другие подмечают подозрительные слова или действия. Мы найдём её. Но я не вижу способа, как повысить безопасность сестёр, не спровоцировав опасную панику.

– Стражи, – решительно сказал Гавин.

– Я подумаю об этом, Гавин. А сейчас мне кое-что от тебя нужно.

– Если это будет в моих силах, Эгвейн, – он шагнул к ней. – Ты же знаешь.

– Разве? – сухо спросила она. – Очень хорошо. Я хочу, чтобы ты перестал сторожить по ночам мою дверь.

– *Что?* Эгвейн, нет!

Она покачала головой.

– Видишь? Твоя первая реакция – возражение.

– *Когда дело касается его Айз Седай, Страж должен возражать ей, когда они наедине!*

Его научил этому Хаммар.

– Ты *не* мой Страж, Гавин.

Гавин застыл как вкопанный.

– К тому же, – сказала Эгвейн, – ты никак не сможешь остановить одну из Отрёкшихся. Этот бой для сестёр, и я очень тщательно установила малых стражей. Я хочу, чтобы моё жилище выглядело заманчиво. Если она попытается атаковать меня, возможно, моя засада застанет её врасплох.

– Использовать себя в качестве приманки? – еле вымолвил Гавин. – Эгвейн, это безумие!

– Нет. Это отчаяние. Гавин, умирают женщины, за которых я несу ответственность. Их убивают ночью, и это в то время, когда, по твоим словам, нам понадобится каждая женщина.

Впервые сквозь её маску показалось изнеможение – усталость в голосе и то, как она немного ссутулилась. Она сложила руки перед собой, внезапно показавшись *изнурённой*.

– Мои сёстры изучают всё, что можно найти о Месане, – продолжила Эгвейн. – Она не воин, Гавин. Она администратор, организатор. Если я смогу встретиться с ней лицом к лицу, то смогу победить. Но сначала мы должны её *найти*. Подставиться самой – это только один из моих планов, и ты прав, он опасен. Но я приняла всевозможные меры предосторожности.

– Мне это совсем не нравится.

– Твоё одобрение не требуется, – она пристально посмотрела на него. – Тебе придётся довериться мне.

– Я и так доверяю тебе, – сказал он.

– Всё, о чем я прошу – хоть раз продемонстрировать это на деле.

Гавин стиснул зубы. Затем поклонился ей и покинул кабинет,

попытавшись – безуспешно – не слишком сильно хлопнуть дверью. Сильвиана неодобрительно на него взглянула, когда он проходил мимо неё.

Оттуда он направился к тренировочным площадкам, несмотря на то, что они приводили его в уныние. Ему было необходимо потренироваться с мечом.

* * *

Эгвейн испустила долгий вздох, затем откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Почему, каждый раз, когда она имела дело с Гавином, ей так трудно было владеть собой? Она никогда не чувствовала себя Айз Седай меньше, чем во время разговоров с ним.

Внутри неё бурлил водоворот множества эмоций, словно разные сорта вина, пролитые и смешавшиеся: ярость от его упрямства, пылкое желание его объятий и замешательство от собственной неспособности определить, что из этого сильнее.

Гавин сумел найти путь прямо в её сердце. Эта его страстность очаровывала. Она беспокоилась, что если свяжет его узами, то подхватит ту же заразу. Не так ли это работало? На что это похоже – быть связанным узами и чувствовать чужие эмоции?

Она хотела разделить с ним связь, что была у других сестёр. И это было *важно* – иметь надёжных людей, которые могут возражать тебе – наедине. Людей, которые знали её как Эгвейн, а не как Амерлин.

Но Гавин пока был всё же слишком буйным, слишком недоверчивым.

Она тщательно изучила своё письмо новому королю Тира, объясняющее, что Ранд грозится разбить печати. Её план остановить его будет зависеть от того, удастся ли ей найти поддержку у людей, которым он доверяет. Донесения о Дарлине Сиснера были противоречивы. Одни сообщали, что он один из главных сторонников Ранда, в то время как другие заявляли, что он один из главных его недоброжелателей.

Она ненадолго отложила письмо в сторону, затем записала несколько мыслей о том, как лучше обратиться к Совету с предложением насчёт Стражей. Гавин привел превосходные доводы, хотя зашёл слишком далеко и совсем отбился от рук. Призвать сестёр, не имеющих Стражей, выбрать их, объяснить все преимущества и указать, как это может спасти жизни и помочь победить Тень – вот это подойдёт.

Она налила себе мятного чаю из чайника, стоявшего на краю стола. Странно, но в последнее время чай не портился так часто, как раньше, и сейчас он был хорош на вкус. Она не сообщила

Гавину другую причину своей просьбы прекратить охранять её дверь по ночам. Когда он находился снаружи, её сон был неспокойным, поскольку она знала, что он находится всего в нескольких футах от неё. Она боялась, что не выдержит и пойдёт к нему.

Ремень Сильвианы не смог сломить её волю, но Гавин Траканд… Он был угрожающе близок к этому.

* * *

Грендаль ожидала появления посланника. Даже здесь, в самом тайном из её укрытий, его прибытие не стало неожиданностью. Избранные не могли скрыться от Великого Повелителя.

Укрытие не было дворцом, изящным домиком или древней крепостью. Это была пещера на острове, до которого никому не было дела, находящемся в той части Океана Арит, где никто никогда не бывал. Насколько она знала, рядом не было ничего примечательного или интересного.

Убежище было просто отвратительным. За этим местом, в котором было всего три комнаты, присматривали шестеро из её наименее ценных любимцев. Она заделала вход камнем, и единственным путём внутрь или наружу были переходные врата. Пресная вода поступала из источника, еда – из запасов, доставленных ею сюда ранее, а воздух – сквозь трещины в скале. Жилище было сырым и непритязательным.

Другими словами, это было именно то место, где никто не будет её искать. Все знали, что Грендаль *не выносила* отсутствие роскоши. Это правда. Но самое лучшее в предсказуемости – возможность поступить неожиданно.

К сожалению, ничто из этого не применимо к Великому Повелителю. Вытянувшись на кушетке, обтянутой жёлтым и синим шёлком, Грендаль наблюдала за открывшимися перед ней вратами. Посланником оказался мужчина с плоским лицом и очень смуглой кожей, одетый в красное и чёрное. Ему не было нужды говорить – его присутствие *и было* посланием. Одна из её любимиц – красивая черноволосая женщина с большими карими глазами, бывшая некогда тайренской Благородной Леди – уставилась на врата. Она выглядела напуганной. Грендаль чувствовала себя почти так же.

Она закрыла копию «Сияющего в Снегу» в деревянном переплёте, которую держала в руках, и встала. На ней было платье из тонкого чёрного шёлка со вставками из стрейта. *Стараясь придать себе уверенный вид, Грендаль прошла через врата.*

Моридин находился внутри своего чёрного каменного дворца. Мебель в комнате отсутствовала – был лишь камин, в котором горел огонь. Великий Повелитель! *Огонь* в такой тёплый день? Она сохранила самообладание и не начала потеть.

Он повернулся к ней, пятнышки саа *проплывали в его глазах.*

– Ты знаешь, зачем я вызвал тебя.

Это был не вопрос.

– Знаю.

– Аран'гар мертва, потеряна для нас – и это после того, как в прошлый раз Великий Повелитель переселил её душу. Можно решить, Грендаль, что подобное вошло у тебя в привычку.

– Я живу, чтобы служить, Ни'блис, – сказала Грендаль. Уверенность! Она должна казаться уверенной.

Он помедлил, совсем немного. Хорошо.

– Ты, конечно же, не станешь пытаться изобразить, что Аран'гар оказалась предательницей.

– Что? – переспросила Грендаль. – Нет, конечно нет.

– Так каким образом твои действия можно назвать *служением*?

Грендаль нацепила маску обеспокоенности и смущения.

– Но ведь я следовала отданным мне приказам. Разве я здесь не для того, чтобы получить похвалу?

– Ничуть, – сухо сказал Моридин. – Твоё притворное смущение на мне не сработает, женщина.

– Оно не притворное, – сказала Грендаль, подготавливая свою ложь. – Хотя я и не ожидала, что Великий Повелитель будет доволен потерей Избранной, но, очевидно, что выгода стоит этой утраты.

– Какая выгода? – прорычал Моридин. – Ты позволила застигнуть себя врасплох и по-глупому потеряла жизнь одной из Избранных! Уж от тебя-то – от тебя – мы могли бы ожидать, что ты избежишь ошибок с ал'Тором.

Он не знал, что она связала Аран'гар и оставила её умирать. Он думал, что вышла промашка. Хорошо.

– Врасплох? – оскорблено произнесла она. – Меня никогда… Моридин, как ты мог *подумать*, что я случайно позволила ему найти меня!

– Ты сделала это *намеренно*?

– Конечно, – сказала Грендаль. – Мне чуть ли не за ручку пришлось привести его к Кургану Нэтрина. Льюс Тэрин никогда не был способен разглядеть даже то, что находится прямо у него под носом. Моридин, как ты не понимаешь? Как Льюс Тэрин отреагирует на то, что совершил? Уничтожение целой *крепости*, которая сама по себе словно маленький город с сотнями

жителей? Убийство невинных ради достижения цели? Каким грузом это ляжет на его сердце?

Моридин помедлил. Нет, он не подумал об этом. Она улыбнулась про себя. С его точки зрения действия ал'Тора были бы полностью понятны. Это были самые логичные и, следовательно, самые разумные средства достижения цели.

Но вот сам ал'Тор… его разум был полон фантазий о чести и достоинстве. Это происшествие *не будет* лёгким грузом на его сердце, и именование его Льюсом Тэрином усилит эффект на Моридина. Это деяние будет мучить ал'Тора, рвать его душу, полосовать его сердце до крови. Это станет его кошмаром, он будет тащить свою вину на плечах, словно хомут тяжёлой телеги.

Она смутно помнила, на что похожи первые несколько шагов на пути к Тени. Чувствовала ли она когда-нибудь эту нелепую боль? К сожалению, да. Не все Избранные её чувствовали. Семираг с самого начала была порочна до мозга костей. Но другие, включая Ишамаэля, пришли к Тени иными путями.

Она могла видеть в глазах Моридина эти столь далёкие воспоминания. Когда-то она не была уверена, кто этот мужчина, но теперь сомнения прошли. Лицо другое, но душа та же. Да, он точно знал, что чувствовал ал'Тор.

– Ты велел причинить ему боль, – сказала Грендаль. – Ты велел принести ему страдания. Это был лучший способ. Аран'гар помогла мне, хотя и не сбежала, когда я предлагала. Она всегда *слишком азартно решала свои проблемы. Но я уверена, Великий Повелитель может найти другие инструменты. Мы пошли на риск, и пришлось заплатить. Но выгода… кроме того, Льюс Тэрин считает меня мёртвой. Это большое преимущество.*

Она улыбнулась – немного удовольствия и всего капелька удовлетворения. Моридин нахмурился, затем помедлил, глянув в сторону. В никуда.

– Я вынужден оставить тебя без наказания в этот раз, – наконец сказал он, хотя казался не очень этим довольным.

Было ли это прямым сообщением от Великого Повелителя? Насколько она знала, в эту Эпоху все Избранные, чтобы получить свои приказы, должны были отправляться в Шайол Гул. Или, по крайней мере, терпеть визиты этого ужасного существа – Шайдара Харана. А теперь, похоже, Великий Повелитель общается с Ни'блисом напрямую. Занятно. И внушает беспокойство.

Значит, конец очень близко. Времени на манёвры почти не осталось. Она *станет* Ни'блисом и *будет* править миром – своим миром – как только закончится Последняя Битва.

– Я думаю, – сказала Грендаль, – что должна…

– Ты будешь держаться от ал'Тора подальше, – перебил её

Моридин. – Ты не будешь наказана, но и хвалить тебя не за что. Да, ал'Тору может быть больно, но ты допустила ошибку в своём плане, и она стоила нам полезного инструмента.

– Конечно, – спокойно сказала Грендаль. – Я буду служить так, как угодно Великому Повелителю. В любом случае, предложение выступить против ал'Тора не входило в мои намерения. Он считает меня мёртвой и пусть лучше так и остаётся в неведении, пока я до поры до времени поработаю в другом месте.

– В другом месте?

Грендаль нужна была победа, убедительная победа. Она мысленно перебрала разработанные ранее планы, выбирая тот, который сработает с наибольшей вероятностью. Против ал'Тора выступить запрещено? Хорошо. Она доставит Великому Повелителю то, что он так давно желает.

– Перрин Айбара, – произнесла Грендаль. Из-за того, что пришлось открыть свои замыслы Моридину, она почувствовала себя обнажённой. Она предпочитала держать свои планы при себе, однако сомневалась, что ей удастся покинуть эту встречу, не выдав замысла. – Я принесу тебе его голову.

Моридин повернулся к огню, сцепив руки за спиной. Он смотрел на пламя.

Поражённая, она почувствовала, как со лба стекает капля пота. Что? Она была способна игнорировать *жару и холод. Что было не так? Она сохраняла сосредоточенность, но это просто не работало. Здесь. Рядом с ним.*

Это до крайности её встревожило.

– Он важен, – сказала Грендаль. – Пророчества…

– Я знаю пророчества, – тихо сказал Моридин. Он так и не обернулся. – Как ты это сделаешь?

– Мои шпионы нашли его армию, – сказала Грендаль. – Я уже привела в действие, просто на всякий случай, кое-какие планы относительно него. Я сохранила группу Отродий Тени, переданную мне, чтобы сеять хаос, и у меня есть заготовленная ловушка. Потеряй ал'Тор Айбару – и это сломит его, уничтожит.

– И даже более того, – тихо сказал Моридин. – Но тебе никогда это не удастся. У его людей есть переходные врата. Он ускользнёт от тебя.

– Я…

– Он *ускользнёт* от тебя, – тихо сказал Моридин.

Капля пота стекла по щеке, а затем на подбородок. Она машинально её вытерла, но на лбу выступили новые капельки.

– Идём, – сказал Моридин, отойдя от камина и направившись к выходу.

Заинтригованная и одновременно напуганная, Грендаль

последовала за ним. Моридин привел её к соседней двери в такой же стене из чёрного камня. Толкнув дверь, он вошёл.

Грендаль зашла следом. Тесная комната была уставлена стеллажами. И на них были десятки, может даже сотни, предметов Силы. *«Тьма внутри!* – подумала она. – *Где он раздобыл столько всего?»*

Моридин прошёл в конец комнаты, где стал копаться в вещах на полке. Она с благоговением вошла внутрь.

– Это же шоковое копье? – спросила она, показывая на длинный тонкий металлический предмет. – Три связывающих жезла? *Рема'кар*? А это части шу…

– Это неважно, – сказал он, выбрав предмет.

– Если бы я могла просто…

– *Ты в шаге от немилости, – сказал он, поворачиваясь и держа в руке длинную, шиповидную металлическую штуковину, посеребрённую и с большим металлическим набалдашником, инкрустированным золотом. – Я нашёл только два таких предмета. Другому уже нашлось хорошее применение. Ты можешь использовать этот.*

– Шип снов? – проговорила она, широко распахнув глаза. Как сильно ей хотелось заполучить такой же! – Ты нашёл *два*?

Он снял набалдашник шипа снов, и тот исчез из его руки.

– Знаешь, где его искать?

– Да, – сказала она, горя от нетерпения. Это был предмет *огромной* Силы. И имеющий много применений.

Моридин шагнул вперёд, ловя её взгляд.

– *Грендаль, – сказал он тихо, угрожающе. – Ключ к этому предмету мне известен. Он* не будет *использован против меня или других Избранных. Если же это случится, то Великий Повелитель об этом узнает. Я не желаю, чтобы ты и дальше потворствовала своей явной привычке, по крайней мере, пока Айбара не умрёт.*

– Я… да, конечно.

Внезапно ей стало холодно. Как она могла почувствовать здесь холод? И *одновременно* при этом потеть?

– *Айбара умеет ходить по Миру Снов, – сказал Моридин. – Я одолжу тебе ещё один инструмент, человека с двумя душами. Но он* мой, *так же, как и этот шип. Так же, как и ты – моя. Понимаешь?*

Она кивнула. Ничего иного не оставалось. В комнате, казалось, становилось темнее. Его голос… он был похож – совсем немного – на голос Великого Повелителя.

– Однако позволь кое-что прояснить, – продолжил Моридин. Он протянул правую руку и приподнял её подбородок. – Если ты преуспеешь, Великий Повелитель будет доволен. Очень доволен.

Те крохи, что дарованы тебе сейчас, превратятся в горы в случае успеха.

Грендаль облизала пересохшие губы. Взгляд стоящего перед ней Моридина стал отсутствующим.

– Моридин? – помедлив, обратилась она.

Он не ответил, отпустив её подбородок и направившись в дальний конец комнаты. Он взял со стола том в светло-коричневом кожаном переплёте. Моридин нашел нужную страницу и некоторое время изучал её, затем взмахом руки приказал Грендаль приблизиться.

Она осторожно подошла и взглянула на эту страницу. Прочитанное её потрясло.

«Тьма внутри!»

– Что это за книга? – в конце концов сумела выговорить она. – Откуда эти пророчества?

– Они уже давно мне известны, – тихо сказал Моридин, всё ещё изучая книгу. – Но мало кому ещё, даже Избранным. Произнёсшие эти пророчества женщины и мужчины были изолированы и содержались отдельно. Свет никогда не должен узнать этих слов. Мы знаем их пророчества, но они никогда не узнают все наши.

– Но здесь… – сказала она, перечитывая отрывок. – Здесь говорится, что Айбара умрёт!

– У любого пророчества много вариантов толкования, – ответил Моридин. – Но да, это Предсказание обещает смерть Айбары от нашей руки. Ты принесёшь мне голову этого волка, Грендаль. И когда ты это сделаешь, ты получишь всё, чего пожелаешь, – он захлопнул книгу. – Но попомни мои слова. Потерпишь неудачу – и ты потеряешь то, что тебе было дано. И много больше.

Взмахнув рукой, он открыл для неё врата. Та малая оставленная ей способность касаться Истинной Силы позволила увидеть, как извращённые потоки вонзились в воздух и разорвали его, прорвав дыру в ткани Узора. В этом месте воздух замерцал. Она знала – этот путь вёл обратно в её тайную пещеру.

Не сказав ни слова в ответ, Грендаль прошла через врата. Она боялась, что дрожь в голосе её выдаст.

Глава 6

Сомнительные намерения

В большом шатре с откидными стенками, взятом Перрином в Малдене, Моргейз Траканд, бывшая королева Андора, подавала чай, передвигаясь от человека к человеку.

Несмотря на то, что шатёр был большим, в нём едва хватало места для всех желающих присутствовать на встрече. Разумеется, здесь находились Перрин и Фэйли, сидевшие прямо на полу. Рядом с ними расположились золотоглазый Илайас и Тэм ал'Тор, простой фермер, широкоплечий и спокойный. Неужели этот человек действительно отец Возрождённого Дракона? Да, однажды Моргейз видела Ранда ал'Тора, и парень выглядел как самый заурядный фермер.

Возле Тэма сидел невзрачный секретарь Перрина, Себбан Балвер. Что было известно Перрину о его прошлом? Джур Грейди в чёрном мундире с серебряным значком в виде меча на воротнике также был тут. Его грубое крестьянское лицо с запавшими глазами сохраняло бледность из-за недавно перенесённой болезни. Неалд, второй Аша'ман, отсутствовал – он ещё не оправился от змеиных укусов.

Здесь же присутствовали все три Айз Седай. Сеонид и Масури сидели рядом с Хранительницами Мудрости, а Анноура – подле Берелейн, изредка бросая взгляды в сторону шести Хранительниц. Галенне находился по другую сторону от Берелейн. Напротив них расположились Аллиандре и Арганда.

Офицеры напомнили Моргейз о Гарете Брине. Она давно не видела его – с тех самых пор, как изгнала его, сама не понимая почему. Слишком многое из произошедшего в её жизни в то время оставалось непонятным для неё и по сей день. Неужели мужчина и впрямь настолько смог вскружить ей голову, что из-за этого она прогнала Аймлин и Эллориен?

Так или иначе, те дни остались в прошлом. Теперь Моргейз осторожно обходила комнату и следила, чтобы чашки были наполнены.

– У вас ушло больше времени, чем я ожидал, – сказал Перрин.

– Ты дал нам поручение, Перрин Айбара, – ответила Неварин. – Мы исполнили его и потратили ровно столько времени, сколько было необходимо, чтобы всё сделать как надо. Считаешь, что нам следовало поступить иначе?

Рыжеволосая Хранительница Мудрости сидела прямо перед

Сеонид и Масури.

– Перестань, Неварин, – проворчал Перрин, разворачивая на земле перед собой карту. Её нарисовал Балвер, воспользовавшись указаниями гэалданцев. – Вы не на допросе. Я просто поинтересовался, не возникли ли затруднения с деревней?

– Деревни больше нет, – сказала Неварин, – и каждая найденная нами травинка с мельчайшими *признаками* Запустения была сожжена дотла. И это к лучшему. У вас, мокроземцев, были бы большие проблемы со столь смертоносным местом, как Запустение.

– Полагаю, – сказала Фэйли, – вы бы удивились.

Моргейз посмотрела на Фэйли, которая сцепилась взглядами с Хранительницей Мудрости. Фэйли восседала, словно королева, одетая соответственно её положению – в превосходное зелёно-фиолетовое платье для верховой езды, плиссированное по бокам. Как ни странно, но за время, проведённое у Шайдо, она стала *лучше понимать* суть лидерства.

Моргейз и Фэйли быстро вернулись к отношениям госпожи и служанки. На самом деле, жизнь Моргейз здесь была поразительно похожа на её жизнь в лагере Шайдо. Правда, были и некоторые отличия. К примеру, навряд ли тут её выпорют. Но это не отменяло того факта, что там – на время – она и другие четыре женщины стали равны. Но теперь это не так.

Моргейз остановилась около лорда Галенне и вновь наполнила его чашку, используя выработанные за время прислуживания Севанне навыки. Порой, казалось, от служанки требовалось больше скрытности, чем от разведчика. Она должна быть незаметной, не должна отвлекать. Неужели её собственные слуги вели себя с ней так же?

– Что ж, – сказал Арганда, – если кто-либо задастся вопросом, куда мы пропали, дым от пожара – хороший указатель.

– Нас слишком много, чтобы пытаться спрятаться, – заметила Сеонид. С недавних пор ей и Масури позволили говорить без разрешения Хранительниц Мудрости, хотя, прежде чем открыть рот, Зелёная всё ещё поглядывала в сторону айилок. Это раздражало Моргейз. Айз Седай в роли учениц горстки дичков? Говорили, что таков был приказ Ранда ал'Тора, но как вообще кто-то, даже Возрождённый Дракон, оказался способен на такое?

Её беспокоило то, что Айз Седай, казалось, больше не сопротивлялись своему положению учениц. Жизнь может поразительно изменить человека. Этот урок Моргейз преподали Гейбрил, а позже и Валда. Айильский плен был всего лишь ещё одной ступенькой на этом пути.

Каждое из этих событий всё больше отдаляло её от прежнего

королевского положения. Больше она не тосковала по красивым вещам и трону. Ей просто хотелось стабильности, которая, по-видимому, была ценнее золота.

– Это не имеет значения, – сказал Перрин, постукивая пальцем по карте. – Так что мы решили? Догоняем Гилла и остальных своим ходом и, по возможности, посылаем через переходные врата разведчиков на их поиски. Надеюсь, мы нагоним их прежде, чем они доберутся до Лугарда. Арганда, как по-твоему, далеко ли ещё до города?

– Зависит от грязи, – ответил жилистый воин. – Именно поэтому мы называем это время года «топким». Мудрые люди не станут путешествовать во время весенней распутицы.

– Мудрость для тех, у кого есть на неё время, – пробормотал Перрин, пальцами прикидывая расстояние на карте.

Моргейз подошла к Анноуре, чтобы снова наполнить её чашку. Оказалось, что подавать чай сложнее, чем она думала. Следует знать, чью чашку нужно наполнять, отставив в сторону, а чью – пока её держат в руках. Нужно точно знать, до какого уровня наполнять чашку, чтобы чай не пролился, и как наливать его без всплесков, не гремя фарфором. Она знала, когда следует остаться незаметной, а когда – напомнить о готовности наполнить чашки, если она кого-то пропустила, забыла или неверно оценила их потребности.

Она аккуратно подняла чашку Перрина, стоявшую на земле подле него. Он любил жестикулировать во время разговора, и поэтому, зазевайся она, мог выбить чашку из её руки. В общем, подавать чай было удивительным искусством, целым миром, который Моргейз-королева никогда не замечала.

Она наполнила чашку Перрина и вернула её на место. Перрин задавал и другие вопросы по карте – о соседних городках, о возможных источниках пополнения запасов. Несмотря на неопытность, как лидер он подавал большие надежды. Возможно, небольшой совет от Моргейз...

Она отбросила эту мысль. Перрин Айбара был мятежником. Двуречье являлось частью Андора, а он, подняв знамя с волчьей головой, провозгласил себя его лордом. По крайней мере, флаг Манетерен был снят. Его поднятие было ничем иным, как открытым объявлением войны.

Моргейз больше не ощетинивалась каждый раз, когда кто-то называл его лордом, но и нисколько не собиралась ему помогать. Не раньше, чем она решит, как вернуть его в лоно Андорской монархии.

«Кроме того, – *неохотно признала Моргейз,* – Фэйли достаточно проницательна, чтобы дать любой совет, который

могла бы дать и я».

На самом деле, Фэйли была идеальным дополнением Перрина. Там, где он был прямолинейным и неудержимым, словно кавалерийская атака, она была проницательной и коварной, как набег конных лучников. Их союз, а также связь Фэйли с салдэйским троном – вот что действительно беспокоило Моргейз. Да, он убрал флаг Манетерен, но прежде он приказывал снять и знамя с волчьей головой. Зачастую запрет был самым верным способом получить обратный результат.

Чашка Аллиандре была наполовину пуста. Моргейз подошла, чтобы снова её наполнить. Как все дворянки, Аллиандре не любила, чтобы чашка пустовала. Женщина взглянула на Моргейз, и в её глазах появился слабый проблеск неловкости. Аллиандре так и не определилась, какими должны быть отношения между ними. Забавно, учитывая то, что в плену Аллиандре вела себя довольно спесиво. Та часть Моргейз, что когда-то была королевой, хотела взять Аллиандре и как следует растолковать ей, как отстаивать своё знатное положение.

Ей придётся учиться самостоятельно. Моргейз уже не та, кем была раньше. И не уверена в том, кем же она стала, но она *научится* исполнять обязанности горничной. Это становилось её страстным увлечением. Способом доказать себе, что она сильная, и способна приносить пользу.

Её в какой-то степени пугало собственное беспокойство на этот счет.

– Лорд Перрин, – сказала Аллиандре, как только Моргейз отошла. – Это правда, что после того, как разыщете Гилла и его обоз, вы планируете отправить моих людей обратно в Джеханнах?

Моргейз прошла мимо Масури. Айз Седай предпочитала, чтобы её чашку наполняли, только когда она слегка постучит по ней ногтем.

– Да, – ответил Перрин. – Все мы знаем, что вы не по своей воле решили к нам присоединиться. Если бы мы не взяли вас с собой, вас бы никогда не захватили Шайдо. Масима мёртв. Настало время позволить вам вернуться к управлению страной.

– При всём уважении, милорд, – заметила Аллиандре. – Зачем же вы вербуете моих соотечественников, если не набираете армию на будущее?

– Я не вербую, – ответил Перрин. – Если я их не прогоняю, это не значит, что я и дальше намереваюсь увеличивать эту армию.

– Но, милорд, – сказала Аллиандре. – Несомненно, было бы мудро сохранить уже имеющиеся силы.

– В её словах есть смысл, Перрин, – спокойно добавила

Берелейн. – Достаточно лишь посмотреть на небо, чтобы понять – Последняя Битва неизбежна. Зачем отправлять армию Гэалдана обратно? Я уверена, что Лорду Дракону понадобится каждый солдат от каждой присягнувшей ему страны.

– Он может послать за ними, когда угодно по собственному усмотрению, – упрямо ответил Перрин.

– Милорд, – сказала Аллиандре. – Я присягала не ему. Я присягнула *вам*. Если Гэалдан направится на Тармон Гай'дон, то под вашим знаменем.

Перрин вскочил, заставив часть собравшихся в шатре вздрогнуть от неожиданности. Он уходит? Перрин молча прошёл к открытой стороне шатра и высунул голову наружу.

– Вил, подойди сюда, – позвал он.

Плетение Единой Силы защищало от подслушивания снаружи. Моргейз видела закреплённые охраняющие шатёр плетения Масури. Их сложность казалась насмешкой над её собственным крохотным талантом.

Масури постучала по краю чашки, и Моргейз поспешила снова её наполнить. Нервничая, женщина любила прихлёбывать чай.

Перрин вернулся в сопровождении красивого юноши, несущего матерчатый свёрток.

– Разверни его, – приказал Перрин.

Молодой человек казался обеспокоенным, но выполнил приказ. На полотнище был нанесён символ Перрина – волчья голова.

– Не я создал это знамя, – сказал Перрин. – Я никогда его не хотел и поднял его, лишь следуя чужому совету. Что ж, причины, по которым это было сделано, уже в прошлом. Я приказывал убрать эту вещь, но это срабатывало ненадолго. – Он посмотрел на Вила. – Вил, я хочу, чтобы до каждого в лагере донесли мои слова. Я отдаю прямой приказ. Я хочу, чтобы эти проклятые знамёна *сожгли* все до единого. Понял?

Вил побледнел.

– Но...

– Выполняй, – сказал Перрин. – Аллиандре, вы присягнёте Ранду, как только мы его найдём. Вы не пойдёте под моим знаменем, потому что у меня его *не будет*. Я кузнец, и на этом закончим. Я слишком долго терпел эту нелепость.

– Перрин? – с удивлённым видом переспросила Фэйли. – Разве это разумно?

Глупец. Он должен был предварительно хотя бы обсудить это со своей женой. Но мужчины есть мужчины. Они лелеют собственные секреты и планы.

– Не знаю, разумно это или нет, но делаю, – садясь, ответил он. – Действуй, Вил. Я хочу, чтобы до вечера эти знамёна сожгли. И не уклоняться, понятно?

Вил застыл, затем, так ничего и не ответив, развернулся и вышел из палатки. Парень выглядел так, будто его предали. Странно, но Моргейз обнаружила, что отчасти разделяет его чувства. Глупости. Это то, чего она хотела – то, что Перрин должен был сделать. И всё же у людей были основания бояться. Это небо, всё то, что происходило в мире... Да, в подобные времена, пожалуй, можно оправдать того, кто принимает командование на себя.

– Ты болван, Перрин Айбара, – произнесла Масури. Она всегда вела себя резко.

– Сынок, – обратился к Перрину Тэм, – парни многое вложили в это знамя.

– Слишком многое, – ответил Перрин.

– Возможно. Но хорошо, когда есть на что равняться. Когда ты снял один флаг, это сильно по ним ударило. Сейчас будет хуже.

– Так нужно, – ответил Перрин. – Двуреченцы слишком к нему привязались, начали поговаривать о том, что останутся со мной вместо того, чтобы вернуться к своим семьям. Тэм, когда врата снова заработают, ты заберёшь двуреченцев и уйдёшь. – Он посмотрел на Берелейн. – Полагаю, от тебя и твоих людей я избавиться не смогу. Вы вернётесь со мной к Ранду.

– Я не знала, – сухо сказала Берелейн, – что тебе необходимо от нас "избавиться". Кажется, для спасения своей жены, ты не спешил отказываться от помощи моей Крылатой Гвардии.

Перрин глубоко вздохнул.

– Я признателен вам за помощь, всем вам. Мы сделали доброе дело в Малдене, и не только для Фэйли и Аллиандре. Так было нужно. Но чтоб я сгорел, это уже в прошлом. Если вы желаете и дальше следовать за Рандом, я уверен, что он вас примет. Но мои Аша'маны обессилены, и возложенное на меня задание выполнено. Внутри меня будто сидят крюки, тянущие обратно к Ранду. Прежде, чем я смогу отправиться к нему, мне нужно закончить со всеми вами.

– Муж, – резко сказала Фэйли. – Могу ли я предложить, чтоб мы начали с тех, кто *хочет* уйти?

– Да, – добавила Аравайн. Бывшая *гай'шайн* сидела возле дальней стенки шатра, оставаясь неприметной; тем не менее, её роль в руководстве лагерем сильно возросла. Она являлась негласным управляющим Перрина. – Некоторые из беженцев будут счастливы вернуться домой.

– Если возможно, я бы предпочёл отправить всех, – сказал Перрин. – Грейди?

Аша'ман пожал плечами:

– Врата, которые я создал для разведчиков, меня не слишком утомили. Думаю, что смогу сделать и побольше размером. Я всё ещё чувствую небольшую слабость, но болезнь уже почти прошла. Однако Неалду нужно больше времени.

– Милорд, – Балвер тихонько кашлянул. – Я подготовил кое-какие интересные подсчёты. Перемещение через переходные врата имеющегося у вас количества людей займёт часы, а, возможно, и дни. Это будет не так быстро, как когда мы добирались до Малдена.

– Это будет трудно, милорд, – заметил Грейди. – Не думаю, что смогу так долго удерживать врата открытыми. Особенно, если вы захотите – просто на всякий случай – чтобы я сохранил силы для боя.

Перрин устроился поудобнее, снова погрузившись в изучение карты. Чашка Берелейн была пустой, и Моргейз поспешила её наполнить.

– Тогда ладно, – сказал Перрин. – Мы начнём с отправки маленьких групп беженцев. С тех, кто хочет уйти.

– И ещё, – добавила Фэйли. – Возможно, пора отправить посланцев связаться с Лордом Драконом. Возможно, он согласится прислать больше Аша'манов.

Перрин кивнул:

– Да.

– По последним имеющимся у нас сведениям, – сказала Сеонид, – он был в Кайриэне. Больше всего беженцев оттуда, так что можно начать с отправки домой некоторых из них вместе с посланниками к Лорду Дракону.

– Его там нет, – ответил Перрин.

– Откуда ты знаешь? – Эдарра поставила свою чашку. Моргейз прокралась вдоль стенки шатра и взяла её, чтобы наполнить. Старшая из Хранительниц Мудрости и, возможно, насколько об этом можно было судить, главная среди них, Эдарра выглядела поразительно молодо для названного ею возраста. Собственных крошечных способностей Моргейз в Единой Силе было достаточно, чтобы почувствовать, что эта женщина сильна. Вероятно, сильнее всех присутствующих.

– Я... – Перрин, казалось, заколебался. Был ли у него источник информации, который он держал в тайне? – У Ранда есть привычка оказываться не там, где его ждут. Сомневаюсь, что он остался в Кайриэне. Но Сеонид права – это лучшее место для начала поисков.

– Милорд, – сказал Балвер. – Меня беспокоит то, с чем мы можем, гм, столкнуться, если не будем осторожны. Потоки беженцев, неожиданно возвращающихся через переходные врата? Мы были какое-то время отрезаны от мира. Возможно, помимо посыльных к Лорду Дракону мы можем послать разведчиков для сбора информации?

Перрин кивнул:

– Одобряю.

Балвер расслабился с довольным видом, хотя обычно этот человек очень хорошо скрывал свои эмоции. Почему он так сильно хотел послать кого-то в Кайриэн?

– Я согласен, – сказал Грейди, – Меня беспокоит перемещение такого количества людей. Даже когда Неалду станет лучше, держать врата достаточно долго, чтобы прошли все, будет утомительно.

– Перрин Айбара, – подала голос Эдарра. – Похоже, есть способ решить эту проблему.

– Какой?

– Эти ученицы кое о чём сообщили. Круг – так это называется? Если мы соединимся вместе, Аша'маны и некоторые из нас, тогда, вероятно, мы сможем придать им силы для создания Врат побольше.

Перрин поскрёб бороду.

– Грейди?

– Я никогда прежде не соединялся в круг, милорд. Но если мы сможем это выяснить... что ж, чем больше врата, тем больше людей удастся переправить, и всё выйдет быстрее. Это бы очень помогло.

– Хорошо, – ответил Перрин, поворачиваясь к Хранительницам Мудрости. – Во что мне обойдётся эта попытка?

– Ты слишком долго общался с Айз Седай, Перрин Айбара, – фыркнув, ответила Эдарра. – Не за всё надо *платить*. Это принесёт пользу всем. Я собиралась это предложить уже некоторое время назад.

Перрин нахмурился.

– Как давно вы узнали, что это может сработать?

– Достаточно давно.

– Чтоб тебе сгореть, женщина, почему тогда ты не сказала мне об этом *раньше*?

– Кажется, большую часть времени ты едва ли желал быть вождём, – холодно сказала Эдарра. – Уважение надо зарабатывать, а не требовать, Перрин Айбара.

У Моргейз перехватило дыхание от такого дерзкого замечания. Большинство лордов разорались бы, услышав

подобный тон. Перрин застыл, но потом кивнул, как будто ожидал подобного ответа.

– Когда я впервые об этом подумала, твои Аша'маны были больны, – продолжила Эдарра. – Раньше это не сработало бы. Сейчас подходящее время поднять этот вопрос. Так я и сделала.

«Сначала она оскорбляет Айз Седай, – подумала Моргейз, – *а затем ведет себя как одна из них». И всё же, благодаря пленению в Малдене Моргейз понемногу начала понимать Айил. Все утверждали, что Айил были* непостижимы*, но она мало доверяла подобным разговорам. Айил были такими же людьми, как и остальные. У них были странные обычаи и культурные особенности – но у кого их не было?* Королева обязана понимать народ своего королевства, и всех его потенциальных врагов.

– Отлично, – сказал Перрин. – Грейди, начинай работать с ними, но сильно не переутомляйся. Выясни, сможете ли вы сформировать круг.

– Да, милорд, – ответил Грейди. Аша'ман всегда казался несколько отстранённым. – Было бы здорово привлечь к этому и Неалда. У него кружится голова, когда он встаёт, но у него чешутся руки начать работать с Силой. Для него это может оказаться хорошим шансом попрактиковаться.

– Хорошо, – произнёс Перрин.

– Мы не закончили разговор о разведчиках, которых посылаем в Кайриэн, – сказала Сеонид. – Я бы хотела присоединиться.

Перрин почесал бородатый подбородок.

– Пожалуй. Возьми своих Стражей, двух Дев и Пэла Айдара. Если получится, постарайтесь не привлекать лишнего внимания.

– И ещё пойдет Камейле Нолайзен, – сказала Фэйли. Разумеется, она добавила к группе своих из *Ча Фэйли*.

Балвер прочистил горло.

– Милорд. Нам очень нужна бумага и перья для письма, не говоря уж о других важных материалах.

Перрин нахмурился:

– Это, разумеется, может подождать.

– Нет, – медленно произнесла Фэйли. – Нет, муж, думаю это хорошее предложение. Мы должны кого-то послать, чтобы пополнить запасы. Балвер, не могли бы вы отправиться и раздобыть всё необходимое лично?

– Как пожелает миледи, – ответил секретарь. – Я горю желанием посетить школу, открытую Драконом в Кайриэне. У них найдётся всё необходимое.

– Полагаю, в таком случае вы можете пойти, – сказал Перрин. – Но больше никого. Свет! Если соберётся ещё кто-нибудь – с тем

же успехом мы могли бы отправить целую растреклятую армию.

Балвер удовлетворённо кивнул. Было ясно, что теперь он шпионит для Перрина. Расскажет ли он Айбаре, кто она на самом деле? Или он уже это сделал? По поведению Перина не было понятно, знает ли он.

Она собрала ещё несколько чашек; встреча подходила к концу. Кто бы сомневался, что Балвер предложит Айбаре шпионить для него; ей следовало подойти к этому невзрачному человеку раньше и узнать, какой будет цена за его молчание. Подобные ошибки могут стоить трона.

Она замерла с протянутой к чашке рукой. «Ты больше не королева. Перестань думать, как одна из них!»

Несколько недель после своего негласного отречения она надеялась найти способ вернуться в Андор, чтобы помогать Илэйн. Однако чем больше она об этом думала, тем яснее понимала, что должна держаться в стороне. Все в Андоре *должны* считать Моргейз мёртвой. Каждая королева обязана идти своим путём, и, вернись Моргейз, Илэйн приняли бы за марионетку собственной матери. Кроме того, перед своим исчезновением Моргейз приобрела множество врагов. Зачем она всё это *натворила*? Её воспоминания о тех временах были туманны, но её возвращение только разбередит старые раны.

Она продолжила собирать чашки. Возможно, ей следовало совершить благородный поступок и убить себя. Если враги трона узнают, кто она, они могут использовать её против Илэйн так же, как сделали бы Белоплащники. Но пока она не являлась угрозой. Кроме того, она была уверена, что Илэйн не рискнёт безопасностью Андора даже ради спасения собственной матери.

Перрин попрощался с посетителями и отдал основные распоряжения на вечер. Моргейз опустилась на колени и тряпкой вытерла грязь с упавшей на землю чашки. Найол сказал ей, что Гейбрил мёртв, а Кэймлин в руках ал'Тора. Это заставило бы Илэйн вернуться, не так ли? Стала ли она королевой? Поддержали ли её Дома, или же выступили против неё из-за того, что натворила Моргейз?

Разведчики могли принести новости, которых жаждала Моргейз. Ей придётся найти причину присутствовать на каждом совещании с их отчётами, возможно, предложив подавать чай. Чем лучше она исполняла свою работу горничной Фэйли, тем ближе она становилась к главным событиям.

Как только Хранительницы Мудрости вышли из палатки, Моргейз заметила кое-кого снаружи. Талланвор – преисполненный чувства долга, как всегда. Высокий и широкоплечий мужчина с мечом у пояса был явно чем-то

обеспокоен.

Начиная с Малдена, он практически беспрерывно следовал за нею, и хотя из принципа она жаловалась, но на самом деле была не против. После двух месяцев разлуки он пытался воспользоваться любой возможностью, чтобы побыть вместе. Глядя в эти красивые молодые глаза, она и думать не могла о самоубийстве, даже ради Андора. Из-за этого она чувствовала себя дурой. Разве мало неприятностей доставило ей собственное сердце?

И всё же Малден изменил её. Она сильно скучала по Талланвору. А потом он пришел за ней, хотя и не обязан был рисковать ради неё жизнью. Он был предан ей больше, чем Андору. И по какой-то причине это было именно тем, что ей требовалось. Она пошла ему навстречу, неся блюдца и балансируя восемью чашками на сгибе руки.

– Майгдин, – позвал Перрин, когда она вышла из палатки. Она помедлила, обернувшись. Все, кроме Перрина и его жены, ушли.

– Вернись, пожалуйста, – сказал Перрин. – И ты, Талланвор, тоже можешь войти. Я вижу, что ты там прячешься. Честно. Никто не собирается напасть и выкрасть её прямо из палатки, полной Хранительниц Мудрости и Айз Седай!

Моргейз подняла бровь. Насколько она заметила, Перрин и сам в последнее время почти так же следовал за Фэйли.

Войдя, Талланвор одарил Моргейз улыбкой. Он взял несколько чашек с её руки, и они оба предстали перед Перрином. Талланвор чинно поклонился, что вызвало у неё вспышку раздражения. Он оставался солдатом Гвардии Королевы – насколько она знала, единственным верным ей гвардейцем. Он не должен кланяться этому деревенскому выскочке.

– Когда вы только присоединились к нам, мне дали совет, – угрюмо сказал Перрин. – Что ж, я думаю, наступило время к нему прислушаться. В последнее время вы двое ведёте себя, словно подростки из разных деревень, которые грезят друг о друге в последний час Дня Солнца. Давно пора вас поженить. Мы можем попросить об этом Аллиандре, или это могу сделать я. У вас есть какие-то обычаи, которые вы соблюдаете?

Моргейз моргнула от удивления. Будь проклята Лини за то, что вложила эту идею в голову Перрина! Моргейз почувствовала внезапный приступ паники, однако Талланвор взглянул на неё вопросительно.

– Пойдите и переоденьтесь во что-то получше, если желаете, – сказал Перрин. – Соберите всех, кого бы вы хотели в свидетели, и возвращайтесь через час. И покончим с этой глупостью.

Она почувствовала, как от гнева её лицо бросило в жар. Глупость? Да как он посмел! Да ещё подобным тоном! Отсылая её, словно ребенка, будто её чувства – её любовь – чем-то его раздражали?

Он сворачивал карту, но Фэйли положила ладонь ему на руку, заставив обратить внимание на то, что его приказ остался не выполненным.

– Ну? – переспросил Перрин.

– Нет, – ответила Моргейз. Ее взгляд задержался на Перрине, она не хотела видеть неминуемое разочарование и неприятие на лице Талланвора.

– Что? – спросил Перрин.

– Нет, Перрин Айбара, – ответила Моргейз. – Я *не* вернусь сюда через час, чтобы выйти замуж.

– Но...

– Если вы хотите, чтобы был подан чай, или в палатке был наведён порядок, или упакованы вещи, тогда позовите меня. Если желаете, чтобы ваша одежда была выстирана, я подчинюсь. Но я служанка, Перрин Айбара, а не ваша *вещь*. Я верна Королеве Андора. У вас нет никаких прав отдавать мне подобный приказ.

– Я...

– Да ведь сама королева не потребовала бы такого! Принуждать двух человек пожениться, потому что вы устали от того, как они смотрят друг на друга? Словно двух гончих, которых вы намереваетесь повязать, а потом продать щенков?

– Я не имел в виду ничего подобного.

– Но, тем не менее, вы это сказали. Кроме того, как вы можете быть уверены в намерениях юноши? Вы разговаривали с ним, спрашивали его, беседовали с ним, как и подобает лорду в подобном случае?

– Но, Майгдин, – сказал Перрин. – Он *действительно* к тебе не равнодушен. Ты бы видела, как он себя вёл, когда ты была в плену. Свет, женщина, это же очевидно!

– В вопросах любви нет ничего очевидного. – Вытянувшись во весь рост, она почти снова почувствовала себя королевой. – Если я решу выйти за кого-нибудь замуж, я приму это решение самостоятельно. Для человека, который утверждает, что ему не нравится командовать, вы, очевидно, слишком любите отдавать приказы. Как вы можете быть столь уверены в том, что мне *нужна* любовь этого юноши? Вам известно, что чувствует моё сердце?

Талланвор напряжённо замер в стороне. Затем чинно поклонился Перрину и вышел из шатра. Какой он чувствительный. Что ж, пусть знает, что она не даст собой помыкать. Больше не даст. Сначала Гейбрил, потом Валда, а

теперь Перрин Айбара? Талланвор был бы сам не рад, если бы заполучил в жёны женщину, которой приказали выйти за него замуж.

Моргейз оценивающе посмотрела на покрасневшего Перрина. Она смягчила свой тон.

– Вы ещё слишком неопытны в подобных вопросах, потому я дам вам совет. Есть вещи, в которых лорд должен принимать участие, но есть такие, которых он *никогда* не должен касаться. Со временем вы поймёте разницу, а пока, будьте добры, воздержитесь от подобных требований, по крайней мере, пока не посоветуетесь со своей супругой.

После этого она присела в реверансе с чашками в руках и ушла. Ей не следовало с ним разговаривать в подобном тоне. Что ж, и он не должен был отдавать подобный приказ! Кажется, несмотря ни на что, в ней ещё сохранилась некая искра. Она не чувствовала себя такой сильной и уверенной с тех пор, как... да, с тех пор как в Кэймлине появился Гейбрил! Но ей ещё придется разыскать Талланвора, чтобы успокоить его уязвленную гордость.

Она оставила чашки у ближайшей мойки, а затем отправилась через лагерь на поиски Талланвора. Вокруг слуги и рабочие были заняты своими обязанностями. Многие из бывших *гай'шайн* не перестали вести себя так, словно находились среди Шайдо, – они кланялись и расшаркивались при первом брошенном на них взгляде. Кайриэнцы вели себя хуже всех – они дольше остальных провели в плену, а Айил учили *очень* хорошо.

Конечно, тут присутствовали и несколько настоящих *гай'шайн*. Какой странный обычай. Из того, что сумела понять Моргейз, некоторые *гай'шайн* были захвачены Шайдо, а потом освобождены в Малдене. Они оставались в белом, и это значило, что теперь они вели себя как рабы по отношению к собственным родственникам и друзьям.

Всех можно понять. Но, признала она, возможно, на Айил уйдет больше времени, чем на других. Взять, например, группу Дев, бегущих через лагерь. Зачем им понадобилось отпихивать всех со своего пути? Не было...

Моргейз замерла в нерешительности. Эти Девы направлялись прямо к палатке Перрина. Похоже, у них были новости.

Любопытство взяло верх, и Моргейз последовала за ними. Девы оставили двух часовых у входа в шатёр, но страж от подслушивания был снят. Ощутив укол стыда за то, что она оставила Талланвора наедине с его болью, Моргейз обогнула палатку, делая вид, будто она занята *чем угодно*, только не подслушиванием.

– Белоплащники, Перрин Айбара, – сообщил изнутри

решительный голос Сулин. – На дороге прямо перед нами стоит огромное войско.

Глава 7

Легче перышка

Ночной воздух казался спокойнее, хотя гром напоминал Лану, что далеко не всё в порядке. За недели путешествия с Буленом тучи над ними, казалось, становились все темнее.

После скачки на юг они повернули на восток. Сейчас они были где-то рядом с кандорско-салдэйской границей, на Равнине Копий. Вокруг возвышались выветренные крутые холмы, неприступные, как крепостные стены.

Возможно, они не заметили границу. На дорогах в такой глухомани часто не было пограничных столбов, а горам безразлично, какая страна предъявляет на них претензии.

– Мастер Андра, – окликнул его Булен из-за спины. Лан купил ему верховую лошадь – кобылу грязно-белого цвета. Но его спутник всё так же вел за собой свою вьючную лошадь – Разведчика.

Булен поравнялся с ним. Лан настаивал, чтобы его называли Андрой. Один попутчик – уже хуже некуда. Останься он неузнанным, и никто не стал бы набиваться ему в попутчики. Он должен быть благодарен Булену за непреднамеренное предупреждение о поступке Найнив. Без сомнения, Лан у него за это в долгу.

Впрочем, Булен *очень* любил поговорить.

– Мастер Андра, – продолжил Булен. – Мы ведь повернём на юг на Перекрестке Берндта, не так ли? Я знаю в той стороне один постоялый двор, где подают *отменных* перепелов. Мы могли бы свернуть еще восточнее на дорогу к Южному Меттлеру. Этот путь *гораздо* легче. У моего кузена – того, что со стороны матери – по той дороге есть ферма, мастер Андра, и мы могли бы…

– *Нет, мы поедем этой дорогой, – отрезал Лан.*

– Но путь через Южный Меттлер гораздо удобней!

– А посему гораздо многолюднее, Булен.

Булен вздохнул, но замолчал. *Хадори* хорошо смотрелось на его голове, и он удивительно ловко обращался с мечом. Таких талантливых учеников Лан давно не встречал.

Стемнело. В горах ночь наступала очень рано. Здесь было холоднее, чем рядом с Запустением. К сожалению, эти земли были довольно густо заселены. Действительно, примерно через час после перекрестка они подъехали к постоялому двору, в окнах которого все еще горел свет.

Булен с тоской посмотрел на дом, но Лан проехал мимо. Он заставлял их двигаться преимущественно ночью. Лучше оставаться незамеченными.

Перед постоялым двором, покуривая в темноте трубки, сидели трое мужчин. В воздухе на фоне окон постоялого двора вился едкий дым. Лан не обратил на сидящих особого внимания, пока они разом не перестали курить. Потом они отвязали лошадей от изгороди возле постоялого двора.

«Прекрасно», – подумал Лан. Разбойники, высматривающие на ночной дороге усталых путников. Ну, трое большой опасности не представляют. Они рысью следовали за Ланом. Такие не нападут, пока не отъедут подальше от постоялого двора. Лан протянул руку, чтобы ослабить меч в ножнах.

– Милорд, – с чувством произнес Булен, оглядываясь. – Двое из тех мужчин носят *хадори*!

Лан повернулся, его плащ хлопал на ветру за спиной. Трое мужчин приблизились, но не остановились. Они разделились и объехали их с Буленом.

Лан смотрел, как они проезжают мимо.

– Андер? – позвал он. – Что ты задумал?

Один из троих – худой, опасный на вид мужчина – оглянулся через плечо. Его длинные волосы были убраны назад с помощью *хадори*. Прошло много лет с тех пор, как Лан в последний раз видел Андера. Было похоже, что он, в конце концов, избавился от своей кандорской формы. На нём был кожаный охотничий костюм, а сверху накинут длинный черный плащ.

– А, Лан, – ответил Андер, и все трое натянули поводья, осаживая коней. – Я тебя и не заметил.

– Уверен, так и есть, – ровно ответил Лан. – И ты тут, Назар. Ты ведь снял свое *хадори* ещё мальчишкой. А теперь надел?

– Я волен поступать, как захочу, – заявил Назар. Он постарел, волосы побелели. Ему, должно быть, уже минуло семьдесят, но он был при мече – тот был прикреплён у седла.

Третий мужчина, Раким, не был малкири. У него были раскосые глаза салдэйца, и в ответ на слова Лана он смущённо пожал плечами.

Лан коснулся рукой лба и закрыл глаза. Троица ускакала вперёд.

Что за нелепую игру они ведут? «*Неважно»*, – подумал Лан, открывая глаза.

Булен раскрыл было рот, собираясь что-то сказать, но Лан остановил его свирепым взглядом. Он свернул с дороги на юг, срезая путь по небольшой старой тропе.

Вскоре он услышал позади приглушенный цокот копыт.

Повернувшись, Лан увидел всех троих, по-прежнему скачущих следом. Стиснув зубы, Лан остановил Мандарба.

– Я *не поднимаю* Золотого Журавля!

– А кто сказал, что ты поднял? – возразил Назар. Они снова объехали его и ускакали дальше.

Лан пришпорил Мандарба и догнал их.

– Тогда перестаньте следовать за мной!

– Когда я проверял в последний раз, мы были впереди тебя, – заметил Андер.

– Вы свернули на эту дорогу следом за мной, – упрекнул их Лан.

– Дороги тебе не принадлежат, Лан Мандрагоран, – заявил в ответ Андер. Он бросил взгляд на Лана, лицо его было скрыто ночной тенью. – Если ты не заметил, я уже не тот мальчишка, которого давным-давно бранил Герой Салмарны. Я стал солдатом, а солдаты нужны везде. Так что если захочу, я поеду этим путем.

– Я приказываю *тебе повернуть назад, – сказал Лан. – Ищите другой путь на восток.*

Раким рассмеялся. Его голос, несмотря на прошедшие годы, оставался хриплым.

– Лан, ты больше не мой командир. Почему я должен подчиняться твоим приказам?

Остальные ухмылялись.

– Конечно, королю мы бы подчинились, – заметил Назар.

– Верно, – согласился Андер. – Если *он* прикажет нам, то возможно, мы подчинимся. Но я не вижу здесь короля. Или я ошибаюсь?

– У павшего народа не может быть короля, – произнёс Лан. – Без королевства нет и короля.

– И всё же ты скачешь, – сказал Назар, щёлкнув поводьями. – Скачешь навстречу смерти туда, где, как ты *утверждаешь*, больше нет королевства.

– Такова моя судьба.

Все трое мужчин пожали плечами и тронулись в путь.

– Не глупите, – мягко сказал Лан, останавливая Мандарба. – Этот путь ведёт к смерти.

– Смерть легче перышка, Лан Мандрагоран, – крикнул Раким через плечо. – Если впереди только смерть, тогда путь будет легче, чем я думал!

Лан заскрипел зубами, но что он мог поделать? Избить всех троих до потери сознания и оставить у дороги? Он чуть пришпорил Мандарба.

И где прежде было двое, там стало пятеро.

* * *

Галад завтракал, когда заметил, что Чадо Байар пришел поговорить с ним. Завтрак был простым: овсянка с горстью изюма. Обычная солдатская еда, завидовать нечему. К столу некоторых Лордов Капитанов-Командоров подавалась еда намного лучше, чем ели их подчиненные. Но Галад был не из таких. Особенно сейчас, когда в мире столько голодающих.

Чадо Байар ждал официального приглашения внутри шатра. На тощем мужчине со впалыми щёками был белый плащ и табард поверх кольчуги.

Наконец Галад отложил ложку и кивнул Байару. Солдат подошёл к столу и снова встал по стойке смирно. В шатре Галада не было лишней мебели. Его меч, точнее, меч Валды, лежал прямо на столешнице за деревянной миской. Он был немного вытащен из ножен. Из них выглядывала цапля, а на отполированной стали отражалась фигура Байара.

– Говори, – разрешил Галад.

– У меня есть новости о той армии, милорд Капитан-Командор, – произнес Байар. – Они почти точно там, где указали нам пленники. В паре дней пути отсюда.

Галад кивнул.

– У них поднят флаг Гэалдана?

– Вместе с флагом Майена. – В глазах Байара сверкнула искра истового рвения. – А также знамя с волчьей головой, хотя мне доложили, что вчера поздно вечером они его убрали. Златоокий *там*. Наши разведчики в этом уверены.

– Он и в самом деле убил отца Борнхальда?

– Да, милорд Капитан-Командор. Я уже знаком с этой тварью. Он со своими войсками явился из местности под названием Двуречье.

– Двуречье? – уточнил Галад. – Как странно, но в последнее время это место на слуху. Не оттуда ли появился ал'Тор?

– Говорят, оттуда, – ответил Байар.

Галад потёр подбородок:

– Там выращивают неплохой табак, чадо Байар, но я не слышал, чтобы они собирали урожай из армий.

– Это темное место, милорд Капитан-Командор. Мы с Чадо Борнхальдом провели там некоторое время в прошлом году. Оно кишмя кишит Приспешниками Тёмного.

Галад вздохнул.

– Ты рассуждаешь, как Вопрошающий.

– Милорд Капитан-Командор, – настойчиво продолжил Байар. – Милорд, пожалуйста, поверьте мне. Я *не просто* предполагаю,

тут совсем другое.

Галад нахмурился. Потом махнул в сторону второго табурета, стоявшего у стола. Байар сел.

– Объяснись, – приказал Галад. – И постарайся рассказать все, что тебе известно о Перрине Златооком.

* * *

Перрин мог вспомнить время, когда его устраивал простенький завтрак из сыра и хлеба. Но теперь все было иначе. Быть может, повлияла его связь с волками, или просто его вкусы со временем изменились. Отныне ему хотелось мяса, особенно по утрам. Это получалось не всегда – вот и отлично. Но, как правило, просить ему не приходилось.

Так случилось и сегодня. Он встал, умылся и увидел входящую служанку с огромным куском окорока, ароматным и сочным. Никаких бобов, никаких овощей. Никакой подливки. Просто окорок, натёртый солью и подрумяненный на огне. И пара вареных яиц в придачу. Служанка поставила еду на стол и вышла.

Перрин вытер руки, пересекая шатер и вдыхая запах мяса. Какая-то часть его сознания чувствовала, что надо бы отказаться, но он был не в силах. Особенно теперь, когда мясо оказалось прямо под носом. Он сел, взял нож с вилкой и вонзил их в окорок.

– Никак не пойму, как ты можешь есть подобное на завтрак, *– заметила Фэйли, выходя из умывальной комнаты их шатра и вытирая руки куском полотна. В их огромном шатре было несколько отделений, разделенных занавесками.*

На Фэйли было одно из её скромных серых платьев. Идеальный выбор, потому что оно не отвлекало от её красоты. Оно было подпоясано добротным черным ремнем – Фэйли приказала избавиться от всех золотых поясков, даже самых изысканных. Он предлагал поискать для нее другой, который пришелся бы ей по вкусу, но она в ответ прямо-таки побледнела.

– Это же еда, – сказал Перрин.

– Вижу, – фыркнула она, рассматривая себя в зеркале. – Ты полагаешь, мне показалось, что это что-то иное? Например, камень?

– Я имел в виду, – произнес Перин, прожевав очередной кусок, – что еда есть еда. Почему меня должно волновать, что я ем на завтрак, а что в другое время?

– Потому что это странно, – ответила она, надевая шнурок с маленьким голубым камнем. Фэйли изучала свое отражение, затем повернулась, взмахнув свободными, по салдэйской моде, рукавами своего платья. Она остановилась около его тарелки, скривившись.

– Я завтракаю с Аллиандре. Непременно пошли за мной, если будут новости.

Он кивнул, глотая. Почему человек должен есть мясо в обед, но отказываться от него на завтрак? Это бессмысленно.

Он решил остаться около Джеханнахского тракта. Что ещё ему оставалось делать, когда прямо впереди расположилась и преградила ему путь в Лугард армия Белоплащников? Его разведчикам требовалось время, чтобы оценить опасность. Он много размышлял о своих странных видениях – о гонящих овец в пасть чудовища волках и об идущей к обрыву Фэйли. Он не мог понять их смысла, но вдруг они связаны с Белоплащниками? Их появление беспокоило его больше, чем он хотел признаться себе, но всё же Перрин питал слабую надежду, что они окажутся незначительной помехой и не слишком его замедлят.

– Перрин Айбара, – донесся голос снаружи. – Ты дашь мне позволение войти?

– Входи, Гаул, – позвал он. – Моя прохлада – твоя.

Высокий айилец шагнул внутрь.

– Спасибо тебе, Перрин Айбара, – сказал он, бросив взгляд на окорок. – Целый пир. Ты что-то празднуешь?

– Ничего, кроме завтрака.

– Великая победа, – заметил Гаул, смеясь.

Перрин тряхнул головой. Айильский юмор. Он уже не пытался найти в нём смысл. Гаул уселся на землю, и Перрин, мысленно вздохнув, взял тарелку и сел на ковёр наискосок от Гаула. Поместив тарелку себе на колени, Перрин продолжил завтракать.

– Тебе не обязательно ради меня сидеть на полу, – сказал Гаул.

– Я делаю это не потому, что считаю это *обязательным*, Гаул.

Айилец кивнул.

Перрин отрезал ещё кусок. Насколько проще было бы схватить руками всё целиком и отрывать куски зубами. Волкам есть проще. Посуда. Какой в ней смысл?

Подобные мысли приводили его в замешательство. Он не был *волком и не хотел мыслить как один из них. Возможно, стоит, как советовала Фэйли, начать есть на завтрак фрукты. Он нахмурился и вернулся к еде.*

* * *

– В Двуречье мы обнаружили троллоков, – сообщил Байар, понизив голос. Забытая овсянка Галада остывала на столе. – Несколько дюжин свидетелей в нашем лагере могут это подтвердить. Я сам собственным мечом прикончил пару этих тварей.

– Троллоки в Двуречье*? – сказал Галад. – Это же в сотнях лиг от Порубежья!*

–Тем не менее, они там были, – ответил Байар. – Должно быть, Лорд Капитан-Командор Найол подозревал что-то подобное. Нас направили туда именно по его приказу. Вы знаете, что Пейдрон Найол не разбрасывался по мелочам.

– Да. Согласен. Но чтобы Двуречье?

– Там *полно* Приспешников Темного, – сказал Байар. – Борнхальд рассказал вам про Златоокого. В Двуречье этот Перрин Айбара поднял флаг древней Манетерен и собрал армию фермеров. Опытные солдаты поднимут на смех крестьян, насильно загнанных на военную службу, но собери их много – и они могут представлять опасность. Некоторые из них отлично владеют посохом или луком.

– Я в курсе, – спокойно сказал Галад, с досадой припомнив один преподанный ему весьма поучительный урок.

– А этот человек, Перрин Айбара, – продолжил Байар. – Он Отродье Тени, и это ясно как день. Они называют его Златооким, потому что у него *действительно* золотистые глаза – такого оттенка не бывает у обычных людей. Мы были уверены, что Айбара сам привел троллоков в Двуречье, чтобы заставить людей вступить в его армию. В конце концов он сумел нас оттуда прогнать. И вот он прямо перед нами.

Совпадение или нечто большее?

Байар, по всей видимости, подумал о том же.

– Милорд Капитан-Командор, возможно, мне следовало упомянуть об этом ранее, но я и до Двуречья встречался с этой тварью Айбарой. Около двух лет назад он убил двоих Детей Света на заброшенной дороге в Андоре. Я путешествовал тогда с отцом Борнхальда. Мы встретили Айбару в лагере в стороне от дороги. Он, как дикарь, бегал с волками. Он убил двоих прежде чем мы смогли его скрутить, а потом, после того, как мы его пленили, ночью он сумел вырваться и скрыться. Милорд, его следует вздёрнуть.

– Есть кто-то ещё, кто мог бы это подтвердить? – спросил Галад

– Да, чадо Оратар. И чадо Борнхальд может подтвердить то, чему мы были свидетелями в Двуречье. И Златоокий *также был* в Фалме. Уже за то, что он сотворил там, его следует предать суду. Все предельно ясно. Сам Свет привел его к нам в руки.

* * *

– Ты уверен, что среди Белоплащников наши люди? – спросил Перрин.

– Я не видел лиц, – ответил Гаул, – Но у Илайаса Мачиры глаза очень зоркие. Он утверждает, что точно видел Базела Гилла.

Перрин кивнул. Золотистые глаза Илайаса были столь же зоркими, как и у Перрина.

– Сулин и её разведчицы докладывают о том же, – продолжил Гаул, принимая кружку эля, наполненную из кувшина Перрина. – У армии Белоплащников большой обоз, очень похожий на тот, что мы послали вперед. Она обнаружила это рано утром, но попросила меня передать тебе новость, когда ты проснёшься: она знает, что мокроземцы очень вспыльчивы, если их беспокоят по утрам.

Гаул, очевидно, даже не подозревал, что его слова могли звучать оскорбительно. Перрин был мокроземцем, а все мокроземцы вспыльчивые, по крайней мере, по мнению Айил. Так что Гаул просто констатировал общепринятый факт.

Перрин тряхнул головой, пробуя одно из яиц. Переварено, но съедобное.

– Смогла ли Сулин кого-нибудь узнать?

– Нет, хотя она видела нескольких *гай'шайн*, – сказал Гаул. – Тем не менее, Сулин – Дева, так что, возможно, нам следует отправить кого-нибудь, чтобы подтвердить ее слова – кого-нибудь, кто не станет пользоваться случаем, чтобы перемыть нам косточки.

– Проблемы с Байн и Чиад? – спросил Перрин.

Гаул скорчил недовольную гримасу.

– Клянусь, эти женщины сведут меня с ума. За что мужчина должен так страдать? Лучше заполучить в качестве *гай'шайн* самого Затмевающего Зрение, чем этих двоих.

Перрин ухмыльнулся.

– В любом случае, пленники выглядят целыми и невредимыми. В отчёте есть ещё кое-что. Одна из Дев видела, что флаг, развевающийся над лагерем, выглядел необычно, поэтому она перерисовала его для вашего секретаря, Себбана Балвера. По его словам, такой флаг означает, что вместе с армией находится сам Лорд Капитан-Командор.

Перрин посмотрел на последний ломоть окорока. Плохие новости. Он никогда не встречал Лорда Капитана-Командора, но однажды *сталкивался* с одним из Лордов-Капитанов Белоплащников. Это случилось в ночь, когда умер Прыгун. В ту самую ночь, которая преследовала Перрина в кошмарах в течение двух лет.

Это была ночь, когда он впервые убил человека.

* * *

– Какие еще доказательства вам нужны? – Байар наклонился ближе, запавшие глаза сверкали истовым огнём. – У нас есть свидетели, которые *видели*, что он убил двоих наших! И мы позволим ему просто пройти мимо, словно он невиновен?

– Нет, – ответил Галад, – Во имя Света, нет, если то, что ты поведал, правда, мы не можем просто повернуться спиной к этому человеку. Наш долг нести справедливость.

Байар воодушевлённо улыбнулся.

– Пленники утверждают, что королева Гэалдана дала ему клятву вассальной верности.

– *Это может стать проблемой.*

– Или же – шансом. Быть может, Гэалдан – именно то, что нужно Детям Света. Новый дом, возможность вернуть утраченное. Вы, милорд Капитан-Командор, говорили про Андор, но сколько они станут нас терпеть? Вы говорили про Последнюю Битву, но до неё ещё может быть много месяцев. Что если мы оказались тут именно для того, чтобы освободить целый народ из-под длани ужасного Приспешника Тёмного? Можно не сомневаться, что королева или её наследник будут перед нами в неоплатном долгу.

– *Это при условии, что мы сможем одолеть этого Айбару.*

– Мы сможем. Наши силы меньше, но большая часть его армии фермеры, а не солдаты.

– *Как ты только что заметил, фермеры могут быть очень опасны, – возразил Галад. – Не стоит их недооценивать.*

– Да, но я знаю, как их разбить. Они могут быть опасны, это верно, но они склонятся перед натиском Детей Света. На сей раз Златоокому не спрятаться за деревенскими укреплениями или за спинами этого сброда – его союзников. Больше никаких отговорок.

***

Неужели это из-за того, что он *та'верен*? Неужели Перрину не уйти от той ночи, случившейся несколько лет назад? Он с отвращением отставил тарелку.

– С тобой всё в порядке, Перрин Айбара? – спросил Гаул.

– Просто задумался.

Белоплащники не оставят его в покое, и Узор – испепели его Свет! – будет продолжать вплетать их на его пути, пока Перрин с ними не разберётся.

– Насколько велика их армия? – спросил Перрин.

– У них двадцать тысяч солдат, – ответил Гаул. – И несколько тысяч тех, кто, похоже, никогда не держал в руках копья.

Слуги и маркитанты. Гаул сдерживал удивление в голосе, но

Перрин все равно его чуял. Среди Айил практически каждый мужчина – все, кроме кузнецов – способен держать копьё, чтобы защититься в случае нападения. Тот факт, что многие мокроземцы не в состоянии защитить себя, одновременно сбивал айильцев с толку и приводил их в ярость.

– Их силы огромны, – продолжил Гаул, – но наши больше. И у них нет ни *алгай'д'сисвай*, ни Аша'манов, ни других способных направлять людей, если Себбан Балвер не ошибся. Кажется, он много знает об этих Белоплащниках.

– Он прав. Белоплащники ненавидят Айз Седай и считают, что любой, кто может использовать Единую Силу, является другом Тёмного.

* * *

– Значит, мы выступаем против него? – спросил Байар.

Галад встал из-за стола.

– Выбора нет. Свет сам отдает его в наши руки. Но нам нужно больше информации. Возможно, мне следует самому отправиться к этому Айбаре и сообщить, что мы удерживаем его союзников, а после бросить ему и его войску вызов на бой. Мне нужно выманить его в поле, чтобы использовать кавалерию.

* * *

– Чего ты хочешь, Перрин Айбара? – спросил Гаул.

Чего он хотел? Хотел бы он знать ответ на это…

– Отправьте ещё разведчиков, – сказал Перрин. – Найдите нам более удобное место для лагеря. Нам придётся предложить переговоры, но никогда, во имя Света, я не оставлю Гилла и остальных в руках Белоплащников. Мы дадим Чадам шанс вернуть наших людей. Если они откажутся… Что ж, тогда посмотрим.

Глава 8

Семиполосая Девица

Мэт сидел на обшарпанном табурете, облокотившись на стойку бара из тёмного дерева. Пахло здесь неплохо: элем, дымком и тряпкой, которой недавно протирали столешницу. Ему нравилось. Было что-то успокаивающее в таких вот добрых, шумных тавернах, в которых, к тому же, поддерживалась чистота. Ну, или относительная чистота в разумных пределах. Кому же понравится *слишком* чистая таверна? Такое место кажется совсем новым, будто ни разу не ношенный кафтан или ни разу не раскуренная трубка.

В правой руке Мэт крутил сложенное письмо, написанное на тонкой бумаге и запечатанное кроваво-красным сургучом. Несмотря на своё недавнее появление, это послание уже превратилось в источник сплошных неприятностей не хуже любой женщины. Нет, конечно, с проблемами, порождаемыми Айз Седай, его не сравнить, но с тем, что можно ожидать от любой другой женщины, письму было вполне по силам потягаться. А этим многое сказано.

Он оставил письмо в покое и шлёпнул им о стойку. Чтоб Верин сгореть за то, что она сделала! Она держала его этой клятвой, словно рыбу на крючке.

– Итак, лорд Кримсон? – обратилась к нему хозяйка таверны. Так в последнее время он представлялся посторонним – лучше перестраховаться. – Вам долить или нет?

Скрестив руки, хозяйка наклонилась к нему. Мэлли Крэб была симпатичной женщиной с округлым личиком и соблазнительно вьющимися рыжими волосами. Возможно, Мэт одарил бы её своей самой очаровательной улыбкой – он ещё не встречал женщины, способной перед ней устоять. Но теперь он женат и больше не может разбивать сердца. Это было бы неправильно.

Впрочем, наклонившись, хозяйка и впрямь продемонстрировала весьма аппетитные формы. Женщина была невысокой, но за барной стойкой пол был специально приподнят. Да, весьма аппетитная грудь. Он прикинул, что если завлечь её в одну из построек позади таверны, она не будет против пары поцелуев. Конечно, Мэт больше не заглядывался на женщин. По крайней мере, не с этой целью. Он и не думал *сам* целоваться с

ней. Скорее он предоставит это Талманесу. Тот был таким зажатым, что хороший поцелуй и крепкие объятия пойдут ему на пользу.

– Ну, так что? – снова спросила она.

– А как бы ты поступила на моём месте, Мэлли? Пустая кружка, истекая остатками пены, стояла рядом.

– Заказала бы ещё, – не задумываясь, ответила она. – И угостила бы всех присутствующих. Это было бы очень щедро с вашей стороны. Всем нравятся щедрые люди.

– Вообще-то я спрашивал про письмо.

– Разве вы обещали его не распечатывать? – спросила она.

– Ну, не совсем. Я пообещал, что если открою, то выполню в точности всё, что там написано.

– Дали слово, верно?

Он кивнул.

Не успел он охнуть, как Мэлли выхватила письмо у него из рук. Мэт потянулся было, чтобы его отобрать, но она отшатнулась, вертя письмо в руках. Мэт подавил желание предпринять новую попытку. Он уже не раз за свою жизнь играл в «а ну-ка отними» и не имел ни малейшего желания выставлять себя шутом. Больше всего на свете женщины любят заставить мужчин подёргаться, и если позволить себе попасться на их уловку, они только усилят нажим.

И всё же он покрылся испариной.

– Перестань, Мэлли…

– Я могу вскрыть его за вас, – ответила она, опираясь спиной о противоположную сторону барной стойки и разглядывая письмо. Посетитель рядом потребовал ещё кружку эля, но она лишь отмахнулась. В любом случае, похоже этому красноносому пора притормозить. Заведение Мэлли было довольно популярным, так что для обслуживания клиентов она могла позволить себе нанять с полдюжины служанок. Одна из них рано или поздно к нему подойдёт. – Могу распечатать, – продолжила она, обращаясь к Мэту, – и рассказать, о чём там речь.

Проклятый пепел! Если она это сделает, ему придётся следовать указаниям, что бы в этом треклятом письме ни говорилось! А чтобы освободиться, ему всего то и нужно подождать несколько недель. Он мог бы подождать. В самом деле, мог бы.

– Так не пойдёт, – сказал Мэт, резко выпрямившись, когда она просунула большой палец между скреплёнными краями записки, будто собиралась вскрыть его. – Я в любом случае обязан исполнить то, что там сказано, Мэлли. Поэтому перестань. И поосторожнее с письмом!

В ответ она улыбнулась. Её таверна «Семиполосая девица» была одной из лучших в западном Кэймлине. Крепкий эль, игральные кости всегда под рукой, и ни одной крысы. Хотя, возможно, крысы просто не рисковали связываться с Мэлли. Свет, да она одной левой справится с любым мужчиной!

– Вы так и не рассказали, от кого оно, – сказала Мэлли, вертя письмо в руках. – От любовницы, да? Попались в её силки?

Насчёт второй части она вполне права, но Верин – любовница? Это казалось настолько нелепым, что Мэт расхохотался. Целоваться с Верин – всё равно, что целоваться со львом. И даже будь перед ним такой выбор, он предпочёл бы льва. Меньше вероятность быть укушенным.

– Я дал слово, Мэлли, – пытаясь скрыть нервозность, ответил Мэт. – *Не смей* вскрывать его, слышишь.

– Но я-то слова не давала, – ответила она. – Может, я прочту и не стану вам рассказывать, о чём оно. Просто намекну, чуть-чуть, для воодушевления.

Она улыбнулась пухлыми губками и стрельнула в его сторону глазами. Да, Мэлли *определённо* хороша. Конечно, у неё не было такой великолепной кожи и огромных глаз, как у Туон. Но всё же она прелестна, особенно эти губки. Женатику не следовало бы на них пялиться, но он одарил её своей лучшей улыбкой. Сейчас это было необходимо, даже если разобьёт ей сердце. Он просто не мог позволить ей распечатать письмо.

– Это не меняет сути дела, Мэлли, – обворожительно произнес Мэт. – Если ты его вскроешь, а я не выполню того, что в нём написано, значит, моё слово не дороже помоев. – Он вздохнул, понимая, что есть *единственный* способ вернуть письмо. – Мэлли, женщина, которая мне его дала, – Айз Седай. Ты же не хочешь рассердить Айз Седай, верно?

– Айз Седай? – Мэлли внезапно заинтересовалась. – Мне всегда хотелось съездить в Тар Валон, узнать, не могу ли я стать одной из них. – Она с *ещё большим* интересом взглянула на письмо.

Свет! Эта женщина просто сумасшедшая. А Мэт ещё считал её благоразумной. Следовало бы лучше пораскинуть мозгами. Его прошиб холодный пот. Удастся ли ему дотянуться до письма? Оно совсем рядом…

Мэлли положила письмо на стойку прямо перед его носом, придерживая одним лишь пальцем, как раз посреди сургучной печати.

– Представьте меня этой Айз Седай, когда встретите её снова.

– Если увижу её, пока буду в Кэймлине, – ответил Мэт, – обещаю.

– Можно ли верить вашему слову?

Он бросил на неё раздражённый взгляд.

– А о чём, по-твоему, был весь этот треклятый разговор?

Она рассмеялась и, оставив письмо на барной стойке, обернулась к щербатому клиенту, который по-прежнему требовал добавки. Мэт схватил письмо и аккуратно спрятал его в карман кафтана. Вот проклятая женщина! Единственный способ держаться подальше от интриг Айз Седай – никогда не открывать это письмо. Хотя держаться подальше – сильно сказано, учитывая, что вокруг него полно Айз Седай с их интригами. Айз Седай у него разве что из ушей уже не лезут. И повесить себе на шею ещё одну может лишь полный кретин, с головой, набитой опилками.

Вздохнув, Мэт оглянулся, повернувшись на табурете. В «Семиполосую девицу» набился разношерстный люд. Сейчас в Кэймлине кишело больше людей, чем рыб-львов на месте кораблекрушения. Город практически трещал по швам. В тавернах было не протолкнуться. Несколько фермеров в рабочей одежде с обтрёпанными воротниками метали в углу кости. Недавно Мэт сыграл с ними несколько партий и оплатил выигранными деньгами свою выпивку. Но он терпеть не мог играть на медяки.

Мужчина с грубоватым лицом, сидевший в углу, продолжал пить – рядом с ним уже набралось порядка четырнадцати пустых кружек, а товарищи лишь его подбадривали. В сторонке расположилась компания дворян, с которыми Мэт с удовольствием бы сыграл в кости, но их мрачные рожи могли отпугнуть даже медведя. Видимо в войне за престол они выбрали не ту сторону.

На Мэте был чёрный кафтан с отделанными кружевами манжетами. Лишь немного кружев и никакой вышивки. Жаль, но ему пришлось оставить свою широкополую шляпу в лагере, а также слегка отпустить бороду, которая чесалась, как сотня блошиных укусов, да и выглядел он из-за неё треклятым болваном. Но так его было сложнее узнать. А учитывая, что его портрет мог оказаться у каждого головореза в городе, стоило поостеречься. Если бы то, что он *та'верен*, могло хоть как-то помочь… Но на это лучше не полагаться. Та'веренство – ни на что не годная штука.

Пришлось заправить шарф поглубже и застегнуться на все пуговицы, так что высокий воротник практически упирался в подбородок. Он был твёрдо уверен, что однажды умирал уже, и пробовать снова совершенно не хотелось.

Мимо прошла симпатичная служанка: стройная, крутобёдрая, с тёмными распущенными волосами. Он слегка подвинулся,

чтобы лучше была видна его одинокая опустевшая кружка. И девушка, улыбаясь, поспешила к нему. Мэт одарил её ответной улыбкой и дал ей грош. Он женат и не может сам с ней флиртовать, но для друзей-то присмотреться можно. К примеру, Тому она может прийтись по вкусу. В конце концов, она может отвлечь его от раздумий. Несколько мгновений он всматривался в лицо девушки, чтобы при следующей встрече узнать её наверняка.

Потягивая эль, Мэт не убирал руки с кармана, в котором лежало письмо. Не стоит гадать о его содержании. Только начни, и окажешься в одном шаге от того, чтобы его вскрыть. Он напоминал себе мышь, уставившуюся на кусок засохшего сыра в мышеловке. Ему не нужен этот сыр. Да пусть хоть сгниет, ему плевать.

Весьма вероятно, что это письмо потребует от него влезть во что-то опасное. И постыдное. Айз Седай просто обожают ставить мужчин в глупое положение. О, Свет! Остаётся надеяться, что Верин не оставила ему указаний помочь кому-нибудь выпутаться из неприятностей. С другой стороны, будь это так, она уж точно сама бы за всем приглядела.

Он вздохнул и сделал ещё один глоток эля. Мужчина в углу наконец-то упился и свалился под стол. Шестнадцать кружек. Неплохо. Мэт отодвинул свою и, оставив в качестве платы несколько монет, кивнул на прощанье Мэлли. Он забрал выигрыш по закладу на выпивоху у мужчины с длинными пальцами, который тоже сидел в углу. Мэт ставил на семнадцать кружек и почти угадал. Прихватив трость с подставки у входа, он направился своей дорогой.

Вышибала по имени Берг проводил его взглядом. Лицо у Берга было настолько уродливым, что наверняка заставляло морщиться его собственную мамашу. Громила невзлюбил Мэта с первого взгляда. И взгляды, бросаемые Бергом на Мэлли, красноречиво свидетельствовали о том, что тот решил, будто Мэт строит глазки его женщине. Заверения Мэта, что он как женатый человек больше не занимается подобными вещами, ничего не дали. Некоторые типы продолжают ревновать, несмотря на все доводы.

Несмотря на поздний час, на улицах Кэймлина было людно. Мостовая влажно блестела после недавнего дождя, хотя тучи уже рассеялись, что примечательно, оставив после себя чистое небо. На улице Мэт повернул на север, держа путь к следующей известной ему таверне, в которой играли на серебро и золото. На сегодня у него не было какого-то конкретного плана, просто хотелось послушать сплетни и узнать, чем живёт Кэймлин. С последнего его визита здесь многое изменилось.

По пути он невольно все время оглядывался. Эти проклятые рисунки заставляли его нервничать. Многие прохожие казались ему подозрительными. Мимо прошло несколько настолько пьяных мурандийцев, что от их дыхания можно было зажигать факелы. Мэт постарался обойти их стороной. После происшествия в Хиндерстапе он решил, что осторожности много не бывает. Свет, он слышал истории, в которых на людей набрасывались *камни мостовой*! Если нельзя доверять даже булыжникам под ногами, то чему вообще доверять?

Наконец он добрался до намеченной цели – оживлённого местечка под названием «Дыхание мертвеца». У входа стояли два здоровяка с дубинками, зажатыми в ручищах невероятного размера. Теперь во все таверны нанимали дополнительную охрану. Мэту приходилось тщательно следить за тем, чтобы не выигрывать слишком много. Владельцы таверн не любят тех, кто много выигрывает, потому что это может вызвать драку, если только счастливчик не спустит выигрыш на еду и выпивку. Тогда можешь выигрывать сколько душе угодно, благодарим покорно.

Внутри было темнее, чем в «Семиполосой девице». Посетители склонялись кто над выпивкой, кто над игральными костями, да и выбор блюд тут был не богатый. Одни крепкие напитки. Из деревянной барной стойки чуть ли не ноготь торчали шляпки гвоздей, цепляясь за рукава. Мэт решил, что они пытаются вырваться и убежать.

Хозяином здесь был Бернхерд – тайренец с вечно засаленными волосами и столь маленьким ртом, что казалось, будто он по ошибке проглотил собственные губы. От него вечно воняло редькой, и Мэт ни разу не видел, как тот улыбается, даже считая деньги. Ради чаевых большинство трактирщиков улыбались бы самому Тёмному.

Мэт терпеть не мог пить и играть там, где одной рукой нужно держаться за кошелёк. Но он решил сегодня выиграть круглую сумму, а тут как раз играли в кости и раздавался звон денег, поэтому он чувствовал себя почти как дома. Кружева на рукавах привлекали внимание. Зачем он вообще их носит? Как только вернётся в лагерь, прикажет Лопину их спороть. Ну, может, не все, а только часть.

В дальнем конце зала Мэт заметил трёх игроков: двух мужчин и женщину с красивыми глазами и золотистыми волосами, одетую в бриджи. Последнее Мэт отметил исключительно ради Тома. К тому же, у неё была полная грудь, а с недавних пор Мэту больше нравились девушки с менее пышными формами.

Через пару минут Мэт уже присоединился к игре и немного

успокоился. Он не спускал глаз со своего кошелька, несмотря на то, что тот лежал на полу прямо перед ним. Через некоторое время рядом с кошельком выросла кучка монет, в основном серебряных.

– Не слыхали, что случилось на Кузнечном Лугу? – поинтересовался один из игроков у своего приятеля, пока Мэт тряс стаканчик с игральными костями. – Просто жуть. – Говоривший был высоким парнем с узким лицом, которое, казалось, пару раз прищемили дверью. Он отзывался на кличку Догоняла. Мэт решил, это оттого, что при виде его физиономии женщины разбегались, куда глаза глядят, и ему оставалось только их догонять.

– А что случилось? – спросила Клэр, та самая златовласая девица. Мэт одарил её улыбкой. Ему редко приходилось играть в кости с женщинами, поскольку большинство из них находило эту игру неприличной. Хотя никогда не жаловались, если мужчина покупал им что-нибудь симпатичное со своего выигрыша. В любом случае, играть в кости с женщинами было нечестно, раз одной улыбкой он мог заставить их сердца трепетать, а колени подгибаться. Но больше Мэт так девушкам не улыбался. К тому же, она всё равно не отвечала на все его улыбки.

– Джодри, – ответил Догоняла, когда Мэт готовился бросить кости. – Этим утром его нашли мертвым. Горло начисто вырвано. А в теле ни кровинки, словно в дырявом мехе из-под вина.

Мэт был так ошарашен, что бросил кости не глядя.

– Что? – переспросил он. – Повтори, что ты сказал?

– Да так, – ответил Догоняла, глядя на Мэта. – Просто один наш общий знакомый. Он задолжал мне пару крон.

– Ни кровинки в теле, – напомнил Мэт. – Ты уверен? Ты сам видел труп?

– А что? – поморщившись, спросил Догоняла. – Проклятый пепел, парень! Что с тобой?

– Я…

– Догоняла, – вмешалась Клэр. – Ты только посмотри на это.

Узколицый посмотрел вниз, Мэт следом. Брошенные им кости, все три разом, стояли, балансируя на углах. Свет! Бывало, что подброшенные им монеты вставали на ребро, но такого с ним еще не случалось.

Тут же, совершенно неожиданно, в его голове вновь загрохотали игральные кости. Он едва не подскочил до потолка. *«Кровь и проклятый пепел!»* Этот шум в голове никогда не предвещал ничего хорошего. И прекращался только, если что-то изменялось. И это что-то обычно не сулило ничего хорошего бедному Мэтриму Коутону.

– Я ещё *ни разу*… – начал было Догоняла.

– Назовём это проигрышем, – оборвал его Мэт, бросая на кон несколько монет и сгребая остатки выигранных денег.

– А что тебе известно про Джодри? – спросила Клэр. Она потянулась к своему поясу. Её взгляд был красноречив – Мэт готов был поставить золотой против медяка на то, что у неё там спрятан нож.

– Ничего, – ответил Мэт. *«Ничего и в то же время слишком много»*. – Прошу прощения.

Он поспешил к выходу, отметив на ходу, что один из охранявших дверь плечистых бугаёв переговаривается с хозяином Бернхердом, тыча при этом в какую-то бумажку. И хотя Мэт не мог разглядеть, что на ней, нетрудно было догадаться: там его собственная физиономия.

Пробормотав проклятие, он выскользнул на улицу. И там, свернув в первый же замеченный переулок, бросился бежать.

За ним охотятся Отрёкшиеся, у каждого головореза в кармане есть его портрет, а теперь ко всему добавился ещё и обескровленный труп. Последнее может значить только одно: в Кэймлине объявился *голам*. Казалось невероятным, что он появится здесь так быстро. Правда, однажды эта тварь на глазах у Мэта просочилась в дыру едва ли в две ладони шириной. И, судя по всему, для этой штуки просто не существует ничего невозможного.

*«Кровь и **проклятый** пепел!»* – выругался он, втягивая голову в плечи. Нужно забрать Тома и вернуться за город в лагерь Отряда. Мэт устремился в темноту по влажной от дождя улице. Камни мостовой отражали струящийся сверху свет масляных фонарей. Согласно приказу Илэйн, Королевский Бульвар даже ночью был ярко освещен.

Он отправил ей весточку, но так и не дождался ответа. И где же благодарность? Если прикинуть, он дважды спасал ей жизнь. И одного раза должно быть достаточно, чтобы встретить его с распростертыми объятьями и расцеловать, а его даже в щёчку не чмокнули. Не то, чтобы ему сильно хотелось, уж во всяком случае, не от королевы. От них лучше держаться подальше.

«Ты женат на проклятой высокородной шончанке, – подумал он про себя. – *На дочери самой Императрицы»*. Теперь уж тебе никак не избежать королевского общества! По крайней мере, Туон красивая. И отлично играет в камни. И сообразительная, так что с ней есть о чём поболтать, даже если в большинстве случаев она невероятно упряма…

Нет. Не подходящее время думать о Туон.

В любом случае, Илэйн ему так и не ответила. Стоило быть

настойчивее. И дело не только в Алудре с её драконами. Проклятый *голам* появился в городе.

Сунув руки в карманы, Мэт вышел на широкую, людную улицу. В спешке он забыл свою трость в «Дыхании Мертвеца». Оставалось только досадовать на себя. *Предполагалось,* что оговоренные Верин тридцать дней он будет отдыхать днём, играть в кости в хороших гостиницах ночью и подолгу отсыпаться утром. А вышло вот что.

У него был собственный счёт к *голаму*. Мало невинных жертв, павших от рук этой твари, пока она разнюхивала в Эбу Дар, но Мэт не забыл Налессина и пять Красноруких тоже убитых ею. Проклятый пепел, за одно это стоит привлечь голама к ответу. А ещё он забрал жизнь Тайлин.

Мэт вытащил руку из кармана и прикоснулся к медальону в виде лисьей головы, как всегда, висящему у него на груди. Он устал бегать от этого чудовища. Под аккомпанемент грохочущих игральных костей, в его голове начал зреть план. Мэт пытался отогнать вставший перед глазами образ королевы, связанной его собственными руками. Её нашли с оторванной головой. Должно быть, там всё было залито кровью. Для *голама* свежая кровь была источником жизни.

Поёжившись, Мэт снова сунул руки в карманы, и направился в сторону городских ворот. Несмотря на темноту, он мог различить следы недавнего сражения: наконечник стрелы, впившийся в дверной косяк здания слева, тёмные подпалины на стене караульной, отметина на доске под окнами. Тут умер человек. Возможно, он стрелял из арбалета и вывалился из окна, истекая кровью.

Осада была снята и новая королева – *правильная* королева – заняла трон. Надо же, здесь была битва, и он её *пропустил*. Эта мысль немного улучшила его настроение. Вокруг Львиного Трона разразилась целая война, но ни одна участвовавшая в ней стрела, лезвие или копьё не целили в сердце Мэта Коутона.

Он свернул направо и пошёл вдоль внутренней стороны городской стены. Рядом с городскими воротами всегда было полно постоялых дворов. Не самых лучших, но, как правило, самых прибыльных.

Свет, лившийся из окон и дверей, раскрасил дорогу золотыми пятнами. Тёмные силуэты толпились практически во всех переулках, за исключением тех, где нанятая владельцами гостиниц охрана отгоняла бедняков. Атмосфера в Кэймлине накалялась. Неиссякаемый поток беженцев, недавняя война и… куча других причин. Истории о ходящих мертвецах, портящихся продуктах и о побелённых стенах, которые в мгновение ока

становились закопчёнными.

Гостиница, выбранная Томом для представления, оказалась зданием с острой крышей, кирпичным фасадом и вывеской, на которой было изображено два яблока, от одного из которых остался лишь огрызок. Он был ослепительно белым, а целое яблоко – ярко красным, в цвета андорского флага. «Два яблока» были одним из самых приятных заведений в этой части города.

Мэт слышал доносящуюся изнутри музыку. Войдя, он увидел Тома, сидящего на небольшом помосте в глубине общего зала. Менестрель был облачен в свой лоскутный плащ и играл на флейте. Его глаза были прикрыты, по обе стороны от инструмента свисали длинные белые усы. Том играл привязчивую мелодию «Свадьба Цинни Вейд». Мэт знал её так же под названием «Всегда ставь на верную лошадь» и никак не мог привыкнуть, что менестрель исполняет её в столь медленной манере.

На полу перед Томом уже набралась небольшая кучка монет. На этом постоялом дворе ему разрешили играть за чаевые. Мэт остался у входа и, опёршись спиной о косяк, стал слушать. В общем зале царило гробовое молчание, хотя здесь набилось столько народу, что только из присутствующих здесь мужчин можно было набрать полроты солдат. Все взгляды были устремлены на Тома.

Мэт уже достаточно попутешествовал по свету, пройдя большую часть пути на своих двоих. Он рисковал шкурой в дюжине разных городов и бывал на разных постоялых дворах там и сям. Он слышал разных менестрелей, певцов и бардов. Но, по сравнению с Томом, все они казались детишками, стучащими палками по глиняным горшкам.

Флейта очень простой инструмент. Большинство дворян предпочитают ей арфу. В Эбу Дар один приятель поведал Мэту, что арфа более «возвышенная». Мэт подумал, что, доведись ему услышать игру Тома, тот открыл бы рот и выпучил глаза. Менестрель будто изливал через флейту свою душу. Мягкие трели, печальные ноты и весьма смелые длинные паузы. Какая грустная мелодия. О ком же Том горевал?

Толпа наблюдала, затаив дыхание. Кэймлин был одним из величайших городов мира, и всё же такое разнообразие казалось невероятным: несдержанные иллианцы сидели рядом с дружелюбными доманийцами, хитрыми кайриэнцами, решительными тайренцами и горсткой порубежников. Всем им Кэймлин казался одним из немногих мест, где можно почувствовать себя в безопасности и от Шончан, и от Дракона. И здесь была еда.

Том закончил мелодию и, не открывая глаз, принялся за

следующую. Мэт вздохнул, ненавидя себя за то, что вынужден прервать его выступление. К сожалению, пора было возвращаться в лагерь. Они должны обсудить появление голама, и ещё Мэту нужно отыскать способ добраться до Илэйн. Может быть, Том согласится пойти поговорить с ней вместо него.

Мэт кивнул хозяйке постоялого двора, статной темноволосой женщине по имени Бромас. Она кивнула в ответ, сверкнув кольцами серёг. На его вкус она была несколько старовата, но, с другой стороны, Тайлин была примерно того же возраста. Он будет иметь её в виду. Для одного из своих людей, конечно. Возможно, для Ванина.

Мэт пробрался к сцене и принялся собирать монеты. Он даст Тому закончить и…

Что-то дёрнуло руку Мэта, и внезапно его рукав оказался пришпиленным к помосту. Из ткани торчал нож. Тонкое металлическое лезвие слегка дрожало. Мэт взглянул вверх на как ни в чём не бывало играющего Тома. Правда, перед тем как метнуть нож, менестрель приоткрыл один глаз.

Том вернул руку на флейту и продолжил играть. Его губы дрогнули в усмешке. Ворча под нос, Мэт высвободил рукав. Придётся подождать, пока Том закончит мелодию, которая, надо заметить, была не такой скорбной, как предыдущая. Стоило только долговязому менестрелю опустить флейту, зал взорвался аплодисментами.

Мэт же одарил его хмурым взглядом.

– Чтоб тебе сгореть, Том! Это был один из моих любимых кафтанов!

– Скажи спасибо, что я не целился в руку, – заметил Том, протирая флейту и кивая в ответ на приветствия и аплодисменты посетителей. Они просили продолжения, но Том с сожалением покачал головой, убирая инструмент в футляр.

– Я почти жалею, что ты не выбрал этот вариант, – ответил Мэт, подцепляя манжет и просовывая в дырку палец. – Кровь не так заметна на чёрном, а вот зашитую прореху не спрячешь. Если твой плащ состоит из одних заплат, это вовсе не значит, что я собираюсь следовать твоему примеру.

– А ещё утверждаешь, что ты не лорд, – парировал Том, наклоняясь собрать свой заработок.

– Да не лорд я! – воскликнул Мэт. – Что бы там ни говорила Туон, чтоб тебе сгореть. Никакой я не проклятый дворянин.

– Да? А ты когда-нибудь видел фермера, жалующегося, что на его кафтане будут видны стежки?

– Не обязательно быть лордом, чтобы одеваться со вкусом, – проворчал Мэт.

Хлопнув его по спине, Том рассмеялся и соскочил с помоста.

– Извини, Мэт. Я действовал инстинктивно и даже не сообразил, что это ты, пока не увидел лицо обладателя загребущих рук. Но к тому моменту с моих пальцев уже слетел нож.

Мэт вздохнул.

– Том, – мрачно начал он – в городе объявился один наш старый приятель. Тот, который любит оставлять за собой трупы с начисто выдранным горлом.

Том встревожено кивнул:

– Во время перерыва я слышал об этом от одного из стражников. А мы торчим здесь, пока ты решаешь…

– Я не стану вскрывать письмо, – перебил его Мэт. – Верин могла оставить в нём указание идти до самого Фалме на руках, и, проклятье, я буду вынужден это исполнить! Знаю, ты не любишь сидеть без дела, но письмо может задержать нас ещё дольше.

Том неохотно кивнул.

– Давай-ка вернёмся в лагерь, – предложил Мэт.

* * *

Лагерь Отряда располагался в лиге от Кэймлина. Том с Мэтом обычно добирались на своих двоих – пешие привлекают меньше внимания. Да и сам Мэт не потащит лошадей в город, пока не найдет надёжную конюшню. За хороших лошадей сейчас давали баснословные деньги. Он надеялся, что всё изменится, стоит им убраться подальше от Шончан. Но Илэйн скупала для армии каждую приличную лошадь, попадающуюся на глаза, а также большую часть не слишком хороших. Кроме всего прочего, лошади пропадали и по другой причине. Мясо есть мясо, а люди, даже в Кэймлине, находились на грани голода. От всего этого Мэт покрывался мурашками, но с истиной не поспоришь.

Всю обратную дорогу они с Томом обсуждали *голама*. Толком ничего не придумав, они решили, что необходимо предупредить остальных, а также что Мэту не стоит спать две ночи подряд в одной и той же палатке.

Оказавшись на вершине холма, Мэт оглянулся. Весь Кэймлин был ярко освещ`н огнями фонарей и факелов. Отсветы создавали над городом похожий на туман ореол. Великолепные шпили и башни были залиты светом. К нему явилось воспоминание из другой жизни: он помнил этот город и его штурм задолго до того, как Андор стал самостоятельным государством. Кэймлин всегда был крепким орешком. И Мэт не завидовал дворянам, которые пытались отбить город у Илэйн.

Том встал у него за спиной.

– Кажется, будто прошла целая вечность с тех пор, как мы покинули его в прошлый раз, не так ли?

– Да, чтоб мне сгореть, – отозвался Мэт. – И зачем только мы погнались за этими бестолковыми девицами? В следующий раз пусть спасают себя сами.

Том внимательно посмотрел на него:

– А чем, по-твоему, мы займёмся, когда полезем в Башню Генджей?

– Тут другое. Не можем же мы оставить её там с ними. Эти змеи и лисицы…

– Да я не жалуюсь, Мэт, – сказал Том. – Просто размышляю.

Похоже, в последнее время Том размышлял слишком много, тоскуя и без конца теребя потертое письмо Морейн. Это было всего лишь письмо.

– Ладно, – сказал Мэт, двигаясь дальше. – Ты вроде бы собирался рассказать мне, как попасть к королеве?

Том нагнал его на тёмной дороге.

– Я вовсе не удивлён, Мэт, что она не ответила на твоё письмо. Скорее всего, у неё полно дел. Ходят слухи, что в Порубежье вторглись большие силы троллоков, а Андор всё ещё раздроблен из-за войны Наследования. И Илэйн…

– Том, а хороших новостей у тебя нет? – спросил Мэт. – Ну, хотя бы парочка. Я бы не возражал.

– Если б только «Благословление Королевы» не было закрыто. Гилл всегда мог поделиться чем-нибудь интересным.

– Так что насчёт хороших новостей? – напомнил Мэт.

– Ну, ладно. Башня Генджей именно там, где говорил Домон. Мне это подтвердили три разных капитана. Она находится сразу за равниной в нескольких сотнях миль к северо-западу от Беломостья.

Почесав подбородок, Мэт кивнул. Ему казалось, что он может припомнить эту башню. Странное серебристое строение вдалеке. А ещё путешествие на корабле, волны, бьющие о борт судна, и заметный иллианский акцент Байла Домона…

Образы были очень смутные. В воспоминаниях о тех днях пробелов больше, чем в оправданиях Джори Конгара. Байл Домон мог бы рассказать им, где найти башню, но Мэту хотелось удостовериться. От того, как Домон кланялся и расшаркивался перед Лильвин, у Мэта начиналась чесотка. К тому же ни один из них не выказывал к Мэту особой симпатии, даже несмотря на то, что тот спас их шкуры. Ему, конечно, и даром не нужна никакая симпатия от Лильвин. Целоваться с этой женщиной – всё равно что целоваться с каменным дубом.

– Как думаешь, описания Домона будет достаточно, чтобы

кто-нибудь смог открыть туда переходные врата? – спросил Мэт.

– Понятия не имею, – ответил Том. – И если подумать, это второстепенная проблема. Для начала скажи, где нам взять того, кто способен создать переходные врата? Верин-то исчезла.

– Я что-нибудь придумаю.

– Если у тебя не получится, на дорогу до нужного места уйдут *недели*, – напомнил Том. – А мне не хочется…

– Я найду нам врата, – твёрдо ответил Мэт. – Может быть, Верин вернётся и освободит меня от треклятого обещания.

– Уж лучше держаться от неё подальше, – заметил Том. – Я ей не доверяю. Что-то с ней не так.

– Она – Айз Седай, – ответил Мэт. – С ними со всеми что-то не так. Они будто игральные кости, на которые не нанесены очки. Хотя уж если говорить об Айз Седай, то Верин мне почти нравится. А я, как ты знаешь, хорошо разбираюсь в людях.

Том удивлённо вскинул бровь. Мэт нахмурился в ответ.

– Как бы там ни было, – продолжил Том, – пожалуй, стоит приставить к тебе охрану на время визитов в город.

– Никакая охрана не остановит *голама*.

– Его-то не остановит, а как насчёт тех громил, что набросились на тебя три дня назад по дороге в лагерь?

Мэта передёрнуло.

– По крайней мере, эти ребята были обычными, честными ворами. Они просто хотели отобрать мой кошелёк, это даже мило и вполне нормально. Ни у одного из них не оказалось при себе моего портрета. И не похоже, чтобы они были извращены прикосновением Тёмного, слетая с катушек после заката или что-то ещё в этом роде.

– И всё же, – сказал Том.

У Мэта иссякли аргументы. Чтоб ему сгореть, похоже, *придётся* таскать за собой солдат. В любом случае, не больше горстки Краснoруких.

Впереди показался лагерь. Норри, один из клерков Илэйн, дал Отряду разрешение разместиться в окрестностях Кэймлина. Согласно договору город могли посещать не больше сотни солдат в заранее установленный день, а также лагерь должен был отстоять не меньше чем на лигу от городских стен и находиться в стороне от деревень и фермерских полей.

Сам факт разговора с этим клерком означал, что Илэйн знает о прибытии Мэта. Должна знать. Но она не прислала ни весточки, ни знака благодарности за то, что Мэт спас её шкуру.

На повороте фонарь Тома высветил отдыхавшую на обочине группу Краснoруких. Сержант отделения Гуфрин поднялся отдать честь. Это был крепкий, широкоплечий малый. Не семи пядей во

лбу, но довольно наблюдательный.

– Лорд Мэт! – поприветствовал он.

– Что нового, Гуфрин? – спросил Мэт.

Сержант нахмурился.

– Ну, – начал он, – думаю, кое-что вас заинтересует.

Свет! Парень излагает медленнее надравшегося шончанина.

– Сегодня, пока вас не было, в лагерь вернулись Айз Седай, милорд.

– Все три? – уточнил Мэт.

– Да, милорд.

Мэт вздохнул. Если у него ещё оставалась надежда на нормальное завершение этого дня, то теперь она испарились. А он-то размечтался, что они задержатся в городе ещё на несколько дней.

Они с Томом пошли дальше, свернув с дороги на тропинку, бежавшую через поле, заросшее нож-травой и чёрной жгучей крапивой. Сорные растения шуршали под ногами, и фонарь Тома освещал бурые стебли. С одной стороны, приятно снова вернуться в Андор. В окружении кожелистов и горькосмолов казалось, что он снова дома. Тем не менее, вернувшись, найти всё настолько увядшим было удручающе.

Что же делать с Илэйн? Женщины – вечный источник проблем. Айз Седай – и того хуже. А уж королевы – вообще сплошной кошмар. Илэйн же, проклятье – всё вместе взятое. Как же ему добиться разрешения использовать её литейные мастерские? Одной из причин, по которой он принял предложение Верин, было желание поскорее попасть в Андор и начать работу над драконами Алудры!

Перед ними раскинулся лагерь Отряда, разбитый на череде холмов, самый крупный из которых находился в центре. Части, которыми руководил Мэт, благополучно соединились с отрядом Истина и другими, ранее направленными в Андор. Отряд снова и окончательно собрался в полном составе. Горели походные костры. В эти дни проблем с сухими дровами не было. В воздухе витал дым. До ушей Мэта доносились разговоры и выкрики. Было не слишком поздно, а Мэт не вводил комендантский час. Даже если ему не суждено расслабиться, то почему должны страдать его люди. Другого шанса перед Последней Битвой может и не представиться.

«Троллоки уже в Порубежье, – думал Мэт. – *Нам очень нужны эти драконы. И поскорее».*

Мэт ответил на приветствия нескольких часовых и распрощался с Томом, собираясь найти ночлег. Утро вечера мудренее. По пути он отмечал для себя, какие изменения стоит

сделать в лагере. При таком расположении склонов, атакующая лёгкая кавалерия может промчаться галопом по образованному ими коридору. Только очень смелый военачальник воспользовался бы подобной тактикой, но именно так поступил он сам во время битвы в Марсинской долине в древней Кореманде. Точнее, *не сам* Мэт, а некто, чьи воспоминания он хранил.

Всё больше и больше он воспринимал эти воспоминания как свои собственные. Он их не просил, что бы ни утверждали треклятые лисы, но заплатил сполна, и шрам вокруг шеи был тому свидетельством. А пригодились эти воспоминания уже не раз.

Наконец, он добрался до своей палатки, собираясь захватить смену белья, перед тем как подыскать новое место для ночлега. И тут его окликнул женский голос:

– Мэтрим Коутон!

«Проклятый пепел». Он почти успел. С неохотой Мэт обернулся.

Одетая в красное платье Теслин Барадон не была красавицей, хотя с такими костлявыми пальцами, узкими плечами и худым лицом она, вероятно, легко могла претвориться растущей берестянкой. За время, прошедшее после её освобождения из плена, затравленное выражение, присущее *дамани,* практически исчезло из её глаз. Теперь она могла состязаться в гляделки даже со столбом.

– Мэтрим Коутон, – повторила она, подходя ближе. – Мне нужно с тобой поговорить.

– Что ж, похоже, именно это ты уже и делаешь, – ответил Мэт, убирая руку от полога палатки. Невзирая на здравый смысл, он испытывал к Теслин некоторую симпатию, но не собирался приглашать её внутрь. Это всё равно что пустить лису в курятник, как бы хорошо он к этой лисе ни относился.

– Ну, так я продолжу, – отозвалась женщина. – Ты слышал новости из Белой Башни?

– Новости? – переспросил Мэт. – Нет. Никаких новостей. Одни слухи… уж этого я наслушался вдоволь. Некоторые говорят, что Белая Башня объединилась. Возможно, об этом ты и хотела поговорить. Но я слышал не меньше рассказов о том, что война продолжается. И что Амерлин сражалась в Последней Битве вместо Ранда, и о том, что Айз Седай собираются нарожать и вырастить армию солдат, и о том, что на Белую Башню напали летающие чудовища. Возможно, последнее – просто рассказы о ракенах, приходящие с юга. Но, по-моему, в истории об армии детей Айз Седай есть смысл.

Теслин смерила его взглядом. Мэт не отвёл глаза. Как говорил его отец, одно в нём хорошо: он упрямее треклятого пня.

Удивительно, но Теслин вздохнула, и её лицо смягчилось:

– Ты, конечно, имеешь право сомневаться. Но мы не можем отмахнуться от этих новостей. Даже Эдесина, которая безрассудно избрала сторону мятежниц, желает вернуться. Мы планируем отправиться на рассвете. Но поскольку обычно ты встаешь поздно, я решила прийти поблагодарить тебя сегодня вечером.

– Решила *что*?

– Поблагодарить, мастер Коутон, – сухо ответила Теслин. – Для всех нас это путешествие было нелёгким. Были некоторые… напряжённые моменты. И я не могу сказать, что полностью разделяю принятые тобой решения. Но это не отменяет того факта, что без тебя я до сих пор оставалась бы в руках Шончан. – Она содрогнулась. – Подчас я настолько уверена в себе, что мне мерещится, будто я смогла бы выстоять и убежать без чьей-либо помощи. Всегда важно оставлять себе немного иллюзий, не находишь?

Мэт поскрёб подбородок.

– Возможно, Теслин, вполне возможно.

К его удивлению она протянула ему руку:

– Запомни, Мэтрим Коутон, когда бы ты ни явился в Белую Башню, там есть женщины, которые перед тобой в долгу. Я этого не забуду.

Он пожал ей руку. На ощупь она оказалась такой же костлявой, как и на вид, но гораздо теплее, чем он ожидал. Кое у кого из Айз Седай в венах явно застыл лед. Хотя другие были малость получше.

Она кивнула ему. *Почтительно*. Почти поклонилась. Чувствуя, будто земля ушла у него из-под ног, Мэт отпустил её руку. Теслин развернулась и пошла к своей палатке.

– Вам понадобятся лошади, – сказал он ей вдогонку. – Если утром вы дождётесь моего пробуждения, я дам вам несколько. И немного провизии. Не годится, чтобы вы умерли с голоду, пока будете добираться до Тар Валона. Ведь, как мы с вами видели по пути сюда, в деревнях люди мало чем могут поделиться.

– Но Джолин ты сказал…

– Я снова посчитал моих лошадей, – перебил её Мэт. Проклятые игральные кости, чтоб им сгореть, не унимались в его голове. – Я ещё раз пересчитал лошадей Отряда. Похоже, что у нас теперь оказалось несколько лишних. Вы можете их взять.

– Я пришла к тебе этим вечером не для того, чтобы выманивать лошадей, – сказала Теслин. – Я искренне тебе

благодарна.

– Я так и понял, – ответил Мэт, откидывая полог входа в палатку. – Именно поэтому и предлагаю.

Он шагнул внутрь и замер. Этот запах…

Запах крови.

Глава 9

Запах крови

Мэт мгновенно пригнулся. Это спасло ему жизнь – что-то пролетело над его головой.

Он откатился в сторону, попав рукой во что-то влажное на полу.

– Убийство! – вскричал он. – В лагере убийца! Треклятый убийца!

Нечто метнулось к нему. В шатре было абсолютно темно, но он ориентировался на слух. Мэт оступился, но удача была на его стороне – вновь что-то *просвистело* совсем рядом с ним.

Мэт упал и перекатился, выбросив руку в сторону. Он здесь оставил…

Вот! Он оказался у своего тюфяка, и его пальцы сомкнулись на длинном деревянном древке. Мэт вскочил на ноги, занося *ашандарей*, затем развернулся и рубанул… но не по приближавшейся к нему тени, а по стенке шатра.

Ткань легко поддалась, и Мэт выскочил наружу, сжимая одной рукой копьё с длинным лезвием. Другой он нашарил кожаный шнурок на шее – в спешке он даже поцарапал себя ногтями. Мэт сорвал медальон с лисьей головой и притаился в кустах рядом с шатром.

От ближайшего фонаря, располагавшегося у сторожевого поста на пересечении лагерных троп, шёл слабый свет. С его помощью Мэт разглядел очертания фигуры, выскользнувшей сквозь разрез в шатре. Фигуры, которую он так боялся увидеть. *Голам* выглядел как человек: худой мужчина с волосами песочного цвета и ничем не примечательной внешностью. Единственной приметой был шрам на щеке.

Голам *должен был казаться безобидным, незапоминающимся. Столкнувшись с ним в толпе, рядовой человек не обратил бы на него внимания. До последнего момента, пока тварь не порвёт ему глотку.*

Мэт отступил. Он пятился по склону, начинавшемуся у его шатра, плотно приматывая медальон к лезвию *ашандарея* кожаным шнурком. Не самый действенный способ, но Мэт успел его опробовать. Медальон был единственным известным ему средством, способным причинить вред *голаму*. Мэт действовал быстро, продолжая звать на помощь. Солдаты бесполезны против этой твари, но сам *голам* как-то обмолвился, что ему приказано

не привлекать излишнего внимания. Поэтому свидетели могут его отпугнуть.

Существо замешкалось, оглянувшись на лагерь. Потом вновь повернулось к Мэту, шагнув в его сторону. Движения твари были текучими, словно струящийся по ветру шёлк.

– Можешь гордиться, – прошептал голам. – Тот, кто сейчас мною управляет, жаждет тебя сильнее всех прочих. Мне приказано ни на кого не обращать внимания, пока не испробую твоей крови.

В левой руке тварь держала длинный кинжал. С правой же капала кровь. Мэт почувствовал парализующий холод. Кто убит? Кто ещё погиб вместо Мэтрима Коутона? В голове снова вспыхнул образ Тайлин. Он не видел её тела; вся сцена была плодом его воображения. К сожалению, воображение у Мэта было богатое.

Этот образ и витающий в воздухе запах крови подвигли его на самый идиотский поступок, какой он только мог выдумать. Он напал.

Закричав в темноту, Мэт ринулся вперёд, вращая *ашандарей*. Но тварюга была очень быстрой. Казалось, она не уворачивается, а *уплывает* в сторону от оружия.

Существо кружило вокруг, подобно волку. Даже его шаги по сухой траве были едва различимы. *Голам* атаковал, превратившись в смазанную тень, и только непроизвольный прыжок назад спас Мэту жизнь. Он продирался сквозь траву, размахивая *ашандареем*. Похоже, тварь избегала медальона. Свет, без него, Мэт уже был бы покойником и валялся бы на земле в луже крови!

Словно текучая темнота, тварь снова атаковала. Мэт принялся дико отмахиваться и скорее просто по счастливой случайности задел *голама*. Соприкоснувшись с рукой чудовища, медальон издал шипящий звук. В воздухе запахло палёной плотью, и *голам* отступил назад.

– Ты ведь не обязан был её убивать, чтоб тебе сгореть! – закричал Мэт. – Можно было её отпустить! Тебе была нужна не она, а я!

Тварь лишь улыбнулась, обнажив кривые зубы и отвратительный чёрный рот.

– Птицам нужно летать. Человеку – дышать. А мне – убивать. – *Голам* шагнул вперёд, и Мэт понял, что влип. Встревоженные крики стали громче. Оставалось всего несколько мгновений, и помощь придёт. Всего несколько мгновений… но таких долгих.

– Мне приказали убить их всех, – тихо продолжил *голам*. – Чтобы тебя расшевелить. Мужчину с усами; старика, помешавшего в прошлый раз; маленькую темнокожую женщину,

укравшую твоё сердце. Убить их всех, если я не прикончу тебя сейчас.

Проклятый *голам*. Откуда он узнал про *Туон*? Как? Это невозможно!

Он был так ошарашен, что едва успел поднять *ашандарей*, когда *голам* на него прыгнул. Выругавшись, Мэт уклонился в сторону, но слишком поздно. В воздухе сверкнул кинжал твари. Вдруг оружие дёрнулось и выпало из пальцев *голама*. Мэт открыл рот, а потом почувствовал, как что-то обернулось вокруг него и дернуло назад – за пределы досягаемости ударов *голама*.

Потоки Воздуха. Это Теслин! Женщина стояла рядом с его шатром с маской сосредоточенности на лице.

– Ты не сможешь напрямую коснуться его потоками! – крикнул ей Мэт, когда плетение Воздуха отнесло его на небольшое расстояние от *голама*. Если бы она, проклятье, подняла его хоть чуточку повыше, он был бы счастлив! Но он ни разу не видел, чтобы Айз Седай поднимали кого-то в воздух выше, чем на спан или около того.

Мэта потащило в сторону, *голам* бросился за ним. Но тут же между ними пролетело что-то большое, заставив тварь перетечь в сторону, уворачиваясь. Предмет – это был стул! – врезался в склон позади них. Следом в *голама* угодила большая скамья, отбросив его назад.

Мэт крепко встал на ноги и взглянул на Теслин, которая шарила невидимыми потоками Воздуха внутри его шатра. *«Умница»*, – подумал он. Сами потоки поразить *голама* не могут, зато это под силу брошенным с их помощью предметам.

Но так его не остановить. Мэт своими глазами видел, как тварь равнодушно, как ни в чём не бывало, выдернула всаженный в её грудь нож, словно стряхнув пылинку с одежды. Но вот в проходах появились солдаты с пиками, мечами и щитами. По всему лагерю зажигали огни.

Голам бросил на Мэта свирепый взгляд и метнулся в темноту за пределы лагеря. Мэт развернулся и застыл, увидев двух Краснооруких, наставивших пики на приближавшуюся тварь. Это были Гордеран и Фергин. Оба выжили в Эбу Дар.

– Нет! – завопил Мэт. – Пусть он…

Но было поздно. *Голам* спокойно проскользнул между пиками, впился руками в горла обоих мужчин и сжал пальцы. Поворотом кисти тварь начисто вырвала куски плоти, позволив телам упасть на землю. И тут же скрылась в темноте.

«Чтоб тебя! – пронеслось в голове бросившегося следом Мэта. – *Да я выпотрошу тебя и…»*.

Он застыл на месте. Запах крови. Из шатра. Он едва о нём не

забыл.

«Олвер!» – Мэт ворвался обратно в шатер. Внутри было темно, и его вновь обдало запахом крови. – Дайте света! Теслин, не могла бы ты…

За его спиной вспыхнул светящийся шар.

Света оказалось достаточно, чтобы увидеть ужасную картину. Лопин – денщик Мэта – лежал мёртвый в большой чёрной луже крови, разлившейся по полу шатра. Тела двоих Красноруких – Риддема и Уилла Рива, парней, которые несли стражу у его шатра – были свалены в кучу на его тюфяке. Ему бы следовало заметить, что они исчезли со своего поста. Вот болван!

Мэт почувствовал укол сожаления об их гибели. Лопин вроде бы только недавно пришёл в себя после смерти Налесина. Испепели его Свет, он был отличным парнем! Даже не солдатом, а всего лишь слугой, довольным тем, что можно о ком-то заботиться. Мэт корил себя за то, что постоянно жаловался на него. Без помощи Лопина он даже не смог бы сбежать из Эбу Дара.

И теперь погибло ещё четверо Красноруких, двое из которых пережили Эбу Дар и предыдущее нападение *голама*.

«*Мне следовало всех предупредить*, – думал Мэт. – *Нужно было весь лагерь поставить на уши*». – Но была бы от этого польза? *Голам* доказал, что его практически невозможно остановить. Мэт подозревал, что, если бы понадобилось, добираясь до него эта тварь могла бы перерезать весь Отряд начисто. Сдерживал *голама* только приказ хозяина избегать лишнего внимания.

Мэт не заметил ни единого признака пребывания здесь Олвера, хотя парнишка должен был спать на своём тюфяке в углу шатра. Кровь Лопина разлилась как раз неподалёку, намочив одеяло Олвера снизу. Мэт сделал глубокий вдох и, опасаясь самого худшего, принялся искать в ворохе вещей, переворачивая одеяла, и заглядывая за походную мебель.

Бранясь, в шатёр набивалось всё больше солдат. Весь лагерь был на ногах: звучали сигнальные горны, были зажжены все фонари, бряцало оружие.

– Олвер, – сказал Мэт солдатам, толпившимся у входа. Он перевернул вверх дном весь проклятый шатёр! – Кто-нибудь его видел?

– Кажется, он был с Ноэлом, – ответил лопоухий Краснорукий по имени Слоун Мэддоу. – Они…

Мэт протиснулся к выходу и помчался через лагерь к шатру Ноэла. Он подоспел как раз к тому моменту, когда седовласый мужчина выходил наружу проверить, что послужило поводом для тревоги.

– Олвер? – подбегая к старику, крикнул Мэт.

– Он в безопасности, Мэт, – ответил Ноэл, поморщившись. – Прости, я не хотел тебя пугать. Мы заигрались в Змей и Лисичек, и парень уснул прямо на полу. Я укутал его своим одеялом. Последние ночи он засиживался допоздна, дожидаясь твоего возвращения, поэтому я решил, что лучше его не будить. Мне нужно было тебя предупредить.

– И ты еще извиняешься? *– сказал Мэт, заключив Ноэла в объятия. – Да ты самый растреклято-замечательный человек на свете. Ты только что спас ему жизнь!*

* * *

Часом позже Мэт с Томом и Ноэлом сидели вместе в маленькой палатке менестреля. Их охраняла дюжина Красноруких, а Олвера отправили спать в палатку Теслин. Парень так и не узнал, насколько он был близок к гибели. Если повезёт – и не узнает.

Мэт вновь надел свой медальон, хотя ему пришлось найти новый шнурок. Старый сильно изрезался об *ашандарей*. Нужно будет придумать способ крепления получше.

– Том, – тихо произнес Мэт. – Эта тварь угрожала тебе, и тебе тоже, Ноэл. Голам *не упоминал Олвера, зато* упомянул *Туон.*

– Откуда он мог про неё узнать? – спросил Том, почесав голову.

– Патруль нашёл за пределами лагеря ещё одно тело. Это Дерри. – Солдат пропал пару дней назад, и Мэт подумал, что тот дезертировал. Подобное иногда случалось, хотя в Отряде это явление было нечастым. – Его убили несколько дней назад.

– *Голам* добрался до него так давно? – нахмурившись, произнес Ноэл. У него были сутулые плечи и нос, больше похожий на крупный кривой перец, растущий прямо из середины лица. На взгляд Мэта, Ноэл вечно выглядел каким-то… потрёпанным. А его руки были настолько узловатыми, что, казалось, состояли из одних суставов.

– Должно быть, тварь его допросила, – продолжил Мэт. – Чтобы узнать, с кем я провожу время и где располагается мой шатёр.

– Разве эта тварь на такое способна? – спросил Том. – Мне казалось, он что-то вроде охотничьей собаки, чтобы выслеживать добычу.

– Он знал, где меня искать во дворце Тайлин, – ответил Мэт. – И заявился в её комнату даже после моего ухода. Так что либо он у кого-то спросил, либо следил сам. Теперь мы уже не узнаем, пытал ли *голам* Дерри, или парень просто наткнулся на него, пока тот рыскал вокруг лагеря, выслеживая меня. Но эта тварь

умна.

Но не пойдёт же голам*, в самом деле, искать Туон? Угрозы в адрес друзей скорее нужны, чтобы взвинтить Мэта. В конце концов, тварь показала сегодня, что приказ не привлекать внимания всё ещё в силе. Но это слабо утешило Мэта. Если это чудовище тронет Туон хоть пальцем…*

Есть только один способ убедиться, что этого не произойдёт.

– Так что нам делать? – спросил Ноэл.

– Нужно выследить и убить эту треклятую штуку, – тихо ответил Мэт.

Ноэл и Том промолчали.

– Не хочу, чтобы эта бестия гналась за нами до самой Башни Генджей, – пояснил Мэт.

– Но разве её *можно* убить, Мэт? – спросил Том.

– Всё на свете можно убить, – ответил Мэт. – И Теслин доказала, что если действовать разумно, то *голаму* можно причинить вред, используя Единую Силу. Нам нужно придумать нечто подобное.

– И что же? – спросил Ноэл.

– Пока не знаю, – ответил Мэт. – Я хочу, чтобы вы оба продолжали приготовления. Мы должны быть готовы отправиться в Башню Генджей, как только нам позволят мои обязательства перед Верин. Чтоб мне сгореть, но я всё ещё *обязан переговорить с Илэйн. Мне нужно запустить производство драконов Алудры. Придётся написать Илэйн новое письмо. И на сей раз понастойчивее.*

– А пока нам следует принять кое-какие меры. Я теперь буду ночевать в городе. И каждую ночь менять постоялый двор. О чём мы и оповестим Отряд: если голам *подслушивает, он об этом узнает. Поэтому отпадёт необходимость нападать на солдат.*

– Вы двое тоже перебираетесь в город. До тех пор, пока всё не закончится его или моей смертью. Вопрос в том, что делать с Олвером. Тварь про него не упоминала, но…

Он заметил понимание в глазах Тома и Ноэла. Мэт ушёл от Тайлин, и теперь она мертва. Он не собирался поступить так же с Олвером.

– Придётся забрать мальчонку с собой, – сказал Том. – Либо так, либо отправить его отсюда подальше.

– Я подслушал разговор Айз Седай, – сообщил Ноэл, почесав лицо костлявым пальцем. – Они собираются уезжать. Может, отправить его с ними?

Мэт поморщился. При том, как Олвер поглядывает на женщин, Айз Седай в тот же день вздёрнут его за ноги. Мэт был удивлён, что этого до сих пор не случилось. Если он только узнает,

кто из Красноруких научил мальчишку вести себя подобным образом с женщинами…

– Сомневаюсь, что мы сумеем заставить его уехать, – сказал Мэт. – Он сбежит от них и вернётся обратно в первую же ночь.

Том кивнул, соглашаясь.

– Значит, нам придётся взять его с собой в город, – сказал Мэт. – И поселить в какой-нибудь гостинице. Может, это…

Снаружи раздался пронзительный возглас:

– Мэтрим Коутон!

Мэт вздохнул, кивнул остальным и поднялся на ноги. Выйдя наружу, он увидел Джолин и её Стражей, протолкавшихся через охрану из Красноруких. Женщина уже протянула руку, чтобы отдёрнуть полог палатки и шагнуть внутрь. Его появление немного её приструнило.

Некоторые Краснорукие выглядели сконфуженными от того, что позволили ей пройти, но их нельзя было за это винить. Проклятые Айз Седай поступают так, как только им проклятым угодно.

Джолин была полной противоположностью Теслин. На стройной и миловидной женщине было надето белое платье с глубоким вырезом. Она была улыбчивой, однако стоило ей посмотреть на Мэта, как её улыбка тут же становилась натянутой. А ещё у неё были большие карие глаза. Такие, которые способны затянуть и утопить в себе мужчину.

Несмотря на её внешнюю привлекательность, Мэт не подумывал о ней, как о подружке для кого-то из своих друзей. И ни за что не пожелал бы её тем, кто ему нравился. На самом деле он был слишком хорошо воспитан, чтобы подкинуть её большинству своих врагов. Пусть лучше остается со своими Стражами, Фэном и Блериком, которые, на вкус Мэта, были для этого достаточно безумны.

Оба были Пограничниками. Один шайнарцем, другой – салдэйцем. Взгляд раскосых глаз Фэна был твёрдым. Он всегда будто выискивал, кого бы убить. И каждый разговор с ним был словно бы проверкой, насколько ты подходишь на роль жертвы. Блерик почти отрастил свой хохолок, который становился длиннее, но всё ещё был слишком коротким. Если бы Мэт хотел сегодня отправиться на тот свет, он мог бы сказать, что сейчас этот хохолок скорее похож на барсучий хвост, приклеенный к лысой голове. Но, проклятье, вечер и без того выдался отвратительный.

Джолин скрестила руки на груди.

– Похоже, твои слова о том, что это… существо тебя преследует, соответствуют истине. – В её голосе прозвучало

сомнение. Он потерял пять отличных парней, а она сомневается. Вот треклятая Айз Седай.

– И что? – спросил он. – Разве тебе что-то известно о *голаме*?

– Ровным счётом ничего, – ответила она. – Тем не менее, мне нужно вернуться в Белую Башню. И я уезжаю завтра. – Она замялась. – Я хотела спросить, не одолжишь ли ты мне для этого путешествия несколько лошадей. Всех, что не жалко. Я не стану придираться.

– Что, никто в городе продавать не захотел, да? – ворчливо спросил Мэт.

Её лицо стало ещё более невозмутимым.

– Что ж, ладно, – сказал Мэт. – На этот раз ты хотя бы вежливо просишь, но я заметил, как трудно это тебе далось. Я уже пообещал лошадей Теслин. Ты тоже можешь взять нескольких. Это стоит того, чтобы сбросить вас, треклятых женщин, с моей шеи.

– Спасибо, – произнесла она совершенно ровным тоном. – Однако позволю себе совет. Судя по той компании, которую ты обычно предпочитаешь, тебе следует научиться получше следить за своим языком.

– Судя по той компании, в которой я слишком часто оказываюсь, я, проклятье, удивляюсь, что не сыплю проклятиями через слово, – ответил Мэт. – Проваливай, Джолин. Мне ещё нужно написать письмо Её треклятому Величеству Королеве Илэйн Чопорной.

Джолин фыркнула.

– Собираешься продолжать ругаться и в письме?

– Конечно, – буркнул Мэт, разворачиваясь, чтобы вернуться в палатку Тома. – Как ещё заставить её поверить, что оно действительно от меня?

Глава 10

Последствия порчи.

"Я согласен с этими доводами", сказал Илайас, шагая сбоку от Перрина. С другой стороны, погруженный в размышления, шел Грейди, в своей черной куртке. Монтем ал'Сен и Ази ал'Тон - два сегодняшних охранника Перрина - плелись позади.

Было еще раннее утро. Перрин якобы проверял сторожевые посты, но на самом деле ему просто захотелось пройтись. Лагерь переместили на травянистую возвышенность вдоль Джеханнахского тракта. Здесь имелся источник хорошей воды, было достаточно близко к дороге, чтобы следить за ней, но и достаточно далеко, чтобы успеть организовать оборону.

На краю луга, перед рощицей деревьев, лежала древняя статуя. Уже очень давно она свалилась на бок, и большая её часть была погружена в землю, но рука возвышалась над землей, держа рукоять меча . Сам меч вонзался в землю. "Мне не следовало посылать Гилла и остальных вперед", сказал Перрин. "Первый же проходящий мимо отряд захватил их." "Ты не мог предвидеть этого", ответил Илайас. "Что нельзя предвидеть, нельзя предовратить. Где тебе следовало оставить их? Шайдо подступали сзади, и если бы наша битва при Малдене не закончилась хорошо, Гилл и остальные попали бы в ловушку между двух вражеских групп Айильцев. Перрин раздраженно зарычал. Его сапоги слегка вязли в размокшей земле. Он ненавидел запах этой раскисшей, застоявшейся жижы, смешанной с гниющими мертвыми растениями. Конечно, здесь было не настолько плохо, как в заразной зоне Запустения, но ему казалось, что всю землю отделяло от такой участи всего несколько шагов. Они приближались к сторожевому посту. Двое мужчин - Ху Барран и Дарл Коплин - караулили здесь. Конечно, были и другие наблюдатели: двуреченцы на деревьях, и Девы, патрулирующие окрестности. Но Перин знал, что несколько мужчин, стоящих в постах вокруг лагеря, дают людям внутри ощущение порядка. Охранники приветствовали его, хотя поклон Дарла был небрежным. От них исходила странная смесь запахов— сожаления, неудовлетворенности, разочарования. И смущения. Последний был слаб, но все же он был. Воображаемая связь Перрина с Берелейн все еще была для них предметом для обсуждения, и возвращение Фэйли, казалось, увеличило их

неловкость. В Двуречье не так-то легко было вернуть себе доброе имя после измены. Перрин кивнул им и зашагал дальше. Он не часто проводил официальные проверки. Если люди будут знать, что он может пройти мимо в любое время дня, они будут держать себя в порядке. Ну, в основном. Прошлой ночью он был вынужден пнуть спящего Берина Тейна сапогом, чтобы разбудить его, и он всегда тщательно следил, чтобы от них не пахло спиртным. Он не спускал этого с тех пор, как Джори Конгар украдкой пропустил рюмку-другую, пока стоял в карауле. "Итак," сказал Перрин. "Белоплащники захватили наших людей и наши припасы." Он скривился, представляя себе, как зерном, купленном ими в Со Хаборе, Белоплащники набивают себе брюхо. "Можем мы прокрасться и освободить их?" "Не вижу нужды подкрадываться," сказал сзади Грэйди. "Простите, Милорд, но Вы, кажется, делаете из этого большую проблему, чем она того заслуживает." Перрин оглянулся на упрямца. "Они Белоплащники, Грейди. Они всегда - одна большая проблема!" "Ни один из них не способен направлять Единую Силу." Грэйди пожал плечами , шагая с заложенными за спину руками. В черной куртке со знаками отличия и крепнущей военной выправкой, он всё меньше и меньше походил на фермера. "Неалд чувствует себя лучше. Он и я можем наносить удары Детям до тех пор, пока они не отдадут нам все, что бы мы ни захотели." Перрин кивнул. Он ненавидел идею дать Ашаманам безнаказанно делать что угодно. Запах горящей плоти в воздухе, вывороченная и разрушающаяся земля. Запахи колодцев Дюмай. Однако, он не мог позволить себе еще одно такое безумие как Майден. Если не будет другого выбора, он отдаст приказ. Пока нет, хотя. Если это не вызвано тем что он таверен. Волки,Белоплащники. Вещи ,которых он избегал некоторое время ,возвращались за ним. Он выгнал Детей из Двуречья. Многие из тех, кто был с ним тогда, пришли за ним сюда. "Может быть, дойдет и до этого", сказал Перрин Грейди, продолжая идти. "А может быть, нет. У нас большее войско, чем у них , и благодаря тому, что проклятое знамя с волчьей головой наконец убрали, они могут и не понять, кто мы . Мы подняли знамя Королевы Гэалдана, и они проходят через земли Аллиандре. Похоже, что они увидели припасы на телегах наших людей и решили, "защитить их". Немного переговоров, возможно, немного запугивания, может быть достаточно, чтобы убедить их освободить наших людей ". Илайас кивнул, и Грэйди выглядел согласным с ним, однако Перрин не был убежден в собственных словах. Белоплащники преследовали его с тех давних дней в Двуречье. Поладить с ними никогда не было просто. Он чувствовал, что время пришло. Время ему разобраться с ними, так

или иначе. Он продолжал обход, приблизившись к Айильской части лагеря. Он кивнул паре Дев, сидящих на страже в состоянии расслабленного внимания. Они не встали и не отсалютовали, что полностью устраивало его, однако кивнули в ответ. Он по всей видимости приобрел немалый джи в их глазах тем, как он спланировал и осуществил атаку на Шайдо. У аильцев были собственные сторожевые посты, и у него не было никаких причин проверять их. Но он все равно включил их в свой обход. Пусть все считают, что если он решит обойти другие части лагеря, то может заглянуть и сюда тоже. Грэйди внезапно остановился и повернулся к палаткам Хранительниц Мудрости. "Что такое?" требовательно спросил Перрин , окидывая взглядом лагерь. Он не видел ничего необычного. Грейди улыбнулся. "Я думаю, они сумели сделать это". Он двинулся в лагерь Айил,игнорируя посланные ему пристальные взляды Дев. Они могли бы довольно легко прогнать его, Ашаман он или нет,если бы Перрина не было рядом. "Неалд", подумал Перрин. "Он работал с Айз Седай над формированием кругов. Если Грэйди увидел что-то в плетениях...." Перрин последовал за ним, и вскоре они достигли кольца палаток Хранительниц Мудрости в центре айильского лагеря, земля среди них была высушена - возможно плетениями - и утрамбована. Неалд, Эдарра и Масури сидели там. Фагер Неалд был молодым мурандийцем с усами, завитыми на кончиках. У него не было значков на воротнике его черной куртки, хотя вероятно он будет повышен, как только отряд вернется из похода. Его владение Силой возросло с тех пор, как они ушли. Он все еще был бледен после полученного укуса змеи, но выглядел намного лучше, чем всего несколько дней назад Он улыбался, вгядываясь в воздух перед собой, и он пах бьющей через край энергией. Большие врата прорезали воздух. Перрин заворчал. Они вели назад в место, где они останавливались лагерем несколько недель назад - голое поле без единого отличительного признака. Большие врата прорезали воздух. Перрин заворчал. Они вели назад в место, где они останавливались лагерем несколько недель назад - голое поле без единого отличительного признака. "Неужели получилось?" воскликнул Грейди, опускаясь на колени возле Неалда. "Это замечательно, Джур", мягко ответил Неалд. В его голосе не было ни намека на самодовольство, которое он часто демонстрировал. "Я могу ощущать саидар. Сейчас я чувствую себя более цельным". "Ты направляешь ее?" спросил Перрин. "Нет. Да мне и не нужно. Я могу использовать ее." "Использовать? Как?" с жаром спросил Грейди. "Я... Ну, это сложно объяснить. Потоки-то из саидин, но могу как бы усилить их с помощью саидар. После того, как я сам сумел создать Врата ,

похоже, затем я могу увеличить поток Силы - и их размер - благодаря тому, чем женщины делятся со мной. Свет! Это восхитительно. Нам нужно было освоить это на месяцы раньше!" Перрин посмотрел на этих двух женщин, Масури и Эдарру. Никто из них не ликовал, как Неалд. Масури выглядела приболевшей и пахла страхом. В запахе Эдарры присутствовало любопытство и осторожность. Грейди упомянул, что для создания круга, похоже, требуется, чтобы мужчины получили контроль над женщинами. "Что ж, тогда мы скоро отправим группу разведчиков в Кайриен," сказал Перрин, перебирая в кармане пальцами головоломку кузнеца. "Грейди, работай вместе с Айил в этом задании, и установи Врата, как только они скажут. "Да, Милорд," сказал Грейди, потирая свое кожистое лицо. "Мне, вероятно, нужно будет освоить эту технику, прежде чем мы продолжим. Но сначала я хотел бы с Вами переговорить. Если у Вас найдется для меня минутка". "Как пожелаешь," сказал Перрин, отходя с ним от группы. В стороне несколько других Хранительниц Мудрости подошли к Неалду и говорили ему, что их очередь образовать с ним круг. Они вели себя так, как если бы Неалд находился под их руководством и был обязан слушаться их - и немедленно. Он смущался Аил, т.к. раньше сказал что-то чересчур игривое Деве и закончил игрой в Поцелуй Девы. "О чём ты хотел поговорить, Грейди?" спросил Перрин как только они отошли. "Ну, Неалд и я, похоже, мы оба справляемся с созданием врат," сказал Грейди. "Было бы здорово, если бы я мог..." Он казался нерешительным. "Ну, если бы я мог отлучиться на денек в Черную Башню, повидать семью." Верно, думал Перрин. У него есть жена и сын. Ашаман не часто говорил о них. Он вообще мало разговаривал. "Я не знаю, Грейди," сказал Перрин, глядя на тёмное облачное небо. "Впереди у нас Белоплащники, и мы ещё не знаем точно, не пытаются ли Шайдо, окружить нас и напасть из засады. Я не склонен оставаться без тебя, пока не буду уверен в том, что мы действительно в безопасности." "Я ненадолго, Милорд," настойчиво продолжал Грейди. Перрин иногда забывал, насколько тот молод, всего шестью-семью годами старше, чем он сам. Грейди выглядел значительно старше, в своей черной куртке, с потемневшим от солнца лицом. "Мы найдем время," сказал Перрин. "Скоро. Я не хочу, чтобы планы срывались, пока мы не войдем в курс событий произошедших после нашего ухода." Информация была очень важна. Балвер научил его этому. Грейди кивнул, успокоившись, хотя Перрин не обещал ему ничего определённого. Свет! Даже Ашаманы стали пахнуть так, как люди признающие его лордом. Они были так надменны в самом начале. "Ты никогда не беспокоился об этом, Грэйди," сказал Перрин. "Что

изменилось?" "Всё", тихо сказал Грейди. Перрин поймал дуновение его запаха. Надежда. "Перемена произошла несколько недель назад. Но конечно Вы не знаете. Никто не знает. Фагер и я сперва не были уверены, да и не знали, можем ли мы сказать кому-то, опасаясь что это сочтут бредом.

"Не знаю что?"

"Порча, Милорд. Она исчезла!"

Перрин нахмурился. О чем говорит этот сумасшедший? Но безумием от Грейди не пахло "Это случилось в тот день", сказал Грейди, "когда мы видели что-то на севере. Милорд, я знаю, это кажется невозможным, но это так". "Вероятно, за этими событиями стоит Ранд," пробормотал Перрин, и водоворот цветов закружился перед ним. Он отогнал их. "Если ты так говоришь, я верю тебе, Грейди. Но какое отношение это имеет к Черной Башне и к твоей семье? Ты хочешь пойти и выяснить, согласны ли с тобой другие Ашаманы? "О, они согласятся," ответил Грэйди. "Это... ну, Милорд, я ведь человек простой. Вот Сора, она всегда была у нас мыслителем. Я делаю только то что следует, и ничего более. Ну, присоединиться к Черной Башне, это как раз из тех дел, которые следовало сделать. Я знал, что это случится, когда меня проверяли. Я знал, что она внутри меня. Знаете, она была и в моем отце. Мы не говорили об этом, но это было так. Красные нашли его молодым, сразу после моего рождения. Когда я присоединился к Лорду Дракону, я знал, что должно случиться со мной. Еще несколько лет и мне конец. Правильнее было провести их, сражаясь. Лорд Дракон сказал мне, что я солдат, а солдат не может оставить свою службу. Поэтому я и не просил о возвращении до настоящего времени. Вы нуждались во мне."

"Что изменилось?"

Милорд, порча исчезла. Я не сойду с ума. Это значит, ну... у меня всегда была причина сражаться. Но сейчас у меня есть так же и причина жить. Смотря в глаза этого человека, Перрин понял. На что, должно быть, это похоже? Знать, что ты однажды сойдешь с ума, и должен будешь быть казнён. Вполне возможно твоими же друзьями, которые назовут это милосердием. Именно это ощущал Перрин в Ашаманах все время, причина по которой они держались отдельно, и часто казались такими мрачными. Все остальные сражались за жизнь. Ашаманы... сражались, чтобы умереть. Вот что чувствовал Ранд, думал Перрин, снова наблюдая водоворот цветов, показывающий его друга. Он ехал верхом на своей большой чёрной лошади по грязным городским улицам и разговаривал с едущей рядом Найнив. Перрин потряс головой, отгоняя цвета. "Мы отпустим тебя домой, Грэйди," - пообещал он. "Ты побудешь с ней, прежде чем придёт конец. Грейди кивнул,

взглянув на небо, с севера донеслись слабые раскаты грома. "Я должен поговорить с ней, Вы понимаете? И еще мне нужно снова увидеть малыша Гадрена. Я, наверное, и не узнаю парнишку."

"Я уверен, что у тебя прелестный ребёнок, Грэйди"

Грэйди рассмеялся. Это звучало странно, но хорошо было услышать смех этого человека. "Прелестный? Гадрен? Нет, Милорд, он великоват для своего возраста, и он не симпатичнее полена. Но я люблю его до жути." Он покачал головой, развеселившись. "Но я должен пойти научиться этому трюку у Неалда. Спасибо, Милорд."

Перрин улыбался, глядя, как тот уходит, когда заметил Деву, торопливо возвращающуюся в лагерь. Она начала отчитываться перед Хранительницами, но делала это достаточно громко, чтобы Перрин смог расслышать. "По направлению к лагерю по дороге движется всадник. Он с флагом мира, но одет как эти Дети Света" Перрин кивнул, подзывая своих охранников. Когда он устремился к выходу из лагеря, появился Тэм и пристроился рядом. Они прибыли как раз тогда, когда Белоплащник приблизился к первым постам охраны. Мужчина ехал на блестящем белом мерине,в руках у него был длинный шест с белым флагом. Вся его одежда была белой — кольчуга,табард и наброшенный поверх них плащ — а на груди были вышиты желтые солнечные лучи. У Перрина возникло дурное предчувствие. Он узнал этого человека. Дейн Борнхальд. "Я приехал, чтобы говорить с преступником Перрином Айбарой," объявил Борнхальд во всеуслышание, стопоря лошадь.

"Я здесь, Борнхалд," назвался Перрин, выходя вперёд.

Борнхальд посмотрел на него. "Это ты. Свет привел тебя к нам."

"Только если вы приведете армию в три или в четыре раза больше, чем есть у вас сейчас," откликнулся Перрин, "и то я очень сомневаюсь,что это будет иметь какое-то значение".

"Мы захватили людей, которые дали тебе клятву верности, Айбара."

"Что же, вы можете позволить им вернуться обратно в наш лагерь, и мы двинемся дальше своей дорогой." Молодой Белоплащник тронул лощадь в сторону, нахмурив брови. "У нас есть неоконченное дело, Друг Тёмного."

"Не нужно доводить до греха, Борнхальд," сказал Перрин, "Мы всё ещё можем мирно разъехаться.

"Дети скорее умрут, чем оставят правосудие несвершенным", сказал Дейн, и плюнул в сторону. "Но я предоставлю Лорду Капитану Командору объясняться. Он желает видеть лично тебя. Он приказал мне сказать, что он ждёт тебя неподалёку впереди.

Он хочет встретится с тобой."

"Ты и правда думаешь, что я попадусь в такую очевидную ловушку?" спросил Перрин.

Борнхальд пожал плечами. "Можешь идти, можешь нет. Милорд Капитан Командор человек чести, и он клянётся, что ты вернешься в целости и сохранности - это большее, на что может рассчитывать Друг Тёмного. Ты можешь для безопасности взять с собой Айз Седай , если они есть у тебя." С этими словами Борнхальд повернул коня и поскакал обратно.

Перрин стоял и задумчиво смотрел ему в след.

"Ты же не думаешь и правда пойти, сынок?" спросил Тэм.

"Я предпочёл бы точно знать, с кем столкнулся," сказал Перрин. "Мы попросим переговоров с ними. Может быть выторгуем наших людей. Чтоб мне сгореть, Тэм. Я хочу хотя бы попробовать, прежде чем нападать на них".

Тэм вздохнул, но кивнул.

"Он упомянул Айз Седай," сказал Перрин, "но не Ашаманов. Бьюсь об заклад, он мало что знает о них. Передай Грейди, пусть оденется как Двуреченец и явится ко мне вместе с Гаулом и Сулин. Спроси Идарру, не присоединится ли она к нам. Но не говори об этом моей жене. Мы впятером поедем вперёд и выясним, действительно ли у Белоплащников мирные намерения. Если что-то пойдёт не так, у нас будет Грейди, готовый вывести нас через врата."

Тэм кивнул и поспешил прочь. Перрин ожидал, нервничая, пока Тэм не вернулся вместе с Гаулом, Сулин и Эдаррой. Грейди пришел через несколько минут, одетый в коричневый шерстяной плащ , и коричнево-зеленую одежду, позаимствованные у Двуреценцев. Он нёс большой лук, но шёл как солдат, с прямой спиной и острым взглядом. Ореол опасности окружал его, не свойственный ни одному деревенскому жителю. Хотелось надеяться, что это не испортит маскировку.

Вшестером они покинули лагерь, и к счастью, Фэйли, похоже, не слышала о том, что произошло. Перрин, конечно, взял бы ее, если бы намечались длинные переговоры или обсуждение, но он намеревался произвести быструю вылазку, и ему необходимо было получить свободу действий, не отвлекаясь на беспокойство насчет нее.

Они пошли пешком, и обнаружили Белоплащников на небольшом расстоянии впереди к югу от дороги. Все указывало на то, что их здесь было не больше дюжины. Они стояли возле маленькой палатки, установленной у дороги. Ветер дул в сторону Перрина, и он немного расслабился. Пахло гневом и отвращением, но не было ничего указывающего на ловушку.

Когда Перрин и остальные приблизились, один из ожидающих, одетый в белое, шагнул вперед от палатки.

Высокий человек с мелкими чертами лица и короткими, темными волосами. Большинство женщин, вероятно, назвало бы его красивым. От него пахло... лучше, чем от других Белоплащников . От них исходил запах исступленности, как от бешеного животного. Этот их лидер пах спокойствием, а не тошнотворным безумием, как остальные.

Перрин обернулся к своим сопровождающим.

"Не нравится мне все это, Перрин Айбара," сказала Эдарра, поглядывая из стороны в сторону.. "В этих Детях есть что-то неправильное."

"Лучники могут подстрелить нас из-за тех деревьев," проворчал Тэм, кивая на рощицу в отдалении.

"Грэйди, ты удерживаешь силу?" спросил Перрин.

"Конечно".

"На всякий случай, будь наготове," предупредил Перрин, а затем вышел вперед к небольшой группе Белоплащников. Их лидер внимально изучал Перрина, его руки были сжаты за спиной. "Золотые глаза," промолвил он. "Итак, это правда."

"Это ты Лорд Капитан Командор?" спросил Перрин.

"Да, я."

"Какую цену ты назначишь за освобождение моих людей, которых вы захватили?"

"Мои люди говорили мне, что они уже однажды попробовали произвести подобный обмен," сказал лидер Белоплащников. "И что ты обманул и предал их."

"Они похитили невинных людей", сказал Перрин. "И потребовали мою жизнь в обмен на их. Ну, а я вернул своих людей. Не заставляйте меня делать тоже самое и здесь." Лидер Белоплащников прищурился. От него пахло задумчивостью. "Я буду делать то, что правильно, Златоокий. Цена не имеет значения. Мои люди сказали мне, что ты убил нескольких Детей пару лет назад, и не поплатился за это. Что ты ведешь Троллоков для нападения на деревни." "Твои люди не заслуживают доверия," прорычал Перрин. "Я требую официальных переговоров, где мы сможем сесть и обсудить все. Не на скорую руку, как сейчас. " "Я сомневаюсь, что это будет необходимо", сказал лидер Белоплащников. "Я здесь не для того, чтобы торговаться. Мне просто хотелось самому тебя увидеть. Ты хочешь, чтобы твоих людей освободили? Познакомься с моей армией на поле боя. Сделаешь это и я отпущу пленных, независимо от результата. Очевидно, что они не солдаты. Я отпущу их."

"А если я откажусь?" спросил Перрин.

"Тогда это не сулит ничего... хорошего для их здоровья"

Перрин стиснул зубы.

"Ваша сила предстанет перед лицом нашей во имя Света", сказал лидер Белоплащников. "Вот наши условия." Перрин взглянул в сторону. Грейди встретился с ним глазами, и в них был очевидный вопрос. Он может взять в плен лидера Белоплащников прямо здесь, будь у него такое намерение. У Перрина был соблазн. Но они пришли сюда под клятвой безопасности Белоплащников. Он не нарушит мир. Вместо этого, он повернулся и повел своих людей обратно в лагерь. Галад наблюдал, как уходил Айбара.Эти золотые глаза вызывали тревогу. Он делал скидку на навязчивую идею Байара, который считал, что этот человек был не просто Приспешником Темного, а Отродьем Тени. Однако, глядя в эти глаза, Галад больше не был уверен, что он мог выбросить из головы эти утверждения.

Находящийся неподалеку Борнхальд вздохнул, переведя дыхание. "Я не могу поверить, что Вы хотели сделать именно это. А если бы он привел Айз Седай? Мы ничего не смогли бы поделать против Единой Силы." "Они не причинили бы мне вреда," сказал Галад. "И кроме того, если у Айбары была возможность убить меня здесь с помощью Единой Силы, он, несомненно, мог сделать то же самое и в моем лагере. Но если он таков, как ты и Чадо Байар о нем рассказываете, тогда он очень беспокоится о своей репутации. Он не возглавлял Троллоков против этих двуречерцев открыто. Он делал вид, что защищает их." Такой человек действовал бы более тонко. Галад был в безопасности Он хотел встретиться с Айбарой лично, и был рад, что ему представилась такая возможность. Те глаза... они были почти приговором. И Айбара отреагировал при упоминании об убитых Белоплащниках, смутившись. Кроме того, его люди рассказывали о союзе с Шончан и о том, что с ним есть мужчины, способные направлять.

Да, этот Айбара был опасным человеком. Галад беспокоился о своем обещании, что его воины будут драться здесь, но Свет будет на их стороне. Лучше разбить этого Айбару сейчас, чем выжидать и встретиться с ним лицом к лицу в Последней Битве. Так же быстро как всегда, он принял решение. Правильное решение. Они будут драться.

"Пойдемте," помахал рукой своим людям Галад. "Пора возвращаться в лагерь."

Глава 11

Нежданное письмо.

"Неужели они и в самом деле думают, что я это подпишу", произнесла Илейн, бросая пачку бумаг рядом с собой на стул. "Маловероятно, что они так думают", ответила Дайлин. Её золотистые волосы были аккуратно уложены, лицо ухожено, фигура подтянута. Она была совершенна. Это несправедливо, что она так выглядит, тогда как Илейн чувствовала себя коровой, которую откармливаеют на убой.

В гостиной Илейн, распространяя тепло, трещал очаг. В кувшине на столике возле стены стояло вино, но конечно же, его она не могла себе позволить. Если еще кто-либо предложит ей это проклятое козье молоко ...

Бергитте развалилась возле дальней стены, золотая коса свисала через правое плечо, контрастируя с белым воротником ее красной курточки и небесно-синими брюками. Она налила себе чашку чая, и ухмыльнулась в нее, забавляясь раздражением Илейн. Илейн смогла ощутить эту эмоцию через связь!

Они были одни в комнате. Илейн удалилась в гостиную после рассмотрения предложения посланца Эллориен, объяснив это тем, что она хотела бы "рассмотреть" это предложение в приватной обстановке. Да, она рассмотрела его! Рассмотрела ерунду во всем, что там было!

"Это оскорбление", сказала она, шлепнув рукой по страницам.

"Ты собираешься держать их в тюрьме вечно, Илейн? спросила Дайлин, подняв бровь. "Они не могут позволить себе заплатить выкуп, только не после того, как растратились на попытку захвата Престола. Тебе решать."

"Пусть сгниют," сказала Илейн, скрещивая руки. "Они подняли армии против меня и осадили Кеймлин!"

"Да?" решительно сказала Дайлин. "Я. по-моему, была там."

Илейн тихо ругнулась про себя, потом встала и принялась расхаживать. Биргитте уставилась на нее, они обе знали, что Мельфани рекомендовала Илейн не перенапрягаться. Илейн упрямо встретила взгляд Стража своим, затем продолжила расхаживать. Чтоб он сгорела, и вместе с ней эта чертова акушерка! Ходьба не утруждает.

Эллориен была одной из последних, провозгласивших поддержку Илейн, и была наиболее проблемной, возможно,

склоняясь к поддержке Джарида Саранда. Эти месяцы ознаменовали начало длительного периода испытаний для Илейн. Как будет она улаживать те или иные вопросы? Легко ли на нее надавить? Сколько она продержится после своей матери?

Они должны знать, что ее нелегко будет запугать. Но горькая правда была в том, что она стояла на вершине неустойчивой пирамиды, составленной из сложенных вверх стаканов. Каждый из этих стаканов был Андорским Домом; некоторые из них охотно поддержали ее, другие нехотя. Очень немногие из них были так прочны, как ей бы того хотелось.

"Пленные дворяне - ценный залог", сказала Илейн. "И должны рассматриваться как таковой."

Дайлин кивнула. Придворная нашла способ подстрекать Илейн, заставляя ее нащупывать на ответы, которые, как оба они знали, она должна была найти. "Залог имеет смысл, если в конечном итоге выкупается," отметила Дайлин . Она держала чашу вина. Треклятая женщина.

"Да," сказала Илейн, "но, отдать залог задешево значит создать впечатление легкомыслия".

"Если только вы не продаете что-то как раз перед падением стоимости этого", сказала Дайлин. "Многие купцы были названы глупцами, сторговав ледяные перцы со скидкой, но были названы мудрыми, когда цены упали еще больше."

"А эти пленники? Полагаешь, их ценность скоро упадет?"

"Их Дома были скомпрометированы," сказала Дайлин. "Чем крепче становятся твои позиции , Илейн, тем меньше становится ценность этих политических пленников. Ты не можешь упускать такое преимущество,и при этом ты не должна держать их взаперти,пока кто-нибудь не проявит интерес.

"Ты можешь казнить их," сказала Бергитте.

Обе женщины уставились на нее.

"Что?" сказала Бергитте. "Это - то, чего они заслуживают, и это упрочило бы твою репутацию."

"Это не правильно," сказала Илейн. "Их нельзя убивать только за то, что они поддержали кого-то другого в борьбе за трон. Пока нет Королевы - нет измены.

"Стало быть, солдаты могут умирать, а чертовы дворяне пусть уходят?" спросила Бергитте. Она подняла руку, прежде чем Илейн выразила протест. "Придержи свои лекции, Илейн. Я понимаю. Я не согласна, но я понимаю. Всегда было так."

Илейн вернулась к своей ходьбе. Она остановилась, однако, чтобы наступить на предложение Эллориен, когда проходила мимо. Биргитте,увидев это,закатила глаза , зато она почувствовала себя хорошо. "Предложение" было списком пустых

обещаний, которые завершало требование, что Илейн должна отпустить пленных "во благо Андора." Эллориен утверждала, что у пленных нет средств, корона должна простить и отпустить их, во благо возрождения.

По правде говоря, Илейн подумывала так и сделать. Но сейчас, если она отпустит их, эти трое будут считать своей спасительницей Эллориен! Любая благодарность, на какую могла бы рассчитывать Илейн, вместо этого достанется ее сопернице. Кровь и пепел!

"Ищущие Ветер начали спрашивать по поводу земли, которую вы им обещали", отметила Дайлин.

"Уже?"

Пожилая женщина кивнула. "Их требование все еще беспокоит меня. Почему они хотят полоску земли подобную этой?"

"Они ее заслужили ", сказала Илейн.

"Может быть. Хотя это означает, что ты первая королева за пять поколений, уступившая часть Андора - неважно, насколько малую - иностранцам".

Илейн глубоко вздохнула, и как ни странно, почувствовала, что успокоилась. Проклятые перемены настроения! Разве Мелфани не обещала, что они станут менее заметны, когда срок беременности увеличится? Все же время от времени она еще чувствовала, что ее эмоции скачут подобно мячику в детской игре.

Илейн сдержала себя и села. "Я не могу допустить этого. Все Дома выискивают возможность протолкнуться к власти."

"Я ручаюсь, на их месте ты делала бы то же самое," отвечала Дайлин.

"Нет, если бы я знала о приближении Последней Битвы", отрезала Илейн. "Мы должны сделать что-то, чтобы обратить внимание дворян на более важные вещи. Что-то, что объединило бы их их вокруг меня, или по крайней мере убедило, что со мной шутки плохи."

"И ты знаешь, как этого достичь?" спросила Дайлин.

"Да," ответила Илейн, бросая взгляд на восток. "Пришло время завоевать Кайриен."

Бергитте молча подавилась своим чаем. Дайлин просто приподняла бровь. "Смелый шаг."

"Смелый?" спросила Бергитте, вытирая подбородок. "Это треклятое безумие, Илейн, ты с трудом прибрала к рукам Андор."

"Это делает момент еще более подходящим," сказала Илейн."Кроме того, если мы двинемся на Кайриэн сейчас, то все увидят, что я представляю из себя нечто большее, чем хныкающее

подобие королевы."

"Я сомневаюсь, что кто-нибудь считает тебя такой," сказала Бергитте. "А если кто так и думает, его, наверное, слишком сильно ударили по башке во время драки."

"Она права, несмотря на грубость изложения," согласилась Дайлин. Она пронзила взглядом Бергитте, и Илейн почувствовала вспышку неприязни через узы Стража. Свет! Как же заставить этих двоих поладить друг с другом? "Никто не сомневается, что ты сильна как королева, Илейн. Но это не помешает другим захватить столько власти, сколько они сумеют; они знают, что вряд ли будут в состоянии получить ее позднее."

"У меня нет пятнадцати лет, чтобы упрочить мое правление, как у матери," сказала Илейн. "Послушай, мы все знаем, что Ранд твердил насчет того, чтобы посадить меня на Солнечный Трон. Там сейчас правит регент, ожидая меня, и после того, что случилось с Колавир, никто не посмеет ослушаться указов Ранда".

"Если ты займешь этот трон," сказала Дайлин, "ты рискуешь, что все посчитают, что это ал'Тор преподнес его тебе."

"И что?" сказала Илейн . "Я должна была взять Андор сама, но с моей стороны нет ничего плохого в том, чтобы принять его дар - Кайриен. Его айильцы освободили его. Мы окажем Кайриену услугу предотвратив грязную борьбу за Престолонаследие. Мои претензии на трон сильны, по меньшей мере так сильны, как и у любого другого, и все верные Ранду падут предо мной. "

"А ты не рискуешь надорваться?"

"Возможно," сказала Илейн , "но я думаю, риск оправдан. За один шаг я могу стать одним из самых могущественных монархов со времен Артура Ястребиного Крыла".

Дальнейшие дебаты были прерваны вежливым стуком в дверь. Илейн посмотрела на Дайлин, и задумчивое выражение женщины означало, что она осмысливает слова, сказанные Илейн. Что ж, Илейн станет бороться за Солнечный трон, с согласия Дайлин или же без него. Женщина становилась все более полезной Илейн в качестве советника - хвала Свету, что Дайлин сама не жаждала престола! - но королева не могла позволить себе попасть в ловушку чрезмерной зависимости от советов одного человека.

Бергитте открыла дверь, впуская похожего на аиста Мастера Норри. Он был одет в красное и белое, его длинное лицо было характерно мрачным. Он нес свою кожаную папку под мышкой, и Илейн подавила стон. "Я думала, что мы закончили на сегодня."

Я тоже так думал, ваше величество ", сказал он." Но возникло несколько новых вопросов. Я подумал, что они могут быть. . . хм. . . интересными для Вас. "

"Что ты имеешь ввиду?"

"Что ж, ваше величество", сказал Норри: "Вы знаете, что я не особенно ... люблю некоторые направления работы. Но в свете последних пополнений в моем штате, я увидел причины расширить область своих забот."

"Ты говоришь о Харке, не так ли?" сказала Бергитте. "Как там поживает этот бесполезный кусок грязи?"

Норри взглянул на нее. "Он да... э... грязноват, смею сказать." Он оглянулся на Илейн. "Но он довольно искусен, при надлежащей мотивации. Пожалуйста, простите меня, если я дал себе волю, но в свете недавних столкновений - и предоставленных ими гостях подземелья, - я подумал, что это мудро."

"О чем ты толкуешь , Мастер Норри?" спросила Илейн .

"Госпожа Басахин, Ваше Величество", сказал Норри. "Первое задание, которое я дал нашему славному мастеру Харку было следить за резиденцией Айз Седай, в частности, за гостиницей, известной как "Приветственный Зал".

Илейн села с прямой спиной, чувствуя прилив волнения. Духара Басахин неоднократно пыталась получить аудиенцию у Илейн путем запугивания различных членов дворцового персонала. Однако, все они знали, теперь, что ей не видать приема. Айз Седай или нет, она была представителем Элайды, и Илейн намеревалась не иметь с ней ничего общего .

"Ты установил слежку за ней" живо сказала Илейн. "Пожалуйста, скажи мне, что ты обнаружил что-то, что я могу использовать, чтобы изгнать, эту невыносимую женщину."

"То есть ко мне нет претензий?"осторожно спросил Мастер Норри, все так же сухо и безэмоционально, как и всегда. Он был еще неопытен, когда доходило до шпионажа.

" Свет нет," сказала Илейн. "Я должна была приказать сделать это сама. Ты уберег меня от этой оплошности, Мастер Норри. Если ты обнаружил достаточно хорошие новости, я бы наверное, могла бы расцеловать тебя." Последовала реакция; его глаза расширились от ужаса. Этого хватило, чтобы Илейн покатилась со смеху, и Бергитте тоже захихикала. Дайлин выглядела недовольно. Ну, она может пойти пососать копыто козы, Илейн плевать на это хотела.

"Э ... что ж", произнес Норри, "в этом нет необходимости Ваше Величество. Я подумал, что если в городе были Друзья Темного под личиной Айз Седай", - ему, как и прочим, пришлось усвоить, что не стоит относить Фалион и ей подобных к Айз Седай в присутствии Илейн, "мы бы хотели установить надежное наблюдение за любым, заявляющим, что он из Белой Башни"

Илейн нетерпеливо кивнула. Ну же, а то ведь Норри может

часами бродить вокруг да около.

"Боюсь, я должен разочаровать Ваше величество", сказал Норри, очевидно, заметив волнение Илейн, "если вы надеетесь на доказательства что эта женщина Приспешница Темного."

"О."

Однако," сказал Норри, подняв тонкий палец. У меня есть причины полагать, что Духара Седай могла приложить руку к документу, к которому вы, похоже, отнеслись с ... гм...необычайным почтением." Он взглянул на страницы, сброшенные ею на пол. На одной явственно виднелся отпечаток ее туфли.

"Духара встречается с Эллориен?" спросила Илейн.

"Действительно, встречалась," сказал Мастер Норри. "Эти визиты становятся все более частыми. Они проводятся в обстановке немалой секретности."

Илейн посмотрела на Дайлин. "Почему Духара желает освобождения моих недругов?"

Дайлин выглядела встревоженно. "Она не может быть настолько глупа, чтобы считать что сможет поднять движение против тебя, особенно опираясь на группу поверженных, разорившихся лордов и леди."

"Ваше Величество?" спросил Норри. "Если позволите заметить..."

"Конечно, мастер Норри."

Возможно Айз Седай пытается снискать расположение Леди Эллориен. Мы точно не знаем, сговорились ли они сделать это предложение; это просто выглядит вероятным, судя по частоте и продолжительности визитов Айз Седай. Но у нее могут быть причины скорее не в том, чтобы поддержать Ваших врагов, а в том, чтобы завязать прочные связи с некоторыми городскими дворянами.

Это возможно. Духара похоже не собиралась возвращаться в Белую Башню, неважно, насколько сильно Илейн внушала себе, что та так и сделает. Вернуться к Элайде с пустыми руками и враждебным Андором. Никакую Айз Седай нельзя так легко разубедить. Однако, если бы она могла вернуться, заручившись верностью некоторых дворян Андора, это будет уже кое-что.

"Когда Духара уходила из гостиницы в дом Эллориен," сказала Илейн, "во что она была одета?" Хотя Эллориен вскользь упоминала о возвращении в своё имение, она этого не сделала, возможно, считая что пока это будет политически не выгодным. Сейчас она жила в своём особняке в Кэймлине.

"В плаще, Ваше Величество," сказал Норри. "С опущенным капюшоном".

"Роскошный или скромный?"

"Я... Я не знаю," смущенно откликнулся Норри. "Я могу позвать мастера Харка - "

"Не нужно," сказала Илейн. "Но скажи мне. Она была одна?"

"Нет. По моему, ее постоянно окружает целая толпа прислуги."

Илейн кивнула. Она была готова поспорить, что, хоть Духара и надела плащ с поднятым капюшоном, она оставила надетым свое кольцо Великого Змея и выбрала заметно роскошный плащ для отвода глаз, наряду с толпой прислуги. "Мастер Норри," сказала Илейн, "Боюсь, что вас обыграли."

"Ваше Величество?"

Дайлин кивнула. "Она хотела чтобы ее встречу с Эллориен увидели. Она не хотела официального визита - это чересчур формально ставит ее против престола. Но она хотела, чтобы Вы знали что она делает."

"Она явно сближается с моими противниками," сказала Илейн. "Это предупреждение. Она и раньше угрожала мне, говоря, что я не представляю,как это быть против нее и Элайды".

"Ах," сказал Норри, выдыхая. "Выходит моё усердие все же не принесло особых плодов".

"О, оно все таки принесло пользу," сказала Илейн. "Если бы ты не проследил за ней, мы бы упустили это - что было бы стыдно. Если кто-то встал на путь противостояния мне, то я, по крайней мере, хочу быть начеку. Только так я буду знать, кого мне потом обезглавить."

Норри побледнел.

"Образно выражаясь, мастер Норри," сказала она. Ах, как бы она хотела сделать это. И Элаиду тоже! Она посмела прислать овчарку "консультировать" Илейн. Илейн покачала головой. Поспеши, Эгвейн. Нам ты нужна в Башне, миру нужно, чтобы ты была там.

Она вздохнула и повернулась к Норри. "Ты говорил, что есть "несколько вопросов, требующих моего внимания"?"

"Конечно, Ваше Величество," сказал он, раскрывая свою уродливую кожаную папку. Он вынул лист оттуда - причем совсем не с таким уважением, как большинство прочих лежащих там. Действительно, он держал этот лист двумя пальцами, как человек, поднимающий трупик зверька из грязи. "Вы помните ваши распоряжения относительно отрядов наёмников?"

"Да," сказала она скривившись. Она захотела пить. Уныло уставилась на чашку тёплого козьего молока на столе рядом с ее стулом. Новости о сражении привлекли отряды наёмников, жаждущих предложить свои услуги.

К сожалению для большинства наёмников, осада была быстрой. Новости расходятся быстро, но усталые и голодные солдаты движутся медленно. Отряды солдат продолжали прибывать в город неистощимым потоком, мужчины в них были разочарованы не найдя спроса на свои услуги.

Сначала Илейн отправляла их назад. Но потом поняла, что это глупо. Каждый человек пригодится на Тармон Гай'дон, и если Андор сможет привести лишние пять-десять тысяч солдат на битву, то она хотела так и сделать. У неё не было денег заплатить им сейчас, но и терять их она не хотела. Вместо этого, она приказала мастеру Норри и капитану Гайбону давать всем наёмническим отрядам следующие инструкции. Им разрешалось вводить в город строго определённое количество солдат в один день, и разбивать лагеря не менее, чем в одной лиге от города .

Это должно было создать у них представление, что она в конце концов встретится с ними и предложит работу. Она вполне может так и сделать теперь, когда приняла решение занять Солнечный трон. Конечно, последние наемники которых она наняла были чаще прогнившими, чем достойными. Против своего желания она взяла чашку с молоком и сделала глоток. Биргитте удовлетворенно кивнула, а Илейн поморщилась. Лучше испытавать жажду!

"Что ж," произнес мастер Норри, глядя на страницу в своих пальцах, "один из командиров наемников взял на себя смелость направить вам очень ... бесцеремонное писмо. Я бы не принес его Вам, но после повторного прочтения, подумал, что вы должны его посмотреть. Претензии головореза дики, но я не хотел бы проигнорировать их, на случай если они окажутся ... гм ... правильны.

Заинтригованная, Илейн потянулась за бумагой. Нелепые требования? Она не знала никого из командиров наемников. Каракули на странице были неровными, там было много зачеркнутых слов, и некоторые выражения были... витиеватыми. Кто бы ни был этот человек, она мигнула от удивления, когда дочитала письмо до конца. Потом она перечитала его снова. Ваша Королевская проклятая заноза в моей заднице

Мы тут, проклятье, ждем , чтобы поговорить с тобой, и уже стали борзеть. (Это значит гневаться). Том сказал, что ты сейчас королева, но я полагаю, что ничего не изменилось, ведь ты и так всё время вела себя будто королева. Не забудь, что я вытащил, падая, твою миленькую маленькую задницу из одной дыры в Тире, но тогда ты вела себя как королева, так что я не знаю, почему удивляюсь сейчас, что ты ведешь себя так же, когда ты действительно стала королевой.

Так что, я думаю, что должен обратиться к тебе как к треклятой Королеве и послать тебе чертово письмо и все такое, выражаясь высоким слогом и привлекая твое внимание. Я даже использовал свое кольцо с печаткой, как это и подобает для этой бумаги.Так что, вот мой официальный привет.Так что, ПРОКЛЯТЬЕ ПЕРЕСТАНЬ ОТСЫЛАТЬ МЕНЯ ПРОЧЬ,так чтобы мы смогли поговорить. Мне нужны твои литейщики колоколов. Это чертовски важно.

- Мэтт

p.s. Привет понимать как почтение.

п.п.с. Не обращай внтимание на зачеркнутые слова и плохие выражения. Я собирался переписать это письмо, но Том так смиялсо надо мной, что я решил оставить как есть. п.п.с. Не обращай внимания на то,что я назвал твою задницу миленькой.Я почти никогда не тратил время на ее разглядывание,поскольку знал,что ты выцарапаешь мне глаза, если заметишь. Кроме того, я теперь женат, так что все это не важно.

Илейн не могла решить, следует ей возмущаться или радоваться. Мэт был в Андоре, и Том был жив! Они сбежали из Эбу Дар. Нашли ли они Олвера? Как они ушли от Шончан?

Так много эмоций и вопросов нахлынули на нее. Бергитте выпрямилась, нахмурилась, чувствуя ее эмоции. "Илейн? Что такое? Человек оскорбил тебя?"

Илейн неожиданно для себя кивнула, слезы навернулись на глазах.

Бергитте ругнулась,сделав шаг. Мастер Норри выглядел ошеломленным, словно сожалея, что принес это письмо.

Илейн расхохоталась.

Биргитта замерла. "Илейн?"

"Я в порядке," сказала Илейн, вытирая слезы с глаз и заставляя себя сделать глубокий вдох. "О, Свет. Мне было нужно именно это. Вот, прочти."

Бергитте схватила письмо, и прочитала, светлея лицом. Она захихикала. "У тебя хороший зад? Он знает о чем говорит. У Мэта такой же замечательный зад,только мужского типа."

"Биргитте!" сказала Илейн.

"Это правда", сказала Страж, возвращая назад письмо. "Я нахожу его лицо слишком смазливым, но это не значит, что я не могу оценить хорошую задницу, если я ее вижу. Свет, хорошо было бы его вернуть! Наконец-то появится кто-то, с кем можно выпить и кто не смотрит на меня как на проклятого военноначальника."

"Держи себя в руках, Бергитте," сказала Илейн, складывая письмо. Норри выглядел шокированным диалогом. Дайлин

ничего не сказала. Требовалось многое, чтобы вывести из равновесия эту женщину, и она слышала от Бергитте что и похуже.

"Ты правильно сделал, Мастер Норри" сказала Илэйн. "Спасибо, что обратили на это моё внимание."

"Значит, Вы действительно знаете этих наемников?" спросил он, с намеком на удивление, прозвучавшим в голосе.

"Они не наемники. Вообще то, я не уверена, кто они. Друзья. И союзники, как я надеюсь." Почему Мэт привел Отряд Красной Руки в Андор? Действительно ли они преданы Ранду? Могла ли она использовать их? Мэт был негодяем, но у него был удивительно ясный глаз в тактике и военных действиях. Солдат под его командой стоил бы десяти из наемнического сброда, который она вынуждена была недавно нанять.

"Прошу прощения, Ваше Величество, за свою ошибку," сказал Норри. "Я должен был принести это Вам скорее. Мои осведомители сказали мне, что этот отряд был недавно нанят Мурандийской Короной, поэтому я игнорировал настойчивые заверения их лидера,что он не наемник.

"Вы поступили верно, Мастер Норри," сказала Илейн, все еще чувствуя себя удивленной и оскорбленной. Было странно, как часто одна эмоция сменяла другую,когда дело касается Мэтрима Коутона. "Свет знает, что я была достаточно занята.Но, пожалуйста, если кто-то утверждает, что знет меня лично, по крайней мере ,доведите это до внимания Биргитте."

Но, пожалуйста, если кто-то заявляет, что знает меня лично, по крайней мере доводите это до сведения Бергитте."

"Да, ваше Величество."

"Организуй встречу с мастером Коутоном", сказала она, праздно мечтая найти время, и написать ему столь же оскорбительное ответное письмо вроде того, что он написал ей. "Скажи ему, что он должен привести с собой Тома. Чтобы.. держать его в курсе."

"Как пожелаете, Ваше Величество," сказал Норри с характерным жестким поклоном. "Если мне будет позволено удалиться..."

Она благодарно кивнула, и он ушел, закрыв за собой дверь. Илейн лениво держала письмо Мэта между двумя пальцами. Сможет ли она использовать Мэта как нибудь, чтобы помочь ей с проблемами, которые создавала Эллориен? Так как она использовала Порубежников? Или это будет слишком очевидно?

"Как ты думаешь, почему он упоминал литейщиков колоколов ?" спросила Бергитте.

Это может быть что-то простое вроде необходимости в новом

колоколе, чтобы отбивать время для его лагеря."

"Но я не думаю, что все так просто"

"Замешан Мэт", сказала Илейн. "Он умеет все усложнять, и то как он написал это письмо,здесь пахнет одной из его интриг".

"Это правда. Если бы он просто хотел колокол, он бы смог выиграть достаточно, чтобы купить его, через час игры в кости."

"Да ну," возразила Илейн. "Он не настолько удачлив."

Бергитте фыркнула в свой чай. "Тебе надо быть более внимательной, Илейн. Этот человек смог бы сыграть в кости с Тёмным и выиграть."

Илейн тряхнула головой. Солдаты, включая Бергитте, могли быть такими суеверными."Удостоверься, чтобы смена Стражниц была усилена на момент, когда появится Мэт. Он может быть буйным, и я не хочу, чтобы он устроил здесь сцену.

"Кто этот человек?" спросила Дайлин озадаченным голосом. "Один из двух других та'веренов, которые выросли с Рандом ал'Тором," сказала Бергитте, глотая свой чай. Она бросила пить, пока Илейн была беременна. Ну хоть кто-то еще страдает кроме нее.

Мэт ... чрезвычайно энергичный человек, "сказала Илейн ." Он может быть очень полезен, если его умело держать на поводке. А если нет - что обычно и случается, он может стать полнейшей катастрофой. Но также необходимо добавить про него то, что он и его отряд знают, как надо сражаться. "

"Ты собираешься их использовать, не так ли?" спросила Бергитте, оценивающе глядя на нее.

"Конечно," сказала Илейн. "И, насколько я помню из того, что говорил Мэт, у него много Кайриенцев в Отряде. Они преданные сыны отечества. Если я прибуду с этой частью Отряда, в роли моей армии, возможно, присоединение пройдет легче."

"Так ты действительно намерена пойти до конца в этом вопросе?" спросила Дайлин. "Захватишь Солнечный Трон? Сейчас?

"Мир нуждается в единстве", сказала Илейн , вставая. "С Кайриеном, я начну связывать всех нас воедино. Ранд уже контролирует Иллиан и Тир, и связан с Айильцами. Мы все взаимосвязаны."

Она взглянула на запад, где она чувствовала узел эмоций, принадлежащий Ранду. Единственное чувство, которое она воспринимала от него в эти дни был холодный гнев, глубоко погребенный. Был ли он в Арад Домане?

Илейн любила его. Но она не желала видеть Андор просто очередной частью империи Дракона. Кроме того, если Ранд умрет в Шайол Гул, кто будет править этой империей? Она могла

рухнуть, но Илейн беспокоилась, что кто-нибудь - возможно, Дарлин - будет достаточно силен, чтобы удержать ее единство. Если так, Андор останется в одиночестве между агрессивной империей Шончан на юго-западе, преемником Ранда на северо-западе и юго-востоке и союзом Пограничных Земель на севере и северо-востоке.

Она не могла допустить этого. Женщина в ней сжалась от мысли о планах на случай смерти Ранда, но королева не может быть такой щепитилькой. Мир меняется.

"Я сознаю что будет трудно управлять двумя странами," сказала Илэйн. "Но я должна удержать Кайриэн. Ради блага обеих тронов"

"Да", произнесла Илейн. "Но, я чувствую, мне потребуется немалая работа по Перемещению, если я собираюся управиться с этим. Пригласите ко мне Сумеко и Элис. Нам нужно будет обсудить будущее Родни.

Глава 12

Пустая чернильница.

Мин сидела на подоконнике в Тирской твердыне и наслаждалась теплом. Полуденный ветерок был освежающим, даже наполненный влагой и запахами города. Тайренцы называли погоду «холодной», но Мин только улыбалась. Как бы местные назвали хорошую андорскую зиму, когда снег засыпал здания и с карнизов свисали сосульки?

Все, что можно было сказать о погоде в последнее время, так это то, что стало менее душно, чем обычно. То тепло, которым наслаждалась Мин, не имело никакого отношения к температуре воздуха.

Солнечный свет лился на город. Во внутренних дворах Твердыни Защитники, в их камзолах с полосатыми рукавами и бриджах, останавливались и поднимали взгляд к небу. Облака все еще скрывали горизонт, но вокруг города они были разорваны неестественным кольцом. Идеально круглым. Тепло, которое чувствовала Мин, не было вызвано солнечным светом.

- Как ты можешь сидеть здесь? – требовательно спросила Найнив. Мин повернула голову. Окно было широко открыто, и стены твердыни были массивными. Мин сидела на подоконнике, босыми пальцами касаясь стены с другой стороны. Ее сапоги и чулки лежали на полу рядом со стопкой книг. Найнив прошлась по комнате. Тирская твердыня выдержала осады и бури, войны и разорения, но Мин задавалась вопросом, переживала ли она что-нибудь подобное разозленной Найнив ал'Мира. Темноволосая Айз Седай провела последние три дня вышагивая по коридорам, подобно потрескивающему грозовому фронту, запугивая Защитников, страша служащих.

- Три дня, - сказала Найнив, - три дня как он ушел! Последняя битва на носу, а Дракон Возрожденный исчез.

- Он не пропал, - тихо сказала Мин. – Ранд знает, где находится.

- Так же, как и ты, - резко сказала Найнив.

- Я не поведу тебя к нему, Найнив.

- Почему нет? Конечно, ты не можешь…

- Ему надо побыть одному.

Найнив прервалась. Она подошла к угловому столу и налила себе чашку охлажденного черного тремалкинского чая.

Охлажденный чай. Это казалось настолько странным. Чай предназначался, чтобы согревать в холодные дни. Мин снова перевела взгляд на север, в даль, затянутую клубившимся туманом. Насколько можно было определить через узы, смотрела она прямо на него. Был ли он в Андоре? Или в Порубежье? Вначале у нее был соблазн использовать узы, чтобы отыскать его, когда он так ужасно страдал. Боль более глубокая, чем раны на боку. Мука, гнев и отчаяние. В эти моменты Ранд казался опасней, чем когда-либо прежде. Даже в ту ночь, когда, стоя на коленях, он душил ее одной рукой, он не был столь пугающим.

А затем…

Она улыбнулась. А потом пришло тепло. Его излучали узы, как уютный очаг зимой. Что-то замечательное произошло, то, чего она ждала, не зная этого.

- Все будет в порядке, Найнив, - сказала она.

- Как ты можешь так говорить? – Женщина сделала глоток чая. – Он не уничтожил Эбу Дар, но это не значит, что он неопасен. Ты слышала, что он почти сотворил с Тэмом. Со своим отцом, Мин.

- Человек не должен быть осужден за то, что он «почти» сделал, Найнив. Он остановился.

- Он не смог удержаться на Кургане Натрина.

- Это было необходимо.

- Тогда ты в это не верила.

Мин глубоко вздохнула. Найнив втягивала ее в споры в последнее время; разумеется, для этого были серьезные причины. Ее муж скакал прямо к своей смерти. Дракон Возрожденный, человек, в котором она видела своего подопечного, все еще блуждал в одиночку, и не было ничего, что Найнив могла поделать. Если и была единственная вещь, которую Найнив ненавидела, так это беспомощность.

- Найнив, - сказала Мин, - если это так и будет продолжаться, я отведу тебя к нему. Обещаю.

Айз Седай прищурилась. - Насколько долго?

- Несколько дней.

- Через несколько дней он может быть в Кайриене.

- Ты действительно думаешь, что он так сделает, Найнив? – мягко спросила Мин. – Действительно?

- Должна ли я? – Найнив схватила чашку с чаем и уставилась на ее содержимое. – Когда-то я бы только посмеялась над самой идеей. Я знаю Ранда ал'Тора, мальчишку, все еще остающегося в нем. Мужчина, которым он стал, пугает меня. Я всегда говорила, что он должен вырасти. А потом…потом он вырос. Она заметно дрожала.

Мин начала отвечать, но ее внимание привлекло движение. Две Девы – Суриэл и Лериэн, - охранявшие выход в коридор, повернулись посмотреть на приближавшегося. В последние дни рядом с Мин всегда были Девы.

Сарене Нимдал вошла в небольшую комнату мгновением позже. Покои Мин в Твердыне не были особо большими – она редко ими пользовалась, предпочитая находиться с Рандом. В ее гостиной ничего не было, кроме бело-голубого ковра и маленького стола из вишневого дерева.

Сарене носила свои темные волосы в перевитой бисерным шнуром косе, обрамлявшей ее практически идеальное лицо. - Кадсуане Седай, - сказала Сарене, - она хочет тебя видеть.

- Неужели? – спросила Найнив. –Хорошо, возможно Кадсуане Седай может…

Аланна ушла, - невозмутимо продолжила Сарене. – Исчезла прямо из своих покоев. Защитники не видели ее уход, и нет признаков Врат.

- О. Хорошо, тогда идем. – Найнив торопливо вышла из комнаты.

- И повторяю тебе, что я ничего не почувствовала, - сказала Кореле. Она улыбнулась, постукивая по кончику носа. – Я не знаю, как она выбралась. Если только ты не думаешь, что она как-то научилась летать. Что, осмелюсь сказать, не было бы крайней мерой, учитывая, что произошло в последнее время.

Глупая женщина, думала Кадсуане, пристально глядя на Кореле. Легкомыслие женщины было предпочтительней чем самомнение некоторых других Айз Седай, но сегодня у Кадсуане не хватало терпения для этого.

Желтая пожала плечами, все еще улыбаясь, но больше ничего не сказала. Кадсуане оперлась руками о бедра, рассматривая небольшую комнату. В ней был сундук для одежды, кровать для сна, и стол. Кадсуане ожидала, что Айз Седай будет претендовать на большее, даже в Тире. Разумеется, Аланна редко показывала свою тесную связь с Драконом. Большинство не знали о ней.

Две другие Айз Седай – Рафела Синдал и Бера Харкин – стояли у края комнаты. Бера сказала, что почувствовала, как направляет Аланна, но ничего особенного. Абсолютно точно, недостаточно для создания Врат.

Чтоб она сгорела, эта женщина! Кадсуане считала, что держит Аланну в руках, несмотря на ее недавнее упрямство. Очевидно, что ускользнула та намеренно. Одежда из сундука исчезла, и письменный стол был практически пуст. Осталась только пустая бутылочка для чернил.

- Она ничего не сказала тебе? – спросила Кадсуане.

- Нет, Кадсуане Седай, - ответила Бера. – Мы обменивались только парой слов за неделю. Я…ну, я часто слышала плач в ее комнате.

- Из-за чего вся эта суета? – спросил новый голос. Кадсуане посмотрела на дверь, когда вошла Найнив и встретилась с ней взглядом. – Она просто еще один человек, и как я понимаю, вольна уходить, когда ей вздумается.

- Пфф, - ответила Кадсуане. – Девочка не просто какой-то человек. Она инструмент. Очень важный. Она потянулась к столу и взяла лист бумаги, который они нашли в комнате. Он был запечатан кроваво красным воском с одной стороны. - Узнаешь это?

Найнив нахмурилась. - Нет. А должна?

Лжет или говорит правду? Кадсуане ненавидела сомневаться в словах кого-либо, зовущегося Айз Седай. Но Найнив ал'Мира никогда не держала в руках Клятвенный жезл.

Эти глаза действительно выглядели растерянными. Найнив должна быть надежной, она гордилась своей честностью. Если только это не было на показ. Если только она не была Черной.

Осторожней, подумала она. В конце концов, ты станешь такой же подозрительной, как и мальчик. Найнив не давала Аланне письмо, что отметало последнюю хорошую теорию о его происхождении.

- Так что же это, Кадсуане Седай? – потребовала Найнив. По крайней мере, она использовала почетное обращение. Кадсуане была близка к тому, чтобы упрекнуть девочку за ее тон. Но, по правде говоря, чувствовала она себя такой же расстроенной, как и Найнив. Бывали времена, когда такие эмоции оправданны. Конец света с Драконом Возрожденным, полностью вышедшим из под контроля, например.

- Я не уверенна, - ответила Кадсуане. – Конверт был открыт в спешке, а бумага разорвана и брошена на пол. Записка, которая лежала внутри, исчезла вместе с одеждой и прочими вещами.

- Но почему это важно? – спросила Найнив. Вслед за ней в комнату проскользнула Мин, две Девы заняли позиции у двери. Выяснила ли Мин действительную причину, почему Айил сопровождали ее?

– Из-за того, Найнив, - сказала Мин, - что она – путь к нему.

Найнив фыркнула. - Она не более полезна, чем ты, Мин.

- Столь же убедительная, какой можешь быть ты, Найнив, - сухо произнесла Кадсуане, - Тень располагает средствами, чтобы делать людей более сговорчивыми.

Найнив густо покраснела, а затем принялась бормотать под нос. Аланна может указать путь к Дракону Возрожденному. Если

агенты Темного захватили ее, Ранду нигде не скрыться. Их ловушки были достаточно смертельными, как только им удавалось обмануть и заманить его.

- Мы были глупцами, -заявила Найнив. – Сотни Дев должны были охранять ее.

- Раньше Отрекшиеся знали, где его искать, - сказала Кадсуане, все же соглашаясь внутри. Она должна была убедиться, что Аланна охраняется лучшим образом. – И он выжил. Это просто еще одна вещь, о которой нужно знать. – Она вздохнула. – Может кто-нибудь принести нам чай?

Бера отправилась за ним, хотя Кадсуане и не озаботилась тем, чтобы усилить свое влияние на женщину. Ну, репутация стоит чего-то, и это проявлялось.

Бера вскоре вернулась. Кадсуане вышла в зал, чтобы подумать. Она взяла чашку и приготовилась к горечи чая. Она попросила об этом частично потому, женщина с пустыми руками в минуты раздумий часто выглядит нервной

Она поднесла чашку к губам. Что дальше? Расспросить Защитников у ворот Твердыни? Прошлой ночью Аланна, после нескольких тычков, подтвердила, что ал'Тор оставался в том же месте. На севере, возможно, в Андоре. Три дня. Что за глупый мальчишка -Кадсуане замерла. Чай был вкусным. Замечательным, на самом деле. Идеально подслащенный медом. Со слабой горечью и расслабляющим ароматом. Прошли недели, возможно – месяцы, с тех пор, как Кадсуане пила неиспорченный чай. Мин вздохнула, резко поворачиваясь в строну северной части города. Две Девы, стоявшие у дверного проема, мгновенно умчались вниз по коридору. Подозрения Кадсуане подтвердились, их тщательное наблюдение за Мин в меньшей степени было направленно на ее защиту и в куда большей – на ее видения.

- Он здесь, - сказала Мин тихо.

Глава 13

Что было выковано

Мин вырвалась из Врат Драконьей стены в восточной части Твердыни и промчалась через внутренний двор. Казалось, что весь клан Айил хлынул позади нее, расступаясь вокруг Мин, подобно оленям, огибающим дуб. Они сливались с ошарашенными Защитниками и конюхами, двигаясь с изяществом и скоростью к стенеВозмутительно, как легко они опередили ее. Годы назад она гордилась, что способна побить любого известного мальчишку в честном беге. Сейчас…ну, возможно слишком много месяцев потрачено на книги. Она по прежнему опережала Айз Седай, которым приходилось сдерживаться для надлежащего вида. Мин давно отбросила все приличия ради своего высоченного овечьего пастуха. И теперь она бежала, благодаря штаны и сапоги, пробираясь к воротам. И он был там. Она резко остановилась, глядя сквозь колонну айильцев в кадин'сор, прямо на мужчину, стоявшего и разговаривающего с двумя Защитниками из охраны стены. Он взглянул на нее, как только она приблизилась; он мог чувствовать ее приближение так же, как она чувствовала его. Ранд где-то нашел старый длинный коричневый плащ. У него были рукава, как у кафтана, хоть он и спадал свободно с плеч. Под ним он носил рубашку и красивые черные штаны. Теперь, когда он был близко, тепло от уз казалось ошеломляющим. Неужели другие не видят его? От этого хотелось поднять руку и прикрыть глаза, хотя тут не было ничего, что можно разглядеть. Это были просто узы. Кроме…воздух, казалось, искажался вокруг него. Было ли это просто иллюзией из-за солнечного света? Новые видения вращались около его головы. Обычно она игнорировали их, но только не сейчас. Открытая пещера, зияющая как рот. Окровавленные скалы. Два мертвых мужчины на земле, в окружении многих рядов троллоков, трубы с вьющимся из них дымом. Ранд встретился с ее пристальным взглядом, и несмотря на узы, она была поражена тем, что увидела в нем. Эти серые глаза из драгоценных камней стали глубже. Мелкие морщинки образовались вокруг них. Были ли они там прежде? Разумеется, он был слишком молод для них. Эти глаза не выглядели молодыми. На мгновение Мин почувствовала панику, когда их глаза встретились. Тот ли это человек? Не исчез ли тот Ранд, которого она любила, замененный древней силой на человека, которого она никогда не могла знать или понимать?

Потеряли ли она его в конце концов? А затем он улыбнулся, и его глаза – хоть они и стали глубже, чем когда-либо – были его. Эта улыбка была тем, что она так долго хотела снова увидеть. Она стала гораздо более уверенной, чем те, которые он показывал в их первые дни вместе, но все еще была уязвимой. Мин увидела ту его часть, к которой другие никогда не допускались. Эта часть была юной и оставалась, так или иначе, невинной. Мин подбежала к нему и обняла. - Ты, шерстоголовый дурак! Три дня? Что ты делал эти три дня?

- Действовал, Мин, - сказал он, обхватывая ее руками. - Я не знал, что это станет такой трудной задачей.

- Таким оно и было для меня, время от времени. Ранд затих, и она чувствовала удовлетворение, держа его. Да, это был тот же человек. Изменившийся – и к лучшему, - но все же Ранд. Она прижалась к нему. Ее не заботило, что люди собираются, все больше и больше. Пускай смотрят.

Наконец, она со вздохом неохотно отступила. - Ранд, Аланна ушла. Она исчезла сегодня, немного раньше.

- Да. Я почувствовал ее уход. Куда-то на север. В Порубежье, возможно – Арафел.

Ее могут использовать против тебя, чтобы знать, где ты. Он улыбнулся. Свет, но было великолепно снова видеть это выражение на его лице. - Тень не нуждается в ней, чтобы найти меня, Мин, и никогда не будет. Все ее глаза устремлены на меня, и так будет продолжаться, пока я не ослеплю их.

- Что? Но Ранд…

- Все в порядке, Мин. Время, когда Тень могла спокойно заставить меня замолчать – и тем самым победить, - прошло. Столкновение неизбежно, и крик, который вызовет лавину, прозвучит.

Он казался охваченным пламенем жизни. Возбуждение от этого опьяняло. Он убрал руку с нее – ту руку, которая заканчивалась культей, - когда повернулся, чтобы отдать честь айильцам. - У меня есть тох. – Хотя двор позади них был охвачен хаосом, Айил стояли спокойно.

Они были к этому готовы, подумала Мин. Айил не были настроены враждебно, очевидно, но они не разделяли возбуждение Защитников. Тайренцы считали, что Ранд вернулся, дабы вести их на Последнюю битву.

- В пустыне, - сказал Руарк, выступая вперед, - есть животное. Мегерлинг. Похож на крысу, но гораздо тупее. Если поместить его рядом с зерном, он пойдет прямо к нему, невзирая на опасность. Не важно, сколько раз он упадет в канаву между ним и едой, все равно он будет повторять то же самое, если вернуть его к началу

пути. Дети Айил забавляются этой игрой. – Он изучающее смотрел на Ранда. – Я не ожидал, что ты будешь мегерлингом, Ранд ал'Тор.

- Обещаю, что больше никогда вас не оставлю, - сказал Ранд. – Не по моему собственному выбору и не без предупреждения, и – если они согласятся, - с Девами в качестве охраны.

Айил не двигались. - Это избавит тебя от большего тоха, - сказал Руарк. – Но не изменит совершенного ранее. А обещания давались и прежде.

- Это правда, - ответил Ранд, встречаясь с глазами Руарка. – Тогда я встречу свой тох.

Что-то произошло между ними, что Мин не поняла, и выглядевшие смягчившимися айильцы разошлись. Двадцать Дев вышли вперед и окружили Ранда как охрана. Руарк отошел с остальными и присоединился к небольшой группе Хранительниц мудрости, наблюдавших за происходившим с краю.

- Ранд? – спросила Мин.

- Все будет в порядке, - сказал он, хотя мрачный оттенок возник в его эмоциях. – Это была одна из тех вещей, которые мне необходимо было исправить. Одна из многих. Он убрал руку с нее и оглядел внутренний двор, колеблясь, как если бы искал кого-то. Кто бы это ни был, Ранд не увидел его, поэтому направился в сторону короля Дарлина, который только что в спешке появился.

Король Дарлин поклонился, держа руку на рукояти своей узкой сабли. - Милорд Дракон. Мы выступаем, наконец?

- Пройдись со мной, Дарлин, - сказал Ранд в ответ, двигаясь через двор. – Многое нужно сделать. Кто еще здесь? Наришма, Флинн. Превосходно. – Он кивнул двум подбежавшим Аша'манам. – Ваши Айз Седай? А вот и они. Хорошо, будут следующими. Кейни, будь добра, собери для меня послов.

Одна из Дев – женщина с необычными для айильцев темными волосами, - побежала выполнять просьбу. Мин, нахмурившись, шла рядом с Рандом и Дарлином, Аша'маны пристроились на шаг позади. Найнив и Мериса возглавляли группу Айз Седай. Они остановились, увидев приближавшегося Ранда, так, будто позволили ему быть тем, кто пришел встретиться с ними. Они собрались в плотную группу, поправляя одежду и выглядя более нерешительными, чем обычно.

Ранд пересек открытый оживленный двор, прошел в тени возвышавшихся укреплений твердыни, затем подошел к ним.

- Ранд ал'Тор, - сказала Найнив, складывая руки, когда он подошел. – Ты…

- Идиот? – закончил Ранд как будто забавляясь. – Высокомерный дурак? Импульсивный, шерстоголовый

мальчишка, которому надо надрать уши? - Э. Да.

- Все верно, Найнив, - сказал он. – Теперь я вижу это. Возможно, я приобрел, наконец, долю мудрости. Так что теперь, я думаю, тебе нужны новые подколки. Те, которые ты используешь, истрепались, как прошлогодний шнурок. Пошлите кого-нибудь за Кадсуане. Я обещаю не казнить ее.

Айз Седай выглядели потрясенными его бесцеремонным тоном, но Мин улыбнулась. Его уверенность снова возросла после столкновения с айильцами. В высшей степени приятно было видеть, как он обезоружил Айз Седай, возражения и осуждения замирали у них на губах. Мериса послала слугу, чтобы привести Кадсуане. - Наришма, - сказал Ранд, оборачиваясь. – мне нужно, чтобы ты посетил армию Порубежников, пришедших найти меня. Полагаю, они все еще в Фар Мэддинге. Скажи их лидерам, что я принимаю условия и приду через несколько дней, чтобы встретиться с ними.

- Милорд Дракон? – удивился Наришма. – Разумно ли это, учитывая природу того места?

- Разумно? Благоразумие нужно тем, кто намеревается прожить долгую жизнь, Наришма. Дарлин, мне нужно, чтобы высокие лорды и леди собрались и выслушали меня. Одного из прибывших послов будет достаточно для выполнения задания. И еще из последних новостей – Белая Башня снова едина, и Эгвейн ал'Вир заняла престол Амерлин.

- Что? – спросила Мериса. Некоторые Айз Седай ахнули. - Ранд, - сказала Мин. – я сомневаюсь, что Амерлин будет рада тому, что ты принародно говоришь о расколе.

- Резонно, - согласился Ранд. – Дарлин, сделай официальное объявление, что Эгвейн ал'Вир сменила Элайду а'Рохан на посту Амерлин. Этой информации, без лишних подробностей, будет достаточно. Свет знает, нет нужды делать что-нибудь еще, что заставит Эгвейн сердиться на меня… - Еще? – переспросила Кореле, бледнея.

- Да, - небрежно ответил Ранд. – Я уже посетил Белую Башню, чтобы увидеть ее.

- И они позволили тебе уйти? – спросила Кореле.

- Я не оставил им других вариантов. Дарлин, будь любезен, займись построением наших войск. Я хочу, чтобы они собрались к вечеру. Флинн, нам потребуются Врата. Большие. Может, не обойдется без круга.

- Тарвиново ущелье? – нетерпеливо спросила Найнив.

Ранд взглянул на нее и задумался. Мин могла чувствовать его боль – острую, пронзительную, реальную – когда он заговорил. - Не сейчас, Найнив. Я подлил горячего масла в Белую башню, и

скоро она закипит. Время. У нас его недостаточно! Я помогу Лану, клянусь тебе, но прямо сейчас я должен подготовиться к столкновению с Эгвейн.

- Столкнуться с ней? – спросила Найнив, подаваясь вперед. – Ранд, что ты натворил?

- То, что необходимо было сделать. Где Башир?

- Он был за городом, со своими людьми, милорд Дракон, - сказал Флинн, - выгуливал лошадей. Должен скоро вернуться.

- Хорошо. Он отправится со мной в Арад Доман. Ты тоже, Найнив. Мин. – Он посмотрел на нее, и эти непостижимые глаза, казалось, затягивали ее. – Ты нужна мне.

- Я есть у тебя. Глупый дурень.

- Калландор, - сказал он. – Он играет определенную роль. Ты должна выяснить - какую. Я не могу запечатать Скважину так же, как пытался в прошлый раз. Я упускаю нечто жизненно важное. Найди это для меня.

- Найду, Ранд. – Холодная дрожь пробежала по ее телу. – Я обещаю.

- Я верю тебе. – Он посмотрел, как фигура в плаще с глубоким капюшоном вышла из одного из многих гарнизонов Твердыни.

- Кадсуане Меледрин, - произнес Ранд, - я прощаю твои прошлые ошибки и отменяю твое изгнание. Хоть это и было для тебя всего лишь незначительным неудобством.

Она фыркнула, откидывая капюшон. - Если ты считаешь, что носить плащ по такой жаре всего лишь «незначительное» неудобство, мальчик, то тебе необходим урок для сравнения. Я надеюсь, ты видишь совершенную ошибку. Кажется, за причиненные неудобства я должна услышать «прошу прощения» или «извини меня» в первую очередь

- Ну, тогда, - сказал Ранд. – пожалуйста, прими мои сожаления наряду с моими извинениями. Можешь считать, что я был в необычайном стрессе в последнее время.

- Из всех людей, - строго сказала Кадсуане, - ты не можешь позволить, чтобы давление жизненных обстоятельств вело тебя.

- Наоборот, я стал тем, кто я есть, именно из-за этого давления, Кадсуане. Металл не может сформироваться без ударов молота. Впрочем, это не относится к делу. Ты пыталась управлять мной - и потерпела жестокую неудачу. Но, благодаря ей, ты показала мне кое-что.

- Что же?

- Я считал, что должен перековаться в меч, - сказал Ранд с отстраненным взглядом. – Но я ошибался. Я - не оружие. Я никогда им не был.

- Тогда что же ты? – спросила Мин, по-настоящему заинтересованная.

Он только улыбнулся. - Кадсуане Седай, у меня есть поручение для тебя, если ты не против.

- Мое согласие будет зависеть от задания, - сказала она, складывая руки.

- Мне нужно, чтобы ты кое-кого нашла. Того, кто исчез, того, кто, как я подозреваю, может быть в руках союзников, действовавших из лучших побуждений. Видишь ли, меня проинформировали, что Белая башня удерживает Маттина Стефанеоса.

Кадсуане нахмурилась - И он нужен тебе?

- Вообще-то нет. Я еще не решил, что с ним делать, так что пока он может оставаться проблемой Эгвейн. Нет, человек, который мне нужен, возможно, находится где-то в Каралайн Грас. Я объясню подробней, когда мы уйдем со всеобщего обозрения.

Высокие лорды и леди собирались. Ранд смотрел прямо на них, хоть и оглядел еще раз внутренний двор, словно что-то ища. То, что заставляло его испытывать тревогу.

Он повернулся к лордам и леди. Мин скептически наблюдала за ними. За исключением Дарлина, они никогда не впечатляли ее. Ранд положил ладонь на ее плечо. Собравшиеся дворяне выглядели взъерошенными. Очевидно, их подняли ото сна или оторвали от еды, хотя они были разодеты в разнообразные прекрасные шелка и кружева. Они смотрелись странно неуместно во дворе Твердыни, где у всех остальных была своя задача.

Я не должна быть так резка с ними, подумала Мин, складывая руки. Но ведь они видела, что их интриги и заговоры раздражают Ранда. Кроме того, она никогда не любила тех, кто считал себя важнее всех остальных.

- Выстройтесь в ряд, - сказал Ранд, подходя к ним.

Лорды и леди смущенно смотрели на него.

- В ряд, - громко и твердо произнес Ранд. – Сейчас.

Так они и сделали, поспешно выстраиваясь. Ранд пошел вдоль ряда, начинавшегося с Дарлина, заглядывая каждому мужчине или женщине к глаза. Эмоции Ранда были… любопытными. С примесью гнева, возможно. Что он делал?

Внутренний двор замер. Ранд продолжал безмолвно идти вдоль линии, глядя на каждого дворянина по очереди. Мин посмотрела на шеренгу. Стоявший ближе к концу ряда Вейрамон окинул взглядом Ранда, затем отвел глаза в сторону. У высокого мужчины были редеющие седые волосы и смазанная маслом борода.

Ранд, наконец, добрался до него. - Посмотри мне в глаза, -

тихо сказал Ранд.

- Милорд Дракон, конечно же я не достоин…

- Давай.

Вейрамон выполнил требование с необычайным трудом. Казалось, он стиснул зубы, его глаза слезились.

- Итак, это ты, - сказал Ранд. Мин могла чувствовать его разочарование. Ранд посмотрел в сторону, туда, где в конце ряда стояла Анайелла. Красивая женщина отшатнулась от Ранда, ее голова дернулась. – Вы оба

- Милорд, - начал Вейрамон.

- Я хочу, чтобы вы передали мое сообщение, - сказал Ранд. – Для остальной вашей…компании. Скажите им, что они больше не смогут скрываться среди моих союзников

Вейрамон попытался возразить, но Ранд подошел на шаг ближе. Глаза Вейрамона широко раскрылись, Анаейлла вскрикнула, закрыв лицо руками.

- Скажите им, - продолжил Ранд голосом тихим, но требовательным, - что я больше не слеп.

- Почему…- спросила Анайелла, - почему вы позволяете нам уйти?

- Потому, что сегодня день воссоединения, - ответил Ранд. – А не день смерти. Идите.

Оба побрели прочь, выглядя обессилевшими. Остальные собравшиеся во дворе смотрели с удивлением и смятением. Однако айильцы начали бить копьями о щиты. Анайелла и Вейрамон старались держаться в тенях, прежде чем нырнуть в Твердыню.

- Ли, - сказал Ранд, - возьми еще двоих. Присмотрите за ними.

Три Девы отделились от присматривающих за Рандом и помчались за двумя бывшими дворянами. Мин подошла к Ранду, беря его за руку. - Ранд? Что это было? Что ты увидел в них?

- Время скрываться прошло, Мин. Тень сыграла со мной – и проиграла. Это – война, без оговорок, которая перевернет сегодняшний день.

- Так они были друзьями Темного? – спросила Мин, нахмурившись. Ранд с улыбкой повернулся к ней. - Они больше не угроза. Я… Он внезапно прервался, глядя в сторону. Мин обернулась и похолодела.

Тэм ал'Тор стоял неподалеку. Он только что вышел из ближайшего входа в Твердыню, остановившись на ступеньках лестницы, спускавшейся во внутренний двор. Эмоции Ранда вновь наполнились тревогой, и Мин поняла, кого он искал раньше.

Тэм смотрел на своего сына, не двигаясь с места. Его волосы были седыми, лицо покрыто морщинами, но все же он был крепок

как немногие из людей.

Ранд поднял руку, и толпа – включая Айз Седай, - расступилась. Ранд прошел сквозь нее, достигнув ступеней, ведущих к Твердыне, Мин следовала за ним. Ранд нерешительно поднялся на несколько из них. Двор затих; даже чайки перестали кричать.

Ранд остановился, и Мин почувствовала его отвращение, стыд и ужас. Это казалось настолько странным. Ранд, без колебаний сталкивавшийся с Отрекшимися, боялся своего отца. Ранд преодолел оставшиеся ступеньки двумя внезапными широкими шагами и схватил Тэма в объятья. Он стоял ступенькой ниже, так что они сравнялись в росте. На самом деле, в таком положении Тэм казался почти гигантом, а Ранд – ребенком, который уцепился за него. Там, обнимая своего отца, Дракон Возрожденный начал плакать. Собравшиеся Айз Седай, тайренцы и айильцы торжественно смотрели. Никто не двигался или отворачивался. Ранд зажмурился. - Прости меня, отец, - прошептал он. Только Мин могла слышать. – Мне так жаль. Все в порядке, сын. Все в порядке.

- Я сделал так много ужасного.

Ранд кивнул. Они держались друг за друга некоторое время. В конце концов, Ранд отступил, затем указал на Мин, стоявшую на основании лестницы.

- Пошли, отец, - сказал Ранд, - я хочу представить тебе кое-кого. - Никто не пройдет трудным путем, не спотыкаясь время от времени. Падение не сломило тебя. Это важная часть. Ранд кивнул. Они держались друг за друга некоторое время. В конце концов, Ранд отступил, затем указал на Мин, стоявшую на основании лестницы.

- Пошли, отец, - сказал Ранд, - я хочу представить тебе кое-кого.

Тэм усмехнулся. - Три дня прошло, Ранд. Я уже встречался с ней.

- Да, но я не познакомил вас. Я должен. – Он помахал Мин, и та подняла бровь, складывая руки. Он умоляюще посмотрел на нее, так что она со вздохом поднялась по ступенькам.

- Отец, - сказал Ранд, положив руку на спину Мин. – Это Мин Фаршав. И она очень близка мне.

Глава 14

Обет.

Эгвейн прошлась по зеленой траве в сторону пологого склона, прохладный ветерок приятно холодил. Ленивые бабочки перелетали от цветка к цветку, как любопытные дети заглядывающие в шкафчики. По желанию Эгвейн туфли на её ногах исчезли, и она могла чувствовать стебли травы под своими ногами. Она глубоко вздохнула, улыбаясь, затем посмотрела на клубящиеся черные тучи. Зловещие, неистовые и в тоже время безмолвные, несмотря на вспышки фиолетовых молний. Страшный ураган сверху и совершенно безмятежный луг внизу. Разветвление Мира Снов. Странно, Тел'аран'риод казался ей более нереальным сейчас, чем в её первые посещения с помощью тер'ангриала Верин. Она использовала это место как площадку для тренировок, где она могла менять свою внешность по своему усмотрению, полагая себя здесь в безопасности. Она многого не знала. Тел'аран'риод был таким же безопасным как медвежий капкан, раскрашенный в приятные цвета. Если бы Хранительницы Мудрости вовремя не поправили её, она вряд ли прожила достаточно долго, чтобы стать Амерлин. Да, думаю, вот и оно. Вздымающиеся зеленые холмы, рощицы деревьев. Это было первое место куда она пришла, чуть больше года назад. Существовал некий смысл в том, чтобы стоять здесь, пройдя столь долгий путь. И все же казалось, что она должна бы покрывать одинаковое расстояние до этого места, и за гораздо более короткое время. Когда она была пленницей в Башне, напоминала она себе, - и неоднократно - она могла сосредоточиться лишь на одной проблеме за раз. Воссоединение Белой башни было на первом месте.Однако,теперь как проблемы, так и возможные решения, казалось неисчислимыми. Они сокрушали ее, затопляя всеми теми вещами, с которыми необходимо разобраться. К счастью, в течение последних нескольких дней, несколько неучтенных хранилищ зерна были обнаружены в городе. В одном случае забытый склад, принадлежащий человеку, умершему этой зимой. Другие были поменьше, несколько мешков здесь и там. Примечательно, что ни один из них не был подвергнут какой-либо порче. Она провела два совещания в этот вечер, решая другие проблемы. Ее самой большой трудностью становилось отношение к ней людей, с которыми она встречалась. Ни одна из

групп не видела в ней то, чем она стала. Она закрыла глаза, желая себя переместить. Когда она открыла глаза, она стояла в большой комнате, глубоко затененной по углам, с колоннами подобными толстым башням. Сердце Твердыни Тира. Две Хранительницы Мудрости сидели на полу в центре комнаты, посреди леса колонн. Одинаковые светло-коричневые юбки и белые блузки, совершенно разные лица. Бэйр была морщинистой из-за возраста, как кожа оставленная сохнуть на солнце. При всей ее периодической суровости, ее глаза и рот сплетали нити улыбки. Лицо Эмис было гладким как шелк, результат способности направлять. Её лицо не было безвозрастным, но демонстрировала она столько же эмоций, сколько и Айз Седай. Обе носили шали на талии, их блузки расшнурованы. Эгвейн села перед ними, но оставила себе одежду мокроземцев. Эмис подняла бровь, думала ли она , что Эгвейн должна была ее сменить? Или она понимала, что Эгвейн не станет изображать ту, кем не является? Трудно было сказать.

"Битва в Белой башне закончилась," сказала Эгвейн.

"А женщина Элайда а'Ройхан?" спросила Эмис .

"Взята в плен Шончан," сказала Эгвейн. "Я была принята в качестве Амерлин её последователями. Мое положение далеко от прочного - временами, я чувствую себя балансирующей на вершине камня, который балансирует на вершине другого камня. Но Белая башня снова едина." Эмис слегка прищелкнула языком. Она подняла руку и полосатый палантин -палантин Амерлин- появился в ней. "Я полагаю, тогда ты должна носить это." Эгвейн выпустила тихий медленный выдох. Её саму временами поражало, как много внимания она обращала на мнение этих женщин. Она взяла палантин, положив его на плечи. Сорилее не понравится эта новость, "сказала Бейр , качая головой." Она все еще хранила надежду, что ты оставишь этих дурочек в Белой башне и вернешься к нам. "Пожалуйста, повежливей," сказала Эгвейн, призывая себе чашку чая. "Я не только одна из этих дурочек, подруга моя, я их лидер. Королева дурочек, как вы могли бы сказать".Бейр поколебалась.

"На мне тох."

"Только не за слова правды", заверила ее Эгвейн. "Многие из них дурочки, но разве все мы не глупили в какие-то моменты? Вы не оставили меня из-за моих неудач, когда нашли меня ходящей по Тел'алан'Риоду. Подобно этому я не могу отказаться от обитателей Белой башни".Глаза Эмис сузились. "Ты сильно выросла со времени нашей последней встречи, Эгвейн ал'Вир." Эти слова вызвали трепет внутри Эгвейн. "Мне было очень нужно вырасти. Моя жизнь была трудна в последнее время." "Когда

рушится крыша,"сказала Бэйр : "одни примутся выносить обломки, становясь сильнее от этой работы. Другие решат перебраться в холд своего родича и пить его воду".

"Вы видели Ранда недавно ?" спросила Эгвейн.

"Кар'а'карн обнял смерть," сказала Эмис. "Он перестал пытаться быть твердым, как камень, и взамен достиг силы ветра."

Бейр кивнула. "Мы почти решили, что должны перестать называть его мальчиком". Она улыбнулась. "Почти".

Эгвейн не выдала ни намека на свое потрясение. Она ожидала, что они будут недовольны Рандом. "Я хотела бы, чтобы вы знали насколько я вас уважаю. Вы достойны почестей за то, что для меня сделали. Я думаю, что единственная причина, почему я вижу дальше, чем мои сестры, в том, что вы научили меня ходить с прямой спиной и поднятой головой ".

"Это была простым делом,"сказала Эмис , явно довольная. "То, что каждая женщина должна уметь."

"Лишь немногие удовольствия превысят удовлетворение, когда принимаешь кем-то запутанный шнур,"сказала Бэйр , "затем снова его распутываешь. Однако, если шнур не из хорошего материала, то распутывая порвешь его. Ты дала нам отличный материал, Эгвейн ал'Вир".

"Я бы хотела чтобы был способ," сказала Эгвейн, "обучить больше сестер методам Хранительниц Мудрости."

"Ты можешь отправлять их к нам,"сказала Эмис . "Особенно, если их нужно наказать. Мы не станем нянчиться с ними, как в Белой Башне".

Эгвейн разозлилась. Побои, которые она получала означало нянчиться"? Однако, это был спор, в который она не хотела вступать. Айильцы всегда будут считать мокроземцев мягкими, и нельзя было изменить это предубеждение.

"Я сомневаюсь, что сестры пойдут на это" осторожно сказала Эгвейн. ". Но может сработать, если отправлять молодых женщин - тех, кто еще учится - на занятия с вами. Частично поэтому мое обучение было настолько эффективным; я еще не утвердилась на пути Айз Седай." "Согласятся ли они на это?"спросила Бейр .

"Они могли бы," сказала Эгвейн. "Если посылать Принятых. Послушницы, полагаю, будут слишком неопытны, сестры чересчур горделивы. Но Принятые... Может быть. Они обрадуются поводу, показаться полезнее Белой Башне".

"Ты должна приказать им идти", сказала Бэйр "и ожидать от них подчинения."

Разве не ты самая почитаемая среди них? Разве не должны они внимать твоим наставлениям, когда они мудры? "

"Поступает ли клан всегда так, как требует вождь?" сказала

Эгвейн.

"Конечно, нет,"сказала Эмис . "Но мокроземцы всегда лебезят перед королями и лордами. Им, похоже, нравится, когда им говорят, что нужно делать. Это заставляет их чувствовать себя в безопасности.

"Айз Седай другие" сказала Эгвейн.

"Айз Седай придерживаются мнения, что мы все должны пройти обучение в Белой башне,"сказала Эмис . Ее тон показал, что она думает об этой идее. "Они бубнят, шумят, как слепой воробьишка, не способный сказать, день сейчас или ночь. Они должны видеть, что мы никогда так не поступаем. Скажите им, что вы посылаете женщин к нам учиться нашими методами, чтобы мы смогли понять друг друга. Это чистая правда; им и не нужно знать, что ты также ожидаешь, что они наберутся опыта ".

"Это может сработать." Эгвейн была рада; план был на волосок от того, что она в итоге желала достичь.

"Это тема для рассмотрения в более простые дни", сказала Бэйр. "Я чувствую ты скрываешь большую проблему, чем эта, Эгвейн ал'Вир".

"Есть и большая проблема", сказала она. "Ранд ал'Тор. Он сказал вам, что он заявил, когда посетил Белую башню?"

"Он сказал, что разозлил тебя," сказала Эмис. "Я нахожу его действия странными. Он навещает тебя после всех своих разговоров об Айз Седай, запирающих его в ящике?"

"Он был... другим, когда пришел туда," сказала Эгвейн. "Он обнял смерть," повторила Бэйр, кивая. "Он становится истинным Кар'а'карном." Он говорил властно," сказала Эгвейн, "но его слова были таковыми от безумия. Он сказал, что собирается сломать печати на узилище Темного." Эмис и Бейр замерли. Ты уверена в этом?" спросила Бейр. "Да".

"Это тревожная новость," сказала Эмис. "Мы обсудим ее с ним. Спасибо, что сообщила это нам."

"Я соберу тех, кто будет противостоять ему." Эгвейн расслабилась. До этого момента она не была уверена, каким путем пойдут Хранительницы Мудрости. "Возможно, Ранд прислушается к доводам, если достаточно голосов представят их"

"Он не из тех, кто известен своей готовностью слушать доводы," сказала Эмис со вздохом, поднимаясь. Эгвейн и Бэйр сделали так же. Блузки Хранительниц Мудрости мгновенно зашнуровались.

"Прошло время Белой Башне игнорировать Хранительниц мудрости"сказала Эгвейн, "также как Хранительницам Мудрости избегать Айз Седай. Мы должны работать вместе. Взявшись за руки как сестры."

"Пока у сестры не зародится в голове какая-нибудь опаленная солнцем глупость насчет Хранительниц Мудрости, обучаемых в Башне",сказала Бейр . Она улыбнулась, чтобы показать, что это шутка, но ей удался лишь оскал.

Эгвейн улыбнулась. Она действительно хотела, чтобы Хранительницы Мудрости обучались в Башне. Было много способов направления, в которых Айз Седай добились большего успеха чем Хранительницы Мудрости. С другой стороны Хранительницы Мудрости были лучше в совместной работе и — неохотно признавала Эгвейн — в руководстве. Эти две группы могут многому научиться друг от друга. Она найдет способ связать их вместе. Так или иначе. Она тепло попрощалась с двумя Хранительницами Мудрости, наблюдая как они исчезают из Тел'аран'риода. Если бы только их совета было достаточно, чтобы отвратить Ранда от его безумного плана. Но это было маловероятно.

Эгвейн вздохнула. Мгновеньем спустя она стояла в Зале Совета Башни, ногами прямо на Пламени Тар Валона, нарисованном на полу. Семь цветных спиралей отходили от нее, вращаясь по периметру куполообразного зала. Найнив там не было . Эгвейн сжала губы в ниточку. Эта женщина! Эгвейн могла поставить Белую Башню на колени, склонить верного члена Красной Айя на свою сторону, добиться уважения самых жестких Хранительниц Мудрости. Но Свет, помоги ей, если ей требуется преданность своих друзей! Ранд, Гавин, Найнив — каждый приводил ее в бешенство по-своему.

Она сложила руки в ожидании. Возможно, Найнив еще придет. В противном случае это был бы не первый раз, когда она разочаровывала Эгвейн. Массивное окно-розочка господствовало на дальней стене позади самого Престола Амерлин. Пламя в центре искрилось, как будто за ним был солнечный свет, хотя Эгвейн знала, что эти кипучие черные облака покрывали все небо Мира Снов.

Она отвернулась от окна, затем застыла.

Там был большой сегмент в форме Клыка Дракона, установленный в стекло ниже Пламени Тар Валона. Это не было частью настоящего окна. Эгвейн шагнула вперед, осматривая стекло.

Существует и третья сущность кроме Творца и Темного, послышался дотошный голос Верин , память прошлых времен. Существует мир, который находится в каждом из них, внутри них обоих одновременно. Или, возможно, окружает их. Писатели эпохи Легенд назвали его Тел'Аран'Риод.

Нужели это окно представляло один из тех, других миров, где

Дракон и Амерлин управляли Тар Валоном бок о бок?

"Какое интересное окно," прозвучал голос за ее спиной.

Эгвейн вздрогнула, оборачиваясь. Найнив стояла там, в ярко-желтом платье отделанном зеленым по высокому лифу и вдоль юбки. У нее была красная точка в центре лба, а ее волосы были заплетены в характерную косу.

Эгвейн почувствовала прилив облегчения. Наконец-то! Прошли месяцы, с тех пор как она видела Найнив. Проклиная себя внутри за то, что ее застали врасплох, она расслабила лицо и обняла Источник, сплетая Дух. Несколько инвертированных стражей могут помочь уберечься от повторного вздрагивания. Илейн должна была прибыть чуть позже.

"Не я выбирала этот узор", сказала Эгвейн, оглядываясь на окно-розочку. "Это толкование Тел'аран'риода"

"Но само окно реально?" спросила Найнив.

"К сожалению," сказала Эгвейн. "Одна из пробоин, оставленных Шончан, когда они напали."

Они напали?" спросила Найнив.

"Да," сказала Эгвейн. Из области того, что ты знала бы, если б хоть иногда отвечала на мои призывы!

Найнив скрестила руки, и обе они рассматривали друг друга через комнату, пламя Тар Валона на полу было в центре между ними. С ней надо держаться очень осторожно; Найнив может быть колючей, как худший из терновников.

"Что ж," сказала Найнив, с заметной неловкостью в голосе, "Я знаю, ты занята, и Свет знает, что у меня достаточно невыполненных дел. Скажи новости, которые по-твоему мне нужно знать, и я пойду".

"Найнив", сказала Эгвейн , "Я пригласила тебя сюда не только для того, чтобы сообщить новости"

Найнив схватилась за косу. Она знала, что ее можно упрекнуть за то, как она избегала Эгвейн.

На самом деле, "продолжила Эгвейн:" Я хотела спросить у тебя совета. "

Найнив моргнула. "Совета в чем?"

"Ну,"сказала Эгвейн, проходя по Пламени", ты одна из немногих людей, как я думаю, побывавших в ситуации, похожей на мою. "

"Как Амерлин?" прямо спросила Найнив.

"Как лидер", сказала Эгвейн, проходя мимо Найнив и кивком указывая ей идти рядом, "о которой все думают, что она слишком молода. Которая внезапно возвысилась на этот пост. Которая знает, что является женщиной, способной сделать дело, но пока имеет лишь неохотное признание большинства своего окружения.

"

"Да," сказала Найнив, шагая рядом с Эгвейн, взгляд ее затуманился. "Как ты и сказала, я кое-что знаю о том, как быть в такой ситуации".

"Как ты справлялась с этим?" спросила Эгвейн. "Кажется, что все, что я делаю, я должна сделать сама — потому что, если я не делаю, они игнорируют меня, как только я исчезаю из виду. Многие предполагают, что я даю приказы только изображая деятельность, или негодуют из-за моего высокопоставленного положения."

"Как я с этим справлялась, когда была Мудрой?" спросила Найнив. "Эгвейн, я не знаю, справлялась ли. Я чуть ли не каждый день с трудом сдерживала себя, чтобы не надрать Джону Тейну уши, не говоря уже о Кене!"

"Но в конце концов они зауважали тебя"

"Дело было в том, чтобы не дать им забыть о моем положении. Им нельзя было позволять продолжать думать обо мне как о молодой девушке. Установи свою власть побыстрее. Будь тверже с женщинами в Башне, Эгвейн, потому что они прежде всего начнут думать как надавить на тебя. И если ты хоть раз позволишь им сдвинуть себя в сторону хоть на ладонь, вернуть потерянное будет труднее чем вылезти зимой из смолы."

"Хорошо," сказала Эгвейн.

"И не давай им слишком простых заданий," сказала Найнив. Они вышли из Зала Башни, проходя по коридорам. "Приучай их к тому что ты приказываешь, но приказы должны быть умными. Удостоверься, что они не обойдутся без тебя. Догадываюсь, что им легче обратиться к кому либо из Сестер или глав Айя вместо тебя; женщины в Эмондовом Лугу начали идти в Круг Женщин , а не ко мне.

"Если ты обнаружишь что Сестры принимают решения, которые должны были приниматься Советом ты должна поднять большую шумиху по этому поводу. Верь мне. Они будут ворчать, что ты поднимаешь слишком много шума по мелочам, но в следующий раз подумают дважды делать ли что-нибудь важное без твоего ведома.".

Эгвейн кивала. Это был хороший совет, хотя — конечно — он отражал взгляд Найнив на мир. "Я думаю наибольшая проблема," сказала Эгвейн, "в том, что у меня так мало истинных сторонников."

"У тебя есть я. И Илейн."

"Есть ли?" Эгвейн сказала, останавливаясь в прихожей и смотря на Найнив. "У меня действительно есть ты, Найнив?"

Бывшая Мудрая остановилась рядом с ней. "Ну конечно. Не

будь глупой."

"И на что это будет похоже," спросила Эгвейн, "если те, кто знает меня лучше всего, пренебрегают моим авторитетом? Не покажется ли другим, что есть чтото чего они не знают? Какие то слабости, которые видят лишь мои друзья?

Найнив замерла. Внезапно, ее доверие превратилось в подозрение, ее глаза сузились. "Ты вызвала меня вовсе не для того чтобы попросить совета, не так ли?"

"Конечно, для этого," сказала Эгвейн. "Только дура проигнорировала бы совет тех, кто поддерживает тебя. Но как ты чувствовала себя в те первые недели, когда стала Мудрой? Когда все женщины, которых ты должна по идее возглавлять, видят в тебе только девчонку, которую они когда-то знали?"

"Ужасно", сказала Найнив тихо.

"И разве они были неправы сделав так?"

"Да. Поскольку я стала чем-то большим. Это больше была не я, это был мой статус"

Эгвейн встретила взгляд старшей женщины, удерживая его, и между ними возникло понимание.

"Свет", сказала Найнив. "Ты подловила меня вполне обоснованно, не так ли?"

"Ты мне нужна, Найнив," сказала Эгвейн. "Не только потому что так сильна в Единой Силе, не только потому, что ты умная и решительная женщина. Не только потому, что ты освежающе незапятнана политикой Башни, и не только потому, что ты одна из немногих, кто знал Ранда до того, как все началось. Но потому, что мне требуются люди, которым я могу безоговорочно доверять. Если ты хочешь быть одной из них."

"Ты увидишь меня стоящей на коленях на земле," сказала Найнив. "Целующей твое кольцо."

"И? Ты сделала бы это для другой Амерлин?"

"Без удовольствия."

"Но ты бы сделала это".

"Да".

"И ты действительно думаешь, что есть кто-то другой, который будет делать эту работу лучше, чем я?"

Найнив помедлила, затем покачала головой.

"Тогда почему так горько тебе служить Амерлин? Не мне, Найнив, а моему статусу".

Лицо Найнив выглядело таким, будто она выпила что-то очень горькое. "Это будет... нелегко для меня."

"Никогда не знала тебя, как человека, который избегает задания из-за трудностей, Найнив." "Статус. Хорошо. Я попробую." Тогда ты могла бы начать называть меня Мать." Эгвейн подняла

вверх палец, чтобы отрезать возражения Найнив. "Чтобы напомнить себе, Найнив. нет нужды делать так постоянно, по крайней мере, наедине. Но ты должна начать думать обо мне, как об Амерлин".

"Хорошо, хорошо. Ты вонзила в меня достаточно колючек. Я уже чувствую, как будто пила настойку вилочника весь день." Она запнулась, затем добавила, "Мать". Кажется, она едва не подавилась на слове.

Эгвейн улыбнулась ободряюще.

"Я не буду относиться к тебе также, как женщины сразу после того как я была названа Мудрой," пообещала Найнив. "Свет! Как-то странно чувствовать себя на их месте. Что ж, все равно они были дурами. Я буду лучше; ты увидишь это. Мать."

На этот раз слова звучали не так натянуто. Эгвейн улыбнулась шире. Есть несколько способов мотивации Найнив, которые лучше чем соперничество.

Вдруг, в голове Эгвейн раздался звук колокола. Она совсем забыла о стражах. "Думаю, прибыла Илейн".

"Хорошо," сказала Найнив, со вздохом облегчения. "Давай встретим её." Она направилась обратно в зал, а затем застыла. Она оглянулась. "Если пожелаешь, Мать."

Интересно, она сможет когда-нибудь сказать это без неловкости, подумала Эгвейн. По крайней мере она пытается. "Отличное предложение." Она пошла с Найнив. Но когда они вошли в зал, он был пуст. Эгвейн скрестила руки, оглядываясь кругом.

"Может быть она отправилась искать нас," сказала Найнив.

"Мы бы заметили её в коридоре," сказала Эгвейн. "Кроме того..."

Илейн вошла в комнату. Она была в белом платье королевы, сверкающим бриллиантами. Как только она увидела Эгвейн, то широко улыбнулась, кинулась вперёд и обняла её. "Ты сделала это, Эгвейн! Мы снова вместе!"

Эгвейн улыбнулась. "Да, хотя Башня все еще ранена. Еще так много дел."

"Звучит прямо как у Найнив." Илейн взглянула на Найнив, улыбаясь.

"Спасибо", сказала Найнив сухо.

"О, не будь дурочкой." Илейн подошла к Найнив и обняла ее. . "Я рада, что ты здесь. Я волновалась, что ты не придешь, и Эгвейн придется выследить тебя и оторвать все пальцы на ногах по одному."

"У Амерлин," сказала Найвив, "достаточно других забот. Не так ли, Мать?"

Вид Илейн стал удивленным. Она моргнула, и спрятала улыбку. Она решила , что Найнив была отругана. Но, конечно, Эгвейн знала, что это не будет работать с Найнив; это походило бы на попытку дергать колючки из кожи, когда когда шипи разошлись в стороны.

"Илейн", сказала Эгвейн. "Где ты была до того, как мы вернулись?"

"Что ты имеешь в виду?" сказала она.

Когда ты в первый раз пришла сюда, нас не было. Ты отправлялась на поиски?

Илейн казалась озадаченной. "Я направила в свой тер'ангриал, заснула, и когда я появилась вы уже были здесь."

"Тогда, кто потревожил стражей?" спросила Найнив

Обеспокоенная, Эгвейн переустановила стражей и затем — тщательно подумав — свила инвертированного стража против подслушивания, но изменила его, позволив пропускать немного звука наружу. С помощью другого плетения, она распространила звук еще немного дальше вокруг них.

Кто-то, кто окажется рядом, услышит их шепот. Они продвинулись бы ближе, но звук останется шепотом. Возможно, это привлекло бы их ближе, дюйм за дюймом, в надежде что-то услышать.

Найнив и Илейн наблюдали за ее плетениями, Илейн, выглядела испуганной, хотя Найнив глубокомысленно кивала.

"Присядьте, пожалуйста," сказала Эгвейн, делая себе стул и садясь. "У нас есть много, что обсудить." Илейн сделала себе трон, вероятно подсознательно, и Найнив сделала сиденье, копирующие стулья Сестер в комнате. Эгвейн, конечно, переместила Трон Амерлин.

Найнив перевела взгляд с одного трона на другой, явно недовольная. Возможно здесь крылась причина того, что она так долго избегала этих встреч; Эгвейн и Илейн поднялись так высоко.

Было самое время подсластить горечь. "Найнив", сказала Эгвейн. "Было бы хорошо, если бы ты могла вернуться в Башню и научить больше сестер своему новому методу Исцеления. Многие изучают его, но они могли бы получить больше наставлений. И есть другие, кто отказывается оставить старые способы."

"Упрямые козы," сказала Найнив. "Покажите им вишни, а они всё так же будут есть гнилые яблоки, к которым привыкли. Я не уверена, благоразумно ли мне приезжать. Э, Мать."

"Что так?"

"Ранд," сказала Найив. "Кто-то должен быть рядом с ним. Кто-то кроме Кадсуаны, по крайней мере." Её губы дрогнули при

произнесении имени этой женщины. "В последнее время он изменился."

"Изменился?" спросила Илейн заинтересованно.

"Что ты хочешь этим сказать?"

"Ты видела его недавно?" спросила Эгвейн.

"Нет" мгновенно ответила Илейн. Чересчур быстро. Это была несомненно правда - илейн не стала бы лгать ей - но она скрывала что-то важное о Ранде. Эгвейн подозревала такое время от времени. Не связала ли она его?

"Он изменился," сказала Найнив. "И это очень хорошо. Мать... Ты не представляешь как плох он был. Были времена, когда я была напугана. Теперь... это пошло. Он - тот же самый человек — он даже говорит так же как прежде. Спокойно, без гнева. Прежде это походило на шорох вытягиваемого клинка, а теперь это походит на дуновение ветра.

"Он пробудился," внезапно сказала Илейн. "Сейчас он теплый."

Эгвейн нахмурилась. "Что это значит?"

"Я... Вообще , я не знаю." Илейн покраснела. "Это само вырвалось. Мне жаль."

Да, она связала его узами. Ну, это может быть полезно. Почему она не хотела говорить об этом? Эгвейн должна будет поговорить с ней наедине позже.

Найнив изучала Илейн суженными глазами. Она тоже заметила? Ее глаза перемещались то к груди Илейна, то вниз ее живота.

"Ты беременна!" внезапно объявила Найнив, указывая на Илейн.

Королева Андора покраснела. Это было правильно, Найнив не знала о беременности, хотя Эгвейн получила известие от Авиенды.

Свет!" сказала Найнив. "Я не думала, что выпустила Ранда из виду так надолго. Когда это произошло?

Илейн покраснела. "Никто не сказал что онНайнив окинула взглядом Илейн, и королева покраснела еще больше. Обе знали чувства Найнив об уместности этих вопросов - и, по правде, Эгвейн была с ней согласна. Но личная жизнь Илейн была не ее делом.

"Я счастлива за тебя, Илэйн," сказала Эгвейн. "И за Ранда. Но я не уверена в выбранном времени. Вы должны знать, что Ранд планирует сломать оставшиеся печати на узилище Темного, и тем самым, рискует выпустить его в мир."

Илейн скривила губы. "Ну, остались всего три печати, и они рушатся."

"Так что с того, что он рискнет?" сказала Найнив "Темный освободится, когда последняя печать разрушится. Будет лучше, если это произойдет, когда Ранд будет там, готовый к битве с ним."

"Да, но печати? Это безрассудно.Уверена, Ранд может встретиться с Темным, и победить его, и запечатать его снова без этого риска."

"Возможно, ты права", сказала Найнив

Илейн выглядела обеспокоенной.

Это был не тот приём, на который рассчитывала Эгвейн. Она думала, что Хранительницы Мудрости будут сопротивляться ей, в то время как Найнив и Илэйн немедленно увидят опасность.

Найнив была с ним рядом слишком долго, подумала Эгвейн. Было похоже, что она поддалась его таверенству. Узор изгибается вокруг него. Те, кто рядом с ним, начинают видеть вещи его глазами, работают — подсознательно — на исполнение его воли.

Этому должно быть объяснение. Обычно, Найнив была довольно здравомыслящей в подобных вопросах. Или... хорошо, на самом деле, Найнив не была именно здравомыслящей. Но в общем видела правильный ход событий, до тех пор, пока это не вовлекало ее в неприятности.

"Мне необходимо, чтобы вы обе вернулись в Башню," сказала Эгвейн. "Илэйн, я знаю, что ты собираешься сказать — и да, я понимаю, что ты - Королева, и что должна решать проблемы Андора. Но пока ты не дала клятвы, другие Айз Седай будут думать, что ты этого не заслуживаешь."

"Она права, Илейн," сказала Найнив. "Нет необходимости задерживаться надолго — немного времени, чтобы формально подняться до Айз Седай и быть принятой в Зеленую Айю. Дворяне Андора не будут знать разницы, но другие Айз Седай будут."

"Верно", сказала Илэйн. "Но выбор времени... неудачный. Я не знаю, хочу ли я рисковать, принося клятвы, будучи беременной. Это могло бы навредить детям."

Это остановило Найнив.

"У тебя есть причина," сказала Эгвейн. "Я дам кому-нибудь задание изучить, опасны ли клятвы во время беременности. Но Найнив, я хочу чтобы ты вернулась сюда наверняка."

"Это оставит Ранда без присмотра, Мать."

"Боюсь, этого невозможно избежать." Эгвейн встретила глаза Найнив. "Я не приму тебя как Айз Седай свободную от клятв. Нет, закройка рот — я знаю, что ты пытаешься придерживаться клятв. Но пока ты свободна от Клятвенного Жезла как такового, другие будут задаваться вопросом, могли бы и они быть также свободны."

"Да," сказала Найнив. "Я полагаю."

"Так ты вернешься?"

Найнив сжала челюсть, и, казалось, вела внутренний бой. "Да, Мать," сказала она. Илэйн распахнула глаза от удивления.

"Это важно, Найнив," сказала Эгвейн. "Я сомневаюсь, что есть что-либо, что ты в одиночку можешь сделать, чтобы остановить Ранда теперь. Мы должны собрать союзников для объединенного фронта."

"Хорошо", сказала Найнив.

"Что волнует меня, так это испытание," сказала Эгвейн. "Сестры начали утверждать, что, когда я возвысила вас и других в изгнании, всё было в порядке, но вам все еще необходимо пройти испытание, теперь, когда Белая Башня снова едина. Они приводят очень хорошие аргументы. Возможно, я смогу убедить их, что те трудные испытания, бывшие у вас, должны освободить вас от него. У нас нет времени, чтобы научить вас обеих всем необходимым плетениям."

Илейн кивнула. Найнив пожала плечами. "Я пройду испытание. Если уж я собираюсь вернуться, то могу исполнить все должным образом."

Эгвейн моргнула от удивления. "Найнив, это очень сложные плетения, у меня не было времени, чтобы запомнить их все; я клянусь, что многие являются просто декоративными, для усложнения." Эгвейн не имела никакого желания проходить испытание, и не нуждалась в нем. Закон был однозначен. Став Амерлин, она стала Айз Седай. В отношении Найнив и других, кого возвысила Эгвейн, все было не так просто.

Найнив снова пожала плечами. "Сотня плетений для испытания на шаль, не так уж плохи, я могу показать их тебе прямо здесь, если хочешь."

"Когда ты успела изучить их?" воскликнула Илэйн.

"Я не провела последние несколько месяцев в глупых мечтах о Ранде Ал'Торе."

Защита трона Андора - не "глупые мечты"!

Найнив," Эгвейн вмешалась, "если ты действительно запомнила плетения, и сможешь пройти посвящение должным образом, то ты окажешь мне огромную услугу. Это бы гораздо меньше походило на то, что я возвышаю своих друзей."

"Считается, что испытание опасно," сказала Илэйн. "Ты уверена, что справишься с плетениями?"

" Со мной все будет хорошо", сказала Найнив

"Великолепно", сказала Эгвейн. "Я жду тебя здесь завтра утром"

"Так скоро!" Найнив была ошеломлена.

"Чем скорее ты возьмешь в руки Клятвенный Жезл, тем скорее

я смогу прекратить беспокоиться о тебе. Илэйн, мы все еще должны решить, что делать с тобой"

"Беременность," сказала Илэйн. "Она мешает мне направлять. Становиться лучше — я смогла добраться сюда, к счастью — но это - все еще проблема. Объясните Совету,что было бы слишком опасно для меня и для малышей подвергнуться испытанию тогда, когда я не способна нормально направлять."

"Они могут предложить тебе подождать" сказала Найнив.

"И оставить меня бегать вокруг без клятв?" сказала Илейн. "Хотя я хотела бы знать, давал ли кто-либо клятвы во время беременности прежде, только чтобы убедиться."

"Я найду все, что смогу," сказала Эгвейн. "До тех пор у меня есть другое задание для тебя."

"Я сильно занята управлением Андором, Мать."

"Я знаю," сказал Эгвейн. "К сожалению, нет больше никого к кому я могу обратиться. Мне необходимо больше тер'ангриалов для мира снов.'

"Я могла бы справиться," сказал Илейн. "Предполагаю, что я смогу направлять более надежно."

"Что случилось с теми тер'ангриалами, которые были у тебя?" спросила Найнив у Эгвейн.

"Украдены", сказала Эгвейн." Шириам, которая, между прочим, была Черной Айа"

Обе задохнулись от удивления, и Эгвейн поняла, что им неизвестно об обнаружении сотен Черных сестер. Она глубоко вздохнула. "Будьте сильными," сказала она. "У меня есть болезненная история для Вас. Перед нападением Шончан Верин прибыла в..

В этот момент колокол в её голове прозвонил снова. Эгвейн заставила себя переместиться. Комната замерцала вокруг неё и она внезапно оказалась снаружи в коридоре, где были установлены её стражи. Она столкнулась лицом к лицу с Талвой, худой женщиной с пучком золотистых волос. Она когда-то была из Желтой Айя, но являлась одной из Чёрных сестёр, сбежавших из Башни. Плетения Огня возникли вокруг Талвы, но Эгвейн уже начала устанавливать щит. Она швырнула его между другой женщиной и Источником, сразу сплетая Воздух, чтобы связать её. Позади раздался звук. Эгвейн не размышляла. Она переместилась, полагаясь на своё практическое знание Тел’аран’риода. Она появилась сзади женщины, которая выпускала струю Огня. Алвиарин. Эгвейн зарычала, начиная сплетать другой щит, в тот момент, как плетения Алвиарин ударили несчастную Талву, заставляя её закричать в то время, как её тело воспламенилось. Алвиарин развернулась и завизжала,

исчезая. “Чтоб она сгорела!“, подумала Эгвейн. Алвиарин была в самом верху списка людей, которых она хотела схватить. Коридор погрузился в безмолвие, труп Талвы – обугленный и дымящийся – сполз на пол. Она никогда не проснётся; умерев здесь, она умерла в реальном мире.

Эгвейн дрожала; то убийственное плетение, предназначалось для нее. Я слишком сильно полагаюсь на способность направлять, подумала она. Мысль куда быстрее, чем мои плетение. Я должна была вообразить веревки вокруг Алвириан

Нет, Алвиарин всё ещё была способна выскочить из силка. Эгвейн не думала, как Сновидица. В последнее время её ум был занят Айз Седай и их проблемами, и плетения пришли к ней сами собой. Но она не могла позволить себе забыть, что в этом месте мысль более могущественна, чем Единая Сила. Эгвейн увидела как Найнив вылетает из зала, а следом, более осторожно, Илейн. “Я почувствовала, как направляют,” сказала Найнив. Она посмотрела на обугленный труп. “Свет!”. “Черные сестры,” сказала Эгвейн, складывая руки. “Кажется, они делают успехи в освоении тех тер’ангриалов для мира снов. Я полагаю, у них приказрыскать ночью в Белой Башне. Может, в поисках нас, может в поисках информации, которую можно использовать против нас.” Эгвейн и другие делали то же самое во время правления Элайды

"Мы не должны были встречаться здесь," сказала Найнив. "В следующий раз мы будем использовать другое место." Она колебалась. "Если это подходит Вам, Мать."

"Может да," сказала Эгвейн. "Может нет. Мы никогда не победим их, если не сможем найти их."

"Идти в ловушки - едва ли лучший способ победить их, Мать" Найнив сказала категорически.

"Зависит от твоей подготовки," сказала Эгвейн. Она нахмурилась.Только что она увидела порхание черной ткани, ныряющей за угол? Эгвейн была там через мгновение; грубое проклятие Илейн прозвучало из прихожей позади нее. Что за язык у этой женщины?!

Место было пустое. Жуткое, также слишком тихое. Это было нормально в Тел'аран'риоде.

Эгвейн продолжала удерживать Единую Силу, но пятилася к двум другим. Она чистила Белую Башню, но заражение осталось, скрытое в ее сердце.

Я найду тебя, Мессана, подумала Эгвейн, затем помахала остальным, чтобы они присоединились к ней. Они двигались к пандусу, где она была ранее, месту, где она могла дать более подробное объяснение событиям, которые они пропустили.

Глава 15

Используй камушек

Найнив быстро шла по мощёным улицам Тира, вместе с Ашаманом Неффом. Она всё ещё могла ощущать бурю на севере, далёкую но ужасную. Неестественную. И двигалась она на юг. Лан вырос там. "Свет защити его," прошептала. "Что это было, Найнив Седай?" спросил Нефф.

"Ничего". Найнив начала привыкать к мужчинам в чёрных куртках вокруг. Она не испытывала дрожи, когда смотрела на Неффа. Это было бы глупо. Саидин очистили с ее же помощью. Не нужно беспокоиться об этом. Даже если Ашаманы действительно иногда смотрели в пустоту, что-то бормоча. Как Нефф, который изучал тень соседнего здания, положив руку на меч.

"Осторожнее, Найнив Седай," сказал он "Ещё один Мурдраал преследует нас."

"Ты... уверен, Нефф?"

Высокий мужчина с прямоугольным лицом кивнул. Он был талантлив в работе с плетениями — особенно с Воздухом, который был сложен для мужчин — и он был очень вежлив с Айз Седай, в отличие от некоторых других Ашаманов. "Да, Я уверен," сказал он. "Я не знаю, почему я могу видеть их, а другие не могут. У меня наверное Талант к этому. Они скрываются в тенях, своего рода разведчики, я думаю. Они еще не ударили; я полагаю, что они осторожны, потому что знают, что я могу видеть их."

Он был взят для ночных прогулок по тирской Твердыне, наблюдать за Мурдраалами, которых мог видеть только он. Его безумие не усиливалось, но старые раны не исчезнут. На нём навсегда останется этот шрам. Бедный человек. По крайней мере, его безумие не зашло так далеко, как у других.

Найнив осматривала здания, повсюду беспорядочно построенные в Тире. Большой особняк, с двумя небольшими башнями и бронзовой, похожей на ворота дверью стоял около небольшой гостиницы. Напротив них был ряд домов на окнах и дверях которых были кованные решетки, но мясная лавка была построена прямо в середине ряда.

Найнив и Нефф направлялись во Вселетний район, который находился в пределах западной стены. Это не была самая богатая часть Тира, но она была определенно процветающей. Конечно, в Тире на деле было только одно деление: на простолюдинов и

дворян. Многие из знати все еще полагали, что простолюдины — абсолютно отличные от них, низшие существа.

Они прошли мимо нескольких простолюдинов. Мужчины в свободных бриджах, повязанных в лодыжках и красочных поясах. Женщины в закрытых платьях и бледных передниках, висящих спереди. Широкие соломенные шляпы с плоским верхом были распространены, как и матерчатые кепки, которые висели на одной стороне. Многие несли платформы на веревочке через плечо, чтобы использовать их, как только они вернутся в Маул.

Лица людей, проходивших мимо Найнив, были озабоченными. Некоторые оглядывались через плечо с тревогой. Пузырь зла ударил по городу в этом направлении. Хвала Свету, что не так сильно. У нее и так было мало времени. Она должна вернуться в Белую башню. Раздражало то, что необходимо подчиняться Эгвейн. Но она выполнит приказ и уйдет, как только вернется Ранд. Он ушел куда-то сегодня утром. Несносный мужчина. По крайней мере, он взял Дев с с собой. Заявил, что нужно принести нечто важное.

Найнив ускорила шаг, Нэфф тоже, пока они шли бок о бок. Через Врата было бы быстрее, но это не было бы безопасно;она не могла быть уверенной,что они не разрежут кого-нибудь. Мы стали слишком зависимы от Врат, подумала она. Собственные ноги уже недостаточно хороши для нас.

Они свернули за угол и вышли на улицу, где группа обеспокоенных Защитников - одетых в черные куртки и серебристые нагрудники, с рукавами в черных с золотом узорах по бокам - стояли в линию. Отряд расступился перед ней и Нэффом, и, хотя они с видимым облегчением восприняли ее появление, но продолжили нервно сжимать свои копья.

Город перед ними выглядел более ... безликим, чем должен. Потускневшим. Брусчатка была более светлого оттенка серого, стены зданий более бледного коричневого или серого цветов, чем им следовало быть.

"У вас есть люди для поиска раненных?" спросила Наив.

Один из Защитников покачал головой. "Мы держим людей снаружи, Леди Айз Седай. Там не безопасно."

Большинство Тайренцев все еще не были приучены оказывать Айз Седай должное уважение. До недавнего времени использование Силы был вне закона в городе.

"Отправьте своих людей на поиски," сказала Найнив твердо. " Лорд Дракон будет расстроен, если ваша робость будет стоить кому-то жизни. Двигайтесь по периметру. Пошлите за мной, если обнаружите кого-то, кому я могу помочь.

Стражники ушли. Найнив повернулась к Нэффу, он кивнул.

Она развернулась и сделала шаг в пораженную часть города. Когда ее нога коснулась брусчатки, камень обратился в пыль. Ее нога прошла через раздробленный камень мостовой и уткнулась в утрамбованную землю.

Она смотрела вниз, чувствуя озноб. Она продолжала шагать вперед, и камни превращались в пыль , как только она касалась их. Она и Нэфф прошли к ближайшему зданию, оставляя позади след из раскрошенного камня. Здание было гостиницей с балконами на втором этаже, изысканным узорами из металла на стеклянных окнах, и темного оттенка крыльцом. Дверь была открыта,и как только она подняла ногу на нижнюю ступеньку крыльца, доски также превратились в труху. Она замерла, смотря вниз. Нэфф шагнул рядом с ней, потом сел на колени, зажав пыль между пальцев.

"Она мягкая," сказал он тихо, "как самый тонкий порошок, какой я когда либо держал в руках."

Воздух пах неестественной свежестью, странно контрастируя с молчащей улицей. Найнив затаила дыхание, потом зашла в гостиницу. Она пошла вперед, деревянный пол был на уровне ее колен, доски исчезали, как только она касалась их.

Внутри было полутемно. Виднеющиеся лампы больше не горели. Люди в комнате сидели, замершие в полудвижении. Большинство были хорошо одетыми дворянами, у мужчин были бороды, намазанные маслом на кончиках.Один сидел возле высокого стола со стульями на длинных ножках. Он держал кружку утреннего эля на полпути к губам. Он был неподвижен, его рот открыт для принятия напитка

Лицо Неффа стало мрачным, не смотря на то, что казалось бы аша'мана уже нельзя удивить или расстроить. Как только он сделал ещё один шаг вперёд, Найнив схватила его за руку. Он хмуро посмотрел на неё, но она оттащила его назад. Справа перед ним едва виднелась половица, за которой земля уходила далеко вниз. Он был в шаге от того, чтобы провалиться в гостиничный подвал.

"Свет", сказал Нефф, отступив назад. Он опустился на колени и хлопнул по половице перед собой. Та распалась в пыль, заструившуюся в тьму подвала.

Найнив сплела потоки Духа, Воздуха и Воды, чтобы обследовать мужчину, сидящего на стуле напротив неё. Обычно она прикасалась к людям во время зондирования, но в этот раз она колебалась. Это должно сработать и без прикосновения, но будет не так эффективно при исцелении.

Её Сканирование ничего не обнаружило. Ни жизни, ни ощущения, что мужчина когда-то был жив. В его теле не было

мяса. Со всё более неприятными чувствами, она просканила остальных людей в затемнённой комнате. Официантка несла завтрак для тройки андорских торговцев. Тучный владелец гостиницы, у которого явно были проблемы при передвижении между близко расположенными столами. Женщина в дорогом платье, сидящая в самом конце комнаты, читающая маленькую книгу.

Ни в ком из них не было жизни. Они не были мертвецами; они были шелухой. Дрожащими пальцами, Найнив прикоснулась к плечу мужчины сидящему за стойкой. В то же мгновение он превратился в порошок, медленно оседающую пыль. Стул и половицы под ним не подверглись распаду.

"Здесь некого спасать", сказала Найнив.

"Бедные люди", вымолвил Нефф. "Да прибудут их души в свете".

Найнив часто испытывала жалость по отношению к Тайренским лордам - из всех людей, что она встречала, они казались ей наиболее высокомерными. Но никто не заслуживал этого. Кроме того, большое число простых людей было поймано в этот Пузырь зла.

Найнив и Нефф заставили себя выйти из здания. По тому, как Найнив дергала себя за косу, было видно, насколько она раздражена. Она ненавидела чувство беспомощности. Как тогда в случае с бедной охраной, которую пожирал огонь в замке в Арад Доман, или в случае с людьми, пораженными странными болезнями. Пыль омрачала этот день. Что было проку от обучения Исцелению, если она не могла помочь людям?

И теперь она должна была уйти. Вернуться в Белую Башню. Было такое чувство, как будто она убегает. Найнив обернулась к Неффу и сказала: "Ветер".

"Найнив Седай?"

"Направь на здание порыв ветра."-сказала она. "Я хочу посмотреть, что произойдёт."

Ашаман сделал, как она попросила, и создал при помощи невидимых для неё плетений резкий порыв ветра. Всё здание развалилось, превратившись в пыль, которую уносило в даль, как белые семена одуванчиков. Нефф повернулся к ней.

"Какого размера был пузырь?" спросила она

"Около 2-ух улиц шириной, во всех направлениях"

"Нам нужно больше ветра" - сказала она, создавая плетение. "Сделай порыв ветра таким большим, каким ты можешь. Если кто-нибудь был ранен здесь, таким образом мы его найдём.

Нефф кивнул. Вдвоем они двинулись вперед, вызывая ветер и направляя его на здания. Нефф был более опытен в обращении с

Воздухом, но Найнив сильнее. Вместе, они сметали рушащиеся здания, камни и труху, что попадались перед ними, образуя песчаную бурю.

Это была изнуряющая работа, но они продолжали. Она надеялась - вопреки всемучто найдется хоть кто-нибудь, кому она могла бы помочь. Здания рушились, взвивая в воздух клубы пыли, а Найнив и Нефф собирали ее в центре вихря, подобно женщине, подметающей пол. Они проходили мимо людей, застывших в походке; волов, тянущих повозки; детей, играющих на улице. Все обращалось в пыль. Они не нашли ни одного живого. Наконец, Найнив и Нефф расчистили всюпораженную часть города и собрали пыль в центре. Найнив взглянула на вихрь, который поддерживал Неффи, любопытствуя, направила поток огня к циклону. И огонь охватил пыль. Пыль осветилась, а затем, словно высушенная бумага, брошенная в огонь, превратилась в ревущую бурю огня. Найнив и Нефф отпрянули, но огненный вихрь исчез в вспышке, не оставив даже пепла.

Если бы мы не собрали всё это, подумала она, наблюдая за исчезновением пламени, кто-нибудь мог бы занести туда свечу. Пламя, подобное этому...

Нефф успокоил порывы своего ветра. Они вдвоем стояли в центре открытого круга голой земли с периодическими провалами подвалов. По краям, здания были разрезаны, комнаты раскрыты, некоторые сооружения разрушены. Жутко было смотреть на эту опустошенную землю. Как на пустую глазницу на вполне здоровом лице.

Несколько групп Защитников стояли по краям. Найнив кивнула Неффу и они подошли к самой большой группе. "Вы никого не нашли?", она потребовала ответа.

"Нет, леди Айз Седай," сказал мужчина. "Ну... вообще-то, мы нашли нескольких, но они были уже мертвы."

Другой человек кивнул парню, похожему на бочонок, в очень узкой форме. "Кажется любой, кто хоть пальцем вступил в круг теперь мертв. Нашлась лишь парочка, кто потерял ступню или часть руки. Но они были мертвы все равно." Человек явно дрожал.

Найнив прикрыла глаза. Целый мир рушился вокруг нее и она была бессильна исцелить это. Она почувствовала себя больной и рассерженой.

"Возможно они вызвали это"- мягко сказал Нефф. Она открыла глаза, чтобы увидеть его кивок в сторону тени у ближайшего здания. Изчезающие. Здесь их трое, Найнив Седай. Они смотрят на нас.

"Нефф..." - сказала она растроенно. Разговоры о том, что Исчезающие не настоящие не помогали. "Я должна что-нибудь

сделать" - подумала она. " Нефф, стой спокойно." Она взяла его за руку и просканила. Он удивлённо посмотрел на нёё, но не стал возражать.

Она могла видеть безумие, как темную сеть , тянущуюся к его разуму. Казалось, что оно пульсировало, как маленькое разбитое сердце . Она недавно нашла подобный изьян в другом Аша`мане. Ее умение Поиска улучшалось, ее плетения стали совершеннее, и она могла увидеть вещи раньше скрытые от нее. Она понятия не имела, как убрать то, что было неправильным, хотя. Все должно быть Излечимым, сказала она себе. Все кроме самой смерти. Она сконцентрировалась, соткала все Пять Стихий, и тщательно наложила на сеть безумия, помня, что произошло, когда она удалила Принуждение из бедного слуги Грендаль. Нэфф был бы более надежен с этим безумием, чем если бы она повредила ему разум в неосторожной попытке. Странно, эта темнота действительно казалась похожей на Принуждение. Это то, что сделала порча? Свела с ума мужчин, которые использовали Единую Силу с собственным Принуждением Темного? Она тщательно соткала сеть обратную безумию, затем наложила ее на разум Нэффа. Сеть просто исчезла, ничего не оставив. Она сжала зубы. Это должно было работать. Но, как было часто в последнее время, это потерпело неудачу. Нет, думала она. Нет, я не могу просто сдаться. Она стала Искать глубже. У темноты были крошечные, подобные шипам отростки, вонзившиеся в разум Нэффа. Она не обратила внимание на людей, собирающихся вокруг нее, и осмотрела шипы. Найнив осторожно использовала плетение Духа, чтобы вырвать один свободный. Это избавило от сопротивления, и она быстро Излечила пятно, где шип проколол плоть Нэффа. Мозг, казалось, пульсировал, выглядя более здоровым. Один за другим она вырвала другие свободные шипы. Она была вынуждена держать их все, делая плетения, сдерживая зубцы, чтобы они не погружались вниз снова. Она начала потеть. Уже устав от очистки этой области она больше не могла концентрироваться, чтобы не замечать жары. В Тире было настолько душно. Она продолжала работать, готовя другое обратное плетение. Как только она вырвала каждый шип, освободила свое новое плетение. Темный участок волновался и дрожал, как-будто живой. Затем темнота исчезла.

Найнив откинулась назад, близкая к истощению. Нэфф помигал, затем начал озирался. Он поднял руку к голове.

Свет! - подумала она. - Я причиняла ему боль? Я не должна была лезть в это. Я могла потерпеть"Они изчезли" - сказал Нефф. "Изчезающие... Я не могу больше их видеть" Он мигнул. "Почему Изчезающие спрятались в тенях? Если я не смогу увидеть их они

убьют меня, и " - он посмотрел на неё, сфокусировавшись, - "Что ты сделала?

- Я…я думаю, что Исцелила твое безумие. – Ну, она сделала с ним что-то. И это не было традиционным Исцелением, без использования плетений Целительства. Но кажется, это сработало.

Сбитый с толку Нэфф широко улыбнулся. Он схватил ее руку своими и опустился перед ней на колени со слезами на глазах. - Месяцами я чувствовал, будто за мной постоянно наблюдают. Будто меня убьют в тот же момент, когда я повернусь спиной к теням. Сейчас я…Спасибо тебе. Мне надо найти Нелавир. - Тогда ступай, - сказала Найнив. Нэфф резко оставил ее и побежал прямо к Твердыне, чтобы найти свою Айз Седай.

Нельзя позволять себе считать, что все, что я делаю, не важно. Вот чего хочет Темный. Когда она посмотрела вслед спешащего Нэффа, то заметила, что облака в вышине разошлись. Ранд вернулся.

Рабочие начали убирать обломки зданий, половина из которых превратилась в пыль. Найнив закончила успокаивать взволнованных тайренцов, начавших собираться вокруг периметра. Ей не хотелось, чтобы возникла паника; она уверила всех, что опасность миновала, а затем попросила встречи с семьями тех, кто кого-нибудь потерял.

Она продолжала мягко разговаривать с худой взволнованной женщиной, когда Ранд нашел ее. Женщина была простолюдинкой, носившей закрытое платье с тремя передниками и соломенную шляпу. Ее муж работал в гостинице, поняла Найнив. Женщина продолжала глядеть на провал в земле, который был когда-то подвалом.

В следующий момент Найнив заметила Ранда, который наблюдал за ней, держа руки за спиной и сжимая культю. Две Девы охраняли его – Сомма и Канара. Найнив закончила разговор с тайренкой, но заплаканные глаза женщины заставляли ее сердце сжиматься. Как бы она реагировала, если бы потеряла Лана?

Свет, защити его. Пожалуйста, пожалуйста, молила она, оберегай его. Она сняла свой мешочек с монетами и отослала женщину вместе с ним. Вероятно, это могло бы помочь. Ранд подошел к Найнив. - Ты заботишься о моих людях. Спасибо тебе. - Я забочусь обо всех, кто в этом нуждается, - ответила Найнив.

- Как всегда, - сказал Ранд. – Включая заботу о тех, кто в этом не нуждается.

- Как ты, например? – спросила она, подняв бровь. - Нет, я всегда буду нуждаться в ней. Как и во многом другом.

Найнив задумалась. Это не было тем, что она когда-либо ожидала от него услышать. Почему он не избавился от своего старого плаща? Он весь полинял и износился. - Это моя вина, - сказал Ранд, кивнув в сторону дыры в городе. - Ранд, не глупи.

- Я не знаю, может ли кто-нибудь хотя бы время от времени не быть дураком, - сказал он. – Я виню себя за мои задержки. Мы слишком долго откладывали битву с ним. Что тут сегодня произошло? Здания превратились в пыль?

- Да, - ответила Найнив. – Их содержимое исчезло. Все рассыпалось всякий раз, как мы прикасались к ним.

- Он сделает это со всем миром, - сказал Ранд, понижая голос. – Он шевелится. Чем дольше мы ждем, вцепившись изо всех сил, тем больше он сможет разрушить. Мы не можем и дальше задерживаться.

Найнив нахмурилась. - Но Ранд, если ты освободишь его, не станет ли еще хуже?

- Возможно, будет короткая вспышка, - сказал Ранд. – Открытие Узилища не освободит его немедленно, хоть и даст больше силы. Не смотря ни на что, это необходимо сделать. Представь себе нашу цель как восхождение на высокую каменную стену. К сожалению, мы задерживаемся, нарезаем круги, прежде, чем завершить подъем. Каждый шаг выматывает нас перед грядущей битвой. Мы должны встретиться с ним пока еще сильны. Вот почему я должен разбить печати.

- Я…- сказала Найнив. – Я полагаю, что действительно верю тебе, - с удивлением поняла она.

- Действительно, Найнив? – спросил он со странным удивлением в голосе. – Действительно веришь?

- Да.

- Тогда попробуй убедить Эгвейн. Она попытается остановить меня, если сможет.

- Ранд…она позвала меня обратно в Башню. Сегодня мне надо будет уйти.

Ранд выглядел опечаленным. - Ну, я подозревал, что она могла бы поступить так в конечном счете. – Он взял Найнив за плечо странным жестом. – Не позволяй им разрушить тебя. Они ведь попробуют.

Разрушить меня?

- Твоя страсть – часть тебя, - сказал Ранд. – Я пытался быть похожим на них, хоть и не признавал это. Быть холодным. Всегда контролировать себя. Это почти разрушило меня. Для некоторых это – сила, но это не единственный вид силы. Вероятно, ты можешь научиться немного лучше контролировать себя, но я люблю тебя такой, какая ты есть. Это делает тебя искренней и

настоящей. Я бы не хотел увидеть, как ты превратишься в еще одну «идеальную» Айз Седай, с нарисованной маской на лице и не заботящуюся о чувствах и эмоциях других людей.

- Быть Айз Седай значит быть невозмутимой, - ответила Найнив.

- Быть Айз Седай значит быть тем, кем они должны быть по твоему, - сказал Ранд, по прежнему держа культю за спиной. – Морейн проявляла заботу. Ты могла видеть это в ней, даже когда она была невозмутима Лучшие из Айз Седай, которых я знал, те, которым другие отказывают в праве быть Айз Седай. Найнив с досадой поняла, что кивает. Она принимает совет от Ранда ал'Тора?

Нечто иное было сейчас в Ранде. Скрытая сила и заботливые слова. Он был тем, от кого можно принять совет без ощущения снисхождения с его стороны. Как его отец, например. Не то, чтобы она когда-нибудь признается в этом любому из них.

- Иди к Эгвейн, - сказал Ранд, отпуская ее плечо. – Но как только будет возможно, я хотел бы, чтобы ты вернулась ко мне. Мне снова понадобится твой совет. По крайней мере, я хочу видеть тебя на своей стороне, когда я отправлюсь в Шайол Гул. Я не смогу победить его только с саидин, и если мы собираемся использовать Калландор, для круга понадобятся две женщины, которым я могу доверять. Я еще не решил, кто будет второй – Авиенда или Илейн. Но ты будешь наверняка.

- Я буду там, Ранд. – Она испытывала странную гордость. – Погоди минуту. Я не причиню тебе вред. Обещаю.

Он поднял бровь, но ничего не сделал, пока она изучала его Искательством. Она так устала, но раз ей предстояло покинуть его, нужно воспользоваться возможностью, чтобы исцелить его безумие. Внезапно это показалось самой важной вещью, которую она могла сделать для Ранда. И для мира.

Она "сканировала", избегая ран в его боку, которые были ямами тьмы, которые, казалось, попыталась впитать ее энергию. Она сосредоточила свое внимание на егоразуме. Она замерла где была. Темнота была огромна, покрывая весь его мозг. Тысячи и тысячи крошечных черных шипов, воткнутых в его мозг, но под ними было какое-то сверкающее белое кружево. Белое сияние, словно светлая Сила. Свет, дающий форму и жизнь. У нее перехватило дыхание. Это покрывало каждый отросток тьмы, простираясь в его мозге вдоль них. Что это означало?

У нее не было ни малейшей идеи, с чего начать. Шипов было очень много. Как ему удавалось просто думать, с такой темнотой давящей на разум? И откуда этот белый свет? Она исцеляла Ранда прежде, но не замечала этого. Хотя она никогда прежде не

замечала и темноту. Возможно, причиной тому были ее тренировки в "Искательстве". Она неохотно распустила плетение. "Мне жаль",- сказала Найнив,-"Я не могу исцелить тебя".

"Многие пытались исцелить эти раны- включая тебя. Они попросту неизлечимы. Последнее время я не думаю о них так много." - Не раны на боку, - ответила Найнив. – Безумие. Я… - Ты можешь Исцелить безумие? Полагаю, у меня получилось с Нэффом.

Ранд широко улыбнулся. - Ты никогда не перестанешь… Найнив, ты понимаешь, что даже у самых талантливых Целителей эпохи легенд были трудности с лечением заболеваний разума? Многие считали, что невозможно вылечить безумие с помощью Единой силы.

- Я Исцелю остальных, - сказала Найнив. – По крайней мере - Наришму и Флинна, прежде чем уйду. Вероятно, у всех Аша'манов есть хотя бы пятно порчи на их разуме. Я не знаю, смогу ли добраться до Черной башни. И захочу ли туда идти.

- Спасибо тебе, - сказал Ранд, глядя на север. – Но ты не должна посещать Черную башню. Мне надо будет послать туда кого-то, но очень осторожно. Что-то происходит с ними. Но так много еще предстоит сделать…

Он покачал головой, затем посмотрел на нее. - В эту яму я пока не могу залезть. Хорошенько поговори с Эгвейн обо мне. Она нужна мне как союзник.

Найнив кивнула, затем, глупо себя чувствуя, обняла его, прежде чем спешно идти искать Наришму и Флинна. Обниматься. С Драконом Возрожденным. Она становилась такой же дурочкой как Илейн. Она покачала головой, раздумывая над тем, что, возможно, некоторое время, проведенное в Белой башне, поможет вернуть ей уравновешенность.

Облака вернулись.

Эгвейн стояла на самой вершине Белой Башни, на круглой крыше, держась за невысокую, по пояс стену. Как ползучая плесень — как туча насекомых — облака нависли над Тар Валоном. Визит солнечного света был Очень долгожданным, но слишком коротким.

Чай снова стал несвежим. Обнаруженные запасы зерна заканчивались, а новые мешки были полны долгоносиков. Земля и Дракон - одно целое.

Она глубоко вдохнула, ощущая свежий воздух, глядя на Тар Валон. Ее Тар Валон.

Саэрин, Юкири и Сине - три сестры, которые были настоящими охотниками на Черную Айю в Башне - терпеливо ожидали позади неё. Они были сейчас среди ее самых ярых

сторонников, и одними из самых полезных. Все ожидали от Эгвейн покровительства женщин, отвергших Элайду, поэтому показать, что она проводит время с оставшимися в Башне, было очень полезно.

"Что ты обнаружила?", спросила Эгвейн.

Саэрин покачала головой, присоединяясь к Эгвейн у стены. Шрам на шеке и белизна на висках делали меднокожую и плосколицию Коричневую похожей на бывалого генерала." Информация, что вы запрашивали была сомнительной даже три тысячи лет назад, Мать"

"Что бы вы не смогли мне дать, поможет, Дочь," сказала Эгвейн. "Пока мы не зависим от фактов полностью, неполное знание лучше, чем полное невежество."

Саэрин мягко фыркнула, но очевидно узнала цитату Коричневой Яссики Целлай, древней ученой.

"А вы двое?" спросила Эгвейн Юкири и Сине.

"Мы ищем", сказала Юкири. "Сине составила список возможных способов. Некоторые действительно разумны"

Эгвейн подняла бровь. Спрашивать Белых о теориях всегда интересно, но не всегда полезно. У них была склонность игнорировать , то что вполне правдоподобно, фокусируясь на малых вероятностях.

"Что ж давайте начнем", сказала Эгвейн."Сине?

"Хорошо" сказала Сине: "Начнем с того, что Отрекшаяся, несомненно, обладает знаниями, о которых мы можем даже не догадываться. Вряд ли есть возможность выяснить, как она преодолела Клятвенный Жезл. Например, может быть способ отключить его в течение короткого времени, или, возможно есть специальные слова, которые позволяют избежать его последствий. Жезл - предмет оставшийся со Времен Легенд, и, хотя мы его использовали на протяжении тысячелетий, мы не полностью понимаем принципы его действия. Как и большинства тер'ангриалов ".

"Очень хорошо," - сказала Эгвейн.

"Но", сказала Сеане, доставая лист "Исходя из этого, у меня есть три теории о том, как можно было бы преодолеть клятвы, данные на Жезле. Во-первых, не исключено, что у этой женщины есть другой Клятвенный Жезл. По слухам, когда-то существовали другие, и то, что один Жезл может освободить вас от клятвы другого - кажется достаточно правдоподобным. Один из них может быть у Месаны. Она могла принести Три Клятвы, удерживая наш Жезл, затем каким-то образом использовать другой чтобы снять с себя данные клятвы перед тем как присягать, что она не Приспешник Темного. ".

"Сомневаюсь", сказала Эгвейн,"Как могла она себя освободить, чтобы мы не заметили? Для этого же необходимо направлять Дух."

"Я учла это", сказала Сине.

"Не удивительно," - сказала Юкири.

Сеане посмотрела на неё, затем продолжила: "Это причина по которой Месана нуждается во втором Клятвенном жезле. Она может направлять потоки Духа в него, затем инвертировать плетение, оставляющее её связанной с ним"

"Это кажется невероятным," сказала Эгвейн.

"Невероятным?" ответила Саэрин. "Это кажется смешным. Мне кажется, ты говорила, что некоторые из твоих теорий правдоподобны, Юкири."

"Эта самая маловероятная из трёх," ответила Сине. "Второйспособ возможно проще. Месана могла послать двойника под маской Зеркала Туманов. Какая-нибудь несчастная сестра, или новичок, или даже необученная женщина, способная направлять - находясь под сильным Принуждением. Эта женщина могла быть вынуждена принести клятвы вместо Месаны. И затем, так как жертва не была бы Приспешником Темного, могла утверждать под присягой ,что она не Приспешница. Эгвейн задумчиво кивнула, "Это потребовало бы хорошей подготовки".

"Из того, что я узнала про нее", сказала Саерин, " Месана была сильна в подготовке. Она преуспела в этом".

Задача Саерин состояла в розыске любых сведений, способных рассказать об истинной сущности Месаны. Все они слышали истории - кто не знал наизусть имён Отрекшихся и их самых темных деяний? Но Эгвейн не доверяла историям, ей требовалось что-то более существенное.

"Ты говорила, что есть еще третья возможность?", спросила Эгвейн.

"Да," сказала Сине. "Мы знаем, что некоторые плетения работают со звуком. Одни плетения используются для усиления голоса в толпе, другие в качестве стража от подслушивания. Все они используются в различных приемах, которыми пользуются чтобы услышать, о чем говорят неподалеку. Плетения, используемые в Зеркале Тумана могут изменять голос человека. Попрактиковавшись, Дозин и я смогли сплести потоки, которые изменили слова, которые мы произносили. По сути, мы говорили одно, а другой человек слышал совсем другое."

"Это опасно, Сине", сказала хрипло Саерин."Подобные плетения могут использоваться для плохих намерений."

«Я не смогла воспользоваться им, чтобы солгать», сказала Сине, «Я пробовала. Клятвы сдерживали меня. Пока плетение

действовало, я не смогла произнести слова, зная, что услышанное другими будет ложью, даже с учетом того, что с губ моих слетала правда. Несмотря ни на что это плетение было несложно создать. Сплетенное и инвертированное, оно повисло передо мной и изменяло слова, как я уже сказала»

Теоретически, удерживая это плетение, Месана могла взять Клятвенный Жезл и признаться в чем угодно.

"Я клянусь, что буду лгать всегда, когда мне этого захочется".

Клятвенный Жезл не примет такую клятву, но плетение изменило бы ее звучание сразу как слова слетели с ее губ.

Мы бы услышали, как она произносит истинные слова клятвы

Эгвейн стиснула зубы. Она думала, что справиться с Клятвенным жезлом будет тяжело. А здесь было простое плетение и немного ловкости. Она должна была знать - никогда не используй булыжник там где хватит мелкого камешка, так часто повторяла ее мать.

"С этим," сказала Эгвейн, "друзья Тёмного могут годами спокойно скрываться среди Айз Седай." "Маловероятно," сказала Саэрин. "Ни одна из захваченных нами Чёрных сестёр не знала этого плетения. Если бы они знали, то попытались бы воспользоваться им, когда мы заставляли их заново приносить присягу. Я подозреваю, что Месана знает этот трюк, она хранит его для себя. Полезность от него падает, если слишком многим людям он становится известным. "Тем не менее," - сказала Эгвейн. "Что мы можем сделать? Знание о плетении... По всей вероятности, мы сможем найти способ обнаружить его - но я сомневаюсь, что сёстры пойдут на повторное принесение клятв ещё раз."

"А если это будет для того, чтобы поймать одну из Отрекшихся?" спросила Юкири. "Может, поимка лисы, прячущейся в курятнике, стоит пары помятых перьев?"

"Она не будет поймана", сказала Эгвейн. "Кроме того, мы не знаем, использует ли она один из этих способов. Логика Сине предполагает, что возможно - без особых затруднений - совладать с Клятвенным жезлом. Действительный способ, примененный Месаной, не столь важен, как возможность действия."

Сине глянула на Юкири. Ни одна из трех не подвергала сомнению уверенность Эгвейн в том, что Отрекшаяся в Белой Башне. Но она знала, что они скептичны. В конце концов, они хотя бы поняли сейчас, что возможно справиться с Клятвенным жезлом.

"Я хочу, чтобы Вы продолжили свою работу," сказала Эгвейн. "Вы и другие Сестры были полезны, когда надо было собрать информацию о нескольких Черных сестрах и выгнать этих хорьков

из их нор. Это - почти то же самое." Просто намного, намного опаснее.

"Мы попытаемся, Мать," сказала Юкири. "Но одна сестра среди сотен? Одно из самых хитрых и злобных существ из всех живущих? Я сомневаюсь, что она оставит много улик. Наше расследование убийств недалеко ушло на пути к результату."

"Продолжайте, в любом случае," сказала Эгвейн. "Саэрин, что ты можешь сообщить?"

"Истории, слухи и молва, Мать," сказала Саэрин с гримасой. "Вам, наверно, известно большинство историй, касающейся Месаны - как она управляла учебными заведениями в землях, захваченных Тенью во время Войны Силы. насколько я могу сказать, эти легенды совершенно правдивы. Марсим из Манетерена рассказывает об этом подробно в своих Хрониках последних ночей, и она частенько заслуживающий доверия источник. Алром собрал вполне полный отчет о жизни одной из таких школ, и фрагменты его записей уцелели.

Месана хотела быть исследователем, но её отвергли. Детали не ясны.

Подробности неизвестны. Она руководила Айз-Седай, перешедшими на сторону тени, иногда возглавляя их в битвах, если отчету Алрома можно верить. Хотя я не уверена в этом; мне кажется, что лидерство Месаны было более фигуральным.

Эгвейн медленно кивнула. "Но что о ней можно сказать как о личности? Кто она?"

Саэрин покачала головой. "Для большинства Отрекшиеся больше похожи на ночные кошмары, чем на реальных людей, Мать, и многое было забыто или искажено. Я могу сказать только, что среди Отрекшихся она была наибольшим реалистом - единственной, кто почиванию на лаврах, предпочитает действовать и не чурается черновой работы.Эландрия Борндат в Видениях сквозь Разлом, утверждает, что в отличие от Могидин и Грендаль, Месана всегда хотела взять управление в свои руки.

Она никогда не считалась среди Отрекшихся наиболее сильной или искусной в плетениях, но она была очень последовательной. Эландрия пишет, что она исполняла то, что должно. В то время как остальные интриговали, она тщательно строила укрепления и обучала новых рекрутов." Саэрин заколебалась. "Она... что ж, она была своего рода Амерлин, Мать. Темной Амерлин."

"Свет",-прошептала Юкири. "Тогда ничего удивительного, что она здесь." Серая казалась очень расстроенной этим.

"Я смогла найти еще лишь один уместный источник, Мать",-сказала Саэрин,-"есть интересная ссылка на голубую Айз Седай

Ланнис; она писала что гнев Месаны уступал лишь гневу Демандреда."

Эгвейн нахмурилась. "Я считала, что все Отрекшиеся полны ненависти".

"Не ненависть",- сказала Саэрин,-"Гнев. Ланнис считала, что Месана была зла-- на себя, на мир, на других Отрекшихся-- потому что она не была среди них лидером. Это могло сделать ее крайне опасной".

Эгвейн медленно кивнула. Месана организатор, исполнитель, который был в ярости от подобного назначения.

Вот почему она осталась в Башне, после того, как были обнаружены Черные сестры? Желание принести как можно больше пользы для Тени? Верин сказала, что Отрекшихся объединяет одна черта- их эгоизм.

Она пыталась расколоть Белую Башню, но провалилась. Скорее всего она также причастна к попытке похищения Ранда. И это было еще одним поражением. И женщины, отправленные разрушить Черную Башню?

Месане понадобится что-то действительно значимое, чтобы исправить все эти неудачи. Убийство Эгвейн могло помочь. Это вернуло бы Белую Башню к расколу.

Гавин должно быть был при смерти, когда она сказала, что будет приманкой. Хотела ли она этого? Она сжала перила крепче, стоя на верху Башни, над городом, который зависел от нее, смотря на мир нуждавшийся в ней.

Что-то необходимо было предпринять; Месану необходимо было поймать. Если то, что сказала Саэрин было правдой, тогда она захочет сражаться открыто-- она не будет прятаться и нападать из тени.

Поэтому задачей Эгвейн было дать ей соблазнительную возможность, такую, которая бы не казалась очевидной; такую, против которой она не смогла бы устоять.

"Идемте",-произнесла Эгвейн, идя вниз по пандусу,-"Мне надо подготовиться".

Глава 16

Шанна'хар

Фейли шла по лагерю, освещенному угасающим вечерним светом, направляясь к палатке снабжения. Перрин направил их группу вместе с разведчиками через врата в Кайриэн ; они должны были вернуться следующим утром. Перрин все еще размышлял о Белоплащниках. За прошедшие немногие дни, две армии обменялись несколькими письмами. Перрин, готовил почву для вторых, более формальных переговоров, в то время как Белоплащники настаивали на сражении. Фэйли отругала Перрина за то, что он ускользнул, чтобы встретиться с Белоплащниками без нее. Перрин позволил Илайасу и разведчикам айил следить за Белоплащниками, чтобы попробовать найти способ освободить их людей, но это вряд ли было реально. Это сработало в Двуречье, но тогда была только горстка пленных. Теперь были сотни. Перрину не удалось сладить с чувством вины. Что ж, Фейли придется поговорить с ним в ближайшее время. Она продолжала обход лагеря, обходя слева участок Майенцев, где высоко реяли знамена. Я должна буду занятся и этим тоже, подумала Фэйли, глядя на палатку Берелэйн. Слухи о ней и Перрине были проблематичными. Она подозревала, что Берелэйн могла пробовать кое-что в отсутствии Фэйли, но позвать его в свою палатку на ночь казалось слишком даже для нее. Следующие шаги Фэйли должна была предпринять очень осторожно. Ее муж, его люди, и его союзники находились в сомнительном равновесии. Фэйли пожалела, что не могла посоветоваться с матерью. Это потрясло ее, и она запнулась, остановившись на размокшей тропинке из желтой травы и грязи. О Свет!, подумала Фейли. Что это со мной? Два года тому назад, Фейли - тогда еще звавшаяся Зарине - сбежала из родного дома в Салдейе, чтобы стать Охотником за Рогом. Она взбунтовалась против своих обязанностей старшей, и подготовки, на которой настаивала ее мать. Она сбежала не потому, что ненавидела работу; нет, она показала, что может приспособиться ко всему, что от нее требуется. Так почему же она ушла? Отчасти, ради приключений. Но отчасти-- и это она признала только сейчас-- из-за всех этих ожиданий. В Салдэйе, ты всегда делаешь то, что от тебя ожидают. Никто не удивится, если ты просто исполняешь свои обязанности, даже если ты родственник самой королевы. И потому. . . она

уехала. Не из-за того, что она ненавидела то, кем станет, а потому, что ненавидела кажущуюся неизбежность этого. Теперь она была здесь, используя все те навыки, на обучении которым настаивала ее мать. Этого было почти достаточно, чтобы рассмешить Фейли. Она могла сказать кучу вещей о лагере с одного взгляда. Им было необходимо найти немного хорошей кожи для сапожников в ближайшее время. С водой не было проблем, так как легкие порывы дождя частенько накрапывали последние несколько дней, но найти сухие дрова для костров было проблемно. Одна из групп беженцев - сборище бывших мокроземцев - гайшайн, смотревших на айильцев Перрина с открытой враждебностью - нуждается в присмотре. Проходя, она наблюдала, чтобы убедиться что в лагере надлежащие санитарные условия, и что солдаты способны позаботиться о себе. Некоторые люди проявляли предельную заботу о своих лошадях, зато забывали съесть что-нибудь полезное или по крайней мере безвредное. Не говоря уже об их привычке проводить полночи, сплетничая у привальных костров. Слуга бегом относил корзины очищенного картофеля к кастрюлям, которые медленно наполняли водой молодые женщины, носящие ее от ручья. Подмастерья подготавливали угли для жаренья, старшие повара смешивали специи в соусы, чтобы полить ими другие продукты - это был единственный способ придать вкус и аромат таким большим количествам приготовленного. Пожилые женщины — в лагере их было несколько — прошаркали мимо, согнувшись,с легкими плетеными корзинами, полными ягод и трав, крепко держа их в тонких руках, их шали колыхались, когда они переговаривались надтреснутыми голосами. Солдаты спешили туда сюда, неся дичь. Мальчики, уже не дети, но еще не мужчины, собирали веточки на трут, она прошла мимо их небольшого отряда, охваченного испугом от пойманных пауков. Это было буйство сосуществующих путаницы и порядка, подобно двум сторонам одной монеты. Странно, как хорошо Фейли приноровилась к этому. Оглядываясь на себя на несколько лишь лет назад, она с удивлением осознала, что видит испорченного, эгоистичного ребенка. Покинула Пограничные Земли, чтобы стать Охотником за Рогом? Она отринула обязанности, дом и семью. О чем она думала? Она прошла женщин перемалывающих зерно, затем обошла свежую партию дикого лука на одеяле рядом с ними, ждущего очереди попасть в суп. Она была рада, что уехала и встретила Перрина, но это не может быть оправданием ее действий. Поморщившись, она вспомнила, как заставляла Перрина идти по Путям в темноте, в одиночку. Она даже не вспомнила, что он там сделал такого, взбесившего ее, хотя ему в

этом она бы никогда не призналась. Ее мать однажды назвала ее избалованной, и была права. Мать также настаивала, чтобы Фейли научилась управлять имением, и все это время Фейли мечтала выйти замуж за Охотника за Рогом и провести свою жизнь подальше от армий и скучных обязанностей дворян. "Да благословит тебя Свет, Мама!", подумала Фейли. Что бы она или Перрин делали без этого опыта? Без обучения ее матери Фейли была бы бесполезна. Управление всем лагерем легло бы на плечи Аравин. Хотя женщина и была экономкой в лагере Перрина, ее способностей, скорее всего, не хватило бы ,чтобы самостоятельно управлять всем этим. От нее этого и не ожидали Фейли добралась наконец до расположения интенданта, небольшой палатки в самом центре ям для стряпни. Ветерок доносил смесь ароматов: вытапливаемого над огнем жира, кипящего картофеля, перченых соусов, приправленных чесноком, сырого, липкого запаха картофельных очистков, которые отдавали немногочисленному стаду или боровам, которых им удалось вывезти из Мейдена. Интендант, Бавин Рокшоу, был бледнолицым кайриенцем с белыми прядями, пестревшими в его каштановых с проседью волосах, похожих на мех пса-полукровки. Он напоминал веретено, с тощими руками, ногами и грудью, и почти совершенно круглым животиком. Он, очевидно, был интендантом еще в Айилскую кампанию, и был экспертом — таким же мастером своего дела в снабжении, как бригадир плотников - в работе с деревом. Это, конечно, означало, что он был мастером брать взятки. Когда он увидел Фейли, он усмехнулся и чопорно поклонился, достаточно для формального приветствия, но без настроения. "Я - простой солдат, выполняющий свои обязанности," говорил его поклон. "Леди Фэйли!" воскликнул он, махая рукой нескольким из своих служащих. "Я полагаю, Вы здесь, чтобы просмотреть счетные книги?" "Да, Бавин," сказала она, хотя и знала, что не найдет в них ничего подозрительного. Он был слишком осторожен. Однако, она небрежным жестом принялась за документы. Один из мужчин принес ей табурет, другой стол, на котором разместились счетные книги, и еще один чашку чая. На нее произвело впечатление то, как искусно согласовывались между собой столбцы цифр. Ее мать объясняла как-то, что часто интендант делает много беспорядочных примечаний, ссылаясь на другие страницы или другие счетные книги, разделяя различные типы поставок в различные книги, все, чтобы было труднее отследить то, что происходит. Командир, сбитый с толку этими примечаниями, предполагал, что интендант знает,что делает. Здесь не было ничего подобного. Какие бы уловки в подсчетах ни использовал Бавин,чтобы скрыть свое воровство, они не были

сверхестественными. И он воровал, или по крайней мере творчески скупо распределял продовольствие. Это было неизбежно. Большинство интендантов действительно не считало это воровством; он отвечал за снабжение, и этим было все сказано. "Как это странно", заметила Фейли, пролистав записи. "Странное совпадение". "Что, миледи?" спросил Бавин. "Хм? О, ничего. Просто лагерь Торвена Рикшена получал свою еду каждый вечер на добрый час раньше, чем другие. Я уверена это просто случайность." Бавин смутился. "Несомненно, миледи." Она продолжала листать счётные книги. Торвен Рикшан был кайриэнским лордом, и был поставлен во главе одного из двадцати лагерей беженцев. У него в лагере было обычно собиралось большое количество дворян. Аравайн довела это до сведения Фэйли; она не была уверена, что Торвен дал, чтобы получить поставки еды быстрее, но он не будет больше это делать. Другие лагеря могли бы почувствовать, что Перрин ставил одних выше других. "Да," сказала Фэйли посмеиваясь. "Просто совпадение. Такое иногда случается в столь большом лагере. Да ведь только на днях Варкел Тис жаловался мне, что он подал прошение о холсте, чтобы восстановить порванные палатки, и ждет холст почти неделю. Все же я знаю, к слову, что Софи Моратон порвала свою палатку во время перехода, но восстановили ее в тот же вечер." Бавин молчал. Фэйли не собиралась судить его. Ее мать предостерегала, что хороший интендант был слишком ценен, чтобы бросать его в тюрьму, особенно когда заменивший его человек не будет опытнее, и так же будет все портить. Задача Фэйли состояла не в том, чтобы выставить или смутить Бавина. Она должна была заставить его волноваться достаточно, чтобы он контролировал себя. "Возможно, Вы можете сделать что-то чтобы исправить это, Бавин," сказала она, закрывая счётную книгу. "Я не люблю обременять Вас глупыми вопросами, но проблемы не должны достигнуть ушей моего мужа. Вы знаете, как он тогда разгневается." На самом деле для Перрина причинить вред другому человеку было как Фэйли взмахнуть руками и полететь. Но лагерь не видел это в таком свете. Они слышали о ярости Перрина в сражении, наряду со случающимися время от времени спорами с ней - спровоцированными Фэйли, так что они могли иметь соотвествующее мнение и предполагали, что у него ужасный нрав. Это было хорошо, пока они также думали о нем как о великодушном и добром. Защитник своих людей, но полный гнева на тех, кто обманывал его. Она встала со стула, отдавая все записи одному из слуг-- мужчине с кудрявыми волосами и следами чернил на пальцах и жакете. Она улыбнулась Бавину и

покинула площадку с запасами. Фейли с негодованием заметила, что пучки дикого лука позади мгновенно испортились с тех пор, как она взглянула на них в предыдущий раз; их стебли истощились и стали разлагаться так, как если бы они гнили под солнцем неделями. В лагере продукты стали портиться относительно недавно, но если верить отчетам, за его пределами подобное происходило гораздо чаще. Было сложно сказать который час-- все небо было затянуто облаками, но темнеющий горизонт подсказывал, что ее время встретиться с Перрином пришло. Фейли улыбнулась. Ее мать всегда предупреждала, что с ней будет, что ее ожидает, и Фейли боялась, что будет жить как в ловушке. Но Дэйра никогда не говорила сколько в этом будет удовольствия. Перрин все менял. Быть связанной с ним, совсем не означало быть пойманной в ловушку. Перрин смотрел на север, поставив ногу на упавшее дерево. С вершины холма ему открывалась вся равнина вплоть до гор Стена Гарена, возвышавшихся словно пальцы заснувшего гиганта. Он открыл свои мысли, ища волков. Они были далеко, так, что он их почти не чувствовал. Волки сторонились больших скоплений людей. За его спиной раскинулся лагерь, с факелами мерцающими вдоль всей границы. Склон холма был достаточно далеко, чтобы быть укромным, но недостаточно, чтобы считаться безлюдным. Он не был уверен, зачем Фейли захотела встретиться здесь с наступлением сумерек. Она пахла взволнованно, поэтому он не стал любопытствовать. Женщины любят секреты. Он услышал, как фейли поднималась по холму, тихо ступая по влажной траве. Она умела быть тихой,- не так как Илайас или кто-то из аийл, но лучше чем кто-либо мог подумать.

Но он мог почуствовать ее аромат, запах мыла с лавандой. Она использовала его только в дни, которые считала особенными. Она поднялась на вершину склона, великолепная, впечатляющая. Она надела фиолетовый жилет поверх шёлковой блузки светлого оттенка. Где она достала эту одежду? Он не видел её в этом отличном наряде раньше. "Муж мой", сказала она, подходя к нему. Он мог слабо слышать других около подножия холма - вероятно Ча Фэйли. Она оставила их позади. "Ты выглядишь обеспокоенным." "Это моя ошибка, что Гилл и другие были захвачены, Фэйли", сказал он. "Моих неудач становится все больше. Удивительно, что кто еще следует за мной". "Перрин", сказала она, касаясь его руки. "Мы уже говорили об этом. Ты не должен говорить подобное".

"Почему?"

"Потому что я никогда не слышала, что бы ты лгал", сказала она с небольшим упреком.

Он взглянул на нее. Становилось темно, хотя он мог все еще разобрать детали. Ей было тяжелее видеть их.

"Почему ты продолжаешь бороться с этим? Ты хороший лидер, Перрин".

"Я не должен сдаваться из-за них," сказал он.

Она нахмурилась: "Что это должно..."

"В прошлом, в Двуречье", сказал Перрин, отворачиваясь от нее и снова глядя на север. "Я был готов сделать это. Когда у Белоплащников была семья Мэта и Луханы, я должен был сдаться. Но не в этот раз. Даже когда я говорил с их лидером, я знал, спрашивая его цену, что не сдамся."

"Как лидер ты становишься лучше".

"Как ты можешь говорить это? Я становлюсь черствым, Фэйли. Если бы ты знала о тех вещах, что я сделал, чтобы вернуть тебя, вещи, которые я сделал бы..." Он потрогал молот на боку. Зуб или коготь, Юный Бык, это не имеет значения. Он выбросил топор, мог ли он обвинить его в своей жестокости? Это был только инструмент. Он мог использовать молот, чтобы делать те же самые ужасные вещи.

"Это не черствость", сказала Фэйли, "или эгоистичность. Ты теперь лорд, и ты не можешь позволить стать известным, что захват твоих подданных подрывает твою власть.

Думаешь, королева Моргейз отреклась бы от престола в пользу тиранов, которые похитили ее подданных? Никакой лидер не может управлять таким путем. Твоя неспособность остановить злых людей не делает тебя самого злом".

"Я не хочу нести это бремя, Фэйли, никогда не хотел"

"Я знаю".

"Иногда я хотел бы никогда не покидать Двуречье. Пусть бы Ранд один бежал навстречу своей судьбе, оставив народ жить своей жизнью".

Он уловил от нее запах раздражения.

"Но если бы я остался", добавил он торопливо, "я никогда не встретил бы тебя. Поэтому я рад, что уехал. Я просто хочу сказать, что буду рад, когда все это кончится, и я смогу вернуться в тихое местечко".

"Думаешь Двуречье снова станет таким, каким ты его помнишь?"

Он колебался. Она была права — когда они уходили, уже виднелись признаки изменения. Беженцы из-за гор, разрастание деревень. Теперь, со многими людьми, присоеденившимся к нему на войне, и втемяшившими в свои головы мысли о лорде...

"Я мог бы найти другое место", сказал он, чувствуя себя упрямым. "Есть другие деревни. Не могли же они все измениться".

"И ты затянул бы меня в одну из этих деревень, Перрин Айбара", спросила она.

"Я..." Что было бы, если Фейли, его прекрасная Фейли, была заперта в тихой деревушке? Он всегда утверждал, что был лишь простым кузнецом. Но была ли Фейли женой кузнеца? "Я никогда не заставлю тебя делать что-либо, Фейли",-произнес он, держа ее лицо в ладонях. Он всегда чувствовал себя неуклюжим, касаясь ее шелковых щек своими толстыми, натруженными пальцами.

"Я пошла, если бы ты действительно хотел этого", ответила она. Это было странно. Он ожидал от неё привычной колкости по поводу его неуклюжего языка. "Но этого ли ты хочешь на самом деле?"

"Я не знаю, чего хочу", сказал он откровенно. Нет, он не хотел тянуть Фэйли в деревню. "Возможно... жизнь кузнеца где-нибудь в городе".

"Если ты так желаешь", повторила она. "то Двуречье осталось бы без лорда и они нашли бы кого-нибудь еще".

"Нет. Они не нуждаются в лорде. Именно поэтому я должен сделать так, чтобы они прекратили считать меня одним из них."

"И ты думаешь, что они разочаруются в этой идее быстро?" спросила Фейли. Она пахла удивлённо."После того, как они видели, что все остальные делают это? После того, как подлизывались к тому дураку Люку? После того, как приняли всех тех людей с равнины Алмот, которые привыкли к лордам?"

Что будут делать двуреченцы, если он перестанет быть их лордом.

В данный момент времени он знал, что Фэйли была права. Конечно, они выбрали бы кого-то, кто сделает эту работу лучше чем я,- он думал. Возможно Мастер ал`Вир

Но мог ли Перрин быть в этом уверенным? Такие люди, как мастер ал'Вир или Тарн могут и ухудшить положение. Могло ли кончиться тем, что они выберут кого-нибудь вроде старика Кенна Буйе? Будет ли у них из кого выбирать? Если Перрен уступит, не сможет ли некто заявивший о своем знатном происхождении захватить власть?

Хватит быть дураком, Перрин Айбара,- думал он. - Почти любой был бы лучше тебя.

Однако, мысль о ком-то еще забравшем себе власть, о ком-то ставшем лордом наполняла его беспокойством. И неожиданной печалью.

"А сейчас", сказала Фейли, "прерви свои размышления. У меня большие планы на этот вечер." Она трижды громко хлопнула в ладоши, и внизу началось движение. Скоро, слуги наполнили склон. Перрин признал в них людей, которых она выделила из

числа беженцев, группа столь же лояльная к ней, как Ча Фэйли.

Они несли полотно, которое они распростёрли на земле. Потом укрыли это одеялом. И что было тем, что он учуял под ним ? Ветчина?

"Что это, Фэйли?"- спросил он.

"Сначала," сказала она, "Я думала, что ты готовишь что-то особенное на наш шанна'хар. Я начала беспокоиться, потому что ты не говорил ничего об этом, и я решила спросить. Кажется, что вы не празднуете это в Двуречье, хотя это странно."

"Шанна'хар?" спросил Перрин, расчёсывая её волосы.

"На ближайшей неделе,"- сказала Фейли,-"будет год, как мы женаты. Это наш первый шанна'хар, наше празднование годовщины." Она сложила руки, наблюдая как слуги раскладывали блюда на скатерти. "В Салдэйе, шанна'хар празднуетя каждый год в начале лета. Это праздник, отмечающий еще один год вместе; еще один прожитый год в паре, где ни муж ни жена не были убиты троллоками. Молодым парам велено наслаждаться своим первым шанна'хар как человеку, впервые пробующему изысканное блюдо. Ведь брак будет для нас в новинку лишь раз." Слуги выложили все блюда и несколько стеклянных бокалов со свечами. Фейли отпустила слуг с улыбкой и помахала. Они ушли вниз по склону холма. Очевидно, Фейли пыталась придать ужину романтический вид. Скатерьть, покрытая вышивкой, вероятно была из запасов Шайдо. На серебрянных тарелках и блюдцах лежала еда, кусок жаренного окорока с каперсами наверху. Было даже вино. Фейли подошла ближе. "Я знаю, что в этот год произошло многое, что не стоило бы вспоминать. Майден, Пророк, эта ужасная зима. Но если все это является платой за то, чтобы быть с тобой, Перрин, тогда я согласна пережить все это еще много раз."

"Если бы все было в порядке, у нас был бы месяц, чтобы дарить друг другу подарки в знак нашей любви, чтобы отпраздновать наше первое лето в качестве мужа и жены. Я сомневаюсь, что у нас есть право на этот беззаботный месяц, но мы можем провести вместе этот вечер."

"Не знаю, могу ли я, Фейли,"-ответил Перрин. "Белоплащники, Свет! Последняя битва почти началась. Последняя Битва, Фейли! Как я могу праздновать, когда мои люди под угрозой казни и весь мир может быть разрушен?"

"Если весь мир идет к разрушению",-произнесла Фейли,-"разве это не время, когда каждый должен ценить то, что имеет? Пока все это не исчезло?"

Перрин колебался. Она положила руку на его руки, ее прикосновение было таким нежным. Она не подняла голоса.

Хотела ли она, чтобы он кричал? Так трудно понять, когда она хочет спорить, а когда нет. Возможно Илайас мог дать ему совет.

"Пожалуйста," сказала она мягко. "Попробуй отдохнуть хотя бы этим вечером. Для меня."

"Хорошо," ответил он, кладя свои руки на её.

Она привела его к одеялу, и они сели рядом перед множеством серебряных блюд. Фэйли зажгла больше свеч из тех, которые были в запасе у слуг. Ночь была холодна — облака, казалось, вобрали в себя всю летнюю теплоту. "Почему мы делаем это на природе?"сказал Перрин. "А не в нашей палатке?

"Я спросила Тэма, как празднуют шанна'хар в Двуречье", сказала она. "И, как и боялась, узнала, что вы не отмечаете его. Это и в правду несколько странно, ты понимаешь — нам надо ввести эту традицию, как только все это закончится. Как бы то ни было, Тэм сказал, что они с женой делали нечто похожее. Раз в год, они готовили обед настолько изысканный, насколько могли себе позволить, и шли в незнакомое место в лесу. Они ужинали там и проводили весь день вдвоем." Она прижалась к нему. "Наша свадьба прошла в обычаях Двуречья, поэтому я решила, что сегодняшний день также должен пройти по-двуреченски.

Он улыбнулся. Несмотря на недавние возражения, его напряжение спало. Еда хорошо пахла, и его желудок заурчал, подсказывая Фэйли подняться, чтобы взять его тарелку и передать ему.

Он устроился получше. Хотя он пытался сохранить приличные манеры, еда была превосходной, и сегодня был долгий день. Он заметил, что со свирепостью вгрызается в ветчину, хотя старается не закапать раукрашенное одеяло.

Фэйли ела медленнее обычного, запах развлечения смешивался с ароматом ее мыла

"Что?" спросил Перрин, вытирая рот. Она была освещена только светом свечей, солнце уже полностью зашло. "Так много от волка в тебе, муж мой."

Он замер, заметив, что вылизывает свои пальцы. Он издал возглас досады за то, что лизал свои пальцы вместо использования салфетки. Несмотря насколько ему нравились волки, он не пригласил бы их пообедать за свой стол. "Слишком много волка во мне," сказал он.

"Ты такой, какой есть, муж мой. И так случилось, что я люблю тебя, какой ты есть, так что все хорошо."

Он продолжил грызть свой кусок ветчины. Ночь была тихой, слуги отошли достаточно далеко, чтобы он не мог чувствовать и слышать их. Наверно Фэйли отдала приказ, чтобы их не беспокоили, и благодаря деревьям у подножия холма им не надо

было волноваться, что за ними могут наблюдать.

"Фейли,"-произнес он тихо,-"ты должна знать, что я делал, пока ты была в плену. Я боялся, что из-за своих поступков стану кем-то, кого ты больше не захочешь видеть. Это не только сделка с Шончан. В Со Хабор остались люди, о которых я не могу перестать думать. Люди, которым, возможно, мне следовало помочь. И были Шайдо, с их стороны.

"Я слышала об этом. Мне кажется ты делал то, что должен был."

"Я зашел слишком далеко,"-признался Перрин. "Я ненавидел себя все это время. Ты говоришь о лорде достаточно сильном, чтобы не позволять манипулировать собой. Что ж, я никогда не буду таким. Не тогда, когда ты похищена."

"Мы должны будем удостовериться, что я не буду похищена."

" Это могло разрушить меня, Фейли,"-он тихо ответил. "Мне кажется, я могу справиться с чем угодно. Но если тебя будут использовать против меня, это не будет иметь значения. Я сделаю все, чтобы защитить тебя, Фейли. Абсолютно все.

"Возможно ты тогда должен укутать меня в одеяло" сказала она сухо, "и спрятать в запертой комнате." Странно, но от нее не пахло оскорблением.

"Я не сделал бы этого," сказал Перрин. "Ты ведь знаешь, что это так. Но это значит, что у меня есть большая слабость. Лидер не должен иметь слабости, подобную моей."

Она фыркнула. "Ты думаешь, что у других лидеров нет слабостей, Перрин? У каждого Короля или Королевы Салдэи были их собственные. Николь Дианатхах был алкоголиком, несмотря на то, чтобы был известен, как один из наших самых великих королей, и его жена Белайра вразумляла его самое меньшее четыре раза . Ее сердце всегда принуждало ее беспокоиться. У Джонасимы был сын, азартность которого почти разорила ее Дом, и Лионфорт не мог удержаться если ему брошен вызов. Каждый без разбора был великим монархом. И у всех была собственная слабость."

Перрин продолжал пережевывать свою еду, вдумчиво.

"В Пограничье," сказала Фэйли, "у нас есть высказывание. 'Полированный меч отражает правду.' Человек может утверждать, что был прилежен в своих обязанностях, но если его меч не начищен до блеска, ты понимаешь, что он был празднен.

"Хорошо, твой меч отполирован, мой муж. Прошедшие несколько недель ты продолжаешь говорить, что вел дела плохо во время моего плена. Ты думаешь, что превратил целый лагерь в руины! Но это не правда, ты сохранял их сосредоточенными; ты вдохновил их, поддержал их боевой дух и свой статус лорда."

"В некором роде это и заслуга Берелейн," - отметил он. "Мне кажется, эта женщина помыла бы меня сама, если бы я сам этого не сделал".

"Я уверена, что это не было бы хорошим слухом," отметила Фэйли сухо.

"Фэйли, Я-"

"Я разберусь с Берелейн," сказала Фэйли. В ее голосе прозвучали опасные нотки. "Это - проблема, на которую ты не должен обращать внимание."

"Но -"

"Я поговорю с ней" - сказала Фэйои. Её голос стал более твёрдым. Было не очень мудро спорить с ней, когда она так пахла, по-крайней мере пока у него не будет полный набор аргументов. Она смягчилась и заговорила не так резко:"Когда я говорю, что ты похож на волка, мой муж, я не имею ввиду твой способ питания. Я говорю о твоей внимательности. Ты устал. Дай проблеме, не важно насколько серьёзной, возможность решиться.

"Как ты не поймешь? Это - замечательная черта в лидере - Это точно то, в чем будет нуждаться Двуречье. Предпологая, конечно, что у тебя есть жена, чтобы заботиться о некоторых маленьких проблемах." Она хмурилась. "Мне жаль, что ты не говорил со мной до того, как решил сжечь знамя. Будет трудно поднять его снова, не выглядя при этом глупо."

"Я не хочу возвращаться к этому," сказал Перрин. "Именно поэтому я сказал, чтобы они сожгли его."

"Но почему?"

Он в очередной раз укусил ветчину, демонстративно не смотря на нее. От нее пахло почти безрассудным любопытством.

Я не могу возглавлять их, размышлял Перрин. Нет, пока не узнаю, могу ли совладать с волком. Но как это объяснить? Как объяснить, страх перед тем, как это захватывало его во время битвы, в моменты, когда он желал чего-либо слишком сильно?

Он не сможет скрыться от волков; они стали слишком большой его частью. Но что будет с его людьми, что будет с Фейли, если он оставит их, уступив тому, что внутри него?

Он в очередной раз вспомнил грязное существо запертое в клетке. В нем не осталось ничего, что помнило бы его жизнь как человека.

"Муж мой",сказала Фейли , положив руку ему на плечо. "Пожалуйста". От нее пахло страданием. Это сжимало и его сердце. "Это связано с теми Белоплащниками", сказал Перрин. "Что? Перрин, я думала, я сказала -"

"Следует разобраться", твердо сказал Перрин , "с тем, что случилось со мной в первый раз, как я встретился с ними. И тем,

что я начал открывать в в себе еще до этого". Фейл нахмурилась. "Я говорил тебе, что убил двоих Белоплащников", сказал он. "Прежде чем встретил тебя."

"Да"

"Вспомним прошлое," - сказал он. " Ты должна знать всю историю." И он начал рассказывать ей. Вначале нерешительно, но затем слова пошли намного легче. Он говорил о Шадар Логоте и о их группе, которая разделилась. О Эгвейн, которая позволила взять лидерство. Возможно, это было впервые, когда его заставили это сделать.

Он уже рассказывал ей о своей встрече с Илайясом. Она знала многое о Перрине, то, что он никогда никому не говорил , что он никогда не говорил даже Илайясу. Она знала о волке. Она знала, что он опасался потерять себя.

Но она не знала, что он ощущал во время боя. Она не знала, на что были похожи эти чувства- убить этих Белоплащников, вкусить их крови - толи в его собственных устах, толи через связь с волками. Она не знала, что такое быть пожираемым гневом, страхом и отчаянием, когда она была пленена. Именно эти вещи он теперь сбивчиво объяснял.

Он рассказал ей о безумии, в которое впал, когда искал ее в волчьем сне. Он говорил о Ноаме и о том, что, как он опасался, может случиться и с ним. И как это связано с его поведением в битве.

Фейл слушала, сидя тихо на вершине холма, обняв свои ноги, освещенная свечами. Она пахла подавленностью. Возможно, он должен был о чем-то и умолчать. Ни одна женщина не хотела бы знать, каким зверем становился ее муж , когда убивал, не так ли? Но сейчас он хотел выговориться, освободиться от секретов. Он устал от них.

Каждое сказанное слово все более его расслабляло. Словам удавалось то, что еда - какой бы аппетитной она ни была - не смогла сделать. Поведав ей о своей борьбе, он чувствовал, как пропадает часть его бремени.

Он закончил, раасказом о Прыгуне. Он не был уверен, почему придерживал историю волка до конца; Прыгун был замешан во многих событиях, которые Перрин уже рассказал - Белоплащники, волчий сон. Но он чувствовал что будет правильно придержать Прыгуна до конца рассказа, и так и сделал.

Закончив, он уставился на пламя одной из свечей. Две из них погасли, предоставив прочим мерцать. Для его глаз это был не тусклый свет. Он с трудом вспоминал, что это были за дни, когда его чувства были слабы, как у обычного человека.

Фейл прижалась к нему, поднырнув ему под руку. "Спасибо"

сказала она.

Он глубоко выдохнул, откинувшись на пень стоящий позади, чувствуя ее тепло.

"Я хочу рассказать о Майдене," сказала она.

"Ты не обязана," ответил он. "Только поэтому я..."

"Тихо. Я молчала, пока ты говорил. Теперь моя очередь."

"Ладно."

Рассказ о событиях в Майдене должен был бы взволновать его. Он лежал, прислонившись спиной к пню, пока его жена говорила о пленении и побоях. Небо потрескивало от напряжения, сам Узор был под угрозой распада, но все же было такое странное чувство расслабленности, какое он еще не испытывал.

События в том городе были важны для нее, возможно даже пошли на пользу. Хотя он был возмущен, слушая, как Севанна связала Фэйли и оставила обнаженной на ночь. Когда-нибудь он выследит эту женщину.

Но не сегодня. Сейчас его жена рядом с ним и ее сильный голос успокаивал. Он должен понять, как она спланировала ее собственный побег. Фактически, слушая об ее тщательных приготовлениях, он начинал чувствовать себя дураком. Она беспокоилась, что бы он не пошел на верную смерть, пытаясь освободить ее (хоть она не говорила об этом прямо, он мог догадаться). Как же хорошо она знала его.

Фэйли упустила некоторые вещи. Он не возражал. Фейли походила бы на загнанное и запертое в клетке животное без ее тайн. Хотя он получил хороший намек на то, что она скрывала. Это было что-то связанное с тем Безродным, который захватил ее, что-то насчет планов Фэйли обмануть его и его друзей ради ее спасения. Возможно, она чувствовала нежность к нему, и не хотела, чтобы Перрин сожалел о его убийстве. Это не было необходимо. Те Безродные были с Шайдо, и они напали и убили людей, бывших под защитой Перрина. Никакой акт доброты не искупил бы это. Они заслужили свою смерть.

Это дало ему паузу. Белоплащники похоже говорили о нем похожие вещи. Но Белоплащники напали первыми.

Она закончила. Теперь было поздно, и Перрин потянулся к связке, которую слуги Фэйли подняли, вытаскивая одеяло.

"Хорошо?" спросила Фэйли, когда он вернулся назад, обнимая ее снова.

"Я удивлен, что ты не дала мне взбучку за то, что я пронесся как дикий бык и растоптал все твои планы."

Это наполнило её запах удовлетворением. Эта эмоция была не той, которую он ожидал, но он уже очень давно перестал

пытаться понять ход женских мыслей.

"Я хотела поднять этот вопрос сегодня вечером," сказала Фэйли, "так, чтобы мы могли нормально поспорить и хорошенько помириться."

"Почему ты не сделала это?"

"Я решила, что эта ночь должна пройти, как в Двуречье."

"И ты думаешь, что муж с женой в Двуречье не ссорятся?" спросил он, удивленный.

"Ну, возможно они это делают. Но ты, муж, всегда кажешся недовольным, когда мы кричим. Я очень рада, что ты начал держаться как подобает. Но я просила слишком много от тебя, приспосабливая к своим обычаям. Я думаю, что сегодня вечером попытаюсь приспособиться к твоим."

Это были слова, которые он никогда не ожидал услышать от Фэйли. Казалось, что это самое личное из всего, чем она делилась с ним. Смущаясь, он почувствовал слезы на глазах, и прижал ее к себе.

"Теперь", сказала она, "заметь, что я не послушная овечка"

"Я никогда не подумал бы так," сказал он. "Никогда".

Она запахла удовлетворением.

"Извини, что не думал много о тебе, как самостоятельной," сказал Перрин.

"Я прощаю тебя"

Он смотрел на неё сверху, в эти красивые тёмные глаза, отражающие свет свечей. "Это означает, что мы можем примириться без споров?"

Она улыбалась. "Я позволю, ещё раз. И, ещё, слугам было приказанно не беспокоить нас."

Он поцеловал ее. И пришло чувство, что все встало на свои места , и он знал, что и его заботы и вся неловкость, стоявшая между ними со времен Малдена - исчезли. Были ли они реальными или надуманными, они прошли.

Он вернул Фейли, навсегда и всецело.

Глава 17

Прощание и встреча.

Следующим утром после нападения голама Мэт очнулся от снов, тухлых словно прошлогодние яйца, чувствуя себя больным и разбитым. Ночь он провел в канаве под фургоном Алудры. Место выбрал наудачу- так выпали кости. Выбравшись из-под фургона, он расправил плечи так, что захрустели суставы. Проклятый пепел. Привилегия тех, у кого водятся деньги,- не спать в канавах. Бывают и нищие, которые проводят ночи лучше, чем он. Фургон пах серой и порошками. У него появилось желание заглянуть под промаслянный брезент, который закрывал заднюю часть фургона, но в этом не было никакого смысла. Алудра и ее порошки были непостижимы. Пока не будут представлены драконы, Мэт не возражал против то того, что не знал принципа их работы. Ну, не очень возражал. Не стоило рисковать, раздражая ее. К счастью для Мэта, ее не было в фургоне. Она начала бы жаловаться на него за то, что не получила ее литейщиков. Она, казалось, думала, что он ее личный посыльный, причем непослушный, отказывающийся выполнять свою работу должным образом. У большинства женщин бывают такие моменты. Он шел через лагерь, вытаскивая солому из волос. Он почти уже собрался искать Лопина, что бы тот приготовил ему ванну, пока не вспомнил, что Лопин мертв. Проклятый пепел! Бедняга. Размышление о бедном Лопине привело Мэта в еще более унылое состояние, чем то, в котором он пребывал, пока шел с целью найти что-нибудь поесть. Джуилин нашел его первым. Невысокий тайренский ловец воров носил коническую шляпу с плоской верхушкой и темно-синий плащ. "Мэт", сказал он. "Это правда? Ты разрешил Айз Седай вернуться в Башню?" "Им не нужно мое разрешение", вздрогнув, сказал Мэт. Если бы женщины услышали, что он так сказал, они бы сняли с него кожу и пустили на седла. "Хотя я думаю дать им лошадей". "У них уже есть лошади", сказал Джуилин, смотря в направлении пикетов. "Сказали, что ты дал им разрешение." Мэт вздохнул. Его живот заурчал, но с едой придется подождать. Он направился на аванпост; он должен был удостовериться, что Айз Седай не уводят его лучший запас. "Я подумал, что могу поехать с ними", сказал Джуилин, присоединяясь к Мэту. "Отвезти Теру в Тар Валон". "Ты можешь уйти в любое время," сказал Мэт. "Я не буду удерживать тебя

здесь". Джуилин был довольно хорошим парнем. Немного жесткий время от времени. Ну ладно, очень жесткий. По сравнению с ним Белоплащник мог бы выглядеть кротким. Он не был тем человеком, которого захочется взять играть в кости; он провел бы ночь, хмурясь на всех в таверне и бормоча о преступлениях, которые они, наверняка, совершили. Но он был надежен и полезен в сложных ситуациях. "Я хочу вернуться в Тир", сказал Джуилин, "но тогда Шончан были бы слишком близко, да и Тера... Это беспокоит ее. Ей не очень нравится мысль о Тар Валоне, но у нас нет особого выбора. И Айз Седай обещали, что если мы поедем с ними, они дадут мне работу в Тар Валоне". "Итак, это прощание?", - спросил Мэт, останавливаясь и поворачиваясь к нему. "Да", сказал Джуилин. Помедлив, он протянул руку. Мэт пожал ее и затем ловец воров пошел к своей женщине собирать вещи. Мэт задумался на мгновение, затем поменял свое решение и направился к палатке повара. Джуилин, возможно, замедлит Айз Седай, этим он хотел чего-нибудь добиться. Немного позже он подошел к пикетам, жуя и неся под мышкой сверток обернутый тканью.

Айз Седай, конечно, собрали чрезмерно большой караван из его лучших лошадей. Теслин и Джолин также, казалось, решили, что могут взять некоторых вьючных животных и покомандовать солдатами, чтобы нагрузить их. Мэт вздохнул и двинулся к неразберихе, проверяя лошадей. Джолин сидела на Лунном Свете, тирской кобыле, которая принадлежала одному из людей Мэта убитого при бегстве от Шончан. Более осторожная Эдесина оседлала Огненного Светлячка и поглядывала на случайных союзников, двух женщин, стоящих рядом. Темнокожую Бетамин и бледную, соломенноволосую Ситу, некогда бывшими сул'дам. Шончанки очень старались выглядеть как единая группа. Мэт побрел к ним. "Ваше высочество", сказала Сита, "Это правда? Вы позволите этим уйти от Вас?" "Лучше избавиться от них", сказал Мэт, морщась от титула которым его назвали. Они должны перестать разбрасываться вокруг такими словами, как деревянными монетами. В любом случае Шончанки сильно изменились с того момента как присоединились к его группе, но они все еще находили чудным то, что Мэт не желал использовать Айз Седай как оружие. "Вы хотите уйти или остаться?" "Мы пойдем", решительно сказала Бетамин. Кажется, она твердо решила учиться. "Да", продолжила Сита, "хотя иногда я думаю, что лучше просто позволить нам умереть как ... Ну, то что мы из себя представляем, означает что мы опасны для Империи." Мэт кивнул. "Туон - сул'дам", сказал он. Обе женщины опустили взгляд. "Идите с Айз Седай", сказал Мэт. "Я дам вам своих

лошадей, поэтому вам не придется полагаться на них. Учитесь направлять. Это куда более полезно, чем смерть. Может в один день вы двое сможете убедить Туон, что это правда. Помогите найти мне путь, чтобы справиться с этим не разрушая Империю." Две женщины вдруг посмотрели на него, более твердо и уверенно в себе. "Да, Ваше высочество", сказала Бетамин. "Это хорошая цель для нас. Благодарим Вас, Ваше Высочество." Сита чуть не заплакала! Свет, что они подумали о том, что он только что пообещал. Мэт отступил, чтобы они не навыдумывали еще более странных идей. Сожги женщин. Тем не менее он не мог сожалеть. Знание, что они могут направлять, беспокойство о том, что они могут представлять опасность для окружающих. "Это чувства Ранда", подумал Мэт. Несчастный глупец. Как всегда, карусель цветов завертелась как только он подумал о Ранде. Он старался делать это не так часто, но до того как он избавился от цветов, он увидел бреющегося Ранда в красивой купальной с позолоченными зеркалами. Мэт приказал выдать лошадей сул'дам, затем он направился к Айз Седай. Подошел Том, он гулял. "Свет, Мэт", сказал он. Ты выглядишь так, как будто решил пришить заплатку шипом розы и вдруг понял, что это больно Мэт поднял руку к своим волосам, которые имели тот еще вид. "Я пережил ночь, и Айз Седай уезжают. Я бы не прочь станцевать джигу из-за этого ." 'Том фыркнул. "Ты знал, что те двое будут здесь?" Сул'дам, я полагаю? "Нет, эти двое" указал он. Повернувшись, Мэт нахмурился, когда обнаружил Лейлвин и Байла Домона сидящими верхом. Все их вещи были сложены в седельных сумках. Лейлвин — ранее известная как Эгинин — когда-то был дворянкой Шончан, но Туон забрала ее имя. Она носила платье с разделенными юбками серого тона. Ее короткие темные волосы выросли и уже прикрывали ей уши.

Она спрыгнула с седла и пошла в сторону Мэта. "Чтоб мне сгореть," сказал Мэт Тому, "если я смогу избавиться от нее, то начну думать что жизнь становится справедливей ко мне." Домон следовал за ней с тех пор как они сблизились. Он был ее со'джин. Или... он все еще мог быть со'джин, теперь, когда она не имела имени? Ну, так или иначе он был ее мужем. Иллианец был крупным и сильным. Он был неплохим человеком, за исключением тех случаев, когда находился рядом с Лейлвин. А это было всегда. "Коутон", обратилась она, подходя к нему.

"Лейлвин", ответил он. "Ты уезжаешь?"

"Да"

Мэт улыбнулся. Ему действительно захотелось станцеват.

"Я всегда хотела попасть в Белую Башню," продолжила она. "Я решила это в тот день, когда оставила Эбу Дар. Если Айз Седай

уедут, то и я пойду с ними. Всегда мудро присоединить судно к конвою когда есть такая возможность."

"Жаль что ты решила уйти," солгал Мэт, снимая шляпу перед ней. Лейлвин была жесткой как столетний дуб, с топором, воткнутым в него мужчиной, достаточно глупым чтобы решить его срубить. Если бы ее лошадь потеряла подкову на пути к Тар Валону, то она, вероятно,перебросила бы животное через плечо и несла остаток пути. Но ей не нравился Мэт даже после всего, что он сделал, чтобы спасти ее шкуру. Возможно это было потому, что он не позволил ей взять командование , или возможно потому что она была вынуждена играть роль его любовницы. Ну, он тоже не получил от этого удовольствия. Это было похоже на удерживание меча за лезвие, притворяясь, что тебе не больно. Хотя было весело наблюдать за ее поеживаниями. "Всего хорошего, Метрим Коутон," сказала Лейлвин. "Я не завидую положению, в котором ты очутился. Мне кажется, в некоторой степени ветры, которые несут тебя, фактически могут быть более жестокими чем те, которые недавно швыряли меня." Кивнув ему, она развернулась уходя прочь. Домон потянулся и похлопал Мэта по плечу. "Ты сделал так, как и обещал. Клянусь моей старой бабушкой! Это был тернистый путь, но ты сделал все, что обещал. Прими мою благодарность." Эти двое отошли. Мэт покачал головой, махнул Тому и подошел к Айз Седай. "Теслин", сказал Мэт. "Эдесина. Джолин. Все нормально?"

"Да", сказала Джолин.

"Хорошо, хорошо," сказал Мэт. "У Вам достаточно вьючных животных?"

"Будет достаточно, мастер Коутон," сказала Джолин. Сдерживая дрожь, она добавила, "Спасибо что дали их нам."

Мэт широко улыбнулся. Ему, было забавно услышать ее попытку к почтительному обращению! Она, очевидно, ожидала, что Илейн и другие будут ждать их во дворце с распростертыми объятьями и не отпустят их из дворца без аудиенции.

Джолин посмотрела на Мэта, поджав пышные губы. "Я была бы все же не против связать тебя узами, Коутон," сказала она. "Я по-прежнему не прочь когда-нибудь вернуться и увидеть сделанную работу должным образом."

"Я буду ждать этого затаив дыхание", сказал он, затем достал из-под мышки сверток завернутый в ткань. И протянул его ей.

"Что это?" спросила она, не принимая его.

Мэт встряхнул свёрток. "Прощальный подарок," ответил он. "Там, откуда я родом, отправляющемуся в путь не позволяют уехать, не подарив ему что-нибудь на дорогу. Это было бы грубо."

Она приняла его с неохотой и заглянула внутрь. И была явно

удивлена содержимым, обнаружив, что это сладкие булочки посыпанные пудрой. "Спасибо," сказала она, нахмурившись.

"Я пошлю с вами солдат," сказал Мэт. "Они вернут моих лошадей назад, как только вы достигните Тар Валона."

Джолин было открыла рот, чтобы начать спорить, но потом закрыла его. Что она могла возразить?

"Это приемлемо, Коутон", сказала Теслин, направляя своего черного мерина ближе.

"Я прикажу им слушаться вас", сказал Мэт, поворачиваясь к ней. "Так что у вас будут люди и не придётся самим управляться с палатками. Но есть также и условие."

Теслин подняла бровь.

"Я хочу, чтобы ты кое-что сказала Амерлин", произнес он. "Будь это Эгвейн, все становится проще. Но даже если это не она, передай. В Белой Башне есть то, что принадлежит мне, и в скором времени я потребую это. Я не хочу, но мои желания не имеют сейчас никакого значения. Итак, я приду и, кровавый пепел, не допущу, чтобы меня отправили восвояси." Он улыбнулся. "Передай слово в слово, как я сказал"

Теслин, к её чести, почти не усмехнулась. "Я прослежу, чтобы это было сделано, хотя и не верю слухам. Элайда никогда не уступила бы престол Амерлин."

"Вы можете быть удивлены." Мэт действительно был удивлен, когда услышал, что некоторые женщины называли Эгвейн Амерлин. Он не знал, что случилось с Белой Башней, но у него было такое ощущение, что обстоятельства заставили Айз Седай так крепко затащить бедную Эгвейн в свои сети, что она никогда не сможет из них выпутаться. Он был бы и сам не прочь поехать к ней и посмотреть сможет ли он вытащить её оттуда. Но у него были другие задачи. Эгвейн сейчас должна полагаться на себя. Она была способной девушкой и вероятно некоторое время могла бы продержаться сама.

Том стоял рядом с ним и выглядел задумчиво. Конечно он не мог знать, что Мэт протрубил в Рог, по крайней мере, Мэт не говорил ему. Он пытался забыть эту чертову вещь. Но Том вероятно догадывался.

"Ну, я полагаю вам уже пора", произнес Мэт. "А где Сеталль?"

"Она останется здесь", ответила Теслин. "Она сказала, что хочет помочь тебе избежать большего количества ошибок, которые ты можешь совершить." Она приподняла бровь, а Джолин и Эдесина понимающе кивнули. Они все считали, что Сеталль раньше работала в прислуге Белой Башни и, возможно, сбежала оттуда ещё девушкой из-за какого-то проступка.

Ну, это означало, что он не избавится от всей группы, тем не

менее, если уж выбирать из них одного, то пусть уж это будет госпожа Анан. Она, вероятно захочет найти возможность встретиться с мужем и семьей, бежавших из Эбу Дар на корабле.

Джуилин приблизился, ведя Теру. Неужели эта женщина, трепещущая словно тростинка, действительно панарх Тарабона? Мэт видел мышей, которые были менее робкими. Солдаты Мэта привели лошадей для них. В целом, эта экспедиция стоила ему приблизительно сорока животных и пары солдат. Но это того стоило. Кроме того, он намеревался вернуть и мужчин и лошадей наряду с информацией о том, что действительно происходит в Тар Валоне.

Он кивнул Ванину. Толстобрюхий конокрад был не особо рад, когда Мэт приказал ему идти в Тар Валон для сбора информации. Мэт полагал, что тот будет в восторге, учитывая его любовь к Айз Седай. Ну, он был бы в еще меньшем восторге, если б не обнаружил одиноко стоявшего Джулиана; Ванин направился поближе к ловцу воров.

Ванин был на гнедом мерине. По мнению Айз Седай, он был старшим у Краснорукиx и полевым разведчиком Мэта, но ничего из того, чтобы относиться к нему подозрительно. Он не казался угрозой, кроме, быть может, для миски варёной картошки. Это объясняло, почему он был так хорош в своём деле. Мэту не нужно красть лошадей, однако таланты Ванина можно применить к другим задачам.

"Отлично," сказал Мэт, поворачиваясь к Айз Седай, " Я вас больше не буду задерживать." Он отошел назад, избегая смотреть на Джолин, у которой был хищный взгляд, слишком напоминавший Тайлин. Теслин поклонилась, и, удивительно, Эдесина кивнула ему с уважением. Джуилин поклонился ему и Тому, а Мэт получил кивок от Лейлвин. Женщина жевала камни на завтрак и гвозди на обед, но она была справедливой. Может, он сможет поговорить с Туон о восстановлении должности или о чем-нибудь подобном.

Не будь дураком, подумал он, кивая Байлу Домону. Первое о чем тебе нужно заботится это то, чтобы Туон не сделала тебя да'ковале. Он был наполовину убежден, что она считает его своим слугой, а на другую мужем. Такие мысли заставили его вспотеть.

Немного погодя, они подняли на дороге столбы пыли. Том подошел к Мэту, глядя на всадников. "Сладкие булочки?"

"Традиция Двуреченцев."

"Никогда о ней не слышал."

"Она мало кому известна."

"Ах, я вижу. И что ты добавил к тем булочкам?" (

"Споры папоротника" сказал Мэт. "ее рот будет синим в

течение недели, возможно и двух. Она не поделится сладкими булочками ни с кем, возможно кроме своих Стражей. Джолин пристрастилась к ним. Она, должно быть, съела семь или восемь мешков их, пока мы добрались до Кеймлина."

"Хорошо", сказал Том, пряча улыбку в усы. "Ребячество, но все же."

"Я пытаюсь возвратиться к своим корням," сказал Мэт. "Знаешь, хочу вернуть кое-что потерянное из своей юности."

"Тебе едва двадцать зим, старик"

"Конечно, но я многое пережил, когда был помоложе. Пошли. Госпожа Анан остается, и это наводит меня на идею."

"Тебе нужна бритва, Мэтрим Коутон". Госпожа Анан уперла руки в бока, когда посмотрела на него.

Он потрогал свое лицо. Лопин всегда брил его каждое утро. Человек становился хмурым как собака в дождь, когда Мэт не позволял ему делать такие вещи, хотя в последнее время Мэт отпускал бороду, чтобы избежать узнавания. Она все еще зудела как недельные струпья.

Он нашел Сеталль в складских палатках, присматривающей за солдатами из отряда. Они, сидя на корточках, шинковали овощи и тушили бобы с вороватым выражением мужчин, которые получили строгие инструкции. Сеталль не нужна была здесь; повары отряда могли приготовить пищу и без нее. Но для женщины нет ничего лучше, чем заставлять отдыхающих мужчин работать. Кроме, того Сеталль была бывшей хозяйкой гостиницы и - удивительно - бывшей Айз Седай. Мэт часто заставал ее приглядывающей за вещами, за которыми не было нужды следить.

Не в первый раз он пожелал, чтобы Туон по-прежнему путешествовала с ним. Сеталль обычно принимала сторону Туон, но пребывание возле Дочери Девяти Лун часто заставляло её быть занятой. Ничто так не опасно для рассудка мужчины, как женщина с избытком свободного времени.

Сеталль все еще носила одежду в стиле Эбу Дар, который Мэт счел приятным, рассматривая декольте. Такая одежда особенно хорошо смотрелась на столь же симпатичной как Сеталль. Не то, чтобы он обратил на это внимание. У нее были золотые кольца в ушах, величественные манеры и седина в волосах. Украшенный драгоценными камнями свадебный нож висел на шее, и то как он устроился в декольте, казалось чем то вроде предупреждения. Не то, чтобы Мэт заметил это, также.

"Я отращиваю бороду намерено", ответил Мэт на ее заявление. "Я хочу"

"Твоя куртка грязная," сказала она, кивая солдату,

принесшему ей лук, который он очистил. Он застенчиво высыпал его в горшок, не смотря на Мэта. "И твои волосы в беспорядке. Ты похоже, поссорился с кем то, и это еще не полдень

"Все в порядке" сказал Мэт. "Я вымоюсь позже. Ты не ушла с Айз Седай."

"Каждый шаг к Тар Валону удалял бы меня от места, где я должна была быть. Я должна послать письмо своему мужу. Когда мы расстались, я и не подозревала, что из всех возможных мест окажусь в Андоре."

"Я думаю, что могу попасть к тому кто сможет скоро сделать Врата здесь," сказал Мэт. "И я..." Он нахмурился, поскольку другая группа солдат приблизилась, неся несколько мелких перепелов, они охотились. Солдаты выглядели пристыженными от такой добычи.

Сеталль приказала ощипать птиц, даже не взглянув на Мэта. Свет, он должен был убрать ее из своего лагеря. Ситуация была ненормальной, пока они были в отъезде.

"Не смотри на меня так, лорд Мэт," сказала Сеталль. "Норам пошел в город посмотреть, какой провиант можно подыскать. Я заметила, если не подгонять здесь мужчин во время приготовления, бессмысленно ждать еду вовремя. Не всем из нас нравится обедать, когда садится солнце." Я хочу кое-что сказать," сказал Мэт, понижая голос. Он кивнул в сторону. "Можно тебя на минутку?"

Сеталль, поколебавшись, кивнула и отошла с ним в сторону. "Что произошло?" осторожно поинтересовалась она."Похоже, ты спал под стогом сена"

"Вообще-то я спал под фургоном." И моя палатка запятнана кровью. И я не горю желанием прямо сейчас сменить одежду.

Ее взгляд смягчился. "Я понимаю твое горе. Но это не оправдание, чтобы ходить вокруг с таким видом, будто живешь в подворотне. Тебе необходимо найти нового слугу."

Мэт нахмурился. "Я никогда не нуждался ни в чем подобном. Я могу сам о себе позаботиться. Вообще-то, я хотел попросить тебя об одолжении. Я хочу, чтобы ты присмотрела за Олвером в мое отсутствие."

"Зачем?"

"Он может вернуться,"-ответил Мэт. "И он может попытаться навредить ему. Кроме того, мы с Томом отлучимся ненадолго. Возможно я вернусь, я должен. Но если нет, я.. Я бы предпочел, чтобы он не оставался один."

Она смерила его взглядом. "Он не останется один. Люди в лагере заботятся о нем."

"Конечно, но мне не нравится то, чему они его учат.

Мальчику нужен более подобающий пример."

Почему-то она выглядела довольной этим. "Я уже начинала учить мальчика буквам. Мне кажется, если понадобится, я смогу приглядеть за ним некоторое время."

"Великолепно. Чудесно." Мэт с облегчением вздохнул. Женщины были всегда счастливы получить возможность повоспитывать мальчика, когда он был молод; Мэт думал, что они предполагали, будто могут сделать его человеком, если будут достаточно стараться. "Я дам тебе немного денег. Ты можешь пойти в город и найти жильё."

"Я была в городе", сказала Сеталль, "Каждый постоялый двор уже забит до отказа."

"Я найду для вас место", пообещал Мэт. "Просто оберегай Олвера. Когда-нибудь я найду того, кто сделает Врата и пошлю тебя в Иллиан на поиски мужа."

"Договорились", сказала Сеталль. Она медлила, глядя на север. "Остальные ... ушли?"

"Да." Скатертью дорога!

Она кивнула, выглядя расстроенной. Может быть она приказала мужчинам насчет обеда не потому, что они были без дела. Может быть она хотела занять себя чем-нибудь.

"Мне жаль", сказал Мэт. "Что бы с тобой не произошло."

"Прошлое ушло", ответила она. "И я должна оставить его. Я больше никогда не должна спрашивать о вещах, которые ты носишь. Последние несколько недель заставили меня забыть кто я."

Мэт кивнул, прощаясь с ней, затем пошел искать Олвера.

И после этого, он действительно захотел сменить куртку. И чтоб ему сгореть, он также собирался и побриться. Люди, ищущие его, проклятие, могут убить его, если захотят. Разорванная глотка лучше, чем этот зуд.

Илейн прогуливалась по дворцовому Саду Восходящего солнца. Этот меньший из садов находился на крыше восточного дворцового крыла и всегда был излюбленным местом ее матери. Он был обрамлен овалом белой каменной кладки, с высокой искривленной задней стеной

Отсюда Илейн открывался широкий вид на город. В ранние годы ей нравились сады расположенные ниже, потому что они были уединенными. Именно в тех садах она встретилась в первый раз с Рандом. Она прижала руку к животу. Хотя она чувствовала себя огромной, беременность только начинала становится заметной. К сожалению, ей пришлось сделать заказ на полностью новый гардероб. Вероятно в ближайшие месяцы ей придется это повторить. Какое беспокойство.

Илейн продолжала прогуливаться по саду. Розовые вьюнки и белые утренние звезды цвели на клумбах. Цветение не было таким обильным, как должно было быть, и уже ослабевало. Садовники жаловались, что ничего не помогало. За городом трава и сорняки увядали широкими полосами, и пестрое одеяло лугов и полей имело унылый коричневый цвет. Она грядет, думала Илейн. Она продолжила свой путь, идя по дорожке, выполненной из упругой подстриженной травы. Усилия садовников не были безрезультатны. Трава здесь была главным образом зеленой, а воздух пах розами, посаженными вдоль стены. На них были коричневые пятна, но они цвели.

Журчащий ручеек, заботливо обложенный речной галькой, бежал по центру сада. Поток работал только во время ее посещений, водой нужно было заполнять цистерну.

Илейн остановилась у еще одного обзорного места. Королева не имела такой же возможности уединиться, как дочь-наследница. Бергитте подошла ближе к ней. Она держала руки поперек груди, пристально глядя на Илейн.

"Что?", спросила Илейн.

"Ты на открытом месте", сказала Бергитте "Любой вон там с луком и острым зрением может вернуть нацию к войне за престол."

Илейн закатила глаза. "Я в безопасности, Бергитте. Ничего со мной не произойдет".

"О, ну тогда я приношу извинения", заявила Бергитте. "Отрекшиеся на свободе и рассержены на тебя, Черные Айя несомненно разъярены, что ты захватили их агентов, и ты оскорбила некоторых дворян, которые попытались захватить у тебя трон. Очевидно, вообще никакой опасности не существует. Я тогда пойду за обедом".

"Как пожелаешь", огрызнулась Илейн. "Поскольку я в безопасности. У Мин было видение. Мои малыши родятся здоровыми. Мин никогда не ошибается, Бергитте".

"Мин сказала, что твои дети будут сильными и здоровыми, но ничего о твоем здоровье на момент их появления", ответила Бергитте.

"А как иначе они появятся?"

"Девочка, я видела людей, раненных в голову настолько сильно, что они уже никогда не оправятся", сказала Бергитте, "некоторые живут годы, но не произносят ни слова, вынуждены питаться жидкой пищей и ходить под себя. Ты можешь потерять руку или обе и все еще иметь здоровых детей. А что о людях, окружающих тебя? Ты подумала, какую опасность можешь на них навлечь?"

"Я очень сожалею о том, что случилось с Вандене и Сарейтой", сказала Илейн. "И с теми людьми, которые умерли, спасая меня. Не смей думать, что я не чувствую ответственности за них! Но королева должна быть готова принять бремя, если другие умирают во имя нее. Мы обсуждали это, Бергитте. Мы решили, что не было другого способа узнать, что Чесмал и другие появятся именно таким образом".

"Мы решили", сквозь сжатые зубы произнесла Бергитте , "что было бесполезно спорить дальше. Но я хочу, чтобы ты имела в виду - все что угодно могло пойти не так, как надо."

"Не могло", сказала Илейн, наблюдая за городом. "Мои дети будут в безопасности, а это означает, что и я тоже, вплоть до их рождения".

Бергитте испустила раздраженный вздох. "Глупая, упрямая..." Она затихла, поскольку одна из ближайших стражниц махала, чтобы привлечь ее внимание. Двое из Родни вступили на крышу. Илейн попросила их прийти для встречи с нею.

Бергитте встала около одного из невысоких вишневых деревьев, скрестив руки на груди. Обе женщины носили платья без украшений - Сумеко в желтом, Элис в синем. Элис была пониже ростом, с каштановыми волосами, подернутыми сединой, и она была более слабой в Силе, поэтому замедлилась в старении не так сильно, как Сумеко.

Обе женщины стали чувствовать себя уверенней в последнее время. Никто из Родни больше не пропадал или не был убит - за всеми убийствами стояла Кареане. Приспешник Темного, скрывавшийся среди них. Свет, от таких мыслей у Илейн кожа покрылась мурашками.

"Ваше Величество", присев в реверансе, проговорила Элис. Голос ее с легким тарабонским акцентом был невозмутим.

"Ваше Величество," обратилась также Сумеко, подражая своим спутницам и приседая в реверансе. Эти двое были более почтительны к Илейн, чем к другим Айз Седай в эти дни. Найнив привила Родне твердость характера в отношении к Белой Башне и Айз Седай, хотя Элис ни разу не показала Илейн, что нуждается в этом.

Во время осады Илейн начала относиться к Родне с раздражением. Однако в последнее время, она была удивлена. Они были чрезвычайно полезны для нее. Как далеко не заходила бы их вновь обретенная храбрость, Илейн кивнула каждой женщине и указала на три стула, которые были поставлены в тени вишневых деревьев.

Они уселись, ручей изгибался искусственным путем, протекая мимо них. Был мятный чай. Двое взяли по чашке чая и сильно

сдобрили его медом. Чай без этого в эти дни был ужасным на вкус.

"Как Родня?", спросила Илейн.

Обе женщины посмотрели друг на друга. Проклятье. Илэйн была слишком официальна с ними. Они знали, в чем было дело.

"У нас все хорошо, Ваше Величество," сказала Элис. "Похоже большинство женщин избавились от страха. По крайней мере, те, у кого была для этого мотивация. Я предполагаю, что те, кто этого не сделал, ушли самостоятельно и нашли себе смерть."

"Хорошо что не нужно тратить так много времени на Исцеления", отметила Сумеко . "Это становилось очень утомительным. Так много раненных, день за днем." Она поморщилась.

Элис была сделана из крепкого материала. Она пила чай маленькими глотками, лицо оставалось спокойным. Холодное и невозмутимое, как у Айз Седай. Это преимущество этих женщин, что их могут считать Айз Седай без подозрений, так как они не были непосредственно связаны с Белой Башней. Также у них не было полномочий.

"Вы можете считать, что я хочу кое-что спросить у вас", сказала Илейн, встречая взгляд Элис.

"Мы можем?", удивленно спросила Сумеко. Возможно Илейн оказала ей слишком много доверия.

Элис кивнула как подобает почтенной женщине. "Вы можете спросить большинство из нас, пока мы здесь, Ваше Величество. Нет, более того, я думаю у вас есть право спрашивать. Пока." Я пыталась приветствовать вас в Кеймлине", сказал Илейн. "Как я понимаю вы никогда не сможете вернуться домой, по крайней мере пока Шончан правят Эбу Дар."

"Верно.", согласилась Элис. "Но едва ли можно назвать Эбу Дар нашим домом. Это всего лишь место, где мы нашли себя. Меньше, чем дом, но больше, чем необходимость. В любом случае многие из нас приходят и покидают город, чтобы не быть узнанными."

"Вы решили где теперь остановитесь?"

"Направимся в Тар Валон," сказала Сумеко быстро. "Найнив Седай сказала – Я уверена, что для некоторых из вас там найдется место,"прервала ее Илэйн . "Те, кто хотят стать Айз Седай. Эгвейн будет стремиться дать второй шанс любой из Родни, кто захочет попробоват получить шаль. Но что будет с остальными?"

"Мы говорили об этом," сказала осторожно Элис , прищуриваясь. "Мы связанны с Башней, будем местом, куда могли бы уйти на покой Айз Седай."

"И все же вы не пойдете в Тар Валон. Разве будет Родня

хорошим местом для Айз Седай отошедших от политики, если это будет так близко к Белой Башне?"

"Мы предполагали остаться здесь,"-ответила Элис.

"Также предполагала и я,"- добавила Илейн осторожно. "Но в предположениях нет силы. Взамен я могу предложить вам договор. В конце-концов, если вы останетесь в Кэймлине, я не вижу причин, чтобы не предложить вам поддержку от лица Короны."

"Но что взамен?"-спросила Элис. Сумеко, сбитая с толку, сдвинула брови.

"Не так много," сказала Илейн. "Действительно, да и не плата вобще. Случайная одолжения, какие вы делали и раньше для короны."

Сад погрузился в тишину. Снизу подымались слабые звуки города, и ветки задрожали на ветру, сбросив несколько коричневых листьев между Илейн и Родней.

"Это кажется опасным," сказала Элис, делая глоток чая. "Конечно, Вы не предлагаете создать в Кеймлине конкурента , Белой Башне."

"Ничего подобного", быстро сказала Илейн. "Я - сама Айз Седай, в конце концов. И Эгвейн говорила о позволении Родне существовать как и раньше, до тех пор пока они признают ее власть."

"Я не уверена, в том, что мы хотим оставаться такими, какими были прежде", сказала Элис. "Белая Башня оставила нас проживать наши жизни в ужасе того, что мы можем быть обнаружены. Но все это время они использовали нас. Чем больше мы обсуждаем, тем меньше ... это забавляет нас."

"Говори за себя, Элис", сказала Сумеко. "Я планирую снова пройти испытание и вернуться в Башню. Я буду Желтой, запомни мои слова."

"Возможно, но я не нужна им", сказала Элис. "Я слишком слаба. Я не хочу застрять на полпути, кланяться каждой проходящей Сестре и соглашаться стирать ее одежду. Но также я не могу перестать направлять. Я не сделаю этого. Эгвейн Седай сказала, что разрешит Родне остаться, но сможем ли мы открыто использовать Единую Силу?"

"Я полагаю, вы сможете", сказал Илейн. "Многое из этого было идеей Эгвейн. Она конечно не будет посылать Айз Седай на пенсию, если запретит им направлять. Нет, дни, когда женщины вне Башни должны были направлять тайно в прошлом. Ищущие Ветер, Хранительницы Мудрости Айил доказали, что пришло время перемен."

"Возможно", сказала Элис. "Но передать нас на службу Короне

Андора - это совсем другое."

"Мы должны убедиться, что не будем противоречить интересам Башни," сказала Илэйн. "И вы должны принять власть Амерлин. Так в чем проблема? Айз Седай оказывают услуги королям по всей земле."

Элис потягивала чай. "Ваше предложение достойно. Но это зависит от типа просьб Королевы Андора."

"Я буду просить только о двух вещах" сказала Илейн. "Перемещение и Исцеление. Вы не будете вовлечены в наши конфликты, вы не будете частью нашей политики. Просто согласие исцелять моих людей, которые больны и ежедневно назначать группу женщин, которые будут открывать Врата туда, куда укажет Корона."

"Это все еще очень сильно походит на Вашу собственную Белую Башню," сказал Элис. Сумеко нахмурилась.

"Нет, нет," откликнулась Илейн. "Белая Башня инструмент власти, политики. Вы хотите быть чем-то другим. Представьте себе место в Кэймлине, куда может приехать любой, чтобы получить Исцеление, бесплатно. Представьте себе город без болезней. Представьте себе мир, где пища мгновенно может попасть к тем, кто в ней нуждается."

"И королеву, которая может посылать войска куда хочет ", сказала Элис "Чьи солдаты могут день воевать и наследующий быть излеченными от ран. Королева которая может получать приличный доход с торговцев за доступ к Вратам." Она снова отхлебнула чаю.

"Да", признала Илейн. Хотя она не была уверена в том, как собирается убедить Эгвейн позволить ей быть частью этого.

"Мы хотим половину," сказал Элис. "Половина из того что Вы возьмете за Исцеление и Перемещение."

Исцеление безплатно," сказал Элейн твердо. "Для любого, кто приходит, независимо от положения. Люди рассматриваються в порядке серьезности их болезни, а не в порядке их положения."

"Я могу согласиться с этим," сказала Элис.

Сумеко повернулась к ней, широко раскрыв глаза. "Ты не можешь говорить за нас. Ты сама бросила мне в лицо, что Круг Родни должен распасться, что мы должны покинуть Эбу Дар. Кроме того, согласно Правилам - "Я говорю только за себя, Сумеко," сказала Элис. "и за тех, кто следует за мной. Родни, которую мы знали, больше нет. Мы были всецело поглощены необходимостью остаться незамеченными, а она теперь отпала."

Сумеко замолчала. "Ты имеешь в виду, присоединиться к Айз Седай, мой друг," сказала Элис, скрестив руки. "Но у них не будет меня, при этом у меня не будет их. Я нуждаюсь в этом, также как

и другие."

"Но чтобы связать себя с троном Андора..."

"Мы связываем себя с Белой Башней," сказал Элис. "Но живем в Кеймлине. Оба имеют свои преимущества. Мы не достаточно сильны, чтобы быть самостоятельными, Андор столь же хорошее место как любое другое. И в этом есть польза Белой Башни, и польза для Дракона Возрожденного. Поэтому ми и здесь , главным образом."

"Вы можете измениться," сказал Илейн, становясь взволнованной. "Правила моут быть персмотрены по новому. Вы можете разрешить Родне выходить замуж, если Вы хотите. Я думаю, что это было бы лутше."

"Почему?" спросила Элис.

"Потому, что это свяжет их", объяснила Илейн. "Это уменьшит угрозу для Белой Башни. Это поможет вам приспособиться. Так поступают некоторые женщины из Белой Башни, и это даст вам то, что сделает Родню более заманчивой, как возможный вариант."

Элис задумчиво кивнула; Сумеко, казалось, обдумывает. Илейн с сожалением признала, что не будет скучать по женщине, когда она уедет. Илейн намеревалась заставить их пересмотреть правила выбора лидеров. Было бы намного удобней, если бы она могла работать с такими как Элис. С другой стороны, как бы не оказалось, что она окажется самой старой среди них.

"Я всё ещё думаю об Амерлин," сказала Элис. "Айз Седай не берут денег за помощь. Что она скажет, когда мы начнём делать это?"

"Я поговорю с Эгвейн," повторилась Илейн. "Я уверена, что могу убедить ее, что Родня, и Андор, не являются никакой угрозой ей."

Будем надеяться. Был шанс чего-то невероятного в Родне, шанс для Андора иметь постоянный и недорогой доступ к Вратам. Это может поставить ее на один уровень с Шончан.

Она говорила с женщинами подольше, удостоверяясь, что они чувствовали уделяемое им должное внимание. В конечном счете, она отпустила их, но задержалась в саду, остановившись между двумя клумбами с колокольчиками, с их гроздями крошечных, вазоподобных соцветий, колеблющихся на ветру. Она пыталась не смотреть на пустую клумбу позади них. Колокольчики там имели цвет крови и даже сочились чем то красным, когда их срезали. Садовники вытащили их.

Шончан прийдут в Андор рано или поздно. К тому времени, армии Ранда, вероятно, будут ослаблены и изломаны в битве, их лидер, возможно мертв. Снова, ее сердце сжалось от признания

такой возможности, но она не может сбежать от правды.

Андор станет наградой Шончан. Шахты и богатые земли ее королевства будут манить их, как и близость к Тар Валону. Кроме того, она подозревала, что те, кто заявлял о себе , как о наследниках, Артура Ястребиного Крыла никогда не будет удовлетворены, пока не займут все, что когда-то принадлежало их предку.

Илейн оберегала свой народ. Ее народ. Полный тех, кто доверил ей охранять и защищать себя. У многих из тех, кто поддержал ее претензии на престол было мало веры в нее. Но она была их лучшим выбором, единственным выбором. Она собирается показать им мудрость их решения.

Защита Родни может быть первым шагом. Рано или поздно, Шончан научаться Перемещению. Им всего лишь нужно захватить женщину, которая знает плетения, и вскоре всякая и каждая дамани с необходимым уровнем Силы сможет создать Врата. Илейн тоже нужен доступ к ним.

Чего у нее нет так это способных направлять, которые могут участвовать в битве. Она знала, что не может просить об этом Родню. Они бы никогда не согласились как и Эгвейн. Ни тем более сама Илейн. Заставлять женщину использовать Силу как оружие делает ее не лучше Шончан.

К несчастью, Илейн знала как хорошо женщины могут разрушать с помощью Единой Силы. Она могла быть связанной в фургоне, пока Бергитте возглавляла атаку на Черную Айя, которая похитила ее в Кеймлине, но она не может не видеть последствий таких событий. Сотни мертвых, еще большее количество раненных, дюжины выженных, скрученные трупы.

Ей нужно что-нибудь. На границе против Шончан. Что-нибудь, что уравновесит их дамани в битве. Она могла думать только о Черной Башне. Они были на земле Андора. Она сказала им, что считает их частью своего народа, но до сих пор ограничивалась лишь наблюдателями.

Что может случиться с ними, если Ранд умрет? Осмелится ли она встать против них? Осмелится ли она ждать еще чего-нибудь?

Глава 18

Сила этого места.

Перрин бежал сквозь темноту. Водяная морось касалась его лица и оседала на бороде. Его разум был затуманен, отстранён. Куда он направляется? Что он делает? Почему он бежит?

Он взревел и рванулся, продираясь сквозь покров темноты, и вырываясь к открытому месту. Он глубоко вздохнул и опустился на вершину обрывистого холма, местами покрытого короткой травой с кольцом деревьев у подножия. Небеса грохотали и вспенивались облаками, напоминая кипящий котел со смолой.

Он был в волчьем сне. Его тело дремало в реальном мире, на этой вершине холма, с Фейли. Он улыбнулся, глубоко дыша. Проблемы не исчезли. На самом деле, учитывая ультиматум Белоплащников, они казались ещё большими. Но с Фейли всё было хорошо. Этот простой факт менял так много. Когда она с ним, он может сделать что угодно.

Он спрыгнул со склона и пересек открытое пространство, где его армия разбила лагерь. Они были здесь уже достаточно долго, чтобы признаки этого появились в волчьем сне. Палатки отражали реальный мир, хотя их клапаны оказывались в разном положении каждый раз, как он смотрел на них. Костровые ямы, колеи на дорогах, случайные частицы мусора или сломанные инструменты. Они могли появиться и затем исчезнуть.

Он быстро пересек лагерь, проходя десять обычных шагов за шаг. Раньше отсутствие людей в лагере могло показаться ему зловещим, но теперь он уже привык к волчьим снам. Это было естественно.

Перрин приблизился к статуе возле лагеря, затем взглянул на выщербленный камень, поросший чёрным, оранжевым и зелёным лишайником. По всей видимости, статуя была установлена как-то странно, раз она упала таким образом. Почти казалось, что она была создана такой - гигантские руки, вырывающиеся из глины.

Перрин повернул к юго-востоку, в направлении, где должен быть лагерь Белоплащников. У него было к ним дело. Он становился всё больше убеждён, даже уверен, что он не сможет продолжать, пока не встанет лицом к лицу с этими тенями из прошлого.

У него был единственный надежный путь решения проблемы. Тщательно установленная при помощи Аша'манов и

Хранительниц Мудрости ловушка, которой Перрин мог нанести Детям такой урон, что они не скоро оправились бы. Он, возможно, уничтожит их навсегда как единую организацию.

У него есть способ, возможность и причина. Достаточно страха этим землям, достаточно глумящихся Белоплащников. Он прыгнул вперед, пролетев тридцать шагов и мягко приземлился. Затем сорвался с места и побежал по дороге на северо-восток.

Он обнаружил лагерь Белоплащников на лесной прогалине. Тысячи белых палаток были установлены ровными кольцами. Палатки почти десяти тысяч Детей Света вместе с десятью тысячами торговцев и других солдат. По оценке Балвера это были практически все оставшиеся Дети, хотя он и не сказал откуда у него такая информация. Будем надеяться, что ненависть блеклого человечка к Белоплащникам не застлала ему глаза.

Перрин двигался среди палаток, пытаясь обнаружить что-нибудь, что упустили Илайс и Айильцы. Это было маловероятно, но он считал, что стоит попытаться, раз уж он здесь. Кроме того, он хотел увидеть это место своими глазами. Он поднимал откидные пологи, двигался среди групп палаток, изучая место и пытаясь почувствовать его и его обитателей. Лагерь был разбит очень упорядоченно. Внутренняя обстановка палаток была менее неизменна, чем сами палатки, но то, что он видел, также содержалось в порядке.

Белоплащники любили содержать вещи в чистоте, порядке и аккуратности. И они любили делать вид, что и остальной мир можно отполировать и отчистить таким же образом, а людей определить и объяснить одним или двумя словами.

Перрин тряхнул головой, направляясь к палатке Лорда Капитана-Командора. Расстановка палаток легко вывела его к ней, в центр круга. Она не была намного больше остальных, и Перрин нырнул внутрь, пытаясь найти что-нибудь, что сможет использовать. Она была обставлена просто, с кроватью, оказывающайся на новом месте каждый раз, когда Перрин смотрел на нее, параллельно со столом, содержащим предметы, которые случайным образом исчезали и появлялись.

Перрин подошёл к нему, подхватывая что-то, что там появилось. Кольцо с печатью. Он не узнал знак, летящий кинжал, но отложил себе в память за мгновение до того, как кольцо исчезло из его пальцев, будучи слишком нестойким, чтобы долго оставаться в волчьем сне. Хотя он уже встречался с командиром Белоплащников и общался с ним, он мало знал о его прошлом. Возможно, это сможет помочь.

Он ещё немного поискал в палатке, затем, ничего не найдя, он пошел к большому шатру, где по объяснениям Гаула

содержались пленники. Здесь, на мгновение он увидел шляпу Мастера Гилла, которая затем исчезла.

Удовлетворенный, Перрин вышел из палатки. Как только он сделал это, он понял, что что-то беспокоит его. Следовало ли ему поступить так же, когда похитили Фейли? Он послал множество разведчиков в Майден. Свет, ведь он должен был удержаться от самостоятельных поисков Фейли. Но он никогда не пытался посетить то место в волчьих снах.

Возможно это было бы бесполезно. Но он даже не рассматривал такую возможность, и это смутило его.

Он замер, проходя мимо повозки, стоявшей возле одной из палаток Белоплащников. Её задняя часть была открыта, и в ней лежал матёрый седой волк, наблюдая за ним.

"Я позволил себе слишком сосредоточиться, Прыгун", сказал Перрин. "Когда я иду к цели, это может сделать меня беспечным. Это может быть опасно. Как в битве, когда твое внимание приковано к противнику впереди тебя и ты не можешь увидеть лучника в стороне."

Прыгун открыл пасть, пытаясь изобразить волчью улыбку. Он выпрыгнул из корзины. Перрин мог почувствовать других волков неподалеку - другая стая бежала впереди. Танцующий Дуб, Искрящийся и Безграничный.

"Все в порядке"- сказал он Прыгуну. "Я готов к обучению".

Прыгун уселся на задние лапы и уставился на Перрина. "Следуй" послал волк.

Затем пропал.

Перрин огляделся. Куда исчез волк? В поисках он пересек лагерь, но не нашел следов Прыгуна. Он попытался найти его разумом. Ничего.

"Юный Бык." Вдруг Прыгун появился позади него. "Следуй." Он снова исчез.

Перрин зарычал. Мухой обежал лагерь. Когда он не нашел волка, он вернулся на поле, где встретил Прыгуна в последний раз. Волка там не было. Перрин стоял посреди колыхающихся колосьев, разочарованный.

Прыгун появился несколькими минутами позже. От волка пахло досадой. "Следуй!" послал он.

"Я не знаю как", сказал Перрин. "Прыгун, я не знаю, куда ты собрался."

Волк присел. Он послал образ волчонка, который присоединяется к другим в стае. Волчонок следит за старшими и делает все как они.

"Я - не волк, Прыгун", сказал Перрин. "Я не смогу учиться подобным образом. Ты должен объяснить мне, что я должен

делать."

Направляйся сюда. Волк, как ни странно, послал образ Эмондового Луга. Потом он пропал.

Перрин последовал и появился на знакомой лужайке. Здания вдоль нее выглядели странными. Эмондов Луг должен быть маленькой деревушкой, а не городом с каменной стеной и мощенной дорогой, проходившей около гостиницы мэра. Многое изменилось за краткое время его отсутствия.

"Зачем мы пришли сюда?" спросил Перрин. Знамя с Волчьей головой все еще было поднято посреди луга. Это могло быть частью волчьего сна, но он в этом сомневался. Он слишком хорошо знал, с какой охотой двуреченцы поднимут знамя Перрина Златоокого.

"Люди - странные", послал Прыгун.

Перрин повернулся к старому волку.

"У людей странные мысли", сказал Прыгун "Мы не пытаемся понять их. Почему олень убегает, воробей летает, а дерево растет? Потому, что это так. Вот и все."

"Ну хорошо", согласился Перрин.

"Я не могу научить воробья охотиться" продолжал Прыгун."А воробей не научит волка летать".

"Но здесь ты можешь летать", сказал Перин.

"Да. И меня не учили. Я знаю это. " Прыгун пах возбуждением и смущением. Все волки помнят всё, что хотя бы один из них знает. Прыгун был разочарован, потому что он хотел учить Перрина, но он не привык делать что-либо, как люди.

"Пожалуйста", попросил Перрин. "Попытайся объяснить мне, что ты имеешь в виду. Ты всегда говоришь мне, когда я здесь: "слишком сильно", Ты сказал, что это опасно. Почему?"

"Ты дремлешь", ответил Прыгун. "Тебе нельзя оставаться здесь слишком долго. Ты всегда должен помнить, что то, что ты здесь - это неестественно. Это не твое логово."

Прыгун повернулся к домам вокруг них. Это - твое логово. Логово твоего отца. Это место. Помни об этом. Я пытаюсь оградить тебя , чтобы ты не забывал. Как это произошло с одним из вас. Ты понимаешь.

Это был не вопрос, хотя это было похоже на оправдание. Прыгун не был уверен, как объяснять дальше.

"Я могу попробовать", подумал Перрин, пытаясь как можно точнее понять послания. Но Прыгун был неправ. Это место не было его домом. Дом Перрина - там, где Фейли. Он должен помнить, об этом, так или иначе, чтобы защитить себя от слишком сильно влияния волчьих снов.

"Я вижу ее в твоем разуме, Юный Бык", послал Прыгун,

склонив голову. Она похожа на рой пчел со сладким медом и острыми жалами. Представление Прыгуном Фейли походило на сбивающую с толка волчицу. Сначала она игриво трется носом, затем рычит, когда ты отказываешься разделить ее добычу.

Перрин улыбнулся

"Память - это часть", послал Прыгун. "Но другая часть - это ты. Ты должен остаться Юным Быком. Волки отражались в воде, мерцали и росли, когда рябь пересекала отражения."

Сила этого места, Прыгун послал изображение волка, вырезанного из камня, твоя сила. Волк задумался на мгновение. Стой. Останся. Будь собой.

При этом волк стоял и делал вид, как будто готовится прыгнуть на Перрина. Смущенный, Перрин представил себе, образ себя самого, удерживая этот образ в голове так сильно, как только мог. Прыгун побежал и прыгнул на него, врезаясь своим телом в Перрина. Он делал так и раньше, заставляя Перрина выходить из волчьего сна. Однако, на сей раз, Перрин ждал этого. Инстинктивно, Перрин дернулся назад. Волчий сон дрогнул вокруг него, но потом стал снова устойчивым. Прыгун отскочил от него, хотя и Перрин и тяжелый волк должны были грохнуться на землю. Прыгун потряс головой, будто его оглушили. "Хорошо", послал он, довольный." Ты хорошо учишься. Повторим." Перрин как раз вовремя занял устойчивое положение, когда Прыгун врезался в него снова. Перрин зарычал, но устоял. Потом, Прыгун послал изображение - поле колосьев. Прыгун исчез, и Перрин последовал за ним. Как только он появился, волк врезался в него разумом и телом. На сей раз Перрин упал на землю, все мерцало и колебалось. Он чувствовал, что его выталкивают, выбрасывая из волчего сна в свой собственный. Нет! он думал, удерживая образ себя стоящего на коленях среди того поля колосьев. Он был там. Он представлял себе это, плотным и реальным. Он чувствовал запах овса, влажного воздуха, насыщенного ароматами грязи и опавшей листвы. Пейзаж образовал единое целое. Он задыхался, опустившись на землю, но он все еще был в волчьих снах. "Хорошо", передал Прыгун. "Ты быстро учишься" "У меня нет другого выхода" сказал Перрин, поднимаясь на ноги. "Последняя Охота приближается", согласился Прыгун, посылая образ лагеря Белоплащников. Перрен отправился следом, крепясь. Атаки не было. Он посмотрел вокруг в поисках волка. Что-то врезалось в его разум. В этом не было движения, только мысленная атака. Она не была так сильна, как прежде, но была неожиданна. Перрин еле справился с ней. Прыгун рухнул с небес, грациозно приземляясь на землю. Всегда будь начеку, передал волк. Всегда, но особенно, когда ты движешься. Образ осторожного волка ,

втягивающего ноздрями воздух перед выходом на открытое пастбище.

Я понимаю.

Но выходит не очень, упрекнул Прыгун. Сразу же, Перрин вынудил себя вспомнить Фейли и место, где он спал. Его дом. Он... немного растворился.Его кожа стала просвечивать, Волчий сон остался таким же, но стал ощущаться более открытым. Хорошо, послал Прыгун. Всегда готов, и в тоже время не слишком глубоко погружаешся. Как мы носим щенков в пасти. "Это не легко, балансировать," сказал Перрин. Прыгун послал немного запутанный аромат. Конечно, это было трудно. Перрин улыбнулся. Что теперь?

"Бежим", послал Прыгун."Затем больше практики" Волк умчался прочь, превратившись в серебристо-серое пятно. Перрин последовал за ним. Он чувствовал получаемый от Прыгуна — аромат, который был странно подобен тому, которым пахло от Тема, когда он занимался обучением беженцев. Это заставило Перрина улыбнуться. Они бежали вниз по дороге, и Перрин практиковался в балансе, чтобы не погружаться в Сон глубоко, и быть готовым укрепить сознание в любой момент. Периодически Прыгун нападал на него, пытаясь выбросить его с Волчего Сна. Они продолжали, пока Прыгун— внезапно — не остановился. Перрин пробежал немного в перед, опередив волка и остановился. Что-то было перед ним. Прозрачная фиолетовая стена, перекрывавшая дорогу. Она упиралась в небо и уходила как в право, так и в лево. "Прыгун"? спросил Перрин. "Что это такое?"

Нечто неправильное, ответил Прыгун. Она не должна здесь быть. Волк пах сердито. Перрин вышел вперед и поднял руку к поверхности, но колебался. Это было похоже на стекло. Он никогда не видел ничего подобного в волчьем сне. Возможно это был пузырь зла? Он глянул в небо. Стена внезапно вспыхнула и исчезла. Перрин моргнул и отскочил назад. Он взглянул на Прыгуна. Волк сидел на задних лапах, уставившись на место, где была стена. Пошли, Юный Бык, послал наконец волк, вставая. Мы будем практиковать в другом месте. Он побежал прочь. Перрин глянул вниз на дорогу. Если стена и была то она не оставила и следа своего существования. Взволнованый, Перрин последовал за Прыгуном.

- Сожги меня, где эти лучники! - Родел Итуральде поднялся на вершину склона. - Я хотел, чтобы они были на передовых башнях час назад, что бы помочь арбалетчикам! Вокруг раздавались звуки битвы: лязг, крики, мычание, глухие удары, рев. Отряд Троллоков волной пересекал реку: на плотах, плавучих

мостах, выполненных из бревен. Троллоки ненавидели перебираться через воду. Нужно нечто большее, чтобы заставить их сделать это. Вот почему это укрепление было настолько полезно. Склон холма уходил непосредственно вниз к единственному подходящему броду на многие лиги. С севера Троллоки прорывались через Запустение и выходили прямо к реке Аринелл. Если бы они смогли пересечь реку, то упирались в склон холма, изрытый траншеями, с защитными валами и башнями на верху холма. Не было другого способа добраться до Марадона, кроме как через этот холм. Это была идеальная позиция для сдерживания превосходящих сил, но даже лучшие укрепления могли быть прорваны, особенно когда ваши люди устали от недель сражений. Прорвавшиеся Троллоки взбирались по склону под градом стрел, сваливались в траншеи, преодолевая высокие насыпи. Вершина холма была плоской, там, в верхнем лагере, располагался командный пункт Итуральде. Он отдавал приказы, пока смотрел сверху на переплетение траншей, насыпей и башен. Троллоки умирали от копьеносцев, находившихся за одним из валов. Итуральде смотрел, пока последний троллок - огромный, с бараньей мордой и звериным рыком - не умер с тремя пиками в животе. Выглядело, как будто накатывала волна, когда Мурдраал вел другую орду Троллоков через проход. Достаточно много тел находилось в реке, забив ее настолько, что по трупам могли перемещаться бегущие сзади.

- Лучники! - проревел Итуральде. - Где эти проклятые...

Наконец мимо пробежала группа лучников, часть резерва, что он содержал. У большинства из них была медная кожа доманийцев, хотя было несколько тарабонцев. Они несли большое разнообразие луков: узкие большие доманийские луки, кривые короткие салдейские луки, собранные на охранных постах или в деревнях, даже несколько длинных двуреченских луков.

- Лидрин, - позвал Итуральде. Молодой, с жестким взглядом, офицер поспешил к ему. Коричневая униформа Лидрина была мятой и грязной на коленях, не из-за отсутствия дисциплины, просто сейчас было такое время, когда его люди нуждались в нем больше, чем его прачечная.

- Иди с лучниками к башням, - сказал Итуральде. - Троллоки собираются нанести еще удар. Я не хочу чтобы какой-нибудь кулак прорвался к вершине, слышишь меня? Если они захватят нашу позицию и используют ее против нас, у меня будет паршивое утро. Лидрин не улыбнулся комментарию, как он однажды может и сделал. Он вообще больше не улыбался; обычно только когда он добирался до Троллока, чтобы убить его. Он отсалютовал, и развернувшись, припустил за лучниками.

Итуральде повернулся и взглянул на заднюю сторону холма. Там, в тени крутого склона, был расположен нижний лагерь. Этот холм был естественным формированием, но салдейцы за эти годы сделали склон со стороны реки более длинным и более крутым на противоположной стороне. В нижнем лагере его войска могли спать и есть, и защищать запасы; от вражеских стрел все находилось под защитой крутого склона, на котором теперь стоял Итуральде. Оба его лагеря, верхний и нижний, были похожи на залатанную вещь. Некоторые из палаток были куплены в деревенях Салдейи, некоторые доманийской работы и десятки были доставлены через врата со всех уголков земли. Многие из них были огромным полосатыми палатками из Кайриена. Они защищали от дождя его людей и этого было достаточно. Салдейцы, определенно, умели строить защитные сооружения. Вот если только Итуральде смог бы убедить их покинуть свое убежище и прийти на помощь.

- Так, - сказал Итуральде. - Где...?

Он осекся, поскольку что-то темное появилось в небе. У него было время только ругнуться и броситься в сторону, как группа больших объектов, образуя высокую дугу, дождем обрушилась на верхний лагерь, вызвав завывания боли и беспорядок. Это были не камни. Трупы. Большие неповоротливые тела мертвых троллоков. Армия отродий Тени наконец то установила требушеты.

Часть Итуральде была впечатлена тем, что он вынудил их сделать это. Осадное оборудование несомненно было приготовлено для нападения на Марадон, который находился немного южнее. Установка катапульт за бродом для атаки линий защиты Итуральде не только может замедлить отродий Тени, но и открывала их требушеты для его ответного огня.

Он не ожидал, что метать будут трупы. Он выругался, так как небо снова потемнело, вызвав падение еще большего количества тел, которые сбивали палатки и крушили солдат.

- Целители! - крикнул Итуральде. - Где эти Ашаманы? Он сильно нагружал их, как только началась осада, доводя до грани истощения. Теперь он их придерживал, используя только когда Троллоки подбирались слишком близко к верхнему лагерю.

- Милорд! - Молодой посыльный с грязью под ногтями пробирался от линии фронта. Его лицо Домани было пепельным, и он был все еще слишком молод, чтобы вырастить надлежащие усы. - Капитан Финсас сообщает, что армия отродий выстраивает требушеты в пределах досягаемости, в количестве шестнадцать штук.

- Позвольте заметить капитану Финсасу, что его проклятый

расчет времени мог быть и лучше, - прорычал Итуральде.

- Сожалею, милорд. Они протащили их через проход прежде, чем мы выяснили, что происходит. Первый залп поразил наш наблюдательный пост. Сам лорд Финсас был ранен. Итуральде кивнул. Прибыл Раджаби, чтобы принять командование верхним лагерем и разобраться с раненными. Много тел поразило также и нижний лагерь. Требушеты имели высоту и диапазон стрельбы, позволяющие вести огонь выше холма и атаковать ранее защищенные места. Следовало бы перенести нижний лагерь дальше по равнине по направлению к Марадону, но это увеличит время сообщения. Проклятый пепел.

- Я особо то и не клялся, - думал Итуральде. Это тот мальчик, Дракон Возрожденный. Ранд алТор дал Итуральде обещания, какие то словами, какие то намеками. Обещания защитить Арад Доман от Шончан. Обещания, что Итуральде мог жить, а не умереть, загнанный в ловушку Шончан. Обещания дать ему что то сделать, что то важное, что то жизненно необходимое. Что то невозможное.

Сдержи Тень. Сражайся, пока не прибудет помощь.

Небо снова потемнело, и Итуральде нырнул в шатер командования, у которого была деревянная крыша, предусмотренная против осадных орудий. Он боялся залпов небольших камней, но не тел. Люди рассеялись, что бы помочь отнести раненных в относиьельню безопасность нижнего лагеря и оттуда, через равнину, к Марадон. Раджаби привел подкрепление. У с трудом двигающегося мужчины шея была толщиной с десятилетний ясень и почти такие же руки. Он хромал при ходьбе, во время битвы он получил ранение в левую ногу и ее ампутировали по колено. Айз Седай исцелили его как могли и теперь он ходил на костыле. Он отказался уйти с тяжело раненными и Итуральде не вынуждал его. Зачем отбрасывать хорошего офицера из-за одной раны.

Молодой офицер вздрогнул, когда раздутые туши ударили по крише палатки. Офицер - Зелл - не имел медной кожи Доманийца, хотя и носил Доманийские усы и родинку в виде стрелки на щеке. Здесь они не могли долго держаться против Троллоков, не с их числом людей. Итуральде следовало бы отступать, шаг за шагом, дальше в Салдейю, и еще дальше к Арад Доман. Странно, как бы он не отступал, но всегда по направлению к родине. Сначала с юга, теперь с севера. Арад Доман был бы сокрушен между Шончан и Троллоками. Тебе лучше сдержать свое слово, мальчик. К сожалению, он не мог отступить в Марадон. Салдейцы довольно ясно дали понять, что считают Итуральде - и Дракона Возрожденного - захватчиками.

Проклятые дураки. По крайней мере у него была возможность уничтожить те осадные машины. Еще одно тело ударило о крышу шатра, но крыша выдержала. Судя по вони - а, возможно, по всплеску - этого мертвого троллока, они не выбирали из числа новых трупов, оставшихся после этого штурма. Уверенный, что его офицеры следуют своим обязанностям - сейчас не было времени вмешиваться - Итуральде сцепил руки за спиной. Видя его, солдаты, и снаружи и внутри, встали немного прямее. Лучший план длится, пока не поразит первая стрела, но решительный, упорный коммандир мог внести порядок в хоас одним своим внешним видом. Наверху бушевал шторм, облака из серебра и черноты походили на почерневший котел, висящий над огнем, и сияющий частичками стали сквозь слой сажи. Это было не естественно. Дать его людям увидеть, что он не боится этого, даже когда на них градом сыплются трупы. Раненный были унесены и люди в нижнем лагере начали разбирать его, что переместить дальше. Он держал лучников и арбалетчиков наготове, копейщики находились за насыпями. У него была значительная конница, но он не мог использоваь ее здесь. Эти требушеты, если их оставить, снесут его людей булижниками и осколками. Но Итуральде наверевался сжечь их первым, используя ашаманов или массированный удар горящими стрелами через ворота. Если б только он мог отступить в Марадон. Но тамошний лорд не впустил бы его; если бы Итуральде отступил к городу, то был бы разбит у этих стен Троллоками. Треклятое дурачье. Какими идиотами надо быть, что бы отказать в убежище людям, когда армия отродий Тени стучится в их ворота?

- Мне нужна оценка повреждений, - сказал Итуральде лейтенанту Нильсу. - Подготовьте к атаке на те осадные машины лучников и приведите двоих из Ашаманов, находящихся при иполнении. Скажите капитану Кридину наблюдать за атаками Троллоков через брод. Они удвоят свои усилия после этого обстрела, так как будут считать, что привели нас в замешательство.

Молодой человек кивнул и поспешил выйти, поскольку в шатер, похрамывая и поглаживая сбой подбородок, вошел Раджаби. "Вы снова угадали на счет тех требушетов. Они готовили их против нас."

"Я пытаюсь всегда угадать," сказал Итуральде. "Когда я этого не делаю, мы проигрываем."

Раджаби проворчал. Наверху, шторм вскипел. На расстоянии Итуральде мог слышать призывы Троллоков. Бой военных барабанов. Крики мужчин.

"Что-то неправильно,"сказал Итуральде.

"Вся эта проклятая война, неправильная," сказал Раджаби. "Мы не должны быть здесь; это обязяность Салдейцев. Всей их армии, а не только нескольких всадников что дал нам Возрожденный дракон."

"Более того," сказал Итуральде, разглядывая небо. "Почему трупы, Раджаби?"

"Чтобы деморализовать нас."

Это не неизвестная тактика. Но первые залпы? Почему не использовать камни, они причинили бы больше вреда, и только потом бросать тела, оставив сюрпризы на потом? У Троллоков не хватит мозгов для тактики, но Исчезающие... они могут быть коварны. Он узнал это из первых рук.

Итуральде взглянул на небо - последовал следующий мощный залп, который казался порождением темных облаков. Свет, где они взяли так много требушетов, чтобы метать сотни трупов. Мальчик сказал что количество около шеснадцати. Не достаточно. Некоторые из туш падали слишком правильно? Это поразило его как градом. Эти умные проклятые твари!

"Лучники!" закричал Итуральде. "Лучники, смотреть в небо! Это не тела!"

Но было слишком поздно. Когда он кричал, Драгкары развернули свои крылья; а более половины "туш" в этом залпе были живыми отродиями Тени, скрываясь среди падающих тел. После того, как первые Дракары напали на его армию несколько дней назад, он поставил лучников, постоянно, день и ночь, наблюдать за небом.

Но у лучников не было приказа стрелять в падающее тела. Итуральде продолжал реветь, когда он вискочил из палатки и выхватывая свой меч из ножен. Верхний лагерь стал хаосом, поскольку Драгкары опускались среди солдат. Большое количество их опустилось возле палатки командуущего, их слишком большие черные глаза блестели, влекущие людей к себе сладкими песнями. Итуральде кричал столь громко как мог, наполняя свои уши звуком своего же голоса.Одно из животных двинулось к нему, но его крик помешал ему услышать напев. Это, выглядело удивленным — он и сам удивился с того, как что-то столь жестокое могло так смотреть — он кинулся к этому, делая ложный выпад, и на выходе рубя по шее. Темная кровь, заструилась по молочной белой коже когда Ируальде все еще крича, выдернул лезвие.

Он видел, что Раджаби споткнулся и упал на землю, поскольку одно из Отродий Тени прыгнуло к нему. Итуральде не мог пойти к нему он столкнулся сам з другой тварью . В

благословенный момент он заметил огненые шары поржающие Дракаров в воздухе- Ашаманы. Но в то же время, в далеке, военные барабаны загрохотали с новой силой. Как он и предсказал, Ищезающие погнали еще большие силы Тролоков через брод. Свет, как он иногда ненавидел свою правоту. Тебе лучше сдержать свое обещание, по поводу помощи, мальчик, думал Итуральде, когда он дрался со вторым Дракаром, он охрип от крика. Свет, тебе лучше сдержать!

Фейли шла через лагерь Перрина, в воздухе звенели голоса старающихся пехотинцев и их командиров, отдающих приказы. Перрин послал еще одино, последнее, письмо Белоплащникам, для переговоров и пока небыло никакого ответа.

Фэйли чувствовала себя отдохнувшей. Она провела всю ночь на холме, уткнувшись носом в Перрина. Она много принесла с собой постелей и одеял. В некоторой степини травянистый холм оказался более удобным чем их палатка.

Разведчики вернулись из Кариена сегодня утром, их доклад будет скоро. Пока Фэйли будет купаться и есть.

Пришло время сделать что-то с Берелейн.

Она пошла по утрамбованной траве в сторону Майенской части лагеря, ощущая нарастающий гнев. Берелейн зашла слишком далеко. Перрин заявил, что слухи пришли не от самой Береллейн,а от ее служанок, но Фэйли-то видела правду. Первая Майена была мастером манипулирования и управления слухами. Это один из лучших способов вмешиваться в управление,находясь в относительной слабости. Первая действовала так в Майене, и также она сделала здесь, в лагере, где Фэйли была сильнее,как жена Перрина. Пара Крылатых Гвардейцев стояла у входа на участок Майенцев, их броня была окрашена малиновым, крылатые шлемы были в форме горшков, расширяющихся вниз на задней части шеи. Они вытянулись в струнку когда Фейли приблизилась, выпрямив свои в-общем-то декоративные копья, с хлопающими на ветру синими вымпелами, с узором в виде золотого ястреба в полете во всю их длину. Фейли пришлось вытянуть шею, чтобы встретить их взгляд. "Сопроводите меня к вашей леди", приказала она. Гвардейцы кивнули, один поднял руку в перчатке и помахал двум другим людям в лагере, чтобы те встали на пост. "Нам велели ожидать вас ", сказал Гвардеец Фейли низким голосом. Фэйли вскинула бровь. "Сегодня?"

"Нет. Но Первая говорила, что если вы придете, мы должны будем выполнить ваши приказания."

"Конечно, вы должны. Ведь это лагерь моего мужа."

Страж не стал спорить с ней, хотя скорее всего не был

согласен. Берелейн была послана сопровождать Перрина, но у него не было права командовать ей и ее людьми.

Фэйли последовала за мужчинами. Земля, чудо, начинала подсыхать. Фейли сказала Перрину, что не обеспокоена слухами, но была расстроена из-за предприимчивости Берелейн. Эта женщина, думала Фейли. Как она смеет. Нет.Нет, Фэйли не могла дальше продолжать думать в таком духе. Хорошая громкая сора могла бы улучшить ее самочувствие, но это укрепило бы слухи. Что бы еще могли люди себе новообразить, если они увидят ее подкрадывающейся к палатке Первенствующей, а затем скандалящей? Фэйли должна быть спокойна. Это было трудно.

Люди лагеря Майенцев размещались линиями исходящими из центральной палатки, как спицы в колесе. Крылатая гвардия не имела палаток, те были у мастера Гилла, но было очень упорядоченна, по группам. Они казались почти слишком одинаковыми, эти сложенные одеяла, штабеля копий, лошадиные привязи и равномерные походные костры. Центральный шатер Берелейн был лавандово бордовым - трофей из Малдена. Фейли хранила свое самообладание, пока пара рослых гвардейцев вела ее к палатке. Один из них запросил у находящегося снаружи поста разрешение на вход. Спокойный голос Берелейн ответил, и гвардеец отодвинул полотнище входа для Фейли. У входа, шелест изнутри заставил ее отступить на шаг, и Анноура вышла. Айз Седай кивнула Фейли, качнув спутанными вокруг лица косами. Она казалась, недовольной, она еще не восстановила расположение своей госпожи. Фейл глубоко вдохнула, и вошла в шатер. Внутри было прохладно. Пол был покрыт ковром с темно-бордовым и зеленым рисунком переплетенного плюща. Хотя шатер выглядел пустым без обычной походной мебели Берелейн, у нее была пара крепких дубовых стульев и небольшой столик из Малдена. Первая поднялась. "Леди Фейли," спокойно сказала она . Сегодня, она надела Майенскую диадему. Тонкий венец был исполнен простого величия, единственным его украшением был золотой ястреб в полете, как будто стремящийся в сторону солнечного света льющегося в клапаны потолка палатки . Там были сняты полотнища так, чтобы впустить свет. Платье Первой был золотое с зеленым, с очень простым поясом на талии, и броским декольте . Фейли села на один из стульев. Этот разговор мог быть опасным и мог привести к беде. Но это должно быть сделано. "Все хорошо?" спросила Берелейн. Дожди в последние несколько дней не были слишком утомительными?"

"Дожди были ужасные, Берелейн," сказала Фейли, Но я здесь не для того, чтоб говорить об этом. Берелейн поджала прекрасные губки. Свет, эта женщина была прекрасна. Фейли чувствовала

себя тусклой по сравнению с ней, ее большой нос, ее слишком маленькая грудь. Ее голос был не такой мелодичный как у Берелейн. Почему же создатель создал столь прекрасных людей, как Берелейн? Была ли это насмешка над остальными? Но Перрин не любит Берелейн. Он любит Фейли. Помни об этом. "Очень хорошо," Сказала Берелейн. Я предполагала, что этот разговор случится. Я уверяю вас, что данные слухи абсолютно ложные; ничего непристойного между мной и вашем мужем не произошло. "Он мне уже говорил это," сказала Фейли, и я доверяю его слову. Это заставило Берелейн нахмуриться. Она была мастером политических взаимодействий, обладая в этом навыке такими мастерством и тонкостью, что Фейли стоило позавидовать. Несмотря на свою молодость, Берелейн удерживала свой крошечный город-государство, независимым от гораздо более крупного и могучего Тира. Фейли могла только догадываться, сколько подтасовок, политического двурушничества и просто сообразительности требовалось для этого. "Почему же вы пришли ко мне?" спросила Берелейн, присаживаясь. Если ваше сердце спокойно, то нет никаких проблем. "Мы знаем, что, спали ли Вы с моим мужем или нет, не проблема сейчас," сказал Фэйли, и глаза Берелейн расширились. "Не само происшествие, а слух меня раздражает." "Слухи могут появится в любом людном месте," сказала Берелейн. "Особенно, где сплетничают мужчины." "Такие сильные, постоянные слухи вряд ли появятся без чьей-либо поддержки," сказал Фэйли. "Теперь все в лагере — включая беженцев, верных мне — полагают, что Вы спали с моим мужем, в то время как я отсутствовала. Это не только заставляет меня быть похожей на дуру, но и бросает тень на репутацию Перрина. Он не может вести людей, если они видят его, как человека, который воспользовавшись моментом отсутствия жены пойдет к другой."

"Многие правители одолели подобные слухи," сказала Берелейн, "и для большинства из них, слухи не были настоящими. Монархи переживают неверность." "Возможно, в Иллиане или Тире," сказал Фэйли, "но в Солдэйе, ожидают лучшее от своих монархов. Также, как и люди Двуречья. Перрин не похож на других правителей. Эти взгляды его друзей, и других гложут его изнутри." "Я думаю, что Вы недооцениваете его," сказала Берелейн. "Он преодолеет это, и научится использовать слухи для своей выгоды. Это сделает из него более сильного человека и правителя."Фэйли посмотрела изучающе на женщину.

"Вы совсем не понимаете его, не так ли?"

Берелейн отреагировала, как будто ее ударили, отступив. Ей, очевидно, не нравилась неловкость этой беседы. Это могло бы дать Фэйли небольшое преимущество.

"Я понимаю мужчин, Леди Фэйл," сказала Берелен холодно. "И Ваш муж не исключение. Так как Вы решили быть искренней, я откроюсь. Вы были умны, чтобы взять Айбару себе, соединяя Салдэйю с Драконом Возрожденным, но не думайте, что он останется Вашим без соревнования."

Фэйли глубоко вздохнула. Пришло время начать игру. "Репутация Перрина была сильно повреждена тем, что Вы сделали, моя Первенствующая. Мой позор я была бы готова вам простить. Но не его."

"Я не вижу, что еще можно сделать."

"Я вижу," сказала Фэйли. "И я вполне уверенна одна из нас должна умереть."

Берелейн сохранила спокойствие . "Простите?"

"В Пограничье, если женщина узнает, что кто-то другой спал с ее мужем, она вызывает ее на битву на ножах." Это была правда, хотя традиция была старой, и редко используемой. "Единственный способ очистить мое имя это мой с вами бой."

"Что это докажет?"

"Ничего, но если вы умрете, это помешает другим думать, что вы спите с моим мужем."

"Вы считай угрожаете мне у меня же в палатке?"

"Это не угроза," сказал Фэйл, оставаясь спокойной. Свет, она надеялась, что все идет правильно. "Это - вызов."

Берелейн изучала ее, сверля глазами. "Я сделаю публичное заявление. Я публично отчитаю своих горничных за слухи, и обьявлю лагерю, что ничего не было."

"Вы действительно думаете, что это остановит слухи? Вы не возражали против них до моего прихода; это заметьте доказательство. Конечно теперь Вы, как ожидалось, будете действовать будто ничего не произошло."

“Вы не можете говорить серьезно об этом... вызове."

“В отношении чести моего мужа, Берелейн, я всегда серьезна." Она встретила взгляд женщины, и увидела беспокойство. Берелейн не хотела бороться с нею. И, конечно, Фэйли не хотела бороться с Берелейн, и не только, потому что она не была уверена в победе. Хотя она всегда хотела отомстить Первой в то время, когда Берелейн взяла себе ее нож.

"Я брошу вызов официально этим вечером, перед всем лагерем," сказала Фэйли, ровным тоном. "У вас будет один день,чтобы ответить на него или уйти."

"Я не буду участвовать в этой глупости."

"Ты уже участвуешь," сказала Фейли, поднимаясь. "Ты начала, когда позволила распространяться подобным слухам."

Фэйли повернулась, чтобы выйти из палатки. Она должна

была постараться, чтобы скрыть свою нервозность. Берелейн видела, как она вспотела? Фэйли чувствовала, что шла по самому краю меча. Если хоть слово из этого добирется до Перрина, он будет разъярен. Она должна была надеяться.

"Леди Фэйли," сказала Берелейн позади. Голос Первенствующей дрожал. "Конечно, мы может договорится. Не начинайте это."

Фэйли остановилась, сердце сжалось. Она обернулась. Первая выглядела по-настоящему волнующейся. Да, она полагала, что Фэйли была достаточно кровожадной, чтобы обьявить о дуэли.

"Я хочу, чтобы ты убралась из жизни Перрина, Беррелейн," сказала Фэйли. "Я добьюсь этого, так или иначе."

"Вы хотите, чтобы я уехала?" спросила Берелейн. "Задачи, которые Лорд Дракон дал мне, закончены. Я полагаю, что могу забрать свое войско и уйти под другое командование."

Нет, Фейли не желает, чтобы она уходила. Исчезновение её войска будет ударом, перед лицом надвигающейся армии Белоплащников. И Перрину снова понадобиться Крылатая Гвардия, подозревала Фейли.

"Нет," сказала Фейли. "Отъезд не изменит слухи, Берелейн."

"Это не сделало бы и мое убийство," сказала женщина подчеркнуто сухо. "Если бы мы боролись и Вам удалось убить меня - это только лишь скажет, что Вы обнаружили неверность мужа и пришли в ярость. Я не вижу, как это может вам помочь. Это только поощрило бы слухи." Тогда ты видишь мою проблему," сказала Фэйли, не замечаяя ее раздражение. ", Кажется, нет никакого пути, который избавил бы от этих слухов." Берелейн изучала ее. Женщина когда-то обещала, что заполучит Перрина. Почти поклялось в этом. Она, казалось, отступила от этого совсем недавно. И ее глаза показали намек на беспокойство. Она понимает, что позволила зайти этому слишком далеко, думала Фэйли, осознавая. Конечно. Берелейн не ожидала, что Фэйли возвратится из Майдена. Это было причиной ее смелого шага. Теперь она поняла, что перестаралась. И она законно думала, что Фэйли достаточно рассержена, чтобы драться с ней на публичной дуэли.

"Я никогда не хотела этого, Берелейн," сказал Фэйли, возвращаясь в палатку. "И Перрин тоже. Твое внимание - раздражает нас обоих."

"Ваш муж сделал немного, чтобы отговорить меня," сказала Берелейн, скрестив руки. "Во время Вашего отсутствия были моменты, где он непосредственно поощрял меня."

"Ты плохо знаешь его, Берелейн." Было удивительно, как человек мог быть настолько слеп будучи настолько умным в

других вещах.

"Так ты утверждаешь," сказала Берелейн.

"У тебя есть два выбора, Берелейн," сказал Фэйли, подходя к ней. "Ты можешь бороться со мной, и один из нас умрет. Ты права, что это не закончит слухи. Но это закончило бы твои посягательства на Перрина. Или ты была бы мертва, или ты будешь женщиной, которая убила его жену.

"Твой другой выбор," сказала Фэйли, встречаясь взглядом с Берелейн, "состоит в том, чтобы придумать способ осановить эти слухи раз и навсегда. Ты вызвала этот беспорядок. Ты верни все обратно."

Это и была ее игра. Фэйли не могла придумать выход из ситуации, но Берелейн была намного искушеннее в этих делах, чем она. Таким образом, Фэйли пришла упрявлять Берелейн, пока та думает, что она готова выкинуть глупость. Тогда она позволила политическому мышлению этой женщиы найти выход.

Сработает ли это?

Фэйли встретила взгляд Берелена, и позволила себе чувствовать гнев. Ее вина в том, что произошло. Она избивалась, подвергалась оскорблениям от их общего врага. И во время этого, у Берелейн были помыслы, чтобы сделать что-то вроде этого?

Она встретила взгляд Первенствующей. Нет, у Фейли не было такого политического опыта, как у Берелейн. Но у нее было нечто другое. Она любила Перрина. По-настоящему глубоко. Она сделает все что угодно, чтобы защитить его. Первая изучала ее. "Отлично" сказала она. "Пусть будет так. Гордитесь собой, Фэйли. Это... редкость, чтобы я отказывалась от приза, которого я долго желала."

"Ты не сказала, как можно пресечь слухи."

"Есть один способ,"-сказала Берелейн. "Но он весьма неприятный." Фейли выгнула бровь.

"Всем должно казаться, что мы- друзья,"-пояснила Берелейн. "Вражда, разногласия между нами- это лишь подольет масла в огонь. Но если все будут видеть, что мы проводим время вместе, это успокоит их. Этого, наряду с моим формальным несогласием со слухами, должно быть достаточно."

Фэйли села на стул, на котором сидела до этого. Друзья? Она терпеть не могла эту женщину.

“Это должно выглядеть правдоподобно," сказала Берелейн, поднимаясь и идя к сервированному столу в углу палатки. Она налила себе немного охлажденного вина. "Только так это сработает." "И ты должна будешь найти другого мужчину,"-добавила Фейли. "Кого-то, кому ты будешь ужелять внимание, по крайней мере некоторое время. Чтобы доказать, что ты

незаинтересована в Перрине." Берелейн подняла чашку. "Да", сказала она. "Я подозреваю, что это сработает. Вы сможете разыграть такую игру, Фэйли ни Башир т`Айбара?" Ты поверила, что я была готова убить тебя, не так ли, думала Фэйли, "Я обещаю это" Берелейн замерла, поднеся чашу к губам. Затем она улыбнулась и выпила. "Мы увидем, потом," сказала она, опуская чашу, "что из этого выйдет."

Глава 19

Разговор о Драконах.

Мэт одернул добротную коричневую куртку. Кроме латунных пуговиц на ней не было ничего, что могло бы её выделить. В ней, сотканной из густой шерсти, имелось несколько дырок от стрел, от которых он действительно мог бы умереть. Вокруг одного отверстия ещё можно было видеть следы крови, правда, почти застиранной. Вообще это было прекрасная куртка. Он бы хорошо заплатил за неё в то время, когда ещё жил в Двуречье

Он потер лицо, глядя в зеркало своей новой палатки. Наконец, он сбрил бороду эту чертову бороду. Как Перрин справляется с этим проклятым зудом? У человека должна быть наждачная бумага. вместо кожи.Мэт нашел бы другой способ замаскироваться при необходимости..

Он несколько раз порезался, бреясь. Но это не означало, что он забыл, как позаботиться о себе. Он не нуждался в слуге, чтобы сделать то, с чем мог бы управиться самостоятельно. Кивнув себе, он надел шляпу и захватил свой ашандарей, стоящий в углу палатки; вороны на лезвии, казалось, взволнованно взгромоздились в ожидании будущих сражений. "Проклятье, вы правы," сказал Мэт, выходя из палатки с ашандареем на плече. Он захватил свою сумку и забросил её на другое плечо. Начиная с сегодняшнего вечера, он будет ночевать в городе.

Он прошел через лагерь, кивнув группе проходивших Красноруких. Он удвоил часовых. Он беспокоился из-за голама, а также из-за множества военных лагерей в этом районе. Половина из них были наемниками, половина слугами мелких лордов или пришедшими выразить свое почтение Королеве - подозрительно прибывших уже после того, как порядок был восстановлен.

Без сомнения, каждый из них утверждал, что искренне лоялен Илэйн, объясняя, что его люди всегда поддерживали ее. Их слова слетали с уст, вероятно, немного фальшиво, так как Мэт знал от трех различных пьяниц в тавернах,что Илэйн использовала Перемещение в значительной степени для вербовки своих защитников. Было легче симулировать задержавшееся прибытие, отвечая на письменный запрос.

- Мэт! Мэт!

Мэт остановился на пути из палатки, когда перед ним резко вырос Олвер. Мальчик нацепил предназначенную для ношения на

руке красную повязку, почти как Краснорукие, но все еще носил свои коричневые брюки и куртку. В одной руке он нес свернутую ткань для Змей и Лисиц, а тюк перекинул через другую.

Сеталль стояла неподалеку вместе с Люссином и Эддером, двумя Краснорукими, которым Мэт поручил присматривать за ней и мальчиком. Они должны были отправиться в город в ближайшее время.

- Мэт, - сказал Олвер,тяжело дыша. - Ты уходишь?

- Сейчас у меня нет времени играть с тобой, Олвер, - сказал Мэт, опустив ашандарей на сгиб руки. - Я должен идти на встречу с Королевой.

- Я знаю, - сказал Олвер. - Я думал, что, так как мы оба направляемся в город, мы могли бы ехать вместе и строить планы. У меня есть некоторые идеи о том, как победить змей и лисиц! Мы зададим им жару, Мэт. Чтоб мне сгореть, но мы, проклятье, выиграем!

- Кто научил тебя так выражаться?

- Мэт, - сказал он. - Это важно. У нас должен быть план! Мы не обсуждали то, что собираемся делать.

Мэт мысленно проклял себя за обсуждение миссии по спасению Морейн там, где Олвер мог услышать. Мальчик не собирался мириться с тем, что его оставили.

- Я должен думать о том, что собираюсь сказать Королеве, - сказал Мэт, потирая подбородок. - Но я считаю, ты прав, планирование это важно. Почему бы тебе не пойти сказать Ноалу о твоих идеях?

- Уже сказал, - ответил Олвер. - И Тому тоже. И Талманесу.

Талманесу? Он не собирался с ними в Башню! Свет, как много новостей Олвер распространил вокруг?

-Олвер,- сказал Мэт, приседая на корточки, чтобы находиться на уровне глаз мальчика. - Веди себя тихо. Мы не хотим привлекать к себе повышенное внимание.

- Я не рассказал никому, кому мы не доверяем, Мэт, - сказал Олвер. - Не волнуйся, большинство из них Краснорукие.

Отлично, подумал Мэт. Что солдаты могли подумать о своем командире, планирующем уйти, чтобы сражаться с кучей тварей из детских историй? Надеюсь, они примут комментарии Олвера как сказки маленького мальчика.

- Просто будь осторожен, - сказал Мэт. - Я остановлюсь в твоей гостинице завтра, и мы сможем поиграть в игру, тогда и поговорим о ней. Хорошо?

Олвер кивнул. - Хорошо, Мэт. Но... кровь и кровавый пепел! - Он повернулся и зашагал прочь.

- И перестань ругаться! - крикнул Мэт ему вслед, потом

покачал головой. Чертовы солдаты испортят Олвера, раньше чем ему стукнет двенадцать.

Мэт продолжил свой путь, с копьем на плече. Он нашел, Тома и Талманеса в передней части лагеря с пятьдесятью Краснорукими. Том носил экстравагантное красное пальто и штаны, с золотыми вышивками на руках, рубашку с белыми кружевами в манжетах и шелковом галстуке, завязанном на шее. Пуговицы блестели золотом. Его усы были подстрижены и аккуратно расчесаны. Вся одежда была новой, в том числе черный плащ с внутренней подкладкой из золота.

Мэт застыл на месте. Как этот человек так быстро превратился из старого плута менестреля в королевского придворного? Свет!

- Я вижу по твоей реакции, что представление произвело эффект, - сказал Том.

- Кровь и проклятый пепел! - воскликнул Мэт. - Что произошло? Ты отравился испортившейся сосиской за завтраком ?

Том отдернул плащ назад, продемонстрировав арфу, висящую на боку. Он был похож на придворного барда! - Я подумал, что, если — после всех этих лет — собрался появиться в Кэймлине, то и выглядеть должен соответствующе.

- Неудивительно, что ты пел ради денег ежедневно, - сказал Мэт. - У людей в тех тавернах слишком много монет."

Талманес приподнял бровь — равноценно усмешке от этого человека. Время от времени он казался настолько строгим, что заставил бы грозовые тучи чувствовать себя веселыми. Он также был одет превосходно, в темно-синие с серебром цвета. Мэт неуверенно чувствовал себя в этих манжетах. Ему следовало добавить немного кружев. Если бы Лопин был здесь, то он подобрал бы соответствующую одежду, не спрашивая Мэта. Немного кружев было хорошо для мужчины. Делало его представительней.

- Ты одел это для визита к Королеве, Мэт? - спросил Талманес . - Конечно, это. - Слова вылетели прежде, чем он успел подумать. - Это - хороший кафтан. - Он шел, чтобы принять поводья Типуна.

- Хороший для битвы, возможно, - сказал Талманес.

- Илэйн - отныне Королева Андора, Мэт,- сказал Том. - И королевы - особое звено. Ты должен проявить к ней уважение.

- Я покажу ей треклятое уважение,- сказал Мэт, передав своё копьё одному из солдат и садясь на лошадь. Он взял свое копьё обратно и развернув Типуна, чтобы видеть Тома, сказал - Это хорошая одежда для фермера.

"Ты больше не фермер Мэт", сказал Талманес.

"Нет, фермер", упрямо произнес Мэт.

"Но Музенге называл тебя ...", начал было Том.

"Он ошибался,", прервал его Мэт. "Только потому, что человек женится на ком-то, не означает, что он внезапно становится треклятым дворянином."

Том и Талманес обменялись взглядами.

"Мэт", сказал Том. "Это как раз так и есть. Это, в общем-то, один из немногих способов стать дворянином."

"Этот способ, возможно, работает у нас", ответил Мэт. "Но Туон шончанка. Кто знает, как это делается у них? Мы все знаем какие странные у них обычаи. Мы не можем ничего знать, пока не поговорим с ней.

Том нахмурился. "Я полагаю, исходя из того что она говорила ..."

"Мы не можем ничего знать, пока не поговорим с Туон", повторил Мэт, на этот раз громче. "До тех пор я Мэт. А не принц Каких-то Глупостей.

Том выглядел смущенным, но уголки губ Талманеса немного приподнялись. Чтоб он сгорел. Мэт хорошо знал этого человека и был склонен думать что тот торжествует. Смеялся ли он внутри?

- Хорошо Мэт, - сказал Талманес, - ты никогда не видел в этом смысла, почему мы должны сейчас ожидать от тебя этого? Вперёд, на встречу с королевой Андора. Ты точно не хочешь перед этим вываляться в грязи?

- Всё в порядке, - сухо ответил Мэт, натягивая поглубже свою шляпу, пока один из солдат приторачивал его седельную сумку.

Он пришпорил Типуна, и процессия уже знакомой дорогой двинулась в Кеймлин. Мэт большую часть времени пути обдумывал свой план в голове. В кожаной папке у него лежали записи Алудры, в которых были записаны её требования. Каждый литейщик колоколов в Кеймлине, большое количество бронзы и железа, ингредиенты её порошков - все это стоило тысячи крон. И она говорила, что это минимум того, что ей требуется.

Как, во имя Света, Мэт заставит чертову Илэйн Траканд дать ему все это? Ему следует улыбаться как можно больше. Но Илэйн ранее показала, что безразлична к его улыбочкам, и Королевам не нравится простой народ. Большинство женщин улыбкой или недовольством выскажут к тебе свое отношение. Илэйн же могла улыбнуться тебе, но тем не менее, бросить затем в тюрьму. На этот раз, было бы неплохо, если бы его удача могла выпроводить его куда-нибудь, чтобы насладиться трубкой и игрой в кости с приятной служаночкой, сидящей у тебя на коленях, и не влияла на его следующий бросок. Вместо этого, он женат на Высокородной Шончанке и направляется к Королеве Андора,

чтобы просить о помощи. Как он попал в такой переплет? Иногда он думал, что Создатель должно быть похож на Талманеса. С честным лицом, но тайно проводя много времени, смеясь над Мэтом.

Его эскорт миновал многочисленные лагеря, расположенные на равнинах вокруг Кеймлина. От всех наемников требовалось находиться как минимум в лиге от города, но войска лордов могли располагаться ближе. Что ставило Мэта в трудное положение. Между наймитами и солдатами всегда есть трения, и стычки с наемниками так недалеко от Кеймлина были обычным делом. Отряд находился посреди всего этого.

Он сделал быстрый подсчет, основываясь на кружащих в воздухе следах дыма походных костров. Здесь было по крайней мере десять тысяч наемников. Знала ли Элейн, что за кипящий котел она здесь держала? Поддать немного огоньку, и вся эта бурлящая масса взорвется.

Процессия Мэта привлекала внимание. Один из его людей держал знамя Отряда Красной Руки и его люди имели хорошую репутацию. По подсчетам Мэта, они были крупнейшим отдельным отрядом за стенами Кеймлина среди наемников или войск лордов. Они были столь же организованы и дисциплинированы как и регулярная армия, и находились под командованием близкого друга Дракона Возрожденного. Его люди не могли не похвастаться этим, хотя Мэт предпочел бы, чтобы они помалкивали.

Они миновали группу людей, ожидающих на обочине дороги, чтобы хоть мельком взглянуть на "лорда Мэта". Он смотрел вперед. Если они ожидали некоего щеголя в богатой одежде, то были бы разочарованы! Хотя, возможно, он мог выбрать куртку и получше - эта была жесткой, а воротник вызывал зуд.

Конечно, большинству показалось, что Талманес и был "лордом Мэтом", вероятно по тому, как он был одет. Проклятый пепел.

Эта беседа с Илэйн обещала быть трудной. Но у Мэта был козырь, которого, он надеялся, будет достаточно, чтобы заставить ее рассмотреть предложение Алудры. Хотя больше всего он боялся того, что она могла бы понять, что он делал и захотеть принять участие. А когда женщина хотела быть "частью" чего-то, это означало, что она хотела быть главной. Они приблизились кворотам в светло серых стенах Кеймлина, миновав разрастаюшийся внешний город. Солдаты махали им. Мэт слегка дотронулся до шляпы, а Том размашисто поклонился собравшейся здесь небольшой толпе. Они приветствовали. Здорово. Ну просто охренеть как здорово.

Марш через Новый город прошел без происшествий, за исключением большего количества наблюдающей толпы. Мог бы кто-нибудь узнать его по тем рисункам? Мэт хотел избежать главных улиц, но на узких улочках Кеймлина царил полный хаос, а отряд из пятидесяти всадников был слишком велик для них. Они наконец прошли за сияющие белые стены Старого города, где улицы были шире, построенные Огир здания не так теснились друг к другу, а население было малочисленнее. Здесь они миновали больше групп вооруженных людей, включая гвардейцев в красно-белых цветах. Мэт мог разглядеть впереди их лагерь, расположенный на серой мостовой внутреннего двора, с его палатками и коновязями. Дворец Кеймлина походил на маленький город, заключенный внутри другого. У него была низкая крепостная стена, а пики и шпили, устремленные вверх, делали его еще больше похожим на крепость, чем на Солнечный Дворец. Странно, что он никогда не замечал этого, когда был моложе. Если Кеймлин падет, дворец сможет обороняться самостоятельно. Им нужно больше казарм внутри стен. Этот лагерь во внутреннем дворе выглядел нелепо. Мэт взял Талманеса, Тома и десяток красноруких в качестве экскорта. Высокий мужчина в полированном нагруднике, с тремя золотыми узлами на плаще в районе плеча, ждал их у входа во дворец. Он был молод, но то как он стоял - расслабленно, но в то же время наготове с рукой на рукояти меча - указывало, что он был опытным солдатом. Слишком плохо, что у него такое симпатичное лицо, жизнь в военных условиях, вероятно, покончила бы с этим. Человек кивнул Мэту, Тому и Талманесу.

"Лорд Коутон?" спросил он Мэта.

"Просто Мэт"

Человек приподнял бровь, но ничего не сказал. "Меня зовут Чарльз Гайбон, я проведу вас к ее Величеству."

Она послала самого Гайбона проводить Мэта. Он был старшим офицером, заместителем командующего армией. Это было неожиданно. Илейн боялась его или хотела оказать уважение? Может быть Гайбон сам хотел увидеть Мэта. Нет, она не хотела почтить его, иначе зачем так долго откладывать аудиенцию. Теплая встреча старого друга. Его подозрения подтвердились, когда Гайбон не повел их в Тронный Зал, они спустились в тихое место дворца.

"Я много слышал о Вас, господин Коутон," сказал Гайбон. Он казался одним из тех грубых солдат. Твёрдый, но, возможно, слишком твёрдый, как лук без тетивы.

-От кого?,-спросил Мэт. -Илейн?

"Город полнится слухами. Люди говорят о вас."

-Они говорят?- подумал Мэт. -Я не делал добрую половину приписываемого мне- проворчал он, -а вторая треклятая половина случилась не по моей вине. Гайбон улыбнулся. -А что об истории, что вы девять дней провисели в петле на дереве?

"Ничего подобного" сказал Мэт, борясь с желанием потрогать шарф вокруг шеи. Девять дней? Кто это придумал? Он ведь даже не провисел и девяти треклятых минут! И девять секунд были слишком долгими.

"Также говорят" продолжил Гайбон, "что Вы никогда не проигрываете в кости и успешны в любви, и что Ваше копье всегда попадает в цель."

"Я бы хотел, чтобы последние два слуха были правдой. Чтоб мне сгореть, я желаю этого."

"Но Вы всегда побеждаете в кости?"

"Достаточно," сказал Мэт, надвигая шляпу на глаза. "Но не распространяйся об этом, или я не смогу больше играть."

"Говорят Вы обвели вокруг пальца одного из Отрекшихся," заметил Гайбон.

"Неправда," ответил Мэт. Кто распространяет такие слухи?

"А история о Вашей честной дуэли с предводителем восставших аийльцев? Вы на самом деле вернули Возрождённому Дракону лояльность айльцев?"

"Треклятый пепел," четырхнулся Мэт. "Я убил Куладина, но это не походило на честную дуэль! Я столкнулся с ним на поле битвы и один из нас должен был умереть. И было бы чертовски плохо, если бы это был я."

"Интересно," сказал Гайбон. "Я не думал, что это может быть правдой. По крайней мере это могло бы случиться. В отличии от..." Он промолчал.

"Что?" сказал Мэт. Они миновали пересечение коридоров, где группа слуг, наблюдала за ним, а другие проходили мимо и шепчались между собой.

Гайбон заколебался. "Я уверен, Вы слышали."

"Сомневаюсь." Чтоб мне сгореть. Что дальше? Распускали ли эти слухи солдаты Отряда? Даже они не знали об этих некоторых вещах.

"Ну, есть такой слух, как будто Вы спустились во владения смерти, чтобы бросить ему вызов и потребовать ответы на Ваши вопросы," сказал Гайбон смутившись. "И что он дал Вам копьё, которое Вы держите и предсказал Вашу смерть."

Мэт похолодел. Гайбон был достаточно близок к правде, чтобы напугать.

"Глупо, я знаю," сказал Гайбон.

"Конечно," сказал Мэт. "Глупо." Он попытался рассмеяться, но

вышел кашель. Гайбон посмотрел на него с любопытством. Свет, понял Мэт, он думает, что я ушёл от ответа. "Конечно, это только слухи," выпалил Мэт. Наверное слишком быстро. Проклятье и проклятый пепел! Гайбон задумчиво кивнул. Мэт хотел сменить тему, но ему не хватило смелости, чтобы открыть свой проклятый рот. Он мог видеть, как всё больше дворцовых слуг останавливалось, чтобы наблюдать за процессией. Он был готов клясть и их, но потом заметил, что они смотрят на Тома. Том был придворным бардом именно в Кеймлине. Он не говорил об этом, но Мэт знал, что после ссоры с Королевой Том фактически был с тех пор в изгнании, вернувшись в Кеймлин лишь под давлением. Моргейз была мертва, казалось, это сделало возможным возвращение Тома. Наверно это объясняет его прекрасный наряд. Мэт снова глянул на свою куртку. Чтоб мне сгореть, я мог бы надеть что-нибудь поприличнее. Гайбон привел их к резной деревянной двери с эмблемой рычащего Андорского Льва. Мягко постучал и получив знак войти, жестом пригласил Мэта. "Королева примет Вас в своей гостиной." "Том, ты со мной," сказал Мэт. "Талманес, ты остаёшься с солдатами." Дворянин упал духом, но Илэйн, без сомнения, будет третировать Мэта, и он не хотел, чтобы Талманес это видел. "Я представлю тебя позже," обещал Мэт. Треклятый вельможа. Он считал оскорблением каждую вторую вещь в своей жизни. Мэт был бы счастлив остаться снаружи! Мэт подошел к двери, переводя дыхание. В дюжинах схваток и сражений он так не нервничал. Сейчас его руки дрожали. Почему он чувствует себя так, как будто идет безоружным прямо в засаду?

Илэйн. Теперь Королева. Чтоб ему сгореть, но это может помешать. Он открыл дверь и шагнул внутрь.

Тут же он увидел Илейн. Она сидела напротив камина, держа в руках чашку с чем-то похожим на молоко. Она выглядела прекрасно в темно-красном платье с золотом. Красавица, полные красные губы, которые Мэт не помышлял поцеловать, даже если бы он не был женат. Ее рыжевато-золотистые волосы казалось сияли в свете камина и на щеках играл румянец. Ему показалось, что она немного прибавила в весе. Лучше не упоминать об этом. Или нет? Иногда женщины сердятся, если вы отмечаете, что она стала выглядеть по другому, и иногда сердятся, если вы не заметили этого. Она была милой. Конечно, не так симпатичной как Туон. Илейн была слишком бледной, слишком высокой и имела длинные волосы. Но все равно, она хорошенькая. Казалось непригодна быть Королевой. Из нее получилась бы отличная служаночка. Ну что ж. Кто-то же должен быть Королевой. Мэт бросил взгляд на Бергитте, в комнате кроме них больше никого

не было. Она выглядела по прежнему. Золотая коса и высокие сапожки придавали ей сходство с героиней из чертовых историй. Кем она собственно и являлась. Приятно видеть ее снова; она была единственной известной ему женщиной, которая не орала на него, когда он говорил правду. Том остановился позади него, и Мэт кашлянул, прочищая горло. Она ожидает, что он будет следовать церемониям. Ну, он же не собирался кланяться и расшаркиваться. Илэйн вскочила со стула. Она побежала через комнату, как только Бергитте закрыла дверь. "Том, я так рада, что ты в порядке!" Илэйн заключила его в объятия.

"Привет, дорогая" сказал ласково Том "Я слышал, что ты сделала для себя и для Андора."

Илэйн плакала! Мэт сбитый с толку снял шляпу. Конечно, Том и Илэйн были близки, но сейчас Илэйн - Королева. Она повернулась к Мэту. "Приятно видеть тебя, Мэт. Не думаешь ли ты, что Корона забыла о ваших услугах. Возвращение Тома в Андор - еще один неоплаченный долг."

"Ну," протянул Мэт. "На самом деле ничего особенного, ты ведь знаешь, Илэйн. Чтоб мне сгореть. Ты же Королева! И как ощущения?"

Илэйн рассмеялась, наконец отпуская Тома. "Да это мог сказать только ты, Мэт."

"Я не собирался кланяться тебе или ..." предупредил Мэт. "Или надоедать глупым 'Ваше Величество'." "Я не требую этого" сказала Илэйн. "Пока мы не публике, конечно. Я должна соблюдать приличия при народе." "Я полагаю, что это правильно." согласился Мэт. Он пожал Бергитте руку, но она тихо рассмеялась и обняла его, хлопая по спине, как старого приятеля на встрече, чтобы выпить кружку эля. И, возможно, это и была такая встреча. Но без эля. Он мог бы хлебнуть немного эля.

"Ну же, присаживайтесь," сказала Илэйн, указывая на стулья у огня. "Прости за то, что тебе пришлось столько ждать, Мэт."

"Ничего," сказал он. "Вы заняты."

Так неудобно вышло", сказала она." Один из моих управляющих отнес вас к отряду наемников. Так трудно отслеживать их всех! Если вы хотите, я дам вам встать лагерем ближе к городу. Боюсь, что внутри городских стен места для Отряда не найдется ".

"В этом нет необходимости", сказал Мэт , садясь на одно из кресел". Позволить нам встать ближе вполне достаточно. Спасибо. Том сел, но Бергитте предпочла стоять, хотя и присоединилась к ним у камина, прислонившись спиной к камням.

"Ты выглядишь хорошо, Илэйн" сказал Том. "Все ли хорошо с ребенком?"

"Детьми" поправила Илэйн. "Будет двойня. И да, все нормально. Защити меня от тычков и пинков в ближайшем будущем."

"Подожди" сказал Мэт. "Что?" Он взглянул на живот Илэйн.

Том закатил глаза. "Неужели ты не слышал об этом, когда играл в городе?"

"Конечно я слышал" пробормотал Мэт. Он посмотрел укоризненно на Илэйн. "Ранд знает об этом?"

Она улыбнулась. "Я надеюсь он не будет слишком удивлен."

"Чтоб мне сгореть!" воскликнул Мэт. "Он их отец!"

"Отцовство моих детей - суть некоторых спекуляций в городе" сказала официально Илэйн. "И Корона предпочитает, чтобы слухи оставались слухами. Но хватит обо мне. Том, расскажи мне все. Как ты спасся из Эбу Дар?"

"Забудь про Эбу Дар" прервала Бергитте. "Что с Олвером? Вы нашли его?"

"Нашли" сказал Том. "И с ним все хорошо, хотя я боюсь, что парня ожидает жизнь кадрового солдата."

"Неплохая жизнь" сказала Бергитте "Да, Мэт?"

"Бывает хуже" сказал он, пытаясь пристроить свои ноги под стулом. Как мог титул Королевы сделать Илэйн менее высокомерной? Может он что-то упустил? Она и на самом деле сейчас казалась милой! Это нечестно. Были времена, когда она и раньше была милой. Это были единичные случаи между моментами, когда она только и приказывала Мэту. Он обнаружил, что улыбается, как и Том, рассказывающий о подробностях их побега и захвата Туон, и последующих путешествиях со зверинцем Мастера Люка. Рисованная рассказчиком, история звучала более впечатляюще, чем была на самом деле. Мэт почти считал себя героем, слушая Тома. Однако, прямо перед тем, как Том добрался до части о браке с Туон, Мэт кашлянул и перебил. "И мы победили Шончан, бежали в Муранди, и в конце концов нашли Айз Седай, чтобы она доставила нас сюда через Врата. Кстати, ты в последнее время не видела Верин? " "Нет" ответила Илэйн. Том с улыбкой посмотрел на Мэта. "Черт" сказал Мэт. Ну, это был хороший шанс использовать ее, чтобы открыть Врата к Башне Генджей. Он побеспокоится об этом позже. Мэт достал из-за пояса кожаную папку и вынул бумаги Алудры. "Илейн," сказал он "мне нужно с тобой поговорить." "Да, ты упомянул 'литейщиков колоколов' в своем письме. Что за неприятности ты навлек на себя, Мэтрим Коутон?"

"Это не совсем верно" сказал он, раскладывая листки. "Не у меня одного возникли проблемы. Если я -"

"Ты собираешься снова напомнить о моем пленении в

Твердыне Тира?" спросила она, закатывая глаза.

Он прервался. "Конечно нет. Это случилось очень давно. Я едва помню это."

Она засмеялась, прелестный звук наполнил комнату звоном. Он почувствовал как краснеет. "В любом случае, проблем у меня нет . Мне просто нужны кое-какие ресурсы".

"Что за ресурсы?" спросила Илэйн , с любопытством, возрастающим по мере того, как он выкладывал бумаги на стол рядом с её стулом. Бергитта наклонилась.

"Ну", сказал Мэт , потирая подбородок. "В городе есть три литейщика колоколов , они мне нужны. И нам потребуются кое-какие порошки, они перечислены на этой странице. И ...нам нужно немного металла." Он поморщился и передал ей один из списков Алудры.

Илэйн прочла страницу, и заморгала. "Ты спятил?

"Иногда я и сам не уверен в этом", сказал он. "Но чтоб мне сгореть, я думаю, что цена будет оправдана."

"Что это такое?" спросила Илэйн, когда Бергитте, просмотрев один из листов, передала его ей.

Алудра называет их драконами, сказал Мэт. Том сказал, что ты знаешь её?

"Да, знаю," сказала Илэйн.

"Что ж, это пусковые трубы, подобные трубам для запуска её фейерверков. Только они сделаны из металла, и большие. И вместо запуска ночных цветков, они выпускают куски железа размером с голову".

"К чему тебе сдалось метать железяки в воздух?" спросила Илэйн, нахмурив брови.

"Да нет," сказала Бергитте, широко раскрыв глаза. "Ты запустишь их в чужую армию."

Мэт кивнул. "Алудра заявляет, что такие драконы могут запустить железное ядро на милю."

"Материнское молоко мне в чашу!" выразилась Бергитте. "Ты ведь несерьезно."

"Она - вполне", сказал Мэт. "И я ей верю. Вам бы увидеть, что она уже сделала, и она утверждает, что эти будут ее шедевром. Гляди, здесь она показывает стрельбу драконами по городской стене в миле отсюда. С пятьюдесятью драконами и двумястами пятьюдесятью солдатами она способна снести стену, наподобие той, что окружает Кеймлин за несколько часов. " Илэйн побледнела. Поверила ли она ему? Не рассердится ли на него за то, что попусту отнял время?

"Я знаю, что от этого не будет большого толка в Последней Битве", быстро сказал Мэт. "У троллоков нет стен. Но взгляните

сюда. Есть ее расчет разрывного снаряда. Выстрели им по линии троллоков за четыре сотни шагов , и один такой дракон сделает работу пятидесяти лучников. Чтоб мне сгореть, Илэйн, но похоже мы будем в невыгодном положении. Тень всегда может бросить на нас больше троллоков, чем у нас солдат, и треклятых тварей убить в два раза труднее, чем человека. Нам нужно преимущество. Я помню-"

Он осёкся. Он чуть было не сказал, что помнит Троллоковы Войны, что не было хорошей идеей. Люди могут пустить какие-нибудь неудобные слухи об этом. "Слушай", сказал он. "Я знаю, это звучит безумно, но ты должна дать им шанс."

Она подняла на него взгляд и ... она снова плакала? Да что он такого сделал?

"Мэт, я тебя поцелую", объявила она. "Это именно то, что мне нужно"

Мэт моргнул. "Что?"

Бергитте усмехнулась. "Вначале Норри, теперь Мэт. Тебе следует следить за собой, Илэйн. Ранд будет ревновать."

Илэйн фыркнула, глядя на записи. "Литейщикам колоколов это не понравится. После осады, большинство мастеров с нетерпением ждут возвращения к повседневной работе."

"О, не знаю как на счет этого, Илэйн," произнесла Бергитте. "В свое время я знавала пару мастеров. На людях они всегда жаловались на привлечение к работам по королевскому приказу во время войны, но пока им платят за работу, они втайне счастливы. Стабильная работа всегда выгодна. Кроме этого им будет интересно это сделать."

"Мы должны сохранить это в тайне", сказала Илэйн.

"Как вы собираетесь это сделать?", удивленно спросил Мэт. Ему не нужно темой секретности отвлекать её!

"Во первых, нам, конечно, будет необходимо проверить как оно работает," ответила Илэйн. "Затем, если устройства, эти драконы, работают хотя бы вполовину того, как заявляет Алудра ... ну, я была бы глупой не поставив на эту работу каждого человека, которого мы сможем найти."

"Это действительно великодушно с твоей стороны" сказал Мэт, почесывая голову.

Илэйн поколебалась. "Великодушно?"

"Построить их для моего Отряда."

"Для Отряда ... Мэт, они будут нужны Андору!"

"Ага, сейчас," сказал Мэт. "Это мой план."

"И мои ресурсы!" сказала Илэйн. Она села прямо, становясь в позу. "Конечно, ты видишь, что Корона может предложить более стабильное и успешное управление разработкой этого оружия."

Со своей стороны Том улыбался.

"Что тебя так веселит?" потребовал ответа Мэт.

"Ничего", сказал Том. "Твоя мать гордилась бы тобой, Илэйн."

"Спасибо, Том" сказала она, награждая его своей улыбкой.

"На чьей ты стороне?" спросил Мэт.

"На каждой" сказал Том.

"Это не чертова сторона" сказал Мэт, потом посмотрел на Илэйн." Я приложил много усилий и размышлений, чтобы выбить из Алудры эти планы. Я ничего не имею против Андора, но никому, кроме самого себя, не доверю это оружие."

"А если бы Отряд был частью Андора?" спросила Илэйн. Она действительно стала говорить как королева.

"Отряд никому не подчиняется" сказал Мэт.

"Это замечательно, Мэт" сказала Илэйн, "но это делает вас наемниками. Я думаю, что Отряд заслуживает нечто большее, что-то лучшее. С официальной поддержкой ты получишь доступ к ресурсам и власти. Мы могли бы дать вам патент в Андоре, с твоим собственным штабом." Это звучало действительно заманчиво. Самую малость. Но это не имеет значения. Он не думал, что Илэйн будет рада держать его в своем королевстве, узнав о его отношениях с Шончан. Он хотел, так или иначе, в итоге вернуться к Туон. Только бы узнать, какие она действительно испытывала чувства к нему. У него не было намерений давать Шончан доступ к драконам, но и давать их Андору он не хотел. К сожалению, он вынужден был признать, что никак не сможет позволить Андору построить драконов, при этом не дав их этой стране.

"Я не хочу патента Отряду" сказал Мэт "Мы свободные люди и это нам нравится."

Илэйн выглядела обеспокоенной.

- Но я готов разделить с тобой драконов, - сказал Мэт. - Одна часть для нас, другая для тебя.

- Что если бы, - сказала Илэйн, - я построила всех драконов и все они принадлежали мне, но пообещала, что только Отряд сможет их использовать? Другие армии не будут иметь к ним доступа.

- Это было бы мило с твоей стороны, - сказал Мэт. - Хотя, подозрительно. Без обиды.

- Было бы лучше для меня, если Благородные Дома не будут их иметь, хотя бы в первое время. Они будут распространяться в конце концов. С оружием всегда так. Я построю их и обещаю отдать их Отряду. Без патента, только договор, чтобы нанять вас на длительный срок. Вы можете уйти в любое время. Но если вы это сделаете, то оставляете драконов здесь. Мэт нахмурился. -

Чувствуется, как ты затягиваешь цепь на моей шее, Илэйн.

"Я только предлагаю благоразумные решения."

"В день когда ты станешь благоразумной, я съем свою шляпу," сказал Мэт. "Без обид".

Илэйн приподняла бровь. Да, она стала королевой. Точно так.

"Мне надо право оставить себе немного этих драконов," сказал Мэт, "если мы уйдем. Четверть нам, три четверти вам. И мы подпишем договор с тобой,и пока мы у тебя на службе, только мы можем использовать их. Как ты и сказала." Она еще больше насупилась. Чтоб ему сгореть, но она быстро поняла силу этих драконов. Он не мог позволить ей сомневаться сейчас. Им необходимо запустить производство драконов немедленно. И он не собирался упустить шанс заполучить их для Отряда. Вздохнув про себя, Мэт протянул руку, развязал шнурок на шее, затем вытащил знакомый медальон в виде лисьей головы из-под рубашки. Потом снял его, почувствовав себя более голым, чем если бы он был действительно гол. И положил его на стол. Илэйн взглянула на него, и он заметил вспышку желания в ее глазах. "Что это?"

- Это подсластитель - сказал Мэт, наклонившись вперед, облокотившись на колени. - Ты получаешь его на один день, если согласна начать производство прототипа дракона этим вечером. Мне все равно, что ты делаешь с медальоном - изучаешь, пишешь чертову книгу о нем, носишь его. Но ты вернешь его завтра. Дай свое слово. Бергитте присвистнула. Илэйн хотела наложить руки на медальон с тех пор, как узнала о его существовании. Конечно, каждая чертова Айз Седай, встреченная Мэтом, хотела этого.

- Отряд соглашается как минимум на годовой договор, - сказала Илэйн, - возобновляемый. Мы будем платить также, как было у вас ранее в Муранди.

Как она об этом узнала?

- Вы можете отказаться - продолжила она, - но предупредить вы должны за месяц, и я заберу из пяти драконов четыре. И любой кто захочет присоединиться к армии Андора, получит этот шанс."

"Я хочу одного из четырех," сказал Мэт. "И нового слугу."

"Кого?" переспросила Илейн.

"Слугу," сказал Мэт. "Знаешь, чтобы заботиться о моей одежде. Ты бы выбрала лучше, чем я."

Илэйн посмотрела на его куртку, затем на его волосы. - Это, - сказала она, - я дам тебе независимо от того, как пройдут остальные наши переговоры.

"Одного из четырех?" спросил Мэт.

"Я получаю медальон на три дня."

Он вздрогнул. Три дня, с голамом в городе. Давать медальон

ей и на один день было уже рискованно. Но он не мог придумать, что еще можно предложить в обмен. - Как думаешь, что ты можешь сделать с этой штукой? - спросил он.

"Скопировать," сказала Илейн рассеянно, "если мне повезет."

"Серьезно?" "Не узнаю, пока не изучу его."

Мэту внезапно представилась ужасная картина, что каждая Айз Седай в мире носит один из таких медальонов. Он переглянулся с Томом, казавшимся в равной степени удивленным слышать это.

Но какое это имело значение? Мэт не мог направлять. Раньше он беспокоился что, если Илэйн изучит медальон, то найдет способ коснуться Мэта Единой Силой, когда он носит его. Но если она просто хочет скопировать медальон... ну, он почувствовал себя облегченным. И заинтригованным.

- Есть кое-что, о чем я хотел упомянуть, Илэйн, - сказал он. - Голам здесь. В городе. Он убивает людей.

Илэйн сохранила спокойствие, но Мэт мог сказать по тому, что она стала еще более официальной в разговоре, новости взволновали её. - Тогда я обязательно верну тебе медальон вовремя.

Он поморщился. "Хорошо," сказал он."Три дня."

"Отлично," сказала она."Я хочу чтобы Отряд приступил к обязанностям немедленно. Скоро я отправлюсь в Кайриен, и чувствую, Отряд будет лучшим средством поддержки, чем Королевская Гвардия."

Так вот к чему все это! Илэйн двигалась к Солнечному Трону. Ну, это казалось хорошим применением его людей, пока они не понадобятся Мэту. Лучше, чем позволить им рассиживаться без дела, становиться ленивыми и драться с наёмниками.

- Я согласен, - сказал Мэт, - но Илэйн, Отряд должен быть свободен для Последней Битвы, так хочет Ранд. И Алудра хочет контролировать Драконов. Чувствую, она настоит на том, чтобы остаться с вами, если Отряд оторвется от Андора.

- Нет вопросов, - сказала Илэйн с улыбкой.

"Я догадался, что не будет. Но, чтобы было ясно, Отряд контролирует драконов пока мы не уйдем. Ты не можешь продать технологию другим."

"Кто-нибудь скопирует их, Мэт," сказала она.

"Копии не будут так хороши, как драконы Алудры," сказал Мэт. "Это я тебе обещаю."

Илэйн изучала его, голубые глаза взвешивали, оценивали его. - Я все еще хотела бы иметь Отряд как полностью принадлежащую Андору силу.

" Ну, я хотел бы шляпу из золота, летающую палатку и

лошадь, оставляющую помет из алмазов. Но мы оба должны согласиться с тем, что разумно, не так ли?"

"Это не было бы неразумно-"

- Мы сделаем как ты сказала, Илэйн,- прервал Мэт. - Я не пойду на это. В некоторых битвах не стоит биться, и я буду решать, когда моим людям подвергать себя риску. С этим всё.

- Мне не нравится иметь людей, которые могут оставить меня в любой момент.

- Ты знаешь что я не отзову их назло тебе, - сказал Мэт. - Я буду делать то, что правильно.

"То, что тебе кажется правильным," поправила она.

"Каждый человек должен иметь такую возможность ", возразил он, "Немногие используют её с умом."

"Мы все равно этого хотим," сказал Мэт. "Мы требуем этого."

Она бросила взгляд - почти незаметно - в сторону планов и медальона на столе. - Хорошо, - сказала она.

"Идет," сказал он, плюнув в свою руку и протянув её.

Она поколебалась, встала и плюнула в свою руку, затем протянула её к Мэту. Он улыбнулся и пожал её.

- Ты знаешь, что я могла попросить тебя повернуть оружие против Двуречья? - спросила она. - Ты поэтому требовал права уйти, если захочешь?

Против Двуречья? С чего бы, во имя Света, ей это делать? - Тебе не нужно сражаться с ними, Илэйн.

"Посмотрим, что силы Перрина заставят меня сделать," ответила она. "Но давай не будем обсуждать это сейчас." Она посмотрела на Тома, затем вытащила из-под стола свёрнутый листок бумаги, перевязанный лентой. "Пожалуйста. Я хочу услышать больше о том, что произошло во время вашей поездки в Эбу Дар. Вы отужинаете со мной вечером?"

"С удовольствием," сказал Том, вставая. "Не так ли, Мэт?"

- Возможно, - сказал Мэт. - Если Талманесу можно прийти. Он вырвет мне глотку, если , по крайней мере, я не позволю ему встретиться с тобой, Илэйн. Узнав об обеде с тобой, он всю дорогу до лагеря будет танцевать.

Илэйн хихикнула. - Как пожелаешь. Я прикажу слугам показать вам комнаты, где вы сможете отдохнуть, пока не подойдет время. - Она вручила свиток Тому. - Это будет объявлено завтра, если хочешь. "Что это?", нахмурившись, спросил Том.

"Двор Андора нуждается в подходящем барде", сказала она. "Я думала, тебя это заинтересует".

Том колебался. "Ты удостаиваешь меня чести, но я не могу принять это. Есть вещи, которые я должен сделать в ближайшее

время, и не могу быть привязан ко двору".

- Тебе не надо быть привязанным ко двору, - сказала Илэйн. - Ты сможешь уйти и пойти куда пожелаешь. Но когда ты в Кэймлине, я бы хотела, чтобы было известно, кто ты.

"Я...". Он взял свернутую бумагу. "Я обдумаю это, Илэйн."

"Отлично". Она скривилась. "Боюсь, у меня назначена встреча с акушеркой сейчас, но мы увидимся за ужином. Я все еще не спросила, что Мэтрим подразумевает, называя себя в письме женатым мужчиной. Я надеюсь на полный рассказ! Без вымарываний!" Она лукаво взглянула на Мэта. "Вымарывание означает вырезание частей", Мэт. На случай, если ты чертов незнайка."

Он надел шляпу. - Я знаю, что это. - Что за слово еще было? Выдыхание? Свет, почему он упомянул свою женитьбу в письме? Он надеялся вызвать достаточное любопытство Илэйн, чтобы она захотела увидеть него.

Илэйн засмеялась, жестом направляя их к выходу. Том не удержался от отеческого поцелуя в щеку перед уходом - хорошо, что отеческого! Мэт слышал такие вещи об этих двоих, которым не хотел верить. Том достаточно стар, чтобы быть ей дедом, не меньше.

Мэт толкнул дверь, собираясь уходить.

- И ещё Мэт, - добавила Илэйн. - Если ты нуждаешься в деньгах на новую куртку, Корона может выделить немного. В соответствии с твоим положением, ты действительно должен одеться поприличней.

"Я не проклятый дворянин", поворачиваясь, сказал он.

"Пока нет", сказала она. "Ты не так дерзок, как Перрин, чтобы присвоить себе титул. Я прослежу, чтобы ты его получил." "Ты не посмеешь", сказал он.

"Но..."

- Слушай, - сказал он, когда Том присоединился к нему в коридоре. - Я горжусь тем, кто я есть. И мне нравится эта куртка. Она удобная. - Он сжал кулаки, стараясь не думать о царапающемся воротнике.

- Ну раз ты так говоришь, - ответила Илэйн. -Увидимся за обедом. Я должна пригласить Дайлин. Она очень хотела познакомиться с тобой.

С этим она позволила Бергитте закрыть дверь. Мэт мгновение мстительно пялился на нее, затем направился к Тому. Талманес и солдаты стояли несколько поодаль, вне зоны слышимости. Дворцовые слуги дали им теплый чай. "Прошло не плохо", решил Мэт, упирая руки в бедра. "Я беспокоился, что она не клюнет, но думаю, что крепко насадил ее на крючок". Хотя проклятые кости

все еще гремели у него в голове. Том смеялся, хлопая его по плечу.

"Что?", требовательно спросил Мэт.

Том только крякнул, затем мельком взглянул на свиток в руке. - И это тоже было неожиданным.

"Ну, в Андоре нет придворного барда", сказал Мэт.

"Да", ответил Том, просматривая свиток. "Но здесь также есть прощение за любые и за все известные и не известные преступления, совершенные мной в Андоре или Кайриене. Интересно, кто ей сказал..."

"Сказал что?"

"Ничего, Мэт. Вообще ничего. У нас есть несколько часов до ужина с Илейн. Что скажешь, если мы пойдем и купим тебе новую одежду?"

"Хорошо", сказал Мэт. "Как думаешь, я мог бы получить одно из этих помилований, если попрошу его?" "А оно тебе надо?"

Мэт пожал плечами, шагая по коридору рядом с ним. "Безопасность не может навредить. Какую куртку ты собираешься купить мне во всяком случае?"

"Я не говорил, что собираюсь платить."

- Не будь так скуп, - сказал Мэт. - Я буду платить за ужин. - И, треклятый пепел, так или иначе, Мэт знал, что так и будет.

Глава 20

Выбор.

"Ты не должна разговаривать," сказала Росиль Найнив. Стройная женщина с длинной шеей была одета в оранжевое платье с желтыми полосками. "По крайней мере, говори только когда с тобой разговаривают. Ты знаешь церемонию?"

Найнив согласно кивнула, сердце билось предательски громко, пока они шли по темным подвальным коридорам Белой Башни. Росиль была новой Наставницей Послушниц, и так совпало, что из Желтой Айя.

"Превосходно, превосходно", пробормотала Росиль. "Могу я предложить тебе, переместить твое кольцо на средний палец левой руки?"

"Предложить можете" ответила Найнив, но даже не прикоснулась к кольцу, чтобы его передвинуть. Ее назвали Айз Седай. Она не сдаст эту позицию.

Росиль скривила губы, но ничего не ответила. Женщина была доброжелательна к Найнив с момента её появления в Башне - это было хорошей поддержкой. Найнив пребывала в уверенности, что каждая Желтая будет относиться к ней с презрением или в лучшем случае с безразличием. О, они считали ее талантливой, и многие настаивали на том, чтобы обучаться у нее. Но все еще не думали о ней, как об одной из них. Пока нет.

Эта женщина отличалась от них, и быть колючкой в ее сандалии не было бы хорошей уплатой.

- Это важно для меня, Росиль, - объяснила Найнив - Это не значит, что я проявляю неуважение к Амерлин. Она сама меня назвала Айз Седай. И если я буду действовать как обычная Принятая, значит, я подвергаю сомнению ее слова. Испытание очень важно - когда Амерлин возвысила меня, она никогда не говорила, что я не должна проходить испытание. Но я - Айз Седай.

Росиль подняла голову, затем кивнула. "Да. Я понимаю. Ты права."

Найнив остановилась в тёмном коридоре. "Я хочу поблагодарить тебя, и других принявших меня в эти дни - Ниэр и Мерамор. Я и не предполагала, что найду признание здесь, среди вас."

- Есть некоторые, сопротивляющиеся переменам, дорогая, -

сказала Росиль. - Это изменится со временем, но твои новые плетения впечатляют. Еще более важно то, что они эффективны, этим ты заработала теплый прием от меня.

Найнив улыбнулась.

- Теперь, - сказала Росиль, поднимая палец. - Ты может и стала Айз Седай в глазах Амерлин и Башни, но традиция никуда не делась. Не разговаривай пока идет церемония, пожалуйста.

Долговязая женщина продолжила идти вперед. Найнив последовала, сдерживая возражения. Она не позволит эмоциям управлять ею.

Они прошли в глубину Башни, и несмотря на ее старания быть спокойной, ее возбуждение все росло и росло. Она была Айз Седай, и она пройдет этот тест. Она владела сотней плетений. У нее не было причин волноваться.

За исключением того, что несколько женщин не вернулись с испытания.

Эти подвалы были великолепны. Гладкий каменный пол был тщательно выровнен. Лампы, горящие высоко на стенах, вероятно требовали того, чтобы Сестра или Принятая зажгла их Единой Силой. Немногие люди приходили сюда, и большинство комнат использовалось в качестве хранилищ. Уделять столько внимания так редко посещаемому месту, ей показалось излишней тратой времени.

Наконец они достигли закрытых дверей настолько огромных, что Росиль была вынуждена воспользоваться Единой Силой, чтобы открыть их. Это знак, подумала Найнив, складывая руки. Сводчатые коридоры, огромные двери. Это должно было показать Принятой важность того, что должно произойти.

Огромные, похожие на ворота двери распахнулись, и Найнив пришлось справиться со своим волнением. Близится Последняя Битва. Она должна пройти это испытание. Её ждут важные дела.

Высоко подняв голову, она вошла в просторную комнату. Помещение было куполообразным, с стоящими по краям лампами. В центре возвышался большой тер`ангриал . Он представлял собой овал, суженный в верху и у основания, который ничем не поддерживался.

Многие тер'англриалы выглядели обыденно. Это был не тот случай: овал, очевидно, был обработан Единой Силой. Он был сделан из металла, но свет изменял цвета, отражаясь от его серебристых сторон, заставляя все, кажется, светиться и перемещаться.

"Ожидай," сказала Росиль официально.

В комнате были и другие Айз Седай. По одной от каждой Айя, включая - к сожалению, Красную. Все они были Восседающими,

что было странным, возможно из-за

скандальной известности Найнив в Башне. Саэрин из Коричневых, Юкири из

Серых, Барасин из Красных. Примечательно, что присутствовала еще Романда из Желтых, она настояла на участии. До сих пор она была жесткой в обращении с Найнив. Сама Эгвейн также была здесь. На одну больше чем обычно, плюс еще Амерлин. Найнив поймала взгляд Амерлин, и Эгвейн кивнула. В отличие от испытания на Принятую - которое проходило полностью с помощью тер'ангриала - здесь, чтобы испытать Найнив, активно привлекались в работу сестры. И Эгвейн следовало быть самой строгой из них. Дабы показать, что была права, возвышая Найнив.

"Ты идешь в неведении, Найнив ал Мира," сказала Розил. "Куда ты свернешь?"

"Познавать себя" ответила Найнив.

"Зачем ты была призвана?"

Чтобы пройти испытание.

"Зачем тебя следует испытать?"

Чтобы показать, что я достойна, сказала Найнив.

Некоторые из женщин нахмурились, включая Эгвейн. Это были не те слова, - Найнив должна была сказать, что она хочет узнать, является ли она достойной. Но она уже была Айз Седай, поэтому по определению она была достойна. Ей придется лишь доказать это другим.

Росиль запнулась, но продолжила. "И... достойной чего ты будешь признана?"

"Носить данную мне шаль", сказала Найнив. Она сказала это не из высокомерия. Лишь снова изложила истину, так как ее видела. Эгвейн возвысила ее. Она уже носила шаль. Зачем делать вид, что это не так?

Этот ритуал проводили облаченными в Свет. Она начала снимать свое платье.

"Я проинструктирую тебя", сказала Розил. "Ты увидишь этот знак на земле". Она подняла свои пальцы, формируя плетение, сделавшее светящийся символ в воздухе. Шестиконечная звезда, два перекрывающихся треугольника.

Саэрин обнял источник и соткала плетение Духа. Найнив подавила порыв самой обнять Источник.

Осталось немного, думала она. А потом никто не сможет ставить меня под сомнение.

Саэрин коснулась ее плетением Духа. "Помни то, что следует помнить, пробормотала она.

Это плетение что-то делало с памятью. В чем его цель?

Шестиконечная звезда зависла в поле зрения Найнив.

"Как увидишь знак, сразу иди к нему" сказала Розил, "Иди спокойно, не беги, но и не медли. Только дойдя до него ты сможешь обнять Источник. Начнешь плести немедленно, и ты не можешь уйти пока не закончишь плетения."

"Помни то, что следует помнить, вновь сказала Саэрин.

"Завершив плетения" сказала Розил: "Ты вновь увидишь, этот знак отмечающий путь, по которому ты должна пройти, опять же равномерным шагом, без колебаний."

"Помни то, что следует помнить."

"Сто раз ты создашь плетения, в указанном тебе порядке, и сохраняя абсолютное самообладание."

"Помни то, что следует помнить, сказала Саэрин в последний раз.

Найнив почувствовал, что плетение Духа закрепилось в ней. Это было похоже на исцеление. Она сняла платье и подвинулась, когда остальные сестры опустились на колени рядом с тер'ангриалом, выполняя сложные переплетения всех пяти стихий. Они заставили его ярко светиться, цвета на его поверхности перемещались и менялись. Розил откашлялась, и Найнив покраснела, протягивая ей сверток одежды, затем сняла кольцо Великого Змея и положила его на сверху, вместе с кольцом Лана -которое она обычно носила на шее.

Розил взяла одежду. Другие сестры были полностью поглощены своей работой. Тер'ангриал начал светиться в центре чисто белым , затем начал медленно вращаться, скрипя о камень.

Найнив глубоко вдохнула, шагая вперед. Она помедлила перед тер'ангриалом, ступила внутрь и ...

. . . и где она теперь? Найнив нахмурилась. Это не было похоже на Двуречье. Она стояла в деревне шалашей. Волны выплескивались на песчаный пляж слева от нее, а село простиралось вверх по склону к скалистому уступу справа. Вдалеке вздымалась ввысь гора.

Какой-то остров . Воздух влажный, ветер спокойный. Люди ходили между хижинами, добродушно перекликаясь друг с другом. Некоторые остановились, смотря на нее. Она посмотрела на себя, впервые осознав, , что она голая. Она ужасно покраснела. Кто взял ее одежду? Когда она найдет виновника, она его так крепко отстегает, что он неделями не сможет сидеть !

Платье висело рядом на бельевой веревке. Она подошла и сняла его, заставив себя остаться спокойной. Ей следует найти хозяина и заплатить. Голой Найнив чувствовала себя не уютно. Она натянула платье через голову.

Вдруг земля задрожала. Спокойное море стало бурным,

волны с грохотом разбивались о берег. Найнив задышала с трудом, придерживаясь за бельевой шест. Клубы дыма и пепла поднялись на вершине горы.

Найнив схватилась за шест, когда скалистый выступ рядом стал распадаться, валуны обрушились на склон. Люди закричали. Она должна сделать что-нибудь! Оглядевшись, она увидела шестиконечную звезду вырезанную на земле. Она хотела побежать к ней, но знала, что нужно идти осторожно.

Было трудно сохранять спокойствие. Пока она шла, её сердце трепетало от ужаса. Ее сейчас раздавит! Найнив добралась до звезды и большая груда камней с грохотом покатилась к ней, круша хижины. Несмотря на страх Найнив быстро создала правильное плетение - плетение Воздуха, создающее стену и установила ее перед собой. Камни с глухим стуком врезались в преграду, отскакивая от неё.

В деревне были раненные. Она вышла из звезды, чтобы помочь, но тут увидела такую же шестиконечную звезду, сплетенную из тростника, весевшую над дверью ближайшей хижины. Она колебалась.

Ей нельзя потерпеть неудачу. Она пошла к шалашу и прошла через дверной проем.

И застыла. Что она делает в темной, холодной пещере? Почему одета в толстое платье из грубой ткани?

Она завершила первое плетение из сотни. Она знала это и ничего больше. Хмурая она прошла пещеру. Сквозь трещины в потолке пробивался свет. Впереди она увидела большое озеро. Выход.

Она вышла из пещеры и попала в Запустение. Подняла руку, чтобы защитить глаза от слишком яркого света. Вокруг ни души. Она пошла вперед, горячие камни обжигали ноги и трава хрустела под ними.

Жара была изнуряющей и скоро каждый шаг давался с трудом. К счастью впереди лежала какие то руины. Тень! Хотелось бежать к ним, но она должна оставаться спокойной. Она дошла до развалин и ее ноги оказались на камне, затененном разрушенной стеной. Было так прохладно, что она с облегчением вздохнула.

Неподалеку в земле лежали кирпичи, образуя шестиконечную звезду. К сожалению, звезда находилась под солнцем. Не охотно она оставила тень и пошла к знаку.

Вдали забили барабаны. Найнив обернулась. Отвратительные бурые создания карабкались по соседнему холму, держа в руках топоры окропленные кровью. Для нее Троллоки выглядели неправильно.Она видела Троллоков и раньше, но не могла

вспомнить где. Эти были другими. Вероятно, новая порода? С более густым мехом и глазами, скрытыми в провалах лиц.

Найнив пошла быстрее, но не срываясь в бег. Важно сохранять спокойствие. Совершенная глупость. Зачем ей нужно или необходимо сдерживать бег, когда рядом Троллоки? Если она умрет то только по своей вине потому, что не пожелала ускорить шаг.

Будь спокойна. Не беги.

Она сохраняла устойчивый темп, достигнув шестиконечной звезды в тот момент, когда Троллоки подобрались совсем близко. Она начала создавать требуемое плетение. Отделив нить Огня, она послала огромные потоки жара, сжигая ближайших зверей и обращая их в пепел.

Сжав от страха челюсти, она создала основу нужного плетения. Разделив ее нашесть, закончила запутанное плетение в считанные минуты.

Установив его на место, кивнула. Здесь. С рук сорвалась волна пламени и сожгла наступающих Троллоков.

Шестиконечная звезда была вырезана на опоре каменной арки. Найнив пошла к ней, стараясь не оборачиваться. Прибывало все больше Троллоков. Возможно больше, чем она могла убить.

Она достигла арки и шагнула в нее.

Найнив закончила сорок седьмое плетение, которое вызывало звук колокольчиков.Она сделала это плетение,пока стояла на вершине невероятно узкой башни в сотни футов высотой. Ветер хлестал ее, грозя сбросить вниз.

Ниже в темноте появилась арка. Ее опоры были 12-тью футами ниже, параллельные земле, открытые небу. На арке была звезда.

Сжав зубы, она прыгнула и упала сквозь арку.

Она приземлилась в лужу. Одежда пропала. Что произошло? Она встала, ворча на себя. Злая. Неизвестно почему, но кто-то ... что-то сделал ей.

Она так устала. Это была их ошибка, кто бы это ни был. Мысль стала яснее, когда она сконцентрировалась на ней. Она не могла вспомнит, что они сделали, но они безусловно были виновны. У нее были следы ударов хлыстом на обеих рук. Была ли она высечена? Следы вызывали что-то яростное.

Она огляделась, с нее каплями стекала вода. Она закончила 47 плетений из ста. Она это знала, и ничего больше. Кроме того, что кто-то страстно желал ее провала.

Она не позволит им выиграть. Найнив поднялась из лужи, оставаясь спокойной, и увидела неподалеку одежду. Которая была слишком пестрой, ярко розовая и желтая со вставками

красного. Это походило на выпад. Но все равно она одела ее.

Путь Найнив к шестиконечной звезде нарисованной в грязи пролегал через болото, приходилось обходить ямы и лужи со стоячей водой. Она начала создавать плетение, которое запускало в небо синие звездочки.

Что-то укусило в шею. Хлопнув рукой, она убила мушку. Неудивительно, что они водятся в этом сыром болоте. Она была бы рада -

Другой укус в руку. Снова хлопок. Воздух вокруг зажужжал, насекомые кружили вокруг. Найнив сжала зубы, продолжая плести. Все больше и больше укусов в руки. Она не может убить их всех. Можно ли плетением избавиться от мушек? Она направила Воздух, чтобы поднять легкий ветерок, но была остановлена чьими-то криками.

Слабый звук в этом жужжании, но он похож на крик ребенка попавшего в трясину! Найнив шагнула к звукам и открыла рот, чтобы позвать, тут же насекомые наполнили ее рот, она стала задыхаться. Мушки лезли в глаза и их пришлось закрыть.

Жужжание. Крики. Укусы. Свет, они были в горле. В легких!

Закончи плетение. Ты должна закончить плетение.

Несмотря на боль она как-то продолжала. Жужжание насекомых был настолько громким, что она едва услышала свист огненной звездочки, которая взорвалась в воздухе. Найнив направила, разогнала мушек и только затем огляделась. Она кашляла и дрожала. Ребенка нигде не было видно. Был ли это обман?

Она увидела другую шестиконечную звезду, вырезанную над дверью, на дереве.Подошла к ней как только мушки снова виться вокруг нее. Спокойно. Она должны быть спокойной. Почему? В этом не было смысла! Она сделала это, идя с закрытыми глазами, поскольку мушки лезли в них. Рукой нащупала дверь и, надавив, открыла ее. Затем шагнула в проем.

Она потянулась к стене здания, задаваясь вопросом, почему она кашляла. Ей было плохо? Она прислонилась к стене, исцарапанная, сердитая. Ее ноги были покрыты царапинами, и ее руки зудели от укусов насекомых. Она застонала, посмотрев на свою глупую одежду. Что это завладело ею, чтобы она одела красный, желтый и розовый вместе?

Она отошла со вздохом и продолжила путь по прихожей. Доски, которые составляли пол, грохотали, когда она шла, и штукатурка на стенах ломалась и крошилась.

Она дошла до дверного проема и посмотрела внутрь. Небольшая комната имела четыре маленьких медных кровати; на кроватях были дырявые матрацы из соломы.

На каждой кровати лежало по ребенку, укрытые тонкими одеялами. Двое из них кашляли, и все четверо выглядели бледно и болезненно.

Нинэев задыхалась, торопясь войти в комнату. Она встала на колени возле первого ребенка, примерно мальчика лет четырех. Она осмотрела его глаза, затем слушала грудь, когда просила покашлять. У него было отравление спорыньей.

"Кто заботится о вас?" потребовала ответа Найнив.

"Госпожа Мала управляет приютом," сказал ребёнок слабым голосом. "Мы давно её не видели."

"Пожалуйста," молила девушка в соседней кровати. У неё были налитые кровью глаза, а её кожа была настолько бледна, что казалась белой. "Немного воды? Можно мне немного воды?" Она дрожала.

Двое других плакали. Жалостливые, слабые звуки. Свет! В комнате не было ни одного окна, и Найнив заметила бегающих под кроватью тараканов. Кто оставил бы детей в таких условиях?

"Тихо," сказала она. "Теперь здесь я. Я позабочусь о вас."

Она должна была направить, чтобы исцелить их. Тогда...

Нет, подумала она. Я не могу сделать это. Я не могу направлять пока не найду звезду.

Тогда она сделает отвар. Где её мешочек с травами? Она оглядела комнату в поисках источника воды.

Она замерла; через прихожую была другая комната. Она была там раньше? Коврик на полу имел символ шестиконечной звезды. Она поднялась. Дети плакали.

"Я вернусь," сказала Найнив, идя в ту комнату. Каждый шаг скручивал ей сердце. Она бросала их. Но нет, она просто шла в другую комнату. Разве это была не она?

Она достигла коврика и начала плести. Просто быстро плести, тогда она могла помочь. Она слышала крики, начиная работу.

"Я была здесь раньше," подумала она. "Или в похожем месте. В такой-же ситуации."

Она обнаружила, что всё больше и больше злится. Как можно направлять, с этими детьми, зовущими её? Они умирали.

Она закончила плести, увидев затем маленькие потоки воздуха колышащие ее патье. Она придержала свое платье, поскольку на другой стороне комнаты появилась дверь. Маленькое стеклянное окно было вделано наверху, и оно имело шестиконечную звезду.

Она должна продолжать. Она слышала плачущих детей. Со слезами на глазах, с болью в сердце она пошла к двери.

Стало хуже. Она бросала людей утонувшими,

обезглавленными и похороненными заживо. Одним из наихудшего было то, что пока она формировала плетение, крестьян поедали огромные пауки с ярким красным мехом и прозрачными глазами. Она ненавидела пауков.

Иногда она оказывалась обнаженной. Это перестало волновать ее. Хотя она не могла бы вспомнить ничего особенного, но каким-то образом она поняла -эта нагота была ничем по сравнению с ужасами, которые она видела, учитывая, как много плетений она уже сделала.

Она задержалась у каменной арки, воспоминания о горящем доме потускнели в ее голове. Это было восемьдесят первое плетени. Она помнила это. Это и свою ярость.

Она была в подпаленном платье из дерюги. Как могла она поджечь его? Она стояла прямо, обхватив голову трясущимися руками, спина, как высеченная кнутом, ноги и пальцы ног в порезах и царапинах. Она была в Двуречье. За исключением того, что это не было Двуречьем. Не такое, как она его помнила. Некоторые строения все еще тлели, догорая.

"Они снова идут!" завопил голос. Мастер Ал'Вир. Почему он держит меч? Люди, кого она знала, люди, дорогие ей - Перрин, мастер ал'Вир, госпожа ал'Донел, Аэри Ботегер,все с оружием - стояли возле низкой стены. Некоторые махали ей.

"Найнив!" позвал Перрин. "Отродья тени! Нам нужна твоя помощь!"

Огромные тени двигались по ту сторону стены. Отродья тени ужасного размера - не Троллоки, что-то намного хуже. Он могла слышать рев.

Она должна была помочь! Он пошла к Перрину, но замерла, увидев за лугом совсем в другом направлении шестиконечную звезду, нарисованную на склоне холма.

"Найнив!" в отчаянии закричал Перрин. Он стал сражаться с чем-то, залезшим наверх стены, с щупальцами цвета полночи. Перрин бил по ним топором, но одно схватило Аэри и утащило его,визжащего, в темноту.

Найнив зашагала к звезде. Спокойно. Размеренно.

Это было глупо. Айз Седай должна быть спокойной. Она знала это. Но Айз Седай также необходимо быть способной действовать, чтобы делать все необходимое для помощи тем, кто в ней нуждается. И не важно, какой ценой она заплатит за это. Эти люди нуждаются в ней.

Поэтому она побежала.

Даже этого было недостаточно. Он бежала, чтобы достичь звезды, но все же она оставляла людей, которых любила, сражаться одних. Она знала, что не может направлять пока не

достигнет шестилучевой звезды. Это было абсолютно бессмысленно. Отродья Тени атакуют. Ей нужно направлять.

Она обняла Источник и что-то, кажется. попыталось остановить ее. Что-то похожее на щит. Она с трудом убрала его и Сила

наполнила ее. Она швырнула огонь в чудовище, испепелив щупальце, пытавшееся схватить Перрина.

Найнив продолжало метать огонь пока не достигла шестиконечной звезды. Там она сплела восемьдесят первое плетение, которое создало три кольца Огня в воздухе.

Она неистово работала, продолжая атаковать в то же время. Она не знала цели создания этого плетения, но она знала, что выполнила его, создав горящие круги весьма большого размера. Затем она стала с силой метать их в чудовищ. Огромное облако пламени разрушилось среди темных тварей, убивая их.

Шестиконечная звезда появилась на крыше гостиницы ал' Вира. Была ли она там выжжена? Найнив проигнорировала ее, изливая свой гнев на тварей с щупальцами.

Нет. Это важно. Более важно чем Двуречье. Я должна продолжать.

Чувствуя себя словно трусиха — но зная что это было правильно — она вбежала в гостиницу, миновав дверной проем.

Найнив заплакала на полу около сломанного сводчатого прохода. Она должна выполнить последнее плетение из сотни.

Она еле могла двинуться. Ее лицо было бело от слез. Она была полна воспоминаний о побеге из сражения, от умирающих детей. Не имея возможно сделать, что следует.

Ее плечо кровоточило. Укус волка. Ее кожа на ногах, как будто она шла через длинный участок шипов. Все тело было покрыто ожогами и пузырями. Она была гола.

Она наклонилась к своему колену, которое было оцарапано и кровоточило. Её коса заканчивалась тлеющим обрывком на ладонь ниже плечей. Дрожа, она блеванула в сторону.

Настолько больная, настолько слабая. Как она могла продолжать?

Нет. Они не одолеют меня.

Она медленно поднялась на ноги. Она была в маленькой комнате, резкий солнечный свет проникал через трещины между древесных плит. Сверток белой ткани лежал на земле. Она подняла его, развернув . Это было белое платье с цветами Айя, переплетающимися в нижней части. Одежда Принятой Белой башни.

Она бросила его. "Я Айз Седай, сказала она, переступая через одежду и распахивая дверь. Лучше ходить голой, чем уступить

этой лжи.

За дверью, она нашла другое платье, на этот раз желтое. Это было более подходящим. Она позволила себе потратить время, чтобы надеть ее, хоть и не могла унять дрожь, и пальцы ее так устали, что она едва могла заставить их работать. Ее кровь запятнала ткань.

Одевшись, она осмотрела окрестности. Она была на склоне холма в Запустении, земля покрыта сорняками, с отличительными темными пятнами. Откуда в Запустении была лачуга, и почему она была внутри нее?

Она чувствовала себя такой усталой. Она хотела вернуться в лачугу и поспать.

Нет. Она будет продолжать. Она поплелась в гору. С ее вершины, она посмотрела вниз на земли, покрытые ломаным щебнем и кавернами тьмы. Озерами, если их можно так назвать. Жидкости казалась вязкой и жирной. Темные силуэты двигались в ней. Малкир, подумала она, ошеломленная, что узнала место. Семь башен, ныне лишь щебень. Тысяча озер подвергнутых порче. Наследственные земли Лана.

Она шагнула вперед, но ударилась обо что-то ногой. Под ногами лежал камень с маленьким вырезанным символом. Шестиконечная звезда.

Она вздохнула с облегчением. Почти прошла все это. Она начала последнее плетение.

Ниже, позади насыпи щебня наткнулась на человека, опытно размахивающего мечом . Она узнала его даже на расстоянии. Эти сильная фигура, квадратное лицо, меняющий цвета плащ и опасная грация.

"Лан!" закричала она.

Он был окружен зверьми, похожими на волков, но слишком большими. У них был темный мех, они сверкали зубами, бросаясь на Лана. Гончие Тьмы, целая стая.

Найнив резко закончила сотое переплетение, она и не осознавала, что продолжала его. Фейерверк красочных искорок взвился в воздух вокруг нее. Она смотрела, как они падают, чувствуя себя использованной. Она услышала звук за плечом, но когда посмотрела, там ничего не было. Просто лачуга.

Шестиконечная звезда нависала там над дверью, символ, сделанный из кусочков драгоценных камней. Той двери не было там раньше. Она сделала шаг к лачуге, затем оглянулась.

Лан махнул мечом вокруг, отбрасывая Гончих тьмы прочь. Капелька слюны этих зверей способна убить его.

"Лан," крикнула она. "Беги!"

Он не слышал её. Шестиконечная звезда. Ей надо дойти до

неё!

Она мигнула, потом посмотрела на свои руки. В самом центре каждой ладони был крошечный шрам. Почти незаметный. Это зрелище вызвало вспышку в ее памяти.

Найнив...Я люблю тебя...

Это было испытание. Теперь она вспомнила это. Это был тест, чтобы заставить ее сделать выбор между ним и Белой башней. Она сделала этот выбор, однажды, но тогда она знала, что это было нереально.

Это тоже нереально, ведь так? Она подняла руку к голове, разум был затуманен. Там мой муж, думала она. Нет. Я не стану играть в эту игру!

Она закричала, соткав Огонь и бросив его в одну из Гончих Тьмы. Существо загорелось, но огонь, казалось, не повредил его. Найнив двинулась вперед, бросая больше огня. Бесполезно! Собаки только продолжали нападать.

Она отказывалась поддаваться своему истощению. Она отринула это, становясь спокойной и уравновешенной. Как лед. Они хотели подтолкнуть ее, увидеть, на что она способна? Ну что ж, будь по сему. Она потянулась к Источнику, черпая Единую Силу в огромном количестве.

А затем сплела Погибельный огонь.

Полоса чистого света вырвалась из её пальцев искажая воздух вокруг себя. Она поразила одну из Гончих и когда она пронзила её казалось, что свет остался внутри неё. Всё вокруг грохотало и Найнив споткнулась. Лан упал на землю. Гончии прыгали на него.

НЕТ! подумала Найнив выпрямляясь и спетая Погибельный Огонь снова. Она поразила другую Гончую, затем ещё одну. Всё больше чудовищ прыгали из-за скал. Откуда они все появляются? Найнив шагала вперёд, убивая их запретными плетениями.

Каждый её удар заставлял землю дрожать, будто от боли. Погибельный Огонь не должен пронзать такую землю, как эта. Что-то было не правильно.

Она достигла Лана. У него была сломана нога. "Найнив!" сказал он. "Ты должна идти!"

Она проигнорировала его слова, становясь на колени и сплетая Погибельный Огонь, поскольку ещё одна Гончая огибала обломки. Их количество увеличивалось, а она так устала. Она чувствовала, что каждое её плетение может стать последним.

Но этого не могло быть. Не когда Лан в опасности. Она сплела сложное исцеление, помещая каждую частичку покидающей её силы в исправление его ноги. Он вскочил и схватил меч, поворачиваясь, чтобы отразить Гончую Тьмы.

Они сражались вместе, с её Погибельным Огнём и его сталью.

Но его удары были медленными, а она тратила на каждое новое плетение на несколько ударов сердца больше времени. Земля тряслась и грохотала, руины рассыпались.

"Лан!" сказала она. "Будь готов бежать!"

"Что?"

Из последних сил она соткала Погибельный Огонь и направила его прямо вниз, перед ними. Земля изогнулась в муке, почти как живое существо. Земля раскололась возле них, Гончие Тьмы попадали вниз. Найнив рухнула и Единая Сила вытекла из неё. Она слишком устала направлять.

Лан схватил её руку. "Мы должны идти!"

Она вытянула себя на ноги, опираясь на его руку. Вместе они побежали вверх, по грохочущему склону. Гончие Тьмы выли позади, некоторые из них перепрыгивали через трещину.

Найнив бежала как только могла, цепляясь за руку Лана. Они преодолели вершину. Земля тряслась так ужасно, что она не могла поверить, что лачуга ещё стоит. Она оступилась вниз с холма к ней и Лан с ней.

Он опрокинулся, крича от боли. Его рука выскользнула их её пальцев.

Она обернулась. Позади них, поток Гончих Тьмы достиг вершины холма, рыча, сверкая зубами и брызжа слюной из пастей. Лан махал ей, чтобы она уходила, зрачки его глаз были расширены.

"Нет", Она схватила его за руку, и с трудом потащила вниз по склону. Вмести они ввалились в дверь, и ...

И, задыхаясь, Найнив выпала из тер'ангриала. Она рухнула одна на холодный пол, обнажённая и дрожащая. Воспоминания обо всём прошедшем нахлынули на неё потопом. Все и каждый ужасный момент испытания. Каждое предательство, каждое ... Бессилие, крики детей, смерть людей, которых она знала и любила. Она плакала на полу, свернувшись в клубок.

Всё её тело было охвачено огнём боли. Её плечи, ноги, руки и спина всё ещё кровоточили. Она была обожжена до пузырей, проходящих через всё её тело, и большая часть её косы пропала. Она распутывала свои волосы закрывающие её лицо, пытаясь изгнать из памяти то что она делала.

Услышав рядом ворчания, она затуманенным взглядом нашла кольцо Айз Седай, затихших и прервавших направлять. Она ненавидела их. Каждую в отдельности.

"Свет!" воскликнула Саэрин. "Кто-нибудь исцелите её!"

Предметы и люди расплывались. Голоса стали не разборчивыми. Как будто под водой. Тихими...

Что-то холодное прошло сквозь неё. Она задыхалась. Её глаза

широко раскрылись от ледяного шока во время исцеления. Росиль стала на колени позади неё. Женщина выглядела обеспокоенно.

Боль оставила Найнив, но от слабости ей стало в десять раз хуже. И боль внутри... она осталась. Свет! Она все еще слышала крики детей.

"Ну", сказала Саерин, "кажется она будет жить. Теперь, кто-нибудь пожалуйста, скажите мне, что во имя Создателя, это было?" В ее голосе звенела ярость. "Я участвовала во многих испытаниях, даже в тех, где женщины умирали. Но я никогда, за всю свою жизнь, не видела женщину испытавшую только-что такие страдания."

"Она должна была пройти испытание должным образом" , сказала Рубинда.

"Должным образом?", яростно вскрикнула Саерин

У Найнив не было сил смотреть на них. Она лежала и вздыхала в стороне.

"Должным образом?", повторила Саерин. "Это было не должным образом. Это была настоящая месть, Рубинда. Почти любое из тех испытаний, что я видела и требовала от других женщин, даже близко не стояло с тем что мы видели только-что. Тебе должно быть стыдно. Всем Вам. Свет! Посмотрите, что вы сделали с девушкой!"

"Неважно" холодно сказала Барасин из Красных. "Она не прошла испытание."

"Что?", открыв глаза, прохрипела наконец Найнив. Тер'ангриал отбрасывал тусклый свет, а Росиль принесла одеяло и одежду Найнив. Эгвейн стояла в стороне, сложив руки на груди. У нее не было права голоса, и она спокойно слушала мнения других о том прошла или нет Найнив.

"Ты провалилась, дитя", сказала Барасин, посмотрев на Найнив холодным, бесчувственным взглядом. "Ты не показала должного поведения".

Голубая Лилейн кивнула, раздражаясь, от согласия с Красной. "Испытания проверяет способность в любой ситуации оставаться хладнокровной как Айз Седай. Ты не показала этого."

Другим было неловко. Тебе не были обязаны говорить о деталях испытания. Найнив знала это хорошо. Она также знала, что в большинстве случаев провал означал смерть. Хотя она не была слишком удивлена, услышав, что провалилась, но сейчас она задумалась об этом.

Она нарушила правила испытания. Она побежала, чтобы спасти Перрина и остальных. Она направляла до того как должна была. Это была проблема, к её сожалению. Все прочие эмоции, в данный момент, приглушала пустота от утраты внутри неё.

"Барасин высказалась" неохотно промолвила Сине. "Ты пала в ярость, побежала к знакам в конце концов. И самое важно, ты сплела запрещенное. Большая проблема. Я не говорю, что ты провалилась, но есть нарушения."

Найнив попыталась подняться. Розил положила руку на плечо, запрещая вставать, но Найнив схватила руку, оперлась и встала на дрожащие ноги. Взяла одеяло и набросила на плечи, закрывая грудь.

Она была опустошена. "Я делала то, что должно. "Кто среди вас бросит людей в опасности? Кто из вас запретит себя направлять, подвергшись атаке Порождений Тени? Я поступила как Айз Седай."

"Испытание" сказала Барасин " проверяет, что женщина действительно решила посвятить себя более великой цели. Чтобы показать, что она может избежать отчаяния и искать высшее благо."

Найнив фыркнула. "Я сделала все нужные плетения. Я была сосредоточена. Да я потеряла покой, но я сдерживала себя пока не закончила испытание. Глупо требовать спокойствия ради спокойствия и запрещать бежать, когда есть люди, которым нужна помощь."

"Я хотела доказать испытанием, что достойна быть Айз Седай. Тогда я смогу сказать, что жизни виденных мной людей важнее титула. Если не будет другого выбора, я без колебания отдам его для спасения чьей-либо жизни. Отказываясь помогать, я не служу высшей цели; это всего лишь эгоизм."

Взгляд Барасин был полон раздражения. Найнив с трудом побрела к стене, там она могла присеть на скамью и отдохнуть. Женщины собрались в кучку, чтобы пошептаться. Эгвейн спокойна подошла к Найнив и села рядом. Хотя Амерлин было позволено участвовать в испытании и создать ряд ситуаций, чтобы проверить Найнив, она не имела права голоса при подведении итогов.

"Ты злишь и запутываешь их" сказала Эгвейн.

"Я сказала правду", проворчала Найнив.

"Вероятно" продолжила Эгвейн. "Я не говорю о твоей вспышке. Во время испытания ты не подчинилась приказам."

"Я не пренебрегла ими. Я не помнила, что мне их отдали. Ну, на самом деле я помнила, что нужно сделать, но не знала почему" скривилась Найнив. "Вот почему я нарушила правила. Я думала, что они всего лишь чьей-то каприз. Я забыла, почему нельзя бежать и перед лицом умирающих это казалось глупым."

"Правила следует соблюдать неукоснительно даже, если ты не понимаешь их." сказала Эгвейн. "И тебе не следовало

направлять, пока ты не в звезде. Это суть испытания."

Найнив нахмурилась. "Тогда как —"

Ты провела слишком много времени в Тел'аран'риоде. Это испытание ... кажется, работает как Мир Снов. То, что выдумали мы, стало твоим миром. Эгвейн прищелкнула языком, кивнув головой. "Я предупреждала их, что это может быть опасно. Знания о Мире Снов помогли тебе нарушить испытание."

Найнив не ответила на это, чувствуя себя больной. Что если она потерпела неудачу? Быть выброшенной из Башни теперь, когда цель так близка?

"Я думаю, твои нарушения могут помочь тебе," мягко сказала Эгвейн.

"Что?"

"Ты слишком опытна, чтобы пройти испытание", об'яснила Эгвейн. "В некотором смысле то, что случилось - доказательство того, что ты заслуживала шаль, когда я возвысила тебя. Ты быстро и искусно создавала плетения. Мне особенно понравилось, как ты использовала бесполезные плетения для преодоления трудностей по ходу испытания."

"Битва в Двуречье," сказала Найнив. "Это была ты? Другие не знают этого места настолько, чтобы создать его."

"Можно создать иллюзию, использовав разум испытываемой женщины," сказала Эгвейн " кажется странным использовать для этого тер'ангриал. Этого я до конца не понимаю."

"Но в Двуречье была ты."

"Да," призналась Эгвейн.

"А в последнем. С Ланом?"

Эгвейн кивнула. "Я прошу прощения. Я думала, что если я не сделаю этого, никто не..."

"Я рада, что ты это сделала," сказала Найнив. "Это открыло мне кое-что."

"Что?"

Найнив кивнула, прикрыла глаза опираясь на стену и поплотней кутаясь в одеяло. "Я поняла,что,если бы я должна была сделать выбор между тем чтобы стать Айз Седай и быть с Ланом, я бы выбрала Лана. То как люди называют меня ничего во мне не меняет. Я также могу направлять, я могу быть собой, если я даже никогда не стану Айз Седай. Но я никогда не стану собой снова, если бы я оставила его. Мир изменился , когда я вышла замуж за него."

Она ощущала... облегчение, сознавая это и рассказывая об этом.

"Молись, что бы другие не поняли этого," сказала Эгвейн. "Для них это будет паршиво, что ты сможешь ценить что то выше

Белой Башни."

"Мне интересно," сказала Найнив, "мы иногда ставим Белую Башню - как организацию - перед людьми, которым мы служим. Интересно, становится ли это самоцелью и не мешает-ли нам добиться большего."

"Преданность важна, Найнив. Белая Башня защищает и направляет мир."

"И все же, многие из нас делают это без семьи",сказала Найнив. "Без любви, без страсти за пределами собственных интересов. Так что, даже пытаясь руководить миром, мы отделяем себя от него. Мы рискуем впасть в высокомерие, Эгвейн. Мы всегда будем предполагать, что знаем как лучше, но рискуем сделать себя не способными понять людей, которым, как утверждаем, мы служим".

Эгвейн казалась обеспокоенной. "Не оглашай эти идеи на людях, по крайней мере, не сегодня. Они и так уже уже достаточно недовольны тобой. Но эта проверка была жестокой, Найнив. Мне очень жаль. Я не могла демонстрировать благосклонность к тебе, но, возможно, я должна была положить этому конец. Ты делала то, чего от тебя не ожидали, и это взвинтило остальных, заставив наращивать тяжесть. Они видели, что больные дети задели тебя, поэтому они все больше и больше использовали их в испытании. Многие, похоже, сочли твои победы личным оскорблением, состязанием воли. Это вынудило их быть жесткими. И даже жестокими".

"Я выжила". сказала Найнив, закрыв глаза. "И я многое поняла. О себе и о нас."

Она хотела быть полностью и по-настоящему принятой в Айз Седай. Она неистово хотела этого. Но в конце концов, если эти люди решат отказать ей в возвышении, она знала, что ее жизнь продолжится и она все равно сделает то, что следует сделать.

Наконец, Восседающие - ведомые Розил - подошли. Найнив из уважения заставила себя встать на ноги.

"Мы должны обсудить запрещенное плетение которое ты использовала," строго сказала Саерин.

"Это единственный известный способ уничтожить гончих тьмы," сказала Найнив. "Я не могла поступить иначе"

"Ты не имешь права решать, можно или нет ипользовать это плетение" сказала Саерин. "Ты дестабилизировала Тер'ангриал. Ты могла уничтожить его, убив и себя и, возможно нас. Мы хотим, чтобы ты поклялась, что никогда не будешь использовать это плетение."

"Я не буду этого делать," устало сказала Найнив.

"Даже если это означает разницу, между получением шали

или потерей её навсегда?"

"Давать клятву, как это глупо", сказала Найнив. "Я могу представить себя в ситуациях когда погибнут люди, если не использовать его. Свет! Я буду бороться в последней битве вместе с Рандом! Что, если я, добравшись до Шойол Гул обнаружила, что без погибельного огня не смогу защитить Дракона от Темного? Вам нужно, чтобы я выбирала между глупой присягой и судьбой мира?"

"Вы думаете, что вы пойдёте в Шойол Гул?" Спросила, недоверчиво Рабинда.

Я собираюсь быть там," Сказала мягко Найнив. "Это не вопрос. Ранд просил меня об этом, хотя я пошла , если бы он и не спрашивал."

Они обеспокоенно переглянулись.

"Если вы собираетесь принять меня," сказала Найнив: "тогда вы просто должны доверять моему взгляду на погибельный огонь. Если же не доверяете моему опыту, когда использовать это опасное плетение, а когда нет, то лучше не принимайте меня."

"Я была бы осторожна при принятии решения", сказала Эгвейн женщинам. "Отказать в шали женщине, которая помогла очистить саидин от порчи, женщине победившей Могидин в бою, вышедшей замуж за короля Малкири - это может создать очень опасный прецедент."

Саэрин посмотрела на остальных. Трое кивнули. Юкири, Seaine и, удивительно,- Романда. Трое покачали головой. Рабинда, Барасин, Лилейн. Теперь осталась Саэрин. Решающий голос.

Коричневая сестра повернулась к ней. "Найнив Ал'Мира, я заявляю, что вы прошли это испытание. С трудом."

Со стороны Эгвейн послышался мягкий — почти неслышимый — вздох облегчения, Найнив поняла, что она задерживала свое дыхание.

"Дело сделано!" сказала Росиль, хлопая в ладоши. "Пусть никто никогда не говорит о том, что произошло здесь. Пусть безмолвием окончиться ее испытание. Дело сделано."

Женщины кивнули в знак согласия, даже те, кто голосовал против Найнив. Никто не будет знать, что Найнив с трудом прошла испытание. Они напрямую высказали ей свое мнение о погибельном огне, не стремясь формального наказания, из-за традиции не говорить о том, что произошло в Тер'ангриале.

Росиль хлопнула снова. "Найнив ал'Мира, ты проведёшь ночь в молитве и размышлениях о бремени, которое ты примешь на себя завтра, когда ты оденешь шаль Айз Седай. Это сделано." Она хлопнула в третий и последний раз.

"Спасибо," сказала Найнив. "Но я уже ношу мою шаль и..."

Она осеклась, когда Эгвейн вперила в нее взор. Безмятежный взор, но тем не менее выразительный. Возможно Найнив и так уже чересчур сильно надавила на окружающих сегодня.

"Я буду рада следовать традиции," продолжила Найнив, проглатывая свои возражения. "Но до тех пор, мне сперва надо бы сделать одну очень важную вещь. Потом я вернусь и исполню традиции".

Найнив потребовался Портал, чтобы попасть в место, куда она собиралась. Она, кончено, не сказала другим, что покинет Башню ради своего дела. Но она и не утверждала обратное.

Она поспешила через темный лагерь палаток который располагался рядом с частично построенной стеной. Ночное небо было тусклым, покрытое этой облачностью, и по периметру лагеря горели костры. Возможно, слишком много костров. Находящиеся здесь были крайне осторожны. К счастью, охрана позволила ей войти в лагерь без объяснений; кольцо Великого Змея творило чудеса, когда применялось в нужных местах. Они даже сказали ей, где найти женщину, которую она искала.

По правде говоря, Найнив была удивлена, обнаружив эти палатки снаружи, а не внутри стен Черной башни. Эти женщины были направлены связать Ашаманов, как предложил Ранд. Но, по словам гвардейцев, делегации Эгвейн пришлось ждать. Ашаман сказал, что "сперва выберут другие", что бы это ни означало. Эгвейн, вероятно, знала больше, она посылала гонцов с женщинами то сюда то обратно, в частности, чтобы предупредить о Черных сестрах , которые могли быть среди них. Те, о которых они знали исчезли до прибытия первого посланника.

Найнив не помышляла вызнавать больше деталей на данный момент. У нее была другая задача. Она подошла к нужной палатке, чувствуя, такую усталость от испытания, как будто скоро упадет на землю в вихре желтых одеяний. Несколько Стражей прошли через лагерь неподалеку, наблюдая за ней со спокойным выражением.

Палатка перед ней была простым серым изделием. Она была слабо освещена и внутри двигались тени. "Мирелле," - громко позвала Найнив. "Я хотела бы с тобой поговорить". Она была удивлена,с какой силой прозвучал её голос, ведь она не ощущала, чтобы у нее оставалось много сил.

Тени застыли, затем двинулись снова. Полотнища палатки зашумели, и выглянуло ошарашенное лицо. Мирелле была одета в голубую ночнушку, почти прозрачную, и один из ее Стражей - медведеподобный человек с густой черной бородой по Иллианской моде - сидел сидел на полу внутри палатки со

спущенными штанами.

"Дитя?" Мирелле казалась удивлённой. "Что ты делаешь здесь?" Она была прекрасна с оливковой кожей и длинными черными волосами и округлыми формами. Найнив остановила себя, потянувшись за косой. Теперь она слишком короткая, чтобы дергать. Потребуется много времени, чтобы к этому привыкнуть.

"У тебя есть кое-что мое" сказал она.

"Хммм... Это с какой стороны посмотреть, дитя" нахмурилась Мирелле.

"Я была возвышена сегодня," сказала Найнив. "Формально. Я прошла испытания. Мы теперь равны, Мирелле." Она оставила вторую часть недосказанной - что Найнив была сильнее. Впрочем, не вполе равны.

"Возвращайся завтра," сказала Мирелле. "Я занята." Она попыталась повернуться, чтобы вернуться в палатку.

Найнив схватила женщину за руку. "Я никогда не благодарила тебя," сказала она, хотя её зубы скрипели, когда она говорила эти слова. "Я делаю это сейчас. Он жив благодаря тебе. Я понимаю это. Однако, Мирele, это не тот момент чтобы прогнать меня. Сегодня я видела людей, которых я люблю, убитыми, меня заставили отправить детей жить в муках. Меня жгли, бичевали и терзали.

Я клянусь тебе, женщина, что если ты не передашь мне узы Лана в этот самый момент, я войду в палатку и научу тебя значению слова "повиновение". Не нажимай не меня. Утром я принесу три клятвы. Я свободна от них ещё на одну ночь."

Мирелле застыла. Вздохнув, она вышла из палатки. - Да будет так. - Она закрыла глаза и создала плетение Духа, направив его на Найнив.

Походило что, как будто реальный предмет помещают в ее разум. Найнив задыхалась, кружилась голова.

Мирелле повернулась и скользнула обратно в свою палатку. Найнив сползала, пока не села на землю. Что-то расцветало в её сознании. Понимание. Прекрасно, замечательно.

Это был он. И он все еще жив.

Хвала Свету, думала она, закрывая глаза. Спасибо тебе.

Глава 21

Открытые Врата

"Мы решили, что лучше всего позволить одной из нас представить полный доклад. Я уже собрала для изложения информацию, поданную другими." сказала Сеонид.

Перрин рассеянно кивнул. Он сидел на подушках в шатре для собраний,Фэйли сбоку от него. Шатер снова был полностью забит людьми.

- В Кайриэне,конечно, все еще неразбериха, - начала Сеонид. Деловитая Зеленая была лаконичной женщиной. Не хмурой или неприятной, но даже ее взаимоотношения с собственным Стражем напоминали отношения преуспевающего фермера и его работников. - Солнечный Трон остался незанятым слишком надолго. Все знают, что Лорд Дракон обещал трон Илейн Траканд, но она изо всех сил пытается сохранить свой собственный трон. По сообщениям, она, наконец, это сделала.

Она посмотрела на Периина, довольно улыбаясь. Он поскреб свою бороду. это было важно, и он должен обратить внимание. Но мысли о тренировках в волчьих снах занимали его думы. - Итак, Илейн Королева. Это должно сделать Ранда счастливым.

- Реакция Лорда Дракона неизвестна, - продолжала Сеонид,проверяя другие отметки на листе. Хранительницы Мудрости не сделали ни одного замечания и не задали ни одного вопроса; они сидели на своих подушках небольшой группой, как заклепки на стержне. Вероятно, Девы уже рассказали им обо всем этом.

- Я почти уверена, что Лорд Дракон в Арад Домане, - продолжала Сеонид. - Некоторые слухи говорят об этом, хотя, конечно, есть слухи, отправляющие его во многие места. Но Арад Доман дает ему чувство тактической победы, а беспорядки там угрожают дестабилизировать Порубежников. Я правда не уверена, послал он туда Айил или нет.

"Он послал", - просто сказала Эдарра, не вдаваясь в подробности.

- Да, - сказала Сеонид. Многие слухи говорят, что он планирует встретиться с Шончан в Арад Домане. Я полагаю, он хотел бы,чтобы кланы помогли ему там.

Это всколыхнуло мысли о Малдене. Перрин представил сражающихся дамани и Хранительниц Мудрости, Единая Сила

разрывает ряды солдат, кровь, земля и огонь вращающиеся в воздухе. Это было бы как Колодцы Дюмай, только хуже. Он вздрогнул. В любом случае, из образов, и они появлялись во время доклада Сеонид, он знал, что Ранд был там, где она сказала.

Сеонид продолжила, говоря о торговле и продовольствии в Кайриэне. Перрин поймал себя на мысли о том, что же за странную фиолетовую стену он видел в Волчьем Сне. Идиот, сказал он себе строго. Слушай. Свет! Он действительно был плохим правителем. Не было никаких трудностей, когда он бежал впереди волков, если они позволяли ему охотиться. Почему он не может поступать также перед своими людьми?

"Тир собирает войска," сказала Сеонид. "Ходят слухи, что Лорд Дракон приказал Дарлину готовить мужчин к войне. Между прочим, в Тире, по-видимому, теперь есть король. Любопытно. Одни говорят, что Дарлин пойдет на Арад Доман, хотя иные считают, что он должен быть на Последней Битве. Третьи утверждают, что Ал'Тор в первую очередь намерен победить Шончан. Все три варианта кажутся правдоподобными, и я не могу сказать больше без поездки в Тир". Она смотрела на Перрина и пахла обнадеженной.

"Нет", сказал Перрин. "Еще нет. Ранд не в Кайриэне, но Андор кажется спокойным. В связи с этим наиболее разумным для меня будет прибыть туда, чтобы поговорить с Илейн. У нее есть сведения для нас."

Фэйли запахла беспокойством.

"Лорд Айбара," ответила Сеонид, "вы думаете, что Королева будет приветствовать вас? С флагом Манетерен и самозванным титулом Лорда.. •

Перрин нахмурился. "Оба эти дурацких знамени сейчас спущенны, и Илейн увидит все в верном свете, как только я объясню ей."

"А мои солдаты?", сказала Аллиандре. "Вы, вероятно, должны спросить разрешения, прежде чем ввести иностранные войска на андорские земли".

"Вы не пойдете", сказал Перрин. "Я говорил это раньше, Аллиандре. Вы будете в Джеханнахе. Мы отправим вас туда, как только мы разберемся с белоплащниками".

"Решение на их счет уже принято, так?" спросил Арганда, подавшись вперед, нетерпеливый и взволнованный.

"Они требовали битвы", сказал Перрин. "И они игнорируют мои просьбы о дальнейших переговорах. Я думаю дать им бой." Они начали говорить об этом, хотя вскоре это переросло в обсуждение того, что означает наличие короля в Тире. В конце

концов, Сеонид откашлялась и вернула разговор к своему докладу.

"Шончан являются причиной большего обсуждения в Кайриэне," сказала Сеонид, "Захватчики, кажется, сосредотачивают свое внимание на сохранении своих земель, включая Алтару. Они по-прежнему расширяются на запад, ввязывась в столкновения на Равнине Алмот".

"Продвигаются к Арад Доману," сказал Арганда. "Там назревает битва."

"Скорее всего," ответила Сеонид.

"Если грядет Последняя битва", сказала Аннуора, "то это было бы разумно, иметь союз с Шончан". Она как будто задумалась, положив ногу на ногу, сидя на своей вышитой синим и желтым шелковой подушке.

"Они посадили на цепь Хранительниц Мудрости", сказала Эдарра, ее слишком молодое лицо потемнело. Она пахла опасно. Злой, но холодный запах, как у человека, собирающегося убить. "Не только Шайдо, кто заслужили свою судьбу. Если будет союз с Шончан, то он будет разрушен, как только работа Кар'а'карна будет завершена. Уже сейчас многие мои люди говорят о кровной мести с этими захватчиками."

"Я сомневаюсь, что Ранд хочет войны между вами", сказал Перрин.

"Год и день", просто сказала Эдарра. "Хранительницы Мудрости не могут быть взяты в гай'шайн, но, возможно, пути Шончан отличны от наших. Несмотря на это, мы дадим им год и один день. Если они не выпустят своих пленников, когда мы потребуем их после этого времени, они узнают наши копья. Кар'а'карн не может требовать от нас большего."

В шатре наступила тишина.

"В любом случае,"сказала Сеонид, прочистив горло. "Закончив с Кайриэном, мы встретили с теми, кто пошел в Андор проверить тамошние слухи."

"Подожди," сказал Перрин. "Андор?"

"Хранительницы Мудрости решили отправить туда Дев."

"Этого не было в плане", прорычал Перрин, смотря на Хранительниц Мудрости. "Вы не управляете нами, Перрин Айбара," сказала спокойно Эдарра . "Нам надо знать, есть ли еще Айил в городе или нет, и там ли Кар'а'карн. Ваши Ашаманы удовлетворили нашу просьбу насчет врат.

"Дев могли увидеть," прорычал он. Ну, он сказал Грейди сделать Врата, когда Айил попросят его, хотя он имел в виду время ухода и возвращения. Ему следует быть более точным.

"Так их не увидели", возмущенно произнесла Сеонид, как

будто говоря с глупым ребенком. "По меньшей мере никто, с кем они не собирались поговорить." Свет! Показалось ему или ей многое начало видеться, как Хранительнице Мудрости? Этим Сеонид и другие занимались в айильском лагере? Обучением, как стать более упрямым? Свет, помоги им всем.

"Несмотря ни на что," продолжила Сеонид, "Мы поступили мудро, отправившись в Кэймлин. Слухам нельзя доверять, особенно нельзя тогда, когда один из Отрекшихся, как говорят, действует там."

"Один из Отрекшихся?" спросил Галенне. "В Андоре?"

Перрин кивнул и помахал чашкой, попросив этим горячего чая. "Ранд сказал, что это Равин, хотя я был в Двуречье, когда произошло сражение". Цветной вихрь закружился в голове Перрина. "Равин выдавал себя за одного и местных дворян, человека по имени Гейбрал или Габиль, что-то вроде того. Он заставил королеву влюбиться в него, а потом убил ее".

Поднос упал на землю с приглушенным звоном.

Фарфоровые чашки разбились, брызги чая взлетели в воздух. Перрин развернулся, и некоторые из Дев вскочили на ноги, сжимая поясной нож.

Майгдин стояла ошеломленно глядя на руки. Упавший поднос лежал на земле перед ней.

"Майгдин!" сказала Фэйли. "Ты в порядке?"

Златовласая служанка повернулась к Перрину с изумленным видом. "Если Вас не затруднит, милорд, не повторите то, что вы сказали?"

"Что?" спросил Перрин. "Женщина, что случилось?"

"Вы сказали, что один из Отрекшихся поселился в Андоре," сказала Майгдин спокойным голосом. Она смотрела на него острым взглядом Айз Седай. "Вы уверены в том, что вы слышали?"

Перрин снова уселся на свою подушку, поскребывая подбородок. "Уверен в этом, как только могу быть. Прошло некоторое время, но я знаю, что Ранд был убежден. Он сражался с кем-то Единой Силой в андорском дворце."

"Его имя было Гэйбрил", сказала Сулин. "Я была там. Молния ударила с чистого неба, и нет никакого сомнения, это была Единая Сила. Это был один из Отрекшихся."

"Есть многие в Андоре, кто заявлял, что Кар'а'карн говорил об этом, добавила Эдарра. "Он сказал, что это Гэйбрил использовал запрещенные плетения на мокроземцах во дворце, пробираясь в их разум, заставляя их думать и действовать, как он пожелает."

"Майгдин, что случилось?" спросил Перрин. "Свет! Женщина, он мертв! Ты не должна бояться".

"Приноши свои извинения," сказала Майгдин. Она вышла из

шатра, оставляя поднос и осколки фарфора, подобные белым косточкам, разбросанным на земле.

"Я с ней позже разберусь", смутилась Фэйли. "Она потрясена тем, что жила так близко в одному из Отрекшихся. Вы же знаете, что она из Кеймлина."

Остальные кивнули, и другие слуги двинулись вперед, чтобы убрать беспорядок. Перрин понял, что он больше не получит чая. Дурак, подумал он. Ты прожил большую часть жизни не имея возможности приказать принести чай. Ты не умрешь сейчас из-за того, что больше не можешь попросить наполнить чашку по взмаху руки.

"Давайте двигаться дальше", сказал он, устраиваясь на подушках. Он никогда не мог вполне удобно устроиться на этих проклятых вещах.

"Мой доклад закончен," сказала Сеонид, демонстративно игнорируя слугу, который убирал фарфоровые осколки перед ней.

"Я остаюсь при своем старом решении", сказал Перрин. "Важно разобраться с Белоплащниками. После этого мы поедем в Андор, и я поговорю с Илейн. Грейди, как ты себя чувствуешь?"

Перенесший болезнь Ашаман поднял взгляд с того места, где он сидел в своей черной куртке. "Я полностью восстановился после болезни, милорд, так же как и Неалд."

"Ты все еще выглядишь усталым", сказал Перрин.

"Я устал," сказал Грэйди, "но, чтоб мне сгореть, мне лучше чем в ту пору, когда я работал в поле, прежде чем пошел в Черную Башню".

"Пришло время начать отправлять некоторых из этих беженцев туда, откуда они родом", сказал Перрин. "С теми кругами можете ли вы держать врата открытыми дольше?"

"Право, я не уверен. Находиться в кругу по-прежнему утомительно. Может быть, даже утомительнее. Но я могу сделать гораздо большие врата с помощью женщин, достаточно широкие, чтобы пропустить через них две телеги."

"Хорошо. Мы начнем отправлять простых беженцев домой. Каждый человек, кого мы увидим снова там, где ему и полагается быть, уменьшит тяжесть на моих плечах."

"А если они не хотят идти?" спросил Тэм. "Многие из них начали тренироваться, Перрин. Они знают, что грядет, и они предпочитают встретить это здесь, с тобой, чем прятаться в своих домах".

Свет! Не все ли люди в этом лагере не хотели возвращаться к своим семьям? "Конечно, есть некоторые, кто хотят вернуться".

"Некоторые", сказал Тэм.

"Помни," сказала Фейли, "слабые и старики были отпущены

айильцами".

Арганда кивнул. "Я смотрел на эти войска. Все больше и больше гай'шайн выходят из оцепенения, и когда это происходит, они становятся твердыми. Твердыми, как множество солдат, которых я знаю."

"Некоторые захотят проведать семью ", сказал Тэм," но только если вы позволите им вернуться обратно. Они видят это небо. Они знают, что грядет".

"В настоящее время, мы отправим обратно тех, кто хочет уйти и остаться в своих домах", сказал Перрин. "Я не могу заняться другими, пока я не закончу с Белоплащниками".

"Отлично", с нетерпением сказал Галенне. "У тебя есть план атаки?"

"Ну," ответил Перрин, "Я считаю, что если они собираются быть достаточно честными, чтобы выстроиться, то мы используем против них лучников и Силу и уничтожим их."

"Я одобряю этот план", сказал Галенне, "до тех пор, пока мои люди не смогут атаковать, чтобы иметь дело с оставленной под конец толпой."

"Балвер", сказал Перрин. "Напиши Белоплащникам. Скажи им, что мы будем биться, и что они должны выбрать место."

Как только он произнес это, он почувствовал странное нежелание. Казалось столь ненужным убивать так много тех, кто мог бы бороться против Тени. Но он не видит другого выхода.

Балвер кивнул, от него пахло агрессией. Что такого сделали Белоплащники Балверу? Что тянуло маленького секретаря к ним.

Совещание подошло к концу. Перрин остановился у поднятого полога шатра и провожал взглядом отдельные группки людей. Аллиандре и Арганда двигались к своей части лагеря. Удивительно, Фэйли и Берелейн шли вместе и весело болтали. Их запах источал злобу, но слова звучали по-дружески. Что случилось с ними?

Только несколько влажных пятен внутри павильона отмечали место падения подноса. Что не так с Майгдин? Ее странное поведение беспокоило; слишком часто это были проявления силы Темного.

"Милорд?" спросил голос прерываемый кашлем. Перрин обернулся, Балвер ожидал позади. Секретарь стоял, сложив руки перед собой, выглядя, как куча веток, на которые дети повесили старую рубашку и пальто.

"Да?" спросил Перрин.

"Так случилось, что я подслушал несколько интересных разговоров, когда был в Академии Кэйриена."

"Ты же достал припасы?"

"Да-да. Я довольно хорошо пополнил наши запасы. Погодите. Я действительно услышал кое-что интересное."

"Продолжай" сказал Перрин, возвращаясь в шатер. Последние люди уже покинули его.

Балвер зашептал. "Во-первых, Милорд, кажется, что Дети Света заключили союз с Шончан. Это общеизвестно и я боюсь, что армия впереди послана -"

"Балвер" прервал Перрин "Я знаю ты ненавидешь Белоплащников, но ты уже рассказал мне эти новости полдюжины раз." Да, но -"

"Ни слова о Детях" продолжил Перрин, останавливая его взмахом руки. "До тех пор пока это не будут вести о армии впереди нас. Тебе что-нибудь известно о ней?"

"Нет, Милорд."

"Что-нибудь еще хочешь рассказать?"

Балвер скрыл признаки раздражения, но Перрин чувствовал запах недовольства. Видел свет, что у Белоплащников было за что спросить ответа и Перрин не обвинял Балвера в его ненависти, но это действительно начинало утомлять.

"Да, милорд," продолжал Балвер, "Я рискну сказать, что перемирие между Драконом Возрожденным и Шончан что-то большее, чем праздный слух. Несколько источников указывают, что он предъявил их лидеру предложение мира."

"Но что он сделал с рукой?" спросил Перрин, рассеивая еще одно изображение Ранда в видение.

"Что, милорд?"

"Ничего", сказал Перрин.

"К тому же," сказал Балвер, беря его за рукав, "среди говорезов, наемников и разбойников в Кайриэне ходит довольно большое количество этих изображений, чтобы начать тревожиться." Он достал лист бумаги с изображением лица Перрина. Схожесть была слишком хорошей. Перрин взял бумагу, нахмурившись. На ней не было ни слова. Балвер передал ему вторую, идентичную с первой. Последовала и третья бумага, на этот раз с изображением Мэта.

"Где ты достал их?" спросил Перрин.

"Как я сказал, милорд," продолжил Балвер, "они раздаются в некоторых кругах. Очевидно есть большое вознаграждение, обещанные любому, кто сможет убить вас, хотя я не смог определить кто именно обещает заплатить."

"И ты нашел это, посещая ученых в школе Ранда?" спросил Перрин.

Худолицый клерк не выказал эмоций.

"Кто ты на самом деле, Балвер?"

"Секретарь. С некоторыми навыками поиска секретов." "Некоторыми навыками? Балвер, я не спрашивал о твоём прошлом. Я считаю, каждый заслуживает возможности начать всё сначала. Но сейчас здесь находятся Белоплащники, и ты к ним имеешь какое-то отношение. Я хочу знать, в чём дело."

Балвер немного постоял молча. Поднятые края палатки шелестели.

"Мой предыдущий начальник был человеком, которого я уважал,милорд," сказал Балвер.

"Он был убит Детьми Света. Некоторые среди них могут узнать меня."

"Ты был шпионом этого человека?" спросил Перрин.

Губы Балвера скривились. Он сказал боле мягко "Просто у меня хорошая память и я запоминаю факты, милорд"

"Да, у вас очень хороший ум. Ваша служба является полезной для меня, Балвер. Я всего лишь пытаюсь сказать вам, что. Я рад, что вы здесь."

Балвер стал пахнул удовлетворенно. "Если мне позволено будет сказать, милорд, мне вдохновляет работа на того, что не видит в моей информации всего лишь средство шантажа и предательства."

"Ну, как бы то ни было, мне вероятно, следует начать платить вам лучше" сказал Перрин.

От Балвера запахло паникой. "Это не обязательно."

"Ты мог бы получать огромное жалование у любого Господина или купца!"

"Мелкие сошки малоинтересны", сказал Балвер, дернув пальцами.

"Да, но я все еще думаю, что должен платить больше. Это просто чувство. Если ты нанимаешь ученика кузнеца ковать и не платишь ему достаточно хорошо, он привадит к себе постоянных клиентов, а затем откроет новую кузницу через улицу, как только выпадет случай. "

"Да, но видите ли, Милорд," сказал Балвер. "Деньги ничего не значат для меня. Информация - это то, что имеет смысл. Факты и новости... Это, как крупицы золота. Я могу дать золото банкиру ради денег, но предпочитаю отдать его золотых дел мастеру, что бы получилось что-нибудь прекрасное."

"Пожалуйста, Милорд, позвольте мне остаться простым секретарем. Знаете, один из самых простых способов узнать, если кто-то не тот за кого он себя выдает, это проверить его заработок." Он усмехнулся. "Я обнаружил немало убийц и шпионов, так что опыт у меня есть. Нет, доплаты не требуется. Возможность работать с вами - плата".

Перрин пожал плечами, но кивнул, и Балвер удалился. Перрин вышел из палатки, засовывая рисунки в карман. Они тревожило его. Он мог поспорить, что эти рисунки в Андоре, явно дело рук Отрекшихся.

Впервые ему нужна армия, чтобы быть в безопасности. Эта мысль тревожила его.

Звериная волна Троллоков достигала уже вершины холма, атакуя последний рубеж укреплений. Они рычали и выли, руки с толстыми пальцами рвали темную почву Салдеи, сжимая мечи, косы, молоты, дубины и другое страшное оружие. У некоторых между губами торчали бивни, с которых капала слюна, в то время как другие смотрели широко посаженными почти человеческими глазами, поверх клювов. Их чорную броню украшали шипы.

Оставшиеся силы Итуральде стояли у основания тыльного склона холма. Он приказал чтобы нижний лагерь сняли и отвели, насколько можно дальше, на юг вдоль берега реки. Тем временем армия отступила из укреплений. Он очень не хотел отдавать холм, но быть отброшенным на крутой склон во время атаки, равносильно смерти. Теперь он имел пространство для отступления и использует его, раз укрепления были потеряны. Он разместил свои силы у основания холма рядом с бывшим местом другого лагеря. Доманийские солдаты носили стальные щиты, которые установили и четырнадцати футовые пики которые разместили между ними, уперев их концами в грязь и держа для большей устойчивости, в сторону громадной волны Тролоков. Классическое обоборонительное построение: три ряда щитоносцев и пикинеров, пики наклонении в сторону вершины холма. Когда Тролоки налетят на первый ряд пик, пикинеры отступят извлекая пики из тел, позволяя выступить вперед второй шеренге и принять на себя атаку. Медленное, осторожное отступление, шеренга за шеренгой. Двойной ряд стрелков позади начал выпускать стрелы, пуская, волна за волной в Отродий тени поражая тела бегущие в низ по склону. Те падали, катились вопя и разбрызгивая темную кровь. Но большинство продолжало бежать в низ, по телам, сородичей, пытаясь добраться до пикинеров.

Троллок с головой орла умирал на пике перед Итуральде. Какие то куски свисали по краям его клюва и его голова, с хищными глазами, сидела на бычьей шее, обрамляющие ее перья были покрыты каким то темным маслянистым веществом. Тварь визжала, поскольку он умирал, то голос был еле слышимый слабый как птичий, так или иначе он мог выговаривать гортанные звуки на Троллочьем языке.

"Держать!" закричал Итуралде пуская рысью коня к линии

пикинеров. "Держать строй, гори все огнем!"

Троллоки неслись вниз по склону. Умирая на пиках. Это была лишь временная отсрочка. Было слишком много Троллоков, и даже сменяющаяся тройная шеренга пикинеров будет разбита. Это было тактикой прикрытия. Позади них остальная часть его войск начала отступление. Как только шеренги ослабеют, Аша'маны вступят в дело, давая время на отступление пикинерам.

Если Аша'маны смогут управлять Силой. Оно их сильно использовал. Возможно слишком сильно. Он не знал их пределов, как знал их для обычных солдат. Если бы они могли остановить атаку Троллоков, то его армия отступила бы на юг. Отступление проходило мимо безопасного Марадона но им не позволят войти. Те внутри отклонили все попытки Итуральде связаться с ними. "Мы не содействуем захватчикам " отвечали каждый раз. Проклятые дураки.

Возможно, Троллоки, на долго осадили бы Марадон, давая Ируальде и его войскам возможность и время что бы отступить к более удобной позиции.

"Держать! " закричал Итуральде, снова проезжая мимо места где давлении Троллоков дало свои результаты. На одном из укреплений вершины холма стая возглавляемая Тролоком с волчьей головой, насторожено кралась, в то время как их спктники атаковали. "Стрелки! " крикнул Итуральде показывая

Последовал залп стрел, рассыпая стаю волчеголовых, или "Умников" как стали их называть Принявшие Дракона в армии Итуральде. У Троллоков были свои группы и организация, но его воины часто пользовались в названиях особенностями тварей. "Рожки" для коз, "Клювы" для ястребов, "Оружие" для медведей. Те с головами волков чаще всего были более умные; некоторые Салдейцы утверждали, что слышали их говорящих на нормальном языке чтобы обмануть противника, или заключить сделку.

Итуральде теперь знал очень много о Троллоках. Ты должен знать своего врага. К сожалению, было громадное разнообразие в индивидуальности и интеллекте Троллоков. И много Троллоков которые делились на группы по физическим признакам. Итуральде мог дать клятву что видел одну мерзость с перьями ястреба и рогами козла.

Троллоки на укреплениях пытались выскочить из под обстрела. Но большая стая масивных животных с ревом спихнула их вниз холма. Трусость для сытых Троллоков было вещью обычной, но если их захлестывало безумие, то они дрались хорошо.

Исчезающие следовали за этой волной. Как только у лучников закончатся стрелы, троллоки сомнут людей внизу.

Итуралде старался не думать об этом.

Свет думал Итуральде. Я надеюсь, что можно опередить их. Аша`маны ждали на расстоянии его приказа. Он пожалел что не может их выставить ближе. Он не мог рисковать ими. Они были слишком важным средством чтоб подставлять их под шальную стрелу.

Будем надеяться, что передние ряды Троллоков будут смяты пикенерами., их тела создадут вал, и задние Троллоки будут лезть по их ним кровавым тушам. Оставшиеся Салдейцы Итуральде добивали бы остальных кто смог бы прорваться через взрывы Аша`манов. Тогда бы пикинеры смогли бы отступить и последовать за остальной армией. Пройдя Марадон, они смогли бы воспользоваться Вратами и отступить на более выгодное место, небольшая роща на дороге, приблизительно десять лиг на юг.

Его люди должны быть в состоянии спастись. Должны. Свет, он ненавидел командовать таким стремительным отступлением, как это.

Будь твердым, сказал он себе. Продолжая ехать и выкрикивая приказ держаться. Было важно, чтобы они слышали его голос. Тот мальчик, Дракон Возрожденный, он сдержит свое обещание.

«Милорд!», послышался голос. Охрана Итуралде расступилась, перед мальчиком, который ехал верхом и тяжело дышал.. «Милорд, лейтенат Лидрин!».

"Он погиб?" спросил Итуралде.

"Нет, милорд. Он..." Мальчик оглянулся назад через плечо.Солдаты, находящиеся в линии пик неподалеку выпирали навстречу троллокам вместо того, чтобы отступать.

"Света, что происходит?" прокричал Итуралде, направив Dawnweave в движение. Белый мерин поскакал вперед, охрана Итуралде и молодые посыльные присоединились к нему, под грохот копыт.

Не смотря на шум боя, он слышал как кричит Лидрин. Молодой офицер, доманиец, кричал, находясь в передней линии пикинеров, атакуя троллоков с мечом и щитом. Люди Лидрина протолкнулись через линию пикинеров, чтобы защитить его, запутав и дезориентировав пикинеров.

"Лидрин, ты дурак". Итуралде осадил своего коня, чтобы остановиться.

"Идите!" Лидрин ревел, подняв меч вперед к троллокам. Он громко смеялся, голос полусумасшедшего, лицо забрызгано кровью. "Идите! Я вижу всех вас! Мой меч жаждет крови!"

"Лидрин" закрчиал Итуралде. "Лидрин!"

Он оглянулся через плечо. Его глаза были широко открыты,

вид сумасшедшего ликования. Итуралде раньше видел такое, в глазах солдат, которые воевали слишком долго, слишком трудно. «Мы собираемся умереть, Родел», сказал Лидрин. «Таким образом я собираюсь взять их с собой! Одного или двух по крайней мере! Присоединяйся ко мне!»

"Лидрин, возращайся назад и -"

Мужчина проигнорировал его, поворачиваясь и направляясь вперед.

"Завернуть его людей назад",закричал Итуралде, показывая. "Закрыть пикинерами ряды! Быстро. Мы не можем. . ".

Троллоки выросли впереди. Лидрин упал в брызгах крови, смеясь. Его люди выдвинулись слишком далеко, и они разделились пополам. Пикинеры выстроили ряды, но ряды троллоков врезался в них. Некоторые троллоки упали.

Но не большинство.

Поблизости существа визжали и выли, увидев дыру в обороне. Они пришли, карабкаясь по трупам с вершины холма, и бросились на пикинеров.

Итуралде прорычал проклятья и направил Dawnweave вперед. На войне, как и на ферме, иногда приходится вмешаться и очутиться по колено в грязи. Он с ревом врезался в троллоков. Личная охрана находилась вокруг него, закрывая брешь. Воздух наполнился звоном металла и криками боли.

Dawnweave фыркал и танцевал, когда Итуралде вступил в бой с мечем. Боевой конь не любил быть так близко к созданиям тени, но он был хорошо подготовлен, подарок от одного из людей Башира. Он утверждал, что вообще на приграничье необходимы животные, которые уже участвовали в сражениях с троллоками. Итуралде поблагодарил, солдата сейчас.

Бой был жестоким. Командиры пикенеров и кто был позади, поняли ошибку. Итуралде вскользь услышал голос Анкаера, который взял командование на себя, который кричал на солдат, чтобы вернулись в строй. Голос звучал надрывно. Это было плохо.

Итуралде качнулся в седле, сделав Цаплю на Пне, конец меча прошёл через бычье горло тролока. Брызги зловонной коричневатой крови били струёй вперёд, и существо упало напротив чудовища с головой кабана. Большой красный штандарт с изображением черепа козла испускающего огонь, развернулся на вершине холма. Символ стаи Гоб`лин.

Итуралде повернул коня, уворачиваясь от удара топора, затем пустив его вперёд в гору, направил меч в сторону тролоков. Погибли двое из его лучших людей Вилборн и Лейнен защищая фланги. Свет сожги тролоков!

Линия обороны разваливалась. Его самого и его людей было

слишком мало, но большинство его сил уже отступило. Нет, нет, нет! Думал Итуралде, пытаясь выйти из боя и взять на себя командование. Но если бы он отступил, троллоки бы прорвались.

Он должен был рискнуть. Он был к этому готов.

Труба заиграла отступление.

Итуралде замер, с ужасом слушая, как сигнал к отступлению распространяется по полю боя. Горн должен молчать, если он или его охрана не отдадут приказ лично! Это было слишком рано, слишком рано.

Некоторые из трубачей услышав сигнал подхватили его, остальные нет, потому что видели, что еще рано. К сожалению, это было еще хуже. Это означало, что половина из пикинеров начала отступление в то время как другая половина держала свои позиции.

Строй вокруг Итураде разорвался и Троллоки роем заполняли бреши в нем. Это была катастрофа, такого еще никогда не случалось с ним. Он сжал кулаки так, что пальцам стало больно.

Если мы падем, Отродья тени уничтожат Арад Доман. Итуралде взревел, и галопом поскакал от разбушевавшихся Троллоков. Охрана последовала за ним.

"Хельмке, Катарис," закричал Итуралде двоим солдатам из своего охранения, крепким и подвижным Доманийцам. Доберитесь до конницы Дерхема и передайте им мой приказ нападать на центр при первой возможности! Каппри, скачи к коннице Алина. Передай приказ напасть на Троллоков с восточного фланга. Приведите Ашаманов! Я хочу видеть Троллоков в пламени!"

Всадники поскакали. Итуральде скакал на запад, к месту, где пикинеры держались. Он начал собирать один из задних рядов и двигать к прорыву. Он почти закончил. И тогда Мурддраал рванул сквозь ряды Троллоков, скользя как змея с бешеной скоростью, а рядом летел Драгкар.

Итуралде вынужден был бороться за свою жизнь.

Вокруг него, на поле битвы, был ад: строй уничтожен, Троллоки свободно и легко убивают его солдат, Мурдраалы кнутами направляют их на несколько оставшихся островков пикинеров.

Огни полетели в воздух, поскольку Аша'маны направляли на Троллоков, но их огни были меньшими, более слабыми, чем они были несколько дней назад. Кричали солдаты, лязгало оружие, ревели твари, в небе пониже облаков собирался черный дым.

Итуралде тяжело дышал. Его охранники пали. По крайней мере, он видел, как погибли Стивен и Ретт. Что с остальными? Он

не мог найти их взглядом. Так много смертей. Пот застилал ему глаза.

О, Свет, подумал он. По крайней мере мы дали им бой и протянули дольше, чем представлялось возможным.

На севере подымались столбы дыма. Ну хоть одно радовало, что Аша'ман Тимош сделал свою работу. Вторая партия осадных машин горела. Некоторые его командиры называли это безумием, отослать одного из Аша'манов, но еще один направляющий не играл роли в этом бедствии. И когда Троллоки нападут на Марадон, нехватка катапульт будет иметь большое значение.

Ткущий Рассвет упал. Копье, которое предназначалось для Итуральде, ударило ниже. Мерин закричал, копье застряло в его шее, кровь пульсировала, стекая по покрытой хлопьями пены коже. Итуральде падал и прежде с оседланных лошадей и знал, что надо откатиться в сторону, но на сей раз все произошло слишком быстро. Он услышал хруст своей ноги, когда упал.

Он стиснул зубы, решив не умерать лежа на спине и заставил себя сесть. Он отпустил свой меч со знаком цапли и взял в руки сломанную, брошенную кем-то пику, и текучим движением пронзил им грудь приближающегося троллока. Темная, вонючая кровь накрыла древко, струясь вниз на руки Итуралде, когда троллок закричал и умер.

Прогремел гром. Это не было чем-то необычным, эти тучи часто громыхали, зачастую отдельно от устрашающих вспышек молний.

Итуралде тяжело поднимался, опираясь на пику и отталкивая троллока в сторону. Тогда Мурддраал заметил его

Итуралде поднял меч, стиснув зубы, но знал, что только что увидел свою смерть. Эта тварь способна повергнуть дюжину мужчин. Противостоять ей со сломанной ногой...

Он постарался хоть как-то подняться на ноги, но с проклятиями повалился на спину. Итуралде выставил меч, готовясь умереть в тот момент, когда существо скользнуло вперед, двигаясь словно жидкость.

Внезапно, десятки стрел пронзили Исчезающего.

Итуралде моргнул, когда тварь споткнулась. Грохот становился громче. Он приподнялся и с удивление увидел тысячи всадников, врезавшихся в ряды Троллоков и подминающих их под себя.

Возрожденный Дракон! Он пришел!

Но нет. Эти люди были под Салдэйским флагом. Он оглянулся. Ворота Марадона были открыты, и людям Итуралде изрядно потрепанным в сражение, но уцелевшим было разрешено зайти внутрь. Огненные шары летели из-за его зубцов. Ашаманам

было разрешено разместится наверху, чтобы получить преимущество на поле боя.

Группа из двадцати всадников, отделилась и напала на мудраала, оттесняя его. Последний всадник в группе выпрыгнул из седла и ударил по существу топором. По всему полю битвы, троллоки были обращены в бегство, утыканы стрелами или порублены.

Это еще не был конец. Все больше и больше троллоков катились через бывшие укрепления Итуралде и бросались вниз по склону. Но передышки, подаренной салдейцами, будет достаточно вместе с их открытыми воротами и Аша'манами, которые сеяли взрывы и разрушения. Остатки сил Итуралде спешно отступали в безопасное место. Он был горд, увидев Бэреттала и Коннела, последних из его охраны, что спотыкаясь шли к нему пешком через поле, их кони, несомненно, мертвы, а одежда окровавленна.

Он вложил свой меч в ножны и выдернул копье из шеи Ткущего Рассвет. Оперевшись на него ему удалось устоять. Всадник отделился от группы салдейцев и поскакал к нему, у него было узкое лицо, крючковатый нос, густые черные брови и коротко стриженная борода. Он показал окровавленным мечом на Итуралде. "Ты жив."

"Да", ответил Итуралде, когда подошли двое его охранника. "Ты командир этого отряда?"

"На данный момент", сказал мужчина. "Я Джоэл. Ты можешь держаться в седле?"

"Это лучше, чем оставаться здесь."

Джоэли протянул руку и втащил Итуралде в седло позади себя. Ноги Итуралде протестующе отозвались вспышкой боли, но не было времени ждать носилки.

Двое других всадников, приняли охранников Итуралде на своих лошадей, и вскоре все трое скакали галопом к городу.

"Благослови вас," сказал Итуральде. "Все же, это достаточно долго пробирало вас ."

"Я знаю." Голос Джоэла прозвучал неожиданно мрачно. "Надеюсь, что ты стоишь этого, чужак. То, что я сделал сегодня может стоить мне жизни."

Что?

Человек не ответил. Он просто вез, громыхая копытами, Итуральде в безопасность города, мнимую безопасность, учитывая то что город теперь был осажден силой в несколько сотен тысяч Отродий Тени.

Моргейз вышла из лагеря. Ее никто не остановил, хотя некоторые из них странно смотрели. Она прошла северным

лесистым краем лагеря. Там росли дубы, стоявшие на больших расстояниях друг от друга, из-за чего у них были огромные, разросшиеся ветки. Она прошла под ветвями, глубоко вдыхая влажный воздух.

Гейбрил был одним из отрекшихся.

Она в конечном итоге нашла место, где маленький горный поток, заполнил щель между двумя утесами и создал спокойный прозрачный пруд. Высокие утесы собранные вокруг него, выглядели, как построенный для исполина пятнадцати футов гигантский древний сломанный престол.

Листья деревьев, создавали выше отверстие, хотя многие и выглядели болезненно. Тонкое отверстие образовалось в облаках, что позволило лучам солнечного света, пробиться сквозь пасмурное небо. Это отверстие сияло в лучах через прозрачную воду, что создавало блики на дне пруда. Мелкая рыбешка проскакивала через блики, как будто игралась со светом.

Моргейз обошла вокруг пруда, затем села на вершине плоского камня. Звуки лагеря были слышны на расстоянии. Приказы, столбы, вбиваемые в землю, телеги гремящие по дороге.

Она смотрела на пруд. Что может быть более ненавистным, чем быть пешкой другого? Или, вынужденной танцевать, дергаемой за веревочки, как деревянная марионетка? В молодости она выросла хорошо зная, что значит выполнять прихоти других. Это был единственный способ для нее, чтобы стабилизировать ее положение.

Таринге́йл пытался ей манипулировать. По правде говоря, ему это удавалось большую часть времени. Были и другие. Множество людей так или иначе направляющих её. Она десять лет провела в зависимости от тех, кто был сильнее. Десять долгих лет создания союза. И это сработало. В конечном итоге она смогла маневрировать так, как считала нужным. Когда Таринге́йл погиб на охоте, многие шептались, что его смерть повлечет за собой и её падение, и только самые близкие знали, что она уже прошла долгий путь, чтобы иметь возможность сбросить с себя его власть

Она помнила тот день, когда она победила последнего из них, того кто предположительно мог претендовать на власть над троном. Это был день, когда в своем сердце, она действительно стала королевой. Она поклялась, что никогда не даст манипулировать собой снова.

А потом, спустя годы, появился Гэйбрл. После – Валда, который был хуже. По крайней мере, с Гэйбрэлом, она не понимала, что происходит. Это были онемевшие раны

Шаги по упавшим веткам, предупредили о посетителе. Свет

падал сверху серым цветом, утончение в облаках двигалось дальше. Столб света погас, и рыбешки уплыли.

Шаги остановились рядом с ее камнем. "Я ухожу", раздался голос Талланвора. "Айбара разрешил покинуть его, Ашаманы сделают проходы, начиная с тех, чьи города, самые удаленные. Я собираюсь в Тир. Ходят слухи, там снова есть король. Он собирает армию для сражения в Последней Битве. Я хочу быть с ним."

Моргейз подняла голову, глядя вперед сквозь деревья. Это был не настоящий лес. "Говорят, вы были целеустремленны также, как златоокий," сказала она тихо. "Что вы не отдыхали, что вы едва находили время, чтобы поесть, что вы тратили все свое время, ища любую возможность, чтобы освободить меня ".

Талланвор ничего не сказал.

"У меня никогда не было мужчины, который так относился ко мне," продолжала она. "Таринга йл смотрел на меня как на пешку, Том как на красотку для флирта и ухаживаний, а Гарет как на королеву, которой служат. Но никто из них не отдал мне свою жизнь, всё своё сердце. Я думаю Том и Гарет любили меня, как что-то временное, преходящее, о котором заботишься, а потом забываешь. Я не думаю, что ты когда-нибудь забудешь."

"Не забуду", мягно произнёс Талланвор.

"Ты идёшь в Тир. Ты ведь говорил, что не уйдёшь."

"Моё сердце останется здесь," сказал он. "Я хорошо знаю, что моожно любить на расстоянии. Я делал так много лет, до этой дурацкой поездки, и я буду делать так ещё много лет. Моё сердце - предатель. Возможно, какой-нибудь троллок сделает мне одолжение, вынув его из моей груди.

"Печально," сказала она.

"Ты дала мне понять, что тебе не нужна моя забота. Королева и простой гвардеец. Чистая глупость."

"Я больше не королева," сказала она.

"Не на словах, Моргейз. В моей памяти."

Сверху упал лист и ударился о пруд. С высоко выгнутыми краями и зелёным богатством, он должен был жить ещё долго.

"Ты знаешь, что хуже всего?" спросил Таллэнвор. "Это надежда. Надежда, которую я себе позволил. Путешествуя с тобой, защищая тебя, я думал ты заметишь. Возможно, тебе нужно только внимание. И забыть его."

"Его?"

"Гэйбрил," отрезал Талланвор. "Я вижу, что ты всё ещё думаешь о нём. После всего того, что он сделал с тобой. Я оставляю своё сердце здесь, а ты оставила его в Кеймлине." Краем глаза она заметила, что он отвернулся. "Что бы ты не находила в нём, у меня этого нет. Я только простак, заурядный, идиот-

гвардеец, который не может найти правильных слов. Ты заискивалиа перед Гэбрилом, а он почти игнорировал тебя. Это почти любовь. Чёрт, я делал тоже самое."

Она молчала.

"Итак," сказал он, "именно поэтому я ухожу. Ты в безопасности, и это всё, что имеет значение. Свет помоги мне, но это всё о чём я волнуюсь!"

Он начал уходить. Под его ногами затрещали ветки.

"Гэбриел был одним из Отрёкшихся," сказала она.

Треск затих.

"На самом деле он был Равином" продолжала она. "Он взял Андор используя Силу, вынуждая людей выполнять его желания."

Талланвор зашипел и двинулся к ней, круша подлесок ногами. "Ты уверена?"

"Уверена? Не думаю. Но в этом есть смысл. Мы не можем забыть о том, что происходит в мире, Талланвор. Непогода, еда, портящаяся за мгновение ока, перемещения этого Ранда ал'Тора. Он не лжедракон. Отрекшиеся вновь должны освободиться."

Что бы ты сделал, будь ты одним из них? Поднять армии и победить? Или просто пойти во дворец и жениться на королеве? Скрутить её мозги, чтобы она делала так, как хочешь ты. Ты бы получил всю страну, всё с минимальным усилием. Только щёлкни пальцем..."

Она подняла голову и посмотрела вдаль. На север. К Андору. "Они называют это Принуждением. Тёмноё, грязное плетение, которое удаляет ВОЛЮ подвергшегося ему. Я не знаю как его делают, но я знаю, что оно существует.

"Ты говоришь, я думаю о нём. Это так. Я думаю о нём и ненавижу его. Ненавижу себя за то, что я позволяла ему делать. И часть моего сердца знает, что появись он тут - и я сделаю всё что он попросит. Я ничего не могу с собой поделать. Но то что я чувствую - то что сплетает мое желание и мою ненависть как два локона в прядь - это не любовь."

Она повернулась и посмотрела на Талланвора. "Я знаю, что такое любовь, Талланвор, и у Гэбрила никогда не было её от меня. Я сомневаюсь, что такой как он мог познать любовь."

Таллавнвор встретился с ней взглядом. Его взгляд был тёмно-серым, мягким и чистым. "Женщина, ты снова даёшь эту чудовищную надежду. Берегись того, что лежит у твоих ног."

"Мне нужно подумать. Ты воздержишься, на время, от поездки в Тир?"

Он поклонился. "Моргейз, если ты хочешь от меня чего-то - чего угодно - всё что тебе нужно, это только спросить. Я думал, что ясно дал понять это. Я вычеркну своё имя из списка."

Он ушёл. Моргейз провожала его взглядом, а в её голове была буря, несмотря на тишину деревьев и пруда перед ней.

Глава 22

Конец легенды

Ночью Гавин не мог видеть раны Белой Башни. В темноте нельзя было отличить прекрасные замысловатые фрески от стены, покрытой не сочетающимися плитками. Ночью самые красивые здания Тар Валона превратились в тёмные глыбы.

А ночью проломы и трещины на Белой Башне были залатаны покровом темноты. Конечно, в кромешной тьме, что была вызвана этими облаками, никто бы не определил цвет Башни. Белая или черная, ночью это было совсем неважно.

Гавин шел по двору Белой Башни в плотных штанах и красно-золотом кафтане. Как форма, но без конкретных знаков. Казалось, что сейчас он никому не служит. Почти бессознательно он обнаружил себя идущим к восточному входу в Башню, как будто он собирается подняться в спальню Эгвейн. Он сжал челюсти и развернулся.

Ему необходимо поспать. Но после того как он почти неделю охранял дверь Эгвейн по ночам, он был, как любили поговаривать солдаты, на полуночном обеде. Может быть, он мог бы остаться в своих комнатах, чтобы отдохнуть, но в его квартире в казармах Белый Башни он чувствовал себя заключенным.

Неподалеку две маленькие одичавшие кошки крались через невысокую траву, их глаза отражали свет от факела на сторожевом посту. Кошки присели, глядя на него, как будто решая за один удар сердца, стоит ли он того, чтобы его атаковать. Где-то на высоте пролетела невидимая сова, единственным доказательством ее существования было перо, которое медленно планировало вниз. Притворяться легче ночью.

Некоторые всю жизнь проводят за темными шторами, закрывающими окна; это позволяет им видеть мир в тени.

Сейчас было лето , но, хотя день был жаркий, ночь была необычно холодной . Он задрожал от налетевшего ветерка. Со дня смерти этой несчастной Белый не случилось никаких новых убийств . Когда убийца ударит снова? Он или она, быть может движется по коридорам в этот самый момент, ища одиноких Айз Седай как кошки ищут мышей Эгвейн отослала его подальше от ее двери, но это не значит, что он не может быть на страже . Что толку было ходить по площадкам? Он должен быть в помещении, где он имел возможность принести пользу. Гавин направился к

одному из служебных входов .

Коридор с низким потолком был чист и хорошо освещен, как и вся остальная Башня, хотя пол был выложен матово-серым сланцем вместо яркой плитки. Из открытой комнаты справа от него раздавались голоса и смех, это свободные гвардейцы отдыхали со своими товарищами. Гавин едва на них взглянул, но потом замер.

Он оглянулся назад, узнавая некоторых из мужчин. "Мазон? Селарк? Занг? Что вы здесь делаете?"

Троица глянула с тревогой, затем с досадой. Они были среди почти дюжины Отроков которые метали кости и курили трубки со свободными от вахты гвардейцами башни. Отроки встали на ноги и отдали честь, хотя он уже не был их командиром. Они, казалось, не понимали этого.

Селарк, их заводила, поспешил к Гавину. Это был худой парень со светло-коричневыми волосами и толстыми пальцами. "Милорд", сказал он. "Ничего особенного, милорд. Немного безобидных развлечений. "

"Стражам не подобает такое поведение," сказал Гавин. "Ты знаешь это, Селарк. Если наружу просочится, что вы допоздна играете в кости, вам никогда не убедить Айз Седай взять вас. "

Селарк поморщился. Да, милорд.

Выражение неохоты мелькнуло на его лице. "Что такое?" сказал Гавин. "Выскажи все, парень".

"Милорд," ответил Селарк, "Часть нас не уверена в том, что хочет быть Стражами. Вы знаете, что не все пришли за этим. Некоторые похожи на вас, они лишь хотят тренироваться с лучшими. И оставшиеся ..., в общем многое изменилось."

"Что именно?" спросил Гавин.

"Да глупости, милорд", сказал мужчина, потупив взор. "Вы правы, конечно. Завтра поутру тренировочные бои. Но, ну, мы повидали войну. Мы теперь солдаты. Быть Стражем, это предел мечтаний человека. Но как считают некоторые, мы просто предпочитаем не замечать, что попали в тупик. Вы знаете? "Гавин медленно кивнул. "Когда я впервые пришел в Башню," сказал Селарк: "Я не хотел ничего большего, кроме как быть Стражем. Теперь я не уверен, что хочу провести свою жизнь защищая единственную женщину, одиноким, бродя по деревням".

"Ты можешь стать Стражем у Коричневой или Белой," сказал Гавин "и остаться в Башне."

Селарк нахмурился. «При всем уважении, милорд, я думаю, что это может быть так же плохо. Стражи… они не живут, как другие люди.»

«Это точно,» сказал Гавин, поднимая взгляд наверх, в сторону

далеких покоев Эгвейн. Он не пошел бы искать другой путь. Он заставил, отвести свой взгляд, обратно к Селарку. «Нет стыда в том, чтобы выбрать другой путь.»

"Не все с этим согласны."

"Другие ошибаются" сказал Гавин. "Собери тех, кто хочет остаться с Отроками и сообщи завтра об этом капитану Чубейну. Я поговорю с ним. Держу пари, что он сможет использовать вас как отряд в составе Гвардии Башни. Он потерял много солдат во время атаки Шончан."

Селарк расслабился. "Вы правда это сделаете, милорд?"

"Конечно. Возглавлять вас было честью для меня."

"Вы так думаете ... может вы присоединитесь к нам? Голос Отрока был полон надежды."

Гавин покачал головой. "Я выбрал другое." Но по воле Света, я достаточно близко, чтобы присмотреть за вами. Он кивнул в сторону комнаты. "Возвращайтесь к игре. Я завтра поговорю о вас с Макзимом. Макзим, суровый, толсторукий Страж, руководил тренировочными занятиями."

Селарк благодарно кивнул , спеша вернуться к другим. Гавин продолжил путь по коридору, желая чтобы для него выбор был так же прост, как и для его людей.

Задумавшись, он прошел полпути до комнат Эгвейн, пока не понял, что делает. Нужно отвлечься. Час был не слишком поздним. Может стоит поискать Брина и поговорить.

Гавин направился к комнате Брина. Если у Гавина было странное положение среди Айз Седай, то у Брина оно было почти таким же странным: Страж бывшей Амерлин, генерал завоевательной армии Эгвейн, и известный великий капитан. Дверь Брина была приоткрыта, проливая луч света по голубой черепице коридора. Это была его привычка показать, был ли у он себя и бодрствовал ли, возникни нужда в нем у кого-либо из его офицеров. Много ночей Брин был в разъездах, останавливаясь в одном из своих командных центров вокруг острова или в близлежащей деревне.

Гавин тихо постучал.

"Входи." хорошо знакомый ему голос Брина был твёрд. Гавин проскользнул внутрь, повернулся к двери и запер её. Брин сидел за шатким столом и писал письмо. Он взглянул на Гавина. "Один момент."

Гавин ждал. Стены были завешаны картами Тар Валона, Андора, Кэйриена и соседних стран. С множеством пометок сделанных красным мелком. Брин готовился к войне. Отметки позволили догадаться, что Брин разрабатывает план обороны Тар Валона от возможного нападения Троллоков. Несколько карт

отмечали деревни к северу от города, включая список укреплений, а также их лояльность к Тар Валону. Их можно использовать как перевалочные пункты или как передовые форты. Другая карта отмечала расположение древних дозорных башень, укреплений и руин.

Расчеты Брина были оправданы и требовались срочно. Он не желал возводить новые укрепления, а хотел использовать уже построенные. Брин оправил войска в те деревни, где они были наиболее необходимы; другая карта показывала процесс вербовки.

Пока Гавин стоял, вдыхая запахи заплесневелой бумаги и горящих свечей, он понял, что война неминуема. Она приближается. Дракон может сломать Печати Узилища Темного. Место, где он сказал Эгвейн встретиться с ним, Поле Меррилор, было отмечено ярко красным на картах. На севере, на границе с Шайнаром.

Темный обрушился на мир. Свет! Собственные проблемы Гавина, после этого, ничего не значат.

Брин закончил письмо, посыпал бумагу песком, затем сложил и потянулся за воском и печатью. "Поздновато для гостей, сынок"

"Я знаю, но подумал, что ты еще на ногах."

"На ногах." согласился Брин и капнул воском на письмо. "Что тебе нужно?"

"Совет" сказал Гавин, садясь на табурет.

"За исключением советов как укрепить вершину холма или как лучше разделить солдат, ты можешь найти мои слова бесполезными. Так о чем ты хотел поговорить?"

"Эгвейн запретила мне защищать ее."

"Я уверен, у Амерлин были свои причины" сказал Брин, спокойно запечатывая письмо.

"Глупости" ответил Гавин. "У нее нет Стража, а в Башне убийца." Один из Отрекшихся про себя добавил он.

"Верно", сказал Брин. "Но какое отношение это имеет к тебе?"

"Она нуждается в моей защите."

"Она просила тебя защищать её?"

"Нет."

"В самом деле. Насколько мне помнится, она не просила тебя идти за ней в Башню, также как и не попросила бегать за ней подобно охотничьему псу, который потерял хозяина."

"Но она нуждается во мне!" сказал Гавин.

"Интересно. В последнее время я думаю, что ты - с моей помощью - сорвал результаты недель ее работы по об'единению Башни. Сынок, иногда наша помощь не требуется. Не важно как она предложена или как срочно, по-твоему мнению, она нужна."

Гавин сложил руки на груди, нельзя прислониться к стене, чтобы не задеть карту фруктовых садов, разбитых неподалеку. По непонятной причине одна деревня вблизи Драконовой горы была обведена четырежды. "И так, твой совет - позволить ей продолжить подставляться, чтобы получить нож в спину?"

"Я не дал никакого совета," сообщил Брин, перелистывая отчеты, его жесткое лицо освещалось мерцанием свечей. "Я только обратил твое внимание, хотя это может показаться странным, что ты должен оставить ее в покое."

"Я... Брин, в этом нет смысла!"

Уголки рта Брина поднялись в кривой улыбке. О отложил бумаги поворачиваясь к Гавину. "Я предупреждал тебя, что от моих советов мало пользы. Я не уверен, есть ли ответы, которые тебе подойдут. Но позволь мне спросить. Что ты хочешь, Гавин Траканд?"

"Эгвейн", сказал он сразу. "Я хочу быть ее стражем."

"Хорошо, но что это значит?"

Гавин нахмурился.

Ты хочешь быть с Эгвейн или ты хочешь быть ее стражем?

"Конечно быть ее стражем. И... и.. ну хорошо, я хочу жениться на ней. Брин, я люблю ее."

"Мне кажется, это две разных цели, похожие, но разные. Но кроме твоих желаний связанных с Эгвейн, чего ты еще хочешь?"

"Ничего," сказал Гавин. "Она все для меня."

"Хорошо, тогда в этом и есть твоя проблема"

"Почему проблема? Я люблю ее."

"Ты так сказал". Брин внимательно смотрел на Гавина, одна рука на столе, другая на колене. Гавин сопротивлялся стремлению съежиться под этим взглядом. "Ты всегда был эмоциональным, Гавин. Как твоя мать и сестра. Импульсивный, не расчетливый, как твой брат".

"Галад не расчетливый," сказа Гавин. "Он просто действует."

Нет, "сказал Брин. "Возможно я неправильно выразился - Галад не расчетливый, но он не имульсивный. Импульсивный человек действует бездумно; Галад же продумывает все. Он разработал, собственный моральный кодекс таким образом. Он действует быстро и решительно, потому что уже определил для себя как необходимо поступать.

Ты действуешь напористо. Ты выбираешь действие не обдуманно , а импульсивно, полагаясь на свои чувства. В спешке, полагаясь на эмоции. Это дает тебе силу. Ты сперва делаешь, а уж потом разбираешься в сделанном. Твои инстинкты хороши, обычно, как и были у твоей матери. Но из-за этого тебе не доводилось сталкиваться с тем, что твои инстинкты могут завести

тебя не туда.

Гавин заметил, что кивает.

“Но сынок,” сказал Брин, наклоняясь вперед. “Каждый человек стремится не к одной-единственной цели. Нет женщины, которая желает такого мужчину. Мне кажется, что мужчины, кто проводит время, предпочитая делать что-то для себя - чем угождать своей привязанности, это мужчины, кто достигает чего-то. И с женщинами, и в своей жизни." Брин почесал подбородок. "Так вот, если я должен дать тебе совет, то это: Пойми кем ты был бы без Эгвейн, а потом подумай, как приладить к этому Эгвейн. Я думаю, это то, что женщина - "

Ты теперь стал экспертом по женщинам? спросил новый голос.

Гавин обернулся, с удивлением увидив Суан Санчей, открывающую дверь.

Брин не упустил возможность уколоть. "Ты достаточно долго слушаешь, Суан, чтобы знать, что разговор был не об этом".

Суан фыркнула, ворвавшись в комнату с кружкой чая. «Вы должны быть в постели», сказала она, не обращая внимания на Гавина, лишь бегло взглянув на него.

"Совершенно верно", сказал Брин. "Как ни странно, интересы дела не подчиняются моей прихоти".

"Карты можно изучить утром."

"Они могут быть изучены и ночью. И в течение дня. Каждый час который я потрачу поможет защитить лиги земли от прорыва троллоков."

Суан громко вздохнула, подавая ему чашку, и налила в нее чай, пахнущий морошкой. Было странно видеть Суан, которая выглядела не старше Гавина, окружающей материнской заботой седого генерала Брина.

Суан обратилась к Гавину, после того, как Брин взял свое питье. «А, вы Гавин Траканд», сказала она. «Я как раз хотела с вами поговорить. Отдавать приказы Амерлин, говорить, что она должна делать? "Кровь и пепел!" Мужчины иногда считают, что женщины являются не более чем их личными посланниками. Вы придумываете разные смехотворные планы, а затем ожидаете, что мы, каким-то образом их осуществим.

Она посмотрела на него, как будто не ждала другого ответа, чем пристыженного опускания глаз. Гавил сделал это,а потом торопливо ушел, избегая дальнейших разборок.

Он не узнал ничего нового, из сказанного Брином. Человек, был никем, если он не последователен в поступках. И он повторил, то же самое, что они обсуждали раньше. Быть расчетливым, а не импульсивным, обдумывать, а затем поступать.

Но он провел недели в размышлениях. Его мысли кружились, как мухи в банке.

Он так ни к чему и не пришел.

Гавин шел по коридорам, отмечая стражников Чубэйна, размещенных на постах. Он сказал себе, что не идет к Эгвейн, он просто проверяет посты охраны. И тем не менее, вскоре он очутился в коридоре, рядом с комнатами Амерлин. Лишь в одном коридоре от них. Он быстро его проверит и ...

Гавин замер. Что я делаю? подумал он.

Многие его сегодняшние тревоги пришли от незнания того, хорошо ли Эгвейн охраняется или нет. Он не сможет уснуть пока не узнает -

Нет, делая над собой усилие, сказал он. На это раз, я сделаю, так как она просила. Он развернулся, чтобы уйти.

Шорох заставил его заколебаться. Он оглянулся через плечо. Шаги и шелест одежды. Слишком поздно для послушниц, правда, слуги еще могли разносить поздний ужин. Брин и Гавин были не единственными, кто в Белой Башне бодрствует по ночам.

Снова этот звук. Такой слабый, еле слышный. Нахмурившись, Гавин снял сапоги, тихо подкрался вперед, чтобы заглянуть за угол.

Никого. Дверь Эгвейн, инкрустированная золотом в форме листа Авендесоры, была закрыта, гостиная была пуста. Гавин покачал головой и прислонился к стене, чтобы надеть сапоги. Он хотел бы, чтобы Эгвейн все же позволила Чубейну приставить к её комнате охрану. Оставить её без присмотра было...

Что-то шевельнулось в тени под дверью Эгвейн. Гавин замер. Там не было большого темного участка, просто тень в несколько дюймов шириной он ниши в стене. Но пока он изучал этот участок, его встревожила невозможность задержать там взор. Его взгляд незаметно ускользал в сторону, как капелька масла на горячей репе.

Казалось... казалось, что тьма стала больше, чем он думал сначала. Почему он не может смотреть прямо на это место?

Мелькнуло движение и что-то закрутилось в воздухе. Гавин бросился в сторону, и сталь ударила камень. Обутый в один сапог, он отбросил другой, вытягивая меч. Нож, который был брошен в его сердце, заскользил по кафельному полу.

Гавин вгляделся в угол, напряженный. Кто-то побежал по коридору. Кто-то, одетый во все черное с капюшоном на голове.

Гавин сорвался с места за ним, держа меч перед собой, выбрасывая руки, неуклюжим аллюром из-за необутой ноги. Убийца был очень быстр. Гавин поднял тревогу, его голос отдавался эхом в молчаливых залах Башни, затем он свернул

напрямик налево. Убийца должен был повернуть и приблизиться к этому коридору справа.

Гавин ворвался в следующий коридор, атакуя наверх, так он должен был разрубить убийцу. Он скользнул за угол.

Коридор был пуст. Может быть убийца вернулся? Гавин выругался, устремившись вперед и добравшись до начального коридора на другом конце. Он был пуст. Возможно, двери? Везде были тупики. Если Гавин подождет прибытия помощи...

Нет, думал Гавин, крутясь по сторонам. Темнота. Ищи темноту. На дверной раме слева от него был густой лоскут темноты. Слишком мал, чтобы кого-либо привлечь, но при взгляде на него возникало то же самое чувство дезориентации.

Человек выпрыгнул, делая выпад мечом в голову Гавина. Тот вскинул свой клинок в Срезании Тростника, бросаясь в сторону от атаки. Убийца был намного ниже, чем Гавин, что должно было дать Гавину сильное преимущество в дистанции атаки. Но убийца двигался с ускользающей скоростью, отводя меч и атакуя Гавина серией выпадов, не складывающихся ни в один из известных Гавину приемов с мечом.

Гавин отшатнулся и ударил Скручиванием Ветра, как если бы был вынужден действовать, будучи окруженным врагами. Он едва удерживал нападавшего на расстоянии. Гавин слышал, как вдалеке стража ответила на его призыв. Он крикнул снова.

Он чувствовал разочарование в движениях противника - убийца надеялся быстро покончить с Гавином. Хорошо, Гавин ожидал этого, но сконцентрировать взгляд на противнике было очень трудно. Удары Гавина, когда он мог их совершать, поражали воздух, когда должны были встретить плоть. Он повернулся в сторону, подняв клинок для Вепря Несущегося с Горы, но тем самым раскрылся для убийцы - тот бросил второй нож в Гавина, заставив его отшатнуться.

Нож со звоном отскочил от стены, и убийца помчался прочь по коридору. Гавин погнался за ним, но не мог его догнать. Вскоре убийца был уже далеко, стремительно свернув налево. Этот путь вел к череде перекрестков.

Слишком быстро, подумал Гавин остановившись и пытаясь отдышаться, уперев руки в колени. Человек не может двигаться с такой скоростью. Два стражника Чубейна прибыли мигом позже, держа мечи наготове. Гавин указал направление. "Убийца. Подслушивал под дверью у Эгвейн. Побежал туда."

Один из них побежал за ним. Другой отправился поднимать общую тревогу.

Свет! подумал Гавин. Что, если я прекратил не его подслушивание? Что, если я остановил его уже на обратном

пути?

Гавин бросился к двери Эгвейн, усталость мгновенно испарилась. С обнаженным мечом в руке он проверил дверь. Она была не заперта!

"Эгвейн!", прокричал он, бросив дверь открытой, и ворвался в комнату.

Внезапно вспыхнул свет и звуки исчезли. Гавин понял, его держало что-то сильное: невидимые шнуры держали его в воздухе. Его меч упал на землю, а рот заполнился чем-то невидимым.

И так получилось, что он висел у потолка, разоруженный, ошеломленный, поскольку сама Амерлин шла из своей спальни. Она была встревоженна и полностью одета в темно-красное платье, обшитое золотом. Она не выглядела довольной.

Мэт сидел рядом с очагом в гостинице, жалея, что огонь не был менее теплым. Он мог чувствовать его жар через его рваный жакет и белую рубашку, дополненные парой толстых брюк рабочего. У ботинок на его ногах были хорошие подошвы, а вот боковины сносились. Он не надел свою шляпу, и его шарф прикрыл нижнюю половину его лица, когда он откинулся назад на стуле из горного дуба.

Его медальон был все еще у Илэйн. Он чувствовал себя голым без него. У него был меч стоящий у его стула, но это было главным образом для вида. Ходящая мимо прислуга невинно кланялась возле него; он использовал бы меч, или ножи, скрытые в его кафтане. Но меч был более видимой угрозой, и разбойники прогуливающиеся по улицам Нижнего Кеймлина подумают дважды.

“Я знаю, почему ты спрашиваешь о нем,” сказал Чет. Такой человек как Чет был в каждой таверне. Достаточно стар, чтобы видеть, как мужчины на подобии Мэт рождаются, растут, и умирают, и всегда готов поговорить об этом достаточно выпив. И также часто если ты не угостишь.

Щетина на длинном лице Чета была испещрена сединой, и он носил кепку набекрень. Его залатанный кафтан когда-то был черным, и красно-белые знаки отличия на его кармане слишком подтерлись, чтобы их можно было прочитать. Он был военного фасона и большей частью не имел таких порезов, как толстый, покрасневший рубец на щеке и шее от трактирной драки.

"Да", продолжил Чет, “многие спрашивали про лидера того Отряда.

Что ж, эта кружка эля превосходна, так что дам тебе кое-какой совет. Ты двигаешься так, как будто знаешь, какой конец меча приносит прибыль, но нужно быть дураком, чтобы бросить

вызов тому человеку. Принц Воронов, Господин удачи. Он лично смотрел в лицо старухе смерти и метал кости за свою судьбу, вот оно как. Никогда не проигрывает. "

Мэт промолчал. Он откинулся назад на стуле. Это была его четвертая таверна за ночь, и в трех из них он нашел слухи о Мэтриме Коутоне. Всего лишь повторение правды о нем. Кровь и проклятый пепел.

О, уверен, что были рассказы о других людях, также. Больше всего о Ранде, каждый раз вызывающего цветную круговерть в голове. Тир победили Шончан, нет Иллиан, нет Ранд победил их всех и Последняя Битва шла прямо сейчас. Нет! Он навещал женщин во сне, забирая их с детьми. Нет, это было Темный. Нет, Мэт был Темным!

Проклятые истории. Они должны были оставить Мэта в покое. Некоторые он мог проследить до Отряда — как историю о городе, полным живых мертвецов. Но многих из людей утверждали, что истории узнали от своего дяди или кузена, или племянника.

Мэт бросил Чету медяк. Мужчина вежливо приподнял шляпу и пошел за выпивкой. Мэт не хотел пить. Он подозревал что в том числе и из-за тех рисунков с его лицом эти росказни распространялись так быстро. В предыдущей таверне один просто достал такой рисунок, сложенный и сморщенный, и показал ему. Невзирая на это, до сих пор никто его не узнал.

Очаг начал потрескивать. Нижний Кэймлин расширялся и предприимчивые люди поняли, что продажа комнат и выпивки может дать неплохую прибыль. Так притоны стали называться тавернами, а те перерастали в полноценные гостиницы.

Спрос на дерево был высок и многие из отрядов наемников отправились на лесоповалы. Некоторые из них работали честно, без претензий платя налоги Королеве. Другие же были менее законопослушны. Там уже готовились виселицы. Кто бы мог подумать? Веревка на шею за кражу дерева? Что же дальше? Повешение за воровство грязи?

Нижний Кэймлин кардинально изменился, новые дороги, растущие здания. Пройдет несколько лет и Нижний Кэймлин сам превратится город! Придется строить еще одну стену, чтобы защитить его.

В общей зале пахло грязью и потом, но не более, чем в других тавернах. Пролитый эль был быстро вытерт и служанки выглядели полными желания работать. Одна, в частности, наполняя его кружку одарила его легкой улыбкой и выставила на показ лодыжку. Мэт постарался запомнить ее, она бы подошла Талманесу.

Мэт приподнял шарф настолько, чтобы можно было пить. Он чувствовал себя как дурак нося шарф подобным образом. Но было слишком жарко для плаща с капюшоном, а борода - это просто пытка. Даже с шарфом на лице он не слишком много выделялся

в Нижнем Кэймлине; не он один ходит скрывая свое лицо. Он пояснял, что прикрывает ужасный шрам, другие же считали, что за его голову назначена награда. К сожалению, и то, и другое было правдой.

Некоторое время он сидел, глядя на танцующее пламя очага. Из-за предупреждений Чета у Мэта засосало под ложечкой. Чем больше растет его репутация, тем скорее у него начнутся неприятности. Легко приобрести известность, убив Принца Воронов. Где они взяли это имя? Кровь и проклятый пепел!

Кто-то подсел к нему у огня. Долговязый и костлявый, Ноэл был похож на чучело которое само отряхнулось и решило пойти в город. Несмотря на его седые волосы и жесткое лицо, Ноэл был проворен, как мужчина вдвое моложе его. По крайней мере, когда он держал оружие. В другое время он казался неуклюжим, как осел в обеденном зале.

"Ты довольно известный человек," Ноэл обратился к Мэту, протягивая ладони к огню. "Когда ты наткнулся на меня в Эбу Дар, я понятия не имел, что за прославленную компанию я нашел. Еще несколько месяцев, и ты будешь более знаменит, чем Джейин Далекоходивший".

Мэт вжался в свой стул.

"Люди всегда думают,что было бы здорово быть известным в каждой таверне и в каждом городе," тихо сказал Ноэл. "Но сожги меня Свет, если это не просто головная боль".

"Да что ты знаешь об этом?".

"Джейин жаловался на это", тихо ответил Ноэл.

Мэт прочистил горло. Следующим пришел Том. Он был одет как помошник купца в голубой одежде, которая не была слишком хороша, но и не в плачевном состоянии. Он утверждал, что он пришел в Нижний Кэймлин, дабы узнать, когда же его хозяин решит отрыть здесь лавку.

Том очень самоуверенно подошел к своей маскировке, он до самых кончиков натирал усы воском и говорил с легким мурандийским акцентом. Мэт предложил придумать предысторию, но Том закашлялся и сказал, что он уже все сделал. Прожженый лгун.

Том придвинул стул, аккуратно садясь, как если бы он высоко ценящим себя слугой. "Ах, что же это была за трата моего времени! Мой хозяин настаивает, чтобы я работал с такой чернью, как эти! И здесь, я считаю, худшие из всех. "

Ноэл тихонько хихикнул.

"Если бы только," драматично сказал Том, "я вместо этого был бы отправлен в лагерь величественнго, удивительного, непобедимого, знаменитого Мэтрима Коутона! Тогда я бы наверняка - "

"Сожги меня Свет, Том", сказал Мэт. "Позволь человеку страдать в спокойствии".

Том рассмеялся, помахав служанке и купив выпивку для троих. Он дал ей несколько лишних монет и тихо попросил ее, чтобы случайные уши не были слишком близко к очагу.

"Ты уверен, что хочешь встречаться здесь?" спросил Ноэл.

"Так надо," ответил Мэт. Он бы не хотел, чтобы его видели в лагере, пока голам ищет его там.

"Ладно," сказал Ноэл. "Мы знаем где находится башня, и можем попасть туда, если Мэт обеспечит Врата."

"Я сделаю это", ответил Мэт.

"Я не смог найти хоть кого-нибудь, кто входил внутрь," продолжил Ноэл.

"Одни говорят, что там обитают привидения," сказал Том, делая глоток из своей кружки. "Другие говорят, что это реликт Эпохи Легенд. Стены, как говорят, сделаны из полированной стали, без входов. Я нашел вдову капитана, чей младший сын однажды слышал рассказ о человеке, который нашел большие сокровища в башне. Однако, он не сказал, как этот парень пробрался внутрь."

"Мы знаем, как попасть туда", овтетил Мэт.

"Рассказ Олвера?", скептически спрсоил Ноэл.

"Ничего лучше у нас нет", ответил Мэт. "Смотри, есть игра и ститалочка про Элфинн и Илфинн. Люди знали о них. Эти проклятые арки являются доказательством этого. Поэтому они оставили игру и считалочку в качестве предупреждения".

"В эту игру нельзя выиграть, Мэт", сказал Ноэл, потирая свой жесткий подбородок.

"В этом все и дело. Мы должны смошенничать".

"Ну, может быть, мы должны попытаться," сказал Том, играя с кончиком натертых воском усов. "Они дали ответы на твои вопросы."

"Проклятье, разачаровывающие ответы", сказал Мэт. Он не хотел говорить с Томом и Ноэлом о своих вопросах, он все еще не рассказал им, что же он спрашивал.

"Но они дали ответы," сказал Том. "Кажется у них были какие-то соглашения с Айз Седай. Если бы мы знали, предмет их договора - то что нужно змеям и лисам - то мы могли бы торговаться с помощью этого за Морейн."

"Если она еще жива", мрачно сказал Ноэл.

"Она", сказал Том, глядя прямо перед собой. "Во имя света! Она должна быть живой. "

"Мы знаем, что они хотят." Мэт посмотрел на пламя.

"Что же?", спросил Ноэл.

"Нас," ответил Мэт. "Смотрите, они могут видеть то, что произойдёт в будущем. Они сделали это для меня, они сделали это для Морэйн, если это письмо подсказка. Они знали, что она оставит его для тебя, Том. Они это знали. И они всё равно ответили на её вопросы."

"Возможно,они должны отвечать," сказал Том.

"Да, но они не обязаны отвечать прямо," сказал Мэт. "Так было со мной. Они ответили ей, что она вернётся к ним, и они сказали мне, что им известно, что я тоже вернусь к ним. Они хотят меня. Они хотят нас."

"Ты не знаешь наверняка, Мэт." Том поставил свою кружку на пол, между ног и достал трубку. Справа от Мэта мужчины подбадривали играющим в кости. "Они умеют отвечать на вопросы, но это не значит, что они знают всё. Может быть они предсказывают как Айз Седай."

Мэт покачал головой. Существа засунули в его голову воспоминания. Он полагал, что это были воспоминания людей, коснувшихся башни или были в ней. У Элфин и Илфин были их воспоминания и, гори он, вероятно, у них и его тоже. Могут ли они следить за ним, видеть его глазами?

Он снова захотел иметь медальон, хотя он и не поможет против них. Они не Айз Сейдай, и не будут использовать Силу. "Они знают, Том," сказал Мэт. "Они наблюдают. Мы не удивим их."

"Тем труднее будет победить их," сказал Том, поджигая прутик и прикуривая от него трубку. "Мы не можем победить."

"Пока мы не нарушаем правила," повторил Мэт.

"Но они будут знать, что мы сделаем," сказал Том, "если правда то, что ты говоришь. Выходит, нам нужно торговаться с ними".

"И что же Морейн сообщила, Том?" сказал Мэт. "В том письме, которое ты читаешь каждую ночь."

Том пыхтел трубкой, поднимая ладонь к отсутствующему карману, где он держал письмо. "Она сказала, чтобы мы помнили то, что знаем об игре."

"Она знает, что нет никакого способа победить их торгуясь,," сказал Мэт. "Никаких торгов, Том, никаких сделок. Мы идём в бой, и мы не уйдём, пока не получим её."

Том смутился, затем кивнул, начав пыхтеть трубкой.

"Будем крепиться," сказал Ноэл. "Хорошо что у нас есть удача Мэта, чтобы справится с этим."

"Ты не должен участвовать в этом, ты знаешь, Ноэл," сказал Мэт. "У тебя нет причин рисковать собой."

"Я пойду," сказал Ноэл. "Я видел множество мест. Большинство мест, на самом деле. Но не это." Он смутился. "Это то, что мне нужно сделать. И это конец."

"Очень хорошо," сказал Мэт.

"Итак," сказал Ноэл. "Что мы имеем?"

"Фонари и факелы," сказал Мэт, постукивая ногой по мешку, стоящему рядом с его стулом. "И немного этих чиркалок Алудры, чтобы зажечь их. И ещё несколько сюрпризов от неё."

"Фейерверки?" спросил Ноэл.

"И немного этих взрывающихся цилиндров, которые мы использовали против Шончан. Она называет их "ревущие палочки".

Том присвистнул. "Она позволит тебе взять немного?"

"Две. Когда я показал ей соглашение с Илэйн, она была готова дать мне почти все, о чём бы я ни попросил." скривился Мэт. "Она хотела пойти вместе с нами, чтобы зажечь их. Сама! Чтобы я сгорел, но это было жестким аргументом в конце. Но у нас теперь есть куча ночных цветов." Он постучал ногой по мешку, стоящему возле его стула.

"Ты принёс их?" спросил Том.

"Я хотел держать их поближе," сказал Мэт. "И она дала их мне только сегодня. Они не взорвутся случайно, Том. Это не так уж и часто случается."

"По крайней мере убери их подальше от очага!" сказал Том. Он взглянул на свою трубку и быстро отодвинулся со своим стулом на несколько дюймов от Мэта.

"Далее," сказал Ноэл, "музыка, чтобы очаровать."

"Здесь у нас есть из чего выбрать," сказал Том. "Я возьму мою арфу и флейту, ещё я нашел для нас несколько ручных барабанов и цимбал. Их можно привязать к ногам и бить в них одной рукой. И я купил ещё одну флейту." Он посмотрел на Мэта. "Простую, для тех у кого толстые, медленные пальцы."

Мэт фыркнул.

"И, наконец, железо чтобы скрепить," сказал Ноэл, выставив вперёд свой собственнй узел. Тот тихо звякнул, когда он развязал его и то, что было внутри отразило глубокий оранжевый свет очага. "Множество метательных ножей для каждого из нас и два коротких меча. Всё из железа, а не из стали. Я захватил несколько цепей и полоску железа, чтобы обмотать копьё Мэта. Хотя это может увеличить его вес."

"Я возьму его," сказал Мэт.

Ноэл завязал свой мешок и они некоторое время сидели молча возле очага. В некотором смысле, все эти собранные ими вещи, были иллюзией. Способом успокоить себя, сделать что-то, подготовиться.

Но Мэт помнил искривлённые места за вратами, углы, которые были не правильными, неестественную местность. Существ называли змеями и лисами лишь потому, что они были немного похожи на них.

То был другой мир. Приготовления, что он сделал вместе с Томом и Ноэлом, могли пригодится, но также они могли оказаться бесполезны. Ничего нельзя было предсказать, пока они не войдут в башню. Точно так, словно ты не можешь узнать, есть ли у тебя противоядие, пока змеиные клыки не сомкнутся на тебе. В конце концов, он пожелал им спокойной ночи. Ноэл собирался вернуться в лагерь Отряда, который теперь находился всего в десяти минутах верхом от города. Том согласился с ним, и они взяли узел Мэта с "ночными цветками", хотя казалось, что они предпочтли бы нести мешок с пауками.

Мэт опоясался мечом поверх своего кафтана, затем направился обратно в свою гостиницу. Он не шел туда напрямую, вместо этого он тащился через переулки и улицы. Лачуги и палатки появились вокруг каменных строений, словно город-вне-города, расположенный вдоль стен, точно как плесень растет на буханке хлеба.

Небо было темно, но ночная жизнь била ключем, зазывая прямо в освещенные двери гостиниц. Мэт убедился, что его короткий меч у всех на виду. Было не мало тех, кто был не прочь разделаться с одиноким странником в это ночное время, тем более за пределами городских стен, где рука закона слегка теряла силу.

В воздухе висел запах надвигающегося дождя и это было не редкость в эти дни. Он желал, чтобы тот начался и проклятое небо прояснилось. Было ощущение, что в ожидании чего-то небо задержало дыхание. Ветер, что никогда не стихал, колокольчик, что никогда не звенел, кости, что никогда не перестанут вращаться. В точности как те, что громыхали в его голове.

Он тревожился из-за письма Верин в своем кармане. Остановятся ли кости, если он откроет его? Возможно, оно касалось голама. Если он вскоре не заберет свой медальон у Илэйн, то все сводилось к тому, что тот настигнет его и разорвет на кусочки.

Проклятый пепел. Он хотел напиться, чтобы забыть на некоторое время о том кто он есть и что люди думают о нем. Но

если он напьется, то, возможно, случайно покажет свое лицо. Может быть, начинет говорить о том, кто же он на самом деле. Невозможно предположить, что человек будет делать, когда он пьян, даже если это ты сам.

Он прошел через городские врата в Новый Город. В воздухе начал скапливаться туман и что-то, не совсем похожее на дождь, словно небо прислушалось к его разглагольствованиям и решило небольшим чихом брызнуть на него.

Прекрасно, подумал он, чертовски прекрасно.

Брусчатка вскоре стала влажной от этого не-дождя, а уличные фонари пылали внутри парообразных облаков. Мэт весь сжался, полностью скрывая лицо под шарфом, будт оон проклятый айилец. Разве ему было очень жарко совсем недавно?.

Он был нетерпелив прямо как Том в своем стремлении найти Морейн. Она внесла путаницу в его жизнь, но Мэт полагал, что он обязан ей за это. Лучше уж жить с этими неприятностями, чем быть пойманым Двуречьем, живя скучной жизнью без понимания того, насколько же она по-настоящему скучна. Мэт не был похож на Перрина, который заскучал по Двуречью еще до того, как они добрались до Байрлона. Изображение Перрина вспыхнуло у него в голове и Мэт прогнал его прочь.

А что Ранд? Мэт увидел его сидящим на прекрасном кресле, глядящим в пол перед собой в темной комнате, где мерцала единственная лампа. Он выглядел изнуренным и измотанным, глаза расширены, выражение мрачное. Мат покачал головой, чтобы развеять и этот образ. Бедный Ранд. Парень, наверно, думал, что он теперь чертов черный хорек или вроде того, грызущий шишки. Но скорее похож на черного хорька тот, кто хочет снова жить в Двуречье.

Нет, Мэт не хотел возвращаться. На обратном пути в Двуречье не было Туон. Свет, что ж, ему придется разобраться, что делать с Туон. Но он не хотел избавляться от нее. Будь она все еще с ним, он без протестов позволил бы ей звать его игрушкой. Ну, не слишком часто все равно.

Сперва Морейн. Он хотел-бы знать побольше об Элфинн и Илфинн и об их проклятой башне. Никто не знал о них, никто не говорил больше, чем в легенде, никто не мог сказать что-нибудь полезное...

... никто, кроме Бергитте. Мэт остановился на улице. Бергитте. Она единственная сказала Олверу, как попасть в башню. Откуда она узнала?

Проклиная себя за тупость он повернул к Внутреннему Городу. Перегруженные народом улицы быстро пустели после того как начался дождь. Вскоре Мэт чувствовал весь город своим,

пропали даже карманники и нищие.

Почему-то это заставило его перестать просто глазеть по сторонам. Это было неестественно. По меньшей мере кто-то в треклятых тенях должен был попытаться прикинуть, стоит ли его грабить. Все больше он жаждал свой медальон. Он был идиотом, раз отдал его. Лучше было отрезать свою треклятую руку и предложить ее Илэйн в качестве оплаты! Был ли голам где-то здесь, в этой темноте?

На улицах должны быть бандиты. Их полно в любом городе. Это было практически одним из проклятых основных требований к городу. Ратуша, немного гостиниц и таверн, а так же несколько тупорылых дружков, единственным желанием которых является швырнуть тебя в грязь и потратить твои монеты на выпивку и женщин. Он прошел двор и направился через ворота Строителей во Внутренний Город, казалось, что белая арка светится, а дождевые лужи в неестественном свете луны выглядели мрачно. Посох Мэта размеренно стучал по брусчатке. Привратные стражи съеживались в своих кафтанах и стояли тихо, стовно статуи, а вовсе не люди. Казалось, площадь вымерла. Проходя через ворота, он прошел мимо переулка и остановился в нерешительности. Мэту почудилось, что он может разглядеть группу прячушихся в тенях фигур внутри. Высокие здания поднимались по обе стороны, величественные постройки огир. Из переулка доносилось ворчание. "Грабеж?" сказал Мэт с облегчением.

Громадная фигура выглянула из переулка. Лунный свет осветил человека с темными глазами и в длинном плаще. Казалось, он был ошеломлен, увидев Мэта. Он указал рукой, и трое его товарищей, направились к Мэту.

Мэт расслабился и вытер лоб от дождевой воды. Просто ночные разбойники. Какое облегчение. Он был так рад, что его страхи преувеличены!

Бандит замахнулся дубиной на Мэта. Мэт специально носил короткий меч с правой стороны, головорез поддался на приманку, полагая, что Мэт постарается вытащить свое оружие.

Вместо этого, Мэт быстро крутанул посох, и ударил концом нападающего по ноге. Разбойник споткнулся, и Мэт нанес ему удар в голову. Вор карманник упал, разбрызгивая брызги дождевой воды, загораживая путь одному из своих подельников.

Мат отступил и резко ударил передним концом посоха по голове другого бандита. Тот упал поверх своего спутника. Третий мужчина обернулся, посмотрев на своего лидера, который и направил их на Мэта, фигура долговязого была едва видима в темноте. Мэт воспользовался предоставленной возможностью,

перепрыгнул через поверженных бандитов, лежащих кучей, размахивая посохом. Бандит поднял дубину защищая голову, но вместо этого Мэт ударил его посохом по ноге. Затем он крутанул посохом в сторону третьего бандита, который уже не мог защищаться, и уложил его ударом в лицо.

Мэт небрежно направил нож на главаря банды, который продолжил атаковать. Главарь неразборчиво булькнул, резко спокнувшись и хватаясь за нож в своей шее. Других Мэт оставит без сознания, несчастные дураки, они, возможно, поймут это как предупреждение.

Мэт отступил в сторону, когда бандит отшатнулся назад и окончателньо упал сверху на своих друзей. Мэт пнул его, вытащил нож и вытер его от крови. Потом он посмотрел жертву ограбления. "Конечно я рад тебя видеть", сказал Мэт. "Ты... ты настоящий?", спросил мужчина.

"Разумеется.", ответил Мэт, вставая прямо перед ним. "Я думал, есть ли воры этой ночью. Город без карманников, ну, как поле без сорняков. А если нет сорняков, зачем нужен фермер? Проклятая несправедливость, скажу я тебе."

Спасенный человек, спотыкаясь на дрожащих ногах, пошел вперед. Казалось, что его смутили слова Мэта, но он поднялся, принимая руку. "Спасибо!". Человек гнусавил. "Спасибо тебе огромное!." В слабом лунном свете Мэт едва мог разглядеть широкое лицо с выступающими зубами в верхней части неуклюжего тонкого тела.

Мэт пожал плечами, стоя в стороне и снимая свой промокший шарф, чтобы его отжать. "На твоем месте я бы воздержался от прогулок ночью, приятель."

Человек вгляделся в темноту. "Ты!" в его голосе появились визгливые ноты.

Мэт застонал. "Кровь и проклятый пепел! Неужели я не могу никуда пойти без..."

Он замолчал когда человек сделал выпад и кинжал блеснул в лунном свете. Мэт выругался и схватил шарф, выставив его перед собой. Вместо Мэтовых кишок кинжал попал в ткань и Мэт стал быстро крутить руками, опутывая кинжал убийцы тканью.

Человек вскрикнул и Мэт выпустил шарф и, выхватив пару ножей, по одному в каждой руке, кинул их рефлекторно. Они попали убийце в глаза. По одному в каждый глаз. Свет! Мэт не целился в глаза.

Человек рухнул на мокрую мостовую.

Мэт, задержал дыхание. "Молоко матери! Кровавое молоко матери". Он поднял свой посох, оглядываясь вокруг, но мрачная улица, была пуста. "Я тебя спас. Я спас тебя, а ты пытался меня

убить?"

Мэт опустился на колени около трупа. И с мрачной уверенностью что он там найдёт, стал шарить в его мешочке. Он нашёл там пару золотых монет и сверху сложенный лист бумаги. В лунном свете увидел своё лицо на нём. Он смял бумагу и запихал её в свой карман.

В оба проклятых глаза. Лучше,чем тот заслуживал. Мэт развязал свой шарф, подобрал кинжалы и потом пошел дальше по улице, жалея, что не оставил убийцу собственной судьбе.

Бергитте сложила на груди руки, прислонившись к мраморной колонне и наблюдая за тем, как Илейн наслаждается вечерним преставлением "актеров". Такие группы, разыгрывающие истории, стали весьма популярны в Кайриэне и теперь пытаются добиться такого же успеха в Андоре. Один из дворцовых залов был специально приспособлен для того, чтобы актеры могли представлять в нем свои пьесы.

Бергитте покачала головой. Что хорошего в попытке представить за реальность эти выдумки.

Почему не поставить вживую несколько историй из твоей собственной жизни? Кроме того, она всегда предпочитала слушать бардов. К счастью эта мода смотреть "актеров" быстро умрет. Эта специфическая история была пересказом трагического замужества и смерти Принцессы Валишен, убитой отродьями Тени. Бергитте была хорошо знакома баллада, которую актеры приспособили применительно к своей истории. На самом деле они пели ее части во время представления. Было удивительно, как мало эта песня изменилась с годами. Несколько отличающихся имен, немного разные ноты, но в общем то же самое. Очень похоже на ее собственные жизни. Повторяющиеся снова и снова, но с небольшими изменениями. Иногда она была солдатом. Иногда была лесной жительницей, с необычной военной подготовкой. Она была к несчастью даже генералом, раз или два. Она охотно оставила бы кому-нибудь эту своеобразную работу.

Она была охранницей, элитной воровкой, леди, крестьянкой,убийцей и спасательницей. Правда, она никогда прежде не была Стражем. Безызвестность не беспокоила её: в большинсве её жизней у неё не было знаний о том что было раньше. То что она могла вспомнить из своих прошлых жизней не было приятным. Но она была неуверена в правдивости этих воспоминаний.

Это не мешало ее сердцу сжиматься каждый раз когда одно из этих воспоминаний тускнело. Свет! Если в этот раз она не могла быть с Гайдалом , то разве не могла она по крайней мере

помнить его ? Было так, как будто Узор не знал, что с ней делать. Она была выброшена в жизнь, расталкивая другие нити в сторону, заняв неожиданное место. Узор пытался вплести ее в себя. Что произойдет, когда все воспоминания исчезнут? Не будет ли она просыпаться взрослой, не помнящей прожитого? Эти мысли ужасали ее так, как ни одно поле боя никогда.

Она кивнула одной из ее телохранительниц,Кейли Бент, которая проходила вдоль заднего ряда импровизированного театра и отсалютовала ей.

"Все в порядке?"- спросила Бергитте,обходя угол,чтобы поговорить с Кейли.

"Ничего для доклада", - ответила Кейли."Всё хорошо".

Она была долговязой женщиной с огненными волосами, и непринужденно носила брюки и куртку Телохранительницы.

"Или, все так хорошо, как это может быть, когда приходиться выносить "Смерть Принцессы Валишен"

"Прекрати жаловаться",-сказала Бергитте, подавляя гримасу, когда примадонна - так актеры называли ее - начала особенно пронзительную арию - так они называли песню между собой. Почему актерам требуется так много новых названий для привычных вещей?

"Ты могла ходить в дозоре под дождем".

"Могла бы?" с пылом спросила Кайла. "Почему ты не сказала раньше? Может быть, в меня бы ударила молния. Это было бы лучше. "Бергитте фыркнула. "Возвращайся к обходам". Кайла отдала честь и ушла. Бергитте вернулась обратно в театр, прислонившись к колонне. Может быть, ей нужно затолькать немного воска в уши. Она посмотрела на Илейн. Королева спокойно сидела, наблюдая игру. Время от времени, Бергитте чувствовала себя, скорее как нянька, чем как телохранитель. Как вы будете защищать женщину, которая, казалось, время от времени просто рвется стать мертвой?

И все же, Илейн была так же и очень способной. Как сегодня, она как-то убедила ее заклятого врага посетить этот спектакль. Это ведь Иллориен сидит в восточной ложе; прошлый раз эту женщину выставили из дворца с таким треском, что Бергитте не ожидала ее возвращения, разве только она была бы в цепях. И тем не менее она была здесь . Это намекало на политические маневры Илейн, думавшей шагов на тринадцать дальше, чем хватало ума Бергитте.

Она тряхнула головой. Илейн была королевой. Ветренность и все такое. Она была добром для Андора. В том случае, если Бергитте сумеетудержать эту золотоволосую головку на шее.

Некоторое время она страдала от песнопений, но вот Кайла

вернулась обратно. Бергитте выпрямилась, что-то странное было в стремительной походке женщины."Что?" спросила она тихо.

«Вы выглядите скучающей», прошептала Кайла, « вот я и подумала, довести до вас эту новость. Нарушение возле Сливовых ворот». Это был вход на юго-востоке дворца. «Кто-то пытался проникнуть, через них.»

Какой-то нищий, в поисках остатков еды? Или он шпион одного из лордов, надеющийся, что-то вынюхать?

«Я не знаю», сказала Кайла. «Я услышала эту новость от Галисон, когда мы возвращались с обхода. Он сказал, что гвардейцы взяли нарушителя под стражу.»

Бергитте взглянула в сторону. Похоже, еще одно соло должно было начаться. "Принимайте командование здесь, стойте на посту и принимайте рапорты. Пойду разомну ноги и выясню по поводу этого нарушения. "

"Принеси воска для моих ушей на обратном пути, тебя ведь не затруднит?"

Бергитте усмехнулась, покинув театр и вступив в бело-красный дворцовый коридор. Хоть она и держала Стражниц и людей еще и с луками в коридорах, Бергитте сама носила меч, ибо попытка покушения, скорее всего приведет к ближнему бою.

Бергитте припустила по коридору, поглядывая в пройденные окна. Небо протекло крапающей моросью. Совершенно скучной. Гайдалу понравилась бы такая погода. Он любил дождь. Иногда, она шутила, что морось украшает его лицо , делает его не таким похожим на испуганного ребенка. Свет, как она скучала по этому человеку.

Кратчайший путь к Сливовым воротам шел ее через комнаты слуг. Во многих дворцах, это означало бы вход в невзрачные помещения, для низших людей. Но это здание было построено Огир, а они имели особый взгляд на такие вещи. Мраморная резьба здесь была такой же величественной, как и в других местах, с красно-белой плиточной мозаикой. Комнаты, хоть и маленькие по королевским стандартам, были достаточно велики, чтобы жить всей семьей. Бергитте обычно предпочтитала питаться в большой, просторной столовой для слуг. Четыре раздельных очага трещали здесь разгоняя вечернюю скуку, и свободные от службы Гвардейцы и слуги смеялись и болтали. Некоторые утверждали, что вы можете судить о монархе по тому, как он обращается со своими слугами. Если так, то Андорский дворец был разработан, чтобы поощрять лучшие черты в своих королевах.

Бергитте неохотно покинула манящие ароматы пищи и вместо этого заставила себя выйти в холодную летнюю грозу.

Холод не кусает. Просто неудобно. Она подняла капюшон своего плаща и пересекла скользкую мостовую направляясь к Сливовым воротам. Караульная была освещена оранжевым светом, гвардейцы стояли на вахте в мокрых плащах, направив алебарды в сторону.

Бергитте шла к караульной врат, с водой капающей с краю капюшона, затем постучала по толстой дубовой двери. Та открылась, показав лысое, усатое лицо Ренальда Мацера, дежурного сержанта. Толстяк был толсторуким, спокойным человеком. Она всегда думала, что ему место в какой-нибудь лавке делать ботинки, но в Гвардию брали всех, и надежность часто оказывалась более важна, чем мастерство владения мечом.

"Капитан-Генерал!" воскликнул он. "Что ты здесь делаешь?"

"Мокну под дождем," отрезала она.

"О, нет!" Он сделал шаг назад, уступая для нее проход в караульную. Это было одна переполненная комната. Солдаты были на штормовой смене - вдвое больше, чем обычно, людей находятся при вратах, но они будут находиться на улице лишь час до смены с отогревшимися в караульной людьми.

Трое гвардейцев сидели за столом, бросая кости в метательной коробке в то время как железная печка с открытым передом пожирала чурки и грела чай. Жилистый человек с черным шарфом, обмотанным вокруг нижней части его лица бросал кости с солдатами. Его одежда была грязной, голову венчала копна мокрых каштановых волос торчащих во все стороны. Карие глаза взглянули на Бергитте поверх шарфа, и человек слегка расслабился в кресле.

Бергитта сняла плащ и отряхнула его от дождевой воды. "Я полагаю, это и есть ваш злоумышленник?"

"Ну, да," ответил сержант. "Как вы узнали о нем?"

Она изучала нарушителя. "Он пытался пробраться на территорию дворца, а теперь вы играете с ним в кости?"

Сержант и другие охранники выглядели пристыженными. "Но миледи..."

"Я не миледи." Не сейчас, "Я телохранитель".

“а, да,” закончил Мэйсер . “Ну, Он отдал свой меч с готовностью, и он не кажется опасным. Только еще один нищий, желающий кухонных остатков еды. Настоящий хороший приятель. Мы подумали согреть его в тепле перед тем, как отпустить в такую погоду.”

“Нищий,” сказала она. “С мечом?”

Сержант Мэйсер поскреб затылок. "По крайней мере мне кажется это странным."

"Ты мог бы выманить шлем у генерала на поле боя, не так ли,

Мэт?" сказала она.

"Мэт?", переспросил мужчина знакомым голосом. "Я не знаю, кого вы имеете ввиду, добрая госпожа. Мое имя Гарард. Я простой нищий с довольно интересным прошлым, если, конечно, вы захотите её послушать..."

Она проследила за ним цепким внимательным взглядом.

"О, кровавый пепел, Биргитта," жаловался он, снимая шарф "Мне нужно было только скоротать время"

"И выиграть монету-другую у моих людей."

"Дружеская игра никогда не оскорбляет человека."

"Только не против тебя. Слушай, почему ты пытаешься пробраться во дворец?"

“Потребовалось слишком много проклятой работы, чтобы добраться в прошлый раз,” сказал Мэт, откидываясь на спинку стула. “Я подумал, что мог бы отказаться от этого на сей раз.”

Сержант Мэйсер взглянул на Бергитте. "Вы знаете этого человека?"

"К сожалению," - ответила она. "Вы можете освободить его на основании моего распоряжения. Я буду следить за тем, чтобы мастер Коутон вел себя прилично."

"Мастер Коутон?" - сказал один из людей. "Вы имеете ввиду Принц Воронов?"

"Ах, чертов..." - произнес Мэт вставая и подхватывая с земли посох. "Спасибо," - сухо буркнул он Бергитте, когда она бросила ему его куртку.

Она отложила свой плащ, затем открыла дверь, поскольку один из Гвардейцев вручил Мэту его меч, приложенный к поясу. С каких пор Мэт носит меч? Вероятно, приманка, отвлекающая от посоха.

Они вместе вышли под дождь, пока Мэт опоясывался. "Принц Воронов?" спросила она.

"Я не хочу об этом говорить."

"Почему нет?"

"Потому что я становлюсь чертовски известным на свою голову - вот почему."

"Подожди, пока эта история перейдёт через поколение," сказала она, взглянув на небо, моргая, потому что в её глаза попали капли дождя.

"Да ладно, пошли опрокинем стаканчик," - сказал Мэт, направляясь к воротам.

"Подожди," - ответила она. "Не хочешь ли ты увидеть Илейн?"

"Илейн?" - возмутился Мэт. "Кровь и пепел, Бергитте. Я здесь, чтобы поговорить с тобой. Почему, как ты думаешь, я позволяю страже ловить себя? Ты хочешь выпить или нет?"

Она заколебалась, но затем пожала плечами. Поставив Кайлу на стражу вместо себя, Бергитте совершенно спокойно отправилась на перерыв. Она знала неплохую таверну всего в двух улицах от дворца.

"Хорошо" - сказала она, махая охране и выводя Мэта на дождливую улицу. "Но мне будет нужно молоко или чай вместо пива. Мы не знаем наверняка, как, плохо или нет, скажется на ребенке пьянство Стража." Она улыбнулась, представляя пьяную Илэйн, пытающуюся после спектакля пообщаться с союзниками. "Хотя если я вызову у нее опьянение, это будет неплохой местью за некоторые вещи, которые она мне сделала."

“Я не знаю, почему ты ставишь ее связь на первое место,” сказал Мэт. Улица была практически пуста вокруг них, хотя таверна впереди выглядела привлекательно, ее желтый свет проливался на улицу.

"Моё мнение не важно," сказала она. "Но я не жалею об этом. Ты действительно проник во дворец, чтобы поговорить со мной?"

Мэт пожал плечами. "У меня есть несколько вопросов."

О чем?

Он вернул этот нелепый шарф, который как она заметила разорвался посередине. "Ты знаешь," - сказал он. "О некоторых вещах"

Мат был одним из немногих, кто знал, кто она на самом деле. Он не может иметь в виду.... "Нет," сказала она, поворачиваясь, "Я не хочу говорить об этом."

"Треклятый пепел, Биргитта! Мне нужна информация. Ну, для старого друга."

"Мы договорились хранить тайны друг друга."

"И я не разболтал твой," сказал Мэт быстро. "Но, видишь ли, есть одна проблема."

"Что за проблема?" "Башня Генджей."

"Это не проблема," сказала она "Ты держишься подальше от неё." "Я не могу."

"Конечно можешь. Это ужасное место, Мэт. Оно точно не может охотиться за тобой."

"Очень забавно. Слушай, ты, по крайней мере, выслушаешь меня за кружечкой? Э, э, молока. Я куплю."

Она остановилась на минуту. Затем вздохнула. "Чертовски верно, ты купишь", пробормотала она, толкая его вперед. Они вошли в гостиницу, под названием Великий Поход, забитую больше обычного из-за дождя. Однако, хозяин был другом Бергитте, и он велел вышибале выбросить пьяницу, спящего на одной из скамей, чтобы освободить для нее место.

Она бросила ему монету в благодарность, и он кивнул ей

уродливой головой, которой не хватало нескольких зубов, глаза, и большинства волос. Самый красивый человек в этом месте. Биргитте подняла два пальца, чтобы заказать напитки, он знал, что она теперь пьет молоко, и указала Мэту на скамью.

"Я не уверен, видил ли я когда-нибудь большего урода, чем хозяин," сказал Мэт когда они сели.

"Ты прожил недостаточно долго", сказала она, прислонившись спиной к стене и положив обутые ноги на стол. Ей хватило для этого места, поскольку она сидела вдоль скамьи. "Если бы Старый Снерт был на несколько лет моложе, и если бы кто-то решил сломать ему нос в нескольких местах, я могла бы рассмотреть его кандидатуру. У него была отличная грудь, красивая, и полная вьющихся волос, словно созданных, чтобы запускать в них пальцы "

Мэт усмехнулся. "Разве я не говорил, что чудно пить с женщиной которая говорит о таких людях, как этот?"

Она пожала плечами. "Генджей. Почему во имя Ушастого Нормада ты хочеш туда пойти? "

"Чьи уши?" спросил Мэт.

"Ответь мне."

Мэт вздохнул, рассеяно принимая кружку, которую служанка поставила для него. Удивительно для него, он не шлепнул ее по задней части, хотя и ехидно усмехнулся провожая ее взглядом. «Чертовы змеи и лисицы держат у себя моего друга, сказа он, опуская шарф и принявшись пить.»

"Оставь его. Ты не можешь помочь ему, Мэт. Если он был настолько глуп, чтобы войти в их сферу, то он заслуживает того, что получил."

"Это женщина," сказал Мэт.

Ах. Думала Бригитте. Чёртов дурень. Герой, но всё равно дурень.

"Я не могу оставить её," продолжал Мэт. "Я обязан ей. Кроме того, мой хороший друг идёт туда, вне зависимости пойду ли я с ним, или нет. Я должен помочь."

«Тогда они получат всех вас троих», сказала Биргитта. «Послушай, если ты идешь через порталы, то ты ограничен договором. Он защищает тебя, но в тоже время и ограничивает. Вы не сможете узнать ничего полезного, после входа через одну из арок.

"Даже если вы идёте другим путём?" спросил Мэт. "Это ты сказала Олверу как войти в Башню."

"Я рассказывала ему сказку на ночь! Свет, я никогда не думала, что кто-нибудь из вас с-ветром-в-голове попытается войти туда!"

"Но если мы войдём этим способом, мы сможем найти её?"

"Может быть," сказала Бригитта, "но у вас не выйдет. Если вы войдёте таким способом, соглашения не будут действовать, так что Элфинн и Илфинн высосут вашу кровь. Обычно, вы должны волноваться об уловках с ямами и верёвками, потому что они не могут..." Она умолкла, глядя на него. "Тебя повесили именно поэтому?"

Он покраснел и уставился в свою кружку. "Они должны были повесить большое объявление на арке. "Сделай шаг внутрь и тебя могут повесить, чёрт. И они сделали это. Идиот."

Бергитте фыркнула. Они-же говорили о его воспоминаниях. Она должна была сопоставить эти вещи вместе. "Если ты войдёшь внутрь другим путём, они возможно тоже попробуют. Проливая кровь в их царстве можно получить странные эффекты. Они могут попробовать уронить вас и сломать ваши кости или отравить вас, чтобы вы заснули. И тогда они победят, Мэт. Это их мир."

"А если мы обманем?" спросил Мэт. "Железо, музыка, огонь."

"Это не обман. Это смекалка. Все тупицы, идущие туда, несут эти вещи. Но назад возвращается один из тысячи, Мэт."

Он стушевался, и достал горсть монет из кармана. "Как ты думаешь, если я подкину их, сколько упадут аверсом вверх? Одна из тысячи?"

"Мэт..."

Он подбросил их над столом. Они рассыпались как брызги, ударяясь о поверхность стола. Ни одна из них не подпрыгнула и не скатилась со стола на пол.

Мэт не глядел вниз на монеты. Он смотрел в её глаза, когда монеты подскакивали и катились, пока не замерли. Она взглянула на них. Два десятка монет. И каждая аверсом вверх.

"Один из тысячи это хороший шанс," сказал он. "Для меня."

"Кровь и пепел". Ты такой же сумасшедший, как и Илэйн. Один неверный шаг, решит вашу жизнь. Даже ты проигрываешь, иногда."

"Я рискну. Сожги меня, Бергитте, я знаю, что это глупо, но я сделаю это. Откуда ты узнала о башне? Ты ведь бывала там, не так ли?"

"Была," призналась она.

Мэт взглянул с довольным видом. "Но ты вышла обратно. Как у тебя это получилось?"

Она смутилась, затем подняла свою кружку с молоком. "Та легенда умерла, я полагаю?" "Не знаю," ответил Мэт. "Я вошла, чтобы попросить о спасении жизни моего любимого," сказала она. "Это случилось после сражения у Лафоинского Холма, где мы возглавляли восстание Буханера.

Гайдал был ужасно ранен, после удара по голове он был не в состоянии мыслить. Временами он забывал меня. Это разорвало мне сердце и я взяла его в Башню, чтобы его исцелили.

"И как ты вышла?" спросил Мэт. "Как ты их одурачила?"

"Я не смогла," сказала Биргитта тихо. Мэт замер. "Илфин не исцелили его," продолжала она. "Они убили нас обоих, я не выжила, Мэт. Так закончила эта легенда."

Он умолк. "О," наконец произнёс он. "Тогда это печальная история."

"Они не могут все закончиться победой. Я с Гайдалом все равно не очень-то и ладила с счастливыми концами. Лучше сгореть во славе. "Она поморщилась, вспомнив одно из воплощений, когда она, и он были вынуждены мирно стареть вместе. Самая скучная жизнь из всех ей известных, хотя в то время, не зная ее Предназначение в Узоре - она была счастлива с ним.

"Что ж, я все равно пойду", сказал Мэт. Она вздохнула. "Я не могу пойти с тобой, Мэт. Не оставлю Илейн. У нее настолько же самоубийственные желания, как и твоя гордость, и я хочу знать, что она выживет ".

"Я и не ожидал, что ты пойдешь," быстро сказал Мэт. "Спали меня свет, это не то, о чем я прошу. И..." Он нахмурился. Эта смерть, как раз для меня!"

"Ничего," сказала она продолжая пить молоко. У неё была слабость к молоку, хотя она не говорила людям об этом. Конечно, она будет вполне счастлива, когда сможет пить снова; она пропустит кружку пенящегося Старого Шерта. Она любила крепкое пиво так же, как и уродливых мужчин. "Я пришел к тебе потому что мне нужна помощь," сказал Мэт. "Что ещё можно сказать? Возьмите железо, огонь и музыку. Железо ранит их, отразит их и скуёт их. Огонь испугает и убьёт их. Музыка заворожит их. Но вы увидите, что и огонь и музыка становятся всё менее эффективными, чем дольше вы их используете."

"Башня - это не место, это портал. Что-то вроде врат, перекрёстка между мирами. Вы найдёте там их всех вместе, змей-Элфинн и лис-Илфинн. Полагаю, они работают вместе. У них странные взаимоотношения."

"Но чего они хотят?" спросил Мэт. "Я имею в виду, от нас. Почему они делают это?"

"Эмоции,"- сказала Бергитте. "Вот зачем они построили порталы в наш мир, вот зачем они заманивают нас в них. Они питаются нашими эмоциями. По какой-то причине они особенно любят Айз Седай. Возможно, умеющие направлять Единую Силу для них как крепкий эль."

Мэт явно вздрогнул.

"Внутри будет много коридоров», сказала Бергитта. «Тяжело найти нужный. Идти в башню, не через арку, было опасно, но я знала, что если я достигну большого зала, я смогу заключить сделку. Кстати, бесплатно ты в башне ничего не получишь. Они будут просить, то, что тебе дорого.

Во всяком случае, я придумала метод, чтобы найти Большой Зал. Железную пыль я оставляла на перекрёстках, так что я знала, где не проходила раньше. Они не могли прикоснуться к ней, видишь, и... ты уверен, что никогда не слышал об этой истории?

Мэт покачал головой. "Раньше она была популярна в этих местах," нахмурилась она. "Сто лет назад или около того"

"Кажется, ты огорчена."

"Это была хорошая история," сказала она.

"Если я выживу, я заставлю Тома сложить балладу об этом, Бергитте. Расскажи мне о пыли. Твой план сработал?" Она покачала головой. "Я заблудилась. Я не знаю, может они сдували пыль каким-то образом или это место настолько огромно, что никогда не повторяет себя. Меня загнали в угол, мой огонь погас, лира сломалась, тетива порвалась и Гайдал был в беспамятстве позади меня. Там бывали дни, когда он мог ходить, но в другие дни у него так кружилась голова, что я втаскивала его на носилки и везла."

"Дни?" сказал Мэт. "Сколько времени вы были там?"

"У меня было провизии на два месяца," сказала Бергитте морщась. "Не знаю, как долго мы были там после того, как она иссякла."

"Проклятый пепел!" сказал Мэт, после чего сделал большой глоток пива.

“Я говорю тебе, не ходи,” сказала Бергитте. “Допустим ты действительно найдешь своего друга, Но ты никогда не сможешь вернуться.Ты можешь бродить там недели, никогда не сворачивая налево или направо, проходя коридор за коридором.. Все похоже. Великий зал может быть в минуте ходьбы, если бы ты знал в каком направлении идти. Но ты не будешь знать этого.”

Мэт смотрел в свою кружку, жалея, возможно, что не заказал что-то покрепче.

"Ты передумал?" спросила она. "Нет," ответил он. "Но когда мы выйдем, Морэйн будет лучше высоко оценить этот поступок. Два месяца?" Он нахмурился. "Подожди. Если вы умерли там, то как же эта появилась эта история?"

Она пожала плечами. “Не знаю. Возможно одна из Айз Седай использовала свои вопросы, чтобы узнать. Многие знали, что я вошла. Меня тогда назызвали Джехари Танцующая под луной. Ты

уверен, что никогда не слышал этой истории?” Он снова покачал головой. Она вздохнула, откинувшись назад. Хорошо, не каждый из рассказов о ней мог жить всегда, но она думала, что может этот был известен хотя бы в нескольких поколениях. Она подняла свою кружку, чтобы допить остатки молока. Рука с кружкой остановилась на полпути. Она замерла, когда почувствовала всплеск эмоции от Илэйн. Гнев, ярость, боль.

Бергитте стукнула кружкой по столу, затем бросила монеты и выругавшись, поднялась

"Что?" воскликнул Мэт, мигом оказавшись на ногах. "Илэйн. В беде. Снова. Ей больно."

"Проклятый пепел!" вскричал Мэт, подхватывая на бегу свой посох и куртку.

Глава 23

Лисьи головы

Лисьи головы

Илейн вертела в руках странный медальон, разглядывая выгравированную голову лисы. Как и со многими другими тер'ангриалами, сложно было определить металл использованный для его изготовления. Благодаря своему Таланту, она подозревала, что это серебро. Однако, сейчас он уже не был серебряным. Но в медальоне еще было что-то другое, нечто новое.

Примадонна труппы театра "Счастливые люди" продолжала свою песню. Песня была красивой, чистой и высокой. Илэйн сидела на уютном стуле на правой стороне зала, которая значительно возвышалась над помостом с артистами. Пара гвардейцев Биргитте стояли позади нее.

Сумрачный зал, освещался лишь рядом мерцающих фонариков установленных за синими стеклами в нишах на стенах. Синий свет подавляли желтые светильники расположенные вокруг передней части сцены.

Илейн мало внимания уделяля происходящему. Она часто слышала "Смерть принцессы Валишен " в качестве баллады, и не видела никакаго смысла в дополнителых репликах и нескольких актёрах, вместо того, чтобы позволить одному барду исполнить всё произведение. Но это была любимая баллада Эллориен, и благоприятные отзывы из Кайриэна об этих актёрах - недавно обнаруженных тамошними дворянами - вызвали живой интерес у дворян Андора. Отсюда и этот вечер. Эллориен пришла по приглашению Илейн; похоже, она была заинтригована. Почему Илейн осмелилась пригласить её? Вскоре, Илейн воспользуется преимуществами пребывания здесь Эллориен. Но не прямо сейчас. Пусть женщина сначала насладится постановкой. Она будет ожидать политической засады.

Та ожидала, что Илейн будет проходить мимо нее и сядет на одно из мест рядом с ней, или, может быть пошлет слугу с предложениями. Илейн не сделала ничего, вместо этого она сидела и внимательно изучала тер'ангриал в виде лисьей головы. Он был сложным произведением искусства, несмотря на то, что состоял из цельного куска металла. Илейн могла чувтвовать потоки, что были использованы для его создания. Их сложность далеко оставляла позади простоту витого кольца. Что-то пошло

не так при попытке повторить медальон. В ее сумке лежала одна из таких неудачных попыток. Ей удалось в точности воссоздать его в деталях, насколько ее серебряных дел мастерам это было под силу, хотя Илейн была уверена, что форма не важна. Возможно, количество серебра, но не форма, переданная этому серебру.

Она подошла вплотную к созданию копии. Но копии не работали, так как оригинал. Копия рассеивала слабые плетения и защищала того кто владел им, но более сильные, почему-то не отклонялись. И главная проблема, была в невозможности направлять, дотрагиваясь до копии.

Она могла направлять, удерживая оригинал. На самом деле, у нее голова пошла кругом, когда она обнаружила, что касание медальона совершенно не влияет на ее плетения. Результат беременности - оставаясь по-прежнему источником ее раздражения, та дала ей возможность касаться Лисьей головы и направлять.

Но не копия. Она не изготовила её идеально точно. И, к сожалению, времени на изучение оставалось мало. Мэту скоро понадобится его медальон.

Она достала подделки и положила их на сиденье рядом с собой, обняла источник и создала плетение Духа. Некоторые из Родни, группа которых недалеко от Илэйн наблюдали за представлением, обратили на нее внимание, но большинство предпочло не отвлекаться от песни.

Илейн протянула руку и коснулась медальона. И сразу плетения распались, а источник ускользнул от нее. Так, будто оградили ее щитом.

Она вздохнула, когда песня достигла эпогея высоты. Создание копии было так близко и но и так далеко в то же время. Она никогда не будет носить то, что мешает ей прикоснуться к Источнику, даже ради защиты.

Тем не менее, копия не была совершенно бесполезной. Она, возможно, могла дать её Бергитте, и некоторым капитанам Гвардии. Не стоит создавать слишклм много таких копий. Тем более, что они могут быть такими действенными против Айз Седай.

Может подсунуть одну из копий Мету? Он никогда не узнает об этом, так как не может сам создавать плетения....

Нет, подумала она, подавляя искушение прежде, чем оно смогло занять ее мысли слишком сильно.

Она обещала вернуть настоящий медальон Мэту, а не копии что толком не работают, и сдержит свое слово. Теперь, когда она знала, что может уговорить Мэта расстаться с медальоном, ей

может стоит надавить на него, что бы он предоставил ей больше времени. Хотя существование Голама беспокоило ее. Как поступить с этой вещью? Неплохая идея, раздать копии медальонов всем ее телохранителям, в конце концов.

Песня закончилась пронзительно высоким финалом, медленно растворяющимся подобно пламени догорающей свечи. Сцена прервалась внезапно - люди в белых масках выпрыгнули из темноты. Свет ярко вспыхнул от чего-то брошенного в один из фонарей и, когда все прояснилось, то Валиден лежала мертвой на сцене. Купол её красных юбок растрепался вокруг нее подобно луже крови.

Публика аплодировала стоя. Большинство из них были из Родни, хотя многие были приглашенными представителями других Великих Домов. Все они были её сторонниками. Дайлин, разумеется, и юный Конайл Нортен, и такой же молодой, но вдвое более гордый, Каталин Хевин.

Последней из благородных здесь была Сивайс Кайрен. Что делать с ней? Илейн покачала головой, опуская поддельные Лисьи головы в свою сумочку и присоединяя скромные хлопки к похвалам других. Актеры сосредоточат внимание только на ней. Если она не подаст какой-то знак одобрения, они будут мучаться всю ночь.

Сделав это, Илейн направилась к близлежащей гостиной, которая была обставлена мягкими креслами с толстыми подлокотниками, предназначенными для спокойного разговора. В стороне был бар, обслуживаемый человеком в яркой красно-белой униформе. Он стоял, заложив руки за спину, почтительно ожидая, пока люди подойдут туда. Иллориен, конечно, там не было, основы этикета требовали от гостей ждать, пока не уйдет хозяйка вечера. Хотя Иллориен и Илейн были не в лучших отношениях, она не станет демонстрировать плохие манеры.

Вскоре после прибытия Илейн, последовала и Иллориен. Полная женщина разговаривала с одним из женщин Родни, демонстративно игнорируя Глав Домов, проходящих рядом с ней. Разговор был заметно натянутым. Похоже, она, строила расчеты полностью избежать гостиной , но Илейн знала, что женщина захочет ясно выразить, что она не изменила свое мнение о доме Траканд.

Илейн улыбнулась, но не подошла к женщине. повернувшись вместо этого к вошедшей Сивайс. Среднего телосложения, голубыми глазами, она могла бы быть выглядеть милой, если бы не отсутствие выражения на её лице. Не эмоций, как у Айз Седай, а совершеннейшее отсутствие какого-либо выражения. Иногда казалось, что Сивайс была всего-лишь одетой куклой,

выставленной напоказ. Тем не менее, в некоторых ситуациях она показывала неожиданную глубину суждений и изворотливость.

«Спасибо за приглашение, Ваше Величество», равномеренно сказала Сивайс, ее голос был жутковато монотонный». «Было очень познавательно».

"Познавательно?" ответила Илэйн. "Я надеюсь, что проведенное здесь время было приятным."

Сивайс не ответила. Она взглянул на Иллориен, и наконец в ней промелькнули эмоции. Ледяной взгляд, который вызывал дрожь. «Почему вы пригласили ее, Ваше Величество?»

Дом Кэрен также однажды противостоял Траканд", сказала Илэйн, "Из тех десяти, чью лояльность было получить труднее всего, самым ценным является ваш."

«Она не будет Вас поддерживать, Ваше Величество», говорила Сивайс, ее голос все еще был слишком спокойным. «Не после того, что сделала ваша мать.»

«Не так давно, когда моя мать взяла трон», сказала Илэйн, не глядя больше на Иллориен, «некоторые Дома говорили, что она никогда не победит, но она победила.»

«И что? Вы уже имеет достаточную поддержку, Ваше Величество. Вы добились победы.»

"Каждый из них."

Она оставила остальное недосказанным. Перед Домом Трэман был долг чести. Получение благосклонности Эллориен было не просто усилением Львиного Трона. Это было устранением отчуждения, вызванного матерью Илэйн под влиянием Гэйбриела. Это было восстановлением репутации ее Дома, возмещением ущерба, который мог быть возмещен.

Силвайс бы не поняла этого. Илейн знала о тяжелом детстве девочки; это не прибавило бы чести Высокому Престолу. Похоже, Силвайс верила только в две вещи: власть и месть. Пока она поддерживает Илейн и управляема, она не будет обузой. Но она никогда не усилит Дом Траканд так, как кто-либо вроде Дайлин.

"Как мой секретарь справляется с Вашими заданиями, Ваше Величество?", Спросила Силвайс.

"Достаточно хорошо, я полагаю.", ответила Илейн. До сих пор он не сделал ничего стоящего, правда, Илейн и не дала ему права слишком усердствовать во время допроса. Она попала в западню. Казалось, охотана Черных Айя будет продолжаться вечно. Наконец, они у нее... но что теперь с ними делать?

Бергитте взяла пленных для того, чтобы допросить. Затем их следовало отправить предстать перед судом Белой Башни. Но это означало, что для пленниц не было смысла говорить: они знали, что так или иначе их ожидает смертная казнь. Так что Илейн

должна быть готова или заключить сними сделку, или позволить допроснику применить крайние меры.

Королева должна быть достаточно тверда, чтобы позволить это сделать. Её учителя и наставники объяснили ей это. Не было никакого сомнения в виновности этих женщин, и они уже сделали достаточно, чтобы заработать себе смерть дюжину раз. Илейн была не уверена, как низко она может пасть, чтобы вырвать их тайны.

Кроме того, могло ли это принести пользу? Испан была подвергнута Принуждению или давала какой-то обет, не дававшие ей говорить; у них, вероятно, будет то же самое. В состоянии ли они показать что-либо полезное? Если бы только существовал какая-то возможность...

Она колебалась, пропуская мимо ушей следующий комментарий Силвайс. Бергитте бы это не понравилось. Ей вообще ничего не нравилось. Илейн почувствовала, что Бергитте уезжает куда-то из Дворца. Возможно, она поехала на обход, проверять сторожевые посты снаружи.

"Извини меня, Силвайс," сказала Илейн. "Я сейчас вспомнила, что мне обязательно надо кое-что сделать."

"конечно, Ваше Величество," девушка произнесла невыразительным, почти нечеловеческим голосом

Илейн отошла от неё, потом бысто поприветствовала - и пожелала доброй ночи - остальнымю Конэйл выглядел скучающим. Его ожидали увидеть, поэтому он пришел. Дайлин была как обычна милой, при этом осторожной. илейн проигнорировала Эллориен. Они поприветствовала всех остальных в комнате и закончив, начала продвигаться к выходу.

"Илейн Траканд", позвала Иллориен.

Илейн остановилась, улыбнувшись своим мыслям.Она вернулась, стерев с лица все эмоции, прежде чем другие успели удовлетворить свое любопытство. "Да, леди Иллориен"

"Ты пригласила меня, только чтобы игнорировать ?" требовательно спросила женщина через всю комнату. Окружающие притихли.

"Нисколько", ответила Илэйн. "Я подумала, что вы бы гораздо приятнее провели время, если бы я не вынуждала вас беседовать со мной. Этот вечер не предназначен для политических игр."

Эллориен нахмурилась. "Хорошо, но тогда для чего он?"

Чтобы насладиться прекрасной балладой, леди Эллориен", сказала Илэйн. ""И, возможно, чтобы напомнить Вам о тех днях, когда Вы часто наслаждались развлечением в компании Дома Траканд." Она улыбнулась и слегка кивнула, оставляя её.

Пусть она поразмыслит над этим, подумала Илэйн с

удовлетворением. Эллориен несомненно слышала, что Гейбрил был одним из Отрекшихся. Женщина может не верить в это, но возможно она вспомнит те годы взаимного уважения, которые она и Моргейз испытывали друг к другу. Не могут же несколько месяцев заставить забыть годы дружбы?

В конце лестницы из гостиной Илэйн обнаружила Кайлу Бент, одну из капитанов Техохранительниц Бергитте. Худая рыжеволосая женщина дружески беседовала с парой Телохранителей, оба казались стремящимися добиться ее благосклонности. Все трое резко встали по стойке "смирно", когда заметили Илэйн.

"Куда отправилась Бергитте?", спросила Илейн.

"Она расследует беспорядки у ворот, Ваше величество", сказала Кайла

"Но у меня есть информация, что там ничего не было. Там был человек, который недавно был здесь, и вот он пытался проникнуть на территорию дворца. Капитан Биргитте засомневалась в этом."

Тот командир наемников, который недавно был здесь, пытался проникнуть на территорию дворца. Капитан Бергитте допрашивает его."

"Вы имеете ввиду Мэта Коутона?"

Женщина кивнула.

"Она "допрашивает" его?" "Это то, что я слышала, Ваше Величество," ответила Кайла.

"Это означает, что они вдвоем отправились выпить", сказала Илейн со вздохом. Свет, сейчас не лучшее время для этого.

Или как раз вовремя? Бергитте не сможет возразить насчет плана относительно Черных Айя, раз она с Мэтом. Илейн улыбнулась. "Капитан Бент, вы идете со мной." Она покинула театральные комнаты и вошла в сам Дворец. Женщина проследовала, подавая знаки стражнице, находящейся п рихожей, идти за ними.

Улыбаясь себе, Илэйн начала отдавать приказания. Одна из стражниц убежала выполнять их, но была смущена их странностью. Илейн пришла в свои комнаты и в раздумьях присела в кресло. Она должна действовать быстро. Бергитте была в угрюмом настроении, Илейн могла ощутить это через узы.

Слуга скоро прибыл, неся с собой бесформенный черный плащ. Илэйн вскочила и одела его, затем обняла Источник. На это потребовалось три попытки! Кровь и пепел, иногда беременность ужасно раздражает.

Она сплела потоки Огня и Воздуха вокруг себя, Используя Зеркало Туманов, чтобы сделать себя выше и солиднее. Илэйн

принесла свою шкатулку с драгоценностями и извлекла из нее маленькую резную пластинку из слоновой кости сидящей женщины, окутанной своими волосами. Она потянула через ангриал столько Единой Силы, сколько могла. Для тех, кто может направлять, она действительно будет выглядеть внушительно.

Она оглянулась на стражниц. Они были сбиты с толку, руки неосознанно легли на эфесы мечей. "Ваше Величество?", спросила Кайла.

"Как я выгляжу?", сказала Илэйн, сплетая потоки, чтобы сделать её голос ниже.

Глаза Кайлы расширились от удивления. "Как ожившее грозовое облако, Ваше Величество."

"Впечатляюще, значит?" спросила Илйэн, немного испугав опасным, почти нечеловеческим тембром голоса. Идеально!.

"Я бы сказала да", ответила долговязая стражница, потирая подбородок. "Хотя домашние туфли немного портят эффект."

Илэйн посмотрела вниз, ругая розовый шелк. Она использовала еще немного Силы, заставляя её ноги в туфлях исчезнуть. Плетение сделало иллюзию того, что она будто плавала в воздухе, обернутая в пульсирующий саван из темноты. Плащ и ремни из черной кожи развевались вокруг неё. Её лицо было полностью скрыто тьмой. Легким касанием она добавила две светящиеся красные искры туда, где должны быть глаза, подобно пылающим углям глубокого темно-красного оттенка.

"Да сохранит Свет всех нас," прошептала одна из стражниц. Илэйн кивнула себе. Она не волнуется. Она в безопасности. Видения Мин обещали это. Она перепроверила план ещё раз. Илейн твердо решила сделать это. Но будет лишь один способ проверить, не ошиблась ли она.

Илэйн инвертировала плетения и завязала их. Затем она повернулась к гвардейцам. "Потушите свет," сказала она им, "и ждите меня здесь, никуда не двигаясь. Я скоро вернусь."

"Но...", попыталась возразить Кайла.

"Это приказ, гвардеец", твердо сказала Илейн. "Лучше бы вы ему повиновались."

Женщина колебалась. Она прекрасно знала, что Бергитте бы никогда этого не допустила. Но, к счастью, Кайла не была Бергитте. Она неохотно отдала приказ и огни в комнате погасли.

Илейн достала из кармана медальон с лисьей головой, настоящий, и спрятала его, сжав ладонь. Она сделала глубокий вдох и создала врата. Полоска света ярко мелькнула в потемневшей комнате, пылающей и купающейся в её свете. Лента развернулась в проход в комнату, в которой также было темно.

Девушка ступила через него и очутилась в подземелье

Дворца, в одной из камер. Женщина, находящаяся в ней, стояла на коленях в дальнем углу темницы, рядом с прочной дверью с маленьким отверстием наверху, зарешеченным железными брусками, и пропускающим тусклый свет, освещающий помещение. Справа от Илейн находилася маленькая койка, а слева стояло ведро ночного горшка. В крошечной комнате пахло плесенью и содержимым горшка. Это еше и казалось довольно щедрым по отношению к женщине, находящейся перед ней.

Илейн выбрала Чесмал с расчетом. Женщина имела определенный авторитет среди Черных и была довольно могущественна, чтобы другие преклонялись перед ней. Но она была более взвинченной, чем по логике должна была быть, когда Илейн видела её последний раз. Это было важно.

Высокая красивая женщина развернулась, как только Илэйн вошла в темницу. Илейн задержала дыхание. Хвала Свету, это сработало - Чесмал бросилась на покрытый соломой пол камеры.

"Великий Господин," прошипела она. "Я..." "Молчать!", крикнула Илэйн и её голос заполнил помещение.

Чесмал съежилась и посмотрела в сторону, ожидая появления охранниц, находящихся снаружи. Если бы там была Родня, держащая щит, Илейн бы их почувствовала. Никто не пришел, несмотря на звук. Родня выполнила приказы Илейн, не смотря на то, насколько странными они казались.

"Ты ничтожней крысы", сказала Илэйн измененным голосом. "Ты была отправлена, чтобы увидеть славу Великого Повелителя, но что ты сделала вместо этого? Позволила себе быть захваченной этими дураками, этими детьми?"

Чесмал скулила, нагибаясь ниже. "Я - пыль, Великий Господин. Я ничто! Мы подвели Вас. Пожалуйста, не уничтожайте меня!"

"А почему я не должен?", пролаяла Илэйн. "Результатом работы твоей группы был провал за провалом! Что ты сделала такого, что может убедить меня оставить тебе жизнь?"

"Мы убили многих дураков, которые противостояли Великому Повелителю!", стенала Чесмал.

Илэйн поморщилась, когда создав кнут из Воздуха, начала хлестнула им по спине женщины. Это было не больше того, что заслужила Чесмал. "Ты?", прогремела Илэйн. "Ты не имела ничего общего с их смертями! Ты считаешь меня идиотом? Ты думаешь, что я ничего не знаю?"

"Нет, Великий Господин", вопила Чесмал, сжимаясь еще больше. "Пожалуйста!"

"Тогда дай мне причину позволить тебе жить."

"У меня есть информация, Великий Господин," быстро сказала

Чесмал. "Один из тех, которых нам сказали искать, два мужчины, которые должны быть убиты любой ценой... он здесь, в Кэймлине!"

О чем это она? "Расскажи подробнее."

"Он с группой наемников," сказала Чесмал с облегчением от того, что это была та информация, которая требовалась. "Это человек с острыми глазами, носящий шляпу и отмеченный воронами!"

Мэт? Друзья темного охотятся за Мэтом? Он дружит с Рандом, наверняка, и он та'верен. Но что Мэт сделал, чтобы разъярить Отрекшихся? Еще больше беспокоило то, что Чесмал знала, что Мэт находится в городе. Он прибыл только после того, как Черные сестры были захвачены в плен. Но это означало...

Это означало, что Чесмал и другие связывались с другими друзьями темного. Но с кем? "Как вы узнали об этом? Почему не сообщили раньше?"

"Я получила сведения в тот же день, Великий Господин," сказала Чесмал теперь уже более уверенным голосом. "Мы планируем убийство."

"Как вы сможете это сделать, находясь в заключении?" потребовала Илэйн.

Чесмал коротко взглянула, ее квадратное лицо выглядело смущенным. Она ничего не сказала.

Я дала ей знать,что не знаю то, что мне следует знать. Илэйн сжала зубы под маской теней.

"Великий Господин," сказала Чесмал. "я тщательно следую своим приказам. Мы почти заняли позиции для начала вторжения, как приказано. Скоро

Андор будет смыт кровью наших врагов и Великий Повелитель будет править в огне и пепле. Мы увидим как это будет."

Что это было? Вторжение,в Андор? Невозможно! Как это могло бы случиться? Однако, рискнуть ли ей задать еще вопросы? Чесмал подозревает, что что-то не так.

"Вы не тот Избранный, кто посещал меня раньше, не так ли, Великий Господин?" спросила Чесмал.

"Мы не те, кто позволяет себя допрашивать себя таким как ты," прорычала Илэйн, подчеркивая замечание еще одним кнутов Воздуха по ее спине. "Мне надо знать, сколько ты сможешь рассказать. Так что я могу осудить пробелы в твоем понимании. Если ты неосведомлена о....Ну, будет видно. Сначала, объясни мне,как много ты знаешь о вторжении."

"Я знаю, что наступают последние времена, Великий Господин", сказала Чесмал. "Если бы у нас было время, мы бы

планировали более масштабно. Если бы вы видели меня освобожденной, то я бы могла..."

Она умолкла, глядя в сторону.

Назначенный срок. Илэйн открыла рот, чтобы спросить еще, но колебалась. Что? Она больше не чувствовала Родню снаружи. Они ушли? И что с щитом Чесмал?

Дверь затрещала, замок повернулся, затем дверь распахнулась, открывая группу людей с другой стороны. И это не была группа гвардейцев Илэйн, как было ожидаемо. Впереди стоял мужчина с короткими черными волосами, редеющими по сторонам, и огромными усами. Он носил коричневые брюки и длинную куртку, похожую на открытый спереди халат.

Серкетарь Силвайс! За ним находились две женщины. Тимэйл и Элдрин.Обе из Черной Айя. Обе держащиеся за Источник. О, Свет!

Илэйн сдержала свое удивление, встретив их пристальный взгляд и не отступая. Если она убедила одну Черную сестру, что она Избранна , возможно она сможет убедить троих. Глаза Тимэйл широко раскрылись,и она упала на колени, как сделал секретарь. Элдрит, однако, колебалась. Илэйн не могла быть уверена, было ли это из-за ее позы, ее маскировки или ее реакции на трех прибывших. Возможно было что-то еще . В любом случае, Элдрин не обманулась. Круглолицая женщина стала направлять.

Илейн чертыхнулась про себя, создавая собственные плетения. Она сплела щит как только почувствовала такой же у Элдрин. К счастью, она держала тер'ангриал Мэта. Потоки распались и медальон в руке Илейн похолодел. Собственные плетения Илейн скользнули между Элдрин и Источником, отрезая ее. Свечение Силы вокруг нее пропало.

"Что ты делаешь, идиотка!", завизжала Чесмал. "Ты пытаешься отсечь Избранного? Мы все мертвы!"

"Это не один из Избранных," крикнула Элдрит в ответ. Илэйн запоздало вспомнила про кляп из Воздуха. "Тебя обманули! Это..."

Илейн засунула кляп ей в рот, но уже было слишком поздно. Тимейл, которая всегда выглядела слишком утонченной, чтобы быть Черной сестрой, обняла Источник и подняла глаза. Выражение ужаса на лице Чесмал сменилось гневом.

Илейн быстро отсекла Элдрит и начала плести другое плетение. Поток воздуха коснулся её. Лисья голова похолодела и, благодарение Мэту за его своевременную уступку, Илэйн смогла поместить щит между Чесмал и источником.

Тимэйл уставилась на Илейн, очевидно ошеломленная, что её плетения не дают никакого результата. Внезапно секретарь Салвейс не показался медленным, как обычно. Он бросился

вперед, сбивая Илэйн и с огромной силой ударив её об стену.

Она почувствовала, как плечо хрустнуло и её сразу начала терзать боль. Её лопатка? Малыши! ударила в голову мысль. Это была внезапная вспышка страха и болезненного ужаса, при которой она начисто забыла о Мин и её видениях. К её удивлению, она отпустила плетение врат, и они замерцали и исчезли.

"У нее есть какой-то тер'ангриал", причитала Тимэйл. "Потоки не касаются её."

Илэйн боролась, прижимаясь к секретарю и начала плести Воздух для того, чтобы отпихнуть его назад. Когда она уже закончила, он вцепился в её руку, возможно увидев там серебристую вспышку металла. Секретарь сомкнул свои длинные пальцы вокруг медальона в тот момент, когда удар Илэйн достиг цели.

Секретарь полетел назад, цепляясь за медальон. Илэйн все ещё разъяренно рычала. Тимэйл злорадно усмехнулась и вокруг нее возникло плетение воздуха. Она направила их вперед, но Илейн встретила их своими собственными.

Два потока Воздуха пересеклись, заставив воздух закрутиться в маленькой комнате. Солома разлетелась в разные стороны. Темноволосый секретарь начал отступать от схватки, сжимая тер'ангриал. Илэйн попыталась схватить его потоками, но они распались.

Илейн в ярости завопила, боль пульсировала в ее плече, которым она ударилась об стену. Маленькая комнат была так переполнена таким количеством людей в ней, что Тимейл стояла в проходе, неумышленно блокируя секретарю выход. Хотя, может быть она сделала это намеренно, вероятно она хотела заполучить медальон. Две другие огражденные Черные сжались на полу, вокруг них повсюду взрывался воздух.

Илэйн вытянула из ангриала столько, сколько посмела, направляя свое плетение Воздуха вперед, отталкивая плетение Тимэйл, пытающееся надавить. Двое застыли на мгновение, потом Илэйновский прорвался, ударив в Тимэйл и выбросив ее из камеры на каменную стену снаружи. Илэйн проследила за щитом, хотя Тимэйл была без сознания из-за удара. Секретарь дал деру к ближайшему входу. Илэйн почувствовала приступ паники. Она сделала единственную вещь, которую смогла придумать. Она подняла Чесмал плетением Воздуха и бросила ее в секретаря.

Оба свалились в кучу. В воздухе раздался металлический звон, когда лисьеголовый медальон выскользнул и ударился о пол, перекатясь через дверь.

Илэйн глубоко вздохнула, боль вспыхнула с новой силой. Она

уже не могла больше удерживать ослабевшую руку, поэтому она убаюкивала её в другой руке, яростно цепляясь за Источник.Сладость саидар доставляла удовлетворение.

Она сплела Воздух вокруг Чесмал и секретаря, который пытался незаметно подползти к Илэйн.

Успокаивая себя, Илэйн протолкнулась мимо них из маленькой клетки, чтобы проверить Тимэйл в коридоре снаружи. Женщина все еще дышала, но действительно была без сознания. Илэйн тоже связала ее Воздухом, чтобы быть наверняка уверенной, затем осторожно подняла медальон. Она вздрагивала от боли в руке. Да, она наверняка сломала кость.

Темная прихожая была пуста зияя четырьмя черными провалами дверных проемов, освещенная единственным светильником. Где Гвардия и Родня? Она неохотно отпустила плетение, которое формировало её маскировку - Илэйн не хотела, чтобы солдаты, которые сюда прибудут, приняли её за одного из друзей Темного. Разумеется же кто-то слышал весь этот шум! На границе разума она могла ощутить беспокойство Бергитте, которая быстро приближалась. Страж несомненно чувствовала, что Илэйн ранена.

Илэйн почти предпочла бы боль в плече лекции от Бергитте. Она снова поморщилась, обдумывая это, когда она повернулась и проверила пленников. Ей надо проверить другие камеры.

Конечно с ее детьми будет все в порядке. С ней будет все в порядке. Она слишком остро среагировала на боль, она на самом деле не испугалась.Все же, лучше-

"Привет, моя Королева," прошипел мужской голос в ее ухо прямо перед тем как вторая боль расцвела в ее боку. Она задохнулась, дернувшись вперед. Рука протянулась и выдернула медальон из ее рук.

Илэйн почувствовала головокружение и комната стала расплываться. Что-то теплое бежало по ее боку. Она истекала кровью! Она была так потрясена, она почувствовала, что Источник ускользает от нее.

Дойлин Меллар стоял позади нее в коридоре, держа окровавленный нож в правой руке, взвешивая медальон в левой. Его лицо, будто вырубленное топором, было разрезано широкой,почти плотоядной, ухмылкой. Хотя он был одет только в лохмотья, он выглядел так самоуверенно как король на троне.

Илэйн зашипела и понянулась к Источнику. Но ничего не произошло. Она услышала тихий смех позади себя. Она не скрепила щит Чесмал! Как только Илэйн освободила Источник, плетения исчезли. Уже уверенная, Илэйн посмотрела и увидела плетения, отрезавшие ее от Источника.

Чесмал, чье красивое лицо было возбуждено, улыбалась ей. Свет! У ног Илэйн образовался целый океан крови. Так много.

Она отшатнулась назад к стене коридора. Меллар в одной стороне, Чесмал в другой.

Она не могла умереть. Мин сказала... Мы могли это неправильно истолковать, вспомнила она голос Бергитте. Все, что угодно, может пойти не так, как мы ожидаем.

"Исцели её", сказал Меллар.

"Что?", требовательно спросила Чесмал. Позади нее, в дверном проеме, Элдрит пыталась отряхнуться от пыли. Она упала на землю, когда потоки Воздуха Илейн рассеялись. Щит еще был на месте - Илэйн успела завязать его.

Думай, сказала себе Илэйн, кровь сочилась сквозь пальцы. Должен быть выход. Должен! О, Свет! Бергитте, поспеши!

"Исцели её", снова сказал Меллар. "Ножевая рана должна была её заставить отпустить вас."

"Дурак," произнесла Чесмал. "Если бы плетение было закреплено, то рана не освободила бы нас!"

"Тогда бы она умерла," сказал Меллар. Он посмотрел на Илэйн, его суровые глаза сияли вожделением. "И это было бы печально. Она была обещана мне, Айз Седай. Я не хочу ее смерти здесь в этой тюрьме. Она не умрет, пока я имею время чтобы... насладиться ею." Он посмотрел на Черную сестру. "Кроме того, ты думаешь,те, кому мы служим будут удовлетворены, если узнают, что мы позволили Королеве Андора умереть, не выдав своих тайн?"

Чесмал выглядела неудовлетворенной, она увидела здравый смысл в его словах. Позади них секретарь выскользнул из камеры и - взглянув в обе стороны- крадучись пошел по коридору к лестнице и поторопил их. Чесмал пересекла коридор в сторону Эгвейн. Проклятье. У Илэйн туманился разум. Она оперлась спиной на стену, едва чувствуя боль в сломанном плече,и сползла вниз, до тогда как смогла сесть.

"Глупая девчонка," сказала Чесмал. "Я разгадала твою уловку, конечно. Я провела тебя, зная, что помощь прийдет."

Слова были пустыми; она лгала для своих целей. Исцеление. Илейн необходимо... чтобы... Исцеление. Её мысли становились вялыми,

зрение затуманивалось. Она поджала под себя руку, испугавшись за себя и за своих детей.

Рука скользнула и она что-то ощутила в кармане через ткань своего платья. Копия медальона в виде лисьей головы.

Чесмал положила руки на голову Илейн, сплетая потоки Исцеления. Вены Илейн превратились в лед, её тело сотрясалось

под потоками Силы. Она глубоко и прерывисто вздохнула. Боль в спине и плече отступила.

"Итак," заметила Чесмал. "Теперь мы должны быстро..."

Илэйн выхватила свободной рукой медальон и подняла его вверх. Чесмал рефлекторно схватила его. Это отсекло женщину от источника, её плетения исчезли, включая щит Илэйн.

Чесмал выругалась, бросая медальон. Он упал и покатился, пока Чесмал сплетала щит.

Илэйн не беспокоилась о щите.В этот раз, она сплела Огонь. Просто, прямо, опасно. Одежда сестры Тьмы вспыхнула пламенем прежде чем она закончила плетение и Тимэйл закричала.

Илэйн с трудом встала на ноги. Коридор качался и кружился - Исцеление забрало много сил- но прежде чем вещи перестали кружиться, она сплела еще одну нить Огня, хлестнув им Меллара. Он рискнул жизнью ее детей! Он ранил ее ножом. Он ...

Плетения исчезли в момент, когда коснулись его. Он улыбнулся ей, останавливая что-то своей ногой. Второй медальон. "Что у нас здесь", сказал он, подхватывая его."Еще один? Если я потрясу тебя, третий медальон появится?"

Илэйн зашипела. Чесмал все ещё кричала, охваченная огнем. Она упала на землю, молотя ногами и распространяя удушливый запах горелой плоти. Свет! Илэйн не хотела её убивать, но некогда было сожалеть. Илэйн сплела воздух, подхватывая Элдрит прежде, чем женщина попыталась сбежать. Илэйн на всякий случай толкнула её между собой и Мелларом. Его глаза, словно два буравчика, следили за девушкой. Меллар продвигался вперед, зажав оба медальона в одной руке и кинжал в другой. Кровь Илейн все ещё влажно блестела на нем. "Мы еще не закончили, Моя Королева," сказал он мягким голосом. "Другим обещана власть, но моя награда - это ты. Я всегда добиваюсь того, что мне принадлежит." Он смотрел на Илейн с опаской, ожидая какой-нибудь уловки.

Если бы только у нее была в запасе хоть одна. Она едва могла стоять прямо. Удерживать Источник было трудно. Она отодвинулась назад, удерживая Элдрин между собой и Мелларом. Его глаза бегло осмотрели застывшую женщину; она стояла с руками, прижатыми к бокам Воздухом, плывя в дюйме над полом. Резким движение он прыгнул вперед и перерезал Элдрин глотку. Илэйн вздрогнула, отступая назад.

"Мне жаль", сказал Меллар, Илейн потребовалось время, чтобы понять, что он обращался к Элдрит. "Но приказы есть приказы." С этими словами он наклонился, погружая кинжал в бесчуственное тело Тимэйл.

Он не должен сбежать с медальоном! С приливом сил, Илэйн

потянула Единую Силу и сплела Землю. Она направила на потолок над Мелларом, когда он вставал. Камень раскрошился, блоки, падающие вниз, заставили его завопить и пригнуть голову, когда он попытался сбежать. Что-то зазвенело. Металл об камень.

Прихожая сотрясалась, в воздух взметнулась пыль. Каменный дождь отогнал Меллара, но удержал её от преследования. Илейн опустилась на колени, чувствуя себя истощенной. Потом она увидела нечто блестевшее под глыбами - она сбросила их в сторону. Немного серебристого металла. Один из медальонов.

Задержав дыхание, она схватила его. К счастью, Источник не оставил её. Меллар сбежал с копией, как оказалось, но у нее все ещё был оригинал.

Она вздохнула, позволив себе расслабиться возле холодной каменной стены. Ей хотелось бы провалиться в забытье, но она заставила себя убрать медальон и остаться бодрствующей до тех пор, пока Бергитте не появилась в прихожей. Страж сильно запыхалась от бега, её красный плащ и золотая коса были мокрые от дождевой воды.

Мэт шагнул в коридор вслед за ней, с шарфом, обмотанным вокруг его лица, его мокрые коричневые волосы прилипли к его голове. Его глаза метались от стороны в сторону, посох поднят для защиты.

Бергитте стала на колени сбоку Илэйн. "С тобой все в порядке?" спросила она настойчиво.

Илэйн кивнула в изнеможении. "Я избежала самого плохого." Отчасти. "Ты оказала миру услуги и убила по пути Меллара?"

"Меллара?" встревоженно спросила Бриджит. "Нет. Илейн, твое платье в крови!"

"Я в порядке," сказала она. "Это правда, я была исцелена."

Итак, Меллар был на свободе. "Быстро", произнесла она. "Обыщите коридоры. Гвардейцы и Родня, которые охраняли это место..."

"Мы их обнаружили," ответила Бергитте. "Сложены в конце лестницы. Мертвые. Илейн, что случилось?" В стороне Мэт ткнул труп Тимейл, обратив внимание на кинжальную рану в ее груди.

Илейн положила руки на свой живот. С ее малышами все будет в прорядке, верно? "Я кое-то сделала очень опрометчиво, Бергитте, и я знаю что ты собираешься кричать на меня за это. Но сначала, пожалуйста, отведи меня в мои комнаты?" Я считаю, что Мэлфани должна осмотреть меня. На всякий случай ".

* * *

Час спустя после попытки покушения на Эгвейн, Гавин стоял один в маленькой комнате, которая была частью апартаментов Амерлин. Его освободили из удерживающих его потоков, после

чего сказали оставаться на месте. Наконец Эгвейн вошла в комнату. "Сядь", сказала она.

Он поколебался, но ее глаза могли яростью зажечь пламя свечей. Он сел на табурет. Эта маленькая комната имела несколько комодов с зеркалами и подставок для одежды. Одна дверь вела наружу в большую гостиную, где он был захвачен плетениями, внутренняя дверь вела в спальню Эгвейн. Эгвейн закрыла дверь, отрезая их двоих от многочисленных гвардецев, Стражей и Айз Седай, толкающихся в комнатах снаружи. Их раговоры сделались тихим шумом за дверью. Эгвейн все еще была одета в красное с золотом и у нее были золотые нити, вплетенные в темные волосы. Еще щеки покраснели от злости на него. Это делало ее еще более красивой чем обычно.

"Эгвейн, я..."

"Ты хоть понимаешь, что ты натворил?".

"Я проверял, в безопасности ли женщина, которую я люблю, после того, как обнаружил за ее дверью убийцу."

Она сложила руки под грудью. Он почти физически ощущал жар ее гневв. "Твои вопли привлекли внимание половины Белой Башни. Они видели, как ты был пойман. Скорее всего убийца уже знает о моих плетениях".

"Свет, Эгвейн! Ты так говоришь, будто я хотел этого. Я просто пытался защитить тебя.

Я не просила твоей защиты! Я просила от тебя повиновения! Гавин, ты не видишь шанс, который мы упустили? Если бы ты не спугнул Мессану, она бы шагнула прямо в мою ловушку!"

"Это был не один из Отрекшихся," возразил Гавин. "Это был мужчина".

"Ты сказал, что не смог увидеть лицо или разглядеть фигуру потому что все было размыто."

"Ну, да," ответил Гавин, "Но он сражался мечом."

"А, что женщина не может использовать меч? Рост человека, которого ты видел, указывает на то, что она - женщина."

"Возможно, но один из Отрекшихся? Свет, Эгвейн! Если бы это была Месана, она наверняка бы использовала Силу, чтобы растереть меня в порошок!"

"Еще одна причина," сказала Эгвейн, "по которой тебе следует слушаться меня. Возможно, ты прав - возожно это был один из мелких сошек Месаны. Друг Темного или Серый Человек. В этом случае я бы их захватила и смогла узнать о планах Месаны. И, Гавин, что если бы ты наткнулся на Месану? Что бы ты мог сделать?"

Друг Темного или Серый человек. В этом случае, я бы попытался захватить их и ...

Он смотрел вниз на пол.

"Я говорила тебе, что приняла меры предосторожности," продолжала она. А ты все равно ослушался! И сейчас, из-за того что ты сделал, убийца знает, что ждала его. Он будет более осторожен в следующий раз. Как ты думаешь, во сколько жизней ты нам обойдешься?"

Гавин зажал руки между коленя, пытаясь спрятать сжимающиеся кулаки. Он должен бы испытывать стыд, но все, что он чувствовал, был гнев. Ярость, которую он не мог бы объяснить - чувство разочарования собой, но большей частью - Эгвейн за превращение простой ошибки в личное оскорбление.

"Мне кажется" сказал он, " что тебе совсем не нужен Страж. Потому что, я скажу тебе, Эгвейн, если ты не можешь выдержать заботу о себе, нет мужчины, который будет это делать."

"Возможно ты прав," резко сказала она . Ее юбки зашуршали, когда она повернулась к двери в холл, вышла и потянула, закрывая ее за собой. Даже не хлопнула.

Гавин встал и захотел ударить по двери. Свет, каким неприятным это становилось!

Он мог слышать Эгвейн через дверь, отправляющую зевак обратно в кровати, приказав Страже Башни быть сверхбдительными этой ночью. Это было словно для вида. Она знала, что убийца не попытается так быстро снова.

Гавин выскользнул из комнаты и ушел. Она заметила его уход, но ничего не сказала, вместо этого повернулась пошептаться с Сильвианой. Красная бросила сердитый взгляд на Гавина, который мог бы заставить содрогнуться камень.

Гавин прошел мимо нескольких гвардейцев, которые - со своей стороны- смотрели уважительно на Гавина. Поскольку они знали, что он помешал покушению на жизнь Амерлин. Гавин кивнул в ответ на их приветствия. Чубейн стоял неподалеку, изучая нож, который чуть не ударил Гавина в грудь.

Чубейн протянул ему нож. "Ты когда-нибудь видел что-то, похожее на это?"

Гавин взял узкий, блестящий нож. Он был сбалансирован для броска, с отличным стальным лезвием, которое выглядело похожим на вытянутое пламя свечи. В центре была вставка из трех кроваво-красных камней.

"Что это за камень?" спросил Гавин, поднимая нож к свету.

"Я никогда не видел такой раньше."

Гавин повернул нож несколько раз. На нем не было никаких надписей или резьбы. "Он прошел на волосок от того, чтоб отнять мою жизнь."

"ТЫ можкшь взять его, если хочешь," сказал Чубейн. "Может

ты опросишь людей Брина, видел ли кто-нибудь из них нечто похожее. У нас есть второй такой же, мы нашли его на полу в коридоре."

"Он также был предназначен для моего сердца," сказал Гавин, засовывая нож за пояс. "Спасибо. У меня есть подарок для тебя в ответ."

Чубейн приподнял бровь.

"Ты жаловался, что потерял много людей," сказал Гавин. "Так вот, у меня есть группа солдат, которых я могу настоятельно порекомендовать."

"Из армии Брина?" спросил Чубейн, поджав губы. Как многие из гвардейцев Башни, он все еще рассматривал армию Брина в качестве противника.

"Нет," сказал Гавин. "Люди, лояльные Башне. Некоторые из тех, кто тренируется быть Стражем, кто сражался вместе со мной на стороне Элайды. Они чувствуют себя отстраненными сейчас, и предпочли бы стать гвардейцами, а не Стражами. Я бы оценил, если бы ты дал им дом. Они крепкие мужчины и отличные воины."

Чубейн кивнул." Отправь их ко мне."

"Они придут к тебе завтра же," сказал Гавин. "Я только прошу об одной вещи. Попытайся не разделять отряд. Они прошли через многое вместе. Взаимосвязь делает их сильнее."

"Это будет нетрудно," ответил Чубейн. "Десятый Отряд Башни был уничтожен почти до последнего солдата проклятыми Шончан. Я пошлю несколько опытных офицеров к твоим парням и сформирую из них новый отряд."

"Спасибо," поблагодарил Гавин. Он кивнул на аппартаменты Эгвейн. "Следи за ней за меня, Чубейн. Я думаю она определенно хочет смерти."

"Это прежде всего мой долг защищать и поддерживать Амерлин. Но а как же ты?"

"Она ясно заявила, что ей не нужен Страж," сказал Гавин, его разум вернулся к вещам, которые ранее ему говорил Брин. Что он хотел, отдельно от Эгвейн? Возможно пришло время найти это. "Я думаю, наступило время навестить мою сестру."

Чубейн кивнул, и Гавин оставил его. Он направился в казарму, собрал свои пожитки - немного больше, чем просто смена белья и зимний плащ - затем добрался до конюшни и оседлал Вызова.

Гавин направил Вызова к площадке Перемещения. Эгвейн назначила Сестер дежурить здесь круглосуточно. Сегодня смену несла миниатюрная Нимри, Зеленая с сонными глазами, она не задала ему вопросов. Айз Седай открыла ему Врата на холме в

часе езды от Кеймлина.

Итак, он оставил Тар Валон - и Эвейн Ал'Вир - позади.

"Что это?" потребовал ответа Лан.

Пожилой Назар посмотрел от своей седельной сумки, кожаный хадори свисал с его покрытых пылью белых волос. Маленький ручеек журчал вблизи их лагеря в центре леса горных сосен. Эти сосны имели вполовину больше коричневых иголок чем следовало.

Назар заталкивал что-то в свою седельную сумку. и Лан случайно заметил высунувшийся кусочек золота. "Это?" спросил Назар. Он вытянул олежду наружу: сверкающий белый флаг с вышитым в центре золотым журавлем. Это была превосходная работа, с красивым шитьем. Лан был близок вырвать это из пальцев Назара и разорвать напополам.

"Я вижу такое выражение на твоем лице, Лан Мандрагоран," сказал Назар. "Так вот, твоему эгоизму не дотянуться до этого. Человек имеет право носить флаг своего королевства с собой."

"Ты - пекарь, Назар."

"Прежде всего, я Порубежник, сынок," сказал мужчина, убирая стяг подальше. "Это мое наследие."

"Ба!", поизнес Лан отворачиваясь. Остальные уже разбивали лагерь. Он с неохотой позволил трем новичкам присоединиться к нему - они были упрямы как кабаны и, в конце-концов, он уступил данному им обещанию. Он пообещал, что будет принимать последователей. Эти люди формально не просили его возможности ехать с ним - они просто стали его сопровождать. Этого было вполне достаточно. Тем более, если они собирались ехать в том же направлении, было бы неразумно разбивать два лагеря.

Лан продолжил вытирать лицо после утреннего умывания. Булен принес хлеба, готовя завтрак. Эта сосновая роща была в восточном Кандоре, они были недалеко от границы с Арафелом. Возможно он мог бы -

Он застыл. В их лагере появилось несколько новых палаток.Группа мужчин из восьми человек беседовала с Андере. Трое из них были с расплывшейся талией - не воины, что было заметно по их мягким одеждам, хотя, по всей видимости, они были Малкири. Остальные пять были Шайнарцами с хохолками на голове, кожаными наручами и короткими кавалерийскими луками, висевшие на спинах рядом с рукоятиями двуручных мечей.

"Что это?", потребовал ответа Лан.

"Вэйлин, Манаган и Гореннелин", ответил Андере, указывая на Малкири. "Остальные Куи, Джоао, Мерекель, Ианор, Куэн..."

"Я не спросил кто," произнес Лан ледяным голосом. "Я спросил что. Что вы здесь делаете?"

Андере пожал плечами. "Мы встретили их до встречи с Вами и сказали ждать нас возле Южного Тракта. Раким забрал их вчера вечером, пока Вы спали."

"Раким должен был быть на страже!", сказал Лан.

"Я постоял за него," ответил Андере. "Я полагаю, что мы будем рады этим людям."

Каждый из трех пухлых торговцев посмотрел на Лана, и они упали на колени. Они плакали, не скрывая своих слез. "Тай'шар Малкир." Пятеро шайнарцев отсалютовали Лану. "Дай Шан", произнес один из них. "Мы купили все, что смогли, для Золотого Журавля," добавил другой из купцов. "Все, что смогли собрать за такое короткое время. Это не так много," сказал третий. "Но мы так же вручаем Вам наши клинки. Возможно мы изнежены, но мы можем сражаться. Мы будем сражаться." "Я не нуждаюсь в том, что вы принесли," раздраженно произнес Лан. "Я..." "Прежде чем ты скажешь слишком много, старый друг", произнес Андере, положив руку Лану на плечо, "возможно, ты должен взглянуть на это." Он указал в сторону.

Лан нахмурился, услышав грохот. Он прошел через рощу, чтобы рассмотреть путь к лагерю. Две дюжины фургонов приближались, каждый из которых был доверху заполнен снабжением: оружием, мешками с зерном, палатками. Глаза Лана широко распахнулись. Добрая дюжина боевых лошадей тащились линией и могучие волы тянули повозки. Возчики и слуги шли рядом с ними.

"Когда они сказали, что продали все что могли и закупили на выручку снабжение", произнес Андере, "они имели ввиду именно это."

"Мы просто не сможем двигаться со всем этим!" воскликнул Лан.

Андер пожал плечами.

Лан глубоко вздохнул. Отлично. Ему следует с этим поработать. "Тихо передвигаться у нас всё равно бы не получилось. С этого момента мы будем изображать караван, доставляющий припасы в Шайнар."

"Но..."

"Вы поклянётесь мне," сказал он, поворачиваясь к мужчинам. "Каждый из вас поклянётся не раскрывать, кто я, и не посылать вестей кому-либо ещё, тем кто хочет найти меня. Вы поклянётесь в этом."

Было похоже, что Назар возразит, но Лан заставил его промолчать, поглядев строго. Один за другим они поклялись.

Пятеро превратились в десятки, но кончится ли этим.

Глава 24

Выстоять

"Постельный режим", - объявила Мелфани, поднимая голову от деревянной трубки, приставленной к груди Илейн. Акушерка была невысокой, круглощекой женщиной, которая сегодня повязала свои волосы полупрозрачной голубой косынкой. Ее опрятное платье было настолько белым и небесно-голубым, как будто бы бросало вызов вечно пасмурному небу.

"Что?" спросила Илэйн.

"Неделю", сказала Мелфани, наставив толстый палец на Илэйн. "Не вставать на ноги одну неделю."

Илейн заморгала, ошеломленная настолько, что даже ее слабость на мгновение отступила. Мелфани удовлетворенно улыбнулась, приговорив Илэйн к невозможному наказанию. Постельный режим? Целую неделю?

Бергитте стояла в дверном проеме, Мэт в комнате позади нее. Он вышел, пока Мелфани ее обследовала, но иначе он бы слонялся около нее, оберегая ее почти также, как Бергитте. Судя по их манере говорить никогда не подумаешь, что оба заботятся о ней, в то время, как они сыпали проклятьями, стараясь превзойти друг друга. Илейн узнала для себя парочку новых. Кто знал, что те сороконожки делают такие вещи?

Её дети были в безопасности, насколько могла сказать Мелфани. Это выло самым важным. "Постельный режим, конечно, невозможен," сказала Илейн. "Мне надо слишком много всего сделать."

"Хорошо, это необходимо будет сделать, находясь в постели," ответила Мелфани доброжелательно, но абсолютно непререкаемо. "Твое тело и твой ребенок пережили большое потрясение. Им нужно некоторое время, чтобы восстановиться. Я буду навещать тебя и следить, чтобы ты следовала строгой диете."

"Но.....",

"Я не буду слушать никаких оправданий", прервала Мелфани.

"Я КОРОЛЕВА" раздраженно промолвила Илейн.

"А я акушерка королевы", по-прежнему спокойно ответила Мелфани. "Нет солдата или слуги в этом дворце, который не будет помогать мне, если я решу, что твое здоровье — и твоего ребенка — находится в опасности." Она встретила взгляд Илэйн. "Вы хотите проверить мои слова, Ваше Величество?"

"Илэйн съежилась, представив свою гвардию, запрещающую

ей покидать свои покои. Или, что еще хуже, связывающую ей ноги. Она взглянула на Бергитте, но наткнулась на довольный кивок. "Это, самое меньшее, что ты заслужила," казалось говорил ее кивок.

Илейн разочарованно откинулась на спинку кровати. Это был массивный балдахин, оформленный в краснобелых тонах. В комната была роскошной, искрящейся различными творениями из хрусталя и рубина. Словно самая настоящая прекрасная позолоченная клетка. Свет! Это было нечестно! Она смяла перед своего халата.

"Я вижу, что ты не собираешься спорить," сказала Мелфни, вставая с кровати. "И проявишь мудрость". Она взглянула на Бергитте. "Я разрешаю обсудить вам с Генерал-капитаном события вечера, но не более получаса, заметьте. Побереги себя"

"Но..."

Мелфэйн погрозила пальцем, еще раз. "Полчаса, Ваше величество. Ты женщина, а не буйвол на пашне. Тебе нужен отдых и уход". Она повернулась к Бергитте. "Не расстраивайте ее чрезмерно."

"И не думаю", сказала Бергитте. Ее гнев был наконец-то начал стихать, сменяясь весельем. Невыносимая женщина.

Мелфани вышла из комнаты. Бергитта осталась там, где была, глядя на Илейн прищурив взгляд. Недовольство все еще кипело в ней. Они долго смотрели друг на друга.

"И что мне делать с тобой, Илэйн Траканд?" наконец спросила Бергитте. "Запереть меня в спальне," съязвила Илэйн. "Не плохое решение".

"Ты бы заперла меня здесь навсегда?" спросила Илэйн. "Как Эльфины, в сказке, запертые и забытые на тысячу лет в башне?" Бергитте вздохнула. "Нет, но приблизительно полгода возможно и подлечили бы мои нервишки".

"У нас нет на это времени", ответила Илэйн. "У нас на многое нет времени, в эти дни. Приходиться рисковать".

"Рисковать, - королева Андора одна против толпы черных Айя? Ты, как опьяненный кровью идиот на поле боя, оторвавшийся от своих и ищущий смерть, отбросивший все мысли о своей защите."

Илэйн зажмурилась, в ответ на гнев женщины.

"Разве ты не доверяешь мне, Илэйн? спросил Бергитте. "Ты бы избавилась от меня, если бы могла?"

"Что? Нет! Конечно, я тебе доверяю".

"Тогда почему бы тебе не помочь мне? Я не должна быть сейчас здесь. Так сложились обстоятельства. Ты сделала меня своим Стражем, но не позволяешь мне защитить тебя! Как я могу

быть твоим телохранителем, если ты не говоришь мне, когда ставишь себя в опасность? "

Илэйн поймала себя на мысли, что хочет с головой уйти под одеяло, подальше от этих глаз. Почему Бергитте было так больно? Это Илэйн была ранена!"Если это, что-то значит для тебя," сказала Илэйн, "я не собираюсь делать это снова."

"Нет, но натворишь еще что-нибудь, такое же безрассудное".

"Я только хочу сказать, что намерена впредь быть долее осторожна. Ты наверно права, и охрана не гарантирует полную безопасность. И не помешала мне запаниковать, когда я почувствовала реальную опасность."

"Ты не почувствовала реальную опасность, когда черные Айя схватили тебя и попытались увезти?"

Илэйн колебалась. Она должна была испытывать тогда страх, но его не было. И не только из-за предсказаний Мин. Черные Айя никогда бы не убили ее, не при таких обстоятельствах. Она была слишком ценна для них.

Она вновь ощутила, как нож входит в ее спину, проникает под кожу, тянется к ее деткам... Сейчас, все, что произошло, наполнило ее ужасом. Она вспомнила, как погружалась во тьму, как громко забилось при этом ее сердце, словно барабаны, перед приходом полной тишины.

Бергитте рассматривала Илэйн оценивающе. Она могла чувствовать эмоции Илейн. Она была королевой. И не могла избежать рисков. Но. . . Может быть, она может сдержать себя хоть на дюйм?

"Хорошо," сказала Бергитте, "Ты по крайней мере обнаружила что - нибудь?"

"Я обнаружила," сказала Илэйн. "Я..."

В этот момент, обернутая шарфом голова появилась в дверном проеме. Мэт с закрытыми глазами. "Ты одета?"

"Да," сказала Илэйн. "И намного более лучшим способом чем Вы, Мэтрим Коутон. Этот шарф выглядит смешно."

Он нахмурился, открывая глаза и стаскивая шарф, показывая угловатое лицо из под него. "А вы попробуйте пройти через город чтобы вас неузнали" . "Все эти дни, каждый мясник, владелец гостиницы и проклятые шпионы, кажется, знают, как я выгляжу ." "Черные сестры планировали убить тебя," сказала Илэйн.

"Что?" спросил Мэт.

Илейн кивнула. "Одна из них упомянула твое имя. Это прозвучало так, как будто бы друзья Темного уже некоторое время искали тебя, чтобы убить".

Бергитте пожала плечами. "Они - друзья темного. Без сомнения, они хотят нас всех умертвить."

"Есть разница", - сказала Илейн. "Кажется, здесь кроется нечто более значимое. Предлагаю подумать об этом в следующий раз".

"Это обман," - заметила Бергитте. "Создается видимость того, что он не продумал все заранее."

Мэт закатил глаза. "Ты забыла мне объяснить, что делала в этой треклятой тюрьме, сидя в луже своей собственной крови, с видом упустившего цель и ждущего удара теперь отовсюду лучника?"

"Я допрашивала Черных Айя," - ответила Илейн. "Детали тебя не касаются. Бергитте, у тебя есть отчет с постов?"

"Никто не видел, как Меллар сбежал," - ответила страж. "Хотя мы нашли тело секретаря на полу в коридоре, еще теплое. Умер от удара ножом в спину."

Илейн вздохнула. "Шайан?"

"Пропала," - ответила Бергитте, - "одновременно с Марилин Гемалфин и Фалион Бода."

"Тень не могла оставить их в нашем плену, " - вздохнула Илейн. "Они знали слишком много. У них был выбор: или спасаться, или быть казненными."

"Ну", сказал Мэт, пожимая плечами, "Ты жива, а три из них мертвы. По моему - неплохой результат. "

Но те, кто сбежал прихватили копию медальона, подумала Илэйн. Однако, она не сказало это, также не сказала, что Чесмал говорила о вторжении. Она хотела поговорить об этом с Биргитте в ближайшее время, но сначала она хотела обдумать это сама.

Мэт заметил, что события это ночи привели к "достаточно хорошим результатам." Но чем больше Илэйн думала об этом, тем больше была недовольна. Намечается вторжение в Андор, но она не знает когда. Темный хочет смерти Мэта, но как заметила Бергитте - это не новость. В самом деле, у событий этого вечера был только один результат - чувство усталости Илейн. Да еще и неделя домашнего ареста.

"Мэт," - сказала она, возвращая его медальон. "Возьми, самое время его отдать. Знаешь, он, возможно, спас мне жизнь."

Он быстро подошел и с нетерпением забрал его, но потом помедлил. "Если бы ты могла..."

"Скопировать его? Не в полной мере, только в некоторой степени."

Он надел его, глядя при этом озабоченно. "Хорошо. Наверное, и правда пора его забрать. Я бы хотел у тебя кое-что спросить. Хотя сейчас, возможно, не самое подходящее время."

"Спрашивай," - сказала Илейн устало. "Все нормально."

"Хорошо. Речь о голаме..."

“Из города были высланы большинство гражданских,” сказал,

Джоэл когда он и Итуральде шли через ворота Марадона. “Мы близко к Запустению; это не первый раз, когда мы проводим эвакуацию. Моя сестра Сигрил, возглавляет Последних всадников, которые будут вести наблюдение от горного хребта и на юго-восток и пошлют сообщение, если мы падем. Она пошлет сообщение на наши смотровые башни на границе Салдеи, прося помощи. Она зажжет сторожевой огонь, если они прибудут, что бы мы были готовы.

Худой человек с мрачным лицом смотрел на Ируальде. ”Будет не очень много войск, которые бы смогли прийти нам на помощь. Королева Тенобия взяла очень много с собой, когда поехала искать Дракона Возрожденного.”

Итуральде кивнул. Он шел не хромая – Антаил, один из Ашаманов, был довольно искусным в Исцелении. Во внутреннем дворе, возле городских ворот, его люди сделали лагерь на скорую руку. Палатки, которые они оставили, захватили Троллоки, потом зажгли их ночью. Чтобы осветить свое пиршество над ранеными. Некоторых солдат Итуральде разместил в пустых зданиях, остальных поближе к воротам на случай атаки.

Ашаманы и Айз Седай работали Исцеляя солдат Итуральде, они обращали внимание на самые тяжелые случаи. Итуральде кивнул Антаилу, который работал с раненым, на участке площади огражденном веревкой. Антаил не увидел кивка. Он сконцентрировался, покрывшись испариной, Работал с Силой, о которой Итуральде не хотел даже думать.

“Вы действительно хотите видеть их?“ спросил Джоэл. Он проводил взглядом кавалеристов с длинными пиками на плечах, к наконечникам которых был прикреплены треугольные черно-желтые вымпела. В Салдэйе его называли Флаг Предателя.

Город ощетинился враждебностью, разными группами Салдейцев, относящимися с враждебностью друг к другу. Многие носили сплетенные полосы черной и желтой ткани, обвязывая ими ножны. Они кивнули Джоэл.

Desya gavane cierto cuendar isain carentin, подумал Итуральде. Фраза на Древнем Наречии. Это переводилось “Решительное сердце стоит десяти аргументов”. Он мог догадаться о том что означал этот вымпел. Иногда человек знал то, что он должен делать, хотя это казалось неправильным. Какое-то время они вдвоем шли по улицам. Марадон походил на большинство городов Приграничья; прямые стены квадратные здания, узкие улицы. Здания были похожи на форты с маленькими окнами и крепкими дверями. Улицы расположены странным образом, и не было нигде соломенных крыш, только огнеупорная черепица. На некоторых перекрестках невозможно было различить высохшую

кровь на темной брущатке, но Ируальде знал что искать. Спасение от Джоэла прибыло после борьбы среди Салдейцев.

Они подошли к невзрачному зданию. Не один посторонний не смог бы теперь узнать что когда-то этот дом принадлежал Враму Торкумену, дальнему родственнику королевы, который был назначен Лордом города в ее отсутствие. Солдаты на дверях носили черное с желтым. Они отдали честь Джоэлу.

Внутри Итуральде и Джоэл поднялись по узкой лестнице на третий этаж. Практически везде присутствовали солдаты. На верхнем этаже, четверо мужчин, носящие цвета Предателя, охраняли большую, инкрустированную золотом дверь. В приемной было темно: узкие окна, ковер в черных, зеленых и красных тонах.

“Есть чтото новое, Тарран?” спросил Джоэл

“Ничего нет, сэр,“ ответил мужчина. Салютуя. Он носил длинные усы и имел кривые ноги человека , которому удобно в седле.

Yoeli кивнул. "Спасибо, Таран. За то, что ты сделал."

“Я с вами, сэр. И буду до конца.”

“Держи глаза на север, а сердце к югу, мой друг” сказал Джоэл, глубоко вздохнув и открывая дверь. Итутальде прошел следом.

В комнате, Салдэйец в богатой красной одежде сидел около очага, потягивая чашку вина. Женщина в прекрасном платье вышивала на стуле напротив него. Ни один не посмотрел на вошедших.

"Лорд Торкумен," сказал Джоэл. "Это Родел Итуралде, командующий Доманийской армией."

Человек у очага вздохнул над своим бокалом вина. "Вы не стучите, не ждете, пока я обращусь к вам первый, вы пришли в час, который, как вам было сказано, необходим мне для спокойных размышлений".

Действительно, Врам ", сказала женщина:" Вы ожидаете хороших манер от этого человека?

Сейчас?"

Джоэл спокойно взялся за рукоятку своего меча. В комнате беспорядочно громоздилась мебель: Кровать, которой здесь явно было не место, несколько столов и платяные шкафы.

"Итак," продолжил Врам, "Родел Итуралде. Ты один из великих полководцев. Я должен соблюсти формальность, и спросить вас, хотя понимаю, что это может быть оскорбительно. Вы понимаете, что введя войска на наши земли, вы рисковали, спровоцировать войну между нами?»

«Я служу Возрожденному Дракону», сказал Итуралде.

«Приходит время Последней Битвы, и все предыдущие разногласия, границы и законы, принадлежат Дракону.»

Врам прищелкнул языком. «Присягнувшие Дракону, я слышал донесения конечно – и тех людей, которых вы нанимаете, это был очевидный намек. Но странно слышать такие вещи от Вас, как глупо это звучит?»

Итуральде встретил взгляд мужчины. Он не считал себя Присягнувшим Дракону, но не было никакого смысла в том, чтоб называть лошадь горою и ждать, что все с этим согласятся. “Разве Вас не тревожит вторжение Троллоков?”

"Троллоки были раньше," ответи Варм. "Троллоки были всегда."

"Королева - " сказал Джоэл.

"Королева",прервал Врам ", скоро вернется из своей миссии, направленной на разоблачение и поимку этого лжеДракона. Как только это произойдет, она пожелает твоей казни, предатель. Вас, Родел Итуралде, вероятно, пощадят из-за вашего положения, но Я не хотел бы быть на месте вашей семьи, когда они получат требование о выкупе. Я надеюсь, у вас есть богатство соответствующее вашей репутации. В противном случае, вы похоже, потратите еще долгие годы будучи генералом всего лишь крыс в вашей камере. "

"Я понял", сказал Итуралде. "Когда ты перешел на сторону тени?"

Глаза Врама широко раскрылись и застыли. "Ты смеешь называть меня другом Темного?"

«Я знал некоторых салдэйцев в свое время», сказал Итуралде. «Некоторые были моими друзьями, против других я сражался. Но я никогда не встречал таких, которые будут смотреть на сражающихся с созданиями Тени, и не предложат свою помощь.»

"Если бы у меня был меч..." сказа Варм.

“Чтобы ты сгорел, Врам Торкумен,” сказал Итуральде. “Я пришел сюда, чтобы сказать тебе это, от имени людей которых я потерял.”

Человек казался потрясенным, Итуралде повернулся чтобы уйти. Джоэли, присоединился к нему, открывая закрытую дверь

"Вы не согласны с моим обвинением?" спросил Итуралде, присоединившись к Джоэлу(предателю), как они вышли на лестницу.

"Я не могу определится, он дурак или приспешник Темного," сказал Джоэл. "Он должен быть или тем или другим, чтобы не сложить воедино зиму, что была, эти облака, и слухи, что АлТор захватил половину миру.»

"Тогда вам нечего бояться", сказал Итуралде. "Вас не казнят."

"Я убил своих соотечественников", сказал Джоэл, "руководил восстанием против человека, которого оставила вместо себя королева, и захватил командование городом, хотя во мне нет ни капли благородной крови."

"Все это будет выглядеть по-другому когда вернется Тенобия, я гарантирую," сказал Итуральде. "И, наверняка, Вы теперь удостоитесь титула"

Джоэл остановился на темном участке лестницы, освещенной с низу и с верху. "Я вижу, что вы не понимаете. Я изменил присяге и убил друзей. Я буду требовать суда, это мое право".

Итуральде пробил озноб. "Чертовы Порубежники", мелькнуло у него в голове. "Присягните Дракону. Он отменяет все клятвы. Не тратьте свою жизнь впустую. Сражайтесь рядом со мной в Последней Битве."

"Я не стану оправдываться, Лорд Итуральде," сказал мужчина, продолжая спускаться. "Так же точно как я не стал наблюдать, как Ваши люди умирали. Давайте посмотрим как разместились Ашаманы. Я бы очень хотел увидеть эти Врата, о которых Вы говорите. Если бы мы могли использовать их, чтобы отсылать сообщения и получать поставки, это могло бы сделать осаду действительно очень интересной."

Итуралде вздохнул, и продолжил путь. Он не говорит об отступлении с помощью врат. Джоэл не откажется от своего города. И он, Итуралде, не откажется от Джоэл и его людей. Не после того, что они пережили, чтобы спасти его и его людей.

Здесь было хорошее место, что бы дать отпор. Наверняка получше, чем другие места его последних сражений.

* * *

Перрин вошел в их палатку и нашел Фэйли расчесывающей волосы. Она была красива. Перрин все еще каждый день испытывал удивление, что она действительно вернулась.

Она повернулась к нему и удовлетворенно улыбнулась. Она использовала новый серебряный гребень, который он оставил на ее подушке. Он обменял его у Гаула, который нашел его в Майдене. Если этот шанна'хар так важен для нее, тогда Перрин собирался угодить ей подобным образом.

"Послы вернулись", сказал Перрин, закрывая полог палатки. "Белоплащники выбрали поле для битвы. Свет, Фэйли! Они хотят заставить меня уничтожить их."

"Не вижу в этом никакой проблемы", ответила она. "Мы победим."

"Возможно," - ответил Перрин, садясь на подушки рядом с их ложем. "Но несмотря на то, что ашаманы проделают большую часть работы, нам нужно будет драться. А это значит, что

погибнут люди. Хорошие люди нужны в Последней битве." Он заставил себя разжать кулаки.

"Сожги Свет Белоплащников за все, что они сделали и что еще сделают".

"Тогда это прекрасная возможноть нанести им поражение."

В ответ Перрин лишь проворчал, не став объяснять глубину испытываемых им переживаний. Битва против Белоплащников будет проиграна при любом исходе. Люди с обоих сторон погибнут. Люди, которые им нужны.

Снаружи сверкнула молния, отбросив тени на полотняном потолка. Фейли подошла к их дорожному сундуку и достала свою пижаму и отложила халат для него. Фейли считала, что у лорда должен быть халат, в любом случае он был полезен ночью. К данному времени она уже несколько раз оказывалась права.

Она прошла мимо него и пахла взволнованно, хотя ее лицо выглядело веселым. Он испробовал все варианты для мирного разрешения дел с Белоплащниками. Все шло к тому, хотел он этого или нет, что его жребием скоро опять будут убийства.

Он разделся до белья и лег, начиная засыпать еще до того, как Фэйли закончила переодеваться.

Он вступил в волчий сон ниже большого меча, пронзившего землю. В отдалении он мог разобрать холм, названный Гаулом "прекрасной точкой обзора". Лагерь был разбит за ручьем.

Перрин повернулся и побежал в сторону лагеря Белоплащников. Они стояли словно дамба на реке, препятствуя его продвижению вперед.

"Прыгун?", позвал он, оглядывая лагерь Белоплащников, пока платки стояли в открытом поле. Ответа не было, так что Перрин еще немного поисследовал лагерь. Балвер не смог узнать печать, описанную Перрином. кто же возглавлял этих Белоплащников?

Час или больее спустя, Перрин так и не пришел к выводу. Тем нее менее, он был практически уверен в том, в каких же палатках держат припасы; они не так хорошо охраняемы как пленники, и, используя врата, он мог их сжечь.

Может быть. Письма их Лорда Капитан-Коммандора были наполнены фразами вроде: "Я несу добро твоему народу, полагая, что они не знают о твоей природе", и "Мое терпение истощается из-за твоих задержек", и "Есть только два выхода. Сдавайся для суда, или твою армию постигнет Правосудие Света".

Было странное чувство собственного достоинства в этом человеке, однажды Перрин уже видел намеки на это во время их встречи, теперь он смог ощутить это даже через письма. Но кем он был? Он подписал каждое письмо только “ Лорд Капитан Командор, командующий Детьми Света.”

Перрин переместился на дорогу. Где Прыгун? Перрин побежал в припрыжку. Через несколько мгновений он уже бежал по траве. Земля была настолько мягкой, каждый шаг пружинил, подбрасывая его ногу обратно в воздух. Он потянулся мыслью и что-то ощутил на юге. Он рванул в ту сторону; ему хотелось попасть туда побыстрее. Деревья и холмы проносились мимо. Волки знали о нем. Это была стая Дубового танцора, Безграничный, Искры, Утреняя Зорька, и другие. Перрин чувствовал, как они послали друг другу, отдельные изображения и запахи. Перрин двигался все быстрее, чувствуя как ветер начал реветь вокруг него. Волки начали уходить на юг. Ждите! Послал он. Должен встретится с вами.

Они вернули только развлечение. Внезапно они появились на востоке, и он остановился. Как он знал, он бежал очень быстро, но когда добрался до места, то оказалось что они в другом месте. Они переместились, исчезая на юге и появляясь на севере от него.

Перрин зарычал, и вдруг оказался на четвереньках. Ветер обдувая его мех шипел. Раскрыв пасть он бросился на север. Но волки все также оставались далеко впереди.

Он взвыл. Они отправляли ему насмешки.

Он заставил бежать себя быстрее, прыгая с вершины холма на вершину, перепрыгивая через деревья, земля превратилась в размытое пятно. Неожиданно, с лева от него возникли Горы Тумана, он быстро их проскочил.

Волки свернули на восток. Почему он не мог их догнать их? Он чувствовал их запах впереди. Молодой Бык выл на них, но не получал ответа.

Не перестарайся, Юный Бык

Юный бык затормозил и мир покачнулся вокруг него. Основная стая продолжила путь на восток, но Прыгун сидел на задних лапах возле изгиба большого ручья. Юный бык бывал здесь раньше, он был рядом с логовом своих предков. Он путешествовал по реке сидя на спине одного из людских плавающих деревьев. Он -

Нет... нет... помнить про Фэйли!

Его шерсть превратилась в одежду, и он оказался стоящим на руках и коленях. Он посмотрел на Прыгуна. "Почему ты убежал?" потребовал ответа Перрин.

Ты хочешь учиться, пришло послание от Прыгуна. Ты становишься более опытным. Быстрее. Ты бежал и размял ноги. Это хорошо.

Перин оглянулся назад, откуда он пришел, думая о своей скорости. Он прыгал с вершины холма на вершину холма. Это было великолепно. «Но мне приходится становится волком, чтобы

это делать», сказал Перин. «И это угрожает, что здесь я стану им - слишком сильно. Какая польза от обучения, если мне приходится делать, то что запрещено?»

"Ты скор на обвинения, Юный бык." Молодой волк воет и тявкает за пределами стаи, создавая шум. Это не сущность волков.

Прыгун исчез.

Перин, проворчал, глядя на восток, где он чувствовал волков. Он будет следовать за ними, более осторожно. Он не мог позволить, чтобы волк поглотил его. Он мог стать как попавший в клетку Ноам, потерявший человеческую сущность. Но зачем Прыгун толкае его к этому?

Это не сущность волков. Он имел в виду обвинение, или же то что происходит с Перрином?

Все остальные знали, что охота окончена, Юный Бык, передал Прыгун издалека. Только тебя пришлось останавливать.

Перрин замер, тормозя на берегу реки. Охота на белого оленя. Неожиданно, Прыгун появился рядом с ним у реки.

"Это началось, когда я начал чувствовать волков", послал Перрин . "Первый раз, когда я потерял контроль над собой, был с теми Белоплащниками".

Прыгун лег, положив голову на лапы. Часто ты слишком глубоко погружаешься сюда, передал волк. Вот что ты делаешь.

Прыгун говорил ему, это, время от времени, с самого начала знакомства с этим волком и волчьим сном. Но внезапно, Перрин увидел здесь новый смысл. Это было сказано о погружении в волчий сон, но также и о самом Перрине.

Он винил волков за то, что делал в бою, за то, как вел себя при поиске Фейли. Но были ли волки причиной этого? Или это какая-то часть его? Возможно ли, что именно она стала первопричиной его превращения в волчьего брата?

"Возможно ли," сказал Перрин , "бежать на четырех ногах, но не погружаться сюда слишком сильно?

Конечно, возможно, послал Прыгун, посмеиваясь, по способу волков, как если бы Перрин обнаружил очевиднейшую вещь на свете. Может, так и было.

Может быть, он не был похож на волка, потому что он был волчьим братом. Может быть, он был волчьим братом потому что он походил на волков. Ему не нужно было их контролировать. Ему следовало контролировать себя.

"Стая."-спросил Перрин,-"Как мне догнать их? Двигаться быстрее?"

"Это один из способов. Другой-- оказаться там, где хочешь."

Перрин нахмурился. Затем он закрыл глаза, используя

направление в котором бежали волки, где они будут. Что-то изменилось.

Когда он открыл глаза, он стоял на песчаном холме, пучки длинной травы лезвиями выглядывали из почвы. Огромная гора со сломанной вершиной, разрушенной так, как если бы, по ней хлопнула бы рука гиганта - возвышалась справа.

Стая волков вырвалась из леса. Многие из них смеялись- Юный Бык, охотится, когда охота должна заканчиваться! Юный Бык, заканчивает охоту, в то время как он должен наслаждаться ей! Он улыбнулся, стараясь почуять за едким смехом теплое отношение к себе, хотя на самом деле он чувствовал себя почти так же, как в день, когда его двоюродный брат Вил набрал ведро мокрых перьев и высыпал на Перрина.

Что-то порхало в воздухе. Куриное перо. Влажное с края.

Перрин начал понимать, что они были разбросаны вокруг него на земле. Как только он моргнул, они исчезли. Волки пахли так, вроде их это забавляло, они отправили изображения бычка посыпанного перьями.

Потеряешься в мечтах здесь, Юный Бык, послал Прыгун, и эти мечты становятся здесь реальностью.

Перрин почесал бороду, одолеваемый смущением. Он и раньше испытывал на себе непредсказуемый характер волчьего сна. "Прыгун", сказал он, обращаясь к волку. "Насколько я могу изменить свое окружение, если захочу?"

Если захочешь? передал Прыгун. Дело не в том, что ты хочешь, Юный бык. А в том, что тебе нужно. Что ты знаешь.

Перрин нахмурился. До сих пор, бывает, он не понимает послания волков.

Вдруг, другие волки в группе повернулись - как один - и посмотрели на юго-запад. Они исчезли.

Они прошли здесь. Прыгун послал образ далекой лесистой котловины. Волк приготовился последовать.

"Прыгун!" сказал Перрин, выступая вперед. "Как ты узнал? Куда они пошли? Разве они сказали тебе?"

Нет. Но я могу следовать.

"Как?" спросил Перрин?

"Это то, что я всегда знал", отправил Прыгун. Как ходьба. Или прыжки.

"Да, но как?"

От волка путано пахло. «Это аромат», наконец он ответил, «хотя аромат, более сложен, чем это. Это чувство, впечатление и запах в одном.»

"Уйди куда-то", сказал Перрин "Позволь мне попробовать последовать за тобой"

Прыгун исчез. Перрин подошел к тому месту, где был Прыгун.

Обнюхай его, передал ему Прыгун. Он был достаточно близко, чтобы послать сообщение. Рефлекторно Перрин переместился. И нашел дюжину волков. На самом деле он был удивлен тем, как много их здесь было, на склоне Драконовой горы. Перрин никогда ранее не чувствовал такого большого количества собравшихся в одном месте волков. Почему они здесь находятся? И действительно ли небо в этом месте выглядит более бурным, чем в других местах волчьего сна?

Он не чувствовал Прыгуна. Волк каким-то образом закрылся от него, не давая Перрину обнаружить себя. Перрин сел. Принюхайся, передал Прыгун вновь. Как? Перрин закрыл глаза и позволил запахам этого места достигнуть своего носа. Сосновые шишки и заболонь, перья и листья, болотный мирт и болиголов.

И... что-то еще. Да, он чувствовал что-то еще. Казалось, некий отдаленный, устойчивый запах исходит от этого места. Множество запахов одного и того же - той же самой плодородной природы, тех же самых здоровых деревьев. Но кроме того, ощущалась примесь запаха мха и мокрого камня. Воздух был другой. Пыльца и цветы.

Перин плотно сжал глаза, глубоко задышал. Так или иначе, он создал в уме картинку из этих запахов." Процесс не отличался от способа создания и передачи волкам слов.

Туда, подумал он. Что-то изменилось.

Он открыл глаза. Он сидел среди обнаженных корней сосны, он был на склоне Драконьей горы, в нескольких часах ходу, по сравнение с тем, где он находился. Каменная кладка была покрыта лишайником, и он выступала над деревьями росшими ниже. На небольшом участке вырос подснежник, там где солнечный свет мог достичь цветов. Было приятно видеть цветы, которые не были увядшими или мертвыми, пусть и в волчьем сне.

Ну давай, отправил Прыгун. Следуй.

И он исчез.

Перин закрыл глаза, так было легче выполнять упражнение. Дуб и трава, грязь и влажность. Казалось, каждое место имеет свой собственный неповторимый запах.

Перринсдвинулся, открыл глаза. Он припал к земле в поле рядом с Джеханахским Трактом. Здесь стая Дубового Танцора прошла немного раньше, и Прыгун ходил по лугу, пахнущий любопытством. Стая ушла, но они были намного ближе.

“Смогу ли я делать это всегда?” спросил Перрин Прыгуна. “чувствовать запах в волчем сне?”

Любой может, сказал Прыгун. Если он будет иметь волчий

нюх. Он усмехнулся.

Перрин задумчиво кивнул.

Прыгун вернулся, к нему, обратно на луг. Мы должны практиковаться, Юный Бык, ты все еще щенок с короткими ногами и мягким мехом. Мы -

Прыгун вдруг замер.

"Что случилось?" спросил Перрин.

Волк вдруг взвыл от боли. Завертелось в голове Перрина. Эта была Утренняя Зорька. Вой оборвался, и мысли волка замерцали и пропали.

Прыгун зарычал, его аромат состоял из паники, гнева и печали.

"Что это было?" потребовал ответа Перрин.

На нас охотились. Иди, Юный Бык! Мы должны идти.

мысли других членов стаи отдалились. Перрин зарычал. Когда волк умирает в волчьем сне, он умирает навсегда. Нет другой жизни, нет бега с носом по ветру. Только один мог охотится на души волков. Губитель.

Юный Бык! послал Прыгун. Мы должны идти!

Перрин продолжал рычать. Утренняя заря послала последнюю вспышку удивления и боли, ее последний образ мира. Перрин воссоздал картину из этой путаницы. Потом закрыл глаза.

Юный Бык! Нет! Он...

Перемещение. Распахнув глаза, Перрин обнаружил себя на маленькой поляне. Где-то недалеко - в реальном мире - его люди разбили лагерь. Мускулистый смуглый человек с темными волосами и голубыми глазами сидел на корточках в середине поляны. У его ног лежало тело волка. У Губителя были толстые руки и запах совсем не похожий на человеческий, как-будто бы человека смешали с камнем. На нем был темный плащ, кожа и черная шерсть. Пока Перрин рассматривал его, убийца начал снимать с волка шкуру .

Перрин бросился вперед. Губитель удивленно поднял голову. Он напоминал Лана в его наиболее жутком образе, его жесткое лицо, будто бы сплошь состояло из углов и резких линий. Перрин взревел. В его руках, вдруг, появился молот.

Губитель исчез в одно мгновение, и молот Перрина с шумом вспорол пустой воздух. Перрин глубоко дышал. Запах все еще был здесь! Морская вода, и дерево, мокрое от воды. Чайки и их помет. Перрин использовал свою новую способность, чтобы броситься в погоню к этому далекому месту.

Перемещение.

Перрин оказался на пристани незнакомого города. Губитель стоял рядом, внимательно осматривая свой лук.

Атака. Губитель поднял голову, глаза широко распахнуты, запах выдает удивление. Он поднял лук, чтобы защититься, но удар Перрина разбил его вдребезги.

С ревом Перрин занес оружие над головой для нового удара, на этот раз по голове Губителя. Странно, Губитель улыбался, в темных глазах мерцали искры развлечения. Внезапно, его запах переменился на жаждущий. Жаждущий убийства. Мечом, появившимся в поднятой руке, он блокировал удар Перрина.

Молот отскочил так, как-будто бы он столкнулся с камнем. Перрин оступился, и Губитель приблизился, положив свою руку на плечо Перрина. Толкнул.

Его сила было просто невероятной. Толчок опрокинул Перрина назад на пристань, но дерево исчезло, когда он упал. Перрин пролетел сквозь пустой воздух и плюхнулся в воду внизу. Его рев сменился бульканьем, темная жидкость заполняла его легкие.

Он боролся, бросив молот и стараясь всплыть, но обнаружил, что поверхность воды необъяснимым образом стала льдом. Появившиеся из глубины веревки, обвили его руки, затягивая вниз. Сквозь лед, он мог видеть двигающуюся тень. Губитель поднимал свой восстановленный лук.

Лед исчез, а с ним и часть воды. Вода стекала с Перрина, а он смотрел, глядя на острие стрелы, нацеленной прямо ему в сердце.

Губитель выстрелил.

Перрин захотел переместиться.

Сдвиг. Он задыхался, внезапно он оказался у камня, где был с Прыгуном. Перрин упал на колени, с него стекала морская вода. Он сплюнул, вытирая лицо, его сердце бешено колотилось.

Прыгун возник за ним, задыхаясь, от него исходил запах гнева. "Глупый щенок! Гнаться за львом, едва лишь научившись ходить?"

Перрин вздрогнул и сел. Погонится ли Губитель за ним? Он способен? Прошло около минуты, но никто не появился. Перрин немного успокоился. Схватка с Губителем произошла так быстро, что все было как в тумане. Эта сила... гораздо больше, чем может любой человек. И этот лед, веревки...

"Он мог менять вещи,"-произнес Перрин. "Он заставил пирс подо мной исчезнуть, создал веревки, чтобы связать меня, управлял водой так, чтобы выстрелить в меня без промаха."

"Он лев. Убийца. Опасный."

"Мне необходимо научиться. Я должен сразиться с ним, Прыгун."

"Ты слишком молод. Все это слишком сложно для тебя."

"Слишком молод?"-ответил Перрин. "Прыгун, Последняя

Битва уже совосем рядом!"

Прыгун лег, положив голову на лапы.

"Ты вечно говоришь мне, что я слишком молод,"- сказал Перрин. "Или что я не знаю, что делаю. Что ж, зачем тогда учить меня, если не объяснять как сражаться с такими, как Губитель?"

"Посмотрим,"- отправил Прыгун. "Сегодня тебе пора. Мы закончили."

Перрин почувствовал скорбный оттенок послания, а также некое чувство бесповоротности. Сегодня, стая Дубового Танцора и Прыгун похоронят Утреннюю зарю.

Вздохнув, Перрин сел, скрестя ноги. Он сконцентрировался и попытался повторить то, что сделал Прыгун, когда выталкивал его из сна.

Все вокруг померкло.

Он проснулся на кровати в своей палатке. Фейли прижималась к нему; Перрин лежал некоторое время, уставившись в потолок. Темнота напоминала ему грозовое небо в волчьем сне. Сон был также далек как и Кеймлин.

В конце концов он встал-- аккуратно отодвигаясь от Фейли-- и надел брюки и рубашку.

Снаружи лагерь был погружен в темноту, но для его глаз света было достаточно. Он кивнул Кенли Маэрину и Джиму Доутри, парням из Двуречья, охранявшим его палатку этой ночью.

"Сколько сейчас времени?"-спросил он одного из них.

"За полночь, лорд Перрин."-ответил Джим.

Перрин хмыкнул. Молнии вдали освещали пейзаж. Он пошел и мужчины последовали за ним. "Со мной все будет в порядке и без стражи,"- сказал он им. "Присмотрите за моей палаткой-- леди Фейли по прежнему спит."

Его палатка была почти на краю лагеря. Ему это нравилось; располагаясь около склона холма на западной стороне лагеря, она давала ему некоторое чувство уединения. Несмотря на поздний час, он прошел мимо Гаула, точащего свое копье около упавшего бревна. Высокий Каменный Пес поднялся и последовал за ним, Перрин не стал его останавливать. Гаул чувствовал, что в последнее время недостаточно тщательно исполнял обязанности, которые назначил сам,- присматривать за Перрином, и поэтому удвоил усилия. Перрин подумал, что на самом деле это было лишь предлогом, чтобы держаться по-дальше от собственной палатки и пары женщин гай'шан, которые в ней обосновались.

Гаул сохранял дистанцию, и Перрин был этому рад. Может быть именно так чувствуют себя лидеры? Ничего удивительного, что так много народов погибают в войнах-- у их лидеров никогда

нет времени чтобы подумать самостоятельно, и они нападают, чтобы люди перестали докучать им.

Недалеко от лагеря он нашел небольшую кучу чурбаков среди деревьев. Дентон - его слуга, пока не вернется Ламгвин - нахмурился, когда Перрин спросил его о ней. Когда-то незначительный лорд из Кайриэна, Дентон отказывался возвращаться к своему прежнему положению. Он думал о себе, как о слуге, и никому не позволял убеждать себя в обратном.

Здесь был топор. Не убийственное оружие с лезвием-полумесяцем, которое он однажды выбросил в битве, а крепкий топор лесоруба с лезвием из хорошей стали и рукояткой, отполированной потными руками работников. Перрин закатал рукава, плюнул на ладони и выдернул топор. Было здорово ощущать в руках деревянную поверхность рабочего инструмента. Он поднял его на уровень плеч, поставил первый чурбак, отступил и ударил.

Он ударил точно по чурбаку, щепки брызнули во все стороны, скрываясь в ночной темноте. Чурбак раскололся на две части. Он расколол одну из половинок. Гаул сел рядом с деревом и продолжил точить копье. Резкий звук метала о метал аккомпанировал глухим ударам топора по дереву.

Было здорово. Почему так получалось, что его мозг работал намного лучше, когда он чем-нибудь занимался? Лойал больше всего говорил о размышлениях, в то время как ты спокойно сидишь. Перрин не мог понять такой способ.

Он расколол следующий чурбак, топор легко вгрызался в дерево. Действительно ли это так? Могла ли его собственная сущность, а не волчья, стыдится того, как он действовал? Он не делал этого с тех пор, как покинул Двуречье.

Он расколол следующий чурбак. Я всегда полностью сосредотачивался на задании. Именно это производило на мастера Лухана впечатление. Дай Перрину поручение, и он не успокоится, пока не выполнит его.

Он расколол половинки этого чурбака.

Возможно, изменения в нем самом вызваны столкновением с внешним миром. Он ставил волкам в вину многие вещи, а на Прыгуна он взвалил просто неестественно много. Волки не глупые и не простые создания, но им нет дела до вещей, которые делают люди. Должно быть Прыгуну очень сложно учить его тем способом, который Перрин мог понять.

Да и разве Прыгун что-нибудь ему должен ? Прыгун умер в ту роковую ночь, уже так давно. Ночь, когда Перрин впервые убил человека, ночь когда он впервые потерял контроль над собой в битве. Прыгун ничего не должен Перрину, но он спасал его уже

несколько раз. В действительности, Перрин понимал, что вмешательство Прыгуна помогало ему сохранять контроль над волком внутри.

Он изо всех сил ударил по чурбаку. Лезвие, превратившись в сверкающий круг, раскололо его на половинки. Он изменил позу и продолжил. Гаул продолжал точить копье и это успокаивало. Он ударил.

Постепенно, Перрин, приходил к понимаю того, что, возможно, он был слишком усердным. И это была правда.

Но в то же время, если человек хочет хоть что-то получить законченным, то он должен работать до тех пор, пока дело не будет сделано. Перрин знал людей, которые никогда не могли довести хоть какое-нибудь дело до конца, и их фермы находились в беспорядке. Он не мог жить, как они.

Необходимо найти баланс. Перрин когда-то жаловался, что его вытащили в мир полный проблем намного более сложных, чем те, с которыми он мог справиться. Он жаловался, что он всего лишь простой человек.

А что если он был не прав? Что если он сложный человек, который однажды был вынужден жить простой жизнью? После всего, что было таким простым, почему он влюбился в такую сложную женщину?

Куча расколотых поленьев росла. Перрин наклонился, чтобы собрать поленья. Занозы грубо кололи его пальцы. Мозолистые пальцы; он никогда не будет похожим на настоящего кайриэнского лорда с молочно-бледной кожей. Но были и другие лорды, такие как отец Фэйли. Или Лан, который больше напоминал оружие, а не человека.

Перрин сложил поленницу. Он получал наслаждение будучи вожаком стаи в своих волчьих снах, но волки не ждали, что он будет защищать их, или содержать, или вводить законы для них. Они не жаловались тебе, когда тот, кого они любили, погибал по твоему приказу.

Его беспокоило не лидерство как таковое, а те вещи, которые приходили с ним.

Он чувствовал запах приближающегося Илайаса. С его естественным земляным ароматом, он пах как волк. Почти.

"Ты припозднился," - сказал Илайас, подходя ближе. Перрин слышал шорох Гаула, который вновь тихо убрал копье на свое место, потом отошел назад подобно воробью стрелой взмывающему в небо. Он мог стоять рядом, но не стал бы подслушивать.

Перрин взглянул в небо, положив топор на плечо. "Иногда я чувствую себя более бодрым ночью, чем днем."

Илайас улыбнулся. Перрин не видел этого, но мог почуствовать запах веселья.

"Ты когда-нибудь пытался избежать этого, Илайас?"-спросил Перрин. "Игнорировать их зов, делать вид, как будто с тобой ничего не происходит?"

"Да,"-ответил Илайас. У него был мягкий низкий голос, который неким образом напоминал рокот земли. Грохот вдали. "Я хотел, но Айз Седай намеревались приручить меня. Я должен был сбежать."

"Ты скучаешь по своей прошлой жизни?"

Илайас пожал плечами-- Перрин услышал движение, шорох одежды. "Ни один Страж не станет избегать своих обязанностей. Иногда одни вещи более важны. Или... они более необходимы. Я не сожалею о своем выборе.

"Я не хочу убегать, Илайас. Я не буду"

"Я оставил свою прежнюю жизнь, выбрав жизнь с волками. Но это не значит, что ты должен поступить также."

"Ноам поступил также", произнес Перрин.

"Что стало с ним?" спросил Илайас.

"Это поглотило его. Он перестал быть человеком."

Он почуствовал запах беспокойства. У Илайаса не было ответов.

"Ты когда-нибудь встречался с волками во сне, Илайас?"-спросил Перрин. "Место, где мертвые волки снова охотятся и живут?"

Илайас повернулся и посмотрел на него. "Это опасное место, Перрин. Это другой мир, как-то связанный с этим. Легенды утверждают, что Айз Седай древности могли путешествовать там."

"И другие люди тоже,"-добавил Перрин, вспоминая Губителя.

"Будь осторожен во сне. Я держусь от него подальше." От него исходил настороженный запах.

"У тебя были проблемы?"-спросил Перрин-"С тем, чтобы отделить себя от волка?"

"Бывало."

"Но больше--нет?"

"Я нашел баланс,"-ответил Илайас.

"Как?"

Пожилой мужчина замер на минуту. "Я хотел бы знать. Это просто была некая вещь, которую я понял, Перин. Нечто, что и ты должен понять."

Или закончишь, как Ноам. Перрин встретил взгляд желтых глаз Илайаса, затем кивнул: "Спасибо."

"За совет?"

"Нет,"-ответил Перрин. "За то, что вернулся. За то, что

показал, что покрайней мере кто-то из нас может жить с волками и остаться человеком."

"Не стоит,"-сказал Илайас. "Я почти забыл, как это может быть здорово - находиться среди людей, для разнообразия. Хотя я и не знаю, как долго еще могу здесь оставаться. Последняя Битва уже близко."

Перрин снова посмотрел на небо. "Это так. Передай мои слова Тэму и остальным. Я решил. Белоплащники выбрали место для битвы. Я решил прийти заранее и встретить их завтра."

"Все в порядке,"-ответил Илайас. "Хотя ты и пахнешь так, как будто не хочешь этого."

"Это необходимо сделать,"-сказал Перрин. "И еще." Каждый хотел, чтобы он вел себя как лорд. Что ж, это как раз то, что делают лорды. Принимают решения, которые никто не хочет делать.

Это все еще вызывало отвращение у него, чтобы отдать приказ. Он видел видение тех волков, послушно бегущих овец к зверю. Ему казалось, что это возможно, именно это он делал, направляя Белоплащников к уничтожению. Они конечно носили цвет шерсти овец.

Но что делать с видением Фэйли и других, приближающихся к крутому обрыву? Илайс тронулся, оставляя Перрина по-прежнему с топором на плече. Он чувствовал, как если бы он был для раскалывания не брёвен, но тел.

Глава 25

Возвращение в Бандар Эбан

Ранд и Мин не разглашали свое появление в Бандар Эбан. Под охраной двух Дев – Лериэн и Хейдии, - они вышли из переходных врат на небольшой переулок вместе с Нэффом, высоким Аша'маном с квадратным подбородком.

Девы разведали путь до конца переулка, подозрительно вглядываясь в город. Ранд вышел вперед и положил руку на плечо Хейдии, успокаивая стройную женщину, которая переживала из-за столь малой охраны. На Ранде был его коричневый плащ.

Облака над головой разошлись, они рассеивались над городом в ответ на приход Ранда. Мин посмотрела вверх, чувствуя теплый свет на лице. Переулок ужасно пах – мусором и отходами, - но теплый ветерок продувал его, унося прочь зловоние.

- Милорд Дракон, - сказал Нэфф. – мне это не нравится. У вас должна быть лучшая охрана. Позвольте нам вернуться и собрать…

- Все будет в порядке, Нэфф. – сказал Ранд. Он повернулся к Мин и протянул руку.

Она приняла ее, присоединившись к нему. Нэффу и Девам было приказано следовать позади на некотором расстоянии; они могли привлечь внимание.

Когда Мин и Ранд вышли на один из многих тротуаров доманийской столицы, она вскинула руку ко рту. Прошло совсем немного времени с тех пор, как ушел Ранд. Как город мог так быстро измениться?

Улица была полна больных, грязных людей, столпившихся у стен и закутанных в одеяла. Невозможно было двигаться по тротуару, Мин и Ранду пришлось идти по грязи. Люди кашляли и стонали, и она поняла, что зловоние не ограничивалось только одним переулком. Казалось, весь город вонял. Когда-то со многих зданий свисали флаги, но теперь они были сброшены и разорваны на одеяла или топливо.

В большинстве зданий были разбиты окна, на этажах набились беженцы. Когда Мин и Ранд проходили мимо, люди вокруг оборачивались и следили за ними. Некоторые выглядели обезумевшими. Другие – голодными. И опасными. Многие из них были доманийцами, но примерно столько же здесь было и светлокожих людей. Вероятно, беженцы с равнины Алмот или

Салдейи. Мин ослабила нож в рукаве, когда они проходили мимо группы молодых хулиганов, шатавшихся у входа в переулок. Возможно, Нэфф был прав. Тут нельзя было чувствовать себя в безопасности.

- Я шел через Эбу Дар как сейчас, - тихо сказал Ранд. Внезапно она почувствовала его боль. Сокрушительную вину, куда более болезненную, чем раны на его боку. – Это было частью того, что изменило меня. Люди в Эбу Дар были счастливы и накормлены. Они не были похожи на этих. Шончан правят лучше меня.

- Ранд, не ты несешь ответственность за это, - сказала Мин. – Тебя не было здесь, чтобы…

Его боль возросла, и она поняла, что произнесла неправильные слова.

- Да, - ответил он тихо. – Меня здесь не было. Я бросил этот город, когда понял, что не могу использовать его в качестве инструмента, который желал бы видеть. Я забыл, Мин. Я забыл, для чего все это. Тэм был совершенно прав. Человек должен знать, ради чего он сражается.

Ранд послал отца с одним из Аша'манов в Двуречье, чтобы подготовить и собрать людей для Последней битвы.

Ранд споткнулся, внезапно выглядя очень уставшим. Он присел на ближайший ящик. Меднокожий мальчишка пристально смотрел на него, стоя у соседней двери. На другой стороне мостовая ответвлялась от главной улицы. Она не была забита людьми; свирепо выглядевшие мужчины с дубинами стояли у входа на нее.

- Они сбиваются в банды, - тихо произнес Ранд, ссутулившись. – Богатые нанимают сильных для защиты, чтобы отпугивать тех, кто приходит в поисках их богатств. Но это не золото или драгоценности. Сейчас богатство – это еда.

- Ранд, - сказала Мин, опускаясь на колено рядом с ним. – Ты не можешь…

- Я знаю, что обязан продолжать, - сказал Ранд, - но очень больно осознавать то, что я натворил, Мин. Превращая себя в сталь, я отбросил все эти эмоции. Чтобы позволить себе снова любить, снова смеяться, я также должен раскрыться всем своим неудачам.

- Ранд, я вижу солнечный свет вокруг тебя.

Он посмотрел на нее, затем перевел взгляд на небо.

- Не этот, - прошептала Мин. – В видении. Я вижу темные тучи, разогнанные теплым солнечным светом. Я вижу тебя с сияющим белым мечом в руке, противостоящего безликой тьме с черным мечом. Я вижу деревья, снова зеленеющие и

плодоносящие. Я вижу поле со здоровым налитым зерном. – Она заколебалась. – Я вижу Двуречье, Ранд. Гостиницу с дверью, инкрустированной знаком Дракона. Он больше не будет символом тьмы или ненависти. Он станет знаком победы и надежды.

Он смотрел на нее.

Мин уловила что-то краем глаза. Она повернулась к людям, сидящим на улице, и ахнула. Над каждым была картинка. Было удивительно/замечательно наблюдать так много видений, сразу все, ярко светящиеся над головами больных, слабых и покинутых.

- Я вижу серебряный топор над головой того мужчины, - сказала она, указывая на бородатого нищего, который лежал у стены, опустив подбородок на грудь. – Он будет командовать в Последней битве. Мрачная женщина в тени – она будет обучаться в Белой башне и станет Айз Седай. Я могу видеть пламя Тар Валлона около нее, и знаю, что оно означает. Видишь того мужчину, который выглядит как обычный уличный бандит? Он спасет ей жизнь. Знаю, он не выглядит соответствующе, но он будет сражаться. Все они будут. Я могу это видеть!

Она посмотрела на Ранда и взяла его за руку.

- Ты будешь сильным, Ранд. Ты сделаешь это. Ты поведешь их. Я знаю.

- Ты видишь это? – спросил он. – В своих видениях?

Она покачала головой. - Нет нужды. Я верю в тебя.

- Я почти убил тебя, - прошептал он. – Когда ты смотришь на меня, ты видишь убийцу. Ты чувствуешь мою руку на своей шее.

- Что? Конечно же, нет! Ранд, посмотри мне в глаза. Ты можешь ощущать меня через узы. Чувствуешь ли ты хоть каплю сомнений или страха во мне?

Он изучал ее глаза своими, такими глубокими. Она не отступит. Она может встретиться с глазами этого овечьего пастуха.

Он выпрямился. - Ох, Мин. Что бы я без тебя делал?

Она фыркнула. - У тебя есть короли и вожди Айил, последовавшие за тобой. Айз Седай, Аша'маны и та'веренство. Полагаю, ты бы справился.

- Нет, - сказал Ранд. – Ты больше, чем все они, жизненно важна. Ты напоминаешь мне, кто я есть. Кроме того, ты мыслишь яснее, чем большинство тех, кто называет себя моими советниками. Ты могла бы быть королевой, если б захотела.

- Все, чего я желаю, это ты, дурачок.

- Спасибо. – Он задумался. – Хотя я мог бы обойтись и без такого количества прозвищ.

- Жизнь жестока, разве нет?

Он усмехнулся. Затем, глубоко вздохнув, поднялся. Его чувство вины никуда не делось, но он справлялся с ним так же, как и с болью. Неподалеку оживились беженцы. Ранд повернулся к бандиту, на которого указала Мин; мужчина сидел по колено в грязи.

- Ты, - обратился человек к Ранду, - это ведь ты. Дракон Возрожденный.

- Да, - ответил Ранд. – Ты был солдатом?

-Я…- его глаза затуманились. – В другой жизни. Я служил в королевской страже, прежде чем король был похищен, прежде, чем мы попали в распоряжение леди Чадмар, а затем расформированы. Казалось, усталость сочилась из его глаз, когда он вспоминал о прошлом.

- Превосходно, - сказал Ранд. – Нам надо восстановить этот город, Капитан.

- Капитан? Но я…- Он поднял голову. Затем встал и отряхнулся. Едва заметный армейских дух внезапно возник вокруг него, несмотря на порванную одежду и спутанную бороду. – Что ж, полагаю, ты прав. Но сомневаюсь, что это будет легко. Люди голодают.

- Я прослежу за этим, - сказал Ранд. – Мне надо, чтобы ты собрал своих солдат.

- Я тут мало кого вижу…Погоди-ка. Вон там Вотабек и Редборд. – Он помахал паре громил, которых заметила Мин. Они заколебались, но подошли.

- Дурнхейм? – спросил один из них. – Что такое?

- Настало время пресечь беззаконие в городе, - ответил Дурнхейм. – Мы наведем порядок и очистим его. Лорд Дракон вернулся.

Один из них сплюнул. То был плотный человек с вьющимися темными волосами, доманийской кожей и тонкими усиками. - Пусть сгорит. Он бросил нас. Я…- он осекся, когда увидел Ранда.

- Я сожалею, - сказал Ранд, встречаясь с ним взглядом. – Я подвел вас. Такого больше не повторится.

Мужчина посмотрел на своего спутника, пожавшего плечами. - Лэйн никогда не собирался нам платить. Почему бы не взглянуть, чем мы можем здесь помочь.

- Нэфф, - позвал Ранд, махая Ашм'ману. Он и Девы подошли, оставив свой наблюдательный пост. – Сделай переходные врата обратно в Тир. Мне нужно оружие, доспехи и обмундирование.

- Немедленно сделаю, - сказал Нэфф. – Мы должны привести войска…

- Нет, - сказал Ранд. – Складывайте все здесь, внутри здания.

Я очищу место для Врат внутри него. Но ни один солдат не

должен прийти.

– Ранд перевел взгляд на улицу. – Бандар Эбан достаточно пострадал от посторонних рук. С сегодняшнего дня столица не будет знать руки завоевателя.

Мин удивленно отступила назад. Трое солдат поспешно разогнали мальчишек из здания. Когда их увидел Ранд, то попросил, чтобы они стали посыльными. Те согласились. Все, кто смотрел на него некоторое время, отвечали Ранду.

Возможно, другие посчитали бы это какой-то формой Принуждения, но Мин видела, как менялись их лица, видела, как возвращалась надежда, как блестели их глаза. Они увидели в Ранде что-то, чему могли доверять. По крайней мере, они надеялись, что могут довериться этому.

Трое солдат послали нескольких мальчишек и девчонок, чтобы привести других бывших военных. Нэфф сплел переходные врата. Через минуту те трое вышли из здания в серебряных нагрудниках и простой чистой одежде зеленого цвета. Мужчины расчесали бороды и волосы и нашли немного воды, чтобы умыться. Так быстро, насколько это возможно, они стали походить на солдат, а не нищих. Немного дурно пахнущих, но все-таки солдат.

Женщина, замеченная Мин раньше – та, которая непременно сможет научиться направлять, - подошла переговорить с Рандом. Чуть погодя она кивнула и вскоре собрала мужчин и женщин, чтобы наполнить ведра из колодца. Мин хмурилась, глядя на это, пока они не начали мыть лица и руки тем, кто подходил к ним.

Народ начал собираться вокруг. Кто с любопытством, кто с настороженностью, кого-то просто подхватил людской поток. Женщина и ее помощники распределяли между ними работу. Кто-то искал раненых или больных, остальные принялись за мечи и обмундирование. Другая женщина расспрашивала уличных мальчишек о том, где найти их родителей, если таковые у них были.

Мин присела на ящик рядом с Рандом. Не прошло и часа, как у него уже был отряд из пяти сотен солдат под командованием капитана Дурнхейма и двух его лейтенантов. Многие из них с изумлением разглядывали свою чистую одежду и серебряные нагрудники.

Ранд говорил со многими, лично принося извинения. Во время его разговора с одной из женщин в толпе позади началось движение. Ранд обернулся и увидел приближающегося старика, чья кожа была покрыта ужасными язвами. Толпа держала дистанцию.

Нэфф, - позвал Ранд.

- Милорд?

- Приведи сюда Айз Седай, - сказал Ранд. – Тут есть люди, нуждающиеся в Исцелении.

Женщина, с подачи которой люди набирали воду, отвела старика в сторону.

- Милорд, - сказал капитан Дурнхейм, идя строевым шагом. Мин моргнула. Мужчина раздобыл где-то лезвие и сбрил бороду, открыв мощный подбородок. Он оставил только доманийские усы. Четверо шли за ним в качестве стражей.

- Нам нужно больше комнат, милорд, - сказал Дурнхейм. – Выбранное вами здание уже переполнено, но люди все прибывают, забивая улицу.

- Что ты предлагаешь? – спросил Ранд.

- Доки, - ответил Дурнхейм. – Их удерживает один из городских торговцев. Держу пари, там мы найдем несколько подходящих почти пустых складов. Там когда-то хранили еду… ну, сейчас ничего не осталось.

- А как же торговец, которые их держит? - спросил Ранд.

- Милорд, - сказал капитан Дурнхейм, - нет ничего, с чем вы бы не справились.

Ранд улыбнулся и махнул Дурнхейму, чтобы тот указывал путь. Ранд протянул Мин руку.

- Ранд, - сказала она, присоединяясь к нему, - им нужна еда.

- Да, - согласится тот. Он посмотрел на юг, в сторону ближайших доков. – Мы найдем ее там.

- Может быть, она уже съедена?

Ранд не ответил. Они присоединились к только что сформированной городской страже, идя во главе войска в зеленом и серебряном. Позади них росла толпа беженцев со вновь обретенной надеждой.

Огромные доки Бандар Эбан были одни из самых впечатляющих в мире. Они полумесяцем лежали в основании города. Мин удивилась, увидев как много там было кораблей, в основном – суда Морского народа.

Все правильно, подумала Мин. Ранд отправил их привезти еду в город. Но она испортилась. Покидая город, Ранд получил известие, что всей еды на кораблях коснулся Темный.

Кто-то заблокировал вход на мостовую. Другие дороги к докам также выглядели перекрытыми. Одетые в форму солдаты нервно выглянули из-за баррикад, когда их достигли силы Ранда.

- Стойте там! – приказал голос. – Мы не…

Ранд поднял руку и небрежно взмахнул. Баррикада, сделанная из мебели и досок, загрохотала и скользнула в сторону, превращаясь в груду щепок. Мужчины позади нее

закричали, убираясь подальше.

Ранд бросил баррикаду с краю дороги. Он шагнул вперед, и Мин почувствовала его спокойствие. Группа оборванцев стояла на дороге, широко раскрыв глаза. Ранд выбрал одного из стоявших спереди. - Кто заблокировал для моих людей дорогу к докам и припрятал всю еду для себя? Я хотел бы…поговорить с этим человеком.

- Милорд Дракон? – спросил удивленный голос.

Мин посмотрела в его сторону. Высокий худощавый мужчина в красном доманийском кафтане спешил к ним со стороны доков. Его некогда красивая, отделанная кружевом рубашка стала мятой и неряшливой. Он выглядел изнуренным.

Как его звали? Мин задумалась. Иралин. Вот как. Управляющий доками.

- Иралин? – спросил Ранд. – Что тут происходит? Что ты сделал?

- Что я сделал? – переспросил он с нажимом. – Я пытался держать всех подальше от кораблей с испорченной едой! Всякий, кто ее съест, заболеет и умрет. Но люди не хотят слушать. Несколько групп попытались штурмовать доки ради еды, и я решил, что не позволю им убить себя, отравившись.

Прежде голос мужчины никогда не был настолько сердит. Мин запомнила его миролюбивым.

- Леди Чадмар исчезла через час после вашего ухода, - продолжал Иралин. – Другие члены Совета сбежали в течение дня. Морской народ, чтоб ему сгореть, заявил, что они не отчалят, пока они не сгрузят свой товар, или пока я им не оплачу другую работу. Так что я ожидал, когда голодающий город не съест эту еду и не умрет, или когда поднимется пламя бунта и смерти. Вот что я делал здесь. Что вы намереваетесь предпринять, милорд Дракон?

Ранд прикрыл глаза и вздохнул. Он не извинялся перед Иралином как перед остальными; возможно видел, что это не имело бы смысла.

Мин пристально посмотрела на Иралина. - Он несет тяжелую ношу на своих плечах, торговец. Он не может уследить за всем и каждым.

- Все в порядке, Мин, - сказал Ранд, беря ее за руку и открыв глаза. – Я заслужил это. Иралин, прежде чем я покинул город, ты сказал, что вся еда на кораблях испортилась. Вы проверили каждый бочонок и мешок?

- Я проверил достаточно, - все еще неприязненно произнес Иралин. – Когда открываешь сотню мешков и находишь там одно и тоже, то картина становится ясна. Моя жена попыталась

отыскать способ отсеять хорошее зерно от плохого. Если тут еще есть хорошее зерно.

Ранд направился к судам. Иралин последовал за ним, выглядя удивленным, возможно из-за того, что Ранд не накричал на него. Мин присоединилась к ним. Ранд подошел к пришвартованным судам Морского народа. Несколько человек прохаживалось по палубе.

- Я хочу поговорить с Госпожой парусов, - окликнул их Ранд.

- Это я, - сказала одна из Морского народа, женщина с белыми прядями в темных прямых волосах и татуировками по всей правой руке. – Милис дин Шалад Три звезды.

- Я заключил сделку, - крикнул Ранд, - что еда будет доставлена сюда.

- Этот не хочет ее принимать, - сказала Милис, кивнув в сторону Иралина. – Он не позволяет нам разгрузиться. Говорит, если мы попробуем, то он спустит на нас лучников.

- Иначе я бы не смог удержать людей, - сказал Иралин. – Мне пришлось распространить слух по городу, что Морской народ не отдает еду.

- Видите, что нам приходится терпеть из-за вас? – обратилась Милис к Ранду. – Я начинаю задумываться о нашей Сделке, Ранд ал'Тор.

- Ты отрицаешь, что я Корамур? – спросил Ранд, посмотрев ей в глаза. Казалось, она с трудом может отвести от него взгляд.

- Нет, - сказала Милис. – Нет, думаю, что нет. Полагаю, вы захотите подняться на борт «Белой чаши»?

- Если можно.

- Тогда поднимайтесь, - сказала она.

Как только трап был установлен, Ранд, в сопровождении Мин, Нэффа и Дев, шагнул на него. Спустя минуту Иралин тоже поднялся вместе с капитаном и несколькими солдатами.

Милис привела их к центру палубы, где были люк и лестница, ведущая в трюм. Ранд спустился первым, двигаясь неловко из-за одной руки. Мин последовала за ним.

Внизу лучи света, пробивающиеся сквозь щели в палубе, освещали мешки с зерном. Воздух был густым и пыльным.

- Мы будем рады избавиться от этого груза, - тихо сказала Милис, спускаясь. – Он убивает крыс.

- Я думала, вы оцените это, - сказала Мин.

- Корабль без крыс как океан без бурь, - ответила Милис. – Мы жалуемся на них, но моя команда ворчит всякий раз, как мы находим мертвого паразита.

Тут было несколько открытых мешков с зерном, перевернутых на бок так, что темное содержимое рассыпалось по полу. Иралин

говорил о попытках отсеять плохое от хорошего, но Мин не увидела ничего, что было бы неиспорченным. Только сморщенные бесцветные зерна.

Ранд смотрел на открытый мешок, когда спустился Иралин. Последними появились капитан Дурнхейм и его человек.

- Ничто больше не хранится, - сказал Иралин. - Не только это зерно. Люди находят зимние запасы с ферм такими же. Всё испортилось.

Мы все умрем, вот что. Мы не доживем до проклятой Последней битвы. Мы…

- Успокойся, Иралин, - сказал Ранд. – не так все плохо, как ты думаешь. – Он шагнул вперед и дернул за веревку на мешке. Тот упал на бок, и золотой ячмень – без единого пятнышка тьмы на нем, - полился прямо на пол трюма. Ячмень выглядел так, словно его только что собрали, каждое зернышко полностью выспело.

Милис ахнула. - Что ты с ним сделал?

- Ничего, - сказал Ранд. – Просто вы открыли неправильные мешки. С остальными все хорошо.

- Просто…- сказал Иралин. – Мы открыли кучу плохих мешков и не добрались ни до одного хорошего? Это нелепо.

- Не нелепо, - сказал Ранд, положив руку на плечо Иралина. – Просто маловероятно. Ты хорошо потрудился здесь, Иралин. Сожалею, что бросил тебя в затруднительном положении. Я назначаю тебя в Совет торговцев.

Иралин раскрыл рот.

В стороне капитан Дурнхейм открыл еще один мешок. - Этот тоже хороший.

- И этот, - сказал один из его людей.

- Здесь картофель, - другой солдат заглянул в бочонок. – Выглядит лучше, чем у меня когда-нибудь был. Лучше чем у всех, на самом деле. Не высохший, как остатки после зимы.

- Расскажите об этом, - обратился Ранд к солдатам. – Соберите своих людей, чтобы организовать раздачу на одном из складов. Я хочу, чтобы зерно как следует охранялось; Иралин проявил мудрость, когда беспокоился о том, что люди могут хлынуть в доки. Не давайте сырое зерно – иначе его будут скапливать, а затем продавать. Чтобы приготовить часть его, нам нужны котлы и огонь. Оставшееся отнесите в лавки. И поторапливайтесь.

- Есть, сэр! - сказал капитан Дурнхейм.

- Люди, которых я собрал, могут помочь, - сказал Ранд. – Они не украдут зерно; им можно доверять. Отправьте их разгружать корабли и сжигать испорченные продукты. Тут должны быть тысячи мешков, с которыми все в порядке.

Ранд посмотрел на Мин. - Идем. Надо организовать Исцеление у Айз Седай. – Он задумался, глядя на ошеломленного Иралина. – Лорд Иралин, сейчас ты – наместник города, а Дурнхейм – твой командующий. Скоро у вас будет достаточно войск, чтобы восстановить порядок.

- Наместник города…- сказал Иралин. – А вы можете назначать?

Ранд улыбнулся. - Кто-то же должен. Поскорей принимайся за работу; тут еще многое надо сделать. Я только могу задержаться на время, достаточное, чтобы вы навели здесь порядок. День или около того.

Ранд обернулся, вступив на лестницу.

- День? – спросил Иралин, все еще стоя в трюме. – Чтобы навести порядок? Мы не справимся за такое время. Разве нет?

- Думаю, он вас еще удивит, лорд Иралин, - сказала Мин, хватаясь за лестницу и начав подниматься. – Я удивляюсь каждый день.

Глава 26

Переговоры

Перрин на Ходоке выехал из лагеря впереди большой армии. Они не достали знамя с волчьей головой. Насколько он знал, его приказ сжечь знамена был выполнен. Сейчас он был менее уверен в правильности этого решения.

В воздухе витал странный запах. Застоявшийся. Как в комнате, запертой годами. Ходок шел рысью по Дженнаханскому тракту. Грейди и Неалд ехали по бокам от Перрина, и они пахли нетерпеливо.

"Неалд, ты уверен, что ты готов?" спросил Перрин, повернув армию на юго-восток.

"Я чуствую себя таким сильным, как никогда, милорд," ответил Неалд. "Достаточно сильным, чтобы убить несколько Белоплащников. Я всегда хотел иметь шанс сделать это."

"Только глупец ищет возможности убить", сказал Перрин.

"Брр, да, милорд" ответил Неалд. "Хотя, может быть, я должен отметить..."

"Нет нужды обсуждать это," прервал его Грейди.

"Обсуждать что?" спросил Перрин.

Грейди выглядел смущенным. "Ничего, я уверен." "Говори, Грейди", сказал Перрин.

Старший мужчина глубоко вздохнул. "Утром мы пытались сделать врата, чтобы отправить беженцев домой, но они не сработали. Ранее один раз так уже было. У нас расплетаются и распадаются потоки".

Перрин нахмурился. "Другие плетения работают нормально?"

"Да", быстро ответил Неалд.

"Как я сказал, милорд," ответил Грейди, "я уверен что они сработают, когда мы попытаемся вновь. Просто немного практики."

Не было похоже, что им для отступления понадобится Перемещение, не с двумя Аша'манами и такими большими силами. Но потеря такой возможности приводила в замешательство. Лучше бы это не произошло и с другими плетениями. Он возлагал большие надежды на Грейди и Неалда, чтобы запутать и сломить первоначальную атаку Белоплащников.

Наверное, стоило развернуться, думал Перрин, но тут же подавил эту мысль. Эму не нравилось это решение. Ему было больно думать о битве людей против людей, когда настоящим

врагом был Темный. Но его руки были связаны.

Они продолжали двигаться, на его поясе в ременной петле висел молот. Прыгун подразумевал, что между ним и топром нет никакой разницы. Для волка любое оружие выглядело одинаково.

Позади него двигалась Крылая Гвардия Майена, сверкая начищенными красными нагрудниками, словно готовый к нападению изящный ястреб. Солдаты Аллиандре, прямые и решительные, ехали позади, будто валуны, готовые раздавить кого угодно. Лучники Двуречья, были словно молодые дубки, проворные, но уже крепкие. Айил, похожие на змей с бритвенно острыми зубами. Хранительницы Мудрости, неохотно тащащиеся вперед как изменчивые тучи, кипящее с непредсказуемой энергией. Он не знал, будут ли они сражаться за него.

Остальная его армия была не столь впечатляюща. Тысячи людей разных умений и возрастов: наемники, беженцы из Майдена, женщины, увидевшие Дев и Ча Фэйли и настаивавшие на тренировках наравне с мужчинами. Перрин не останавливал их. Глядет последняя Битва. Кто от такой, чтобы останавливать тех, кто жаждет сражаться?

Он подумывал запретить Фэйли появляться сегодня, но он знал, чем это обернется. Вместо этого он отправил ее назад к Хранительниц Мудрости и Ча Фэйли в сопровождении Айз Седай.

Перрин натянул поводья, прислушиваяь к шагам марширующих. Немногие из беженцев имели доспехи. Арганда назвал их легкой пехотой. Перрин имел другое название для них: "простаки с мечами". Почему они идут за ним? Разве они не понимают, что падут первыми?

Они доверяли ему. Сожги их Свет, они все доверяли ему! Он положил руку на свой молот, вдыхая влажный воздух с запахами страха и возбуждения. Грохот копыт и шагов напомнил ему о темном небе. Гром без молний. Молнии без грома.

Впереди было поле битвы, вдалеке, на другом его краю, выстроилась армия в белом. Белоплащники одели серебряные нагрудники, начищенные до блеска; их плащи и накидки были совершенно белыми. Это травянистое поле было хорошим местом для битвы. Но оно также хорошо подходило и для выращивания зерна.

Чтобы понять вещь, ты должен знать составляющие её части и их назначение.

В чем предназначение его боевого топора? Убивать. Поэтому его создали. Только для этого он хорош.

Но молот был иным.

Перрин внезапно остановил Ходока. Аша'ман рядом с ним остановился и вся колонна солдат начала останавливаться. Как

только начали замедляться, группы стали сбиваться в кучу, крики приказов заменили топот марширующих.

Воздух был неподвижен, над головами - тоскливое небо. Он не мог почувствовать запах травы и деревьев вдалеке из-за пыли и пота солдат в доспехах. Лошади хрипели, некоторые щипали траву. Другие принюхивались, им передалось напряжение всадников.

"Милорд?" спросил Грейди. "Что это?"

Белоплащники уже построились в виде буквы "V", с конницей на флангах. Они ждали, пики подняты, готовые в момент опуститься и пролить кровь.

"Топор только убивает" сказал Перрин. "Но молот может как создавать, так и уничтожать. В этом отличие."

И вдруг, Перрин понял в чем смысл. Вот почему ему пришлось выкинуть топор. Он мог выбрать убивать или нет. Его не подталкивали к этому.

Перрин повернулся к Гаулу, который с несколькими Девами стоял неподалеку. "Я хочу, чтобы Айз Седай и Хранительницы мудрости были здесь." Перрин заколебался. "Прикажи Айз Седай, но попроси Хранительниц. Также прикажи Двуреченцам приблизиться."

Гаул кивнул и побежал исполнять приказ. Перрин снова вернулся к Белоплащникам. При всех своих недостатках, Белоплащники считали себя честными. Они не нападут, пока Перрин не займет позиции.

Группа Хранительниц Мудрости и Айз Седай присоединилась к нему. Он отметил, что Фейли тоже приехала. Перрин сказал ей быть с ними. Он протянул руку, приглашая ее. Двуреченцы дугой окружили людей.

"Гаул сказал, что ты был очень вежлив," заметила Эдарра. "Это означает, что от нас ты хочешь что-то, чего мы не захотим делать."

Перрин улыбнулся. "Я хочу вашей помощи, чтобы предотвратить битву."

"Ты не желаешь танцевать с копьями?" спросила Эдарра. "Я слышала о том, что эти мужчины в белом делают в мокрых землях. Я думаю, они носят белое, чтобы скрыть темноту внутри."

"Они запутались." ответил Перрин. "Они куда больше, чем просто запутались. Они разочарованы проклятым Светом. Но мы не может биться, впереди Последняя Битва. Если мы будет ссориться из-за пустяков, Тень победит нас."

Эдарра усмехнулась. "Это похоже на слова некоторых о Шайдо, Перрин Айбара. "Или, точнее, я хотела увидеть кого-нибудь, кто такое скажет тебе, когда твоя жена была в плену!"

"Шайдо хотели убивать" сказал он. "Но я не знаю желают ли этого Белоплащники. Я хочу, чтобы вы и Айз Седай взорвали землю перед их строем."

"Ты хочешь невозможного, Айбара." решительно сказала Сеонид. "Мы не будем участвовать в битве." резко и четко продолжила миниатюрная Зеленая, встретившись с ним взглядом.

"Вы не будете сражаться", ответил Перрин. "Вы предотвратите битву".

Сеонид нахмурилась. "Я боюсь, что это тоже самое. если мы взорвем землю, то получится, что мы используем силу как оружие. Мы можем повредить кому-нибудь из солдат. Извини."

Перрин заскрежетал зубами, но он не принудит их. Хранительниу Мудрости и Аша'манов должно быть достаточно. Он повернулся к Двуреченцам. "Тэм, скажи людям наложить стрелы и приготовиться к залпу."

Тэм кивнул и послал гонца с приказом. Двуреченцы развернулись в линию. Дальность стрельбы была за пределами возможности обычных луков, но для длинных двуреченских луков - оно было приемлемым.

Перрин кивнул Хранительницам и направился к Аша'манам. Он не успел произнести и слова, как земля перед Белоплащниками вздыбилась. Грохот потряс луг, куски земли взлетели в небо. Грейди и Неалд направили своих коней вперед.

Лошади Белоплащников испугано ржали и вставали на дыбы. Небольшая группа перед строем не казалась напуганной, и они держали своих коней в узде. Должно быть это командиры. Действительно, острым взглядом Перрин различил самого Лорда Капитана Командора бывшего там.

Земля вновь взлетела в воздух, падая с грохотом в предыдущий ров. Хранительницы Мудрости выглядели напряженными, как будто собирались направлять.

"Можешь ли ты усилить мой голос?" спросил Перрин.

"Я могу," сказал Грейди. "Я однажды видел, как это делал М'Хаэль."

"Хорошо", сказал Перрин , обращаясь к Тэму. "Когда они закончат направлять, скажите людям дать пару дальних залпов. Постарайтесь попасть в эту яму."

Немного спустя, взрывы закончились. Двуреченцы подготовили и выпустили залп. Массивные стрелы поднялись по дуге, и вскоре разлом ощетинился их древками. Перрин наблюдал за армей Белоплащников. Они сломали ряды, стоя в беспорядке.

Лязг доспехов, сопровождаемый топотом копыт, возвестил прибытие Арганды.

Первый капитан Гэалдана был в шлеме с плюмажем, жестко глядя из-под него. "Не позволите ли спросить, в чем смысл ваших действий, Лорд Айбара?" От него пахло гневом, "Вы только что выдали наше преимущество! Засада могла бы убить тысячи и сломала бы их первую атаку.".

"Да", сказал Перрин. Фейли по-прежнему ехала с другого бока. "И они это знают. Посмотрите на их линии, Арганда. Они в тревоге. Белоплащники поняли, через что им придется пройти, чтобы напасть на нас. Раз уж я пожелал дать им предупредительный сигнал, что мне следовало придержать?

"Но это лишь толика того, что мы можем сделать", сказала Фейли.

"Они этого не знают." усмехнулся Перрин . "Было бы глупо с нашей стороны выдать все, что мы можем в подобном предупредительном взрыве."

Арганда промолчал, хотя очевидно, он думал о том же. Он был солдатом до мозга костей. Топор. В нем не было ничего плохого, однако Перрен был молотом. Когда он метился, такие люди, как Арганда, убивали.

"Грейди", сказал Перрен. "Мой голос, пожалуйста? Я бы не возражал, если наша армия тоже сможет услышать, что я говорю."

"Я могу это устроить", сказал Грейди.

Перрин сделал глубокий вдох, затем заговорил. "Я Перрин Айбара!" его голос грохотал по равнине. "Я друг Дракон Возрожденного, и я действую здесь по его приказу. Я двигаюсь на Последнюю Битву. Лорд Капитан-Командор, вы прежде потребовали, чтобы я встретился с вами на ваших условиях, и я пришел. Я прошу вас, возвратить здесь долг чести, и встретиться по моей просьбе. Если вы решили меня убить, прежде чем я выступлю против Тени, по крайней мере окажите мне услугу и дайте последний шанс предотвратить сегодняшнее кровопролитие! "

Он кивнул Грейди, и тот распустил плетения. "У нас есть шатер, который мы могли бы раскинуть для переговоров?"

"Остался в лагере," сказала Фейли.

Я могу попробовать создать врата", сказал Неалд, разглаживая усы, или, по крайней мере, те навощеные до толщины ниток пучочки волос на его лице, которые он называл усами.

Попробуй.

Он сосредоточился. Ничего не произошло. Юноша густо покраснел. "Не работает. Ни Перемещение, ни Скольжение".

Вижу ", сказал Перрин." Что ж, пошлем всадника обратно. Мы должны быть готовы раскинуть палатку через несколько минут. Я

не знаю, согласятся ли они на встречу, но я хочу быть готовым на этот случай. Приведите сюда также Берелейн и Аллиандре и, наверное, кого-нибудь с напитками, стульями и столом из моей палатки. "

Соответствующие распоряжения были отданы, и двуреченец Робб Солтер выехал вместе с группой Дев. Белоплащники, казалось, размышляли над его предложением. Хорошо.

Арганда и большинство остальных разъехались, чтобы передать весть о том, что происходит, хотя пропустить выступление Перрина было невозможно. Все, казалось, делали то, что и должны были, так что Перрин присел обратно в седло, ждать.

Фейли подвела свою лошадь к нему. Он нее пахло интересом.

"Что?" спросил Перрин.

"Что-то переменилось в тебе. Я пытаюсь понять что."

"Я тяну время," сказал Перрин. "Пока я не принял какого-либо решения. Но я не хочу убивать этих людей. Не сейчас. Пока меня не принудят к этому."

"Они не собираются объяснять что-либо, муж," сказала Фэйли. "Они уже осудили тебя."

"Увидим" сказал он. Перин взглянул на небо, думая о странном запахе и о том, что Аша'маны не могли создать Врата. Губитель в волчьем сне рыскал по этим землям, и здесь же была стеклянная стена. Что-то неправильное было в ветре, его чувства были на взводе. Будь осторожен. Будь готов.

Молот мог созидать и убивать. Перрин не знал, что нужно делать в этой ситуации. Но он не нанесет удар, пока не узнает.

Галад сидел на зеленом лугу, которое должно было быть полем битвы, глядя на траншею прорезавшую землю, ощетинивающуюся сотнями стрел.

Он был готов к Айз Седай. Айз Седай не могла повредить кому-либо, пока ей или ее Стражу не грозила опасность, и Галад отдал весьма своеобразные приказы своим людям не нападать, и даже не подходить близко к Айз Седай. Если Дети увидят Айз Седай, они должны будут остановиться и кивнуть головой, убирая оружие. Если его люди ясно покажут, что не будут вредить Айз Седай, то сестры должны стать бесполезными в бою.

Многие из Детей не верили в это. Они называли истории о Трех Клятвах продуманными фальшивками. Они не жили в Белой башне. Галаду не нравилось большинство Айз Седай, и он, конечно, не доверял им, но он знал, что клятвы соблюдаются.

Солдаты Галада ворча снова встали в строй. Он взял подзорную трубу, чтобы посмотреть, что происходит в передних линиях армии Айбары. Мужчины в черном. Несколько Айилок,

включая ту, что была с Айбарой на встрече. Без сомнения, она может направлять. Он представил грунт взрывающийся под его отрядами, подбрасывающий конницу в воздух, другие падают в ямы, пока следующая линия прибывает в растерянности, становясь добычей длинных луков.

Борнхальд подъехал к Галаду, с сердитым лицом. "Мы ведь не будем вести переговоры на самом деле?"

Галад опустил подзорную трубу. "Да. Я думаю, что придется."

"Но мы ведь уже встречались с ним!" сказал Борнхальд. "Вы хотели видеть его глаза, в доказательство того, что он Друг Тёмного, и Вы видели их. Чего ещё Вам надо?"

"Вы не может доверять ему, милорд." сказал Байар, направляя скакуна ближе. В эти дни он часто действовал как телохранитель Галада.

Галад кивнул на ров в земле. "Он мог уничтожить нас этой атакой."

"Я согласен с Байаром," сказал Борнхальд. "Он хочет заманить и убить Вас, чтобы деморализовать нас."

Галад медленно кивал. "Возможно." Он повернулся к лорду Капитану Харнешу, который ехал рядом. "Если я умру, я хочу чтобы вы взяли на себя командование и ответственность. Атакуйте безжалостно. Я отменяю свой приказ не трогать Айз Седай. Убейте любого, кто, как вам покажется, направляет. Сделайте это в первую очередь. Возможно, мы не понимаем, что здесь происходит."

"Но Вы пойдёте?" спросил Борнхальд.

"Да," ответил Галад. Он позволял Борнхальду и Баяру подстрекать себя к сражению, но сейчас он задавался вопросом, не поспешил ли. Он видел эти глаза, слышал доказательства и его Детей и некоторых из людей Айбары. Казалось очевидным, что нужно атаковать.

Но Айбра был прав. Он пришёл на встречу с Галадом, когда он его попросил. Может быть существует способ избежать кровопролития. Галад не верил в это, но даже если есть один шанс, то отсрочка была оправдана. Это было так просто.

Борнхальд казался недовольным. Его гнев на человека, убившего его отца, был понятен, но нельзя допускать чтобы он (его гнев!!!!) руководил Детьми. "Ты можешь поехать со мной," сказал Галад, подгоняя коня вперёд. Это касается и тебя, чадо Байяр. Лорд Капитан должен остаться, скрыться в толпе, чтобы Айбра не оставил нас без лидера."

Хареш отдал честь. Борнхальд неохотно занял место рядом с Галадом, как и Байар, чьи глаза горели сильным рвением, что походило на гнев Борнхалльда.

Оба потерпели поражение от рук этого Перрина Айбары. Также Галад взял с собой пятьдесят Детей в качестве охранников, ехавших строем за ним.

Когда они подъехали палатка уже была поставлена. Плоский и простой навес, на четырёх шестах, поддерживающих серую ткань. Под ним был маленький квадратный стол, с двумя стульями.

Айбара сидел за столом. Но поднялся, когда Галад приблизился; сегодня крупный мужчина был одет в зеленую куртку и коричневые штаны - хорошо сшитые, но без вышивки - молот висел на поясе. Одежда фермера. Нет, это не был человек из дворцов, он был родом с полей и лесов. Лесной житель ставший лордом.

Пара Двуреченцев стояла позади навеса, сжимая в руках длинные двуреченские луки. Как говорили, они - свободные фермеры и пастухи старого, крепкого рода. И они выбрали Перрина Айбару своим лидером.

Галад подошёл к шатру. Байар и Борнхальд присоединились к нему, хотя остальные пятьдесят остались снаружи.

В отличие от их последней встречи,здесь были Айз Седай, три из которых он мог узнать. Невысокая Кайриенка, худая, миловидная в простом платье, коренастая женщина, многочисленные косички свидетельствовали о том что она была, вероятно, из Тарабона. Они стояли с группой женщин Аил в шалях, которых охраняли горстка Дев Копья. Ну, эти Аил действительно подтверждали слова Айбары, что он послан Возрожденным Драконом.

Глад ненароком положил руку на эфес меча, глядя на остальных, находящихся в шатре.

И тогда он замер. Поразительно красивая женщина стояла за стулом Айбары. Нет, не красивая великолепна. Блестящие черные волосы спадали на шею, она, казалось светилась. Она была в красном платье, достаточно тонком, чтобы подчеркнуть ее фигуру, вырез декольте был достаточным, чтобы показать ее высокую грудь.

И эти глаза. Столь темные, с длинными красивыми ресницами. Он казалось…утонул в них. Почему эта женщина не приехала прошлый раз?

“Вы похоже удивленны,” сказал Айбара, когда он снова сел. У него был грубый голос. “Первенствующая. Она вместе с лордом Драконом. Разве Вы не заметили флаг Майена над моими войскам?”

"Я ..." Галад осекся, закрывая рот, и поклонился женщине. Берелейн сур Паендраг Паерон? Говорили, что она

необыкновенно красива, но эти истории не были преувеличены. Галад оторвал взгляд от нее и заставил себя сесть напротив Айбары. Он должен сосредоточится на своем противнике.

Эти золотые глаза были столь же тревожны, как он и помнил. Так странно смотреть. Да этот человек мог быть только Отродье Темного.

Почему многие следуют за этим созданием? Почему она следует за этим созданием?

"Спасибо за то, что пришли" сказал Айбара. "Наша прошлая встреча была поспешной."

"В это раз мы все сделаем надлежащим образом. Вам следует знать, что женщина позади меня это Аллиандре Марита Кигарин, королева Гаэлдана, Благословленная Светом, Защитник Гареновой Стены." Так, эта величественная темноволосая женщина была текущей Королевой Гаэлдана. Конечно во время всех этих беспорядков здесь в последнее время, вероятно полдюжины людей пытались захватить трон. Она была симпатична, но глубоко в тени Берелейн.

Перрин кивнул в сторону третьей женщины. "Это Фэйли ни Башир т'айбара, моя жена и кузина Королевы Салдеи." Жена Айбары внимательно смотрела на Галада с подозрением. Да, она очевидно была из Салдеи из-за ее носа. Борнхальд и Байар ничего не знали о ее королевских связях.

Два монарха в палатке и оба позади Айбары. Галад поднялся со своего места и поклонился Аллиландре, чтобы соответствовать поклону, который он уже сделал Берелейн. "Ваше Величество".

"Вы очень вежливы, Лорд Капитан Коммандор," сказала Берелейн. "И ваши поклоны элегантны. Скажите, где вы этому научились?"

Ее голос был, как музыка. "При дворе Андора, миледи. Я Галад Дамодред, пасынок покойной Королевы Моргейз и сводный брат Илэйн Тракард, законной Королевы".

"Хм-м", сказал Перрин. "Все это время я не знал вашего имени. Хотел бы я узнать его раньше."

Берелейн смотрела в его глаза и улыбалась, выглядя так, словно хочет сделать шаг вперед. Тем не менее, она взяла себя в руки. "Галад Дамодред. Да, я думаю я узнала что-то в твоем лице. Как твоя сестра?"

"Надеюсь хорошо," сказал Галад. "Я давно не видел её."

"У Илейн все прекрасно," грубо сказал Перрин. "Последнее, что я слышал, а это было всего несколько дней назад, что она защитила свои притязания на трон. Я не буду удивлен, если она сейчас собирается выйти за Ранда. Если она сможет достать его из любого королевства, что он завоевывает."

Позади Галада тихо зашипел Байар. Собирался ли Айбара оскорбить его указывая на отношения между Илейн и Возрожденным Драконом? К сожалению, Галад очень хорошо знал свою сестру. Она была импульсивна, и показывала непристойное очарование юным Ал'Тором.

"Моя сестра может делать все, что пожелает", сказал Галад, удивляясь как легко он смог обуздать раздражение, вызванное как ею, так и Возрожденным Драконом. "Мы здесь чтобы обсудить тебя, Перрин Айбара, и твою армию."

Айбара наклонился вперед, положив обе руки на стол. "Мы оба знаем, что дело не в моей армии."

"Тогда в чем же?", спросил Галад.

Айбара встретил его пристальный взгляд своими неестественными глазами. "Дело в двух Детях Света, которых я убил два года назад. Теперь каждый раз, когда я оборачиваюсь, кажется что ваша группа кусает меня за пятки."

Не так часто, убийца настолько открыто заявляет о том, что сделал. Галад услышал шелест вытаскиваемого меча позади себя и поднял руку. "Дитя Борнхальд! Держите себя в руках!"

"Двоих Детей Света, Отродье Тени?", сплюнул Борнхальд. "А как же мой отец?"

"Я не имею отношения к его смерти, Борнхальд," сказал Айбара. "К сожалению, Джефрам был убит Шончан. Для Белоплащника он выглядел разумным человеком, хотя и собирался повесить меня."

"Он должен был повесить за убийства, в которых Вы только что признались." произнес спокойно Галад, стрельнув глазами на Борнхальда. Мужчина убрал свой меч обратно в ножны, но лицо его осталось красным.

"Это не было убийством. На меня напали. Я защищался." сказал Айбара.

"Это не то, что я слышал", сказал Галад. В какие игры этот человек играет? "У меня есть показания под присягой, что вы скрывались в расщелине в скале. Когда Вас попросили выйти, вы выскочили, кричали и напали на них, без всякого повода".

"О, там была провокация", ответил Айбара. "Ваше Чадо убило моего друга".

"Женщина, которая была с вами?" спросил Галад. "Из того, что я слышал, она сбежала". Его потрясло, когда Борнхальд упомянул имя - Эгвейн ал'Вир. Это женщина, казалось, предпочитает опасные компании.

"Не ее," ответил Перрин. "Моего друга звали Прыгун. И других, кто был с ним. Они волки."

Он оговаривал себя все больше и больше. "Вы сказали, что

дружите с волками, известными созданиями Тени?"

"Волки не Друзья Темного", произнес Айбара. "Они ненавидят Отродий Тени как любой человек, которого я знаю."

"Откуда ты знаешь это?"

Айбара не добавил ничего нового, к тому что он знал. Он был там. Чадо Байар сказал - этот человек, будто командовал волками, как будто сам волк. Это свидетельство являлось одной из причин, приведших Галада на поле брани. И казалось в словах Байара нет преувеличения.

Но нет никакого повода, тем не менее, зацикливаться на этом. Айбара признался в убийстве. "Я не принимаю убийство волков, как повод оправдывающий Вас", сказал Галад. "Многие охотники убивают волков , которые нападают на стада или угрожают их жизни. Дети Света не сделали ничего плохого. Ваше нападения на них, поэтому было не спровоцированное убийство".

"Там было не только это, но я сомневаюсь, что буду достаточно убедителен." сказал Айбара.

"И я не могу быть уверен, что что-то не так", ответил Галад.

"И вы не оставите меня в покое," промолвил Айбара.

"Мы находимся в тупике." сказал Галад. "Вы признались в преступлениях, которые я, как служитель правосудия, должен покарать. Я не могу отказаться. Теперь вы видите, почему дальнейшие переговоры бесполезны?"

"Что, если я готов предстать перед судом?" спросил Перрин.

Крючконосая жена Айбары положила руки ему на плечи. он поднял и положил свои руки на них, но не отвернулся от Галада.

"Если ты придешь и примешь наше наказание за все, что ты сделал..." сказал Галад. Я подразумеваю казнь. Кнечно это отродье не сдаст себя.

В задней части шатра, появились слуги и принялись готовить чай. Чай! На переговорах! Очевидно у Айбары было мало опыта в таких вещах.

"Не наказания", резко сказал Айбара. "Суда. Если не доказана виновность, я свободен, и вы - Лорд Капитан-Командор прикажете своим людям остановить травлю меня. Особенно Борнхальду и тому, кто за вами, что рычит, как щенок увидевший первый раз леопарда".

"И если твоя вина будет доказана?"

"Посмотрим."

"Не слушайте его, милорд Капитан Командор!" сказал Байар. "Он обещал отдать себя нам в прошлый раз, но не выполнил своего обещания!"

"Нет" сказал Айбара. "В тот раз Вы не выполнили свою часть сделки!"

Галад хлопнул по столу. "ЭТо бесполезно. Не будет никакого суда." "Почему нет?" переспросил Айбара. "Говоришь о правосудии, но откажешь в суде?"

"И кто же будет судить?" спросил Галад. "Доверишь ли ты это мне?" "Конечно, нет", сказал Перрин. "Но могла бы Аллиандре. Она королева."

"И твой соратник," сказал Галад. "Я не хочу её оскорбить, но я боюсь, что она тебя оправдает, не слушая доказательств. Даже Леди Первенствующая не будет беспристрасной - несмотря на то, что я доверяю её словам, мои люди, боюсь, не поверят."

Свет, но эта женщина была прекрасной! Он взглянул на неё на секунду и обнаружил, что она зарумянилась, глядя на него. Немного, он он был уверен. что заметил. Он сам обнаружил, что покраснел точно так же.

"Тогда Айз Седай" сказал Перрин.

Галад оторвал взгляд от Берелейн и посмотрел на Айбару твердым взглядом. «Если вы думаете, что судебное решение кого-то из Белой Башни удовлетворит моих людей, то вы мало знаете о Детях Света, Перрин Айбара».

Взгляд Айбары стал жестким. Да, он это знал. Это было очень плохо. Суд должен был бы окончательно завершить всё это. Служанка появилась возле стола с двумя чашками чая, но он уже не был нужен. второй тур переговоров был окончен.

"Ну чтож, Вы правы", сказал Айбара выглядя разочаровано. "Наша встреча была бесполезной".

«Нет», ответил Галад, незаметно бросив взгляд на Берелейн. «Для меня не бесполезно». Он узнал больше про силы армии Айбара, это поможет ему в сражении. «Кроме того, это ваше право немного задержать со сражением. День, назначенный для сражения, только начался, и у нас есть время, чтобы продолжить.»

Но ... эта женщина ... Первенствующая? Он с трудом отвел взгляд от нее. Сделать это было трудно.

Галад поклонился Алиандре, затем Берелейн. Он направился к выходу.

Потом он услышал вздох. Странно, он исходил от служанки, которая принесла чай. Галад взглянул на неё.

Это была Моргейз.

Галад застыл на месте. Мастера меча один за другим обучали его не давать удивлению оглушать себя, но в этот момент их тщательные тренировки свелись на ноль. Это была его мачеха. За эти рыжие волосы он тянул, когда был ребенком. Это лицо, такое красивое и сильное. Эти глаза Это были её глаза.

Призрак? Он слышал рассказы. Проявления Тёмного Зла возвращают мертвецов к жизни. Но больше никто в павильоне не

казался встревоженным, и эта женщина была слишком настоящей. Нерешительно, Галад протянул руку и коснулся щеки призрака. Кожа была тёплой.

"Галад?" сказал она. "Что ты тут делаешь? Как..."

Она осеклась, когда он схватил её в объятия, заставляя всех вокруг него подскочить в удивлении. Она подскочила, тоже. Она жива! Как?

Я убил Валду, тотчас же подумал Галад. Убил его за убийство моей матери. Которая не мертва. Я совершил зло.

Нет. Валда заслуживал смерть за нападение на Моргейз. Или часть этого была правдой? Он говорил с Детьми, что это произошло, но они были также уверенны, что она была мертва.

Он разберётся в этом позже. Прямо сейчас, ему нужно взять себя в руки перед своими людьми. Он отпустил свою мачеху, но она всё ещё держала его за руку. Она выглядела ошеломлённой. Он редко видел её такой.

Перрин Айбара смотрел на них нахмурившись. "Вы знаете Майгдин?"

"Майгдин?" спросил Галад. Она была одета в простое платье и без украшений. Она пыталась скрыться как служанка? "Айбара, это Моргейз Траканд, Защитник Королевства, Покровитель Народа, Глава дома Траканд. Она твоя королева!"

Это заставило шатёр стихнуть. Айбара задумчиво чесал бороду. Его жена смотрела на Моргейз широко раскрыв глаза, с потрясением или гневом.

"Майгдин," сказал Айбара, "это правда?"

Она подняла подбородок, пристально смотря Айбаре в глаза. Как они могли не увидеть в ней Королеву?

"Я Могрэйз Траканд," сказала она. "Но я отказалась от престола в пользу Илейн. Пред Светом, я никогда больше не буду претендовать на корону."

Галад кивнул. Да. Должно быть она боялась, что Айбара будет использовать её против Андора. "Я беру тебя к себе в лагерь, Мама," сказал Галад, продолжая наблюдать за Айбарой. "Там мы сможем обсудить, как с тобой обращался этот человек."

Она повернула глаза на Галада. "Приказы, Галад? Разве у меня нет права голоса?"

Он нахмурился, наклонился и спросил шёпотом. "У него есть другие пленники? Чем он удерживает тебя?"

Она покачала головой и тихо отвечала, "Этот человек не то что ты думаешь, Галад. Он грубо скроен, и мне, конечно не нравится, что он делает для Андора, но он не друг Тени. Я больше опасаюсь твоих... товарищей, чем Перрина Айбару."

Да, она имела причину не доверять Детям. Серьёзную

причину. "Вы поедите со мной, Миледи? Я обещаю, что Вы сможете уехать и возвратиться в лагерь Айбары в любое время. Не смотря на то, что Вы пострадали от Детей раньше, Вы будете в безопасности. Я клянусь в этом."

Моргейз кивнула ему. "Дамодред," сказал Айбара, "подождите."

Галад повернулся, снова кладя руку на меч. Не как угрозу, а как напоминание. Многие в павильоне начали шептаться. "Да?" спросил Галад.

Вы хотели справедливого судью," сказал Айбара. "Вы бы приняли вашу мать в данной роли?"

Галад не колебался. Конечно; она была королевой со своих восемнадцатых именин, и он видел как она судит. Она была справедлива. Строга, но справедлива.

Но примут ли её другие Дети? Она обучалась у Айз Седай. Они рассматривают её как одну из них. Проблема. Но если это поможет выйти из настоящей ситуации, то он сможет заставить их увидеть истину.

"Я согласен," сказал Галад. "И если я поручился за неё, мои люди сделают также."

"Хорошо," сказал Айбара, "Я тоже согласен."

Оба мужчин повернулись к Моргейз. Она стояла в простом жёлтом платье, выглядя в этот момент как королева. "Перрин," сказала она, "если я буду судьей, я буду беспристрастной. Ты принял меня, когда нужна была защита, за это я тебе благодарна. Но если я решу, что ты виновен, я не изменю своего решения."

"Пусть будет так" сказал Айбара. Он казался искренним.

"Лорд Капитан-Командор" шепнул Байар в ухо Галаду. "Я боюсь, что это будет фарс! Он не сказал, что примет наказание."

"Нет, не подчинюсь" сказал Айбара. Как он расслышал их разговор? "Это было бы бессмысленно. Вы считаете меня другом Темного и убийцей. Вы не примет в расчет мои слова при вынесении приговора, тем более, если бы я был под вашей стражей. Чего я позволить не могу."

"Видите?" сказал Байяр, громче. "Какой смысл?"

Галад встретился с золотыми глазами Айбары. "Это решит суд," сказал он, становясь увереннее. "И законные основания. Я начинаю понимать, Чадо Байер. Мы должны доказать наши обвинения, в противном случае мы не лучше Асунавы".

"Но суд не будет справедливым!"

Галад обратился к высокому солдату. "Вы ставите под сомнение беспристрастность моей матери ?"

Тощий человек замер, потом покачал головой. "Нет, Лорд Капитан-Командор."

Галад снова обратился к Айбаре. "Я прошу Королеву Аллиандре придать официальный статус этому делу в ее королевстве."

"Если Лорд Айбара потребует этого, я сделаю." В ее голосе чувствовалась неловкость.

"Я прошу об этом, Аллиандре" сказал Перрин. "Но только, если Дамодред согласиться отпустить всех моих людей, которых он удерживает в плену. Он может оставить припасы, но люди должны быть освобождены, вы должены пообещать."

"Очень хорошо" сказал Галад. "это произойдет, когда начнется разбирательство. Я обещаю. Где мы встретимся?"

"Дай мне несколько дней на подготовку."

"Через три дня" ответил Галад. "Мы проведем слушания здесь, в этом шатре, на этом месте."

"Приводи своих свидетелей." произнес Айбара "Я буду здесь."

Глава 27

Призыв к сопротивлению

Я не против того, чтобы подвергать сомнению действия Лорда Дракона, читала Эгвейн письмо , сидя в своем кабинете. Действительно, чем более неограниченной становится власть человека, тем более необходимо сомневаться в его поступках. Однако, знайте, что я не тот человек, который легко нарушает свою преданность, а я отдал свою преданность ему. Не за трон, что он дал мне, а за то, что он сделал для Тира. Да, он становится все более непредсказуемым с каждым днем. Что еще мы должны ожидать от Дракона Возрожденного? Он сломает мир. Мы знали это, когда обещали ему нашу верность, так же как матрос должен иногда быть верным капитану, который ведет корабль прямо на мель. Когда позади поднимается смертельная для корабля буря , мель - единственно верный выбор. Тем не менее, ваши слова пробудили во мне беспокойство. Разрушение печатей это не то, что мы должны предпринять без тщательного обсуждения. Лорд Дракон поручил мне набрать ему армию, и я это выполнил. Если вы предоставите обещанные врата, я приведу несколько отрядов на место встречи, а также преданных Высоких Лордов и Леди. Примите во внимание, однако, что присутствие Шончан к западу от меня по прежнему серьезно гнетет мой разум. Большая часть моей армии должна остаться позади.

Высокородный лорд Дарлин Сиснера, Король Тира под властью Дракона Возрожденного Ранда АлТора

Эгвейн постучала пальцем по листу. Она была поражена - Дарлин изложил свои мысли на бумаге, а не передал их через гонца устно. Если гонец будет захвачен, его слова всегда можно опровергнуть. Осудить человека в измене на основании показаний одного человека трудно.Однако слова записанные на бумаге . . . Смело. Подписывая письмо, Дарлин подчеркнул: "Мне все равно, если Лорду Дракону станет известно, что я написал. Я не отступлюсь от этого."

Но оставить позади большую часть его армии? Нет. Эгвейн макнула перо в чернильницу. "Король Дарлин. Ваша забота о стране была оценена по достоинству, как и верность человеку, за которым Вы следуете.

Я знаю, что Шончан являются угрозой для Тира, но нельзя также забывать, что, в первую очередь, все наше внимание в эти

самые тяжелые дни необходимо сосредоточить на Темном, а не на Шончан. Вероятно, Вам легче думать, что Вы находитесь в безопасности от Троллоков, так как линия фронта далеко от Вас. Но в каком положении Вы окажетесь, когда однажды защитная "подушка" в виде Андора и Кайриэна лопнет? Вы отделены от Шончан сотнями миль.

Эгвейн остановилась. Тар Валон тоже был отделен от Шончан сотнями миль, но они его едва не разрушили. Он прав, что боится их. Он хороший король. Но ей нужна его армия на Поле Меррилор. Возможно, она могла бы предложить ему такой выход, при котором он мог бы и остаться в безопасности, и помочь ей с Рандом.

Иллиан держится, написала она. Он и есть тот буфер, который обеспечит защиту между Вашей страной и Шончан. Я предоставлю Вам переходные врата и обещаю, что если Шончан выступят на Тир, я открою для Ваших войск врата, чтобы Вы могли вернуться и защитить свой народ.

Она помедлила в сомнении. Было весьма вероятно, что Шончан уже освоили перемещение. Никто не мог теперь быть в безопасности, никто не знал, насколько близко они могли уже быть. Если они решат напасть на Тир, то, вероятно, просто отрыть врата для Дарлина, будет уже не достаточно, чтобы помочь его стране.

Ее пробрала дрожь при воспоминании о времени, проведенном в плену Шончан в качестве дамани. Она чувствовала к ним отвращение, смешанное с ненавистью за то, что временами эти воспоминания продолжали ее беспокоить. Но ей необходима поддержка Дарлина. Она стиснула зубы и продолжила писать.

Возрожденный Дракон должен увидеть все наши войска, построенные, чтобы оказать сопротивление осуществлению его опрометчивых намерений. Если он увидит нашу нерешительность, то мы никогда не сможем его отговорить сойти с выбранного пути. Пожалуйста, присоединяйтесь вместе со всей Вашей армией.

Она посыпала письмо песком, затем сложила и запечатала. Дарлин и Илейн были монархами двух самых сильных государств. И оба были важны для ее планов.

Далее шел ответ на письмо Грегорину Лушеносу из Иллиана.

Напрямую, она не сообщала ему, что Маттин Стефанос находится в Белой Башне, но намекала на это. Также, в разговоре с Маттином она сообщила ему, что он свободен уехать или остаться. Не в ее привычках держать монархов против их желания.

К сожалению, Маттин теперь боится возвращаться. Он

отсутствовал слишком долго, и для него теперь Иллиан казался карманной игрушкой в руках Возрожденного Дракона. Вероятно, так оно и есть. Бардак.

В тоже время - Грегорин - еще одна проблема. Наместник в Иллиане не торопился принять ее сторону, он более Дарлина был запуган Драконом, да и Шончан не пустой звук для него. Фактически - они стучались в его ворота.

Она написала Грегорину решительное письмо, давая ему обещание подобное тому, что она дала Дарлину. Возможно, она могла бы договориться с Маттином о задержке с отбытием - это то, что хотели бы оба мужчины, хотя она, конечно же, не позволит Грегорину об этом узнать - в обмен на его войска, расположенные на севере.

Она понимала перспективу того, что делала. Она использовала объявление Ранда как сигнал, с помощью которого соберет монархов и свяжет их с Белой Башней. Они придут поддержать ее аргументы против разрушения печатей. Но в конечном счете они послужат человечеству в Последней Битве.

Раздался стук в дверь. Подняв голову, она увидела, как Сильвиана быстро заглянула внутрь. Женщина показала письмо. Оно было туго перевязано, для того чтобы голубь мог его нести.

"Ты выглядишь мрачной," - заметила Эгвейн.

"Вторжение началось," - ответила она. - "Сторожевые башни вдоль границ с Запустением замолчали, все сразу. Волны троллоков движутся под облаками, которые бурлят чернотой. В Кандоре, Арафеле и Салдэйе война."

"Они держатся?" - спросила Эгвейн, почувствовав всплеск страха.

"Да," - сказала Сильвиана. - "Но новости не точны и отрывочны. Это письмо - от тех глаз-и-ушей которым я доверяю - сообщает, что таких крупных атак не было с Троллоковых Войн."

Эгвейн глубоко вздохнула. "Что с Тарвиновым ущельем?"

"Я не знаю."

"Узнайте. Пригласите сюда Суан. Она возможно знает больше. У Голубых сеть информаторов более обширна. Суан конечно не может знать всё, но ей следовало бы знать об этом.

Сильвиана коротко кивнула. Она не сказала об очевидном - сеть Голубых - принадлежит Голубой Айи, а вовсе не Амерлин. Но, приближается Последняя битва. Поэтому должны быть сделаны уступки.

Сильвиана тихо закрыла дверь и Эгвейн взяла перо, чтобы закончить свое послание к Грегорину. Но её снова прервал стук в дверь, на этот раз гораздо более поспешный. Секундой позже Сильвиана распахнула дверь.

"Мать", сказала она. "Они собрались. Как вы и предполагали"

Эгвейн почувствовала укол раздражения. Она спокойно опустила перо и встала. "Давайте пройдем к ним."

Она оставила свою работу и поспешно вышла. В приемной Хранительницы Летописей, она встретила двух Принятых - Николь, которая недавно прошла испытание, и Нису. Ей хотелось бы, чтобы они обе прошли испытание на Шаль до Последней Битвы.

Они молоды, но сильны, а вскоре нужна будет каждая сестра - неважно кто, пусть даже такая как Николь, она должна быть прощена.

Эти двое сообщили новости о Собрании. Послушницы и принятые в большинстве своем были верны Эгвейн, но их мнение часто игнорировалось сестрами. Сейчас они остались позади, в то время как Эгвейн и Сильвиана торопились на Совет.

"Я не могу поверить, что они попытаются сделать это," сказала Сильвиана тихо, пока они шли.

"Это не то, что ты думаешь," догадалась Эгвейн. "Они не будут пытаться свергнуть меня, разделение слишком свежо в их памяти."

"Тогда зачем встречаться без тебя?"

"Есть способы противостоять Амерлин, не свергая ее."

Она давно ждала этого, но от этого проблема не казалась менее сложной. Айз Седай, к сожалению, это Айз Седай. Это вопрос времени, когда кто-нибудь решит попробовать ее власть на свой зубок.

Они добрались до Зала. Эгвейн распахнула двери и вошла. Ее появление было встречено молчанием и взглядами Айз Седай. Не все были здесь, но примерно две третьи кресел были заняты. Она была удивлена, увидев трех Красных сестер.А как же Певара и Джавиндра? Это означало, что их продолжительное отсутствие подтолкнуло Красных к действиям. Вместо них присутствовали Рэчин и Вириа Соннорал. Сестры были единственными единокровными сестрами в Белой Башне, теперь когда Вандене и Аделис был мертвы. Странный выбор, но не неожиданный.

И Романда и Лилейн были тут. Они спокойно встретили пристальный взгляд Эгвейн. Как странно, видеть их здесь с сестрами с которыми у них имеются разногласия. Но общий противник — Эгвейн — мог залечить любые раздоры. Возможно, она должна быть рада этому.

Единственной Голубой была Лилейн, так же как и единственная Коричневая болезненно выглядящая Такима. Меднокожая Коричневая старалась не встречаться взглядом с Эгвейн. Две Белых, две Желтых, включая Романду, две Серых и

трое Зеленых. Эгвейн плотно сжала зубы, когда увидела, что Айя которые она должна была объединить - Айя, которую она бы выбрала, послужила источником большого огорчения на этот момент.

Эгвейн не отчитала их за встречу без нее; она просто прошла вниз между ними, Сильвиана, объявила о ней. Эгвейн повернулась и села на место Амерлин, спиной к огромному розовому окну.

Эгвейн излучала спокойствие.

"Итак?", - наконец заговорила Романда. Серые стянутые в пучок волосы Желтой делали ее похожей на волчицу сидящей напротив входа в собственное логово.

"Вы хотите что-нибудь сказать нам Мать?"

"Вы не сообщили мне об этом заседании" сказала Эгвейн: "Я так полагаю, что вам не нужны мои слова. Я просто пришла посмотреть."

Слова Эгвейн, еще больше смутили собравшихся. Сильвиана прошла к ней, по пути великолепно изобразив неудовольствие.

"Хорошо," взяла слово Рубинда. "Я полагаю, мы собрались здесь, что-бы выслушать известия от Саройи."

Массивного телосложения Белая была одной из Восседающих, покинувших Башню после возвышения Элайды, но и в Салидаре она принесла свою долю неприятностей. Эгвейн не была удивлена, увидеть ее здесь. Женщина стояла, демонстративно не глядя на Эгвейн. "Я добавлю свое заявление. В дни...неопределенности внутри башни...."-это означало раскол; лишь немногим сестрам нравилось говорить об этом прямо-"Амерлин сделала именно так, как указала Романда. Мы были застигнуты врасплох, когда она призвала к объявлению войны.

"Среди законов Башни, есть положения, которые дают Амерлин почти неограниченную власть, в случае официального объявления войны. Подстрекаемые к началу войны с Элайдой, мы дали Амерлин средства подчинить ей Совет Башни". Она оглядела комнату, не поворачиваясь к Эгвейн. "Мое мнение таково, что она попытается провернуть что-то подобное еще раз. Это должно быть предотвращено. Совет предназначен уравновешивать власть Амерлин".

Она присела.

Услышанные слова принесли Эгвейн в действительности облегчение. Никто никогда не мог быть уверен, какие интриги происходили в Белой башне. Эта встреча означала, что ее планы шли, как ей хотелось бы, и что ее враги, ну или ее вынужденные соратники не видят, что она на самом деле делает. Они были

заняты противодействием тем ее поступкам, которые были совершены несколько месяцев назад.

Это не означало, что они не были опасны. Но когда человек предвосхищает опасность, он может с ней справиться.

"Что мы можем сделать?", - спросила Магла, мельком бросив взгляд на Эгвейн.

-Будем благоразумны.

"Нужно убедить Совет Башни, что его ни в кое мере не ограничивают."

"Мы не можем объявить войну", - твердо сказала Лилейн.

"И что будем молчать?" - сказала Варилин.

"Войну объявила одна половина Башни другой , но не Тени? "

"Война," - нерешительно произнесла Такима, - "уже была объявлена Тени."

Неужели необходимо еще и официальное заявление? Разве самого нашего существования недостаточно?Разве, в действительности, не клятвы определяют нашу позицию?

"Но мы должны сделать некое объявление," - сказала Романда. Она было самой старшей среди них, и, вероятно, она и вела собрание. "Что-то, что определит позицию Совета и поможет разубедить Амерлин в ее опрометчивом намерении объявить войну."

Романда не выглядела смущенной тем, что здесь происходило. Она смотрела прямо на Эгвейн. Нет, она и Лилейн не скоро простят ей выбор Красной на пост Хранительницы.

"Но как мы разошлем наше сообщение? - спросила Андая. "Я имею в виду, что нам делать? Заявит ли Совет, что никакого объявления войны не было? Не будет ли это смешным?"

Женщина замолчала. Эгвейн отметила, что кивает, хотя и не в след произнесенным словам. Она была возвышена в особых обстоятельствах. Если оставить Совет, он попытается упрочить свою власть, чтобы сделать сильнее Эгвейн. Этот день легко может стать шагом назад. Могущество Амерлин менялось от века к веку - одни правили почти самостоятельно, а другие были под контролем Восседающих.

"Я верю, что Совет проявит мудрость" осторожно сказала Эгвейн.

Восседающие повернулись к Эгвейн. Некоторые смотрели с облегчением, другие, кто получше знал Эгвейн, насторожились. Отлично. Пусть лучше видят ней угрозу, чем беззащитное дитя. Она надеялась, что они будут в конечном счете уважать ее как своего лидера, но только время могло помочь ей в этом.

"Борьба между фракциями в Башне - это совсем другая война", - продолжила Эгвейн. "Это была полностью моя битва как

Амерлин, и началась она из-за разногласий вокруг Престола Амерлин.."

"Но война против Тени значительно больше, чем борьба отдельного человек. Она больше, чем просто Вы или я, больше чем Белая Башня. Это борьба самой жизни, всех людей от обездоленных нищих до самых могущественных королев."

Восседающие притихли, задумавшись.

Романда высказалась первой. "И Вы не будете возражать против участия Совета в ведении войны, управлении армией генерала Брина и Гвардией Башни?"

"Все зависит от того," ответила Эгвейн, "как будет оформлено это предложение." В коридоре послышались шаги. В зал поспешно вошла Саэрин в сопровождении Джани Френд. Они посмотрели на Такиму, и та съежилась, как испуганный воробышек. Саэрин и другие сторонники Эгвейн должны были узнать об этом заседании только после самой Эгвейн.

Романда откашлялась. "Возможно нам следует поискать что-то в Законе Войны, что может помочь."

"Я уверена, Романда, что ты изучила его достаточно хорошо" сказала Эгвейн. "Что ты предлагаешь?"

"Существует положение, возвышающее совет на время войны" сказала Романда.

"Но для этого требуется согласие Амерлин." заметила лениво Эгвейн. Если это игра Романды, то как она собиралась получить согласие Амерлин, на этом собрании, без Амерлин? Может быть у нее есть другой план.

"Да, это потребует согласия Амерлин", сказала Рэйчин. Это была высокая, темноволосая женщина, любившая укладывать волосы башенкой на голове. "Но, мне показалось, вы согласны принять эту меру."

"Хорошо," Эгвейн постаралась выглядеть зажатой в угол. "участие совета в решении военных вопросов довольно сильно отличается от запрета руководить мне армией. Что, по вашему должна делать Амерлин, если не следить за военными действиями?"

"Согласно докладам, вы посвятили себя прениям с королями и королевами," сказала Лилейн. "Это кажется прекрасным занятием для Амерлин".

"Вы настаиваете на этом?" сказала Эгвейн. "Совету передается управление армией, а мне политика и Монархи?"

"Я.... " сказала Лилейн. "Да, я бы проголосовала за это."

"Я думаю, я могу с этим согласится," сказала Эгвейн.

"Должны ли мы выдвинуть данное предложение на голосование? спросила Романда быстро, моментально

ухватившись за предложенный вариант.

"Очень хорошо," сказала Эгвейн. "Кто встанет в поддержку данного предложения?"

Рубинда поднялась на ноги, к ней присоединилась Файсэле и другая зеленая, Фарнаш. Рэчин и ее сестра быстро поднялись, хотя Барасин наблюдала за Эгвейн, сузив глаза. Рядом встала Магла, и Романда, неохотно к ней присоединилась. Медленно поднялась Ферэйн. Следующая встала Лилейн. Они бросали друг на друга кинжальные (враждебные) взгляды.

Их стало девять. Сердце Егвейн забилось быстрее, когда она взглянула на Такиму. Женьщина выглядела очень обеспокоено, как бы пытаясь разобраться, каков план у Эгвейн. Следующая была Саройа. Расчетливая Белая изучала Эгвейн, дергая себя за мочку уха. Вдруг ее глаза широко раскрылись, и она открыла рот чтобы говорить.

В это момент, прибыли Дозина и Юкири входя в помещение

Саэрин сразу вскочила. Дозин обвела взглядом женьщин вокруг нее. "За что мы голосуем?"

"За важное дело," ответила Саэрин.

"Хорошо, тогда я полагаю, я тоже проголосую за него."

"И я," сказала Юкири.

«Кажется, меньшее согласие достигнуто,» сказала Саэрин. «Совету дана власть над армией Белой Башни, в то время как Амерлин дается власть и ответственно за переговоры с мировыми монархами.»

«Нет!» закричала Саройя, вскакивая на ноги. «Разве вы не видите? Он король! «Он держит лавровый венок. Вы только что дали Амерлин единоличную ответственность за все решения касательно Возрожденного Дракона!»

В зале воцарилась тишина.

"Я думаю," сказала Романда, "безусловно, она..." Она замолчала, когда повернулась, и увидела спокойное лицо Эгвейн.

"Полагаю, кто-нибудь должен спросить насчет большего согласия", сухо сказала Саерин. "Хотя вам уже удалось весьма умело повеситься меньшей веревкой".

Эгвейн встала. "Когда я сказала что решения Совета мудры, я именно это и имела в виду, и никто тут не повесился. Со стороны Совета мудро дать мне наказ заниматься Драконом детали- для него нужна твердая, знакомая рука. Вы также мудро отметили, что подробности управления армией требуют слишком много моего внимания. Вы хотели бы выбрать кого-то из вас одобрять и санкционировать все запросы припасов и схемы вербовки со стороны Генерала Брина. Уверяю вас, их множество.

"Я довольна, что вы увидели необходимость помочь Амерлин,

хотя я огорчена скрытным характером этой встречи. Не пробуйте отрицать, что это было сделано в тайне, Романда. Я вижу ты хочешь мне возразить. Если ты желаешь что-то сказать, знай, что я тотчас пришпилю тебя Тремя Клятвами ".

Желтая воздержалась от ответа.

"Как вы могли не усвоить всей глупости подобных действий?" сказала Эгвейн. "Ваша память так коротка?" Она обвела взглядом женщин, и была удовлетворена числом тех, кто поморщился.

"Настало время," продолжила Эгвейн, "исправить то, что было сделано. Я предлагаю покончить с подобными собраниями. Я предлагаю вписать в Закон Башни, что если Восседающая покидает Башни, ее Айя должна назначить ей замену на время ее отсутствия для голосования в совете. Я предлагаю вписать в Закон также, что Совет не может быть созван без присутствия всех Восседающих или их заместителей, либо, должны быть веские причины для их отсутствия. Я предлагаю, чтобы Амерлин ставили в известность заранее о каждом заседании Совета, если она пожелает присутствовать, за исключением, когда она не может быть найдена или больна."

"Смелые перемены, Мать," произнесла Саэрин. "Вы предлагаете изменить традиции, которые были созданы на протяжении веков".

"Традиции, в которых находили лазейки предательство, злословие, разделение," ответила Эгвейн. "Пришло время закрыть эти лазейки, и они будут закрыты Саэрин. Совсем недавно черные Айя очень эффективно использовали их для манипулирования нами и свержения Амерлин, возвышения куклы на ее место, и разделения Башни. Знаете ли вы, что Кандор, Салдэя и Арафел кишат Отродьями Тени? "

Некоторые из сестер ахнули. Другие кивнули, в том числе Лилейн. Таким образом, сеть Голубых была все еще надежной. Хорошо.

«Последняя битва уже на пороге,» - произнесла Эгвейн. «Я не откажусь от своего плана. Либо вы встанете сейчас, либо останетесь в истории как женщины, которые струсили. Как вы можете не встать сейчас на защиту Открытости и Света, когда грядет Закат Эпохи? Разве не должны вы – ради всех нас – сделать все возможное и невозможное, чтобы Совет не собирался без вашего присутствия? Исключив одного участника, вы рискуете сами остаться не удел.»

Женщины молчали. Одна за другой, те кто стояли, снова сели, готовясь к новому голосованию.

"Кто встанет за это?" спросила Эгвейн.

Они встали. Проклятье, они встали - по одной, медленно,

неохотно. Но они сделали это. Каждая из них.

Эгвейн сделала глубокий вдох. Они, возможно, интриговали и вздорили по мелочам, но поступали правильно, когда было нужно. Они часто не соглашались, потому, что у них были разные мнения о путях достижения цели. И иногда забывали, что это за цель.

Выглядя потрясенными, от того, что они сделали, присутствующие на заседании начали расходится. Снаружи, начали собираться сестры, удивленные, обнаружив, что собирался Совет. Эгвейн кивнула Саэрин и другим своим соратницам, вышла из комнаты, вместе с Сильваной и направилась к себе.

"Это была победа," сказала Хранительница, когда они остались одни. Её голос звучал удовлетворённо. "Но Вы, тем не менее, отказались от контроля над нашей армией."

"Я должна была," сказала Эгвейн. "Они могли бы вырвать у меня командование когда угодно; сейчас же я получила кое-что взамен".

"Влияние на Возрождённого Дракона?"

"Да," сказала Эгвейн, "но я больше имела в виду закрытие этой лазейки в Законе Башни. До тех пор, пока Совет мог собираться относительно тайно, моя власть - власть любой Амерлин - можно было обойти. Теперь, если они захотят плести интриги, они должны будут делать это передо мной. Сильвиана слегка улыбнулась. "Я подозреваю, что после такого результата интриг, как сегодня, Мать, они будут менее решительны в будущем.

"Это мысль," сказала Эгвейн. "Хотя я сомневаюсь, что Айз Седай когда-либо прекратят интриговать. Им просто нельзя позволить играть в кости с Последней Битвой и Возрожденным Драконом."

Вернувшись в свои покои Эгвейн обнаружила поджидавших ее Николь и Нису. "Вы хорошо сделали," сказала им Эгвейн. "Очень хорошо. В самом деле, я думаю, чтобы дать тебе больше ответственности Николь. Пройдите к площадке для перемещений, отправляйтесь в Кэймлин - королева будет ждать вас. Вернитесь с тем, что она передаст."

"Да, Мать," сказала довольная Николь. "Что она даст нам?"

"Тер'ангриал, используемый для того, чтобы посетить Мир Сновидений. Я собираюсь начать обучение тебя, и еще нескольких девушек, использовать его. Ни в коем случае, не пользуйся им без моего разрешения. Я пошлю солдат с тобой." ответила Эгвейн. Этого достаточно, чтобы держать их под контролем.

Обе принятые сделали реверанс и вышли глубоко взволнованные. Сильвиана посмотрела на Эгвейн, "Ты не обязала

их молчать, эти принятые обязательно будут хвастаться, что проходят обучения с тер'ангриалом."

"Я полагаюсь на это," сказала Эгвейн, подходя к двери кабинета.

Силвиана подняла бровь.

"Я не собираюсь позволить девушкам причинить себе вред", продолжила Эгвейн. "На самом деле, они будут делать намного меньше, чем могут в Теларанриоде. Розил была вежлива со мной до сих пор, но она никогда не позволит подвергнуть Принятых опасности. Это нужно, чтобы начались слухи."

"Какие слухи?"

«Гавин спугнул убийцу», продолжила Эгвейн. «В эти дни не было убийств, и я полагаю, мы должны благодарить его за это. Но убийца до сих пор не найден, и я видела черных сестер, следящих за мной в Теларанриоде. Если я не могу поймать их здесь, я буду ловить их там. Но сначала я должна найти способ обмануть их, пусть они думают, что знают где нас найти.»

До тех пор, пока они будут искать вас, а не этих девушек,» сказала Сильвана спокойным, голосом, но звучащим как сталь. Она была Наставницей Послушниц.

Эгвейн, поморщилась, вспоминая про те вещи, которые она проходила, Принятой. Да, Сильвана, была права. Она должна позаботится, о том, чтобы не подвергать Николь и Ниссу аналогичным опасностям. Она выжила и стала сильнее, но не следует проводить других, через такие же испытания, пока есть выбор.

«Я позабочусь о них,» сказала Эгвейн. «Мне просто нужно, чтобы кто-то распространил слух, что у меня планируется очень важная встреча. Если я правильно рассчитала, наш призрак не сможет противостоять, такой возможности»

"Смелый план"

"Важно," сказала Эгвейн. Она смутилась, придерживая дверь рукой. "Говоря о Гайвине, ты узнала в какой город он сбежал?"

"Вообще то, Мать, у меня было примечание об этом ранее сегодня. Кажется, хорошо, что он не находится в городе. Одна из сестер, передающих Ваши сообщения Королеве Андора, возвратилась с новостями о том, что видела его там."

Эгвейн застонала, прикрыв глаза. Этот человек убьёт меня. "Передайте ему чтобы возвращался. Не смотря на то, что он приводит меня в бешенство, я собираюсь использовать его в ближайшее время."

"Да мать", - произнесла Сильваана, убирая лист бумаги.

Эгвейн вернулась к своим неоконченным письмам. Времени оставалось мало. Очень, очень мало.

Глава 28

Странности

"Что ты задумал, муж мой", - спросила Фейли.

Они вернулись в свой шатер после переговоров с Белоплащниками. Действия Перрина удивили и воодушевили ее, но так же и беспокоили.

Он снял куртку. "Я чувствую что-то странное в ветре, Фэйли. Запах, который я никогда не встречал." он медлил, взглянув на нее. "Здесь нет волков."

"Нет волков?"

"Я не чувствую их." смотря вдаль, сказал Перрин. "Некоторые были здесь раньше. Но теперь они ушли."

– Ты говорил, они не любят быть близко к людям.

Он стянул рубаху, обнажив мускулистую грудь, поросшую темными курчавыми волосами. "Сегодня было слишком мало птиц, слишком мало зверюшек в подлеске. Сожги Свет это небо! В нем ли причина или в чем-то другом?" Он вздохнул, садясь на край кровати.

"Ты собираешься идти ... туда?" спросила Фэйли.

"Что-то не так" повторил он. "Я должен это выяснить до суда. Возможно ответы в волчьем сне."

Суд. – Перрин, мне не нравится эта идея.

– Ты зла на Майгдин?

– Конечно я зла на Майгдин, – сказала она. Они вместе прошли через Малден, и она не рассказала Фэйли, что она была Королевой чертова Андора? Это выставляло Фэйли дурой, подобно хвастуну из маленького городка, похваляющемуся своим умением обращаться с мечом перед мастером клинка.

– Она не знала, могла ли она нам доверять, – сказал Перрин. – Кажется, она бежала от одного из Отрекшихся. Я бы на ее месте тоже скрывался.

Фэйли сверкнула на него глазами.

"Не смотри на меня так" сказал Перрин "Фейли, она не хотела выставить тебя в дурном свете. У Майгдин были свои причины. Оставь ее."

Это заставило ее почувствовать себя немного лучше, это было так замечательно, что он теперь отстаивает свою точку зрения. – Что ж, это вызывает во мне интерес, кем обернется Лини. Какой-нибудь королевой Шончан. Мастер Гилл Король Арад Домана в бегах?

Перрин улыбнулся. "Я полагаю, что они ее спутники. По крайне мере Гилл тот кем назвался. У Балвера возможно случился припадок от того, что он не смог догадаться."

– Бьюсь об заклад, что он понял, кто она, – сказала Фэйли, становясь на колени рядом с ним. – Я имею ввиду то, что я сказала об этом суде. Я волнуюсь.

"Я не позволю схватить себя" ответил он. "Я лишь сказал, что буду участвовать в суде, чтобы дать им шанс пред'явить доказательства."

– Тогда в чем смысл? – Сказала Фэйли.

"Суд даст мне больше времени на раздумья," сказал он, "и возможно позволит мне не убивать их. Капитан Белоплащников, Дамодред - в его запахе есть что-то хорошее в отличие от остальных. Нет бешенства или ненависти. Это освободит наших людей, и позволит мне представить свои аргументы. Этот запах хорош для человека, который должен высказать свое мнение. Быть может это то, в чем я нуждался все это время."

"Хорошо" согласилась Фэйли. "Но в будущем предупреждай меня о своих планах."

"Согласен" сказал он, зевая и ложась на спину. "По правде говоря, эта идея не приходила мне в голову до последнего момента".

Фейли с трудом воздержалась от комментария. По крайней мере, что-то хорошее случилось на переговорах. Она заметила как Берелейн смотрела на Дамодреда, и ей редко приходилось видеть, чтобы глаза женщины так ярко сияли. Фейли могла бы воспользоваться этим.

Она посмотрела вниз. Перрин уже тихо храпел.

Перрин обнаружил себя сидящим и прислонившимся спиной к чему-то твердому и гладкому. Слишком темное, почти дьявольское небо волчьего сна бушевало над лесом из пихт, дубов и болотных миртов.

Он встал, затем повернулся и посмотрел на то, к чему прислонялся. Массивная стальная башня, тянущаяся к бушующему небу. Слишком прямая, со стенами, которые выглядели как один кусок бесшовного метала, башня вызывала совершенно неестественное ощущение.

Я говорил тебе, это место зло, послал Прыгун, вдруг оказавшийся рядом с Перрином. Глупый щенок.

– Я не приходил сюда по собственному желанию, – запротестовал Перрин. – Я проснулся здесь.

Твои разум сконцентрировался на нем, сказал Прыгун. Или разум того, кто связан с тобой.

"Мэт" сказал Перрин, не осознавая как он это узнал. Цветная

круговерть не появилась. Ее никогда не было в волчьем сне.

Такой же глупый щенок как ты?

"Возможно еще более безрассудный."

Прыгун пах недоверчиво, как-будто не желая поверить, что такое возможно. Пришел, послал волк. Он вернулся.

"Следуй" послал Прыгун.

"Что такое?"

Прыгун исчез. Перрин, нахмурившись, последовал за ним. Теперь он мог легко уловить запах там, где прошел Прыгун. Он появился на Джеханнахском Тракте, и та странная фиолетовая стеклянная стена снова была там, разделяя дорогу пополам, простираясь высоко в воздух и вдаль в каждую сторону. Перрин подошел поближе к дереву. Его голые ветви казались вмурованными в стекло, намертво.

Прыгун бегал неподалеку. "Мы видели такое и раньше" послал он. Очень, очень давно. Много жизней назад.

"Что это?"

Вещь людей.

Послание Прыгуны включало беспорядочные образы. Полет, пылающие диски. Невероятные высокие сооружения из металла стали. Вещь из Эпохи легенд? Прыгун не понимал их назначение, не больше, чем он понимал, для чего нужны телега или свеча.

Перрин посмотрел вниз на дорогу. Он не узнавал эту часть Гэалдана; может быть это дальше к Лугарду. Стена появилась в месте отличном от того, где она появилась в последний раз.

Ему в голову пришла мысль, Перрин переместился на несколько прыжков ниже по дороге. Сотня шагов. Он посмотрел назад и подтвердил свои подозрения. Стекло образовало не стену, а гигантский купол. Прозрачный, с фиолетовым оттенком, он казалось, простирался на лиги.

Прыгун переместился под пятно, придя, чтобы встать рядом с ним. Мы должны идти.

– Он там, не так ли? – Спросил Перрин. Он потянулся. Дубовый Танцор, Искорки и Бесконечный были рядом. Впереди, внутри купола. Они ответили быстрыми, неистовыми посланиями, охота и они охотятся.

– Почему они не убегают? Спросил Перрин.

Прыгун послал замешательство.

– Я иду к ним, – сказал Перрин, готовясь броситься вперед.

Ничего не произошло.

Перрин почувствовал укол паники в животе. Что не так? Он попытался снова, но на этот раз оказался у основания купола.

Сработало. Он прибыл в мгновение ока, эта стеклообразная поверхность отвесной скалой возвышалась перед ним. Это тот

купол, подумал он. Он блокирует меня. Внезапно, он понял чувство, пойманных в ловушку, что волки послали. Они не могли выбраться.

Тогда каково назначение этого купола? Поймать волков, так чтобы Губитель смог убить их? Перрин рычал, подходя к поверхности купола. Он не мог пройти, вообразив себя по другую сторону, но возможно он мог бы пройти более обычным способом. Он поднял руку, затем замешкался. Он не знал, как подействует прикосновение к поверхности.

Волки послали изображения человека в черной коже, с грубым, морщинистым лицом и касающейся его губ улыбки, когда он пускал стрелы. Он пах неправильно, очень неправильно. Еще он пах мертвыми волками.

Перрин не мог оставить их там. Так же, как не мог оставить Мастера Гилла и других в руках Белоплащников. Взбешенный Губителем, он дотронулся до поверхности купола.

Его мускулы вдруг потеряли силу. Он почувствовал себя водой, его ноги не могли удержать его. Он упал на землю, жесткую. Его ступня все еще касалась купола, проходя через него. Купол, казалось, не имел вещества.

Его легкие больше не работали; раздувание его груди было слишком трудным. Испуганный, он вообразил себя в другом месте, но это не работало. Он был пойман в ловушку, надежно, как волки!

Серо-серебряное пятно появилось рядом с ним. Челюсти схватили его за плечо. Как только Прыгун вытянул его за пределы фиолетового купола, Перрин почувствовал, что сила возвращается к нему. Он тяжело дышал.

Глупый щенок, послал Прыгун.

"А ты бы их оставил?" измученно спросил Перрин

Нет глупости исследовать дупло. Глупость не подождать меня на случай, если вылетят шершни. Прыгун повернулся к куполу. Помоги мне, если я упаду. Он подался вперед, затем дотронулся своим носом до купола. Прыгун споткнулся, но выпрямился и медленно прошел. На другой стороне он упал без сил, но его грудь продолжала вздыматься и опадать.

– Как ты это сделал? – Спросил Перрин, поднимаясь.

Я есть я. Прыгун такой каким он себя видел - точно такой каким он и был. Те же запахи силы и прочности.

Уловка, казалось, должна была быть в полном самоконтроле. Подобно многим вещам в волчьем сне, сила воображения здесь была мощнее, чем сущность этого мира.

Иди, послал Прыгун. Будь сильным и пройдешь.

"У меня есть идея получше", сказал Перрин, вставая. Он

разогнался вперед на полной скорости. Ударился о фиолетовый купол и сразу обмяк, но инерция движения перенесла его на другую сторону, где он кувыркнулся и упал. Он застонал, болело плечо и царапины на руках.

Глупый щенок, послал Прыгун. Ты должен учиться.

"Сейчас не время", сказал Перрин, поднимаясь на ноги. "Мы должны помочь другим."

Запаха стрелка, густой, черный, смертельный. Смех охотника. Запах человека, который был неестественно древний. Убийца был здесь. Прыгун и Перрин побежали вниз по дороге, и Перрин обнаружил, что может увеличивать скорость в пределах купола. Ориентировочно, он пытался прыгать вперед усилием воли, и это работало. Но когда он попытался отправить себя за пределы купола, ничего не произошло.

Так купол – был барьером. Все что находилось внутри его, могло свободно двигаться, но не могло выйти за его пределы, представляя себя в другом месте. Он должен был пройти стену купола физически, если хочет выйти из него.

Дубовый Танцор, Искорки и Безграничый находились впереди. И Губитель тоже. Перрин тряхнул головой – беспорядочные послания затопили его. Темный лес. Губитель. Казалось, он так высок, что для волков он был темным монстром с лицом, как будто выточенным из скалы.

Кровь на траве. Боль, голод, ужас, сметение.

Искорки была ранена. Другие двое прыгали взад и вперед, скалясь и отвлекая Губителя пока Искорки ползла к границе купола.

-Осторожней, Юнный Бык, - пришло послание Прыгуна.

- Этот человек хороший охотник. Он двигается подобно волку, хотя на самом деле он что-то неправильное.

"Я отвлеку его. Ты возьмешь Искорки"

У тебя есть руки. Ты осторожный. В послание Прыгуна было, что он конечно же старше и опытней, а он Перрин все еще щенок.

Перрин стиснул зубы, но не стал спорить. Прыгун был опытнее, чем он. Они разделились, Перрин потянулся к Искорки, чтобы найти её, скрытую в чаще деревьев и переместить себя прямо туда.

Бурая волчица со стрелой в бедре, тихо поскуливая ползла оставляя за собой кровавый след. Перрин присел на колени и быстро вытащил стрелу. Волчица продолжала скулить, от неё пахло страхом. Перрин поднял стрелу. От неё пахло злом. Испытывая отвращение он отбросил её в сторону и взял волчицу.

Что-то затрещало рядом, и Перрин резко крутанулся. Безграничный выпрыгнул из-за двух деревьев, от него пахло

тревогой. Двое других волков уводили Губителя прочь

Перрин повернулся и побежал к ближайшему краю купола, неся Искорку. Он не мог прыгнуть прямо к краю купола, потому что не знал, где он находится.

Он выскочил из-за деревьев, сердце колотилось. Волк в его руках, казалось, становился сильнее, после того, как ему вытащили стрелу. Перрин побежал быстрее, увеличивая скорость, безрассудно, перемещаясь так быстро, на сотни шагов за раз, что все вокруг размывалось. Приближалась стена купола, и он замедлил движение.

Неожиданно Губитель оказался здесь, стоя перед ним, направляя на него лук. Он был одет в черный плащ, который вился вокруг него, он больше не улыбалась, его взгляд внушал ужас.

Он выстрелил. Перрин переместился и не видел куда попала стрела. Он появился там где он первый раз вошел в купол; Ему нужно пройти первым. Он бросился через фиолетовый купол, упав уже по другую сторону барьера, выронив Искорки.

Волк взвизгнул. Перрин ударился.

Юнный бык! Искорки послала образ Губителя, тёмного как грозовые тучи, стоящего прямо за барьером с натянутым луком.

Перрин не смотрел. Он сместился, послав себя на склоны горы Дракона. Оказавшись там, он тревожно вскочил на ноги. В его руках появился молот. Стая волков, оказавшаяся по-близости, послала ему приветствие. Перрин не ответил на него.

Губителя не было. Через несколко мгновений появился Прыгун. "Остальные ушли?" спросил Перрин.

Они свободны. Шептун мертв. Послание показало волка - со стороны других волков в стае. Убийства происходят в моменты когда появляется купол. Искорки приняла стрелу, в панике прижавшись к его краю.

Перрин зарычал. Он чуть снова не бросился против Губителя, но только осторожность Прыгуна остановила его. Слишком рано. Ты должен учиться.

"Не только здесь", произнес Перрин. "Мне нужно осмотреть местность вокруг моего лагеря и лагеря Белоплащников. Что-то неправильное в запахе, там в реальном мире. Мне нужно видеть, нет ли чего странного там."

"Странного?" Прыгун послал образ купола.

"Возможно они связаны." Две странности казалось были больше, чем просто совпадение.

Выбери другое время. Губитель слишком силен для тебя.

Перрин глубоко вздохнул. "Прыгун, в конце концов я встречусь с ним лицом к лицу."

Но не сейчас.

"Да" согласился Перрин. "Сейчас мы будем тренироваться." Он повернулся к волку. "Этим мы будем заниматься каждую ночь, пока я не буду готов."

* * *

Родел Итуральде повернулся на другой бок в своем гамаке, шея покрылась липким потом. Неужели в Салдае всегда было так жарко и влажно? Он мечтал о доме, свежем океанском бризе Бандар Эбана.

Вещи казались неправильными. Почему отродья Тени не атаковали? Сотни причин роились в его голове. Может они ждут подхода нового оружия для осады?

Или их командиры довольны ситуацией с осадой?

Окружить целый город, в то время как количество троллоков было вполне достаточно для окончательного разгрома осажденных.

Они били в барабаны. 11 часов. Бум, бум, бум. Равномерно, как биение сердца огромного животного, самого Великого Змея, обвившегося вокруг города.

Показались первые лучи-предвестники рассвета. Он не мог уснуть после того, как минула полночь. Дерхем, который командовал сменой утренней стражи, распорядился не беспокоить Итуралде до 12 часов. Его палатка была поставлена в укрытой полумраком нише внутреннего двора. Он хотел быть ближе к стене и отказался от кровати. Это было глупо. Хотя раньше он запросто обходился плащом, сейчас он был уже совсем не молод. Завтра он выберет другое место.

"Теперь спать", - сказал он сам себе.

Но это было не так-то просто. Обвинение, что он был Присягнувшим Дракону, ставило его в неопределенное положение. В Арад Домане он сражался за короля, люди верили в него. Теперь он сражался в чужой стране за человека, с которым встречался лишь один раз. Всё потому что так подсказывала ему интуиция.

Свет, было жарко. Пот бежал по его щекам, а шея зудела. Утро не должно быть таким жарким. Это не естественно.

Эти треклятые барабаны всё ещё били. Он вздохнул, поднимаясь с пропитанной потом койки. Его нога болела. Это продолжалось уже несколько дней.

Ты старик, Родел, думал он, снимая нижнее бельё и одевая чистое. Он заправил свои брюки в высокие сапоги для верховой езды. Затем надел простую белую рубашку с чёрными пуговицами, а потом серую куртку, которую он застегнул до воротника.

Он пристёгивал меч к поясу, когда услышал торопливые шаги за пределами комнаты, сопровождаемые шёпотом. Те перешёптывания становились возбуждённее, и он вышел из комнаты в тот момент когда кто-то сказал: "Лорд Итуралде захочет узнать это!"

"Узнать что?" спросил Итуралде. Посыльный спорил с его охранниками. Все трое повернулись смущаясь.

"Простите, Милорд," сказал Коннел. "Мы получили указание охранять Ваш сон."

"Человек способный спать в такую жару должен быть наполовину ящирецей, Коннел," сказал Итуралде. "Парень, о чём речь?"

"Капитан Джоели на стене, сир," сказал юноша. Итуралде узнал этого юношу - он был с ним с начала этой компании. "Он сказал, что Вы должны приехать."

Итуралде кивнул. Он положил руку на плечо Коннела. "Спасибо за то что заботишься обо мне, старый друг, но эти кости не так слабы, как ты думаешь."

Коннел кивнул, покраснев. Охрана заняла своё место за его спиной, как только он пересёк двор. Солнце взошло. Многие из его войска уже встали. Слишком многие. Он был не единственным, у кого были проблемы со сном.

Со стены ему открылось, приводящее в уныние, зрелище. На мертвой земле лагерь тысяч и тысяч Троллоков, жгущих костры. Итуралде не хотел думать откуда взялись дрова для этих костров. С надеждой, что жители близлежащих деревень и ферм услышали сигналы об эвакуации.

Джоли стоял опираясь на зубчатый выступ стены, рядом с человеком в чёрной куртке. Дип Бхадар был старшим среди ашаманов, которых дал ему ал'Тор, один из трёх носящих знаки меча и дракона на воротнике. У андорца было плоское лицо и чёрные волосы, которые он долго отращивал. Итуралде иногда слышал как бормочат себе под нос люди в чёрных одеждах, но никогда не видел таким Дипа. Он казался полностью себя контролирующим.

Джоли косился на ашамана; Итуралде не чувствовал себя комфортно с людьми, способными направлять. Но они были превосходными орудиями, и ни разу не подвели его. Он предпочитал доверяться опыту, а не слухам.

"Лорд Итуралде," сказал Дип. Ашаманы никогда не отдавали честь Итуралде, только ал'Тору.

"Что случилось?" спросил Итуралде, просматривая орды троллоков. Казалось ничего не переменилось с тех пор, как он отправился спать.

"Ваш человек почувствовал, что кто то направляет", - сказал Джоли.

-"Там за стенами, есть направляющие, Лорд Итуралде", - произнес Дип.

-"Я полагаю их около шести, может быть больше. Мужчины. Я почувствовал касание Силы. Это могло быть в дальней части лагерея. Я думаю, что иногда могу видеть плетение, но это также может быть и только воображение" .

Итуральде выругался. "Вот чего они ждали".

"Что?", - спросил Джоли.

"С собственным ашаманами..."

"Они не ашаманы," воскликнул Дип.

"Это не важно. С собственными направляющими они легко могут разрушить эту стену на кирпичи, Джоли. Это море троллоков хлынет в город и заполнит ваши улицы."

"Нет, пока я тут," сказал Дип.

-Я люблю решительность в солдате Дип, - сказал Итуральде.

-Но посмотри на себя ты вымотан до предела.

Дип метнул на него взгляд. Его глаза были красными от бессоницы, и он стиснул зубы так, что напряглись мышцы на его шее и лице. Он смотрел в глаза Итуралде, надолго задержав дыхание.

"Вы правы," сказал Дип. "Но ни один из нас ничего не может с этим поделать." Он поднял руку, делая то, что Итураллде не мог видеть. Красные вспышки появились на его руке - сигнал которым он призывал к себе других. "Готовьте своих людей, генерал, капитан. Это не может продолжаться долго. Они не могут долго удерживать такую силу... без последствий."

Джоли кивнул, поспешив прочь. Итуралде взял Дипа за руку, чтобы привлечь его внимание.

"Вы, ашаманы слишком важный ресурс, чтобы вас потерять," сказал Итуралде.

"Дракон послал нас сюда чтобы помочь, а не умереть. Если это город падёт, я хочу чтобы вы ушли с раненными. Ты понимаешь, солдат?"

"Многим из моих людей не понравится это."

"Но ты ведь понимаешь, что лучше так," сказал Итуралде. "Не так ли?"

Дип смутился. "Да. Вы правы, как обычно. Я выведу их." Он говорил тихим голосом. "Сопротивление безнадежно, милорд. Независимо от того, что они там готовят, это что-то смертельное. Я предполагаю... но то что Вы сказали о моих ашаманах, также относится и к вашим солдатам. Давайте сбежим." Он сказал слово "сбежим" с горечью.

"Салдейцы не уйдут с нами." "Я знаю."

Итуралде обдумывал это. Наконец он покачал головой. "Каждый день, что мы тут держит этих монстров расстоянии в один лишний день. Нет, я не могу уйти, Дип. Это по прежнему лучшее место борьбы. Ты видел как крепки эти здания; мы можем держаться внутри в течении нескольких дней, заставить их армию потрудиться."

"Тогда мои Ашаманы должны остаться и помочь."

"Вы получили приказ, сынок. Вы уйдете. Это понятно?"

Дип кивнул головой отрывисто, проскрежетав

-Я это сделаю...

Итуралде не услышал конца фразы, в этот момент произошел взрыв.

Он не почувствовал как это произошло. Он только что стоял с Дипом, и вдруг оказался на полу, стены колыхались, а мир странно стих вокруг него. В его голове вопила боль, он закашлялся и поднял руку, чтобы найти место откуда бежала кровь. В его правом глазу было что-то; когда он моргнул так его опалило болью. Почему так тихо?

Он оглянулся кругом, кашль вновь повторился, правый глаз все еще был зажмурен и слезился. Стена обрывался в каких нескольких дюймах от него.

Он ахнул. Огромный кусок северной стены просто исчез. Он стонал, оглядываясь в других направлениях. Дип находился рядом с ним...

Он обнаружил Ашамана с окровавленной головой, лежащим на стене проходящей рядом . Его правая нога заканчивалась разорваной плотью и сломанными костями в том месте где должно было быть колено. Итуралде с проклятиями споткнувшись упал вперед на колени рядом с ним. Лужа крови уже собралась под Дипом, но он ещё дергался. Жив.

Нужно трубить тревогу.

Тревогу? Но взрыв должен был быть тревогой для всех. За стеной постройки были разрушены, разбитые камни громоздились вокруг пролома в стене. Снаружи огромные толпы Троллоков спешили перебраться через ров.

Итуралде снял ремень Ашамана и использовал, чтобы перевязать ему бедро. Это было все, что смог придумать. Его голова все еще пульсировала болью после взрыва.

Город потерян...., Свет! Потерян просто так.

Чьи-то руки помогли ему встать. Изумленно он осмотрелся. Это был Коннел. Он пережил взрыв, хотя его плащ превратился в лохмотья. Он потянул Итуралде прочь, в то время как пара солдат подхватила Дипа.

Следующие минуты он помнил смутно. Итуральде спотыкался по ступенькам ведущим вниз. Только руки Конела удерживали его от падения. И где шатер? Большой открытый шатер? Итуральде заморгал. Полю боя не следовала быть таким тихим.

"Пронизывающе холодный порыв пронесся над ним. Он кричал. Звуки вторглись в его уши и сознание. Вопли, треск камней, рев труб и барабанный бой.

Люди умирали. Все это одновременно обрушилось на него, как-будто бы кто-то вытащил пробки у него из ушей.

Его била дрожь. Задыхаясь, он очнулся в палатке для раненых. Антаил, спокойный Ашаман с редкими волосами, стоял над ним. Свет, но Итуралде совсем вымотался!

Слишком короткий сон, смешанный со слабостью от исцеления. Звуки битвы поглощали его, и он обнаружил, что его веки предательски тяжелы.

'Лорд Итуралде", сказал Антейл, "у меня есть плетение, которое не сделает вам лучше, но вы будете чувствовать себя хорошо. Но это может навредить вам."

"Вы хотите чтобы я продолжил?"

"Я ...", сказал Итаруалде. Слова выходили как бормотание. "Это ..."

"Кровь и кровавый пепел", пробормотал Антейл. Он подался вперед. Еще одна волна Силы прошла через него. Это захлестнуло его, убирая усталость и смятение, восстанавливая его чувства, заставляя чувтсвовать себя так, как будто он прекрасно проспал всю ночь. Его правый глаз больше не болел.

Была какая-то затяжная усталость глубоко в его костях. Он мог ее игнорировать. Он встал, вдохнул и выдохнул, потом посмотрел на Антейла.

"Сейчас это полезное плетение сынок. Ты должен был сказать мне, что умеешь это делать"

"Это опасно", сказал Антейл. "Более опасно, чем женское плетение, как я уже говорил. В некотором смысле более эффективно. Вы получаете бдительность сейчас, и более глубокое истощение позже."

"Позже, мы уже не будем в центре города, разрушенного Троллоками. Свет, по крайней мере надеюсь на это. Дип?"

" Я увидел его первым ", сказал Антейл, указывая на А'шамана, лежащего на соседней кровати, его одежда была подпалена, лицо окровавлено. Его правая нога оканчивалась зажившим обрубком, и он выглядел живым, несмотря на то, что был без сознания.

-Коннел, - позвал Итуральде.

"Милорд," сказал солдат поднимаясь. Он нашел отряд солдат, которых задействовал в качестве своей личной гвардии.

"Давайте взглянем на этот беспорядок", сказа Итуралде. Он выбежал из палатки для раненых, к дворцу Кордамора. Город был в хаосе, группы салдейцев и доманийцев бросались туда и сюда. Коннел, проявляя предусмотрительность, послал гонца чтобы найти Джоэла.

Дворец был рядом, прямо напротив ворот. Он был поврежден взрывом, но здание все еще выглядело достаточно крепким. Итуралде использовал его как коммандный пункт. Люди будут искать его именно здесь. Они вбежали внутрь. Коннел нес меч Итуралде, пояс которого был разрезан в нескольких местах. Они вскарабкались на третий этаж и выбежали на балкон, чтобы оценить масштаб разрушений, нанесенных взрывом.

Как он первоначально и опасался, город был потерян. Пролом в стене защищали наспех набранные разрозненные отряды. Троллоки подобно приливной волне снесли мост через ров, некоторые бросились вперед, ведомые Исчезающими. Люди в панике бежали по улицам.

Имей он больше времени на подготовку, он мог бы удержаться, как он и говорил Дипу. Не сейчас. Свет, но эта оборона была одним сплошным несчастьем

Собери Ашаманов, - приказал Итуральде,

-И всех моих офицеров которых найдешь. Мы должны организовать отступление людей к переходным вратам.

"Так точно, милорд" ответил Коннел.

-Итуралде нет, - Джоли, чья форма была испачкана и порвана выскочил со стороны балкона.

-Ты жив, - с облегчением сказал Итуралде.

"Великолепно. Но... Воин твой город потерян. Мне очень жаль. Возьми своих людей и мы сможем... "

-Смотри, - Джоли указывал Итуралде на восточное направление. Большой столб дыма расцветал в далеке. Троллоки подожгли деревню?

-Сигнальный огонь, продолжал Джоли.

-Моя сестра придет к нам на помощь. Мы должны держаться до их подхода.

Итуралде колебался.

-Джоли, - тихо сказал он.

-Если даже их силы прибудут, этого все равно не достаточно, чтобы справиться с этой ордой Троллоков. И это может быть ловушкой. Отродья Тени часто использовали ее в прошлом.

"Дайте нам несколько часов", - сказал Джоли.

-Удерживайте город и пошлите разведчиков через переходные

врата, если действительно увидите подход подкреплений.

-Несколько часов?, - переспросил Итуралде.

-С проломом в стене? Мы разгромлены Джоли.

-Прошу вас, взмолился Джоли.

-Или вы не один из Великих Полководцев?

-Покажите мне, что это возможно, Лорд Родел Итуралде.

Итуралде повернулся, спиной к пролому в стене. За ним в верхней комнате дворца он мог слышать, как собираются его офицеры. Линия стены была разорвана. Это не продлится теперь долго.

Покажи мне, что это значит. Возможно...

"Тимос ты здесь?", проревел Итуралде.

Рыжеволосый мужчина в черном пальто вышел на балкон. Теперь он возглавлял Ашаманов после ранения Дипа.

-Слушаю милорд Итуралде.

"Собери своих людей," - сказал Итуралде быстро. - "Прими к командование над отступающими солдатами..." Я хочу чтобы Ашаманы удержали пролом.

Мне нужно пол часа. Я хочу, чтобы вся ваша сила, все чем вы располагаете было использовано против Троллоков. Ты слышишь меня? Все ваши силы до последней капли. И если после этого у вас не будет сил, чтобы даже зажечь свечу. Значит вы справились.

-Сир, - спросил Ашаман, - Наше отступление?

-Возьмешь Антаила из лазарета, - сказал Итуральде.

-Он может создать достаточно большие врата для отступления Ашаманов. Но до этого вы должны удерживать пролом.

Тимот выругался в сторону. "Джоли," - позвал Итуральде. "Твоя работа собрать свои силы и удержать их от бегства из города, как ... Он запнулся.

Он чуть было не сказал "как-будто это Тармон проклятый Гайдон." Сожги меня!

... будто больше некому командовать. Если мы хотим удержаться, мы должны быть организованы и дисциплинированы. Мне нужно четыре кавалерийских отряда во дворе чере десять минут.

- Отдай приказы.

-Так точно милорд, - Джоли щелкнул каблуками.

"О", сказал Итуралде, оборачиваясь. "Мне понадобится пара телег для дров, также столько бочек с маслом, сколько вы сможете достать, и все раненые из любой армии, кто все еще может работать, но у кого ранено лицо или руки. Кроме того, доставьте мне из города кого-нибудь, кто когда либо держал лук. Вперед!" Примерно через час, Итуралде стоял, заложив руки за

спину, ожидая.Он перешел с балкона, и теперь смотрел из окна, не подвергая себя риску. Но он все еще хорошо видел боевые действия.

Силы Ашаманов занявших позиции перед дворцом были истощены. Они дали ему куда больше, чем пол часа. Раз за разом отбрасывая волны наступающих троллоков ударами Силы. К счастью Направляющие со стороны врага так и не появились. После удара удара по стене они были опустошены и обессилены.

Казалось, что уже сумерки, из-за массивных облаков над головой и групп, темнеющих на холмах за городом. Троллоки, к счастью, не взяли лестницы или осадные башни. Только волна за волной они накатывали на пролом, подгоняемые в атаку Мурдраалом.

Некоторые из людей в чёрных плащах уже хромали прочь от пролома, они выглядели истощённым. Последняя небольшая группа, бросив огненные шары и создав подземные взрывы, последовала за остальными. Они оставили пролом полностью открытым и без защиты. Как и было приказано.

Ну же, подумал Итуралде, когда дым рассеялся.

Троллоки выскочили из тумана, карабкаясь по трупам, убитых Аша'манами. Отродья тени бежали на своих копытах или толстых лапах широкими прыжками. Некоторые принюхивались.

Улица за проломом была заполнена специально помещёнными кровоточащими и ранеными людьми. Убегая, они начали кричать, как только троллоки вошли, как и было приказано. Похоже их страх совсем не был притворным. Сейчас, когда стены близлежащих зданий тлели, как от взрыва, крыши были в огне и огонь прорывался сквозь стены, картина выглядела ещё ужаснее. Троллоки не знали, что каменные крыши были сделаны так, что не гореть, а законы всегда ограничивали слишком большое количество дерева в домах.

Итуралде задержал дыхание. Троллоки прорвались, вбежали в город, воя и крича, разбиваясь на группы, как только видели возможность пограбить и устроить резню.

Дверь позади Итуралде открылась с грохотом и вбежал Джоэл. "Последние шеренги на месте. Сработало?"

Итуралде не ответил. Доказательства были там, внизу. Троллоки решили, что их битва выиграна - взрывной силы Аша"манов хватило только на последний удар и город похоже погрузился в хаос. Троллоки бежали по улицам с явным ликованием. Даже Мурдраал, который вошёл похоже был расслаблен.

Троллоки избегали горящих зданий и дворца, обнесённого стенами. Они двигались глубже в город, преследуя отступающих

солдат по широкому проспекту в восточной части города. Хорошо пригнанная брусчатка позволяла большому привлекла большое их количество на этот проспект.

"Хочешь стать генералом, капитан Джоэл?", мягко спросил Итуралде.

"Мои желания не важны", сказал Джоэл. "Но только глупец не имеет надежды учиться".

"Тогда обрати внимание на этот урок, сынок". Внизу резко открылись ставни окон вдоль проспекта, захваченного троллоками. На балконах появились лучники. "Если тебе очень сильно кажется, что ты делаешь то, чего ожидает от тебя твой враг, сделай наоборот".

Полетели стрелы и Троллоки умерли. Большие арбалеты стреляющие болтами размером с копья, нацелились на Исчезающих, и многих из них можно было увидеть шатающимися по брусчатке, не понимающих, что они уже умерли, поскольку отряды троллоков, прикреплённых к ним пали. Сбитые с толку, в ярости, существа, которые всё ещё были живы начали мычать и стучать в двери домов, заполненных лучниками. Но как только они начали так делать, раздался гром. Удары копыт. Лучшая кавалерия Джоэл катилась вниз по улице, выставив копья. Они топтали троллоков и вырезали их.

Город стал огромной засадой. Никто не мог бы просить больше преимущества, чем те здания, и улицы, достаточно широкие чтобы позволить кавалерийскую атаку, для того, кто знал их расположение. Троллоки сменили радостный вод на крик боли и лезли друг на друга в спешке пытаясь убраться. Они вошли на дворе за разбитой стеной.

Салдэйские конники последовали за ними. Копыта и бёдра были мокрыми от ядовитой крови павших. Люди появились в окнах "горящих" зданий (огонь был умело создан в отделённых комнатах) и начали посылать стрелы в большой двор. Другие передали новые копья конникам, которые, получив новое оружие, выстроились в линию и врезались в троллоков. Стрелы перестали падать и квалерия сметающей атакой разрезала двор.

Сотни троллоков погибли. Возможно тысячи. Те, которые не умерли толпой вываливались из пролома. Большинство Мурдраалов сбежало. Те, кто не успел - стали мишенью для лучников. Их уничтожение могло убить десятки троллоков, связанных с ними. Исчезающие валились на землю - многие с десятками стрел.

- Я дам команду объединиться и удерживать снова удерживать пролом, - сказал Джоэл воодушевлённо.

- Нет, ответил Итуралде.

"Но..."

- Бой за пролом не даст нам ничего, сказал Итуралде. - Отдай приказ людям переходить в другие дома и пусть лучники займут другие позиции. Разве склады больших зданий не могут спрятать кавалерию? Быстро отправь их туда. А после, мы подождём.

- Они второй раз не попадутся на такое.

- Нет, сказал Итуралде. - Но они будут двигаться медленно и острожно. Если мы бросимся на них очеретя голову, мы проиграем. Если мы подождём, выиграем время, мы победим. Это единственный способ, Джоэл. Выжить, пока не придёт помощь. Если она идёт.

Джоэл кивнул.

- Наша следующая ловушка не убьёт так много, сказал Итуралде, но Троллоки - трусы в глубине сердца. Понимание того, что любая дорога может превратиться в смертельную ловушку заставит их колебаться и выиграет нам больше времени, чем потеря половины людей в попытке удержать стену.

- Хорошо, ответил Джоэл. Он поколебался. - Но... разве это не значит ожидают от нас именно этого? Эта фаза плана сработает только если они будут ожидать засад.

- Похоже это правда.

- Разве не должны мы сделать по другому? Вы говорили ,что если враг знает, что мы собираемся делать, то нужно менять планы.

- Ты слишком многое думаешь, сынок. Иди делай, что приказано.

- Да, мой господин. Он торопливо вышел.

Вот, подумал Итуралде, почему я не обучаю тактике. Тяжело было объяснить ученикам, какое правило превыше всех остальных. Всегда доверяй своим инстинктам. Троллоки будут боятся. Он может это использовать. Он использует всё, что они дадут.

Он не любил думать слишком долго об этом правиле, чтобы не думать о факте - правило уже нарушено. Поскольку все его инстинкты кричали о том, что нужно было оставить город много часов назад.

Глава 29

Тревожные предчувствия

"Как вы думаете, что замыслил Перрин?" спросила Берелейн у Фейли и Аллиандре во время прогулки. Фэйли не ответила. Вечернее небо было подсвечено солнцем, скрытым за облаками. На закате оно озарит горизонт. Через два дня Перрин предстанет перед судом. Фейли знала, что он специально медлил, чтобы дать Аша'манам время на решение странной проблемы с Вратами.

Их армия росла, всё больше людей вливалось в неё. Разведчики докладывали, что силы Белоплащников также росли. Медленнее, но росли. В эти дни армия была символом силы и, в конце концов, еды.

Рощица имбирных деревьев насыщалась водой из ручья рядом с военным лагерем Перрина. Такие необычные растения для этой местности, с их корнями, проросшими до самой воды. Стволы деревьев напоминали жидкое стекло, застывшее, не успев полностью стечь на землю. Ничего подобного в Салдэйе не было. Казалось, что любой неверный шаг может привести тебя в трясину.

- Не ответишь мне? Спросила Берелейн. Она казалась задумчивой в эти дни. Я думала. Возможно будет правильным отправить парламентёра в армию Белоплащников. Как ты думаешь, Перрин позволит мне пойти и поговорить с ними? Возможно я смогла бы говорить персонально от его имени.

Она продолжала поднимать эту тему.

- Нет, сказала Фэйли. Ты знаешь, что его ум занят этим судом, Берелейн.

Первенствующая поджала губы, но не стала настаивать. Втроем они продолжили прогулку, в сопровождении десяти Дев. Однажды, Фэйли уже потеряла бдительность. Как раз перед тем как была внезапно захвачена, и так легко.

Вдалеке она увидела небольшую группу беженцев, выходящую из лагеря и направляющуюся на юго-восток по пересеченной местности. Перед тем как начались проблемы с созданием врат, примерно десять тысяч человек было послано в деревни под Кайриэном. Всем было наказано вести себя тихо. Перрин еще не хотел обнаруживать свое местоположение. Женщины могут помалкивать, но мужчины, конечно же, начнут сплетничать, как обычно.

Немногие знали о трудностях с Вратами. Большинству же

Перрин сообщил, что сила Ашаманов необходима на случай защиты от Белоплащников. Это не было ложью. И все же некоторые спрашивали позволения уйти, пусть даже и пешком. Фэйли давала им немного золота или драгоценностей из запасов Севанны и желала всего хорошего. Она была удивлена тем, как много людей хотели вернуться в земли, захваченные Шончан.

Несмотря на количество отбывающих размер армии Перрина рос с каждым днем. Фэйли и ее сопровождающие миновали группу людей, выполняющих упражнения с мечом. Беженцев, которые решили тренироваться, набралось уже почти двадцать пять тысяч. Они занимались допоздна, и Фэйли все еще могла слышать отрывистые приказы Тэма.

"Итак." - продолжила Берелейн свои размышления. - "Что Перрин собирается делать? Почему согласился на этот суд? Он хочет чего-то добиться от этих Белоплащников." Она обошла кривое имбирное дерево. Первенствующая, как и многие другие, находила в поступках Перрина много такого, чего в них никогда и не было. Его бы повеселило, если бы он узнал, что они ему приписывают.

И она заявляет, что понимает людей, подумала Фэйли. Перрин ни в кое мере не был глупым, или таким простым, каким он любит себя называть. Он планирует, размышляет и действует осторожно. Но при этом слишком прямой. Осмотрительный. Перрин говорит именно то, что думает.

"Я согласна с Берелейн," - сказала Аллиандре. - "Нам нужно было или уйти, или атаковать этих Белоплащников."

Фейли покачала головой. "Перрина беспокоит, когда люди думают, что он сделал что-то неправильно. Пока Белоплащники продолжают настаивать на том, то он убийца, его имя не будет очищено". Он упрям и глуп, но благороден.

И будет таким, пока не будет убит. Но, она любит его именно за эту честность. Изменять его бессмысленно, но ей пришлось сделать так, чтобы другие не воспользовались им.

Фейли заметила, что как всегда, при обсуждении Белоплащников у Берелейн загорелись глаза, и она почти бессознательно взглянула в сторону, где был их лагерь. Свет. Не собиралась ли она снова просить позволения говорить с ними? Берелейн приведет дюжину причин в поддержку такого плана.

Фейли заметила большую группу солдат, старающихся выглядеть незаметными, как будто они патрулируют лагерь, но при этом идут с ней и ее охраной шаг в шаг. Перрин хотел защитить ее.

- Этот молодой Капитан Коммандор, лениво произнесла Аллиандре, он выглядит достаточно внушительно в своей форме,

не так ли? Если отбросить это солнце на его плаще. Такой красавчик.

"Да?" ответила Берелейн. И неожиданно на щеках появился румянец.

- Я всегда слышала, что пасынок Моргейз - красавец, продолжила Аллиандре. Но я не ожидала, что он будет... совершенством.

- Как статуя, вырезанная из мрамора, прошептала Берелейн, реликвия Эпохи Легенд. Идеальная вещь, оставленная нам, чтобы поклоняться.

- Сносный, презрительно фыркнула Фэйли. Я предпочитаю лицо с бородой.

Это не было ложью - ей нравились борода на лице, и Перрин был прекрасен. Кроме того он был чрезвычайно силен, что было весьма привлекательно. Но Галад Дамодред был ... ну, это было несправедливо сравнивать его с Перрином. Это все равно, что сравнивать стеклянное окно со шкафом изготовленным хорошим плотником. Оба были прекрасными образцами в своем роде и их трудно сопоставить друг с другом. Но окно все-таки блестит.

Выражение лица Берелейн казалось отрешенным. Ей определенно нравился Дамодред. Такой короткий срок для того, чтобы это случилось. Фейли советовала Берелейн найти другого человека для своего внимания, чтобы погасить слухи... но командир Белоплащников? Или женщина потеряла всякий разум?

"И что же мы будем делать?" спросила Аллиандре, когда они обогнули южную сторону лагеря, пройдя половину лагеря.

"С Белоплащниками?" спросила Фейли.

"С Майгдин", ответила Аллиандре."Моргейз"

"Я не могу избавиться от ощущения, что она воспользовалась моей добротой", сказала Фейли. "После всего, что мы все прошли вместе, она не сказала мне, кто она такая?"

"Ты слишком строго её судишь", сказала Берелейн.

Фейли не ответила. Она думала о том, что сказал Перрин, наверно он прав. Фейли не следует сердиться. Если Моргейз действительно бежала от одного из Отрекшихся, то это было чудо, что она все еще жива. Кроме того, сама Фейли соврала Перрину о том кто она при первой встрече.

По правде говоря она сердилась из-за того, что Моргейз собиралась судить Перрина. Она осмелилась судить Перрина. Горничная Майгдин может быть благодарна ему, но Моргейз Королева увидит в Перрине соперника. Будет ли Моргейз действительно вести суд честно или она рискнет использовать его для того, чтобы дискредитировать человека, который сам объявил себя лордом?

Я чувствую себя также как и вы, миледи, мягко сказал Аллиандре.

- Как именно?

- Обманутой, ответила Аллиандре. Майгдин была нашей подругой. Я думала, что знаю её.

- Ты действовала бы точно также в её ситуации, сказала Берелейн. Зачем давать информацию, если ты не обязана?

Потому, что мы были подругами, ответила Аллиандре. После того, что мы прошли вместе, оказывается, что она Моргейз Траканд. Не просто королева - Королева. Женщина - легенда. И она здесь подавала нам чай. К сожалению.

"Вы должны признать," задумчиво сказала Фейли, "она очень хорошо подает чай".

Фэйли поднесла руку к шее и коснулась шнурка с камнем Роланда. Она не носила его каждый день, но одевала достаточно часто. Была ли Моргейз фальшивой всё время, когда они были у Шайдо? Или наоборот она была более настоящей? Без заслуженных титулов, ей не не приходилось выглядеть "легендарной" Моргейз Траканд. В таких обстоятельствах будет ли проявляться настоящая натура человека?

Фэйли схватила шнурок. Моргейз назло не повернет суд против Перрина. Она предложит честное правосудие. Поэтому Фэйли следует подготовиться, быть готовой -

Рядом раздались крики.

Фэйли среагировала мгновенно, поворачиваясь к деревьям. Инстинктивно она ожидала Айильцев, выпрыгивающих из кустов, чтобы убивать и брать в плен, и в какой-то момент по настоящему запаниковала.

Но крики раздавались изнутри лагеря. Оборачиваясь, она выругалась, когда что-то дернулось на ее поясе. Посмотрела вниз и с удивлением заметила, как её нож сам вылетел из ножен и поднялся в воздух.

- Пузырь зла!, воскликнула Берелейн, отступая в сторону.

Фейли быстро наклонившись упала на землю, когда нож рассек воздух на ее головой. Он почти попал. Едва Фэйли начала подниматься, как увидела кинжал Берелейн, который порвал ее платье, вылетев из скрытого кармана.

Позади Берелейн в лагере раздавались шум и крики. Неподалеку ополченцы были рассеяны мечами и пиками летавшими в воздухе. Казалось, что все оружие в лагере пробудилось к жизни и пыталось поразить своих хозяев.

Двигайся. Фэйли уклонилась от своего ножа, который снова напал, но седая фигура в темном схватила его и крепко удерживала. Сулин кувыркнулась, вместе с кинжалом; стиснув

зубы рванула его к земле и об камень сломала у рукояти лезвие.

Он прекратил двигаться. Копья Сулин, тем не менее, выпрыгнули со своих мест за её спиной и крутились в небе, с острями направленными на неё.

Беги!, крикнула Дева, разворачиваясь в попытке принять сразу все три копья.

- Куда? потребовала ответа Фэйли, поднимая камень с земли. - Оружие везде. Берелейн сражалась со своим кинжалом. Она схватила его, но кинжал боролся с ней, выворачивая ей руки. Аллиандре была окружена тремя ножами. Свет! Фэйла внезапно почувствовала, что ей повезло. Сегодня она взяла только один.

Несколько Дев бросилось помогать Аллиандре, кидая в ножи камни, при этом приходилось уворачиваться от копий. Берелейн осталась одна.

Сжав зубы, чувствуя себя идиоткой за помощь женщине которую ненавидела - Фэйли вскочила и присоединилась к Первенствующей. Вместе они прижали кинжал к земле. Когда они сделали это, кинжал остановился.

Фэйли осторожно отпустила кинжал, и посмотрела на растрепанную Берелейн. Женщина зажимала здоровой рукой разрез на ладони, из которого струилась кровь. Она кивнула Фэйли. "Спасибо".

"Что остановило его?" спросила Фэйли, сердце сжалось. Крики звучали со всего лагеря. Проклятия. Лязги оружия.

"Земля?" спросила Берелейн, стоя на коленях

Фейли взяла горсть земли. Она обернулась, с тревогой отметив, что одна из Дев упала, хотя другие побороли несколько копий. Фейли кинула землю в одно из оставшихся копий.

Когда земля коснулась копья, оружие упало. Сулин это увидела, и ее глаза расширились, это было видно, несмотря на то что ее лицо было закрыто вуалью. Она присела возле окружающее ее камней, схватила горсть земли, и бросила вверх, распыляя ее над головой, копье уже летело в сердце.

Земля остановила его, и оно упало на землю. Рядом находились охранники Фэйли и ее окружения, а также другие солдаты, они находились в еще худшем положении.

"Быстрее!" прокричала Фейли Деве, опустившей обе руки на землю. "Расскажите об этом! Пусть другие знают, как остановить оружие!" Она бросила на землю на кинжалы Алиандре, два кинжала упали вслед за первым, а потом побежала к солдатам.

"Нет нужды извиняться, Галад," тихо сказала Моргейз. "Ты не мог знать, что происходит в Цитадели Света. Ты был во многих лигах от того места."

Они сидели в его палатке, поставив стулья друг напротив

друга, послеполуденный свет сиял на стенах. Галад сидел, скрестив перед собой руки, наклонившись вперед. Такой задумчивый. Она вспомнила первые впечатления о нем, давние, когда она вышла замуж за его отца. Ребенок был просто частью сделки, и когда Моргейз приняла его, она всегда беспокоилась, что он чувствует себя менее любимым, чем его брат и сестра.

Галад всегда был таким торжественно-серьёзным. Быстро указывал на ошибки, когда кто-то совершал их. Но в отличие от остальных детей, особенно Илэйн, он никогда не использовал своё знание, как оружие. Она должна была видеть. Она должна была понимать, что Белоплащники привлекут его, своим видением мира в чёрно-белом свете. Могли ли она подготовить его лучше? Показать ему что мир был не только чёрным и белым, да он даже не был серим. Он был полон разных цветов, которые иногда не укладывались в спектр морали.

Он поднял глаза, глядя тревожно и продожая держать руки скрещенными. "Я ошибочно обвинял Валду. Когда я пошел к нему, то сказал, что требую Поединка в Свете, потому что он надругался над тобой и убил. Я был прав наполовину. Я сделал нечто неверное, по крайней мере отчасти. Невзирая на это, я рад, что я убил его ".

Ей перехватило дыхание. Валда имел репутацию одного из величайших живущих фехтовальщиков. И Галад превзошел его в поединке? Этот юноша? Но он уже не был юношей. Галад сделал свой выбор, и ей трудно осуждать его за это. В некотором смысле, его выбор казался более прекрасным, чем ее собственный.

"Ты правильно поступил,"-ответила она. "Валда был предателем. Я уверена, что он стоял за смертью Найола. Ты оказал миру услугу, Галад."

Он кивнул. "За то, что он сделал с тобой, он заслуживает смерти. Но мне в любом случае надо выступить с заявлением." Он встал, сложив руки за спиной, когда он шел, на его белую форму будто падал свет. "Я объясню, что мое обвинение в убийстве было ложным, но, что Валда заслужил смерть за другие преступления. Страшные преступления". Он остановился на мгновение. "Если бы я знал."

"Ты ничего не мог сделать сынок", сказала она. "Мой плен, это только моя ошибка. За доверие к врагам."

Галад махнул рукой. "Гейбрилу невозможно было сопротивляться, если то, что говорят правда. Что касается плена, вы не доверяли врагам. Валда предал и вас, и нас. Дети никогда не будут врагом человека, который ходит в Свете."

"А Перрин Айбара?", спросила она.

"Отродье Тьмы"

"Нет, сынок. Мне не нравятся некоторые вещи, которые он делает, но я клянусь тебе, он хороший человек."

"Тогда суд это докажет", ответил Галад.

"Хороший человек может ошибаться. Но если ты продолжишь, все это может закончится так, как никто из нас не пожелает."

Галад замер, нахмурившись. "Мама, вы намекаете, что ему следует спустить с рук его преступление?"

"Подойди", сказала она, подозвав его жестом. "Сядь наконец. У меня от твоей ходьбы кружится голова"

Да, возможно он возвысился до Лорда Капитан-Коммандора совсем недавно, но он уже в штыки воспринимал указания. Однако, он сел.

Чудно, она снова почувствовала себя королевой. Галад не видел ее в течении многих месяцев. Он думал о ней как о былой Моргейз, хотя рядом с ним она тоже чуть-чуть чувствовала себя былой Моргейз.

Для Найола она была пленницей, но он уважал ее; и Моргейз начала думать, что возможно тоже начнет уважать его. Что случилось с доской, на которой она и Найол играли в камни так часто? Моргейз прогоняла мысли, что она уничтожена в атаке Шончан.

Может ли Галад стать лордом Капитаном-Командором похожим на Найола или он будет лучше? Королева в ней, Королева пробудилась, с желанием принести в мир свет и разогнать темноту.

"Галад,"спросила она. "Что ты собираешься делать?"

"С судом?"

"Нет. Со своей армией."

"Мы будем сражаться в Последней Битве"

"Превосходно", ответила она. "Но ты знаешь, что это значит?"

"Это значит сражаться вместе с Возрожденным Драконом"

"И с Айз Седай."

"Мы можем служить вместе с ведьмами какое-то время, если это во имя общего блага"

Она закрыла глаза, и выдохнула. "Галад послушай себя. Ты называешь их ведьмами? Ты пошел чтобы тренироваться с ними, и возможно стать Стражем!"

"Да."

Она открыла глаза. Он казался таким искренним. Даже самые смертоносные и жестокие гончие могут быть искренними. "Ты знаешь, что они сделали с Илейн, мама?", спросил он.

"Ты хочешь сказать, что потерял ее?" Моргейз все еще была разгневана из-за этого.

"Они отправили ее на миссии", сказал он, с отвращением в

голосе. "Они не позволили мне увидеть ее, вероятно, потому что она была в опасности. Я встретил ее позже, вне башни."

"Где она?", спросила Моргейз с нажимом.

"Здесь на юге. Мои люди называют Айз Седай ведьмами. Иногда я удивляюсь, как это не далеко от истины."

"Галад..."

"Не все женщины, владеющие Единой силой, непременно коварны," сказал он. "Это - ошибочная традиция Детей Света. Истинный путь Света говорит только, что искушение использовать Единую силу может испортить. Я полагаю, что женщины, которые теперь управляют Белой Башней, позволили своим эгоистичным планам и заговорам ослепить их."

Она кивнула, не желая спорить. Хвала Свету, что Элайды не было здесь, чтобы услышать такую логику!

"В любом случае, продолжил он. "Мы будем сражаться вместе с ними, и Возрожденным Драконом, и этим Перрином Айбара, если это будет необходимо. Борьба с Тенью важнее всех других проблем."

- Тогда давай присоединимся к этой битве, сказала она - Галад, забудь о суде! Айбара собирается распустить часть своей армии, а оставшихся отдать Ал'Тору.

Он встретился взглядом с ней, затем кивнул. - Да, теперь я вижу, что Узор привёл тебя ко мне. Мы поедем с тобой. После суда.

Она вздохнула.

"Я делаю это не по собственной прихоти," сказал Галад, снова вставая. "Айбара сам предложил суд. Совесть не дает ему покоя, и отказать ему было бы неправильно. Надо дать ему возможность доказатьть свою невиновность нам, и самому себе. Тогда мы сможем идти дальше." Он задумался непроизвольно дотронувшись до своего меча в белых ножнах на туалетном столике. "И если мы продолжим без него, то он уйдет на покой в свете, заплатив за свои преступления". "Галад," сказала она:" Ты знаешь, Лини была среди людей, которых вы взяли с обозом Перрина. "

"Ей надо было подойти ко мне. Я бы отпустил ее."

"Но она не подошла. Я слышала, что ты угрожал казнить заключенных, если Перрин откажется сражаться. Ты бы действительно это сделал? Их кровь легла бы на тебя. Кровь Лини, Галад!"

"Я. .. я бы увидел ее среди них и освободил."

"Таким образом, ты бы убил других", сказала Моргейз. "Беззащитных, вся винна которых лишь в том, что они люди Айбары?"

"Казни никогда бы не произошло. Это была просто угроза"

"Ложь."

- Ба, в чём смысл всего этого, Мать?

"А ты что думаешь, сын?. Что я должна похвалить тебя, оставить тебя с твоими тупыми иллюзиями. Жизнь не так проста, как подброшенная монета у которой всего две стороны. Разве я не рассказывала тебе историю о суде над Тэмом Фэлмли?"

Галад нахмурился и покачал головой.

"Выслушай меня. Он был уважаемым каменщиком в Кэймлине и обвинялся в убийстве своего брата в первые годы моего правления. У него была отличная репутация доброго человека, но случай был достаточно серьезным для того, что бы я лично судила его. И его, в итоге, повесили."

"Достойный конец для убийцы".

"Да," сказала Моргейз. "Но к сожалению, убийца остался на свободе. Один из его работников, на самом деле, совершил это преступление, но открылось это только через два года, когда преступника поймали за другое убийство. Он смеялся над нами, когда мы его вешали. Фэлмли был невиновен все это время. А настоящий убийца, был среди тех, кто требовал его казни, когда шел суд."

Галад замолчал.

"Это единственный раз," промолвила Моргейз: "когда я точно знаю, что я повесила кого-то по ошибке. И теперь скажи мне, Галад. Должна ли я ответить за ошибку в осуждении невинного человека?"

"Ты сделала как лучше, Мама."

"И мертв тот, кто не заслужил этого."

Галад встревожился.

"Дети всегда говорят о том, что они идут в Свете," сказала Моргейз, "что Свет вершит их правосудие, что Свет ведет людей к справедливости". Но на самом деле это не так, Галад. Валда, с благословения Света, совершал ужасные поступки. "И я, с надеждой на Свет, убила невиновного"

"Я не говорю, что Айбара невиновен. В любом случае я слишком мало знаю. Но я хочу, чтобы ты понял. Иногда хороший человек может сделать что-то не так. Иногда, есть смысл, чтобы он понес наказание. В других случаях, в наказании нет смысла, и лучше всего позволить ему продолжить жить и учиться. Как и я продолжала жить и учиться, совершив такую несправедливость с Фелмли".

Галад нахмурился. Это был хороший знак. Наконец, он потряс головой, его лицо прояснилось. "Мы увидим, что нам принесут результаты суда. Это -"

Снаружи постучали. Галад повернулся и нахмурился еще сильнее. "Да?"

"Милорд Капитан Командор" сказал Белоплащник, поднимая полог и затем входя в палатку. Он был худощавым мужчиной с синяками под запавшими глазами. "Мы только, что получили известие из лагеря отродья Айбары. Они просят отложить суд на один день."

Галад встал. "Для чего?" потребовал он.

"Они утверждают, что в лагере случилось происшествие." ответил Белоплащник. "Что-то о необходимости ухода за ранеными. Милорд Капитан Командор, ... возможно это уловка. Какой-то трюк. Нам следует атаковать их или, по крайне мере, отклонить эту бессмысленную просьбу."

Галад колебался. Он посмотрел на Моргейз.

- Это не уловка, сын, сказала она. Уверяю тебя. Если Айбара говорит, что ему нужно больше времени, то он честен с тобой.

"Вот ещё", сказал Галад, отпуская посыльного. "Я поразмышляю над этим. В свете вещей о которых Вы рассказывали, Матушка. Возможно, некоторое дополнительное время, чтобы поразмышлять было бы... желательным."

"Айз Седай, Ашаманы и Хранительницы мудрости говорят, что они работают на пределе возможностей," объяснял Гаул, обходя вместе с Перрином, разные части лагеря. "И при этом могут потребоваться дни, чтобы позаботиться обо всех."

Солнце опускалось к горизонту, но это, вероятно, будет долгая ночь для многих из них, ухаживающих за ранеными. Тысячи пострадали, хотя многие раны, к счастью, были неопасны. Они потеряли немало людей. Слишком многих, возможно, столько же, сколько погибло от укусов змей.

Перрин недовольно заворчал. У самого Гаула рука была перевязана; он отбивался от своих копий, а одна из его же стрел, чуть не убила его. Он принял ее своим предплечьем. Когда Перрин спросил об этом, он рассмеялся и сказал, что прошли уже годы, с тех пор как он последний раз, ранился своей же собственной стрелой. Опять это айильский юмор.

"Мы получили ответ от Белоплащников?" спросил Перрин, поворачиваясь к Аравайн, также сопровождавшей его.

"Да", сказала она. "Но ничего конкретного. Их командир сказал нам, что подумает о том, чтобы дать нам больше времени."

"Ну, он не тот, кто здесь решает," сказал Перрин, входя в часть лагеря, где расположились Майенцы, чтобы проверить людей Берелейн. "Я не рискну сражаться, учитывая тот факт что четверть моих воинов ранены и что мои Ашаманы, устали до смерти от Исцеления. Мы предстанем перед судом, когда я так

решу, и если Дамодред не согласен, то он может только выдвинуться и напасть на нас."

Гаул проворчал, что полностью согласен. Он нес свои копья, но Перрин заметил, что они были связаны более плотно чем обычно. Аравайн несла фонарь, хотя в нем не было необходимости пока. Она заранее подготовилась к долгой ночи.

- Дай мне знать, когда Тэм и Илайас вернутся, - сказал Перрин Гаулу. Перрин послал их по отдельности навестить ближайшие деревни, и убедиться, что люди - те из них, которые не присоединились к проходящей армии, - не пострадали от пузыря зла.

Берелейн привела себя в порядок, ее руку перевязали. В своей палатке она лично перед ним отчиталась, рассказав, сколько ее солдат было ранено, и назвала имена погибших. Всего шестеро в ее лагере.

Перрин, зевая, покинул палатку и отправил Аравин проверить Айз Седай. Гаул убежал, чтобы помочь с ранеными, и Перрин оказался в одиночестве, пока шел в направлении сектора Аллиандре.

Его молот не пытался его убить. Насколько он знал, это было единственное оружие, кому бы оно не принадлежало, которое не откликнулось на пузырь зла. Что бы это значило?

Он покачал головой, затем помедлил, прерывая размышления, так как услышал, как кто-то бежал прямо к нему. Он уловил запах Тэма и повернулся, чтобы встретить крепкого мужчину, когда тот приблизится.

- Перрин, сынок, - сказал запыхавшийся от бега Тэм. - Кое-что странное произошло сейчас.

- Пузырь зла ударил по деревне? - Встревоженно спросил Перрин. - Пострадали люди?

- Ох, нет, - сказал Тэм. - Не там. С деревней все в порядке. Они даже ничего не заметили. Тут другое.

Тэм странно пах. Задумчиво, обеспокоенно.

Перрин нахмурился. - Что? Что происходит?

- Мне... ну, нужно уйти, сынок, сказал Тэм. - Оставить лагерь. Не знаю, когда вернусь.

- Это потому что ...

- Это никак не связано с белоплащниками, сказал Тэм, Мне сказали не очень распространятся. Но это связано с Рандом.

Закружились цвета. Ранд шел по залам Тирской Твердыни. Его лицо было темным. Опасным.

- Перрин, промолвил Тэм, я думаю, что это то, что я должен сделать. Сюда вовлечены Айз Седай, и я должен оставить тебя сейчас. Я не могу больше ничего сказать. Они заставили меня

поклясться.

Перрин взглянул в глаза Тэма и увидел там искренность. Он кивнул.

"Тогда все в порядке. тебе нужна помощь? Кто-то кто будет с тобой, куда бы ты не собирался?"

"Со мной все будет хорошо" ответил Тэм. Он пах смущением. Что происходит? "Я попытаюсь помочь тебе, сынок." Тэм положил руку на плечо Перрину. "Ты поступил правильно. Я горжусь тобой, и твой отец тоже гордился бы. Поступай также. Мы встретимся на Последней Битве, если не раньше."

Перрин кивнул. Тэм торопливо пошел к палатке собирать вещи.

* * *

Тяжело выглядеть царственной, когда тебя несут на стену Кэймлина на носилках, но Илэйн старалась. Иногда получить то, что тебе нужно - важнее, чем выглядеть царственной.

Постельный режим! Для королевы! Ну, для того, чтобы отвязаться от Мелфани, она поклялась, что не будет вставать. Но она ничего не говорила о том, чтобы оставаться в спальне.

Четыре Гвардейцы несли носилки высоко на плечах. Илэйн уютно сидела между подлокотниками, одетая в темно-красное платье, волосы тщательно причесаны, на ее голове Корона Роз Андора.

День был душным, погода становилась теплее, небо по прежнему закрыто темными облаками. В какой-то момент она почувствовала себя виноватой за бедолаг, в парадной форме, которые несли ее по жаре раннего лета. Но эти мужчины пойдут в бой сражаться за нее ; и могут немного потерпеть в эту жару. Как часто гвардейцы удостаиваются чести нести свою Королеву, в конце концов?

Бригитте шагала рядом с носилками, и связь говорила о том, что она развлекалась. Илэйн боялась, что она попытается остановить эту экскурсию, но вместо этого она смеялась! Бригитте, должно быть, решила, что события этого дня - хоть и связаны, с тем, чтобы ослушаться Мэлфани - не таили в себе реального риска для Илэйн или ее малышей. Стражу, в этом виделась возможность увидеть нелепость Илэйн и всей ее процессии, марширующей через город.

Илэйн вздрогнула. Что сказали бы люди? Королеву, сидящую на носилках, торжественно транпортируют к внешней стене? Ну, Илэйн не собиралась позволить сплетням воспрепятсвовать просмотру испытания своими глазами, и её не запугать тиранической акушеркой.

Со стены открывался великолепный вид. Поля, тянущиеся до

Аригилла были слева, суетящийся город - справа. Те поля были слишком коричневыми. Донесения из её земель были ужасны. Девять полей из десяти не проросли.

Носильщики донесли Илэйн до одной из башен, и там произошла заминка, пространство, на лесенке, внутри башни оказалось слишком мало для носилок; демонстрация намечалась на вершине башни. К счастью у носилок имелись укороченные поручни и носильщики смогли продолжить свой путь.

В то время как её несли, она отвлекала себя, думая о Кайриэне. Тамошние Благородные Дома, все до одного утверждали, что нетерпеливо ждут когда она займет трон, и тем не менее ни один не предложил ничего больше чем очень вялая поддержка. Даэс Дэй'Мар была во всем, займет ли трон Илэйн или откажется его занять, и началось это в тот момент, когда Ранд упомянул, что Солнечный трон предназначен ей.

В Кайриэне сотня различных политических ветров всегда дули в ста различных направлениях. У нее нет времени, чтобы изучить все различные фракции прежде, чем она взойдет на трон. Кроме того, если бы ее уличили в том что она участвует в Игре Домов, то ее бы восприняли как одного из претендентов, который просто победил. Она должна была найти способ захватить Солнечный Трон, не слишком вдаваясь во взаимоотношения местных Домов.

"Первое испытание прошло успешно", было написано в ней, "встретимся на стене сегодня для демонстрации".

Илейн поморщилась. Что скажут люди ? Королева, едет на носилках, которые несут к наружной стене? Что ж, Илейн не собиралась позволить слухам помешать ей самолично увидеть испытания, и она не собиралась терпеть издевательства акушерки-тирана. Со стены ей открылся отличный вид. Слева, как на ладони, лежали поля ведущие к Арингиллу; справа жил своей жизнью город. Поля были чересчур коричневыми. Рапорты о положении в области были ужасающими. Девять из десяти полей не взошло.

Носильщики Илейн отнесли ее к одной из башен при городской стене, а затем возникла загвоздка, когда они поняли, что шесты носилок слишком длинны, чтобы развернуться на лестнице внутри башни; демонстрация должна была произойти с ее вершины. К счастью, там были запасные узкие поручни именно для таких ситуаций. Они сняли шесты, взялись за поручни, и проследовали далее.

Пока они несли Илейн, она отвлекала себя, думая о Кайриене. Тамошние Благородные Дома как один утверждали, что с нетерпением ожидают ее восшествия на трон, но никто не

пошел дальше совсем вялой поддержки. Игра Домов был в самом разгаре, и создание группировок, настроенных как на воцарение Илейн - так и на ее неудачу на этом поприще, началось в тот самый момент, как Ранд упомянул, что он собирался передать народ в ее руки.

В Кайриене, сотни различных политических ветров всегда дули в сотнях различных направлений. У нее не было времени, чтобы узнать все о разных фракциях, прежде чем она взойдет на трон. Кроме того, если ее рассматривают как одного из игроков, то могут рассчитывать и на ее поражение. Она должна была найти способ захватить Солнечный трон без излишнего погружения в политику местных Домов.

Носилки Илейн, скрипя, достигли вершины, попав на обзорную площадку башни. На вершине башни, стояла Алундра с одним из прототипов своих драконов. Бронзовая труба была довольно длинной и стояла на деревянном каркасе. Это был просто манекен, для наглядности. Второй, действующий дракон был установлен на вершине следующей пристенной башни . Это было достаточно далеко, так чтобы не подвергать Илейн опасности, если что-то пойдет не так. Стройная Тарабонка, казалось, нисколько не беспокоилась из-за того, что она поставляла оружие, могущее изменить мир королеве иностранного государства; похоже, все что было надо Алундре, это способ вернуться к Шончан, или что-то вроде того, как объяснял Мэт. Илейн провела некоторое время с этой женщиной во время путешествия со зверинцем Люка, но по-прежнему не была уверена, можно ли ей доверять. Следует сказать Мастеру Норри приглядеть за ней. Если, конечно, драконы сработают. Илейн бросила еще один взгляд на людей внизу. Только тогда она поняла, как высоко в действительности находидась. Свет! Я в безопасности, напомнила она себе. Видения Мин. Не то, чтобы она говорила что-либо подобное Бергитте, больше никогда. Она намеревалась прекратить рисковать так сильно. Сейчас не было риска. Ничего опасного. Она отвернулась, прежде чем ее охватит головокружение и осмотрела дракона пристальнее. Он был по форме как большой бронзовый колокол , хотя и длиннее и уже. Как огромная ваза лежащая на боку. Илейн получила не одно послание от разгневанных литейщиков колоколов города. Алундра настаивала, чтобы ее заказ осуществлялся в точности и заставила мужчин переделывать трубу трижды. Глубокой прошлой ночью, громкий треск прокатился по всему городу. Как если бы каменная стена упала, или где-то ударила молния .

Этим утром Илейн получила приглашение от Алудры.

"Ваше Величество," сказал Алудра. "С вами... все в порядке,

да?"

- Со мной всё в порядке, ответила Илэйн, пытаясь сохранить величественность. Дракон готов?

"Да," ответила Алудра. Она была одета в каштановое платье, волнистые волосы были распущены и спускались на талию. Почему нет косы сегодня? Алудра не питала слабости к ювелирным изделиям и Илейн никогда раньше не видела, чтобы она их носила. Её сопровождала группа из пяти человек из отряда Красной Руки - Мэта. Один нес что-то похожее на щетку для чистки труб. У другого в руках была металическая сфера, а остальные тащили маленькую деревянную бочку.

Илейн увидела такую же группу на следующей башне выше. Кто-то поднял шляпу и помахал ей. Кажется Мэт решил наблюдать за ходом испытаний с башни с рабочим драконом. Безрассудный человек. Что если он взорвется как ночной цветок?

"Тогда," сказал Алудра, "мы приступим к демонстрации. Эти мужчины здесь покажут Вам, что делается на другой башне." Она колебалась, когда она разглядывала Илэйн. "Ваше Величество, я думаю, что мы должны найти какую-нибудь подставку, чтобы Вы могли лучше видеть."

Несколькими минутами позже, они нашли несколько небольших ящиков, чтобы подставить их под носилки и поднять Илейн, чтобы она могла видеть поверх зубчатых стен башни. Оказалось, что что-то было построено на далеком холме, хотя оно было слишком далеко, чтобы Илейн могла разглядеть. Алундра вытащила несколько смотровых труб и передала по одной для Илейн и Бергитте.

Илэйн поднесла подзорную трубу к глазу. Одетые манекены. Алудра поставила примерно пятьдесят штук в шеренги на дальнем холме. Свет! Где она достала так много? Скорее всего, Илэйн получит немало красноречивых официальных писем от портных со всего города.

Мэт обещал, что это будет стоить практически любой цены. Конечно же, это был Мэт. Он точно не был самым надежным человеком в округе.

Не он тот, кто отдал бесценный терангреал Тени, напомнила она себе. Она поморщилась. В своей сумке, она несла другую копию Лисьей головы. Эта была одной из трех созданных на текущий момент. Раз уж она будет прикована к кровати , то может с пользой потратить свое время. Будет намного меньше разочарования, если она сможет одновременно также и направлять.

Все три копии медальона с лисьей головой работали также как и первая копия. Она не могла коснуться Источника пока

касалось одного из них, и мощные плетения могли пробить его защиту. Ей действительно нужно получить обратно оригинал для дальнейшего изучения.

«Как Вы видите, Ваше Величество", говорила Алудра жестким голосом, как будто непривычным к презентации ее демонстраций ", мы попытались воссоздать условия, при которых вы могли бы использовать драконы?"

Если не учитывать, что вместо пятидесяти чучел, против нас будут сотни троллоков, подумала Илэйн.

"Следующая башня, вам надо смотреть туда," сказала Алудра, показывая рукой.

Илейн посмотрела в подзорную трубу, на башню, расположенную ниже по стене. Она видела там, пять членов отряда, одетых в форму, ожидающих с другой стороны дракона. Мэт смотрел на все это, плотно прижав подзорную трубу.

"Эти были обучены для драконов", продолжила Алудра "Но они не имеют опыта, который хотелось бы. Они будут делать это сейчас, да?"

Илэйн опустила трубу, когда мужчины потянули дракона на себя, он лежал на ряде колес, и повернули его отверстием вверх. Один из мужчин засыпал в отверстие дымный порох, а другой начал запихивать туда что-то длинным шестом. Это была не щетка для чистки труб, которая тоже была при нем, но некий инструмент для утрамбовки.

Выглядит как порошок внутри ночного цветка, сказала Бригитта. Чувствовалась её подозрительность.

Алудра стрельнула взглядом в Стража. - Откуда тебе известно, что внутри ночного цветка, Мэрион? Ты понимаешь насколько опасно открывать такие штуки, да?

Бергитте пожала плечами.

Алудра нахмурилась, но не ответила, только вдохнула глубоко, успокоившись. - Это устройство совершенно безопасно. Мы подготовили другого дракона для стрельбы, так что опасности нет, так? Литьё отличное, а мои расчёты - идеальны.

- Илэйн, сказала Бергитте. - Думаю, нам лучше смотреть с нижней стены. Даже если ту, что за нами поджигать не будут.

- В конце концов, я ведь одобрила это испытание? спросила Илэйн. - Нет, спасибо, Алудра, можешь продолжать.

Она игнорировала раздражение Бергитте. Неужели Алудра действительно думает, что сможет поразить одно из тех чучел железным шаром? Было далековато, да и шар был таким маленьким, чуть шире, чем открытая мужская ладонь. Неужели Илэйн приложила все эти силы только для того, чтобы получить нечто послабее катапульты? Этот производил впечатление, будто

он может бросать шары дальше, но булыжники, вышвыриваемые катапультой были гораздо больше.

Мужчины закончили. Оставшийся дотронулся маленьким факелом до фитиля, торчащего из шара и закатил его в трубу; затем они повернули трубу наружу.

- Видите? сказала Алудра, поглаживая дракона, - Три человека лучше всего. Четыре, чтобы быть уверенным, если вдруг один погибнет. Один может делать всю работу, если придётся, но это уже будет медленно.

Мужчины отошли назад, как только Алудра достала красный флаг. Она подняла его в воздух, подавая сигнал второй команде на другой башне внизу на стене. Илэйн сфокусировала трубу на них. Один из них держал небольшой факел. Мэт наблюдал с серьёзным выражением лица.

Аллудра опустила флаг. Солдат коснулся горящим факелом дракона сбоку.

Последовавший за этим звук взрыва, был таким мощным, что заставил Илэйн подпрыгнуть. Удар был как раскат грома и она услышала вдали нечто, звучавшее, как эхо взрыва. Потом подняла руку к груди, и вспомнила, что надо дышать.

Расщелина на склоне горы взорвалась массивным облаком, состоящим из пыли и грязи. Кажется даже земля затряслась! Это выглядело будто Айз Седай оторвали землю плетением, но Единая сила не была использована.

Алудра выглядела разочарованной. Илэйн поднесла зрительную трубу к глазу. Взрыв ударил в стороне от чучел наверное шагов на двадцать, но он вырвал кусок земли шагов в пять шириной. Неужели шар, взорвавшийся как ночной цветок сделал такое? Это устройство было не просто улучшенной катапультой или требушетом. Это было нечто новое. Нечто, способное швырнуть железный шар в землю с такой силой, что он проделал дыру, а потом похоже ещё и взорвался.

Однако, она могла бы создать целую стену этих драконов! С ними, стреляющими в унисон...

Алудра снова подняла флаг. Илэйн следила через трубу за тем, как люди на следующей башне очистили, затем перезарядили трубу. Мэт зажал уши и хмурился, что вызвало улыбку Илэйн. Ему действительно следовало смотреть с её башни. Процесс перезарядки занял очень короткое время, минуты три, может быть. И Алудра сказала, что она собиралась ускорить его.

Алудра написала ряд приказов и отправила посыльного. Они немного изменили положение дракона. Она махнула флагом. Илэйн сжалась перед следующим взрывом, но всё равно

подпрыгнула, когда он раздался.

На этот раз выстрел пришёлся точно в цель, ударив точно в центр шеренги чучел. Останки, разнесенные в клочья взлетели в воздух. Удар уничтожил пять или шесть и сбил ещё наверное дюжину.

Имея возможность стрелять каждые две минуты, так далеко, с такой разрушительной силой, эти орудия будут смертельными. Такими же смертельными как дамани, возможно. Бергитте всё ещё смотрела в подзорную трубу, и не смотря на бесстрастное лицо, Илэйн чувствовала удивление женщины.

- Вам понравилось орудие? Спросила Алудра.

- Да, я нахожу его вполне удовлетворительным, Алудра - ответила Илэйн с улыбкой. - Оно мне действительно нравится. Ресурсы всего города в твоих руках. Ресурсы всего Андора. Есть ещё несколько литейщиков колоколов в Андоре. Она взглянула на иллюминатора. - Но ты должна хранить свои планы и чертежи в секрете. Я отправлю гвардейцев с тобой. Мы не можем позволить никому из литейщиков понять ценность информации и продать ещё нашим врагам.

- Пока она не достигнет Шончан, сказала Алурда, мне всё равно.

- Мне не всё равно, ответила Илэйн - И я прослежу за тем, чтобы такие вещи использовались правильно. Мне нужна твоя клятва, Алудра.

Женщина вздохнула, но дала клятву. У Илэйн не было намерений использовать орудия против кого-либо, кроме Троллоков и Шончан. Но она будет знать, что её народ в большей безопасности, имея такие штуки в своём распоряжении.

Она улыбнулась, когда поняла это и обнаружила, как тяжело сдержать волнение. Бергитте наконец-то опустила трубу. Она почувствовала... серьёзность.

- Что? спросила Илэйн, гляда как Страж осматривает разрушения через трубу. Странное чувство появилось в животе. Неужели съела что-то не то на обед?

- Мир только что изменился, Илэйн, произнесла Бергитте, покачивая головой, волосы, связанные в хвост слабо раскачивались при этом. Он только что изменился и очень сильно. И я чувствую, что это только начало.

Глава 30

Место людских снов.

"Эти Белоплащники очень скрытны, миледи." с улыбкой сказала Ласиль, "но они все равно мужчины. Мужчины, которые давно не видели женщин. А это всегда приводит к тому, что они теряют голову."

Фейли шла по следам лошади, держа перед собой фонарь, небо было темным. Перрин спал; в эти несколько дней он устал, прочесывая волчий сон. Белоплащники с неохотой согласились отложить суд, но Перрин все еще не готовил свою речь. Он ворчал, так как уже знал, что скажет. Но зная мужа, Фейли предполагала, что он как обычно просто расскажет Моргейз как все произошло.

Ласиль и Селанда шли по бокам от Фейли. Другие члены Ча Фейли двигались позади, следя за тем, чтобы никто не подслушивал разговор.

"Я думаю, что Белоплащники знают, что мы шпионим за ними" сказал Селанда. Низкая, бледная женщина держала руку на мече. Такая поза уже не казалась неуклюжей как раньше; Селанда хорошо натренировалась в обращении с мечом.

"Без сомнения, они догадываются" повторила Ласиль. Она все еще носила простую грязно-желтую блузу и темную юбку. Селанда однако переоделась в брюки и опоясалась мечом сразу по возвращении - ее рука была забинтована, после того, как меч попытался убить ее. Но Ласиль как будто наслаждалась тем, что она ходит в юбке.

Они едва-ли сказали что-то полезное, произнесла Селанде.

Да, ответила Ласиль, но я думаю это просто вошло у них в привычку. Наши объяснение, что мы ищем Майгдин и остальных было вполне разумным, миледи. Нам удалось доставить вашу записку и поболтать немного с людьми. Мне удалось выудить досточно того, что может быть полезным.

Фейли подняла брови, хотя Ласиль и говорила тихо, когда они прошли мимо конюха, работавшего до поздна, и чистившего одну из лошадей.

-Белоплащники уважают Галада, - сказала Ласиль в тот момент, когда сопровождающие конюхи не смогли их расслышать.

-Некоторые будут ворчать в ответ на те слова, которые он им собирается рассказать.

-О чем речь? - спросила Фейли.

-Он хочет, что они сражались вместе с Айз Седай в Последней Битве, - пояснила Ласиль.

- Любой мог сказать тебе, что им не понравится эта идея, промолвила Селанде, - Они же Белоплащники!

"Да," ответила Фэйли:"Но это значит, что Галад умнее, чем его люди. Полезные сведения, Ласиль".

Молодая женщина была взволнована. Запустив пальцы в свои короткие темные волосы, она сдержанным движением откинула назад вплетенные в них красные ленточки. Их стало в два раза больше со времени ее плена у Шайдо.

Впереди, между двух лошадей, возникла долговязая фигура. У него были густые усы, на тарабонский манер, и хотя он был молод, но имел вид человека, который многое повидал в своей жизни. Даннил Левин,теперь был человеком, ответственным за людей из Двуречья, после того как Тэм отбыл таинственным образом. Свет, ниспошли Тэму безопасность, куда бы он не отправился.

"Почему Даниил," спросила Фейли, "какое странное совпадение встретить тебя здесь."

"Совпадение?" спросил он, почесывая в голове. Он держал лук в одной руке, используя его как опору, хотя и поглядывал на него с опаской. Многие люди сейчас поступали также со своим оружием. "Вы попросили меня прийти сюда".

"Это должно выглядеть как простое совпадение," сказала Фейли, "в случае если кто-то спросит, особенно если этот кто-то мой муж."

"Я не люблю что-то скрывать от лорда Перрина", сказал Даниил, ступая с ней в ногу.

"А ты бы предпочел допустить, чтобы он был обезглавлен группой бешеных Белоплащников?"

"Нет. Никто не хочет такого."

"Тогда ты сделаешь то, о чем я тебя попросила?"

Даниил кивнул. "Я говорил с Грейди и Неалдом. Лорд Перрин уже приказал им оставаться поблизости, но мы все же поговорили. Грейди сказал что у него на готове плетение воздуха, и он заберет лорда Перрина и уйдет, если все станет настолько ужасно, Неалд прикроет отступление. Я поговорил с мужчинами из Двуречья. Группа лучников на деревьях будет готова отвлечь внимание."

Фейли кивнула. К счастью ни один А'шаман не был ранен в этом Пузыре Зла. Каждый из них нес нож, но как сообщили, они просто посмотрели на парящие орудия, а затем небрежно взмахнули руками и взорвали их в воздухе. Когда посланники с

новостями от Фейли с ее трюком-бросания-земли достигли разделенного лагеря, где были А'шаманы, они обнаружили там гораздо меньше беспорядка. Грейди и Неалд взрывали оружие, где бы они не видели его.

Одно из причин задержки суда была забота об Исцелении раненых. Но была еще более важная причина, Перрин хотел дать время кузнецам лагеря и мастерам, чтобы они смогли заменить оружие тем, кто его потерял, на случай если суд обернется битвой. И Фейли была более чем уверена, что так и будет.

"Лорд Перрин не стал бы избегать сражения," - сказал Даннил. "Нисколько."

"Эта палатка может превратиться в смертельную ловушку", сказала Фейли. "Перрин может вести сражение, если он хочет, но с безопасной позиции. Вы должны будете увести его оттуда."

Даниил вздохнул, но кивнул. "Будет исполнено миледи."

Перрин учился не бояться Юного быка.

Шаг за шагом, он искал баланс. Волк, когда нужен волк; человек, когда надо быть человеком. Он позволял себе участвовать в волчьей охоте, но Фэйли - его дом - всегда была с ним. О ходил по лезвию меча, но каждый его шаг был уверенней предыдущего.

Сегодня он выслеживал Прыгуна, хитрого и опытного. Но Юный бык быстро учился, человеческий ум давал ему преимущество. Он мог думать как что-то, или кто-то, которым он не был.

Это было то, с чего начал Ноам? Куда привел бы его этот путь? Это тайна, которую Юный Бык обязан был найти для себя.

Он не мог потерпеть неудачу. Он должен был учиться. Казалось, что - так или иначе - чем более уверенней становился он в волчьем сне, тем более уверенным он был в реальном мире.

Юный бык бежал через незнакомый лес. Нет, скорее джунгли, с висящими виноградными лозами и расшиперившимся папоротником. Подлесок был настолько густым, что крысе будет сложно протиснутся. Но Юный бык потребовал, чтобы лес открыл проход перед ним. Виноградные лозы отступили. Кусты согнулись. Листья папоротников втянулись, словно матери, вытаскивающие детей из под копыт взбесившейся лошади.

Он мельком увидел Прыгуна, бегущего впереди. Его добыча исчезла. Юный Бык не снижая скорости, пробежал там где только-что была добыча и уловил запахи места куда переместился Прыгун. Юный Бык сместился на открытую равнину без деревьев с незнакомым кустарником, покрывшем землю. Его добыча была серией проносящихся пятен вдалеке. Юный бык устремился в погоню, каждый прыжок переносил его на сотни шагов.

В считанные секунды они приблизились к огромному плато. Его добыча побежала прямо вверх по склону каменной насыпи. Юный Бык последовал за ним, не считаясь с "правилами". Он бежал прямо вверх к кипящему морю чёрных облаков, оставляя землю далеко внизу. Он перепрыгивал трещины в камне, и, отталкиваясь то от одной, то от другой стороны расщелины, достиг вершины плато.

Прыгун атаковал. Юный Бык был готов. Он крутнулся и упал на четвереньки, добыча пролетела над головой за край плато, но в тот же миг снова оказалась на краю скалы.

Юный Бык стал Перрином, держащим молот из мягкой древесины . Такое было возможно в волчьем сне; если этим молотком атаковать, он бы не навредил.

Перрин сместился, воздух раскололся от внезапной скорости его движения. Но Прыгун был одинаково быстр, отскакивая в сторону. Он откатился, а затем прыгнул на спину Перрина, сверкая клыками. Перрин зарычал и сместился так, чтобы оказаться в нескольких шагах от того места, где он только-что был. Челюсти Прыгуна схватили пустое место, и Перрин снова взмахнул своим молотом.

Прыгуна внезапно окутал глубокой туман. Молот Перрина прошёл сквозь него, ударился об землю и отскочил. Перрин ругаясь крутился в нем. В тумане, он ничего не видел и не мог поймать запах Прыгуна.

Тень переместилась в тумане, и Перрин сделал выпад, но это был только мираж в воздухе. Он обернулся и обнаружил, что вокруг него движутся тени. Фиругы волков, людей и других существ, которых он не мог разглядеть.

Сделай мир своим, Юный Бык, послал Прыгун.

Перрин сосредоточился, думая о сухом воздухе. О затхлом запахе пыли. Именно на это должен походить воздух в подобном засушливом пейзаже.

Но нет. Воздух не стал, каким должен был стать. Как будто воздух его воображения, его воли, его чувства столкнулся с чем-то еще. Он надавил.

Мгла исчезла, испаряясь в жарком воздухе. Прыгун сидел недалеко от него. Хорошо, послал волк. Ты учишься. Он повернулся, посмотрел на север, задумавшись о чем-то. Затем ушел.

Перрин уловил знакомый запах и переместился на Джеханакский тракт. Прыгун мчался вдоль странного фиолетового купола. Они часто прыгали к этому месту , чтобы узнать, когда купол исчезнет - безрезультатно.

Перрин продолжил преследование. Купол был предназначен,

чтобы поймать волков в ловушку?

Но если это так, почему Губитель не перенес свою ловушку к Горе Дракона, где, по неизвестной причине, собралось так много волков?

Возможно, у купола была другая цель. Перрин запомнил несколько приметных холмов вдоль периметра купола, затем последовал за Прыгуном на невысокий скальный выступ. Волк прыгнул с него, исчезая в воздухе. Перрин прыгнул вслед за ним.

Уже в прыжке он уловил направление Прыгуна, и переместился туда, все еще находясь в движении. Он появился в двух шагах над мерцающей голубой гладью. Потрясенный, он упал в воду, подняв сноп брызг.

Он яростно грёб, выбросив молот. Прыгун стоял на воде. Его морда выражала неодобрение. - Плохо, добавил волк, - Тебе ещё есть чему учиться.

Перрин откашлялся.

Море стало бурным, но Прыгун безмятежно сидел на перекатывающихся волнах. Снова он посмотрел на север, но затем повернулся к Перрину. Вода мешает тебе, Юный Бык.

Тяжело плывущий Перрин ответил: "Я был просто удивлён".

Почему?

Потому, что такого я не ожидал!

А зачем ожидать? послал мысль Прыгун. Когда ты следуешь за другим, ты можешь оказаться где угодно.

- Я знаю. Перрин выплюнул полный рот воды. Он стиснул зубы, затем представил себя, стоящего на воде, как Прыгун. К счастью, он поднялся из моря и встал на его поверхность. Странное ощущение - море волнующееся под ногами.

"Так ты не победишь Губителя" , послал Прыгун

- Тогда я продолжу обучение, сказал Перрин.

- Времени мало.

- Буду учиться быстрее.

- А сможешь?

- У нас нет другого выбора.

- Ты можешь отказаться от битвы с ним.

- Перрин покачал головой. - Мы бежим от нашей добычи? Если да, то она начнёт охотиться за нами. Я встречусь с ним лицом к лицу и я должен быть подготовлен.

- Есть способ. Волк передал запах волнения.

- Я сделаю то, что должен.

- За мной. Прыгун исчез и Перрин поймал неожиданный запах: отбросы и грязь, горящее дерево и уголь. Люди.

Перрин переместился и очутился на вершине здания в Кеймлине. Он был в этом городе всего лишь раз, и то короткое

время, и, увидев красивый внутренний город перед собой, старинные здания, купола и шпили выраставшие выше холмов, как величественные сосны увенчивающие вершины гор - пришел в замешательство. Он был рядом с крепостной стеной, за которой располагался новый город.

Прыгун сидел рядом с ним, глядя на красивый город. Говорили что большую часть города построили Огир, и Перрин, видя эту дивную красоту, мог в это поверить. Также говорили,что Тар Валон был более великолепнее, чем Кеймлин. Но Перрин с трудом верил, что такое возможно.

"Почему мы здесь?" спросил Перрин.

"Здесь люди видят сны," - ответил Прыгун.

В реальном мире, конечно. Здесь было пусто. Было достаточно светло, чтобы решить, что сейчас день, несмотря на бурю над головой, и Перрин мог представить себе, будто бы улицы заполнены толпами людей. Женщины, направляющиеся на рынок или с рынка. Знать верхом на лошадях. Телеги, груженные бочками эля и мешками с зерном. Бегающие дети, воришки в поисках поживы, рабочие, меняющие брусчатку, предприимчивые лоточники, предлагающие мясные пироги всем желающим.

Вместо этого были намеки. Тени. Упавший носовой платок. Двери, которые в один миг были открыты, а в следующий уже закрыты. Брошенная подкова, торчащая из грязи в переулке. Создавалось впечатление, будто бы все люди были словно метлой выметены из города, захвачены Исчезающими или еще какими-нибудь монстрами из темных сказаний менестрелей.

На мгновение внизу появилась женщина. На ней было красивое платье зеленого с золотым цветом. Она посмотрела на улицу, блеснули глаза, и она исчезла. Люди изредка появлялись в волчьих снах. Перрин полагал, что это происходило, когда они спали, как часть их обычных снов.

Это место, сказал Прыгун, не только для волков. Это место для всех.

"Для всех?", спросил Перрин, садясь на крышу.

Все души знают это место, сказал Прыгун. Они приходят сюда, когда могут дотянуться.

"Когда спят?"

Да, сказал Прыгун, лежа рядом с ним. Страшные сны людей сильны. Очень сильны. Иногда эти ужасные кошмары приходят сюда. Однажды появился огромный волк, размером со здание, отбрасывающий в сторону гораздо меньших волков, которые пытались его укусить. Этот волк пах ужасом и смертью. Как.. кошмар.

Перрин медленно кивнул.

Многие волки были пойманы в эти ужасные кошмары. Они чаще появляются там где ходит человек, хотя эти сны могут жить и отдельно от тех, кто их создал.

Прыгун посмотрел на Перрина. Охота в этих кошмарных снах может научить тебя силе. Но ты можешь погибнуть. Это очень опасно.

"У меня больше нет времени, чтобы быть в безопасности", сказал Перрин. "Приступим".

Прыгун не переспросил, уверен ли он в этом. Он прыгнул вниз на улицу, и Перрин последовал за ним, мягко приземлившись. Прыгун побежал вприпрыжку, и Перрин перешел на бег трусцой.

"Как мы найдем его?" спросил Перрин.

Запах страха, послал Прыгун. Ужаса.

Перрин закрыл глаза, и глубоко вдохнул. Мелькнула дверь, сначала открытая, потом закрытая, в Вольчьих Снах он мог иногда почувствовать запах каких-то вещей, которых здесь не было. Старая зимняя картошка. Помет проходящей лошади. Пирог, выпечка.

Когда он открыл глаза, то увидел что ничего из этих вещей нет. Они не были настоящими, но почти были здесь. Они могли бы быть.

Там, сказал Прыгун исчезая. Перрин последовал за волком, возникшим за пределами узкого переулка. Изнутри он выглядел слишком темным, чтобы быть настоящим.

Входи, сказал Прыгун. В свой первый раз ты не пробудешь там долго. Я приду за тобой. Помни это не настоящее. Помни это не правда.

Чувствуя волнение, тем не менее решительно он вошел в переулок. Стены по обе сторон были черными, как если бы были покрашены. Только... эти стены были слишком черными, даже для краски. Неужели это был кусочек травы под его ногами? Небо над головой перестало бурлить, и он подумал, что мог бы увидеть звезды, падающие вниз. Бледная луна, слишком большая, взошла на небе, окутанном облаками. И озарила все вокруг холодным светом, как будто льдом.

Он больше не был в городе. Он обернулся, встревоженный, и оказался в лесу. Деревья с толстыми стволами были неизвестного ему вида. Их ветви были голыми. Кора имела серый оттенок и в призрачном свете, падавшем сверху, выглядела словно кости.

Он должен был вернутся в город. Покинуть это ужасное место. Он обернулся.

Что-то вспыхнуло в ночи, и он зажмурился. "Кто здесь?" крикнул он.

Из темноты вырвалась женщина, несущаяся дикими прыжками. На ней была свободная белая одежда, немногим длиннее сорочки. Ее длинные темные волосы развевались от бега. Она увидела его и замерла, затем повернулась и, кажется, собралась бежать в другом направлении.

Перрин остановил ее, схватив за руку, и потянул ее обратно.

Она изо всех сил старалась вырвать, ногами упираясь в глинистую темную почву. Она ловила ртом воздух. Вход и выдох. Вдох и выдох. От нее пахло безумием.

- Мне нужно найти выход! - крикнул Перрин. - Мы должны вернуться в город.

Она встретилась с ним взглядом.

- Он идет, - прошипела женщина. Ее рука выскользнула из его, и она побежала, растворяясь в ночи, тьма окутывала ее как саван. Перрин шагнул вперед, вытянув руку.

Он услышал что-то позади себя. Он медленно повернулся, чтобы обнаружить нечто огромное. Смутную тень, которая поглощала лунный свет. Существо, казалось, своим дыханием впитывало саму его жизнь и волю.

Существо выросло еще выше. Оно было выше, чем деревья, неповоротливое чудовище с руками, толстыми как бочка, его лицо и тело терялось в тени. Оно открыло глубокие красные глаза, похожие пару оживших огромных полыхающих углей.

Мне надо сражаться с ним! Подумал Перрин, молот возник в его руке. Он сделал шаг, затем передумал. Свет! Эта штука было громадной. Он не мог бороться с этим, не в открытую как сейчас. Ему нужно укрытие.

Он развернулся и побежал мимо враждебных деревьев. Существо последовало за ним. Он мог слышать, как оно ломало ветви, его шаги заставляли землю дрожать. Прямо перед собой он увидел женщину, тонкая белая сорочка замедлила ее, зацепившись за ветку. Она рывком освободилась и снова бросилась бежать.

Существо замаячило. Оно могло поймать его, поглотить и уничтожить! Он крикнул женщине, протянув к ней руку. Она взглянула на него через плечо и споткнулась.

Перрин выругался. Он подхватил ее сбоку, чтобы помочь. Но существо было так близко!

В таком случае, будет схватка. Его сердце стучало так быстро, как лесной жаворонок долбил дерево. Со вспотевшими руками он повернулся, сжимая молот перед лицом ужасного создания. Перрин занял место между ним и женщиной.

Оно выросло, становясь все больше, эти красные глаза сверкали огнем. Свет! Он не мог с ним драться, разве нет? Ему

нужно было хоть какое-то преимущество.

- Что это за создание? - в отчаянии спросил он у женщины. - Почему оно преследует нас?

- Это он, - зашипела она. - Дракон Возрожденный.

Перрин замер. Дракон Возрожденный. Но...но это был Ранд. Это кошмар, напомнил он себе. Ничто из этого не реально. Я не могу позволить себе быть пойманным в него!

Земля дрожала, словно стеная. Он мог чувствовать жар, исходящий от глаз монстра. Скребущий звук послышался позади, когда женщина побежала, оставляя его.

Перрин встал, его ноги дрожали, каждый инстинкт кричал ему "бежать". Но нет. Он также не мог сражаться с этим. Он не мог принять это как реальность.

Волк завыл, затем прыгнул на прогалину. Прыгун, казалось, отталкивает тьму. Существо наклонилось к Перрину, протягивая массивные руки, чтобы сокрушить его.

Это был переулок.

В Кеймлине.

Это не было настоящим.

Не было.

Тьма вокруг них рассеялась. Огромное темное существо из тени искривилось в воздухе, как кусок растянутой ткани. Луна исчезла.

Небольшой клочок земли - грязный, утрамбованный грунт переулка, - возник у них под ногами.

Затем кошмар с треском ушел. Перрин снова стоял в переулке, с Прыгуном под боком, без признаков леса или ужасного создания, которым кто-то представлял Дракона Возрожденного.

Перрин медленно выдохнул. Пот стекал у него со лба. Он потянулся, чтобы стереть его, но вместо этого пожелал, чтобы пот исчез.

Прыгун исчез, и Перрин последовал за ним, очутившись на той же крыше, что и раньше. Он присел. Даже простая мысль о той тени заставила его задрожать.

- Это казалось таким настоящим, - сказал он. - Часть меня знала, что это кошмар. Я не мог не попытаться сражаться или сбежать. Когда я так делал, оно становилось сильнее, не так ли? Потому что я считал, что это было реальным?

"Да. Ты не должен верить тому, что видишь."

Перрин кивнул.

- Тут была женщина. Часть сна? Она тоже не была настоящей?

"Да."

- Может быть, она была той, кому это приснилось, - сказал

Перрин. - У нее был исходный кошмар, в котором она оказалась и попала в ловушку здесь, в Мире Снов.

"Люди, которые видят сны, не остаются здесь надолго, - прислал Прыгун. Для него это был конец обсуждения. - Ты был силен, Юный Бык. Ты хорошо справился." Он пах гордостью.

- Это помогло, когда она назвала то создание Драконом Возрожденным. Это доказало, что происходившее не было реальным. Помогло мне поверить, что это вымысел.

"Ты справился, глупый щенок, - повторил Прыгун. - Возможно, ты сможешь обучиться."

- Только если продолжу практиковаться. Мы должны сделать это снова. Ты можешь найти другой кошмар?

"Да, - отправил мысль Прыгун. - Тут всегда есть кошмары, когда поблизости твои сородичи. Всегда." Однако волк снова повернулся на северо-восток. Перрин думал, что вещью, которая отвлекала его раньше, были сны, но казалось, не они были тому причиной.

- Что там происходит? - спросил Перрин. - Из-за чего ты продолжаешь смотреть туда?

"Она грядет," - прислал Прыгун.

- Что?

"Последняя Охота. Она начинается. Или нет."

Перрин нахмурился, вставая.

- Ты имеешь в виду...прямо сейчас?

"Решение будет принято. Скоро."

- Какое решение?

Послание Прыгуна было запутанным, и он не смог расшифровать его.

Свет и тьма, пустота и огонь, холод и страшная, страшная жара. Это смешалось с волчьим воем, призывающим, набирающим силу.

"Идем." Прыгун стоял, глядя на северо-восток.

Прыгун исчез. Перрин переместился вслед за ним, появившись внизу на склоне горы Дракона около открытой каменной породы.

- Свет, - тихо сказал Перрин, глядя с трепетом. Буря, которая месяцами назревала, достигла кульминации. Массивный грозовой фронт охватывал небо, скрывая вершину горы. Огромные вихри черноты медленно закручивались в воздухе, извергая вспышки молний, которые соединялись с тучами выше. В других краях волчьего сна облака были грозовыми, но все еще далекими. Это сразу же чувствовалось.

Это было...центром чего-то. Перрин мог чувствовать это. Часто волчий сон отражал вещи из реального мира странным или

неожиданным образом.

Прыгун стоял на голой скале. Перрин мог чувствовать волков на всех склонах Драконовой горы. Их стало куда больше, чем было раньше.

"Они ждут, - сказал Прыгун. - Последняя Охота грядет."

Когда Перрин потянулся к ним, то обнаружил, что приближаются другие стаи, еще далекие, но движущиеся прямо к Драконовой горе. Перрин смотрел вверх на чудовищный пик. Гробница Дракона, Льюса Терина. Это был памятник его безумию, в равной степени его провалу и успеху. Его гордости и самопожертвованию.

- Волки, - спросил Перрин. - Они собираются на Последнюю Охоту?

Да. Если она случится.

Перрин развернулся к Прыгуну, - Ты говорил, что это произойдет.

-Грядет Последняя Охота, сказал ты.

"Должен быть сделан выбор, Юный Бык. Один путь ведет к Последней Охоте."

-А другой?, - спросил Перрин.

Прыгун ответил не сразу. Он повернулся к Горе Дракона. "Другой путь ведет не к Последней Охоте".

"Да, но куда же он ведет?"

"В ничто."

Перрин открыл рот, чтобы продолжить, но затем ответ Прыгуна ударил его всем весом. "Ничто" для волка означало пустую берлогу, где всех щенков забрали охотники. Ночное небо без звёзд. Увядающая луна. Запах старой крови, сухой, тяжёлый и шелущащийся.

Перрин закрыл рот. Небо продолжало затягивать маслянистыми чёрными грозовыми облаками. Он чуял в ветре, запах сломанных деревьев и земли, или затопленных полей и горящих огней. Также часто, особенно с недавнего времени, такие запахи, казалось, контрастировали с миром вокруг некго. Одно из его чувств подсказало, что он находился в самом катастрофы, в то время, как остальные не видели ничего плохого.

- Этот выбор. Почему мы просто его не сделаем?

- Это не наш выбор, Юный Бык.

Перрин почувствовал, что его тянет в облака. Помимо воли, он начал идти вверх по склону. Прыгун бежал вприпрыжку позади. Там, вверху, опасно, Юный Бык.

- Я знаю, сказал Перрин. Но он не мог остановиться. Вместо этого он увеличил скорость. Каждый шаг нес его чуть дальше. Прыгун бежал позади, мимо деревьев, скал, групп наблюдающих

волков. Перрин и Прыгун двигались вверх, взбираясь, пока деревьев не стало меньше и земля не стала холодной от мороза и льда.

Постепенно, они приблизились к самому облаку. Казалось, что оно состоит из тёмного тумана, в котром дрожат вращающиеся потоки. Поколебавшись на краю, Перрин вошёл внутрь. Будто в кошмар. Ветер внезапно стал злым, и воздух гудел от энергии. Летели листья и грязь и гравий поднятые бурей, и ему пришлось поднять руку, чтобы защищиться.

Нет, подумал он.

Маленький защитный пузырь появился вокруг него. Буря продолжала бушевать всего в несколько дюймах от его лица, и ему пришлось напрячься, чтобы не быть затянутым в неё снова. Этот шторм не был кошмаром или сном, это было что-то большее, что-то более реальное. В этот раз, Перрин сам создавал какую-то ненормальность с помощью защитного пузыря.

Он устремился вперед, вскоре оставляя следы на снегу. Прыгун шагал против ветра, ослабляя его воздействие также и на него [Перрина]. В этом он он был искусней Перрина - тому едва удавалось сохранять свой пузырь. Он боялся, что без пузыря его засосет в бурю и бросит в воздух. Он видел крупные оторвавшиеся ветки и даже несколько небольших деревьев

Прыгун замедлился, затем присел на снег. Он смотрел вверх, прямо на вершину. "Я не могу остаться, - прислал он. - Здесь мне не место"

- Я понимаю, - сказал Перрин.

Волк исчез, но Перрин двинулся дальше. Он не мог объяснить, что привлекло его, но он знал, что должен был стать свидетелем. Кто-то должен. Казалось, он шел часы, сосредоточившись только на двух вещах: держать ветер подальше от себя и переставлять ноги.

Буря становилась все более и более яростной. Самое плохое было то, что он не мог избежать всех бурь, только худших из них. Он миновал горную гряду, где вершина горы была сломана, держа свой путь рядом с ней, пригибаясь против порывов; крутые обрывы были с обеих сторон. Ветер начал хлестать по одежде, и ему приходилось щуриться из-за пыли и снега в воздухе.

Но он продолжал. Устремившись к пику, который вырос впереди, возвышаясь над разрушенной стороной горы. Он знал, что на вершине того места он найдет то, что искал. Этот страшный вихрь был реакцией волчьего сна на нечто великое, нечто ужасное. В этом месте некоторые вещи были куда более настоящими, чем в реальном мире. Мир снов отражал бурю потому, что происходило нечто очень важное. Он беспокоился,

что это могло быть чем-то ужасным.

Перрин продвигался вперед, пробиваясь сквозь снег на своем пути, проползая над обрывами, кожа с его пальцев прилипала к холодным камням. Но его хорошо натренировали за эти прошедшие несколько недель. Он перепрыгивал пропасти, через которые не должен был бы способен перепрыгнуть, и взбирался на скалы, которые должны были быть слишком высокими для него.

Фигура стояла на зазубренной, изломанной вершине горы. Перрин продолжал двигаться вперед. Кто-то должен наблюдать. Кто-то должен быть там, когда это случится.

Наконец, Перрин с трудом взобрался на последний камень и оказался примерно в дюжине футов от вершины. Теперь он мог разглядеть фигуру. Человек неподвижно стоял в самом центре бури, глядя на восток. Он был тусклым и прозрачным, отражением реального мира. Как тень. Перрин никогда не видел ничего подобного.

Разумеется, это был Ранд. Перрин знал, кто это будет. Он схватился за скалу ободранной рукой и натянул плащ поверх других – Перрин создал его несколькими обрывами ранее. Он моргал покрасневшими глазами, пристально глядя вверх. Ему приходилось особо концентрироваться на том, чтобы отталкивать ветер, который грозил затянуть его в бурю.

Внезапно сверкнула молния, и впервые с того момента, как он начал восхождение, грянул гром. Молния обогнула купол над вершиной горы. Она высветила лицо Ранда. Твердое бесстрастное лицо, похожее на камень. Откуда взялись эти изломы? Когда у Ранда появилось так много морщин и углов? И эти глаза, казалось, были сделаны из мрамора!

Ранд носил черный с красным кафтан. Превосходный и изукрашенный, с мечом на поясе. Ветер не задевал его одежду. Из-за этого усиливалось ощущение неестественности, как будто Ранд действительно был просто статуей. Высеченной из камня. Единственным, что шевелилось, были его темно рыжие волосы, развевающиеся на ветру, откинутые назад и спутавшиеся.

Перрин насмерть вцепился в скалу, холодный ветер кусал его за щеки, пальцы и ноги так онемели, что он едва мог их чувствовать. Борода топорщилась из-за ледяной пыли и снега. Нечто темное начало вращаться вокруг Ранда. Оно не было частью шторма; казалось, сама ночь вытекала из него. Ее усики вырастали из кожи Ранда, как крошечные руки скручивались и обвивали его. Было похоже, что ожило само зло.

- Ранд! – зарычал Перрин. – Сражайся с ним! Ранд!

Его голос затерялся в ветре, и он сомневался, что Ранд

вообще может его услышать. Тьма, как жидкая смола, продолжала сочиться через поры Ранда, клубясь смоляными испарениями вокруг Дракона Возрожденного. Спустя мигновение Перрин едва мог видеть Ранда сквозь эту черноту. Она окружила, отсекла и изгнала его. Дракон Возрожденный ушел. Только зло осталось.

- Ранд, пожалуйста…- прошептал Перрин.

И затем, прямо из середины черноты, из центра грохота и урагана, крошечный лучик света пробился сквозь зло. Как свет от свечи очень темной ночью. Свет поднимался вверх, прямо к далекому небу, как маяк. Такой хрупкий.

Ураган боролся с ним. Штормовой ветер выл и ревел. Молнии били в вершину горного пика, взрывая целые куски скальной породы, иззубривая поверхность земли. Тьма пучинилась и пульсировала.

Но свет продолжал сиять.

Паутина трещин возникла внизу панциря из черного зла, свет лился из него. Все больше и больше появлялось разрывов. Нечто сильное было внутри, нечто светящееся и сверкающее.

Панцирь взорвался изнутри, испаряясь и освобождая колонну света, такого яркого и потрясающего, что казалось, он вот-вот сожжет Перрину глаза. Но тот все равно продолжал смотреть, не загораживаясь рукой от великолепного зрелища перед ним. Ранд стоял внутри этого света с открытым ртом, будто крича в небо над ним. Солнечно желтая колонна ударила в воздух, буря содрогнулась, сами небеса покрылись волнами.

Ураган исчез.

Пылающая колонна превратилась в столб солнечного света, льющегося вниз и освещавшего вершину Драконовой горы. Перрин отпустил скалу, с удивлением разглядывая стоявшего в свете Ранда. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как Перрин последний раз видел луч чистейшего солнечного света.

Волки начали выть. То был вой триумфа, славы и победы. Перрин вскинул голову и тоже завыл, став на минуту Юным Быком. Он мог чувствовать, как разливается солнечный свет и омывает его, тепло разгоняло морозный озноб. Он едва заметил, когда изображение Ранда исчезло, оставив после себя этот свет.

Вокруг Перрина появились волки, врываясь в реальность на пике прыжка. Они продолжали выть, прыгая друг на друга, ликуя и танцуя в солнечном свете, когда тот хлынул на них. Они заходились лаем и разбрасывали клочья снега. Прыгун был среди них, он подскочил в воздух, паря над Перрином. Последняя Охота начинается, Юный Бык! – Прорычал Прыгун. – Мы живы. Мы живем! Перрин повернулся к месту, где стоял Ранд. Если бы эта тьма забрала Ранда…но не сумела. Он широко улыбнулся.

- Последняя Охота наступила! – крикнул он волкам. – Давайте начнем!

Волки согласно завыли, столь же громко, как недавняя буря.

Глава 31

В бездну.

Мэт вылил остатки вина себе в рот, смакуя сладкий и прохладный вкус. Он поставил кубок и бросил пять костей. Они покатились по деревянному полу таверны, стуча друг о друга.

Воздух был тяжёлым. Тяжёлым от звуков, проклятий, тяжёлым из-за запахов. Дым, крепкие напитки, стейк, так сильно перчённый, что вкус мяса был едва уловим. Может так и лучше. Даже в Кэймлине мясо портилось непредсказуемо.

Вонючие мужики (один из них вонял чесноком, другой - потом, третий - дубильней) вокруг Мэта смотрели как упали кости. Их волосы были сальными, пальцы грязными, но зато монеты правильными. Игра называлась Плевок Коронко. Она происходила из Шайнара.

Правил Мэт не знал.

- Пятёрки, произнёс мужик, вонявший чесноком. Его звали Риттл. Он казался непредсказуемым. - Проиграл.

- Нет, мягко ответил Мэт. Неважно, что правил он не знал. Он знал, что выиграл, чувствовал это. Его удача была с ним.

Хорошая штука. Сегодня ночью она ему понадобится.

Другой мужик, пахнущий дубильней потянулся к своему поясу, где он носил отравленный нож. Его звали Саддлер, и подбородок у него был такой, что можно было мечи точить. - Я вроде слышал, как ты сказал, что не знаешь правил, дружок.

- Не знаю, сказал Мэт - Друг. Но это победа. Может поспрашиваем по залу, поищем кто ещё может это подтвердить?

Три мужика переглядывались с мрачным выражением лиц. Мэт встал. Стены таверны были тёмными от того, что внутри годами курили трубки, а окна - несмотря на приличное стекло - мутными из-за грязи и дыма. Не чистить их - было традицией. На видавшей виды вывеске на фасаде было изображено колесо повозки и официальное название - Пыльное колесо. Вместо этого все называли её Колесо слухов, поскольку это было лучшее место в Кэймлине, чтобы послушать слухи. Большинство из них не было правдивыми, но это была только половина веселья.

Большинство пило эль, но Мэт в последнее время пристрастился к хорошему красному вину. "Хотите еще, мастер Красный?" спросила служаночка Кэти - красотка с блестящими черными волосами и улыбкой, такой ширины, что покрывала полпути до Кайриэна. Она флиртовала с ним весь вечер напролет.

Не обращая внимание, на слова Мэта о том, что он женат. Он даже не улыбнулся ей. Ну, может разок. И едва ли своей самой лучшей улыбкой. Некоторые женщины не в состоянии увидеть правду, даже, если она написана у них на лбу. Это факт.

Он отмахнулся. Только один кубок сегодня, для храбрости. Проклятие, но ему было нужно хоть чуточку. Смиренно он снял платок с шеи и отбросил его в сторону. Вытащил свой медальон с головой лисы, Свет, было приятно носить его снова! - и повесил его поверх одежды. На нём был новый красный с серебром кафтан, купленным Томом.

Мэт взял прислоненный к стене ашандарей, снял с него чехол, обнажив лезвие. Положил копье на плечо и крикнул: "Эй, кто-нибудь в этом проклятом месте знает правила Плевка Коронко?

Три мужика, с которыми он играл оценили оружие, третий из них, Снэлл, встал, засунул пальцы за пояс штанов, распахивая плащ и показывая короткий меч, пристёгнутый к поясу.

Сначала большинство проигнорировали Мэта. Люди беседовали, слышались истории про прошедшую армию Порубежников, беременность Королевы, Возрожеднного Дракона, о таинственных и не очень смертях. Каждый был готов поделиться слухами. Некоторые посетители гостиницы носили едва ли не тряпье, некоторые же имели прекрасные одежды. Дворяне, обыватели и кто угодно между этими сословиями приходил в Колесо Слухов.

Пара человек у барной стойки посмотрела на Мэта со злостью. Один из них помедлил, прищурившись. Мэт протянул руку и взял черную широкополую шляпу со стола, держа ее как корону, а затем одел себе на голову. Один из мужчин подтолкнул локтем напарников. Потный лысеющий мужик с которым Мэт играл в кости, в раздумьях почесывал подбородок, как будто пытался что-то вспомнить.

Снэлл улыбнулся Мэту. "Похоже никто не ответил тебе, друг. Полагаю, тебе стоит нам доверять. Тебе не следовало бросать, не узнав сперва правил. А теперь тебе следует заплатить или -"

Глаза Риттла широко открылись, он поспешно вскочил и схватил друга за руку. Наклонившись к нему он что-то зашептал. Снэлл посмотрел на Мэтов медальон. Потом встретился с Мэтом глазами.

Мэт кивнул.

"Извини нас," сказал Риттл и заковылял прочь. Двое других присоединились к нему. Они оставили кости и свои монеты на земле.

Мэт небрежно опустился на колено, сгреб монеты и высыпал

их к себе в кошель. Он оставил кости. Они были обточены всегда выбрасывать тройку. Мэт оценил их парой бросков, перед тем, как забрал монеты.

Шепот побежал по залу, словно рой муравьев, покрывающих труп. Стремительно задвигались стулья. Разговоры поменяли свой темп, одни посетители притихли, другие же затараторили, спеша окончить беседу. Мет поднялся. Люди засуетились освободить ему путь.

Мэт оставил золотую крону на краю стойки, после чего прощально махнул шляпой Хэтчу, хозяину гостиницы. Тот стоял за стойкой протирая бокалы, рядом была его жена. Она была симпатичная, но Хэтч имел специальную дубину для увещевания мужчин, которые излишне долго на нее пялились. Ну, Мэт лишь разок коротко взглянул на нее.

Мэт оставил свой черный шарф лежать на полу. Всё равно теперь он был порван. Он вышел в ночную темноту, и в этот момент кости перестали греметь в его голове.

Пришло время действовать.

Он вышел на улицу. Он весь вечер провел с открытым лицом. Мэт был уверен, что его несколько раз узнали. Преимущественно мужчины, которые выскочили в ночь, ничего не сказав. Когда он спустился с крыльца гостиницы, люди столпились возле окон и дверей.

Мэт постарался не замечать, как взгляды буравят его спину. Свет, он чувствовал, что снова висит в петле. Он поднял руку и нащупал шрам. Прошло много времени с тех пор, как он вышел куда-либо с открытой шеей. Даже с Тайлин он обычно оставлял шарф надетым.

Но этой ночью он танцует с Джаком-из-Теней. Мэт привязал свой медальон к ашандарею. Он был прикреплен так, что лежал на лезвии плашмя и немного выступал за край клинка . Так его было трудно использовать - он должен был бить плашмя, чтобы коснуться плоти, но это давало больше преимущества, чем если бы он размахивал медальоном вручную.

Медальон на месте, и он выбрал направление и пошел. Мэт был в Новом городе, где сделанные руками человека здания перемешались и резко конрастировали с постройкой Огир в другой части города. Эти здания были построены очень хорошо, но казались узкими и тонкими, примыкая друг к другу.

Первая группа попыталась убить его когда он прошел всего один перекресток от Колеса Слухов. Четверо. Как только они бросились на него, несколько теней во главе с Талманесом выскочили из переулка. Мэт уворачивался от убийц, которые протянули недолго как только его солдаты присоединились к

нему. Уличные бандиты сбежали и Мэт кивнул Талманесу.

Люди Отряда исчезли в темноте и Мэт продолжил свой путь. Он шел не спеша, положив свой ашандарей на плечо. Он сказал своим людям держаться в отдалении пока на него не нападут.

Они приходили на помощь еще три раза за час, каждый раз распугивая большую группу бандитов. В последний раз, Отряд и он столкнулся действительно с убийцами. Головорезы не шли ни в какое сравнение с обученными солдатами, даже на темных улочках, где они чувствовали себя как рыба в воде. На пять убитых бантитов он разменял лишь одного своего раненого. Мэт отослал Харвелла с еще двумя для охраны.

Время шло. Мэт начал волноваться, что ему придется повторить этот номер следующей ночью, но он заметил кого-то стоящим ниже по улице. Брусчатка была влажной после ночного тумана и отражала лунный серп.

Мэт остановился, отставив оружие в сторону. Он-бы не смог описать невзрачную фигуру, стоявшую у него на пути...

- Ты думаешь, что устроил засаду на меня? спросил голам, удивлённым голосом. - С этими людьми, которые сминаются и рвутся, которые умирают так быстро, практически от касания?

- Я устал убегать, громко сказал Мэт.

- Так ты сам доставил себя ко мне? Какой приятный подарок.

- Конечно, ответил Мэт, наклоняя свой ашандарей, лисья голова была сзади, ловя лунный свет. - Просто возражаю против острых лезвий.

Существо скользнуло вперед, и люди Мэта зажгли фонари, затем поставили их на землю и отступили назад. Некоторые из них побежали доставлять сообщения. У них был строгий приказ не вмешиваться. Этой ночью для этого возможно придётся злоупотребить их клятвами ему.

Мэт остановился и ждал голама. Только герои бросаются на такое чудовище, а он не был проклятым героем. Хотя его люди и прогоняли народ вокруг них с улиц, пытаясь очистить это место, чтобы никто не напугал голама. Это не героизм. Хотя это может быть глупостью.

Плавные движения Голама отбрасывали тень от фонаря через дорогу. Мэт встретил его взмахом ашандарея, но тварь проскочила, легко уклонившись от него. Проклятый пепел, до чего она быстрая! Тварь нанесла сильный удар ножом вперед, ашандарей отбил этот удар.

Мэт вертел ашандарей не позволяя чудовищу дотронуться до медальона. Тварь танцевала вокруг Мэта и ему приходилось вертеться, чтобы остаться в свете фонарей. Он выбрал относительно широкую улицу, вспоминая с дрожью тот день в Эбу

Дар, где Голам почти добрался до него в тесном переулке.

Тварь снова скользнула вперед, и Мэт ответил на нападение. Он почти промахнулся, но вовремя развернул ашандарей, чтобы ударить голама плашмя, раздалось шипение, когда медальон коснулся руки голама.

Голам чертыхнулся и немного отступил. Мерцающий свет фонаря, кусками, освещал черты его лица. Тварь снова улыбнулась, несмотря на дымящуюся руку. Раньше Мэту казалось, что лицо этого существа ничем не примечательно, но в мерцающем свете - и с этой улыбочкой - оно приобрело ужасающее выражение. "Свет фонаря, падая под углом, отражался в его глазах и делал их похожими на крошечные желтые огоньки, окруженные темнотой глазниц".

Неописуемый днём, ужасный ночью. Эта тварь убила Тайлин, когда она была беспомощной. Мэт стиснул зубы. Затем он атаковал.

Проклятье, это было довольно глупо. Голам был быстрее, и Мэт не знал может ли медальон убить его. Но он все равно напал. Мэт атаковал за Тайлин, за людей, которых он потерял в стычках с этим чудовищем. Атаковал потому, что нет другого выхода. Если вы хотите узнать чего действительно стоит мужчина, то загоните его в угол и заставьте сражаться за жизнь.

Мэт оказался в углу. Окровавленный и измотанный. Он знал что эта тварь в конце концов найдёт его, или, что хуже, - Туон или Олвера. Это была такая ситуация, в которой разумный человек сбежит. Но он был треклятым дураком. Находится в городе из-за клятвы Айз Седай? Ну что ж, если он умрёт, то он умрёт с оружием в руках.

Мэт обрушился на голама, будто вихрь из стали и дерева. Существо казалось было потрясенно и подалось назад. Мэт бил ашандарем по рукам твари, обжигая плоть, затем развернулся и выбил кинжал из его рук. Голам отскочил в сторону, но Мэт ринулся следом, загоняя острие копья между ног твари.

Оно упало. Голам позволил поймать себя и теперь плавно отступал. Как только оно встало на ноги, Мэт полоснул ашандареем по ногам. Он ловко рассек сухожилия твари, и если бы оно было человеком, то рухнуло бы вниз. Вместо этого, оно приземлилось, даже не морщась от боли, и из раны не сочилась кровь.

Он крутанулся и бросился на Мэта замахнувшись когтями. Мэт был вынужден отскочить назад, размахивая ашандареем, чтобы удержать его на расстоянии. Тварь улыбнулась ему.

После чего, как ни странно, Голам развернулся и побежал.

Проклятье. Что-же отпугнуло это? Но нет, он не убегал, эта

тварь направилась к его людям!

"Вернись!" закричал Мэт ему. "Назад! Чтоб ты сгорел, кровавое чудище. Я здесь! Дерись со мной!"

Члены отряда рассеялись, выполняя его приказ, хотя Талманесс вернулся обратно, с мрачным выражением на лице. Голам засмеялся, но не бросился за солдатами. Вместо этого существо, бросился к ближайшему фонарю, и погасило его. Оно побежало по кругу гася фонари и погружая улицу в мрак.

Кровь и пепел! Мэт погнался за существом. Если ему удастся погасить все фонари, то темнота окутает его. Мэту придется бороться с ним, не видя его!

Талманес, пренебрегая своей безопасностью, прыгнул вперед, защищая фонарь. И побежал вниз по улице, на которой Мэт преследовал проклятую тварь.

Мэт бежал за ними, Талманес был хорошим бегуном, но голам был так быстр. Он почти догнал его, и дворянин бросился в сторону, стремясь достичь ближайшего здания. Монстр бросился за ним, но Талманес обернулся, в то время как Мэт подбежал, к тому месту.

Фонарь в руках Талманеса открылся и горящее масло из него выплеснулось на здание. Сухое дерево моментально загорелось, языки пламени побежали по маслу из лампы, освещая голама. Оно бросилось к Талманесу.

Мэт бросил в него ашандарей.

Копье с широким лезвием не было предназначено для метания, но у Мэта не было ножа под рукой. Он целился в голову голама. Но знал, что не попадет. К счастью, оружие ушло вниз, и проскользнуло между ног голама.

Монстр споткнулся, глухо упав на брусчатку. Это позволило Талманесу выиграть немного времени, и он смог отбежать от уже пылающего здания.

Спасибо моей удаче, подумал Мэт.

Голам встал и продолжил было преследовать Талманеса, но взгляд его упал на то, что опрокинуло его. Тварь посмотрела на Мэта с грязной ухмылкой, половина ее лица озарялась светом горящего здания. Тварь подняла Ашандарей Мэта и резко отбросила оружие прочь - так как медальон с лисьими головами, был все еще привязан к лезвию. Ашандарей попутно разбив окно, влетел в горящее здание. Свет зажегся в домах, как будто жившие там люди, только теперь заметили борьбу, происходящую поблизости. Талманес и Мэт, встретились глазами. Кайрииэнец бросился к двери горящего здания и ворвался вовнутрь. Голам повернулся к Мэту, освещенному растущими языками пламени. Они сверкали быстро, и сердце Мэта колотилось в такт им,

поскольку существо приближалось, неестественно быстро. Мэт засунул потные руки в карманы своей куртки. И прямо перед тем, как голам добрался своими руками до его шеи, Мэт вынул руки и держа что-то каждой рукой, и хлопнул этими предметами по ладоням голама. В воздухе послышалось шипение, как будто мясо положили на раскаленную сковороду, и голам завизжал от боли. Тварь запнулась, смотря на Мэта широко раскрытыми глазами.

Он держал, по одному лисьему медальону в каждой руке.

Он отпустил их раскручивая, каждый был на толстой длинной цепочке. Медальоны отразили свет фонаря и как будто запылали, Мэт начал хлестать ими голама, ударил его по руке.

Существо выло, отступая еще на шаг. "Почему?" кричало оно. "Как!"

"Я знаю, что это нечестно." Илэйн сказала, что ее копии, были несовершенны, но они, казалось делали свое дело хорошо. До тех пор, пока голаму больно, его не заботили другие способности медальонов. Мэт усмехнулся, бросая в него второй медальон. "Мне просто повезло."

Голам зыркнул на него, затем бросился по ступенькам в сторону горящего здания. Существо помчалось внутрь, похоже в надежде уйти. Но Мэт не собирался позволить ему сбежать. Не в этот раз. Он преследовал существо вверх по ступенькам и нырнул в горящий проём, вытягивая руку, чтобы схватить ашандарей, кинутый Талманесом из бокового прохода

Мэт поймал оружие, оставляя медальоны обёрнутые вокруг предплечий. Голам крутнулся к нему, зал уже горел, жар от стен и потолка был удушающим. Дым стелился по полу. Талманес кашлянул, прижимая платок к лицу.

Голам, атакуя с рыком бросился на Мэта. Мэт встретил зверя посредине широкого зала, выставив ашандарей так, чтобы блокировать похожие на когти, руки голама. Древко ашандарея, побывавшее в огне, дымилось. За ним тянулся шлейф дыма.

Он атаковал изо всех сил, крутя ашандарей, древко которого оставляло дымные спирали вокруг него. Голам попробовал напасть, но Мэт перехватил ашандарей одной рукой, а второй бросил один из медальонов, как нож, ударив существо в лицо. Оно завыло и отпрянуло, с обожженной и дымящейся мордой. Мэт сделал шаг вперёд, прижав медальон другим концом ашандарея к полу, а затем вновь бросил его в существо.

Он кинулся вперёд, делая режущие движения ашандареем и несколько пальцев существа отлетели. Конечно оно не кровоточило и похоже не чувствовало боли от обычных ран, но это его несколько замедлит. Голам восстановился, шипя и глаза его были полны злости. Улыбка исчезла с морды. Оно прыгнуло,

смазавших в движении, но Мэт крутнулся и разрезал кожаную рубаху существа, открыв его грудь. Потом хлестнул вторым медальоном в сторону, ударяя голама, дотянувшегося когтями до его руки, и срезавшего кусок кожи, так, что кровь оросила стену.

Мэт заворчал. Голам завыл и спотыкаясь бросился назад, в глубину горящего зала. Мэт потел от жары и от напряжения. Он не мог драться с этим существом. Не так долго. Это было не важно. Он двинулся вперёд, ашандарей вихрем крутился в руках. Он ударил плоской его частью, с медальном по голаму. Когда зверь оправился, кинул второй тому в морду, заставляя пригнуться. А затем пнул третий, так, чтобы попасть в шею. Ашандерей, вновь вращаемый двумя руками оставлял следы дыма в воздухе. Кончик оружия тлел и дымился. Мэт обнаружил, что орёт на Старом Наречии.

"Ал дивал, ал кисерай, ал маши!" Во имя света, славы и любви!

Голам отступил назад, рыча на огонь. Он обернулся через плечо, как бы заметив, что-то позади, но атакуемый Мэтом, опять сосредоточился на нем.

"Тай'Дашар!" Истинная Кровь Битвы!

Мэт гнал существо в сторону открытой двери в конце коридора. Внутри комнаты стояла полная темнота. Не было даже света от пожаров отраженного на стенах.

"Карай маншимая Тайлин. Карай машимая Налесин, Карай а ман-шимайа айед'ан!" Честь моего клинка за Тайлин. Честь моего клинка за Налесина. Честь моего клинка за павших.

Клич мести.

Голам отступал в темную комнату, ступая по белому словно кость, полу, опустив взгляд вниз.

Глубоко вздохнув, Мэт прыгнул через дверной проем с последним приливом сил и ударил существо сбоку в голову тлеющим древком своего ашандарея. Брызги искр и пепла взорвались вокруг его лица. Существо ругнулось и оступилось, двинувшись вправо.

И там оно практически сошло с края платформы, зависнув над всеобъемлющей пустотой. Голам яростно шипел, вися одной ногой над пустотой, извиваясь, чтобы сохранить равновесие.

По эту сторону дверной проем был окружен сияющим белым светом - краями врат, созданных для Скольжения.

- Я не знаю, можешь ли ты умереть, - тихо сказал Мэт. - Во имя Света, надеюсь, что нет. - Он поднял сапог и пнул им в спину создания, сбрасывая его с платформы во тьму. Оно упало, крутясь в воздухе, глядя на него с ужасом.

- Надеюсь, ты не можешь сдохнуть, - сказал Мэт, - потому что

я собираюсь наслаждаться мыслями о том, как ты вечно падаешь в темноте, ублюдочный сын козлиного помета. - Мэт с силой плюнул за край, посылая сгусток кровавой слюны вниз, вслед за голамом. Оба исчезли в темноте внизу.

Сумеко подошла к нему. У статной предствительницы Родни были длинные темные волосы и вид женщины, которой не нравилось, что ею командуют. Практически у каждой женщины был такой вид. Она стояла прямо в переходных вратах, с той стороны, где ее нельзя было увидеть из коридора. Она должна была быть там, чтобы поддерживать белую платформу в виде большой книги. Она подняла бровь, обращаясь к нему.

- Спасибо за переходные врата, - сказал Мэт, вскидывая ашандарей на плечо, за древком все еще следовал тонкий дымный шлейф. Она сплела врата внутри дворца, чтобы с их помощью переместиться в это место и открыть переход в коридоре. Они надеялись, что это не позволит голаму почувствовать, как Сумеко направляет, пока она создавала плетения во дворце.

Сумеко фыркнула. Вместе они вышли из переходных врат в здание. Некоторые из Отряда поспешно тушили пожар. Когда врата исчезли, Талманес бросился к Мэту в сопровождении еще одной женщины из Родни, Джулании.

- Ты уверена, что тьма будет вечно? Спросил Мэт. Юланья была полненькой, симпатичной женщиной, которая бы отлично поместилась на колене Мэта. Седина в её волосах нисколько не уменьшала её привлекательности.

- Чуть-чуть, можно сказать, ответила Сумеко - Ты практически всё испортил, Мэтрим Коутон. Оно совсем не было удивлено появлением ворот. Думаю, оно чувствовало их.

- Ну мне же удалось сбить его с платформы.

- Едва. Ты должен был позволить нам разобраться со зверем. - Не сработало бы, произнёс Мэт, забирая влажный платок у Талманеса. Сумеко глянула на его руку, но Мэт не просил Исцеления. Эта рана и так заживёт. Может даже будет хороший шрам. Шрамы впечатляли большинство женщин, если конечно они были не на лице. Нравятся ли они Туон?

Сумеко фыркнула - Мужская гордость. Не забудь, что эта штука убила нескольких из наших.

- И я рад, что помогла отомстить, сказал Мэт и улыбнулся. Однако она была права, он чуть не испортил всё. Он был уверен, что голам почувствовал Родню за дверью, когда они приближались. К счастью, однако, оно похоже не видело угрозы в женщинах, способных направлять.

Талманес вернул Мэту два упавших медальона. Он запихал

их поглубже и отвязал ещё один с ашандарея, вернув его на шею. Родня смотрела на медальоны взглядом голодного хищника. Ну, они могут делать что хотят, но он собирался отдать один Олверу, а другой - Туон, когда найдёт её.

Капитан Гайбон, заместитель Бергитте, зашёл в здание. "Тварь мертва?"

"Нет", ответил Мэт, "но достаточно близка к этому."

"Близка к этому?" сказал Гайбон, нахмурившись. Вы просили помощи у королевы, для этой цели. И вы не выполнили, свою часть договора."

"В самом деле," сказал Талманес, прокашлевшись, "мы избавили город от убийцы, который умертвил, по последним подсчётам, около десяти его граждан. Я полагаю, мы имеем право на вознаграждение." Он сказал это абсолютно серьёзно. Блаженный человек.

- Верно, проклятье - сказал Мэт. Остановить голама и получить за это деньги. Это выглядело, как получить солнечный день на сдачу. Он бросил свой платок Гайбону и пошёл прочь, оставив позади женщин Родни, сложивших руки и глядящих с неодобрением. Почему женщина может выглядеть разозлённой на мужчину, даже если он сделал всё в точности, как было сказано, рискуя при этом своей шеей?

- Прости за огонь, произнёс Талманес, - не хотел уронить светильник вот так. Я знаю, что просто должен был заманить его в здание.

- Сработало отлично, сказал Мэт, осматривая древко ашандарея. Повреждения были минимальны.

Они не знали где на него нападёт голам и нападёт ли вообще, но Гайбон сделал своё дело отлично, очистив близлежащие здания от людей и выбрав зал в который Родня сделает врата. Он отправил члена Отряда, чтобы сказать Талманесу, куда идти.

Ну, идея Илэйн и Бергитте с вратам сработала, даже несмотря на то, что не так, как они планировали. В любом случае она была лучше чем то, что Мэт был в состоянии придумать; единственное, что ему приходило в голову, это засунуть один из тех медальонов в глотку голама.

"Давайте заберём Сеталль и Олвера из их гостиницы," сказал Мэт,"и вернёмся в лагерь. Развлечения на сегодня закончились. О, треклятое время."

Глава 32

Буря Света

Марадон горел. Яростно крутящиеся столбы дыма поднимались из десятков зданий. Тщательно продуманная городская планировка не позволяла пожарам распространиться слишком быстро, но не смогла полностью им помешать. Люди и трут. Они шли вместе.

Итуралде присел внутри разрушенного здания между кучей щебня слева и небольшой группой Салдейцев с права. Чуть ранее он покинул дворец, который кишел отродьями Тьмы. Он оставил его начиненным всеми запасами масла которые они были в состоянии найти. Ашаманы подожгли его, убив сотни троллоков и Исчезающих внутри.

Он выглянул из окна своего укрытия. Он мог бы поклясться, что увидел участок чистого неба, но пепел и дым, заволакивающие всё вокруг, мешали рассмотреть его. Соседнее здание горело так сильно, что он чувствовал исходящий от него жар даже через каменную стену.

Он использовал дым и огонь. Почти все, что на поле боя может дать преимущество. И как только Йоэли, согласился, что город потерян, они перестали его защищать. Теперь они использовали город, как средство уничтожения.

Улицы представляли собой лабиринт, который Итуралде, благодаря помощи Салдейцев, знал, а враги - нет. Гребень каждой крыши давал преимущество, каждая аллея - секретный проход для отступления, каждая открытая площадь - потенциальная ловушка.

Троллоки и их командиры допустили ошибку. Они думали, что Итуралде заботится о защите города. Они неправильно его поняли. Всё, что его волновало - это нанести как можно больший ущерб. Так он использовал их предположения против них. Да, их армия была велика. Но любой человек, когда либо пытавшийся убивать крыс, знал, что размер молота не имел значения, до тех пор, пока крысы знали, как спрятаться.

Нерешительная группа существ пересекала почерневшиую улицу снаружи от здания Итуралде. Троллоки вздорили и опасливо покрикивали друг на друга. Некоторые нюхали воздух, но дым нарушил их обоняние. Они совершенно упустили Итуралде и его небольшой отряд, прямо внутри здания.

Топот копыт зазвенел на другом конце улицы. Троллоки

начали кричать, старшие группы поспешили вперед, устанавливая чудовищно иззубренные копья древками вниз на булыжники. Такие действия означают смерть для кавалерии. Троллоки учились быть более осторожными.

Но они научились недостаточно хорошо. Кавалерия вошла в поле зрения, выставляя напоказ единственного человека, ведущего группу раненых и замученных лошадей. Обманка.

"Залп", сказал Итуралде. Лучники вокруг него вскочили и начали стрелять из окон по Троллокам. Многие умерли, прочие вертелись и суетились.

И из боковой улицы поскакала кавалерийская атака, - лошадиные копыта покрыты тряпками, чтобы ослабить звук так, что их подход, маскировал громкий топот копыт подставных лошадей. Салдейцы разорвали строй Троллоков, топча и убивая.

Лучники вопили и доставали мечи и топоры, чтобы прикончить раненых Троллоков. Хвала Свету, с этой группой не было Исчезающего. Итуралде встал, прижав мокрый платок к лицу как защиту от дыма. Его усталость - однажды глубоко похороненная - медленно всплывала на поверхность. Он беспокоился, что, когда наступит ее приступ, он упадет без сознания. Это снизит боевой дух.

Нет, подумал он, прятаться в дыму, когда сжигают твой дом, зная, что Троллоки понемногу загоняют тебя в угол. . . Вот что снижает боевой дух.

Его люди прикончили кулак Троллоков, затем поспешили к другому предусмотренному зданию, где они могли бы спрятаться. У Итуралде осталось около тридцати лучников и кавалерийский взвод, который он передавал между пятью независимыми отрядами нерегулярных бойцов, похожих на этот. Он махнул своим людям вернуться в укрытие, пока разведчики доносили ему информацию. Даже с разведчиками, было трудно получить хорошую картину происходящего в большом городе. Он имел смутное представление о том, где наиболее сильный очаг сопротивления, и какие приказы он может отдать, но сражение было распределено по слишком большой для него области , чтобы быть в состоянии эффективно координировать борьбу . Он надеялся, что Йоели справляется.

Ашаманы ушли, спасаясь по его поручению через крошечные врата едва достаточные , чтобы пролезть- сделанные Антаилом . С тех пор как они ушли - это было несколько часов назад - не было никаких признаков, что какая-либо "помощь" может появиться. Перед уходом Ашаманов, он послал разведчика через врата, к хребту, где Всадникам Последнего Часа было приказано стоять дозором. Все, что нашел разведчик - пустой лагерь и костер,

горящий без присмотра.

Итуральде присоединился к своим людям в новом укрытии, оставив свой носовой платок, теперь измазанный сажей, на ручке двери, чтобы дать разведчикам подсказку о его местонахождении. Оказавшись внутри, он замер, услышав что-то снаружи.

- Тихо, - сказал он солдатам. Те замерли в своих звенящих доспехах.

Звуки шагов. Множества. Наверняка, это был отряд троллоков. Его люди получили приказ двигаться беззвучно. Он кивнул солдатам, показывая шесть пальцев. План номер шесть. Они затаились, ожидая и надеясь, что отродья пройдут мимо них. В противном случае - если они замешкаются или начнут обыскивать ближайшие здания, - его группа пойдет на прорыв и врежется в них с боку.

Это был самый рискованный план. Его люди были вымотаны, а кавалерия отправлена к другой группе защитников. Но лучше атаковать, чем быть обнаруженным или окруженным.

Итуральде, едва дыша, скользнул к окну, выжидая и прислушиваясь. Свет, как же он устал. Отряд свернул за угол, шагая в унисон. Это было странно. Троллоки никогда не ходили строевым шагом.

"Милорд," один из его солдат зашептал. "Нет стука копыт."

Итуральде замер. Человек был прав. Усталость отупляла его. Это армия из сотен, подумал он. Он поднялся на ноги, прокашлялся, злясь на себя, и толчком открыл дверь. Итуральде вышел наружу.

Порыв ветра пронесся по улице, пока люди Итуральде собирались у него за спиной. Ветер моментально разогнал дым, открывая многочисленный отряд пехоты, снаряженный серебристой броней и вооруженный пиками. На миг они показались привидениями - светящимися в призрачном золотом свете, льющимся с неба, от солнца, которое он не видел месяцами.

Прибывшие подняли шум, увидев его и его людей, и двое их офицеров поспешили к нему. Они были Салдейцами. "Где ваш командир?" спросил один из них. "Человек по имени Родел Итуралде?"

"Я..."Итуральде закашлялся. "Я - это он. Кто ты?"

"Благослови Свет," сказал один из солдат, возвращаясь к другим. "Сообщите Лорду Баширу! Мы нашли его!"

Итуралде моргнул. Он оглянулся на своих грязных людей , с лицами почерневшими от копоти. Совсем немало было с перевязанными руками. Он начал с двумя сотнями. Теперь там было пятьдесят. Им следовало ликовать, но большинство из них

село на землю, закрыв глаза.

Итуралде ощутил, что смеется. "Сейчас? Дракон посылает помощь сейчас?" Он споткнулся, потом сел, глядя на пылающее небо. Он смеялся, и не мог остановиться. Вскоре слезы начали полосовать его щеки.

Да, там был солнечный свет.

Итуралде вновь обрел некоторое спокойствие ко времени когда отряды привели его в хорошо защищенную часть города. Дым здесь был намного слабее. Похоже, что войска алТора - во главе с Даврамом Баширом - возвратили большую часть Марадона. Того, что от него осталось. Они тушили пожары.

Было так странно видеть войска с блестящей броне, аккуратной форме, с чистыми лицами. Они прихватили большое количество Ашаманов и Айз Седай, и такой армии, на текущий момент-было достаточно, чтобы отбросить отродий Тьмы обратно к укреплениям на холмах за рекой. Люди алТора привели его к высоким зданиям внутри города. Раз дворец сгорел, почти уничтожен, похоже они выбрали это здание в качестве командного центра.

Итуралде вел войну до изнеможения уже в течение многих недель. Войска Ал'Тора казались чистыми почти до безобразия. Его солдаты гибли, в то время как эти мылись и спали, и питались горячей пищей?

Перестань, сказал он себе, входя в здание. Это было бы слишком легко обвинять других, когда сражение пошло не так. Это была не вина этих людей, что их жизнь была легче, чем его недавно.

Он с трудом поднимался по лестнице, желая лишь о том, чтобы ему дали возможнось выспаться и умыться, после чего он бы был готов встретится с Баширом. Но нет, это невозможно. Сражение ещё не закончено и людям Ал'Тора нужна информация. Только уже его ум отказывался ему служить, работая очень медленно.

Он достиг верхнего этажа и прошел мимо солдат Башира в комнату справа. Башир стоял в полированном нагруднике без шлема, заложив руки за спину и смотрел в окно. У него были одини из тех, чрезмерно больших салдейских усов и пара оливковых брюк заправленных в высокие по-колено сапоги.

Башир повернулся и воскликнул. "Свет! Ты выглядишь как сама смерть, человек!" Он повернулся к солдатам. "Он должен быть в палатке целителя! Кто-нибудь приведите Ашамана!"

"Я в порядке", произнес Итуралде, твердым голосом. "Я выгляжу хуже, чем я себя чувствую, ручаюсь".

Солдаты молча смотрели на Башира. "Ну", сказал человек," по

крайней мере найдите ему стул и чем-нибудь протрите его лицо. Бедолага. Мы должны были быть здесь на прошлой неделе. "

Снаружи до Итуралде доносились звуки далекой битвы. Башир выбрал высокое здание, с которого он мог наблюдать за ходом боевых действий. Солдаты принесли стул, и при всем желании показать свою выносливость коллеге генералу, Итуралде со вздохом сел.

Он посмотрел вниз, и был поражен, увидев какие у него грязные руки, как будто он чистил печь. Без сомнения, лицо тоже было покрыто сажей, струйками пота, и, вероятно, еще засохшей кровью. Его одежда была порванна взрывом, который разрушил стену, не говоря уже о наспех перевязанной ране на его руке.

"Ваше руководство обороной города восхищает, Лорд Итуралде", произнес Башир. В его голосе чувствовалась официальность. Салдея и Арад Доман не были врагами, но две сильные страны не могли избежать периодов приграничных споров. "Количество мертвых троллоков по сравнению с числом людей у вас... и большой пролом в стене... Позвольте мне сказать, что я впечатлен." Тон Башира предполагал, что такую похвалу не легко заслужить.

"Что с Йоэли?" Спросил Итуралде.

Выражение Башира стало мрачным. "Мои люди обнаружили небольшой отряд, защищающий его труп. Он умер мужественно, хотя я был удивлен, обнаружив его командиром, а Торкумена - моего двоюродного кузена, предполагаемого главу города, запертым в своих покоях, и покинутого там, где его могли бы схватить Троллоки ".

"Йоэли был хорошим человеком," сказал Итуральде сухо. "Один из самых храбрых, кого я имел честь знать. Он спас мою жизнь, вопреки приказам Торкумена приведя моих солдат в город. Проклятый позор потерять его. Жгучий стыд. Без Йоэли Марадон сечас бы не стоял."

"Он с трудом, но устоял, как бы то ни было", сказал Башир мрачно.

Итуральде колебался. Он - дядя Королевы, этот город, вероятно, его дом.

Эти двое смотрели друг на дружку, как старые волки, лидеры конкурирующих стай. Тихо подойдя. "Я сожалею о Вашей потере," сказал Итуральде

"Город стоит, также как и стоял" сказал Башир, "благодаря тебе. Я не сержусь, парень. Я опечален, но не сердит. И я запомню твои слова о Йоэли. Откровенно говоря мне никогда не нравился Торкумен. Пока я оставил его в комнате, где мы нашли его, на счастье живым пока, хотя я и услышу гром от королевы за то что

мы сделали. Она всегда любила его. Фу! Обычно она более проницательна."

Башир кивнул в сторону, когда говорил о Торкумене, и - для начала, - Итуральде понял, что он узнал это здание. Это был дом Торкумена, куда Йоэли привел Итуральде в первый день в городе. Имело смысл выбрать это место как командный пункт - оно было довольно близко к северной стене, чтобы располагать хорошим обзором, но и достаточно далеко от взрывной волны, чтобы устоять, в отличие от Зала Совета.

Ну и поделом ему, если бы троллоки схватили Торкумена. Итуральде откинулся на спинку стула, закрывая глаза, пока Башир совещался со своими офицерами. Башир был умелым командующим, это было более чем очевидно. Очень быстро он очистил город. С того момента, как троллоки поняли, с какой огромной силой столкнулись, они покинули город. Итуральде мог гордиться, что, в частности, его упорство стало тем, что заставило их так быстро бежать.

Итуральде продолжал слушать. Большинство войск Башира пришло в город через переходные врата, после того, как был послан разведчик, чтобы найти безопасное место для них. Схватка на улицах не сработает для него так же, как для Итуральде; тактика "бей-и-скрывайся" предназначалась для того, чтобы нанести наибольший возможный урон прежде, чем тебя убьют. Это была проигрышная тактика.

Троллоки отступили в форт, но надолго они там не задержатся. Сидя с закрытыми глазами и стараясь не заснуть, Итуральде слышал, как Башир и его офицеры пришли к тому же тяжелому заключению, как и он сам. Марадон был потерян. Отродья Тени переждут ночь, а затем заполонят город снова.

И после всего, что было сделано, они должны просто бежать? После того, как погиб Йоэли, удерживая город? После того, как драгкар убил Раджаби? После того, как Анкаэр и Россин пали в схватке на стенах? После всей пролитой крови, они наконец-то дождались помощи – только для того, чтобы узнать, что её недостаточно?

- Возможно, мы могли бы отбросить их с вершины холма, - сказал один из людей Башира. – Очистить укрепления.

В его голосе звучало мало оптимизма.

- Сынок, - сказал Итуральде, пытаясь открыть глаза. – Я удерживал тот холм неделями против превосходящей силы. Ваши люди возвели там отличные укрепления, а проблема с ними в том, что твой враг может обернуть их против тебя. Атаковав, вы потеряете людей. Множество людей.

В комнате повисла тишина.- Тогда мы уходим, - сказал

Башир. – Нэфф, нам понадобятся переходные врата.

- Да, лорд Башир. – Сухощавый мужчина с квадратным лицом носил черный кафтан и значок с драконом, указывающий на его статус Аша'мана.

- Мелейн, собери конницу и построй их снаружи. Сделайте вид, что мы собираемся атаковать форт. Это будет держать их в нетерпении и напряжении. Мы эвакуируем раненых, а затем кавалерия атакует в направлении…

- Во имя Света и надежды на возрождение! – воскликнул вдруг голос.

Все в комнате в шоке обернулись – это была не та клятва, которую слышишь каждый день.

Молодой солдат стоял у окна и смотрел в подзорную трубу. Башир выругался и поспешил к нему, остальные столпились вокруг. Некоторые из них тоже достали трубы.

«Что теперь? – подумал Итуральде, встав несмотря на усталость, и заторопился вслед за другими. – Что еще они могли притащить? Больше драгкаров? Гончих тьмы?»

Он выглянул в окно, и кто-то протянул ему подзорную трубу. Итуральде поднял ее. Как он и предполагал, здание располагалось на достаточной высоте, чтобы можно было осмотреть городскую стену и поле битвы, внутренее и наружное. Башня на гребне холма была облеплена воронами. Через трубу он мог видеть троллоков, занимавших верхний лагерь, башни и защитные валы.

За холмом, хлынув через перевал, появились устрашающие силы троллоков, во много раз превосходящие числом тех, кто атаковал Марадон. Волна монстров, казалось, будет длиться вечно.

- Нам надо уходить, - сказал Башир, опуская подзорную трубу. – Немедленно.

- Свет! – прошептал Итуральде. – Если эти силы разобьют нас, то ничто в Салдее, Андоре или Арад Домане не сможет их остановить. Прошу, скажите мне, что милорд Дракон заключил мир с Шончан, как обещал?

- С этим, - произнес тихий голос позади них, - как и со многим другим, я потерпел неудачу.

Итуральде обернулся, опустив подзорную трубу. Высокий человек с рыжими волосами вошел в комнату, мужчина, с которым Итуральде, казалось, никогда не встречался, несмотря на знакомые черты.

Ранд ал'Тор изменился.

У Дракона Возрожденного была та же уверенность в себе, та же прямая спина, та же повелительная осанка. Но в то же время,

все казалось совершенно другим. То, как он стоял без намека на подозрительность. То, как он с волнением изучал Итуральде.

Глаза, холодные и бесчувственные, некогда убедили Итуральде последовать за этим человеком. Глаза тоже изменились. Раньше Итуральде не замечал в них мудрости.

«Не будь тупоголовым дураком, - подумал Итуральде, - ты не можешь определить по глазам мудр ли человек».

И все-таки, он смог.

- Родел Итуральде, - сказал ал'Тор, подойдя и положив ладонь на руку Итуральде. – Я оставил тебя и твоих людей беспомощными и подавленными. Пожалуйста, прости меня.

- Я сам сделал этот выбор, - сказал Итуральде. Как это ни странно, он почувствовал себя не таким уставшим как минуту назад.

- Я осмотрел твоих людей, - сказал ал'Тор. – Их так мало осталось, они изранены и разбиты. Как вы смогли удержать город? То, что ты сделал – чудо.

- Я делал то, что было необходимо.

- Ты, должно быть, потерял много друзей?

- Я…да. – Что еще он мог ответить? Отрицать это - все равно что унизить их. – Вакеда пал сегодня. Раджаби…ну, до него добрался драгкар. Анкаэр. Он продержался до полудня. Теперь никогда не узнать, почему тот трубач подал сигнал слишком рано. За это отвечал Россин. Он тоже мертв.

- Мы должны убираться из города, - настойчиво повторил Башир. – Мне очень жаль, приятель. Марадон пал.

- Нет, - тихо сказал ал'Тор. – Тень не получит город. Только не после всего того, что эти люди сделали для его защиты. Я не допущу этого.

- Благородный порыв, - ответил Башир, - но мы не…Он запнулся, когда ал'Тор посмотрел на него.

Эти глаза. Такие напряженные. Они практически светились.- Они не возьмут этот город, Башир, - сказал ал'Тор, гнев прорезался в его тихом голосе. Он взмахнул рукой, и переходные врата рассекли воздух. Бой барабанов и вопли троллоков внезапно оказались совсем близко. – Я устал от того, что позволял им причинять боль моему народу. Отзовите своих людей.

С этим ал'Тор шагнул в переходные врата. Пара Дев Айил быстро появилась в комнате, и он задержал Врата так, чтобы те успели прыгнуть к нему за спину. Затем дал им исчезнуть.

Ошарашенный Башир замер с приоткрытым ртом. - Будь он проклят! – сказал он в конце концов, поворачиваясь обратно к окну. – Я думал, он больше не собирается так делать!

Итуральде присоединился к Баширу и через подзорную трубу посмотрел сквозь огромные щели в стене. Снаружи одетый в коричневый плащ ал'Тор шел по утоптанной земле в сопровождении двух Дев.

Итуральде подумал, что он может слышать воющих троллоков. Их барабаны стучали. Они заметили трех одиноких людей.

Троллоки бросились вперед, заполонив все вокруг. Сотни. Тысячи. Итуральде задохнулся. Башир произнес тихую молитву.

Ал'Тор поднял одну руку, затем сделал резкий выпад ладонью вперед в сторону потока Отродий Тени.

И они начали умирать.

Все началось с плетений огня, похожих на те, которыми пользовались Аша'маны. Только они были намного больше. Пламя прожигало страшные смертельные ряды сквозь троллоков. Оно следовало по рельефу местности, распространялось вверх по склону и вглубь рвов, наполняя их раскаленным добела огнем, опаляло и уничтожало.

Тучи драгкаров кружили в небе, пикируя на ал'Тора. Воздух над ним посинел, и осколки льда рванулись вперед, как стрелы, выпущенные целым знаменем лучников. Твари визжали в нечеловеческой агонии, их туши валились на землю.

Свет и Сила вырывались из Дракона Возрожденного. Он походил на целую армию направляющих. Отродья Тени гибли тысячами. Возникающие Врата смерти проносились через поле, убивая сотни.

Аша'ман Нэфф, стоявший рядом с Баширом резко выдохнул. - Я никогда не видел столько плетений за раз, - прошептал он. – Я не могу проследить за всеми. Он – буря. Буря Света и поток Силы!

Тучи начали формироваться и закручиваться над городом. Поднялся воющий ветер, и сверху ударила молния. Раскаты грома заглушали звук барабанов, пока троллоки тщетно пытались добраться до ал'Тора, карабкаясь прямо по горящим тушам своих собратьев. Белые скрученные облака врезались в черную кипящую бурю, смешиваясь с ней. Ветер вился вокруг ал'Тора, колыхая его плащ.

Сам человек казался пылающим. Было ли это отражением вспышек пламени или взрывов молний? Ал'Тор сиял ярче их всех, его рука была воздета против Отродий тьмы. Его Девы сгорбились у самой земли, устремив глаза вперед и опустив плечи против сильнейшего ветра.

Тучи, переплетаясь друг с другом, образовывали воронки среди троллоков, которые проносились по вершине холма и вздымали созданий в воздух. Громадные смерчи из плоти и огня

вырастали позади. Твари дождем лились с неба, обрушиваясь на остальных. Итуральде с трепетом смотрел, волосы у него на руках и голове встали дыбом. Сам воздух пропитался энергией.

Неподалеку раздался крик. Внутри здания, в одной из ближайших комнат. Итуральде не отворачивался от окна. Он должен был увидеть этот прекрасный и устрашающий момент разрушения и Силы.

Волны троллоков рассеялись, барабаны сбились с ритма. Целые легионы обращались в бегство, спотыкаясь на склонах холма и друг о друга; они бежали обратно в Запустение. Некоторые продолжали стоять, слишком разозленные, слишком запуганные предводителями или слишком тупые. Буря разрушения, казалось, достигла пика, вспышки молний били вниз все время вместе с воющим ветром, ревущим племенем и звенящими осколками льда.

Это был шедевр. Страшный, разрушительный, невероятный шедевр. Ал'Тор поднял руку к небу. Ветер усилился, молнии забили чаще, огонь разгорелся еще жарче. Троллоки кричали, стонали и выли. Итуральде обнаружил, что и сам дрожит.

Ал'Тор сжал руку в кулак, и все закончилось.

Последние подхваченные ветром троллоки посыпались с неба как сброшенные листья. Все затихло. Пламя умерло, черные и белые тучи разошлись, открыв синее небо.

Ал'Тор опустил руку. Поле перед ним устилали громоздившиеся друг на друга туши. Десятки тысяч мертвых троллоков дотлевали. Прямо перед ал'Тором, практически достигнув его, высился курган мертвецов шириной в сто шагов и пяти футов высотой.

Как долго это продолжалось? Итуральде понял, что не может сориентироваться во времени, но судя по солнцу, прошел как минимум час. Или больше. Хотя казалось, что промелькнули секунды.

Ал'Тор повернулся, чтобы уйти. Девы поднялись на нетвердые ноги и, спотыкаясь, пошли за ним.

- Что это был за крик? – спросил Нэфф. – где-то здесь, в здании. Вы слышали его?

Итуральде нахмурился. Что это было? Он пересек комнату, другие – включая нескольких офицеров Башира, - последовали за ним. Однако многое задержались, разглядывая поле, которое было очищено льдом и пламенем. Похоже, что атака ал'Тора затронула исключительно Отродий тени. Может ли человек действительно быть настолько точным?

Коридор снаружи был пуст, но Итуральде начал подозревать, откуда пришел крик. Он подошел к двери лорда Торкумена,

Башир открыл ее, и они вошли внутрь.

Комната выглядела пустой. Итуральде почувствовал укол страха. Неужели человек сбежал? Он вытащил меч.

Нет. Фигура скорчилась в углу рядом с кроватью, богатая одежда измялась, дуплет был заляпан кровью. Итуральде опустил меч. У лорда Торкумена не было глаз. Похоже, он выцарапал их пером для письма; окровавленное, оно лежало на полу рядом с ним.

Окно было разбито. Башир выглянул в него. - Леди Торкумен там внизу.

- Она спрыгнула, - прошептал Торкумен, пальцы, раздиравшие глазницы, покрылись кровью. Он был ошеломлен. – Этот свет…Этот ужасный свет. Итуральде глянул на Башира. - Я не могу смотреть на него, - бормотал Торкумен. – Не могу! Где ваша защита, Великий повелитель? Где ваши разрушительные армии, ваши разящие мечи? Этот Свет сожрал мой разум, как крысы, пирующие на трупе. Он горит в моих мыслях. Он убил меня. Этот свет убил меня.

- Он сошел с ума, - мрачно сказал Башир, опускаясь на колени рядом с человеком. – Меньшее, что он заслуживает, судя по его бреду. Свет! Мой собственный кузен – друг Темного. И он управлял городом!

- О чем он говорит? – удивился один из людей Башира. – Свет? Разумеется, он не мог видеть сражение. Ни одно из окон не выходит на ту сторону.

- Не уверен, что он говорит о битве, Воглер, - сказал Башир. – Идем. Подозреваю, что милорд Дракон будет уставшим. Я хочу убедиться, что о нем позаботятся.

Вот оно, подумала Мин, постукивая по странице. Она сидела на своем подоконнике в Тирской твердыне, наслаждаясь бризом. Стараясь не думать о Ранде. Он не пострадал, но его эмоции были такими сильными. Гнев. Она надеялась, что он больше никогда не будет так разгневан.

Мин встряхнулась, ей еще предстояло поработать. Не потянула ли она за неверную нить? Все ли правильно она истолковала? Она перечитала строки. Свет будет держаться перед пастью бесконечной пустоты, и вся его сущность может быть захвачена.

Мин прекратила размышления, когда увидела свет, появившийся в комнате напротив. Она отбросила книгу и спрыгнула на пол. Ранд неожиданно приблизился. Она могла ощущать это через узы.

Две Девы охраняли ту комнату, в основном, чтобы люди не забрели туда и не пострадали от переходных врат. Одни из

которых сейчас раскрылись прямо из места, пахнувшего дымом. Ранд споткнулся, проходя через них. Мин бросилась к нему. Он выглядел изнуренным, с покрасневшими глазами и бледным лицом. Он со вздохом оперся на Мин, принимая ее помощь, чтобы присесть.

- Что случилось? – потребовала Мин ответа у Эвазни, появившейся следом Девы. Она была долговязой женщиной с темно рыжими волосами, коротко остриженными, кроме хвоста сзади как у большинства Дев.

- Кар'а'карн в порядке, - сказала женщина. – Хоть он и похож на пацана, который пробежал вокруг лагеря на круг больше, чем все, просто чтобы доказать, что способен на это.

- Он завоевал много джи сегодня, - сказала Ифейна - другая Дева, - чуть ли не в пику. Ее голос звучат благоговейно.

Ранд вздохнул, опускаясь в кресло. Башир вышел из переходных врат, его сапоги застучали по камню. Мин услышала голоса внизу – группу раненых солдат перенесли через большие врата. Внутренний двор Твердыни оживился, Целители из Айз Седай прибежали, чтобы позаботиться об окровавленных, покрытых копотью мужчинах.

За Баширом появился худой доманиец средних лет. Родел Итуральде. Он выглядел намного хуже, потрепанный, с засохшей кровью на грязном лице, в порванной одежде и с неумелой перевязкой на руке. У Ранда не было видимых ран. Его одежда осталась чистой, хотя он упорно продолжал носить этот старый коричневый плащ. Но Свет, как устало он выглядел.

- Ранд, - спросила Мин, стоя на коленях. – Ранд, ты в порядке?

- Я разозлился, - тихо сказал он. – Я считал, что выше этого.

Она почувствовала озноб.

- Это не был такой же ужасный гнев, как прежде. – продолжил он. – Это не был гнев разрушения, хоть я и разрушал. В Марадоне я увидел, что сделали люди, последовавшие за мной. Я увидел в них Свет, Мин. Они продолжали бросать вызов Темному, какой бы длины не была его тень. Мы будем жить, гласил этот вызов. Мы будем любить и мы будем надеяться.

- И я увидел, как сильно он пытался уничтожить их. Он знает, если сумеет сломать их, это будет что-то значить. Нечто намного большее, чем Марадон. Сломить дух людей…он жаждет этого. Он ударил гораздо мощнее, чем мог бы, потому что захотел сломить мой дух. – Голос стал тише, он открыл глаза и посмотрел на нее. – И поэтому я противостоял ему.

- То, что ты сделал, было потрясающе, - сказал Башир, стоя рядом с Мин со скрещенными руками. – Но не позволил ли ты

ему управлять тобой?

Ранд покачал головой. - У меня есть право на гнев, Башир. Разве ты не видишь? Раньше я пытался удержать его весь внутри. Это неправильно. Я должен чувствовать. Я должен страдать из-за боли, смертей и утрат этих людей. Я должен держаться за эти чувства так, чтобы знать, почему сражаюсь. Бывает время, когда мне необходима пустота, но это ничуть не уменьшает долю гнева во мне.

Он становился уверенней с каждым словом, и Мин кивнула.

- Ну что ж, ты спас город, - сказал Башир.

- Недостаточно быстро, - сказал Ранд. Мин почувствовала его горе. – И мои действия сегодня все еще могут оказаться ошибкой.

Мин нахмурила брови. - Почему?

- Это слишком сильно приблизилось к столкновению между нами, - ответил Ранд. – Все должно случиться в Шайол Гул в правильное время. Я не могу позволить ему спровоцировать меня. Башир прав. Никак нельзя допустить, чтобы люди стали считать, что я всегда смогу прийти и спасти их.

- Может быть, - сказал Башир. – Но то, что ты сегодня сделал…

Ранд покачал головой. - Я не должен биться в этой войне, Башир. Сегодня сражение истощило меня больше, чем я могу себе позволить. Если б мои враги сейчас явились за мной, мне конец. Кроме того, за раз я могу драться только в одном месте. То, что грядет, будет куда грандиозней, больше и ужасней, чем любой человек может надеяться сдержать. Я все организую, но мне придется оставить вас. Эта война будет вашей.

Он замолчал; Флинн шагнул через врата и позволил им закрыться.

- Мне нужно отдохнуть, - мягко сказал Ранд. – Завтра я встречаюсь с твоей племянницей и другими Порубежниками, Башир. Я не знаю, что они потребуют от меня, но они должны вернуться на свои позиции. Если Салдея была в таком состоянии, даже когда обороной руководил один из величайших полководцев, я могу только догадываться, как страдают прочие народы Порубежья.

Мин помогла ему встать на ноги.

- Ранд, - сказала она тихо, - Кадсуане вернулась и кого-то привела с собой.

Он задумался. - Отведи меня к ней.

Мин поморщилась. - Даже не думай. Тебе нужен отдых.

- Я отдохну, - сказал он. – Не переживай.

Она все еще ощущала его изнеможение. Но не стала спорить. Они вышли из комнаты.

- Родел Итуральде, - сказал Ранд, задержавшись в дверях. – Если желаешь, можешь пойти со мной. Я не могу отплатить за проявленную тобой честь, но у меня есть кое-что для тебя.

Седой доманиец кивнул и последовал за ним. Мин помогла Ранду преодолеть коридор, тревожась о нем. Мог ли он так нагружать себя?

Увы, он мог. Ранд ал'Тор был Драконом Возрожденным. Он должен был быть выжат досуха, перемолот, вычерпан до дна прежде, чем это прекратится. Этого было почти достаточно, чтобы заставить женщину бросить попытки.

- Ранд… - произнесла она, Итуральде и несколько Дев шли за ними. К счастью, комната Кадсуане была недалеко.

- Я буду в порядке, - сказал он. – Обещаю. Ты узнала что-нибудь новое?

Он пытался отвлечь ее.

К сожалению, этот вопрос только добавил ей беспокойства.

- Тебя никогда не удивляло, почему в пророчествах Калландор так часто называют «пугающим клинком» или «гибельным клинком»?

- Это очень мощный са'ангриал, - сказал он. – Может, из-за разрушений, причиной которых он может стать?

- Может быть, - ответила она.

- Думаешь, есть что-то еще?

- Есть фраза, - сказала Мин, - в Джендайском пророчестве. Хотелось бы мне, чтобы мы знали побольше из них. В общем, там говорится «и Меч свяжет его с двумя».

- Две женщины, - сказал Ранд. – Мне нужно быть в круге с двумя женщинами, чтобы управлять им.

Она поморщилась.

- Что? – спросил Ранд. – Ты спокойно можешь рассказать об этом, Мин. Я должен знать.

- Есть еще одна фраза, из Караэтонского цикла. Так или иначе, я думаю, что Калландор может иметь еще один изъян. Полагаю, это может…

Ранд, думаю, это может ослабить тебя, подставить под удар, если используешь его.

- Возможно, именно так меня и убьют.

- Ты не погибнешь, - сказала Мин.

- Я…

- Ты выживешь несмотря ни на что, овечий пастух, - настойчиво повторила она. – Я собираюсь увидеть, как ты справишься.

Ранд улыбнулся ей. Он выглядел таким уставшим.

- Я почти уверен, что ты так и сделаешь, Мин. Может, Узор

изгибается не только около меня, но и вокруг тебя.

Он повернулся, затем постучал в дверь в коридоре.

Та открылась, из-за нее выглянула Мериса. Она осмотрела Ранда с ног до головы.

- Кажется, ты едва можешь держаться на ногах, ал'Тор.

- И правда, - ответил он. – Кадсуане Седай здесь?

- Она сделала, как ты просил, - сказала Мериса. – И я должна сказать, что она была очень любезна, учитывая, как ты…

- Впусти его, Мериса, - раздался изнутри голос Кадсуане.

Мериса помедлила, затем, бросив на Ранда свирепый взгляд, открыла дверь полностью. Кадсуане сидела в кресле и разговаривала со стариком, чьи длинные седые волосы свободно спадали на плечи. У него был большой, похожий на клюв нос и королевские одежды.

Ранд отступил в сторону. Позади него кто-то ахнул. Ошеломленный Родел Итуральде вошел в дверь, и мужчина в комнате обернулся. У него были доброжелательные глаза и медно-красная кожа.

- Мой повелитель, - вскрикнул Итуральде бросаясь вперед, затем опустился на одно колено. – Вы живы!

Мин почувствовала потрясающую радость Ранда. Итуральде, это было видно, плакал.

Ранд отошел назад.

- Ну, пойдем в мою комнату и отдохнем.

- Король Арад Домана. Где она его отыскала? – спросила Мин. – Как ты узнал?

- Друг оставил мне секретное сообщение, - ответил Ранд. – Белая Башня посадила под замок Маттина Стефанеоса, чтобы «защитить» его. Ну и не было ничего удивительного в том, что они могли сделать то же самое с другими монархами. И если Башня послала сестер в Арад Доман, чтобы схватить его, месяц назад, раньше, чем те научились Перемещению, то на обратном пути они могли попасть в снежную ловушку. – Кажется, он почувствовал облегчение. – Он никогда не попадал к Грендаль. Я не убивал его, Мин. Один из невинных, которого я думал, что убил, все еще жив. Это уже нечто. Нечто небольшое. Но это помогает.

Она помогла Ранду пройти остаток пути до их комнат, довольствуясь – пока что, - тем, чтобы просто разделить с ним теплое чувство радости и облегчения.

Глава 33

Хороший суп

Суп Суан был удивительно хорош. Она отхлебнула еще глоток, подняв бровь. Он был незамысловатым - бульон, овощи и кусочки курицы, - но когда большая часть еды на вкус была в лучшем случае несвежей, это казалось чудом. Она попробовала печенье. Без долгоносиков? Восхитительно! Найнив только что замолкла, над ее тарелкой поднимался пар. Недавно возвышенная, днем раньше она принесла клятвы. Они находились в кабинете Амерлин, через открытые ставни лился золотистый свет, пол устилал новый ковер зеленого и золотого цветов.

Молча Суан упрекнула себя за то, что отвлеклась на суп. Отчет Найнив требовал внимания. Она рассказывала о времени, проведенном с Рандом ал'Тором, особенно о таких событиях, как очищение Источника. Конечно же, Суан слышала вести о том, что саидин была очищена, Аша'ман посетил лагерь во времена раскола. Она по-прежнему была настроена скептически, но теперь сложно было это отрицать.

- Хорошо, сказала Амерлин. - Меня очень порадовали такие подробные объяснения, Найнив. Хотя то, что саидин чиста, делает проблему связанных друг с другом Аша'манов и Айз Седай менее тревожащей. Мне бы хотелось, чтобы Ранд был готов обсудить это со мной во время нашей встречи.

Это было сказано ровным тоном, хотя Суан знала, что она смотрит на мужчин, связывающих женщин узами, с таким же удовольствием как капитан на пожар в своем трюме.

"Я думаю," сказала Найнив, поджав губы. "Если это важно, Ранд не одобрял мужчин, связывающих женщин узами.

"Не имеет значения одобрил или нет" сказала Эгвейн "Он несёт ответственность за действия Ашаманов"

"Так же как Вы ответственны за тех Айз Седай, что пленили и избивали его, Мать?" спросила Найнив.

"Это наследие Элайды," сказала Эгвейн, немного сузив глаза.

Она была права, возратив Наинив обратно, подумала Суан, сделав глоток супа. Она слишком часто принимает его сторону.

Найнив вздохнула и взяла ложку, чтобы начать есть свой суп. " Я не хотела спорить, Мать. Я просто хочу показать, как он мыслит. Свет, я не одобряла большую часть того, что он делал, особенно в последнее время. Но я вижу, то чего он сумел достичь.

"Тем не менее он изменился," сказала Суан задумавшись. "Ты

сама это сказала".

"Да," сказала Найнив. "Аил говорят, что он принял смерть."

"Я слышала от них то же самое," сказала Эгвейн. Но я посмотрела в его глаза, что-то еще изменилось, что-то необъяснимое. Человек, которого я видела..."

"Он не походил на того кто мог уничтожить Натрин курган ?" Суан пробрала дрожь, как только об этом подумала.

"Человеку, которого я видела, не нужно будет уничтожать такое место," сказал Эгвейн. "Те, кто были внутри, будут просто следовать за ним, подчиняться его желаниям. Только потому, что он там находится"

Все трое замолчали.

Эгвейн покачала головой и отхлебнула суп. Она помолчала, потом улыбнулась. "Ну, я вижу, суп хороший. Может быть, все ещё не так плохо, как я думала."

"Ингредиенты были доставлены из Кеймлина", отметила Найнив. " Я подслушала разговор служанок."

"О."

Повисла тишина.

"Мать", сказала Суан, тщательно выговаривая. "Женщин по-прежнему беспокоят смерти в Башне."

"Я согласна Мать," сказал Найнив. "Сестры смотрят друг на друга с недоверием. Это волнует меня."

"Вы обе должны были видеть это прежде," сказала Эгвейн. "Во время правления Элайды."

"Если это было хуже чем сейчас," сказала Найнив, "я рада, что не видела этого" Она мельком взглянула на своё кольцо с Великим змеем. С недавних пор она часто так делала. Как рыбак с новой лодкой часто глядел в сторону доков и улыбался. Несмотря на все жалобы на неё, что она была Айз Седай, и несмотря на тот факт, что она носила кольцо в течение долгого времени, теперь, она была удовлетворена, что прошла испытание и приняла Клятву. "Это было ужасно," сказала Эгвейн. "И я не намереваюсь позволить этому вернуться. Суан, план должен быть приведён в действие."

Суан поморщилась. "Я учу других. Но я не думаю, что это - хорошая идея, Мать. Они едва обучены".

"О чём вы говорите?" спросила Найнив.

"Айз Седай" ответила Эгвейн "специально выбраны и им дан тер'ангриал Мира Снов. Суан показывает им, как работать с Тел'арариодом."

"Мать, это место опасно".

Эгвейн сделала еще один глоток супа. "Я полагаю, что знаю это получше других. Но это необходимо; мы должны

спровоцировать убийц. Я устрою "секретный" совет среди моих самых верных Айз Седай, в мире снов, и, постараюсь разместить намеки на это в ключевых местах Башни. Суан, ты нашла Ищущих Ветер?"

"Да", сказал Суан. "Они хотят знать, что ты дашь им, за согласие встретиться с тобой."

"Обещания тер'ангриала снов, будет достаточно," сказала Эгвейн сухо. "Не все должно быть сделкой."

"Они постоянно так поступают," заметила Найнив. "Но к делу это не относится. Ты приглашаешь Ищущих Ветер на эту встречу, чтобы заманить Месану?"

"Не совсем верно," ответила Эгвейн. "Я буду встречаться с Ищущими Ветер в то же самое время в разных местах. И с Хранительницами Мудрости тоже. Достаточно, чтобы намекнуть Месане - полагаю у нее есть шпионы присматривающие за другими группами направляющих, - и надеюсь она действительно захочет пошпионить за нами в Тел'алан'риоде в тот день.

"Ты и Суан проведете встречу в Зале Башни, но это будет приманка, чтобы вытянуть Месану или ее сообщников из укрытия. Со стражами - и несколькими сестрами, на страже - мы сможем заманить их в ловушку. Суан пошлет за мной, как только ловушка сработает."

Найнив нахмурилась. "Это хороший план, за исключением одной вещи. Мне не нравиться, что, ТЫ, будешь под ударом, Мать. Позволь мне возглавить эту операцию. Я справлюсь."

Эгвейн изучала Найнив, и Суан увидела некоторую часть настоящей Эгвейн. Задумчивой. Храброй, но расчетливой. Она также увидела усталость Эгвейн, тяжесть ответственности. Суан хорошо знала это чувство.

"Я признаю, что у тебя действительно, есть основания для беспокойства," промолвила Эгвейн. "С тех пор, как я позволила захватить себя сторонникам Элайды, я не раз задавалась вопросом, что я слишком часто участвую, в слишком опасных событиях."

"Точно", сказала Найнив.

"Тем не менее," заметила Эгвейн, "очевидным фактом остается, что я - та среди нас, кто самый опытный в Тел'алан'риоде. Вы обе прокачались, но я имею больше опыта." "К тому же, я - не только лидер Айз Седай, я - инструмент, которым Белая Башня должна пользоваться". Она колебалась, "я мечтаю об этом, Найнив. Если мы не завалим Месану здесь, всё может быть потеряно. Все будет потеряно! Это - не время, чтобы переживать за инструмент, его цена не имеет значения"

Найнив потянулась к косе, но она пока была до плеча. Она

стиснула зубы. "Ты можешь быть приманкой. Но мне это не нравиться."

"Аил ходящие по снам" сказала Суан. "Мать, Вы сказали, что будете встречаться с ними. Они могли бы помочь? Я чувствовала бы себя намного лучше, если бы знала, что они присмотрят за Вами в этой битве."

"Да," сказала Эгвейн. "Хорошее предложение. Я свяжусь с ними, прежде чем мы встретимся и сделаем запрос, на всякий случай."

"Мать," сказала Найнив. "Возможно Ранд—"

"Это дело Башни, Найнив", сказала Эгвейн. "Мы управимся с этим"

"Очень хорошо."

"Теперь," Эгвейн продолжала, "нам необходимо решить, как правильно распространить слухи, так, чтобы Мессана не смогла устоять против того, чтобы прийти подслушать..."

Перрин заставил кошмар начаться. Воздух искривился вокруг него, и городские дома - на сей раз, для разнообразия, с плоскими кайриэнскими крышами, - исчезли. Дорога под его ногами размягчилась, затем превратилась в жидкость.

Он плюхнулся в океан. Снова вода? - подумал он с досадой.

Темно красная молния обрушилась с неба, бросая по всему морю волны кроваво-красного света. Каждая вспышка высвечивала смутных существ, которые скрывались под волнами. Массивные твари, злые и извивающиеся под ударом алой молнии.

Люди цеплялись за обломки того, что когда-то было кораблем, крича от ужаса и оплакивая близких. Мужчины на сломанных досках, женщины, пытавшиеся держать своих детей над водой, когда высокие волны нависали над ними, трупы, качавшиеся как мешки с зерном.

Твари под волнами атаковали, хватая людей с поверхности и утаскивая их на глубину, с их плавников летели брызги, и искрились бритвено-острые зубы. Вскоре вода запузырилась краснотой, источником которой были не молнии.

Тот, кому снился этот кошмар, обладал особо извращенным воображением.

Перрин отказывался быть втянутым в него. Он подавил свой страх и не стал плыть к одной из тех досок. Это не реально. Это не реально. Это не реально.

Несмотря на понимание, часть его знала, что он погибнет в этих водах. В этих ужасных, кровавых водах. Стоны других терзали его, и он очень хотел попытаться им помочь. Они не были настоящими, он знал это. Просто вымысел. Но это было трудно

Перрин стал подниматься из воды, волны превращались

обратно в землю. Но вдруг он вскрикнул, когда что-то задело его ногу. Сверкнувшая молния расколола воздух. Женщина рядом с ним скользнула под волны, невидимые челюсти утащили ее. Запаниковавший Перрин вдруг снова оказался в воде в мгновение ока, всплыв в совершенно другом месте, одна рука была перекинута через обломок.

Это иногда случалось. Если бы он хоть на секунду дрогнул, позволив себе принять кошмар за реальность, это затянуло бы его и поместило в свою страшную мозаику. Нечто двигалось под водой неподалеку, и он отплыл подальше для начала. Одна из бушующих волн подняла его в воздух.

Это не реально. Это не реально. Это не реально.

Вода была такой холодной. Что-то снова коснулось его ноги, и он вскрикнул, затем захлебнулся, когда проглотил полный рот соленой воды.

ЭТО НЕ РЕАЛЬНО.

Он находился в Кайриэне, в лигах от океана. Тут была улица. Твердые камни под ногами. Запах выпеченного хлеба из соседней пекарни. Вдоль улицы протянулся ряд небольших тонкостволых ясеней.

Зарычав, он вцепился за это знание, как люди вокруг него держались за свои обломки. Перрин сжал руки в кулаки, сосредоточившись на реальности.

Под его ногами были булыжники. Не волны. Не вода. Никаких зубов и плавников. Он снова медленно поднялся из океана. Перрин вышел из него и поставил ногу на поверхность, чувствуя твердый камень под своим сапогом. Вторая нога последовала за первой. Он очутился на небольшом плывущем каменном круге.

Нечто огромное выросло из воды слева от него, крупный зверь - полу-рыба, полу-монстр, - с пастью настолько широкой, что человек мог пройти в нее не пригибаясь. Зубы были размером с ладонь Перрина, и они сверкали, кровь стекала с них.

Это не было настоящим.

Существо взорвалось туманом. Брызги окатили Перрина, а затем моментально высохли. Кошмар вокруг него изогнулся, пузырь реальности выталкивал его. Темное небо, ледяные волны, кричащие люди расплывались как мокрая краска.

Не было никаких молний - он не видел их свет под веками. Не было грома. Он не мог слышать грохот. Тут не было волн, не в центре не имевшего выхода к морю Кайриэна.

Перрин резко распахнул глаза, и весь кошмар распался на части, исчезая как ледяная корка под лучами весеннего солнца. Вновь появились здания, вернулась улица, волны схлынули. На

небо вернулась кипящая черная буря. Яркая белая молния сверкнула в ее глубинах, но без грома.

Невдалеке на улице сидел Прыгун. Перрин подошел к волку. Разумеется, он мог бы тот час же прыгнуть туда, но ему не нравилась идея делать все так просто. Он мог бы поддаться этому, когда вернется в реальный мир.

-Ты становишься сильнее, Юнный Бык, - послание Прыгуна было одобрительным.

-Я трачу слишком много времени, чтобы стать спокойным, - сказал Перрин, бросая взгляд через плечо.

-Каждый раз, когда Я проникаю это требует от меня несколько минут, чтобы взять контроль. Я должен быть быстрее . В бою с Губителем, несколько минут это слишком много.

"Он будет не таким сильным, как это."

-Он все еще сильнее меня, - сказал Перрин.

-У него были годы для обучению контролю за волчьим сном. Я же только начал.

Прыгун улыбнулся.

Юнный Бык ты начал уже тогда, когда в первый раз пришел сюда.

- Да, но я начал обучение всего несколько недель назад

Прыгун продолжил смеяться. Он был прав, по-своему. Перрин провел два года в подготовке, посещая волчий сон по ночам. Но ему все еще нужно было учиться столько, сколько вообще возможно. В некотором смысле, он был рад отсрочке суда.

Но он не мог мешкать слишком долго. Последняя охота надвигалась на них. Многие волки бежали на север; Перрин чувствовал, как они проходят. Бегут к Запустению, к Приграничью. Они двигались, как в реальном мире так и в волчьем сне, хотя будучи здесь, непосредственно там они не перемещались. Они бежали стаями.

Он мог четко сказать, что Прыгун хотел присоединиться к ним. Тем не менее, он остался, как и некоторые другие.

-Идем, - сказал Перрин. - Найдем другой кошмар.

Роза Марта цвела.

Это было невероятно. Немногие из прочих растений расцвели в это страшное лето, да и те были поникшими. Но Роза Марта цвела, причем ярко, скрутившись сотнями красных взрывов вокруг садовой ограды. Прожорливые насекомые жужжа летали с цветка на цветок, как будто все пчелы города прилетели сюда покормиться.

Гавин держался на расстоянии от насекомых, но запах роз был настолько всеобъемлющим, словно ты купался в нем. Когда он пройдет, его одежда, похоже, сохранит этот аромат на

несколько часов.

Илейн разговаривала с несколькими советниками у одной из скамеек возле небольшого, покрытого лилиями пруда. Ее беременность стала заметной, сделав ее словно сияющей. Золотые волосы отражали солнечный свет подобно поверхности зеркала, поверх волос, Корона Роз Андора казалась почти что незатейливой в сравнении с ними.

В эти дни у нее частенько было много работы. Он слышал приглушеный доклад о постройке оружия, которое могло быть стольже сильным как пленные дамани. Литейщики колоколов в Кеймлине работали ночи напролет, как он слышал. Кеймлин готовился к войне, город гудел от деятельности. Она часто немогла выдилить время для него, хотя он был бы рад и зато, что она смогла бы сэкономить.

Она улыбнулась ему, когда он приблизился, взмахом руки отпуская прислугу. Она подошла, подставляя щеку для дружеского поцелуя. “Ты выглядишь задумчивым.”

“Это моя болезнь в последнее время,” сказал он. “ Ты выглядишь рассеянной”

“Это моя болезнь в последнее время,” сказала она. “ Работы всегда слишком много и слишком мало меня , что бы ее делать.”

“Если тебе нужно -”

“Нет”, сказала она, беря его за руку.”Я должна поговорить с тобой. И мне сказали, что одна прогулка в день, в садах, будет полезной в моем положении.”

Гавин улыбнулся, вдыхая ароматы роз и грязи вокруг пруда. Ароматы жизни. Он поглядел на небо, когда они шли. ”Я не могу поверить, столько солнечного света здесь вижу. Я почти убедил себя, что вечный мрак это что-то не естественное.”

"Да, это возможно", - невозмутимо ответила она "Неделю назад облака покрывающие весь Андор рассеялись над Кеймлином, но негде более."

"Но ... почему?"

Она улыбнулась, "Ранд что-то сделал. Он стоял на вершине горы Дракона, я полагаю и затем ..."

Вдруг день показался темнее. "Снова ал'Тор" сплюнул Гавин. "Он предследует меня везде, куда бы я не пошел."

"Даже здесь?" спросила она изумленно. "Я помню эти сады, тут мы впервые встретились."

Гавин промолчал. Он посмотрел на север, осматривая небо. Грозовые тучи разверзлись. "Он их отец, не так ли?"

"Если это так" ответила Илейн, незадумавшись, "то благоразумнее держать этот факт в секрете, как ты считаешь? За детьми Дракона Возрожденного могут охотиться."

Гавин почувствовал себя плохо. Он подозревал это, когда увидел беременность. “Сожги меня,” сказал он. “ Илейн как ты могла? После того что он сделал нашей матери.”

"Он ничего не сделал ей," сказал Илейн. "Я могу приводить свидетеля за свидетелем, которые подтвердят это, Гавин. " ее глаза светились любовью, когда она говорила о нем. " Что-то происходит с ним. Я могу чувствовать это, чувствовать, что он меняется. Искупление. Он разгоняет облака и заставляет розы цвести. "

Гавин удивленно раскрыл глаза (выгнул брови). Она думала, что розы цвели из-за АлТора? Ну, любовь может заставить человека, думать странные вещи, и когда этим человеком был Возрожденный Дракон, возможно некоторой странности в мышлении и следовало ожидать.

Они подошли к небольшому причалу у пруда. Он помнил, как плавал здесь еще будучи ребенком, и получал за это нагоняй. Не от мамы, а от Галада, хотя мать одаривала его строгим и разочарованным взглядом. Он никогда никому не говорил плавал там только потому, что Илэйн его туда толкнула.

"Ты никогда не сможешь забыть об этом?" спросила Илэйн.

"Что?" удивленно спросил он.

"Ты помнишь тот раз, когда ты подскользнулся и упал в пруду во время встречи матери с Домом Фарах."

"Подскользнулся? Ты тогда толкнула меня!"

"Я не делала тогда ничего подобного", сказала Илэйн гордо (чопорно). "Ты тогда занимался показухой, балансируя на лодочной пристани".

"И ты качнула пристань"

"Я просто зашла на нее", сказал Илэйн. "Уверенно. Я энергичный человек. Мои шаги сильные".

"Сильные - это же настоящая ложь!"

«Нет, я просто подхожу к истине творчески. Теперь я Айз Седай. Это наш талант. Ты собираешься покатать меня по пруду или нет?»

"Я ... покатать тебя? Когда это ты придумала?"

"Только что. Ты разве не понял?"

Гавин ошеломленно покачал головой. «Хорошо». За ними несколько женщин охранников заняли места для охраны. Они всегда были рядом, часто во главе с высокой женщиной, которая воображала из себя исторический образ - Биргитте. А может быть, она даже выглядела как Биргитте, на которую она хотела быть похожа, так или иначе, она была Капитан-Генералом.

К гвардии присоединилась растущая группа обслуживающего персонала и посыльных. Приходило время Последней Битвы, и

Андор готовился к ней, и о ходе многих из этих приготовлений, Илэйн необходимо знать.

Хотя Гавин, слышал любопытную историю, о Илэйн, которую принесли на городскую стену в постели, неделю назад или около того. До сих пор, он не мог решить для себя – была та история правдой или нет.

Он помахал Биргите, которая в ответ, лишь угрюмо наблюдала, как он вел Илэйн к маленькой лодке на пруду. Я обещаю, не сбрасывать ее в пруд», показывал Гавин. Но, под нос пробурчал. "Хотя я мог бы тоже зайти «сильно» и перевернуть нас."

"Ах, тише", сказала Илэйн, садясь в лодку. "Водная ванна не будет благоприятна для детей".

"Если уж говорить о них", сказал Гавин, оттолкнув лодку ногой, а затем шагнув в нее. Судно ненадежно покачнулось, пока он садился. "Ты не должна ходить из-за своей беременности?"

"Я сказала Мелфани, что мне нужно воспользоваться возможностью исправить своего брата злодея. Тебе все сойдет с рук, если тебя как следует не выбранить."

"И что я получаю? Нагоняй?"

"Не обязательно". Ее голос был мрачным. Гавин поставил весла и сунул их в воду. Пруд был небольшим, едва ли достаточно большим, чтобы оправдать лодку, но не было спокойствия на воде, среди бегунов пруда и бабочек.

"Гавин", спросила Илэйн, "почему ты вернулся в Кеймлин?"

"Тут мой дом," ответил он. "Почему я не должен был вернуться сюда?"

"Я нуждалась в тебе во время осады. Ты мог бы помочь мне в сражении. Но ты оставался в стороне."

"Я же обьяснил тебе Илэйн! Я был втянут в политику Белой Башни, не говоря уже о зимних снегах. То что я не мог помочь тебе, сжигало меня изнутри, но эти женщины наложили на меня свои пальцы."

"Я одна из этих женщин, знаешь ли." Она подняла руку с Великим Змеем на пальце.

"Ты другая," сказал Гавин. "В любом случае ты права. Я должен был быть здесь. Я не знаю, каких ещё извинений ты ожидаешь, кои, в прочем, я приношу."

"Я не жду никаких извинений", сказала Илейн. "Ох, Гавин я не хотела обвинять тебя. Хотя я конечно могла бы тебя использовать, нам бы все удалось. Я также беспокоилась о том, что ты разрывался между защитой Башни и защитой Эгвейн. Кажется все и так хорошо прошло. Итак я спрашиваю. Почему ты пришел сюда сейчас? Разве Эгвейн не нуждается в тебе?"

"Видимо нет," сказал Гавин, поворачивая лодку. Массивные заросли ивы выросли с этой стороны пруда, свисающие ветви как косы покачивались над водой. Он поднял весла перед этими зарослями и лодка остановилась.

"Ну", сказала Илэйн. "Я не собираюсь совать нос в эти дела, по крайней мере не сейчас. Тебе всегда здесь будут рады Гавин. Я бы сделала тебя Капитаном... Генералом, если бы ты попросил, но я думаю, что ты не захочешь."

"Почему ты так говоришь?"

"Ну, ты потратил много времени здесь, прогуливаясь мрачнее тучи вокруг этих садов."

"Я не был мрачным. Я размышлял.'

"О, да. Ты также научился более изобретательно говорить правду."

Он тихо фыркнул.

"Гавин, ты даже не потратил времени на общение ни с кем из своих друзей, или знакомых из дворца. Ты не входил в роль принца или Капитан-Генерала. Вместо этого ты просто ... размышлял."

Гавин смотрел на пруд. "Я не провожу время с другим, потому что они все хотят знать, почему меня не было во время осады. Они спрашивают, когда я собираюсь принять командование здесь и возглавить твою армию".

"Все в порядке, Гавин. Ты не должны быть Капитан-Генералом, и я могу выжить в отсутствие моего первого принца меч, если должна. Хотя я признаю, Бергитте весьма расстроена, что ты не станешь Капитан-Генералом.

- В этом причина ее свирепых взглядов?

- Да. Но она справится; она в самом деле отлично справляется. И если и есть тот, кого бы мне хотелось, чтобы ты защищал, это Эгвейн. Она достойна тебя.

"И что, если я решил, что не хочу ее?"

Илейн опираясь на его руку, прошла в перед. Ее лицо, обрамленное золотыми волосами и увенчанное короной, выглядело заинтересованным. "О, Гавин. Что произошло с тобой? "

Он покачал головой. "Брин думает, что я был слишком приучен к порядку и не знал, как мне реагировать, когда вещи начали становиться верх тормашками вокруг меня. "

"И что ты думаеш?"

- Думаю, для меня будет лучше находиться здесь, сказал Гавин глубоко вздохнув. Какие-то женщины ходили по тропинке вокруг пруда, ведомые женщиной с рыжими волосами, в которых виднелись белые пряди. Димана была чем-то вроде

провалившегося на экзаменах ученика Белой башни. Гавин не понимал до конца природу Родни и их отношений с Илэйн.

- Приезд сюда, продолжил он, напомнил мне о моей прошло жизни. Была особая свобода в том, чтобы осовободиться от Айз Седай. Я был уверен, что мне нужно быть с Эгвейн. Когда я покинул отроков, и скакал к ней, я чувствовал, что это - лучший выбор, который я когда-либо делал. А оказалось, что она уже далеко ушла к тому, чтобы не нуждаться в моей помощи. Она так озабочена тем, чтобы быть сильной, быть Амерлин, что у в её душе не осталось места для тех, кто не кланяется каждому её капризу.

"Я сомневаюсь, что это так плохо, как ты рассказываешь, Гавин. Эгвейн... Ну, она должна иметь сильную позицию. Из-за своей молодости, и из-за того, как она была возвышена. Но она не высокомерная. Не более, чем это необходимо".

Илейн погрузила пальцы в воду, пугая золотую рыбку. "Я ощущаю во-многом схожие чувства, как те, что должны быть у нее. Ты говорите, что она хочет, чтобы кто-то перед ней пресмыкался, но я бы держала пари, что на самом деле она хочет - нуждается на самом деле - чтобы был кто-то, кому она могла бы полностью доверять. Кто-то, кому она может поставить задачи, не беспокоясь о том, как они будут выполнены. У нее огромные ресурсы. Богатство, войска, укрепления, слуги. Но она - одна, так что, если все будет требовать ее непосредственного внимания , будет так, как если бы у нее вообще не было никаких ресурсов".

Я...

- Ты говоришь, что любишь её, сказала Илэйн, Ты говорил мне, что предан ей, что умрёшь за ней. Ну, у Эгвейн есть армии, в которых полно таких людей, как и у меня. Но человек, которые делает то, что я ему говорю - вот это действительно редкость. Лучше даже, те, кто делает то, что, что я бы им сказала, будь у меня шанс.

- Не уверен, что могу быть таким человеком, произнёс Гавин.

- Почему нет? Из всех мужчин, готовых поддержать женщину с Силой, я думаю ты был бы первым.

С Эгвейн всё по другому. Не могу объяснить почему.

- Ну если ты хочешь жениться на Амерлин, то придётся сделать выбор.

Она была права. Это разочаровывало его, но он была права, - Хватит об этом, сказал он. - Кажется мы отклонились от темы ал'Тора.

- Потому что о нём больше нечего говорить.

- Тебе нужно держаться подальше от него, Илэйн. Он опасен.

Илэйн махнула рукой, - Саидин чист.

- Конечно он так скажет.

- Ты ненавидишь его, произнесла Илэйн, я слышу в твоём голосе. Это из-за матери?

Он поколебался. Она хорошо научилась наожиданным поворотам в беседе. Это в ней говорила Королева или Айз Седай? Он практически повернул лодку назад к пристани. Но это же Илэйн. Свет, но было приятно от того, что он может поговорить с кем-то, кто действительно его понимает.

- Почему я ненавижу ал'Тора? спросил Гавин, - Ну, конечно тут и мать. Но не только она. Я ненавижу то, чем он стал.

- Дракон возрождённый?

- Тиран

- Ты этого не знаешь, Гавин.

- Он пастух. Какое он имеет право свергать троны и менять мир так, как он это делает?

- Особенно, пока ты суетился в деревне? Он рассказала ей почти обо всём, что случилось с ним за последние несколько месяцев.

- Пока ты был послан на смерть своей Амерлин и принуждён убивать своих друзей, он покорял нации.

- Точно.

- Так значит это ревность? Мягко промолвила Илэйн.

- Нет, чушь, я...

- Чтобы ты сделал, Гавин? спросила Илэйн. - Устроил бы дуэль с ним?

- Возможно.

- И что случилось бы, если бы ты уничтожил его, как ты говорил, ты хочешь? Ты обрёк бы нас всех на гибель, чтобы удовлетворить твою минутную ярость?

На это ответить было нечего.

- Это не только ревность, Гавин, продолжила Илэйн, забирая вёсла. - Это эгоизм, мы не может себе позволить быть близорукими сейчас. Она начала грести назад, несмотря на протест.

- И это, парировал Гавин, говорит женщина, лично гонявшаяся за Чёрной Айя?

Илэйн покраснела. Хотела бы, чтобы он никогда не узнал об этом деле. - Так было нужно, и кроме того, я сказала "мы". Ты и я. У нас есть такая проблема. Биргитте всё время говорит мне, чтобы я училась быть боле сдержанной. Так что, тебе придётся научиться тому же, ради Эгвейн. И ты действительно нужен ей, Гавин. Он может не понимать этого; она может быть убеждена, что должна управлять миром сама. Она ошибается.

Лодка ударилась о пристань. Илэйн засушила вёсла и

вытянула рку. Гавин выбрался, затем помог ей выбраться на пристань. Она крепко схватила его за руку. - Ты решишь проблему, сказала он, - я освобождаю тебя от обязанностей Капитан-Генерала. Пока я не буду назначать нового Принца Меча, но ты можешь временно сохранить этот титул и обязанности. До тех пор, пока будешь периодически показывать, что ты выполняешь государственные функции, тебе не нужно волноваться о том, что от тебя потребуется что-то другое. Я немедленно опубликую приказ, ссылаясь на то, что ты должен выполнять другие задания в предверии Последней битвы.

«Я… спасибо,» сказал он, хотя не был уверен, что именно это он чувствовал. Это звучало слишком настойчиво, так же настойчиво, как слова Егвейн, о том, что не надо охранять ее двери.

Илэйн, снова пожала его руку, а затем повернулась и пошла к обслуживающему персоналу. Гавин обратил внимание, что она говорила с ним, все время спокойным тоном. Казалось, что она становилась более похожей на королеву, с каждым днем, это было похоже, как будто смотришь на распускание цветка. Он хотел бы быть в Кэймлине, чтобы видеть процесс становления с самого начала.

Когда он повернулся чтобы продолжить свой путь вдоль мартовский роз, то обнаружил, что улыбается. Его сожаления, были разбиты, здоровым оптимизмом Илэйн. Только она могла назвать человека – ревнивым, и при этом, заставить его чувствовать себя хорошо.

Он прошёл через волны ароматов, чувствуя как солнце греет затылок. Он шёл там, где они с Галадом играли детьми и думал о том, как его мать ходила через эти сады с Брином. Он помнил как настойчиво она указывала на его ошибки и улыбалась, когда он вёл себя так, как должен принц. Эти улыбки были похожи на восход солнца.

Это была её земля. Она жила, в Кэймлине, в Илэйн - которая с каждым часом выглядела всё более и более похожей на неё, в силе и безопасности людей Андора. Он остановился у пруда, на том самом месте, где Галад спас его из воды в детстве.

Наверное Илэйн была права. Возможно ал'Тор был не виноват в смерти Моргейз. Даже если и был, Гавин не сможет этого доказать. Но это не имело значения. Ранд ал'Тор был уже обречён умереть в Последней Битве. Поэтому к чему его ненавидеть?

- Она права, прошептал Гавин, глядя как как ктыри танцуют над поверхностью воды. - Мы квиты, ал'Тор. С этого момента ты мне не интересен.

Будто огромная тяжесть упала с его плечей. Гавин выдохнул с

облегчением. Только теперь, когда Илэйн отпустила его, он понял как сильно было его чувство вины из-за отсутствия в Андоре. Оно тоже теперь прошло.

Время сосредоточиться на Эгвейн. Гавин опустил руку в карман, вытащил нож убийцы и осмотрел те красные камешки, держа его на свету. Его обязанностью было защищать Эгвейн. Учитывая, что она ругала, ненавидела и выгнала его; разве не будет всё это стоить того, если ему удастся спасти её жизнь.

- Ради могилы матери, сухо произнёс голос позади, - Где ты взял это?

Гавин повернулся. Женщины, на которых он обратил внимание ранее стояли за ним на тропинке. Димана вела их. В её волосах были седые пряди, а вокруг глаз морщинки. Разве использование силы не должно было стирать эти следы старения?

С ней было ещё двое людей. Одна из них - полная молодая женщина с чёрными волосами, другая - крупная женщина средних лет. Вторая была та, с которой он разговаривал. У неё были широкие глаза, которые выглядели невинно. Казалось, она была испугана.

- Что это, Марилль? спросила Димана.

- Этот нож, ответила Марилль, указывая на руку Гавина - Марилль видела такой раньше!

- Я видела такой раньше, поправила Димана - Ты человек, а не вещь.

- Да, Димана, Прошу прощения, Димана, Марилль... не сделает этой ошибки снова, Димана.

Гавин приподнял бровь. Да что не так с этой женщиной?

- Простите её, милорд, сказала Димана, Марилль была дамани долгое время, и ей тяжело приспосабливаться.

- Ты Шончан? спросил Гавин, - Конечно. Я должен быть заметить акцент.

Марилль энергично закивала. Бывшая дамани. Холодок прошёл по спине Гавина. Эту женщину учили убивать с помощью Силы. Третья женщина хранила молчание, глядя своими любопытными глазами. Она и близко не выглядела раболепной.

- Нам следует идти, произнесла Димана, - Для неё не хорошо видеть вещи, которые напоминают её Шончан. Пойдём Марилль. Я подозреваю, что то всего лишь трофей, добытый Лордом Тракандом в бою.

- Нет, подождите, попросил Гавин, поднимая руку, - Ты узнаёшь клинок?

Марилль взглянула на Диману, будто спрашивая разрешения ответить. Женщина из Родни страдальчески кивнула.

- Это Кровавый нож, милорд, сказала Марилль. Вы добили его

не в битве, потому что мужчины не побеждают Кровавых ножей. Их нельзя остановить. Они гибнут только тогда, когда их собственная кровь восстаёт против них.

Гавин нахмурился. Что за чушь? - Так это - оружие Шончан?

Да, милорд, ответила Марилль, его носят Кровавые ножи.

- Я думал это и есть Кровавый нож.

- Да, так и есть, но это также и те, кто носят такие ножи. Прячущиеся под покровом ночи, посланные волей Императрицы, пусть она живёт вечно, чтобы уничтожить её врагов и умереть во славу её имени. Марилль опустила глаза ещё ниже. - Марилль слишком много говорить. Она просит прощения.

- Я прошу прощения, промолвила Димана, с ноткой недовольства в голосе.

- Я прошу прощения, повторила Марилль.

- Так эти... Кровавые ножи, сказал Гавин, это убийцы Шончан? Он почувствовал мороз по коже. Они могли оставить позади отряд самоубийц, чтобы убивать Айз Седай? Да. Это имело смысл. Убийца не было одним из Отрёкшихся.

- Да, милорд, ответила Марилль. Я видела такой нож, висящим в одной из комнат квартиры моей госпожи; он принадлежал её брату, который, носил его с гордостью, пока его кровь не восстала против него.

- Его семья?

- Нет, его кровь. Марилль сжалась ещё больше.

- Расскажи мне о них, требовательно попросил Гавин.

- Крадущиеся под покровом ночи, говорила Марилль, посланные волей Императрицы, пусть она живёт вечно, чтобы уничтожить её врагов и умереть в...

- Да, да, сказал Гавин - Ты это уже говорила. Какие у них методы? Как они так хорошо прячутся? Что ты знаешь о том, как убийцы нанесут удар?

Марилль сжималась всё больше при каждом вопросе и начала хныкать.

- Лорд Траканд, воскликнула Димана, держите себя в руках.

- Марилль знает немного, сказала дамани, Марилль просит прщения, накажите её за то, что она не слушала лучше.

Гавин отпрянул. Шончан обращались с дамани хуже чем с животным. Марилль не рассказывали подробно о том, что могут эти Кровавые ножи. - Где вы взяли эту дамани? спросил Гавин, - Где все захваченные солдаты Шончан? Мне нужно поговорить с одним из них, предпочтительно с офицером.

Димана сжала губы - Эти были захвачены в Алтаре, и нам отправили только дамани.

- Димана, произнесла другая женщина, у неё не было

шончанского акцента - а что насчёт сул'дам? Кейша была низкорожденной?

Димана нахмурилась. Кейша... ненадёжна.

- Пожалуйста, попросил Гавин, это может спасти жизни.

- Очень хорошо, сказала Димана - Ждите здесь, я вернусь с ней. Она взяла двух своих спутниц и направилась к дворцу, оставляя Гавина ожидать в нетерпении. Через несколько минут Димана вернулась. За ней следовала высокая женщина в бледно-сером платье без пояса или вышивок. Её длинные чёрные волосы были заплетены в косу, и казалось, что она была поглощена тем, чтобы оставаться в точности в двух шагах позади Диманы - что беспокоило женщину из Родни, которая, похоже, пыталась присматривать за ней.

Они подошли к Гавину и сул'дам, неожиданно, упала на колени и распростёрлась на земле, уткнувшись головой в грязь. В этом поклоне была некая плавная элегантность, что заставило Гавина почувствовать, будто над ним издеваются.

- Лорд Траканд, сказала Димана, - это Кейша, ну или по крайней мере она настаивает, чтобы мы её звали так.

- Кейша - хорошая служанка, спокойно сказала женщина.

- Встаньте, произнёс Гавин, - Что вы делаете?

- Кейше сказали, что вы брат Королевы, кровный родственник правителя этих земель, а я всего лишь низкая дамани.

- Дамани? Вы же сул'дам.

- Больше нет, ответила женщина, - На меня следует одеть ошейник, великий господин, Вы проследите, так и было сделано? Кейша опасна.

Димана мотнула головой, показывая, что нужно пообщаться наедине. Гавин отошёл с ней вниз по Аллее Роз, оставляя Кейшу распростёртой на земле.

- Она же сул'дам? Спросил Гавин - Или дамани?

- Всех сул'дам можно научить направлять, объяснила Димана - Илэйн думает, что этот факт однажды подорвёт всю их культуру если будет открыт, поэтому она заставила нас сфокусироваться на обучении сул'дам пользоваться своей силой. Многие оказываются признать, что они могут видеть плетения, но некоторые были честны с нами. Все до одной настояли на том, что их следует сделать дамани.

Она кивнула в сторону Кейши - Эта - наиболее проблемная. Мы думаем, что она специально учится плетениям, чтобы создать "несчастный случай", и использовать это чтобы убедить нас, что раз она может совершить насилие с помощью Единой Силы, то следовательно мы были неправы, оставив её на свободе.

Женщина, которую можно научить убивать с помощью

Единой силы, которая не принесёт Трёх клятв, и у которой есть решимость доказать, что она опасна? Гавин поёжился.

- Мы держим её на корне вилочника почти всё время, сказала Димана, - Я говорю вам это не для того, чтобы напугать, но чтобы предупредить, что она говорит и что она может быть ненадёжной.

Гавин кивнул. - Спасибо.

Димана отвела его назад. Сул"дам всё ещё лежала на замле. - Как может Кейша служить вам, великий господин? Её действия выглядели пародией на раболепие Мариль. То, что Гавин вначале принял за издевательство, им совсем не являлось, наоборот, это была плохая попытка высокородной женщины имитировать низкорожденную.

"Тебе приходилось видеть, что либо подобное , - прежде?" - между прочим спросил Гавин, - показывая метательный нож.

Голос Кейши дрогнул

-Где вы нашли это? Кто дал вам это?

Она практически утратила показное раболепие.

-Убийца, пытался убить меня этим, - ответил Гавин.

-Мы дрались и он убежал.

-Это невозможно, великий Господин, - сказала шончанка ее голос стал более уверенным.

-Что ты сказала?

-Потому что если вы сражались с одним из Кровавых Ножей, великий Господин вы должны быть мертвы. Они лучшие убийцы во всей Империи. Кровавые ножи самые безжалостные бойцы, потому что они уже мертвы.

-Солдаты смертники, - кивнул Гавин.

-Ты можешь рассказать что нибудь еще о них?

На лице Кейши отразилось удивление.

Если я увиже тебя на цепи, - спросил Гавин.

-Ты сможешь ответить мне?

-Милорд, - вмешалась Дамина.

-Королева никогда не позволит этого.

-Я спрошу ее об этом, - сказал Гавин.

-Я не могу обещать тебе, что ты будешь посажена на цепь Кейши. Но я обещаю, что по прощу Королеву о твоей просьбе.

-Вы сильны и могучи великий Господин, - промолвила Кейши.

-И очень благоразумный. Если вы сможете сделать это, Кейши расскажем вам все.

Димана зло посмотрела на Гавина.

-Говори, - приказал Гавин сулдам.

Кровавые ножи не живут долго, - заговорила Кейши.

-Один раз получив задание, они не переживают его.

-Они получают свои огромные возможности из рук

Императрицы, да живет она вечно, кольца - терангриалы, которые делают из них великих воинов.

-Которые делают их малозаметными, - сказал Гавин.

-Когда они сливаются с тенью.

- Да, сказала Кейша, похоже удивлённая, что он знал это. - Их нельзя победить, но со временем, их собственная кровь убьёт их.

- Собственная кровь?

- Они отравлены своей службой. Как только им дали задание, они зачастую, не живут и нескольких недель. В лучшем случае - месяц.

Гавин держал нож, он был обеспокоен. - Так что нам нужно их просто переждать?

- Кейша засмеялась - Этого не случится. До того, как они умрут, они увидят, что их долг исполнен.

- Этот убивает людей медленно, сказал Гавин, одного каждые несколько дней. Пятерых пока что.

- Проверяет, сказала Кейша, ищет слабости и силу, изучает где можно ударить и быть незамеченным. Если умерли так мало, очевидно вы ещё не видели полную силу Кровавых ножей. Они оставляют не пятерых убитых, а дюжины.

- Если только я не остановлю его, сказал Гавин, какие у него слабости?

Кейши снова улыбнулась.

-Слабости? Великий Господин, Я же сказала, что они лучшие воины в Империи Шончан, благословленные самой Императрицей да живет она вечно.

- Хорошо. Что тогда с тер'ангриалом? Он помогает убийце, когда тот в тени? Как я могу сделать так, чтобы он не работал? Может большое количество фонарей?

-Не бывает света без тени, Великий Господин, - сказала женщина.

-Создайте много света и вы получите еще больше тени.

- Должен же быть способ.

- Кейша уверена, что он существует, великий господин, то вы его найдёте. Ответ женщины был сделан самодовольным тоном. Может ли Кейша дать совет, великий господин? Считайте, что вам повезло выжить в схватке с Кровавым ножом. Вы должно быть не были его истинной целью. Будет благоразумно спрятаться. пока не пройдёт месяц. Позвольте Императрице, пусть она живёт вечно, выполнить её волю, и благословите знамения, которые вы получили и они были достаточно для того, чтобы сбежать и выжить.

- Думаю, достаточно, сказала Димана, - Мне кажется вы получили, то, что хотели, Лорд Траканд?

- Да, спасибо, ответил Гавин, с раздражением. Он едва заметил, как Кейша встала и женщина из родни увела свою подопечную.

- Считайте, что вам повезло остаться в живы... вы должно быть не совсем были его целью.

Гавин проверил метательный нож в руках. Очевидно, что целью была Эгвен. - Зачем ещё Шончан расходовать такое могучее оружие? Скорее всего они считали, что её смерть приведёт к падению Белой Башни.

Эгвейн нужно предупредить. Если это заставит её на него злиться, если это будет противоречить тому, чего она хотела, он должен передать эту информацию. Она может спасти жизнь Эгвейн.

Он всё ещё стоял на месте, думая как приблизиться к Эгвейн, когда служанка в красно-белых одеждах нашла его. Она принесла поднос с запечатанным конвертом. - Милорд Гавин?

- Что такое? спросил Гавин, беря письмо и вскрывая его ножом по верхней кромке.

- Из Тар Валона, ответила служанка, кланяясь - Пришло через врата.

Гавин развернул толстый лист бумаги, находившийся внутри. Он узнал почерк Сильвианы.

Гавин Траканд, было написано там, Амерлин была крайне недовольна, обнаружив Ваш отъезд. Вам не давали приказа покидать город. Она попросила меня отправить данное послание, объяснив, что Вам было дано достаточно времени для безделья в Кэймлине. Ваше присутствие требуется в Тар Валоне, и Вы обязаны вернуться чем быстрее, тем лучше.

Гавин прочитал письмо, затем перечитал его. Эгвейн накричала на него за то, что он разрушил её планы и разве что не вышвырнула из Башни, а теперь она была недовольна тем, что он покинул город? А чего она от него ожидала? Он почти засмеялся.

- Милорд?, спросила служанка, - Вы хотите отправить ответ? Бумага и перо были на подносе. - Они настаивали, что ожидают получить ответ.

- Отправьте ей это, сказал Гавин, бросая нож на поднос. Он почувствовал такую злость, внезапно, и все мысли о возвращении покинули его! Да гори они огнём эти женщины!

- И скажите ей, добавил он затем, поразмыслив секунду, - что убийца - Шончан и он носит специальный тер-ангриал, благодаря которому, его тяжело заметить в тени. Лучше держать побольше огней зажжёнными. Остальные убийства - лишь для проверки надёжность нашей защиты. Она была настоящей целью. Особенно подчеркните, что убийца очень, очень опасен - но не тот, о ком

она думала. Если она хочет доказательств, то может приехать поговорить с Шончан здесь, в Кэймлине.

Служанка выглядела ошарашенной, но когда он не добавил ничего больше, женщина ушла.

Он пытался охладить свою ярость. Он не вернётся, не сейчас. Не в тот момент, когда это будет выглядеть, будто он приполз к на коленях под её команду. У неё были свои "продуманные планы и ловушки". Она сказала, что он ей не нужен. Тогда, она обойдётся без него, какое-то время.

Глава 34

Суд

"Я хочу, чтобы разведчики продолжали патрулирование." потребовал Перрин "даже во время суда." Девам не понравятся твои слова, Перрин Айбара" сказала Сулин "Особенно, если они лишатся возможности потанцевать с копьями."

"Им все равно придется так поступить" ответил Перрин, идя по лагерю, Даниил и Гаул шагали рядом. А позади следовали двое сегодняшних охранников - Ази и Вил ал'Син.

Сулин изучила Перрина, затем кивнула. "Да будет так". И пошла прочь.

"Лорд Перрин," спросил Даниил, пахнущий нервно. "Что это значит?"

"Я еще не решил, в ветре есть что-то странное." ответил Перрин.

Даниил нахмурился, запутавшись. Ну Перрин тоже был сбит с толку. Озадаченный и все более уверенный. Казалось это противоречие, но так правда и было.

Лагерь был в движении, войска собирались на встречу с Белоплащниками. Не его армия, а его армии. В лагере было так много отрядов. Арганда и Галленне спорили о позиции, Двуреченцы возмущались наемниками, бывшими беженцами, снующими между ними. И, конечно, Айил были в стороне и занимались своими делами.

"Я собираюсь их распустить", сам себе сказал Перрин. "Какое это имеет значение?" Тем не менее он беспокоился и испытывал желание сбежать прочь.

В любом случае, люди Перрина в большинстве своем оправились от последствий пузыря зла. Возможно никто уже не мог смотреть на оружие как прежде, но раненных исцелили и направляющие отдохнули.

Белоплащники не были рады задержке, которая оказалась больше, чем они ожидали. Но Перрину требовалось время, и на то было много причин.

"Даннил," позвал он. "Я допускаю, что моя жена втянула тебя в свои планы."

Даннил вздрогнул. "Как -"

"У нее есть секреты" продолжил Перрин "Я не знаю и половины, но то, что она что-то задумала, ясно как белый день. Фэйли не нравится идея с судом. Что она может сделать?

Придумать способ вытащить меня из беды при помощи Ашаманов?"

"Что-то в этом роде, милорд" признался Даниил.

"Я сбегу, если дело запахнет жареным." сказал Перрин. "Но не используйте свой план слишком рано. Я не хочу превратить свое бегство в кровавую баню только потому, что кто-то из Белоплащников выругается не вовремя. Ждите моего сигнала. Понятно?"

"Да, милорд" робко ответил Даниил.

Перрину нужно разобраться с этим. Освободиться. Т.к. за эти дни он почувствовал себя настоящим. Я всего лишь ... И замер. Только кто? Кузнец? Может ли он называть себя так? Кто он?

Впереди на пне возле площадки для Перемещений сидел Неалд. В последние дни юный солдат Ашаман и Гаул обследовали несколько мест по указанию Перрина, чтобы узнать будут ли работать Врата на удалении от лагеря. Конечно, Врата заработали, но пришлось идти часы до тех мест.

Ни Неадл, ни Гаул не заметили ничего странного, но плетение Перемещения заработало. Не было ни барьера, ни какой-либо преграды. Но Перрин полагал, что Врата не открываются только там, где был купол в волчьем сне.

Купол - причина, и вот почему Губитель охранял его. Купол установили не ради охоты на волков, хотя без сомнения она доставляла Губителю удовольствие. Что-то связывало купол и проблемы Ашаманов.

"Неалд" поздоровался Перрин, подходя к Ашаману. "Последняя разведка прошла нормально?"

"Да, милорд"

"Когда ты и Грейди впервые рассказали мне о неудачах с плетениями, ты упомянул, что такое бывало и раньше. Когда?"

"Когда мы попытались открыть Врата и забрать разведчиков из Кэйриена." ответил ашаман. "Плетение просто рассыпалось. Но через мгновение мы попробовали снова, и Врата открылись."

"Это было на следующий день после которого, я впервые увидел купол." подумал Перрин. "Он появился на короткое время, а затем пропал.Губитель должно быть испытывал его.."

"Милорд," обратился Неадл, подходя ближе. Он бывал напыщенным, но Перрин мог положиться на него в нужный момент. "Что происходит?"

"Я думаю кто-то оставил ловушку для нас", тихо сказал Перрин. "Купол, в который мы попали. Я послал людей, чтобы выяснить чем это вызвано, возможно это какой-то объект, созданный Единой Силой". Он был обеспокоен тем, что было скрыто в волчьем сне. Возможно что-то оттуда производило

эффект и на реальный мир? "Теперь ты уверен что совсем не можешь создать врата? Даже в ближайшие места, находящееся в области этого купола?"

Неалд покачал головой.

Правила на этой стороне были отличны от тех, что думал Перрин. Или они работали по другому для перемещения, нежели для доступа в волчий сон. "Неалд, ты сказал с большими вратами - используя круг - ты мог бы переместить армию за несколько часов?"

Неалд кивнул. "Мы тренировались."

"Мы должны быть готовы к этому," сказал Перрин, глядя в небо. Он все еще ощущал в воздухе странный запах. Слабый и застаревший.

"Милорд", сказал Неалд. "Мы будем готовы, но если мы не сможем создать врата, это не будет иметь значения. "Мы можем отправить армию в место за пределами этой области, и переместиться оттуда.

К сожалению, Перрин подозревал что это невозможно будет сделать. Прыгун сказал, что эта вещь из глубокой древности. Это означало, что Губитель мог работать с Отрекшимся. Или, что сам Губитель был Отрекшимся. Перрин никогда не думал об этом. В любом случае за этой спланированной ловушкой будут наблюдать. Если его армия попытается сбежать, враг захлопнет ловушку, либо передвинет купол.

Отрекшиеся одурачили Шайдо с теми кубиками и переместили их сюда. И еще его размещенный повсюду портрет. Было ли это все частью ловушки, что бы она из себя не представляла? Угрозы. Так много опасностей, преследующих его.

"Ну а чего ты ожидал, - подумал он. - Это Тармон Гайдон."

- Я хочу, чтобы Илайас вернулся, - сказал он. Он послал человека с особым разведывательным поручением лично для него. - Просто будьте наготове, Неалд. Даннил, было бы лучше, если бы ты передал мои предупреждения своим людям. Я не хочу никаких несчастных случаев.

Даннил и Неалд разошлись каждый по своим делам, и Перрин подошел к коновязи, чтобы найти Ходок. Гаул, тихий как ветер, возник рядом с ним.

"Кто-то плотно затягивает силок, - думал Перрин, - медленно, дюйм за дюймом, вокруг моей ноги." Вероятно, ожидая, когда он сразится с Белоплащниками. После этого его армия будет ослаблена и изранена. Легкая добыча. Мороз побежал по у него коже, когда Перрин понял, что, если бы он пошел в бой против Дамодреда немногим раньше, ловушка могла бы захлопнуться прямо там. Суд вдруг приобрел громадное значение.

Перрин должен был найти способ предотвратить сражение, пока он не доберется до волчьего сна еще раз. Возможно, там он сумеет отыскать способ разрушить купол и освободить своих людей.

- Ты меняешься, Перрин Айбара, - сказал Гаул.

- В смысле? - спросил Перри, принимая Трудягу у конюха.

- Это хорошо, - ответил Гаул. - Приятно видеть, что ты перестал возражать против того, чтобы быть лидером. Лучше видеть, как ты пользуешься властью.

- Я перестал возражать потому, что у меня есть более важные дела, - сказал Перрин. - И мне не нравится командовать. Я поступаю так потому, что должен.

Гаул кивнул, словно посчитав, что Перрин согласился с ним.

Эти Айил. Перрин поерзал в седле.

- Тогда вперед. Колонна уже отправилась на марш.

- Ступай, - сказала Фэйли Аравин - Армия выдвигается.

Аравин присела в реверансе и отправилась раздавать приказы беженцам. Фэйли не была уверенна в том, что принесет сегодняшний день, но она хотела, чтобы те, кто остался, свернули лагерь и были готовы к походу в случае чего.

Когда Аравин ушла, Фэйли заметила, что Алдин, казначей, присоединился к ней. Он, кажется, в последнее время довольно часто посещал Аравин. Возможно, он наконец-то забыл Аррелу.

Она поспешила к палатке. По пути она миновала Фланна Бастера, Джона Гэлина и Марека Кормера, которые проверяли свою тетиву и оперение стрел. Все трое взглянули на нее и помахали руками. Их глаза, казалось, выражали чувство облегчения, что было добрым знаком. Раньше эти люди выглядели пристыженными, завидев ее, словно им было не по себе из-за того, каким образом Перрин развлекался с Берелейн во время отсутствия Фэйли.

Фэйли проводила время с Берелейн, в купе с официальным отрицанием слухов, она работала, чтобы убедить лагерь об отсутствии кое-каких событий. Что интересно, казалось спасение Фэйли жизни Берелейн во время пузыря зла дало самый большой вклад. Люди из-за этого стали думать, что не было непонимания между двумя женщинами.

Конечно, Фейли не спасала ее жизнь, разве что помогла ей. Но слухи утверждали совсем не это, и Фейли была рада, что на этот раз они играли в пользу ее и Перрина.

Она достигла палатки, смочила полотенце в тазу, и поспешно вытерлась влажной тканью. Она немного подушилась, затем надела одно из своих самых красивых платьев темного серо-зеленого цвета, с вышитым рисунком винограда по лифу, и

вокруг подола. Наконец она посмотрела на себя в зеркало. Хорошо. Она скрывала свою тревогу. С Перрином все будет хорошо. Все будет хорошо.

Она повесила несколько ножей на пояс, и конечно спрятала в рукава. Конюх привел для нее Дневного Света - она потеряла Ласточку, которую убили Шайдо. Даже лучшие ее платья были разрезаны для верховой езды, ее ни что не должно беспокоить в дороге. Мать учила ее, что ничто так не уничтожает доверие солдат к женщине, как езда в дамском седле. И если случится немыслимое и Перрин падет, то возможно придется взять на себя командование войсками.

Она рысью подъехала к передней части собранной армии. Перрин сидел в седле там. Как он отваживается выглядеть таким спокойным!

Фэйли не позволила себе выглядеть раздраженно. Было время для бури, и время для тихого бриза. Она уже сообщила Перрину, недвусмысленно, что она думала об этом суде. В настоящий момент она должна выглядеть поддерживающей его.

Она подъехала ближе к Перрину, позади собрались Айз Седай, шедшие пешком как Хранительницы мудрости. Дев не было. Где они были? Было важно держать их подальше от суда. Для Сулин и других защита Перрина была долгом, возложенным на них Кар'а'карном, и у них был бы к нему тяжкий Тох, если бы Перрин пал.

Оглядев лагерь, она заметила двух гай'шан в белых одеждах с капюшоном, спешаших к передней линии. Гаул, который стоял рядом с лошадью Перрина, нахмурился. Одна из фигур поклонилась ему, выкладывая вперед коллекцию копий. "Только что заточены", сказала Чиад.

"И новые стрелы", добавила Байн .

"У меня уже есть стрелы и копья", сказал Гаул.

"Да," сказали женщины, стоя перед ним на коленях, все еще держа свои предложения.

"Что?" спросил он.

"Мы просто беспокоимся о твоей безопасности", сказала Байн. "Ты поготовил это оружие сам себе в конце концов". Она сказала это искренне, без намека на насмешку или неискренность. Но сами слова были близки к покровительственным.

Гаул начал смеятся. Он взял предложенное оружие, и дал женщинам взамен свое. Не смотря на проблемы этого дня, Фейли поняла, что улыбается. Трудно понять отношения Айил. То, что должно было обрадовать его относительно гай'шан, часто казалось раздражало его, а то, что должно было быть оскорбительно было встречено с интересом.

Когда Байн и Чиад отступили, Фейли оглядела собирающуюся армию. Все были здесь, не только капитина или опознавательные знаки войск. Большинство не сможет увидеть суд, но они должны быть там. В случае чего.

Фейли остановилась рядом с мужем. "Тебя что-то беспокоит", сказала она ему.

"Мир затаил дыхание Фейли", ответил он. "Что ты имеешь в виду?"

Он покачал головой. "Последняя охота здесь. Ранд в опасности. Больше, чем любой из нас, он находится в опасности. И я не могу пойти к нему, пока еще не могу ".

"Перрин, твои слова не имеют смысла. Как ты можешь знать, что Ранд в опасности?"

"Я могу его видеть. Каждый раз, когда я упоминаю его имя, или думаю о нем, я вижу его в своих видениях".

Она моргнула.

Он повернулся к ней, его желтые глаза казались задумчивыми. "Я связан с ним. Он.. притягивает меня, как видишь. Во всяком случае, я сказал себе, что собираюсь быть открытым с тобой, по крайней мере в этих вещах." Он колебался. "Мои армии направляют, Фэйли. Как овец, которых гонят к мяснику".

Он вдруг вспомнил свое видение из волчьего сна. Овцы бегут прямо к волкам. Он считал себя одним из волков. Но может быть он неправ?

Свет! Он был неправ. Он понял, что это значит, только сейчас. "Я могу почувствовать это в ветре", сказал он. "Проблема с вратами, это связано с чем-то, что происходит в волчьем сне. Кто-то хочет, чтобы мы не были в состоянии вырваться из этого места".

Холодный ветер, редкий для полуденного зноя, обдул их. "Ты уверен?" спросила Фэйли.

"Да", ответил Перрин. "Как это не странно, но да."

"Вот куда ушли девы? На разведку?"

Кто то хочет поймать нас, и атаковать. Стравливает нас с Белоплащниками, а затем собирается убить, тех кто выживет. Но для этих целей необходима армия, признаков которой мы не видим. Только мы и Белоплащники. Я отправил Илайса искать признаки Врат для перемещений, но он ничего не нашел. Поэтому, возможно нет ничего, а я просто шарахаюсь от теней.

"В последнее время муж мой, стало возможно даже то, что тени могут укусить. Я доверяю твоей интуиции."

Он посмотрел на нее, затем широко улыбнулся. "Спасибо тебе".

"Хорошо, что же нам тогда делать?"

"Мы едем на этот суд", сказал Перрин. "И сделаем все от нас зависящее, чтобы держаться подальше от битвы с Белоплащниками. Тогда сегодня вечером, я посмотрю, что можно сделать если смогу,чтобы устранить то, что мешает вратам. Мы не можем просто отъехать достаточно далеко, чтобы избавиться от купола; он может просто переместится вместе с нами. Я видел это в двух местах. Мне придется уничтожить его, так или иначе. После этого, мы сбежим".

Она кивнула, и Перрин дал сигнал выступать. Хотя войска позади них все еще выглядели беспорядочными - как спутанная веревка, - армия начала двигаться. Разные отряды, расплетаясь, отделились друг от друга.

Они совершили короткую поездку вниз по Джэханному Тракту, подъезжая к полю с павильоном. Белоплащники уже прибыли, и стояли строем. Это выглядело так, как будто они привели целую армию

Будет тяжелый день.

Гаул бежал рядом с лошадью Перрина, он не выглядел взволнованным, и вуаль не скрывала его лица. Фэйли знала, что он считал честью для Перрина идти на суд. Перрин должен был или оправдать себя, или признать тох и принять приговор. Айил спокойно шли на свою собственную казнь, чтобы оплатить тох.

Они спустились к палатке. Стул был установлен на низкой платформе в северном конце спиной к далеким зарослям болотного мирта. Моргейз сидела на стуле повыше, и выглядела монархом до кончиков ногтей, одетая в красно-золотое платье, которое должно быть Галад нашел для нее. Как Фейли могла ошибиться, подумав что эта женщина всего лишь горничная какой-то леди?

Стулья были расставлены перед Моргейз, и Белоплащники занимали половину из них. Галад стоял рядом с ее импровизированным судейским престолом. Каждый его локон находился на своем месте, на форме не было ни пятнышка, плащ ниспадал за его спиной. Фэйли глянула в сторону и заметила Берелейн, которая уставилась на Галада и краснела, выглядя чуть ли не изголодавшейся. Она не оставила попыток убедить Перрина позволить ей заключить мир с Белоплащниками.

- Галад Дамодред, - объявил Перрин, спешиваясь перед шатром. Фэйли соскочила с лошади и пошла рядом с ним. - Я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что прежде, чем это начнется.

- И что же? - отозвался молодой командующий, стоявший у открытой с одной стороны палатки.

- Поклянись, что не допустишь того, чтобы это обернулось

сражением, - ответил Перрин.

"Я могу пообещать это", сказал Галад. "Но, если конечно, ты пообещаешь, что не сбежишь если решение суда будет против тебя."

Перрин замолчал. Затем он положил руку на свой молот.

"Я вижу ты не готов это пообещать", сказал Галад. "Я даю тебе этот шанс, потому что мама убедила меня, что ты должен иметь возможность высказаться в свою защиту. Но я бы скорее умер, чем дал возможность уйти человеку, который убил Чад, уйти без ответа. Если ты не хочешь, чтобы это обратилось в битву, Перрин Айбара, то ты должен предоставить хорошую линию защиты. Или это, или принять наказание"

Фэйли бросила взгляд на мужа; он хмурился. Он выглядел так, словно хотел произнести требуемое обещание. Она положила ладонь на его руку.

- Я должен это сделать, - сказал он тихо. - Как может любой человек быть выше закона? Я убил тех людей в Андоре, когда Моргейз была Королевой. Я должен подчиниться ее приговору.

- А как же твой долг перед людьми из твоей армии? - спросила она. - Твой долг перед Рандом и Последней Битвой? И передо мной?

Перрин колебался, затем кивнул. "Ты права". Громче он продолжил, "Давайте начнем"

Перрин зашел в шатер, к нему немедленно присоединились Неалд, Даннил и Грейди. Их присутствие заставило Перрина чувствовать себя подобно трусу. По тому, как все четверо стояли, становилось ясно, что они не позволят схватить Перрина.

Что это будет за суд, если если Перрин не подчинится его решению? Не более чем фикция.

Белоплащники смотрели с напряжением, их офицеры стояли в тени шатра, а построившиеся войска казались неподвижными. Они выглядели так, словно не собирались покидать свои позиции во время слушаний. Собственные войска Перрина, - более многочисленные, но менее организованные, - в ответ выстроились в готовности против Белоплащников.

Перрин кивнул и люди Роуэна Гума бросились убедиться, что Галад отпустил пленников. Перрин прошёл ко входу в палатку и остановился прямо перед стоящим на возвышении сиденьем Моргейз. Фэйли стояла рядом. Там были кресла для него и он сел. Насколько шагов в сторону стояла трибуна Моргейз. Справа сидели люди, пришедшие посмотреть на суд. Его спина была повёрнута к его армии.

Фэйли, пахнувшая настрожонностью, сидела рядом с ним. Остальные заняли места. Берелейн и Аллиандре, вместе со своей

охраной, также сидели рядом; Айз Седай и Хранительницы мудрости стояли позади, отказавшись сесть. Оставшиестя несколько мест были заняты несколькими людьми из Двуречья, и старшими бывших беженцев.

Офицеры Белоплащников сидели напротив, лицом к Фейли и Перрину. Борнхальд и Байар - спереди. Там было около тридцати кресел, скорее всего взятых из запасов Перрина, присвоенных Белоплащниками.

"Перрин," сказала Моргейз, со своего места. "Вы действительно хотите, пройти через это? "

"Да, хочу", ответил он.

- Очень хорошо, сказала она. Её лицо было бесстрастно несмотря на то, в запахе было колебание. - Начинаю официальный судебный процесс. Обвиняемый - Перрин Айбара, известный также как Перрин Златоглазый. Лорд Двуречья, добавила она после колебания. - Галад представит обвинения.

- Их три, прознёс Галад, встав. Первые два - это незаконное убийство Чада Латина и незаконное убийство Чада Ямвика. Айбара также обвиняется в том, что он Друг Тёмного и провёл троллоков в Двуречье.

Гневное бормотание раздалось со стороны людей Двуречья на последнее обвинение. Те троллоки убили семью самого Перрина.

Галад продолжил. Последнее обвинение не может быть пока доказано, поскольку моих людей силой выгнали из Двуречья до того, как они смогли собрать доказательства. Что касается первых двух, Айбара уже признал свою вину.

"Так ли это, лорд Айбара?" спросила Моргейз.

"Я убил этих людей, совершенная правда," сказал Перрин. "Но это не было убийство".

- Тогда это будет тем, что определит суд, ответила Моргейз сухо. В этом суть.

Моргей казалась совсем не похожей на Майгдин. Было ли это то поведение, которое ожидали от Перрина, когда приходили к нему за правосудием? Он должен признать, что она придала процессу необходимую официальность. В конце концов суд происходил в палатке, стоящей в поле, а судья сидел на кресле, поднятом на что-то, что было похоже на маленький штабель коробок с наброшенным на них ковром.

- Галад, сказала Моргейз. Твои люди могут рассказать свою часть истории.

Галад кивнул Байру. Тот встал и другой Белоплащник, молодой человек, полностью лысый, вышел вперёд, чтобы присоединиться к нему. Борнхальд остался сидеть.

- Ваша милость, прознёс Байра, - это случилось два года

назад. Весной. Необычно холодной весной, насколько я помню. Мы возвращались домой с важной миссии данной нам самим Лордом Капитаном-Коммандором, и мы проезжали через дикие места центрального Андора. Мы собирались стать лагерем в заброшенном стеддинге Огир, у подножия того, что ранее было огромной статуей. Это место, как вы понимаете, было безопасным.

Перрин помнил эту ночь. Холодный восточный ветер продувал его, раздувая плащ, когда он стоял у бассейна со свежей водой. Он помнил солнце, медленно заходящее на западе. Он помнил как уставился в бассейн в затухающем свете, глядя, как ветер вызывает рябь на поверхности. В его руках был топор.

Этот проклятый топор. Он должен был выбросить его прямо тогда. Илайас убедил его, оставить топор себе.

- Когда мы прибыли, продолжил Байар, - мы обнаружили, что место для лагеря недавно использовалось. Это обеспокоило нас. Немного людей знало про стеддинг. Мы определили по единственному следу от костра, что таинственных путников было немного.

Его голос был четким, его описания - последовательными. Перрин совсем не так вспоминал ту ночь. Нет, он помнил шипение огня, яростно порхавшие в воздухе искры, когда Илайас опрокинул содержимое чайника в кострище. Он помнил спешные послания от волков, затопившие его разум, путавшие его.

Из-за волчьей настороженности он с трудом отделял себя от них. Он помнил запах страха Эгвейн, как он возился с седлом Белы, когда потягивал подпругу. И он помнил сотни людей, которые пахли неправильно. Как Белоплащники в шатре. Они пахли, как больные волки, которые набрасывались на все, что оказывалось поблизости.

- Лорд Капитан беспокоился, - продолжал Байар. Он очевидно не упоминал имя капитана, вероятно, чтобы не ранить Борнхальда. Юный капитан Белоплащников сидел совершенно неподвижно, глядя на Байара, словно не доверял себе смотреть на Перрина. - Он думал, что лагерь мог использоваться бандитами. Кто еще будет гасить свой огонь и исчезать в тот момент, когда кто-нибудь приближается? Именно тогда мы увидели первого волка.

Пестрая, сердитая и обеспокоенная. Изображения людей в белом с пылающими факелами. Ветер, шумящий между деревьями.

- Лорд Капитан счел волков дурным знаком. Каждый знает, что они служат Темному. Он послал нас на разведку. Мой отряд искала на востоке, просматривая скальные образования и осколки

огромной сломанной статуи.

Боль. Люди кричали. Перрин? Ты потанцуешь со мной в воскресенье? Если мы окажемся дома к тому времени...

- Волки начали нападать на нас, - сказал Байар, его голос стал тверже. - Стало очевидно, что они не были обычными созданиями. Слишком согласованными были их атаки. Казалось, их там были дюжины, двигавшиеся сквозь тени. Среди них был мужчина, поражавший и убивавший наших боевых коней.

Перрин наблюдал за этим двумя парами глаз. Своими собственными, с расстояния руки. И глазами волков, которые только хотели, чтобы их оставили в покое. Они были ранены, немного раньше огромной стаей воронов. Они пытались увести людей прочь. Напугать их.

Так много страха. Как людского, так и страха волков. Он правил этой ночью, руководя обеими сторонами. Перрин мог вспомнить, как боролся за то, чтобы оставаться собой, сбитый с толку посланиями.

- Та ночь растянулась надолго, - сказал Байар, понижая голос, все еще полный гнева. - Мы миновали склон с крупным плоским камнем на вершине, и Чадо Латин сказал, что он полагает, что видел что-то там в тенях. Мы остановились, держа впереди свои огни, и увидели лошадиные ноги под выступом Я кивнул Латину, и он шагнул вперед, чтобы приказать тому, кто бы там ни был, назвать себя.

"Ну этот человек- Айбара - вышел из темноты с молодой женщиной. Он нес ужасный топор, и он шел прямо на Латина, игнорируя копье, упершееся в его грудь. А потом..."

И затем волки взяли верх. Это был первый раз, когда подобное случилось с Перрином. Их послания были такими сильными, что Перрин потерял себя. Он мог вспомнить, как стиснул шею Латина своими зубами, теплая кровь брызнула в его рот, словно он вгрызался в плод. Это была память Прыгуна, но Перрин не мог отделить себя от волка в моменты той схватки.

- И затем? - спросила Моргейз.

- А потом был бой, - сказал Байар. - Волки выскочили из теней, и Айбара напал на нас. Он двигался не как человек, а как рычащий зверь. Мы скрутили его и убили одного из волков, но не раньше, чем Айбаре удалось убить двоих Чад.

Байар сел. Моргейз не задавала вопросов. Она повернулась к другому Белоплащнику, стоявшему с Байаром.

- Я мало что могу добавить, - сказал мужчина. - Я был там, и я помню все точь в точь. Я хочу отметить, что, когда мы взяли Айбару под стражу, он уже был признан виновным. Мы собирались...

- Тот приговор не касается этого процесса, - холодно произнесла Моргейз.

- Ну тогда примите мой голос в качестве показаний второго свидетеля. Я тоже видел все это. - Лысый Белоплащник присел.

"Моргейз повернулась к Перрину. "Вы можете говорить."

Перрин медленно встал. "Эти двое говорят правду, Моргейз. Примерно так, как было на самом деле."

"Примерно?" спросила Моргейз.

"Он почти прав."

- Ваша вина или или невиновность висит на этом "почти", лорд Айбара. Это - мера, на основании которой Вас будут судить.

Перрин кивнул.

- Пусть так. Скажите мне кое-что, Ваша милость. Когда Вы судите кого-нибудь как сейчас, пытаетесь ли Вы понять их составные части?

Она нахмурилась.

- Что?

- Мой мастер, человек, который обучал меня как кузнеца, преподал мне важный урок. Чтобы создать что-нибудь, ты должен понять это. А чтобы понять это, ты должен знать, из чего оно состоит. - Прохладный ветер дул сквозь шатер, ероша плащи. Это сливалось с тихими звуками, идущими с равнин снаружи - люди шевелились в своих доспехах, и лошади били копытами, покашливания и редкие шепотки, когда его слова были переданы по рядам.

- Я сумел увидеть кое-что в последнее время, - сказал Перрин. - Люди сделаны из множества различных кусочков. Из каких - зависит от положения, в которое вы их поставите. Я приложил руку к убийству двух этих людей. Но чтобы понять, Вы должны увидеть те части, из которых я состою.

Он встретился глазами с Галадом.Молодой капитан Белоплащник стоял с прямой спиной, сложив сзади руки. Перрину было жаль, что он не мог уловить запах человека.

Перрин повернулся к Моргейз. "Я могу говорить с волками. Я слышу их голоса в моей голове. Я знаю, что это звучит как признание сумасшедшим, но я подозреваю, что многие в моем лагере, кто это услышат, не будут удивлены. Со временем, я могу доказать это Вам, на примере некоторых местных волков".

"В этом нет необходимости", сказала Моргейз. От нее пахло страхом. Шепот из армий становился все громче. Он уловил запах Фэйли. Тревожный.

"Это что я могу делать", сказал Перрин. "Это такая же часть меня, как и ковка железа. Как и мое руководство людьми. Если вы собираетесь судить на меня из-за этого, вы должны понимать это".

"Ты копаешь свою собственную могилу, Айбара," сказал Борнхальд,поднимаясь и приободряясь. "Наш Лорд Капитан Коммандор говорил,что он не может доказать,что ты Друг Темного, пока здесь ты не предоставил нам факты!"

"Это не делает меня другом Темного", ответил Перрин.

"Цель этого суда", твердо сказала Моргейз, "не судить, за эти утверждения. Мы будем определять виновность Айбара за гибель этих двух людей, и ничего больше. Вы можете сесть, чадо Борнхалд".

Борнхалд сел с сердитым выражением.

"Я все еще не слышала вашей защиты, лорд Айбара," сказала Моргейз.

"Я потому сказал вам об этом, чтобы показать вам, что волки были моими друзьями." Он глубоко вздохнул. "В ту ночь в Андоре... Все было ужасно, как Байар рассказывал. Мы все боялись. Белоплащники боялись волков, волки боялись огня и угрожающих движений, которые делали люди, и я боялся мира вокруг меня. Я никогда не был вне Двуречья до этого, и не понимал, почему я услышал волков в своей голове.

Ну, все это не является оправданием, и я не это имею в виду, что это только часть. Я убил этих людей, но они напали на моих друзей. Когда человек идет охотится за волчьей шкурой, волки защищаются. "Он остановился. Им нужна вся правда."Честно говоря, ваша милость, я был не в состоянии контролировать себя. Я был готов сдаться. Но с волками в моей голове. ... Я чувствовал их боль. Когда белоплащник убил моего друга, и я должен был бороться. Я бы сделал то же самое для защиты фермеров подвергающихся преследованию со стороны солдат.

"Ты создание тени!" прокричал Борнхолд, снова вскакивая. "Твоя ложь оскорбление мертвых!"

Перрин повернулся к мужчине,задержав на нем свой взгляд. Палатка погрузилась в тишину , и Перрин мог ощущать повисшее в воздухе напряжение. "Ты никогда не понимал, что некоторые отлечаются от тебя, Борнхальд?" спросил Перрин. "Пытался ли ты когда-нибудь подумать, на что это похоже - быть кем-то другим? Если бы ты мог видеть через эти мои золотые глаза, ты посчитал бы мир другим местом"

Борнхолд открыл рот, как бы собираясь выплюнуть другой оскорбление, но облизал губы, как будто они вдруг стали сухими. "Вы убили моего отца", сказал он наконец.

«Протрубили в рог Валир», сказал Перрин, «Возрожденный Дракон боролся с Ишамаэлем в небе. Армия Артура Ястребиное Крыло возвратилась к тем берегам, чтобы сражаться. Да, я был в Фалме. Я ехал на войну вместе с героями Рога, наряду с

Ястребиным Крылом, сражаясь с Шончан. Я воевал на одной стороне, с твоим отцом, Борнхолд. Я сказал, что он был хорошим человеком, и он им был. Он сражался смело. Он умер мужественно ".

Аудитория была так тиха, что они казались статуями. Никто не двинулся. Борнхальд открыл рот, чтобы сновавозразить, но затем закрыл его.

-Я клянусь, - сказал Перрин.

-Клянусь Светом, надеждой на спасение и возрождение, Клянусь, что Я не убивал твоего отца.

Борнхальд смотрел Перрину в глаза, и выглядел ошеломленным.

"Не слушай его, Дейн," сказал Байар. Его запах был сильным, сильнее, чем у кого-либо в шатре. Взбешенный, похожий на гнилое мясо. "Он убил твоего отца."

Галад все ещё стоял, наблюдая за перепалкой. "Я никогда не понимал, как ты узнал об этом, Чадо Байар. Что ты видел? Я должен спросить, ведь мы проводим суд."

"Это не то, что я видел, Лорд Капитан," сказад Байар. "Но что я знаю. Как ещё можно объяснить, что он выжил, а легион нет! Твой отец был доблестным воином, Борнхальд. Он бы никогда не пал перед Шончан!"

"Это глупость," сказал Галад. "Шончан разбивали нас снова и снова. Даже хороший человек может пасть в битве."

"Я видел Златоокого там," сказал Байар, показывая на Перрина. "Сражающегося рядом с призраками! Созданиями зла!"

"герои Рога, Байар," сказал Перрин. "Может ты не видел, что мы сражались на стороне Белоплащников?"

"Казалост,что так," иступленно сказал Байар. "Точно так же казалось, что ты защищал людей в Двуречье. Но я вижк тебя насквозь, Отродье Тени! С того момента, как встретил тебя!"

"Поэтому ты сказал мне убегать?" сказал Перрин тихо. "Когда я был заключен в палатке старшего Лорда Борнхальда, после моего пленения. Ты дал мне острый камень, чтобы разрезать мои путы и сказал мне, что, если бы я убежал, никто бы меня не преследовал."

Байар замер. Он, казалось, забыл об этом до этого момента.

- Ты хотел, чтобы я попробовал сбежать, произнёс Перрин, - тогда ты мог бы убить меня. Ты очень сильно хотел, чтобы я и Эгвейн умерли.

- Это так, Чадо Байар?, спросил Галад.

Байар запнулся. - Конечно... конечно нет, я.... Внезапно он повернулся к Моргейз, сидящей в простом кресле судьи. - Здесь не меня судя, а его! Ты услышала обе стороны. Суди, женщина!

- Ты не должен говорить так с моей матерью, тихо произнёс Галад. Его лицо было бесстрастным, но Перрин почуял угрозу в запахе. Борнхальд, выглядевший очень обеспокоенным, занял своё место, держась рукой за голову.

- Нет, всё в порядке, сказала Моргейз. - Он прав. Здесь судя Перрина Айбару. Она повернулась от Байара и встретилась взглядом с Перрином. Он спокойно смотрел в ответ. Она пахла... будто её было заинтересована чем-то. Лорд Айбара. Вы чувствуете, что сказали достаточно в свою защиту?

- Я защищал себя и своих друзей, ответил Перрин. Белоплащники не имели права делать то, что они сделали, выгоняя нас, угрожая нам. Вы знаете их репутацию, как и все остальные, я думаю. У нас была хорошая причина быть осторожными с ними и не подчиняться их приказам. Это не было убийством. Я защищал себя.

Моргейз кивнула. - Тогда я вынесу приговор.

- Почему не выслушать других людей, говорящих в защиту Перрина, потребовала Фэйли, вставая.

- Этого не потребуется, Леди Фэйли, ответила Моргейз - насколько я поняла, единственным человеком, которого мы могли бы опросить была бы Эгвейн ал'Вир, однако похоже нет разумного способа привлечь её в данный процесс.

- Но...

- Достаточно, прервала Моргейз. В её голосе появился холод. - Мы можем выслушать дюжину Детей, называющих его Другом Тёмного и две дюжины его последователе, восхваляющих его достоинства. Ни то ни другое не послужит суду. Мы говорим о конкретных событиях, в конкретный день.

Фэйли замолчала, несмотря на то, что пахла яростью. Она взяла Перрина за руку, не садясь. Перрин почувствовал... сожаление. Он рассказал правду. Он он не был удовлетворён.

Он не хотел убивать тех Белоплащников, но убил. И сделал это в ярости, не контролируя себя. Он мог обвинить волков, мог обвинить Белоплащников, но если быть честным, то он сам потерял контроль. Когда он очнулся, он едва помнил, что сделал.

- Ты знаешь мой ответ, Перрин, произнесла Моргейз. Я вижу по твоим глазам.

- Делайте то, что должны, ответил Перрин.

- Перрин Айбара, я объявляю тебя виновным.

- Нет! Крикнула Фэйли - Как ты смеешь! Он принял тебя!

Перрин положил руку ей на плечо. Она инстинктивно потянулась к рукаву в поисках ножей, спрятанных в нём.

- Не имеет никакого значения, что я чувствую лично по отношению к Перриону. Сказала Моргейз - Это суд по законам

Андора. А закон предельно ясен. Перрин мог чувствовать, что волки - его друзья, но закон говорит, что собаки и скот, принадлежащие людям, имеет определённую цену. Их уничтожение незаконно, а убийство человека в отместку незаконно ещё больше. Я могу процитировать вам статьи, если хотите.

Павильон молчал. Неалд привстал со своего кресла, но Перрин встретился с ним глазами и покачал головой. Айз Седай и Хранительницы мудрости сохраняли на лицах маски, не выдававших ничего. Берелейн выглядела покороной, а золотоволосая Аллиандре приложила руку ко рту.

Даннил и Ази ал'Тон двинулись к Перрину и Фэйл, и Перрин не стал заставлять их вернуться на место.

- Какое это имеет значение? требовательно спросил Байар. - Он не собирается подчиняться суду!

Остальные Белоплащники встали и в этот раз Перрин не смог усадить взглядом своих сторонников, поступивших также.

- Я ещё не произнесла приговор, сказала Моргейз сухим голосом.

- Какой тут ещё может быть приговор? - спросил Байар. - Вы же сказали, что он виновен.

- Да, сказала Моргейз - но, как мне кажется, есть также прочие обстоятельства, относящиеся к данном приговору. Её лицо всё ещё было каменным и пахла она так, будто всё решила. Что она делает?

- Белоплащники были неправомочной военной группировкой в границах моих земель, продолжила Моргейз. - Во имя света, несмотря на то, что я считаю виновным Перрина в убийстве ваших людей, я выношу приговор в соответствии с Кэнским протоколом.

"Это закон, регламентирующий поведение наёмников?" - спросил Галад.

"Точно."

"Что это?" спросил Перрин.

Галад повернулся к нёму. "Она постановила, что наш конфликт было конфликтом между свободными группами наёмников. По сути, постановление устанавливает, что не было никого невинного в вашем столкновении, следовательно обвинение в убийстве снимается. Вместо этого Вы обвиняетесь в недопустимом причинении смерти."

"Есть разница?" - спросил Даннил, нахмурившись.

"В каком-то смысле," сказал Галад, всё ещё держа свои руки за спиной, Перрин уловил его запах; это было любопытство. "Да, это хорошее решение, Мать. Но наказание по-прежнему смерть, я

полагаю."

"Возможно," сказала Моргейз. "Кодекс более снисходителен, в зависимости от обстоятельств."

"Тогда что же вы постановили?" - спросил Перрин.

"Я этого не сделала," сказала Моргейз. "Галад, ты - единственное ответственное за убитых людей лицо, или самое полномочное, что сейчас есть. Я передаю решение тебе. Я дала определение и юридическую квалификацию. Ты определишь меру наказания."

Галад и Перрин встретились глазами через павильон. "Понимаю," сказал Галад. "Странный выбор, Ваша Милость. Айбара, нужно снова спросить Вас. Исполните ли Вы решение этого суда, предложенного Вами же? Или можно решить только конфликтом?"

Фэйли напряглась неподалёку от него. Перрин как будто слышал свою армию позади, люди достающие мечи, идущие ему на выручку, ворчащие. Слова проходят сквозь них, как низкий гул. Лорд Перрин признан виновным. Они собираются взять его. Мы не позволим этому случится, не так ли?

Горькие ароматы страха и гнева смешались в павильоне, обе стороны, смотрящие с негодованием друг на друга. Поверх всего этого Перрин мог чувствовать запах неправильности в воздухе.

Можно ли сбежать, думал он. Быть загнанным зверем с этого дня? Это было не похоже на таверна. Почему Узор привёл его его сюда, чтобы противостоять кошмарам из своего прошлого?

"Я исполню его, Дамодренд," сказал Перрин.

"Что?" - ахнула Фейли.

"Но," сказал Перрин, подняв палец, "если вы отсрочите исполнение этого наказания, пока я не исполню свой долг в Последней Битве."

"Вы исполните наказание после Последней Битвы?" спросил Борнхальд, удивившись. "После того, что может быть в конце самого мира? После того, как у вас будет время убежать, возможно, предав нас? Что это за обещание?" "Единственное, какое я могу дать," сказал Перрин. "Я не знаю, что принесёт будущее, если мы доживём до него. Но мы боремся за спасение. Возможно, за сам мир. Перед этим все проблемы второстепенны. Это единственный способ, которым я могу подчиниться. Можно так сказать."

"Как мы узнаем, что вы сдержите обещание?" спросил Галад. "Мои люди называют Вас Отродьем Тени."

"Я приехал сюда, не так ли?" спросил Перрин.

"Потому что мы пленили ваших людей."

"И Отродье Тени будет беспокоится из-за этого?" спросил

Перрин.

Галад смутился.

"Я клянусь," сказал Перрин. "Светом и моей надеждой на спасение и возрождение. Моей любовью к Фэйли и именем моего отца. У Вас будет возможность, Галад Дамодред. Если мы с Вами переживём это, я подчинюсь Вашей власти."

Галад изучал его, потом кивнул. "Очень хорошо."

"Нет!" закричал Байяр. "Это глупость!"

"Мы уходим, Чадо Баяр," сказал Галад, выходя из шатра. "Я вынес решение. Мать, Вы сопроводите меня?"

"Мне жаль, Галад," сказала Моргейз. "Но нет. АЙбара держит путь к Андору, и я должна уйти с ним."

"Очень хорошо." сказал Галад не останавливаясь.

"Подождите," крикнул Перрин. "Вы не сказали мне каким будет моё наказание, которому я подчинюсь."

- Нет, ответил Галад, продолжая идти. - не сказал.

Глава 35

Правильная Вещь

"Вы поняли, что вы должны сделать?" спросила Эгвейн, идя к ее комнатам в Белой Башне. Суан кивнула.

"Если они действительно появятся," сказал Эгвейн, "вы не позволите себе ввязаться в драку."

"Мы не дети, Мать," сухо сказала Суан.

"Нет, вы Айз Седай - стало быть почти настолько же плохо слушаетесь."

Суан бросила на нее хмурый взгляд и Эгвейн пожалела о своих словах. Они были неуместны, она была на грани. Эгвейн успокоила себя.

Она испробывала несколько приманок, чтобы заманить Мессану, но до сих пор ни одна из них не сработала. Эгвейн могла поклясться, что она почти чувствовала, что женщина наблюдала за нею в Тел'аран'риоде. Юкири и ее группа бездействовали.

Ее лучшая надежда была на встречу сегодня вечером. Это должно было ее привлечь. У Эгвейн не было времени в запасе — монархи, которых она убедила, уже начинали движение, и силы Ранда собрались.

Сегодняшней ночью. Это должно случится сегодняшней ночью.

"Иди", сказал Эгвейн. "Поговори с другими. Там не место для глупых ошибок."

"Да, Мать," проворчала Суан, отвернувшись.

И, Суан," окликнула ее Эгвейн.

Прежняя Амерлин застыла. "Будь осторожна сегодня ночью," сказал Эгвейн. "Я не хочу тебя потерять."

Суан часто резко реагировала на проявления подобного беспокойства, но сегодня вечером она лишь улыбнулась. Эгвейн покачала головой и поспешно прошла в свои комнаты, где нашла ожидающую ее Сильвиану.

"Гавин?" спросила Эгвейн.

"От него нет известий", ответила Сильвиана. "Я отправила посыльного за ним сегодня днем, но он еще не вернулся. Я подозреваю, что Гавин задерживается с ответом, чтобы покапризничать.

"Он чрезвычайно упрям," сказала Эгвейн. Он чувствовала себя уязвимой без него. Это чувство появилось неожиданно, сразу же

после того как она прямо указала ему держаться подальше от ее двери. А сейчас она беспокоилась о нем, потому что его не было здесь?

"Удвой мою охрану и убедись, что вокруг расставлены солдаты. Они поднимут шум, если мои охранные плетения отключатся."

"Да, Мать," сказала Сильвиана.

"И отправь Гавину еще одного посыльного," сказала Эгвейн. "С более вежливо написанным письмом. Попроси его вернуться, не приказывай ему." Зная мнение Сильвианы о Гавине, Эгвейн была уверена, что первое письмо было резким.

После этого Эгвейн затаила дыхание, прошла в свои комнаты, и, проверив свои охранные плетения, приготовилась ко сну.

Я не должен быть таким обессиленным, думал Перрин, слезая с Ходока. Я ничем не занимался кроме разговоров.

Суд давил на него. Это, казалось, давит на всю армию. Перрин смотрел на них, пока они скакали обратно в лагерь. Моргейз была там, погруженная в себя. Фэйли глядела на нее всю обратную дорогу, она пахла гневом, но не сказала ни слова. Аллиандре и Берелейн сохраняли дистанцию.

Моргейз признала его виновным, но по правде его это не сильно заботило. Он отвел угрозу Белоплащников, сейчас ему необходимо отвести своих людей в безопасное место. Моргейз поскакала через лагерь в поисках Лини и Мастера Гила. Они благополучно приехали, вместе с другими пленниками, как Галад Дамодред и обещал. Поразительно, он прислал и припасы, и телеги.

Суд был победой. Люди Перрина не видели это в таком свете. Солдаты разделились на отряды, когда проскользнули обратно в лагерь. Было мало разговоров.

Позади Перрина Гаул встряхнул головой. "Две серебряных метки."

"Что это?" спросил Перрин, отдавая Ходока конюху.

"Поговорка," сказал Гаул, взглянув на небо. "Две серебряных метки. Дважды мы шли сражаться и не обнаружили врага. Еще раз и мы потеряем честь."

"Лучше не обнаружить врага, Гаул," сказал Перрин. "Лучше не проливать кровь."

Гаул засмеялся. "Я не говорю, что хочу окончить сон, Перрин Айбара. Но посмотри на своих людей. Они могут чувствовать, что я говорю. Тебе не следует танцевать с копьями без цели, но также не следует слишком часто просить своих людей приготовиться убивать, а потом не дать им никого для сражения.""Я буду делать это так часто, как мне нравится," сказал Перрин резко, "если это

означает избежать сражения. Я..."

Лошадиные копыта простучали по земле, и ветер принес запах Фэйли, пока он поворачивался к ней.

"Несомненно, одного сражения ты избежал, Перрин Айбара," сказал Гаул, "но вызвал другое. Может ты найдешь прохладу и воду." Он поспешил прочь, пока Фэйли спешивалась.

Перрин сделал глубокий вдох.

"Все отлично, муж" сказала она, шагнув к нему. "Ты объясни мне только, чем ты думал, поступая так? Ты позволил ему вынести приговор тебе? Ты обещал сдаться ему? У меня не было ощущения, что я замужем за дураком!"

"Я не дурак, женщина," заорал он в ответ. "Ты продолжаешь поучать меня, что необходимо лидеру. Так вот, сегодня я воспользовался твои советом!"

"Ты воспользовался им и принял неверное решение."

"Здесь не было правильных решений!"

"Ты должен был позволить нам сражаться с ними."

- Они намерены сражаться в Последней Битве, - сказал Перрин. - Из-за каждого убитого нами Белоплащника против Темного встанет на одного человека меньше. Я, мои люди, Белоплащники - никто из нас не сравнится с тем, что грядет! Они должны жить, так же как и мы. И это был единственный способ!

Свет, но было таким неправильным кричать на нее.

Тем не менее, это в самом деле смягчило ее настрой. Что удивительно, солдаты вокруг него начали кивать, будто бы они не были в состоянии увидеть истину, пока он не проревел ее.

- Я хочу, чтобы ты взяла на себя руководство отходом, - обратился Перрин к Фэйли. - Ловушка еще не захлопнулась, но я все время чувствую зуд. Нечто наблюдает за нами. Они заблокировали наши переходные врата, и они хотят увидеть нас мертвыми. Теперь они знают, что мы не станем биться с Белоплащниками, а это значит, что они вскоре нападут. Может, этим вечером; если нам повезет, то они задержатся до утра.

- Мы еще не закончили с этим спором, - предупредила она.

- Что сделано, то сделано, Фэйли. Смотри в будущее.

- Отлично. - Она все еще сердито пахла, ее прекрасные темные глаза оставались свирепыми, но она сдержалась.

- Я собираюсь в волчий сон, - сказал Перрин, глядя в сторону того края лагеря, где располагалась их палатка. - Я или найду способ уничтожить купол, или как-нибудь заставлю Губителя сказать, каким образом Перемещение сможет снова заработать. Подготовь людей к маршу, и пусть Аша'маны пробуют плести переходные врата каждый раз, как досчитают до ста. В тот же миг, как они заработают, уводи наших людей отсюда.

"Куда?" спросила Фэйли. "Дженахан?"

Перрин покачал головой. "Слишком близко. Противник может преследовать нас до Андора. Возьмите их, на самом деле в Кэймлин, нет в Беломостье. Будем держаться подальше от тех мест, где нас могут ожидать. Кроме того, я не хочу, показаться с армией на пороге у Илэйн, пока я не предупредил ее."

- Хороший план, - сказал Фэйли. - Если ты опасаешься нападения, в первую очередь мы должны переместить лагерь беженцев, а не войска, чтобы не остаться без защиты.

Перрин кивнул.

- Но выдвигай их сразу же, как только снова заработают переходные врата.

- А если ты не преуспеешь? - Голос Фэйли начал звучать решительно. Тревожно, но решительно.

«Если я не восстановлю ворота в течении часа, начинайте движение к тому месту где Неалд, обнаружил, что может их опять делать. Но я думаю, Губитель также будет перемещать купол, чтобы мы всегда были под ним. Но это хотя бы что-то.»

Фейли кивнула, но в ее запахе появилось неуверенность. "Мы начнем движение, а не останемся лагерем. При движении, на нас намного проще устроить засаду."

"Я знаю", сказал Перрин. "Вот почему я не должен потерпеть неудачу."

Она взяла его в руки своими руками, положив свою голову на его грудь. Она пахла так прекрасно. Как Фейли. Это было прекрасное определение для него. "Ты сказал, что он сильнее, чем ты", прошептала она.

"Да."

"Могу ли я сделать что-нибудь, чтобы помочь тебе встретиться с ним?" мягко спросила она.

"Если вы посмотрите за ними, когда я уйду, это будет помощь".

"Что произойдет, если он убьет тебя, пока ты там?"

Перрин не ответил.

-Нет ли другого пути? - спросила она.

Он отошел от нее. "Фейли, я абсолютно уверен, что Губитель – это лорд Люк. Они пахнут по разному, но есть что-то похожее в них. И когда я, в Волчьем Сне, раньше ранил Губителя, Люк получил ранение."

"Это должно помочь мне чувствовать себя лучше?" спросила она, морщась.

"Круг замыкается» Мы закончили с Майденом, и находим себя возле каменных развалин, вместе с остатками Белоплащников, и Байар и Борнхалдом с ними. Губитель снова

появляется в Волчьих снах. Этот человек, о котором я тебе рассказывал, Ноам, тот кто был в клетке. Ты помнишь, где я его нашел?»

"Это когда ты следовал за убегающим Рандом. Через..."

"Чеалдан, сказал Перрин. "Это место находится в неделе отсюда."

"Странное совпадение, но-"

"Нет совпадений, Фейли. Не со мной. Я здесь не просто так. Он здесь не просто так. Я должен это сделать".

Она кивнула. Он повернулся, чтобы идти в свою палатку, Хранительницы Мудрости дали ему специальный чай, который позволит ему уснуть и войти в Волчий Сон.

Время настало.

"Как вы могли позволить ему уйти?" сказал Байяр, сжав пальцы на рукоятке меча. Его белый плащ хлопал за спиной, пока он, Борнхальд и Галад шли через центр их лагеря.

-Я сделал то что было правильным, - ответил Галад.

-Отпустить его восвояси, это не было правильным, - сказал Баяр.

-Ты не мог поверить.....

-Чадо Баяр, - тихо произнес Галад

-Я нахожу твой тон слишком вольным. Это беспокоит меня. И тебя это должно также беспокоить.

Баяр замолчал и больше не произнес не слова. Галад видел как было ему тяжело сохранять молчание. Позади Баяра, стоял обескураженный Борнхальд.

-Я верю, что Айбара сдержить слово, - сказал Галад.

-Но даже если это не так, то у нас будут все основание объявить на него охоту по всем землям. Это не идеально, но мудро. Я верю, что Последняя Битва грядет и мы должны все сражаться против Тени.

Милорд Капитан Коммандор, - сказал Байяр, понижая тон. - При всем уважении, это человек Тени. Он будет сражаться не рядом с нами, а против нас.

- Если это правда, - сказал Галад, - у нас все еще есть шанс встретиться с ним на поле битвы. Я принял решение, Чадо Байар. - Харнеш шагнул к ним и отдал честь. - Чадо Харнеш, поднимай лагерь.

- Лорд Капитан-Командор? Так поздно?

- Да, - ответил Галад. - Мы будем маршировать ночью и, на всякий случай, держать некоторое расстояние между нами и Айбарой. Оставьте разведчиков, убедитесь, что он не попытается последовать за нами. Двинемся в Лугард. Там мы сможем набрать людей и припасов, затем продолжим путь к Андору.

- Да, Лорд Капитан-Командор, - сказал Харнеш.

Галад повернулся к Байару, когда Харнеш ушел. Похожий на скелет человек с опасным выражением обиды в запавших глазах отсалютовал, затем пошел прочь. Галад остановился на площадке между белыми палатками, заложив руки за спину, пока наблюдал, как посланцы передают его приказы по всему лагерю.

- Ты не произнес ни слова, Чадо Борнхальд, - сказал Галад спустя некоторое время. - Ты тоже, как и Байар, недоволен моими действиями?

- Я не знаю, - ответил Борнхальд. - Я так долго считал, что Айбара убил моего отца. И все же, видя, как поступал Джарет, вспоминая его описание...Там нет никаких улик. С разочарованием приходится признать, что у меня нет доказательства. Однако, он убил Латина и Йамвика. Он убил Чад, так что он - друг Темного.

"Я тоже убил одного из Чад," - сказал Галад. "И был назван за это другом Темного".

"Это было другое." Что-то казалось, тревожило Бронхольда то, о чём он не говорил.

"Хорошо, это так," сказал Галад "Я не расхожусь в мнении, что Айбару нужно наказать, но события дня оставляют во мне смутное сомнение".

Он покачал головой. Поиск ответов должен быть легким. Правильный ответ всегда приходил к нему. Однако, когда он думал, что действовал правильно в отношении Айбары, он находил неприятное волнение внутри себя.

Жизнь не столь легка как бросок монеты, сказала его мать . Одна сторона или другая... ваши наивные иллюзии...

Ему не нравилось это чувство. Совсем не нравилось.

Перрин глубоко вдохнул. Цветы распускались в волчьем сне, даже когда небо затянули серебристые, черные и золотые тучи. Запахи тут нелепо сочетались. Свежеиспеченный вишневый пирог. Конский навоз. Масло и жир. Мыло. Дрова. Аррат. Тимьян. Кошачий папоротник. Сотни других трав, названий которых он не знал.

Очень немногие из них подходили лугу, на котором он появился. Он позаботился о том, чтобы не оказаться в том месте волчьего сна, где находился его лагерь. Это привело бы его слишком близко к Губителю.

Запахи схлынули. Исчезли слишком быстро, как будто их никогда в действительности и не было здесь.

"Прыгун", позвал он.

"Я здесь Юный Бык". Волк стоял позади него.

"Это пахнет странно."

Запахи смешиваются, послал Прыгун. Как воды тысячи ручьев. Это не нормально. Это не хорошо. Это место начинает ломаться.

Перрин кивнул. Он переместился, появившись по колено в коричневом репейнике рядом с наружной стороной фиолетового купола. Прыгун появился справа от него, сорняки хрустели, когда он двигался среди них.

Купол возвышался, зловещий и неествестенный. Ветер дул, захлестывая сорняки и тряся ветви деревьев. Молнии беззвучно вспыхивали в небе.

Он там, послал Прыгун. Все время.

Перрин кивнул. Губитель приходил в волчий сон тем же путем, что и Перрин? И уставал ли он так же, как Перрин, проводя здесь время? Мужчина кажется никогда не покидал эту область.

Он что то охраняет. Что то такое, что может уничтожить купол.

"Юный Бык, мы идем." Это послание было от Дубовой Танцовщицы. Его стая приближалась, сейчас только мз троих здоровых. Россыпь алмазов, Безграничный и сама Дубовая Танцовщица. Они предпочли прибыть сюда, не присоединившись к волкам, бежавшим на север.

Трое появились позади Прыгуна. Перрин мог видеть их и послал им сигнал беспокойства. Это было опасно. Волки могли умереть.

Их ответное послание было настойчивым. Губитель должен быть повержен, за то что натворил. Вместе мы сильны. Юный Бык не должен начинать охоту на такую опасную добычу в одиночку.

Он согласно кивнул, позволяя молоту появиться в его руке. Вместе, они приблизились к куполу. Перрин зашел в него медленным, решительным шагом. Он отказался почувствовать слабость. Он был сильным. Купол был только воздухом. Он поверил, что мир будет таким, каким он захочет.

Он споткнулся, но преодолел купол. Ландшафт здесь более мрачный. Старые деревья с более тусклой корой, темно-зеленая или коричневая умирающая собачья ромашка. Прыгун и стая прошли через купол рядом с ним.

Мы направляемся в центр, послал Перрин. Если есть секрет, то он вероятно будет там.

Они медленно пошли через кустарник и древостой. Перрин наложил свою волю на область вокруг него,и листья перестали хрустеть, сорняки не издавали звука, когда он задевал их. Это было естественно. Это было, как и должно было быть. Так и было.

Было еще далеко до центра, когда Перрин начал прыгать

вперед. Не скачками или шагами, он просто переставал быть в одном месте, появляясь в другом. Он замаскировал свой запах, хоть Губитель и не был волком.

"Это должно стать моим преимуществом, - думал Перрин по мере их приближения к центру. - Он опытней, чем я. Но у меня есть волк внутри. Это место наших снов. Он - захватчик. Каким бы умелым он не был, он не один из нас."

"И именно поэтому я одержу победу."

Перрин что-то учуял, какую-то растущую неправильность в воздухе. Он и его волки подкрались к широкому склону, затем осмотрелись вокруг расщелины в земле. Небольшая рощица старых деревьев стояла впереди, приблизительно в пятидесяти шагах от них. Подняв глаза, он решил, что подобрался очень близко к центру купола. Используя волчий способ перемещения, они преодолели за несколько минут расстояние, на которое пеший потратил бы часы.

"Вот оно," - отправил Перрин. Он посмотрел на Прыгуна. Волчий запах был замаскирован, но он достаточно хорошо изучил волков, чтобы прочесть беспокойство во взгляде Прыгуна и в том, как он стоял, чуть согнув передние лапы.

Что-то изменилось.

Перрин ничего не слышал. Он ничего не чуял. Но он чувствовал нечто, легкое подрагивание земли.

"Идем!" - отправил он, исчезая. Он возник в десяти шагах оттуда и увидел, как стрела ударила по тому месту склона, где он только что стоял. Стрела расколола большой камень, врезаясь в камень и землю по самое ее черное оперение.

Губитель поднялся от земли, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Перрина через небольшое разделявшее их пространство. Его глаза казались черными, квадратное лицо скрывали тени, высокое тело было мускулистым и опасным. Как и обычно, он нацепил улыбку. Ухмылку, на самом деле. Он носил кожаные штаны и темно-зеленую рубашку, открывавшую предплечья, и держал в руках страшный лук из темного дерева. При нем не было колчана, он создавал стрелы, когда нуждался в них.

Перрин не отпускал его взгляд, словно с вызовом шагая вперед. Этого было достаточно, чтобы отвлечь внимание Губителя от волков, атаковавших его сзади.

Губитель с криком крутанулся, когда Безграничный врезался в него. Перрин оказался там в мгновение ока, обрушивая молот. Губитель исчез, и Перрин ударил только землю, но он уловил слабый запах того места, куда ушел Губитель.

Здесь? Это был запах того же самого места, где стоял Перрин.

Встревоженный, он поднял голову и увидел Губителя, который парил в воздухе чуть выше и накладывал стрелу.

Ветер, подумал Перрин. Он настолько силен!

Вылетела стрела, но внезапный порыв ветру унес ее в сторону. Она погрузилась в землю совсем рядом с Перрином. Он не вздрогнул, поднимая руки, его собственный лук появился в них. Со стрелой и уже натянутый.

Глаза Губителя широко распахнулись, когда Перрин выстрелил. Губитель исчез, возникнув неподалеку - и Прыгун налетел на него сверху, повалив его на землю. Губитель глухо выругался и пропал.

"Сюда," - прислал Прыгун, показывая склон холма.

Перрин мгновенно оказался там, с молотом в руках и вместе со стаей. Губитель вскинул меч в одной руке и нож в другой, когда Перрин и четверо волков атаковали его.

Перрин, ударил первым, взмахнув молотом и зарычал. Губитель практически утонул в земле, будто она была жидкостью, разрезанной ударом топора. Он ткнул ножом перед собой, пронзив грудь Танцующей в дубах. Брызнула алая кровь, затем махнул в сторону, разрезав морду Искре. Танцующая в дубах не успела даже взвыть, и упала на землю, а Губитель исчез, когда Перрин крутнул молотом. Скуля, Искра послал сигнал паники и агонии и исчез. Он будет жить. Но Танцующая с дубами была мертва.

Запах Губителя снова был рядом. Перрин повернулся, чтобы врезать свой молот в меч Губителя, которые уже собирался проткнуть его сзади. И снова удивление на лице Губителя. Мужчина сжал зубы, отскакивая назад, глядя осторожно на двух оставших волков: Прыгуна и Безграничного. Предплечье Губителя кровоточило там, где Прыгун укусил его.

- Как создан купол, Люк? произнёс Перрин. Скажи, и уходи. Я позволю тебе уйти.

- Смелые слова, щенок, прорычал Губитель в ответ, для того, кто только что видел, как я убил двух из твоей стаи.

Безграничный гневно завыл, прыгая вперёд. Перрин атаковал одновременно, но земля под ним дрожала и тряслась.

- Нет, подумал Перрин. Его ноги стали устойчиво, когда Безграничный был сбит на землю.

Губитель сделал выпад, и Перрин поднял молот в блоке, но оружие Губителя превратилось в дым и прошло прямо сквозь молот, чтобы стать твёрдым с другой стороны. С визгом, Перрин попытался уклониться, но оружие резануло его по груди, прорезав рубаху и оставляя глубокую рану от одной руки до другой. Она пылала болью.

Перрин вдохнул, отпрыгивая назад. Губитель бросился вперёд, но что-то врезалось в него сверху. Прыгун. И снова рассерженный волк завалили Губителя на землю, рыча. Его клыки блестели.

Губиль выругался и пинком отбросил волка. Прыгун отлетел, взвизгнув от боли, футов на двадцать. В это время, Безграничный заставил землю перестать шуметь, но повредил лапу.

Перрин рывком освободился от боли. Губитель был силен в контроле этого мира. Молот Перрина был слишком медлительный, всякий раз когда он им махал, как будто сам воздух стал более вязким.

Губитель улыбнулся, когда убил Танцующую в Дубах. Перрин в ярости бросился вперед. Губитель был на ногах и отступал вниз по склону, в сторону деревьев. Перрин погнался за ним, не обращая внимания на свои раны. Они были недостаточно серьезными, чтобы остановить его, однако он представил повязку на их месте и залатал одежду, которая теперь плотно прилегала к груди, останавливая кровь.

Он влетел в заросли деревьев сразу позади Губителя. Ветви сомкнулись над головой, и лианы стали хлестать из уплотнившихся теней. Перрин не озаботился избегать их. Лианы так не двигаются. Они не могли коснуться его. Действительно, как только они придвигались ближе, они слабели и затихали.

Губитель выругался, затем начал двигаться разрывая расстояние, оставляя размыв позади себя. Перрин преследовал, увеличивая свою собственную скорость.

Перрин не принимал осознанного решения упасть на четыре лапы, но в биение сердца сделал так, преследуя Губителя, как когда охотился на белого оленя.

Губитель был быстр, но он был всего лишь человеком. Юный Бык был частью самой земли, деревьев, кустов, камней, рек. Он двигался через лес,как ветер дует через щель, не отставая от Губителя, настигая его. Каждое бревно на пути Губителя было препятствием, а для Юного Быка оно было только частью дороги.

Юный Бык прыгнул в сторону, отталкиваясь лапами от стволов деревьев, когда он поворачивал. Он взлетел над камнями и скалами, прыгая с одной на другую, оставляя за собой размытое пятно в воздухе.

Губитель запах страхом в первый раз. Он исчез, но Юный Бык последовал за ним, появившись на поле, где был разбит лагерь его армии, под тенью огромного каменного меча. Губитель оглянулся через плечо и выругался, снова исчезнув.

Юный бык последовал за ним. Туда, где Белоплащники разбили лагерь.

Вершина небольшого плато.

Пещера в склоне холма.

Середина маленького озера. Юный Бык с легкостью бежал по поверхности воды.

В каждом месте, куда бежал Губитель, Перрин появлялся, неуклонно становясь все ближе. Не было времени для мечей, молотов или луков. Это была погоня,и Юный Бык на этот раз был охотником. Он -

Он прыгнул на середину поля, а Губителя там не было. Тем не менее, он почуял, куда тот ушел. Он последовал за ним и появился в другом месте на том же поле. Здесь были запахи всей округи. Как?

Перрин резко остановился, обутые в сапоги ноги врылись в землю. Он повернулся, сбитый с толку. Губитель должно быть быстро прыгнул через несколько разных мест на одном поле, запутав след. Перрин попытался определить, который из них ведет дальше, но они все расплылись и перемешались.

"Чтоб он сгорел!" сказал он.

- Юный бык, пришло послание. Искра. Волк был ранен, но он не убежал, как думал Перрин. Он послал картинку серебряной ветви, в две ладони высотой, вылезшего из земли в середине загона для собак.

Перрин улыбнулся и отправился туда. Раненый волк, всё ещё истекающий кровью лежал позади предмета. Похоже, что это был некий тер'ангриал. Казалось, что он сплетён из дюжин дюжин тонких, похожих на проволоку кусочков металла, сплетенных вместе как коса. Он был около двух ладоней в длину и одним из концов был воткнут в мягкую землю.

Перрин вытащил его из земли. Купол не исчез. Он перевернул шип в руках, но так и не понял, как заставить купол остановиться. Он пожелал, чтобы шип превратился во что-то ещё, в палку, и был шокирован получившимся отпором. Объект похоже отталкивал его разум.

Он здесь, в этой реальности, послал мысль Искра. В послании была попытка передать что-то, что эта штука каким-то образом была более реальной, чем большинство вещей в мире снов.

У Перрина не было времени удивляться. Главное было передвинуть купол, если получится, подальше от места, где стоял лагерь его людей. Он перебросил себя к краю, где он и вошёл в купол.

Как он надеялся, центр купола передвинулся с ним. Он был в том же месте где и вошёл, но край купола изменил местоположение, центр оставался там, где стоял Перрин. Купол всё ещё понимался в небо, и растягивался далеко во всех

направлениях.

Юный бык, послал Искра. Я свободен. Неправильность исчезла.

Иди, послал Перрин. Я заберу это и избавлюсь от него. Вы оба, идите в разных направлениях и войте. Сбейте Губителя с толку.

Волки ответили. Часть Перрина, охотник внутри него, был опечален тем, что не может сам сразить Губителя. Но это дело было более важно.

Он пытался переместиться куда-нибудь подальше, но не получилось. Оказалось, что даже не смотря на то, что тер'ангриал был в его руках, он всё ещё был ограничен правилами купола.

Поэтому, вместо того, он переместился так далеко, как смог. Неалд говорил что это около четырёх лиг от их лагеря, поэтому Перрин переместился настолько далеко на север, потом снова, снова и снова. Огромный купол двигался вместе с ним, его центр всё время находился над головой.

Он отнесёт шип в безопасное место, туда, где Губитель не смог бы его найти.

Глава 36

Приглашение

Эгвейн оказалась в Тел'аран'риоде одетой в белоснежное платье, вышитое золотом; крошечные кусочки обсидиана - отполированные, но не ограненные - золотой нитью были пришиты по краю лифа. Крайне непрактичное платье, но здесь это неважно.

Она была в своих покоях, т. к. захотела здесь появится. Эгвейн переместилась в коридор около комнат, занимаемых Желтой Айя. Там, скрестив руки, стояла Найнив, ее платье желто-коричневого цвета было куда удобнее.

"Будь очень осторожна", сказала Эгвейн. "Ты единственная здесь, кто непосредственно имел дело с одним из Отрекшихся, и у тебя больше опыта в Тел'алан'риоде, чем у других. Если Месана придет, ты возглавишь атаку."

"Я думаю, что смогу справиться с этим" сказала Найнив, улыбнувшись. Да, она справиться. Было бы трудно удержать Найнив от участия в сражении.

Эгвейн кивнула и Найнив переместилась в тайную комнату для наблюдения, рядом с залом для совещаний, следить за Месаной или черными Айа. Эгвейн направилась в другое место, зал, где состоится настоящая встреча между Хранительницами Мудрости и Ищущими Ветер.

Тар Валон имел несколько залов, используемых для театральных представлений или торжественных мероприятий. Один, известный как концертный зал, идеально подходил для ее планов.

Стены зала были украшены деревянными панелями с резными листьями, создававшими впечатления деревьев вдоль стен. Стулья в зале, творение песен Огир, каждый из них - произведение искусства. Они стояли вокруг сцены, расположенной с центре зала. Куполообразный потолок резного мрамора под звездное небо, выглядел очень красиво, не будучи безвкусен.

Хранительницы Мудрости уже прибыли - Эмис, Бэйр и Мелейн, большой живот которой говорил о поздней стадии беременности. Вдоль одной стороны сцены помост был приподнят, что бы Хранительницы могли комфортно сидеть на полу, не смущая сидящих на стульях.

Леане, Юкири и Сеана сидели на стульях, перед

Хранительницами, у каждой из них копия тер'ангриала снов от Илэйн. Предполагалось присутствие также и Илэйн, но она предупредила, что может испытывать определенные затруднения для входа в Тел'алан'риод.

Айз Седай и Хранительницы разглядывали друг друга с почти осязаемой враждебностью. Айз Седай считали что Хранительницы плохо обучены плетениям; Хранительницы, в свою очередь, тоже самое думали про Айз Седай.

Когда прибыла Эгвейн, вместе с ней, в центре зала, появилась группа женщин с темной кожей и черными волосами. Ищущие Ветер глядели на все с подозрением.Суан рассказывала, что когда обучала морской народ, то нашла в их легендах упоминание про Тел'алан'риод и его опасностях. Но они не остановили Ищущих Ветер исследовать мир снов, и вот настал момент, когда они воочию могли убедиться в его существовании.

Во главе Ищущих Ветер была высокая, стройная женщина с узкими глазами и длинной шеей, многочисленные медальоны на прекрасной цепочке, соединяли ее нос с ее левым ухом. Это была Шайлин, одна из тех о ком Найнив рассказывала Эгвейн. Среди трех других; величавая женщина с белыми локонами волос, вплетенными в черные кудри. Это была Ринале. Согласно письмам и инструкциям Найнив, полагалось, что она будет главной среди них, но она казалась подвластной другим. Она потеряла свое место Ищущей Ветер у Госпожи Парусов?

"Добро пожаловать ", сказала Эгвейн им. "Пожалуйста, присаживайтесь." Мы останемся стоять," сказала Шайлин. Ее голос был напряжен.

'Кто они, Эгвейн Ал`Вир?" спросила Эмис. "Дети не должны посещать Тел`аран`риод. Это не нора, оставленная песчанным барсуком, чтобы ее исследовать."

"Дети?" переспросила Шайлин.

"Мокроземцы, Вы - здесь дети."

"Эмис, пожалуйста," вмешалась Эгвейн. "Я дала им тер`ангриал, чтобы прибыть сюда. Это было необходимо."

"Мы можем встретиться вне Мира Снов," сказала Бэйр. "Посередине поля битвы, возможно, будет более безопасно."

Действительно, Ищущие Ветер ничего не знали про Тел'алан'риод. Их яркая одежда постоянно меняла цвет — Эгвейн видела, как блузка Ренейл исчезла полностью. Эгвейн покраснела, хотя Илэйн упомянула, что, когда корабль отчаливает, Морской Народ, мужчины и женщины вместе, не одеты выше талии. Блузка вернулась мгновение спустя. Их драгоценности также, постоянно менялись.

"Есть причины по которым, я сделала то, что я сделала,

Эмис," Эгвейн прошла вперед и села на стул. "Шайлин дин Сабура Ночная Вода, и ее сестры предупреждены об опасностях этого места, и они взяли на себя ответственность за их собственную безопасность."

"Словно сунули головешку и бочку масла ребенку," пробормотала Мелейн, "утверждая, что вы предоставили ему ответственность за его собственную безопасность".

"Мы должны терпеть эту ссору, Мать?" спросила Юкири.

Эгвейн сделала глубокий вздох, чтобы успокоиться. "Пожалуйста, Вы все - лидеры разных народов, очень мудрые и проницательные женщины. Мы можем, по крайней мере, проявить вежливость друг к другу?" Эгвейн повернулась к Морскому Народу. "Ищущая Ветер Шайлин, Вы приняли мое приглашение. Надеюсь, Вы не будете, теперь, отвергать мое гостеприимство, проведя всю встречу стоя?"

Женщина колебалась. У нее было гордое выражение лица; недавние взаимоотношения между Айз Седай и Морским Народом сделали ее смелой. Волна гнева захлестнула Эгвейн; ей не нравились детали сделки относительно Чаши Ветров. Найнив и Илэйн должны были быть благоразумнее.

Илэйн и Найнив конечно приложили максимум усилий и сделали все что могли. Не зря же говорят, что только торговля с самим Темным, рискованней чем торговля с Морским Народом.

Шайлин наконец слегка кивнула головой, невзирая на то что ее блузка изменила цвет несколько раз, в то время как она пыталась сосредоточиться на темно-красном, а ее драгоценности продолжали исчезать и вновь появляться. "Очень хорошо. Мы признательны Вам за приглашение в это место, и принимаем Ваше гостеприимство." Она села на стул в стороне от Эгвейн и других Айз Седай, и те последовали ее примеру

Эгвейн облегченно вздохнула и создала несколько маленьких столов с чашками теплого, ароматного чая. Ищущие Ветер подскочили, Хранительницы Мудрости никак не отреагировали. Однако Эмис взяла свою чашку и изменила чай розового цвета на что-то гораздо более темное.

"Может, ты скажешь нам о цели этой встречи," сказала Бэйр, потягивая свой чай. Морской Народ не поднимал чашек, хотя Айз Седай тоже принялись пить чай.

"Мы об этом уже догадались," сказала Шайлин. "Эта конфронтация неизбежна, хотя мне бы хотелось, чтобы все было не так."

"Хорошо, говорите, тогда," сказала Юкири. "Для чего это?"

Шайлин сосредоточилась на Эгвейн. "В течение многих сезонов и приливов мы прятали природу наших Ищущих Ветер от

Айз Седай. Белая Башня берет, но не отдает — то, что, сюда внесли никогда не вынесут. Теперь, когда ты знаешь о нас, ты хочешь контролировать нас, поскольку ты не можешь жить с мыслью о женщинах, направляющих за пределами твоего правления."

Айз Седай нахмурились. Эгвейн увидела что Милэйн, кивает в знак согласия. Слова были достаточно верны, хотя это только одна сторона проблемы. Если бы они знали, какую пользу приносит обучение в Белой Башне, и как для людей важно знать, что о тех кто умеет направлять Силу заботятся и обучают.

Однако, эти взгляды надо пересмотреть. Морской Народ имел свои собственные традиции, и научился прекрасно использовать своих направляющих без Белой Башни. Эгвейн не так много времени провела с Морским Народом как Найнив или Илэйн, но у нее были подробные отчеты. Ищущие Ветер не владели многими плетениями и секретами, но их способности с определенными плетениями — особенно теми, что работают с воздухом — были намного более искусны, чем у Айз Седай.

Эти женщины заслуживают правды. Что бы с ними стало, после Белой Башни и Трех Клятв? "Вы правы, Шайлин дин Сабура Ночная Вода," сказала Эгвейн. "И ваши люди, вероятно правы, что держали свои способности в тайне от Айз Седай."

Юкири ахнула, как будто не была Айз Седай. Шайлин замерла, цепочка из ее уха к носу тихонько звякала, это медальоны на ней ударялись друг с другом. Ее блузка изменила цвет на синий. "Что?"

"Возможно, вы поступали мудро," сказала Эгвейн. "Я не могу предположить, кто из тех Амерлин что были до меня мог пересмотреть эти взгляды, но этот спор, должен быть разрешен. Возможно, мы проявили чрезмерное усердное, пытаясь управлять женщинами, которые могут владеть Единой Силой. Очевидный факт, что Ищущие Ветер преуспели в обучении самостоятельно. Я вынуждена признать, что Белая Башня могла научиться многому от Вас."

Шайлин откинулась назад, изучая лицо Эгвейн. Эгвейн встретилась с взглядом женщины и выдержала его спокойно. Смотрите что я решительна. Смотрите, что я говорю, то я имею в виду. Это не лесть. Я - Айз Седай. Я говорю правду.

"Ну" сказала Шайлин "Возможно, мы могли бы совершить сделку, которая позволит нам обучать женщин"

Эгвейн улыбнулась. " Я надеялась, что вы увидите ,это преимущество." Сбоку трое других Айз Седай смотрели на Эгвейн, взвешивая враждебность. Ну они то увидят. Лучший способ одержать верх, был в ожидании, встряхнуть, как жуков в закрытой

банке.

" И все же" сказала Эгвейн "Вы признаете, что есть вещи которые вы не умеете делать и Белая Башня знает это. Иначе вы бы не стремились заключить сделку на получение наших женщин для ваших Ищущих Ветер."

"Мы не будем отменять эту сделку" быстро сказала Шайлин. Ее блузка изменилась на бледно-розовую.

"Ох, я и не ожидаю ничто подобного," сказала Эгвейн. "Это хорошо, что у Вас теперь есть учителя Айз Седай. Те, кто заключил сделку с Вами, достигли чего-то неожиданного."

Истинные слова, все до единого. Однако, то как она их сказала, подразумевало нечто большее - как будто бы Эгвейн хотела, чтобы Айз Седай были посланы на суда Морского Народа. Хмурый взгляд Шайлин стал задумчивым, и она откинулась на спинку своего стула. Эгвейн надеялась, что она призадумалась, а была ли эта успешная для ее народа сделка с Чашей Ветров, такой успешной на самом деле.

"И еще," продолжила Эгвейн, "Я чувствую, что предыдущее соглашение не было достаточно амбициозно." Она повернулась к Хранительницам Мудрости. "Эмис, Вы согласитесь, что Айз Седай делают плетения, которые Хрательницы Мудрости не умеют делать?"

"Было бы глупо не признавать опыт Айз Седай по этой части," осторожно заметила Эмис. "Они проводят много времени, практикуя свои плетения. Но Есть вещи, которые, мы знаем, они не делают."

"Да," заметила Эгвейн. "Во время моей учебы у Хранительниц Мудрости , я узнала куда больше о лидерстве, чем в свое время в Белой Башне. Вы также дали мне очень полезное обучение в Тел'алан'риоде и Снах."

"Хорошо" сказала Бэйр. "Во время обучения, мы преследуем трехногую ящерицу, тычем в нее палочкой и смотрим побежит не побежит дальше."

"Мы должны разделить то, что знаем между собой," сказал Эгвейн. "Наши три группы — женщины, которые могут направлять — должны заключить союз."

"Под контролем Белой Башни, я предполагаю," сказала Шилин.

"Все, что я говорю," ответила Эгвейн, "есть мудрость в раздельном изучении от других. Хранительницы Мудрости,я отправлю Принятых, которые будут посланы, чтобы обучаться с вами. Было бы особенно полезно, если бы вы обучали их владению Тел'аран'риодом"

Маловероятно, что ходящие по снам , такие как Эгвейн, будут

обнаружены среди Айз Седай, хотя она могла надеяться. Талант был очень

редким. Однако, было бы неплохо обучить некоторых сестер в Тел'аран'риоде, даже если они будут входить в него с помощью тер'ангриалов.

"Ищущие ветер", продолжэила Эгвейн. "Я бы к вам отправила женщин, особенно подготовленных для работы с воздухом, чтобы они научились управлять ветром как и вы"

"Жизнь ученицы Ищущей ветер нелегка", сказал Шилин. "Я думаю, что ваши женщины найдут много отличий от тепличных условий жизни в Белой

Башне".

Филейная часть спины Эгвейн все еще помнила прелести ее "тепличной" жизни в Белой Башне. "Я не сомневаюсь, что это будет трудно," сказала она, "и я не сомневаюсь, что это было бы очень полезно по той же самой причине."

"Ну, я полагаю, что это можно организовать," сказал Шайлин, наклоняясь вперед, представляясь нетерпеливой. "Должна была бы быть оплата, конечно."

"Соразмерно," сказала Эгвейн. "разрешаю Тебе послать некоторых из твоих учениц в Белую Башню, чтобы обучаться у нас."

"Мы уже отправили женщин к вам"

Эгвейн хмыкнула. "Символические жертвы присланные к нам, чтобы мы не интересовались вашими Ищущими. Ваши женщины часто обособляются или идут с неохотой. Я бы положила конец этой практике - нет оснований запрещать это потенциальным Ищущим из вашего народа.

"Хорошо, что же изменится?" спросила Шайлин.

"Отправленные женщины смогу вернуться к Вам по окончании их обучения." сказала Эгвейн. Хранительницы, я жду учениц и от Аил, не для того, чтобы принуждением сделать из них Айз Седай, но для обучения и познания нашего пути. Им, также, будет разрешено вернуться, если они пожелают этого, как только закончат обучение. "

"На этом обучение для них не закончиться," сказал Эмис. "Меня волнует то, что может произойти с женщинами, которые станут слишком привычны к мягким путям Мокроземцев."

"Нет нужды заставлять их..." начала Эгвейн.

Бэйр перебила ее. "Они все еще останутся ученицами Хранительниц, Эгвейн Ал'вир. Дети, которые должны закончить у Вас обучение? И она предполагает, что мы согласимся на этот план; что-то об этом не согласен мой живот, как много еды после поста. "

- Если мы позволим Айз Седай запустить свои коготки в наших учеников, сказала Мелэйн, то их не скоро удастся освободить.

- А ты хочешь ,чтобы они были свободны? просила Эгвейн - Ты не видишь, что у вас есть в моём лице, Мелэйн? Престол Амерлин, который был обучен Айильцами. Какая жертва для вашего народа будет стоить того, чтобы иметь побольше таких как я? Айз Седай ,которые понимают Джи-и-тох и Трехкратную Землю, которые уважают Хранительниц мудрости, а не видят в них соперников и дикарей.

- Три айилки выпрямились в ответ на эти слова, обеспокоенно глядя друг на друга.

- А что насчёт тебя, Шиелин? - Чего будет стоить для твоих людей иметь Престол Амерлин, которая обучалась с тобой, считает тебя своим другом и уважает твой путь?

- Это может быть ценным, признала Шиелин. - Считая, что у женщин, которых ты послала нам, характер лучше, чем у тех, что мы видели до сих пор. Я ещё не встречала Айз Седай, которая не извлекла бы пользу от висения два дня на главной мачте.

- Это потому, что вы настаивали на Айз Седай, сказала Эгвейн, - с установившимися взглядами. Если бы мы вместо них отправили к вам Принятых, они были бы более гибкими.

- Вместо? тут же произнеса Шиелин, - Мы же тут не сделку обсуждаем.

- Вполне может быть ею, ответила Эгвейн, - Если мы позволим способным направлять Морского народа вернуться к вам, вместо того, чтобы требовать их пребывания в Башне, у вас больше не будет тако сильной нужды в Айз Седай.

- Должно быть другое соглашение, Шиелин покачала головой. - И эту сделку нелегко будет заключить. Айз Седай - змеи, как на тех кольцах, что вы носите.

- А если я предложу включить тот тер'ангриал, для хождения по снам, что вам дали во временное пользование? Спросила Эгвейн.

Шиелин посмотрела на её руку, где, в реальном мире, она бы держала маленькую пластинку которая, после направления небольшого количества Силы, позволяла женщине входить в Тел'алан'риод. Эгвейн, конечно же, не дала им тер'аглриал, позволявший войти и без направления. Те были более универсальны, и как следствие более могущественные. Лучше держать это в секрете.

- В Тел'алан'риоде, сказала Эгвейн, наклоняясь вперёд, можно ходить куда угодно. Можно встретить тех, кто далеко и не нужно ехать туда, можно узнать, то, что скрыто, и можно встречаться в

тайне.

- Ты предлагаешь опасную вещь, Эгвейн Ал'Вир, строго произнесла Эмис. - Позволить им распоряжаться по своему усмотрению, это всё равно ,что позволить группе мокроземских детей бегать по Трехкратной земле.

- Нельзя хранить это место только для себя, Эмис, сказала Эгвейн.

- Мы не настолько эгоистичны, ответила Хранительница мудрости. - Я говорю о безопасности.

- Тогда, наверное, ответила Эгвейн, - наверное будет лучше всего, если Морской народ отправит своих учеников учится у ваших Хранительниц мудрости, а вы, возможно могли бы отправить своих к ним.

- Жить на кораблях? поразилась Мелэйн.

- А разве существует лучший способ победить ваш страх перед водой?

- Мы её не боимся, резко бросила Эмис, - Мы её уважаем. Вы, мокроземцы... Она всегда говорила о кораблях будто о пленённом льве.

- Не суть важно, Эгвейн повернулась назад к Морскому народу. - Тер'ангриал может быть вашим, если мы заключим сделку.

- Ты уже дала нам их, ответила Шиелин.

- Они были даны вам на время, Шиелин, что женщины, доставившие их, дали ясно понять.

- И ты дашь нам их навсегда? Спросила Шиелин.- Без всякой чуши о том, что тер'ангриалы должны принадлежать Белой Башне?

- Важно иметь правило, по которому тер'ангриал должен должен находится подальше от тех, кто нашёл его, ответила Эгвейн. - Таким способом, мы можем забрать потенциально опасные предметы у глупого торговца или фермера. Но я бы желала сделать исключение для Ищущих ветер и Хранительниц мудрости.

- Так эти стеклянные столбы... сказала Эмис, - мне всегда было интересно, будут ли Айз Седай требовать их.

- Сомневаюсь, что это случится, ответила Эгвейн. - Но я также подозреваю, что с вами будет проще договориться, если мы официально провозгласим, что эти тер'ангриалы, и другие, которые у вас есть, принадлежат вам, и сёстры не могут требовать их.

Это заставило Хранительниц мудрости задуматься всерьёз.

- Я по прежнему нахожу эту сделку странной, вмешалась Баир - Айил, проходящие обучение в Белой Башне, но не стающие Айз

Седай? Раньше было по другому.

- Мир меняется, Баир, мягко сказала Эгвейн. - Позади Эдмондового луга, рядом с ручьём, была полянка, где выращивали чудесные цветы - Эдмондова слава. Мой отел любил ходить там. Ему нравилась их красота. Но затем, когда построили новый мост, люди начали ходить через полянку, чтобы выйти на него.

- Мой отец потратил годы, чтобы держать их подальше от поляны. Небольшие заборы, знаки. Ничего не работало. А затем, он придумал сделать небольшую тропинку из камней через поляну, и выращивать цветы по сторонам. После этого люди перестали ходить по цветам.

- Когда приходят перемены, можно кричать и пытаться вернуть события в старое русло. Но скорее всего тебя растопчут. Однако, если ты сможешь направить перемены, они могут послужить тебе. Так же как и Сила служит нам только после того, как мы отдадимся ей.

Эгвейн посмотрела на каждую женщину по очереди. - Три наших группы должны были начать работать вместе много лет назад. Последняя битва близка и Дракон возрождённый угрожает выпустить Тёмного. Разве недостаточно того, что у нас есть общий враг, тот, кто проследит, чтобы Айз Седай, Ищущие ветер, и Хранительницы были все уничтожены.

"Шончан," Сказала Мелейн.

- Ринале, сидящая позади Ищущих ветер, тихо зашипела при этих словах. Её одежда изменилась, она уже была в броне и держала меч. Через секунду всё исчезло.

"Да," сказала Эгвейн. "Вместе мы можем быть достаточно сильными, чем если бы мы боролись по отдельности..."

«Мы должны рассмотреть эту сделку», сказала Шейлин. Эгвейн заметила дуновение ветра в комнате, вероятно созданное кем то из Морского Народа, случайно. «Мы встретимся снова, и возможно, дадим обещание. Если мы договоримся, то на таких условиях. Мы будем посылать вам двух своих учениц в год, а вы будете отправлять двоих к нам.»

"Не слабейших," сказал Эгвейн. " Я хочу, чтобы это были самые перспективные".

"Вы тоже будете отправлять таких же?" сказала Шейлин

"Да," сказала Егвейн. Две для начала. Они скорее всего захотят приезжать в большем количестве, если план докажет свою эффективность. Но она не будет настаивать на этом в самом начале.

"И нам?" сказала Эмис. "Мы также являемся частью этой сделки, предложенной тобой?"

"Две Принятых," сказала Егвейн, "в обмен на двух учениц. Они будут учиться не менее шести месяце, но не более двух лет. Также и наши женщины у вас, пока они находятся у вас, они будут считаться вашими ученицами, и должны следовать вашим правилам.» Она колебалась. В конце своей подготовки, все ученицы и принятые должны вернуться к своему народу, по крайней мере на один год. После этого, если они решат, что они хотят быть Айз Седай, они могут вернуться и остаться. То же самое касается и наших женщин, если они захотят вернуться к вам.

Бэйр задумчиво кивнула. «Может быть, среди них будут женщины, похожие на тебя, которые, увидев наш путь будут понимать его лучше. До сих пор стыдно, что мы потеряли тебя.»

"Мое место было в другом месте," сказала Эгвейн.

«Будет ли принята эта сделка и между нами?» спросила Шейлин Хранительниц Мудрости. «Должны ли мы,согласится на эту сделку, по две на две, по такому же принципу?»

«Если сделка состоится», ответила Бэйр, глядя на других Хранительниц, «мы сделаем так. Но мы должны обсудить это с другими Хранительницами.»

"А что по поводу терангиалов" спросила Шейлин, поворачиваясь к Эгвейн.

"Для вас," сказала Эгвейн. "В обмен на это вы снимете с нас обещание посылать к вас сестру, чтобы обучать вас, и мы позволим тем кто захочет, из находящихся сейчас у нас людей Морского Народа, вернуться к своему народу. Все это при условии одобрения у своих людей, и мне придется обсудить это соглашение с Советом Башни".

Конечно, как Амерлин ее указы – являются законом. Однако если Совет откажется, то ее законы могут просто игнорироваться. В этом вопросе она хотела получить поддержку – и она этого хотела, особенно с учетом ее позиции, что Совет должен чаще работать вместе, и меньше в тайне.

Она имела уверенность, что сможет получить согласие на это предложение, однако была одна тонкость. Айз Седай не хотели отказаться от терангриалов, но они также не хотели выполнять договоренности достигнутые Морским Народом из-за Чаши Ветров. Чтобы избавиться от этой сделки, они готовы были пойти на многое.

«Я знала, что вы попытаетесь прекратить обучения нас сестрой,» проговорила Шейлин, ее голос звучал самодовольно.

"Какой бы вы выбрали путь?" спросила Эгвейн. "Женщину, которые входят в число наших самых слабых членов, и, кто видит

в данном служении - наказание? Или наоборот, женщин из Морского Народа, которые обучились лучшему из того, чему мы их могли обучить, и которые рады вернуться и поделится своими знаниями?" Эгвейн испытывала легкий соблазн, просто отправить к ним Айз Седай из Морского Народа, чтобы по-любому выполнить соглашение, это казалось ловким обманным маневром, в любом случае она могла это сделать, в случае, если ситуация не так обернется.

«Однако, я надеюсь, что эта сделка, заменит старую.» Ей казалось, что она потеряет сестер из Морского Народа, в любом случае, по крайней мере тех, кто хотел вернуться к своему народу. Мир меняется, и теперь, когда Ищущие Ветер уже не секрет, старые способы наших отношений не должны сохраняться.

"Мы должны это обсудить", сказала Шейлин. Она кивнула другим, и они исчезли из комнаты. Они действительно быстро учились.

"Этот танец является опасным, Егвейн АлВир», сказала вставая Эмис, и поправляя свою шаль. "Был момент, когда Айл бы гордились тем, что служат Айз Седай. Это время прошло."

"Женщины, которых вы ожидали найти, являлись не более чем мечтой, Эмис", сказала Егвейн. "Реальная жизнь часто более разочаровывающая, чем сны, но по крайней мере, когда вы найдете честь в реальном мире, вы знаете, что это более чем фантазии."

Хранительница Мудрости кивнула. "Вероятно, мы согласимся на эту сделку. Мы должны узнать, чему могут научить Айз Седай".

"Мы подберем наших сильных женщин," добавила Бэйр." Те, кто не будет испорчен мягкостью мокроземцев". Не было никакого осуждения в этих словах. По крайней мере, называя мокроземцев мягкими, Бэйр не собиралась никого оскорблять.

Эмис кивнула. "Эта дело тобой сделанное хорошо, до тех пор, полагаю, пока не свяжет нас стальными цепями".

Нет, Эмис, думала Егвейн. Я не буду связывать вас стальными цепями. Вместо этого, я буду использовать шнурки (тесемки).

«Теперь», сказала Бэйр. «Мы еще нужны вам сегодня? Вы упоминали про битву…?

«Да», сказал Егвейн. «По крайней мере я надеюсь на это». Но сигнал не пришел. Это означало, что Найнив и Суан не обнаружили никого, кто бы их подслушивал. Что если ее уловка не удалась?

Хранительницы Мудрости кивнули, и отошли в сторону, с видом совершенного спокойствия. Егвейн подошла к Айз Седай.

Юкири встала. «Мне не нравится это, Мать,» сказала тихо Юкири, поглядывая на Хранительниц Мудрости. «Я не думаю, что

Совет согласится с этим. Многие твердо убеждены, что все вещи связанные с Единой Силой, должны находится у нас.»

«Совет увидит что это необходимость,» сказал Егвейн. «Мы уже вернули Чашу Ветром морскому народу, и теперь Илэйн, заново открыла методику разработки и создания терангриалов, это только вопрос времени, когда их станет так много и мы не сможем их все контролировать.

«Но Илэйн – Айз Седай, Мать,» сказал Сиэйн вставая, ее лицо было встревожено. «Конечно вы сможете руководить ее действиями».

"Скорее всего," ответила Егвейн, говоря тихо. "Но не кажется вам странным, что после долгих лет забвения, так много талантов возвращаются, так много открытий совершается? Мои Сновидения, терангриалы Илэйн, Предсказания. Редкие Таланты, но сейчас их в изобилии. Этот век подходит к концу, и мир меняется. Я сомневаюсь, что талант Илейн будет оставаться уникальным. Что делать, если одна из Хранительниц Мудрости или Морского Народа откроют его?"

Остальные трое, сидели тихо, встревоженно.

"Они по-прежнему не вправе отказать, Мать," сказала Юкири, наконец. "Приложив усилия, мы могли бы контролировать Хранительниц Мудрости и Ищущих Ветер.»

"И Ашаманов?" тихо спросила Егвейн, не в силах скрыть дрожь в своем голосе. "Будем ли мы настаивать на том, что все ангриалы и сангриалы также будут принадлежат нам, хотя мы не можем их использовать? Что делать, если среди Ашаманов найдутся те, кто сможет создавать вещи Силы? Сможем ли мы заставить их отдать все эти вещи нам? Может ли мы контролировать такие вещи?"

"Я... " сказала Юкири.

"Лиана покачала головой. "Она права, Юкири. Свет но так и есть."

"Мир, такой как он сейчас, больше не может быть нашим ", тихо продолжила Егвейн, не желая, чтобы Хранительницы Мудрости услышали. "Был ли мир, когда-нибудь нашим? Черная башня связывает Айз Седай, Айл не почитают нас, Ищущие Ветер, скрывали от нас своих лучших направляющих на протяжении веков и становятся все более воинственными. Если мы попытаемся связать все это силой, мы станем либо тиранами либо дураками, в зависимости от того, насколько успешным окажется, наше дело. Я не могу принять такие действия.

Юкири, мы будем вести их. Мы должны стать центром для женщин, для всех женщин. Мы добьемся этого, не надавливая на них слишком сильно, путем привлечения их направляющих

учится у нас, и, посылая наших самых талантливых Принятых, чтобы они стали специалистами, в том, в чем они лучше нас."

"А если они считают также?» тихо спросила Лиана, глядя на Хранительниц Мудрости, которые тихо разговаривали на противоположной стороне комнаты. "Если они пытаются играть с нами, также как и мы?"

"Тогда мы должны играть лучше," сказала Егвейн. ".. Все это пока вторично. Нам нужно единство против Тени и Шончан. Мы должны – Суан, с потрепанным видом, появилась в комнате, ее платье было подпалено с одной стороны. "Мать! Вы нужны нам!»

"Сражение началось?" громко сказал Егвейн. Группа Хранительниц Мудрости, оживилась.

"Сражение", сказала Суан, тяжело дыша. "Это случилось сразу. Мать, они не пришли чтобы подслушивать! Они напали"

Перрин стремительно перемещался по земле, покрывая каждым шагом лиги. Ему надо отнести шип, куда-то, где Губитель его не найдет. Может в океан? Он мог -

Стрела прожужжала сквозь воздух, зацепив плечо. Перин чертыхнулся и крутанулся. Он находился на высоком скалистом холме. Губитель стоял внизу, с поднятым луком, темные глаза пылали гневом. Он выпусти еще одну стрелу.

Стена, мысленно Перин, вызвал степу из кирпича перед собой. Стрела пробила стену на несколько дюймов, но застряла. Перин немедленно в мыслях перенес себя. Однако, он не мог уйти далеко, неся купол

Перрин изменил направление перемещений, он больше не шел прямо на север, и двигался к востоку. Но он сомневался, что этим собьет со следа Губителя, вероятно тот может видеть перемещение купола, и отслеживать направления этого перемещения.

Как поступить? Он планировал утопить шип в океане, но если Губитель его преследует, то он просто его достанет. Перин сосредоточился на движении, так быстро, как мог, покрывая лиги с каждым ударом сердца. Может ли он обогнать своего врага? Смазанные пейзажи проносились мимо него. Горы, леса, озера, луга.

Когда ему показалось, что ему возможно удалось оторваться, прямо рядом с ним возникла фигура, замахиваясь мечом в его шею. Перин нырнул, едва уклонившись от атаки. Он зарычал, подняв молот, но Губитель уже исчез.

Перрин остановился на месте, разочарованный. Убийца мог

двигаться быстрее, чем Перрин, и возможно мог попасть под купол, прыгая перед ним, или же ждет когда Перин переместит его над ним. Оттуда он может перейти непосредственно к атаке на Перина.

Я не могу обогнать его, понял Перрин. Единственный способ быть уверенным, единственный способ защитить Фейли и других, убить Губителя. В противном случае тот будет доставать шип оттуда, куда Перрин его положит, и возвращаться, чтобы снова поймать его людей в ловушку.

Перрин огляделся, изучая окрестности. Он находился на слегка лесистом склоне, и мог видеть Драконову гору к северу от него. Он посмотрел на восток, и увидел кончик большого строения, выглядывавшего над вершинами деревьев. Белая Башня. Город может дать Перрину преимущество, там легче скрываться, в одном из многочисленных зданий или аллей.

Перрин прыгнул в том напрвлении, неся шип с собой. Купол, созданный им, передвинулся вместе с ним. В конце концов, дело всё равно шло к сражению.

Глава 37

Тьма в Башне

Гавин сидел на скамейке в саду дворца Кеймлина. Всего несколько часов, как он отправил посланника Эгвейн. Почти полная луна висела в небе. Время от времени слуги подходили к нему, узнать не нужно ли и ему что-нибудь. Похоже, что они беспокоились о нем.

Ему просто хотелось смотреть на небо. Прошли недели с тех пор, когда он мог его видеть. Воздух был прохладный, но его куртка висела на спинке скамьи. На открытом воздухе было приятно - приятнее, чем на таком же воздухе под небом затянутом облаками.

С последним светом увядающих сумерек, не решительно, как испуганно выглядывающие дети, убедившись что шум дня утих, засияли звезды. Ему было радостно, видеть наконец их снова. Гавин глубоко вздохнул.

Илейн была права. Многое из ненависти Гавина к Ал'Тору было из-за разочарования. Может быть, ревности. Ал'Тор играл в жизни ту роль, которую Гавин хотел бы выбрать для себя. Предводитель народов, командующий армиями. Глядя на эти жизни, кто стал принцем, а кто потерянным овечим пастухом?

Возможно Гавин сопротивлялся требованиям Эгвейн потому, что ему хотелось быть тем, кто совершает героические подвиги. Если же он станет стражем, ему придется отойти в тень и помогать ей менять мир. Существовала честь в сохранении чегото важного в жизни. Большая честь. Что такое великие дела? Дают они признание или делают жизнь лучше?

Отойти в сторону. Он восхищался людьми, как Слит за их готовность сделать это, но никогда не понимал их. Не по-настоящему. Я не могу оставить ее делать это в одиночестве, думал он. Я должен помогать ей. Находясь в ее тени.

Потому что он любит ее. И потому, что так лучше. Если два менестреля пытаются играть разные песни в одно и то же время, они оба создают шум. Но если один из них уступит и согласится играть мелодию другого, то они достигнут большей красоты, чем каждый из них может достигнуть в одиночку.

В этот момент он наконец понял. Он встал. Он не мог прийти к Эгвейн как принц. Он должен идти к ней, как страж. Он должен присматривать за ней, служить ей. Чувствовать ее желания.

Настало время вернуться.

Застегивая куртку, он шагал по тропинке в сторону дворца. Пение прудовых лягушек прервалось чередой брызг, когда он прошел мимо них и вошел в здание. Комнаты его сестры располагались рядом. Она не спала. В последнее время у неё были проблемы со сном. В течение последних нескольких дней, она часто проводила беседы за чашкой теплого чая перед сном. Возле ее двери он однако был остановлен Биргитте.

Она еще раз сердито взглянула на него. Да, похоже ей действительно не нравится быть Капитан-Генералом вместо него. Он видел это сейчас. Он чуствовал себя немного неловко, подойдя к ней. Женщина подняла руку. "Не сегодня, принц".

"Я уезжаю в Белую Башню", сказал он . "Я хотел бы попращаться".

Он сделал шаг вперед, но Бергитте остановила его рукой в грудь, мягко толкнув обратно. "Вы можете уехать утром".

Он было схватился за меч, но остановил себя. Свет! Было время, когда он не реагировал таким образом на любые ситуации. Он стал глупее. "Спросите, может быть она захочет увидеть меня", попросил он вежливо. "Пожалуйста".

"У меня есть приказ," сказала Бергитте. "Кроме того, она не сможет говорить с вами. Она спит".

"Я уверен, она хотела бы, чтобы её разбудили"

"Это не такой сон," ответила Бергитте. Она вздохнула. "Это связано с делами Айз Седай. Ложитесь спать. Вероятно утром у вашей сестры будут известия от Эгвейн для вас."

Гавин нахмурился. Как могла. . .

Это сны, он понял. Это то, что упоминали Айз Седай говоря о том, что Эгвейн будет их обучать ходить в своих снах. "Так Эгвейн тоже спит?"

Бергитте посмотрел на него. "Кровавый пепел, я, уже и так сказала слишком много. Идите к себе."

Гавин отступил, но не пошел к себе в комнаты. Он будет дожидаться времени слабости, думал он, вспоминая слова сул'дам. И когда он нападет, он оставит такие опустошения, что вы не поверите, что один человек способен . . .

Время слабости.

Он бросился прочь из комнаты Илейн, по коридорам дворца в комнату для Перемещений, которую создали по приказу Илейн. К счастью, женщина из Родни, с уставшими глазами, дежурила здесь, на случай необходимости передачи чрезвычайных сообщений. Гавин не узнал темноволосую женщину, но она, похоже, его узнала.

Она зевнув, открыла шлюз по его просьбе. Он пробежал через Переходные врата на землю возле Белой башни. Врата исчезли за

ним. Гавин с проклятием развернулся. Они закрылись почти рядом с ним! Почему женщина закрыла их так внезапно и так опасно? долю секунды раньше, и это оставило бы его без ног или того хуже.

Нет времени. Он развернулся и продолжил бег.

Эгвейн, Лиане и Хранительницы Мудрости появились в комнате, находившейся в основании Башни, где находилась в ожидании группа взволнованных женщин. Это был сторожевой пост, который Эгвейн назначила точкой для отступления.

"Докладывай" потребовала Эгвейн.

"Шиван и Карлиния мертвы, Мать" ответила Саэрин. Грубая Коричневая тяжело дышала.

Эгвейн выругалась. "Что произошло?"

"Мы были в середине нашей затеи, обсуждая фальшивый план по установлению мира в Арад Домане, как Вы приказывали. И тогда..."

"Огонь" сказала Морвин, содрогнувшись "Ударил сквозь стену. Направляли женщины, некоторые обладали невероятной Силой. Я видела там Алвиварин и других.

"Найнив всё ещё там" добавила Брендас.

"Упрямая женщина" сказала Эгвейн, посмотрев на тройку Хранительниц Мудрости. Они кивнули. "Брендас выходи из сна" продолжила она, обращаясь к смотрящей холодным взглядом Белой. "Когда ты проснёшся, разбуди остальных, так они окажутся в безопасности. Оставь Найнив, Суан, Лиане и меня.

"Да, мать," сказала Брендас.

Эмис сделала что-то, заставившее Брендас исчезнуть. "Остальные" сказала Эгвейн "Идите в какое-нибудь безопасное место, подальше от города." "Хорошо, Мать" Сказала Саэрин, оставшись при этом на месте. "Что ещё?" спросила Эгвейн.

"Я ..". Саирин нахмурилась. "Я не могу уйти. Что-то мешает.

"Глупости," отрезала Баир . "Это-"

"Бейр" сказала Эмис "Я тоже не могу уйти. Здесь что-то не так"

"Небо фиолетовое," сказала Юкири, глядя в маленькое окошко. "Свет похоже, купол, накрыл Башню и город. Когда это случилось?"

"Что-то очень неправильное здесь." сказала Бейр "Мы должны пробудиться"

"Эмис внезапно исчезла, заставив Эгвейн начать. Она вернулась несколько мгновений спустя "Я могу переместиться в место, где мы были прежде, но я не в состоянии покинуть город. Не нравится мне это, Эгвейн ал'Вир.

Эгвейн попыталась переместиться в Кайриен. У неё не

получилось сделать это. Она выглянула в окно, чувствуя волнение, но решительно. Да, как сказали раньше, небо было фиолетовым.

"Просыпайся, если тебе это нужно" сказала Эгвейн Хранительницам Мудрости "Я буду сражаться. Одна из Принявших Тень здесь.

Хранительницы Мудрости притихли "Мы идём с тобой" наконец сказала Мелани.

"Хорошо. Остальные пусть держаться подальше от этого места. Идите в Музыкальный зал и оставайтесь там до пробуждения. Мелейн, Эмис, Бейр, Лиане, отправляйтесь верхнюю часть Башни, в комнату с деревянными панелями и кроватью под балдахином, драпированным марлей. Это моя спальня."

Хранительницы Мудрости кивнули, и Эгвейн отправилась туда.На её тумбочке стоял светильник, он не давал света здесь, в Тел'аран'риоде, хотя был зажжён в реальном мире. Хранительницы Мудрости и Лиане появились рядом с ней. Из-за ветерка, поднявшегося от их появления, по кровати Эгвейн пошла рябь.

Башня содрогалась. Бой продолжался.

-Будьте осторожны, - сказала Эгвейн.

-Мы охотимся на опасных врагов, и они знают это место лучше вас.

-Мы будем осторожны, - ответила Бэир.

-Я слышала, что предавшиеся Тени крайне искусны в обращение с этим местом. Ну что же посмотрим.

"Лиане", сказала Эгвейн, "Ты можешь контролировать себя?" Эгвейн испытала желание отослать ее, но она и Суан пробыли некоторое время в Тел`аран`риоде. Конечно, она была более опытной, чем они.

"Я сохраню разум холодным, Мать," пообещала она. "Но там их должно быть больше, чем нас. Вы нуждаетесь во мне."

-Согласна, - кивнула Эгвейн.

Эти четыре женщины перемещались далеко. Почему они не могли покинуть Башню? Это беспокоило, но также было полезно. Это означало, что она была поймана в ловушку.

Возможно Мессана с ними.

Пятеро голубей поднялись в воздух, рассеиваясь с выступа крыши. Перрин перемещался. Губитель преследовал его, пахнущий словно камень.

Человек с жестоким взгядом посмотрел на улетающих птиц. "Твои?"

"Для предупреждения," ответил Перрин. "Я полагал, что ты

заметишь ореховую скорлупу на земле."

-Молодец, - сказал Губитель.

Сзади него раскинулся великолепный город. Перрин не мог поверить, что какой то город мог быть великолепнее, чем Кеймлин. Но это было так. Это был Тар Валон. Целый город был единым произведением искусства, почти все здания были украшены арками, шпилями, резьбой и орнаментом. Даже тротуарный камень был выложен со вкусом.

Глаза Губителя сводились вниз к поясу Перрина. Там был прикреплен мешочек для того, чтобы держать тер`ангриал. Наконечник позволил главное, серебристый зубец обернут вокруг шнурка завязанного узлом. Перрин попробовал еще раз разрушить вещь, подумав об этом, но потерпел неудачу. Удары по этой вещи молотом не согнуло ее. Независимо от того, что эта была за вещь, она была специально построена, чтобы сопротивляться разрушению.

-Ты стал сильнее, - отметил Губитель.

-Мне следовало убить тебя раньше.

-Я верю, что ты пытался это сделать, - сказал Перрин, поднимая молот.

-Кто ты на самом деле?

-Человек двух миров, Перрин Айбара. И один принадлежу обоим. Я хочу получить Шип Сновидений обратно.

"Подойди поближе, и я разрушу его" сказал Перрин.

Губитель фыркнул, идя вперёд. "У тебя не хватит сил для этого, мальчик. Даже я не смог бы сделать этого" Его глаза вспыхнули, бессознательно смотря поверх Перрина. Что происходит?

Гора Дракона, подумал Перрин. Он, должно быть, взволнован тем, что я выбрал это путь. Это указывает на то, что, идя по этому пути, Перрин мог разрушить тер'ангриал? Или Губитель просто пытается сбить его с толку?

-Не дави на меня мальчик, - сказал Губитель. Меч и кинжал вновь появились в его руках.

-Я уже убил четырех волков сегодня. Отдай мне шип.

Четырех?. Но он убил только одного, как видел Перрин. Он пытается разозлить меня.

Ты думаешь, что я буду полагать будто ты не будешь пытаться убить меня, если я отдам это?" сказал Перрин

"Если бы я отдал это тебе, то ты пошел бы ставить его в Гаэлдане"

Ты знаешь, что я только последовал бы туда за тобой." Перрин покачал головой. "Один из нас

должен умереть, и это так.

Губитель колебался, он улыбнулся.

-Люк ненавидет тебя, ты знаешь это. И очень сильно ненавидит.

-А ты нет? - сказал Перрин.

-Не больше, чем волк ненавидит оленя.

-Ты не Волк, - рыкнул Перрин.

Губитель пожал плечами. "Давай тогда закончим это." Он ринулся вперед

Гавин ворвался в Белую Башню, стражники только и успели поприветствовать его. Он пронёсся мимо зеркальных напольных светильников. Только каждый второй из них горел, заправленный маслом. Достигнув подъёма на верх, он услышал позади себя шаги.

Его меч зашипел когда он вытащил его из ножен. Мэзон и Селарк подбежали к нему. Бывшие Отроки носили теперь униформу Охраны Башни, они попытаются остановить его? Кто знал, какие приказы были в запасе у Эгвейн?

Они отсалютовали.

"Парни?" спросил Гавин. "Что вы здесь делаете?"

"Милорд", проговорил Селарк, узкое лицо было в тени из-за искусственного света. "Когда лорд бежит с таким выражением лица, ты не спрашиваешь, нуждается ли он в помощи. Ты просто следуешь за ним!"

Гавин улыбнулся. "Пойдемте." Он начал подниматься по лестнице, двое мужчин последовали за ним , мечи наготове.

Покои Эгвейн были недалеко, и пульс Гавина участился — дыхание участилось — к тому времени, когда они достигли ее уровня. Они быстро пропустилиь три прихожие; тогда Гавин поднял руку. Он поглядел на соседние темные впадины. Какая-либо из них имела достаточную глубину, чтобы скрыть Кровавого Ножа?

Ты не можешь иметь свет без тени...

Он осмотрелся у двери Эгвейн; он стоял почти там же, где в прошлый раз разрушил ее планы. Он сделает то же самое теперь? Два верных ему гвардейца встали рядом, ожидая приказа.

Да. Он делал то же, что и раньше. И все же, что-то изменилось. Он защитил бы ее достаточно, чтобы она смогла многого достичь. Он стоял бы в ее тени и был бы горд этим. Он сделает, что она попросит— но будет наблюдать за ее безопасностью независимо от этого.

Потому что, именно это сделает Сраж.

Он скользнул вперед, показывая парням следовать за ним. Темнота похоже не отражала его взгляд, как в прошлый раз. Хороший знак. Он остановился у двери и нажал осторожно. Она

поддалась. Глубоко вздохнув он скользнул внутрь.

Никакой тревоги; никакие ловушки не поймали его и не связали. Несколько ламп светились на стенах. В тишине, он посмотрел вверх. Женщина из Башни висела там, борясь, с широко открытыми глазами и с закрытым ртом невидимым кляпом Воздуха.

Гавин выругался, пробежав через комнату, и бросив открытой дверь в спальню Эгвейн. Ее кровать, с одной стороны у дальней стены, была закрыта белыми марлевыми занавесками, и лампа потухнув стояла на столике возле. Гавин пересек ее комнату и отодвинул марлю. Она спала? Или она была...

Он дотронулся рукой до её шеи, но позади прозвучал слабый шум. Гавин хлестнул мечом вокруг и заблокировал удар, летящий в спину. Не один, а два пятна тьмы выпрыгнули из теней. Он бросил взгляд на Эгвейн; не было никакой крови, но он не мог сказать, дышала ли она или нет. Его появление вовремя остановило убийц?

Не было времени, чтобы проверять. Он провел Яблоки Цветущие на Ветру и закричал. Его люди подошли к дверному проему, и замерзли там, ошеломленные.

"Бегите за помощью" крикнул Гавин. "Быстрей!"

Темнокожий Мазон повернулся, чтобы повиноваться, в то время как Селарк, выглядя решительным, вмешался в борьбу.

Кровавые ножи перемещались зигзагами. Гавин сумел скользнуть в Кота на Горячем Песке, чтобы испытать их, но каждый его удар поражал только воздух. Его глаза уже болели, от попыток уследить за их движениями.

Селарк напал сзади, но это было столь же бесполезно. Гавин стиснул зубы, сражаясь, стоя спиной к кровати. Он должен был удерживать их на расстоянии от Эгвейн, достаточно долго, чтобы успела подойти помощь. Если он сможет...

Внезапно оба противника объединились и вдвоём ударили Селарка. Мужчина успел только выругаться прежде, чем клинок перерезал его горло, и кровь полилась струёй. Гавин снова закричал, нападая на убийц сзади.

И снова его атака не достигла цели. Казалось он промахнулся всего на несколько волосков. Селарк с бульканьем упал на пол, его кровь отражала свет фонарей, и Гавин не мог сделать шаг, чтобы защитить его. Не мог, не оставив Эгвейн.

Один из убийц вернулся к Гавину, в то время как другой обезглавил Селарка, ударом в котором он, несмотря на темноту, узнал Реку, Разрезающую Берег. Гавин отступил, стараясь не смотреть на павшего мужчину. Защищать. Он должен защищать её до прибытия подмоги.

Шончан были осторожны, они знали что он отбился от одного из них прежде.

Но они имели огромное преимущество. Гавин сомневался, что сможет выстоять против двоих.

Да, ты справишься, сказал он себе. Потому что, если ты падёшь, Эгвейн умрёт.

Что задвигалось в другой комнате? Возможно, прибыла помощь? Гавин почувствовал прилив надежды и двинулся в эту сторону. От туда он смог увидеть тело Мазоне, лежащее на полу в луже крови.

Третья скрытая тенью фигура скользнула в комнату и закрыла дверь, заперев её. Вот почему колебались двое других. Они ждали прибытия своего союзника.

Трое мужчин напали вместе.

Перрин позволил Волку обрести свободу.

На это раз, он не волновался о том, какие последствия может это иметь. Он оставался самим собой, и когда он сражался, мир, казалось, становился правильным вокруг него.

Возможно, так происходило из-за того, что это было подчинено его воле

Юный Бык прыгал по плоским крышам Тар Валона, сильные задние лапы подбрасывали его в воздух, мешочек с тер'ангиалом был прикреплён к его спине. Он взлетел над улицей, приземлившись на белую мраморную крышу с группой статуй, стоящих по краям. Он превратился, став человеком. Тер'ангиал висел на поясе вместе с молотом.

Губитель исчез прямо перед ударом молота, затем появился рядом с ним. Перрин переместился когда Губитель замахнулся и появился немного левее. Они ходили ходили то вперёд, то назад, вращаясь вокруг, исчезая и появляясь, изо всех сил стараясь нанести удар.

Перрин прервал ритм боя, переместившись к одной из больших статуй, изображавшей помпезно выглядевшего генерала. Он размахнулся и ударил по ней молотом, усилив удар своими способностями. Осколки статуи полетели в Губителя. Убийца волков появился, ожидая увидеть Перрина перед собой. Вместо этого, вихрь из камней и пыли врезался в него.

Губитель взревел, кусочки камня буквально разрезали его кожу на куски. Его плащ быстро стал прочным как сталь, отражая летящие в него камни. Они разлетались по сторонам, и всё здание начало трясти. Перрин выругался и прыгнул, так как крыша обрушилась.

Перрин взлетел, став волком прежде, чем приземлиться на соседней крыше. Губитель появился перед ним, с натянутым

луком. Юный Бык зарычал, представив порыв ветра, но Губитель не выстрелил. Он просто стоял там, как...

Как статуя.

Перрин выругался, крутясь, когда стрела прошла мимо него, совсем чуть чуть пролетев мимо его поясницы. Настоящий Губитель стоял неподалёку. Он исчез, оставляя великолепно детализированную статую, которую создал чтобы отвлечь Перрина.

Перрин вздохнул глубоко и заставил пот исчезнуть с бровей. Губитель мог подойти к нему с любой стороны. Он стал спиной к стене и стоял, отдыхая и оглядывая крышу. Купол трясся над головой. Перрин уже привык, купол двигался с ним.

Но он-то не двигался.

Он посмотрел вниз в панике. Мешочек исчез - стрела пущенная Губителем в поясницу вскрыла его. Перрин бросился к краю крыши. Внизу Губитель бежал по улице с мешочком в руках.

Волк выпрыгнул из переулка, врезаясь в Губителя и сбивая того на землю. Прыгун.

Через мгновение Перрин был там и атаковал. Губитель выругался исчезая из под Прыгуна и появляясь в конце улицы. Он начал убегать, оставляя смазанный след позади.

Перрин за ним. Прыгун вместе с ним. - Как ты меня нашёл? послал Перрин?

- Вы двое глупых щенков, послал Прыгун. Очень громкие. Как дерущиеся коты. Легко найти

Он умышленно не показывал Прыгуну, где он. После того, как увидел смерть Танцующей в дубах... ну это был бой Перрина. Теперь, когда тер'ангриал был далеко от Гаэлдана и его люди убегали, он не хотел рисковать жизнями других волков.

Прыгун бы не ушёл, если бы Перрин попросил его. Снова зарычав, Перрин на полной скорости бросился за Губителем. Волк бежал рядом.

Эгвейн скорчилась у стены зала, тяжело дыша. Пот капал с её бровей. Наискосок от неё, расплавленные куски камня остывали от огненного удара.

Зал Башни застыл. Несколько ламп мигало на стене. Через окно она видела пурпурное небо, высоко, между Башней и чёрными облаками. Казалось, что бой длился несколько часов, однако скорее всего речь шла о пятнадцати минутах. Она потеряла след Хранительниц мудрости.

Она начала красться вперёд, используя плетение защиты от прослушивания, чтобы свои шаги бесшумными, пока не достигла угла и исчезла за ним.

Тьма в обоих направлениях. Эгвейн пошла вперёд, аккуратно,

твёрдо. Башная - её владения. Она чувствовала вторжение, также как и тогда, когда пришли Шончан. Однако, битва оказалась совершенно отличной от боя с Шончан. Тогда враги были самоуверены, и легко обнаруживаемы.

-- убрать

-- убрать

Бледный свет появился в дверном проёме впереди. Она скользнула в комнату, готовя плетения. Там было двое женщин, разговаривающих шёпотом. Одна из них держала шар света. Эванелейн и Местра, двое из Чёрных сестёр, которые сбежали из Белой башни.

Эгвейн сплела шар огня, который превратил Местру в столб огня.

Эванелейн завизжала, а Эгвейн использовал фокус, которому научилась в Найнив. Она представила, что Эванелейн глупой, не способной думать и реагировать.

--- убрать

Глаза женщины распахнулись, и рот приоткрылся. Мысль была быстрее плетений. Эгвейн поколебалась. Что теперь? Убить её, пока она беззащитна? Желудок сжался при этой мысли. Я могу взять её в плен.

Кто-то появился в комнате. Новоприбывшая носила чёрное огромное платье с серебрянной отделкой. Темнота крутилась вокруг неё, вращающиеся крутящиеся волны по одежде, юбка колыхалась. Эффект был неестественным и впечатляющим, возможным только в Тел'алан'риоде.

Эгвейн взглянула в глаза женщины. Большие, синего цвета, посреди угловатого лица, обрамлённого волосами до подбородка. В этих глазах была сила и Эгвейн сразу поняла, кто перед ней. Зачем сражаться? Она не могла.

Эгвейн почувствовала, как её разум принимает этот факт. Она боролась с ним в панике, и в момент прояснения отправила себя прочь.

Эгвейн появилась в своих комнатах, подняла руку к голове, сидя на кровати. Свет, эта женщина была сильна.

Позади раздался звук, кто-то появился в комнате. Эгвейн подпрыгнула на ноги, с плетениями наготове. Найнив стояла там. Её глаза были широко распахнуты от ярости. Женщина протянула руки вперёд, формируя плетения, но замерла.

- К садам, сказала Эгвейн. Она не доверла своим комнатам. Ей не следовало приходить сюда. Мессана знала это место.

Найнив кивнула и Эгвейн исчезла, появившись в саду Башни. Странный фиолетовый купол был и здесь. Что это такое и как Мессана принесла его сюда? Найнив появилась секундой позже.

- Они всё ещё там, наверху, прошептала Найнив. - Я только что видела Алвиарин.

- Я видела Мессану, произнесла Эгвейн. - Она почти схватила меня.

"Свет! Ты в порядке?"

Эгвейн кивнула. - Местра мертва, я также видела Эвенелейн.

- Там темно, как в могиле, прошептала Найнив. Я думаю это они так сделали. Суан и Леане в порядке. Я видела их недавно, они держались вместе. Как раз перед этим мне удалось удалть Нотофи огненным разрядом. Она мертва.

- Хорошо. Чёрная Айя украла девятнадцать тер'ангриалов. Таким образом мы можем примерно посчитать, с каким количеством Чёрных айя нам придётся столкнуться. Она, Найнив, Леане и три Хранительницы мудрости явно были в меньшинстве, но похоже у Чёрных айя не было большого опыта нахождения в Тел'аран'риоде.

"Ты видела Хранительниц Мудрости?"

"Они там на верху." Найнив изобразила гримасу. "Кажется они получают удовольствие от этого."

"Они могут," сказала Эгвейн. "Я хочу, чтобы мы пошли вместе. Мы появимся в точке, вместе, и быстро обнаружим вспышки или людей. Если ты увидишь Черных, нападай. Если кто-то видит тебя, скажешь 'Идут' и мы прыгнем обратно."

Найнив кивнула.

"Первое место - возле моей комнаты," сказала Эгвейн. "Прихожая на южной стороне. Я обрамлю все светом; Ты будь готова. Оттуда, мы прыгнем из прихожей к двери комнат слуг. Только тогда обратно."

Найнив резко кивнула .

Мир замерцал вокруг Эгвейн. Она оказалась в холле, и тут же представила, что помещение освещено, налагая свою волю. Свет заполнил всё пространство. Круглолицая женщина в белом скорчилась рядом со стеной. Седоре. Одна из Чёрных сестёр.

Седоре повернулся, взгляд её был зол, вокруг неё крутились плетения. Эгвейн пошла быстрее, создавая столб огня до того, как Седоре бросила своё плетение. Никаких плетений со стороны Эгвейн. Просто огонь.

Эгвейн увидела как глаза Чёрной расширяются, когда огонь начал реветь вокруг неё. Седоре пронзительно завизжала, но визг оборвался, когда огонь поглотил её. Её дымящийся обугленный труп обрушился на пол.

Эгвейн выдохнула с облегчением. - С твоей стороны есть кто?

"Нет", сказал Найнив. "Кто это был, что ты запыхалась?"

"Седорэ".

"Серьезно?" переспросила Найнив поворачиваясь. Она была Восседающей от Желтых.

Эгвейн улыбнулась. "Следующий коридор."

Они прыгнули, и повторили свою стратегию, заполняя коридор светом. Там не было никого, таким образом они пошли дальше. Следующие два коридора были пусты. Эгвейн собиралась уйти, когда голос прошипел, "Глупый ребенок! Ваши попытки очевидны."

Эгвейн повернулась. "Где..."

Она замолчала, поскольку она видела Бэир. Пожилая Хранительница Мудрости изменила одежду и даже кожу подходяще, чтобы соответствовать белым стенам и плиткам полов. Она была практически невидима, приседая в алькове.

"Ты не должна была —" начала Бэир.

Стена рядом взорвалась наружу, выбрасывая куски камня. Шесть женщин стояла за ней и они бросили плетения Огня. Похоже время игры в прятки закончилось.

Перрин достиг стены, окружающей земли Белой башни, спускаясь с шумом. Странность волчьего сна продолжалась. Сейчас он мог не только ощущать только странные запахи, но и слышать странные звуки. Грохот изнутри Башни.

Он прыгнул за Губителем, которые пересёк двор, затем подбежал к самой внешней границе Башни. Перрин последовал за ним, поднимаясь в воздух. Губитель оставался впереди, мешок с тер'ангриалом у его поясницы.

Перрин создал лук. Замерев на месте, натянул, стоя рядом с Башней. Он выпустил стрелу, но убийца волков подпрыгнул и упал в башню через окно. Стрела прошла над головой.

Перрин прыгнул к окну, затем нырнул вниз, Прыгун впрыгнул за ним, оставляя смазаный след. Они вошли в спальню, отделанную голубой парчой. Дверь громко стукнула и Перрин бросился за Губителем. Он не стал беспокоиться об открытии двери, просто вынес её молотом.

Губитель убегал по коридору.

- За мной, отправил Перрин Прыгуну. - Я отрежу его.

Волк помчался вперед, вслед за Губителем. Перрин побежал направо, затем срезал через коридор. Он быстро двигался, стены мелькали мимо него.

Он миновал коридор, который оказался полон людей. Он был так удивлен, что замер на месте; зал вокруг него содрогнулся.

Перед ним были Айз Седай, и они сражались. Коридор загорелся, огонь перелетал с одного края до другого. Звуки, что он слышал до этого, не были наваждением. "Ого...," подумал он.

"Эгвейн?" спросил Перрин.

Она стояла, прижавшись к стене рядом, пристально всматриваясь в коридор. Когда он заговорил, она подняла руку, помахав на него. Он почувствовал как что-то схватило его. Его ум мгновенно отреагировал, оттолкнув воздухом Эгвейн на расстояние, с которого она не могла дотянуться до него.

Он шагнул вперед. "Эгвейн, ты не должна быть здесь. Это место опасно."

"Перрин?"

"Я не знаю, как ты очутилась здесь, но ты должна уйти. Пожалуйста." продолжил Перрин. "Как ты остановил меня?" потребовала она. "И что ты, делаешь здесь. Ты был с Рандом? Скажи мне, где он."

Она говорила с такой властью теперь. Она казалась совсем другим человеком, будто десятилетия отделяют ее от девочки, которую он знал. Перрин открыл было рот, чтобы ответить, но Эгвейн прервала его.

"У меня нет на это времени", сказала она. "Мне очень жаль, Перрин. Я вернусь за Тобой". Она подняла руку, и он почувствовал, что то поменялось вокруг него. Веревки появились, связывая его.

Он посмотрел вниз, смешно. Веревки свободно соскользнули вниз, как только он подумал, что они ослабли.

Эгвейн заморгала, наблюдая их падение на землю. "Как..."

Кто-то ворвался из соседней комнаты, высокая женщина с тонкой шеей и черными волосами в гладком белом платье. Она улыбнулась, подняла руки, и свет появился перед ней.

Перрину не нужно было знать то, что она делала. Он был волком; он был хозяином этого места. Плетения были бессмысленными. Он представил себе атаку женщины без него, он знал, что последует.

Полоса раскаленного добела света протянулась от женщины. Перрин поднял руку заслоняя себя и Эгвейн. Свет исчез, как будто его ладонь впитала его.

Эгвейн повернулась, и увидела как стена взорвалась над женщиной, словно скала, обрушилась вниз. Огромная глыба камня рухнула женщине на голову вбивая ее в землю. Свет! Никаких сомнений, она мертва.

Эгвейн пахла изумлением. Она кричала не своим голосом. "Погибельный огонь! Ты остановил погибельный огонь! Нет ничего, что в состоянии сделать это!"

"Это просто плетение," сказал Перрин и потянулся к Прыгуну. Где Губитель?

"Это не просто плетение, Перрин, это..."

"Мне очень жаль, Эгвейн", сказал он. "Поговорим об этом позже. Возможно, ты уже знаешь где находишься, но все же. Здесь куда опаснее, чем ты можешь полагать."

Он повернулся и побежал, оставив бормочущую Эгвейн . Кажеться, ей удалось стать Айз Седай. Это было хорошо, она заслужила это.

Прыгун? Он послал - Где ты?.

Его единственным ответом был внезапный, страшный, посыл боли.

Гавин боролся за свою жизнь жизнь против трех оживших теней из тьмы и стали.

Они выжимали из него все, на что он был способен, оставив на его руках и ногах кровоточащие раны полдюжины раз. Он использовал Свирепый Циклон, и это защитило жизненно важные органы. Едва.

Капли его крови запятнали кисею, которой была задрапирована кровать Эгвейн.

Если его противники уже убили Эгвейн, тогда они разыграли отличное представление, продолжая угрожать ей.

Он становился слабым и усталым. Его сапоги оставляли кровавые отпечатки, когда он делал шаги. Он не мог ощущать боль. Он все медленней парировал. Они добрались бы до него через минуту-другую.

Помощь не придет, хоть его голос и охрип от криков. Дурак! - подумал он. Тебе надо тратить больше времени на обдумывание, и меньше - бросаясь прямиком в опасность! Он должен был поднять тревогу по всей Башне.

Единственная причина, по которой он был жив, состояла в том, что троица была настороже, изматывая его. Как только он упадет, по словам сул'дам, они с неистовством пройдут сквозь Белую Башню. Это застало бы Айз Седай врасплох. Сегодняшняя ночь могла обернуться катастрофой куда большей, чем первый удар Шончан.

Трое наступали.

Нет! - подумал Гавин, когда один из них попытался провести Реку, Подмывающую Берег. Он прыгнул вперед, замахиваясь мечом. Удивительно, но он действительно попал, и голос вскрикнул в комнате. Кровь забрызгала весь пол при падении одной из размытых фигур.

Двое других пробормотали проклятья, и все уловки, чтобы вымотать его, исчезли. Они атаковали его, оружие замелькало среди темного тумана. Выдохшийся Гавин пропустил еще один удар в плечо, кровь потекла по его руке под куртку.

Тени. Каким образом человек мог ожидать, что станет сражаться против теней? Это было невозможно!

Там, где есть свет, должна быть тень...

Наконец, отчаянная мысль пришла ему в голову. С криком он отпрыгнул в сторону и дернул подушку с кровати Эгвейн. Клинки рубили воздух вокруг него, когда он развернулся и швырнул подушку на светильник, туша его.

Погрузив комнату во тьму. Нет света. Нет теней.

Равенство.

Тьма выравнивала все, и ночью ты не мог видеть цвет. Он не мог видеть кровь на руках, не мог видеть черные тени своих врагов или белизну кровати Эгвейн. Но он мог слышать, как люди двигались.

Он вскинул свой меч в отчаянном ударе, используя Колибри Целует Медвяную Розу, предвидя, куда двинутся Кровавые Ножи. Он больше не отвлекался на их туманные силуэты, и его удар безошибочно поразил цель, погрузившись в плоть.

Он крутнулся, рывком высвобождая клинок.

В комнате повисла тишина, за исключением звука падения человека, которого он ударил. Гавин затаил дыхание, сердце стучало у него в ушах. Где был последний убийца?

Свет не просачивался через дверь в соседнюю комнату; Келарк упал рядом с дверным проемом, заслонив просвет внизу.

Гавин почувствовал слабость. Он потерял слишком много крови. Если бы у него было что-нибудь, чтобы бросить и отвлечь внимание...но нет. Из-за движения могла зашуршать одежда, это выдало бы его.

Так что, стиснув зубы, он постучал ногой и поднял меч для защиты шеи, моля Свет, чтобы атака пришла снизу.

Так и произошло; лезвие вошло глубоко ему в бок. Он принял это с гортанным рычанием, но немедленно обрушился со всеми оставшимися силами. Его меч свистнул и с коротким рывком точно рассек цель. Последовал глухой удар; отрубленная голова отскочила от стены в сопровождении стука упавшего на пол трупа.

Гавин тяжело опустился на кровать, из бока лилась кровь. У него потемнело в глазах, несмотря на то, что об этом сложно было судить в неосвещенной комнате.

Гавин потянулся туда, где, как он помнил, находилась рука Эгвейн, но слишком ослаб, чтобы найти ее.

В следующее мгновение он рухнул на пол. Последняя его мысль была о том, что он так и не узнал, жива ли она или мертва.

- Великая Госпожа, - сказала Кэтрин, стоя на коленях перед Месааной, - мы не можем найти ту вещь, которую Вы описываете.

Половина наших женщин ищет ее, пока другая половина сражается с сопротивляющимися червями. Но ее нигде нет!

Месаана, скрестив руки под грудью, просчитывала ситуацию. Не задумываясь, она хлестнула по спине Кэтрин нитью Воздуха. За провал всегда необходимо наказывать. Последовательность играла ключевую роль во всех формах обучения.

Белая Башня громыхала над ней, однако здесь она была в безопасности. Она навязала свою волю этому месту, создавая новую комнату ниже подвалов, высеченную в камне как гнездо. Дети, которые сражались наверху, очевидно считали себя опытными в обращении с этим местом, но они оставались детьми. До своего заключения она столетие ходила по Тел'аран'риоду.

Башня снова содрогнулась. Она тщательно обдумывала свое положение. Каким-то образом Айз Седай отыскали Шип Снов. Как они обнаружили такое сокровище? Месаана была почти также заинтересованна в том, чтобы завладеть им, как и в том, чтобы получить контроль над этой девчонкой Амерлин, Эгвейн ал'Вир. Возможность запретить открытие врат в своем убежище...Ну, это был необходимый инструмент, особенно когда она решила выступить против других Избранных. Он был более действенным, чем страж, защищавший сон от любого вторжения, и он останавливал все формы Перемещения вовнутрь или извне определенного места, за исключением тех, кому это было разрешено.

Однако, с работающим Шипом Снов она к тому же не могла переместить поле боя с детьми наверху в более подходящее, тщательно выбранное место. Досадно. Но нет, она не позволит себе проявлять эмоции, волнуясь о происходящем.

- Возвращайся наверх и сосредоточь все силы, чтобы захватить эту женщину, Эгвейн ал'Вир, - приказала Месаана. - Она будет знать, где находится устройство.

Да, теперь это было очевидно для нее. Она добилась бы двух побед за один ход.

- Да...Госпожа...- Кэтрин все еще сжималась, плети Воздухи били по ее спине. Ах, да. Месаана коротко взмахнула, распуская плетение. Когда она это сделала, к ней в голову пришла мысль.

- Погоди минутку, - сказала она Кэтрин. - Я хочу поместить плетение на тебя...

Перрин появился на самой вершине Белой Башни.

Губитель держал Прыгуна за шкирку. В боку у волка торчала стрела; кровь стекала по его лапе. Ветер дул сквозь каменные стены, подхватывая капли крови и разбрызгивая их по камням.

- Прыгун! - Перрин сделал шаг вперед. Он все еще мог ощущать разум Прыгуна, однако тот был слаб.

Губитель приподнял волка, с легкостью удерживая его. Он поднял нож.

"Нет." произнес Перрин. "Ты получил, что хотел. Просто уйди."

- И что ты там раньше говорил? - спросил Губитель. - Что ты знаешь, куда бы я мог пойти, и последуешь за мной? Шип Снов слишком легко отследить в этом месте.

Он небрежно швырнул волка в сторону от Башни.

- НЕТ! - закричал Перрин. Он прыгнул к краю, но Губитель возник рядом с ним, хватая его и занося нож. Прыжок сбил их обоих с края Башни, желудок Перрина сжался, когда они упали.

Он попытался переместить себя, но Губитель держался за него, и он через усилия попытался переместить их вместе. Они задрожали на мгновение, но падение продолжилось.

Губитель был очень силен. Он пахнул неправильно, усталостью и волчьей кровью. Его кинжал искал горло Перрина, и лучшее, что Перрин мог сделать поднять руку, чтобы блокировать его, одновременно думая о его рубашке, твердой словно сталь.

Губитель нажал сильнее. Перрин почувствовал слабость, раны на его груди пульсировали, пока он и Губитель падали. Нож разрезал рукав Перрина и врезался в его предплечье.

Перрин закричал. Настолько ветер оглушал. Это длилось секунды. Губитель потянул свободный кинжал.

Прыгун!

Перрин взревел и пинул Губителя, отталкивая его, ломая его власть. Рука горела, Перрин перевернулся в воздухе. Земля мчалась на него. Он представил себя в другом месте, и он появился чуть ниже Прыгуна, ловя волка и врезаясь в землю. Его колени признали оплошность; земля вокруг него разрушилась. Но он опустил Прыгуна благополучно.

Стрела с черным оперением пронеслась от неба и проникая в спину Прыгуну, проходя полностью сквозь волка и доставая Перрина в бедро, которое было согнуто в колене чуть ниже волка.

Перрин завопил, чувствуя собственную боль всмеси с внезапным испытыванием мук Прыгуном. Разум волка исчезал.

"Нет!" послал Перрин, глаза наполнились слезами.

Юный Бык...послал Прыгун

Перрин попытался переместить себя, но его разум был замутнен. Другая стрела скоро упадет. Он знал это. Ему удалось покатиться по дороге, поскольку после удара о землю ноги больше не работали, и Прыгун был довольно тяжел. Перрин приник к земле, прижимая волка, катясь.

Губитель приземлились недалеко, совершая небрежный поклон со взмахом рук. "Прощай, Айбара." Губитель разогнулся.

"Похоже, что я убил пять волков сегодня."

Перрин смерил взглядом стрелу. Все расплывалось.

Я не могу покинуть Фэйли. Я не могу оставить Прыгуна.

Я не могу!

Поскольку Губитель расслабился, Перрин отчаянно вообразил себя сильным, не слабым. Он чувствовал, что его сердце стало снова здоровым, его вены наполнились энергией. Он завопил, голова очистилась достаточно, чтобы заставить себя исчезнуть и оказаться позади Губителя.

Он качнулся с молотом.

Майер повернулся небрежно и блокировал его рукой, которая оказалась чрезвычайно сильна. Перрин упал на одно колено, боль все еще была в ноге. Он задыхался.

"Ты не можешь излечить себя," сказал Губитель. "Есть способы, но просто представление хорошо не сработает. Ты, действительно кажется понял, как пополнить свою кровь, однако, бесполезно." Перрин учуял что-то. Страх. Он был его собственный?

Нет. Нет, там. Позади Губителя был дверной проем, ведущий в Белую Башню, внутри была чернота. Не просто тень, чернота. Перрин имел достаточно практики с Прыгуном, чтобы понять, что это было.

Кошмар.

Поскольку Губитель открыл рот, чтобы сказать что-то, Перрин зарычал и бросился всем весом вперед, врезаясь в Губителя, Его ноги застонали от боли.

Они падали прямиком в темноту кошмара.

Глава 38

Ранения

Огненные фонтаны сверкали по темным коридорам Белой Башни, оставляя скручивающиеся в воздухе следы дыма, густого и едкого. Люди кричали, вопили и сыпали проклятиями. Стены шатались от попаданий зарядов; щебень и куски камня разлетались от плетений Воздуха, созданных для защиты.

Там. Эгвейн отметила место, из которого Черные Сестры кидали огненные шары в коридор. Эванелейн - среди них.

Эгвейн переместилась в комнату следующую за той, где они находились; она могла слышать их с другой стороны стены. Она развела руки и высвободила мощный заряд Земли и Огня прямо на стену, обрушив ее наружу.

Женщина по ту сторону споткнулась и упала,Эванелейн лежала без сознания и окровавленная. Остальные женщины достаточно быстро переместились прочь.

Эгвейн проверила мертва ли Эванелейн. Она была мертва. Эгвейн удовлетворенно кивнула. Эванелейн была одной из тех, кого она больше всего стремилась найти. Теперь, если бы она только могла розыскать Кэтрин или Алвиарин.

Плетения. Позади нее. Эгвейн бросилась на пол, когда огненный шар расцвел над ее головой. Месана, черная ткань обволакивала ее. Эгвейн стиснула зубы и переместилась. Она не посмела принять бой с этой женщиной.

Эгвейн переместилась в кладовку неподалеку, затем она споткнулась, поскольку взрыв встряхнул комнату. Она взмахнула рукой, создавая окошко в двери, и увидела Эмис, промелькнувшую мимо. Хранительница, облаченная в кадин'сор несла копья. Ее плечо кровоточило и почернело. Другой взрыв прогремел рядом с ней, но она исчезла. Взрыв раскалил воздух вокруг, расплавляя окно Эгвейн и вынуждая ее отступить.

Саэрин не ошиблась в своих исследованиях. Несмотря на открытое сражение, Месана не бежала или пряталась, как например Могидин. Возможно, она была уверенна в своей победе. Возможно, что она была напугана; вероятно, ей была нужна смерть Эгвейн, чтобы преподнести победу Темному.

Эгвейн глубоко вдохнула и приотовилась вернуться в бой. Однако,она колебалась, думая о появлении Перрина. Он действовал, как если бы она была новичком. Как он стал таким уверенным, таким сильным? Она не столько была удивлена тем

вещам, что он сделал, сколько тому, что именно он их исполнил.

Его появление было уроком. Эгвейн следует быть очень осторожной, не полагаться на свои плетения. Бэйр не могла направлять, но она была столь же эффективной, как и другие. Тем не менее, похоже, что для некоторых дел плетения были предпочтительней. Например, вынести стену наружу, казалось легче плетением, чем воображением, ведь наложить свою волю на такую большую и плотную поверхность может быть трудно.

Она была Айз Седай и она была Сновидицей. Она использовала оба таланта. Эгвейн осторожно переместилась обратно в комнату, где она видела Месану. Пусто, хотя стена все еще была разрушена. Справа раздался врыв и Эгвейн быстро осмотрелась. Шары огня вылетели позади нее и еще дальше в том направлении, плетения наполнили воздух.

Эгвейн переместилась за спины одной из сражающихся групп и создала для защиты вокруг себя толстый стеклянный купол. Здесь Башня была разрушена и изломана, стены пылали. Эгвейн увидела фигуру, остановившуюся позади груды щебня, одетую в голубое платье.

"Николь?", со злостью подумала Эгвейн. Как она попала сюда? Мне казалось, что я теперь могу ей доверять! Глупая девченка должна была заполучить сновидческий тер'ангриал у одной из проснувшихся.

Эгвейн приготвоилась наброситься и отослать девчонку, но внезапно пол под Николь развалился в языках пламени. Она закричала, подброшенная в воздух, раздробленные камни брызнули вокруг нее.

Эгвейн завопила и бросилась туда, представляя крепкую стену под Николь. Окровавленная девчонка упала, уставившись куда-то невидящим взором. Чертыхаясь Эгвейн встала рядом с ней на колени. Та не дышала.

"Нет!", закричала Эгвейн.

"Эгвейн Ал'Вир! Осторожно!", она услышала голос Мелейн.

Встревоженная Эгвейн обернулась, когда позади нее появилась толстая гранитная стена, защитившая ее от нескольких огненных взрывов. Рядом с Эгвейн появилась Мелейн, одетая во все черное, и ее кожа была очень темной. Она пряталась в тенях около коридора.

"Здесь становится слишком опасно для тебя", сказала Мелейн. "Оставь это нам." Эгвейн бросила взгляд ниже, тело Николь исчезло. Глупое дитя! Она поискала взглядом рядом со стеной двух Черных Сестер, Алвиарин и Рамолу, она стояли спина к спине и создавали во всех направлениях разрушительные плетения. Позади них была комната. Эгвейн могла поступить так

же, как и несколько раз до этого, прыгнув в комнату, уничтожая стену и поражая их...

"Глупое дитя", сказала Бэйр, твои уловки очевидны.

Именно этого Месана ждала от нее. Две Черных Сестры были приманкой.

Эгвейн прыгнула в комнату, но прижалась спиной к стене. Она освободила сознание, ждущая и напряженная.

Месана появилась, как это делала и раньше. Эта трепещущая черная ткань впечатляла, но в то же время это было глупо. Это требовало поддержания мыслями. Эгвейн смотрела в удивленные глаза женщины и видела, что она готовит плетения.

Они не затронут меня, уверенно думала Эгвейн. Белая башня - ее. Месана и ее подручные вторглись, убив Николь, Шеван и Карлинию.

Плетения рванулись вперед, но они обогнули Эгвейн вокруг. Вмиг Эгвейн стала одета в одежду Хранительницы Мудрости. Белая блузка, коричневая юбка, платок на плечах. Она представила копье в руке, айильское копье, и она метнула его точным движением.

Копье пронзило плетения Огня и Воздуха, взорвав их, а затем ударило что-то прочное. Стена воздуха перед Месаной. Эгвейн отказалась признавать ее. Этой стене здесь не место. Она не существует.

Копья прекратило замедление и рванулось вперед, поражая Месану в шею. Глаза женщины широко открылись, и она упала на спину с кровью бьющей из раны. Черные полосы, крутящиеся вокруг нее исчезли полностью, как и платье. Так это было плетение. Потемневшее лицо Месаны превратилось в. . .

Кэтрин? Эгвейн нахмурилась. Месана все это время была Кэтрин? Но та была черной, и бежала из Башни. Она не осталась, и это означало -

Нет, думала Эгвейн. Меня провели. Она -

В этот момент, Эгвейн почувствовала, как что-то защелкнулось вокруг ее шеи. Что-то холодное и металлическое, что-то знакомое и страшное. Источник моментально покинул ее, потому что ей больше не было позволено удерживать его.

Она повернулась в ужасе. Женщина с темными волосами длиной до подбородка и синими глазами стояла рядом с ней. Она не выглядела очень внушительно, но она была очень могуча в Силе. И ее запястье несло браслет, связанный поводком с обручем вокруг шеи Эгвейн.

Айдам.

"Отлично", сказала Месана. "Вы такие непослушные детишки." Она неодобрительно прищелкнула языком. Вмиг, она возникла в

другом месте, забирая Эгвейн с собой. Камера без окон, выглядела, как будто была вырезана прямо внутри камня. Не было даже двери.

Алвиарин ждала здесь, в бело-красном платье. Женщина сразу же упала на колени перед Месаной, хотя и метнула довольный взгляд на Эгвейн.

Эгвейн это еле заметила. Она стояла, застыв, волны панических мыслей затопляли ее разум. Она снова поймана! Она не сможет этого вынести. Она умрет, прежде чем позволит этому случиться. Образы мелькали в ее голове. Замкнутая в комнате, неспособная двинуться дальше нескольких футов до противодействия айдама. На правах животного, с заползающим чувством, что она в конце концов сломается, станет в итоге именно такой, какой они захотят от нее.

О, Свет. Она не вынесет этого снова. Только не это.

"Скажи тем наверху отступать", спокойным голосом Месана обратилась к Алвиарин. Эгвейн едва воспринимала слова. "Глупцы, и их выступление было жалким. Они получат наказание."

Это было как с Могидин, которая была захвачена Найнив и Илейн. Ее держали в плену, вынуждая поступать так, как от неё требовали. Эгвейн будет страдать также! Фактически, Месана могла бы использовать к ней принуждение. И тогда Белая башня будет полностью в руках Отрекшейся.

Эмоции захлестнули. Эгвейн обнаружила, что пытается сорвать ошейник, забавляя тем самым Месану и Алвиарин.

Этого не могло произойти. Это был кошмар. Э—

Ты Айз Седай. Прошептал ей внутренний голос, при всей своей мягкости, слова эти были сильны. И они находились глубоко внутри нее. Этот голос был сильнее, чем ужас и страх.

"Теперь", сказала Месана. "Мы поговорим о шипе сновидений. Где он?"

Айз Седай это невозмутимость, Айз Седай это контроль, независимо от ситуации. Эгвейн отняла руки от ошейника. Она не проходила испытания, да и не планировала это. Но, если бы пришлось, что если бы ее заставили побывать в такой ситуации? Сломалась бы она? Показала бы себя недостойной поста, на который замахнулась?

"Не говоришь, понятно", - произнесла Месана. "Ну чтож, это можно исправить. Это ай`дам. Такое замечательное устройство. Семираг была замечательно удивительна, обратив моё внимание на них, даже если сделала это нечаянно. Бедняга, она погибла раньше, чем я успела испытать устройство на её шее."

Жгучая, как огонь под кожей, боль пронзила тело Эгвейн.

Глаза наполнились влагой.

Но она уже испытывала боль и раньше, отвечая смехом на избиения. Она была в плену в Белой Башне, и плен не остановил ее.

Но здесь другое! Большая часть ее была в ужасе. Это а'йдам! Я не выдержу этого!

Айз Седай выдержит, ответил ей внутренний голос. Айз Седай выдержит все, ибо только тогда она действительно будет слугой для всех.

"Сейчас же", сказала Месана. "Говори, где ты спрятала это устройство!"

Эгвейн контроллировала свой страх. Это было не просто. Свет, это было очень даже сложно! Но она сделала это. Её лицо стало спокойным. Она бросала вызов ай`дам, и не давала ему взять над собой верх.

Месана смутилась, нахмурившись. Она встряхнула привязь, и ещё большие волны боли затопили Эгвейн.

Она заставила их исчезнуть. "Мне пришло в голову, Мессана", спокойно сказала Эгвейн, "что Могидин сделала ошибку. Она приняла айдам!"

"О чем ты...."

"Это место, где ай`дам так же бессмысленнен, как и плетения, которые могут быть предотвращены. " выговорила Эгвейн. "Это всего лишь кусок металла. И они смогут остановить тебя, только если ты поверишь в это". Ай`дам раскрылся и спал с её шеи.

Месана смотрела, как он упал на землю, с металлическим звоном. Ей лицо вытянулось, но не выражало эмоций, когда она посмотрела на Эгвейн. Это производит впечатление, но она не запаниковала. Глаза отрекшейся выражали полное безразличие и сложив руки она произнесла:

- Видно ты успела здесь попрактиковаться.

Эгвейн встретила её пристальный взгляд.

-Ты все еще дитя, - Мессана.

-Ты думаешь, что можешь делать лучше меня? - улыбнулась она.

-Я странствовала по ТелАранРиоду, куда дольше, чем ты можешь себе представить. Тебе сколько? Всего двадцать лет.

-Я Амерлин, - Эгвен.

- А Амерлин не ребёнок.

- Амерлин в Башне, которая продержалалась тысячи лет, - сказала Эгвейн. Тысячи лет проблем и хаоса. Кроме того, большую часть своей жизни ты жила в мире и спокойствие, без борьбы. Любопытно, что ты думаешь о себе, как об очень сильной, хотя большая часть твой жизни была такой беспечной.

- Беспечной, да ты ничего не знаешь!, выплюнула Месана.

Не сломать ее взглядом. Егвейн почувствовала, как что-то давит на нее, такое уже было раньше. Будто Мессана требует ее подчинения, мольбы. Попытка использовать Теларанриод, изменить то, как Егвейн мыслит.

Месана была сильной. Но сила в таком месте является материей неустойчивой. Месана своей волей будет давить на неё. Но Эгвейн смогла победить Ай`дам. Она сможет противостоять и этому.

- Ты склонишься передо мной, - сказала Месана спокойно.

- Ты ошибаешься,- ответила Эгвейн,с большим напряжением в голосе.

- Это может быть со мной, Эгвейн Ал`Вир - ребёнком, но не с Амерлин. Я может быть и юная, но эта Должность древняя.

Ни одна из женщин не отводила взгляда. Эгвейн начала сама наступать своей волей, стремясь заставить Месану поклониться перед ней, перед Амерлин. Воздух начал становиться тяжёлым вокруг них, и Эгвейн он казался густым, когда она его вдыхала.

- Возраст здесь неуместен, - сказала Эгвейн. - Что касается этого пространства, то здесь даже опыт не имеет значения. В это месте имеет значение лишь то, что каждый человек из себя представляет. Амерлин это Белая башня, а Белая башня никогда не согнётся. Она бросает вызов тебе, Месана, и твоей лжи.

Две женщины. Их взгляды нашли друг друга. Эгвейн перестала дышать. Ей не надо дышать. Она полностью сосредоточенна на Месанне. Пот струился по телу Эгвейен, каждый мускул был напряжён до предела, так сильно она противостояла воле Месаны.

И Эгвейн знала эту женщину, это исчадие было мелким насекомым толкающим огромную гору. Эта гора не могла быть сдвинута с места. На самом деле бороться с этим очень сложно, но...

Что то изменилось, в комнате стало тихо.

Эгвейн задышала, чувствуя, как воздух восстанавливается в нормальное состояние. Мессана упала, как кукла из полосок ткани. Она плашмя упала на землю, ее глаза были все еще открыты, изо рта выступило немного слюны.

Эгвейн села, оглушенная, вдыхая и выдыхая. Она посмотрела в сторону, где лежал отброшенный айдам. Он исчез. Потом она снова посмотрела на Мессану, которая лежала неподвижно. Ее грудь по прежнему немного поднималась и опускалась от дыхания, но она смотрела невидящими глазами.

Эгвейн долго лежала восстанавливаясь, с момента окончания борьбы, и вновь охватила источник. Она сплела поток воздуха,

подняла Отрекшуюся, и переместила себя и женщину обратно на верхние этажи башни.

Женщины, вздрогнув, повернулись к ней. Весь зал здесь был усыпан каменной крошкой, но все кого видела Эгвейн были свои. Мудрые повернулись к ней. Найнив пробиралась через завалы. Суан и Лианна имели несколько подпалин на лицах, но выглядели сильными.

"Мать," сказала Суан, облегченно выдохнув. "Мы стали опасаться..."

"Кто это?" - спросила Мелэйн, подходя к Месанне, повисшей безвольно в воздушных плетениях и смотрящей в землю. Женщина залепетала внезапно, как ребёнок, с пустыми глазами, рассматривая кусок гобелена, оставшегося после огня.

"Это она," сказала Эгвейн устало. "Месана."

Мелэйн повернулась к Эгвейн, с широко раскрытыми от удивления глазами.

"О, Свет!" воскликнула Лианна. "Что ты с ней сделала?"

"Я видела такое прежде," произнесла Бэйр, исследуя женщину. "Саммана, одна из Мудрых сновидцев, из моей юности Она столкнулась с чем-то во сне что сломало её разум". Мудрая заколебалась. "Она провела остаток дней прогуливаясь по миру и пуская слюни, при этом она нуждалась в смене белья, т.к. неспособна была за этим следить. Она больше никогда не говорила, меньше слов, чем можно услышать от младенца, который едва начал ходить."

"Возможно, настало время перестать думать о тебе, как об ученице, Эгвейн ал`Вир", сказала Эмис.

Найнив стояла, уперев руки в бока, выглядя впечатляюще, но при этом продолжая удерживать Источник. Её коса во Сне вновь была положенной длины.

- Другие исчезли, сказала Найнив.

- Месана приказала им отступать, ответила Эгвейн.

- Они не могли уйти далеко, - предположила Суан, - Купол всё ещё здесь.

- Да, - поддержала Бэйр. - Но время этой битвы прошло. Соперники побеждены. Мы поговорим ещё, Эгвейн ал`Вир.

Эгвейн кивнула. "Я согласна с обоими пунктами. Бэйр, Эмис, Мелэйн, спасибо Вам за столь необходимую поддержку и помощь. Вы приобрели много Джи в этом деле, я перед вами в долгу."

Мелэйн проследила как Эгвейн отсылала себя из сна. - Я полагаю, что это мы, да и весь мир, теперь в долгу у тебя, Эгвейн ал`Вир.

Другие поклонились, и также как Эгвейн исчезли из Теларанриода, она слышала ворчанье Бэйр, "Какой позор, что она

не вернулась к нам."

'Перрин пробегал сквозь толпы испуганных людей, в горящем городе. Тар Валон. Весь город был в огне! Горели даже камни, небо окрасилось в темно-красный цвет. Земля дрожала, как раненый в шею, дергающийся и махающий лапами леопард. Перрин запнулся, так как из пропасти, открывшейся перед ним, вверх подымались сверкающие языки пламени, опаляя волосы на его руках.

Люди кричали, поскольку некоторые упали в эту ужасную расщелину, сжигающую, не оставляя даже пепла. Внезапно людские тела беспорядочно заполонили землю. Справа от него, красивое здание с арочными окнами начало таять, камень превращался в лаву, которая сочилась из швов и отверстий здания.

Перрин поднялся на ноги. Это не реально.

"Тармон Гай'дон!" вопили люди. "Последняя Битва началась! Это конец всему! О,Свет, конец всему!"

Перрин пошатнулся, подтянув себя к куску камня, он попытался устоять. Его рука болела, и его пальцы не могли ничего удержать, но худшая рана была в его ноге, где его поразила стрела. Его брюки и куртка были влажными от крови, и его нос чувствовал сильный запах его же собственного ужаса.

Он знал, что этот кошмар не был реален. И все же, как можно не чувствовать ужас всего этого? На западе, Драконова гора, вздымаясь в небо извергала хлопья сердитого дыма. Вся гора, казалось, была в огне, красные реки стекали вниз по ее склонам. Перрин мог чувствовать, ее предсмертные судороги. Сломанные здания, дрожали, таяли, разрушались. Люди умирали, пораженные камнями или сгорали заживо.

Нет. Ему нельзя быть втянутым в это. Земля вокруг него изменилась, вместо сломанных булыжников - аккуратные плитки; вход для слуг в Белую Башню. Перрин заставил себя идти ногами, он создал палку, чтобы прихрамывая, опираться на нее.

Он не разрушил кошмар; он должен был найти Губителя. В этом ужасном месте Перрин может получить преимущество. Губитель был очень опытен в Тел'Аран'Риолде, даже - если Перрину улыбнется удача - достаточно опытен, чтобы избегать кошмаров в прошлом. Возможно, он был поражен этим кошмаром, и вовлечен в него.

Неохотно, Перрин ослабил свою решимость, позволяя себе быть вовлеченным в кошмар. Губитель может быть поблизости. Перрин остановился на улице, держась на расстоянии от здания с кипящей лавой, льющейся из его окон. Было трудно игнорировать крики ужаса и боли. Просьбы о помощи.

Это должно быть там, подумал Перрин, подходя к переулку. Губитель стоял внутри, с опущенной головой, и рукой касаясь одной из стен. Поверхность земли рядом с ним обрывалась трещиной, с кипящей магмой на дне. Люди, крича цеплялись за край провала. Губитель игнорировал их. Там где его рука касалась стены, она начала изменяться от побеленного кирпича до серого камня интерьера Белой Башни.

тер`ангриал все еще висел у пояса Губителя. Перрин должен двигаться быстро -

Стена таяла от жары, Перрин подумал, фокусируясь на стене рядом с Губителем. Здесь было легче менять такие вещи — они были созданы кошмаром.

Губитель сыпал проклятиями, держа перед собой руку, поскольку стена все больше раскалялась. Земля под ним грохотала, и глаза его были широко раскрыты в тревоге. Он оглядывался на разлом вокруг себя, созданный Перрином. В тот момент Перрин видел, что Губитель полагал — для этого места — что кошмар был реален. Губитель отступил подальше от разлома в стене, поднимая руку против высокой температуры, думая что это реально.

Губитель исчез с мерцанием глаз, появляясь около того, что висело выше разлома. Кошмар создал это, засасывая его в свои илюзии, заставляя его играть роль в своих страхах. Это почти затянуло Перрина, тоже. Он чувствовал себя колебающимся, почти поверившим в высокую температуру. Но нет. Прыгун умирал. Он не может потерпеть неудачу!

Перрин представил как будто он кто-то другой. К примеру Ази Ал'Тон, один двуреченцев. Перрин усилием мысли одел себя в жилет, белую рубашку и брюки, точно такие же как были на людях, которых он видел здесь на улице, такую одежду не носят те кто трудится в Эмондовом Лугу. Это было на пределе его возможностей. Его сердце забилось быстрее, и он остановился, поскольку земля грохотала. Если бы он позволил кошмару полностью захватить себя, то он бы закончил как Губитель.

Нет, подумал Перрин, заставляя себя удерживать память о Фейли в своём сердце. Это его дом. Его лицо может измениться, мир может сотрясаться, но это останется его домом.

Он побежал к краю разлома, жар становился невыносимым, действуя на него так, будто он был частью кошмара. Он в ужасе закричал, достигнув спуска, что бы помочь упавшим. Хотя он и достиг кого-то помимо этого, Губитель, выругавшись, схватил его за руку, пытаясь выкарабкаться на верх.

И пока он полз, Перрин выхватил у него тер'ангиал. Губитель взобрался по нему, оказавшись в относительной безопасности.

Незаметно Перрин создал кинжал в своей руке.

"Чтоб мне сгореть" прорычал Губитель "Я ненавижу такие вещи." Внезапно, местность вокруг них покрылась плитками.

Перрин встал, держась за посох, чтобы сохранить равновесие и постарался казаться напуганным, что было не сложно сделать. Он начал идти спотыкаясь мимо Губителя. В этот момент мужчина с суровым лицом посмотрел вниз и увидел тер'ангиал в руках Перрина.

Его глаза широко открылись. Перрин ударил левой рукой, погружая нож в живот Губителя. Тот закричал, отпрянув назад, держа руку на животе. Кровь потела по его пальцам.

Губитель стиснул зубы. Кошмар искривился вокруг него. Это скоро разорвёт его. Губитель справился с этим и опустил окровавленную руку, его глаза пылали гневом.

Перрин едва удерживал равновесие даже с посохом. Он был серьёзно ранен. Земля содрогалась. Рядом с ним возник разлом в земле, он извергал жар и лаву, как...

Перрин сорвался с места. Как Гора Дракона. Он посмотрел на тер'ангиал в своих руках. Кошмары людей сильны. Голос прыгуна шептал в сознании Перрина. Такие же сильные, как...

Как Губитель, движущийся к нему, Перрин стиснул зубы и швырнул терангриал в поток лавы.

"Нет!" закричал Губитель, реальность вновь появилась вокруг него. Кошмар взорвался, его последние остатки исчезли. Перрин опустился на холодный, покрытый плиткой пол в маленькой прихожей.

Недалеко вправо от него на земле лежал расплавленный кусок металла. Перрин улыбнулся.

Как и Губитель, терангриал был здесь, проекцией от реального мира. И как человек, здесь,он может быть разбит или уничтожен. Фиолетовый купол над ними исчез.

Губитель зарычал, а затем выпрыгнул вперед и ударил ногами в живот Перрину. Его раны на груди, вспыхнули от боли. За ним последовал другой удар. У Перрина усиливалось головокружение.

Иди, Юный Бык, пришло послание от Прыгуна, голос его был слаб. Убегай.

Я не могу оставить тебя!

И тем не менее. . . Я должен оставить тебя.

Нет!

Ты нашел свой ответ. Ищи Безграничного. Он... объяснит... этот ответ.

Перрин моргнул сквозь слезы, когда получил следующий удар. Он закричал, когда послание Прыгуна, такое утешительное,

такое родное, исчезло из его сознания.

Пропал.

Перрин мучительньо закричал. Голос дрожал, в глазах застыли слезы, Перрин пожелал выйти ил волчьего сна. Убегая как последний трус.

Эгвейн пробудилась со вздохом. Глаза еще закрыты, она дышит. Битва с Месаной оставила в ее сознании напряжение, более того, у нее была раскалывающая головная боль. Она почти потерпела поражение. Ее планы осуществились, но бремя совершенного заствило ее чувствовать себя умозрительной, даже немного сокрушенной.

Тем не менее, это великая победа. Она должна будет отыскать в Белой Башне женщину, которая проснулась и теперь имеет сознание ребенка. Она почему-то знала, что это не то, отчего Месана смогла бы оправится. Она знала это еще даже до того, как Бэйр произнесла свои слова.

Эгвейн открыла свои глаза в приятно темной комнате, продумывая, как она созавет Совет и объяснит, почему же Шеван и Карлиния больше никогда не проснутся.

Она уделила момент на скорбь по ним, пока садилась. Она рассказала им об опасностях, но все же чувствовала себя так, словно подвела их. И Николь, которая всегда пыталась двигаться быстрее, чем должна. Ее не должно было быть там. Это...

Эгвейн помедлила. Что это был за запах? Разве она не оставила светильники зажженными? Должно быть, они выгорели. Эгвейн обняла Источник и сплела шар из света, повисший над ее рукой. Она была потрясена тем, что ей открылось.

Полупрозрачные занавеси над ее кроватью были заляпаны красной кровью, а на полу валялись пять тел. Трое были в черном. Еще одним был незнакомый ей юноша в форме Гвардии Башни. Последний был одет в красивые бело-красные куртку и штаны.

Гавин!

Эгвейн вскочила с кровати и опустилась на колени рядом с ним, не обращая внимания на свою головную боль. Его дыхание было неглубоким, а в боку зияла рана. Эгвейн сплела Землю, Дух и Воздух в Исцеление, но в этой области она была далеко не Талантлива. В панике она продолжала работать. Кожа частично вернула цвет, и раны начали затягиваться, но ее усилий было недостаточно.

- Помогите! - закричала она. - Амерлин нужна помощь!

Гавин пошевелился.

- Эгвейн, - прошептал он, его глаза с трепетом открылись.

- Тише, Гавин. С тобой все будет в порядке. На помощь! К

Амерлин!

- Ты...оставила недостаточно света, - шептал он.

"Что?"

"Я посылал сообщение..."

"Мы не получали никакого сообщения ", сказала она." Молчи. Помогите! "

"-Поблизости никого нет. Я кричал. Лампы ... это хорошо... ты не..." Он улыбнулся, изумленно. "Я люблю тебя".

"Лежи," сказала она. Свет! Она плакала.

Хотя, убийцы не были посланы вашими Отрекшимися, сказал он, глотая слова. "Я был прав".

И он был прав: что за незнакомая черная униформа? Шончане?

Я должна была умереть, поняла она. Если бы Гавин не остановил этих убийц, она была убита во сне и исчезла бы из Теларанриода. Она никогда бы не убил Мессану.

Она почувствовала, что чувство победы полностью испарилось.

"Мне очень жаль", сказал Гавин закрывая глаза, "я не подчинился вам." Он умирал.

"Все будет хорошо, Гавин", сказала она, мигая от слез. "Я собираюсь связать тебя сейчас. Это единственный путь."

Он сжал ее руку чуть сильнее.

- Нет. Если ты...не хочешь...

"Дурачок", сказала она, готовясь плести плетение. "Конечно, я хочу, чтобы ты стал моим стражем. Я всегда хотела.".

"Поклянись"

"Я клянусь в этом. Я клянусь, что я хочу, чтобы ты, был моим стражем, и моим мужем". Она положила руку ему на лоб и совершила плетение на нем. "Я люблю тебя".

Он ахнул. И.., она могла чувствовать его эмоции, и его боль, как если бы они были ее собственные. И, в свою очередь, она знала, что он мог чувствовать истинность ее слов.

Перрин открыл глаза и глубоко вздохнул. Он плакал. Плачут ли спящие люди, когда видят обычные сны?

- Хвала Свету, - сказала Фэйли. Когда он открыл глаза, то увидел ее и кого-то еще, стоявших на коленях рядом с ним. Масури?

Айз Седай схватила голову Перрина руками, и он почувствовал ледяной холод Исцеления по всему телу. Раны на его ноге и поперек груди затянулись.

- Мы пытались Исцелять тебя, пока ты спал, - сказала Фэйли, баюкая голову Перрина на своих коленях. - Но Эдарра остановила нас.

- Нельзя так делать. Да и не сработало бы, в любом случае. - Это был голос Хранительницы Мудрости. Перрин мог слышать ее где-то в палатке. Он заморгал. Он лежал на своей койке. Снаружи было темно.

- Прошло больше часа, - сказал он. - Вы уже должны были уйти.

- Тише, - ответила Фэйли. - Переходные врата снова заработали, и почти все Переместились. Остались только несколько тысяч солдат - Айил и двуреченцы, в основном. Думаешь, они могли уйти, думаешь, я могла бы уйти без тебя?

Он сел, вытирая лоб. Тот был влажным от пота. Он попытался заставить его исчезнуть, как в волчьем сне. Разумеется, безуспешно. Эдарра стояла у дальней стены за его спиной. Она смотрела на него оценивающим взглядом.

Он повернулся к Фэйли.

- Мы должны уходить, - сказал хриплым голосом. - Губитель не стал бы работать в одиночку. Тут будет ловушка, может быть, армия. Кто-нибудь с армией. Они могут попытаться нанести удар в любой момент.

- Ты можешь встать? - спросила Фэйли.

- Да.

Он чувствовал слабость, но справился с помощью Фэйли. Зашуршала откидная дверь, и вошла Чиад, несущая кожаный мех с водой. Перрин с благодарностью принял его и начал пить. Это утолило его жажду, но боль все еще горела внутри него.

Прыгун...Он опустил мех с водой. В волчьем сне смерть была окончательной. Куда могла пойти душа Прыгуна?

"Я должен продолжать двигаться вперед, - подумал Перрин. - Увидеть, что мои люди в безопасности." Он подошел к выходу из палатки. Его ноги становились более твердыми.

- Я вижу твою скорбь, муж мой, - сказала Фэйли, идя рядом с ним и держа его за руку. - Что случилось?

- Я потерял друга, - тихо ответил Перрин. - Во второй раз.

- Прыгуна? - От нее пахло страхом.

- Да.

- Ох, Перрин, мне очень жаль. - Ее голос был полон нежности, когда они вышли из палатки. Она одиноко стояла на лугу, который когда-то занимали его войска. Коричневая и зеленая трава все еще хранила отпечатки от палаток, дорожки, вытоптанные до грязи, образовывали крестообразный узор. Это походило на макет города, здания объединялись в кварталы, разделявшие их линии превращались в мостовые. Но теперь, в отсутствие людей, тут было практически пусто.

Грохочущее небо было темным. Чиад зажгла лампу, чтобы

осветить траву перед ними. Несколько отрядов солдат ожидали. Девы вскинули свои копья, когда увидели его, а затем ударили ими по щитам. В знак одобрения.

Дуреченцы тоже были там, собираясь вокруг как только прошел слух. Сколь многое они понимали из того, что он сделал сегодня вечером? Двуреченцы приветствовали его, и Перрин кивнул им, чувствуя себя, однако, как на иголках.Тут все еще оставалась неправильность, витая в воздухе. Он предполагал, что ее вызывал Шип Снов, но, очевидно, ошибся. Воздух пах как Запустение.

Аша'маны стояли там, где раньше находился центр лагеря. Они повернулись, когда Перрин подошел, и отсалютовали ему, прижав руки к груди. Кажется, они были в хорошей форме, несмотря на то, что Переместили практически весь лагерь совсем недавно.

- Вытаскивайте нас отсюда, парни, - сказал им Перрин. - Я не хочу задерживаться ни на минуту в этом месте.

- Да, милорд, - ответил Грэйди с нетерпением в голосе. Сосредоточенность отразилась на его лице, и небольшие переходные врата открылись рядом с ним.

- Вперед, - сказал Перрин, махнув двуреченцам. Они преодолели врата быстрым шагом. Девы и Гаул ожидали с Перрином, как и Илайас.

"Свет, - думал Перрин, изучая поле, где они стали лагерем. - Я чувствую себя как мышь под пристальным взглядом ястреба."

- Я так полагаю, что ты мог бы создать для нас какой-нибудь свет, - обратился Перрин к Неалду, стоявшему рядом с вратами.

Аша'ман склонил голову, и около него появилась группа светящихся шаров. Они молниями разлетелись по всему лугу.

Они ничего не высветили. Только покинутый лагерь. Наконец, последние из войск прошли колонной сквозь переход. Перрин и Фэйли пересекли врата, Гаул, Илайас и Девы последовали за ними. Последними оставили это место Аша'маны, ушедшие вместе.

Воздух по другую сторону врат был прохладным и освежающе чисто пах. Перрин даже не представлял, как сильно запах зла беспокоил его. Он глубоко вдохнул. Они находились на возвышенности недалеко от россыпи огней около реки, которые, вероятно, обозначали Беломостье.

Его войска приветствовали его, когда он шагнул сквозь врата. Большой лагерь уже был практически развернут, стража стояла на своих постах. Переход вел на широкую площадку, отмеченную столбами точно по краям.

Они вырвались. Цена была велика, но они вырвались.

Грендаль откинулась на спинку стула. Кожаная подушка внизу была обита молодым каллиром, особи в эту Эпоху, жили только в Шаре. Она едва обратила внимание на роскошь.

Слуга – единственный, которого дал ей на время Моридин – стоял преклонив одно колено перед ней. Глаза его были живыми, и только наполовину опущены. Этот был под контролем, но не полностью. Он знал, что он уникален.

Кроме того, он, казалось, знал, что его отказ может обернуться против Грендаль. Грендаль не потела. Она была слишком сконцентрирована для этого. Жалюзи на широком окне, красные в кирпичной комнате внезапно распахнулись, холодный морской ветер пронесся по комнате, и задул несколько ламп. Щупальца дыма поднялись с их фителей.

Она не может проиграть.

"В любом случае, пустите в ход ловушку", отдала приказ она.

"Но - " сказал слуга.

"Сделай это, и не говорю никому из избранных об этом, собака."

Слуга опустил глаза, хотя в них по прежнему были мятежные искры.

Неважно. У нее все еще был один инструмент в запасе, тот, который она так аккуратно разместила. Тот, который она приготовила для момента, подобного этому.

Это требовалось сделать тщательно. Айбара был та'вереном, и настолько сильным, чтобы выглядеть пугающим. Выпущенные издали стрелы могли промахнуться, и задумавшись на мгновение передышки, он почуял бы опасность и сбежал.

Ей нужна была буря с ним в центре. И тогда меч опустится. Еще не конец, Падший Кузнец. Ни на дюйм и ни на лигу.

Глава 39

В Трёхкратной земле.

Авиенда снова чувствовала себя отлично. Было в Трекратной земле совершенство, которое успокаивало. Мокроземцы думали, что пустыня - однообразная земля, одинаковый пейзаж серого цвета, но Авиенда находила его красивым. Простые желто-коричневые цвета. Они знакомы и надежны, не то что в мокрых землях, где и пейзаж и погода меняется каждый раз, когда ты оборачиваешься.

Авиенда бежала вперёд в наступающей ночи, ноги стучали по пыльной земле. Первый раз за много месяцев, она чувствовала себя одинокой. В мокрых землях у неё всегда было такое чувство, будто за ней следят невидимые и готовые к атаке враги.

Не то, чтобы Трёхкратная земля была безопаснее. И близко нет. Та прогалина в тени надра-скрух была логовом смертельно-ядовитых змей. Если пошевелить длинный тонкие ветки змея ужалит. Она видела как пятеро, умерли от таких укусов. Логово было лишь одной из многих угроз, которые она миновала на пути к Руидину. Но эти угрозы были понятны. Она могла их видеть, оценить и избежать. Если она умрёт от укуса змеи, ил упадёт на землю от жары - вина будет только её.

Всегда лучше встретить врага лицом к лицу или угрозу, которую можешь увидеть, чем бояться той, которая спрятана за лицами мокроземских лжецов.

Она продолжила бег, несмотря на начало сумерек. Приятно было снова потеть. Люди не достаточно потеют в мокрых землях, наверное именно это сделало их такими необычными. Вместо того, чтобы позволить солнцу согревать их, они ищут прохлады. Вместо того, чтобы отправиться в подходящую палатку-парильню, чтобы помыться, они окунают себя в воду. Это не может быть полезным для здоровья.

Она не стала бы лгать себе. Авиенда сама принимала участие во всём это блеске и ей доставляли удовольствие ванны и тонкие платья, которые Илэйн заставляла её одевать. Только признав свои слабости можно побороть их. Теперь, когда она бежала слегка под уклон по Трёхкратной земле, взгляды Авиенды вернулись.

Наконец она замедлилась. Не очень мудро путешествовать ночью и спать во время дневной жары, как бы это не было заманчиво. Неверный шаг в темное может окончить твою жизнь.

Она быстро собрала несколько веточек тала и немного коры ина'та, и затем расположилась на ночлег у огромного камня.

Вскоре костёр загорелся. Оранжевый свет отражался от скалы, возвышавшейся над ней. Ранее она поймала небольшую черепаху и теперь разделала её, сняла кожу, а затем насадила на шампур. Не ахти какой деликатес, но вполне удовлетворительно.

Авиенда устроилась на земле, глядя как трещат дрова, чувствуя запах мяса. Да, она была рада, что не Переместилась прямо к Руидину, а вместо этого потратила время, ценное между прочим время, на бег по Трёхкратной земле. Это помогло ей увидеть чем она была и чем стала. Авиенды - Девы больше не было. Она приняла свою судьбу быть Хранительницей мудрости и это вернуло её честь. У неё снова была цель. В качестве Хранительницы мудрости она могла помочь вести своих людей в эти, пожалуй, самые сложные времена.

Когда всё закончится, её люди должны вернуться в Трёхкратную землю. Каждый день в мокрых землях делал их слабее. Она сама была чудесным примером. Она стала мягче там. Как можно не стать мягче в тех местах? Эти места должны быть покинуты. Скоро.

Она улыбнулась, устраиваясь поудобнее и закрывая глаза на секунду, позволяя улетучиться дневной усталости. Её будущее казалось куда более определенным. Она направлялась в Руидин, чтобы пройти через хрустальные колонны, затем вернуться и заявить свои права на частичку сердца Ранда. Она будет сражаться в Последней Битве. Она поможет сохранить остатки тех Айил, кто выживет, чтобы затем привести их домой. Туда, где они будут ощущать себя на своем месте.

Из темноты донесся звук.

Авиенда открыла глаза и подпрыгнула, охватывая Источник. Часть ее была рада, что она теперь инстинктивно обращалась к Единой Силе, а не к копьям, которых у нее не было. Она сплела шар из света.

Женщина стояла в темноте поблизости, облаченная в одеяние аил. Не кадинсор или одежда хранительницы мудрости, но нормальная одежда: темная юбка и коричневая блуза и платок, покрывающий ее седеющие волосы. Она была средних лет, и не имела никакого оружия.

Авиенда оглянулась по сторонам. Была ли это засада? Или эта женщина была привидением? Одна из ходячих мертвецов? Почему Авиенда не услышала как та приблизилась?

"Приветствую, хранительница мудрости," сказала женщина, наклоняя голову. "Могу ли я разделить воду с тобой? Я иду издалека, и увидела твой огонь." Женщина имела морщинистую

кожу, и она не могла направлять -Авиенда могла ощутить это легко.

- Я ещё не Хранительница мудрости, осторожно ответила Авиенда. - Я как раз на моём втором пути в Руидин.

- Тогда скоро ты обретёшь много чести, сказала женщина, - Я Накоми. Клянусь, я не причиню тебе зла, дитя.

внезапно Авиенда почувствовала себя глупо. Женщина приблизилась без оружия.Авиенда была просто поглощена своими мыслями, поэтому то и не услышала приближения Накоми."Конечно. пожалуйста"

"Спасибо" сказала Накоми, вступая в круг света и пристраивая свою сумку около небольшого костра. она щелкнула языком, потом достала несколько веточек из сумки и бросила в огонь. Она сняла котелок для чая и спросила: "Можно мне немного этой воды?"

Авиенда вынула свой бурдюк для воды. Она вряд ли могла поделиться хотя бы каплей - она все еще была в нескольких днях от Руидина - но это будет оскорблением не ответить на просьбу после предложения разделить воду.

Накоми взяла бурдюк и наполнила свой чайник, который потом поместила рядом с огнем, чтобы нагреть. "Неожиданное удовольствие" сказала Накоми, роясь в сумке " встретить на своем пути ту, которая идет в Руидин. Скажи мне, твое ученичество было долгим?"

"Слишком долго", сказала Авиенда. "Хотя в первую очередь из-за моего собственного упрямства".

Ах" сказала Накоми." У тебя аура воина, дитя. Скажи, ты была среди тех кто отправился на запад? Тех кто присоединился к тому, чьё имя Кар'а'Карн?"

Он и есть Кар'а'карн" Сказала Авиенда

" Я и не говорила, что это не он" сказала Накоми удивленно. Она достала немного чайных листьев и трав.

Да. Она так не сказала. Авиенда перевернула черепаху и ее живот заурчал. Ей также следует разделить трапезу с Накоми.

"Могу я спросить," сказала Накоми. "Что ты думаешь о Кар'а'карне?"

Я люблю его, немедленно подумала Авиенда. Но она не могла сказать этого. "Думаю в нем много чести. И хотя Ранд ал'Тор не осведомлен о правильных путях, он учится."

" Ты, похоже, провела с ним некоторое время?"

"Немного", сказала Авиенда. Потом, чтобы быть более честной, добавила, " Больше чем многие"

" Он мокроземец" сказала Накоми задумчиво " И Кааркан. Скажи мне, действительно ли мокрые земли так хороши, как о

многие говорят? Реки настолько широкие, что ты не можешь увидеть другой берег, растения настолько полны водой, что она разрывает их во время жатвы?"

"Мокрые земли не прекрасны" ответила Авиенда. "Они опасны. Они делают нас слабыми"

Накоми нахмурилась.

Кто эта женщина? Это не было необычно встретить путешествующего по пустыне Айил, даже дети учились защищать себя. Но разве не должна Накоми путешествовать с друзьями, семьей? она не носила одежду Хранительницы Мудрости, но было что-то в ней...

Накоми помещала чай, потом перевернула черепаху Авиенды, передвигая на углях, чтобы она прожарилась более равномерно. Из сумки она достала несколько "хлебных" корешков. Мать Авиенды всегда готовила их. Накоми поместила их в небольшую форму для выпечки. затем поместила ее на угли. Авиенда не почувствовала что огонь стал настолько теплым. Откуда взялись все эти угли?

" Ты выглядишь обеспокоенной" сказала Накоми. " Может я захожу слишком далеко, расспрашивая ученицу Хранительниц Мудрости. Но я вижу тревогу в твоих глазах"

Авиенда скорчила гримасу. Она бы предпочла остаться одна. Но все же, она пригласила эту женщину разделить воду и прохладу." Я беспокоюсь о нашем народе. Наступают опасные времена"

" Последняя Битва" мягко сказала Накоми. " То о чем говорят мокроземцы"

Да я волнуюсь о чем то вроде этого. Мокрые земли развращают наш народ, делают его слабым.

Но мокрые земли часть нашей судьбы, разве нет? Вещи, рассказанные Кар-а-карном, показали... они соединили нас с мокрыми землями очень причудливым образом. Удивительно, то что он сказал правда.

"Он не будет лгать об этом", сказала Авиенда.

Маленькая "птичка" прокричала и пролетела мимо в темном ночном воздухе. История народа Авиенды - та правда. что открыл Ранд АлТор - все еще вызывала много горя в сердцах Айил. в Руидине Авиенда скоро сама увидет эту историю: то как Айил нарушили свои клятвы. Народ айил однажды следовал, а затем оставил, Путь Листа.

"Интересные вопросы поднимаешь, ученица" сказала Накоми, разливая чай. " Наша земля зовется Трехкратной. Трехкратная земля дана нам за те три вещи, что мы совершили. Она наказание ха наш грех. Она проверила нашу храбрость. Она стала

наковальней, на которой мы выкованы."

"Трехкратная земля делает нас сильными. Таким образом, оставляя её, мы становимся слабыми."

" Но, что если мы должны были прийти сюда, чтобы превратиться в настоящую силу " Сказала Накоми, " разве это не предполагает, что главное испытание, что мы должны встретить - в мокрых землях - настолько же опасное как трехкратная земля сама по себе? Настолько опасное и трудное, что мы должны были придти сюда, чтобы подготовиться?" Она покачала головой. "Ах, но я не должна спорить с Хранительницей Мудрости, даже с ученицей. У меня тох"

Не может быть никакого тох за высказывание мудрых слов.- сказала Авиенда."Скажи мне Накоми откуда ты пришла? Из какого ты септа?"

" Я далеко от своего крова", задумчиво сказала женщина, "хотя совсем недалеко. Возможно это далеко от меня. Я не могу ответить на твой вопрос, ученица, так как это не мое место, чтобы открыть правду."

Авиенда нахмурилась. Что это за ответ?

"Мне кажется" сказала Накоми. " что нарушая нашу древнюю клятву не совершать насилия, наш народ получил великий тох"

"Да" сказала Авиенда. Что бы ты сделал, когда весь твой народ совершил что-то настолько ужасное? Понимание этого вызвало во многих Айил уныние. Они опустили свои копья или отказывались снять белые одежды гайшан, допуская, что их народ имеет такой тох, который никогда не будет оплачен.

Но они ошибались. Айил могли выплатить свой тох - они должны это сделать. Это было целью служения Кар-а-карну, представителю тех, кому айил изначально дали клятву.

" Мы оплатим свой тох, сражаясь в Последней Битве" сказала Авиенда

Айил таким образом возвратили бы свою честь. Однажды оплатив тох. ты забываешь о нем. Помнить оплаченные ошибки - высокомерно.Они завершат это. Они смогут вернуться и не чувствовать больше стыд за то, что случилось в прошлом. Авиенда кивнула собственным мыслям.

"И так" сказала Накоми. передавая чашку с чаем, "Трехкратная земля была нашим наказанием. Мы пришли сюда, чтобы потом суметь оплатить свой тох"

"Да" сказала Авиенда. Это было предельно ясно для нее.

" Так, однажды мы сразившись за Кар-а-карна, мы выплатим наш тох. Поэтому не будет больше причины быть наказанными. Если это и есть причина. почему мы должны возвращаться в эти земли? Не будет ли это поиском большего наказания за уже

оплаченный тох?"

Авиенда вздрогнула. Но нет, это было глупо. Она не хотела спорить с Накоми по этому поводу, но Айил принадлежали Трехкратной земле.

"Народ Дракона" сказала Накоми, потягивая чай. "Это то, что мы есть, Служение дракону было причиной всего, что мы делали. Наши обычаи, наши набегги друг на друга, наши суровые тренировки...весь наш образ жизни"

"Да," сказала Авиенда.

" и так" мягко продолжила Накоми. " однажды когда Ослепляющий зрение будет побежден, что останется для нас? Возможно, именно поэтому так многие отказываются следовать за Кар-а-Карном. Потому что они обеспокоены тем, что это значит. Зачем следовать старому пути? Как мы сможем найти честь в набегах, в убийствах друг друга, если мы больше не готовимся к такому важному заданию?Ради того, чтобы быть твердыми?

"Я..."

" Я сожалею" извинилась Накоми " Я снова разболталась. Боюсь, я склонна к этому.Ладно, давай поедим"

Авиенда приступила. Вообще то корешки были еще не совсем готовы.Однако, Накоми вытащила их, и они пахли замечательно. Она нарезала мясо, выудила пару тарелок из своей сумки. Она распределила мясо и коренья, затем передала тарелку Авиенде.

Она нерешительно попробовала. Еда была восхитительной. Даже великолепной. Лучше той еды что была на банкета, которые она посетила в мокрых землях. Она уставилась на тарелку, в изумлении

"Если ты извинишь меня" сказала Накоми." Я должна ответить зову природы" она улыбнулась, поднялась, затем скользнула в темноту.

Авиенда ела спокойно, взволнованная тем, что было сказано. Разве такая замечательная еда, как эта, приготовленная на огне из скромных продуктов. не является доказательством того, что роскошь мокроземцев вовсе не нужна?

Но в чем же предназначение айил теперь? Если они не ждали больше Кар-а-Карна, что они делали? Сражаться, да. И потом? Продолжать убивать друг друга во время набегов?До каких пор?

Она прикончила своё блюдо, потом долго думала. Слишком долго. Накоми не вернулась. Взволнованная, Авиенда пошла поискать её, но не нашла и следа женщины.

Вернувшись к огню, Авиенда увидела, что мешок и тарелка Накоми исчезли. Она подождала немного, но женщина не вернулась.

В итоге Авиенда заснула, чувствуя беспокойство.

Глава 40

Созидание

Перрин сидел один на пне. глаза закрыты и обращены к темному небу. Лагерь обосновался, врата закрыты, и все отчеты приняты. Перрин наконец таки мог отдохнуть.

Это было опасно. Отдых давал возможность думать. Мысли приводили его к воспоминаниям. Воспоминания причиняли боль.

Он мог унюхать мир в порыве ветра. Слои ароматов, перемешанные вместе. Лагерь вокруг него: потные люди, специи для пищи, мыло для уборки, лошадиный навоз, эмоции. Холмы вокруг них: сухие сосновые иглы, ил в русле реки, туши мертвых животных. Мир вокруг: намеки пыли от отдаленной дороги, запах лаванды, которая так или иначе выжила в умирающем мире.

Не было пыльцы. Не было волков. Вместе это казалось ужасными знаками для него.

Он чувствовал себя больным. Физически больным, так будто его желудок был наполнен грязной болотной водой, гниющим мохом и лапками мертвых жуков. Ему хотелось кричать. ему хотелось найти Губителя и убить его, избивать его до тех пор, пока он не покроется кровью.

Звук от шагов стал ближе. Фейли. "Перрин? Ты не хочешь поговорить?"

Он открыл глаза. Он должен был рыдать и кричать. Но он чувствовал лишь холод. Холод и ярость. Эти чувства никогда не приходили к нему вместе.

Его палатка была разбита поблизости; ее откидные створки трепетало на ветру. Поблизости, Гаул раскидывал листву молодого дерева.В далеке один из кузнецов работал поздно. Мягкие перезвоны ночи. "Я потерпел неудачу, Фейли," Перрин шептал. "Ты получили терангриал", она сказала, становясь на колени около него. "Ты спас людей."

"И Губитель все так же побеждает " сказал он горько. "Даже стаи из пятерых, недостаточно было бы, чтобы победить его".

Перрин чувствовал этот путь, когда нашел свою семью мертвой, убитой троллоками. Сколько еще Тень собирается отнять у него прежде, чем дело будет завершено? Прыгун должен был быть в безопасности в волчьем сне.

Глупый щенок, глупый щенок.

Была ли это действительно ловушка для армии Перрина?

Шип Снов Губителя, возможно, предназначался для совершенно другой цели. Всего лишь совпадение.

Нет никаких совпадений для таверена...

Он должен найти выход для своей злости и боли.Он встал, оборачиваясь, и был удивлен, увидев сколько огней все еще горело в лагере.Группа людей ждала поблизости, достаточно далеко от него, чтобы он не разобрал их ароматы определенно.Аллиандре в золотом платье. Берелейн в синем. Обе сидели на стульях около маленького деревянного переносного столика,с фонарем на нем. Илайас сидел на скале около них, точа нож. Дюжина Двуреченцев — Вил АлСин, Джон Айеллин и Грайор Френн среди них — толпилась вокруг кострища, глядя на него. Даже Арганда и Галлене были там, разговаривая тихо.

" Они должны уже спать" сказал Перрин.

" Они беспокоятся о тебе" сказала Фейли. Она сама пахла беспокойством." И они беспокоятся, что ты отошлешь их прочь теперь, когда переходные врата снова работают"

"Дураки" прошептал Перрин. "Дураки, что следуют за мной.Дураки, что не прячутся"

"Ты действительно заставишь их сделать это" зло сказала Фейли. "Скрыться где-то пока идет Последняя Битва? Разве не ты говорил что каждый человек будет нужен?"

Она была права. Каждый человек был бы необходим. Он понял, что часть его расстройства была в том, что он не знал, чего он избегал. Он ушел, но от чего? Зачем умер Прыгун? Незнание плана врага заставляло чувствовать себя слепым.

Он пошел прочь от пня, туда где Арганда и Галлене разговаривали. "Принесите мне наши карты" сказал он"Джеханнахского Тракта"

Арганда позвал Хиршанин и сказал ему, где найти карту. Хиршанин убежал, и Перрин пошел через лагерь. К звуку металла бьющего по металлу, к работающему кузнецу. Перрина казалось притягивало туда. Ароматы лагеря кружащие вокруг, небо, грохочущее над ним.

Другие последовали за ним. Фейли. Берелейн и алиандре. Двуреченцы, Илайас, Гаул. Группа росла, еще больше двуреченцев присоединялось к ним. Никто не говорил, и Перрин не обращал на них внимания, пока он не пришел к Аемину, работающему на наковальне, одна из переносных горнов стояла перед ним и горел красным пламенем.

Хиршэнин, неся карту, поймал Перрина, когда он уже прибыл. Перрин развернул ее, держа перед собой, поскольку Аемин остановил работу, и пах любопытством. "Арганда, Галленне" сказал Перрин. "Скажите мне. Если Вы собирались

устроить лучшую засаду для многочисленной группы, проходящей по этой дороге к Лугарду, какое место вы бы выбрали?"

"Здесь", Арранда сказал без колебаний, указывая на место всего в нескольких часах пути от их прошлого лагеря. "Видишь здесь? Дорога поворачивает следуя за старым, иссякшим руслом реки. Проходящая армия там была бы полностью предоставлена засаде;ты мог бы напасть на них с высот здесь и здесь."

Галленне кивнул. "Да. Место отмечено как превосходное для многочисленной группы, чтобы расположиться лагерем. В основании того холма, где дорога сгибается. Но если кто-то на вершине замыслил причинить тебе вред, ты мог бы и не проснуться утром."

Арганда кивнул

Высоты поднимались к плоским вершинам к северу от дороги; в старом русло река разливалось широко, находящаяся на его уровне дорога была размыта к югу и западу. Ты мог бы разместить целую армию на тех высотах.

"Что это?" Перрин спросил, указывая на некоторые пометки к югу от дороги.

"Старые руины," сказал Арганда. "Ничего полезного; они слишком сильно разрушились, чтобы обеспечить укрытие. Они - в действительности всего несколько мшистых валунов."

Перрин кивнул. Кое-что начало складываться вместе. " Грэйди и Неадл спят?" спросил он.

"Нет" сказала Берелейн "Они сказали что хотят бодорствовать. так на всякий случай. Я думаю твое настроение тревожит их"

"Пошлите за ними" сказал Перрин, не обращаясь ни к кому конкретно. "Один из них должен проверить армию Белоплащников. Помниться, кто-то говорил мне что они сняли лагерь" Он не ждал, чтобы увидеть последовали ли они совету.Он подошел к кузне, положив руку на плече Аемина. "Немного поспи, Аемин. Мне нужно что-то, над чем поработать. Подковы, не так ли?"

Мужчина кивнул, выглядя озадаченным. Перрин взял его передник и перчатки, и Аемин ушел. Перрин вынул свой собственный молот. Молот, который ему дали в Тире, молот, который использовался, чтобы убивать, но не использовался, чтобы созидать так долго.

Молот мог быть или оружием или инструментом. У Перрина был выбор, так же, как все, кто следовал за ним, имел выбор. У Прыгуна был выбор. Волк сделал этот выбор, рискуя больше в защиту Света, чем любой человек — спасая Перрина — когда-

либо сможет понять.

Перрин использовал щипцы, чтобы снять небольшой кусок металла с углей, затем поместил его на наковальню. Он покрепче ухватился за рукоять и начал ковать.

Прошло много времени с тех пор как он нашел свой способ ковки. Фактически, последняя существенная работа, которую он помнил, была в Тире в тот мирный день, когда он оставил свои обязанности ненадолго и работал в той кузнице.

Ты как волк, муж. Фейли сказала ему это, намекая на то каким сосредоточенным он стал. Это было от волков; они могли знать прошлое и будущее, и все же быть сосредоточенными на охоте. Он мог сделать то же самое? Позвольте себе быть поглощенным при необходимости, все же сохранять равновесие в других частях его жизни?

Работа начала поглощать его. Ритмичное удары молота по металлу. Он обрабатывал брусок железа, иногда возвращая его на угли и вынимая другой, работая над несколькими заготовками сразу. У него были шаблоны поблизости для размеров того, что было необходимо. Он медленно сгибал металл по стороне наковальни, формируя его. Его руки начали потеть, его лицо нагрелось от огня и работы.

Неалд и Грэйди прибыли, вместе с Хранительницами мудрости и Масури. Поскольку Перрин работал, он не заметил, что они, посыли Сулин через Переходные врата проверить Белоплащников. Она возвратилась немного позже, но задержала свой отчет, до тех пор пока Перрин занят работой.

Перрин поддержал подкову, затем нахмурился. Это не было достаточно трудной работой. Это было успокоительным, да, но сегодня он хотел что-то более стимулирующее. Он чувствовал потребность созидать, как будто уравновешивая разрушение, которое он видел в мире, разрушение, которое он помог создать. Было несколько брусков необработанной стали, сложенной около кузни, материал лучше, чем тот, что использовался для подков. Они, вероятно, ждали, когда превратятся в мечи для прежних беженцев.

Перрин взял несколько из тех брусков стали и положил их в угли. Этот горн был не так хорош как тот, к которой он работал раньше; хотя у него были мехи и три бочки для того, чтобы поддавать жар, ветер охлаждал металл, и угли не разгорались, как он хотел бы. Он смотрел с неудовлетворенностью.

"Я могу помочь с этим, Лорд Перрин" сказал Неадл со стороны.

"Разогрей металл, если хочешь"

Перрин встретил его взгляд, затем кивнул. Он взял кусок

стали, держа его щипцами. "Я хочу его хорошего желто-красного цвета. Заметь, не настолько горячим, когда он белеет."

Неадл кивнул. Перрин установил брусок на наковальне, взял свой молот и начал ковать снова. Неадл стоял в стороне, концентрируясь.

Перрин потерял себя в работе. Ковка стали. Все остальное исчезло. Ритмичные удары молота по металлу, как биение его сердца, Такого мерцающего металлического, теплого и опасного. В сосредоточении, он нашел ясность. Мир раскалывался, ломаясь все больше каждый день. Тут нужна помощь прямо сейчас. Однажды сломанную вещь,ты не сможешь сложить обратно вместе.

"Неадл", послышался голос Грэйди. Это было срочно, но так далеко от Перрина. "Неадл, что Вы делаете?"

"Я не знаю" ответил Неадл "Это кажется правильным"

Перрин продолжал ковать, все упорней. Он сворачивал металл, сглаживая части между собой. Это был замечательный способ, которым Ашаман держал температуру на точно нужном уровне. Это освободило Перрина от необходимости полагаться только на несколько моментов прекрасной температуры между нагревами.

Метал казалось тек, заранее зная какую форму он примет. Что он делал? Он взял из огня еще два куска металла и начал поочереди работать уже с тремя заготовками. Первую и самую большую он сложил, сплавляя её, используя прием известный как усадка, увеличивая её обхват. Он собрал его в большой шар, затем добавил ещё стали пока он не стал большим, размером с голову человека. Второй он вытянул, сделав его длинным и тонким, после чего сложил его в узкий стержень. В заключении, наименьший кусок он сплющил.

Он сделал вдох и выдох, его легкие работали как мехи. Его пот походил на воду для закалки. Его руки походили на наковальню. Он был кузнечным горном.

" Хранительницы мудрости. мне нужен круг" сказал Неадл быстро. "Сейчас же. Не спорьте! Мне это нужно!"

Начали лететь искры, когда Перрин бил. Большие снопы с каждым ударом. Он чувствовал, что что-то истекало из него, как будто каждый удар давал металлу его собственную силу, а также его чувства. И заботы и надежды. Они вытекали из него в три невыделанные части.

Мир умирал. Он не мог спасти его. Это была работа Ранда. Перрин хотел только вернуться к его простой жизни, не так ли?

Нет. Нет, он хотел Фэйли, он хотел сложность. Он хотел жизнь. Он не мог бы спрятаться, не больше чем люди, что

следовали за ним, могли скрыться.

Он не хотел их преданность. Но он имел. Что бы он почувствовал, если б кто-то другой принял командование, а затем повел их на убийство?

Удар за ударом. Снопы искр. Слишком много, как будто он колотил по ведру с жидкостью. Брызги взлетали в воздух, долетая до верхушек деревьев и рассыпаясь на десятки шагов. Наблюдающие люди отошли назад, все за исключением Ашамана и Хранительниц, собравшихся вокруг Неалда.

Я не хочу вести их, Перрин думал. Но если я не хочу, кто захочет? Если я оставлю их, и они проиграют, то это будет моя ошибка.

Теперь Перрин видел, что он делал, что пытался сделать все это время. Он придал самой большой части кирпичную форму. Длинная часть стала прутом толщиной в три пальца. Плоская часть стала насадочной скобой, кусок металла, чтобы обернуть вокруг головы и присоединить ее к рукояти.

Молот. Он делал молот. Это были части.

Теперь он понял.

Он дорос до своей задачи. Удар за ударом. Удары были настолько громкие. Каждый удар, казалось, сотрясал землю вокруг него, палатки грохотали. Перрин ликовал. Он знал, что он делает. Он наконец знал, что он делает.

Он не просил о звании лидера, но разве это освобождало его от ответственности? Люди нуждались в нем. Мир нуждался в нем. И вместе с этим знанием, что застывало в нем как расплавленная порода, приобретая форму, он ощутил, что хочет быть лидером.

Если у этих людей и должен был быть лорд, он хотел стать им сам. Поскольку единственный способ сделать все правильно, это сделать все самому.

Он использовал долото и прут, формируя отверстие в центре головки молота, потом схватил рукоятку замахнувшись высоко над головой, посадил ее на место. Потом взял клин и расклинил им рукоять. Еще пару мгновений назад этот процесс подпитывал его гнев. Но теперь казалось, это извлекало его решимость.

Металл был чем-то живым. Каждый кузнец знает это. Когда ты нагрел его, пока ты обрабатывал его, он жил. Перрин взял свой молот и резец и начал делать и дорабатывать узоры, чеканку. Волны искр летели во все стороны, звон его молота становился все сильнее, все громче, как перезвон колокольчиков. С помощью резца он предал форму небольшому куску металла, после чего поместил резец на вершину молота.

С ревом, он поднял свой старый молот в последний раз над головой и ударил по новому, отпечатывая орнамент на плоской

стороне молота. Прыгающий волк.

Перрин опустил свои инструменты. На наковальне, все еще пылающей внутренним жаром, лежал прекрасный молот. Он было превыше всего, что он когда либо делал, или думал, что может сделать. У молота была большое, мощное начало , как у кувалды или кузнечного молота, но хвостовая часть была в форме пересекающихся крестом граней и сплющена. Как у иструмента кузнеца. Он был четыре фута в длинну, может быть длинее, огромного размера для такого молота.

Ручка была вся из стали, чего он прежде никогда не видел на молотах. Перрин поднял его; он смог поднять молот одной рукой, но он был тяжелый. Внушающий.

Украшение имело гравированное изображение с прыгающим волком, отпечатанным на одной стороне. Оно было похоже на Прыгуна. Перрин дотронулся до звенящего молота большим пальцем, и металл затих. Молот все еще был теплым на ощупь, но не обжигал его.

Обернулся и был поражен размером толпы, наблюдавшей за ним. Впереди стояли Двуреченцы, Джори Конгар, Ази Ал'Тон, Вил ал'Син и сотни других. Гаэлданцы, Кайриэнцы, Андорцы, Майенцы. Наблюдающие в тишине. Земля вокруг Перрина почернела от падающих искр, капли серебристого металла разлетелись вокруг него как лучи солнца.

Неалд упал на колени, тяжело дыша, его лицо покрылось потом. Грейди и женщины круга сидели и выглядели уставшими. Все шесть мудрых присоединились. Что они сделали?

Перрин чувствовал себя обессиленным, как если бы все свои силы и эмоции переплавил в металл. Но он не мог позволить себе отдых. "Вил. Неделю назад, я дал вам задание. Сжечь флаги с волчьей головой. Вы подчинились? Вы все сожгли?"

Вил Ал'Син посмотрел и стыдливо опустил взгляд. "Милорд Перрин, я пытался. Но... Свет! Я не мог этого сделать. Я сохранил один. Который сам помогал шить."

"Неси его, Вил," сказал Перрин. Его голос звучал как сталь.

Вил побежал, он пах испугом. Когда он вернулся, в его руках была сложенная ткань, белая с красной каймой. Перрен взял ее, затем взял другой рукой молот. Он посмотрел на толпу. Фейли стояла там, сложив руки перед собой. От нее пахло надеждой. Она могла видеть его. Она знала.

"Я попытался отослать Вас," объявил Перрин толпе. "Но Вы, все равно остались. У меня есть недостатки. Вы должны знать это. Если мы идем на битву, то я не в состоянии защитить Вас всех. И у меня бывают ошибки."

Он смотрел на толпу, встречая глаза тех, кто стоял там.

Каждый, на кого падал его взгляд, молча кивал ему в ответ. Никаких сомнений, никаких колебаний. Они кивали.

Перрин глубоко вздохнул. "Если Вы хотите этого, то я клянусь. Я поведу Вас."

Они приветствовали его. Толпа возбужденно ревела. "Златоокий. Златоокий волк! На последнюю битву! Тай'шар Манетерен!"

"Вил!" проревел Перрин, держа знамя. "Подними знамя. Не спускайте его вновь, пока Последнее Битва не будет выиграна. Я пройду маршем под знаком волка. Все вы, будите лагерь. Мне нужен каждый солдат, способный сражаться. У нас есть дело на сегодня!"

Молодой человек взял знамя и развернул его. Йори и Ази, присоединились к нему, и держали его так что бы оно не касалось земли. Они побежали по полю, высоко подняв знамя. Толпа рассыпалась, люди поднимали на ноги весь лагерь.

Перрин взял Фейли за руку, когда она приблизилась к нему. Она пахла удовлетворением. "Все готово, что дальше?"

" Никаких больше сожалений" пообещал он "Я не люблю этого. Но я также не люблю убийства. Я сделаю то, что должно быть сделано"Он посмотрел вниз на наковальню, почерневшую от его работы. Его старый молот, теперь изрядно потрепанный, лежал на ней. Ему было грустно, оставлять его, но он принял свое решение.

"Что ты делал Неалд? " он спросил Ашамана так как тот все еще лежал бледный у его ног. Перрин поднял новый молот, показывая великолепную работу.

"Я не знаю, милорд, " сказал Неалд "Это просто… Ну это было как я уже сказал. Оно чувствовало себя хорошо. Я видел, что делать, как непосредственно размещать плетения в металле. Это казалось, привлекало их притягивало, как океан пьет воду реки. " Он покраснел, наверно думая, что это глупая фигура речи.

"Хорошо звучит" сказал Перрин " Ему нужно имя, этому молоту. Ты знаешь что-нибудь на Древнем наречии?"

"Нет , Господин"

Перрин посмотрел на волка отчеканенного на боку. "Кто-нибудь знает, как произнести: " Тот, кто парит"?

"Я ... я не знаю..."

"Мах'аллейнир" сказала Берелейн, делая шаг вперед от места, с которого наблюдала.

"Мах'аллейнир" повторил Перрин. "Кажется то что надо. Сулин? Что насчет Белоплащников?"

"Они ставят лагерь, Перрин Айбара" отчиталась Дева.

"Покажи мне" сказал Перрин, указывая на карту Арганды.

Она указала расположение - участок земли на склоне холма, к северу от него идут возвышенности, с северо-востока тянется тракт, поворачивая вокруг южных возвышенностей - следуя старому руслу реки - после чего заворачивает к югу, когда достигает лагерной стоянки у холма. Оттуда тракт ведет к Лугарду, но место разбивки лагеря прикрыто от ветра с двух сторон. Прекрасное место для засады. На него же и указали Арганда и Галенне.

Он смотрел на проход и на место для лагеря, обдумывая все то что произошло за последнии несколько недель.Мы встречали путников...они сказали, что дороги на севере развезло так, что они стали непроходимы для фургонов или телег...

Стадо овец, бегущее вперед прямо в пасть чудовища. Фейли и другие шли к утесу. Свет!

"Грейди, Неадл" сказал Перрин. " Кажется, мне понадобятся еще переходные врата, вы справитесь?"

"Думаю да" ответил Неадл " Только дайте нам пару минут перевести дух"

"Очень хорошо. Размести их здесь." Перрин указал на возвышенности над лагерем Белоплащников. "Гаул!", как обычно, айилец ожидал неподалеку. Тот подбежал. "Я хочу, чтобы ты поговорил с Даннилом, Аргандой и Галенне. Мне нужно, чтобы вся армия прошла настолько быстро, насколько это возможно, но они должны сохранять тишину.Мы двинемся так скрытно, насколько вообще сможет армия такого размера."

Гаул кивнул, убегая. Галленне все еще был рядом; Гаул начал с разговора с ним.

Фейли смотрела на Перрина, пахнув любопытством и немного волнением. "Что ты задумал, муж?"

"Пришло время для меня, стать лидером," сказал Перрин. Он посмотрел в последний раз на свой старый молот и погладил его рукоятку. Потом он закинул Мах'аллейнир на плечо и зашагал прочь, капли закаленной стали затрещали у него под ногами.

Инструмент, который он оставил позади, был молотком простого кузнеца. Тот человек всегда был бы частью Перрина, но он больше не мог позволить ему верховодить.

С этого момента у него будет молот короля.

Фейли провела пальцами по наковальне, пока Перрин шагал дальше, раздавая дальнейшие указания для подготовки армии.

Она вспомнила, как он выглядел, стоя на фоне этих искр, когда каждый удар молота заставлял сталь пульсировать и вдыхал в нее жизнь. Его золотые глаза сверкали так же ярко, как сталь, каждый удар молота оглушал.

"Прошло много веков, с тех пор как эта земля видела

создание оружия выкованного Единой Силой", промолвила Берелейн. Большинство людей ушли выполнять приказы Перрина, и они остались вдвоем, за исключением Галлене, он расположился невдалеке и изучал карты, потирая подбородок. "Молодой человек продемонстрировал нам только что - сильный Талант. Это очень полезно. Армию Перрена укрепит оружие выкованное Единой Силой."

"Процесс кажется очень тяжелым," сказала Фэйли. "Даже если Неалд сможет повторить то, что он сделал, я сомневаюсь, что мы будем иметь время, чтобы сделать много оружия."

"Каждое небольшое преимущество - благо," сказал Берелен. "Армия, что собрал твой муж, это что-то невероятное. Это работа Та'верена. Он собирает мужчин, и они учатся с удивительной скоростью и умением."

"Возможно " сказала Фэйли, идя медленно вокруг наковальни и не спуская глаз с Берелейн, которая двигалась напротив нее в обратную сторону. Какова здесь была игра Берелейн?

"Мы должны поговорить с ним," произнесла Берелейн. "Отговорить его от этого плана."

"Этого плана?" удивилась Фейли.

Берелейн остановилась, ее глаза чем-то светились. Она чем-то была встревожена. Она волнуется, подумала Фейли. Глубоко чем-то взволнована.

"Лорд Перрин не должен нападать на Белоплащников," сказала Берелэйн. "Пожалуйста, ты должна помочь мне переубедить его."

"Он не собирается нападать на них," сказала Фэйли. Она была абсолютно уверена относительно этого.

"Он устанавливает совершенную засаду," сказал Берелейн. "Аша'маны, чтобы атаковать Единой Силой, лучников Двуречья, чтобы расстрелять Детей с высоты. Конница, чтобы спустившись добить остатки." Она колебалась, будто то, что она говорит причиняет ей боль. "Он отлично их обыграл. Он сказал им, что, если он и Дамодред, оба, переживут Последнюю Битву, он подчинится наказанию. Но Перрин хочет удостовериться, что Белоплащники не доживут до Последней Битвы. Этим, он сохранит свою клятву и избежит наказания."

Фейли встряхнула головой. "Он никогда не сделал бы этого, Берелейн."

"Ты уверена в этом?" спросила Берелэйн. "Абсолютно уверена?"

Фэйли задумалась. Перрин изменился в последнее время. Большинство изменений было хорошими, например его решение наконец принять лидерство. И засада, о которой говорила

Берелейн, будет иметь тогда совершенно, безжалостный смысл.

Но это будет неправильно. Ужасно неправильно. Перрин не сделал бы этого, независимо от того, насколько он изменился. В этом Фейли могла быть уверена.

"Да," ответила она. "Дать обещание Галаду, а затем устроить резню Белоплащникам. Это порвало бы Перрина на кусочки. Это не его путь. Это не случится".

"Я надеюсь, что ты права," сказала Берелейн. "Я надеюсь, определенного рода соглашение было достигнуто с их командующим прежде, чем мы уехали..."

Белоплащник. Свет! Разве не могла она выбрать объектом своего внимания одного из дворян в лагере? Кого-нибудь неженатого?

- Тебе не очень-то хорошо удается выбирать мужчин, да, Берелейн? - Слова просто вырвались.

Берелейн обернулась к Фэйли, ее глаза распахнулись от шока и гнева.

- А как насчет Перрина?

- Ужасная пара для тебя, - сказала Фэйли, фыркнув. - Ты показала это сегодня вечером, предположив на что он способен пойти.

- Насколько хорошей партией он был не имеет значения. Я была обещана ему.

- Кем?

- Лордом Драконом, - ответила Берелейн.

"Что?"

- Я пришла к Дракону Возрожденному в Тирской Твердыне, - сказала она. - Но он не захотел меня, даже разозлился из-за моих заигрываний. Я поняла, что он, Дракон Возрожденный, намеревался жениться на куда более высокородной леди, может быть, Илэйн Траканд. В этом есть смысл, он не может завоевать все королевства только мечом; некоторые должны будут присоединиться к нему благодаря союзам. Андор - могущественная держава, в которой правит женщина, и было бы очень выгодно завладеть им посредством брака.

- Перрин говорит, что Ранд думает совсем иначе, Берелейн, - произнесла Фэйли. - Не так расчетливо. Таково и мое мнение, исходя из того, что я знаю о нем.

- И ты говоришь то же самое о Перрине. Тебе бы хотелось, чтобы я думала, что они такие наивные. Бесхитростные.

- Я этого не говорила.

- Опять ты используешь все те же старые возражения. Утомительно. Ну, я догадалась, что подразумевал Лорд Дракон, поэтому я обратила свое внимание на одного из его ближайшего

окружения. Может, он не "обещал" их мне. Это был неудачный оборот. Но я знала, что он будет рад, если я создам союз с одним из его близких соратников или друзей. Я подозреваю, на самом деле он желал, чтобы я так сделала - в конце концов, Лорд Дракон отправил нас обоих - меня и Перрина, - с этим поручением. Несмотря на это, он не мог быть откровенен в своих планах, чтобы не оскорбить Перрина.

Фейли засомневалась. С одной стороны, то что говорила Берелейн было абсолютно абсурдно... но с другой она могла видеть то, что дано только женщине. Или, возможно, что она хотела видеть. Для неё, разрушение брака между мужем и женой не было чем-то безнравственным. Это всё политика. И, если подумать логически, Ранд вероятно хотел, чтобы народы были связаны с ним, посредством браков, с его ближайшим окружением.

Это не меняет того факта, что ни он, ни Перрин, не рассматривают сердечные вопросы, таким образом..."

"Я отказалась от Перрина," сказала Берелейн. "Я держу свое обещание. Но он оставляет меня в трудной ситуации. Я на протяжении долгого времени считала, что соединение с Возрожденным Драконом является единственной надеждой Майен на то, чтобы оставаться независимой в ближайшие годы".

"Брак - не только для того, чтобы утвердить политически преимущества", сказала Фэйли.

"И все же преимущества настолько очевидны, что они не могут быть проигнорированы."

"И этот белоплащник?" спросила Фэйли.

"Сводный брат королевы Андора," сказала Берелейн, слегка покраснев. "Если милорд Дракон намерен вступить в брак с Илэйн Траканд, это даст мне его покровительство."

За этим стояло нечто намного большее; Фейли могла видеть это по способу действий Берелейн, по тому, как она выглядела, когда она говорила о Галаде Дамодреде. Но если она хочет объяснить это политическими мотивами, то у Фейли не было причин отговаривать ее, до тех пор, пока это помогает отвлечь ее от Перрина. "Я сделала, как ты просила," сказала Берелейн. "И вот теперь, я прошу твоей помощи. Если окажется, что он собирается напасть на них, пожалуйста, присоединись к моей попытке отговорить его. Вместе, возможно, мы сможем уладить это." "Очень хорошо", сказала Фейли.

Перрин поскакал во главу армии, которая впервые почувствовала себя единой. Флаг Майена, флаг Гэалдана, знамена благородных домов из числа беженцев. Было даже несколько знамен, которые парни сделали, чтобы представить области

Двуречья. Над всеми ними колыхалась волчья голова.

Лорд Перрин. Он никогда не привыкнет к этому, но, может, это было и неплохо.

Он пустил Ходока рысью в сторону открытых переходных врат, пока войска шли мимо, приветствуя его. Сейчас их освещал свет факелов. Будем надеяться, что направляющие позднее смогут осветить поле битвы.

Мужчина подошел к Ходоку, и Перрин учуял запах шкур животных, глины и кроличьей крови. Илайас отправился на охоту, пока он ожидал, когда соберется армия. Надо быть особо увлеченным охотником, чтобы ловить кроликов ночью. Илайас говорил, что это - отличный вызов.

- Однажды, ты сказал мне кое-что, - обратился к нему Перрин. - Ты сказал, что если я когда-нибудь полюблю топор, то должен буду выбросить его.

- Да, так и было.

"Я думаю, это применимо и к лидерству тоже. Люди, которые не желают званий, должны быть теми, кто их получает, как мне кажется. Пока я не забываю об этом, я думаю, что мог бы сделать все правильно."

"Илайс усмехнулся. "Флаг выглядет хорошо, вися там."

"Он мне подходит. Всегда подходил. Я просто не всегда соответствовал ему."

"Глубокие мысли для кузнеца"

"Может быть". Перрин вытащил головоломку кузнеца из кармана, которую он нашел в Майдене. Он до сих пор не мог разделить части этой головоломки.

"Тебе не кажется странным, что кузнецы походят на такой простой народ, но все же они - те, кто делает все эти проклятые загадки, которые настолько трудно разгадать?"

"Никогда так не думал об этом. Значит, ты в конце концов один из нас?" "Нет", сказал Перрен, убирая головоломку. "Я тот кто я есть." Он не был уверен, что что то изменилось в нем. Но, возможно он подумает об этом, после того как разберется с первоочередными задачами.

Он знал, что нашел свое равновесие. Он никогда не станет как Ноам, человек, который уступил себя волку. И этого было достаточно.

Перрин и Илайс ждали, наблюдая за передвижением армии. С этими большими Переходными вратами стало гораздо легче перемещаться, Все воины мужчины и женщины менее чем за час прошли через них. Люди приветствовали Перрина поднятием руки, от них пахло гордостью. Его связь с волками не пугала их, на самом деле, они стали меньше беспокоиться сейчас, когда

знали это о нем. Раньше это было источником слухов. Вопросов. Теперь они были спокойны. И гордились этим. Наш лорд не простой человек. Он особенный.

"Мне нужно уйти, Перрин," Сказал Илайс. " Сегодня, если я могу."

"Я знаю. Последняя охота началась. Беги с ними, Илайс. Мы встретимся на севере".

Стареющий Сраж положил руку на плечо Перрина. "Если мы не увидим друг друга там, то возможно мы встретимся в мире снов, мой друг."

"Это и есть сон", сказал Перрин, улыбаясь. "И мы обязательно встретимся снова. Я обязательно найду тебя, если ты будешь с волками. Хорошей охоты, Длинный Клык."

"Хорошей охоты, Юный Бык."

"Илайс скрылся в темноте, едва слышно.

Перрин протянул руку к теплому молоту на его боку. Он думал, что ответственность будет давить на него. И все же когда он принял это, он почувствовал себя легче.

Перрин Айбара был всего лишь человеком, но Перрин Златоокий был символом, созданным людьми, которые следовали за ним. У Перрина не было выбора; всё что он мог сделать - это быть лучшим лидером для них. Если он не будет таковым, то символ исчезнет. Люди просто потеряют веру в него. Как это случилось с бедным Айрамом.

Извините, мои друзья, - подумал Перрин. Большинство из вас пало. Но не было никакого смысла оглядываться в прошлое. Он всего лишь должен двигать вперёд и быть лучше чем прежде. "- Я Перрин Златоокий" - сказал он, "-Человек, который умеет говорить с волками. И я предполагаю использовать это во благо".

Он отправил Ходока в сторону врат. Нежелательно, но Перрину Златоокому предстоит убивать сегодняшней ночью.

Галад, проснулся, как только накидка на входе его палатки зашумела. Он прогнал остатки своих глупых мечтаний, о совместной трапезе с созданием с темными волосами, совершенной красоты и хитрыми глазами, и потянулся за мечом.

"Галад", прошептал голос. Это был Тром.

"Что случилось?" Спросил Галад, все еще держа руку на мече.

"Ты был прав," сказал Тром.

"О чем?"

"Армия Айбары вернулась обратно. Галад, они находятся на высоте, чуть выше нас! Мы только случайно их увидели, наши люди наблюдали за дорогой, как ты и сказал нам."

Галад выругался, сел и потянулся за одеждой. Как они попали на высоты, а мы их не ведили?

"Темные силы, Галад. Байяр был прав. Ты видел, как быстро их лагерь опустел."

«Разведчики вернулись час назад. Они обнаружили лагерь Айбары жутко пустым, как если бы он был населен призраками. Никто не видел, как они двигались по дороге.»

Теперь это. Галад быстро оделся. "Разбудите солдат. Только смотрите, чтобы они делали это тихо. Ты поступил мудро, что не принес лампу; это могло привести в готовность врага. Пусть солдаты одевают броню в палатках. "

"Да, милорд Капитан-Командор", сказал Тром. шорох сопроводил его уход.

Галад поспешно оделся. Что я сделал? Совершая каждый шаг он был уверен в своем выборе, но куда они привели его. Айбара имеет отличные условия для нападения, люди Галада спят. С тех пор, как вернулась Моргейз, Галад почувствовал, что его мир рушится. Что было правдой в его глазах, уже не так ясно, как было, путь вперед, казалось покрылся туманом.

Мы должны сдаться, думал он, накидывая плащ, поверх кольчуги. Но нет. Дети Света никогда не сдадутся друзьям Темного. Как я мог так подумать?

Они должны были умереть в бою. Но что это даст? Последние дети, умрут до начала Последней Битвы.

Клапаны его палатки, снова зашуршали, и он вынул свой меч, готовый нанести удар.

"Галад," проговорил Байяр. "Ты убил нас." Вся почтительность пропала из его голоса.

Обвинение остановило Галада в раздражении. " Те кто идет в Свете, не должны брать на себя ответственность за тех кто следует в Тени." Цытата из Lothair Mantelar " Я действовал с честью. ""

"Вы должны были напасть на него, вместо того, чтобы проводить это нелепое "судилище".

«Мы были бы убиты. У него есть Айз Седай, Айльцы, мужчины, которые могут направлять, больше солдат, чем у нас, и силы которых мы не понимаем". "Свет бы защищал нас!"

"И если это правда, она будет защищать нас сейчас ", сказал Галад, укрепляясь в уверенности.

«Нет,» сказал Байар шепотом, голос его был сердит. "Мы сами пришли к этому. Если мы проиграем, то это будет заслуженно." Клапаны зашелестели, возвещая о его уходе.

Галад стоял, потом застегнул на себе меч. Обвинения и покаяние будет ждать. Сегодня, он должен был найти способ выжить. Если такой способ был.

Предвосхитить их засаду своей собственной. Оставить людей

в палатках, пока не начнётся атака, а затем удивить Айбару, выскочив из них...

Нет. Айбара начнёт со смертельного дождя из стрел на палатки. Использовать преимущество высоты и лучников с длинными луками - самый лучший вариант.

Лучшее, что можно было сделать - одеть людей в броню, а затем по сигналу заставить их всех одновременно выбежать из палаток и броситься к лошадям. Амадийцы могут создать стену из пик под холмом. Айбара может рискнуть бросить кавалерию вниз по крутому склону чтобы приобрести примущество, но пикинёры могут расстроить этот маневр.

Лучники, тем не мнее оставались проблемой. Щиты помогут. Немного. Он глубоко вздохнул и вышел в ночь, чтобы отдать приказы.

- Когда битва начнётся, произнёс Перрин, - Я хочу, чтобы вы, трое ушли в безопасное место. Я не буду пытаться отправить вас назад в Андор. Я знаю - вы не поедете. Но вы не будете принимать участия в битве. Оставайтесь позади поля битвы с тыловой охраной.

Фэйли взглянула на него. Он сидел верхом, глаза устремлены вдаль. Они стояли на вершине холма, последние из его армии, которая появлялась из врат позади. Джори Конгар держал потайной фонарь для Перрина. Он давал бледный свет.

"Конечно, милорд", сказала Берелейн вежливо.

- Тогда я считаю, что вы поклялись. Сказал Перрин, всё ещё глядя вдаль. Ты и Аллиандре, Берелейн. Фэйли, я просто прошу и надеюсь.

- Клянусь, милорд. Ответила Аллиандре.

Голос Перрина был таким строгим, что Фэйли заволновалась. Может Берелейн права? Он действительно собирался атаковать Белоплащников? Они были непредсказуемым элементом, потому, из-за их фанатичного желания биться в Последней Битве. Они могли больше навредить, чем помочь. Кроме того, Аллиандре была вассалом Перрина, а земли Белоплащников находились в её землях. Кто знает, какой вред они могут причинить до того, как уедут? Ну и ко всему было ещё будущее наказание от Галада.

- Милорд, сказала Берелейн возволнованно, - Пожалуйста. не делайте этого.

- Я делаю только то, что должен, произнёс Перрин, глядя на дорогу, бежавшую к Джеханнаху. Белоплащники были не там. Они были к югу от позиции Перрина.

- Перрин, сказал Фэйли, глядя на Берелейн - Что ты... Внезапно из теней беззвучно, не глядя сухие кусты, появился человек. - Перрин Айбара, сказал Гаул - Белоплащники знают, что

мы здесь.

"Ты уверен?" спросил Перрин. Он не выглядел встревоженным.

"Они пытаются не подавать вида," сказал Гаул, "но я могу видеть это. Девы согласны со мной. Они готовятся к сражению, конюхи седлают лошадей, охранники передвигаются от палатки к палатке."

Перрин кивнул. Он подтолкнул Ходока вперед через гребень, приближаясь к краю холма. Фейли направила Дневной Свет следом за ним, Берелэйн, не отставала от нее.

Склон шел круто вниз, к старому руслу реки, которое обрамляло дорогу. Дорога шла со стороны Джеханнаха, минуя подножье холмов и поворачивая по направлению к Лугарду. Справа от поворота была ложбина, укрытая от холма, где Белоплащники устроили круг палаток.

Облака были тонкими, позволяя бледному лунному свету, покрывать землю серебристо белым. Низкий туман стелился, оставаясь главным образом, в русле реки, глубоком и широком. Перрин осмотрел место действии; у него был хороший обзор дороги в обоих направлениях. Внезапно, крики прозвучали ниже, мужчины, выскакивали с палаток Белоплащников и бежали к коновязям. Вспыхивали огнем факелы.

"Лучники вперед!" Взревел Перрин.

Двуреченские лучники, подошли к краю, держа руки в поднятом положении.

«Пехота, вставайте за лучниками!» кричал Перин. «Арганда, на левый фланг. Галене, на правый! Я скажу, когда необходима будет ваша атака.» Он повернулся к пехотинцам, в основном бывшим беженцам. «Встаньте плотным строем, парни. Опустите ваши щиты, и положите на них копья, под углом. Лучники, стрелы на изготовку!»

Фэйли почувствовала, что начала потеть. Это было неправильно. Конечно, Перрин не собирался...

Он по прежнему не смотрел на белоплащников под ними. Он смотрел на русло реки, на другое стороне, может быть в сотне ярдов или около того, от высоты, которая заканчивалась крутым обрывом – из за-за обмыва древней рекой. Перин смотрел, как будто увидел что-то, что остальные не видели. И с этими золотыми глазами, возможно именно так и обстояло дело.

"Милорд," сказала Берелейн, направляя лошадь поближе к нему, с отчаянием в голосе. "Если ты все же должен атаковать, ты можешь захватить командира Белоплащников? Он мог бы быть полезным по политическим причинам."

"О чем ты говоришь?" воскликнул Перрин. " Единственная

причина моего присутствия здесь - это спасение Дамодреда"

"Ты... Что?" Спросила Берелейн.

"Милорд!" внезапно воскликнул Грейди, находясь поблизости. "Я ощущаю плетения!"

"Что это, там!" Джори Конгар завопил, указывая пальцем. "Что-то в тумане. Это..."

Фэйли прищурилась. Там, под ногами армии, в высохшем русле реки, будто из-под земли начали появляться фигуры. Бесформенные существа, с головами и телами животных, половина ростом как Перрин, несущие страшное оружие. Между ними двигались блестящие безглазые фигуры в чёрном.

Туман вился вокруг них, когда они шли в перед, таща за собой клочья. Твари продолжали появляться. Десятки. Сотни. Тысячи.

Целая армия Троллоков и Мурдраалов.

"Гренди, Неалд! " Взревел Перрин. "Света !"

Шары яркого белого цвета появились и повисли в воздухе. Всё больше и больше Троллоков вырастало из-за тумана, будто он порождал их, но кажется, огни смущали их. Они смотрели вверх, щурясь и прикрывая глаза.

Перрин заворчал. - Как насчёт этого? Они не ожидали нас, ону думали, что легко перебьют Белоплащников. Он повернулся, глядя на шеренги удивлённых солдат. Ну что же, солдаты, вы хотели следовать за мной в Последнюю Битву? Мы попробуем, какова она на вкус прямо сейчас. Лучники, огонь! Отправим эти Отродия тени назад в преисподнюю, которая их породила.

Он поднял заново выкованый молот, и битва началась.

Глава 41

Неожиданный союзник

Галад бежал с высоко поднятым щитом. Борнхальд присоединился к нему,также держа свой щит и бросив в сторону фонарь, когда в небе вспыхнули эти неестественные огни. Молчали. Град стрел начнется моментально.

Они добрались до коновязи, где пара испуганных конюхов подали им коней. Галад опустил щит, чуствуя свою незащищеность вскакивая на спину Стойкого. Он повернул коня и забрал свой щит обратно. Он услышал знакомый звук спущенных тетив луков вдали, и падающих стрел.

Ни одна не упала рядом с ним.

Он колебался. Шары висящие в воздухе сделали все настолько ярким как полная луна в ночи, даже может быть еще ярче.

"Что происходит?" сказал Борнхальд, лошадь, нервно танцевала под ним. "Они промахнулись? Эти стрелы падают далеко за пределами лагеря."

"Троллоки!" Кричали в лагере. "Тысячи из них спускаются на дорогу!"

"Отродья"! в ужасе кричали Амадийцы. "Отродья тени! Свет, они реальны?"

Галад взглянул на Бронхальда. Они галопом погнали лошадей в лагерь, смотря на дорогу, белые плащи трепетали сзади.

На бойню.

Волны стрел падали с высоты, врезаясь в толпу отродий тени. Существа выли и визжали, некоторые пытались бежать в лагерь Галада, другие, подняться к лучникам. Неожиданно среди Троллоков стали раздаваться взрывы, земля вздымалась под ними, и огонь падал сверху. Направляющие Айбары вступили в борьбу.

Галад отдавал приказы. "Пехота, построить защиту по эту сторону лагеря", ревел он. "Арбалетчиков, в те развалины. Разделить легионы на восемь кавалерийских отрядов, и подготовиться к вылазке! Лучники, приготовится!" Основная сила чад была представлена кавалерией. Его люди должны были атаковать тролоков волнами, один отряд за одну атаку, затем отступать назад за оборонительные строй пехоты. Арбалетчики должны ослабить линии троллоков для тяжелой кавалерии, чтобы

она могла поразить их с копьями, лучники должны прикрывать их, чтобы они вернулись за свою оборону.

Приказы выполнялись быстро, чада перестраивались более эффективно, чем амадийцы. Борнхальд кивнул. Это была главным образом оборонительная тактика, но в этом был смысл, по крайней мере пока Галад смог бы разобраться с тем, что происходит.

Раздался топот лошадиных копыт. Прискакал Байар. Он осадил коня поставив его на дыбы. Повернулся, глаза его были широко открыты. "Троллоки? Как . . . Это Айбара. Он привел армию Отродий тени!"

Если он это сделал, сказал Галад, то он устраивает им бойню.

Байар подвинулся ближе. "Это так же, как было в Двуречье. Дейн, ты помнишь, что он делал? Атаки тролоков. Айбара организует оборону, и поэтому получает поддержку."

"Какой в этом смысл?" сказал Борнхальд .

"Чтобы обмануть нас."

"Убивая такое количество троллоков как он получает их поддержку?" Борнхальд нахмурился. "Это ... это не имеет смысла. Если Айбара может командовать тысячами троллоков, зачем ему нужны мы?"

"Его мозг болен, он ненормален", ответил Байар. "Если он не причастен к появлению троллоков, то как объяснить, что оба раза он появляется с ними в одно и тоже время ?"

Пожалуй есть доля истины в этом, вынужден был признать Галад."По крайней мере", сказал он, "это даёт нам необходимое время построить защиту. Борнхальд, Байар помогите передавать мои приказы. Я хочу чтобы всадники были готовы к атаке, как только арбалетчики закончат". Он колебался. "Но пусть люди знают, что мы не оставим наши фланги открытыми для Айбары. Оставьте часть пехотинцев с копьями напротив этой высоты. На всякий случай."

Троллоки кричали и падали под стрелами. Ещё больше их продолжало появляляться, и многие из них не падали пока в них не попадало несколько стрел.

Отродья тени готовились устремиться вверх по склонну к силам Перрена. Если бы они сделали так, его пехота задержала бы их на какое-то время - затем оттянулась бы назад пока кавалерия прикрывала бы их отход.

"Как ты узнал?" спросила тихо Фейли.

Он посмотрел на нее. "Пришло время для вас троих отступить к охране." Он поглядел на Берелейн, побледневшую сидя на лошади, как будто появление Троллоков расстраивало ее. Он знал ее сильной, как сталь, что бы ни было. Почему она пахнула

настолько взволнованной?

"Я пойду", сказала Фейли. "Но я должна знать".

"Это все связанно," сказал Перрин. "Тот купол был нужен, чтобы помешать нам сбежать через врата. Но это должно было также направить нас вдоль дороги, препятствуя ехать напрямик в Андор. Нам показалось странным, что Мастер Гил повернул вдоль дороги, не повинуясь приказам — но это произошло потому что он был убежден едущими с севера людьми, что дорога была непроходима. Наши враги планировали, я подозреваю, заманить в эту область.

Нас загоняли с самого начала. Они не ожидали, что мы задержимся с Белоплащниками, они ожидали, что мы направимся в Лугард, так быстро как сможем. Если бы мы попытались уйти через пересеченную местность, я более чем уверен, произошло бы что-нибудь, что заставило бы нас повернуть обратно. Они отчаянно хотели направить нас в засаду. Силы Галада возможно не были частью этого - он был вроде колючки у них под седлом.

"Но Троллоки. Откуда-"

"Я думаю с помощью Портального Камня," сказал Перрин. "Я знал, что кто-то собирается напасть здесь. Не знал как. Я думал попалам, что это будут Драгкары с неба или Путевые врата, который мы пропустили. Но те руины, на которые указал Арганда, показалось они могут быть хорошим местом для Портального Камня. Он должно быть был похоронен рекой, изменившей свое русло. Троллоки не выходили из под земли; я думаю, что они появились от камня.

"Это была ловушка. Вероятно, они бы напали на нас гораздо раньше, но Белоплащники были в пути. Они должны были дождаться, пока мы не сразимся с ними. А потом мы ушли. Поэтому..."

Поэтому они напали Дамодреда и его людей ", закончила Фейли." После установки ловушки, они по крайней мере хотели нанести хоть какой-то ущерб тем, кто сможет бороться в дальнейшем."

"Я подозреваю, что один из Отрекшихся стоит за этим ", сказал Перрин, обращаясь к Грейди

"Один из Отрекшихся?" сказала Аллиандре, повышая голос. "Мы не можем бороться с Отрекшимися?"

Глаза Перрина сверкнули на неё."О чем вы думали,Аллиандра, когда последовали за мной? Вы бьётесь для Дракона Возрожденного в Последней Битве.Мы встретимся лицом к лицу с Отрекшимися рано или поздно."

Она побледнела, но к ее чести, кивнула.

"Грейди".Позвал Перрин Аша'мана, который посылал

огненные шары вниз в троллоков."Ты еще ощущаешь направляющих?"

"Только появляются и исчезают, мой лорд", -Грейди указал назад.

-Кто бы это ни был они не так уж ужасны. И они не вступают в битву. Я думаю что они должны перемещать Троллоков. Как только кулаки вступают в бой они перемещают новые силы.

"Наблюдай за ним",сказал Перрин."Смотри, если ты сможешь завалить его"

"Да, милорд", сказал Грейди, отдавая честь.

Так значит не один из Отрёкшихся лично привёл Троллоков. Вовсе не значит, что работа был проделана не одним из них, просто они решили не появляться лично. - Вы трое, за мной, обратился Перрин к Фэйли, Берелейн и Аллиандре, поднимая свой молот. Троллоки начали подниматься на возвышенности, многие падали от стрел, но было достаточно и тех, которые скоро достигнут вершины. Пришло время для сражаться.

-Ты не можешь знать сколько еще тварей обрушиться на нас муж мой, - мягко сказала Фейли.

-Они продолжают прибывать. Что будет если они сокрушат нас?

- Мы отступим через врата, если дела пойдут плохо. Но я не позволю им захватить Белоплащников без боя, я не оставлю ни одного человека Троллокам, даже таких как они. Они не пришли на помощь в Двуречье, когда мы были атакованы. Нет, я так не поступлю. Я сказал.

Фейли, вдруг наклонилась, чтобы поцеловать его. "Спасибо".

"За что?"

"За то что ты такой какой есть" сказала она, поворачиваясь и уводя двух других.

Перрин покачал головой. Он волновался, что должен будет приказать Грэйди обернуть ее Воздухом и унести ее подальше. Он вернулся к приближающимся Троллокам. Мужчины Двуречья не облегчали им подъем. Хотя у них кончались стрелы.

Перрин поднял Мах'аллейнир. Он чувствовал себя отчасти виновато оттого, что должен купать оружие в крови вскоре после его создания, но большая часть была рада. Эти Троллоки и те, кто их привел, виновны в смерти Прыгуна.

Кулак троллоков достиг вершины холма, Мудраал позади надзирал за ними, еще один Исчезающий с черным мечом возглавлял их. Перрин испустил рев и повел атакующих вперед, держа молот высоко поднятым.

Галад выругался, поворачивая Стойкого и рубя мечом по шее троллока с головой медведя. Темная густая кровь била

зловонным потоком, но тварей было ужасно трудно убить. Галад слышал рассказы и обучался с людьми, которые сражались с Отродями Тени. Тем не менее, их живучесть удивила его.

Ему приходилось рубить не меньше трех раз прежде, чем создание падало. Рука Галада уже ныла. В том, чтобы сражаться с подобными чудовищами, не было искусства. Он использовал приемы фехтования верхом, но, зачастую, самые простые и жестокие из них. Дровосек Рубит Ветку. Лунный серп. Разящие искры.

Его люди не особо преуспевали. Они были окружены, и больше не осталось простора для копейщиков. Внезапные атаки срабатывали некоторое время, но тяжелая кавалерия была вынуждена отступить к подножию, и все его войска оттесняли на восток. Амадийцы были разбиты, а силы нападавших оказались слишком велики, чтобы позволить дальнейшие кавалерийские атаки. Все, что могли делать верховые Чада, так это дико махать своим оружием, пытаясь остаться в живых.

Галад развернул Стойкого, но два рычащих троллока прыгнули на него. Он быстро полоснул одного по шее Цаплей, Схватившей Серебрянку, но Отродье упало прямо на Стойкого, вынуждая коня пошатнуться. Другая тварь хлестанула ловчим шестом по шее Стойкого. Конь пал.

Галад едва успел высвободиться, ударившись о землю в общей свалке, когда Стойкий рухнул, дергая ногами, бьющая из шеи кровь заливала его белую холку. Галад покатился, меч крутился сбоку, но приземлился он неудачно. Вывихнутая лодыжка мучительно болела.

Не обращая внимания на боль, он вовремя поднял свой меч, чтобы отклонить крюк заросшего бурой шерстью чудовища девяти футов высотой, от которого разило смертью. Отраженная атака снова лишила Галада равновесия.

"Галад!"

Фигуры в белом врезались в троллоков. Вонючая кровь брызнула в воздух. Люди в белом валились на землю, но троллоки были отброшены. Борнхальд стоял, тяжело дыша, с обнаженным мечем и щитом, помятым и заляпаным темной кровью. С ним было четверо. Остальные пали.

- Спасибо, - сказал Галад. - Ваши боевые кони?

- Сражены, - ответил Борнхальд. - Им, должно быть, приказали избавляться от лошадей.

- Не хотят, чтобы мы сбежали, - сказал Галад. - Или собрались для атаки. - Он посмотрел вдоль линии окруженных солдат. Двадцать тысяч казались великой армией, но линия фронта была смята. И троллоки продолжали прибывать, волна за волной. С

севера ряды Чад были разбиты, и троллоки продвигались вперед, чтобы войска Галада оказались в клещах окружения. Они отрежут их от севера и юга, а затем раздавят о холм. Свет!

- Собираемся у северного подножия! - крикнул Галад. Он побежал в том направлении так быстро, как мог, его лодыжка давала о себе знать, но все еще работала. Мужчины присоединились к нему. Их одежда больше не была белой.

Галад знал, что большинство генералов, таких, как Гарет Брин, не сражалось на передовой. Они были слишком важны для этого, их умы были необходимы, чтобы планировать битву. Вероятно, именно это должен был делать Галад. Все разваливалось.

Его люди были хороши. И сплочены. Но они не были подготовлены к встрече с троллоками. Только теперь - наступая по грязной земле темной ночью, освещенной висящими в воздухе шарами, - он видел, какими неопытными были многие из них. В его распоряжении было несколько ветеранов, но большая часть сражалась, главным образом, против непокорных бандитов или городских ополченцев.

Троллоки отличались от них. Воющие, хрюкающие, рычащие чудовища бились в исступлении. Там, где им не хватало воинской дисциплины, они добирали силой и свирепостью. И голодом. Мурдраалы среди них были достаточно ужасными, чтобы самолично разбить строй. Солдаты Галада отступали.

- Держитесь! - проревел Галад, достигая разорванной линии фронта. С ним были Борнхальд и еще около пятидесяти человек. Даже близко не достаточно. - Мы Чада Света! Мы не сдадимся Тени!

Это не сработало. Наблюдая за катастрофическим концом, вся его система понимания дала трещину. Чада Света не были защищены своей добродетелью; они падали рядами, как колосья под косой. Хуже того, некоторые и вовсе не сражались с доблестью или не держались с решимостью. Слишком многие вопили в ужасе, убегая. Он мог понять амадийцев, но множество Чад и сами были немногим лучше.

Они не были трусами. Они не были слабыми бойцами. Они были всего лишь людьми. Обычными. Все оказалось совсем не таким, каким должно было быть.

Загремел гром, когда Галленне повел своих всадников в еще одно наступление. Они врезались в линию троллоков и сбросили многих из них, вынуждая их кубарем катиться вниз по склону.

Перрин обрушил Мах'аллейнир на троллочью голову. Сила удара отбросила создание в сторону, и - что было странно - его кожа шипела и дымилась в том месте, куда попал молот. Это

происходило с каждым ударом, словно касание Мах'аллейнира обжигало их, хотя Перрин чувствовал от молота только приятное тепло.

Строй Галленне пробился сквозь шеренги троллоков, разделив их на две когорты, но там валялось слишком много туш, что затрудняло атаку его копейщикам. Галленне отступил, и отряд двуренцев приблизился и пустил стрелы в троллоков, сражая их с волной крика, воя и вонючей смерти.

Перрин потянул Ходока назад, вокруг него собирались пехотинцы. Очень немногие из его людей пали сегодня среди троллоков. Разумеется, даже одного было слишком много.

Арганда пустил коня рысью. Он где-то потерял перья со своего шлема, но широко улыбался.

- Мне редко доводилось участвовать в таком приятном сражении, Айбара, - сказал он. - Враги, о гибели которых тебе не нужно испытывать укола жалости, идеальный плацдарм и удобная позиция для обороны. Лучники, о которых можно только мечтать, и Аша'маны, чтобы прикрыть бреши! Я лично уложил более двух дюжин тварей. За единственный этот день я рад, что мы последовали за тобой!

Перрин кивнул. Он не стал отмечать, что одной из причин, из-за которой они получили поблажку, было то, что большинство троллоков сосредоточилось на Белоплащниках. Троллоки были мерзкими, чудовищными созданиями, и обладали свирепым и эгоистичным характером. Атаковать склон под обстрелом огненными шарами и длинными луками, только чтобы попытаться отбить землю у двух полных отрядов кавалерии? Лучше уж найти более легкого противника, и в этом также был свой тактический смысл. Сначала сосредоточиться на более простом сражении, когда приходится воевать на два фронта.

Они пытались как можно быстрее раздавить Белоплащников, оттеснив их к склону, кишели среди них, не оставляя тем пространства, чтобы повести кавалерию в наступление, и разделяли их на части. Тот, кто руководил ими, разбирался в тактике; это не было плодом троллочьих умов.

- Лорд Перрин! - голос Джори Конгара перекрыл гул от воя троллоков. Он вскарабкался на бок Ходока. - Вы просили меня наблюдать и рассказывать, что они делают. Ну, может, Вы захотите взглянуть.

Перрин кивнул, поднимая кулак и делая рубящее движение. Грейди и Неалд стояли позади, на скальном образовании, с которого можно было смотреть вниз, на дорогу. Их основным заданием было уничтожить каждого замеченного Мурддраала. Перрин хотел, чтобы как можно меньше этих существ попало на

высоту. Убить одного Мурддраала мечом или топором могло обойтись в десятки жизней. Лучше убивать Огнём, с расстояния. Кроме того, иногда убийство одного из Исчезающих может означать уничтожение группы Троллоков, связанную с ним.

Аша'маны, Айз Седай и Хранительницы Мудрости увидели Перринов сигнал. Они начали полномасштабную атаку на троллоков, огонь слетал с их рук, разрушающие молнии били с неба, сталкивая Отродий вниз по склону.

Пехота Перрина отошла назад, чтобы несколько минут передохнуть.

Перрин подтолкнул Ходока к краю, глядя на юг вдоль склона и держа Мах'аллейнир опущенным у ноги. Ниже, войска Дамодреда действовали даже хуже, чем боялся Перрин. Троллоки продвигались вперед, практически разделив Белоплащников на две группы. Чудовища хлынули по бокам, заманивая Галада в ловушку, заставляя Белоплащников сражаться на три фронта. Их тылы были прижаты к склону, и многие отряды кавалерии были отрезаны от основного места битвы.

Галленне рысью подъехал к Перрину.

- Троллоки все еще прибывают. Я бы предположил пока что пятьдесят тысяч тварей. Аша'маны говорят, что ощущают только одного направляющего, и он не ввязывается в бой.

- Тот, кто командует Отродьями Тени, не хочет вовлекать своих направляющих, - предположил Перрин. - Из-за нас, занимающих высоты. Они оставят троллоков, чтобы те нанесли урон, какой смогут, и посмотрят, сумеют ли Отродья взять верх. Если им это удастся, то мы увидим появление направляющих.

Галленне кивнул.

- У войска Дамодреда неприятности.

- Да, - ответил Галленне. - Ты выбрал для нас хорошую позицию, чтобы помочь им, но кажется, наших сил недостаточно.

- Я спускаюсь к ним, - решил Перрин. Он подчеркнул. - Троллоки окружают его, блокируя напротив склона. Мы можем помчаться вниз и застать тварей врасплох, врезавшись в них сбоку, прорываясь и освобождая людей Дамодреда, чтобы самим занять плоскогорье.

Галленне нахмурился. "Простите, лорд Перрин, но я должен спросить. Каково это, что вы чувствуете оставаясь обязанным им? Я опечалился бы, если мы по-настоящему вернулись, чтобы напасть на них — хотя я вижу в этом логику. Но я не вижу причины помогать им."

Перрин проворчал. "Так - будет правильно."

- "Это спорный вопрос, - сказал Галленне, качая защищенной шлемом головой. - Сражение с троллоками и Исчезающими - это

великолепно, ибо с каждым павшим будет на одного меньше среди наших противников в Последней Битве. Наши люди получат опыт боя с ними и смогут научиться управлять своими страхами. Но этот склон крутой и ненадежный; если ты попробуешь съехать вниз к Дамодреду, ты можешь погубить наше преимущество.

- Я отправляюсь в любом случае, - сказал Перрин. - Джори, приведи двуреченцев и Аша'манов. Они понадобятся мне, чтобы ослабить троллоков перед наступлением. - Он снова поглядел вниз. Воспоминания о Двуречье затопили его разум. Кровь. Смерть. Мах'аллейнир потеплел в его кулаке. - Я не оставлю их там, Галленне. Даже их. Ты присоединишься ко мне?

"Вы - удивительный человек, Айбара." Галленне колебался. "И один из достойных чести. Да, я присоеденюсь."

- Хорошо. Джори, ступай. Мы должны достичь Дамодреда прежде, чем его ряды сомнут.

волна прокатилась по толпе Троллоков. Галад колебался. Меч выпадал из потных пальцев. Всё тело болело. Стоны доносились со всех сторон, гортанные и рычащие - умирающих Троллоков, жалобные - людей. Дети вокруг него держались. Едва, едва.

Ночь была туманной. Даже с этими огнями. Было такое чувство, будто они сражаются с кошмаром. Но если Дети Света не могут выстоять против тьмы, то кто?

Троллоки начали выть громче. Те, которые стояли перед ними, повернулись, переговариваясь на грубом, гортанном хрипящем языке, который заставил его отшатнуться в отвращении. Троллоки могут говорить? Он не знал. Что же привлекло их внимание?

А затем он увидел. Ливень из стрел, падающих с высоты, поваливший ряды Троллоков, стоящих рядом. Лучники Двуречья оправдывали свою репутацию. Галад знал, что не многие лучники могли стрелять вот так, ну по крайней мере, чтобы стрелы не сыпались на Белоплащников. Эти как раз были точны.

Троллоки кричали и выли. Тогда, с вершины холма, спустилась тысяча всадников. Огни сверкали вокруг них; огни падали сверху, образовывая внизу дугу красно-золотого копья. Огни освещали всадников в серебре.

Манёвр был невероятным. Уклон был так крут, что лошади могли споткнуться, упасть и превратить всю силу в бесполезную кучу тел. Но они не упали. Они уверенно скакали. Копья мерцали. И впереди скакал бородатый монстр с большом поднятым ввысь молотом. Перрин Айбара, собственной персоной. Флаг удерживаемый человеком, скачущим прямо позади, реет над головой. Красная голова волка.

Нежелея себя, Галад опустил немного щит. Айбара казался почти горящим от языков пламени, которые окружили его. Галад мог увидеть эти широкие, золотые глаза. Как сами огни.

Конники врезались в Троллоков, окруживших силы Галада. Айбара испустил громкий рёв, затем начал крошить молотом по сторонам. Атака заставила Троллоков отступить.

- В атаку! - закричал Галад. - Сомните их! Оттесните к коннице! - Он направился к северу, в сторону высот, вместе с Борнхальдом.

Рядом, Тром сплотил, все что осталось от его легиона и повел его в атаку на Троллоков навстречу Айбаре.

Схватка становилась все более и более хаотичной. Галад бился неистово. Выше, невероятно, вся армия Айбары хлынула вниз на склон холма, бросая высоту. Они свалились на Троллоков, десятки тысяч кричащих мужчин. "Златоокий! Златоокий!"

Атака привела Галада и Борнхольда к Троллокам. Существа пытались оторваться от Айбары, разбегаясь во всех направлениях. Люди, рядом с Галадом и Борнхальдом довольно скоро начали драться за выживание. Галад прикончил Троллока Воздушной Лентой, но развернувшись, обнаружил ,что стоит лицом к лицу с трехметровым чудищем с бараньей мордой. Рога закручивались по обоим сторонам его огромной квадратной морды, но глаза были человеческими как и нижняя челюсть.

Галад нырнул, когда он качнул свое оружие, затем кольнул мечом в живот. Существо закричало, и Борнхальд ударил его с боку.

Галад закричал и отпрыгнул, но его перекрученная лодыжка в конце концов подвела его. Она застряла в трещине в земле и Галад услышал ужасный хруст, когда упал.

Умирающий монстр упал на него, пригвоздив к земле. Боль ударила в ногу, но он не обращал внимания. Он отбросил свой меч, пытаясь отпихнуть труп. Борнхальд, ругаясь, отбросил Троллока с рылом как у хряка. Существо издало ужасающий хрюкающий звук.

Галад сбросил вонючий труп. Сбоку он мог видеть людей в белом, Тром с Баяром рядом с ним, отчаянно прорубывающих путь к Галаду. Троллоков было так много, а те Дети, что были рядом в основном уже пали.

Галад потянулся за мечом, в тот момент, когда фигура всадника пробилась через тени и Троллокв с севера. Айбара. На скаку он засадил массивным своим молотом прямо в хрякоподбного Троллока, отправляя сломанное тело на землю. Айбара спрыгнул с лошади, когда Борнхальд пробрался, что

помочь Галаду встать на ноги.

"Ты ранен?" спросил Айбара.

"Моя лодыжка," сказал Галад.

"На моего коня," сказал Айбара.

Галад не протестовал, это было логично. Однако, он почувствовал стыд, когда Борнхальд помог ему подняться. Люди Айбары заполнили пространство вокруг них, оттесняя Троллоков. Теперь, когда армия Айбары вступили в схватку, солдаты Галада тоже сомкнули ряды.

Быстро лететь вниз по склону было рискованно, но поскольку Галад был на лошади Айбары, он мог видеть, что риск оправдывался. Мощное наступление раздробило порядки Троллоков, а некоторые группы начали бежать. Языки пламени упали с неба, сжигая Мурддраала, и уничтожая целые кулаки Троллоков, связанные с ним.

Битва ещё не закончилась, но ситуация полностью изменилась. Силы Айбары очищали пространство вокруг их лидера, давая ему, и Галаду, место для передышки и обдумыванию следующей стадии атаки.

Галад повернулся к Айбаре, который изучал Троллоков своими острыми глазами. "Я предположу, что ты думаешь будто мое спасение повлияет на решение о твоем наказании," сказал Галад.

- Лучше бы так, - пробормотал Айбара.

Галад поднял бровь. Это был не тот ответ, который он ожидал. "Мои люди считают это подозрительным, что ты появился так быстро перед Троллоками."

- Ну они могут думать, если хотят, - сказал Айбара - Я сомневаюсь, что мои слова могут изменить их мнение. В каком-то смысле это моя вина. Троллоки пришли сюда за мной. Я просто ушёл до того, как они смогли захлопнуть свою ловушку. Радуйся, что я не оставил им тебя. Твои Белоплащники причинили мне почти столько же страданий, сколько и они.

Как ни странно, Галад понял, что улыбается. У этого Перрина Айбары был открытый вид. Человека, которого впору просить в союзники.

Так что мы теперь союзники? Подумал Галад, кивая приближающимся Трому и Баяру. Наверное на данный момент - да. Он доверял Айбаре. Да, возможно, были люди в мире, которые могли бы устроить такой хитрый заговор, всё для того, чтобы получить расположение Галада. Валда был таким.

Айбара - нет. Он действительно был прямым. Если бы он хотел убрать Детей с дороги, он бы просто убил их и поехал дальше.

"Тогда пусть будет так, Перрин Айбара," сказал Галад. "Я назову твое наказание здесь, этой ночью, прямо сейчас."

Перрин нахмурился, отворачиваясь от созерцания линии фронта. "Что? Сейчас?"

Я называю наказание, ты заплатишь цену за кровь семьям мертвых Детей в количестве пятисот крон. Я также обязую тебя сражатся в Последней Битве со всеми Силами, которые ты сможешь собрать. Сделай так, и я объявлю, что ты искупил вину."

Было не очень подходящее время для такой речи, но он принял решение. Они будут сражаться дальше и возможно один из них падёт. Галад хотел, чтобы Айбара знал приговор. На всякий случай.

Айбара изучающей посмотрел на него, затем кивнул. - Я скажу, что это честно, Галад Дамодред. Он протянул руку.

- Отродие тьмы! Кто-то двигался позади Айбары. Фигура, вытаскивающая меч. Шипение, блеск металла. Глаза Баяра, светящиеся гневом. Он стал как раз там, где мог ударить Айбару со спины.

Айбара развернулся. Галад поднял свой меч. Но оба слишком медленно.

Однако удара Джарета Баяра не последовало. Он стоял с поднятым оружием, замерший, губы дрожали. Он упал на колени, затем шлёпнулся на землю прямо к ногам Айбары.

Борнхаль стоял позади, глаза расширены от ужаса. Он посмотрел на свой меч. - Я... нельзя бить человека в спину, после того, как он спас нас. - Это... Он опустил меч, и отшатнулся от тела Баяра.

- Ты правильно поступил, Чадо Борнхальд. Сказал Галад с сожалением. Он покачал головой. - Он был хорошим офицером. Неприятным иногда, но храбрым. Жаль потерять его.

Айбара глядел по сторонам, будто искал других Детей, способных сразить его. - Этот с самого начала искал причину, чтобы увидеть меня мёртвым.

Борнхальд посмотрел на Айбару. Глаза всё ещё налиты ненавистью, затем очистил меч и вогнал в ножны. Он ушёл прочь, туда, где собирали раненых. Пространство вокруг Галада и Айбары становилось всё более безопасным. Троллоков отбрасывали назад, боевые порядки людей Айбары и Детей становились всё более правильными

"Он ещё считает что я убил его отца?" сказал Айбара.

"Нет," ответил Галад. "Я думаю он верит что это не ты.Но он ненавидел тебя очень долго, лорд Айбара, и любил Баяра дольше." Он покачал головой. "Убить друга. Иногда бывает больно делать что правильно."

Айбара крякнул. " Вы должны добраться до раненых," он сказал взвешивая свой молот и смотря вперед где борьба была очень жаркой.

"Я впорядке для боя если у меня есть ваш конь."

"Ну что ж, пусть будет так." Айбара посмотрел на него. " Я останусь с вами хотя бы на всякий случай, похоже вы можете упасть."

"Спасибо."

"Я люблю лошадей."

Улыбаясь, Галад присоединился к нему и они бросились в гущу схватки.

Глава 42

Сильнее, чем узы крови

Снова Гавин сидел в небольшой, безо всяких украшений, комнате в покоях Эгвейн. Он чувствовал себя обессиленным, что не удивительно, учитывая то, что он пережил, включая Исцеление.

Гавин был поглощен изучением нового чувства внутри себя. Прекрасное цветение внутри сознания, которое отражало эмоции Эгвейн. Узы вызывали удивление и приносили спокойствие, позволяя ему знать, что Эгвейн в порядке.

Ожидая ее появление, он встал как только открылась дверь. "Гавин, - обратилась Эгвейн, входя внутрь, - тебе не следует стоять в таком состоянии. Пожалуйста, сядь."

"Со мной все нормально" - ответил он, но поступил так, как она велела.

Эгвейн прошла к другому креслу и села напротив него. Она была спокойна и безмятежна, но он чувствовал, что она была потрясена событиями ночи. Слуги все еще убирали пятна крови и тела, пока Чубейн держал всю Башню под контролем, проверяя каждую Сестру. Был обнаружен еще один убийца. В попытке убить ее Гвардия потеряла двух солдат и Стража.

Да, он мог почувствовать ее волнение, скрываемое за маской невозмутимости. В течении последних месяцев, Гавин начал полагать, что Айз Седай возможно обучены не чувствовать что-либо. Узы доказали обратное, Эгвейн чувствовала; она просто не позволяла эмоциям управлять собой.

Взглянув на ее лицо и ощущая бурю внутри, Гавин впервые увидел Узы с другой стороны. Стражи не только телохранители; они единственные, кто видит настоящие эмоции, скрываемые Айз Седай. Неважно как умело Айз Седай прячет свои чувства, ее Страж знает, что это всего лишь маска.

- Ты нашла Месану? - спросил он.

- Да, хотя это заняло достаточно времени. Она выдавала себя за Айз Седай по имени Данелле из Коричневой Айя. Мы нашли ее в своих комнатах, лепечущую как ребенок. Она уже обмочилась. Я пока не решила, что с ней делать.

- Данелле. Я не знаю ее.

Она любила уединение. - ответила Эгвейн. - Возможно, поэтому Месана выбрала ее.

Они несколько мгновений сидели молча. "Итак, - наконец

сказала Эгвейн. - Как ты себя чувствуешь?"

- Ты сама знаешь. - ответил Гавин.

- Это только означает начало разговора.

Он улыбнулся: "Я чувствую себя великолепно. Удивительно. Спокойно. И в то же время, обеспокоен и встревожен. Как ты."

- Что-то следует предпринять в отношении Шончан.

- Согласен. Но это не то, что гнетет тебя. Ты волнуешься о том, что я ослушался тебя, но теперь знаешь, что это - правильный поступок.

- Ты не нарушил приказ. - сказала Эгвейн. - Ведь, я потребовала твоего возвращения.

- Но ты не сняла запрет на охрану твоих покоев. Я мог нарушить твои планы, подняв тревогу и спугнув убийц.

-Да. - ответила Эгвейн. В ее мыслях чувствовалось сомнение. - Но все равно, ты спас мою жизнь.

- Как они проникли внутрь? - спросил Гавин. - Разбудила бы тебя тревога, если бы в ловушку попала горничная?

Она покачала головой. "Я была глубоко во сне, сражаясь с Месаной. Гвардейцы были рядом и услышали сигнал тревоги. - призналась Эгвейн. - Их всех нашли мертвыми. Похоже, что убийцы ждали, что я выбегу. Один из них спрятался в комнате, чтобы убить меня, когда я схвачу двух других. - Она скривилась. - Такой план мог сработать. Я опасалась Черных Айя или хотя бы Серого человека."

- Я послал предупреждение.

- Гонец был найден мертвым. - она взглянула на него. - Сегодня вечером ты поступил правильно, но это еще беспокоит меня.

-Мы разберемся с этим. - сказал Гавин. - Эгвейн, позволь мне защищать тебя, и я подчинюсь тебе во всем остальном. Обещаю.

Эгвейн колебалась, но все таки кивнула: "Я должна выступить перед Советом. К этому времени они уже должно быть готовы вынести мою дверь и потребовать ответы.

Гавин почувствовал, что внутри она скривилась.

- Если ты представишь так, что мое возвращение всегда было частью твоего плана, это может помочь.

- Так и есть. - сказала Эгвейн. - Хотя время не подходящее. Она медлила: "Когда я узнала, как Сильвиана выразила мою просьбу о твоем возвращении, я подумала, что наверно ты не вернешься вовсе."

- Я чуть так и не поступил.

- Что же изменилось?

- Я должен был научиться смирению. В этом я никогда не был силен.

Эгвейн кивнула, как будто поняла. "Я прикажу поставить здесь кровать. Я всегда считала, что эта комната подходит для поста моего Стража."

Гавин улыбнулся. Спать в другой комнате? В глубине души Эгвейн, все еще жила скромная дочь трактирщика. Она покраснела, почувствовав его мысли.

- Почему мы не поженимся? - спросил Гавин. - Прямо сегодня. Эгвейн, ты - Амерлин, и твое слово - закон в Тар Валоне. Только скажи, и мы будем женаты.

Она побледнела; странно, что это встревожило ее в такую ночь. Гавин ощутил прилив страха. Она сказала, что любит его. Разве она не хочет -

Но нет, он может ощутить ее чувства. Она точно любит его. Тогда, в чем же дело?

Эгвейн испуганно ответила: "Как я посмотрю в глаза родителям, если выйду замуж без их разрешения? Свет, Гавин, мы должны хотя бы послать за ними. И как же Илейн? Ты женишься, не сказав ей?"

Он улыбнулся: "Ты конечно, права. Я сообщу им."

"Я могу -"

"Эгвейн, ты - Амерлин. Весь мир на твоих плечах. Позволь мне обо всем договориться."

Очень хорошо, - согласилась она, выходя в коридор. Там ее ждала Сильвиана, которая бросила сердитый взгляд на Гавина. Эгвейн послала нескольких слуг за кроватью, затем вместе с Хранительницей оправилась по делам, пара Гвардейцев следовали позади.

Гавину хотелось пойти с ней. Вокруг все еще могут быть убийцы. К сожалению она права отправляя его спать. Гавин чувствовал себя плохо, оставаясь на ногах, которые в добавок дрожали. Затем он обратил внимание на линию трупов, закрытых простынями. Их не уберут, пока Сестры не осмотрят тела. Так как прямо сейчас, обнаружение Месаны - и поиски оставшихся убийц - были более неотложным делом.

Стиснув зубы, он заставил себя подойти и отвернуть простыню, открывая безжизненные лица Селарка и Мазона, к несчастью, голова Селарка была отделена от тела.

- Вы поступили правильно, ребята. - сказал Гавин. - Я прослежу, чтобы ваши семьи узнали, что вы спасли жизнь Амерлин. Потеря таких хороших людей вызвала в нем гнев.

Свет, сожги этих Шончан, подумал он. Эгвейн права. С ними нужно, что делать.

Он взглянул в другую сторону, там лежали тела трех убийц, накрытых простынями, из-под них выступали ноги, обутые в

черные туфли. Две женщины и мужчина.

Интересно... подумал он, подходя к трупам. Гвардейцы посмотрели на него, когда он потянул простынь, но не препятствовали.

Тер'ангриал было легко распознать, хотя только потому, что он знал, что искать. Одинаковые каменные черные кольца, одетые на средний палец правой руки. Кольца были вырезаны в форме виноградной лозы с шипами. Видимо никто из Айз Седай не понял, чем они являются, по крайней мере пока.

Гавин незаметно снял все кольца и сложил в карман.

* * *

Лан почувствовал что-то, явное отличие в эмоциях внутри его разума. Он привык игнорировать их и женщину, которую они представляли.

В последнее время эти эмоции изменились. Все больше он уверялся, что связь перешла к Найнив. Он мог опознать ее по чувствам. Как нельзя было не узнать ее - эти чувства страсти и доброты. Это ощущалось... замечательно.

Дорога пошла вниз. Она огибала холм и, затем вела прямиком к хорошо заметной крепости. Серебряные Стены находились прямо на границе между Кандором и Арафелом, и представляли собой большое укрепление расположенное по обоим сторонам Ущелья Фирчон. Это была чрезвычайно массивная крепость на деле состоящая из двух отвесных стен, оставлявших между собой узкий проход подобно каньону. Как будто две стороны огромного дверного проема.

Чтобы пройти через ущелье, придется проехать значительное расстояние между двумя каменными стенами с бойницами. Они очень эффективны против армий, двигающихся в любом направлении.

Они все союзники, все Порубежники. Но это не помешало желанию арафельцев иметь отличную крепость, закрывающую проход к Шол Арбела. Стоянка перед крепостью была местом сбора тысяч людей, разделенных на меньшие группы. Над некоторыми отрядами реял флаг Малкир, Золотой Журавль. Другие флаги принадлежали Кандору и Арафелу.

"Кто из вас нарушил клятву?", спросил Лан, оглядываясь назад на караван.

Люди покачали головами.

"Никому не нужно нарушать клятву", сказал Андере. "Что еще вы сделаете? Пересечете Проклятые Земли? Недостижимые Холмы? Здесь или нигде. Они знают это. И поэтому ждут вас здесь."

Лан заворчал. Похоже на правду. "Мы - караван", громко

сказал он. "Помните, если кто-то спросит, вы можете подтвердить, что мы - Малкири. Также вы можете сказать, что вы ждете своего Короля. Это правда. Но вы не должны упоминать, что уже нашли его."

Другие выглядели обеспокоенными, но не возражали. Лан продолжил спускаться, за ним следовал караван из двадцати фургонов, боевых коней и спутников.

Это было то, чего он всегда боялся. Возрождение Малкир невозможно. Они погибнут, вне зависимости от количества войск. Нападение? На Запустение? Нелепость.

Он не мог просить их об этом. Он не мог позволить им это. Пока он спускался, он стал более твердым. Те храбрые солдаты, их реющие флаги... они должны присоединиться к армии Шайнара и сражаться в битве, которая хоть что-то значит. Он не примет их жизни.

Смерть легче перышка... Раким несколько раз вбивал это в него во время их пути. Он следовал за Ланом десятилетия назад во время Айильской Войны. Долг тяжелее горы.

Лан не избегал своего долга. Он стремился к нему. Тем не менее, огни лагерей волновали его сердце, когда он достиг подножья склона и продолжил путь. Ожидающие мужчины носили простую одежду воинов и хадори, у женщин была точка ки'сайн на лбу. Некоторые мужчины одели плащи с эмблемой Золотого Журавля на плечах, знак королевской стражи Малкир. Они могли надеть их только, если их отцы или деды служили в этой страже.

Это был вид, который заставил бы Букаму плакать. Он думал, что Малкир не существует более как народ, разрушен, поглощен другими нациями. Все же они были здесь, собираясь при малейшем призыве к оружию. Многие были старше Лана уже в те дни когда он был младенцем, когда его королевство пало, и те, кто помнил тот день были теперь на седьмом или восьмом десятилетии. Их волосы были седы, но они все еще были воинами, и они привели своих сыновей и внуков.

"Тай'шар Малкири!", закричал человек, когда мимо прошел отряд Лана. Этот призыв раздался десяток, а затем два десятка раз, когда они увидели его хадори. Ни один человек, казалось, не признал кто он такой. Они полагали, что он пришел по той же причине, что и они.

Последняя Битва приближается, подумал Лан. Должен ли я отказывать им в праве биться рядом со мной?

Да, должен. Лучше, что бы он прошел незамеченным и непризнанным. Он молча смотрел вперед, держа руку на мече. Но на каждый клич Тай`шар Малкир ему хотелось выпрямиться.

Казалось это укрепляет его, толкает его вперед.

Ворота между двумя охраняемыми крепостями были открыты, хотя солдаты проверяли каждого проходящего человека. Лан остановил Мандарба, и люди следующие за ним тоже остановились. Может арафельцам приказано следить за ним? Но у него не было другого выхода, кроме как идти вперед. Обход бы занял несколько недель. Его караван ждал своей очереди, затем подошел к сторожевому посту.

"Цель?" спросил арафелец одетый в форму, с волосами, заплетенными в косички.

"Направляюсь в Фал Моран," сказал Лан. "На Последнюю Битву."

"Вы не собираетесь ждать здесь как остальные?" сказал охранник, махая рукой в перчатке в сторону Малкир. "Ожидать Вашего короля?"

"У меня нет короля," сказал Лан тихо.

Солдат медленно кивнул, потирая свой подбородок. Он махнул другим солдатам, чтобы они осмотрели товары в фургонах. "На это полагается пошлина."

"Я планирую передать это шайнарцам, для участия в Последней Битве," сказал Лан. "Безвозмездно."

Охранник приподнял бровь.

"Клянусь в этом," сказал Лан мягко, встречаясь взглядом с солдатом.

"Тогда никакой пошлины. Тай'шар Малкир, друг."

"Тай'шар Арафел." Лан пришпорил своего коня. Он ненавидел проезжать через Серебрянные Стены, они заставляли его чувствовать себя словно под прицелом тысячи лучников. Троллокам будет непросто пройти здесь, если Арафельцы будут вынуждены отступить так далеко. Несколько раз такое происходило, и каждый раз они здесь держались, как в дни Якобина Неустрашимого.

Лан практически не дышал, проходя через крепость. Он с облегчением достиг другой стороны и направил Мандарба на тракт, ведущий на северо-восток.

"ал'Лан Мандрагоран?" закричал кто-то в отдалении.

Лан застыл. Этот голос шел сверху. Он обернулся, глядя назад в сторону левого укрепления. Там из окна выглядывала чья-то голова.

"Благословен Свет, это ты!" произнес голос. Голова исчезла внутри.

Лану захотелось удрать. Но если бы он так сделал, то этот человек наверняка позвал бы других. Он ждал. Из одной из дверей крепости выбежал человек. Лан узнал его - мальчик, ещё

не ставший мужчиной, он был в красных одеждах и плаще насыщенного синего цвета. Кайсей Норамага, внук Королевы Кандора.

"Лорд Мандрагоран," сказал юноша. "Ты приехал! Когда я услышал, что Золотой Журавль был поднят —"

"Я не поднимал, Принц Кэйсей. Мой план состоял в том, чтобы ехать одному."

"Конечно. Я хотел бы поехать вместе с тобой. Можно?"

"Это не было бы мудрым решением, Ваше Высочество," сказал Лан. "Ваша бабушка находится на Юге; как я понимаю ваш отец правит в Кандоре. Вы должны находится рядом с ним. Что вы здесь делаете?"

"Принц Кендрал пригласил меня," сказал Кэйсей. "И мой отец знает о том, что я здесь. Мы вместе планируем присоединиться к вам!"

"Кендрал, тоже?" ошеломленно спросил Лан. Внук короля Арафела? "Ваше место с вашими людьми!"

- Наши предки принесли клятву, ответил молодой человек. - Клятву защищать и оборонять. Клятву, более сильную, чем кровные узы, Лорд Мандрагоран. Она сильнее чем воля случая. Ваша жена сказала нам ждать вас здесь. Она сказала, что возможно вы попробуете пройти не поприветствовав нас.

"Как ты заметил меня?" спросил Лан, сдерживая свой гнев.

"Конь," сказал Кэйси, кивая на Мандарба. "Она сказала, что вы можете замаскировать себя. Но вы бы никогда не оставили своего коня."

Свет, сожги эту женщину, подумал Лан, услышав клич, пронесшийся сквозь крепость. Она перехитрила его. Проклятье, Найнив. И благослови ее. Он попытался послать сквозь Узы любовь и разочарование.

И тогда, с глубоким вздохом, он сдался. "Золотой Журавль летит на Тармон Гай'дон," тихо сказал Лан. "Любой мужчина или женщина, кто пожелает, могут присоединиться к борьбе."

Он закрыл глаза, поскольку кличи приблизились. Скоро это стало приветствием. Позже ревом.

Глава 43

Немного чая

- И эти Аша'маны утверждают, что порча исчезла? - спросил Галад, пока они с Перрином прокладывали себе путь сквозь поле окончившейся битвы.

- Да, - ответил Перрин. - И я склонен доверять им. С чего бы им лгать?

Галад поднял бровь.

-Безумие?

В ответ Перрин кивнул. Этот Перрин Айбара был занятным человеком. Другие зачастую отвечали со злостью, когда Галад говорил то, что думал, но он начинал понимать, что ему нет нужды сдерживать себя рядом с Перрином. Этот человек спокойно реагировал на честность. Если он и был Другом Темного или Отродьем Тени, то очень странного типа.

Горизонт начал светлеть. Свет, неужели ночь уже миновала? Тела устилали землю, большинство из них принадлежало Троллокам. Вонь горелого мяся и меха вызывала тошноту, особенно в смеси с запахом крови и грязи. Галад чувствовал себя обессиленным.

Он позволил Айз Седай Исцелить себя. "Раз уж ты ввел в дело свои резервы, бесполезно сдерживать разведчиков, " - любил говорить Гарет Брин. Если он собирался позволить Айз Седай спасать его людей, тогда он также мог принять их Исцеление. Прежде, согласие на Исцеление у Айз Седай никогда его так сильно не беспокоило.

- Может быть, - сказал Перрин. - Возможно, Аша'маны безумны, и Порча не была очищена. Но они хорошо мне послужили, и я полагаю, что они заслужили право на доверие до тех пор, пока не обнаружится обратное. Ты и твои люди может быть обязаны жизнью Грейди и Неалду.

- И я благодарен им, - сказал Галад, переступая через громадную тушу троллока с мордой медведя. - Хотя мало кто из моих людей выразит это чувство. Они не знают, что думать о твоем вмешательстве в бой, Айбара.

- Все еще считаете, что я каким-то образом подстроил это?

- Может быть, - ответил Галад. - Либо ты - Друг Темного непревзойденной хитрости, либо ты действительно сделал так, как и сказал - пришел спасти моих людей, несмотря на то, что исполнение твоего приговора в наших руках. В таком случае, ты -

человек чести. Оставив нас умирать, ты бы значительно облегчил себе жизнь, я полагаю.

- Нет, - сказал Перрин. - Каждый меч необходим в Последней Битве, Галад. Каждый.

Галад заворчал, становясь на колени рядом с солдатом в красном плаще и переворачивая его. Плащ не был красным; он был белым, пропитавшимся кровью. Ранун Синах не увидит Последнюю Битву. Галад закрыл глаза юноши, выдохнув во имя него молитву Свету.

-Итак, что ты и твои люди намерены делать дальше? - спросил Перрин.

- Мы будем продолжать идти, - ответил Галад, поднимаясь. - На север, к моим наследным землям в Андоре, для подготовки.

- Ты бы мог --- Перин застыл, недоговорив. Он повернулся и понёсся через поле битвы.

Галад поспешил за ним. Перрин достиг кучи туш Троллоков и начал растаскивать в стороны тела. Галад услышал очень слабые звуки. Стоны. Он помог отодвинуть мёртвое чудовище, с головой ястреба, чьи человечьи глаза были безжизненными.

За тушей оказался молодой человек, который смотрел на них, моргая. Это был Джерам Нас, один из Детей Света.

- О, Свет, - прохрипел молодой человек. - Как больно. Я думал что умер. Умер...

У него на боку была резаная рана. Перрин торопливо стал на колени, поднимая голову парня и давая ему выпить воды, в то время как Галад вытащил повязку из сумки, которую он нёс и использовал её чтобы закрыть рану. Это было ужасная рана. Несчастный юнец вскоре обязательно умрёт. Он---

Нет, Галад осознал. У нас есть Айз Седай. Было довольно сложно думать об этом.

Джерам кричал от радости, держась за руку Перрина. Мальчишка выглядел как будто находился в бреду. Казалось что его не заботят эти золотые глаза.

- Пей, сынок, - сказал Перрин, успокаивающим голосом. Дружелюбно. - всё в порядке. Мы нашли тебя. С тобой всё будет в порядке.

- Мне казалось, что я кричал много часов, - сказал юнец. - Но я был слишком слаб, а они все были свалены сверху меня. Как...как ты нашёл меня?

- У меня хороший слух, - ответил Перрин. Он кивнул Галаду, и они вместе подняли молодого бойца, Перрин взялся за руки, а Галад за ноги. Они аккуратно несли его вдоль поля битвы. Юнец продолжал что-то невнятно бормотать, сознание покидало его.

В стороне от поля битвы, Айз Седай и айильские

Хранительницы Мудрости занимались Исцелением раненных. Когда Галад и Перрин приблизились, светловолосая Хранительница Мудрости - женщина, которая выглядела не старше Галада, но говорила с властностью, присущей пожилой матроне - поспешила к ним. Она стала корить их за то, что они потревожили парня переноской, пока тянулась, чтобы коснуться его головы.

"Ты даешь разрешение, Галад Дамодред?" спросила она. "Этот слишком далеко ушел, чтобы просить за себя."

Галад настоял, чтобы каждому Чаду дали выбор отказаться от Исцеления, независимо от тяжести ранения. Айз Седай и Хранительницам не понравилось это, но Перрин подтвердил приказ. Они, казалось, слушали его. Странно. Галад редко встречал Айз Седай, выслушивающих приказ, или даже мнение, человека.

"Да", сказал Галад. "Исцелите его."

Хранительница Мудрости вернулась к своей работе. Большинство Детей отказались от Исцеления, хотя некоторые изменили свое мнение, когда Галад сам согласился. Дыхание юноши стабилизировалось, его раны закрывались. Хранительница Мудрости не Исцелила его полностью - лишь на столько, чтобы он смог пережить день. Когда она открыла свои глаза, то выглядела изможденной, еще более усталой чем чувствовал себя Галад.

Ченнелеры боролись всю ночь, Исцеляя раненых. Галад и Перрин вернулись на поле. Они конечно были не единственными, кто занимался поиском раненных. Перрин сам мог вернутся в лагерь, чтобы отдохнуть. Но не вернулся.

"Я могу предложить тебе другой вариант", сказал Перрин, пока они шли. "Вместо пребывания здесь, в Гаэлдане, в неделях пути до пункта назначения, я моб бы перенести тебя в Андор сегодня."

"Мои солдаты не доверяют Перемещению."

"Они пойдут, если Ты прикажешь им," сказал Перрин. "Ты сказал, что будешь сражаться рядом с Айз Седай. И я не вижу больших различий между тем и этим. Идем со мной."

"Ты позволишь Нам присоединиться к Тебе?"

Перрин кивнул. "Но мне необходима твоя присяга".

"Что значит, клятва?"

"Я буду откровенен с тобой, Галад. Я не думаю что у нас много времени. Возможно несколько недель. Ну, мне кажется, что мы нуждаемся в вас, но Ранду не понравится оставить Белоплащников без присмотра на линии фронта. Таким образом, я хочу, чтобы ты поклялся принять меня, как командира до конца битвы."

Галад колебался. Рассвет был близок, возможно за теми облаками. "Ты понимаешь, что это смелое предложение? Лорду Капитану Командору повиноваться чьим либо приказам? Замечательно! Но тебе, человеку которого я до недавнего времени считал убийцей? Большинство Детей Света убеждены, что ты Друг Темного."

Перрин повернулся к нему. "Ты пришел со мной сейчас, и я приведу тебя на Последнюю Битву. Без меня, кто знает, что случится."

"Ты сказал, что каждый меч будет нужен," ответил Галад. "Ты бы оставил нас?"

"Да. Если у меня не будет твоей клятвы, я оставлю Вас. Возможно Ранд, непосредственно, и захочет обратится к тебе. Теперь же, ты - знаешь меня. Я буду честен с тобой. Все, что я потребую, - это, что бы твои люди оставались в строю и сражались там, где им прикажут, когда начнется битва. Ранд... хорошо, ты можешь принести клятву не мне. Но Ты найдешь, что намного тяжелее говорит это ему. И я сомневаюсь, что тебе понравится результат, когда ты скажешь ему свое - ДА."

Галад нахмурился. "Ты странно убедительный человек, Перрин Айбара".

"Мы заключили сделку?" Перрин протянул руку.

Галад принял ее. Нет, не угроза заставила его сделать это; он помнил голос Перрина, когда тот нашел раненного Джерама. Это сострадание. Никакой Друг Темного не сможет так притвориться.

"Прими мою клятву," промолвил Галад. "Признаю Тебя своим Командиром до конца Последней Битвы," Он внезапно почувствовал себя слабее, чем был, и перевел дыхание. Затем присел на камень.

"И у тебя есть моя клятва," сказал Перрин. "Я прослежу, что бы о твоих людях позаботились так же как за другими. Посиди здесь и отдохни; я посмотрю участок вон там. Слабость скоро пройдет."

"Слабость?"

Перрин кивнул. "Я знаю, на что это походит, оказаться затянутым Та'вереном. Свет! И это я." Он взглянул на Галада. "Ты когда-либо задался вопросом, почему мы встретились здесь, в этом самом месте?"

"Мои люди и я предполагали, потому что, Свет отдал тебя в наши руки," сказал Галад. "Что бы, мы могли покарать тебя."

Перрин покачал головой. "Это не так. Правда в том, Галад, что я очевидно нуждался в тебе. И именно поэтому мы встретились здесь."

Аллиандре аккуратно свернула перевязочный бинт, и

передала его к ожидавшему гай'шан. Его пальцы были толстыми и мозолистыми, лицо было скрыто под капюшоном. Она подумала, что это мог оказаться Ниаген, тот Потерянный, который заботился о Ласиль.

Это все еще раздражало Фейли, но Алиандре не понимала почему. Айилец, вероятно, был бы хорошей парой для Ласиль.

Аллиандре начала скручивать другую повязку. Она вместе с другими женщинами сидела на маленькой поляне неподалеку от поля битвы, окруженной потрепанными одуванчиками и стволами болотных миртов. Только стоны раненых нарушали тишину прохладного воздуха.

Она отрезала еще одну полоску ткани цвета утреннего солнца. Ткань раньше была рубашкой. Теперь это были бинты. Небольшая потеря; это была не очень хорошая рубашка, судя по тому как она выглядела.

"Сражение еще продолжается?" мягко спросила Берелейн. Она и Фейли работали поблизости, сидя на табуретах друг напротив друга, чтобы совместно разрезать одежду на полоски.

"Кажется, что все еще да," ответила Фейли.

Обе затихли. Аллиандре подняла бровь, но промолчала. Что-то не так между ними. Почему это вдруг они стали себя вести как лучшие подруги? Это, казалось, одурачило многих мужчин в их лагере, но Аллиандре могла видеть правду в том, как напрягались их губы, когда они смотрели друг на друга. Это стало менее заметным после того, как Фейли спасла Берелейн жизнь, но не исчезло полностью.

"Ты была права насчет него", - произнесла Берелейн.

"Ты удивлена."

"Я нечасто ошибаюсь в том, что касается мужчин."

"Мой муж не такой как другие мужчины. Он..", Фейли прервалась. Она посмотрела в сторону Аллиандре, сузив глаза.

"Кровь и пепел", выругалась про себя Аллиандре. Она сидела слишком далеко, и ей приходилось напрягать слух, чтобы подслушать. Это было подозрительно.

Эти двое снова затихли, и Алиандре задержала руку, как-будто осматривая ногти. Да, думала она. Игнорируйте меня. Я не важна, я просто женщина, непонятная для вас и изо всех сил пытающаяся держаться бодро. Конечно, Фэйли и Берелейн не думали так, не больше, чем двуреченские мужчины когда-либо могли подумать, что Перрин был неверен. Если бы ты усадила их и спросила - действительно заставила их подумать об этом - они бы пришли к заключению, что причина должно быть в совсем другом.

Но такие вещи как суеверие и предвзятость простирались

глубже, чем просто мысли. Что обе думали об Алиандре, и что они инстинктивно чувствовали, отличалось. Кроме того Алиандре действительно была женщиной, непонятной для их понимания и изо всех сил пытающейся держаться бодро.

Лучше знать свои силы.

Аллиандре вернулась к нарезанию бинтов. Фейли и Берелейн настаивали, чтобы она осталась, и помогла; Аллиандре не могла уйти. Не от них двух, действующих так убийственно увлекательно в последнее время. К тому же она была не против поработать. По сравнению с их пленом у Айил, это действительно было очень приятно. К сожалению эти двое не могли вернуться к своему разговору. В самом деле, Белерейн встала, выглядя разочарованной, и пошла на другую сторону поляны.

Аллиандре могла практически почувствовать как от женщины идет холод. Берелейн остановилась над местом где другие скатывали полосы ткани. Аллиандре встала, неся стул, ножницы и ткани Фейли. "Я не могу поверить, что видела ее когда-либо такой неуверенной," сказала Аллиандре.

"Она не любит ошибаться," отметила Фейли. Сделала глубокий вдох, затем покачала головой. "Она видит мир как сеть полуправды и догадок, приписывая множество мотивов простейшим из людей. Я подозреваю, что это делает ее очень хорошей интриганкой. Но я не хочу так жить."

"Она очень мудра", сказала Алиандре. "Она видит вещи, Фейли. Она понимает мир, просто у нее есть свои скелеты в шкафу, как и любого из нас."

Фейли рассеянно кивнула. "Думаю из всех этих обстоятельств, я жалею, что никогда не верила, что она когда либо любила Перрина. Она преследовала его ради соревнования, ради политических целей, и ради Майена. В конце концов это была более важная задача, чем все остальное. Она может испытывать к нему нежность, но ничего больше. Я могла бы, пожалуй, понять ее если бы все это было из-за любви."

Алиандре сдержала свой язык после этого, подолжила нарезать повязки. Она наткнулась на прекрасную синюю шелковую рубашку в куче. Несомненно с ней можно сделать что-то получше! Она запихнула ее между двумя другими и положила их около себя, как если бы она намеревалась сократить кучу.

Перрин в конечном итоге протопал на поляну. обнаружив некоторых работников в окровавленных одеждах. Он немедленно присоединился к Фейли, садясь на стул Берелейн, и положив свой чудесный молот вниз на сорняки рядом с собой. Он выглядел изнуренным. Фейли дала ему немного попить, и потрепала его по плечу.

Аллиандре извинилась, оставив Перрина с женой. Она направилась туда, где на краю поляны стояла Берелейн и попивала чай, налитый из котелка, стоящего на огне. Белерейн посмотрела на нее.

Аллиандре налила себе чашку чая, потом подула на него на мгновение. "Они хорошо подходят друг другу Берелейн", сказала она. "Я не могу сказать, что извиняюсь, увидев такой результат."

"Каждые отношеня заслуживают того, чтобы быть оспорены", ответила Берелейн. "Если бы она пала от рук Дев - вполне возможный результат - ему бы понадобился кто-то. Для меня однако не большая потеря оторвать свой взгляд от Перрина. Мне бы хотелось через него иметь связь с Возрожденным Драконом, но будут и другие возможности." Теперь она казалась менее разочарованной, чем была несколько минут назад. В самом деле, она, казалось, вернулась к своей расчетливости самостоятельно.

Аллиандре улыбнулась. Умная женщина. Фейли нужно увидеть, что ее соперница полностью сбита, и она может считать, что летящая угроза миновала. Именно поэтому Берелейн показала некоторое разочарование, больше чем обычно.

Аллиандре потягивала свой чай. "Брак кажется тебе ничем кроме расчета? Способ получить преимущества?"

"Это также удовольствие от охоты, и острые ощущения игры".

"А что же любовь?"

"Любовь не для тех, кто у власти", сказала Берелейн. "Женщина стоит гораздо большего, чем свадебный придаток, но я должна заботиться о Майене. Если мы вступим в Последнюю Битву а я еще не заполучила мужа, это поставит престолонаследие под угрозу. А когда в Майене наступает кризис престолонаследия, Тир всегда горазд заявить о себе. Романтика - непозволительное безумие. Я... "

Она вдруг замолчала, сменив выражение лица . Что произошло? Аллиандре повернулась в сторону, хмурясь, пока не углядела причину.

Галад Дамодред появился на поляне.

На его белой форме была кровь, и он выглядел измученным. Но стоял он ровно, с выпрямленной спиной, и его лицо было чистым. Он даже казался слишком красивым, чтобы быть человеком, с этим прекрасным мужественным лицом и грациозной подтянутой фигурой. И эти глаза! Такие глубокие темные озера. Он практически светился.

"Я.. Что я сказала?", спросила Берелейн, не отрывая глаз от Дамодреда.

"Что в жизни вождей нет места любви и романтике?"

"Да," сказала Берелейн, отрываясь, "Это просто неразумно для всех."

"Вовсе нет."

"Я - ", начала Берелейн, но прервалась, встретившись глазами с Дамодредом, который повернулся к ней.

Алиандре подавила улыбку, когда Дамодред пересек поляну. Он отвесил серию идеальных поклонов, по одному каждой из них, хотя, казалось, он совсем не замечал Аллиандре.

"Миледи.. Первенствующая", сказал он. "Лорд Айбара сообщил, что перед началом этой битвы вы обратились к нему, желая защитить меня."

"По глупости", ответила Берелейн. "Я боялась, что он собирается атаковать вас."

"Если опасения делают глупцом," произнес Дамодред, "тогда мы оба глупцы. Я был уверен, что мои люди скоро падут под ударом Айбары."

Она улыбнулась ему. Казалось, столь быстро она забыла все, что говорила ранее.

"Хотите чаю?", немного отрывисто сказал Дамодред, потянувшись за чашками, стоявшими на пледе недалеко от костра.

"Я уже пью.", отметила она.

"Тогда еще?", спросил он, быстро опускаясь на колени и наполняя чашку.

"Ээ.."

Держа чашку, он поднялся и тут заметил, что она уже держит еще одну в руках.

"Здесь еще много ткани, которую нужно порезать на бинты.", сказала Берелейн, "Возможно, вы могли бы помочь."

"Может быть", сказал он. Он протянул чашку, которую налил, Аллиандре. Берелейн - ее глаза все еще удерживали его - протянула свою чашку так же, как будто не замечая, что она делает.

Аллиандре широко улыбнулась - держа уже три чашки - когда парочка пошла к рулонам ткани, нуждающейся в нарезке. Это может обернуться к большому благу. Самое меньшее, это заставит этих проклятых Белоплащников убраться из ее королевства.

Она пошла обратно к Фейли и Перрину, прихватив с собой голубую шелковую рубашку из той одежды которую они резали.

Из нее действительно мог получится отличный пояс.

Глава 44

Двусмысленная просьба

Моргейз вышла из своей палатки, стоявшей на склоне холма, и посмотрела на Андор. Внизу лежало Беломостье, блаженно знакомое, несмотря на то, что она могла видеть, как город разросся. Фермы не приносили урожая, последние зимние запасы испортились, так что люди стекались в города.

Пейзаж должен был быть зеленым. Вместо этого, даже пожелтевшая трава отмирала, оставляя коричневые шрамы. Пройдет совсем немного времени прежде, чем вся земля станет похожа на Пустыню. Она страстно хотела принимать меры. Это был ее народ. Или когда-то был.

Она вышла из палатки в поисках мастера Гилла. По пути она прошла мимо Фэйли, которая снова разговаривала с интендантом. Моргейз кивнула в знак уважения и Фэйли кивнула в ответ. Теперь между двумя женщинами пролегла трещина. Моргейз желала, чтобы все было иначе. Она и остальные связали нити своих жизней, когда надежда была слабей, чем огонек свечи. Фэйли вдохновила Моргейз на использование Единой Силы, выжимая все до последней капли из ее жалких способностей, чтобы дать сигнал о помощи, когда они оказались в ловушке.

Лагерь был уже полностью развернут, и, что удивительно, к ним присоединись Белоплащники, но Перрин еще не решил, что делать. Или, во всяком случае, если и принял решение, то не поделился им с Моргейз.

Она шла к рядам фургонов, мимо кузнецов и конюхов, искавших лучшее пастбище, людей, спорящих у склада с продовольствием, мимо солдат, неохотно рывших канавы для отходов. Каждый был на своем месте, кроме Моргейз. Слуги пятились с полупоклоном, не уверенные, как с ней обращаться. Она не была королевой, но и не была просто еще одной дворянкой. И очевидно, она больше не была служанкой.

Хотя время, проведенное с Галадом, напомнило ей, каково это - быть королевой, она была благодарна за то, что узнала, будучи Майгдин. Это было не так уж плохо, как она боялась; имелись свои преимущества в том, чтобы быть горничной леди. Дух товарищества с другими слугами, свобода от бремени лидерства, время, проведенное с Талланвором...

Та жизнь не была ее. Время притворства прошло.

Она, наконец, нашла Бейзила Гилла, который укладывал

вещи в телегу под надзором Лини и с помощью Ламгвина и Бриане. Фэйли освободила Бриане и Ламгвина от службы ей, чтобы они могли стать прислугой Моргейз. Она умолчала о Фэйли, которая столь милостиво предоставила обратно Моргейз ее слуг.

Талланвора там не было. Ну, она больше не могла грезить о нем как девчонка. Она должна была вернуться в Кеймлин и помочь Илэйн.

- Ваше вели... - сказал мастер Гилл, кланяясь. Он запнулся. - Я имею в виду, моя госпожа. Простите меня.

- Я не возражаю, мастер Гилл. Я испытываю трудности, вспоминая себя.

- Ты уверена, что хочешь продолжать это? - Лини сложила свои худые руки.

- Да, - сказала Моргейз. - Это наш долг - вернуться в Кеймлин и предложить Илэйн всю помощь, какую сможем.

- Как скажешь, - ответила Лини. - По мне, как я думаю, любой, кто пускает двух петухов на один скотный двор, заслуживает поднятого ими гвалта.

Моргейз подняла бровь.

- Приму к сведению. Но думаю, ты обнаружишь, что я вполне способна помочь Илэйн, не посягая на ее власть.

Лини пожала плечами.

Она говорила дело: Моргейз следовало быть осторожной. Слишком долгое пребывание в столице может бросить тень на Илейн. Но если и была некая вещь, что Моргейз усвоила за месяцы в роли Майгдин, так это то, что люди должны делать что-то полезное, даже если это нечто столь же простое, как наука подавать чай. У Моргейз были навыки, которые Илейн могла бы использовать в назревающие опасные времена. Однако, если она начнет затмевать свою дочь, ей следует убраться из Кеймлина в свои западные владения.

Прочие оживленно работали на погрузке, и Моргейз пришлось сложить руки, чтобы удержаться от помощи. Было некоторое удовольствие в том, чтобы самой о себе заботиться. Пока ждала, она заметила, как кто-то подъехал по тропе от Беломостья. Талланвор. Что он делал в городе? Он увидел ее и подошел, поклонился, его худое, квадратное лицо было эталоном почтения. "Миледи".

"Ты посещал город? А ты получил разрешение Лорда Айбары?" Перрин не хотел чтобы внезапный поток солдат и беженцев хлынул в город, причиняя неприятности.

"Миледи, у меня там семья," сказал Талланвор, поднимаясь с седла. Его голос был жестким и официальным. "Я помыслил что

будет неглупо проверить информацию, добытую разведчиками Лорда Айбары".

"Это так, лейтенент гвардии Талланвор?" сказала Моргейз. Если он мог бы действовать таким официальным, то так могла и она. Лини, проходя с охапкой льняных простыней, чтобы упаковать вещи, тихо фыркнула в сторону Моргейз.

"Да, миледи," ответил Талланвор. "Миледи...,если я могу сделать предложение?"

"Говори".

"Из докладов, ваша дочь все еще предполагает, что вы мертвы. Я уверен, если мы поговорим с Лордом Айбара, он прикажет своим А'шаманам сделать для нас Врата, чтобы мы могли вернутся в Кеймлин."

"Интересное предложение", сказала Моргейз, игнорируя ухмылку Лини, когда та шла обратно в другом направлении.

"Миледи", сказал Таланвор, глядя на Лини, "мы могли бы поговорить наедине."

Моргейз кивнула, шагая в сторону от лагеря. Таланвор последовал за ней. Когда они отошли на небольшое расстояние, она повернулась, и посмотрела на него. "Да?"

"Миледи", продолжал он тише. "После Андорского суда наверняка пойдут слухи о том, что вы все еще живы, тем более теперь, когда об этом знает вся армия Айбары. Если вы не представите себя, и не объясните, что отреклись от престола, слухи о том, что вы живы могут подорвать авторитет Илэйн."

Моргейз не ответила.

"Если Последняя Битва действительно начнется", сказал Таланвор, "мы не можем позволить себе .."

"Ох, тише", сказала она отрывисто. "Я уже отдала приказ Лини и другим, чтобы собирались. Разве ты не заметил, что они делают?"

Таланвор покраснел, когда заметил Гилла, который понес сундук, и поставил его на повозку.

"Прошу прощение за мою дерзость. С вашего позволения миледи." Таланвор кивнул головой, и повернулся, чтобы уйти.

"Должны ли мы быть такими официальными друг с другом Талланвор?"

"Иллюзия закончилась миледи." Он пошел прочь.

Моргейз смотрела ему вслед, и почувствовала, что ее сердце сжалось. Ее проклятое упрямство! Проклятый Галад! Его прибытие напомнило ей о гордости, о королевском долге.

Для нее было плохо иметь мужа. Она извлекла это из опыта с Таринге́йлом. При всей стабильности, что давал брак с ним, каждое преимущество несло угрозу ее трону. Вот почему она

никогда не делала Брина или Тома супругом, а Гейбрил только доказал, что есть о чем беспокоиться.

Любой мужчина, женившись на ней, мог стать потенциальной угрозой как для Илейн, так и для Андора. Ее дети, если бы они у нее еще были, стали бы соперниками Илейн. Моргейз не могла позволить себе любить.

Пройдя не много, Талланвор остановился; она задержала дыхание. Он развернулся и направился обратно к ней. Затем вытащил свой меч и наклонился, почтительно положив его к ее ногам, хоть она и стояла в сорняках и кустарнике.

- Я был неправ, угрожая уехать, - мягко сказал он. - Мне причинили боль, а боль делает мужчину глупым. Знайте, что я всегда буду рядом, Моргейз. Я обещал это прежде и так и будет. В эти дни я чувствую себя подобно мошке "кусименя" в мире орлов. Но у меня есть свой меч и мое сердце, и они Ваши. Навсегда.

Он собрался уходить.

- Таланвор, - сказала она почти шепотом. - "Знаешь, ты никогда не спрашивал у меня. Взяла ли бы я тебя".

- Я не могу поставить Вас в такое положение. Это было бы не правильно, вынуждать Вас делать то, что, мы оба знаем, Вы должны делать, особенно теперь, после всего, чему Вы подверглись.

"И что мне делать?"

"Отвергните меня," словно выплюнул он,его ярость становилась всё ярче."На благо Андора."

"Должна ли я? спросила она."Я продолжаю говорить так, Талланвор, но все ещё сомневаюсь".

"Что я могу дать тебе?" спросил он."По крайней мере ты можешь выйти замуж,чтобы помочь этим Илейн и обеспечить лояльность одного из тех, кого вы обидели".

"И так я должна выйти замуж без любви?"-спросила она."Опять.Сколько раз я должна жертвовать своим сердцем ради Андора?"

"Так много раз, как требуется, я предполагаю". Он произнес это так горько, сжимая кулаки. Не сердитый на ней, но на ситуацию. Он всегда был страстным мужчиной.

Она колебалась, затем качнула головой. "Нет," сказала она. "Не теперь!Талланвор, смотри на это небо над нами. Ты видишь вещи, которые приходят мир, чувствуешь влияние Темного настигающее нас. Это не время для того, чтобы жить без надежды. Без любви".

- А как же долг?

- Долг, проклятье, может подождать. Он взял свою часть меня. Каждый обладал частью меня, Таланвор. Каждый, кроме

мужчины, которого я желаю.

Она переступила через его меч, все еще лежащий в репейнике, и не смогла остановиться. Мгновение и он уже целовал ее.

- Так, вы двое, - произнес сзади строгий голос. - Мы идем к лорду Айбара прямо сейчас.

Моргейз отшатнулась. Это была Лини.

- Что? - Моргейз пыталась восстановить самообладание.

- Вы женитесь, - объявила Лини. - Даже если мне придется тянуть вас за уши.

- Это будет мой собственный выбор, - сказала Моргейз. - Перрин пытался принудить меня к...

- Я не он, - оборвала ее Лини. - Лучше сделать это прежде, чем мы вернемся к Илейн.

Она повернула голову к Гиллу, который упаковывал сандук. - А ты! Распакуй вещи моей Леди.

- Но, Лини, - возразила Моргейз, - мы едем в Кеймлин.

- Завтра наступит достаточно скоро, дитя. Сегодня вечером вы празднуете. - Она поглядывала на них. - И пока вы не поженитесь, думаю, будет не безопасно оставлять вас одних.

Моргейз вспыхнула.

- Лини, - прошипела она. - Мне уже не восемнадцать.

- Нет, когда тебе было восемнадцать, твой брак был заключен надлежащим образом. Так я должна взять вас за уши?

- Я ... - сказала Моргейз.

"Мы идем, Лини," сказал Талланвор.

Моргейз впилась в него глазами.

Он нахмурился. "Что?"

"Ты не спросил".

Он улыбнулся, затем подвел ее ближе. - Моргейз Траканд, будешь моей женой?

"Да", ответила она. "Теперь найдем Перрина."

Перрин нагнул ветку дуба. Она обломилась, пустив облачко древесной пыли. Пока он держал ее, опилки ссыпались с конца на бурую траву.

- Это случилось прошлой ночь, Милорд, - сказал Топ Кевлин, держа свои перчатки. - Весь лес вон до туда погиб и высох за одну ночь. Я прикинул, что-то около сотни деревьев.

Перрин бросил ветку и отряхнул руки от пыли. - Это не хуже того, что мы видели раньше.

- Но...

- Не беспокойся об этом, - скзал Перрин. - Пошли людей рубить этот лес на костры; посмотрим, так же хорошо ли он горит.

Кевлин кивнул и поспешно ушел. Другой дровосек тыкал в деревья, выглядя встревоженно. Дуб, ясень, вяз, гикори - деревья, умирающее за ночь - это попахивало довольно скверно. Но умирая, они иссыхали, как будто бы были мертвы много лет. Это очень тревожило. Лучше сразу взять ситуацию под контроль, не позволяя страху расти среди людей.

Перрин пошел назад к лагерю. Издали доносился звон наковален. Они скупили сырье, каждый кусок железа или стали, которые смогли достать в Беломостье. Люди с радостью торговались за еду и Перрин получил пять штамповочных прессов, с людьми, чтобы переместить и установить их, а также молоты, инструменты и уголь.

Он может спасти хоть часть города от голода. Хотя бы на некоторое время.

Кузнецы продолжали работать. Он надеялся, что работа для Неалда и других не была слишком тяжела. Оружие, созданное с помощью Силы, давало огромное преимущество. Неалд был не в состоянии выяснить точно, что он сделал при изготовлении Махаллеинира, но Перрин не был удивлен. Та ночь была уникальна. Он положил руку на оружие, ощущая его тепло и думая о Прыгуне.

Теперь Неалд выяснил, как сделать лезвия, которые бы не тупели и не ломались бы. Чем больше он практиковался, тем острее края он был в состоянии создать. Айил уже начали требовать эти лезвия для копий, и Перрин дал Неалду указания, чтобы он сделал это в первую очередь. По крайней мере, он задолжал им.

На площадке для Перемещений на границе большого, все еще укрепляемого, лагеря стоял Грейди в круге с Анноурой и Масури, держа открытыми врата. Это была последняя группа гражданских, желающая покинуть его. Они отправлялись в Кеймлин. Вместе с ними Перрин передал письмо Илэйн. Ему потребуется встретиться с ней вскоре. Он не был уверен, должен ли он беспокоиться или нет. Время покажет.

Другие возвращались через Врата, ведя немногочисленные телеги с едой, которую удалось купить в Кеймлине. Там припасы еще не закончились. Вскоре он заметил Фэйли, идущую к нему через лагерь. Он поднял руку, привлекая её внимание.

"С Бавином всё хорошо?"- спросил Перрин. Она побывала в палатке интенданта.

"Всё хорошо".

Перрин потер подбородок."Я уже говорил раньше - не думаю,что он полностью честен".

"Я буду специально присматривать за ним", сказала она, и

пахла довольной.

"Берелейн много времени проводит среди Белоплащников", - сказал Перрин."Кажется она положила глаз на Дамодреда.Она наконец-то оставила меня в покое".

"Это действительно так?"

"Да. И она во всеуслышание осудила слухи о нас с ней. Свет, но люди, кажется, верят этому. Я волновался, что они примут это за знак отчаяния!"

Фэйли пахла удовлетворением.

Он опустил свои руки ей на плечи."Я не знаю,что ты сделала, но благодарен тебе".

"Ты знаешь в чем разница между соколом и ястребом, Перрин?"

"Размером, по большей части", - сказал он."Формой крыла, тоже.Сокол более похож на стрелу".

"Сокол,"сообщила Фэйли, "- лучше летает. Он убивает клювом, и может лететь легко и быстро. Ястреб более медленен и сильнее; этим он превосходит других в добывание добычи, которая двигается по земле. Ему нравится убивать когтями, нападая сверху".

"Хорошо," - согласился Перрин."Но, это не значить, что если они оба охотятся на зайца, то ястреб обязательно преуспеет?"

"Однако это подразумевается". Она улыбнулась. "Ястреб лучше в охоте на кролика. Но, видишь ли, сокол лучше в охоте на ястреба. Ты отправил посланника к Илейн?"

Женщины .Ему ни когда не понять их. Хотя, когда-то это казалось хорошей штукой. "Да. Надеюсь, мы вскоре сможем с ней встретиться."

"В лагере уже говорят о том,кого ты мог бы взять с собой".

"К чему эти разговоры?" удивился Перрин."Это будешь ты.Ты лучше осведомлена о том, как вести себя с Илэйн, хотя и не повредит иметь рядом Аллиандре."

"И Берелейн?"

"Она может остаться в лагере", ответил Перрин."Присматривать здесь.Она последнее время пропадает".

Фэйли пахла более,чем удовлетворенно."Мы должны..." она прервалась."Хорошо, это похоже на последную страницу в в конце книги".

"Это ещё что?" произнес Перрин, оборачиваясь. Он смотрела в сторону направляющейся к ним группы людей. Пожилая Лини, и чуть позади неё Моргейз и Талланвор, глядящие друг на друга, как только что вернувшаяся из своего первого Бел Тайн пара. "Я считал, что она не любит его", сказал он. "Или, если любит, то не собирается выходить за него замуж в любом случае."

"Мысли меняются", сказала Фейли, "гораздо быстрее, чем сердца". Ее аромат указывал, что она едва сердится на них. Она ещё не полностью простила Моргейз, но она уже не была враждебно настроена.

"Перрин Айбара" сказала Моргейз " Ты самое близкое подобие лорда в этом лагере. не считая моего пасынка. Но будет неправильно, сыну отдавать свою мать замуж, так что я думаю ты это сделаешь. Этот человек попросил моей руки. Ты проведешь нам обряд?

- У тебя двусмысленная манера просить моей помощи, Моргейз. - сказал он. Женщина посмотрела на него, сузив глаза. И Фейли тоже смотрела на него и пахла сердито. Перрин вздохнул. Противоречащие друг другу, хотя всегда готовые набросится на человека который говорит что-то не то, даже если это правда.

Однако, Моргейз успокоилась. "Я сожалею. Я не хотела оскорблять Вашу власть."

"Все в порядке", сказал он. "Я полагаю, у вас есть основания сомневаться."

"Нет" сказала Моргейз, казавшись выше, чем она есть. О Свет - она могла выглядеть королевой, когда этого желала. Как они просмотрели это раньше? "Вы Лорд, Перрин Айбара. Ваши действия доказали это. Двуречье процветает благодаря вам и возможно также и Андор. До тех пор пока вы остаетесь частью его."

"Я сделаю это" пообещал Перрин

"Ну если бы вы сделали это для меня," сказала она, гляда на Таланвора, "то я бы поговорила о вас с Илейн. Должны быть подготовленны распоряжения и титул, законный титул, должен быть дарован.

"Мы принимаем ваше предложение поговорить о нас", сказала Фейли, прежде чем Перрин мог, что либо сказать. "Но мы обсудим, с Её Величеством, будет ли дарование титула . . . подходящим к этому случаю."

Перрин посмотрел на нее. Не подразуевает ли она отделение Двуречья в его собственное королевство? Они никогда не говорили об этом, но она поощряла его использовать флаг Манетерен. Да, они должны были позаботиться об этом.

Недалеко, он увидел Галада Дамодреда, идущего к ним, Берелейн, как и всегда в последнее время, рядом с ним. Оказалось, что Моргейз послала за ним гонца. Галад спрятал что-то в карман. Небольшое письмо, запечатанное красной печатью. От кого он получил его? Он выглядел встревоженным, хотя выражение его лица успокоилось, когда он подошёл. Его, казалось, не удивило известие о браке; он кивнул Перрину и

обнял свою мать, с суровым взглядом, но сердечно - поприветствовал Таланвора.

Какую бы церемонию, Вы, бы хотели? Спросил Перрин Моргейз. "Я знаю только Двуреченскую."

"Я считаю, что обычной клятвы перед вами хватит", сказала Моргейз. "Я достаточно взрослая, чтобы устать от церемоний"

"Звучит вполне приемлемо" сказал Перрин

Галад отошёл в сторону. Моргейз и Таланвор взялись за руки. "Мартин Таланвор", сказала она. "Я имела от тебя больше, чем я заслуживала

и долше, чем я могла бы ожидать. Ты утверждал, что любовь простого солдата ничего перед мантией королевы, а я говорю мера человека не в его звании, а в его душе."

"Я видела твое мужество, самоотверженность, верность и любовь. Я видела сердце принца внутри тебя, сердце человека, который сохраняет силу духа, когда сотни людей вокруг него её теряют. Я клянусь, что я люблю тебя . И перед Светом клянусь, что не оставлю тебя. Клянусь дорожить тобой всегда, как своим мужем ".

Берелейн достала платок и вытерла уголки глаз. Ну, женщины всегда плакали на таких событиях, как свадьба. Хотя Перрин. . . он почувствовал, что тоже немного прослезился, возможно от слишком яркого солнечного света.

"Моргейз Траканд," произнес Таланвор: "Я влюбился в тебя за то, что ты относились к окружающим, как королева. Я видел женщину, которая приняла обязанности не только с чувством ответственности, но и со страстью. Даже если ты не отличала меня от любого другого охранника, ты относились ко мне с добротой и уважением. Ты рассматривала любые вопросы таким образом.

"Я люблю тебя за твою доброту, твой ум, твою силу ума и воли. Один из Отрекшихся не смог сломит тебя;Ты вырвалась от него, когда он думал, что ты полностью под его контролем. Самый страшный тиран не смог сломить тебя, даже тогда, когда ты была у него в плену. Шайдо не сломило тебя. Другой на твоем месте наполнился бы злобой, пройдя через то, через что прошла ты. Но ты... ты выросла в того кто достоин восхищения, заботы и уважения.

"Я клянусь, что я люблю тебя. Перед Светом, я клянусь, что я никогда, никогда не оставлю тебя. Клянусь беречь тебя всегда как свою жену. клянусь, Моргейз, хотя часть меня всё ещё не верит что это действительно происходит на самом деле. "

После этих слов они стояли, не отводя друг от друга глаз, будто Перрина и вовсе не было там

Он кашлянул " Э...ладно, пусть так и будет. Вы женаты" Должен ли он давать советы?Как кто-то может давать советы Моргейз Траканд, королеве с детьми его возраста? Он пожал плечами "С вами все, тогда"

Стоя за ним, Фейли пахла удивлением и слегка недовольством. Лини лишь фыркнула на выступление Перрина, но сопроводила Моргейз и Талланвора прочь. Галад кивнул ему, Берелейн сделала реверанс. Они тоже ушли, Берелейн отметила для себя всю поспешность.

Фейли улыбнулась ему "Тебе стоит подучиться"

"Они хотели по-простому"

"Все так говорят" ответила Фейли " Но ты выглядишь властно пока говоришь по существу.Мы еще поговорим об этом. В следующий раз ты справишься лучше"

Следующий раз? Он тряс головой, когда Фейли повернулась и пошла обратно к лагерю

"Куда ты идешь?" спросил Перрин.

"К Бавину. Мне нужно забрать несколько бочек пива"

"Зачем?"

"Для праздника", сказал Фейли, глядя через плечо. "Церемония может быть короткой, если это необходимо. Но праздник не должен быть скупым". Она взглянула вверх. "Особенно в такие времена".

Перрин смотрел ей вслед, исчезающей в огромном лагере. Солдатов, фермеров, ремесленников, Айил, Белоплащников, беженцев. Почти семьдесят тысяч воинов, несмотря на ушедших или погибших в бою. Как он оказался с такой силой? Перед отъездом из Двуречья он никогда не видел более тысячи человек собравшихся в одном месте.

Большую часть составляли бывшие наемники и беженцы, которые тренировались под началом Тема и Даннила. Волчья Гвардия, как они назвали себя, что бы это ни значило. Перрин начал обход по проверке продовольственных повозок, но что-то маленькое мягко ударило его в затылок.

Он похолодел, оборачиваясь и изучая лес за собой. Справа он был коричневый и омертвевший, слева истощение коснулось деревьев. Он никого не увидел.

Неужели мне так сильно досталось? задавался вопросом он, почесывая голову, он повернулся, чтобы продолжить путь. Воображать что -

Еще один слабый удар пришелся по затылку. Перрин крутнулся и заметил, как что-то упало в траву. Нахмурившись, он опустился на колени и поднял это. Желудь. Другой хлопнул его по лбу. Он прилетел из леса.

Перрин зарычал и шагнул к деревьям. Может, это один из немногих детей из лагеря? Впереди был большой дуб; его толстый ствол был достаточно широким, чтобы кого-нибудь скрыть. По мере приближения Перрин засомневался. Не было ли это какой-то ловушкой? Он положил руку на свой молот и медленно двинулся вперед. Деревья стояли с подветренной стороны, и он мог уловить запах...

Из-за ствола внезапно показалась рука, держащая коричневый мешок.

- Я поймал барсука, - произнес знакомый голос. - Не желаешь выпустить его на деревенскую лужайку?

Перрин замер, затем громко рассмеялся. Он обогнул ствол дерева и обнаружил человека в красной куртке с высоким воротом, отделанной золотом, и красивых коричневых штанах, сидевшего на выпирающих корнях с мешком, извивавшимся у его лодыжек. Мэт лениво жевал длинную полоску вяленого мяса, и носил широкополую черную шляпу. Черная алебарда с широким лезвием сверху была прислонена к дереву рядом с ним. Где он раздобыл такой прекрасный наряд? Разве не он когда-то жаловался на Ранда, который носил подобную одежду.

- Мэт? - спросил Перрин, чуть ли не слишком потрясенный, чтобы говорить. - Что ты тут делаешь?

- Ловлю барсуков, - ответил Мэт, встряхивая мешок. - Проклятье, это трудно сделать, знаешь ли, особенно в кратчайший срок.

Мешок зашуршал, и Перрин услышал внутри слабое рычание. Он мог учуять, что там и впрямь было что-то живое в мешке.

- Ты на самом деле поймал одного?

- Считай, что я тоскую по прошлому.

Перрин не знал, отчитывать ли ему Мэта или смеяться над ним - эта особая смесь эмоций была обычной, когда поблизости находился Мэт. Цвета, к счастью, не закручивались в глазах Перрина теперь, когда они были рядом друг с другом. Свет, это сбивало бы с толку. Перрин действительно чувствовал...

Скованность, тем не менее.

Долговязый парень улыбнулся, положив мешок вниз, и встал, протягивая руку. Перрин схватил ее и заключил Мэта в сердечные объятья.

- Свет, Мэт, - сказал Перрин. - Кажется, целая вечность прошла!

- Целая жизнь, - ответил Мэт. - Может, две. Я сбился со счета. Так или иначе, Кеймлин уже гудит из-за вестей о вашем прибытии. Образно говоря, единственным способом, чтобы оказать горячий прием, было шмыгнуть через эти переходные

врата и найти тебя раньше всех остальных. - Мэт поднял свое копье и положил его на плечо лезвием назад.

- Чем ты занимался? Где ты был? Том с тобой? Что насчет Найнив?

"Так много вопросов," сказал Мэт."Насколько безопасен этот твой лагерь?"

- Безопасен, как любое другое место.

- Недостаточно безопасный, - Мэт принял важный вид. - Будь внимателен, Перрин, мы обзавелись немалым количеством опасного народа у себя на хвосте. Я пришел потому, что хотел попросить тебя принять крайние меры безопасности. Убийцы довольно скоро найдут тебя, и лучше бы быть готовым ко встрече с ними. Нам надо прижать их. Но я не хочу заниматься этим здесь.

- Тогда где?

- Встреть меня в трактире под названием "Веселая толпа" в Кеймлине. О, и если ты не возражаешь, я бы хотел занять одного их тех твоих парней в черных кафтанах на пару минут. Нужны переходные врата.

- С какой целью?

- Я объясню. Но позже. - Мэт коснулся шляпы, поворачиваясь, чтобы припустить трусцой назад ко все еще открытым вратам в Кеймлин. - Серьезно, - обернувшись, сказал он и на миг побежал спиной. - Будь осторожен, Перрин.

С этим он, обогнув нескольких беженцев, нырнул во врата. Во что он собирается втянуть Грейди? Свет! Перрин тряхнул головой, затем наклонился, чтобы развязать мешок и выпустить несчастного барсука, которого поймал Мэт.

Глава 45

Встреча

Илейн проснулась в своей постели, с затуманенными глазами. "Эгвейн?" спросила она, сбитая с толку. "Что?" Последние воспоминания о сне были мутными как мед растворенный в теплом чае, но слова Эгвейн твердо остались в памяти Илейн. "Змея пала", сообщала Эгвейн. "Возвращение твоего брата было своевременным."

Илейн села, чувствуя волну облегчения. Она провела всю ночь пытаясь дотянуться до источника, чтобы использовать тер'ангриал, но безрезультатно. Когда она узнала, что Бергитте не впустила к ней Гавина, пока Илейн была у себя и не могла присутствовать на встрече с Эгвейн - она пришла в ярость.

Ну, кажется, Месана была побеждена. Она упоминала о моем брате? Она улыбнулась. Может быть, он и Эгвейн решили свои проблемы.

Утренний свет упал сквозь занавеси. Илейн откинулась на спинку стула, почувствовав мощный поток тепла идущего через связь с Рандом, который ощущался рядом. Свет, но это было удивительное ощущение. С момента, когда она почувствовала это, облачный покров вокруг Андора развеялся.

Прошла примерно неделя после начала испытания драконов. Она призвала всех колокольных мастеров королевства работать над их созданием. В эти дни, можно было услышать некий звук в Каймлине, повторяющийся гром, это ее люди тренировались использовать новое оружие в горах за пределами города. Пока лишь часть оружия была использована для подготовки солдат; несколько отрядов тренировалось на них. Она уже собрала большее число драконов на секретных складах внутри Каймлина.

Она думала о сне и повторить послание. Она жаждала подробностей. Ну, возможно Эгвейн, пришлет гонца через ворота, в конце концов.

Дверь хлопнула за Мелфани "Ваше Величество?" спросила невысокая, круглолицая женщина. "Все в порядке? Я думала, что слышу крик боли". С той поры, как она предписала Илейн постельный режим, акушерка решила спать в прихожей у спальни Илейн, чтобы присматривать за ней.

"Это от радости, Мелфани", сказала Илэйн. "Приветствие для прекрасного утра, что пришло к нам."

Мелфани нахмурилась. Илэйн пыталась изобразить веселье

для женщины, убедить ее, что больше постельный режим не нужен, но концовочка явно подкачала. Илэйн еще рано, скакать и веселиться. Даже, если на то, есть хороший повод. Невыносимая женщина.

Мелфани вошла и распахнула шторы - солнечный свет полезен для женщины с ребенком, объяснила она. Часть лечения Илэйн в последнее время - сидеть в постели на солнышке, солнечные ванны полезны для кожи. После действий Мелфани, Илэйн чувствовала толчки внутри себя. "Ах! Вот снова. Они пинают, Мелфани! Приятные ощущения."

"Я еще не могу почувствовать их, Ваше Величество. Подождем когда они подрастут." Она начала обычный распорядок дня. Послушала сердце Илэйн, затем прислушалась к малышу. Мелфани все еще не верила, что там близнецы. После этого она осмотрела и попросила Илейн выполнить упражнения ее секретного списка, раздражающих и смущающих женщину.

Наконец, Мелфани поместила руки на бедра Илэйн, приводя в порядок ее длинную ночную рубашку. "Я думаю, что ты напрягала себя слишком много в последнее время. Я хочу быть уверенна, что ты как следует отдохнешь. У дочери моего кузена Тесса был ребенок, примерно два года назад, при рождении он едва дышал. Возблагодарим Свет, что ребенок выжил, она работала до поздна каждый день и не питалась как следует. Вообрази! Береги себя, моя Королева. Твои младенцы будут благодарными за это."

Илэйн рассеяно кивнула. "Постой!" вскрикнула она, садясь. "Дети"?

"Да", сказала Мелфани, идя к двери. "Два сердца бьется в твоем чреве. Не понимаю, как ты знала про них."

"Ты услышала их сердцебиения!" воскликнула радостно Илэйн. Да, они там, конечно, как солнечный свет." Мелфани покачала головой и ушла, посылая Нарис и Сефани, чтобы одеть ее и причесать ее волосы.

Изумлению Илэйн не было границ. Мелфани поверила! Она не могла сдержать улыбки.

Через час, она попивала теплое козье молоко в своей малой зале, все окна распахнуты ради солнечного света. Мастер Норри прошел на высоких тонких ножках, пучки волос торчали из-за ушей, лицо длинное и заостренное, кожаная папка под мышкой. Его сопровождала Дайлин, редкий утренний посетитель. У Илэйн приподнялись брови.

"У меня есть новости, которые ты ждешь, Илэйн," сказала Дайлин, наливая себя утренний чай. Сегодня это была морошка. "Я слышла, что Мелфани услышала сердцебиения?"

"Это так."

"Мои поздравления, Ваше Величество," промолвил мастер Норри. Он положил свою папку на высокий, узкий стол рядом с её стулом. Он редко садился в присутствии Илэйн. Дайлин заняла одно из удобных кресел рядом с очагом.

Каких новостей Илэйн ждала от женщины? На ум не приходило ничего определенного. Вопрос отвлек ее, поскольку Норри пробежался через ежедневные отчеты о различных армиях в округе. Также был список препирательств между группами наемников.

Он также говорил о продовольственной проблеме. Несмотря на женщин Родни, создающих врата для поставок из южных земель Ранда — и несмотря на неожиданные находки тайников в продовольственных магазинах, которые были обнаружены в городе — Кэймлин ожидал голод.

"Наконец, что касается наших, гм, гостей," сказал Норри. "Посыльные прибыли с ожидаемыми ответами."

Ни один из трех Домов, чьи лидеры были захвачены не в состоянии заплатить выкуп. После Араун, имения Саранд и Марни были среди самых урожайных и богатых в Андоре— и теперь они оскудели; пустая казна, бесплодные земли. И Илэйн обезглавила два эти Дома. Свет, какой бардак!

Норри пошел дальше. Она получила письмо от Талманеса, он согласен переместить несколько отрядов Красной Руки в Кайриен. Она приказала Норри послать ему предписание с ее печатью, уполномочивая солдат к "оказании помощи в восстановлении порядка". Это было, конечно, бессмыслица. Никакого порядка не нужно было восстанавливать. Но если Илэйн собиралась занять Солнечный Трон, ей необходимо сделать некоторые предварительные шаги в этом направлении.

"Это то, что я хотела бы обсудить, Илэйн," сказала Дайлин, когда Норри начал собирать свои бумаги, скрупулезно укладывая каждый листочек на свое место. Свет, помоги нам, если хоть один из этих драгоценных листочков порвется или запачкается.

"Ситуация в Кайриене.... запутанная" произнесла Дайлин.

" А когда было не так?" спросила Илейн со вздохом. " Ты узнала что-то о их политической ситуации?"

"Полный бардак" просто сказала Дайлин "Мы должны поговорить о том, как ты собираешься управлять двумя государствами в одиночку"

"У нас есть переходные врата" ответила Илейн

"Правда. Но вы должны найти способ занять Солнечный Трон, не позволяя думать, что Андор поглощает Кайриен. Местное дворянство примет Вас как королеву лишь в том случае, если

будут считать себя равными Андорцам. Иначе, как только Вы ослабите свое внимание, заговоры будут расти как дрожжи в теплой воде.

" Они будут равны с Андорцами" сказала Илейн

"Они не поймут этого, если ты придешь с армией" сказала Дайлин. "Кайриенцы очень гордые. Думать, что их завоевал Андор..."

Они жили под властью Ранда

"Со всем уважением, Илейн" сказала Дайлин " Он Дракон Возрожденный. Ты - нет"

Илейн нахмурилась, но как кто-то может спорить с этим?

Мастер Нори прочистил горло "Ваше Величество, совет Леди Дайлин вовсе не праздное предположение. Я, мм, кое-что слышал. Зная о ваших интересах в Кайриене..."

Его мастерство в добычи информации растет. Она таки сделает его настоящим шпионом!

"Ваше Величество" продолжил Нори, понизив голос "Ходят слухи, что Вы скоро приедете, чтобы захватить Солнечный Трон. Уже поговаривают о восстании против Вас. Праздное предположение, я уверен, но..."

"Кайриен может видеть в Ранде АлТоре императора" сказала Дайлин " А не иноземного короля. Это разные вещи"

"Хорошо, нам нет необходимости отправлять армию, чтобы захватить Солнечный Трон" сказала Илейн задумчиво.

" Я...не уверен в этом, Ваше Величество" сказал Норри. ""Слухи являются довольно распространенные. Кажется, что, как только Лорд Дракон объявил, что трон должен был быть Вашим, некоторые элементы в стране начали работать — очень тонко — чтобы предотвратить это. Из-за этих слухов много людей волнуются, что Вы отберете у Кайриенцев их титулы и отдадите их Андорцам. Другие утверждают, что Вы понизите любого Кайриенца до второсортных граждан государства."

"Ерунда", сказала Илейн. "Это просто смешно!"

'Очевидно," сказал Норри. "Но существует много слухов. Они кажется, гм, растут как вьюнок. Очень похоже."

Илейн стиснула зубы. Мир стремительно превращался в место для сильных альянсов, связанных узами как крови, так и на бумаге. Ей предоставилась наилучшая возможность объединить Кайриен и Андор, какая была у любой королевы за все поколения. "Знаем ли мы, кто является источником этих слухов?"

"Это трудно было установить, Госпожа" сказал Норри.

"Кто сможет извлечь максимальную выгоды из этого?" спросила Илейн. "Это первое с чего стоит начать поиски источника."

Норри взглянул на Дайлин.

"Кто угодно может извлечь выгоду", сказала Дайлин, помешивая свой чай, "я предположу, что имеющие наибольшие шансы на трон, извлекут наибольшую выгоду."

"Те, кто сопротивлялся Ранду", догадалась Илэйн.

"Возможно", сказала Дайлин. "А возможно и нет. Сильнейшие из восставших получали много внимания от Дракона, и многие из них были или переманены, или сломлены. Так что его союзников, тех, кому он доверяет больше других, или тех, кто выражают ему наибольшую преданность, мы, вероятно, должны подозревать. В конце концов, это Кайриен."

Даэсс Дей'мар. Да, это имело бы смысл, чтобы союзники Рэнда противились ее восхождению на трон. Те, кого поддержал Ранд имели неплохие шансы на трон и вряд ли поддадутся Илэйн. Выражая преданность иноземному королю, этим они загубят свои шансы.

"Мне надо подумать," сообщила Илэйн глубокомысленно, "кто имеет лучшие шансы на трон, и кто там со средними. Кто-либо, кто не противостоял Ранду, и не заработал его гнев. Но и кто-нибудь, кто не поддерживал его слишком искренне, кто-нибудь, кто может рассматриваться как патриот, который может неожиданно вмешаться и взять власть как только я потерплю неудачу." Она посмотрела на своих собеседников. "Найдите мне имена тех, кто недавно сильно поднялся во влиянии, мужчина или женщина, кто соответствует этим критериям".

Дайлин и Мастер Норри кивнули. На само деле, она возможно должна выстроить свою сеть глаз и ушей получше, никто из этих двоих идеально не подходил на роль руководителя сети.Нори был слишком очевидным вариантом, к тому же у него было множество других обязанностей. Дайлин была...хорошо, Илейн не была уверенна, кем была Дайлин.

Она была многим обязана Дайлин, которая, казалось, взяла на себя роль приемной матери Илейн. Голос опыта и мудрости. Но в конечном счете, Дайлин должна будет отстраниться. Ни один из них не мог позволить распространиться мнению, что Дайлин представляет реальную силу в тени трона.

Но Свет! Что бы она делала без этой женщины? Илэйн растерялась от внезапного всплеска чувств. Кровь и кровавый пепел, когда прекратятся эти перепады настроения? Королева не может позволить себе рыдать на публике из-за прихоти!

Илейн промокнула глаза. Дайлин мудро промолчала.

"Это к лучшему," сказала Илейн твердо, чтобы отвлечь внимание от предательски красных глаз. "Я все еще волнуюсь по поводу вторжения."

Дайлин в ответ промолчала. Она не думала, что Чесмал, имела в виду вторжение именно в Андор; по ее мнению Черная сестра говорила о вторжении троллоков в Пограничные земли. Бергитте относилось к этому больее серьезно, увеличивая количество солдат на границах Андора. Однако, Эгвейн очень хотела бы контролировать Кайриен; если троллоки продолжат движение на Андор, то они могут напасть со стороны соседнего королевства.

Прежде, чем беседа продолжилась, дверь в прихожую распахнулась, и Илэйн было тревожно подскочила, но почувствовала, что это Бригитте. Страж никогда не стучала. Она вошла неохотно неся меч, ее штаны, были заправлены в черные доходящие до колена сапоги. Было необычным, увидеть ее в сопровождении двух одетых фигур, со скрытыми капюшонами лицами. Норри отступил на шаг, протестующе поднимая руку до уровня груди. Все знали, что Илэйн не принимала посетителей в небольшой гостиной. Если Бригитте привела людей сюда....

"Мэт?" Догадалась Илэйн.

"Вряд ли" сказал такой знакомый голос, сильный и чистый. Большая из фигур сняла свой капюшон, открывая совершенное красивое мужское лицо. У него были квадратная челюсть и сосредоточенные взгляд, так хорошо запомнившийся Илейн с детства — главным образом, по тем моментам, когда он замечал ее за чем-то неподобающим.

"Галад," вымолвила Илэйн, удивленная теплом, которое она испытала к своему сводному брату. Она встала, протягивая руки к нему. Она провела большую часть своего детства в разочаровании им по той или иной причине, но было приятно видеть его живым и здоровым. "Где ты был?"

"Я искал правду," сказал Галад с поклоном, но он не приближался, чтобы взять ее руки. Он поднялся и поглядел по сторонам. "Я нашел нечто неожиданное. Закалил себя, сестра."

Илейн нахмурилась, когда вторая, более низкая фигура откинула свой капюшон. Мать Илейн.

Илэйн ахнула. Это было ОНА! Это лицо, эти золотые волосы. Эти глаза, которые так часто смотрели на Илэйн, как на ребенка, теперь изучали перемены в ней, не просто мать изучает дочь, но, как королева разглядывает своего преемника. Илэйн почувствовала, как ее сердце забилось в груди. Ее мать. Ее мать была жива.

Моргейз жива. Королева все еще жива.

Моргейз посмотрела в глаза Илейн, и затем — странно — Моргейз опустила взгляд. "Ваше Величество," сказала она. делая реверанс, все еще стоя у двери.

Илэйн - контролируй свои мысли, не поддаваться панике. Перед ней стояла королева, но я тоже королева, или. . . Свет! Она уселась на трон как Дочь-Наследница. Но теперь ее Королева мать вернулась, восстав из мертвых?

"Прошу, сесть," вымолвила Илэйн, указав Моргейз на место около Дайлин. Илэйн это сделала так, потому, что видела, что Дайлин шокирована еще похлеще чем Илэйн. Она сидела сжав свою чашку чая до побелевших костяшек, глаза вылезли из орбит.

"Благодарю Вас, Ваше Величество", сказала Моргейз проходя вперед, Галад присоединиться к ней, погладив, успокаивая, Илэйн по плечу. Затем он занял место на другой стороне комнаты.

Тон Моргэз был более отстаненный, чем Илейн помнила. И почему она продолжала называть Илейн этим титулом? Королева приехала тайком, укрытая капюшоном. Илейн оценила мать,складывая все части вместе, пока она садилась. "Ты отказалась от трона, не так ли?"

Моргейз величественно поклонилась.

"Ох, хвала Свету" сказала Дайлин, испустив громкий вздох и поднимая руку к груди. "Без обид, Моргейз. Но на секунду мне почудилась война между Тракандами"

"Этого никогда бы не произошло," сказала Илейн, в то время, как ее мать сказала что-то подобное. Их глаза встретились, и Илейн позволила себе улыбаться. "Мы нашли бы ... разумное решение. Так и будет, хотя я, конечно, задаюсь вопросом об обстоятельствах этого происшествия."

"Меня удерживали Дети Света, Илейн," сказала Моргейз. "Старый Педрон Найол был джентльменом в большинстве отношений, но его преемник не был. Я не позволила бы использовать себя против Андора."

"Чертовы Белоплащники," Илейн бормотала шепотом. Свет, они действительно говорили правду, когда написали, что удерживают Моргейз у себя?

Галад следил за ней, выгнув бровь. Он поставил принесенный стул, затем снял свой плащ, показывая блестящую белую униформу под ним, с солнечными лучами на груди.

"О, правильно" раздраженно сказала Илейн. "Я почти забыла об этом. Преднамеренно."

"У Чад были ответы, Илейн" сказал он садясь. Свет, но он невыносим. Так хорошо видеть его, но он так раздражал!

" Я не хочу это обсуждать" сказала Илейн. "Сколько Белоплащников пришло с тобой?"

"Вся сила Детей сопровождала меня в Андор," сказал Галад. Я -

их Лорд Капитан Командор"

Илейн мигнула, затем посмотрела на Моргейз. Старшая Траканд кивнула. "Хорошо", сказала Илейн, "Я вижу, что нам многое нужно обсудить."

Галад принял это за вопрос — он воспринимал все очень буквально — и начал объяснять, как он занял свое положение. В его рассказе было множество деталей, и Илейн иногда поглядывала на мать. Выражение Моргейз было невозможно прочитать.

Когда Галад закончил, он расспросил насчет войны за престолонаследие. Беседа с Галадом часто была такой: обмен, скорее официальный, нежели родственный. Прежде, это бы разочаровало ее, но на этот раз она обнаружила, что - несмотря на собственные предположения - она скучала без него. Так что она слушала с нежностью.

В конце концов, разговор затух. Было еще о чем поговорить с ним, но Илейн умерла бы за возможность просто говорить с матерью. "Галад," сказала Илейн: "Я хотела бы поговорить подольше. Не желаешь ли прийти на ранний ужин сегодня вечером? А до тех пор ты можешь освежиться в своих старых комнатах."

Он кивнул, вставая. "Было бы хорошо"

"Дайлин, мистер Норри", обратилась Илэйн. "То что моя мать жива, приведет к некоторым.... деликатным вопросам о власти. Нам необходимо будет, опубликовать ее отречение официально, и быстро. Мистем Норри, я подготовлю для вас официальный документ. Дайлин, пожалуйста, сообщите эту новость, моих самых верным союзникам, для того, чтобы они не оказались застигнуты этими новостями врасплох."

Дайлин кивнула. Она взглянула на Моргейз - дайлин не была среди тех, кого бывшая королева, подвергла изгнанию во время влияния на нее Равина, но она, несомненно, слышала рассказы. Тогда Дайлин удалилась вместе с Галадом м мастером Норри, Моргейз взглянула на Биргитте, как только дверь закрылась, страж осталась единственная в комнате, кроме них.

"Я доверяю ей как сестре, мать", сказала Илейн, "Иногда совершенно невыносимой старшей сестре, но сестре все равно."

Моргейз улыбнулась, встала и протянула к Илейн руки, привлекая ее в объятия. "Ах, моя дочь", сказала она, и слезы стояли в ее глазах. "Посмотрите как все получилось. Монарх в своем праве!"

"Ты хорошо научила меня, мать," сказала Илейн, высвобождаясь. "И ты - бабушка! Во всяком случае, скоро будешь!"

Моргейз нахмурилась, опуская взгляд ниже. "Да, я заподозрила это, глядя на тебя. Кто..?"

"Ранд", ответила, Илейн, покраснев. "И этот факт мало кому известен, и было бы здорово, если бы таким он и оставался."

"Ранд ал'Тор..", произнесла Моргейз, на ее лицо набежала тень. "Как ты.."

"Мама", подняв руку, останавливая ее, сказала Илейн. "Он хороший человек и я люблю его. То, что вы слышали это вымыслы и злые слухи."

"Но ведь он.. Илейн, это мужчина, который может направлять, Возрожденный Дракон."

"При этом он остается мужчиной", ответила Илейн, чувствуя теплый клубок эмоций в глубине своего сознания. "Просто мужчина, не смотря на все то, что требуется от него."

Моргейз сжала губы в тонкую линию. "Я не должна судить. Хотя я чувствую, что надо было бросить этого мальчика в подземелья замка, когда мы нашли его прячущимся в садах. Мне не понравилось, как он на тебя смотрел. Ты не думаешь?"

Илейн улыбнулась, затем жестом указала на стул. Моргейз села, и на этот раз Илейн заняла место рядом с ней, еще сжимая руку матери.Она ощущала веселость Биргитте, которая стояла за ее спиной у дальней стены, согнув колено так, что подошва сапога опиралась на деревянные панели.

"Что?" спросила Илейн

"Ничего" сказала Биргитте. "Гораздо приятнее видеть вас матерью и дочерью или даже просто женщиной и женщиной, чем двумя официальными лицами на встрече"

"Илейн - Королева" сказала Моргейз натянуто. " ЕЕ жизнь принадлежит народу, и мое прибытие представляет угрозу ее авторитету"

"Здесь по прежнему могут быть грязные вещи, мать," сказала Илэйн. "Ваша внешность может открыть старые раны".

"Я должна извиниться", сказала Моргейз. "Возможно, стоит предложить им компенсацию." Она колебалась. "Я собиралась остаться в стороне, дочь. Было бы лучше, если бы те, кто меня ненавидят, все еще думали что я мертва. Но - "

"Нет," сказала Илэйн быстро, сжимая ее руки. "Это к лучшему. Мы просто должны подойти к этому со занием вопроса, и заботой."

Моргейз улыбнулась. "Я горжусь тобой. Ты будешь прекрасной королевой."

Илейн заставила себя перестать краснеть. Ее мать никогда не была столь щедра на похвалы.

"Но прежде чем двигаться дальше", произнесла Моргейз. Ее голос прозвучал неохотно. "Я слышала доклады, что Гейбрил был.."

"Равин.", кивнула Илейн. "Это правда, мать."

"Я ненавижу его за то, что он сделал. Я вижу, как он, используя меня, разбил сердца и лишил лояльности моих самых близких друзей. Однако, все еще какая-то часть меня стремиться к нему совершенно иррационально."

"Он использовал Принуждение.", мягко ответила Илейн. "Другово объяснения нет. Мы проверим, сможет ли кто-нибудь из Белой Башни Исцелить это."

Моргейз покачала головой. "Как бы там ни было, это ощущение сейчас совсем слабое. И я нашла другого человека, чтобы подарить ему свою любовь.

Илейн нахмурилась.

"Я объясню в другой раз.", сказала Моргейз. "Я не уверена, что сама все понимаю. Сперва нам нужно решить, что делать с моим возвращением."

"Это просто!", произнесла Илейн. "Мы празднуем!"

"Да, но.."

"Никаких но, мать!", ответила Илейн. " Ты вернулась к нам! Город, ведь народ - все будут праздновать." Она поколебалась. "А поле этого мы найдем для тебя нужное занятие."

"Что-нибудь, что уберет меня прочь из столицы. Чтобы я не выглядела тенью-неудачницей."

"Но это должно быть достаточно важным и нужным, чтобы это не выглядело ссылкой." Илейн поморщилась. "Возможно, западная часть королевства. Доклады оттуда доставляют мало радости."

"Двуречье?", спросила Моргейз. "И лорд Перрин Айбара?"

Илейн кивнула.

"Он очень интересен, этот Перрин.", сказала Моргейз задумчиво, "Да, пожалуй, я могла бы быть там полезной. Нам уже удалось достугнуть некоторого взаимопонимания.

Илейн приподняла бровь.

"Он стоит за моим безопасным возвращением.", произнесла Моргейз. " Он очень чесный и благородный человек по жизни. Но также и мятежник, не смотря на свои добрые намерения. Это будет очень непростое время, если дойдет до сражения с ним."

"Я предпочла бы избежать этого." Она поморщилась. Самым простым было бы найти и казнить его, но, конечно, она не собиралась поступать так. Даже когда доклады приводили ее в бешенство настолько, чтобы почти желать этого.

"Ладно, начнем работать в этом направлении" улыбнулась Моргейз. " Уверена, моя истории поможет тебе. И, о, с Лини все хорошо. Не знаю, правда, волновалась ты о ней или нет"

"Честно говоря, нет," сказала Илейн, гримасничая, чувствуя

укол стыда.

"Кажется, что крах самой горы Дракона не сможет повредить Лини."

Моргейз улыбнулась и начала рассказ. Илейн слушала со страхом и волнением. Ее мать жива. Благослови Свет, столь многое сейчас идет не так, но наконец хоть что-то случилось как надо.

***

Трехкратная Земля ночью была тихой и спокойной. Большинство животных были активны перед сумерками и на рассвете, когда не было ни знойно, ни морозно.

Авиенда сидела на небольшом скалистом выступе, сложив ноги под собой, глядя на Руидин, в землях Дженн Айил, клана, которого нет. Когда то Руидин был окутан защитным туманом. Это было еще до прихода Ранда. Он нарушил три очень важных черты города весьма неприятным образом.

Первая была проста. Ранд прогнал туман. Город сбросил его купол, как алгайдсисвай снимает с лица вуаль. Она не знала, как Ранд вызвал это преобразование, она сомневалась, что он и сам знал. Но выставив город напоказ, он изменил его навсегда.

Вторая черта, которую Ранд нарушил в Руидине было его снабжение водой. Великое озеро раскинулось рядом с городом, и призрачный лунный свет, просочившийся сверху сквозь облака, сиял с его вод. Люди называли озеро Тсодрелле'Аман. Слезы Дракона, хотя озеро следовало бы назвать Слезы Айил. Ранд алТор не знал, сколько боли вызовет то, что он откроет. Такое бывало с ним. Его действия зачастую были такими невинными.

Третья черта, какую Ранд нарушил у города, была наиболее значимой. Авиенда постепенно приходила к пониманию этого. Слова Накоми беспокоили, тревожили ее. Они отозвались тенями воспоминаний, моментами потенциальных будущих, которые Авиенда видела в кольцах во время ее первого похода в Руидин, но которые ее разум не мог точно вспомнить, по крайней мере, напрямую.

Она беспокоилась, что Руидин очень скоро прекратит функционировать. Прежде, основной целью города было показать Хранительницам мудрости и вождям кланов тайное прошлое их народа. Чтобы подготовить их ко дню, когда они станут служить Дракону. Этот день настал. Так кто должен ходить сейчас в Руидин? Проход лидеров Айил через стеклянные колонны будет напоминать им о Тох, который они уже начали встречать.

Это беспокоило Авиенду, подобно чесотке под кожей. Она не хотела признавать эти проблемы. Она хотела бы продолжать традиции. Но она не могла выбросить их из головы.

Ранд вызвал так много проблем. Но она все еще любила его. Она любила его за его невежество. Это позволило ему учиться. И она любила его за глупый способ, которым он попытался защитить тех, кто не хотел быть защищенным.

Больше всего она любила его за желание быть сильным. Авиенда всегда хотела быть сильной. Обучиться владению копьем. Сражаться и зарабатывать джи. Быть лучшей.

Она могла чувствовать его, на расстоянии. Они были так в этом похожи.

Ноги болели от бега. Она потерла их с соком растения сегады, но все еще могла чувствовать их пульсацию. Ее ботинки лежали на камне рядом с ней, наряду с тонкими шерстяными чулками, что дала ей Илейн .

Она устала и хотела пить, она была быстра этой ночью, намереваясь затем пополненить свой бурдюк на озере перед завтрашним входом в Руидин. Вечером, она сидела и думала, настраиваясь.

Жизнь айил менялась. Требовалась сила, чтобы принять изменения, когда невозможно их избежать. Если бы холд был поврежден во время рейда, и ты восстановил его, ты никогда не сделаешь его точно таким же. Ты воспользуешься шансом для исправления ошибок - двери, скрипящей на ветру, неровного участка пола. Сделать это именно так, как было, было бы глупостью.

Возможно, традиции, такие как поход в Руидин, и даже проживание в Трехкратной Земле - необходимо будет в итоге пересмотреть. Но сейчас, айил не могли оставить мокрых земель. Наступала Последняя Битва. И Шончане, захватившие много айил и сделавшие хранительниц мудрости дамани, что недопустимо. И Белая башня, до сих пор полагавшая, что все айильские Хранительницы Мудрости, способные направлять были дикарками. Что-то должно быть сделано по этим поводам.

И она сама? Чем больше она думала об этом, понимала, что она не могла вернуться к своей старой жизни. Она должна быть с Рандом. Если он выживет в Последней битве - а она намерена бороться изо всех сил, чтобы так наверняка и стало - он все равно будет царем мокроземцев. И еще была Илейн. Авиенда с ней собирались быть сестрами-женами, но Илейн никогда не покинет Андор. Будет ли она ожидать, что Ранд останется с ней? Значит ли это, что и Авиенда тоже должна так сделать?

Так тревожно, как за себя так и за свой народ. Традиции не должны быть сохранены только потому, что это традиции. Сила не есть сила, если у нее нет цели или направления.

Она изучала Руидин, такое огромное место камня и величия.

Большинство городов отвращало ее своей гадкой грязью, но Руидин был иным. Крыши - купола, полузаконченный монолиты и башни, тщательно спланированные участки с жильем. Фонтаны теперь струились, и, все же значительная часть еще носила следы, битвы Ранда там. Большинсто этого было убрано семьями, жившими здесь, айильцами, не пошедшими на войну.

Не было бы никаких лавок. Никаких споров на улицах, никаких убийств в переулках. Руидин, возможно, был лишен своей значимости, но он останется местом мира.

Я пойду дальше, решила она. Пройду через стеклянные колонны. Скорее всего ее мысли были верны, и проход через них будет не таки важным, как ранее, но ей было действительно увидеть, что видели другие. Кроме того, знание о том, что бы раньше, важно, для того, чтобы понять будущее.

Хранительницы Мудрости и клановые вожди посещая это место на протяжении веков, возвращались со знанием. Может быть, в городе будет показано ей, что делать с ее народом, и о что делать с ее сердцем.

Глава 46

Ремесло кожевника

Андрол осторожно взял овальный кусок кожи из кипящей воды; она потемнела и скрутилась. Он быстро работал, разминая ее своими мозолистыми пальцами. Теперь кожа стала упругой и податливой.

Он спешно сел на лавку, квадрат солнечного света, льющегося через окно, упал на него справа. Обернул кожу вокруг толстого деревянного прута примерно двух дюймов в поперечнике, затем проткнул дырочки по краям.

Оттуда Андрол начал сшивать кожу с другим куском, который он подготовил заранее. Хорошая строчка с лицевой стороны сохранит вещь от изнашивания. Немало кожевников небрежно подходили к шитью. Но не Андрол. Именно шов был тем, что люди видели в первую очередь; он выделялся как краска на стене.

Пока он работал, кожа подсохла и частично потеряла упругость, но все еще оставалась достаточно гибкой. Он делал аккуратные и ровные стежки. Несколько последних он затянул потуже и использовал их, чтобы обвязать кожу вокруг деревянного прута; он обрежет эти стежки, когда кожа высохнет.

К законченному шитью он добавил несколько украшений. Поверху выбил имя, используя для этого маленький молоточек и штампы с буквами. Следующими стали знаки Меча и Дракона; он сам сделал эти пластины, основываясь на значках, которые носили Аша'маны.

В нижней части с помощью штампов с меньшими буквами он выгравировал слова "Оберегать. Хранить. Защищать". Пока кожа продолжала сохнуть, Андрол достал краски и марлю, чтобы осторожно оттенить буквы и рисунки для контраста.

Такой вид работы приносил спокойствие; слишком многое в его жизни в эти дни вращалось вокруг разрушения. Он знал, кем должен быть. Андрол пришел в Черную Башню в первую очередь потому, что понял то, что должно было произойти. Тем не менее, было приятно создавать что-нибудь.

Он оставил текущий кусок, позволяя ему высохнуть, работая в это время над несколькими седельными ремнями. Андрол сверил ремни с отметками на краю стола, затем потянулся в сумку с инструментами, которая свисала сбоку стола, за ножницами - он сам их сделал. Он был раздосадован, когда не

обнаружил их на своем месте.

"Чтоб он сгорел, тот день, когда я проговорился, что у меня здесь были хорошие ножницы," - подумал Андрол. Несмотря на якобы строгие порядки, которые Таим установил для Черной Башни, хаос тут был удручающих размеров. Серьезные нарушения сурово карались, но мелочами - например тем, чтобы забрести в чью-нибудь мастерскую и "одолжить" его ножницы, - пренебрегали. Особенно, если взявший взаймы был одним из любимчиков М'Хаэля.

Андрол вздохнул. Его нож для ремней ожидал заточки в доме Куэллара. "Ну, - подумал он, - Таим действительно продолжает заставлять нас искать предлоги, чтобы направлять..." Андрол освободил свое сознание от эмоций, затем схватился за Источник. Месяцы прошли с тех пор, когда он последний раз испытывал с этим трудности - поначалу он был способен направлять только тогда, когда держался за кожаный ремень. М'Хаэль выбил это из него. Что было не совсем приятным процессом.

Саидин хлынула в него, сладкая, могущественная, прекрасная. Он долгое время сидел, наслаждаясь ей. Порча исчезла. Каким изумительным это было. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

На что это было похоже, удерживать так же много Единой Силы, как могли другие? Время от времени, он жаждал этого. Он знал, что слаб - слабейший среди Посвященных во всей Черной Башне. Вероятно, столь слабый, как он, не должен был бы никогда продвинуться от Солдата. Логайн ходил с этим к Лорду Дракону и сделал повышение возможным вопреки прямо выраженным желаниям Таима.

Андрол открыл глаза, затем взялся за ремень и сплел крошечные врата всего лишь в дюйм шириной. Они вспыхнули жизнью перед ним, разрезая ремень пополам. Он улыбнулся, потом позволил им исчезнуть и повторил прием.

Некоторые говорили, что Логайн настоял на повышении Андрола, только чтобы подкопаться под власть Таима. Но Логайн сказал, что именно невероятный Талант Андрола в обращении с вратами стал тем, за что тот заслужил звание Посвященного. Логайн был жестким человеком, надломленным по краям, как старые ножны, которые не были должным образом лакированы. Но те ножны все еще хранили смертоносный меч. Логайн был честным. Хорошим парнем с застарелыми шрамами.

Андрол в конце концов закончил с ремнями. Он подошел и обрезал нитку, державшую овальный кусок кожи на месте. Тот сохранил свою форму, и Андрол поднес его к солнечному свету, осматривая стежки. Кожа стала жесткой, не будучи при этом

хрупкой. Он подогнал изделие по предплечью. Да, украшение вышло на славу.

Он кивнул себе. Одной из тонкостей жизни было внимание к мелочам. Сосредоточьтесь и сделайте их хорошенько. Если каждый стежок на нарукавнике будет надежным, то тот никогда не истрепется или не порвется. Это могло обозначить различие между лучником, который устоит при обстреле и тем, который будет вынужден убрать свой лук.

Один лучник не решит битву. Но мелочи складываются, одна за другой, пока не превратятся в нечто значительное. Он закончил нарукавник, прикрепив несколько постоянных шнурков с обратной стороны так, чтобы его можно было закрепить на руке.

Он взял черный кафтан со спинки стула. Значок с серебряным мечом на высоком воротнике мерцал в солнечном свете из окна, пока Андрол застегивал пуговицы. Он взглянул на себя в отражении на стекле, убеждаясь, что кафтан был в порядке. Мелочи были важны. Секунды были мелочью, но если ты нагромождал достаточное их число друг на друга, они становились человеческой жизнью.

Он надел нарукавник на руку, затем толкнул дверь своей маленькой мастерской и вышел на окраину деревни Черной Башни. Группы двухэтажных домов здесь располагались точно так же как и в любом другом небольшом городке Андора. Остроконечные крыши, крытые соломой, с прямыми стенами из дерева, а так же, иногда, из камня и кирпича. Видя только это, можно было подумать, что он шел через Новый Браэм или Грэфиндэйл.

Конечно, для этого требовалось не обращать внимания на мужчин в черных кафтанах. Они были повсюду, бегая по поручениям М'Хаэля, тренируясь, работая над созданием непосредственно Черной Башни. Это место все еще было незавершенным. Группа Солдат, не носивших значков ни с серебряным мечом, ни с красно-золотым Драконом, использовала Единую Силу, чтобы взрывами прокладывать длинный ров в земле рядом с дорогой. Было решено, что деревня нуждается в канале.

Андрол мог видеть плетения - главным образом, из Земли, - крутящиеся около Солдат. В Черной Башне ты работал с Силой так много, насколько было возможно. Все время тренируясь, как мужчины, поднимавшие камни, чтобы нарастить силы. Свет, как же Логайн и Таим давили на этих ребят.

Андрол двинулся по недавно посыпанной гравием дороге. Большая часть этого гравия имела оплавленные края там, где он был разрушен взрывом. Они принесли валуны - через врата, с

помощью Воздуха, - затем раздробили их взрывающими плетениями. Это походило на поле битвы, камни разбивались вдребезги, разлетаясь на осколки. С Силой - и тренировками наподобие этой, - Аша'маны были способны превратить городские стены в груду булыжников.

Андрол продолжал свой путь. Черная Башня была местом удивительных зрелищ, и расплавленный гравий даже близко не был самым странным из них. Не только Солдаты рылись в земле, следуя тщательным изысканиям Андрола. В последнее время, самым странным зрелищем для него были дети. Они бегали и играли, прыгая в ров, который оставляли после себя работавшие Солдаты, скользя вниз по его глинистым бокам, а затем вскарабкиваясь обратно наверх.

Дети. Игравшие в ямах, созданных взрывом из саидин. Мир менялся. Бабушка Андрола - такая старая, что все ее зубы уже выпали, - использовала истории о мужчинах, умеющих направлять, чтобы припугнуть и отправить его в кровать теми ночами, когда он пытался ускользнуть на улицу считать звезды. Темнота снаружи не пугала его, как и рассказы о троллоках и Исчезающих. Но мужчины, способные направлять...они вселяли в него ужас.

Теперь он оказался здесь, доживший до средних лет, внезапно ставший бояться темноты, но полностью примирившийся со способными направлять мужчинами. Он шел по дороге, гравий хрустел под его ногами. Дети уже вылезли изо рва и столпились вокруг него. Он лениво достал горсть леденцов, купленных во время последней разведывательной миссии.

- Каждому по два, - строго сказал он, когда измазанные руки потянулись за леденцами. - И не пихаться, имейте в виду. - Руки отправились во рты, и дети в благодарность замахали стриженными головами, зовя его Мастером Генхальдом, прежде, чем помчаться дальше. Они не вернулись в траншею, но изобрели новую игру, убегая в сторону полей на востоке.

Андрол отряхнул руки, улыбаясь. Дети так легко приспосабливались. Перед ними века старых обычаев, ужаса и суеверий могли растаять, как масло, надолго оставленное на солнце. Но хорошо, что они предпочли оставить ров. Единая Сила могла быть непредсказуемой.

Нет. Совсем не так. Саидин была очень предсказуемой. Однако, мужчины, которые обладали ей...ну, они - другое дело.

Солдаты остановили свою работу и повернулись к нему навстречу. Он не был полным Аша'маном и он не заслуживал того, чтобы ему отдавали честь, но они выказывали ему уважение. Слишком много. Андрол не был уверен, почему они подчинялись

ему. Он не был великим человеком, особенно здесь, в Черной Башне.

Тем не менее, они кивнули ему, когда он прошел мимо. Большинство из них были из числа людей, набранных в Двуречье. Крепкие парни и мужчины, нетерпеливые, хотя многие были новичками. Половине из них не было нужды бриться чаще, чем раз в неделю. Андрол подошел к ним, затем осмотрел результат их работы, следя за направлением струны, которую он привязал к небольшим колышкам. Он одобрительно кивнул.

- Угол хорош, парни, - сказал он. - Но делайте бока более крутыми, если сумеете.

- Да, мастер Генхальд, - произнес тот, кто возглавлял группу. Его звали Джейм Торфинн, долговязый парень с тусклыми каштановыми волосами. Он все еще удерживал Силу. Та неистовая река мощи была столь манящей. Редкий человек мог отпустить ее без чувства утраты.

М'Хаэль поощрял их удерживать Силу, говоря, что благодаря этому они научатся управлять ей. Но Андрол и раньше знал притягательные ощущения, отчасти похожие на саидин - возбуждение битвы, опьянение редкими напитками с Островов Морского Народа, пьянящее чувство победы. Человек мог увлечься ими и потерять контроль над собой, забыв, кем он был. И саидин была более обольстительной, чем все остальное, что он испытал.

Он не высказал Таиму свои замечания. Ему не нужна была морока с наставлениями М'Хаэля.

- А сейчас, - сказал Андрол, - позвольте мне показать, что я подразумеваю под "крутизной". - Он глубоко вдохнул, затем освободил себя от чувств. Для этого он использовал старинный солдатский трюк - ему Андрол научился у своего первого наставника по владению мечом, старого однорукого иллианца Гарфина, сильный деревенский акцент которого был практически непостижим. Разумеется, у Андрола и самого был легкий тарабонский акцент, как ему сказали. Он исчез за годы, прошедшие с тех пор, как он последний раз был дома.

В пределах небытия - пустоты, - Андрол мог чувствовать неистовую силу, которой была саидин. Он схватил ее, как человек хватается за шею обезумевшей лошади, надеясь хоть каким-нибудь образом управиться с ней, но в основном, просто пытаясь удержаться.

Саидин была чудесной. Да, она была мощнее любого пьянящего напитка. Она делала мир прекрасней и сочней. Удерживая эту ужасающую Силу, Андрол чувствовал, словно он наконец-то начал жить, оставив сухую шелуху себя прежнего

позади. Она угрожала унести его своими быстрыми потоками.

Он быстро работал, сплетя крошечную струйку Земли - лучшее, с чем он мог справиться в стихии, в которой был наиболее слаб - и тщательно выскоблил стенки канала.

- Если вы оставите слишком много выступов, - объяснил он, пока работал, - тогда поток, текущий по каналу останется грязным, потому как будет вымывать землю по бокам. Чем прямее и прочнее стенки, тем лучше. Поняли?

Солдаты кивнули. Бисеринки пота выступили на бровях, хлопья грязи налипли на их лбы и щеки. Но черные кафтаны на них оставались чистыми, особенно рукава. Ты мог судить об уважении человека к форме по тому, использовал ли он рукав, чтобы вытереть лоб таким днем, как этот. Двуреченские парни пользовались носовыми платками.

Старшие Аша'маны, разумеется, вообще редко потели. Этим ребятам потребуется больше практики, чтобы ухватить суть, несмотря на столь сильную сосредоточенность.

- Молодцы, - сказал Андрол, вставая и глядя на них. Андрол положил руку на плечо Джейму. - Вы, парни, делаете тут отличную работу. Двуречье как следует растит своих людей.

Ребята просияли. Хорошо было иметь их, особенно по сравнению с тем сортом людей, которых Таим завербовал за последнее время. Разведчики М'Хаэля утверждали, что забирали любого, кого могли найти, но почему же у большинства из тех, кого они привели, был настолько злобный и неуравновешенный нрав?

- Мастер Генхальд? - обратился к нему один из солдат.

- Да, Трост? - спросил Андрол .

- Вы... Вы слышали что-нибудь о мастере Логайне?

Другие смотрели с надеждой.

Андрол покачал головой.

- Он не вернулся из своей разведывательной миссии. Я уверен, что он скоро вернется.

Парни кивнули, хотя он мог видеть, что они начинали волноваться. У них было на это право. Андрол беспокоился уже несколько недель. С тех пор как Логайн уехал ночью. Куда он ушел? Зачем он взял с собой Донало, Мезара и Вилина - трех самых сильных и лояльных к нему Посвященных - и все?

А теперь еще и эти - Айз Седай - расположились лагерем снаружи, предположительно посланные с полномочиями от Дракона, чтобы связать узами Ашаманов. Таим по поводу этого выдал одну из своих полу улыбок, из тех, что никогда не отражалась в его глазах, и сказал им, что сначала выбирает группа из Белой Башни, так как они прибыли первыми. Другие

нетерпеливо ожидали.

- М'Хаэль, - сказал один из Двуреченцев, мрачнея. - Он...

- Держите головы на плечах, - прервал Андрол, - и не надо паниковать. Пока нет. Мы ждем Логайна.

Мужчины со вздохом но кивнули. Отвлеченный беседой Андрол почти не заметил, как ближайшие тени начали подползать к нему. Тени людей, удлиняющиеся в солнечном свете. Тени в ямах. Тени от камней и в трещинах в земле. Медленно, жадно, они поворачивались к Андролу. Он крепился, но не мог подавить панику. Этот ужас он мог чувствовать, не смотря на пустоту.

Они приходили всякий раз, когда он слишком долго удерживал саидин. Он немедленно отпустил Силу, и тени неохотно уползли на свои места.

Двуреченцы наблюдали за ним, явно сконфуженные. Могли они заметить дикое метание глаз Андрола? Никто не говорил о... неправильностях, которые беспокоили мужчин Черной Башни. Пока что нет. Это было подобно шептанию о грязных семейных тайнах.

Саидин была очищена от порчи. Эти парни никогда не должны будут чувствовать тоже, что и Андрол.

В конечном счете, он и другие, кто был в Башне до очищения, станут редкостью. Свет, он никак не мог понять, почему кто-либо еще слушал его - слабого в Силе и безумного новичка?

И хуже всего было то, что он знал, глубоко, в самом центре своего разума, что эти тени реальны. Не просто какое-то безумие, воображение его ума. Они были реальны, и если бы они добрались до него, то уничтожили бы.

Они были реальны. Они должны быть.

О, Свет, думал он, стиснув зубы. Любой из вариантов ужасал. Или я безумен, или сама тьма хочет меня уничтожить.

Вот почему он больше не мог спать по ночам, не впадая в безотчетный страх. Иногда он мог часами удерживать Источник, не видя теней. Иногда хватало минут. Он глубоко вздохнул.

- Хорошо, сказал он, удовлетворенный, что, по крайней мере, мог контролироваь свой голос. - Вам лучше вернуться к работе. Запомните, сохраняйте наклон в нужном направлении. У нас будет в полтора раза больше проблем, если вода переполнит канал и затопит эту территорию.

Когда они повиновались, Андрол оставил их, возвращаясь обратно в деревню. Около центра находились бараки: пять больших, толстостенных каменных зданий для солдат, дюжина строений поменьше для Посвященных. На данный момент эта небольшая деревня была Черной Башней. Это может изменится.

Надлежащая башня строилась неподалеку, фундамент уже вырыли.

Он мог оценить, на что могло бы стать похоже однажды это место. Он когда-то работал с главным архитектором одного из дюжины различных ученичеств, в которых он побывал за всю свою жизнь, и иногда казалось, что жизнь длится слишком долго. Да он мог мысленно представить это. Башня, преимущественно из черного камня, построенная с помощью Силы. Мощная, крепкая. В ее основе были бы блочные квадратные конструкции с зубчатыми вершинами.

Эта деревня может вырасти до размеров города, потом большого города, столь же обширного как Тар Валон. Улицы были построены так, чтобы смогли пройти несколько фургонов за раз. Новые секции были размечены и уложены. Это означало видение и планирование. Сами улицы шептали судьбу Черной Башни.

Андрол следовал по тропе, протоптанной сквозь кустарник. Отдаленное буханье и треск эхом отдавали по равнине, словно щелканье кнута. У каждого мужчины были собственные причины для приезда сюда. Месть, любопытство, отчаяние, жажда власти. Какая причина была у Андрола? Может все четыре?

Он покинул деревню и, в итоге, обогнув линию деревьев, попал в тренировочную зону - маленький каньон между двумя холмами. Мужчины, выстроившись в линию, направляли Огонь и Землю. Холмы нужно было выровнять под землю для сельского хозяйства. А также возможность попрактиковаться.

Мужчины были по большей части Посвященными. Плетения вились в воздухе, намного более умелые и мощные чем те, что использовали Двуреченцы. Эти были четко нацеленные, как шипящие гадюки или разящие стрелы. Камни взрывались и фонтаны грязи взлетали в воздух. Разрушение велось в непредсказуемом порядке, чтобы смутить и дезориентировать противника. Андрол мог бы представить отряд конницы, с грохотом катящийся вниз по склону только для того, чтобы получить сюрприз в виде взрывающейся земли. Единственный Посвященный мог бы в момент уничтожить десятки наездников.

Андрол с неудовольствием отметил, что работающие стояли двумя группами. Башня начинала раскалываться и делиться, лояльные к Логайну избегались и отвергались. Справа Кэнлер, Эмарин и Налаам работали сосредоточено и сконцентрированно под руководством Джонета Датри, самого опытного Солдата среди Двуреченцев. Слева группа закадычных друзей Таима посмеивались между собой. Их плетения были более дикими, но также и намного более разрушительными. Позади бездельничал Котерен, прислонившись к покрытому листвой каучуковому

дереву и наблюдая за работой.

Рабочие взяли перерыв и позвали деревенского мальчика, чтобы тот принес воды. Андрол приблизился и Арлен Налаам, увидев его первым, помахал ему с широкой улыбкой на лице. Доманиец носил тонкие усы. Он был довольно застенчив в свои тридцать лет и иногда вел себя как мальчишка. Андрол все еще испытывал боль с того раза, когда Налаам налил древесного сока ему в ботинки.

- Андрол, - крикнул Налаам. - Иди, расскажи этим необразованным мужикам, что такое Риташенская Ошеломляющая!

- Риташенская Ошеломляющая? - сказал Андрол. - Это выпивка. Смесь меда и овечьего молока. Грязное пойло.

Налаам гордо посмотрел на других. На его куртке не было никаких значков. Он был только солдатом, но его должны были повысить к настоящему времени.

- Снова хвастаешься своими путешествиями, Налаам? - спросил Андрол, расшнуровывая защитную перчатку.

- Мы, Доманийцы, известны повсюду, - сказал Налаам. - Знаешь, работа, которую мой отец выполняет, шпионя для Короны...

- На прошлой неделе ты сказал, что твой отец торговец, - сказал Кэнлер. Крепкий мужчина был самым старым в группе, с седеющими волосами и квадратным лицом, которое много лет пробыло под солнцем.

- Ну да, - сказал Налаам. - Это его прикрытие, чтобы шпионить!

- А разве не женщины - торговцы в Арад Домане? - спросил Джоннет, потирая свой подбородок.Он был крупным, спокойным человеком с круглым лицом.

Вся его семья - братья, родители и его дедушка Бьюл - переместились в деревню вместе с ним, не позволив тому отправиться одному.

- Ну, они лучшие, - сказал Налаам, - и моя мать не исключение. Хотя, мы, мужчины, тоже кумекаем. Кроме того, с тех пор, как моя мать была занята внедрением к Туата'ан, отец был выужден принять дело.

- О, ну теперь это просто смешно, - с угрюмым видом сказал Кэнлер. - Кто когда-либо хотел бы примкнуть к группе Лудильщиков?

- Чтобы выведать их секретные рецепты, - сказал Налаам. - Говорят, что Лудильщик может приготовить горшок тушеного мяса, настолько прекрасного, что это заставит вас покинуть дом и путешествовать с ними. Это правда, я сам попробовал и меня

нужно было держать связанным в сарае три дня, прежде чем эффект спал.

Кэнлер фыркнул. Однако через мгновение добавил.

- Так... она нашла рецепт или нет?

Налаам начал другую историю, Кэнлер и Джоннет внимательно слушали. Эмарин стоял в стороне, поглядывая с развлечением - он был другим солдатом в группе, также без значков. Это был пожилой человек, с жидкими волосами и морщинками у глаз. Его короткая белая бородка была остро подстрижена.

Примечательный человек был чем-то вроде загадки; он однажды прибыл с Логайном и ничего не рассказал о своем прошлом. Эмарин держал себя с достоинством и обладал изысканной манерой общения. Он бесспорно был дворянином. Но в отличие от большинства других дворян в Черной Башне, Эмарин не делал попыток утвердить свою предполагаемую власть. Многим благородным требовалось несколько недель, чтобы уяснить, что с момента присоединения к Черной Башне, твое положение во внешнем мире теряло смысл. Из-за этого они становились угрюмыми и раздражительными, но Эмарин немедленно втянулся в образ жизни Башни.

Это потребовало от действительно высокопоставленного дворянина безропотно следовать приказам простолюдина вполовину моложе его. Эмарин сделал глоток воды принесенной мальчиком слугой, поблагодарив парня, затем подошел к Андролу. Он кивнул в сторону Налаама, который все еще разговаривал с другими. "У этого человека сердце менестреля".

Андрол заворчал. "Может быть, он сможет использовать его, чтобы заработать несколько лишних монет. Он все еще должен мне пару новых носков."

"А у тебя, мой друг, душа писца!", рассмеялся Эмарин. "Ты ничего не забываешь, не так ли?"

Андрол пожал плечами.

"Откуда ты знаешь, что такое Риташенская Ошеломляющая? Я считаю себя довольно образованным в этих вопросах, но все же ни слова не слышал о ней."

"Я пробовал однажды", сказал Андрол. "Пил ее на пари."

"Да, но где?"

"На Риташе, конечно."

"Но это же в лигах от берега, в скоплении островов, которые даже Морской Народ посещает не так часто!"

Андрол снова пожал плечами. Он бросил вгляд на лакеев Таима. Дереквенский мальчишка принес им корзину с едой от Таима, хотя М'хаэль утверждал, что не поощряет любимчиков.

Если бы Андрол спросил, оказалось бы, что мальчишку послали с едой и для остальных тоже. Но этот паренек потерялся бы, или забыл, или сделал какую-нибудь другую невинную ошибку. Таим кого-нибудь накажет, и ничего не изменится.

"Это разделение вызывает беспокойство, мой друг", тихо сказал Эмарин. "Как мы может сражаться за Лорда Дракона, если мы не способны примириться друг с другом?"

Андрол покачал головой.

Эмарин продолжил. "Говорят, что ни один мужчина под покровительством Логайна не получал значок с Драконом многие недели. Их много, таких как Налаам, кто давным давно должен был получить значок-меч, но их неоднократно отклонял М'хаэль. Дом, члены которога грызутся за авторитет никогда не будет представлять угрозы другим Домам."

"Мудрые слова", ответил Андрол. "Но что же нам делать? Что мы можем сделать? Таим - М'хаэль, а Логайн все еще не вернулся."

"Возможно, мы могли бы послать кого-нибудь за ним", сказал Эмарин. "Или, может быть, ты можешь успокоить остальных. Боюсь, что некоторые из них близки к схватке. И если драка начнется, то я не сомневаюсь кто увидит грубую сторону наказаний Таима."

Андрол нахмурился. "Верно. Но почему я? У тебя намного лучше с речами чем у меня, Эмарин."

Эмарин хмыкнул. "Да, но Логайн доверяет тебе, Андрол. Остальные смотрят на тебя."

"Им не следует",-подумал Андрол."Я гляну, что можно придумать." Налаам приготовил еще одну историю, но прежде, чем он смог начать, Андрол подозвал жестом Джоннета, показывая нарукавник. "Я заметил, что твой прежний сломался. Попробуй этот."

Лицо Джоннета просияло, когда он взял нарукавник. "Андрол, ты великолепен! Я не думал, что хоть кто-нибудь заметил. Это мелочь, я знаю, но.." он улыбнулся шире и поспешил к ближайшему дереву, под которым лежали чьи-то вещи -- и лук Джоннета среди них. Двуреченцы любили, чтобы луки были под рукой.

Джоннет вернулся, натягивая лук. Он надел нарукавник. "Сел как влитой!"- воскликнул он, и Андрол почуствовал, что улыбается. Мелочи. Иногда они могу значить так много.

Джоннет выбрал цель и выстрелил, древко мелькнуло в воздухе, тетива щелкнула о нарукавник. Стрела взмыла высоко, попав в дерево на холме более чем в двуста шагах.

Канлер присвистнул. "Ни разу не видел ничего похожего на

твой лук, Джоннет. Никогда в жизни." Они все были андорцами, хотя Канлер и был родом из городка гораздо ближе к Кеймлину.

Джоннет посмотрел критически на свой выстрел, затем натянул тетиву заново, перьями до щеки, и отпустил. Стрела пошла хорошо и ударила в то же самое дерево. Андрол мог видеть, что стрелы были не более чем на расстоянии двух ладоней друг от друга.

Канлер снова присвистнул.

- Мой отец тренировался на таких, заметил Налаам, - Обучился этом искусству от двуреченца, которого спас из воды в Иллиане. Тетиву хранил как память.

Канлер поднял бровь, но в то же время похоже, он был захвачен историей. Андрол лишь усмехнулся, качая головой. - Не возражаешь, если я попробую, Джоннет? Я довольно меткий стрелок из Тайренского лука, а они немного длиннее большинства.

- Конечно, ответил долговязый, отстёгивая нарукавник и передавая лук.

Андрол надел нарукавник и поднял лук. Он был чёрного тиса и эластичность тетивы была не такой, как он привык. Джоннет передал ему стрелу и Андрол, подражая тому натянул, доставая до щеки.

- Свет! воскликнул он от силы, с которой пришлось натянуть тетиву. - Это ваше оружие предательски мало, Джоннет. Как вы вообще целитесь? Я едва могу держать его ровно.

Джоннет засмеялся, глядя на дрожащие руки Андрола, а тот наконец выстрелил, не способный держать лук больше ни на секунду. Стрела ударилась в землю, далеко от цели. Он передал лук Джоннету.

- Это было довольно хорошо, Андрол, - сказал Джоннет. - Многие даже тетиву натянуть не могут. Дай мне десять лет, и ты у меня станешь стрелять как самый настоящий двуреченец!

- Я пока что буду верен коротким лукам, - ответил Андрол. - Ты никогда не сумеешь выстрелить из громадины, наподобие этой, верхом на лошади.

- Мне и не придется! - сказал Джоннет.

- А что, если бы за тобой гнались?

- Если их не больше пяти, - ответил Джоннет, - я снял бы их с этим раньше, чем они добрались до меня. Если больше пяти, тогда чего я добьюсь, стреляя по ним? Я побегу так, словно сам Темный позади меня.

Другие мужчины усмехнулись, однако Андрол заметил, что Эмарин смотрит на него.

Возможно, удивляясь тому, откуда Андрол узнал, как

стрелять из лука верхом. Он был проницательным, этот дворянин. Андролу надо бы следить за собой.

- И что же это такое? - спросил голос. - Пытаешься научиться стрелять из лука, мальчик на побегушках? И так ты в самом деле сможешь защитить себя?

Андрол стиснул зубы, оборачиваясь, когда Котрен неторопливо подошел. Это был грузный человек, его длинные черные жирные волосы оставались распущенными. Они свисали вокруг тупого лица с пухлыми щеками. Его глаза были опасно сосредоточенны. Он улыбался. Улыбкой кота, который нашел грызуна, чтобы поиграть с ним.

Андрол спокойно расстегнул нарукавник, передавая его Джоннету. Котрен был полным Аша'маном, личным другом М'Хаэля. Он превосходил всех присутствующих по рангу на голову.

- М'Хаэль услышит об этом, - сказал Котрен. - Что вы игнорируете свои занятия. Вам не нужны стрелы и луки - не тогда, когда вы можете убивать с помощью Силы.

- Ничего мы не игнорируем, - упрямо сказал Налаам.

- Тихо, сынок, - сказал Андрол. - Следи за языком.

Котрен засмеялся.

- Слушайтесь пажа, вы все. М'Хаэль услышит и о вашей наглости. - Он остановился на Андроле. - Ухватись за Источник.

Андрол неохотно подчинился. Сладость саидин потекла в него, и он нервно глянул в сторону. Не было никаких признаков теней.

- Жалкое зрелище, - сказал Котрен. - Разрушь-ка вон тот камень.

Он был слишком большим для Андрола. Но он прежде имел дело с задирами, и Котрен был самого опасного их сорта - обладавших силой и властью. Лучше всего было соглашаться. Смущение было слабым наказанием. Это было чем-то, что некоторые задиры, казалось, понимали.

Андрол соткал необходимое плетение из Земли и Огня, ударяя по большому камню. Он вложил в тонкое плетение практически всю Силу, с которой мог справиться, но оно откололо всего лишь несколько кусочков от крупного камня.

Котрен от души расхохотался, как и группа Посвященных, обедавших под ближайшим деревом.

- Кровавый пепел, ты бесполезен! - сказал Котрен. - Забудь, что я там раньше говорил, паж! Тебе нужен этот лук!

Андрол отпустил Единую силу. Котрен получил свою долю веселья; он будет доволен. К сожалению, Андрол почувствовал, что мужчины позади него ухватились за Источник. Джоннет,

Канлер и Налаам шагнули к Андролу, каждый из них был наполнен Единой Силой и яростно ощетинился.

Обедавшие мужчины встали, каждый из них также держался за Источник. Их было вдвое больше, чем друзей Андрола. Котрен ухмыльнулся.

Андрол следил за Канлером и остальными.

- Ну-ну, парни, - сказал он, поднимая руку, - Аша'ман Котрен просто делает то, что ему приказал М'Хаэль. Он пытается взбесить меня, чтобы я мог продвигаться дальше.

Обе группы поколебались. Напряженность их пристальных взглядов соперничала с мощью Силы внутри них. Затем Джоннет отпустил Источник. Это заставило Налаама сделать то же самое, и под конец отвернулся сердитый Канлер. Котрен засмеялся.

- Мне это не нравится, - пробормотал Канлер, когда их группа отошла. Он бросил короткий взгляд через плечо. - Вообще не нравится. Чего ты нас остановил, Андрол?

- Потому, что они покрошат нас быстрее, чем ты выругаешься, Канлер, резко произнёс Андрол. - Свет, солдат! Моя способность направлять и гроша ломанного не стоит, а Эмарин не пробыл здесь и месяца. Джоннет учится быстро, но мы все знаем, что он никогда раньше на самом деле не сражался с помощью Силы, а половина людей Котерена видела битву стоя рядом с Лордом Драконом! Ты действительно думаешь, что ты и Налаам смогут справится с десятью людьми предположительно твоей силы?

Канлер продолжал злиться, бормоча, но позволил спору утихнуть.

- Макашак На фамалаштен моркасе, пробормотал Налаам, - делф, такак-саки мер! Он засмеялся над чем-то своим. Глаза его были дикими. Этот язык Андрол не знал, было понятно, что это не Древний язык. Скорее всего это вообще был не язык.

Никто из остальных не произнёс ни слова. Налаам время от времени неразборчиво бормотал что-то себе под нос. Если бы его спросили, он бы утверждал, что говорил вполне нормальными словами. Вспышка, казалось, сильно обеспокоила Эмаина и Джоннета. Они никогда не видели, как друзья сходят с ума и убивают тех, кто вокруг них. Хвала свету, они и не увидят никогда. Что бы не думал Андрол о Лорде Драконе за то, что тот оставил их одних, очищение полностью искупало вину ал"Тора. Теперь направлять стало безопасно.

Ну или по крайней мере безопаснее. Направление никогда не было безопасным, особенно когда ими руководил Таим.

- Всё больше и больше людей берут жуткие персональные уроки у Таима, пробормотал Налаам, когда они шли в тени деревьев. Успехи Ненсена увеличили количество желающих.

Добрая дюжина перешла на сторону Таим за последние две недели. Вскоре за нами никого не останется. Я боюсь разговаривать с половиной людей, которым я доверял.

- Норли можно доверять, сказал Канлер, - Эвину Нардлину, тоже.

- Короткий список, произнёс Налаам, - Слишком мало.

- Двуреченцы за нас, сказал Джоннет, - До единого.

- Всё равно мало, ответил Налаам, - И ни одного полноправного Аша'мана среди нас.

Они все смотрели на Андрола. Он бросил ответный взгляд на Таимовских лакеев, которые снова над чем-то смеялись.

- Что такое, Андрол? Спросил Налаам. - Не хочешь выпороть нас за такие разговоры?

- Какие? спросил Андрол, глядя на них.

- Ну будто мы против них.

- Я не хотел, чтобы вы, парни, поубивали друг друга или попали в тюрьму, но это не означает, что я не вижу проблемы. Он снова бросил взгляд на них. - Ага, тут есть проблемка, которая растёт как буря.

- Мужчины, берущие частные уроки у Таима учатся слишком быстро, сказал Наалам - У Ненсена едва хватало сил для того, чтобы считаться Посвящённым совсем недавно. А теперь он полноправный Аша'ман. Происходит что-то очень странное. И эти Айз Седай. Зачем Таим позволили им связать нас? Ты знаешь, что он защитил всех своих любимчиков, не позволив Айз Седай выбрать хоть кого-нибудь со значком Дракона. Будь я проклят, я не знаю, что я сделаю, если одна из них выберет меня. Я не собираюсь сидеть на цепи у какой-то Айз Седай.

В ответ на это началось перешёптывание.

- Люди Таима распространяют слухи среди вновь прибывших, тихо сказал Джоннет - Они говорят о Лорде Драконе, и как он превратил хороших людей в предателей. Говорят, что он покинул нас и сошёл с ума. М'Хаэль не хочет, чтобы слухи связывали с его именем, но будь я проклят, если не он их источник.

- Возможно он прав, произнёс Канлер. Остальные взглянули на него с неодобрением, а кожевник - сердито. - Я не говорю, что собираюсь переметнуться в лагерь Таима. Но Лорд Дракон? Что он сделал для нас? Похоже он забыл об этом месте. Может он сошёл с ума?

- Нет, сказал Эмарин, качая головой - Я встретил его как раз перед приездом сюда.

Остальные удивлённо посмотрели на него.

- Он произвёл на меня впечатление, продолжил Эмарин - Молодой, но с сильной волей. Я верю ему. Свет! Я говорил с ним

едва ли полдюжины раз, но я верю ему.

Остальные медленно кивнули.

- Будь я проклят, сказал Канлер, - Для меня это достаточно хорошо. Но хотел бы я, чтобы он слышал. Я слышал, как Логайн ругался, что Лорд Дракон не слушает его предупреждений о Таиме.

- А если мы дадим ему улики? спросил Джоннет. - Что если мы смогли бы найти что-то, что докажет, что Таим задумал недоброе?

- Что-то странное с Ненсеном, повторил Налаам, и Кэшем. Откуда он вообще появился, и как стал таким сильным так быстро? Что если, по возвращению Логайна, у нас будет информация для него. Или если мы передадим прямо Лорду Дракону...

Вся группа повернулась к Андролу. Почему они смотрят на него, самого слабого из них? Всё, что он мог делать - создавать врата. Отсюда и появилась кличка придуманная Котереном для Андрола. Паж. Единственное, что он делал хорошо - доставка сообщений в места скопления людей.

Но остальные смотрели на него. По той или иной причине, но они смотрели на него.

- Хорошо, произнёс Андрол. - Давайте посмотрим, что мы можем найти. Привлеките Эвина, Хардлина и Норли, но больше никому не говорите, даже остальным парням из Двуречья. Не злите Таима или его людей... но если вы действительно найдёте что-то, идите ко мне. А я постараюсь найти способ войти в контакт с Логайном, ну или по крайней мере узнать, куда он отправился.

Каждый мрачно кивнул. Да поможет нам свет, если мы ошибаемся, подумал Андрол, глядя на Таимовских фаворитов. И да поможет нам Свет ещё больше, если мы правы.

Глава 47

Тренировочная зала

Фэйли с нетерпением сидела на Рассвете, стараясь не дергаться, когда Врата разрезали воздух. Бурый луг открылся на другой стороне; Гаул и Девы немедленно скользнули на разведку.

"Ты уверен, что не хочешь пойти?" - спросил Перрин у Галада, стоявшего неподалеку, со сложенными за спиной руками.

"Нет, - ответил он. - Мой трапезы с Илейн было достаточно, чтобы наверстать упущенное для нас обоих."

"Поступай, как знаешь." - сказал Перрин. Он повернулся к Фейли и направился к Вратам.

Она тронула Рассвет. Пришло время, в конце концов, увидеться с королевой Андора. И это заставляло Фэйли нервничать. Перрин прошел с ней через врата открытые недалеко от Кеймлина - города с множеством остроконечных башен и красно-белых флагов, в центре которого возвышался дворец. Нижний Кеймлин расползался за городскими стенами, вырастая в отдельный город.

Процессия Перрина проследовала за ними через врата, было тщательно спланированно выглядеть внушительно, но не враждебно. Аллиандре с сотней гвардейцев. Сотня двуреченских лучников, несущих ненатянутые луки словно посохи. Сотня представителей Волчьей Гвардии, включая большую долю младшего кайриэнского дворянства с цветными разрезами на одежде, сделанными из ткани купленной в Беломостье. И, конечно, Гаул и Девы.

Грейди прошел последним. Мужчина был одет в аккуратно отглаженную черную куртку, его отполированный значок Посвященного сверкал на высоком воротнике. Он сразу же посмотрел на запад, в сторону Черной башни. Он пытался сделать врата туда ранее этим днем, когда Перрин дал ему разрешение. Они не сработали. Перрин был обеспокоен этим. Он намеревался выяснить причину в ближайшее время, сегодня или самое позднее завтра вечером.

Гаул и Девы выстроились вокруг Перрина и Фэйли, и процессия двинулась вниз по дороге. Арганда и члены Вольчьей Гвардии Перрина скакали вперели и объявляли об их прибытии. Остальные двигались по дореге величественным шагом. Кэймлин разросся еще сильнее, чем Беломостье. Несколько армий разбили лагерь неподалеку от Нижнего Кэймлина. Вероятно

поддерживаемые различными лордами, которые поддержали возвышение Илэйн на трон

Здесь была отчетливая неправильность. Облака вогруг Кэймлина развеялись. Облачный покров был так обширен где бы они не были, что Фэйли вздрогнула, когда увидела это. Облака образовали над городом открытый круг, даже жутковато. Арганда и Волчья Гвардия вернулись. "Они примут нас, Милорд, Миледи," сообщил он.

Фейли и Перрин ехали молча, когда отряд спускался вниз по дороге. Они обсудили ближайшие переговоры десятки раз, больше нечего было добавить.Перрин благоразумно дал ей ведущую роль в дипломатических переговорах. Мир не может позволить себе войну между Андором и Двуречьем. Не сейчас.

Когда они прошли через городские ворота, Перрин и Айил стали более внимательными. Она молча страдала от их избыточной защиты. Как долго плен у Шайдо будет влиять на ее жизнь? Временами казалось, что Перрин, скрипя сердцем, позволял ей воспользоваться уборной без четырех дюжин охранников.

Внутри городских стен улицы изобиловали людьми, зданиями и тесными рынками. Мусор скапливался в кучи и поразительное число оборванцев передвигались в толпе. Глашатаи горланили об опасных временах,возможно, некоторые на содержании у торговцев, поощеряющих людей обзаводиться запасами. Люди Перрина купили здесь еду, но это было дорого; скоро Илэйн должна будет разобраться с этим, если уже этого не сделала. Насколько хороши были королевские запасы?

Они пересекли Новый Город, затем вошли в Старый Город, поднимаясь на холм непосредственно к Дворцу. Гвардейцы Королевы стояли по стойке смирно в своих красно-белых плащах и начищенных доспехах снаружи ворот Дворца в древних белых дворцовых стенах.

Миновав ворота, они спешились. Войско в одну сотню последовало за Перрином и Фэйли во Дворец. Все айильцы и меньшая почетная стража от каждого подразделения. Коридоры Дворца были широки, но, тем не менее, так много людей заставили Фэйли чувствовать себя в тесноте. Путь, которым шли Перрин и Фэйли, отличался от того пути в тронный зал, которым она проходила раньше. Почему не используют прямую дорогу?

Казалось, что мало что изменилось во дворце со времени правления Ранда. За исключением отстутсвия Айил, кроме тех, которые пришли с Перрином. Тот же узкий красный ковер расстеленый по середине коридора, те же урны в углах, те же зеркала на стенах, дающие иллюзию большего пространства.

Строение наподобие этого, может стоять неизменным веками, мало внимания обращая на ноги тех, кто ступал по коврам, или спины тех, кто грел трон. В течение года этот дворец видел Моргейз, одного из Отрекшихся, Возрожденного Дракона, и наконец, Илэйн.

Фактически, Фейли на половину ожидала - когда они завернули за угол, к тронному залу - увидеть Ранда, развалившегося на своем Троне Дракона, со странной половиной копья, лежавшей на сгибе его руки, и проблеском безумия в глазах. Однако Трон Дракона был убран, а на Львином троне снова сидела его Королева. Ранд поставил этот трон в стороне, защищая его, как цветок, который он намерен преподнести своей возлюбленной.

Королева была молодым вариантом своей матери. Правда, черты лица Илэйн были более тонкими, чем у Моргейз. Но у нее были те же рыжевато-золотистые волосы и та же ошеломляющая красота. Она была высока, и ее беременность была заметна по животу и груди.

Тронный зал был украшен соответствующим образом, позолоченной деревянной отделкой и узкими колоннами по углам,вероятно декоративными. Илэйн держала комнату освещенной лучше, чем Ранд, ярко горели торшеры. Сама Моргейз стояла на тронном постаменте с правой стороны, и восемь членов Гвардии Королевы слевой. Некоторые меньшие дворяне выстроились по сторонам комнаты, наблюдая с огромным вниманием.

Илэйн наклонилась вперед на своем троне, когда Перрин, Фэйли и другие вошли. Конечно, Фэйли сделала реверанс, а Перрин поклонился. Не низкий поклон, но тем не менее поклон. В соответствии с договоренностью, Аллиандре сделала реверанс глубже, чем Фэйли. Что было бы немедленно замечено Илэйн.

Официальной целью этого визита была признательность Короны,благодарность Перрину и Фэйли за возвращение Моргейз. Конечно это был только предлог. Реальной причиной встречи было обсуждение будущего Двуречья. Но это было задачей деликатного типа, о которой никто не мог говорить напрямую, покрайней мере, не сразу. Прсто обозначив цель, можно слишком много открыть другой стороне.

"Да будет известно", сказала Илэйн мелодичным голосом," что престол приветствует вас, Леди Зарине ни Башир т'Айбара. королева Аллиандре Марита Кигаарин. Перрин Айбара". Не использовала титул для него. "Позвольте объявить лично нашу благодарность вам за возвращение нашей матери. Ваше усердие в этом деле заслуживает глубочайшей признательности Короны."

"Спасибо, Ваше Величество," сказал Перрин со своей обычной грубоватостью. Фэйли подробно говорила с ним о том, чтобы он не пытался обойтись без формальностей или церемонии.

"Мы объявим день празднования в честь безопасного возвращения моей матери," продолжала Илэйн. "И ее... восстановления в надлежащем статусе."

Что ж, эта пауза означала, что Илэйн была рассержена, потому что знала, что с ее матерью обходились как со служанкой. Она должна понимать, что Перрин и Фэйли не знали, что делают, но королева могла все еще испытывать негодованиеиз-за этого. Это было преимуществом,которое она, возможно, планировала использовать.

Возможно Фейли много читала про политику, но она ничем не могла помочь. Во многих случаях быть леди, ничем не лучше, чем быть купчихой, она одинаково хорошо владела обеими ролями.

"Наконец," сказала Илэйн, "мы приближаемся к цели нашей встречи. Леди Башир, Мастер Айбара. Есть ли просьбы, которую вы бы высказали взамен дара, который вы преподнесли Андору?"

Перрин оперся рукой на свой молот, затем вопросительно посмотрел на Фэйли. Очевидно, Илэйн ожидала, что они попросят, чтобы она официально назвала его лордом. Или, возможно, просить о снисходительности, за то что он назвался таковым, наряду с официальным прощением. Любой вариант мог стать результатом этих переговоров.

Фэйли испытывала желание потребовать первое. На это был бы простой ответ. Возможно, слишком простой; были вещи, которые Фэйли должна была узнать прежде, чем они продолжат. "Ваше Величество," осторожно сказала Фэйли, "может мы могли бы обсудить эту просьбу в более узком кругу?"

Илэйн немного подумала, по крайней мере тридцать секунд, которые, казалось, стоили бесконечности. "Очень хорошо. Моя гостиная подготовлена."

Фейли кивнула и слуга открыл маленькую дверь в левой стене тронного зала. Перрин подошел к ней, затем махнул рукой Гаулу, Сулин и Арганде. "Подождите здесь." Он помолчал глядя на Грейди. "Ты тоже".

Никому из них это, кажется, не понравилось, но они послушались. Они были предупреждены, что это может произойти.

Фэйли подавила свою нервозность - ей не нравилось покидать Аша'манов,их лучшее средство для спасения. Особенно, учитывая, что Илэйн наверняка имела шпионов и гвардейцев, спрятанных в гостинной, готовых выскочить, если дело примет опасный оборот.

Фэйли бы понравилась подобная защита, но привести способного направлять мужчину на беседу с Королевой...что ж, это выглядело бы как и должно было выглядеть. Они были на территории Илэйн.

Фэйли глубоко вздохнула, присоединяясь к Перрину, Аллиандре и Моргейз в небольшой комнате в стороне. Стулья были расставлены; Илэйн предвидела эту возможность. Они ждали пока Илэйн войдет прежде чем сесть. Фэйли не могла увидеть место для того, чтобы скрыть Гвардейцев.

Илэйн вошла и махнула рукой. Кольцо Великого Змея на ее пальце блестело в искусственном освещении. Фэйли почти забыла, что она была Айз Седай. Возможно, не было никаких Гвардейцев, скрывающихся вокруг, чтобы помочь женщине, которая могла направлять и была опасна как дюжина солдат.

Какому из слухов об отце ребенка Илэйн можно было верить? Определенно не тем, в которых им является какой-то глупец из ее личной Гвардии - они скорее были для отвода глаз. Неужели возможно, что им был сам Ранд?

Моргез вошла после Илэйн. Она была одета в темно-красное платье. Она села рядом с дочерью, внимательно наблюдая, и храня при этом молчание.

"А теперь об'ясните мне, почему я немедленно не должна казнить вас как бунтовщиков", - спросила Илейн.

Фейли моргнула от удивления. Перрин, однако, фыркнул. "Я не думаю, что Ранд высоко оценит твои действия."

"Я не обязана отчитываться перед ним," сказала Илэйн. "Ты ожидаешь, что я поверю, что он за моей спиной соблазнял моих граждан и именовал себя королем?"

"У Вас есть несколько обратных фактов, Ваше Величество," сказала Фэйли раздраженно. "Перрин никогда не называл себя королем."

"А не он ли поднял флаг Манетерена, как сообщают мне мои информаторы?" спросила Илэйн.

- Да, так я поступил, сказал Перрин, - Но я также убрал его по собственному решению.

"Ну это уже что-то," ответила Илэйн. "Ты может и не называл себя королем, но то, что ты поднял это знамя практически тоже самое.Ох, да сядьте вы." Она махнула рукой. Поднос поднялся со стоящего вдалеке стола и поплыл к ней. На нем стояли кубки и кувшин вина, а также чайник и чашки.

Принесла его спомощью Единой Силой, подумала Фэйли.Это напоминание о ее силе. Довольно явное.

"Тем не менее," сказала Илэйн, "Я буду делать как лучше для своего королевства, независимо от цены."

"Я сомневаюсь, что эта ссора Двуречья," нерешительно сказала Аллиандре, "будет лучше для Вашего королевства. Казнь их лидера несомненно ввергло бы область в восстание."

"Насколько я знаю," сказала Илэйн, наливая несколько чашек чая, "они уже восстали."

"Мы приехали к Вам мирно," сказала Фэйли. "Едва ли поступок мятежников."

Илэйн отпила чай первой, как это было принято, чтобы доказать, что он не отравлен. "Моим посланникам в Двуречье было отказано, и ваши люди здесь передали мне сообщение - я цитирую - Земли Перрина Златоокого отказываются платить налоги Андору. Тай'шар Манетерен!"

Аллиандре побледнела. Перрин тихо застонал, звук получился, как слабое рычание. Фейли взяла свою чашку, и отпила чай - мята с морошкой, это хорошо. Люди Двуречья сорвались, это было точно.

"Это был не обдуманный порыв, Ваше Величество," сказала Фейли. "Конечно вы можете увидеть, что люди озабочены; Двуречье не часто было приоритетом для престола."

"Это, мягко говоря," добавил Перрин с усмешкой. "Большинство из нас выросли, не зная, что мы были частью Андора. Вы игнорировали нас."

"Это потому что область не поднимала восстания." Илэйн потягивала свой чай.

"Восстание не единственная причина, по которой людям может понадобиться внимание королевы, под чьим покровительством они находятся," сказал Перрин. "Я не знаю, слышали ли Вы, но в прошлом году мы сами противостояли троллокам, и без крупицы помощи от Короны. Вы помогли бы, если бы Вы знали,но по сути, не было никаких войск поблизости, никого способого узнать о грозящей нам опасности, это о чем-то да говорит."

Илэйн заколебалась.

"Двуречье заново открывает для себя свою историю," осторожно сказала Фейли. "Оно не могло успокоится навечно, не с маячищим Тармон Гай'дон. Не после того, как Возрожденный Драгон провел там свое детство. Часть меня удивлена тем, что Манетерен должен был пасть, чтобы Двуречье могло подняться, обеспечивая место для Ранда ал'Тора, где он мог бы вырости. Среди фермеров с кровью и упрямством королей."

"Что делает все это еще более важным, чем эти скромные события", сказала Илэйн. "Я преоставила вам награду, так что вы можте попросить прощения. Я прощу вас, и я, будьте уверены, пошлю войска, чтобы ваши люди были защищены. Согласитесь с

этим, и все мы сможем вернутся к такой жизни, какой она и должна быть."

"Этого не будет," тихо сказал Перрин. "В Двуречье теперь будут лорды. Я противился этому некоторое время. Вы тоже можете, но это ничего не изменит."

"Возможно," сказала Илэйн. "Но если бы я признала тебя, то, получается согласилась бы с тем, что любой человек в моей стране может присвоить себе титул, и для того, чтобы его сохранить упорно будет собирать армию. Это может создать ужасный прецедент Перрин. Я не думаю, что ты понимаешь, в какое ужасное положение ты меня поставил."

"Мы выкарабкаемся", сказал Перрин упрямо, такой тон он использовал, когда не собирался сдвинутся с места. "Я не отступлюсь."

"У вас плохо получается убедить меня, вы примете мою власть," выпалила Илэйн.

Не хорошо, подумала Фейли, открывая рот, чтобы заговорить. Столкновение здесь не принесет им пользы.

Прежде чем она успела что-то сказать, другой голос перебил ее. "Дочь", тихо сказала Моргейз, попивая свой чай. "Если ты планируешь потанцевать с тавереном, убедись, что знаешь шаги. Я путешествовала с ним. Я видела как мир поворачивается вокруг него; я видела заклятых врагов, которые стали его союзниками. Бороться с самим Узором, это тоже самое, что пытаться сдвинуть гору ложкой."

Илэйн колебалась, глядя на свою мать.

"Пожалуйста прости меня, если я превышаю свои полномочия," продолжала Моргейз. "Но Илэйн, я обещала этим двоим, что буду говорить за них. Я сказала, что буду. Андор силен, но я боюсь он разорвется если будет против этого человека. Ему не нужен твой трон, я уверяю, а Двуречье нуждается в наблюдении. Неужели так ужасно позволить им иметь человека, которого они сами выбрали?"

Маленькая комната погрузилась в молчание. Илэйн посмотрела на Перрина, оценивая его. Фейли затаила дыхание.

"Хорошо," сказал Илэйн. "Я предполагаю, что вы пришли с требованиями. Давайте услышим их так, мы сможем понять, есть ли что-нибудь, что может быть сделано."

"Не с требованиями," сказала Фейли. "С предложениями."

Илэйн подняла бровь.

"Ваша мать права," сказала Фейли. "Перрину не нужен ваш трон."

"То, чего хотите вы двое может не совпасть с тем, что на уме у ваших людей."

Фейли покачала головой. "Они любят его, Ваше Величество. Они уважают его. Они сделают то, что он скажет. Мы можем и подавим идею возрождения Манетерена."

"И почему бы вы это сделали?" спросила Илэйн. "Я знаю как быстро растет Двуречье, благодаря прибывающим из-за гор беженцам. Страна может взлететь и пасть с приходом Последней Битвы. У вас нет причин отказываться от шанса основать свое собственное королевство."

"В самом деле," сказала Фейли, "у нас есть хорошая причина. Андор сильная и процветающая страна. Города в Двуречье быстро растут, но у людей только появляется желание иметь лорда. В сердце они все еще фермеры. Они не хотят известности; они просто хотят, чтобы у них уцелел урожай". Фейли остановилась. "Возможно вы правы, возможно будет другой Разлом, но это только еще большее основание быть союзниками. Никто не хочет гражданской войны в Андоре, менее всего народ Двуречья."

"Тогда, что вы предлагаете?" сказала Илэйн.

- Ничего такого, чего уже не существует," сказала Фейли. - Дайте Перрину официальный титул, и сделайте его Высоким Лордом Двуречья.

- И что вы подразумеваете под "Высоким Лордом"? спросила Илэйн.

- Его ранг будет выше чем у других Благородных Домов Андора, но ниже чем у королевы.

"Я сомневаюсь, что остальным дворянам это понравится," сказала Илэйн. "А что на счет налогов?"

"Двуречье освобождается от них," сказала Фейли. Когла Илэйн поменялась в лице, Фейли быстро продолжила. "Ваше Величество, престол игнорировал Двуречье на протяжении поколений, не защищая их от бандитов, или не отправляя работников улучшать дороги, не предоставляя им никаких должностных лиц, или судей."

"Они в этом не нуждались," сказала Илэйн. "Они хорошо сами собой управляют." Она не говорила, что вероятно народ Двуречья выгнал сборщиков налогов , должностных лиц или судей, посланных королевой - но она казалось знала об этом.

"Ну", сказала Фейли, "тогда не нужно ничего менять. Двуречье будет и дальше само собой управлять."

"Вы могли бы торговать с ними без пошлины", сказала Аллиандре.

"Что-то, что уже у меня есть," сказала Илэйн.

"И тогда ничего не изменится," снова сказала Фейли. "Кроме того, вы получаете могущественные провинции на западе. Перрин как ваш союзник и главный лорд, соглашается быть маршалом

войск для вашей защиты. Он также соберет присягнувших ему монархов, которые будут верны вам."

Илэйн посмотрела на Аллиандре. Она возможно слышала о присяге Аллиандре от Моргейз, но также хотела бы услышать ее для себя.

"Я поклялась в верности Лорду Перрину," сказала Аллиандре. "У Гэалдана давно не было сильных союзников. Я бы хотела это изменить."

"Ваше Величество", сказала Фейли, держа перед собой в руках чай. "Перрин провел несколько недель с некоторыми офицерами Шончан. Они заключили крупный пакт о союзе наций под одним знаменем. Ранд ал'Тор, хотя вы возможно доверяете ему как другу, сделал тоже самое. Тир, Иллиан, и возможно теперь и Арад Доман находятся под его руководством. Страны объединяются, а не отделяются в эти дни. Андор остается в меньшинстве."

"Именно поэтому я сделала то, что сделала," сказала Аллиандре.

Ну, с точки зрения Фейли, Аллиандре была подхвачена Перрином как тавереном. Это не могло быть спланировано. Но Аллиандре все видела иначе.

"Ваше Величество," продолжила Фейли, "вы многое получаете от этого. Через мой брак с Перрином, вы получаете связь с Салдэей. Благодаря клятвам Аллиандре вы получаете Гэалдан. Берелейн также следует за Перрином и она часто упоминала о своем желании найти сильных союзников для Майена. Если мы поговорим с ней, я подозреваю, что она может быть готова вступить с нами в союз.Мы можем создать наш собственный пакт. Пять стран, если не считать Двуречье - и шестая, если вы примете Солнечный трон, как утверждают слухи. Мы не самые могущественные страны, но вместе сильнее, чем одна. И вы бы были у нас во главе."

Лицо Илэйн полностью утратило свою враждебность. "Салдея. А что у вас с линией преемственности?"

"Я вторая," призналась Фейли, это Илэйн вероятно уже знала. Перрин пошевелился в кресле. Он все еще испытывал неудобство из-за этого факта, ну он просто должен привыкнуть к нему.

"Вторая, это слишком близко," ответила Илэйн. "Что если в конечном итоге ты займешь трон Салдейи? Я таким образом могу потерять Двуречье, которое будет принадлежать другой стране."

"Это легко исправить", сказала Аллиандре. "Если Фейли возвысится, то один из ее и Перрина детей может стать Лордом Двуречья. Другой может занять престол Салдейи. Запечатлите все это в письменном виде, и вы будете защищены"

"Я могла бы принять такое соглашение", сказала Илэйн.

"Без проблем," - ответила Фейли, смотря на Перрина.

"Я подумаю".

"Я бы хотела одного их них себе," задумчиво сказала Илэйн. "Одного из ваших детей, чтобы заключить брак с Андорской королевской линией. Если Двуречьем будет править лорд, имеющий могущество, которое ему дает договор, тогда я хотела бы чтобы его кровь была соединена с троном."

"Я не буду этого обещать", сказал Перрин. "Мои дети будут иметь свой собственный выбор."

- Иногда такой подход практикуется среди знати, - сказала Илейн. - Это не обычно, но не неслыханно, чтобы дети, подобные нашим, были обручены с рождения.

- Мы не будем так поступать в Двуречье, - упрямо сказал Перри. - Никогда.

Фейли пожала плечами. - Мы могли бы предложить поддержку, Ваше Величество.

Илейн колебалась, но кивнула. - Что ж, прекрасно. Но другим Домам не понравится эта затея с "Высоким Лордом". Нам нужен способ обойти это...

- Отдай Двуречье Дракону Возрожденному, - сказала Моргейз.

Глаза Илейн засияли. - Да. Это может сработать. Если я предоставлю ему земли как его владения в Андоре...

Фейли открыла рот, но Илейн осекла ее взмахом руки. - Это не обсуждается. Мне нужен способ убедить других лордов и леди, что я в праве предоставить Двуречью такую большую автономию. Если земли будут дарованы Дракону Возрожденному, давая ему титул в Андоре и делая Двуречье его владениями, то будет иметь смысл обращаться к вашему дому по-другому.

- Благородные Дома Андора примут это, поскольку Двуречье - место происхождения Ранда и Андор делает ему одолжение. Мы сделаем так, чтобы он указал Перрина как своего наместника. Вместо того, чтобы спасовать перед мятежниками, это будет выглядеть, как будто я позволила Дракону Возрожденному, мужчине, которого я люблю, дать возможность возвыситься его хорошему другу. Это могло бы также дать нам некоторые основания против договора Иллиана и Тира, который вы упомянули, утверждающий, что их связи с Рандом дают им право на завоевания.

Она задумалась, постукивая по стенке чашки.

- Это кажется разумным, - кивая, сказал Перрин. - Наместник Двуречья. Мне нравится как это звучит.

- Что ж, хорошо, - сказала фейли. - Тогда, я полагаю, этот вопрос улажен.

"Налоги,"-продолжила Илейн, как будто не слышала. "Перрин

и его наследники будут распоряжаться ими при условии, что Дракон может потребовать их, если когда-либо вернется. Да. Это даст нам хорошее объяснение вашего освобождения от налогов. Конечно, Перрин будет иметь право расходовать эти средства на развитие Двуречья. Дороги, склады, оборона.."

Илейн посмотрела на Фейли и улыбнулась, сделав большой глоток чая. "Я начинаю думать что было хорошей идеей не казнить вас."

- Это, конечно, успокаивает, - сказала Алиандре. Как наименее сильная сторона, у нее был шанс многое выиграть от союзов.

"Ваше Величество...", - сказала Фейли.

"Зови меня Илейн,"-ответила она, наполняя кубок вина для Фейли.

"Хорошо, Илейн,"-ответила Фейли, улыбнувшись и беря вино вместо чая. "Я хотела спросить. Ты знаешь что происходит с Возрожденным Драконом?"

- Увалень с мозгами вола, - сказала Илейн, качая головой. - У проклятого мужчины все больше поводов раздражать Эгвейн.

- Эгвейн? - спросил Перрин.

- Она, наконец-то, Амерлин, - ответила Илейн так, как будто это было неизбежно. Как это произошло, и почему Перрин не был удивлен?

"Что он натворил или собирается?"-спросил Перрин.

"Он сказал, что собирается сломать оставшиеся печати на Узилище,"-ответила Илейн с дрожью в голосе. "Конечно, мы должны остановить его. Идиотский план. Ты можешь помочь. Эгвейн собирает силы, чтобы противостоять ему."

"Думаю, я могу помочь",-сказал Перрин.

"Ты знаешь, где он сейчас?"-спросила Фейли. Благодаря своим видениям Перрин догадывался, но хотел узнать, что известно Илейн. "Я не знаю",-ответила Илейн. "Но я знаю, где он будет.."

* * *

Фортуона Атаэм Деви Пендраг, правитель Прославленной империи Шончан вошла в свои тренировочные палаты. Она была в великолепном платье из золотой ткани, скроенном по высочайшей Имперской моде. Юбка спереди разделялась чуть выше колен, и была так длинна, что для переноски боков и шлейфа требовалось пять даковале.

На ней был богато украшенный головной убор из золота и малинового шелка с красивыми шелковыми крылышками, оформленными, как у совы в полете, и ее руки блестели тринадцатью браслетами, каждый с различным сочетанием

драгоценных камней. На шее был кристалл на длинной нити. Она слышала сову над своим окном вчера вечером, и та не улетела, когда она выглянула наружу. Знак гласил, что следует быть внимательной, что в ближайшие дни будут приняты важные решения. Надлежащей реакцией было одеть украшения, символизирующие мощь.

Когда она вошла в палату, находящиеся внутри пали ниц. Только Стражи Последнего Часа - мужчины, одетые в кроваво-красные с темно-зеленым доспехи - были исключением, они поклонились, но не опускали взор, высматривая опасности.

Просторная палата была без окон. Сложенные стопки керамики стояли у одного из ее краев, место где дамани практиковали разрушительные плетения. Пол был покрыт плетеными матами, куда упрямых дамани отправляли лежа корчиться от боли. Это не причиняло им физического вреда. Дамани были одними из самых важных инструментов империи, более ценным, чем лошади или ракены. Вы не убиваете зверя, за то, что он медленно учится, вы наказываете его до тех пор, пока он не научится.

Фортуона прошла по палате к месту, где был установлен надлежащий Императорский трон. Она обычно приходила сюда, чтобы посмотреть как дамани используются или как их ломают. Это успокаивало ее. Трон был поверх небольшого помоста, она поднялась по ступенькам, шлейф шелестел, когда даковале несли его. Она повернулась к фасаду помещения, позволяя слугам разобрать ее платье. Они взяли ее на руки и усадили на трон, укладывая ее длинные золотые юбки вдоль переда помоста, подобно гобелену.

На этих юбках были вышиты лозунги Императорского могущества. Императрица ЯВЛЯЕТ собой Шончан. Императрица БУДЕТ жить вечно. Императрице ДОЛЖНЫ повиноваться. Она сидела, как живое знамя мощи Империи.

Селусия заняла свое место на нижних ступенях помоста. После этого, придворные поднялись. Дамани, конечно, остались на коленях. Их было десять, с опущенными головами, сул'дам держали их поводки и - изредка - похлопывали их ласково по голове.

Вошел король Беслан. Он выбрил большую часть своей головы, оставив лишь темную полосу сверху, и семь из его ногтей были покрыты лаком. На один ноготь больше, чем у кого-либо по эту сторону океана, за исключением самой Фортуоны. Он все еще носил Алтарскую одежду - зелено-белый мундир , а не Шончанский халат. Она не принуждала его к этому.

Насколько она знала, с момента возвышения, Беслан не

строил каких-либо планов насчет ее убийства. Поразительно. Любой Шончанин сразу бы начал интриги. Некоторые предприняли бы попытку покушения, другие бы ограничились лишь планированием, но продолжили поддерживать ее. Но все они продумали бы ее убийство.

Многие по эту сторону океана мыслили иначе. Она бы никогда не поверила этому, если бы не время проведенное с Мэтримом. Это была одна из очевидных причин, почему Фортуоне было необходимо пойти с ним. Она желала бы лишь раньше распознать знаки.

Беслан присоединился к Капитан-Генералу Луналу Галгану и нескольким Низкородным. Галган был широкоплечим мужчиной с гребнем белых волос на верхушке головы. Остальные члены Рода отступили от него, они знали, что она благосклонна к нему. Если дела здесь пойдут хорошо, с возвращением Шончан, был неплохой шанс, что она возвысит его до императорской семьи. Ряды семьи необходимо будет пополнить, раз уж Фортуона вернулась и восстановила порядок. Несомненно, многие были убиты или казнены. Галган был ценным союзником. Он не только открыто выступил против Сюрот, но и предложил нападение на Белую башню, прошедшее хорошо. Очень хорошо.

Мелитене, дер'сул'дам Фортуоны, выступила вперед и снова поклонилась. Полная, седая женщина привела дамани с темно-коричневыми волосами и красными глазами. Видимо, эта плакала часто.

Мелитене в ее присутствии смущенно посмотрела на плачущую, и отвесила предельно низкий поклон. Фортуона предпочла не заметить, что дамани так неприятно ведет себя. Эта была прекрасной добычей, несмотря на ее вздорный характер.

Фортуона сделала Селусии ряд жестов, объясняя ей, что сказать. Женщина смотрела проницательным взором, половина ее головы была покрыта тканью, пока она ждала, что там отрастут волосы, другая половина была выбрита. В конечном итоге Фортуоне придется выбрать другой Голос, так как Селусия теперь ее Говорящая Правду.

Покажи нам, что может делать эта женщина," сказала Селусия, Оглашая слова, которые Фортуона просигналила ей.

Мелитене похлопала дамани по голове. "Суффа покажет Императрице — да живет она вечно — Силу разрезать воздух."

"Пожалуйста", сказала Суффа , просительно глядя на Фортуону. "Пожалуйста, выслушайте меня. Я Престол Амерлин"

Мелитене зашипела, глаза Суффы широко распахнулись, очевидно, она почувствовала сильную волну боли через ай`дам. Но так или иначе дамани продолжала. "Великая Императрица, я

могу предложить много больше.Если я вернусь, я дам тебе десять женщин, которые займут мое место. Двадцать! Самых сильных из Башни. Я..." Она застонала и смолкла, упав без чувств на пол.

Мелитене вспотела.Она заговорила, быстро и нервно , обращаясь к Селусии. "Пожалуйста, объясни Императрице — да живет она вечно— я опускаю глаза из-за того, что не сумела должным образом обучить Суффу. Она чересчур упряма, хотя плачет и предлагает других вместо себя."

Фортуона помедлила мгновение, наблюдая за вспотевшей Мелитене. В конце концов, она дозволила Селусии говорить.

"Императрица не рассержена на тебя", проговорила Селусия " Известно, что эти марат`дамани, называющие себя Айз Седай, упрямы."

- Пожалуйста, выразите мою благодарность Величайшей, - сказала Мелитене, расслабляясь. - Если Она, Чей Взор Устремлен Вверх, позволит, я могу заставить Суффу выполнить. Но могут быть дальнейшие вспышки.

- Ты можешь продолжать, - Провозгласила Селусия.

Мелитене опустилась на колени возле Суффы, заговорила с ней сначала резко, затем утешительно. У нее за плечами был огромный опыт в работе с бывшими марат`дамани. Разумеется, Фортуона считала и себя опытной с дамани. Ей доставляло удовольствие ломать марат`дамани настолько, насколько ее брату Хэлвэйту нравилось приручать диких гролмов. Как жаль, что он убит. Единственный из братьев, кого она когда-либо любила.

Суффа, наконец, поднялась обратно на колени. Фортуона с любопытством подалась вперед. Суффа склонила голову и линия света - яркого и чистого - разрезала воздух перед нею. Линия развернулась в стороны вдоль центральной оси, открывая отверстие непосредственно перед троном Фортуоны. Снаружи шелестели деревья, Фортуона затаила дыхание, когда увидела ястреба с белой полосой на голове, улетающего от портала. Предзнаменование о великой державе. Обычно невозмутимая Селусия задохнулась, хотя от вида прохода или от знамения, Фортуона не знала.

Фортуона скрыла собственное удивление. Значит, это правда. Перемещение- не миф и не досужие вымыслы. Реальность. Это полностью меняло ход войны.

Беслан сделал шаг вперёд, кланяясь ей. Он выглядел обеспокоенным. Она махнула рукой ему и Галгану, призывая подойти туда, откуда они могли видеть опушку леса через бойницу. Беслан уставился на неё с отвисшей челюстью.

Галган сцепил руки за спиной. Он был любопытным. Он

встречался с с убийцами в городе и узнал, стоимость убийства Фортуоны. Затем, он устроил казнь каждого из тех, кто назвали цену. Очень тонкий маневр. Он должен был означать, что ей следует считать его угрозой, так как он не испугался встретиться с убийцами. В то же время это был видимый знак лояльности. Я на твоей стороне сейчас, говорил знак, но я слежу и я амбициозен.

В разных смыслах, его осторожное маневрирование было более успокаивающим для неё, чем внезапно прочная преданность Беслана. Первое она могла предвидеть. Второе... ну, она не знала точно что делать со вторым. Будет ли Мэтрим таким же преданным? Как это иметь Принца Воронов, против которого не нужно строить заговоров? Это выглядело почти фантазией, сказкой, рассказываемой общим детям, чтобы заставить их мечтать о невозможном браке.

- Это невероятно! воскликнул Беслан. - Величайшая, с такими возможностями... Его положение давало ему уникальную возможность разговаривать с ней напрямую.

- Императрица желает знать, Произнеса Селусия, читая жесты Фортуоны, - говорила ли хоть одна из захваченных марат'дамани об оружии?

- Скажите высочайшей Императрице, пусть она живёт вечно, что не говорили, произнесла Мелитене, голос звучал озабоченно - И я верю, прошу прощения за смелость, что они не лгут. Похоже взрыв за пределами города был единичным инцидентом - результатом применения неизвестного тер'ангриала, дерзко использованного. Вероятно это не оружие.

Такое было возможным. Фортуона уже начала сомневаться в справедливости тех слухов. Взрыв произошёл до того, как Фортуона прибыла в Эбу Дар, и некоторые детали её смущали. Возможно всё это было лишь уловка её врагов или Сюрот.

- Капитан-Генерал, Произнесла Селусия. - Величайшая желает знать, что вы хотите делать с такой силой, как это Перемещение?

- Это зависит от многого, ответил Галган, потерев подбородок. - Какая дальность действия? Насколько большими можно их сделать? Могут ли все дамани создавать их? Есть ли ограничения на место, где может быть создана дыра? Если это удовлетворит Величайшую, то я поговорю с дамани и получу ответы на эти вопросы.

- Это удовлетворит Императрицу, Произнесла Селусия.

- Меня это несколько беспокоит, сказал Беслан, - Они могут атаковать нас из-за спины. Они могут открыть такой портал прямо в покои Императрицы, пусть она живёт вечно. С этим... всё, что мы знаем о войне изменится.

Стражи Последнего Часа поменялись местами - знак большого дискомфорта. Только Фурик Карид остался на месте. Пожалуй выражение его лица стало более мрачным. Фортуона знала, что вскоре, в порядке ротации, он предложит новое место для спальни.

Фортуона задумалась на мгновение, глядя на разрыв в воздухе. Этот разрыв - сама реальность? Тогда, вопреки традициям, она встала на своём помосте. К счастью, Беслан был тут, единственный, с которым она могла общаться напрямую, так, чтобы остальные при этом услышали команды.

- Нам доносят, промолвила Фортуона, что в месте, называемом Белая Башня всё ещё сотни марат'дамани. Они ключ к вторжению Шончан, ключ к тому, чтобы удержать эту землю, и ключ к приготовлению к Последней Битве. Дракон Возрождённый будет служить Хрустальному Трону.

- Нам дали точку для удара. Да будет сказано, Капитан-Генералу, что он должен собрать своих лучших солдат. Я хочу, чтобы все дамани, которых мы контролируем были приведены назад в город. Мы научим их Перемещению. А затем, со всеми силами, мы отправимся к Белой Башне. До того сделали булавочный укол. Теперь, мы дадим им возможность узнать полную силу нашего меча. Все марат'дамани должны быть посажены на цепь.

Она вновь села. Комната погрузилась в тишину. Редко Императрица произносила такие речи лично. Но настало время проявить смелость.

- Ни слова из сказанного здесь не должно просочиться наружу, сказала ей Селусия строгим голосом. Теперь она говорила как Говорящая правду. Да, нужно выбрать кого-то другого служить голосом Фортуоны. - Будешь дурой, если позволишь врагу точно узнать, что нам известно Перемещение.

Фортуона сделала глубокий вдох. Да, это было правдой. Она убедится, чтобы все в этой комнате придерживались секретности. Он когда Белая Башня будет захвачена, они будут говорить о её речи, и будут читать предзнаменования её победы в небесах и в мире вокруг.

- Мы должны ударить быстро, показала Селусия.

Да, показала Фортуона в ответ. Наша предыдущая атака заставит их готовиться к битве.

- В таком случае, Нашим следующим шагом будет обмануть их, показала Селусия. Но думай. Доставка тысяч солдат в Белую Башню, через скрытый подвал или комнату, возможно. Ударить силой тысяч молотов по тысяче наковален!

Фортуона кивнула

Белая башня была обречена.

* * *

- Не знаю, что еще тебе рассказать, Перрин, - произнес Том, откинувшись на спинку кресла, табачный дым вился из его трубки с длинным черенком. Была теплая ночь, и они не разжигали огонь в камине. Просто несколько свечей стояли на столе, вместе с хлебом, сыром и кувшином пива.

Перрин попыхивал собственной трубкой. В комнате были только он, Том и Мэт. Гаул и Грейди ждали в общем зале. Мэт отругал Перрина за то, что он притащил тех двоих - айильца и Аша'мана, весьма бросавшихся в глаза. Но Перрин чувствовал себя с ними куда в большей безопасности, чем с целой ротой солдат.

Он первым поделился своей историей, рассказывая Мэту и Тому о Девах, Пророке, Аллиандре и Галаде. Потом о своих приключениях поведали они. Перрина поразило, сколько всего произошло с ними тремя после того, как они расстались.

- Императрица Шончан, вот как? - сказал Перрин, наблюдая, как дым закручивается над ним в полумраке комнаты.

- Дочь Девяти Лун, - поправил его Мэт. - Это разные вещи.

- И ты женат, - усмехнулся Перрин. - Мэтрим Коутон. Женат.

- Нечего тебе было упоминать эту часть, знаешь ли, - обратился Мэт к Тому.

- О, уверяю тебя, я несомненно справился.

- Для менестреля, ты, кажется, пропускаешь слишком много героических подробностей тех дел, которые я натворил, - заявил Мэт. - Ну, по крайней мере, ты упомянул шляпу.

Довольный Перрин улыбнулся. Он даже не представлял, как сильно скучал по тому, чтобы просиживать вечера за разговорами с друзьями. За окном висела резная деревянная вывеска, по которой стекали капли дождя. На ней были изображены лица в странных шляпах и с неестественными улыбками. "Веселая толпа". Возможно, за этим названием стояла целая история.

Все трое сидели в отдельной обеденной комнате, оплаченной Мэтом. Они перенесли три больших каминных кресла. Те, хоть и не подходили по размерам к столу, но были очень удобными. Мэт откинулся назад, положив ноги на стол. Он взял ломоть сыра из овечьего молока и откусил кусок, затем аккуратно пристроил остаток на подлокотник.

- Знаешь, Мэт, - заметил Перрин, - твоя жена, наверное, ожидает, что ты обучен столовому этикету.

- О, меня учили, - сказал Мэт. - Просто я так и не научился.

- Я хотел бы с ней встретиться, - сказал Перрин.

- Она - нечто занятное, - ответил Том.

- Интересная, - сказал Мэт. - Ага. - Он выглядел задумчивым. - В любом случае, ты теперь все узнал об этом, Перрин. Эта проклятая Коричневая привела нас сюда. Не видел ее вот уже больше двух недель.

- Могу я взглянуть на письмо? - спросил Перрин.

Мэт похлопал по нескольким карманам и, наконец, вытащил небольшой белый лист бумаги, тщательно сложенный и запечатанный красным воском. Он бросил письмо на стол. Углы были изогнуты, бумага заляпана, но его не открывали. Мэтрим Коутон был человеком слова, по крайней мере, когда вам удавалось вырвать из него клятву.

Перрин поднял письмо. Оно слабо пахло духами. Он повертел его, потом поднес к свече.

- Не работает, - сказал Мэт.

Перрин крякнул.

- Так что, думаешь, в нем написано?

- Понятия не имею, - ответил Мэт. - Треклятая сумасшедшая Айз Седай. В смысле, они все со странностями. Но Верин и вовсе камнем стукнутая. Даже не знаю, ты не получал от нее никаких вестей?

- Нет, ничего.

- Надеюсь, она в порядке, - сказал Мэт. - Она, похоже, волновалась, что с ней может что-нибудь произойти. - Он забрал письмо, затем побарабанил по столу.

- Ты собираешься открыть его?

Мэт покачал головой.

- Открою, когда вернусь. Я...

Раздался стук в дверь, затем она скрипнула, открываясь и показался хозяин гостиницы, молодой человек по имени Денезел. Он был высокого роста, с худым лицом и бритой головой. Мужчина был Принявшим Дракона, такой вывод сделал Перрин из увиденного, зашедшим так далеко ,что заказал и повесил в общей зале портрет Ранда. Не такие уж и плохие предпочтения.

- Извините, мастер Красный, сказал Денезел, - Но люди мастера Золотого настаивают на том, чтобы поговорить с ним.

"Все в порядке," ответил Перин.

Грейди сунул своё обветренное лицо в комнату и Денезел отступил.

- Хо, Грейди, сказал Мэт, взмахивая рукой. - Разнёс кого-нибудь на кусочки за последнее время?

Загорелый Аша'ман нахмурился, глядя на Перрина. - Милорд. Леди Фэйли попросила меня напомнить вам, когда наступит полночь.

Мэт присвистнул. - Видишь, поэтому я свою жену оставил в

другом королевстве.

Грейди нахмурился ещё больше.

- Спасибо, Грейди, произнёс Перрин со вздохом. - Я не думал, что уже так поздно. Скоро пойдём.

Аша'ман кивнул и исчез.

- Проклятье, воскликнул Мэт, - Неужели нельзя хоть улыбнуться? Горящее небо и так наводит тоску, а тут ещё такие как он пытаются её имитировать.

- Ну сынок, сказал Том, потягивая эль, - некоторые не находят в мире ничего смешного, в последнее время.

- Чушь, ответил Мэт. - Мир полон смешного. Недавно весь проклятый зал ржал надо мной. Говорю тебе, Перрин. Учитывая все эти рисунки с нашим изображением, не стоит сильно высовываться.

- Не вижу, как я могу это сделать, ответил Перрин - У меня армия, идущая за мной, и люди, о которых я должен заботиться.

- Мне кажется, что ты не воспринимаешь предупреждения Верин всерьёз, парень, сказал Том, качая головой. - Ты когда нибудь слышал о людях Баната?

- Нет, ответил Перрин, глядя на Мэта.

- Они были группами дикарей, которые бродили по нынешней Равнине Амлот, говорил Том, - Я знал несколько неплохих песен про них. Видишь ли, их племена красили кожу их вождя в красный цвет, чтобы выделить его.

Мэт откусил ещё кусочек от своего сыра. - Проклятые идиоты. Красить вождя в красный? Это ж сделает его мишенью для любого солдата на поле битвы.

- В том то и был смысл, сказал Том, - Это был вызов, видишь ли. Как ещё их врагам найти его и проверить свои возможность в бою с ним?

Мэт фыркнул. - Я бы покрасил несколько чучел в красный, чтобы отвлечь внимание от меня и приказал бы своим лучникам утыкать их вождя стрелами, пока все охотились бы за теми, кого они считали бы предводителем армии.

- На самом деле, - произнёс Том, потягивая эль, - так и поступил Вильям Кровопускатель в своей первой и последней битве против них. Песнь ста дней рассказывает об этом. Блестящий манёвр. Удивлён, что ты слышал эту песнь, она мало известна, а битва была так давно, что в большинстве исторических книг даже не упоминается.

По какой-то причине этот комментарий заставил Мэта нервничать.

- Ты хочешь сказать, мы делаем из себя мишени? спросил Перрин.

- Я говорю, ответил Том, что вам мальчики, всё сложнее и сложнее прятаться. Куда бы вы не шли, знамена провозглашают ваш приход. Люди говорят о вас. Я наполовину уверен, что вы до сих пор живы, потому, что Отрекшиеся не знают, где вас найти.

Перрин кивнул, думая о ловушке, в которую его армия едва не попала. Ночные убийцы тоже появятся. - Так что я должен делать?

- Мэт каждую ночь спит в новой палатке. Произнёс Том, - А иногда в городе. Тебе тоже стоит попробовать что-то такое. Грейди может создавать врата, так? Почему бы не создавать каждую ночь новые в твоей палатке? Уходи тихо и спи в другом месте, а затем возвращайся утром. Все будут думать, что ты в палатке. Если убийцы нанесут удар, тебя там не будет.

Перрин задумчиво кивнул. - Даже лучше. Я могу оставить пять или шесть Айильцев внутри, на страже.

- Перрин, сказал Мэт, - Это совершенно нечестно. Он улыбнулся. - Ты изменился к лучшему, дружище.

- Я попытаюсь принять это как комплимент, от тебя. Ответил Перрин. Он сделал паузу и добавил. - Это будет сложно.

Том усмехнулся. - Тем не менее он прав. Ты изменился. Что случилось с тихим, неуверенным мальчиком, которому я помог бежать из Двуречья?

- Он прошёл через кузнечный горн, тихо ответил Перрин.

Том кивнул. Кажется он всё понял.

- А ты Мэт? Спросил Перрин. Могу я чем-то помочь? Может сделать так, чтобы ты Перемещался между палатками?

- Нет, я справлюсь.

- Как ты будешь защищать себя?

- Своим остроумием.

"Планируешь его найти?," сказал Перрин, "Со временем."

Мэт фыркнул. - Да что у всех за проблемы с моим остроумием в последнее время? Я буду в порядке, поверь мне. Напомни мне рассказать тебе про ночь, когда я впервые понял, что могу выиграть любую игру в кости, какую захочу. Хорошая история. Там про падающие мосты есть. Ну один мост, на самом деле.

- Ну... можешь рассказать сейчас, сказал Перрин.

- Не подходящее время. В любом случае неважно. Видишь ли, я собираюсь уходить вскоре.

Том пах возбуждением.

- Перрин, ты одолжишь нам врата, да? - попросил Мэт. - Ненавижу бросать отряд. Они будут безутешны без меня. По крайней мере у них есть эти драконы, чтобы разносить всё вокруг.

- Но куда ты собрался? Спросил Перрин.

- Думаю, я должен объяснить - ответил Мэт - Это и есть причина встречи с тобой, кроме дружеского трёпа и всего такого. Он наклонился вперёд. Перрин, Морейн - жива.

- Что?

- Правда, - сказал Мэт. - Ну или мы так думаем. Она послала Тому письмо, утверждающее, что она предвидела битву с Ланфир, и знала, что ... Ну в любом случае, есть эта башня на запад отсюда, на реке Аринелль. Она вся из металла. Она...

- Башня Генджей. Тихо произнёс Перрин. - Да, я знаю про неё.

Мэт моргнул. Знаешь? Будь я проклят. С каких это пор ты стал учёным?

- Я просто слышал кое-что. Мэт, это место - чистое зло.

- Ну, Морейн внутри, сказал Мэт - в плену. Я собираюсь вернуть её. Я должен победить змей и лисичек. Обмануть, будь они прокляты.

- Змеи и лисички? - спросил Перрин.

Том кивнул. - Детская игра, названная так из-за того, что живёт в башне. Мы так думаем.

- Я их видел, произнёс Мэт, - И... ну, сейчас не подходящее время.

- Если собираешься её спасать, сказал Перрин, наверное я мог бы пойти. Ну или хотя-бы послать одного из Аша'манов.

- Врата я с удовольствием приму, ответил Мэт, - Но ты не можешь идти, Перрин.

- Морейн объяснила всё в письме. Могут пойти только трое, и я уже знаю, кто это будет. Он поколебался. - Олвер меня убьёт за то, что я его не взял, знаешь ли.

- Мэт, сказал Перрин, качая головой. - Ты несешь какую-то бессмыслицу. Мэт вздохнул. - Тогда позволь мне рассказать всю историю. Он показал глами на кувшин эля. - Этого понадобится побольше такого, и ты лучше скажи Грейди, что пробудешь тут ещё какое-то время...

Глава 48

Под Авендесорой

Авиенда сделала последний шаг из леса стеклянных колон. Она сделала глубокий вдох, затем оглянулась на путь, который проделала.

Центральная площадь Руидина представляла из себя впечатляющие зрелище. Гладкие белые плиты ковром устилали всю площадь, за исключением центра. Там стояло огромное дерево, ветви раскинуты широко, подобно рукам, протянутым вверх, чтобы охватить солнце. Массивное дерево имело совершенство, которое она не могла объяснить. В нем была природная симметрия, нет торчащих невпопад ветвей, нет зияющих дыр в его кроне. Это было особенно впечатляющим, поскольку, когда она в последний раз видела его, оно было почерневшее и высохшее.

В мире, где другие растения необъяснимо умирали, это дерево единственное, выжило и разрасталось быстрее, чем когда-либо. Этому нет объяснений. Шелест его листьев на ветру - успокаивал, его неподатливые корни впивались в землю подобно узловатым пальцам седого старца. Глядя на дерево ей захотелось присесть и насладиться прелестью момента.

Выглядело так, как будто бы это дерево было совершенством, образцом, по которому изготавливались все другие деревья. Это была легендарная Авендесора. Древо Жизни.

Невдалеке стояли стеклянные колоны. Десятки или сотни их образовали концентрические кольца. Длинные и тонкие, они вознеслись высоко в небо. Подобно Авендесоре, эти колонны выглядели совершенством. Они были настолько тонкими и высокими, что логика подсказывала - первый порыв ветра должен был свалить их. Не потому, что они выглядели аномальными, просто искусственными.

Когда она прошла первое испытание, много дней назад, здесь были гай'шан в белом тщательно собиравшие упавшие листья и ветки. Они отошли, как только увидели ее. Действительно ли она была первой, кто прошел стеклянные столбы начиная с преобразования Руидина? Ее собственный клан не посылал никого, и она была уверенна, что ничего не слышала о других.

Остались еще Шайдо, но они отвергли откровения Ранда. Авиенда полагала, что если бы кто то от Шайдо и пришел, то был бы не в состоянии снести, то что было показано здесь. Он прошел

бы через центр стеклянных колонн и не вернулся бы назад.

Но не в случае Авиенды. Она выжила. Конечно, все, что она видела, было ожидаемо. Правда, почти неутешительно.

Она вздохнула, подойдя к стволу Авендесоры, затем вгляделась в паутину ветвей.

Однажды, эта площадь была заставлена тер'ангриалами; это было, когда Ранд нашел здесь ключи доступа, один из них он использовал, чтобы очистить саидин. Это богатство тер'ангриалов испарилось; Морейн забрала большую часть для Белой Башни, и Айил, те кто жили здесь, должно быть собрали остатки. Осталось только дерево, колонны и три кольца, что женщины проходили в свое первое посещение, посещение, чтобы стать ученицей Хранительниц Мудрости.

Она помнила часть своего посещения через кольца, которое показало ей - ее жизнь, варианты возможных жизней. В действительности, только остатки воспоминаний оставались в ее памяти. Знание, что она любила бы Ранда, что у нее будут сестры-жены. Знание, что она возвратится сюда в Руидин. Она знала, но только посещение этого места вновь зажгло некоторые из тех воспоминаний жизни в ее памяти.

Она села скрестив ноги между двух корней большого дерева. Мягкий ветер успокаивал, воздух - сухой и знакомый, пыльный аромат Трехкратной Земли, все напоминало ей о ее детстве

Конечно, в своем путешествии она полностью погрузилась в прошлое. Она ожидала увидеть происхождение Айил, может, стать свидетелем того дня, когда они - как народ, взяли в руки копья. Она ожидала увидеть благородную причину, где честь смены привычного стиля жизни продиктована Путем Листа.

Она была удивлена увидеть, насколько приземленными - почти случайными - были на самом деле события. Никакого великого решения, лишь человек, не желающий, чтобы его семья была убита. Была честь в желании защитить других, но он не связывал свои решения с честью.

Она преклонила голову напротив ветви дерева. Деяние Айил заслуживает их наказания в трехкратной земле, и они имеют Тох - как люди - к Айз Седай. Она видела все, что ожидала. Но многие вещи, которые она надеялась узнать не появились. Айил будут продолжать посещать это место на протяжении веков, как это и было на протяжении веков. И каждый из них будет узнавать что-то из того, что теперь общеизвестно.

Это глубоко её обеспокоило.

Она посмотрела вверх, наблюдая за ветвями, раскачивающимися на ветру. Несколько листьев колыхались, падая вниз. Один из них прикоснулся к её щеке, прежде чем

наткнуться на её шаль.

Пройти через стеклянные колонны теперь не представляло трудности. Первоначально это тер'ангриал был испытанием. Сможет ли будущий лидер столкнуться с темной тайной Айил? Как Дева Авиенда уже была готова телом и духом. Становление в качестве Хранительницы Мудрости готовило личность эмоционально и мысленно. Руидин был критической точкой этого процесса, заключительной проверкой внутренней силы. Но это испытание теперь не играло такой роли.

Все больше и больше она убеждалась, что следовать традициям ради традиций было глупо. Хорошие традиции, сильные, традиции Айил, учили пути джи'и'тох, учили методам выживания.

Авиенда вздохнула, поднимаясь. Лес колонн был похож на странные линии замороженной воды, которые она видела зимой в мокрых землях. Илейн называла их сосульками. Они росли от земли, указывая в небо, воплощение красоти и Силы. Грустно было быть свидетелем того, что они более не нужны.

Внезапно её озарила мысль. До того, как Авиенда покинула Кэймлин, она и Илейн сделали замечательное открытие. Авиенда проявила Талант в Единой Силе: способность определить тер'ангриал. Сможет ли она точно определить, для чего были сделаны стеклянные столбы? Они ведь не могли быть сделаны специально для Айил, не так ли? Большинство предметов Силы, как и этот, родом из очень древних времен. Колонны могли быть сделаны в Эпоху Легенд, и только после были приспособлены, чтобы показать Айил их прошлое.

Столь многого они не знали о тер'ангриале. Понимали ли древние Айз Седай их так же ясно, как Авиенда понимает почему работают лук или копье ? Или они и сами бывали озадачены вещами, которые они создали? Единый источник был настолько чудесен, так таинственен, что даже действуя с отработанными плетениями Авиенда зачастую чувствовала себя ребенком.

Она подошла к ближайшей стекляной колонне, осторожно, чтобы не проходить внутри кольца. Если она коснется одного из стержней, возможно, ее талант позволит ей прочувствовать что-то о них. Это было опасно, экспериментировать с тер'ангриалом, но она уже прошла их испытание и осталась невредимой.

Нерешительно она потянулась и прикоснулась пальцами к скользкой гладкой поверхности. Слолб был около фута толщиной. Авиенда закрыла глаза, пытаясь понять назначение колонны.

Она почувствовала могучую ауру столба. Она была гораздо более мощной, чем у любого из тер'ангриалов, что она изучала с

Илейн. Действительно, казалось, что колонны. . живые, в некотором роде. Это было почти как если бы она уловила в них сознание.

Ее пробрал озноб. Она ли трогает колонну, или это колонна трогает ее?

Она попыталась прочитать тер'ангриал как это делала раньше, но этот был огромен. Непонятен, как сама Единая Сила. Она резко вдохнула, дезориентированная давлением того, что почувствовала. Это было, как если бы она вдруг упала в глубокую, темную яму.

Она резко открыла глаза, отдергивая руку, ладонь дрожала. Это было выше ее. Она была насекомым, пытающимся понять размеры и массу горы. Она перевела дыхание, чтобы не упасть, потом покачала головой. Здесь ничего больше нельзя было сделать .

Она отвернулась от стеклянных колонн и сделала шаг.

Она была Малидрой, ей восемнадцать, однако из-за худобы она казалась еще моложе. Она бесшумно крадется в темноте. Осторожно. Тихо. Делать это вблизи Светоносцев опасно. Голод гнал ее вперед. Так было всегда.

Ночь была холодной, пейзаж безжизненным. Малидра слышала истории о местах по ту сторону далеких гор, где земля была зеленой и еду выращивали повсюду. Она не верила этой лжи. Горы были только линиями в небе, зазубренными зубцами. Кто мог подняться на что-то настолько высокое?

Возможно Светоносцы могли. Действительно, они обычно появлялись с той стороны. Их лагерь, светящийся в темноте, был перед ней. Этот свет был слишком ровным, чтобы быть огнем. Он исходил от шаров, которые они возили с собой. Она приближалась, пригнувшись, медленно двигая босыми ногами и руками. С ней были еще несколько мужчин и женщин из ее народа. Грязные лица, свалявшиеся волосы, всклокоченные бороды у мужчин.

Мешанина в одежде. Изодранные брюки, части одежды, которые когда-то вероятно были рубашками. Все, что способно днем защитить от способного убить солнца. И убивавшего. Малидра была последней из четырех сестер - двое погибли от голода и зноя, а одна от укуса змеи.

Но Малидра выжила. С трудом, но выжила. Самым лучшим для этого было следовать за Светоносцами. Это было опасно, но разумом она едва осознавала опасность. Так случается, когда вообще все, что угодно было способно погубить ее.

Из кустарника Малидра наблюдала за охранниками Светоносцев. Двое часовых были вооружены длинным, подобным

пруту, оружием. Однажды Малидра нашла одно такое у мертвеца, но не сумела заставить его работать. Светоносцы владели волшебством, тем же, что создавало их пищу и их свет. Волшебство, которое сохраняло тепло в морозные ночи.

Эти двое мужчин носили странную одежду. Отлично подогнанные брюки, куртки со множеством карманов и блестящих металлических штук. У обоих были шляпы, хотя у обоих они висели на спине, удерживаемые тонким кожаным ремнем, идущим вокруг шеи. Мужчины разговаривали. У них не было бород, как у Народа. Их волосы были более темными.

Другая из Народа чересчур приблизилась, и Малидра зашипела на нее. Женщина вернула взгляд, но отошла. Малидра осталась на краю освещенной области. Светоносцы не увидят ее. Их странные светящиеся шары уничтожили их ночное зрение.

Она обогнула массивный фургон. Не было никаких лошадей. Только фургон, достаточно большой, чтобы служить жильем дюжине человек. Днем он с помощью волшебства перемещался, катясь на колесах, шириной в рост Малидры. Она слышала - на востоке Светоносцы строят огромную дорогу. Это означало бы создание прямого пути через Пустыню. Они делали это сооружая странные металлические детали. Они были слишком большими, чтобы их поднять, но Джоршем показал ей большой гвоздь, который он нашел. Он использовал его, чтобы отделять мясо от костей.

Прошло уже много времени после того, как она последний раз вдоволь ела, - когда им два года назад удалось убить спящего торговца. Она до сих пор помнила тот пир, обшаривание его товаров, возможность есть, пока не заболел живот. Такое необычное чувство. Поразительное и болезненное.

Большинство Светоносцев были слишком осторожны, чтобы убить их спящими. Она не смела сталкиваться с ними, когда они бодрствовали. Стоило им лишь заметить ее или такую, как она, и они были способны ее уничтожить.

Она вместе с другими из Народа возбужденно обогнула фургон и приблизилась к нему сзади. Действительно, здесь Светоносцы выбросили некоторые остатки еды. Она выскочила вперед и начала рыться в отходах. Здесь были обрезки мяса, полоски жира. Она торопливо - прежде, чем это могли увидеть другие - их хватала и запихивала в рот. Она чувствовала на зубах землю, но мясо было едой. Она поспешно выбрала еще немного отходов.

Яркий свет осветил ее. Рука замерла на полпути ко рту. Закричали отползшие в сторону двое других людей. Она тоже попыталась сделать это, но упала. Шипящий звук - от одного из

орудий Светоносцев - и что-то ударило ее сзади. Было такое чувство, что ее ударило небольшой скалой.

Боль была внезапной и острой, она упала. Свет померк. Она мигнула, зрение вернулось, когда она почувствовала, как словно сквозь пальцы вытекает ее жизнь.

"Я говорил вам" - произнес голос. Две тени перемещались на свету. Она должна была бежать! Она попыталась подняться, но лишь слабо дернулась.

"Кровь и пепел, Флер" - сказал второй голос. Силуэт опустился на колени около нее. - "Бедняжка. Почти ребенок. Она не делала ничего опасного".

Флер фыркнул. "Ничего опасного? Я видел, как подобные ей пытались перерезать спящему горло. Всего лишь ради отходов. Треклятые вредители".

Тень смотрела на нее, и она заметила мрачное лицо. Мерцающие глаза. Как звезды. Человек вздохнул, поднимаясь. - "В следующий раз мы зароем мусор." - Он отступил назад к свету.

Второй человек, Флерн, стоял, рассматривая ее. Та кровь была ее? Повсюду, теплая, как долго стоявшая на солнце вода?

Смерть не удивляла ее. В некотором смысле, она ждала этого в течение большинства своих восемнадцати лет.

"Чертовы айил" - сказал Флерн и ее взор угас.

Нога Авиенды коснулась каменной плиты на площади Руидина, и она удивленно моргнула. Солнце на небе поднялось выше. Прошли часы.

Что же произошло? Зрелище было настолько реальным, как и ее видения ранней истории своего народа. Но она не могла уловить в ней смысла. Не погрузилась ли она еще глубже в историю? Это казалось похоже на Эпоху легенд. Странные машины, одежда и оружие. Но это была Пустыня.

Она могла отчетливо вспомнить бытие Малидры. Она помнила годы голода, рыскания в отходах, ненависти - и страха - перед Светоносцами. Она помнила свою смерть. Ужас, поимку и кровотечение. Эта теплая кровь на ее руках. . . .

Она взялась за голову, болевшую и кружившуюся. Не от смерти. Каждый просыпался ото сна, и пока она не встретит ее, она не будет ее бояться. Нет, ужасным в зрелище было виденное ей полное отсутствие чести. Убивать людей по ночам за их еду?

Рыться в грязи в поисках полуизжеванного мяса? Носить рваньё? Она была скорее животным, чем человеком!

Лучше умереть. Конечно айил не могли выйти из подобных корней в давности. Айил в эпоху легенд были мирными уважаемыми служащими. Как могли они произойти от мусорщиков?

Возможно, это был лишь одна небольшая группа айил. Или, может быть, человек ошибся. Не было особого способа уточнить это по единственному видению. Почему ей показали это?

Она сделала нерешительный шаг в сторону от стеклянных колонн, и ничего не произошло. Никаких дальнейших видений. Обеспокоенная, она начала уходить с площади.

Затем она замедлила шаг.

В нерешительности, она повернула обратно. Колонны стояли в ярком свете, тихо и одиноко, словно звеня от невидимой энергии.

Будут ли еще?

То единственное видение казалось настолько чуждым всему тому, что она видела. Если бы она прошла в середину колонн снова, то она увидела бы то, что и прежде? Или... она, возможно, что-то изменила своим Талантом?

Столетиями с момента основания Руидина, эти колонны показывали Айил то, что им нужно было знать о себе. Его ведь установили Айз Седай, не так ли? Или они просто поставили терангриал и позволили ему делать, что вздумается, зная, что это дает мудрость?

Авиенда слушала шелест листвы дерева. Эти колонны были испытанием, подобным вражескому воину с копьем в руке. Если она пройдет через их центр снова, она может никогда и не выйти, никто не посещал этот терангриал дважды. Это было запрещено. Один проход через кольца, один - через колонны.

Но она пришла сюда в поиске знаний. И она не уйдет без них. Она повернулась и, глубоко вдохнув, пошла к колоннам.

Она шагнула.

Она была Норлеш. Она держала своего младшего ребенка около груди. Сухой ветер трепал ее шаль. Ее ребенок, Гарлван, начал хныкать, она успокаивала его, в то время как ее муж говорил с чужаками.

Поселок чужаков, состоящий из лачуг, находился в предгорьях. Они носили цветную одежду - странно укороченные брюки и застегивающиеся на пуговицы рубашки. Они появились из-за руды. Как могут быть скалы настолько ценными, что они будут жить по эту сторону гор, вдали от их легендарной земли воды и пищи? Далеко от их домов, где свет сиял без свечей и их повозок, которые перемещались без лошадей?

Ее шаль соскользнула и она натянула ее. Она нуждалась в новой, эта была рваной, и у нее не было больше ниток на заплатки. Гарлван скулил на руках, и ее другой из всех оставшихся в живых ребенок - Мейса - хватала ее за юбку. Мейса теперь не говорила месяцами, с тех пор как ее старший брат умер

от солнечного удара.

"Пожалуйста", - говорил ее муж — Металан — чужакам. Их было трое - двое мужчин и женщина, все одеты в брюки. Суровые люди, не похожие на других иностранцев, с их тонкими чертами и одеждой из шелка. Просвещенные, как они иногда называли себя. Эти трое были более обычными.

"Пожалуйста" - повторил Металан - "Моя семья..."

Он был хорошим человеком. Или был им когда-то, когда был здоров и полон сил. Теперь он, с впалыми щеками, казался лишь оболочкой того человека. Его когда-то ярко-голубые глаза большую часть времени теперь смотрели отсутствующим взглядом. Запуганным. Таким его взгляд стал после смерти троих из его детей в течении восемнадцати месяцев. Хотя Металан был на голову выше любого из чужаков, он, казалось, съежился перед ними.

Предводитель чужаков — человек с густой бородой и большими честными глазами — покачал головой. Он возвратил Металану мешок, полный камней. - "Императрица, да живет она вечно, запрещает это. Никакой торговли с айил. Мы можем быть лишены лицензии за то, что говорим с Вами."

"У нас нет пищи" - сказал Металан. - "Мои дети голодают. Эти камни содержат руду. Я знаю - это то, что Вы ищете. Я потратил недели, собирая это. Дайте нам немного еды. Что-нибудь. Пожалуйста."

"Извини, друг" - ответил лидер чужаков. - "Это означает проблемы с Воронами. Идите своей дорогой. Мы не хотим неприятностей". Несколько чужаков приблизились сзади, один нес топор, двое других - шипящие палки.

Муж поник. Дни путешествия, недели поиска камней. Все напрасно. Он повернулся и пошел назад к ней. Вдали садилось солнце. Как только он достиг ее, она и Мейса присоединились к нему, уходя от лагеря чужаков.

Мейса начала хныкать, но ни у одного из них не было желания или сил, чтобы нести ее. Приблизительно в часе пути от лагеря муж нашел расщелину в скале. Там они, не разводя огня, заночевали. Нечего было жечь.

Норлеш хотелось кричать. Но ... чувствовать что-либо было тяжело. "Я так голодна" - шептала она.

"Утром я поймаю что-нибудь в ловушку" - сказал муж, глядя на звезды.

"Мы ничего не поймали за несколько дней" - сказала она.

Он не ответил.

"Что нам делать?" - шептала она. - "С дней Тавы - моей бабки - никто из нашего народа не может иметь собственного дома. Как

только мы собираемся это сделать, они нападают на нас. Блуждая по Пустыне, мы вымираем. Они не будут торговать с нами. Они не позволят нам пересечь горы. Что мы будем делать?"

В ответ он лег к ней спиной.

Тогда у нее полились слезы - тихие, слабые. Они скатывались по ее щекам, когда она спустила рубашку, дав грудь Гарливану, несмотря на то, что ей нечем было кормить его.

Он не двигался. Он не брал грудь. Она подняла его маленькое тело и поняла, что он больше не дышал. Где-то во время пути к расщелине он умер, а она не заметила этого.

Самым пугающим было то, что его смерть почти не вызвала скорби.

Ноги Авиенды топнули по плитам. Вокруг нее, лес стеклянных колонн переливался радужными цветами. Это было, как если стоять в середине фейерверка Иллюминатора. Солнце было высоко в небе, к удивлению, облаков не было.

Она хотела навсегда уйти с площади . Она была готова к знанию, что айил когда-то следовали пути Листа. Это знание не очень тревожило. Они скоро исполнят свой Тох.

Но это? Эти рассеянные и надломленные подонки? Люди, которые не способны постоять за себя, умоляющие, не знающие, как выжить на местности? Знать, что это ее предки было для нее почти нестерпимым позором. Хорошо, что Ранд алТор не раскрыл такое прошлое айил.

Могла ли она сбежать? Припустить с площади и не смотреть больше? Если будет еще хуже, стыд может раздавить ее. К сожалению, она знала, что теперь, когда она начала, есть только один выход.

Сжав зубы, она сделала шаг вперед.

Она была Тавой, ей четырнадцать лет и она кричит, убегая ночью из своего горящего дома. Вся долина — в действительности это каньон с крутыми склонами — была в огне. Каждая постройка в неоконченном холде была охвачена огнем. Кошмарные существа, с извилистыми шеями и широкими крыльями, обрушившиеся с ночного неба, переносили наездников с луками, копьями и странным новым оружием, которое издавало шипящий звук, когда они стреляли.

Тава кричала, разыскивая свою семью, но в холде царили хаос и беспорядок. Некоторые воины айил пытались сопротивляться, но любой, кто поднял копье, несколько мгновений спустя падал, убитый стрелой или одним из невидимых выстрелов из нового оружия.

Перед ней упал один из айил, труп покатился по земле. Его звали Тадвиш, Каменный Пес. Это было одно из немногих

Сообществ, которые еще поддержали свою самобытность. Большинство воинов больше не придерживалось Сообществ; они считали братьями и сестрами тех, с кем они располагались лагерем. Слишком часто такие лагеря так или иначе рассеивались.

Этот холд был другим, секретным, тайным, в глубине Пустыни. Как их враги нашли их?

Кричал ребенок примерно двух лет. Она подбежала к нему и выхватила почти из огня, где он лежал. Их дома горели. Дерево было с огромным трудом срыто с гор на восточном краю Пустыни.

Она крепко прижимала к себе ребенка и бежала вглубь каньона. Где ее отец? Внезапно, рассекая воздух, одно из кошмарных существ приземлилось перед ней, порыв ветра трепал ее юбку. Внушающий страх воин, в шлеме как голова насекомого, с острыми зубчатыми нижними челюстями, сидел на спине существа. Он направил свое шипящее оружие на нее. Она вскрикнула от ужаса, прикрыла собой плачущего ребенка и закрыла глаза.

Шипящего звука не последовало. В последовавшем внезапном визге странного животного и шуме она всмотрелась и заметила фигуру человека, сражавшегося с чужаком. В свете пламени она узнало чисто выбритое, согласно древней традиции, лицо отца. Животное под двумя мужчинами покачнулось, сбросив их на землю.

Несколько мгновений спустя, ее отец встал, держа в руках меч захватчика, запятнанный темным. Захватчик не двигался, позади них животное с воем взлетело в воздух. Тава взглянула и увидела, что случилось с остальными. Захватчики ушли, оставляя надломленных людей и горящие дома.

Она посмотрела вниз снова. Сцена ужаснула ее; множество тел, десятки, истекая кровью, лежали на земле. Захватчик, убитый ее отцом, оказался единственным погибшим врагом.

"Собирайте песок!" — взревел ее отец — Рован. "Потушите огонь!"

Высокий — даже для айил — с поразительно рыжими волосами, он носил традиционную рыжевато-коричневую одежду, зашнурованные до колен ботинки. Эта одежда выдавала в человеке айил, поэтому многие отказались от нее. Принадлежать к айил означало умереть.

Ее отец унаследовал свою одежду от деда, наряду с заветом. "Следуйте обычаям. Помните джи-и-тох. Боритесь и поддерживайте честь." Хотя он находился в холде всего несколько дней, остальные слушались, когда он приказал потушить огонь.

Тава возвратила ребенка благодарной матери и затем помогла собрать песок и землю.

Через несколько часов, уставшие и окровавленные люди собрались в центре каньона, оценивая затуманенными глазами то, на строительство чего они потратили месяцы. Оно было стёрто с лица земли в одну ночь. Её отец всё ещё держал меч. Он использовал его, чтобы давать указания людям. Некоторые из стариков говорили, что меч приносит неудачу, но с чего бы им такое говорить? Это всего лишь оружие.

"Мы должны все восстановить" - сказал отец, рассматривая руины.

"Восстановить?" - спросил измазанный в саже мужчина. - "Первым, что сгорело, было зернохранилище! Теперь у нас нет еды!"

"Мы выживем" - отвечал отец. - "Мы можем уйти дальше в Пустыню".

"Нам некуда идти" - заговорил другой человек. - "Империя Воронов разослала приказы Дальним, и они охотятся на нас на восточной границе!"

"Они находят нас всякий раз, когда мы собираемся вместе!" - кричал другой.

"Это - наказание!" - отвечал отец. - "Но мы должны выдержать!"

Люди смотрели на него. А после этого, парами или небольшими группами, они начали уходить.

"Стойте!" - крикнул отец, поднимая руку. - "Мы должны оставаться вместе, продолжать бороться! Клан ..."

"Мы не клан" - произнес седой мужчина. - "Я смогу выжить самостоятельно. Хватит борьбы. Они уничтожают нас, когда мы боремся."

Отец опустил меч. Взволнованная видом уходящих в ночь людей, Тава приблизилась к отцу. В воздухе все еще чувствовался дым. Уходящие айил подобно теням таяли в темноте, словно клубы пыли, уносимые ветром. Они не задержались даже для того, чтобы похоронить мертвых.

Ее отец склонил голову и бросил меч на покрытую пеплом землю.

В глазах Авиенды стояли слёзы. Нет стыда в том, чтобы плакать над такой трагедией. Она боялась правды, но больше не могла отрицать её.

То были всадники Шончан, летящие на ракенах. Империя Воронов, Светоносцы из её видения - были Шончан, и они не существовали до середины современной Эры, когда армии Артура Ястребиное Крыло пересекли океаны.

Он видела не глубокое прошлое своих людей. Она видели их будущее.

В свой первый раз среди колонн, каждый сделанный ею шаг переносил её сквозь время в сторону Эпохи Легенд. Оказалось, что в этот раз, её видения начались в далёком будущем, и откатывались назад, к её дням, каждое видение - прыжок на одно или два поколения назад. Слезы прочертили дорожки на лице, она сделала следующий шаг.

Глава 49

Суд Солнца

Она была Ладалин, Хранительницей Мудрости из Таардад Айил. К сожалению она была неспособна направлять. Желать таланта, недоступного многим другим, было постыдной мыслью, но она не могла этого отрицать.

Печальная, она сидела в палатке. Если бы она была в состоянии работать с Единой Силой, то она, возможно, могла бы сделать больше, чтобы помочь раненому. Возможно, она дольше оставалась бы молодой, чтобы суметь довести его до клана, возможно ее кости не болели бы так. Когда необходимо сделать еще многое, старость была источником разочарования.

Находившиеся в палатке вожди кланов притихли. Здесь, кроме нее, находилась лишь одна Хранительница Мудрости - Мора, из Гошиен Айил. Она тоже не могла направлять. Шончан были чрезвычайно настойчивы в истреблении или захвате айил - мужчин или женщин - которые проявляли способность направлять Единую Силу.

Собравшиеся в палатке представляли печальное зрелище. Однорукий молодой воин установил горячую жаровню в центре и отошел. Мать рассказывала Ладалин о временах, когда подобные обязанности выполняли гайшайн. Неужели существовали айил - воины или Девы - которые не были необходимы для войны против Шончан?

Ладалин подалась вперед, чтобы согреть над жаровней руки с плохо сгибающимися от возраста пальцами. В молодости, как и большинство женщин, прежде чем выйти замуж, она носила копье. Как женщины могли остаться в стороне, если Шончан широко и эффективно использовали своих женщин-солдат и дамани?

Она слышала рассказы о временах ее матери и бабушки, но они казались ей невероятными. Война была единственным, что помнила Ладалин. Ее первыми детскими воспоминаниями были стычки на равнине Алмот. Ее юность прошла в учениях. Она принимала участие в сражениях в стране, под названием Тир.

Ладалин вышла замуж и воспитывала детей, но каждый ее вздох был сосредоточен на войне. Айил против Шончан. Обе стороны понимали, что в конечном счете останется лишь кто-то один.

Все больше склонялось к тому, что вынужденными исчезнуть

будут айил. Это было вторым отличием между временем ее матери и нынешним. Ее мать не говорила о неудачах; вехами жизни Ладалин служили отступления и потери.

Остальные тоже были поглощены своими мыслями. Три клановых вождя и две Хранительницы. Они - все, что осталось от Совета Двадцати Двух. Ветер с гор, проникая через открытые створки палатки, холодил спину.

Последним прибыл Тамаав. Столь же старый, как и она, в сражениях он был ранен в лицо и потерял левый глаз. Он сел на камень. Айил больше не носили с собой ковров и подушек. С собой носили только самое необходимое.

"Белая Башня пала" - сказал он. "Мои разведчики сообщили мне около часа назад. Я доверяю их информации." Он был прямым человеком и хорошим другом ее мужа, который погиб в прошлом году.

"С этим рухнула наша последняя надежда" - сказал Такай, самый молодой из вождей. За долгие годы он был третьим вождем Миагома.

"Не говори так," - заметила Ладалин. - "Всегда существует надежда."

"Они совсем прижали нас к этим проклятым горам" - отвечал Такай. - "Нет больше Шианде и Дарини. Осталось только пять кланов, и один из них разбит и рассеян. Мы разгромлены, Ладалин".

Тамаав вздохнула. В прежние годы она положила бы к его ногам свадебный венок. Ее клану необходим вождь. Ее сын все еще считал, что может стать им, но после недавнего взятия Руидина Шончан кланы не знали, как они теперь будут избирать новых вождей.

"Мы должны отступить в Трехкратную Землю" - мягким сочным голосом сказала Мора. "И искупить свой грех".

"Какой грех?" - спросил Такай.

"Дракон желал мира" - отвечала она.

"Дракон оставил нас!" - парировал Такай. - ""Я отказываюсь следовать памяти человека, которого знал только мой дед. Мы не давали клятв, чтобы следовать его глупому договору. Мы ..."

"Спокойно, Такай" - произнес Джоршем. Последним из трех вождей был невысоким человеком с ястребиным лицом и небольшой примесью андорской крови от своего деда. "Лишь Трехкратная Земля сейчас может дать нам хоть какую-то надежду. Война с Империей Воронов проиграна".

В палатке повисла тишина.

"Они сказали, что будут охотиться на нас" - промолвил Такай. - "Когда они потребовали сдаться, они предупредили нас о

невозможности ухода. Вы знаете это. Они обещали уничтожить любое место, где соберутся трое айил."

"Мы не сдадимся" - сказала Ладалин твердо. Тверже, чем сама, если быть честной, была уверена в этом.

"Сдача в плен сделала бы нас гайшайн" - заметил Тамаав. Они использовали это слово для обозначения человека, потерявшего честь, это не было тем значением, в котором его использовала мать Ладалин. "Ладалин, каков Ваш совет?"

Остальные четверо смотрели на нее. Она была одной из последних оставшихся в живых потомков Дракона. Три другие линии были уничтожены.

"Если мы станем рабами Шончан, айил, как народа, больше не станет" - произнесла она. Мы не можем победить, поэтому мы должны отступить. Мы возвратимся в Трехкратную Землю и там соберемся с силами. Возможно, наши дети могут бороться там, где не смогли мы."

Вновь воцарилось молчание. Все знали, что ее слова были слишком оптимистичны. После десятилетия войны айил были жалкими остатками от их первоначального числа.

Направляющие Шончан были необычайно эффективны. Хотя Хранительницы Мудрости и потомки Дракона тоже использовали в сражениях Единую Силу, этого было недостаточно. Те проклятые айдамы. Каждый Направляющий-айил, захваченный Шончан, был в конечном счете использован против них.

Поворотным моментом в войне стало вступление в нее остальных государств. После этого Шончан смогли покорить народы Западных Земель и захватить большое количество Направляющих из их числа. Теперь, когда пал Тар Валон, Империя была неудержима - каждое королевство Западных Земель стало провинцией Шончан. Только Черная Башня все еще боролась, хотя Ашаманы делали это тайно, поскольку их крепость пала за годы до этого.

Айил не могли бороться тайно. В этом не было чести. Хотя кто действительно заботился теперь о чести? После сотен тысяч смертей? После падения Кайриэна и взятия Иллиана? Это произошло в последние двадцать лет, после того, как Шончан получили в распоряжение в Андоре боевые машины. Айил шли к поражению в течение многих десятилетий; лишь благодаря своей природе и стойкому характеру, они сопротивлялись так долго.

"Это - его ошибка" - сказал Такай, все еще выглядевший угрюмым. - "Кар-а-карн, возможно, сумел привести нас к славе, но он оставил нас."

"Его ошибка?" - спросила Ладалин, вдруг поняв, возможно, впервые — почему- такое заявление было неправильным. - "Нет.

Айил сами несут ответственность за себя.

Это - ошибка наша, и не моего далекого предка. Мы забыли, кто мы. Мы потеряли честь".

"Наша честь была отнята у нас" - сказал, вздохнув и поднимаясь, Такай. - "Действительно, мы - Народ Дракона. Что проку от того, чтобы быть его народом?

Легенды говорят, что мы должны были стать его копьями, выкованными в Трехкратной Земле. Он использовал, а затем выбросил нас. Что должно делать копье, от которого отказываются, если не идти на войну?"

"Действительно" - подумала Ладалин. - "Дракон потребовал мира, считая, что это принесло бы счастье айил. Но как они могли быть счастливы, когда на земле оставались проклятые светом Шончан?" Ненависть к захватчикам укоренилась слишком глубоко.

Возможно эта ненависть разрушила айил. Она слышала вой ветра, когда Такай уходил от палатки. Но вера вновь вернется к Айил в Трехкратной Земле. Казалось, если они не смогли принять мир сами, необходимо вынудить их к этому.

Авиенда сделала следующий шаг вперед. Она почти достигла центра стеклянных колонн, и осколки света искрились вокруг нее.

Ее слезы теперь текли рекой. Она чувствовала себя подобно ребенку. Быть Ладалин было хуже, чем другими, потому что в ней, Авиенда видела следы истинных способов действия айил, но искаженных, словно в насмешку. Женщина мыслила о войне и связанной с этим честью, но не поняла, что такое честь . Не стать гайшайин? Отступить? Здесь не упоминали Тох. Это была война,полностью лишенная цели или причины.

Зачем биться? Для Ладалин, ответ был в ненависти к Шончан. Война была потому что война была всегда.

Как? Как это могло случиться с Айл?

Авиенда совершила шаг вперед.

Она - Онкала, Дева Копья. Она в конечном счете отказалась бы от копья и вышла замуж, так же, как это делали ее мать и мать ее матери перед нею. Но сейчас было время бороться.

Она шла по улицам Кэймлина, принадлежавшего ее почти сестре, со знаменем Дракона, возвещающем о ее происхождении. Рядом с Онкалой шел человек, ради которого она, вероятно, бросила бы свои копья. Хейал, Рассветный Бегун, убил Шончан больше, чем любой из его сообщества, получив много джи. В прошлом году он получил разрешение посетить Руидин, чтобы стать вождем клана.

Руидин. Город был осажден шончан. Онкала негодовала. У шончан нет чести. Им говорили, что в Руидине действует мир.

Айил не атаковали Таразинский дворец в Эбу Дар. Шончан не должны были нападать на Руидин.

Они были змеями. Источником постоянного раздражения было то, что после десятилетий войны линии фронта оставались почти теми же самыми, какими они были после того, как ее дед отправился к Шайол Гул.

Ее и Хейала сопровождали для поддержания чести две тысячи копий. Королева Талана знала, что они прибудут, и ждала их, поэтому ворота дворца были открыты. Хейал махнул предварительно отобранным, чтобы идти с ними через залы, воинам. Во дворце царила роскошь. Каждый гобелен, каждая ваза, каждая золотая рама казалась Онкале оскорблением. Сорок лет войны не задели Андор. Он находился в безопасности, пользуясь защитой, которую обеспечили ему Айил.

Хорошо, Андор увидит. Айил в процессе борьбы стали сильнее. И раньше их воинское мастерство было легендой. Сейчас оно стало еще более превосходным! Когда айил уничтожат Шончан, мир увидит урок, продемонстрированный айил. Правителям мокроземцев пожалеют, что не были более щедрыми.

Двери тронного зала были открыты; Онкала и Хейал вступили в них, оставив эскорт. Знамя Дракона находилось здесь, напоминая, что королевская линия Андора тоже ведет происхождение от Кар-а-карна. Для Онкалы это было еще одной причиной для ненависти. Андорская знать считала себя равной ей.

Королева Талана была женщиной средних лет с длинными, блестящими рыжими волосами. Не очень симпатичная, но необычайно аристократичная. Она тихо разговаривала с одной из своих советниц, знаком показав айил подождать. Еще оскорбление, преднамеренное. Онкала кипела.

Наконец их пригласили подойти к Львиному Трону. Брат Таланы - ее Защитник, одетый в жилет и кафтан, стоял позади нее, положив руку на меч. Онкала, вероятно, сумела бы убить его, даже не вспотев.

"Ах" - воскликнула Королева Талана. - "Снова Таардад Айил. Вы все еще носите копье, Онкала?"

Онкала сложила руки, но ничего не ответила. Она знала, что не была приятной при разговоре с людьми. Оскорбления были обычным явлением, когда она говорила. Лучше позволить взять на себя инициативу вождю клана.

"Я полагаю, что Вы снова прибыли просить о помощи?" - спросила Талана.

Хейал вспыхнул, и Онкала пожалела, на мгновение, что оставила копья снаружи.

"У нас есть что-то для Вас," ответил он, вынимая кожаный мешочек и вручив его одному из Охранников Королевы. Мужчина открыл его, осматривая находящиеся внутри бумаги. Повторное оскорбление. Их считают убийцами? Действительно, Онкала не любила королеву, но ее семья и Талана поклялись в преданности из-за своих бабушек, бывших первыми сестрами.

Солдат вручил Королеве бумаги. Лицо Таланы по мере чтения становилось заинтересованным и задумчивым.

Талану, как и большинство прочих правителей, заключивших Мир Дракона, беспокоили Щончан. Техника и мастерство Империи Воронов в использовании Единой Силы росли. Сейчас айил поставили их в патовое положение. Что произойдет, если Шончан победят? Будут ли они придерживаться клятвы?

Насколько Шончан можно доверять?

Агенты Хайала потратили за последнее десятилетие много времени, пытаясь посеять сомнения в этом при дворах великих держав мира. Он был мудрым человеком. Даже раньше, чем стать вождем, он понял, что эта война не могла быть выиграна айил в одиночку. Они нуждались в этих мягких мокроземцах.

Это было последней причиной ненависти Онкалы.

"Откуда они у Вас" - спросила Талана.

"Из дворца Шончан" - сказал Хейал. "Они не должны были нападать на Руидин. Наши понятия о чести позволяют нанести ответный удар - наше нападение было предпринято только чтобы взять это. Я давно подозревал, что они находятся там, и лишь честь удерживала меня от нападения на священный для Шончан дворец".

Лицо Таланы затвердело. "Вы уверены в их подлинности?"

"Вы ставите меня под сомнение?" - отвечал Хейал.

Королева Талана покачала головой, выглядя обеспокоенной. Она знала что айил не лгали.

"Мы были терпеливы с Вами" - сказал Хейал. "Мы пришли к Вам и объяснить что произойдет, если мы не сможем удержать Шончан."

"Мир Дракона..."

"Какую значение для них имеет Дракон?" - парировал Хейал. - "Они захватчики, которые вынудили его поклониться их Императрице. Ее рассматривают выше его. Они не будут выполнять обещания, данные подчиненному."

Королева Талана снова взглянула на бумаги. Документами были планы нападения Шончан на Андор, а также подробности заговора убийства Королевы. Кроме того, были подобные же планы по отношению к правителям Тира, Иллиана, Двуречья.

"Мне нужно время для консультации с моими советниками" -

решила Талана.

"Она уже наша" - подумала, улыбнувшись, Онкала. Она уже знала, каким будет ответ Королевы. Уловка должна была заставить ее действовать.

Хейал кивнул, и оба они вышли. Онкала едва удерживалась от победных воплей. Если в войну вступит Андор, остальные страны последуют его примеру, особенно участники пакта Гриффина и Суда Солнца. Они смотрели на королеву Андора также, как кланы айил на Онкалу. Кровь Ранда ал Тора давала большой авторитет.

"Это был верный поступок?" - спросил Хейал, когда они шли, окруженные воинами, чтобы держать чужие уши подальше.

Онкала заметила - "Это был Ваш план".

Он, хмурясь, кивнул.

Ничего из сказанного Королеве не было ложью. Их честь была не задета. Однако Хейал умолчал об одном из листов, которые они обнаружили. Тот, который объяснял, что все другие были планами действий при непредвиденных обстоятельствах.

Описание вооруженных сил Андора, предложения об использовании Врат и драконов, нападение на Кэймлин, сам заговор устранения Королевы — все они были составлены только на тот случай, если Андор вступит в войну. Это было, в первую очередь, изучением и описанием потенциального противника, а не реальным планом нападения.

Фактически это было то же самое. Шончан были змеями. В конечном счете они захватили бы Андор, но к тому времени айил уже были бы не способны оказать помощь.

Если бы эта война сложилась неудачно, то ее люди ушли бы в Трехкратную Землю, оставив глупых мокроземцев, которые будут завоеваны. Шончан решили бы, что невозможно сражаться с айил на их земле.

Для Королевы Таланы намного лучше вступить в войну сейчас. Для ее же собственной пользы будет лучше, если она никогда не увидит этот лист.

"Что сделано - то сделано" - произнес Хейал, - "Теперь нет места для сомнений".

Онкала кивнула. Шончан падут, и айил займут свое законное место. Кровь Возрожденного Дракона текла в ее венах. Она заслужила, чтобы править.

В конце этой войны возвысится не Империя Воронов, а Империя Дракона.

"Я не хочу идти далее," сказала Авиенда в пустоту леса из стеклянных колон.

Ветер стих. Ее предложение было встречено молчанием. Ее

слезы обозначили прах под ее ногами, как падающие капли дождя.

"Это... существо не имело чести", сказала она. "Она погубила всех нас."

Хуже всего было то, женщина- Онкала - думала о матери своей матери. Своей бабушке. В разуме Онкалы, мелькнуло лицо, соотнесенное этому понятию. Авиенда узнала его.

Свое собственное.

Сжавшись, закрыв глаза, она шагнула вперед в самый центр сияющих колонн.

Она была Падрой, дочерью Возрожденного Дракона, гордой Девой Копья. Она выдернула свое оружие от шеи умирающего шончанина, остальные враги в это время бежали через Врата.

"Сожги Свет того, кто научил Перемещению Шончан" - подумала она. - "Даже если их плетения не слишком совершенны.

." Она была убеждена, что никто из живущих не понимал Единой Силы как она и ее родные братья. Она была способна направлять будучи еще ребенком, также, как и ее сестра и братья. Для них это было естественно, и все другие, кто направлял, на их взгляд, делали это неуклюже.

Она из осторожности старалась не говорить этого. Айз Седай и Хранительницы Мудрости не любили, когда кто-то напоминал им об их недостатках. И, тем не менее, это было правдой.

Падра присоединилась к своим сестрам по копью. Одна из них осталась одно мертвой на земле и Падра оплакивала ее. Тарра из Таардад Айил. Она должна помнить. Но они не потеряли чести, поскольку убили восьмерых солдат Шончан.

Она сплела Врата - так быстро, насколько могла их мысленно представить. Она постоянно удерживала Силу, даже когда спала. Она никогда не знала, что значит никогда не знать той восхитительной полноты ощущений, которое давала Единая Сила. Другие говорили, что надо опасаться быть выжженым Силой, но разве такое возможно? Саидар была ее частью, как ее рука или нога. Как можно быть выжженым собственной плотью и кровью?

Врата вывели их к лагерю айил в стране, именуемой Арад Доманом. Лагерь не был городом; у айил не было городов. Но это был очень большой лагерь, и он находился на этом месте уже более десяти лет. Падра шла по земле, покрытой травой, айил в кадин сор приветствовали ее. Падра и ее братья, как дети Дракона, были для айил чем-то ... особым.

Не лордами - это понятие было им чуждо. Но они были чем-то большим, чем обычные алгвай,сисвай. Клановые вожди обращались к ней и ее братьям за советом, Хранительницы Мудрости тоже проявляли к ним особый интерес. Они н

возражали против того, что она направляет Силу, хотя она не была одной из них. Прекратить направлять она могла только перестав дышать.

Проводив сестер по копью, она прошла в палатку Ронэма. Вождь клана - сын Руарка - должен был услышать ее рассказ. Войдя в палатку, она удивилась - Ронэм был не один. На ковре сидела группа мужчин - все клановые вожди. Ее братья сидели здесь также.

"А, Падра," сказал Ронэм. - "Вы вернулись."

"Я могу зайти в другое время, Ронэм," ответила она.

"Нет, ты необходима на этой встрече. Садись и раздели с нами прохладу."

Падра поблагодарила клановых вождей за оказываемую ей честь. Она села между своими братьями, Алархом и Джандуином. Хотя все четверо детей Дракона были близнецами, они не были похожи друг на друга. Аларх был больше похож на мокроземцев, у него были темные волосы. Джандуин был светлым и высоким. Рядом с ним сидела их сестра, Марианна, невысокая девушка с круглым лицом.

"Я должна сообщить," - сказала Падра Ронэму, - "Патруль Шончан находился там, где мы и думали. Мы атаковали их."

В ответ раздался обескураживающий ропот.

"Мир Дракона не запрещает им въезжать на территорию Арад Домана," - заметил Тавалад, вождь Гошиен Айил.

"Убить их за то, что они слишком приблизились не было нарушением с нашей стороны." - ответила Падра. - "Айил не связаны Миром Дракона. Если Шончан хотели осмотреть наш лагерь, то они должны знать, что это рискованно."

Некоторые - больше, чем она того ожидала, - согласно кивали при ее ответе. Она взглянула на Джандуина и он приподнял бровь. В ответ она незаметно подняла два пальца. Двое Шончан, павших от ее копья. Она хотела бы захватить их, но Шончан не могли стать гайшайн. Они поступали с пленными ужасно. Лучше не давать им искупать их позор, пусть они умирают.

"Мы должны обсудить то, зачем собрались," - произнес Алалвед, вождь Томанелле.

Падра быстро пересчитала собравшихся. Собрались все одиннадцать вождей, включая тех, у кого друг с другом была кровная месть. Таких встреч не происходило с тех пор, как ее отец готовился к Последней Битве.

"И что же мы должны обсудить?" - спросил один из них.

Алалвед покачал головой. - "Копья обеспокоены. Предназначение айил - не жиреть на плодородных землях, выращивая урожай. Мы - воины."

"Дракон хотел мира," - сказал Тавалад.

"Дракон хотел мира для других," - ответил Алалвед. - "Он исключил айил."

"Верно," - сказал Дарвин, вождь Рийн.

"Значит мы возобновляем набеги друг на друга после всех этих лет отказа от

кровной мести?" - спокойно спросил Ронэм. Он был хорошим вождем, поскольку многое в нем было от Руарка. Мудрый, но не страшащийся битвы.

"И каковы же прдложения?" - спросил Шедрен, вождь Дерайн.

Другие кивали. Это означало большую проблему, о которой часто говорила ее мать.

Что будет с айил теперь, когда их предназначение, предсказанное в прошлом, выполнено, их тох перед людьми оплачен?

"Сколько времени мы можем ждать," спросил Алалвед, - "зная, что у них есть Айил - пленные женщины в этих ошейниках? Прошли годы, а они продолжают отклонять все наши предложения о выкупе или обмене! Они возвращают нашу любезность с грубостью и оскорблениями."

"Мы не привыкли просить" - произнес старый Бруан - "Айил скоро станут размазней - в пищу мокроземцам."

Все кивали при этих словах. Мудрый Бруан участвовал в Последней Битве.

"Если только Императрица Шончан..." - Ронэм покачал головой, и она знала, что он думал. Прежнюю Императрицу ту, что правила в дни Последней Битвы, отец Ронэма считал женщиной чести. Утверждалось, что соглашение с ней было почти достигнуто. Но со времен ее правления минуло много лет.

"Все равно," - продолжил он - "копья сталкиваются; наши люди сражаются в стычках с ними. Это - у нас в крови. Если Шончан не желают слушать наши доводы, то почему мы должны это терпеть?"

"Так или иначе, Мир Дракона не будет длиться долго." - сказал Алалвед. - "Стычки между странами происходят, хотя о них не говорят. Кар-а-карн взял клятвы с монархов, однако они не выполняются. Многие мокроземцы не могут держать слова, и я боюсь, что Шончан поглотят их, в то время как они ссорятся."

Большинство кивало. Только Дарвин и Тавалад не казались убежденными.

У Падры перехватило дыхание. Она поняла, что происходит. Стычки с Шончан, беспокойство кланов. Она мечтала об этом дне, но и боялась его. Ее мать получила огромный джи в сражении. У Падры же было немного возможностей отличиться.

Война с Шончан ... Перспектива этого захватывала дух. Но это означало и огромное количество погибших.

Что скажут дети Дракона?" - спросил, глядя на них четверых, Ронэм.

Казалось странным, что старшие обращались к ней. Она начала работу с саидар, обняв Источник, и, потянув Силу. Как бы она обходилась без этого?

"Я считаю, что мы должны освободить тех из нас, кого удерживают Шончан." - сказала Марианна. Она была ученицей Хранительниц Мудрости.

Аларх не казался уверенным, он поглядел на Джандуина. Аларх часто полагался на брата.

"У айил должна быть цель." - сказал Джандуин, кивая. - "Мы, такие как сейчас, бесполезны, и мы не давали обещаний не нападать. Мы ждали так долго, наше терпение, - дань уважения к завещанию моего отца."

Взгляды обратились к Падре. "Они - наши враги." - сказала она.

Один за другим мужчины в комнате кивали. Это казалось таким простым - закончились годы ожидания.

"Идите в свои кланы." - Ронэм встал. - "Подготовьте их."

Падра осталась сидеть, в то время, как остальные попрощались - одни мрачные, другие взволнованные. Жить семнадцать лет без сражений для айил было слишком долго.

Вскоре палатка опустела, осталась только Падра. Она была взволнована, но какая-то часть ее была мрачна. Она чувствовала, как будто она подтолкнула кланы на путь, который изменит их навсегда.

"Падра?" - раздался голос.

Повернувшись, она увидела Ронэма, стоявшего у входа в палатку. Она смутилась и встала. Хотя он был десятью годами старше ее, он был довольно привлекательным. Конечно она не собиралась отказываться от копья, но если бы она это сделала....

"Ты кажешься взволнованной" - сказал он.

"Я просто задумалась."

"О Шончан?"

"О моем отце." - ответила она.

"А" - Ронэм кивнул. - "Я помню, как он впервые приехал в холд Холодные Скалы. Я тогда был очень молод."

"Каково было Ваше впечатление от него?"

"Он был внушительным человеком," сказал Ронэм.

"И ничего больше?"

Он покачал головой. - "Мне жаль, Падра, но я провел с ним недостаточно времени. Мой путь привел меня в другое место. Я...

в основном, слышал рассказы моего отца."

Она подняла голову.

Ронэм отвернулся и смотрел через открытые створки палатки на зеленую траву возле нее.

"Мой отец говорил, что Ранд ал Тор, умный человек и великий вождь, но не знал, что сделать с айил. Я помню его слова, что, когда Кар-а-карн был среди нас, он не чувствовал себя одним из нас. Словно мы доставляли ему неудобство."

Ронэм покачал головой. - "Будущее всех остальных было определено, только айил оставили плыть по воле течения."

"Некоторые говорят, что мы должны были возвратиться в Трехкратную Землю" - сказала она.

"Нет" - отвечал Ронэм. - "Нет, это уничтожило бы нас. Наши отцы не знали о драконах или паровых повозках. Если бы айил возвратились в Пустыню, мы потеряли бы представление о реальном мире. Жизнь прошла бы мимо нас и мы исчезли, как народ.

"Значит война?" - спросила Падра. "Но правильно ли это?"

"Я не знаю." - мягко отвечал Ронэм. - "Мы - айил. Это - то, что мы умеем и знаем."

Падра кивнула, чувствуя себя более уверенно.

Айил снова шли на войну. И в этом была честь.

Авиенда моргнула. Небо над головой было темным.

Она была истощена. Ее разум был выжат, сердце открытой раной, как будто истекающей силой с каждым ударом. Она села в центре неярких колонн. Ее. . . дети. Она вспомнила их лица в свой первый визит в Руидин. Она не видела этого. Не среди того, что вспомнила, по крайней мере.

"Это предрешено?", спросила она. "Можем ли мы изменить это?"

Конечно, ответа не последовало.

Ее слезы высохли. Как можно спокойно реагировать видя полное уничтожение - нет, полный распад своего народа? Каждый шаг казался людям, совершившим его, логичным. Но каждый из них вел Айил к их концу.

Мог ли кто-нибудь увидеть такие ужасные видения? Она бы хотела никогда не ступать обратно в лес колонн. Были ли она виновата в том, что должно было случится? Это были ее потомки, которые обрекли ее народ.

Это не было похоже на события, которые она видела при проходе через кольца во время ее первого визита в Руидин. Те были возможностями. Видения этого дня, казалось, были более реальными. Она почувствовала, была почти уверена, что пережитое ей было не просто одной из многих возможностей. То,

что она видела, может произойти. Шаг за шагом, честь ее народа истощалась. Шаг за шагом, Айил превращались из гордых людей в презренных.

Там должно быть что-то еще. Со злостью она встала и сделала еще один шаг. Ничего не произошло. Она прошла насквозь к краю столбов, затем в ярости повернулась.

"Покажи мне больше," потребовала она. "Покажи мне, что я сделала, чтобы вызвать это! Это мои потомки уничтожили нас! Какую роль сыграла в этом я?"

Он снова прошла сквозь колонны.

Ничего. Они казались мертвыми. Она протянулась и прикоснулась к одной из них, но не было никакой жизни. Никакой гул, никакого ощущения Силы. Она закрыла глаза и в уголках появились капельки. Слезы струились по её лицу вниз, оставляя линию холодной влажности на ее щеках.

"Могу ли я изменить это?", спросила она.

Если я не могу, подумала она, то что мешает мне попробовать?

Ответ был прост. Нет. Она не могла жить, не делая чего-либо, чтобы предотвратить эту судьбу. Она пришла в Руидин в поисках знания. Ну что ж, она его получила. В большем изобилии чем она хотела.

Она открыла глаза и стиснула зубы. Айил взяли на себя ответственность. Айил воевали. Айил стояли за честь. Если бы она была единственной, кто знал ужасы своего будущего, то её обязанность, как Хранительницы Мудрости, действовать. Она хотела бы спасти свой народ.

Авиенда вышла из леса колон и бросилась бежать. Ей нужно вернуться и посоветоваться с Хранительницами Мудрости. Но сперва нужно успокоиться, покидая Трехкратную землю. Пришло время думать.

Глава 50

Выбирая Врагов

Илэйн с тревогой сидела, положив ладони на колени и прислушиваясь с отделенному рокоту. Она намеренно выбрала тронный зал, а не менее официальную комнату для аудиенций. Сегодня необходимо видеть в ней Королеву.

Тронный зал впечатлял, со своими величественными колоннами и богатыми украшениями. Светящиеся золотые торшеры стояли по обеим сторонам комнаты двумя длинными рядами, прерывавшимися только около колонн. Впереди них расположились Гвардейцы в белом и красном, их начищенные нагрудники блестели. Мраморные колонны были под стать плотному темно-красному ковру, в центре которого был выткан золотой Лев Андора. Он подводил прямо к Илэйн, носившей Корону Роз. Ее платье следовало традиционной моде, а не той, что сейчас пользовалась популярностью при дворе, с широкими рукавами, манжеты которых были скроены так, чтобы опускаться до расшитых золотом кружев ниже ее ладони.

Той же моде вторил лиф, высокий настолько, чтобы быть скромным, но и достаточно низкий, чтобы напомнить всем, что Илэйн была женщиной. Все еще незамужней. Ее мать вышла замуж за кайриэнца в самом начале ее правления. Другие могли задаваться вопросом, не поступит ли Илэйн также, чтобы укрепить свою власть здесь.

Раздался еще один отдаленный грохот. Шум от стрелявших драконов становился узнаваемым. Не совсем гром - ниже, и более постоянный.

Илэйн учили скрывать свою нервозность. Сначала ее наставники, потом - Айз Седай. Что бы ни думали некоторые люди, Илэйн Траканд могла управлять своим нравом, когда ей это было необходимо. Она держала руки на коленях и прикусила язык. Показать возбуждение было куда хуже, чем гнев.

Дайлин сидела в кресле рядом с троном. Величественная женщина носила свои золотистые волосы распущенными по плечам, и она безмятежно вышивала на пяльцах. Дайлин говорила, что это расслабляет ее, занимать чем-нибудь руки, пока ее разум работал. Среди присутствовавших не было матери Илэйн. Сегодня она могла бы слишком сильно отвлекать внимание.

Илэйн не могла позволить себе такой роскоши подобно

Дайлин. Она должна была выглядеть лидером. К сожалению, "лидерство" зачастую представляло собой сидение на троне, устремив глаза вперед и изображая решительность и сдержанность во время ожидания. Верно, теперь демонстрация была закончена?

Еще один взрыв. Похоже, что нет.

Она могла слышать тихую беседу в гостиной рядом с тронным залом. Эти Главы Домов, еще остававшиеся в Кеймлине, получили монаршее приглашение на встречу с Королевой, чтобы обсудить санитарные требования для тех, кто оставался за пределами города. Встреча должна была начаться, когда пробьет пять, но приглашения намекали Верховным Опорам прибыть на два часа раньше.

Формулировка послания должна была быть очевидной. Илэйн собиралась сделать сегодня нечто важное, и Верховные Опоры были приглашены заблаговременно с тем, чтобы они могли насладиться неким официально одобренным подслушиванием. Они были заботливо обеспечены напитками и небольшими блюдами с мясом и фруктами в гостиной. Скорее всего, беседа, которую она подслушала, состояла из размышлений о том, что Илэйн собирается раскрыть.

Если бы они только знали. Илэйн держала руки на коленях. Дайлин продолжала вышивать, цокая языком, когда затягивала неправильный стежок.

После почти невыносимого ожидания драконы перестали греметь, и Илэйн почувствовала, что Бергитте вернулась во дворец. Отослать ее вместе с группой было лучшим способом, чтобы узнать, когда та возвращается. За выбором времени сегодня необходимо было следить с абсолютным вниманием. Илэйн сделала вдох и выдох, чтобы успокоить нервы. Здесь. Теперь Бергитте совершенно точно была во дворце.

Илэйн кивнула Капитану Гайбону. Настало время привести заключенных.

Отряд Гвардейцев, ведущий трех людей, появился мгновением спустя. Всхлипывавшая Аримилла оставалась полной, несмотря на плен. Пожилая женщина была миловидной, или была бы, если бы носила что-нибудь получше тряпья. Ее большие карие глаза широко распахнулись от страха. Словно она полагала, что Илэйн все еще могла бы ее казнить.

Элениа куда лучше контролировала себя. Она, как и остальные, была лишена своего прекрасного платья и носила вместо него лохмотья, но она вымыла лицо и собрала свои золотые волосы в пучок. Илэйн не морила голодом и не мучила своих пленников. Ее враги, кем бы они ни были, не предавали

Андор.

Элениа рассматривала Илэйн. Ее хитрое лицо было задумчивым и расчетливым. Знает ли она, куда исчезла армия ее мужа? Ее вид вызывал ощущение скрытого ножа, прижатого к спине Илэйн. Ни один из ее шпионов не был в состоянии обнаружить его местонахождение. Свет! Проблемы поверх проблем.

Третьей была Ниан Араун, стройная бледная женщина, чьи черные волосы потеряли изрядную долю своего блеска за время плена. Эта казалась сломленной еще до того, как Илэйн захватила ее в плен, и держалась подальше от двух других.

Всех троих подтолкнули к подножию помоста, на котором стоял трон, и заставили опуститься на колени. Кайриэнская знать с шумом возвращалась по коридору после демонстрации драконов. Они посчитают, что наткнулись на спектакль Илэйн совершенно случайно.

- Корона признает Ниан Араун, Элению Саранд и Аримиллу Марни, - произнесла Илэйн звучным голосом. Посторонние разговоры, как андорцев в гостиной, так и кайриэнцев в коридоре, стихли.

Из троицы только Элениа осмелилась поднять глаза. Илэйн встретилась с ней взглядом, твердым как камень, и женщина покраснела прежде, чем снова опустить глаза. Дайлин убрала свое рукоделие и внимательно наблюдала.

- Корона много размышляла о вас троих, - с выражением сказала Илэйн. - Необдуманная война против Дома Траканд оставила вас обездоленными, а требования выкупа были отклонены вашими наследниками и отпрысками. Собственные Дома отказались от вас.

Ее слова разносились по большому тронному залу. Женщины перед ней склонились еще глубже.

"Это ставит корону перед дилеммой", сказала Илейн. "Вы досаждаете нам своим докучливым существованием. Возможно, некоторые королевы оставили бы вас в тюрьме, но я считаю, что это отдает нерешительностью. Вы бы истощали мои ресурсы и заставляли бы людей шептаться о способах вашего освобождения."

Зал замолчал за исключением хриплого дыхания заключенных.

"Эта Корона не склонна к нерешительности," провозгласила Илейн . "С этого дня дома Саран, Марни и Араун лишены права собственности и недвижимости, их земли конфискуются в пользу короны в наказание за их преступления".

Элениа ахнула, глядя вверх. Аримилла застонала, склоняясь

вниз на ковер со львом в его центре. Ниан не отреагировала. Она как будто онемела.

В гостиной немедленно поднялся ропот. Это было хуже казни. Когда дворян казнят, их казнят, сохраняя их титул, так что казнь была в своем роде признанием достойным противником. Титул и земли передаются наследнику, и Дом выживает.

Но это. . . это было нечто, что предпринимали лишь немногие королевы. Если Илейн посчитают захватчиком земель и денег в пользу престола, другие дворяне объединятся против нее. Она могла угадать темы разговоров в других комнатах. Основа ее могущества была шаткой. Ее союзники, которые остались с ней до осады и стояли перед возможностью собственной казни, сейчас могут точно также начать сомневаться.

Лучше действовать быстро. Илейн сделала жест, и гвардейцы поставили трех заключенных на ноги, а затем отвели их в угол комнаты. Даже дерзкая Элениа казалась ошеломленной. В сущности, это провозглашение было провозглашением смерти. В ближайшее время, они покончат с собой, лишь бы не показываться в своих Домах.

Бергитте знала свою роль. Она вошла, ведя группу Кайриенских дворян . Они были приглашены на показ нового оружия Андора, прдназначенного для "защиты от Тени", и были разношерстой компанией. Самым значимым в группе, вероятно, был Бертом Сайган либо Лорструм Айснан.

Бертом был невысоким миловидным человеком, хотя Илейн не любила Кайриенскую моду брить и пудрить лоб. Он носил на поясе большой кинжал - носить мечи было запрещено в присутствии королевы - и, казалось, был обеспокоен обращением Илейн с заключенными. Точно так, как и должен был. Его кузина, Колавир, получила аналогичное наказание от Ранда, хоть это и не повлияло на весь ее Дом. Она повесилась, не перенеся стыда.

Ее смерть возвысила Бертома, и, хотя он был очень осторожен, не производя публичных выпадов против правления Ранда, источники Илейн выбрали его в качестве одного из главнейших тайных оппонентов Ранда в Кайриене.

Лорструм Айснан был тихим, худым человеком, он ходил, заложив руки за спину, и как правило, смотря себе под нос. Как и другие в группе, он носил темные одежды по Кайриенской моде, его куртка несла полосы цветов его дома. Он поднялся на видное место вслед за исчезновением Ранда из Кайриена. Отчаянные времена давали отличные шансы, и этот человек не спешил выступать против Ранда, равно как и не вступал с ним в союз. Нейтральная позиция дала ему власть, и некоторые распространяли слухи, что он рассматривает возможность

захватить трон.

Помимо этих двух, от Кайриенцев здесь было небольшое количество других дворян. Айлил Райатин не была главой своего Дома, но после исчезновения своего брата - исчезновения все более и более смахивающего на гибель, она взяла на себя власть. Райатин был мощным домом. Худая, женщина средних лет была высока для Кайриенцев, и носила темно-синее платье с цветными полосами, форму которого поддерживали обручи. Ее семья недавно удерживала Солнечный трон, хоть и лишь сравнительно недолго, и она была известна, как высказывающая поддержку Илейн.

Лорд и Леди Осиеллин, Лорд и Леди Чулиандред, Лорд и Леди Хамарашли, и Лорд Мавабвин группировались позади этих важных персон. Все они обладали средним могуществом, и все - по той или иной причине - были возможным препятствием на пути Илейн. Их сборище было мастерски причесано и пудрило лбы, носило широкие платья в случае женщин, куртки и брюки у мужчин, кружева на манжетах.

"Милорды и Миледи," сказала Илейн, называя каждый Дом по порядку. "Вам понравилась Андорская демонстрация?"

"Весьма понравилась Ваше Величество", сказал долговязый Лорструм, грациозно наклонив голову. "Это оружие действительно... впечатляет".

Он явно пытался добыть информацию. Илейн благословила своих наставников за их настойчивость в расширении ее представлений об Игре Домов. "Мы все знаем, что Последняя Битва быстро приближается", сказала Илейн. "Я думаю, что Кайриен должен быть информирован о силе своего наибольшего и ближайшего союзника. В недалеком будущем настанут времена, когда мы должны будем полагаться друг на друга."

- Действительно, Ваше Величество, - сказал Лорструм.

- Ваше Величество, - вперед вышел Бертом. Невысокий человек сложил руки. - Я уверяю Вас, Кайриен восхищен силой и стабильностью Андора.

Илйен следила за ним. Он предлагал ей поддержку? Нет, похоже, что он также прощупывал почву, задаваясь вопросом, объявит ли Илейн себя претендентом на Солнечный Трон. Сейчас ее намерения должны быть ясными- отправка части Отряда в город была очевидным шагом, даже слишком очевидным для утонченных Кайриенцев.

- Вот если бы Кайриену подобную стабильность, - осторожно сказала Илейн.

Некоторые кивнули, без сомнения, надеясь, что она намеревается предложить трон одному из них. Если позади

одного из них окажется поддержка Андора, то это гарантировало бы ему или ей победу. А также дало бы Илейн сторонника в лице короля или королевы.

Другой возможно и прибег бы к такой уловке. Но не она. Этот трон будет ее.

- Попытка занять трон очень тонкое искусство, - сказал Лорструм. - Прошлое доказало, что это опасное дело. Итак многие колеблются.

- Это так, - сказала Илейн. - Я не завидую Кайриену с его неопределенностью в эти последние месяцы. - Момент настал. Илейн глубоко вдохнула. - Столкнувшись с силой в Андоре, можно было бы подумать, что настало подходящее время иметь сильные союзы. Фактически, трон недавно приобрел несколько поместий с немалыми средствами. Сдается мне, что этими поместьями никто не управляет.

Наступила тишина. Шепотки в соседней комнате стихли. Они расслышали правильно? Илейн предлагала поместья в Андоре иностранному дворянству?

Она скрыла свою улыбку. Медленно, до некоторых дошло. Лорструм улыбнулся и даже слегка кивнул.

- Между Кайриеном и Андором долгое время существовали сложные взаимоотношения. - продолжала Илейн, как будто эта мысль только сейчас пришла ей в голову. - Наши лорды женились на ваших леди, наши леди выходили замуж за ваших лордов, и нас объединяет много общих уз крови и привязанностей. Надо думать, что познания некоторых Кайриенских лордов были бы большим дополнением к моему двору и, возможно, определили бы мои права наследования по линии отца.

Она остановила свой взгляд на Лорструме. Покажет ли он свои зубы? Его земли в Кайриене были небольшими, а влияние за последнее время возросло, но все может измениться. Поместья, которые она отобрала у этих трех заключенных, были среди наиболее лакомых кусочков в ее стране.

Он должен был понимать это. Если бы она взяла трон Кайриена силой, то народ и знать взбунтовались бы против нее. Частично это была вина Лорструма, если ее подозрения верны.

Но если бы она дала земли в пределах Андора благородным Кайриена? Что, если бы она установила разнообразные связи между их странами? Что, если бы она доказала, что не отнимала их титулы, а вместо этого готова дать некоторым из них больше владений? Было бы этого достаточно для доказательства, что она не намеревается отнимать земли у знатных Кайриенцев и передать их ее собственному народу? Это уменьшило бы их беспокойство?

Лорструм встретился с ней глазами. - Я вижу большие возможности для союзов.

Бертом оценивающе кивнул. - Я тоже. Думаю, что это можно устроить.

Конечно, никто не оставил бы свои земли. Они просто планировали присоединить поместья в Андоре. Богатые поместья.

Другие начали переглядываться. Леди Осилин и лорд Мавабин были первыми кто понял это. Они заговорили одновременно, предлагая союзы.

Илейн откинулась на троне, но на сердце все еще было тревожно. - У меня есть еще одно поместье, чтобы дать, - сказала она. - Но оно может быть поделено. - Она также дала бы что-нибудь Айлил, чтобы подчеркнуть расположение и наградить за ее поддержку. Теперь вторая часть задумки. - Леди Саранд, - Илейн обратилась к задней части комнаты.

Элениа, в своих обносках, выступила вперед.

"Корона не беспощадна", сказала Илейн. "Андор не может простить вас за боль и страдания, которые вы причинили. Но другие страны не имеют таких воспоминаний. Скажите мне, если бы Корона предоставила вам возможность получения новых земель, была бы эта возможность реализована?"

- Новые земли, - спросила Элениа. - О каких землях Вы говорите?

- Объединение Андора и Кайриена принесло бы много возможностей, - сказала Илейн. - Возможно, Вы уже слышали о союзе Короны с Гэалданом. Может Вы слышали о вновь возрождаемых землях на западе королевства. Это время больших возможностей. Если бы я подыскала местечко для Вас и Вашего мужа, где вы могли бы обосноваться, приняли бы Вы то, что дадут?

- Я... конечно, рассмотрела бы это предложение, Ваше Величество, - сказала Элениа, показывая проблеск надежды.

Илейн повернулась к лордам Кайриена. - Чтобы все это имело эффект, - сказала она, - мне нужны полномочия говорить как от лица Андора, так и Кайриена. Как вы полагаете, сколько времени понадобится, чтобы устроить подобное?

- Верните меня домой через один из этих странных проходов, - сказал Лорструм, - и дайте один час.

- Мне надо только пол часа, - вставил Бертом, глядя на Лорструма.

- Один час, - Илейн выставила руки. - Подготовьтесь хорошенько.

- Так, - сказала Бергитте, когда закрылась дверь в меньшем зале. - Что во имя проклятой левой руки Темного только что

произошло?

Илейн села. Это действовало! Или казалось, как будто сработает. Мягкое кресло вызывало комфорт после жесткого Львиного Трона. Дайлин заняла место с правой стороны от нее, Моргейз с левой.

- Что случилось, - сказала Моргейз, - то, что моя дочь играет блестяще.

Илейн улыбнулась в знак благодарности. Бергитте, однако, хмурилась. Илейн могла чувствовать замешательство женщины. Она была единственной в комнате с ними; им нужно подождать один час, чтобы увидеть конечный результат плана Илейн.

- Хорошо, - сказала Бергитте, - Итак, вы отдали кусок земли Андора благородным Кайриена.

- Как взятку, - сказала Дайлин. Она не казалась столь же уверенной, как Моргейз. - Умный ход, Ваше Величество, но опасный.

- Опасный? - Сказала Бергитте. - Проклятый пепел, кто-нибудь, пожалуйста, объясните идиоту, почему взяточничество это блестяще или умно? Едва ли Илейн это придумала.

- Это больше, чем подарок, - сказала Моргейз. К удивлению, она принялась разливать чай для всех присутствующих в комнате. Илейн не смогла бы даже припомнить, чтобы ее Мать раньше разливала чай. - Главное препятствие на пути Илейн к трону Кайриена то, что ее рассматривали бы как завоевателя.

- Ну и? - спросила Бергитте.

- Таким образом, она создала связи между двумя государствами, - сказала Дайлин, принимая у Моргейз чашку черного тремалкинского чая. - Давая той группе немного земли в Андоре, она показывает, что не собирается игнорировать или обеднять Кайриенскую знать.

- Сверх того, - добавила Моргейз, - она делает себя менее зависимой от случайностей. Если бы она заняла трон, то получила бы и земли и стала бы единственным человеком, имеющим владения в обеих странах. Теперь она будет одна из многих.

- Но это опасно, - повторила Дайлин. - Лострум уступил не из-за взятки.

- Нет? - хмурясь, сказала Бергитте. - Но...

- Она права, - сказала Илейн, потягивая чай. - Он уступил, потому что видел, что ему дается шанс занять оба трона.

В комнате повисла тишина.

"Кровавый пепел," наконец выразилась Бергитте.

Дайлин кивнула. "Вы создали врагов, которые могут свергнуть вас, Илейн. Если что-нибудь случится с вами,

существует немалый шанс, что либо Лорструм либо Бертом сможет сыграть на обе страны".

"Я рассчитываю на это", сказала Илейн. "Они в настоящие момент два самых влиятельных дворянина в Кайриене, особенно с тех пор, как Добрейн не вернулся откуда-то, куда его взял Ранд. С их активной поддержкой идеи общего монарха, мы на самом деле имеем шанс осуществить это."

"Они будут поддерживать тебя только потому, что видят шанс забрать оба трона себе!" сказала Дайлин.

- Лучше самой выбирать врагов, чем пребывать в неведении, произнесла Илэйн - Я существенно ограничила количество моих соперников. Они видели драконов и это вызвало их зависть. Затем я предложила им не только получить доступ к этом оружию, но и удвоить их состояние. И в довесок я заронила в них семена того, что в один прекрасный день, может быть, их могут назвать королями.

- И они попробуют убить тебя, прямо сказала Биргитте.

- Возможно, произнесла Илэйн. Или возможно они попробуют копать под меня. Не много лет - десять, я думаю. Ударить сейчас - означает рисковать что нации разделятся снова. Нет, вначале они получат положение и насладятся богатством. И только когда они будут уверены, что всё улажено, и что я расслабилась, они начнут двигаться. К счастью, их двое, и это позволит мне стравливать их друг с другом. А на данный момент мы приобрели двух верных союзников, людей, которые будут очень сильно желать, чтобы моя ставка на Солнечный Трон выиграла. Они принесут корону прямо ко мне.

- А пленники? спросила Дайлин. - Элениа и две других? Ты действительно собираешься найти земли для них?

"Да," сказала Илейн. "То, что я сделала для них на самом деле большое благо. Корона выплатит их долги, а затем даст им новое начало в Кайриене, если это сработает. Будет неплохо для Андорского дворянства получить там земли, хотя возможно мне придется дать им землю из моей собственной Кайриенской.

"Ты остаешься окруженной врагами," сказала Бергитте, качая головой.

"Как обычно," сказала Илейн. "К счастью, у меня есть ты, чтобы присматривать за мной.

Она улыбнулась Стражу, хоть знала, что Бергитте может ощутить ее нервозность. Это будет долгий час ожиданий.

Глава 51

Испытания

Волосы на шее Мин встали дыбом, когда она взяла кристальный меч. Калландор. Она слышала истории об этом мече еще с тех пор, как была ребенком, безумные истории о далеком Тире и странном Мече-который-не-меч. И вот теперь она держала его в собственных руках.

Он был легче, чем она ожидала. Его кристаллическая поверхность ловила и играла светом лампы. Казалось, он слишком сильно мерцал, свет внутри все время менялся, даже когда она не двигалась. Хрусталь был гладким и теплым. Практически живым.

Ранд стоял перед ней, глядя на оружие. Они были в своих покоях в Тирской твердыне, в компании Кадсуане, Наришмы, Мерисы, Нэффа и двух Дев.

Ранд потянулся и коснулся меча. Она глянула на него, и видения возникли над ним. Сияющий меч, Калландор, был зажат в черной руке. Она выдохнула.

- Что ты увидела? – мягко спросил Ранд.

- Калландор, зажатый в кулаке. Похоже на то, что ладонь сделана из оникса.

- Есть идеи, что это означает?

Она покачала головой.

- Мы должны опять его спрятать, - сказала Кадсуане. Сегодня она носила коричневое и зеленое, природные цвета освещались золотыми украшениями из ее прически. Она стояла, скрестив руки и выпрямив спину. – Пфф! Доставать эту вещь сейчас безрассудно, мальчик.

- Твой протест принят к сведению, - сказал Ранд. Он взял са'ангриал у Мин, затем скользящим движением убрал его в ножны на спине. На боку он снова носил древний меч с красными и золотыми драконами, нарисованными на ножнах. Ранее он заявил, что рассматривает это как своего рода символ. Меч олицетворял прошлое, а Калландор, так или иначе, - будущее.

- Ранд, - сказала Мин, беря его за руку. – Мои исследования… помни, что Калландор может иметь изъян более глубокий, чем мы обнаружили. Это видение только подкрепляет уже сказанное. Я беспокоюсь о том, что его могут использовать против тебя.

- Подозреваю, так и будет, - сказал Ранд. – Все в этом мире

используется против меня. Наришма, Врата, пожалуйста. Мы достаточно заставили Порубежников ждать.

Аша'ман кивнул, колокольчики звякнули в его волосах.

Ранд повернулся к Нэффу.- Нэфф, по-прежнему ни слова из Черной башни?

- Нет, милорд, - ответил высокий Аша'ман.

- Я не сумел Переместиться туда, - сказал Ранд. – Это означает большие проблемы, даже хуже, чем я опасался. Используй это плетение. Оно может скрыть тебя. Переместись на расстоянии дневного перехода от Башни и скачи туда, замаскировавшись. Осмотри все, что сумеешь обнаружить. Помоги, если сможешь, и когда найдешь Логайна и верных ему, передай им послание от меня.

- Какое, милорд?

Ранд казался отстраненным.

- Скажи им, что я ошибался. Скажи им, что мы – не оружие. Мы люди. Вероятно, это поможет. Береги себя. Это может быть опасным. Принеси вести. Мне надо будет наладить там ситуацию, но я легко могу попасть в самую опасную ловушку среди тех, что до сих пор избегал. Проблемы…куча проблем, которые необходимо решить. И всего лишь один я. Займи мое место, Нэфф, пока что. Мне нужна информация.

- Я…Да, милорд. – Он выглядел смущенным, однако вынырнул из комнаты, чтобы выполнить приказ.

Ранд сделал глубокий вздох, потом потер культю на левой руке. - Вперед.

- Ты действительно уверен, что не хочешь взять с собой больше людей? – спросила Мин.

- Да, - сказал Ранд. – Кадсуане, будь готова при необходимости открыть врата и вытащить нас оттуда.

- Мы отправляемся в Фар Мэддинг, мальчик, - сказала Кадсуане. – Разумеется, ты не забыл, что мы не можем касаться там Источника?

Ранд улыбнулся.

- А ты носишь полную паралич-сеть в прическе, включая Колодец. Уверен, ты держишь его полным, и этого должно быть достаточно для создания одиночных врат.

Лицо Кадсуане стало невыразительным. - Я никогда не слышала о паралич-сети.

- Кадсуане Седай, - мягко сказал Ранд. – В твоей сети есть несколько украшений, которые я не узнаю. Полагаю, они были созданы уже во время Разлома. Но я был там, когда разработали первые образцы, и я носил исходную мужскую версию

В комнате повисла тишина.

- Хорошо, мальчик, - сказала, в конце концов, Кадсуане. – Ты…

- Ты когда-нибудь оставишь это притворство, Кадсуане Седай? – спросил Ранд. – Называть меня мальчиком? Я больше не возражаю, хоть это и звучит странно. Мне было четыреста лет в тот день Эпохи Легенд, когда я умер. Подозреваю, это делает тебя как минимум на несколько десятилетий младше меня. Я проявил уважение к тебе. Возможно, будет уместно, если ты ответишь взаимностью. Если желаешь, можешь называть меня Ранд Седай. Насколько мне известно, я единственный выживший мужчина-Айз Седай, прошедший должную процедуру возвышения и не обратившийся к Тени.

Кадсуане заметно побледнела.

Ранд мило заулыбался.

- Ты хотела прийти и потанцевать с Драконом Возрожденным, Кадсуане. Я тот, кем должен быть. Расслабься – ты стоишь перед Отрекшимися, имея на своей стороне кое-кого, столь же древнего. - Он отвернулся от нее с отстраненным взглядом. – Да уж, если бы только больший возраст действительно был признаком большей мудрости. Точно также можно мечтать, что Темный просто отстанет от нас.

Он взял Мин за руку, и вместе они шагнули в переходные врата Наришмы. На той стороне их ожидал небольшой отряд Дев, расположившихся на лесной поляне и охранявших группу лошадей. Мин забралась в седло, попутно отметив, как настороженно выглядит Кадсуане. Как и должна бы. Когда Ранд начинал так говорить, это пугало Мин больше, чем ей хотелось бы признавать.

Они выехали из маленькой рощи в направлении Фар Мэддинга, впечатляющего города, стоявшего посреди озера. Многочисленная армия – сотни знамен развевались по ветру, - расположилась на его берегах.

- Знаешь, он всегда был важным городом, - произнес Ранд рядом с Мин, его глаза смотрели в прошлое. - Страж появился позднее, но город стоит здесь уже очень давно. Арен Дешар, Арен Мадор, Фар Мэддинг. Арен Дешар всегда был занозой у нас под боком. Анклав Инкастаров, боявшихся прогресса и чудес. Оглядываясь назад, у них было право на страх. Как бы я хотел теперь послушать Гильгейма…

- Ранд? – мягко сказала Мин.

Это вырвало его из задумчивости. -Да?

- Это действительно так, как ты сказал? Что тебе четыре сотни лет?

- Около четырех с половиной, полагаю. Надо ли прибавлять к

ним годы, прожитые в этой Эпохе? – Он посмотрел на нее. – Ты беспокоишься, да? Что я больше не тот человек, которого ты знала, тот глупый овечий пастух?

- И оно все у тебя в голове, это прошлое.

- Только воспоминания, - сказал Ранд.

- Но в то же время, ты и есть он. Ты говоришь как тот, кто уже пытался закрыть скважину. И кто лично знал Отрекшихся.

Некоторое время Ранд ехал молча.

- Полагаю, я – это он. Мин, ты упускаешь то, что равно как я сейчас являюсь им, так и он всегда был мной. Я не изменюсь только потому, что ко мне вернулись воспоминания – я остался прежним. Я - это я. И я всегда буду собой.

- Льюс Терин сошел с ума.

- В конце концов, - согласился Ранд. – И конечно же, он совершал ошибки. Я совершал ошибки. Я был высокомерным и безрассудным. Но в этот раз здесь есть разница. Огромная разница.

- Какая?

Он улыбнулся.

- В этот раз я лучше воспитан.

Мин улыбнулась в ответ.

- Ты знаешь меня, Мин. Уверяю тебя, сейчас я чувствую себя самим собой больше, чем в прошедшие месяцы. Я стал похож на себя даже больше, чем когда был Льюсом Терином, если это имеет какое-то значение. Все это из-за Тэма, из-за людей вокруг меня. Тебя, Перина, Найнив, Мэта, Авиенды, Илейн, Морейн. Он очень старался сломить меня. Думаю, если бы я был таким же, как когда-то очень давно, он бы преуспел.

Они ехали через луг, окружавший Фар Мэддинг. Как и везде, зеленый здесь сменился желтым и коричневым. Все становилось хуже и хуже.

Представь, что это лишь сон, сказала себе Мин. Земля не мертва. Она замерла в ожидании зимы. Зимы бурь и войны.

Ехавший позади Наришма тихо зашипел. Мин взглянула на него. Лицо Аша'мана напряглось. Очевидно, они достигли зоны влияния Стража. Ранд никак на это не отреагировал. Кажется, он избавился от болезни, проявлявшейся всякий раз, когда он направлял. Или он просто хорошо ее скрывал?

Она вернулась к текущей цели. Армии Порубежников так и не объяснили, почему они, поправ традиции и вопреки логике, отправились на юг искать Ранда. Сейчас они были отчаянно нужны. Вмешательство Ранда в Марадоне спасло то, что осталось от города, но если такое происходило вдоль всей границы с Запустением…

Двадцать солдат, державших копья с узкими кроваво-красными флагами, развивающимися на ветру как вымпелы, перехватили группу Ранда задолго до того, как та достигла армии. Ранд остановился и позволил им приблизиться.

- Ранд ал'Тор, - объявил один из солдат. – Мы представляем Союз Порубежья. Мы будем сопровождать вас.

Ранд кивнул, и процессия снова двинулась уже со стражей.

- Они не назвали тебя лордом Драконом, - прошептала Мин Ранду. Тот задумчиво кивнул. Вероятно, Порубежники все еще не верили, что он был Драконом Возрожденным.

- Не проявляй высокомерия, Ранд ал'Тор, - сказала Кадсуане, рысью подъехав к нему. – Но и не давай слабину. Большинство Порубежников ответит на силу, когда увидит ее.

Итак, Кадсуане обращалась к Ранду по имени, избегая называть его «мальчиком». Это было похоже на победу и вызывало у Мин улыбку.

- Я буду держать врата наготове, - продолжала Кадсуане намного тише. – Но они будут очень маленькими. Колодец выдаст достаточно для врат, через которые мы сможем проползти. Они нам не понадобятся. Эти люди будут сражаться за тебя. Они захотят сражаться за тебя. Только нелепая глупость может удержать их.

- Здесь больше одного, чем другого, Кадсуане Седай, - ответил Ранд, понизив голос. – Что-то погнало их на юг. Это вызов, и пока я не уверен, как на него ответить. Но я буду признателен за твой совет.

Кадсуане кивнула. Наконец, Мин заметила ряд людей, ожидавших в авангарде армии. За ними выстроились тысячи солдат. Шайнарцы с завязанными в хвост волосами. Салдейцы с их кривыми ногами. Арафельцы, каждый из которых носил по два меча за спиной. Кандорцы с раздвоенными бородами.

Группа во главе стояла спешившись. На них была прекрасная одежда. Две женщины и двое мужчин, всех сопровождали Айз Седай, что было очевидно; рядом с некоторыми стояли один или два слуги.

- Та, что впереди, - королева Этениэлле, - прошептала Кадсуане. - Суровая женщина, но справедливая. Она известна тем, что вмешивалась в дела южных стран, и полагаю, остальные позволят ей командовать сегодня. Красивый мужчина около нее – Пейтар Начимен, король Арафела.

- Красивый? – переспросила Мин, разглядывая облысевшего старого арафельца. – Он?

- Это зависит от точки зрения, дитя, - сказала Кадсуане, не упуская ни одной детали. – когда-то он был знаменит своим

лицом, и он все еще известен за свой меч. Рядом с ним король Изар Тогита из Шайнара.

- Такой печальный, - тихо сказал Ранд. – Кого он потерял?

Мин сдвинула брови. Для нее Изар не выглядел особо печальным. Скорее, торжественным.

- Он – Порубежник, - сказала Кадсуане. – Он сражался с троллоками всю свою жизнь; полагаю, он потерял многих дорогих ему людей. Его жена умерла несколько лет назад. Говорят, у него душа поэта, но он суровый человек. Если сумеешь заслужить его уважение, это дорогого будет стоить.

- Значит, последняя – Тенобия, - сказал Ранд, потирая подбородок. – Жаль, что с нами нет Башира.

Башир заявил, что его лицо может распалить в Тенобии ярость, и Ранд, в итоге, согласился с его доводом.

- Тенобия, - сказал Кадсуане, - как пожар. Юная, дерзкая и опрометчивая. Не позволяй ей втянуть себя в спор.

Ранд кивнул.

- Мин?

- Над головой Тенобии зависло копье, - ответила она. – Кровавое, но сияющее на свету. Этениэлле вскоре выйдет замуж, я вижу это по белым голубям. Она собирается сделать нечто опасное сегодня, так что будь осторожен. Вокруг двух других парят разные мечи, щиты и стрелы. Оба скоро будут сражаться.

- В Последней битве? – спросил Ранд.

- Я не знаю, - призналась Мин. – Может быть, здесь и сегодня.

Эскорт привел их к четырем правителям. Ранд соскользнул с седла, похлопав Тай'дайшара по шее, когда тот фыркнул. Мин и Наришма приготовились слезть вслед за ним, но Ранд взмахом руки остановил их.

- Взбалмошный дурак, - пробормотала Кадсуане рядом с Мин достаточно тихо, чтобы никто больше не услышал. – Сначала просит быть наготове, чтобы вытащить его, а теперь уходит?

- Похоже, он имел в виду, что ты должна забрать отсюда меня, - тихо сказала Мин. – Зная его, обо мне он беспокоится больше, чем о себе. – Она помолчала. - Взбалмошный дурак.

Кадсуане бросила на нее короткий взгляд и слегка улыбнулась прежде, чем вернуться к наблюдению за Рандом.

Он подошел к правителям и остановился, разведя руки в стороны, словно спрашивал – что вы хотите от меня?

Этениэлле приняла лидерство, как и предполагала Кадсуане. Полная женщина, ее темные волосы были откинуты с лица и связанны на затылке. Она шагнула к Ранду, ее телохранитель положил руку на меч.

Неподалеку зашуршали Девы. Они стали за Рандом. Как

обычно, они полагали, что команда оставаться сзади к ним не относилась.

Этениэлле подняла руку и шлепнула Ранда по лицу.

Наришма выругался. Девы подняли вуали и вытащили копья. Мин толкнула лошадь вперед, прорываясь сквозь линию стражи.

- Стойте! – сказал Ранд, вскинув руку. Он обернулся и посмотрел на Дев.

Мин успокаивала свою кобылу, похлопывая ее по шее. Она была своенравной, как и ожидалось. Девы неохотно отступили, хотя Кадсуане воспользовалась возможностью, чтобы подвести свою лошадь ближе к Мин.

Ранд повернулся к Этениэлле и потер лицо.

- Я надеюсь, что это какое-то традиционное кандорское приветствие, ваше величество.

Она подняла бровь, затем махнула рукой в сторону, и король Шайнара Изар подошел к Ранду. Мужчина ударил Ранда тыльной стороной руки с такой силой, что тот зашатался.

Ранд выпрямился, снова жестом успокаивая Дев. Он встретился с глазами Изара. Струйка крови побежала у него по подбородку. Шайнарец изучал его минуту, потом кивнул и шагнул назад.

Тенобия была следующей. Она стукнула Ранда левой рукой, звук сильного удара разорвал воздух. Мин почувствовала вспышку боли от Ранда. Тенобия затрясла рукой после этого.

Король Пейтар был последним. Старый арафелец с венчиком волос задумчиво шел, заложив руки за спину. Он подошел к Ранду, потянулся и коснулся крови у него на щеке. Затем нанес удар, который заставил Ранда упасть на колени, брызги крови полетели у него изо рта.

Мин больше не могла сидеть.

- Ранд! – крикнула она, спрыгивая с седла и подбегая к нему. Она достигла его и поддержала, впиваясь взглядом в правителей. – Как вы посмели! Он пришел к вам с миром.

- С миром? – сказал Пейтар.- Нет, юная леди, он появился на этот свет вовсе не с миром. Он наполнит землю ужасом, хаосом и разрушением.

- Как об этом и говорят пророчества, - сказала, подходя, Кадсуане, пока Мин помогала Ранду подняться на ноги. – Вы кладете перед ним бремя всей Эпохи. Вы не можете нанять человека, чтобы заново отстроить ваш дом, а потом упрекать за то, что он должен снести стену, чтобы выполнить свою работу.

- Это предполагает, что он – Дракон Возрожденный, - сказала Тенобия, скрестив руки. – Мы…

Она осеклась, когда Ранд поднялся и осторожно вытащил

Калландор из ножен, сияющий клинок заскрежетал. Он вытянул его вперед.

- Ты отрицаешь это, королева Тенобия, Щит севера и Меч Порубежья, Верховная Опора дома Казади? Ты посмотришь на это оружие и назовешь меня Лжедраконом?

В ответ она затихла. Рядом кивнул Изар. Позади них молча наблюдали шеренги солдат с копьями, пиками и высоко поднятыми щитами. Как будто в знак приветствия. Или словно приготовившись атаковать. Мин подняла взгляд и едва смогла разглядеть людей, выстроившихся на стенах Фар Мэддинга, чтобы посмотреть.

- Продолжим, - сказал Изар. – Этениэлле?

- Очень хорошо, - отозвалась женщина. – Я скажу это, Ранд ал'Тор. Даже если ты докажешь, что являешься Драконом Возрожденным, ты за многое должен ответить.

- Ты можешь получить свою цену с моей шкуры, Этениэлле, - тихо произнес Ранд, вкладывая Калландор обратно в ножны. – Но только прежде Темный встретит свой день со мной.

- Ранд ал'Тор, - сказал Пейтар. – У меня есть для тебя вопрос. От твоего ответа будет зависеть исход этого дня.

- Что за вопрос? – настойчиво спросила Кадсуане.

- Кадсуане, пожалуйста, - сказал Ранд, подняв руку. – Лорд Пейтар, я вижу это в твоих глазах. Ты знаешь, что я и есть Дракон Возрожденный. Неужели этот вопрос так необходим?

- Жизненно важен, лорд ал'Тор, - ответил Пейтар. – Он привел нас сюда, хоть мои союзники и не знали этого с самого начала. Я всегда верил, что ты – Дракон Возрожденный. Это сделало мои поиски даже более важными.

Мин нахмурилась. Старый солдат потянулся к рукояти меча, словно готовясь достать его. Девы насторожились еще сильней. Внезапно Мин осознала, что Пейтар продолжал стоять близко к Ранду. Слишком близко.

Он мог выхватить меч и полоснуть Ранда по шее в мгновение ока, поняла она. Пейтар расположился так, что бы быть готовым нанести удар.

Ранд не отводил пристального взгляда от правителя.

- Задавай свой вопрос.

- Как умерла Теллиндал Тиррасо?

- Кто? – спросила Мин, глядя на Кадсуане. Айз Седай удивленно покачала головой.

- Откуда ты знаешь это имя? – требовательно спросил Ранд.

- Отвечай на вопрос, - сказал Изар, держа руку на мече и напрягшись всем телом. Вокруг них приготовились шеренги солдат.

- Она была служащей, - сказал Ранд. – Во времена Эпохи легенд. Демандред, когда он пришел за мной после основания Восьмидесяти и Одного…Она погибла во время сражения, молния с неба…Ее кровь на моих руках…Как ты узнал это имя!

Этениэлле посмотрела на Изара, затем на Тенобию, и, наконец, на Пейтара. Тот кивнул и закрыл глаза со вздохом облегчения. Он убрал руку с меча.

- Ранд ал'Тор, - сказала Этениэлле, - Дракон Возрожденный. Будешь ли ты так любезен, чтобы присесть и поговорить с нами? Мы ответим на твои вопросы.

- Почему я никогда не слышала об этом так называемом пророчестве? – спросила Кадсуане.

- Его суть требовала секретности, - ответил король Пейтар. Они расположились на подушках в большом шатре посреди армии Порубежников. Это заставляло плечи Кадсуане зудеть, находясь в подобном окружении. Но глупый мальчик – он всегда будет глупым мальчишкой, не важно, сколько там ему лет, - выглядел абсолютно спокойным.

Тринадцать Айз Седай ждали за пределами шатра, который был недостаточно просторным, чтобы вместить всех. Тринадцать. Ал'Тор и глазом не моргнул. Какой способный направлять мужчина будет сидеть рядом с тринадцатью Айз Седай, даже не вспотев?

"Он изменился, - говорила себе Кадсуане. - Ты просто должна это принять. Не то чтобы он вообще перестал в ней нуждаться. Мужчины вроде него становились слишком самоуверенными. Всего несколько маленьких удач, и он споткнется о свои ноги и шлепнется на землю из-за каких-нибудь трудностей."

Но…что ж, она гордилась им. Неохотно. Совсем немного.

- Оно было сделано Айз Седай из моего рода, - продолжал Пейтар. Мужчина с квадратным лицом потягивал чай из маленькой чашки. – Мой предок, Рио Майерши, был единственным, кто слышал его. Он приказал сохранить эти слова, передавая их от монарха к монарху, до сего дня.

- Скажи их мне, - попросил Ранд. – Пожалуйста.

- Я вижу его перед тобой! – процитировал Пейтар. – Его, прожившего множество жизней, того, кто приносит смерть и поднимает горы. Он сломает то, что должен сломать, но сначала он будет стоять здесь, перед нашим королем. Ты ударишь его до крови! Чтобы измерить его сдержанность. Он заговорит! Как пала убитая? Теллиндал Тиррасо, убитая его руками, тьма, пришедшая на следующий день после света. Ты должен спросить и ты должен узнать свою судьбу. Если он не сможет ответить…

Он замер, умолкая.

- Что тогда? – спросила Мин.

- Если он не сможет ответить, - сказал Пейтар, - тогда вы погибли. Вы принесете ему быстрый конец, чтобы пришла буря последних дней. Свет не должен быть попран тем, кто обязан хранить его. Я вижу его. И я плачу.

- Вы пришли, чтобы убить его, - сказала Кадсуане.

- Чтобы испытать его, - ответила Тенобия. – Как мы решили, когда Пейтар рассказал нам о пророчестве.

- Вы не представляете, насколько близки были к гибели, - тихо сказал Ранд. – Если бы я пришел к вам немного раньше, то вернул бы те пощечины с погибельным огнем.

- Внутри Стража? – презрительно фыркнула Тенобия.

– Страж блокирует Единую силу, - прошептал Ранд. - Только единую силу.

"Что он имел в виду?" – подумала Кадсуане, сдвинув брови.

- Мы хорошо понимали, на что идем, - гордо сказала Этениэлле. – Я потребовала право первой ударить тебя. Нашим армиям было приказано атаковать тебя, если мы провалимся.

- Моя семья изучала слова пророчества сотни раз, - сказал Пейтар. – Их значение очевидно. Нашей задачей было испытать Дракона Возрожденного. Чтобы понять, можно ли доверить ему Последнюю битву.

- Всего месяцем раньше, - сказал Ранд, - у меня не было бы необходимых воспоминаний, чтобы ответить вам. Это был глупый гамбит. Если бы вы убили меня, весь мир погиб.

- Авантюра, - ровно произнес Пейтар. – Возможно, другой занял бы твое место.

- Нет, - ответил Ранд. – Это пророчество такое же как остальные. Описание того, что могло случиться, а не совет.

- Я смотрю на это по-другому, Ранд ал'Тор, - сказал Пейтар. – И остальные согласились со мной.

- Надо отметить, - сказала Этениэлле, - что я пришла на юг не из-за пророчества. Моей целью было увидеть, могу ли я принести какой-то толк миру. А затем…. – она скривилась.

- Что? – спросила Кадсуане, отхлебнув, наконец, свой чай. Как обычно в последние дни, он был вкусным рядом с ал'Тором.

- Бури, - ответила Тенобия. – Снег остановил нас. И потом, мы поняли, что найти тебя гораздо труднее, чем ожидалось. Это Перемещение. Вы можете научить ему наших Айз Седай?

- Я обучу ваших Айз Седай в обмен на обещание, - сказал Ранд. – Вы поклянетесь мне. Я нуждаюсь в вас.

- Мы независимы, - отрезала Тенобия. – Я не собираюсь кланяться тебе так же быстро, как мой дядя. Кстати, нам надо обсудить это.

- Наши клятвы принесены землям, которые мы защищаем, - сказал Изар.

- Как пожелаете, - сказал, поднимаясь, Ранд. – Однажды я выдвинул вам ультиматум. Я неудачно сформулировал его и сожалею об этом, но я - ваш единственный путь к Последней битве. Без меня вы застрянете здесь, в сотнях лигах от земель, которые вы поклялись защищать. – Он кивнул каждому из них, затем помог Мин подняться на ноги. – Завтра я встречусь с правителями со всего мира. После этого я собираюсь отправиться в Шайол Гул и сломать оставшиеся печати от узилища Темного. Хорошего дня.

Кадсуане не сдвинулась. Она сидела, прихлебывая чай. Четверо выглядели пораженными. Ну, мальчик несомненно овладел театральным искусством.

- Погоди! – пробормотал наконец Пейтар, поднимаясь. – Ты собираешься сделать что?

Ранд обернулся.

- Разбить печати, лорд Пейтар. Я собираюсь «сломать то, что он должен сломать», как гласит твое собственное пророчество. Ты не сможешь остановить меня, точно не после того, как эти слова подтвердили мои намерения. Ранее я вмешался, чтобы уберечь Марадон от падения. Он был близок к этому, Тенобия. Стены разрушены, а войска обескровлены. При поддержке, я смог спасти город. Но только один. Ваши страны нуждаются в вас. Итак, у вас есть выбор. Присягнуть мне или остаться здесь и позволить всем остальным сражаться за вашу землю.

Кадсуане отхлебнула чай. Все происходило немного быстрей, чем надо.

- Я оставлю вас, чтобы обсудить мое предложение, - сказал Ранд. – Пока у меня в запасе есть час, не могли бы вы, прежде чем начать совещание, послать кое за кем от моего имени? В вашей армии есть человек по имени Хурин. Я хотел бы извиниться перед ним.

Они все еще выглядели пораженными. Кадсуане встала, чтобы пойти поговорить с сестрами, ожидавшими снаружи; она знала нескольких, и надо было прощупать остальных. Она не беспокоилась о том, что решат Порубежники. Ал'Тор заполучил их. Еще одну армию под свое знамя. Не думала, что он справится с этим.

Еще один день и все начнется. Свет, но она надеялась, что они были готовы.

Глава 52

Башмаки

Илэйн удобно устроилась в седле Мерцающей. Кобыла была одной из главных достопримечательностей королевской конюшни; это была прекрасная Салдэйская лошадь блестящего белого окраса с гривой такого же цвета. Само седло выглядело богато, оно было сделано из кожы, с окаемкой красного и золотого цветов. Это было седло, которое обычно использовалось для торжественных случаев.

Бергитте ехала на Восходе, высоком мышастом мерине, который также был одним из самых быстрых в королевской конюшне. Обеих лошадей выбирала Страж. Она рассчитывала подготовиться бежать.

Бергитте носила одну из копий Лисьей Головы Илэйн, хотя он был другой формы, в виде тонкого серебряного диска с выгравированной розой спереди. Илэйн несла другие завернутые в ткань, в кармане.

Илэйн пыталась сделать еще один сегодня утром, но он расплавился, чуть не спалив ее комод. Она испытывала немало трудностей без оригинала для исследования. Мечты Илэйн о том, чтобы снабдить всю свою личную Гвардию медальонами, казались все менее и менее осуществимыми, если только не удастся каким-нибудь образом уговорить Мэта снова предоставить ей оригинал.

Почетный караул Илэйн выстроился конными шерengами вокруг нее и Бергитте на Площади Королевы. Она привела только сотню солдат - семьдесят пять Гвардейцев и двадцать пять Стражей-женщин во внутреннем кольце. То были крошечные силы, но она отправилась бы и без этой сотни, если была бы способна от них избавиться. Илэйн не могла позволить себе выглядеть завоевателем.

"Не нравится мне все это", пробурчала Бергитте.

"А тебе вообще мало что нравится в последнее время", парировала Илэйн. "Клянусь, ты становишься все более раздражительной с каждым днем."

"Лишь от того, что ты становишься все безрассудней день ото дня"

"О, перестань. Это не самое безрассудное из того, что я делала"

"Все потому, что ты пытаешься прыгнуть выше своей головы."

"Все будет в порядке", сказала Илэйн, глядя на юг.

"Что ты там высматриваешь?"

"Ранд", ответила Илэйн, ощущая тепло его чувств, как пульсирующей узел эмоций в своей душе. "Он готовится к чему-то. Это его гнетет, но в тоже время успокаивает." Свет, как же может запутать этот человек.

Встреча состоится через день, если ее назначенный срок все еще был в силе. Эгвейн права; ломать печати было бы глупо. Но Ранд должен увидеть причину.

Элис подъехала к ней в сопровождении трех женщин Родни. Сарасия была полной женщиной с видом заботливой бабушки; темнокожая Кима, заплетавшая свои черные волосы в три длинные косы, и чопорная Нашия с юным лицом, носившая мешковатое платье.

Все четверо заняли места рядом с Илэйн. Только две из них были достаточно сильны для Перемещения - многие в Родне были слабее большинства Айз Седай. Но этого будет достаточно, учитывая, что Илэйн испытывала трудности, обнимая Источник.

- Можете сделать что-нибудь, мешающее лучникам ударить по ней? - спросила Бергитте у Элис. - Какое-нибудь плетение?

Элис задумчиво склонила голову.

- Я знаю кое-что, что могло бы помочь, - ответила она, - но я никогда прежде это не пробовала.

Другая женщина Родни сплела впереди переходные врата. Они вели на участок ухабистой, покрытой бурой травой земли за пределами Кайриэна. Там ожидала куда большая армия, носившая кирасы и куполообразные шлемы кайриэнских войск. Офицеров было легко опознать по их темной одежде с цветами тех Домов, которым они служили. Они носили вымпелы, поднимавшиеся над их спинами.

Высокий, с узким лицом Лострум сидел на лошади, возглавляя свою армию, одетый в темно-зеленое с малиновыми вставками; Бертом находился с другой стороны. Их силы выглядели примерно одинаковыми. Пять тысяч у каждого. Остальные четыре Дома выставили менее многочисленные войска.

- Если бы они хотели взять тебя в плен, - мрачно сказала Бергитте, - то ты предоставила им отличный шанс.

- Нет способа сделать это и остаться в безопасности, если только я не хочу, скрывшись во дворце, послать сюда свои войска. Это приведет лишь к восстанию в Кайриэне и возможному краху Андора. - Она взглянула на Стража. - Теперь я Королева, Бергитте. Ты уже не сумеешь держать меня подальше от угроз, не более, чем могла бы обеспечить безопасность одному солдату на поле боя.

Бергитте кивнула. "Держись поближе ко мне и Гайбону."

Гайбон подъехал на большом пятнистом мерине. С Бергитте с одной стороны, и Гайбоном с другой - и с их лошадьми, которые были выше чем ее лошадь - у убийц были бы большие трудности, чтобы попасть в нее, не задев сначала ее друзей.

Ну что ж, так теперь будет всю ее жизнь. Она толкнула Мерцающую и поехала вперед, и ее войска прошли через врата на Кайриэнскую землю. Дворяне и дворянки кланялись или делали поклон на лошадях, и эти поклоны были глубже, чем во время их встречи с Илэйн в Тронном зале. Представление началось

Город был впереди, со стенами все еще почерневшими от пожаров во время войны с Шайдо. Илэйн почувствовала напряжение Бергитте, когда врата позади исчезли. Родня рядом с Илэйн обняла Источник, а Элис сплела незнакомое плетение, поместив его в воздухе вокруг внутреннего кольца войск. Это был небольшой - но быстрый - порыв ветра, вращающийся в воздухе.

Тревога Бергитте была заразительна, и Илэйн обнаружила, что держится за поводья мертвой хваткой, когда Мерцающий двинулся вперед. Воздух здесь в Кайриэне был сухим, с легким запахом пыли. Небо было пасмурным.

Кайриэнские войска образовали круг вокруг ее маленькой группы андорцев в бело-красной форме. Основная часть кайриэнских войск была пехотинцами, хотя была еще тяжелая кавалерия, лошади в блестящих доспехах и мужчины с острыми копьями, поднятыми в воздух. Они маршировали совершенным строем, защищая Илэйн. Или держа ее в плену.

Лорструм подвел своего гнедого жеребца ближе к внешним рядам охраны Илэйн. Гайбон взглянул на нее, и, когда она кивнула, капитан позволил ему приблизится.

"Город волнуется, Ваше Величество", сказал Лорструм. Биргитта была по прежнему осторожна, и держала свою лошадь, между ним и Илэйн. "Есть... неприятные слухи вокруг вашего вознесения ".

Эти слухи, по всей видимости ты и распустил, думала Илэйн, прежде чем решил поддержать меня. "Конечно, они не восстают против ваших войск?"

"Я надеюсь, что не восстанут." Он посмотрел на нее из-под своего плоского шлема На нем был черный кафтан, спускающийся до колен, по всей длине его были полосы разных цветов, обозначавших его Дом. Он надел такую одежду, как будто собрался на бал. Это было точно. Его силы не захватили город, они просто сопровождали новую Королеву почетным эскортом." Маловероятно, что будет вооруженное сопротивление. Но я хотел предупредить вас."

Лорструм кивнул ей, выказывая уважение. Он знал, что она пытается играть с ним, но он также признал, что и сам играл. Ей придется держаться осторожно с ним, и приглядывать за ним ближайшие годы.

Кайриэн был как большая коробка, весь состоящий из прямых линий, и укрепленных башен. Хотя кое-что в его архитектуре было красивым, но он никогда не сравнится с Кеймлином или Тар Валоном. Они ехали прямо через северные ворота, река Алгуэнья была справа от них.

Толпы ждали внутри. Лорструм и другие хорошо сделали свое дело. Послышались приветствия, возможно первыми их прокричали осторожные придворные. По мере того, как Илэйн въезжала в город, приветствия слышались все громче. Это удивило ее. Она ожидала враждебности. Но конечно она все же немного была - случайно брошенный из задней части толпы мусор. Она слышала язвительные замечания тут и там. Но большинство все же были довольны.

Направившись вниз, по широкой улице, вдоль линии прямоугольных зданий, наиболее одобряемых в Кайриэне, она поняла, что, возможно, эти люди ожидали такого события, как это. Обсуждать его, распространять слухи. Некоторые из слухов были враждебными, и Норри докладывал об этом. Но сейчас они казались скорее проявлением беспокойства, нежели враждебности. Кайриэн был слишком долго без монарха, их король погиб неизвестно от чьей руки, Лорд Дракон, видимо, покинул их.

Её уверенность росла. Кайриэн был раненным городом. Обожжённые и сломанные остатки главных ворот снаружи. Камни мостовой, вывороченные, чтобы стать снарядами, переброшенными через стену. Город так никогда и не оправился полностью от Айильской Войны, и неоконченные Поднебесные Башни - симметричные по проекту, но выглядевшие весьма скорбно - были первым подтверждением этого факта.

Эта проклятая Игра Домов была почти как стихийное бедствие. Могла ли она изменить это? Люди вокруг нее казались полными надежд, как будто они знали какой ужасно запутавшейся в беспорядках была их страна. Скорее можно было отнять копья у айилийцев, чем заставить кайриэнцев быть менее подозрительными, но возможно она сможет научить их более лояльно относиться к стране и трону. До тех пор пока трон заслуживает лояльность.

Солнечный дворец стоял точно в центре города. Как и все в городе, он был квадратным и угловатым, но здесь архитектура создавала впечатление силы. Это было величественное здание, не

смотря на сломанное крыло, где было совершено покушение на жизнь Ранда.

Большинство дворян ждали здесь, стоя на укрытых ступенях или перед богато украшенными каретами. Женщины в строгих платьях с широкими кольцами, мужчины в аккуратных кафтанах темных цветов и шляпами на головах. Многие выглядели скептически, некоторые - удивленно.

Илэйн послала Бергитте довольную улыбку. "Это сработало. Никто не ожидал, что я въеду во дворец в сопровождении кайриэнской армии. "

Биргитте не сказала ничего. Она была, и скорее всего, будет в напряжении до самого возвращения Илэйн в Кеймлин.

Две женщины стояли у подножия лестницы. Одна из них - симпатичная с колокольчиками в волосах; вторая - с кудрявыми волосами и лицом, которое не выглядело как лицо Айз Седай, несмотря на тот факт, что она была Сестрой уже много лет. Это была Сашелле Андерли, и вторая, с безвозрастным лицом, - Самицу Тамагова. Из того, что смогли определить источники Илэйн, она знала, что эти двое эти были наиболее близки к тому, чтобы называться "правительницами" города, в отсутствие Ранда. Она общалась с обеими и обнаружила, что Сашелле очень глубокого понимает кэйриенский способ мышления. Она предложила город Илэйн, но подразумевала, что Илэйн поймёт, что предложение и взятие - две совершенно разные вещи.

Сашелле сделала шаг вперёд. - Ваше величество, начала она официально, - да будет вам известно ,что Лорд Дракон даёт вам все права претендовать на данную землю. Весь официальный контроль, который он имел, он уступает вам, и должность управляющего нации, упраздняется. Правьте с миром и мудростью.

Илэйн царственно кивнула ей сидя верхом, но внутри она просто кипела. Не сказать, чтобы она отказалась бы от помощи Ранда для получения этого трона, но она не хотела, чтобы было так, будто её нос всунули во всё это. Тем не менее, похоже, что Сашелле воспринимала её должность серьёзно, несмотря на то, как обнаружила Илэйн, должность была по большему счёту создана самостоятельно.

Илэйн и её процессия спешились. Думал ли Ранд, что будет вот так легко отдать ей трон? Он пробыл в Кэйриене достаточно долго, чтобы знать, какие интриги они плели. Одной Айз Седай, делающей официальное объявление точно будет недостаточно. Но иметь сильных дворян, оказывающих ей прямую поддержку - вполне.

Процессия двинулась вверх по ступеням. Они вошли и

каждый из сопровождавших её привёл небольшую охрану в пятьдесят человек. Илэйн привела всех своих. Помещение было переполнено, но она не собиралась никого оставлять за спиной.

Внутренние покои были прямыми, с заострённым потолком и отделаны золотом. Каждая дверь украшена геральдическими символами Восходящего солнца. Были ещё ниши, где выставлялись драгоценности, но многие были пусты. Айильцы взяли свою пятую часть отсюда.

По мере достижения Большой Залы Солнца, гвардейцы Илэйн выстраивались вдоль коридора. Илэйн сделала глубокий вздох, затем широким шагом вошла в тронный зал, окружённая десятью гвардейцами. Мраморные колонны с голубыми прожилками подпирали потолок по сторонам зала, а Солнечный трон стоял на мраморном возвышении в дальнем конце большого зала.

Трон был из позолоченной древесины, и все же удивительно скромен. Возможно, поэтому Ламан принял решение изготовить себе новый трон, срубив для него Авендоралдеру. Илэйн подошла к постаменту, затем обернулась к вошедшим дворянам, первыми стояли её сторонники, затем остальные, расположенные согласно сложному для понимания предписанию Игры Домов.

Бергитте следила за каждым входившим, но кайриэнцы были образцово корректны. Никто не проявил ничего похожего на дерзость Эллориен в Андоре. Она была патриотом, но разочаровывающе несогласной с Илэйн. В Кайриэне так никто не поступал.

Как только толпа остановилась, Илэйн глубоко вздохнула. Она продумала речь, но её мать учила, что иногда решительные действия приносят больший эффект. Илэйн направилась к трону.

Бергитте поймала ее за руку.

Илэйн посмотрела на нее вопросительно, но Страж смотрела на трон. "Подожди минутку," сказала она, нагибаясь.

Дворяне начали перешептываться, и Лорстрам подошел к Илэйн. "Ваше Величество?"

"Бергитте", сказала Илэйн, краснея, "это действительно нужно?"

Бергитте проигнорировав ее, проколола подушку для сидения. Свет! Неужели Страж непреклонно будет смущать ее во всех возможных ситуациях? Конечно ...

"Ага!" сказала Бергитте, выдергивая что-то из подушки.

Илэйн подошла поближе, Лорструм и Бертом тоже. Бергитте держала маленькую иглу, с наконечником черного цвета. "Это было спрятано в подушке."

Илэйн побледнела.

"Это было единственное место, в котором они знали, что ты

будешь," тихо сказала Бергитте. Она опустилась на колени, и стала прокалывать подушку, выискивая еще какие-нибудь ловушки.

Лорструм начал краснеть. "Я найду того, кто это сделал, Ваше Величество," сказал он тихим голосом. Опасным голосом. "Они узнают мой гнев."

"Если прежде не узнают мой.", вторил коренастый Бертом, осматривая иглу.

"Думаю, целью был Лорд Дракон, Ваше Величество", громко для собравшейся публики объявил Лорструм. "Никто бы не осмелился покушаться на Вашу жизнь, возлюбленная андорская сестра."

"Это приятно слышать," сказала Илэйн, глядя на него. Эта фраза, сказанная для всех в зале, показала, что она приняла эту уловку, чтобы спасти его лицо. На него, как на ее сильного сторонника падал позор покушения.

То, что она согласилась позволить ему сохранить лицо, будет ему дорого стоить. Он кротко опустил глаза, все поняв. Свет, она ненавидела эту игру. Но она будет играть. И будет играть хорошо.

"Все безопасно?" спросила она Бергитте.

Страж потерла подбородок. "Есть только один способ узнать", сказала она и бесцеремонно шлепнулась на трон.

Некоторые дворяне в зале ахнули, а Лорструм еще больше побледнел.

"Не очень-то удобно", подытожила Бергитте, поерзав из стороны в сторону и опершись на деревянную спинку трона. "Я ожидала большего удобства от монаршего седалища. Тем более для твоего нежного зада да и всего остального."

"Бергитте!" зашипела Илэйн, чувствуя, что лицо снова становится красным. "Ты не можешь сидеть на Солнечном Троне!"

"Я твой телохранитель. Если захочу, я могу пробовать твою еду, проходить в двери прежде тебя, и , проклятье, я могу сидеть на твоем стуле, если посчитаю, что это спасет тебя ". Она улыбнулась. "А еще мне всегда было любопытно, как же себя тут чувствуешь". Страж встала, все еще напряженная, но довольная.

Илэйн повернулась лицом к благородным кайриэнцам. "Вы долго этого ждали," сказала она. "Некоторых из вас это не устраивает, но помните, что половина моей крови кайриэнская. Этот союз сделает обе наших страны более могущественными. Я не требую от вас доверия, но требую послушание." Она помедлила, а потом добавила, "Опять же помните, что Возрожденный Дракон хотел этого."

Она увидела, что они поняли. Ранд однажды завоевал этот город, хотя казалось, что он просто освободил его от Шайдо. Они

будут мудры, и не заставят его вернуться, и победить их снова. Королева использует инструменты, которые у нее под рукой. Она взяла Андор сама, но позволила Ранду помочь ей с Кайриэном.

Она села. Такая простая вещь, а могли бы быть далеко идущие последствия. "Соберите свои силы, и стражу Домов," приказала она собранным здесь дворянам. "Вы отправитесь вместе с силами Андора через врата в место под названием Поле Меррилор. Мы встретимся с Возрожденным Драконом."

Дворяне выглядели удивленными. Она пришла, чтобы принять трон, и приказывает своим войскам из города в тот же день? Она улыбнулась. Лучше действовать быстро и решительно, это создаст возможность, благодаря которой они станут повиноваться ей. И будут готовы к Последней Битве.

"Также," объявила она, как только они начали шептаться, "я хочу, чтобы вы собрали каждого человека в этой области, который может держать меч и призвали их в армию королевы. У нас не будет много времени на обучение, но в Последней Битве будет необходим каждый человек - и те женщины, которые хотят бороться могут также вступить в армию. Кроме того, отправьте призыв всем литейщикам колоколов в вашем городе. Мне нужно встретиться с ними в течении часа."

"Но", сказал Бертом, "как же пир в честь коронации, Ваше Величество..." "Мы будем праздновать когда закончится Последняя Битва и дети Кайриэна будут в безопасности," сказала Илэйн. Ей необходимо было отвлечь их от их интриг, дать им работу, которая бы заняла их, если это возможно. "Ну же действуйте! Представьте, что Последняя Битва на пороге, и прибудет на следующий день!" В самом деле это возможно.

***

Мэт прислонился к высохшему дереву, осматривая лагерь. Он вздохнул с улыбкой, это было прекрасно - осознавать тот факт, что тебя больше не преследуют. Он уже почти забыл, как это хорошо. Даже лучше, чем усадить по симпатичной служаночке на каждое колено. Ну, по крайней мере, точно лучше чем одна служаночка.

Военный лагерь вечером был одним из самых уютных мест во всем мире, даже несмотря на то, что половина его была пуста; часть солдат была отправлена в Кайриэн. Солнце зашло, и некоторые из тех, кто оставался, вернулись в лагерь. Но для тех, кто заступал на пост завтра днем, не было причин так рано ложиться спать.

Около дюжины костровых ям дымилось в разных частях лагеря; мужчины, сидящие вокруг костров делились рассказами о совершенных подвигах, о женщинах, которые у них были, или

просто сплетничали. Языки пламени освещали, смеющихся мужчин, сидящих на камнях и бревнах, иногда кто-нибудь, вынимая угли охапкой веток, запускал в воздух тучи крошечных искр, а все вокруг пели, "ПриходИте ДЕвицы" или "Падающие Ивы в Полдень."

Мужчины Отряда представляли добрую дюжину различных народов, но этот лагерь был их настоящим домом. Мэт, в шляпе на голове и с Ашандареем на плече, шагал мимо них.. У него был новый шарф на шее. Люди знали о его шраме, но не было ни одной причины выставлять его напоказ, словно одну из этих треклятых повозок Валана Люка.

Шарф, который он выбрал в этот раз, был красным. В памяти о Тайлин и других, тех кто пали жертвами голама. В какой-то момент он испытал желание выбрать розовый. Правда желание быстро испарилось.

Мэт улыбнулся. И хотя песни доносились от нескольких походных костров, ни одна не была громка, и в лагере царила здоровое спокойствие . Не тишина. Тишина никогда не была хороша. Он ненавидел тишину. Она наводила его на мысль, что кто-то очень усердно пытается подкрасться к нему. Нет, это было спокойствие. Тихое похрапывание спящих, треск огня, пение, трава, хрустящая, под ногами часовых. Суетный шум людей, наслаждающихся жизнью.

Мэт вернулся назад к столу, поставленному рядом с его затемненной палаткой. Он сел, и начал просматривать бумаги, которые он сложил здесь. Внутри палатки был слишком душно. Кроме того, он не хотел будить Олвера.

Палатка Мэта слегка колыхалась на ветру. Место где он сидел выглядело действительно странным: прекрасный дубовый стол на курьих ножках, стул Мэта подле стола, кувшин подогретого с пряностями сидра, на земле около стула. Бумаги на его столе были придавлены разными камешками, которые он насобирал, и все это освещалось единственной мерцающей лампой.

У него не должно быть таких куч бумаги. Ему бы хотелось сидеть у одного из тех костров и петь "Танец с Джаком из Теней" - песню, которая едва различимо доносилась от ближайшего из них.

Бумаги. Ну, он согласился поработать на Илэйн, и это были бумаги как раз об этом. И бумаги об формировании расчетов для драконов. Бумаги о поставках, дисциплинарные рапорты, и еще много всякой ерунды. И еще несколько бумаг, которыми он мог расшевелить ее королевское величество, отчеты разведчиков, которые он хотел просмотреть. Отчеты о Шончан.

Большая часть новостей была ему известна; благодаря вратам, любезно предоставленым ему Верин, Мэт добрался до Кэймлина быстрее чем большинство слухов. Но и у Илэйн были собственные врата, и некоторые из новостей из Тира и Иллиана были свежими. Шли разговоры о том что у Шончан новая Императрица. Таким образом, Туон действительно короновалась, или как там это у них называется, когда меняется правитель.

Это заставило его улыбнуться. Свет, но они не знали,чего добились! Вероятно, они думали, что знали. Но она еще удивит их, это так же верно, как то, что небо - синее. Ну ладно, оно все больше серое в последнее время.

Был также слух о союзе Морского Народа с Шончан. Мэт отбросил его. Шончан захватили достаточно судов Морского Народа, чтобы произвести подобное впечатление, но это не было правдой. Он нашел несколько страниц с новостями о Ранде, также в большинстве своем неопределенных или ненадежных.

Закружились цвета. Ранд сидел в палатке и разговаривал с какими-то людьми. Возможно он был в Арад Домане, но он не мог быть одновременно там и на битве в Порубежье, или теперь мог? Одни слухи говорили, что Ранд убил королеву Тайлин. Какие проклятые идиоты могли поверить в это?

Он быстро перелистнул доклады о Ранде. Он ненавидел подавлять эти вспыхивающие цвета снова и снова. По крайней мере на этот раз Ранд был одет.

Последняя страница была любопытной. Огромные стаи волков, собирающиеся на полянах и воющие хором? Светящиеся красным небеса в ночи? Домашний скот, выстраивающийся в полях мордами к северу, тихо наблюдая? Следы армий Отродий Тени в центре континента?

Эти вещи пахли простыми слухами, передающимися от одной супруги фермера к другой, достигнув таким образом ушей шпионов Илэйн.

Мэт просмотрел лист, затем понял, что даже не думая о том, вытащил письмо Верин из своего кармана. Все еще запечатанное письмо выглядело изношенным и грязным, но он не открыл его. Сопротивляться этому внезапному порыву было так же трудно, как, казалось, ничему, с чем ему приходилось сталкиваться.

- Сейчас здесь заметен некоторый беспорядок, - раздался женский голос.

Мэт взглянул и увидел подходящую к нему Сеталль. Она носила коричневое платье, вырез которого открывал верх её внушительной груди. Не то, чтобы Мэт заглядывался на неё.

- Тебе нравится моё логово? - спросил Мэт. Он отложил конверт в сторону, затем сунул последнее из сообщений

соглядатаев в кучу, неподалеку от ряда эскизов новых арбалетов, сделанных им на основе тех, что купил Талманес. Бумаги угрожало сдуть прочь. Поскольку у него не было никакого камня для этой пачки, он стянул один из своих сапогов и водрузил его наверх.

"Твой кабинет?" спросила Сетталь, забавляясь.

"Конечно," сказал Мэт, почесывая ногу в чулке. "Вы должны сообщить моему управляющему, если хотите войти."

"Твоему управляющему?"

"Пень прямо там," сказал Мэт, кивая головой. "Не маленький, а большой с мхом, растущим на вершине."

Она приподняла бровь.

- Он в самом деле хорош, - сказал Мэт. - Вряд ли когда-нибудь позволит пройти тому, кого я не хочу видеть.

- Ты - странное создание, Мэтрим Коутон, - сказала Сеталль, усаживаясь на больший пень. Её платье, с приподнятой по моде Эбу Дар юбкой, открывало нижние юбки, достаточно красочные, чтобы испугать Лудильщика.

"Ты хочешь что-то конкретное?", спросил Мэт. "Или ты просто зашла, чтобы посидеть на голове моего управляющего?"

"Я слышала, что ты сегодня снова посетил дворец. Это правда, что ты знаешь Королеву?"

Мэт пожал плечами. "Илэйн довольно милая девушка. Симпатичная, это точно."

"Ты больше не удивишь меня, Мэтрим Коутон," отметила Сетталь. "Я поняла, что вещи, которые ты говоришь, часто для этого и предназначены."

Разве? "Я говорю то, что думаю, госпожа Анан. Почему для вас так важно, знаю ли я Королеву?"

"Просто еще одна загадка, которую представляешь из себя," сказала Сетталь. "Я сегодня получила письмо от Джолин."

"Что она от тебя хочет?"

"Она ни о чем не спрашивала. Она просто хотела отправить весть о том, что они благополучно прибыли в Тар Валон."

"Ты должно быть неправильно прочитала."

Сетталь одарила его возмущенным взглядом. "Джолин Седай уважает тебя, Мастер Коутон. Она часто говорила о тебе, и о способе, которым ты спас не только ее, но и еще двоих. Она спрашивала о тебе в письме."

Мэт моргнул. "Правда? Она говорила это?"

Сетталь кивнула.

- Чтоб мне сгореть, мне почти стыдно, за то, что покрасил ей рот синим. Но кто бы мог подумать, что она так думала обо мне при таком обращении со мной.

- Если говорить такое мужчине, то это раздувает его самомнение. Многие решили бы, что уже того, как она обращалась с тобой было бы достаточно.

"Она Айз Седай", пробормотал Мэт. "Она относится к каждому как к грязи, которую надо соскоблить с сапог."

Сетталь глянула на него. Это у неё получалось величественно, одновременно как у бабушки, придворной дамы и строгой хозяйки гостиницы.

"Прости," сказал он. "Некоторве Айз Седай не так плохи, как другие. Я не хотел оскорбить тебя."

"Я буду считать, что это комплимент," сказала Сетталь. "Хотя я не Айз Седай."

Мэт пожал плечами, найдя хороший маленький камень у ног. Он использовал его, чтобы заменить свой сапог на куче бумаги. Дожди нескольких прошедших дней закончились, оставив приятную свежесть воздуху.

- Я помню твои слова, что это не принесло вреда, - сказал Мэт, - но... на что это похоже? Чего ты лишилась?

Она поджала губы. Какая самая восхитительная пища,которая тебе нравится? Блюдо, которое ты можешь есть больше остального?

- Сладкие мамины пироги, - сразу же сказал Мэт.

- Что ж, это похоже, - сказала Сеталль, - Знать, что раньше ты всегда мог наслаждаться теми пирогами каждый день, но сейчас тебе отказано в них. Твои друзья, они могут получить столько этих пирогов, сколько захотят. Ты завидуешь им, и тебе больно, но в то же время ты счастлив. По крайней мере, кто-то может наслаждаться тем, что тебе недоступно.

Мэт медленно кивнул.

"Почему ты так ненавидишь Айз Седай, мастер Коутон?" - спросила Сеталь.

- Я не испытываю к ним ненависти, - сказал Мэт, - Чтоб мне сгореть, это не так. Но иногда мужчина, кажется, не может сделать и двух дел без женщины, желающей, чтобы он делал одно из них иначе и совсем оставил другое.

- Ты не обязан следовать их советам, и уверяю - по большей части ты в конце-концов признаешь, что это - хороший совет.

Мэт пожал плечами.

- Иногда человеку нравится поступать так, как он хочет, без кого-то, говорящего, что это неправильно и что-то не так в нем самом. И все.

"А это не имеет никакого отношения к твоему... специфическому представлению о дворянах? В конце концов, большинство Айз Седай действует, словно они были знатью ."

"Я не имею ничего против дворян," - сказал Мэт, поправляя одежду. "Я только не представляю себя одним из них."

"Тогда почему?"

Мэт замер на мгновение. Почему? Наконец, он посмотрел вниз, на ногу, на которой он менял ботинок. "Это - сапоги."

"Сапоги?" - Сеталь выглядела запутанной.

"Сапоги", - сказал Мэт наклонившись и завязывая шнурки. Всё это подобно сапогам."

"Но..."

"Видишь ли," сказал Мэт, туго затягивая шнурки, "многие люди могут не волноваться о том, какие сапоги они надевают. Они - самый бедные из народа. Если ты спрашиваешь одного из них: "Какую обувь ты собираешься носить сегодня, приятель?" - их ответ прост. "Ну, Мэт. У меня есть только одна пара, так что, думаю, надену её."

Мэт смутился. "Или, я полагаю,тебе они бы так не сказали, Сеталь, поскольку ты - не я, и все. Они не назвали бы тебя Мэтом, понимаешь."

"Я понимаю," - сказала она с иронией.

"Так или иначе, для людей, у которых есть чуток монет, вопрос какие сапоги надеть становится сложнее. Видишь ли, обычный человек, такой как я...." Он следил за нею. "А я - обычный человек, заметь."

"Конечно."

"Проклятье, я прав" - сказал Мэт, заканчивая возится со шнурками и усаживаясь. "Средний человек должен иметь три пары сапог. На третьем месте у тебя пара сапог, которую ты носишь, когда работаешь над чем-то неприятным. Они могут натереть ноги после нескольких шагов, и у них может быть несколько дырок, но они достаточно хороши, чтобы сохранить твои ноги. Ты не боишься испачкать их в поле или в сарае."

"Хорошо", - сказал Сеталь.

"Затем у тебя есть вторая лучшая пара сапог," сказал Мэт. "Те, которые надеваешь каждый день. Ты носишь их, если идешь на обед к соседям. Или, в моем случае, ты носишь те, в которых собираешься драться. Это прекрасные сапоги, дают тебе хорошую опору, и ты не против быть в них на виду или где-либо ещё."

"А твоя лучшая пара сапог?" - спросила Сеталь . "Ты надеваешь их на неофициальные встречи, такие как игра в мяч или обед с местным сановником?"

"Мячи? Сановники? Проклятый пепел, женщина. Я думал, что ты была владелицей гостиницы."

Сеталь слегка покраснела.

Мы не идем играть ни в какие мячи", - сказал Мэт. "Но если

бы мы и захотели бы, я подозреваю, что мы носили бы нашу вторую пару сапог. Если они достаточно хороши для того, чтобы посетить старую леди Хембрю по соседству, то они, проклятье, достаточно хороши для того, чтобы наступить на пальцы ног любой женщины, достаточно глупой, чтобы танцевать с нами."

"Тогда для чего нужны самые лучшие сапоги?"

"Ходить", - сказал Мэт. "Любой фермер знает ценность хороших сапог, когда ты отправляешься в дальний путь."

Сеталь выглядела задумчивой. "Хорошо. Но какое это имеет отношение к тому, чтобы быть дворянином?"

"Прямое", - сказал Мэт. "Ты разве не видишь? Если ты - обычный человек, то всегда знаешь, когда использовать свои сапоги. Человек может отследить три пары сапог. Жизнь проста, когда у тебя есть три пары сапог. Но дворяне... Талманес утверждает, что у него есть сорок пар различных сапог дома. Сорок пар, ты можешь вообразить это?"

Она улыбнулась, развлекаясь.

"Сорок пар," - повторил Мэт, качая головой. "Сорок проклятых пар. И все они представляют из себя разные виды сапог. Есть пара для каждого варианта одежды, и дюжина пар в различных стилях, которые будут подходить половине возможных вариантов одеяний. У тебя есть сапоги для королей, сапоги для высоких лордов и сапоги для нормальных людей. У тебя есть сапоги для зимы и для лета, сапоги для дождливых и для сухих дней. У тебя есть проклятая обувь, которую ты носишь, только когда идешь в купальню. Лопин имел обыкновение жаловаться, что у меня не было пары, чтобы ходить в уборную ночью!"

"Я вижу... Таким образом, ты используешь сапоги в качестве метафоры для обозначения бремени ответственности и решений, возложенных на аристократию, поскольку они предполагают руководство комплексом политических и социальных положений."

"Метафора для...." Мэт нахмурился. "Кровавый пепел, женщина. Это не метафора для чего-либо! Это - просто сапоги"

Сеталь покачала головой. "Ты нетипично мыслишь, Мэтрим Коутон.

- Стараюсь из всех сил, заметил он, протягивая руку к кувшину с подогретым сидром. - В смысле, не поступать шаблонно. Он налил кубок, поднял и протянул ей. Она приняла его с благодарностью и выпила, затем встала. - Засим, оставляю вас наедине с вашими забавами, Мастер Коутон. Но если вы продвинулись в вопросе с вратами для меня...

- Илэйн сказала, что сделает вам вскоре. Через день или два. Когда я вернусь с дела, на которое отправляюсь с Томом и

Ноалом, я прослежу, чтобы всё было сделано.

Она понимающе кивнула. Если он не вернется с этого "задания", она позаботится об Олвере. Она повернулась к выходу. Мэт ждал, пока она не выйдет, прежде чем отхлебнуть сидра прямо из кувшина. Он делал это каждый вечер, но полагал, что ей лучше не знать об этом. Это было из тех вещей, о которых женщинам лучше не думать.

Он вернулся к докладам, но вскоре его мысли унеслись к Башне Генджей, к этим треклятым змеям и лисичкам. Сказанное Бергитте было весьма познавательным, но не очень обнадеживающим. Два месяца? Два треклятых месяца, потраченных на блуждание в коридорах? Этот факт смердел как помои. Кроме того, она брала огонь, музыку и железо. Нарушить правила было не такой уж оригинальной идеей.

Он не был удивлен. Вероятно, когда Свет создал первого человека, этот человек создал первое правило, чтобы кто-то другой нарушил его. Люди типа Илейн создавали правила, чтобы следовать им. Люди вроде Мэта искали способ обойти глупые правила.

К несчастью, Бергитте - одна из легендарных героев Рога - не смогла одолеть Элфин и Илфин. Это приводило в замешательство.

Но ничего. У Мэта было то, чего не было у нее. Его удача. Он сидел, раздумывая, откинувшись на спинку стула. Один из его солдал прошел мимо. Клинток отдал честь, Отряд Красной Руки проверял Мэта каждые полчаса. Они до сих пор переживали позор от проникновения голама в лагерь.

Он снова взял письмо Верин, ощущая его пальцами. Замятые уголки, пятна грязи на когда-то белой бумаге. Он постучал им по дереву.

Потом бросил назад на стол. Нет. Он не собирается его открывать, даже когда вернется назад. Именно так. Он никогда не будет знать, что в нем было. Кровь, ему совершенно все равно.

Он встал и вышел на поиски Тома и Ноэля. Завтра они отправятся в Башню Генджей.

Глава 53

Врата

Певара помалкивала, когда вместе с Джавиндрой и Мазримом Таимом шла через деревню Черной Башни. Вокруг кипела бурная деятельность. В Черной Башне всегда наблюдалась активность. Поблизости Солдаты валили деревья, Посвященные обдирали кору и резали бревна на доски направленными потоками Воздуха. Похолодев, Певара поняла, что штабель неподалеку был сложен из досок, напиленных, вероятно, Ашаманами.

Свет! Она знала, что найдет здесь. Оказалось намного тяжелее увидеть все воочию, хоть она и предполагала, что так и будет.

- И вы видите, - сказал Таим, держа одну руку, сжатую в кулак, за спиной. Другой рукой он указал на удаленную, частично завершенную стену из черного камня. - Охранные посты расположены с интервалом пятьдесят футов. Каждый с двумя Ашаманами. - Он удовлетворенно улыбнулся. - Это место будет неприступно.

- Да, действительно, - сказала Джавиндра. - Впечатляет. - Ее тон был ровным и не выразительным. - Но по поводу темы, на которую я хотела бы с вами поговорить. Если бы мы могли выбрать мужчин со значком Дракона...

- Опять? - сказал Таим. Огонек блеснул в его глазах, этого Мазрима Таима. Высокий, черноволосый мужчина с высокими скулами Салдейца. Он улыбнулся. Или точнее, принял такое выражение лица - полуулыбка, не коснувшаяся его глаз. Выглядело... хищно. - Я сделал свое заявление. Но вы все же продолжаете давить. Нет. Только Солдаты и Посвященные.

- Как скажете, - сказала Джавиндра. - Мы продолжим наше обсуждение.

- Недели прошли, - ответил Таим, - а вы все еще обсуждаете? Ну, мне как то далеко до вопросов Айз Седай. Меня волнуют не ваши действия. Но женщины за моими воротами утверждают, что тоже прибыли из Белой Башни. Не желаете ли, чтобы я пригласил их внутрь для встречи с вами?

Певара почувствовала холод. Казалось, он всегда знает слишком много и намекнул, что знал очень много, о внутренней политике Белой Башни.

- В этом нет необходимости, - холодно произнесла

Джавиндра.

- Как пожелаете, - сказал он. - Скоро вы должны сделать свой выбор. Они становятся нетерпеливыми и алТор дал им разрешение связать моих мужчин. Они не будут терпеть мои отклонения вечно.

- Они мятежники. Вы вообще не должны обращать на них внимание.

- Мятежники, - сказал Таим, - с намного большими силами, чем вы. Что у вас? Шесть женщин? Послушать, как вы говорите, так создается впечатление, что вы намереваетесь связать всю Черную Башню целиком!

- Возможно, мы могли бы. - спокойно проговорила Певара. - Для нас не было установлено никаких ограничений.

Таим взглянул на нее и появилось отчетливое ощущение, как будто ее разглядывал волк, обдумывающий, хорошее ли блюдо она приготовила. Она отодвинула это чувство в сторону. Она Айз Седай, а не легкая добыча. Однако, она ничего не могла поделать с напоминанием, что их было только шестеро. Внутри лагеря, наполненного сотнями способных направлять мужчин.

- Однажды я видел, как баклан умер в городских доках Иллиана. - сказал Таим. - Птица задохнулась, пытаясь проглотить сразу две рыбины.

- Вы помогли несчастной? - спросила Джавиндра.

- Дураки всегда будут душить себя, когда ухватят слишком много, Айз Седай, - сказал Таим. - Какое мне до этого дело? У меня была отличная еда той ночью. Мясо птицы, и рыбы. Я должен идти. Но имейте в виду, теперь, когда у меня есть защитный периметр, вы должны меня предупредить, если захотите выйти наружу.

- Вы хотите строго контролировать входы и выходы? - спросила Певара.

- Мир становится опасным, - ровно произнес Таим. - Я должен подумать о нуждах своих людей.

Певара отметила, что он понимал под "нуждами" своих людей. Группа молодых солдат прошла мимо, приветствуя Таима. Двое имели видимые ушибы, у одного заплыл глаз. Ашаманы были жестоко избиты за допущенные ошибки в обучении, и Исцелять их было запрещено.

Айз Седай никто не трогал. Фактически, уважение, которое они показывали, граничило с осмеянием.

Таим кивнул, затем надменно удалился, встречая двоих его Ашаманов, ждавших поблизости, около кузницы. Они тот час зашептались.

- Не нравится мне это, - сказала Певара, как только мужчины

удалились. Возможно, она сказала это слишком быстро, выдавая свои тревоги, но это место доводило ее до грани. - Это легко может обернуться бедой. Я начинаю думать, что мы должны следовать первоначальному плану - связать каждой по несколько Посвященных и вернуться в Белую Башню. В нашу задачу никогда не входила цель связать всю Черную Башню, а получить доступ к Ашаманам и побольше узнать о них.

- Этим мы и занимаемся, - сказала Джавиндра. - Я старалась изучить побольше все эти последние несколько недель. А ты что делала?

Певара не поддержала тон другой женщины. Должна ли она быть настолько несговорчивой? Певара получила руководство над группой, и другие подчинятся ей. Но это не означало, что они всегда будут рады такому положению дел.

"Это было интересной возможностью," Джавиндра продолжала, осматривая земли Башни. "И я думаю, что он уступит в конечном счете по поводу полных Аша`ман".

Певара нахмурилась. Джавиндра ведь не могла и в самом деле так думать, не так ли? Несмотря на то, каким непреклонным был Таим? Да, Певара уступила предложениям о том, чтобы остаться в Черной Башне немного дольше, чтобы изучить ее деятельность и попросить Таима дать им доступ к более сильным Аша'манам, Но теперь было очевидно, что он не уступит. Несомненно, Джавиндра это понимала.

К сожалению, в последнее время у Певары были большие трудности с тем, чтобы понимать мотивы Джавиндры. Изначально, женщина, казалось, была против прихода в Черную Башню, и согласилась на миссию только потому, что это приказала Высшая. Но вот теперь она предлагала причины, чтобы остаться здесь.

"Джавиндра", сказала Певара, подходя ближе. "Ты слышала, что он сказал. Теперь нам нужно будет разрешение, чтобы выйти. Это место превращается в клетку."

"Я думаю мы в безопасности," сказала Джавиндра, махнув рукой. "Он не знает, что у нас есть врата."

"Насколько нам известно", сказала Певара.

"Если ты прикажешь, я уверена, другие пойдут," ответила Джавиндра. "Но я намерена продолжить пользоваться возможностью учиться."

Певара глубоко вздохнула. Невыносимая женщина! Конечно, она не зашла так далеко, чтобы игнорировать лидерство Певары в группе? После того, как сама Высшая возложила на Певару ответственность? Свет, но Джавиндра становилась странной.

Они расстались без лишних слов, Певара повернулась и

пошла вниз по дороге. Она с трудом выдерживала ее характер. Ее последнее заявление было близко к прямому вызову. Ну, если она хотела ослушаться и остаться, так тому и быть.Настало время вернуться в Белую Башню.

Повсюду вокруг нее расхаживали мужчины в черных кафтанах. Многие кивали с этими слишком подобострастными ухмылками притворного уважения. Недели, проведенные Певарой здесь, так и не принесли ничего, чтобы почувствовать себя спокойней среди этих мужчин. Она могла сделать некоторых из них Стражами. Трех. Она может управиться с тремя, разве нет?

Эти темные выражения, как в глазах палачей, ждущих следующую шею в очереди перед ними. Некоторые бормотали себе под нос, или шарахались от теней, или хватались за голову и выглядели ошеломленными. Она была в самой настоящей западне с безумцами, и это заставляло ее кожу покрываться мурашками, словно по ней ползали гусеницы. Она не могла позволить себе ускорить шаг. Нет, подумала она. Я не могу оставить Джавиндру здесь, не попробовав еще раз. Певара могла объяснить другим, дать им приказ уйти. Потом она попросит их, Тарну в первую очередь, надавить на Джавиндру. Безусловно, их объединенные аргументы убедят ее.

Певара добралась до бараков, которые им выделили. Она нарочно не смотрела в сторону небольших зданий, которые связанные Айз Седай сделали своими домами. Она слышала, что делали некоторые из них, пытаясь контролировать своих Аша'манов, используя ... различные методы. Это тоже вызывало мурашки у нее на коже. Хотя некоторые Красные, как она думала, были слишком суровыми по мнению мужчин, то, что делали эти женщины переходило все границы беспечности.

Она вошла в свой барак и обнаружила там Тарну, которая сидела за столом и писала письмо. Айз Седай приходилось делить свои лачуги, и Певара специально выбрала Тарну. Певара могла быть поставлена во главе группы, но Тарна была Хранительницей Летописей. Принципы поведения в их особой экспедиции были очень тонкими, со столькими влиятельными участниками и столь же многими мнениями.

Прошлой ночью Тарна согласилась, что пришло время уйти. И она поможет Певаре убедить Джавиндру уйти.

"Таим заблокировал Черную Башню," спокойно сказала Певара, сидя на своей кровати в маленькой круглой комнате. "Теперь нам нужно его разрешение, чтобы уехать. Он сказал это небрежно, как будто это не означало, что может на самом деле задержать нас. Просто правило, как будто он просто забыл сделать для нас исключение."

"Скорее всего, именно так это и было," сказала Тарна. "Я уверена, что нет никакого подвоха."

Певара затихла. Что? Она попробовала еще раз. "Джавиндра все еще абсурдно полагает, что он передумает и позволит нам связать узами полных Аша'манов. Настало время связать Посвященных и уйти, но она намекнула, что останется в не зависимости от моих намерений. Я хочу, чтобы ты поговорила с ней."

"Вообще-то," сказала Тарна, продолжая писать, "Я думала о том, что мы обсуждали прошлой ночью. Возможно я поспешила. Тут есть много того, что нужно изучить, и еще остается вопрос с мятежницами снаружи. Если мы уйдем они свяжут узами Аша'манов, этого не должно случится."

Женщина посмотрела вверх, и Певара замерла. Было что-то иное в ее глазах, что-то ледяное. Она всегда была отстраненной, но это было хуже.

Тарна улыбнулась с гримасой, совершенно неестественно выглядевшей на ее лице. Как улыбка на губах у трупа. Она вернулась к письму.

Что-то очень, очень неправильное здесь, подумала Певара. "Ну, может быть ты и права," она поняла, что произнесла это. Ее рот говорил, но разум был скручен в узел. "В конце концов, эта экспедиция была твоим предложением. Я подумаю о том, что делать дальше. С твоего позволения."

Тарна неопределенно махнула. Певара стояла, и годы проведенные ею в качестве Айз Седай не позволили внутреннему беспокойству отразится на ее позе. Она вышла на улицу, и пошла в восточном направлении, вдоль недостроенной стены. Да, теперь на постах была регулярная охрана. Еще сегодня утром, они не были укомплектованы. Теперь в них находились мужчины, которые могли направлять. Один из этих мужчин мог атаковать ее и убить, прежде чем она сможет ответить. Она не могла увидеть их плетений, и не могла атаковать первой из-за Клятв.

Она повернулась и пошла к небольшому участку с деревьями, это место должно было стать садом. Внутри она села на пень, и глубоко вздохнула. Холодность - почти безжизненность - которую она увидела в глазах Тарны, все еще заставляла ее леденеть.

Высшая приказала Певаре не рисковать использовать врата, кроме как в тяжелой ситуации. Эта ситуация казалась ей тяжелой. Она обняла Источник и сплела нужное плетение.

Плетение распалось в момент когда она закончила его. Врата не сформировались. Широко раскрыв глаза, она попыталась снова, но с тем же результатом. Она сплела другие плетения, они работали, но сплести врата не удавалось каждый раз.

Холод в груди заставил ее заледенеть. Она оказалась в ловушке.

Все они оказались.

Перрин пожал руку Мэту. "Удачи, друг."

Мэт усмехнулся, потянув за широкие поля своей темной шляпы.

- Удача? Надеюсь, что все сведется к удаче. Удача всегда на моей стороне.

Мэт нес большой мешок на плече, также, как и костлявый, сутулый человек, которого Мэт представил Ноэлом. У Тома за спиной была арфа и похожий мешок. Перрину все еще не было ясно, что они принесли. Мэт запланировал провести в башне всего пару дней, поэтому не было нужды в таком количестве поклажи.

Небольшая группа стояла на площадке для Перемещений за пределами лагеря Перрина. Позади них люди Перрина кричали и носились взад и вперед, собирая лагерь. Никто не подозревал о том, сколь важное мог подтвердить этот день. Морейн. Морейн была жива. Свет, пусть будет так.

- Вы уверены, что я не смогу убедить вас принять помощь? - спросил Перрин.

Мэт кивнул.

- Извини. Эти вещи... ну, они имеют склонность быть исключительными. В записке ясно сказано.Только трое из нас могут войти, иначе мы потерпим неудачу. Если мы терпим неудачу так или иначе... короче, я считаю, что это будет наша собственная проклятая ошибка, не так ли?

Перрин нахмурился.

- Просто берегите себя. Я рассчитываю на еще одну порцию из твоего кисета с табаком в местечке мастера Дензела, когда вы вернетесь.

- Ты получишь ее, - сказал Том, пожимая протянутую руку Перрина. Он, улыбаясь, помедлил с легким блеском в глазах.

- Что? - спросил Перрин.

Том переместил свой мешок.

- Неужто все до последнего фермерские мальчишки, которых я знаю, превратятся в дворян к тому времени, как это закончится?

- Я не дворянин, - сказал Мэт.

- Да? - спросил Том. - Всего лишь Принц Воронов?

Мэт натянул шляпу поглубже. - Люди могут называть меня, как они хотят. Но это не значит, что я один из этих.

- На самом деле, - сказал Том, - Это...

- Открывайте Врата, пора дело делать, - прервал его Мэт. - Хватит глупостей.

Перрин кивнул Грейди. Воздух разрезал крутящийся луч света, открывающий врата, которые вели на берег широкой, медленной реки.

- Это настолько близко, насколько возможно, сказал Перрин. - По крайней мере, по описанию этого места.

- Сделаешь еще, - сказал Мэт, кивнув головой на врата. - Ты откроешь для нас, чтобы мы могли вернуться?

- Каждый день в полдень, - ответил Грейди, повторяя приказ Перрина.

- В том же месте. - Он улыбнулся. - Не отрежьте свои пальчики, когда они появятся, мастер Коутон.

- Сделаю лучшее, на что способен - ответил Мэт - Я привязан к этим пальцам. - Он вздохнул и ступил через врата. За ним последовал спокойный Ноал , пахнущий решимостью. О был намного более жестким, чем выглядел. Том кивнул Перрину, взмахнув усами, и прыгнул через врата. Все такой же проворный, несмотря на боль в ноге от раны, которую подарил ему Исчезающий два года назад.

Да направит вас Свет, благословил их Перрин, махнув рукой, когда они побрели по берегу реки.

Морейн. Перрин должен послать известие Ранду. Цветная круговерть появилась снова, показывая Ранда, говорящего с группой Порубежников. Но... нет. Перрин не мог сказать Ранду, пока он не был до конца уверен, что она жива. Сделать иначе было бы слишком жестоко, и это спровоцирует Ранда вмешаться в миссию Мэта.

Перрин отвернулся от закрывающихся врат. Когда он пошел, он почувствовал слабые пульсации в ноге, там где стрела Губителя ударила его. Он был Исцелен от той раны, и из того, что он мог сказать, Исцеление было полным. Там не было даже ушиба. Но его нога... было такое чувство, что она могла помнить рану так или иначе. Это походило на тень, очень слабую, почти неприметную.

Фэйли с удивленным лицом подошла к нему. С ней был Гаул, и Перрин улыбнулся тому, как он поглядывал через плечо на Байн и Чиад. Одна несла его копья, другая - лук. Так, чтобы он сам не должен был, видимо.

- Я пропустила проводы? - спросила Фэйли.

- Как и намеревалась, - ответил Перрин.

Она фыркнула.

- Мэтрим Коутон оказывает дурное влияние. Я удивлена, что он не затащил тебя в таверну перед отбытием.

Забавно, появилась цветная круговерть, показывая ему Мэта — который только что ушел — бредущего по берегу реки.

- Он не так плох, как о нем говорят, - сказал Перрин - Мы готовы?

- Аравин всех организовала и привела в движение, - ответила Фэйли. - Мы должны быть готовы к маршу в течение часа.

Прогноз оказался неплохим. Приблизительно через полчаса Перрин стоял наблюдая как огромные врата раскололи воздух, созданные Грэйди и Неалдом, соединенными с Айз Седай и Эдарой. Никто не подверг сомнению решение Перрина переместиться. Если Ранд ехал в место, известное как поле Меррилор, то это было то место, куда стремился Перрин. Это было место, где он должен был быть.

Земля за вратами была более иссеченная, чем в южном Андоре. Меньше деревьев, больше степной травы. Вдалеке лежали какие-то руины. Поле перед ними, насколько позволяли видеть врата, было заполненно палатками, флагами, и военными лагерями. Выглядело, словно собралась вся коалиция Эгвейн.

Грейди посмотрел и тихонько свистнул. - Сколько здесь народу?

- Там - Полумесяцы Тира," отметил Перрин, указывая на флаги. "А это - Иллиан. Расположился лагерем на противоположной стороне поля." Зеленые флаги с девятью золотыми пчелами обозначали их армию.

- Очень много Благородных домов Кайриена, -заметила Фэйли приподнявшись. - Много Айил... И нет флагов Порубежников.

- Никогда не видел столько войск в одном месте, - сказал Грэйди.

Это действительно происходит, подумал Перрин, его сердце заколотилось. Последняя битва.

- Как ты думаешь, их будет достаточно, чтобы остановить Ранда? - спросила Фэйли. - Чтобы помочь нам отговорить его ломать печати?

- Помочь нам? - спросил Перрин.

- Ты сказал Илэйн, что пойдешь на поле Меррилор, - сказал Фэйли - Потому что Эгвейн просила об этом.

- О, я сказал ей, что должен быть там, - ответил Перрин. - Но и речи не было, что я встану на стороне Эгвейн. Я верю Ранду, Фэйли, и мне кажется правильным, что он должен сломать печати. Это походит на создание меча. Нет смысла восстанавливать его из кусочков сломанного и негодного оружия. Ты берешь хорошую сталь и делаешь новый. Вместо того, чтобы исправлять старые печати, он должен сделать новые.

- Возможно, - сказала Фэйли. - Но это слишком тонкая грань, чтобы двигаться дальше. Слишком много армий в одном месте.

Одни на стороне Ранда, а другие с Белой Башней...

Никто не выиграет, если они повернут друг против друга. Ну, Перрин, собирался убедиться, что этого не произойдет.

Его солдаты встали в строй и приготовились к маршу. Перрин повернулся к ним.

- Ранд поручил нам искать врага, - взревел он. - Мы вернемся к нему, найдя союзников. Вперед, на последнюю битву!

Только те, кто был впереди, могли услышать его, но они приветствовали и передавали дальше его речь. Ранд или Илэйн произнесли бы намного более вдохновляющую речь. Но Перрин не был ими. Он делал вещи по-своему.

- Аравин, - позвал Перрин пухленькую Амадийку. - Ступай через врата и убедись, что никто не подерется из-за места для лагеря.

- Да, Лорд Златоокий.

- Держи пока нас отдельно от других армий, - уточнил Перрин. - Возьми Сулин и Гаула, они помогут выбрать хорошее место. Передай мое слово каждой армии, когда мы разместимся. Мы не должны взаимодействовать или провоцировать конфликт с другими армиями. И не позволяй разбредаться, особенно на юг! Мы больше не в дикой местности, и я не хочу видеть местных фермеров, жалующихся на причиненный ущерб.

- Да, Милорд, - ответила она.

Он никогда не спрашивал Аравин, почему она не присоединилась к одной из групп, которые отослали назад в Амадицию. Скорее всего, из-за Шончан. Она, очевидно, была благородной, но не рассказывала много о своем прошлом. Перрин был рад, что она была у него. Как адъютант, она была его связью с различными фракциями, которые составляли его армию.

Волчья Гвардия вытянула первый жребий, так что врата они минуют раньше всех. Большая колонна пришла в движение. Перрин шел вдоль строя, отдавая приказы, главным образом повторяя, что он не хотел проблем с местными жителями или другими армиями. Он остановился, когда встретил Белоплащников, ждущих очереди. Берелейн снова ехала рядом с Галадом; они казались полностью поглощенными беседой. Свет, но женщина за последние дни провела почти каждый час бодрствования вместе с Галадом.

Перрин не объединял Белоплащников и армию Майена, и все же они, казалось, каким-то образом закончили именно этим. Когда они пришли в движение, Белоплащники Галада ехали совершенным строем, по четыре в ряд, в своих белых накидках с гербом из расходящихся солнечных лучей. Перрин еще испытывал беспокойство, сродни панике, когда видел их, но они доставили

на удивление мало беспокойства со времени суда.

Майенская Крылатая Гвардия ехала вдоль другой стороны, Галлене прямо позади Берелейн, их копья были высоко подняты. Красные вымпелы следовали за копьями, нагрудники и шлемы были начищены до блеска. Казалось, они были готовы к параду. Может быть, так и было. Если вы собираетесь ехать на Последнюю Битву, вы сделаете это с высоко поднятым копьем и начищенной броней.

Перрин прошествовал дальше. Следующей была армия Аллиандре, тяжелая конница ехала плотным строем, по восемь человек в ряд во главе с Аргандой. Он отдал приказ, когда увидел Перрина, и змеившаяся колонна солдат развернулась и приветствовала его.

Перрин возвратил им приветствие. Он спрашивал Аллиандре, и она пояснила, как следует отвечать на воинское приветствие. Она ехала рядом с Аргандой в дамском седле, в тонком платье темно-бордового цвета с золотой отделкой. Непрактичный комплект для езды, но они не будут находится в седле очень долго. Триста шагов - и так много лиг.

Он видел ее удовлетворение, когда приветствовал солдат. Она была рада видеть, что он вступает в роль лидера коалиции. На самом деле, многие в лагере отреагировали так же. Возможно, прежде, они были в состоянии ощутить, как он противился руководить ими. Как люди замечали это, если не чуяли запах эмоций?

- Лорд Перрин, - промолвила Аллиандре, проезжая мимо него. Она склонилась в поклоне тем образом, который был равносилен реверансу верхом. - Разве ты не должен ехать верхом?

"Мне нравятся мои ноги", ответил Перрин.

- Когда командующий едет верхом, то выглядит более внушительным.

- Я решил возглавить эту компанию, Аллиандре, - сердито сказал Перрин, - но я буду делать это по-своему. Что означает пешую прогулку, когда я пожелаю. - Они собирались пройти всего-навсего несколько футов сквозь врата. Его ноги достаточно хорошо послужат ему для этого.

- Конечно, Милорд.

- Как только мы обустроимся, я хочу, чтобы ты отправила нескольких людей обратно в Джеханнах. Выясните, можно ли кого еще завербовать, заберите всю городскую стражу, какая у вас есть. Приведите их сюда. Нам понадобится каждый, кого сможем заполучить, и я хочу обучить их как возможно больше, прежде, чем разразится война.

- Очень хорошо, Милорд.

- Я уже послал людей в Майен, - сказал Перрин, - и Тэм собирает каждого, кого сможет найти в Двуречье.

Свет! Как хотел он оставить людей на своих фермах мирно жить, когда буря бушует в другом месте. Но это и в самом деле конец. Он чувствовал это. Проиграем эту битву, и потеряем все. Мир. Сам Узор. Столкнувшись с этим, он не отказался бы выставить на поле и мальчишек, которые едва могли махать мечом, и стариков, которые с трудом передвигаются. От одной только мысли об этом крутило его живот, но это была правда.

Он продолжил свой путь вдоль строя и отдал еще несколько приказов другим отрядам. Когда он заканчивал с последними, то заметил горстку двуреченцев, проходящих мимо. Один из них, Ази, держал Знамя с Волчьей головой. Джори Конгар потихоньку пятился. Он остановился, затем махнул остальным трем, прежде, чем подбежать рысью к Перрину. Что-то было не так?

"Лорд Перрин." Джори выпрямился, длинный и долговязый, как птица, стоящая на одной ноге. "Я..."

"Ну?" сказал Перрин. "Говори."

- Я хотел бы извиниться, - протараторил Джори.

- За что?

- За некоторые из вещей, которые я говорил, - сказал Джори, глядя в сторону. - Я имею в виду, некоторые глупые слова. Это было после вашей болезни, словом, когда вы были доставлены в палатку Первенствующей и... Ну, я-"

- Все в порядке, Джори, - сказал Перрин, - Я понимаю.

Джори поднял взгляд, улыбаясь.

- Здорово быть здесь, с вами, лорд Перрин. Истинное счастье. Мы последуем за вами в любое место, другие и я.

С этим Джори отсалютовал и убежал. Перрен почесал бороду, наблюдая за уходящим человеком. Джори был одним из доброй дюжины двуреченцев, которые подходили к Перрину за последние несколько дней, чтобы извиниться. Казалось, все из них чувствовали себя виноватыми за распространение слухов о Перрине и Берелейн, хотя никто не говорил это прямо.

Благослови Фейли за то, что она сделала.

Все увидели, как Перрин сделал глубокий вдох, затем подошел к колонне и шагнул через врата.

Поторопись, Ранд, подумал он, цвета расцвели у него перед глазами. Я могу чувствовать, что это начинается.

Мэт стоял с Томом справа и Ноэлом слева, глядя сквозь деревья на шпиль впереди. Тонкий, музыкальный поток бурлил позади них, приток недалекой Аринелле. Травянистая равнина простиралась за ними, а еще дальше сама великая река.

Разве он проходил этим путем раньше? Сейчас в его памяти

так много дыр. И тем не менее эту башню он помнил ясно, рассматривая ее сейчас издалека. Даже тьма Шадар Логота не смогла стереть ее из его памяти.

Башня словно была из чистого металла, который излучал твердый стальной блеск в покрытом облаками солнечном свете. Мэт чувствовал холод лезвия ножа между его плеч. Многие путешествующие вдоль реки считали башню памятником Эпохи Легенд. Для чего бы еще вы сделали стальную колонну,возвышающуюся над лесом, на вид необитаемым? Она была неестественной для этого места, так же как и крученые красные дверные проемы. Приходилось напрягать глаза, чтобы смотреть на них.

Лес ощущался здесь слишком неподвижным, тихий, за исключением звука шагов их троих. Ноал шел с длинным посохом, который был выше него. Где он его достал? Он был гладким, из промасленной на вид древесины, которая провела как посох больше времени, чем первоначально в виде дерева. Ноал также надел темно-синие - почти черные - штаны и рубашку, скроенную в странном, неизвестном стиле. Плечи были накрахмалены сильней, чем в тех фасонах, которые были знакомы Мэту, кафтан был длиннее, и почти полностью закрывал колени Ноэла. Он застегивался на пуговицы до талии, а затем свободно спадал на ноги. Действительно странно. Старик никогда не ответит на вопросы о своем прошлом.

Том выбрал свою одежду менестреля. Было приятно снова увидеть его таким, а не в вычурных одеждах придворного барда. Лоскутный плащ, простая рубашка, подвязанная спереди, плотно сидящие штаны, заправленные в сапоги. Когда Мэт спросил о его выборе одежды, Том пожал плечами, говоря: "Я чувствую, что должен носить это, когда увижу ее."

"Ее", означало Морейн. Но что же с ней сделали змеи и лисы? Это было так давно, но сожги его Свет, если он собирается дать им еще час. Он выбрал одежду цвета лесной зелени, и земляного коричневого, вместе с темно-коричневым плащом. Он нес рюкзак перекинутым через плечо, а ашандарей в руке. Он практиковался с новым железным противовесом на полигоне, и остался доволен.

Илфинн дали ему оружие. Ну если бы они осмелились встать между ним и Морейн, тогда увидели бы, что он может сделать с их подарком. Сожги его Свет, но они увидят.

Трое мужчин подошли к башне. В ней казалось нет ни одного места, в котором ее можно было бы открыть, на всей ее двухсотметровой высоте. Ни окна, ни шва, ни царапинки. Мэт посмотрел вверх, и почувствовал себя дезориентированным, как если бы он смотрел вдоль ее блестящей поверхности на далекое

серое небо. Неужели башня отражала так много света?

Он вздрогнул и повернулся к Тому. Мэт кивнул ему.

Помедлив краткий миг, Том плавным движением вытащил бронзовый нож из ножен на поясе и шагнул, направив кончик ножа на башню. Он решительно скользнул ножом, прочертив треугольник с ладонь шириной, верхушкой вниз. Металл царапал об металл, но не оставил никаких следов. Том закончил прочертив волнистую линию по центру, как каждый сделал бы в начале любой игры в Змей и Лисичек.

Все стояли молча. Мэт взглянул на Тома. "Ты точно все правильно сделал?"

"Я так думаю," сказал Том. "Но кто знает, что является "правильным"? Эта игра была пройдена..."

Он отбежал когда спереди башни появилась линия света. Мэт отскочил, выравнивая свое копье. Светящаяся линия образовала треугольник в соответствии с тем, который прочертил Том, а затем - быстро как взмах крыльев мотылька - сталь в центре треугольника исчезла.

Ноал взглянул на отверстие размером с ладонь. "Немного маловат, чтобы пройти." Он шагнул вперед и заглянул в него. "На другой стороне ничего, кроме темноты."

Том посмотрел на свой нож. "Представь, что треугольник на самом деле дверь. Это то, что ты рисуешь когда начинаешь игру. Должен ли я нарисовать побольше?"

"Полагаю да", сказал Мэт. "Если только Голам не научил тебя проходить через отверстия размером с кулак."

"Не обязательно быть таким противным", сказал Том, используя нож, чтобы прочертить другой треугольник вокруг первого, но достаточно большой чтобы через него пройти. Он закончил, прочертив волнистую линию.

Мэт считал. Потребовалось семь ударов сердца, чтобы появилась белая линия. Сталь исчезла, открыв треугольный коридор, ведущий в башню. Внутри похожий на твердую сталь.

"Сожги меня Свет," прошептал Ноэл. Коридор исчезал в темноте; солнечный свет казалось не решался войти туда, хотя это вероятно было просто каким-то трюком со светом.

"И таким образом мы начинаем игру, которая не может быть выиграна," сказал Том, вкладывая нож обратно в ножны.

"Крепись", шепнул Ноэл, шагая вперед и держа в руках фонарь с мерцающим пламенем. "Огонь, чтобы ослепить. Музыка, чтобы усыпить. Железо, чтобы связать."

"И Мэтрим Коутон", добавил Мэт. "Для, проклятье, увеличения наших шансов." Он шагнул через порог.

Вспыхнул свет, ослепительно белый. Он выругался, согнулся

и закрыв глаза, выставил ашандарей, в то, что он надеялся было угрожающим положением. Он моргнул и свет исчез. Он был в центре просторной комнаты, с треугольным отверстием, висящим в воздухе, верхушкой, обращенной к полу. Он был чисто черный, сделанный из скрученных шнуров, который в некоторых местах казался металлом, а в других древесиной.

Комната также была черной, имеющей форму неправильного четырехугольника. Струящийся белый пар шел из отверстий во всех четырех углах; этот туман светился белым светом. Четыре одинаковых коридора тянулись из комнаты, по одному в каждом направлении.

Комната была не совсем прямой. Каждая сторона немного отличалась длиной от другой, создавая впечатление, что углы точно не сойдутся. И еще этот пар! Он испускал серное зловоние, такое сильное, что ему захотелось дышать через рот. Стены цвета оникса не были каменными, они были из какого-то светоотражающего материала, как чешуя огромной рыбы. Пар собирался под потолком, испуская мягкий свет.

Вот проклятье! Это не походило на первое место, которое он посетил, с его закручивающимися кольцами и круглыми дверными проемами, но и не было как второе, со звездообразными комнатами и светящимися желтыми линиями! Где же он был? Во что он себя вовлек? Он нервно обернулся.

Том споткнулся об дверной проем, ошеломленно мигая глазами. Мэт уронил рюкзак, и поймал менестреля одной рукой. Ноэл прошел следующим. Костлявый мужчины удержался на ногах, но был очевидно ослеплен, он выставил фонарь вперед для защиты.

Они оба моргали, слезы текли из глаз Ноэла, но в конце концов они восстановили равновесие, и огляделись. Комната, как и коридоры, тянувшиеся во всех четырех направлениях, была пуста.

"Это не похоже на то, что ты описывал Мэт," сказал Том. Его голос отдавался слабым эхом, хотя звуки казались ужасно искаженными. Почти как шепот, отброшенный на них. Это заставило волосы на шее Мэта зашевелится.

"Я знаю," сказал Мэт, вытаскивая фонарь из рюкзака. "Это место не имеет смысла. По крайней мере истории с этим соглашаются. Здесь, Ноэл посвети мне."

Том вынул свой собственный фонарь, и зажег оба от фонаря Ноэла. У них были палочки Алудры, но Мэт хотел их сохранить. Он наполовину боялся, что пламя исчезнет и не зажжется больше. Но огни горели устойчиво и верно. Это радовало его немного.

"Так где же мы все таки?" спросил Том, прогуливаясь по

периметру черной комнаты.

"Их никогда нет, когда приходишь," сказал Мэт, держа фонарь и осматривая стену. Это были письмена высеченные в не-камне? Незнакомая рукопись была настолько тонкой и нежной, что он едва мог ее увидеть. "Но следите за собой. Они могут появится позади вас быстрее, чем владелец гостиницы, который услышал звон монет в твоем кошельке."

Ноэл проверил треугольное отверстие, через которое они пришли. "Ты предполагаешь, что мы сможем использовать это, чтобы возвратиться?" Это напоминало каменный тер'ангриал, через который он шагнул раньше. Только другой формы.

"Надеюсь", сказал Мэт.

"Может мы должны попробовать," сказал Ноэл.

Мэт кивнул ему. Он не хотел разделятся, но они должны узнать был ли это путь назад или нет. Ноэл выглядел решительным, он шагнул через проем. И исчез.

Мэт затаил дыхание в течение долгого момента, но старик не возвращался. Была ли это хитрость? Если этот проем поместили здесь чтобы....

Ноэл вернулся обратно в комнату, через отверстие. Том поставил свой фонарь на пол и бросился на помощь. Ноэл восстановился на сей раз быстрее, моргая после ослепления. "Проем запечатался, как только я вышел," объяснил он. "Мне пришлось начертить другой треугольник, чтобы возвратиться."

"По крайней мере мы теперь знаем, что у нас есть средство спасения," сказал Том.

Эти проклятые самонадеянные Элфинн или Илфинн не переместили это, подумал Мэт, вспоминая его предыдущее посещение, которое закончилось его повешением. В то время коридоры и комнаты загадочно перемещались, вопреки логике.

"Может посмотришь на это?" сказал Том.

Мэт опустил копье и обнаружил, что у Ноэла в руках короткий железный меч. Том указывал на свой фонарь который горел прерывисто, на полу куда он поставил его рядом со светящимся отверстием, выпускающем пар.

Белый пар отталкивался от огня, как будто уносимый ветром. Только никакой ветер никогда не заставил бы пар двигаться так не естественно.Он изогнулся вокруг огня в петлю. Том перест упил и поднял фонарь. Он поднес его к столбу пара, и он отклонился от своего пути. Том протаранил фонарем столб пара, но он раскололся, обходя пламя, и снова слился в один поток немного выше.

Том взглянул на других.

"Не спрашивайте меня," сказал Мэт, хмурясь. "Я говорил, что

это место не имеет смысла. Если это - самая странная вещь, которую мы здесь увидим, то я буду усами мурандийца. Пойдемте."

Мэт выбрал один из коридоров и пошел по нему. Двое других поспешили его догнать. Пар светился на потолке, купая черный коридор в молочном свете. Пол был сделан из соединенных треугольных плиток, которые, опять же, выглядели как неправильные весы. Коридор был широким и длинным, а другой конец далеким и темным.

"Подумать только", сказал Ноэл, поднимая фонарь, "все это скрыто в одной башне."

"Я сомневаюсь, что мы все еще в башне," сказал Мэт. Впереди, немного в стороне он мог видеть часть стены, своего рода окно. Хотя оно располагалось немного выше, чем обычное окно, и от этого казалось неестественным.

"Тогда где ... " Ноэл затих, когда они достигли окна, которое было несимметричным. Смотря в него, они могли увидеть неестественный пейзаж. Они были на высоте нескольких этажей, и снаружи, конечно, был не Андор.

Окно открывало вид на полог густой растительности, хотя она была слишком желтой. Мэт признал тонкие деревья с висячими зонтиками ветвей в верхней части, хотя до этого он видел их снизу. Деревья похожие на папоротник с их растущей веером листвой, были тоже знакомы, правда у этих были темные, почти черные плоды, висящие на них. Крупные плоды заставляли листву клонится.

"Милосердие Веялки", прошептал Ноэл фразу, которую Мэт никогда не слышал.

У Ноэла было основание удивляться; Мэт впервые понял глядя на лес, что перекрученная дверная рама перенесла его не просто в другое место, а вообще в другой мир.

Мэт посмотрел в сторону. Мог ли он увидеть три шпиля, которые отметил во время своего первого визита? Их, казалось, не было, хотя в этом месте каждое следующее окно, которое они минуют, может показать другой пейзаж. Они могли...

Он помедлил, затем резко глянул через окно. Он мог разобрать шпиль слева. И тогда он понял. Он был в одном из шпилей, которые видел на в отдалении во время своего первого визита.

Он подавил дрожь и отвернулся. По крайней мере он знал, что был в том же месте. Означает ли это, что миры Элфинн и Илфинн были одним и тем же? Он надеялся на это. Морейн упала через вторую перекрученную дверную раму, а это значит, что ее забрали Илфинн, лисы.

Они были теми, кто повесил Мэта; змеи по крайней мере просто выбросили его из своих владений, без каких либо полезных ответов. Внутри него осталось недовольство ими, но лисы... они отказались ответить на его вопросы, и дали ему вместо этого проклятые воспоминания!

Мэт с друзьями продолжил путь по коридору, их шаги отдавались эхом от пола. Скоро Мэт почувствовал, что за ним следят. Он чувствовал это прежде, в другие свои посещения. Он повернулся, и мельком увидел слабое движение вдалеке.

Он обернулся, готовый бросить фонарь и драться с ашандареем, но ничего не увидел. Двое других замерли, тревожно оглядываясь по сторонам. Мэт смущенно пошел дальше, хотя через некоторое время почувствовал, что Том сделал то же самое. Хотя Том зашел дальше, он кинул нож в затемненный участок стены.

Железное оружие звякнуло об поверхность. Приглушенный звон еще долгое время эхом гулял по коридору.

"Простите," сказал Том.

"Все нормально," ответил Мэт.

"Они наблюдают за нами, не так ли?" спросил Ноэл. Его приглушенный голос был немного нервным. Свет! Мэт чувствовал, что готов был выпрыгнуть из своей кожи, и убежать, оставив ее позади. По сравнению с этим Ноэл был спокойным.

"Я подозреваю, что так и есть," сказал Мэт.

В течении нескольких минут они достигли конца слишком длинного коридора. Здесь они вошли в комнату, полностью идентичную первой, правда там не было дверного проема в центре. Из нее вели четыре коридора, каждый из них исчезал в далекой темноте.

Они выбрали другое направление, запоминая путь, который избрали; невидимые глаза царапали их спины. Его шаги стали все более поспешными, когда они пересекали длинный коридор, и вошли в другую комнату. Она была в точности как предыдущая.

"В таком месте, как это легко потеряться," сказал Ноэл. Он открыл свой мешок и достал лист бумаги и угольный карандаш. Он начертил три точки на своей бумаге, затем соединил их линиями, обозначая коридоры и комнаты, которые они прошли. "Хорошая карта - это вопрос жизни. Хорошая карта может означать жизнь или смерть; в этом вы мне можете доверять"

Мэт обернулся, глядя на путь, которым они пришли. Частично, он хотел двигаться вперед, не оглядываясь, но нужно узнать.

- За мной, - сказал он, возвращаясь назад по пройденному пути.

Том и Ноал переглянулись, но поторопились нагнать его. Им потребовалось добрых пол часа, чтобы добраться назад в первую комнату, в которой должен был находиться проем. Но нашли ее пустой. Столбы пара поднимались по углам. Тоже самое, что и в других двух комнатах.

- Невозможно, - сказал Ноал. - Мы вернулись той же самой дорогой. Выход должен быть здесь.

В отдалении Мэт уловил слабый, еле слышимый смешок. Шипящий, опасный смех. Злобный.

Кожа Мэта похолодела. - Том, - сказал он, - ты когда нибудь слышал историю о Бергитте Серебряный Лук и ее посещении Башни Генджей?

- Бергитте? - переспросил Том, осматривая вместе с Ноалом пол. Казалось, они были убеждены, что проход был помещен в какую-нибудь скрытую лазейку. - Нет, не могу сказать, что слышал.

- А как на счет истории о женщине, попавшей в ловушку и в течение двух месяцев блуждавшей по лабиринтам коридоров внутри крепости?

- Два месяца? - сказал Том. - Вроде нет. Но есть история об Эльмиаре и Глазах Тени. Она провела сто дней, блуждая по лабиринту в поисках позабытого целебного источника Зунда, чтобы спасти любовь своей жизни.

Вероятно, это было то самое. История сохранилась, но претерпела изменения, также, как и многие другие.

- Она не выбралась, не так ли?

- Нет. Она умерла в конце. Ей оставалось всего два шага до фонтана, отделенного от нее стеной. Она могла слышать его журчание и это было последним, что она слышала перед тем, как умереть от жажды. Он поглядел тревожно, как будто был не уверен, что хочет разделить подобную участь в этом месте.

Мэт обеспокоенно покачал головой. Сожги его, он ненавидел этих лис. Должен быть путь...

Ты нарушил сделку, - сказал мягкий голос.

Мэт крутнулся, двое других выругались, становясь в стойку и беря оружие на изготовку. Позади них в проходе стояла фигура. Одно из существ, которые помнил Мэт, возможно, то же самое, что встретило его в прошлый раз. Короткие, ярко-рыжие волосы росли на бледной коже головы. Пара ушей, слегка заостренных кверху, плотно прилегала к голове. Фигура была гибкой и высокой, плечи непропорционально широки для талии, на груди надеты крест накрест ремни из бледной кожи (Мэт все еще не хотел думать, из чего они могли бы быть изготовлены) и снизу длинная черная юбка.

Его лицо было весьма отличительным. Большие, бледные, неестественные глаза с намеком на зрачки в центре. Узкие, угловатые челюсти. Как лиса. Один из Илфинн, хозяев этого мира.

Оно пришло поиграть с мышками.

- Нет никакой сделки, - сказал Мэт, пытаясь сдержать нервозность в голосе. - Мы можем, проклятье, принести что захотим.

- Отсутствие сделки опасно, - плавным голосом произнес Илфинн. - Для вас. К счастью, я могу отвести вас, куда пожелаете.

- Ну тогда, окажи услугу, - сказал Мэт.

- Оставьте ваше железо, - сказал Илфинн. - Ваши музыкальные инструменты. Ваш огонь.

- Никогда, - сказал Мэт.

Илфинн мигнул большими глазами. Медленно, осознанно. Затем, мягко вышагивая, двинулся вперед. Мэт поднял ашандарей, но Илфинн не делал явных угрожающих движений. Он скользил вокруг них, мягко разговаривая.

"Ну же", сказал он. "Неужели мы не можем поговорить вежливо? Вы пришли что-то искать на нашей территории. У нас есть власть предоставить то, что Вы желаете, в чем Вы нуждаетесь. Почему бы не проявить добрую волю? Оставьте позади свои принадлежности для огня. Только их, и я обещаю вести вас какое-то время."

Его голос был гипнотизирующим, успокаивающим. Это действительно имело смысл. Зачем им нужен огонь? Света от этого тумана было достаточно. Это...

"Том," сказал Мэт. "Музыка."

"Что?" спросил Том, немного покачиваясь.

"Сыграй что-нибудь. Неважно что."

Том достал флейту, и глаза Илфинн сузились. Том начал играть. Это была знакомая мелодия, "Ветер, который качает Ивы", Мэт хотел успокоить Илфинн, может быть усыпить его бдительность. Но знакомая мелодия казалось помогла рассеяться облакам тумана в голове Мэта.

"В этом нет нужды", сказал Илфинн, свирепо глядя на Тома.

"А вот и нет," сказал Мэт. "И мы не оставим наш проклятый огонь. Если ты не пообещаешь провести нас в центральный зал и отдать нам Морейн."

"Я не могу заключить эту сделку," сказало существо, продолжая ходить вокруг них. Мэт повернулся, чтобы следить за ним, никогда не становись к ним спиной. "Это не в моей власти."

"Приведи того, кто может."

"Невозможно," сказал Илфинн. "Выслушайте меня. Не нужно

огня. Я проведу вас половину пути до центрального зала, Комнаты Переговоров, вы должны оставить этот ужасный огонь. Он оскорбляет нас. Мы только хотим удовлетворить ваши желания."

Существо явно пыталось усыпить их снова, но его ритм не совпадал с игрой Тома. Мэт посмотрел на него, а потом начал петь, вместе с играющей флейтой. У него был не лучший голос, из тех, кого он знал, но и не самый ужасный. Илфин зевнул, потом опустился у стены и закрыл глаза. Спустя миг он уснул.

Том опустил флейту, выглядя впечатленным.

"Красиво сделано," прошептал Ноэл. "Я и понятия не имел, что владеешь Древним Наречием."

Мэт сомневался. Он даже не понял, что говорит на нем.

"Мое знание Древнего Наречия уже проржавело," сказал Ноэл потирая подбородок, "но я много чего понял. Проблема в том, что мы все еще не знаем путь через это место. Как мы проделаем наш путь, без одного из них, который бы нас вел?"

Он был прав. Бергитте бродила несколько месяцев, так и не узнав, что ее цель была лишь в нескольких шагах. Комната, где Мэт встретился с лидерами Илфинн... она сказала, что если ты был там однажды, они заключат с тобой сделку. Это должно быть тот Зал Переговоров, о которой упомянул Илфинн.

Бедная Морейн. Она прошла через красную дверную раму; она должна была быть защищена каким-нибудь договором Илфинн с древними Айз Седай. Но эта дверная рама уничтожена. Пути назад нет.

Когда Мэт первоначально пришел, они наградили его, за то, что он мудро попросил у их выхода. Хоят он все еще ворчал на Илфинн, не ответивших на его вопрос, он видел, что это было не то, что они делали. Элфинн для вопросов, Илфинн для удовлетворения просьб. Но они переворачивали те просьбы, и брали любую цену, какую хотели. Мэт невольно попросил заполнить его память, чтобы освободиться от Айз Седай и Белой Башни.

Если Морейн не знала этого, и не просила выхода наружу... или если она просила провести ее обратно в дверную раму, не зная, что она уничтожена...

Мэт просил выхода. И они дали его ему, но он не помнил как это было. Все было черным, и он проснулся, вися на ашандарее.

Мэт вытащил что-то из кармана, крепко держа это в кулаке. "Надо как-то обойти здесь Элфинн и Илфинн," шептал он. "Должен быть правильный путь."

"Один путь", сказал Ноэл. "Четыре варианта, следуют за четырьмя вариантами, за четырьмя вариантами .... Шансов против

нас множество! "

"Шансы," сказал Мэт протягивая руку. Он открыл ее, показывая пару костей. "Какие сейчас шансы?"

Они посмотрели на его кубики из слоновой кости, затем перевели взгляд на его лицо. Мэт мог почувствовать как росла его удача. "Двенадцать точек. Три для каждого дверного проема. Если у меня выпадает один, два или три, мы идем прямо. Четыре, пять или шесть мы выбираем путь на право, и так далее."

"Но Мэт," прошептал Ноэл, глядя на спящего Илфинн. "Броски не будут равнозначны. Ты не можешь выбросить единицу, например, и семь с большей вероятностью, что..."

"Ты не понял Ноэл," сказал Мэт, кидая кости на пол. Они гремели по чешуйчатой плитке, щелкая как зубы. "Вероятности не имеют значения. Не когда я рядом."

Кости остановились. Одна из них застряла в борозде между двумя плитками, и непрочно стала одним из углов вверх. Другая остановилась показав единственную точку.

- Как тебе такое, Ноал, произнёс Том, - Похоже, что можно бросать только одну.

- Ну это уже что-то, сказал Ноал, потерев подбородок.

Мэт принёс свой ашандарей, затем поднял кости и пошёл прямо вперёд. Остальные за ним, оставляя спящего Илфинна позади.

На следующем перекрёстке Мэт вновь бросил кости, и снова получил девять. - Назад, откуда пришли? спросил Том нахмурившись, - Это...

- Как раз это мы и собираемся сделать, сказал Мэт. Он развернулся и пошёл прочь. В соседней комнате, спящий Илфинн пропал.

- Они могли разбудить его, заметил Ноал.

"Или это может быть другая комната", сказал Мэт, бросая кости еще раз. Выпала девятка. Он стоял лицом к пути, которым пришел, а девятка означала, что надо идти обратно. "У Элфинн и Илфинн есть правила," сказал Мэт, оборачиваясь и побежал по коридору, двое других за ним. "И у этого места тоже есть правила."

- Правила должны иметь смысл, Мэт - сказал Ноэл.

- Они должны быть последовательными, - ответил Мэт, - Но они не обязаны следовать нашей логике. С чего бы им?

Это имело смысл. Они бежали некоторое время. Этот корридор казался гораздо длиннее остальных. Он начал задыхаться, когда достиг следующей комнаты. Он снова бросил кости, но подозревал, что это опять будет Девять. И вновь в первую комнату.

- Пойми, это глупо, - сказал Ноал, когда они развернулись и побежали в обратную сторону. - Мы так никуда не попадём.

Мэт игнорировал его, продолжая бежать. Вскоре они вновь приблизились к первой комнате.

"Мэт", взмолился Ноэл. "Можем мы по крайней мере..."

Ноал умолк, когда они ворвались в первую комнату. Только это уже не была первая комната. В этой был белый пол и она была огромной, с толстыми чёрными колоннами, поднимавшимися ввысь к невидимому потолку где-то вверху.

Сияющий белый пар, собравшийся облачком вверху их коридора, проник в комнату и упал вверх, в черноту, как в водопад, летящий не в том направлении. Несмотря на то, что колонны выглядели будто из стекла, Мэт знал, что на ощупь они пористые как камень. Комната была освещена рядами светящихся жёлтых гирлянд, бежавших по каждой колонне, отмечая места, где резной стекло-камень имел выемку.

Том хлопнул его по плечу, - Мэт, парень, это было безумно. И эффективно. В какой-то мере.

- Как раз этого ты и должен был ожидать от меня, ответил Мэт, натягивая поля шляпы. - Я уже был в этой комнате раньше. Мы на правильном пути. Если Морейн все еще жива, то она где-то дальше.

Глава 54

Свет мира

Том поднял свой факел, осматривая огромные колонны в форме звезды и их светящиеся желтые края. Они освещали всю комнату слабым светом. Том при этом выглядел желтоватым и изнурённым.

Мэт помнил вонь этого места - запах застарелой плесени. Теперь, когда он знал, что искать, он мог чувствовать также и нечто другое. Мускусный запах животного логова. Логова хищника.

Из комнаты вело пять коридоров, по одному в каждой вершине звезды. Он помнил, как проходил через один из этих коридоров. Но разве раньше выход был не один?

- Интересно, насколько высоки колонны? сказал Том, поднимая свой факел повыше и прищуриваясь.

Мэт покрепче сжал ашандарей в потных ладонях. Они вошли в логово лисиц. Он чувствовал это в своём медальоне. Илфинн до этого не использовали на нём Силу, но они же должны иметь о ней представление, не так ли? Конечно Огир не могли направлять. Возможно это означало, что Илфинн также не умели.

Хрустящие звуки раздались в углах зала. Тени разделились и двинулись. Илфинн были здесь, в темноте. - Том, сказал Мэт, нам снова нужна музыка.

Том смотрел в темноту. Он не возражал, поднёс флейту к губам и начал играть. Звук казался одиноким в огромном зале.

- Мэт, - произнёс Ноэл, становясь на колени посреди комнаты, - Взгляни сюда.

- Я знаю, - ответил Мэт, - Выглядит как стекло, но на ощупь будто камень."

- Да нет, не это, - сказал Ноэл, - Здесь что-то есть.

Мэт передвинулся к Ноэлу. Том присоединился к нему, продолжая играть, наблюдая как Ноэл освещает фонарем участок пола похожий на оплавленный огарок свечи, размером с небольшой ящик. Он был черным, но темнее и менее зеркальный, чем пол и колонны.

"Что вы думаете об этом?", спросил Ноэл. "Может быть это какой нибудь люк?"

"Нет", ответил Мэт. "Это не люк"

Остальные двое посмотрели на него.

"Это дверная рама", сказал Мэт, почувствовав приступ

тошноты. "Дверная рама из красного камня. Когда я был здесь прошлый раз, она была в центре такой же комнаты, как эта. Когда она расплавилась на той стороне..."

"Здесь она расплавилась тоже", закончил Ноэл.

Все трое смотрели на неё. Музыка Тома звучала навязчиво.

"Ну", произнес Мэт. "Во первых мы знали, что это не выход. Нам придется поторговаться за то чтобы выйти. И я, проклятье, уверен, сделаю так, что они не повесят в этот раз."

"Кости выведут нас?" спросил Ноэль, вставая.

Мэт чувствовал их в кармане пальто. "Я не вижу, почему бы и нет." Но он не стал доставать их. Он повернулся и вгляделся в глубину комнаты. От музыки Тома, казалось, замерли некоторые из теней. Но другие все еще двигались. В воздухе была какая-то напряженность.

"Мэт?" окликнул Том.

"Вы знали, что я вернусь", сказал Мэт громко. Его голос не достигал стен зала. Свет! Насколько велика была она? "Вы знали, что я припрусь в ваши треклятые владения, не так ли? Вы знали, что я был бы у вас в конце концов."

Том нерешительно опустил флейту.

"Покажитесь!", крикнул Мэт. "Я слышу как вы скребетесь, слышу ваше дыхание."

"Мэт", сказал Том, положив руку ему на плечо. "Они не могли знать, что ты придешь обратно. Даже Морейн не была уверенна, что ты придешь".

Мэт смотрел в темноту. "Том, ты когда-нибудь видел, как люди ведут скот на бойню?"

Менестрель задумался, а потом кивнул.

"Ну, у каждого человека есть свои способы", сказал Мэт. "Но скотина, понимаешь, она чуствует, что что-то неправильно. Она чует запах крови и становится бешенной. Отказывается идти на бойню. И ты знаешь, как это исправить?"

"Должны ли мы сейчас говорить об этом, Мэт?" произнес Том.

"Ты исправляешь это тем", продолжал Мэт, "что прогоняешь её через бойню несколько раз, когда там чисто, когда запахи не так сильны. Ты позволяешь ей пройти и уйти, понимаешь, чтобы они подумали, что это место безопасно. " Он посмотрел на Тома. "Они знали, что я вернусь. Они знали, что я выживу, когда меня повесят. Они знают об этом, Том. Чтоб я сгорел, но они знают."

"Мы выйдем, Мэт," пообещал Том. "Мы сможем. Морейн видела это."

Мэт твердо кивнул. "Треклятье мы выйдем. Они играют в игру, Том. Я выиграю." Он вытащил горсть костей из кармана. "В любом случае, я побеждал в них больше всего"

Вдруг позади них раздался шёпот. "Добро пожаловать, сын сражений".

Мэт с проклятием развернулся, оглядывая пространство.

"Там", сказал Ноэл, указывая своим посохом. Рядом с одной из колонн находилась фигура , наполовину освещенная желтым светом. Другой Илфинн. Более высокий, его лицо было более угловатым. В глазах отражались факелы. Оранжевый.

"Я могу отвести вас туда, куда вы хотите попасть," сказал Илфинн, грубым и хриплым голосом. Он поднял руку, закрываясь от света факелов. "За цену".

"Том, музыку."

Том снова начал играть.

"Один из вас уже пытался заставить нас оставить наши инструменты", сказал Мэт. Он вытащил факел из мешка перекинутого через руку, и протянул его в сторону, чтобы зажечь его от фонаря Ноэла. "Это не сработает."

Илфинн, уклоняясь от нового света, тихо прорычал. "Вы приходите в соответствии со сделкой, но вы намеренно раздражаете нас? Мы не сделали ничего, чтобы заслужить это."

Мэт чуть ослабил шарф вокруг шеи. "Ничего?"

Существо не ответило, хотя двинулось назад, отступая в более темную область между столбами. Его угловатое лицо было теперь освещено только желтыми огнями.

"Зачем ты хочешь говорить с нами, сын сражений," раздался шёпот из теней, "если ты не готов заключить сделку?"

"Нет", - сказал Мэт. "Никаких торгов, пока мы не достигнем большого зала, Палаты Соглашений." Это было единственным местом, где они будут связаны сделкой. Разве это не то, что сказала Бергитте? Конечно, она сама полагалась на истории и то, что услышала.

Том продолжал играть, зыркая из стороны в сторону, пытаясь уследить за тенями. Ноал начал играть на маленьких цимбалах, которые он привязал к штанинам его брюк, ударяя их в такт с музыкой Тома. Однако тени продолжали приближаться.

"Для вашего... удобства будет лучше не сдерживать нас, сын сражений," раздался голос сзади. Мэт развернулся, опустил оружие. Другой Илфинн стоял там, только

в тени. Женщина, с алым гребнем перетекающим по ее спине, кожаные ремни пересекали её грудь крест накрест. Её красные губы улыбались. "Мы ближайшие старейшины, воины последнего раскаяния, знающие секреты".

"Гордитесь, сын сражений", прошипел другой голос. Мэт развернулся снова, на лбу выступил пот. Женщина исчезла обратно в тень, но другой Илфинн вышел на свет. Он носил

длинный, устрашающий нож из бронзы, с узором из пересекающихся роз по всей его длине и шипов торчащих в верхней части его рукояти. "Вы представляетесь нам самым опытным. Вы должно быть... имеете особый вкус".

"Что .." - начал Мат, но худой, опасный вид Илфинн отступил в тень и исчез. Слишком быстро. Как будто темнота поглотила его.

Другие шепотки появились в тенях, говорящие низкими голосами, накладываясь на друг друга. Лица появились из темноты, с широко открытыми, жестокими глазами, губами, искривленных в улыбках. Существа с заострёнными зубами.

Свет! В комнате были десятки Элфинн. Они перемещались, кружили, танцевали внутри света, однако прятались обратно в темноту. Некоторые небрежно, другие энергично. Но все выглядели опасными.

"Ты заключишь сделку?" спросил один.

" Ты пришел без соглашения.Опасно" сказал другой.

"Сын битв"

"Вкус!"

"Чувствую его страх"

"Пойдем с нами.Оставь свой ужасный огонь"

"Сделка должна быть заключена.Мы подождем"

Мы терпеливы. Всегда терпеливы"

"Вкус!"

"Прекратите!" проревел Мэт "Никаких сделок! До тех пор пока мы не доберемся до центра"

В свою очередь, Том опустил флейту. "Мэт. Мне кажется, музыка больше не действует"

Мэт коротко кивнул. Ему нужен Том с оружием наготове. Менестрель спрятал флейту и достал ножи. Мэт не обращая внимвние на шепот и голоса и бросил кости на пол.

Пока они катились, фигура, скрывавшаяся в темноте, появилась из-за ближайшей колонны. Мэт с проклятьем опустил копье и ударил по Илфин, который двигался по земле на четвереньках. Но его лезвие прошло сквозь него, как если бы он был из дыма.

Была ли это иллюзия? Обман зрения? Мэт достаточно долго помедлил, чтобы другое существо схватило кости и прыгнуло обратно в тень.

Что-то сверкнуло в воздухе. Кинжал Тома нашёл свою цель, ударя существо в плечо. На этот раз лезвие воткнулось и осталась в нём, выпуская струю темной крови.

Железо, вспомнил Мэт, проклиная свою глупость. Он прокрутил ашандерей вокруг, используя сторону окаймленную

железом. И вздрогнул, когда увидел кровь Илфин на полу в местах, откуда исходил пар. Белый пар, как и в других залах, но здесь в нём были формы. Они были похожи на перекрученные лица, которые появлялись на краткий миг и кричали до исчезновения.

Чтоб им сгореть! Ему нельзя отвлекаться. У него есть другие кости. Он потянулся к карману, но Илфин внырнул из тени, как будто, для того, чтобы схватить его куртку.

Мэт закрутил своё оружие, нанося удар в сторону человека с лицом лисы стороной окаймленной железом. Он сокрушил кости, бросая существо в сторону, как хворост.

Шипение и рычание окружило их. Глаза перемещались в темноте, отражая свет факела. Илфин двигались, скрытые темнотой, окружающей Мэта и спутников. Мэт, с проклятьем, сделал шаг в направлении Илфин и ударил.

"Мэт!" крикнул Том, схватив его за манжет куртки. "Мы не можем лезть туда."

Мэт колебался. Казалось, что вонь спереди усилилась, звериным запахом. Тени перемещались вокруг сейчас более неистово, их сердитый шепот смешивался с лающими призывами.

"Они контролируют темноту," сказал Ноэл. Настороженный, он стоял спиной к Мэту и Тому. "Эти жёлтые огни нужны чтобы отвлечь нас, затем они гасят их и прячутся в нишах. Это хитрость."

Мэт почувствовал, что его сердце забилось быстрее. Хитрость? Нет, не просто хитрость. Было что-то противоестественное в том, как эти существа передвигались в темноте. "Сожжём их," Мэт стряхнул руку Тома, так и не бросившись в темноту.

"Господа," сказал Ноэл. "Соберём оружие.."

Мэт оглянулся через плечо. Две волны Илфинн подкрадывались к ним из темноты, одна их группа скользила на четвереньках перед второй. У этой второй группы были бронзовые ножи, весьма зловещего вида.

Тени в глубине комнаты казалось раздвинулись вместе с Илфинн, окутывая Мэта и его группу. Его сердце забилось ещё быстрее.

Глаза Илфинн сияли и те, что были на четвереньках поскакали вперёд. Мэт размахнулся как только Илфинн достигли его группы, но они уклонились в стороны. Отвлекая его.

Сзади! тревожная мысль вспыхнула у Мэта в голове. Другая группа Илфинн выпрыгнула из темноты рядом.

Мэт развернулся к ним, размахнувшись. Они нырнули обратно прежде чем он ударил. Свет! Они были вокруг,

выплёскиваясь из темноты, опасно приближаясь и тут-же отступая.

Том выхватил пару кинжалов, готовясь к броску, Ноэл держал свой короткий меч наготове, размахивая факелом в другой руке, его пояс- на полу возле ног. Один из ножей Тома сверкнул, ища плоть, но бесполезно канул во тьму.

"Не трать попусту ножи!" - сказал Мэт . "Проклятые сыны козлов, они пытаются заставить тебя потратить их впустую , Том!"

"Они изматывают нас," прорычал Ноэл. " В конечном счете они победят. Мы должны двигаться!"

"Куда?" быстро спросил Том. Он выругался, когда пара Илфинн возникли из темноты с копьями, оканчивающимися бронзовыми наконечниками. Они двинулись вперёд, заставив Мэта, Тома и Ноэла отступить.

На бросок времени не было. Они должны как-нибудь выбраться. Мэт рванул свой мешок и выхватил ночной цветок. "Как только я его брошу я закрою глаза и отвернусь."

"Что?" - спросил Том.

"Это работало раньше!" сказал Мэт поджигая ночной цветок и бросая его в темноту так сильно, как только мог. На счёте пять в комнате прогремел взрыв. Вспышка была настолько яркой, что они увидели её с закрытыми глазами.

Илфинн закричали от боли и Мэт отчётливо услышал, как звенит выроненное ими оружие. Несомненно они закрыли глаза руками.

"Теперь идём!" сказал Мэт поворачиваясь.

"Это безумие..."- не сдержался Том.

Мэт все шел, продолжая искать. Где была удача? он крикнул "Туда!", указывая в случайном направлении.

Он открыл глаза как раз вовремя, чтобы перескочить через Илфинн, свалившихся в кучу. Том следовал за Мэтом, а Мэт вёл их прямо в темноту. Он двигался вперёд пока его друзья не стали едва видны. Всё что он мог видеть - это жёлтые линии.

Кровавый пепел, подумал он, если удача меня сейчас подведет..

Они ворвались в пятигранный коридор, и тьма вокруг них начала исчезать. Они не могли видеть этот выход из других комнат, но он все же был здесь.

Том облегченно вскрикнул- "Мэт, пастух ты дубоголовый! Я все таки дам тебе поиграть на своей арфе!"

"Не хочу я играть на твоей треклятой арфе, " - буркнул Мэт через плечо, "но, когда мы выберемся, ты можешь мне купить кружку какого-нибудь пойла. или даже две".

Он услышал крики и визги из темной комнаты. Это было

одной израсходованной уловкой; они ожидали бы ночные цветки теперь. Биргитта, ты была права, думал он. ты, вероятно, проходила мимо нужного коридора несколько раз, никогда не зная, что это было на расстоянии только в несколько футов.

Никогда не берите карту, ожидаемую от вас другими. Это был один из старейших принципов игры в Мироздании. Мэт должен был претворить это в жизнь. Они спешили вперед, проходя пятисторонние дверные проемы, вводящие в большие звездообразные пещеры. Том и Ноэль оглядывались по сторонам, но Мэт сохранял путь прямым. Это был путь, посланный им удачей.

Кое что вокруг отличалось от случая его прежнего визита. Не было пыли на полу, на которой можно было бы оставить следы. Знали ли они, что он здесь проходил, и использовали пыль, чтобы его смутить? Или они сделали уборку сейчас, зная, что будут "гости"? Что можно знать наверняка, в месте, подобном этому?

Раньше эта прогулка занимала больше времени. Или она была короче? Время здесь перепутывалось. Казалось, что они бежали уже несколько часов, и в тоже время было ощущение что прошло всего мгновение.

Но вдруг перед ними оказался проём, стремительно, как нападение змеи. Его не было там и миг назад. Оправа проёма была искусно вырезана из дерева, с невероятными образцами переплетиний виноградной лозы, возникало чувство что сдвоеные ветви запутвают следы друг друга, чтобы их не нашли.

Всё трое в напряжении остановились. "Зеркала",- сказал Ноэль. "Я видел такое раньше. Вот как они делают это, затемняют вещи при помощи зеркал". Он казался расстроенным. Где они спрятали зеркала, в проклятом прямом корридоре?

Они попали в нужное место; Мэт чувствовал это по запаху. Зловоние Илфинн здесь было сильнее всего. Мэт прикрыл рот и шагнул в проём.

Комната по ту сторону была такой же, как он её помнил. Здесь не было колонн, хотя комната точно была многоугольной. Восьмь углов и только один проём. Пылающие желтые полосы бежали к углам комнаты, и стояло восемь пустых пьедесталов, черные и зловещие, по одному на каждом углу.

Всё было в точности как раньше, за исключением женщины, парящей в центре.

Она была одета лишь в тонкий белый туман, который перемещался и сиял вокруг неё, детали её фигуры были неясными, но не скрытыми. Её глаза были закрыты, а тёмные волосы - вьющиеся, но более не с совершенными завиткаи - трепетались, как будто ветер дул откуда-то снизу. Её руки

опирались на живот, а на её левом запястье был странный браслет, сделанный из чего-то похожего на старую слоновую кость.

Морейн.

Мэт почувствовал прилив эмоций. Беспокойство, расстройство, интерес, страх. Она была той, кто начал всё это. Он ненавидел её тогда. Он также должен был ей свою жизнь. Она была первой, кто вмешивался, дёргая его в ту или иную сторону. Ещё - отглядываясь назад - он отметил, что эта женщина была самой честной из всех, кто пытался использовать его. Непримиримая, непреклонная. И самоотверженная.

Она посвятила всю себя защите трёх глупых мальчиков, которые были неосведомленны ещё о том, что от них потребует этот Мир. Она решила отвезти их в безопасное место. Может обучить их немного, независимо от того, хотят они или нет.

Потому что им это было необходимо.

Свет! её мотивы теперь казались такими понятными. Это не заставляло его меньше злиться, но заставляло его быть благодарным. Чтоб ей сгореть, но это быт такой путанный клубок чувств! Эти проклятые лисы - как они посмели держать её в таком виде! Жива ли она?

Том и Ноэл пристально следили - Ноэл торжественно, Том с недоверием. Поэтому Мэт шагнул вперёд, чтобы вытянуть Морейн на свободу. Как только его рука прикоснулась к туману, он почувствовал обжигающую боль. Мэт вскрикнул, оттягиваясь назад и встряхивая рукой.

"Чертовски горячо" сказал Мэт. "Это - "

Он осёкся, когда Том шагнул вперёд.

"Том...", - сказал Мэт предостерегающе.

"Меня это не волнует", сказал менестрель. Он шагнул в туман и, едва достигнув его, одежда начала испаряться, а глаза заслезились от боли. Но он не вздрогнул. Он ворвался в туман и взял её за руку, вытянул женщину на свободу. Она всем весом соскользнула к нему в руки, но его стареющие члены всё ещё были полны сил, в тоже время Морейн выглядела сильно истощёной и не могла весить много.

Свет! Мэт забыл какая она была маленькая. Почти на голову ниже чем он.Том стал на колени, стаскивая с себя плащ менестреля и укутывая в него женщину. Её глаза всё ещё были закрыты.

"Она..." спросил Ноэл.

"Она жива", - тихо произнёс Том. "Я чувствую как бьётся её сердце". Он снял браслет с её руки. Он имел форму человека, изгибающего назад, у которого связаны запястья с лодышками,

одетого в странного вида наряд. "Это выглядит как какой-то Тер`ангриал ", - сказал Том, пряча его в карман плаща. "Я---"

"Это ангриал", - объявил голос. "Достаточно сильный, чтобы называться са`ангриалом. Он также может быть частью её цены, желаете ли вы желаете оплатить всё.

Мэт развернулся. Все пьедесталы были заняты Илфинн, четыре мужского пола, четыре женского. Все восемь носили белое вместо чёрного - белые юбки, с ремнями через грудь для мужчин и блузки для женщин, сделанные из тревожно бледной субстанции, которая выглядела как кожа.

"Держите языки за зубами", сказал Мэт Тому и Ноэлю, пытаясь обуздать своё беспокойство. "Скажите что-нибудь не так, и они подвесят вас, утверждая что это было ваше собственное желание. Ничего у них не просите."

Остальные двое оставались в тишине, Том - удерживая Морейн ближе, Ноэл неся свой факел и посох, осторожно положенный на плечо.

"Это Великий зал", - сказал Мэт Ильфинн. "Зал, который называется Палата Сделок. Вы должны вынести приговор по сделке здесь"

"Сделка подготовленна", - сказал один из мужчин Ильфинно, улыбаясь и показывая свои заострённые зубы.

Другой Ильфинн наклонился, дыша глубоко, как будто вынюхивая что-то. Или... как будто вытягивая что-то из Мэта и остальных. Бергитте говорила, что они питаются эмоциями.

"Какая сделка?" ухватился Мэт, оглядываясь вокруг пьедесталов. "Чтоб вам сгореть, какая сделка?"

" Цена должна быть уплачена" сказал один.

"Требования должны соблюдаться" сказал другой.

"Жертва должна быть принесена" Это прозвучало от одной из женщин. Она улыбалась шире других. Её зубы также были заостренными.

"Я хочу, чтобы выход отсюда был возвращён как часть сделки", - сказал Мэт. "Я хочу чтобы он был там, где был в начале и был снова открыт. И я не проклятый торговец, так что не принимайте это как моё единственное требование, чтоб вы сгорели. "

"Он будет восстановлен", - сказал Ильфинн. Другие наклонились вперёд. Они чувствовали его отчаяние. Некоторые из них выглядели не удовлётворёнными. Они не ожидали, что мы сделаем это, подумал Мэт. они не хотят рисковать и потерять нас.

"Я хочу чтобы вы оставляли выохд открытым, пока мы не пройдём через него", - продолжал Мэт. "Не блокировать его, и не заставлять его исчезать, как только мы приблизимся. И я хочу

чтобы тропа была прямая, никакой смены залов по дороге. Только прямая тропа. И ваши проклятые лисы не имеют права бить нас до потери сознания или пытаться убить нас или ещё что-то в том же роде."

Им не понравилось это. Мэт заметил, как некоторые из них нахмурились. Хорошо. Они увидят, что заключают договор не с ребенком.

- Мы берем её, - сказал Мэт. - Мы выйдем отсюда.

"Эти требования дороги," сказал один из Ильфин. "Что Вы заплатите за эти блага?"

" Цена назначена" прошептал другой сзади.

И так и было. Так или иначе, Мэт знал. Часть его знала с первого раза, когда он прочитал ту надпись. Если бы он никогда не говорил с Эльфин в тот первый раз, произошло бы хоть что-то из этого? Вероятно, он умер бы. Они должны были говорить правду.

Они предупредили его, что придет час расплаты. За жизнь. За Морейн.

И он должен был заплатить. В тот момент он знал, что заплатит. Поскольку он знал, что, если он не сделает этого, цена будет слишком большой. Не только для Тома, не только для Морейн, и не только для Мэта как такового. Как ему сказали, судьба самого мира зависела от этого момента.

Чтоб я сгорел за глупость, подумал Мэт. Может я все таки герой после всего. Разве это того не стоит?

"Я заплачу" провозгласил Мэт. "Половина света мира" Чтобы спасти мир.

"Готово!" объявил один из мужчин Ильфин.

Эти восемь существ спрыгнули — как один — со своих пьедесталов. Они заключили его в круг, как петля. Быстрая, податливая и хищная.

"Мэт!" Том закричал, изо всех сил удерживая бесчувственную Морейн, одновременно пытаясь достать один из своих ножей.

Мэт жестом удержал Тома и Ноэля. "Это должно быть сделано," сказал он, делая несколько шагов от друзей. Ильфин следили за ними, не отводя взгляд. Золотые гвоздики на ремнях, пересекающих грудь мужчины Илфинн, блестели в желтом свете. Все восемь существ широко улыбались.

Ноэль поднял свой меч.

"Нет!" заорал Мэт. "Не нарушайте соглашение! Если нарушите, мы все здесь умрем!"

Ильфин тесно окружили Мэта. Он попытался смотреть на них всех одновременно, сердце, стучало громче и громче в груди. Они обнюхали его снова, глубоко вдыхая, наслаждаясь тем, что от

него тянули, чтобы это ни было.

" Делайте это, чтоб вас" зарычал Мэт. "Но знайте, это последний раз. когда вы что-то от меня получите. Я вырвусь из вашей башни, и я найду способ освободить свой разум от вас навсегда. Вы меня не получите. Мэтрим Коутон не ваш щенок."

"Мы увидим," сказал мужчина Илфинн, посмотрев хищным взглядом. Существо резко выбросило вперед руку, со слишком острыми когтями, блестнувшими в тусклом свете. Он поднес их прямо к левому глазу Мэта, и вырвал глаз с резким чавкающим звуком.

Мэт закричал. Свет, как же это больно! Больнее чем любая рана, полученная им в бою, больнее чем любой разрез или укол. Как будто существо воткнулось своими гадкими когтями в его разум и его душу.

Мэт упал на колени, копье стукнулось об пол, когда поднял руки к лицу. Он почувствовал что-то скользкое на щеке, и закричал снова, когда его пальцы почувствовали пустое отверстие, где был его глаз.

Он откинул голову назад и закричал в залу, ревя в агонии.

Илфинн наблюдали со своими ужасающими, почти человеческими лицами, глаза сузились в экстазе, когда они питались чем-то поднимавшимся из Мэта. Почти невидимым паром красного и белого цвета.

"Наслаждение!" воскликнул один Илфинн.

"Так долго" воскликнул другой

"Как это крутится вокруг него!" сказал тот, кто взял его глаз. "Как поворачивается! Ароматы крови в воздухе! И игрок становится центром всего! Я могу испытать саму судьбу!"

Мэт взвыл, его шляпа упала, когда он посмотрел единственным слезящимся и затуманенным глазом в темноту наверху. Его глазница казалось была в огне! Он почувствовал как кровь и сыворотка засохли на его лице, а затем потрескалась, когда он закричал. Илфинн вдохнули еще глубже, выглядя опьяневшими.

Мэт закричал последний раз. Потом он сжал кулаки и стиснул челюсть, но он не мог остановить низкий стон - рычание гнева и боли - исходившими из глубины его горла. Один из мужчин Илфинн рухнул в обморок, как будто переполнившись. Он был тем, кто забрал глаз Мэта. Он судорожно сжал его в руках. Другие ковыляли прочь, двигаясь к столбам или к стенам зала, и опираясь на них для поддержки.

Ноэл рванулся к Мэту, Том последовал более осторожно, по прежнему прижимая Морейн.

"Мэт?" сказал Ноэль.

Сжав зубы, превозмогая боль, Мэт вынудил себя отойти назад и схватить шляпу с белого пола. Он не оставит свою шляпу, черт побери. Это была чертовски хорошая шляпа.

Он споткнулся о собственные ноги.

"Твой глаз, Мэт..." сказал Том.

- Не важно, - ответил Мэт. Чтоб ему сгореть за глупость. Треклятый, козлоголовый дурак. Он едва мог думать сквозь боль.

Его другой глаз сверкал слезами боли. Действительно казалось, что он потерял половину света мира. Это походило на то, когда смотришь в окно, наполовину почерневшее. Несмотря на полыхавшую боль в его левой глазнице, он чувствовал, что он должен быть в состоянии открыть глаз.

Но он не мог. Глаз исчез. И не одно плетение Айз Седай не сможет его вернуть.

Он натянул свою шляпу, полностью игнорируя боль.Он натянул край налево, закрывая пустую глазницу, затем наклонился и поднял ашандарей, спотыкаясь, но справляясь.

" Это я должен был заплатить"сказал том срывающимся голосом. "Не ты, Мэт. Ты ведь даже приходить не хотел"

"Это мой выбор" сказал Мэт. " И я все равно должен был это сделать. Это был

один из ответов, который я получил у Эльфин когда впервые пришел. Я должен отдать половину света мира, чтобы спасти мир. Проклятые змеи"

"Спасти мир?" спросил Том, глядя на умиротворенное лицо Морейн, ее тело, обернутое в плетеный плащ. Он поставил свою сумку на пол.

"У нее все еще остались кое-какие дела" сказал Мэт.Боль понемногу отступала. "Мы нуждаемся в ней, Том. Сожги меня свет, но это - вероятно, как-то связано с Рандом. Так или иначе это должно было произойти."

" И если бы это не произошло?" спросил Том. " Она сказала, что видела..."

"Это не имеет значения," сказал Мэт, поворачиваясь к дверному проему. Ильфин были все еще разбиты. Можно было бы подумать, что это они потеряли глаз, смотря на их выражения! Мэт пристроил сумку на плече, оставив Тома, сидеть на месте. Он не мог нести сразу две,также не мог он и сражаться.

"Теперь я увидел кое что," сказал Ноэл, осматривая комнату и ее жителей. "Кое-что, что никогда не видел ни один человек, я гарантирую. Мы должны убить их?"

Мэт покачал головой. "Нарушит нашу сделку."

"Они сдержат слово?" спросил Том.

"Нет, если они смогут избежать этого," сказал Мэт, затем

вздрогнул снова. Свет, но как же голова болит! Ну, он не мог сидеть без дела и кричать будто потерял своего любимого жеребенка. "Пошли."

Они отправились в обратный путь из главного зала. Ноэль нес факел, хотя он неохотно оставил свою поклажу, особенно свой короткий меч.

На этот раз не было никаких отверстий в стенах коридора, Мэт услышал как Ноэл пробормотал что-то. Он почувствовал, что надо идти на право. Он потребовал прямой путь назад. Илфинн были лжецами и мошенниками, но казалось они были такими же лжецами и мошенниками как и Айз Седай. На этот раз Мэт высказывал свои требования тщательней, а не спонтанно, вне зависимости от того, что с ним происходит.

Они шли по коридору долгое время. Ноэл все больше и больше нервничал. Мэт продолжал идти вперед, шагая в такт с пульсацией в его черепе. Может ли отсутствующий глаз повлиять на то, как он сражается? Он должен быть более осторожным с левой стороны. И ему будет сложно судить о расстоянии. Фактически, он уже испытывал эти трудности - было ужасно трудно судить о стенах и коридоре.

Том прижал Морейн ближе к груди, как скряга держащий золото. Что она для него значит, в конце концов? Мэт предполагал, что Том пошел по той же причине, что и он сам, потому что это необходимо было сделать. Эта нежность на лице Тома, не была тем, что ожидал увидеть Мэт.

Коридор неожиданно закончился пяти-сторонней аркой.Комната за аркой оказалась одной из тех, с расплавленным шлаком на полу.Никаких признаков борьбы, которые прежде были видны, никаких следов крови на полу.

Мэт глубоко вздохнул и прошел вперед через арку. Он напрягся, когда увидел здесь Илфинн, сидящих или стоящих в тенях, шипящих и рычащих. Они не двигались, и не нападали, хотя некоторые тихонько повизгивали. Тени заставили их еще больше походить на лис. Если бы Мэт посмотрел прямо на одного из них, он бы почти мог принять их за обычных мужчин и женщин, но то, как они передвигались в темноте, иногда на четвереньках ... Ни один человек не двигался с такой угрожающей напряженностью привязанного хищника. Как злая собака, отделенная от тебя забором и отчаянно стремящаяся добраться до твоего горла.

Но они соблюдали сделку. Никто не нападал, и Мэт начал чувствовать себя отлично, когда они добрались до другой стороны комнаты. Он переиграл их. В прошлый раз они получили лучший конец, но только потому, что они боролись как трусы,

ударяя человека, который не знал, что битва началась.

На этот раз он был готов. Он им показал. что Мэтрим Коутон не дурак.

Они вошли в коридор со слабо пылающим белым паром наверху. На полу были черные, переплетающиеся треугольники, изогнутые по сторонам как весы. Мэт начал дышать легче, когда они вошли в одну из комнат со скручивающимся паром, идущим с углов, хотя его глазница все еще болела как яйца у недавно кастрированного жеребца.

Он остановился в центре комнаты, но тут же продолжил путь. Он потребовал прямую дорогу. Именно это он и хотел получить. Никакой беготни взад вперед на сей раз. "Кровь и проклятый пепел!" Мэт сказал, понимая что-то находу.

"Что?" спросил Том, смотря на Морейн с тревогой.

"Мои кости" сказал Мэт "Я должен был включить получение моих костей обратно в сделку"

"Но мы же обнаружили, что они не нужны тебе для того, чтобы вывести нас"

"Я не об этом" проворчал Мэт "Мне нравились эти кости" Он стянул свою шляпу снова, осматривая зал. Что за движение он видел?Все время на расстоянии, порядка дюжины комнат от них? Нет, это должна быть игра теней и движущегося пара.

"Мэт" сказал Ноэл " Я уже упоминал, мое знание Древнего наречия уже не такое как раньше. Но мне кажется, я понял, что ты сказал. Сделка, что ты заключил"

"Да?" сказал Мэт, слушая в пол-уха. Он что опять говорил на Древнем наречие? чтоб тебя. И что это там, дальше по коридору?

"Хорошо" сказал Ноэл " ты сказал - как часть сделки - что-то вроде " вы лисы не можете нас пристукнуть или попытаться убить нас или что-то еще""

"Точно так" сказал Мэт

"Ты сказал лисы, Мэт" сказал Ноэль "Лисы не могут причинить нам вред"

"И они отпустили нас"

"Но что насчет других?" спросил Ноэл "Эльфин? Если Ильфин ничего не могут сделать, отстанут ли от нас Эльфин?"

Тени в длинном коридоре превратились в фигуры с длинными, извилистыми бронзовыми мечами с изгибающимися лезвиями. Высокие фигуры, завернутые в слои желтой ткани, волосы на их головах были прямые и черные. Десятки, двигающиеся с неестественным изяществом, глазами, смотрящими вперед. Глазами с вертикальными зрачками.

Кровь и проклятый пепел!

"Бежим!" завопил Мэт

"В какую сторону?" спросил Ноэл встревоженно.
"В любую!" вопил Мэт. Лишь дольше бы от них быть дальше!"

Глава 55

Один остался позади

Громкий взрыв сотряс коридоры, заставляя строение грохотать. Мэт споткнулся, прислоняясь к стене для защиты, когда дым и обломки камня полетели из проема позади них.

Он пригнул голову, повернулся, и увидел как по коридору бегут вперед Ноэл и Том, прижимающий к себе Морейн. Ноэл отбросил свой факел и вынул барабан, чтобы попытаться успокоить Элфинн. Это не сработало, и тогда Мэт решил обратиться к взрывающимся цилиндрам и ночным цветкам.

Свет, но цилиндры был смертельны! Он увидел трупы Альфинн, разбросанных через прихожую, их блестящая кожа была повреждена и вырвата , зловеще выглядящий дым исходил от их крови. Другие скользили из дверных проемов и альковов, отмахиваясь от дыма. Они шли на двух ногах, но они, казалось, скользили, когда они шли, раскачиваясь назад и вперед, по коридору, их шипение, становящееся более и более сердитым.

С колотившимся сердцем, Мэт следовал за Томом и Ноэлом. "Они все еще преследуют нас?" спросил Ноэл.

"А ты как думаешь?" сказал Мэт, догоняя их. "Свет, но эти змеи быстры!"

Мэт с Томом и Ноэлом ворвались в комнату, точно такую же, как и все остальные. Смутные несоразмерные стены, пар, поднимающийся из углов, черные треугольные плитки пола. Не было никакого треугольного отверстия в центре, чтобы вывести их. Кровь и проклятый пепел.

Мэт взглянул на три выхода из комнаты, держа ашандарей в потных ладонях. Они не могли использовать такой же трюк как и раньше, с переходом вперед и назад между этими двумя комнатами. Не с Элфинн позади. Он должен был призвать свою удачу. Он приготовился развернуться и ...

"Мы должны бежать дальше!" закричал Ноэл. Он остановился на пороге, в тревоге переступая с ноги на ногу. "Мэт! Если эти змеи поймают нас..."

Мэт услышал позади них шипение. Как от несущейся реки. Он выбрал направление и побежал.

"Брось другой цилиндр!" сказал Том.

- Тот был последним! - ответил Мэт. - И у нас осталось всего три ночных цветка. - Его мешок полегчал.

"Музыка на них не действует," сказал Ноэл, отбросив барабан.

"Они слишком сердиты."

Мэт выругался и поджег ночной цветок чиркалкой Алудры, а затем швырнул его через плечо. Все трое понеслись в другую комнату, потом продолжили путь прямо через дверь на другой стороне.

"Я не знаю куда идти парень," сказал Том, запыхавшимся голосом. "Мы заблудились!"

"Я выбрал направление наугад!" сказал Мэт.

"Только ты не сможешь вернуться назад," сказал Том. "Вероятно удача будет нас направлять!"

Взрыв ночного цветка эхом отозвался по коридорам. Хотя он был далеко не таким сильным как от цилиндра. Мэт рискнул бросить взгляд через плечо, и увидел, что искры и дым летят через коридор. Огонь замедлил Элфинн, но вскоре более смелые участники группы заскользили сквозь дым.

"Может мы можем договорится?" сказал Том, задыхаясь.

"Они выглядят слишком разгневанными!" сказал Ноэл.

"Мэт," сказал Том, "ты упомянул, что они знали про твой глаз. Они ответили на вопрос об этом."

- Они сказали, что я, проклятье, должен отказаться от половины света мира, ответил Мэт, его череп все еще пульсировал болью. - Я не хотел знать, но они все равно мне сказали.

"Что еще они говорили?" спросил Том. "Что-нибудь, что может быть подсказкой? Как ты вышел в прошлый раз?"

"Они выбросили меня," сказал Мэт.

Они ворвались в другую комнату - без дверного проема - а потом побежали к левому выходу. То, что сказал Том было правильно. Они возможно должны были дважды вернуться из комнаты в комнату. Но они не могли, не со змеиным выводком следующим так близко!

- Они выбросили меня через дверную раму в мире Элфинн, - сказал Мэт, чувствуя, что задыхается. - Она ведет в подвал Тирской Твердыни.

"Тогда возможно мы сможем найти это место!" сказал Том. "Твоя удача Мэт. Именно она приведет нас на территорию Элфинн."

Это могло сработать. "Хорошо," сказал он, закрывая глаз и поворачиваясь.

Мэт выбрал направление и открыл глаз. Он указал непосредственно на группу Эльфинн, петляющих по коридору перед ними.

"Проклятый пепел!" Мыт выругался, и повернувшись, побежал от них, выбрав первый попавшийся коридор.

Том присоединился к нему, но выглядел очень усталым. Мэт мог забрать у него Морейн на время, но Том так устал, что не сможет драться. Элфинн собирались загнать их, как Бергитте несколько веков назад.

В следующей комнате Том, споткнувшись, остановился, поникнув от изнеможения, но все еще держа Морейн. Как и в других комнатах, здесь было четыре выхода. Но единственный, имеющий смысл путь вел прямо к Элфинн. Путь, которым они не смогли бы пройти.

"Нет никакой победы в этой игре," сказал Том, задыхаясь. "Не побеждаем, даже если мы обманываем."

"Том..." настойчиво сказал Мэт. Он вручил Тому свой ашандарей и забрал у него Морейн. Она была почти невесома. Тоже хорошая вещь, иначе бы Том не продолжал бы так долго, как у него было.

Ноэл поглядел на них, затем вниз, в коридор. Эльфинн могли появиться в нем через мгновения. И встретился глазами с Мэтом. "Дай мне свой мешок. Мне нужны те ночные цветы."

"Но"-

"Не спорь!" - крикнул Ноэль. Он бросился и схватил один из ночных цветков. У этого был очень короткий фитиль. Он поджег его и бросил в коридор. Элфинн были достаточно близки, так что Мэт услышал, что они кричали и шипели из-за фейерверка.

Раздался взрыв, искры били струей из коридора и освещали темную комнату. Когда искры почти достигли одной из подымающихся струй пара, то пар шарахнулся назад, скользя подальше от огня. Воздух сильно пах дымом и серой. Свет, его глазница снова пульсировала болью.

"Сейчас, Мэт" сказал Ноэл, уши Мэта все еще звенели от взрыва, "дай мне мешок".

Что ты делаешь?" Мэт сказал осторожно, поскольку Ноал взял пакет, затем извлек последний ночной цветок.

- Ты знаешь, что, Мэт, - сказал Ноэл. - Нам нужно больше времени. Ты должен быть далеко впереди этих змей, чтобы суметь мотнуться туда-обратно несколько раз, чтобы твоя удача сработала на тебя.

Ноэль кувнул в один из коридоров "Эти коридоры узкие. Хорошее узкое горло. Человек может стоять там и сражаться только с одним или с двумя за раз. Он может продержаться несколько минут."

"Ноэл!" хрипя сказал Том, стоя уперев руки в колени около ашандарея Мэта, прислоненного к стене. " Ты не сможешь этого сделать".

"Да, я смогу," сказал Ноэл. Он подошел к коридору, за

которым накопились Эльфинн. "Том, ты не в форме, чтобы бороться. Мэт, ты - тот, удача которого сможет найти выход. Ни один из вас не может остаться. Но я могу."

- Для тебя не останется пути назад, - мрачно сказал Мэт. - Как только мы побежим обратно, это проклятущее место закинет нас куда-нибудь еще.

Ноэл встретил его глаз, что сделало его лицо непреклонным . "Я знаю. Цена, Мэт. Мы знали, что это место потребует цену. Ну, я видел многое, сделал многое. Меня использовали, Мэт, слишком много раз. Это - столь же хорошее место как и любое другое, чтобы встретить конец."

Мэт встал, поднимая Морейн, затем кивнул Ноэлу. "Пойдем, Том".

"Но-"

"Пойдем!" Мэт рявкнул, мчась к одному из других дверных проемов. Том колебался, затем изверг проклятье и присоединился к нему, неся факел Мэта в одной руке и его ашандарей в другой. Ноэл ступил в коридор позади, поднимая свой короткий меч. В дыму за ним перемещались фигуры.

"Мэт", крикнул Ноэл, оглядываясь через плечо.

Мэт махнул Тому, но задержался, оглядываясь назад.

"Если вы когда-нибудь встретите Малкир," сказал Ноэл, "Скажите им - Джейин Далекоходящий умер, очистив своё имя".

"Я передам, Джейин", сказал Мэт. "Да пребудешь ты в свете."

Ноэл повернулся, чтобы встретить Эльфинн, и Мэт покинул его. Раздался еще один грохот, когда взоршался ночной цветок. Затем Мэт услышал эхо голоса Ноэла внизу, в коридоре, он кричал боевой клич. Он не был ни на одном из ранее слышанных Мэтом языков.

Он и Том вошли в другую залу. Том плакал, однако Мэт сдерживал слезы. Ноэл умрет с честью. Когда-то Мэт считал подобные мысли глупостью - что хорошего в чести, если ты был мертв? Но у него было слишком много воспоминаний солдат, он провел слишком много времени с людьми, которые сражались и проливали кровь за честь, чтобы теперь отвергать такие идеи.

Он закрыл глаз и начал поворачиваться. Вес Морейн почти не мешал ему. Он выбрал направление и указал назад на путь, которым они прибыли. Он понесся вниз по по коридору, Том следовал за ним.

Когда они добрались до конца коридора, он не обнаружил комнаты, где они оставили Ноэла. Эта была круглая комната, заполненная желтыми колоннами, сделанными в виде огромных скручивающихся лоз с пустым пространством внутри. Спиральная лампа содержала белые шары, которые освещали комнату мягким

светом, и плиточный пол имел в структуре белые и желтые полоски, выходящие из центра. Остро пахло сухой змеиной кожей.

"Мэтрим Коутон, ты не герой", подумал он, глядя через плечо."Этот человек, которого ты оставил позади, он и есть герой. Свет озарит тебя Ноэл".

"И что теперь?", спросил Том. Он уже успел немного восстановить свои силы, так что Мэт вернул Морейн и взял свое копье. Существовали только два выхода из этой комнаты, один сзади и один прямо напротив. Но Мэт все равно покрутился с закрытым глазом. Удача указала им дверь напротив той, в которую они вошли.

Они получили это. Окна в этой прихожей смотрели на джунгли, и они теперь спускались в их чащу . Мэт иногда замечал те три шпиля. Место, где они недавно были , место, где Ноэл пролил кровь.

"Это то место, где ты получил ответы, не так ли?" спросил Том.

Мэт кивнул.

"Ты думаешь, я мог бы получить некоторые из них для себя?" спросил Том "Три вопроса. любые ответы, что пожелаешь..."

"Ты не хочешь их," сказал Мэт, таща вниз край его шляпы. "Доверься мне мне, не делай этого. Это не ответы. Это - угрозы. Обещания. Мы —"

Том остановился около него. В его руках Морейн начинала шевелиться. Она издала мягкий стон, глаза все еще были закрытые. Но не это заставило Мэта похолодеть.

Он мог видеть другую желтую комнату впереди. Находившееся посередине этой комнаты было дверным проемом из красного камня. или тем, что от него осталось.

Мэт изверг проклятье, выбегая вперед. Пол был усыпан обломками красного камня. Мэт застонал, отпустив копье и поднял несколько кусков. Портал был разрушен чем-то, ударом ужасающей силы.

Около входа в комнату Том опустился на пол, держа трепыхающуюся Морейн. Он выглядел опустошенным. Ни у одного из них не было мешков: Мэт отдал свой Ноэлу, Том оставил свой где-то позади. Комната оказалась тупиком, другого выхода не было.

"Сгори это место!", закричал Мэт, срывая шляпу, глядя в расширяющуюся, бесконечную тьму вверху. "Сгорите все вы, змеи и лисицы! Темный вас забери. У вас есть глаз, у вас есть Ноэл. Это достаточная цена для вас! Это слишком большая цена! Разве жизни Джейина проклятого Далекоходившего не достаточно,

чтобы успокоить вас, вы монстры! "

Его слова прозвенели и стихли, оставшись без ответа. Старый менестрель зажмурился, обнимая Морейн. Он выглядел подавленным, смотрящим в никуда. Его руки были красными и покрыты волдырями от того, что вытаскивал ее на свободу, рукава куртки опалены.

Мэт с отчаянием огляделся. Он попытался покрутиться с закрытым глазом. Когда он открыл глаз, он указывал на центр комнаты. На сломанный портал.

Мэт почувствовал, что надежда покидает его.

"Это была хорошая попытка, парень", сказал Том. "Мы неплохо справились. Лучше, чем следовало ожидать"

- Я не сдамся, - сказал Мэт, стараясь не поддаться сокрушающему чувству внутри него. - Мы будем... Мы вернемся тем же путем, найдем дорогу назад в то место между Элфинн и Илфинн. В сделке говорится, что они должны были оставить проход открытым. Мы доберемся до него и выйдем отсюда, Том. Сгореть мне, если собираюсь подохнуть здесь. Ты все еще должен мне пару кружек.

Том открыл глаза и улыбнулся, но не встал. Он тряхнул головой, вызвав покачивание усов, и взглянул на Морейн.

Ее глаза открылись. "Том", прошептала она, улыбаясь. "Мне кажется, что я слышу твой голос."

Свет, ее голос вернул Мэта назад. В другие времена. Годы назад.

Она взглянула на него. "И Мэт, дорогой Мэтрим. Я знала, что вы придете за мной. оба. Я этого не желала, но знала, что ..."

"Отдохни, Морейн, - мягко сказал Том, - мы выберемся отсюда через два проигрыша арфы."

Мэт посмотрел на нее, лежащую, беспомощную. "Чтоб я сгорел, я не позволю, чтобы все закончилось именно так!"

"Они идут, парень" произнес Том. "Я слышу их"

Мэт повернулся, чтобы посмотреть в проход. Он мог видеть то, что слышал Том. Элфинн ползли по коридору, волнообразно и смертоносно. Они улыбались и можно было видеть клыкообразные зубы по центру этих улыбок. Они могли бы быть людьми, если бы не клыки. И те глаза. Не естественные, узкие как щель гпаза. Они двигались плавно. Нетерпеливо, внушая страх.

- Нет, - прошептал Мэт. - Должен быть путь.

Думай, сказал он себе. Мэт, ты дурак. Должен быть выход. Как ты сбежал в прошлый раз? Ноэл спросил. Спасения не было.

Том отчаянно посмотрел и снял свою арфу со спины. Он начал играть. Мэт различил мелодию "Сладкие Шепоты Завтра". Мрачный звук подходил для смерти. Это было прекрасно.

Замечательно, музыка, кажется, успокаивала Элфинн. Они замедлились, находящиеся впереди начали покачиваться в такт музыке, пока шли. Они знали. Том играл для собственных похорон.

- Я не знаю, как вышел в последний раз, - прошептал Мэт. - Я был без сознания. Я очнулся повешенным. Ранд снял меня.

Он поднес руку к своему шраму. Первоначальные ответы Элфинн ничего не давали. Он знал о Дочери Девяти Лун, об отказе от половины света мира. Он знал о Руидин. Все было ясно. Ни пробелов. Ни вопросов.

Кроме...

Что Илфинн тебе дали?

- Если бы у меня был свой путь, - прошептал Мэт, уставившись на приближающихся Элфинн, - я захотел бы заполнить те провалы.

Элфинн скользили вперед, одетые в желтые ткани, обернутые вокруг их тел. Музыка Тома кружила в воздухе, отзываясь эхом. Существа приближались устойчивыми, медленными шагами. Они знали, что сейчас получат свою добычу.

Двое Элфинн впереди несли мерцающие бронзовые мечи, орошенные красным. Бедный Ноэл.

Том начал петь.

- О, как долги были дни для человека.

Когда шагал он по исковерканной земле.

Мэт слушал, воспоминания всплывали в его памяти. Голос Тома возвратил его в минувшие дни. Дни его собственных воспоминаний, дни воспоминаний других. Дни, когда он умер, дни, когда он жил, дни, когда он воевал и когда он выигрывал.

"Я хочу, чтобы эти пробелы были заполнены...", прошептал про себя Мэт. "Вот что я сказал. Илфин вынуждены были дать мне воспоминания, которые были не мои собственные."

Глаза Морейн снова закрылись, но она улыбалась, когда слушала музыку Тома. Мэт подумал, что Том играл для Элфинн, но теперь он задался вопросом, может он играл для Морейн. Последняя, печальная песня провалившегося спасения.

- Он плыл так далеко, как мог осмелиться мужчина, - пел Том красивым звучным голосом. - И никогда он не желал страх свой потерять.

"Я хочу, чтобы эти пробелы были заполнены", повторил Мэт ," так что они дали мне воспоминания. Это было моей первой просьбой".

- Страх для мужчины вещь невыразима. Хранит его, доказывает смелость.

"Я спросил что-то другое, не зная об этом", сказал Мэт. "Я

сказал, что хотел быть свободным от Айз Седай и Силы. Они дали мне медальон для этого. Еще один подарок."

- Пусть страх не заставит прекратить бороться, лишь тот, кто страшится, в живых остается.

"И... и я попросил еще одну вещь. Я сказал, что хотел убраться от них и вернуться в Руидин. Илфин дали мне все, что я просил. воспоминания, чтобы заполнить мою память, медальон, чтобы держать меня свободным от Силы.... "

И что? Они отправили его обратно в Руидин чтобы повесить. Но повешение цена, а не ответ на его требования.

"Я буду идти по этой разбитой дороге," Том пел громче, "и я буду нести тяжелый груз!"

- Они дали мне что-то еще, - шептал Мэт, поглядывая на ашандарей в руках, поскольку Элфинн начали шипеть громче.

Итак, договор записан; итак, соглашение заключено.

Это вырезано на оружии. На лезвии два ворона, древко исписано словами на Древнем Наречии.

Мысль это времени стрела; и память не истает

Почему они даны ему? Он никогда не задавался этим вопросом. Но он не попросил оружие.

Цена уплачена. Свое просивший получает.

Нет, я не просил оружия. Я просил выход.

И они дали мне это.

- Ну так приди ко мне с твоей ужасной ложью, - Том проревел последнюю строчку песни. - Я - правды человек, в твои глаза взгляну без дрожи!

Мэт развернул ашандарей и ткнул им в стену. Острие погрузилось в не-камень. Свет брызнул из-под лезвия, свободно стекая как кровь, льющаяся из вскрытой вены. Мэт закричал, погружая копье глубже. Мощные волны света вырывались из стены.

Он провел ашандареем под углом вниз, делая разрез. Затем потянул его в другую сторону, вырезая большой перевернутый треугольник из света. Свет, казалось, звучал, когда омывал его. Элфинн достигли дверного проема, у которого находился Том, но зашипели, подаваясь назад из-за сильного сияния.

Мэт закончил, прочертив волнистую линию посередине треугольника. Он едва мог видеть, свет был таким ярким. Участок стены перед ним отпал, открыв светящийся белый проход, который, казался вырезанным из стали.

- Чтоб меня... - поднимаясь, прошептал Том.

Элфинн гневно закричали. Они вошли в комнату, прикрывая глаза одной рукой и сжимая жуткие мечи в другой.

"Забери ее!" закричал Мэт, поворачиваясь в сторону существ.

Он поднял ашандарей, используя конец древка, чтобы разбить лицо первого Элфин. «Уходите!»

Том схватил Морейн и бросил взгляд на Мэта.

«Иди!» повторил Мэт, ломая руки другого Элфин.

Том прыгнул в проем и исчез. Мэт улыбался, кружась среди Элфинн со своим ашандареем, нанося удары по ногам, рукам, головам. Их было много, но они казались ошеломленными светом и слишком взбешенными, чтобы добраться до него. Когда он уложил нескольких из них, остальные оступились. Твари превратились в корчущуюся массу извилистых рук и ног, шипящую и плюющуюся от злости, некоторые позади пытались проползти через кучу, чтобы достать его.

Мэт отошел назад и прикоснулся к шляпе, поклонившись существам.

- Похоже, что в конце концов игра может быть выиграна, - сказал он. - Передайте лисам, что я очень им благодарен за ключ, который они мне дали. Кроме того, все вы можете отправляться гнить в полыхающую яму с огнем и пеплом, вы, несмываемые ошметки с задницы свиньи. Желаю великого проклятого дня.

Удерживая шляпу, он прыгнул через отверстие.

Все вспыхнуло белым.

Глава 56

Что-то не так

Мягкий стук снаружи палатки Эгвейн известил о посетителе.

- Войдите, - сказала она, перебирая бумаги на своем столе.

Внутрь скользнул Гавин. Он сменил свою прекрасную одежду на коричневые брюки и легкую светлую рубашку. На его плечи был накинут меняющий цвета плащ Стража, сливающийся с окружающей средой. Сама Эгвейн была одета по-королевски, в платье с синими и зелеными цветами.

Его плащ зашуршал, когда он сел рядом с ней за стол. "Армия Илэйн прибывает. Она послала гонца от себя, что она собирается приехать к нам в лагерь.»

«Отлично», сказала Эгвейн. Гавин кивнул, но он был встревожен. Такая полезная вещь, клубок эмоций, вызванный связью. Если бы она знала раньше, глубину его преданности к ней, она бы связала его недели назад. «Что?» спросила Эгвейн, отложив в сторону свои бумаги.

"Айбара", сказал он. "Он не согласился с вами встретиться".

"Илэйн говорит, что он может быть трудным."

"Я думаю, что он займет сторону Ал Тора" сказал Гавин. "Ты можешь видеть это в том, как он разбил лагерь, отдельно от всех остальных. Он сразу же послал гонцов к Айл и Тайренцам. У него хорошая армия, Эгвейн. Огромная. С Белоплащниками в ней."

- Это еще не означает, что он собирается встать на сторону Ранда, - сказала Эгвейн.

- Но это также не означает, что он займет нашу позицию, - ответил Гавин. - Эгвейн... Галад руководит Белоплащниками.

"Твой брат?"

«Да». Гавин покачал головой. «Так много армий, так много привязанностей, все следят друг за другом. Айбара и его силы могут быть той искрой, которая взорвет нас всех, как фейерверк.»

"Все станет лучше, когда Илэйн возглавит их", сказала Эгвейн.

"Эгвейн, что если АлТор не придет? Что делать, если он сделал это, чтобы отвлечь всех от всего остального, что он делает?"

«Зачем ему так делать?» сказала Эгвейн. «Он уже доказал, что он может исчезнуть, если захочет.» Она покачала головой. «Гавин, он знает, что не должен разрушать эти печати, по крайней мере, часть его знает. Возможно, именно поэтому он мне и сказал про

это, чтобы я могла собрать тех, кто сможет ему сопротивляться, для того, чтобы я могла отговорить его от этого.

Гавин кивнул. Никакого недовольства или споров. Удивительно, как он изменился. Он был столь же импульсивным, как всегда, но все таки менее резким. После событий той ночи с наемными убийцами он начал делать то, что она просила. Не как слуга. Как напарник, посвятивший себя наблюдению за исполнением ее воли.

Это было замечательно. А также важно, так как Зал Башни казался полным решимости отменить их соглашение позволить ей возглавить переговоры с Рандом. Она взглянула на стопку бумаг, многие из которых были письмами с "советами" от Восседающих.

Но они были посланы к ней, а не в обход ее. Это было хорошо, и она не могла проигнорировать их. Нужно заставить их продолжать верить, что будет лучше, если работать с нею. В то же время она не могла позволить им допускать, что она обошлась несколькими хорошими криками.

Такое хрупкое равновесие. "Ну, тогда, давай пойдем встречать твою сестру."

Гавин поднялся, двигаясь грациозно. Три кольца, которые он носил на цепочке на шее, брякали, когда он двигался; нужно еще раз спросить, где он их взял. Он был как-то странно сдержан при упоминании о них. Он придержал откидные створки палатки, когда она выходила.

Солнце уходящего дня было скрыто серыми облаками. Солдаты Брина деловито работали над палисадом. В течение нескольких последних недель его армия разрослась и они доминировали на восточном крае широкого, окаймленного лесом, поля, известного когда-то как Меррилор. Поросшие мхом и почти скрытые кустарником обломки башен крепости, некогда стоявшей здесь, устилали всю северную часть поля.

Палатка Эгвейн была на возвышенности, и она могла видеть несколько армий расположившихся лагерями здесь. «Это кто то новые?» спросила она, указывая на небольшие отряды, которые занимали позиции чуть ниже руин.

- Они пришли самостоятельно, - сказал Гавин. - По большей части фермеры. Не настоящая армия; у большинства нет мечей. Вилы, плотничьи топоры, дубины. Полагаю, алТор послал их. Они начали прибывать вчера.

- Любопытно, - сказала Эгвейн. Они казались разношерстным сборищем с установленными вразнобой палатками и слабым представлением о развертывании военного лагеря. Но их, на вскидку , было около пяти или десяти тысяч. - Отряди несколько

разведчиков, пусть приглядывают за ними.

Гавин кивнул.

Эгвейн повернулась и увидела процессию движущеюся, через несколько врат для перемещений, располагаясь лагерем. Лев Андорра высоко поднимался на ними, и солдаты шли стройными рядами. Отряд в красном и белом оставил их и двигался к лагерю Эгвейн, знамя королевы летело над ними.

Гавин сопровождал Эгвейн по пожелтевшей траве, чтобы встретить Илейн. Королева Андора определенно не торопилась. Только если это не было связано с Рандом. Однако, она пришла, как и другие. Айил сопровождали Дарлина из Тира и ее убедительности было достаточно, чтобы привести большой контингент Иллианцев, которые расположились лагерем на западной стороне луга.

Согласно отчетам, Кайриенцы теперь принадлежали Илейн и проходили вместе с Андорцами и большим количеством мужчин из Отряда Красной Руки. Эгвейн послала предложение и женщин, способных к Перемещинию, королю Муранди Роедрану, но была не уверена, что тот прибудет. Но даже без него здесь было представлено значительное число стран мира, особенно после того, как среди армий Перрина были замечены флаги Гэалдана и Майена. Ей нужно бы встретиться с правителями этих двух стран и посмотреть, смогла бы она склонить их на свою сторону. Но даже без них того, что она собрала, было бы достаточно, чтобы убедить Ранда изменить свои планы. Да ниспошлет Свет, чтобы этого хватило. Она не хотела думать о том, что произошло бы, если он подавит ее влияние.

Она спускалась по тропе, кивая в ответ сестрам и приседающим в реверансе Принятым, отдающим честь солдатам и кланяющимся слугам. Ранд был бы...

"Этого не может быть", внезапно воскликнул Гавин, замерая на месте.

"Гавин?" сказала она, хмурясь. "Вы- "

Он бегом поднялся на заросший сорняком холм. Эгвейн недовольно глядела на него. В нем все еще оставалась импульсивная черточка. И почему он так внезапно расстроился? Это было не беспокойство, она могла чувствовать это. Скорее замешательство. Она поспешила за ним настолько быстро, насколько позволял этикет. Посол Илейн остановился в мертвой траве.

Гавин стоял перед кем-то на коленях. Пожилая женщина с рыжевато-золотистыми волосами стояла рядом с улыбающейся Илейн, все еще сидящей на лошади.

Ах, подумала Эгвейн. Ее шпионы доставили ей эти слухи

только вчера вечером, но она хотела, получить подтверждение им, прежде чем рассказать об этом Гавину.

Моргейз Траканд была жива.

Эгвейн отступила назад. Как только она выйдет вперед, Илейн поцеловала бы ее кольцо, а вся процессия поклонилась бы - это испортило бы момент для Гавина. Пока она ждала, облака начали редеть.

Внезапно они разошлись, темные грозовые тучи отступили, открывая синий, глубокий, чистый небосвод. Илейн широко открыла глаза и повернулась на лошади, глядя в сторону участка лагеря, где находился Перрин.

"Что ж, он пришел", подумала Эгвейн. И стало так спокойно. Краткий миг затишья перед разрушительной бурей.

"Попробуйте еще раз, Эмарин" сказал Андрол, стоявший с небольшой группой внутри рощицы деревьев вблизи границы земель Черной Башни.

Статный дворянин был сосредоточен, удерживая единую силу. Плетения возникли вокруг него. Он был необыкновенно искусен, учитывая как мало времени он обучался, и умело создавал плетение для переходных врат.

Вместо того чтобы открыть дыру в воздухе, плетение распалось и исчезло. Эмарин повернулся к остальным, пот тек по его лицу. "Создание этого плетения кажется сложнее, чем раньше", сказал он.

"Почему они не работают?" сказал Эвин. Детское лицо молодого человека вспыхнул от гнева, как будто проблема с вратами было оскорблением.

Андрол покачал головой, сложив руки на груди. Деревья шелестели и листья трепетали на ветру, многие падали на землю. Бурые, как будто была осень. Это удручало его. Он провел какое-то время, работая с землей во время своих путешествий, и приобрел чувство фермера о правильности и неправильности относительно земли.

"Ты попробуй еще раз, Андрол,"сказал Эвин. "У тебя всегда так хорошо получались врата."

Он взглянул на трех других. Здесь еще был Канлер; пожилой андорский фермер сильно хмурился. Конечно, Канлер часто хмурился по тем или иным случаям.

Андрол закрыл глаза, освобождая себя от всех мыслей, обнимая пустоту. Саидин сияла там, жизнь и Сила. Он схватил ее, наполняясь. Он открыл глаза на мир, который стал более живым. Как могут мертвые растения могут выглядеть так болезненно и ярко одновременно? Странные сопоставления, стали возможно благодаря Саидин.

Он сосредоточился. Создание врат проходило у него намного проще, чем аналогичное плетение у других, он никогда не понимал почему. Хотя Андрол не мог разрушить даже небольшой камешек, используя Силу, он мог создать врата достаточно большие, чтобы через них могла проехать телега. Логайн назвал это впечатляющим; Таим сказал, что это невозможно.

В этот раз Андрол использовал всю Силу, которую он мог вложить в плетение. Он чувствовал врата. Они имели смысл. Может быть, это была его врожденная любовь к путешествиям, открытию новых мест и нового искусства.

Плетение сформировалось. Он не заметил никаких сложностей, о которых упоминал Эмарин. Однако, когда должна была появиться знакомая полоса света, плетение начало распускаться. Андрол пытался удержать его, уплотняя. На мгновение показалось, что оно сработает. Но затем нити выскользнули из под его контроля, исчезая. Врата так и не сформировались.

""Другие плетения работают, я пробовал делать остальные," сказал Эвин, создав шар света. "Каждое из них".

"Только Перемещение", хрипло сказал Канлер.

"Это похоже..." сказал Эмарин. "Это похоже на то, что кто-то хочет удерживать нас здесь. В Черной Башне".

- Попробуйте в других местах в пределах периметра, - сказал Андрол. - И попытайтесь не дать прихвостням Таима увидеть, чем вы занимаетесь. Ссылайтесь на то, что проводите проверку по приказу Таима.

Мужчины кивнули, трое из них отправились на восток. Андрол покинул поляну. Норли стоял около дороги, оглядываясь по сторонам в поисках Андрола. Низкий, раздавшийся в талии кайриэнец помахал рукой и приблизился. Андрол встретил его на полпути. У Норли была открытая доброжелательная улыбка. Никто никогда не подозревал его в шпионаже на них, чему Андрол нашел хорошее применение.

"Ты разговаривал с Мезаром?" спросил Андрол.

Конечно же," ответил Норли. "Мы вместе обедали." Норли поприветствовал Мишраеля, когда они проходили мимо него, наблюдающего за группой солдат практикующихся в плетениях. Златокудрый мужчина отвернулся от них пренебрежительно.

"И?" напряженно спросил Андрол.

«Это не совсем Мезар,» ответил Норли. «О, это имеет лицо Мезара, прямо один в один. Но это не он. Я вижу по его глазам. Проблема в том, чем бы эта штука не была, оно имеет воспоминания Мезара. Разговаривает как он. Но его улыбка неправильная. Все неправильное.»

Андрол вздрогнул.

- Это должен быть он, Норли.

- Это не так. Клянусь тебе.

"Но - "

"Это совсем не он" сказал толстяк.

Андрол глубоко вдохнул. Когда несколько дней назад вернулся Мезар, объяснив, что с Логайном все в порядке и скоро будут решены вопросы с Таимом, Андрол начал надеятся, что найдется выход из создавшейся ситуации. Но что-то оказалось не так с этим человеком. Кроме того, М'Хаэль устроил целое представление из принятия Мезара в полные Ашаманы - Дракон возвысил его. И теперь Мезар, ярый сторонник Логайна, проводил время с Котереном и другими клевретами Таима.

- Становится все хуже, Андрол, - тихо сказал Норли, улыбаясь и махая группе тренирующихся мужчин. - Я сказал бы, настало время уехать отсюда, будет это или нет против приказов.

- Мы никогда не пройдем через посты охраны, - сказал Андрол. - Таим не позволит уехать даже тем Айз Седай; ты слышал истерику, которую та пухленькая устроила у ворот на следующий день. Таим удвоил охрану по ночам, а врата не работают.

- Ну что-то ведь мы должны сделать? Я имею в виду... что, если они захватили Логайна? Что тогда?

- Я... - Он не знал. - Поговори с теми, кто лоялен к Логайну. Я собираюсь переселить нас в общую казарму. Вместе с семьями. Скажем М'Хаэлю, что хотим осводить побольше пространства для его новичков. Затем мы займем посты охраны по ночам.

- Это будет несколько очевидно.

"Разделение уже очевидно," сказал Андрол. "Надо что-то делать."

"Еще бы. Но что ты собираешься делать?"

Андрол сделал глубокий вдох. "Я собираюсь найти нам союзников."

Норли пошел влево, но Андрол продолжил путь вниз, через деревню. Казалось, все меньше и меньше людей были уважительны с ним в эти дни. Либо они боялись это делать, или они примкнули к Таимову большинству.

Несколько одетых в черное мужчин стояли, сложив руки на груди и наблюдая за ним. Андрол попытался не чувствовать холод. Проходя мимо, он заметил Мезара, с поседевшими по бокам волосами и медной кожей доманийца, стоявшего с группой клевретов. Мужчина улыбнулся ему. Мезар никогда не был из тех, кто легко улыбался. Андрол кивнул ему, встречаясь с его глазами.

И он увидел, то что заметил Норли. Что-то глубоко

неправильное, что-то неживое в этих глазах. Казалось, что это был не человек, а лишь копия его. Тень, поселившияся внутри человеческой оболочки.

Свет да поможет нам всем, думал Андрол, заторопившись. Он добрался до южной стороны деревни, к группе небольших хижин с побеленными деревянными стенами и соломенными крышами, которые необходимо заменить.

Андрол колебался. Что он делал? Это было место, где остановились женщины из Красной Айя. Они сказали, что приехали, чтобы связать узами Ашаманов, но до сих пор не сделали этого. Очевидно, это какая-то уловка. Может они пришли, чтобы найти способ повязать их всех.

Но в таком случае он, по крайней мере, мог бы рассчитывать, что они не примкнули к Таиму. Когда вы смотрите в глотку рыбы-льва, пиратский корабль кажется не таким уж и плохим. Андрол услышал однажды это высказывание, когда работал на рыбацкой лодке на юге.

Глубоко вздохнув, он постучал. Полная Красная открыла дверь. Она имела нестареющее лицо Айз Седай, не по-настоящему молодое, но и не старое. Она посмотрела на него.

"Я слышал, вы хотите покинуть Черную башню", сказал Андрол, надеясь, что он поступает правильно.

"Неужели МХаель изменил свое решение?" с надеждой спросила она. Она на самом деле улыбалась. Редкое явление для Айз Седай.

"Нет," сказал Андрол: "Насколько я знаю, он по-прежнему запрещает вам уезжать".

Она нахмурилась. "Тогда - "

Андрол понизил голос. "Вы не единственные, кто хотел бы покинуть это место, Айз Седай."

Она смотрела на него, ее лицо стало совершенно спокойным. Она не доверяет мне, подумал он. Странно, как само простое отсутствие эмоций может передать смысл.

Отчаявшись, он сделал шаг вперед, положив руку на дверную раму. "Что-то случилось в этом месте. Что-то хуже, чем вы понимаете. Однажды, давным-давно, мужчины и женщины, которые работали с силой собирались в круг. Они были сильнее от этого. Пожалуйста. Выслушайте меня."

Она стояла еще долгое мгновение, и открыла дверь. "Входите, быстро. Тарна - женщина, с которой мы делим эту лачугу - далеко. Мы должны обсудить все, прежде чем она вернется".

Андрол вошел внутрь. Он не знал, вступает ли он на борт пиратского брига или в пасть рыбы-льва. Но это нужно было сделать.

Глава 57

Кролик на ужин

Мэт приземлился на неровный грунт, ослепленный вспышкой света.Ругаясь, он оперся на ашандарей, чтобы не упасть на мягкую землю. От нее пахло листвой, грязью и гниющей древесиной. Насекомые жужжали в тени.

Белизна исчезла, и он очутился за пределами Башни Генджей. Он почти ожидал, что вновь окажется в Руидине. Казалось, что копье вернуло его в свой мир в том месте, где он зашел. Том сидел на земле, поддерживая Морэйн, которая моргала и оглядывалась.

Мэт обернулся к башне и нацелился вверх.

- Я знаю, вы смотрите! - сказал он возбужденно. Он сделал это. Он, проклятье, с этим справился и остался жив! - Я побил вас, покрытые струпьями старые сапоги! Я, Мэтрим Коутон, пережил ваши ловушки! Ха! - Он вскинул ашандарей над головой. - И вы сами дали мне выход! Жуйте эту горечь на обед, вы, пылающие, горящие, ублюдочные лгуны!

Мэт широко улыбался, со стуком вгоняя копье древком вперед в землю рядом с собой. Он кивнул. Никто не одолел Мэтрима Коутона. Они лгали ему, выдавали смутные пророчества и угрожали, а затем повесили его. Но Мэт оказался впереди в конечном счете.

- Кто был другим? - Мягкий голос Морэйн спросил сзади. - Тот, кого я видела, но не знаю?

- Он не смог выбраться оттуда, - угрюмо сказал Том.

Это охладило Мэтов пыл. Их победа досталась им страшной ценой. Все это время Мэт путешествовал с легендой?

- Он был другом, - сказал Том тихо.

- Он был великим человеком, - добавил Мэт, поворачиваясь и вытаскивая ашандарей оттуда, куда засадил его в землю. - Когда напишешь балладу об этом, Том, убедись, что ты указал, что он был героем.

Том взглянул на Мэта, затем понимающе кивнул.

- Мир захочет узнать, что случилось с этим человеком.

Свет! Как обратил внимание Мэт, Том совсем не удивился, услышав, что Ноэл был Джейином Далекоходившим. Он знал. Когда он об этом догадался? Почему ничего не сказал Мэту? Том был тот еще друг.

Мэт только покачал головой.

- Ну, мы выбрались, так или иначе. Но Том, в следующий раз, как я захочу провести треклятые переговоры, подкрадись сзади и стукни меня по голове чем-нибудь большим, тяжелым и тупым. А потом бери все в свои руки.

- Приму во внимание твою просьбу.

- Давайте отойдем отсюда. Мне не по душе, что треклятая башня маячит надо мной.

- Да, - произнесла Морейн, - ты можешь сказать, что они кормятся эмоциями. Хотя я скорее назвала бы это не "питанием", а "наслаждением" эмоцией. Им это не нужно, чтобы выжить, однако с этого они получают сильное удовольствие.

Они сидели на лесной прогалине неподалеку от башни, рядом с лугом близ Аринелле. Густая сень деревьев охлаждала воздух и загораживала им обзор башни.

Мэт сидел на небольшом мшистом валуне, пока Том разводил огонь. У него в кармане завалялись несколько зажигательных палочек Алудры, а также немного пакетиков с чаем, однако не было ничего, в чем можно подогреть воду.

Морейн, все еще завернутая в Томов плащ, сидела на земле, прислонившись к упавшему бревну. Она изнутри держала плащ запахнутым, позволяя ему полностью укутать себя, кроме лица и темных кудрей. Она выглядела более женственной, чем помнил Мэт - в его воспоминаниях она походила на статую. Всегда невыразительное лицо словно из полированного камня, глаза, похожие на темно-коричневый топаз.

Теперь она сидела с бледной кожей и раскрасневшимися щеками, ее волосы вились и свободно ниспадали вокруг лица. Она была привлекательной, за исключением этого безвозрастного вида Айз Седай. Тем не менее, ее лицо проявляло намного больше эмоций, чем мог припомнить Мэт, выражение нежности, когда она взглянула на Тома, слабая дрожь, когда она рассказывала о времени, проведенном в башне.

Она бросила взгляд на Мэта, и ее глаза по-прежнему оставались оценивающими. Да, это была прежняя Морейн. Смирившаяся, сломанная. По какой-то причине это заставило ее казаться тверже в глазах Мэта.

Том подул на колеблющееся пламя, которые пустило в воздух витую струйку дыма прежде, чем медленно погаснуть. Вероятно, древесина была слишком влажной. Том выругался.

- Все нормально, Том, - мягко произнесла Морейн. - Я буду в порядке.

- Я не хочу, чтобы ты подхватила простуду сразу же, как мы освободили тебя из того места, - сказал Том. Он достал зажигательную палочку, но внезапно дерево заискрило, и затем

огонь с шипением разгорелся, словно он охватил слишком влажный трут.

Мэт взглянул на Морейн, на лице которой был сосредоточенный вид.

- О, - воскликнул Том и тихо засмеялся. - Я почти забыл об этом...

- Это все, что я теперь могу самостоятельно направить, - сказала Морейн, поморщившись. Свет, разве раньше Морейн морщилась? Она для этого была слишком высока и могущественна, разве нет? Или Мэт неверно ее припоминал?

Морейн. Он разговаривал с потрясающей Морейн! Хоть он и пошел в башню с четким намерением спасти ее, это казалось невероятным, что он говорил с ней. Это походило на разговор с...

Ну, как говорить с Бергитте Серебряный Лук или Джейином Далекоходившим. Мэт улыбнулся, покачивая головой. Что это был за мир, и что за странное место Мэт в нем занимал.

- Что ты имеешь в виду, Морейн? - спросил Том, подбрасывая в огонь несколько веток. - Все, что ты можешь направить?

- Элфинн и Илфинн, - пояснила она спокойным голосом. - Они смакуют и наслаждаются сильными эмоциями. По некоторым причинам эффекты та'верена действуют на них даже более опьяняюще. Есть и другие вещи, от которых они получают удовольствие.

Том, нахмурившись, глянул на нее.

- Моя Сила, Том, - разъяснила она. - Я могла слышать, как они лаяли и шипели друг на друга, когда питались мной, Элфинн и Илфинн, те и другие по очереди. Кажется, у них не очень-то часто бывали Айз Седай. Высасывая мою способность направлять, они получали вдвое больше пищи - мою печаль о том, что я теряю, и саму Силу. Мои возможности очень сильно уменьшились.

- Они утверждали, что убили Ланфир, слишком быстро ее опустошив, хотя я полагаю, Элфинн и Илфинн, возможно, пытались заставить меня бояться. Однажды там был мужчина, когда они разбудили меня. Он сказал, что я не та, кого он хотел. - Она запнулась и задрожала. - Иногда я желала, чтобы они побыстрей истощили меня и окончили мою жизнь.

Небольшой лагерь затих, кроме треска огня. Том посмотрел на Морейн, которая казалась беспомощной.

- Не выражай мне такого сожаления, Том Меррилин, - сказала Морейн, улыбаясь. - Я пережила ужасные вещи, но все люди знают подобные минуты отчаяния. Я верила, что ты придешь. - Она высвободила руку из-под плаща, обнажив тонкое, бледное плечо и ключицу, и протянула ему. Он помедлил, потом взял руку

и пожал ее.

Морейн посмотрела на Мэта.

- И ты, Мэтрим Коутон. Больше не наивный паренек с фермы. Боль в глазу сильно беспокоит тебя?

Мэт пожал плечами.

- Я Исцелила бы рану, если могла, - произнесла Морейн. - Но даже останься я столь же сильной, как когда-то была, то не смогла бы восстановить твой глаз. - Она потупилась, отпуская ладонь Тома и сжимаю свою руку. - У вас есть ангриал?

- Ах, да, - сказал Том, выуживая странный браслет из своего кармана. Он надел его ей на руку.

- С этим, - сказала Морейн, - я буду достаточно сильна, чтобы избавить тебя от боли, по крайней мере. Они поместили его на меня, чтобы дать мне возможность набрать больше Силы и сделать их пищу более сочной. На самом деле, я просила ангриал в качестве одного из трех моих желаний. Я не представляла, что они в конечном итоге будут использовать его против меня.

- Они дали тебе три желания, - спросил Мэт, нахмурившись.

- Я прошла через тер'ангриал, - ответила она. - Древний договор удерживал нас обоих, хотя с уничтожением дверной рамы не осталось простого пути назад. Я знала из-за...предшествующих событий, что мне не сбежать - если только вы не придете за мной, - независимо от того, какими были мои желания или как тщательно я их формулировала. Так что я использовала их наилучшим образом.

- Что ты попросила? - задал Мэт вопрос. - Кроме ангриала?

Она улыбнулась.

- Пока что я придержу это. Я действительно благодарна тебе, юный Мэтрим. За мою жизнь.

- Тога я думаю, мы в расчете, - сказал он. - Ты спасла меня от жизни в Двуречье. Чтоб мне сгореть, если у меня была такая хорошенькая скачка с тех пор.

- А твоя рана?

- Не так уж и болит. - Вообще-то, она беспокоила. Очень, очень сильно. - Тебе нет необходимости впустую тратить силы на это.

- До сих пор пугаешься Единой Силы, как я вижу.

Он ощетинился.

- Боюсь?

- Я так думаю, у тебя есть серьезная причина для подобной осмотрительности. - Она отвела взгляд от него. - Но будь осторожен. Самые неприятные события в нашей жизни бывают иногда для нашего блага.

Да, она по-прежнему оставалась Морейн. Скорой на поучения

и советы. Но, наверное, у нее было на это право - после того, через что она прошла, - читать нотации о страдании. Свет! Она знала, через что придется пройти, и, тем не менее, все же столкнула Ланфир в тот тер'ангриал? Может, не Мэт был тут героем, и, возможно, Ноэл им тоже не был.

- Так и что теперь? - спросил Том, усаживаясь обратно на пень. Тепло огня позволяло чувствовать себя хорошо.

- Я должна найти Ранда, - сказала Морейн. - Ему понадобится моя помощь. Надеюсь, он хорошо справлялся, пока меня не было?

- Ничего об этом не знаю, - ответил Мэт. - Он почти сумашедший, и все в этом треклятом мире готовы вцепиться друг другу в глотки. - Замелькали цвета. Ранд обедающий с Мин. Он развеял образ.

Она приподняла бровь.

- Но, - признал Мэт, - он заполучил большинство, указав на Последнюю Битву. И Верин сказала, что он очистил саидин от порчи.

- Благословенный Свет, - прошептала Морейн. - Как?

- Я не знаю.

- Это все меняет. - произнесла она, широко улыбнувшись. - Он исправил то, что однажды испортил. "Дракон принес нашу боль и Дракон исцелил рану."

- Мэт твердит, что нам нужен фестиваль или просто что-нибудь, чтобы отпраздновать, - заметил Том - Впрочем, может быть, ему нужен лишь хороший повод напиться.

- Я сказал, что это - несомненный факт, - добавил Мэт. - Во всяком случае, Ранд был занят. Илэйн говорит, у него намечается какая-то встреча, устроенная с правителями под его контролем, в ближайшее время.

- Значит, Илэйн - королева?

- Ну да. Ее мать убил Равин, - произнес Мэт.

- Ты говорил мне.

- Я? Когда?

- В прошлой жизни, Мэтрим, - ответила она улыбаясь.

- Хрм. Да, Ранд разобрался с ним.Так что все хорошо.

- Что с другими Отрекшимися? - спросила Морейн.

- Не в курсе, - ответил Мэт.

- Мэт был слишком занят, чтобы следить за событиями, - добавил Том. - Он провел время, женившись на императрице Шончан.

Морейн от удивления моргнула.

- Ты сделал что?

- Это произошло случайно, - вяло ответил Мэт, сжавшись.

- Ты случайно женился на Императрице Шончан?

- У них такие странные обычаи, - произнес Мэт, натягивая шляпу поглубже. - Странные люди. - Он выдавил смешок.

- Та'верен, - сказала Морейн.

Как бы то ни было, он знал, что она это скажет. Свет. Ну, хорошо, что они смогли вернуть ее назад. Мэт был удивлен силой этого чувства. Кто бы мог подумать? Он чувствует привязаннность? Привязанность к Айз Седай? Он?

- Ясно, - сказала она, - вижу, что нам многое нужно обговорить. Но сначала нам нужно найти Ранда.

Он также знал, что она постарается взять руководство на себя.

- Ты найдешь его, Морейн, но в Кеймлине есть вещи, которые я должен сделать. Не хочу спорить и все, но такие вот дела. Ты тоже должна пойти туда. Илэйн, более чем кто-то еще, в состоянии помочь тебе с Рандом.

Треклятые цвета. Так, словно остаться с одним глазом было недостаточно плохо, у него еще и эти пылающие видения роились перед взглядом всякий раз, когда он думал о Ран...

Чтоб они сгорели, эти видения!

Морейн подняла бровь, когда он покачал головой, а потом покраснел. Он, верно, выглядел так, словно был в припадке.

- Увидим, Мэтрим, - сказала она, потом бросила взгляд на Тома, который стоял, держа пакетики с чаем. Мэт уже почти думал, что тот попытается вскипятить воду в руках, только чтобы достать для Морейн теплого чая. Том посмотрел на нее, и она снова протянула ему руку.

- Дражайший Том, - произнесла она. - Я хотела бы тебя в мужья, если ты захочешь меня в жены.

- Чего? - спросил Мэт, вставая. Он поднял руку ко лбу, чуть не сбив шляпу напрочь. - Что ты сказала?

- Тише, Мэт, - сказал Том. Он не принял протянутую Морейн руку. - Ты знаешь, мне всегда очень не нравились женщины, способные направлять Единую Силу, Морейн. Ты знаешь, это уносило меня обратно в прошлое.

- У меня теперь не так уж много Силы, дорогой Том. Без этого ангриала я буду недостаточно сильна, чтобы подняться до Принятой в Белой Башне. Я выброшу его, если ты этого пожелаешь. - Она подняла другую руку, оставаясь едва прикрытой. Она стянула ангриал.

- Я так не считаю, Морейн, - ответил он, опускаясь на колени и беря ее за руки. - Нет, я ничего не отниму у тебя.

- Но с этим я буду очень сильна, буду обладать большей Силой, чем перед тем, как меня схватили.

- Так тому и быть, - сказал он. Он надел браслет обратно на

ее запястье. - Я женюсь на тебе, если ты желаешь этого.

Она напряженно улыбнулась.

Мэт стоял ошеломленный.

- И кто, проклятье, собирается вас женить? - выпалил он. - Ясно прямо как гром, что я не собираюсь быть им, скажу вам.

Парочка глянула на него, Том с пустым взглядом, Морейн - с намеком на улыбку.

- Я могу понять, почему шончанка заполучила тебя, Мэт, - отметила она. - У тебя, несомненно, есть склонность к романтике.

- Я просто... - Он снял шляпу, неуклюже держа ее, метаясь взглядом между ними. - Я просто...чтоб мне сгореть! Как я это пропустил? Я был с вами двумя большую часть времени, которое вы провели вместе! Когда вы стали такими влюбленными?

- Ты не очень-то пристально наблюдал, - ответил Том. Он повернулся к Морейн. - Полагаю, ты также захочешь сделать меня Стражем?

Она улыбнулась.

- Мой прежний Гайдин был передан другой к этому времени, я надеюсь.

- Я возьмусь за работу, - сказал Том, - хотя тебе придется объяснить Илэйн, почему ее придворный бард чей-то Страж. - Он помедлил. - Как думаешь, они смогут сделать один из тех меняющих цвет плащей с какими-нибудь заплатками на нем?

- Ну, я смотрю, вы оба стали треклятыми сумасшедшими, - сказал Мэт. - Том, не ты однажды сказал мне, что больнее всего тебе находиться в двух местах - Тар Валоне и Кеймлине? Теперь ты на полной скорости бежишь вниз по склону, который закончится с тобой, живущим в том или другом месте!

Том пожал плечами.

- Времена меняются.

- Я никогда не проводила большую часть времени в Тар Валоне, - произнесла Морейн. - Думаю, мы будем получать удовольствие, путешествуя вместе, Том Меррилин. Если переживем грядущие месяцы. - Она посмотрела на Мэта. - Ты не должен отвергать узы Стража с такой легкостью, Мэт. Блага, которые они дают, в эти дни будут весьма полезными для людей.

Мэт нахлобучил шляпу обратно.

- Может статься, это правда, но ты никогда не увидишь меня, попавшего в их треклятую ловушку. Без обид, Морейн. Ты мне довольно симпатична. Но быть связанным с женщиной? Не бывать такому с Мэтримом Коутоном.

- Да неужели? - спросил Том. - Разве мы не установили, что твоя Туон будет способна направлять, реши она учиться?

Мэт замер. Проклятый пепел. Том был прав. Но умение

направлять превратит ее в марат'дамани. Она не сделает подобной вещи. Ему не о чем беспокоиться.

Не так ли?

Он, должно быть, скривил мину при этой мысли, поскольку Том усмехнулся, и Морейн опять улыбнулась. Однако, они оба вскоре потеряли интерес к подшучиванию над Мэтом, и вернулись к тихой беседе. Эта любовь в их глазах была истинной. Они любят друг друга. Свет! Как Мэт это проморгал? Он чувствовал себя как человек, который привел на конные скачки свинью.

Он решил потихоньку улизнуть, оставляя парочку наедине. Он отправился разведать местность, где, как предполагалось, появятся их переходные врата. Это было лучше всего. Они не взяли припасов, и Мэт совсем не собирался останавливать корабль и плыть на нем весь долгий путь обратно к Кеймлину.

Это была короткая прогулка через луг к берегам Аринелле. Оказавшись там, он сложил из камней небольшую пирамиду в честь Ноэла, затем коснулся шляпы в память о нем и присел, чтобы ждать и размышлять.

Морейн была в безопасности. Мэт выжил, хотя эта треклятая дырка пульсировала болью как ничто другое. Он все еще не был уверен, были ли у Элфинн и Илфинн веревки вокруг него или нет, но он вошел в их логово и вернулся невредимым. По большей части, во всяком случае.

Один глаз потерян. Как это скажется на его способности сражаться? Это волновало его больше всего. Он нацепил на себя храбрый вид, но внутри Мэт дрожал. Что подумает Туон о муже, упустившем глаз? Муже, который мог быть неспособен защитить себя?

Он вытащил нож и начал подбрасывать его. Потом, следуя прихоти, не глядя метнул его себе за спину. Мэт услышал тихий визг и обернулся, чтобы увидеть, как кролик резко упал на землю, пронзенный его лениво брошенным ножом.

Он улыбнулся, затем повернулся обратно к реке. Там он заметил что-то, застрявшее между двумя большими речными камнями рядом с берегом. Это была опрокинутая кастрюля с медным дном, практически новая, только помятая по бокам пару раз. Должно быть, ее уронил путешественник, проходивший выше по реке.

Да, он мог быть неспособен оценивать расстояние и также мог быть не в состоянии видеть. Но удача работала лучше, когда ты не приглядывался, так или иначе.

Мэт улыбнулся шире, потом подобрал кролика - он освежует его на ужин, - и вытащил кастрюлю из реки.

Морейн в конце концов получит свой чай.

Эпилог

Потом

Грендаль поспешно собиралась, думая что нужно забрать из ее нового дворца. Из стола она взяла маленький ангриал в форме небольшого изогнутого ножа из слоновьей кости, который Месана обменяла на её информацию. Свое золотое кольцо она потеряла во время атаки Ал'Тора.

Грендаль бросила его в узел и взяла пачку бумаг с кровати. Имена контактов, глаз-и-ушей -- все что она смогла вспомнить из того, что пропало при разрушении Кургана Нэтрина.

Снаружи вздымались и бились о скалы волны. Было еще темно. Всего мгновения прошли с момента, когда ее оружие дало сбой и провалило задуманное ей. Айбара выжил в сражении. Но это должно было сработать!

Она была в своей усадьбе в нескольких лигах от Эбу Дар. Теперь, когда Семираг не было, Грендаль начала плести сеть вокруг их новой, похожей на ребенка Императрицы. Придется повременить с этими планами.

Перрин Айбара спасся. Она была ошеломлена. Совершенный план провалился. И потом.. он спасся. Как? Пророчество.. Там говорилось..

Что за бездарь! - Грендаль размышляла, складывая бумаги в узел. - И этот идиот Белоплащник! Она вспотела. Она не должна была потеть.

Она переложила несколько тер'ангриалов из стола в узел, затем открыла гардероб, чтобы переодеться. Он может найти её в любом месте мира.

Но, может, в одной из зеркальный реальностей за Портальными Камнями.. Да, там, его связь не..

Она повернулась с руками, занятыми шелками и замерла. В комнате стояла фигура. Высокая, словно столб одетый в черное. Улыбающиеся губы смерти.

Грендаль бросилась на колени, разбрасывая одежду. Пот стекал у нее по щеке.

"Грендаль..", произнес высокий Мурдраал. Звук голоса внушал ужас и звучал подобно последнего шепоту умирающего человека. "Ты провалилась, Грендаль."

Шайдар Харан.. Очень очень плохо. "Я.." начала она, облизывая пересохшие губы. Как бы обратить это в победу? "Это все в соответствии с планом. Это просто.."

"Я знаю тебя, Грендаль. И я чувствую твой ужас."

Она зажмурила глаза.

"Месана пала." прошелестел Шайдар Харан. "Трое Избранных уничтожены из-за твоих действий. Нагромождения планов, хитросплетений неудач и вообще некомпетентности.

"Я никак не причастна к провалу Месаны!"

"Никак?! Грендаль, там был Шип Снов. Те, кто был с Месаной говорят, что не могли перемещаться, чтобы заманить Айз Седай в нужное место и захлопнуть ловушки. Они не должны были сражаться внутри Белой Башни. Они не могли уйти. Из-за тебя."

"Изам.."

"Твой инструмент - твой провал, Грендаль."

Она снова облизала губы. Во рту пересохло. Должен быть выход. "У меня есть лучший план, более смелый. Вы будете впечатлены. Ал'Тор думает, что я мертва, поэтому я могу.."

"Нет." Такой тихий голос, но столь ужасающий. Грендаль поняла, что не может говорить. Что-то забрало ее голос. "Нет", повторил Шадар Харан и продолжил: " Эта возможность будет дана другому, но ты, Грендаль, не будешь забыта."

Она подняла глаза, почувствовав надежду. Мертвые губы широко улыбались, взгляд уперся в нее. Ей показалось, что она тонет.

"Нет." сказал Шадар Харан. "Я не забуду, и ты этого не забудешь.."

Она широко распахнула глаза и заскулила, когда он потянулся к ней.

Небо грохотало, трава вокруг Перрина дрожала и была покрыта черными пятнами, также как и в реальном мире. Даже волчий сон умирал.

Воздух был наполнен запахами, не принадлежащими этому месту: горящего огня, засохшей крови, тухлых яиц, дохлого чудища, которого он не мог опознать.

"Нет", подумал он. "Этого не должно быть."

Он напряг волю. Запахи исчезли, замененные ароматами лета: травы, ежиков, насекомых, мха, сизокрылых голубей, пурпурных зябликов. Они нахлынули, сея жизнь вокруг него.

Он стиснул зубы. Изменения реальности разошлись вокруг него подобно волнам. Тьма отступала под напором растительности. Клубившиеся над ним облака, расступились. Солнечный свет полился вниз. Раскаты грома смолкли.

И Прыгун жив, подумал Перрин. Он дожен! Я чувствую запах его шкуры, слышу как он бежит, прыгая, по траве.

Волк появился перед ним, сформировавшись из тумана. Серебристо-серый, поседевший за годы жизни. Перрин радовался

его силе. Это было реальным.

А потом он увидел волчьи глаза. Безжизненные.

Запах стал застаревшим и неправильным.

Увлекшись, Перрин аж вспотел от напряжения. Что-то в нем стало бессвязным. Он воздействовал на волчий сон слишком сильно, абсолютный контроль над этим местом был похож на попытку удержать волка в коробке.

Он закричал, падая на колени. Туманный псевдо Прыгун исчез, тучи затянули небо. Молнии полыхали над ним и черные пятна побили траву. Неправильные запахи вернулись.

Пот капал со лба коленопреклоненного Перрина, одной рукой он опирался на колючую коричнево-черную траву. Слишком жесткая.

Перрин подумал о Фейли в их палатке на Поле Меррилора. Она была его домом. Многое предстояло сделать. Ранд придет, как и обещал. Завтра он увидит Эгвейн. Мысли о реальном мире успокоили Перрина, удерживая его от слишком сильного воздействия на волчий сон.

Он встал. Он мог бы много сделать в этом месте, но всему был предел. Всему всегда есть предел.

Ищи Безграничного. Он объяснит.

Последнее послание Прыгуна. Что оно значит? Прыгун сказал, что Перрин найдет ответы, что Безграничный ему растолкует их? Послание было пронизано болью, потерей и удовлетворением от увиденного. Перрин принял волка внутри себя. Окончательный образ волка гордо прыгнул в темноту. Шкура сверкает, запах определяется.

Перрин послал себя на Джеханнский Тракт. Безграничный часто бывала здесь с остатками стаи. Он достиг места и нашел его:

молодого самца с коричневым мехом и поджарой тушкой. Безграничный дразнил его, послав образ Перрина как быка, топчащего оленя. Другие забыли это, но Безграничный помнил.

Безграничный, послал Перрин. Прыгун сказал, что ты нужен мне.

Волк исчез.

Перрин разбежался и прыгнул на место, где ранее стоял волк - вершину скалы в нескольких лигах от дороги. Он учуял слабенький запах места, куда перенесся волк, и последовал за ним. Открытое место - поле с сараем вдалеке - выглядело гнилостно.

Безграничный, послал Перрин. Волк сел на кучу кустарника неподалеку.

Нет. Нет. Безграничный послал смесь испуга и гнева.

Что я сделал?

Волк растворился, оставив неясные очертания. Перрин зарычал. Он опустился на четвереньки, становясь волком. Юный Бык вел преследование. ветер ревел у него в ушах. Он заставил его разделиться впереди себя, еще больше увеличевая скорость.

Безграничный пытался исчезнуть, но Юный Бык не отставал, появившись среди океана. Он ударил волну, вода затвердела под его лапами, он последовал за Безграничным, не замедлив своего бега.

Безграничный послал каскад образов. Леса. Города. Поля. Перрина, смотрящего на него, стоя снаружи клетки.

Перрин замер, превращаясь снова в человека. Он стоял на вздымающихся волнах, медленно поднимаясь в воздух. Что? В образе Перрин был младше. И Морейн была с ним. Откуда Безграничный..

И тут Перрин узнал. Безраничного всегда можно было найти в Гэалдане в волчьем сне.

Ноам, послал он волку, это в прошлом.

Он ощутил удивление, потом волк исчез из виду. Перрин переместился на место, где стоял Безграничный. Там пахло маленькой деревней, гумном, клеткой.

Перрин появился там. Безграничный лежал на земле между двух домов, глядя на Перрина. Безграничный бел не отличим от других волков, но теперь Перрин стал подозревать как было на самом деле. Это был не волк. Это был человек.

"Безграничный.", произнес Перрин, опускаясь на колено, чтобы заглянуть волку в глаза. "Ноам, ты помнишь меня?"

"Конечно. Ты Юный Бык."

"Я имею ввиду, помнишь ли ты меня прежним, когда мы встретились в другом мире. Ты послал картинку этого."

Ноам открыл пасть, и в ней появилась кость.

Большая бедренная, с остатками мяса на ней. Он лежал на боку и грыз кость. Ты Юный бык, послал он упрямо.

"Ты помнишь клетку, Ноам?" мягко спросил Перрин, посылая изображение. Образ человека, полураздетого, в грязной одежде, которого его семья заточила в самодельную деревянную клетку.

Ноам замер. Его контур дернулся, начав превращаться в человечий. Волчий образ вернулся мгновенно, и он издал низкий рык.

"Не я принес плохие времена, чтобы тебя рассердить, Ноам." сказал Перрин "Я.. Ну, я как ты.."

Я волк.

"Да," сказал Перрин. "Но не всегда."

Всегда.

'Нет" твердо сказал Перрин. "Однажды ты был как я. И думая иначе, ты не делаешь это таким."

"Делаю, Юный Бык," послал Ноам, "делаю."

Это было правдой. Почему Перрина угнетал этот факт? Тем не менее, Прыгул послал его сюда. Почему Безграничный был ответом? Найти его, узнать - это вернуло назад все страхи Перрина. Он заключил мир с самим собой, но тут был человек, который полностью потерял свою человеческую сущность в волчьей.

Это было тем, что пугало Перрина. То что вбило клин между ним и волками. Теперь, когда он преодолел это, зачем Прыгун послал его сюда? Безграничный пах смущением. Кость исчезла, и он лег, положив голову на лапы и глядя на Перрина.

Ноам - его сознание практически исчезло - думал только о том, чтобы вырваться и об убийстве. Он был опасен для окружающих. Ничего из этого не было сейчас. Безграничный выглядил умиротворенным.Когда они освободили Ноама, Перрин боялся, что тот быстро умрет, но он выглядел живым и здоровым. По крайней мере, живым. Перрин не мог достоверно судить о здоровье человека изнутри волчьего сна.

Не смотря на это, ум Безграничного был гораздо лучше. Перрин нахмурился. Морейн говорила, что ничего от сознания человека не осталось в сознании существа.

"Безграничный", сказал Перрин, "Что ты думаешь о мире людей?"

Перрина ударил шквал образов. Боль. Грусть. Умирающий урожай. Снова боль. Большой полупьяный толстяк, избивающий красивую женщину. Боль. Огонь. Страх. Печаль. Бессмысленность.

Перрин откинулся назад. Безграничный продолжал посылать образы. Один за одним.

Могила. Маленькая могилка, как для ребенка. Разгорающийся огонь. Человек - брат Ноама, не выглядящий опасным, Перрин узнал его - в ярости.

Образы наводняли его. Перрин завыл. Это был плач по жизни Ноама, панихида скорби и боли. Неудивительно, что это человек выбрал жизнь волка.

Поток образов оборвался. И Безграничный отвернул голову. Перрин обнаружил, что задыхается.

"Дар." Послал Безграничный.

"Свет!" прошептал Перрин. "Это был выбор, да? Ты выбрал волка умышленно.

Безграничный закрыл глаза.

"Я всегда думал, что это поглотит меня, если я не буду осторожен", сказал Перрин.

"Волк - это покой", послал Безграничный.

"Да.", проговорил Перрин, кладя руку на голову волка. "Я понимаю."

Это был баланс Безграничного. Не такой, как баланс Илайаса. Не такой, как нашел Перрин. Он понимал. Это не означало, что потеря контроля была опасной. Это был последний кусочек к осознанию. Нехвативший кусочек его самого.

"Благодарю тебя", послал Перрин. Образы волка Юного Быка и человека Перрина стояли рядом на вершине холма, их запах был одинаков. Он послал мысль во все стороны, так сильно как мог. Безграничному, волкам неподалеку, всем, кто мог услышать.

Спасибо вам.

"Доваианди се товиа сагайн," произнес Оливер,бросая кости. Они покатились по матерчатому полу палатки. Олвер улыбнулся, когда они остановились. Только черные точки, без волнистых линий или треугольников. Действительно, удачный бросок.

Оливер переместил свою фигуру вдоль матерчатой доски для игры в Змей и Лисичек, которую для него сделал отец. Похоже, что эта доска каждый раз причиняла Оливеру боль, напоминая ему об отце. Но он лишь поджимал губу, чтобы никто не знал об этом. Воины не плачут. И кроме того, когда-нибудь он найдет того Шайдо, который убил его отца. Тогда месть Оливера будет утолена.

Такие вещи делают мужчины, которые являются воинами. Он полагал, что Мэт поможет ему, раз уж он должен закончить все свои дела к Последней Битве. К этому моменту Мэт будет обязан ему не только за всё то время, что Олвер провёл в роли личного посланника Мэта. Ещё за информацию, которую Олвер дал ему о змеях и лисах.

Талманес уселся на стул позади Олвера. Стойкий человек читал книгу уделяя лишь немного своего внимания игре. Он не был таким хорошим игроком, как Ноэл или Том. И сейчас Талманес был отправлен не столько играть с Олвером, сколько присматривать за ним.

Мэт не хотел, чтобы Олвер знал, что он уехал в Башню Гэнджей, не взяв с собой Олвера. Это хорошо, но Олвер был не дурак и он знал, что происходит. Он не был сумасшедшим, совсем нет. Ноэл был хорош, чтобы взять его, и если Мэт мог взять только троих... Что-же, Ноэл мог драться лучше Олвера. ЗОчевидно, был смысл в том, чтобы именно он пошёл.

Но в следующий раз уже Олвер будет делать выбор. И тогда уже Мэт должен будет достоин того, чтобы не остаться не у дел.

"Твой бросок, Талманес", сказал Олвер.

Талманес что-то пробормотал, вытягиваясь, и бросая горсть

игральных костей, не отрываясь от книги. Он был отличным товарищем, лишь немного жестким. Пожалуй, Олвер не выбрал бы его компанию для веселой ночи выпивки и охоты на официанток. Как только он станет достаточно взрослым для всего этого. Он полагал, что будет готов в следующем году или около того.

Олвер передвинул змей и лисичек и взял кости для следующего броска. Он полагал, что это всё. Поблизости было много Шайдо, но он не знал как найти того, кто убил его родителей. Но Элфинн могли ответить на вопросы. Он слышал, как Мэт говорил об этом. Олвер мог получить свои ответы, а затем выследить и прикончить убийцу. Так же просто, как прокатиться верхом. Он просто должен был подготовиться с Отрядом заранее, чтобы сражаться достаточно хорошо, чтобы он смог сделать то, что должно быть сделано.

Он бросил кости. Ещё один отличный бросок. Олвер улыбнулся, передвигая свою фишку обратно в центр доски, наполовину погрузившись в мечты о том дне, когда он сможет наконец отомстить, как должно.

Он передвинул свою фигуру еще через одну линию, и замер.

Его фигура была в самом центре доски.

"Я выиграл!" воскликнул он.

Талманес поднял глаза и присвистнул. Он наклонил голову, в изумлении осматривая доску. "Сожги меня Свет," пробормотал он. Должно быть мы неверно считали или..."

"Неверно считали?"

"Я имею ввиду..." удивленно посмотрел Талманес "Ты не можешь выиграть. В этой игре невозможно победить. Это просто невозможно".

Это было невероятно.С какой стати Олверу играть, если одержать победу невозможно? Он улыбался, глядя поверх доски. Змеи и лисы находились на расстоянии одного броска до его фигуры. Но на этот раз он добился перекрытия всех путей к внешней границе кольца и обратно. Он выиграл.

Отлично. Он было начал думать, что никогда не справится с этим!

Олвер встал, разминая ноги. Талманес поднялся со стула, присев на корточки рядом с игровым полем и почесывал голову, дым лениво поднимался с конца трубки.

"Я надеюсь, Мэт скоро вернется" Сказал Олвер.

"Уверен, что он вернется," сказал Талманес. "Задание Ее Величества не должно бы потребовать много времени." Это была ложь, которую они говорили Олверу - что Мэт, Том и Ноэл уехали по какому-то секретному поручению Королевы. Хорошо, это ещё

одна причина, по которой Мэт будет обязан ему. Честно говоря, Мэт иногда бывал таким строгим, ведя себя так, словно Олвер не мог сам позаботиться о себе.

Олвер покачал головой, прогуливаясь к краю палатки, где лежала кипа бумаг Мэта, ожидавшая его возвращения. Там, между двумя из них, Олвер заметил нечто интересное. Намного красного как кровь. Он протянул руку, вытягивая письмо из-под двух листов бумаги. Оно было запечатано капелькой воска.

Олвер хмурился, вертя в руках письмо с мелким почерком. Он видел, что Мэт беспокоился из-за письма. Почему он не открыл его? Это было совершенно неучтиво. Сетталь упорно пыталась объяснить уместность этого Олверу, но большинство сказанного ею было бессмыслицей- он ей кивал ей лишь только для того, чтобы она позволяла ему прижиматься к ней- он был уверен, что нужно открывать письма, присланные тебе, затем любезно отвечать на них.

Он снова повернул письмо, затем пожал плечами и сломал печать. Олвер был личным курьером Мэта, по официальным и всем остальным делам. Это было не удивительно, Мэт иногда забывал некоторые вещи, и работа Олвера заключалась в том, чтобы заботиться о нем. Теперь, когда Лопина не стало, Мэт нуждался в особенной заботе. Это была одна из причин, по которой Олвер остался с Отрядом. Он не был уверен, что Мэт сможет обойтись без него.

Он развернул письмо и вынул оттуда небольшой плотный лист бумаги. Он нахмурился, пытаясь разобрать слова. Чтение давалось ему довольно легко, благодаря Сетталь, но некоторые слова вызывали у него затруднения. Он почесал в затылке. "Талманес", сказал он, "Возможно, тебе следует прочитать это."

"Что ты делаешь?" Мужчина оторвал взгляд от игры. "Прекрати, сейчас же! Олвер, что ты делаешь? Это письмо не должно быть открыто!" Мужчина поднялся, направляясь к Олверу, чтобы забрать бумагу из его рук..

"Но - " начал Олвер.

"Милорд Мэт не открывал его", сказал Талманес. "Он считает, что прочитав его, мы окажемся втянутыми в политически игры Белой Башни. Он ждал все эти недели! Теперь посмотри, что ты натворил. Интересно, сможем ли мы его засунуть обратно внутрь....."

"Талманес," сказал настойчиво Олвер. "Я думаю, это важно"

Талманес колебался. Казалось, он сейчас разорвется. Затем он поднес письмо к свету, чтобы было лучше видно. Он читал быстро, словно воришка утаскивающий еду у уличного торговца и запихивающий ее сразу в рот, пока его не обнаружили.

Талманес прошептал проклятие себе под нос. Но прочел письмо снова и выругался громче. Схватив меч, он выскочил из палатки. Письмо осталось лежать на полу.

Олвер просмотрел его снова, произнося слова, которые он не понял сразу.

Мэтрим,

Если ты читаешь это, значит, я мертва. Я планирую вернуться и освободить тебя от клятвы в течении дня. Моя следующая задача может вызвать много осложнений и есть большая вероятность, что я не выживу. Я должна знать, что я оставила кого-то, кто увидит эту работу сделанной.

К счастью, есть одна вещь на которую я, как мне кажется, могу положиться. Твое любопытство. Полагаю, ты выждал несколько дней, прежде, чем открыть это письмо, чего было бы достаточно для моего возвращения, если бы я смогла. Таким образом, эта миссия ложится на тебя.

В Кэймлине есть Путевые Врата. Охраняются, забрикадированы и считаются засекреченными. Это не так.

Огромное войско отродий Тени двигается по путям к Кеймлину. Я не знаю, когда они вышли, но полагаю, что еще есть время, чтобы остановить их. Ты должен встретиться с королевой и убедить ее уничтожить врата. Это должно быть сделано, укрепление врат не поможет. Если вы не сможете уничтожить их, королева должны привести все ее силы для охраны этого места.

Если ты потерпишь неудачу, я боюсь, что Кеймлин падет до истечения этого месяца.

С уважением, Верин Матвин.

Олвер потер подбородок. Что такое Путевые Врата? Ему казалось, что он слышал, как Мэт и Том говорили о них. Он взял письмо и вышел из палатки.

Талманес стоял у палатки, глядя на восток. В сторону Кеймлина.

Красный туман висел на горизонте, и зарево освещало город. Ярче, чем в предыдущие ночи.

"Свет, сохрани нас", прошептал Талманес. "Это пожары. Город горит." Он встряхнул головой, как будто очищал ее, и кинул клич. "К оружию! Троллоки в Кеймлине! Война в городе! К оружию, воины! Чтоб я сгорел, мы должны пробраться в город и спасти тех драконов! Если они попадут в руки Тени, нам всем конец!"

Олвер выпустил письмо из рук, распахнув глаза. Троллоки в Кеймлине? Это было как Шайдо в Кайриене, только хуже.

Он поспешил в палатку Мэта, спотыкаясь о ковер и бросился на колени возле своего спального тюфяка. Он поспешно потянул за застежку на нем. Когда он раскрыл его, оттуда начала

выпирать шерсть, набитая внутрь.Он нашел его и вытащил наружу, нож, который он там спрятал.Он был завернут в кожу. Он стащил его у одного из управляющих Отряда, Бергевина, когда тот не смотрел.

После Кайриэна Олвер поклялся себе, что больше никогда не поведет себя, как трус. Он схватил большой нож обеими руками так, что костяшки побелели, затем выскочил из палатки.

Настало время битвы.

Баррига споткнулся, когда проползал мимо ствола упавшего дерева. Кровь капала со лба на траву, и темные пятнистые листья крапивы впитывали его кровь. Он поднял дрожащую руку ко лбу. Повязка была хоть выжимай.

Нет времени останавливаться. Нет времени! Он заставил себя встать на ноги, и поспешно бросился сквозь бурый синеголовник. Он старался не смотреть на темные пятна на растениях. Запустение, он вошел в Запустение. Но что еще он должен был делать? Троллоки бушевали на юге; все башни пали. Сам Кандор пал.

Баррига споткнулся и упал на землю. Он стонал, переворачиваясь и задыхаясь. Он находился во впадине между двумя холмами, к северу от Башни Хис (Heeth). Его когда-то прекрасная одежда - богатый бархатный кафтан и жилет - порвались и окрасились кровью. От него пахло дымом, и когда он закрывал глаза, то видел Троллоков. Нахлынувших на его караван, убивая его слуг и солдат.

Они все пали. Тум, Ян. . . оба умерли. Свет, все они были мертвы.

Баррига вздрогнул. Как он пришел к этому? Он же был всего лишь торговцем. Я должен был послушаться Ребек, подумал он. Позади него от Башни Хис поднимался дым. Это было место, откуда шел его караван. Как же это могло случится?

Он должен двигаться дальше. На восток. Он доберется до Арафела. Другие страны Порубежья, возможно, еще не пали, не так ли?

Он взобрался по склону, руками раздвигая перед собой короткую скрученную души-лозу. Похожую на червей между его пальцами. Его голова начала кружиться. Он достиг вершины холма; мир завертелся. Баррига рухнул, кровь сочилась сквозь его повязку.

Нечто двигалось перед ним. Он моргнул. Те тучи над головой были бурей. Прямо к нему со скользящей грацией приближались три фигуры, одетые в черное и коричневое. Мурдраалы!

Нет. Он сморгнул слезы и кровь с глаз. Нет, это не были Мурдраалы. Это были люди, носившие красные вуали на лицах.

Они шли пригнувшись, изучая местность, и несли короткие копья за спиной.

"Хвала Свету," прошептал он. "Айил". Он был в Андоре, когда пришел Ранд ал'Тор. Все знали, что Айил следуют за Возрожденным Драконом. Он приручил их.

Я спасен!

Один из Айил подошел к Барриге. Почему вуаль человека красная? Это было необычно. Темные глаза айильца были тусклыми и жесткими. Он убрал вуаль и показал улыбающееся лицо.

Зубы мужчины были заостренными. Его улыбка растянулась, и он плавным движением вытащил нож из-за пояса.

Баррига икнул, глядя на ужасную пасть и ликование в глазах человека, когда он достиг его, чтобы убить. Это были не Айил. Это было что-то другое.

Что-то страшное.

Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, спокойно сидел в своем сне. Он вдыхал освежающий морозный воздух. Белые облака мягко плавали вокруг него, целуя кожу своим дыханием.

Его престолом на ночь был плоский валун на склоне горы; он смотрел сквозь облака на узкую долину. Это не было реальным местом. Это не было даже Миром снов, тем местом, где он сражался с Отрекшимися, и которое было очень опасным, как ему говорили.

Нет, это был один из его обычных снов. Теперь он мог их контролировать. В этом месте, защищенном стражем, он мог найти покой для раздумий, пока его тело спало рядом с Мин в их новом лагере в окружении Порубежников, стоявших на Поле Меррилора. Эгвейн была там, вместе с выстроившимися армиями. Он был готов к этому. Он рассчитывал на это.

Назавтра они услышат его требования. Он не будет требовать удержать его от того, чтобы сломать печати – он собирался сделать это независимо от того, что скажет Эгвейн. Нет, он собирался потребовать от правителей мира повернуть на Шайол Гул, чтобы встретиться с Темным.

Он не был уверен, как поступит, если они откажутся. Они обнаружат, насколько трудно будет так сделать. Иногда бывает полезным иметь репутацию непредсказуемого.

Он глубоко и умиротворенно вдохнул. Здесь, в его снах, луга зеленели. Так, какими он запомнил их. В этой безымянной долине, защищенной Горами Тумана, он начал путешествие. Не первое и не последнее, но возможно – самое важное. Одно из самых болезненных, так наверняка.

- И теперь я возвращаюсь, - прошептал он. – Я снова

изменился. Человек все время меняется.

Он чувствовал целостность, возвращаясь сюда, в место, где он впервые столкнулся с убийцей внутри себя. Где первый раз попытался сбежать от тех, с кем должен держаться рядом. Он закрыл глаза, наслаждаясь спокойствием. Тишиной. Гармонией.

Вдалеке он услышал крики боли.

Ранд открыл глаза. Что это было? Он встал, разворачиваясь. Это место было создано его собственным разумом, защищенное и безопасное. Это не могло…

Крик повторился. Издалека. Он нахмурился и поднял руку. Пейзаж вокруг него исчез, рассеиваясь туманом. Он стоял в черноте.

Там, подумал Ранд. Он был в длинном коридоре, отделанном панелями темного дерева. Ранд пошел по нему, стуча сапогами. Это пошатнуло его мир. Кто-то страдал. Нуждался в нем.

Ранд побежал. Он достиг дверного проема в конце коридора. Красновато-коричневое дерево было шишковатым и рубцеватым, как толстые корни древнего дерева. Ранд схватился за ручку – просто еще один корень – и рывком распахнул дверь.

Просторная комната за ней была безупречно черной, лишенной света, как пещера глубоко под землей. Комната, казалось, высасывает и поглощает свет. Голос кричал оттуда. Он был слабым, как будто задушенный тьмой.

Ранд вошел. Тьма поглотила его. Она вытягивала из него жизнь, словно сотни пиявок сосали кровь из его вен. Он продолжал двигаться вперед. Он не смог определить направление криков, так что двинулся вдоль стен; они походили на кость, гладкую, но время от времени, треснувшую.

Комната была круглой. Словно он стоял в чаше огромного черепа.

Там! Слабый свет впереди, одинокая свеча, освещавшая пол из черного мрамора. Ранд бросился прямо к ней. Да, там была фигура. Съежившаяся у стены из белой кости. Женщина с серебристыми волосами, одетая в тонкую белую сорочку.

Сейчас она плакала, ее тело содрогалось и трепетало. Ранд опустился на колени рядом с ней, свеча замерцала от его движения. Как эта женщина поникла в его сон? Была она реальной или порожденной его разумом? Он положил руку ее на плечо.

Она взглянула на него покрасневшими глазами, с гримасой боли на лице, слезы капали с подбородка.

- Пожалуйста, - умоляла она. – Пожалуйста. Он завладел мной.

- Кто ты?

- Ты знаешь меня, - прошептала она, схватив его руку и прильнув к ней. – Мне жаль. Мне так жаль. Он получил меня. Он заново сдирает кожу с моей души каждый вечер. О, прошу! Прекрати это.

Слезы полились еще сильней.

- Я не знаю тебя, - сказал Ранд. – Я…

Эти глаза. Эти прекрасные страшные глаза. Ранд вздохнул, отпустив ее руку. Лицо было другим. Но он узнал душу.

- Майрин? Ты мертва. Я видел, как ты умерла!

Она покачала головой.

- Хотела бы я умереть. Я хочу этого. Пожалуйста! Он перемалывает мои кости, ломает как прутья, а потом оставляет умирать прежде, чем Исцелить ровно настолько, чтобы поддерживать во мне жизнь. Он…

Женщина осеклась, вздрогнув.

- Что такое?

Ее глаза широко распахнулись, и она вжалась в стену.

- Нет! – закричала она. – Он идет! Тень в разуме каждого человека, убийца истины. Нет!

Она извивалась, пытаясь дотянуться до Ранда, но что-то тащило ее назад. Стена исчезла, и она провалилась во тьму.

Ранд прыгнул вперед за ней, но слишком поздно. Он мельком увидел ее прежде, чем она пропала в темноте внизу.

Ранд замер, уставившись в этот провал. Он искал спокойствие, и не мог найти. Вместо этого он чувствовал ненависть, беспокойство и – словно шипящую гадюку внутри себя, - желание. Это была Майрин Иронайле, женщина, которую он некогда называл леди Селин.

Женщина, которую большинство знало по имени, взятом ей самой. Ланфир.

Жесткий, сухой ветер дул в лицо Лану, смотрящему вниз на искаженный пейзаж. Тарвиново Ущелье было широким проходом, скалистым, с испорченной Запустением травой. Это когда-то была часть Малкир. Он снова был дома. В последний раз.

Множество троллоков расположилось по другую сторону Ущелья. Тысячи.

Десятки тысяч. Возможно, сотни тысяч. Несомненно в десятки раз больше, чем то количество людей, которых Лан собрал в течение своего похода по Порубежью. Как правило, люди сдерживали свою сторону Ущелья, но Лан не смог бы этого сделать.

Он прибыл наступать, отвоевать Малкир. Андрэ ехал верхом рядом, слева, юный Кейсил Кандорский- справа. Он чувствовал что-то, отдаленное, которое недавно давало ему силу. Связь

изменилась. Эмоции изменились.

Он все еще мог чувствовать Найнив, столь замечательную, заботливую и страстную, где - то на окраине своего сознания. Ему было больно осознавать, что его смерть принесет страдание ей, а не другой. Однако, эта близость- последняя близость- давала ему силу.

Горячий ветер, казался слишком сухим, пах пылью и грязью, и вызывал слезы на глазах, заставляя их мигать.

"Это правильно, " сказал Кайсел.

"Что?" спросил Лан.

"То что мы должны ударить по ним здесь."

"Да," сказал Лан.

"Возможно," сказал Кайсел. "Но это смело. Это показывает Тени, что мы не будем бить исподтишка, что мы не сгибаемся перед ней. Это ваша земля, милорд Мандрагоран".

Моя земля, подумал он. Да, так и было. Он толкнул Мандарба вперед..

"Я - ал'Лан Мандрагоран," проревел Лан. "Повелитель Семи Башен, Защитник Рубежей Первого Огня, Владелец Меча Тысячи Озер! Одно время меня называли Аан'аллейн, но я отвергаю этот титул, потому что я больше не одинок. Страшись меня, Тень! Страшись меня и знай. Я возвращаю то, что принадлежит мне. И хоть я и король без земель. Но я все еще король!"

Он кричал, держа над головой свой меч. И возгласы одобрения раздавались позади него. Он послал заключительное сильнейшее ощущение любви к Найнив и в то же время ударил пятками Мандарба в бока, пуская в галоп.

Его армия двинулась за ним, каждый верхом - армия кандорцев, арафелинцев, шайнарцев и салдейцев. Но большиство - малкири. Лан не был бы удивлён, если он не привёл каждого живущего человека из его бывшего королевства, способного держать оружие.

И они скакали, крича, размахивая мечами, опустив копья для атаки. Копыта их были громом, голоса их - удары волн, гордость их - сильнее, чем ослепляющее солнце. Их силы были двенадцать тысяч. И выступили они против по крайней мере ста пятидесяти тысяч.

Этот день будет вспоминаться с почтением, думал Лан, мчась вперед во весь опор. Последняя Атака Золотого Журавля. Закат Малкири.

Конец приближался. Они встретят его с обнаженными мечами.

И прошло известие, что стены темницы Величайщего станет

слабее, как члены тех, кто создал её. И снова Его мощь смажет Узор и Великий Господин протянет руку свою, чтобы потребовать то, что Его по праву. Мятежные народы станут бесплодными, а детей их заставят рыдать. Не будет никого, кроме Него и тех, кто отдал сердце своё Его величеству.

В тот день, когда Одноокий Шут посетит коридоры скорби и Первый Среди Сброда поднимет свою руку, чтобы принести Свободу Тому, кто был Уничтожен, придут последние дни гордости Падшего Кузнеца. Да, и Битый Волк, известный как Смерть, падет и будет уничтожен Башнями Полуночи. И его поражение принесет ужас и страдания в сердца людей и весьма поколеблет их устремления.

И тогда придет Повелитель Вечера. И Он завладеет глазами нашими, чтобы наши души склонились перед Ним, и Он завладеет кожею нашей, чтобы наши тела стали служить Ему, и Он завладеет губами нашими, чтобы только Его мы прославляли. И Повелитель Вечера столкнется с Поверженным Победителем, и прольет кровь его и принесет нам Тьму, что так прекрасна. Да возопите же, о последователи Тени. Молите о погибели!

- из Пророчеств Тени.

Конец тринадцатой книги

Колесо Времени